

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

**THIS VOLUME FROM THE
HARVARD COLLECTION OF
BOOKS ON THE FINE ARTS IS
THE GIFT OF PROFESSOR
PAUL J. SACHS OF THE CLASS OF 1900,
OF THE FOGG MUSEUM OF ART**

ПРОШЛЕИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

ПОДАВАЕМЫЙ

П. Леонтьевымъ.

КНИГА IV.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1854.

PRINTED IN RUSSIA

Class 458.56
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
PAUL JOSEPH SACHS
JUN 18 1930

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва. Юня 1-го дня 1854 года.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

Декабря 31-го дня 1854 года.

Ценсоръ М. Похвисневъ.

**ПАМЯТИ
ОСНОВАТЕЛЕИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА
БЛАГОГОВѢИНО
ПОСВЯЩАЕТЪ
ИЗДАТЕЛЬ.**

О Г Л А В Л Е Н И Е.

страниц.

Иліада Пѣснь первая и отрывки второй. Переводъ <i>В. А. Жуковскаго</i> (съ особою пагинаціей).	
Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи <i>Д. Л. Крюкова</i>	1
Фасты Овидія <i>П. А. Безсонова</i>	81
Антоній и Клеопатра <i>И. К. Бабста</i>	165
Бракъ и свадебные обряды древнихъ Римлянъ <i>П. В. Тихановича</i> .	209
Древности Томи <i>П. В. Беккера</i>	255
Филебъ, діалогъ Платона <i>А. И. Менщикова</i>	311
Диогенъ Киникъ <i>Геттлинга</i>	350
Древняя Синопа <i>Издателя</i>	369
Два письма Стемповскаго о мѣстоположеніи древняго Танаиса..	387
Разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ <i>Издателя</i>	397
Разысканія въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя <i>графа А. С. Уварова</i>	525
О керченскихъ гробинцахъ <i>А. С. Ливевича</i>	537
Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русскій языкъ <i>М. Н. Каткова</i>	551
Римскія Пантомимы <i>Н. М. Благовъщенскаго</i>	563
Воспоминаніе о Шеллингѣ.....	583
Объяснительныя замѣчанія къ письмамъ изъ Рима и Неаполя <i>А. А. Авдѣева</i> .	

ИЛІАДА

(ПѢСНЬ ПЕРВАЯ И ВТОРОЙ ПѢСНИ СТ. 494 — 718).

Переводъ В. А. Жуковскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сообщая публикѣ эту литературную драгоценность, предпосылаемъ слѣдующее извѣстіе, доставленное П. И. Б—нымъ:

«Еще въ 1828 году, до изданія перевода Гнѣдича, Жуковскій перевелъ *Отрывки изъ Илиады* и напечаталъ ихъ въ *Съверныхъ Цвѣтахъ*, альманахѣ, изданномъ на 1829 годъ барономъ Дельвигомъ. Тамъ эти отрывки, перепечатанные потомъ въ полномъ собраніи сочиненій Жуковского, появились съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій погречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкіе переводы Илиады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненіе съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный языкъ его; здѣсь, такъ сказать, отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные *курсивомъ*, принадлежатъ самому переводчику: они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Илиады и заимствованныхъ изъ VI, XVII, XVIII, XIX и XX пѣсней.» Въ шестистахъ стихахъ этого перевода рассказаны: знаменитое прощаніе Гектора съ Андромахою, битва за трупъ Патрокла, скорбь Ахиллеса о потибшемъ другѣ, его свиданіе съ богинею-матерью, освобожденіе Патроклова трупа вслѣдствіе появленія Ахиллеса и его троекратнаго крика, плачь Ахиллеса, его вооруженіе божественными доспѣхами и разговоръ съ коняни, наконецъ верховный совѣтъ боговъ и страшное ихъ участіе въ битвѣ. Упоминаемъ объ этомъ переводѣ, дабы читатели могли сравнить его съ нѣмъ появляющимся.

«Въ 1847 г., работая надъ окончаніемъ Одиссея, Жуковскій задумывалъ перевести Иліаду. Такъ говоритъ онъ объ этомъ въ одномъ письмѣ къ П. А. Плетневу: «Приходило въ голову, и не разъ, искушеніе приняться за Иліаду, дабы оставить по себѣ полного собственнаго Гомера. Мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, и потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева всѣ стихи, имѣ лучше меня переведенные (въ чемъ разумѣется признаться публикѣ). Такимъ образомъ два труда слились бы въ одинъ — но не по лѣтамъ мнѣ приниматься за такой долговременный трудъ, который овладѣлъ бы всею душою, и отвлекъ бы ее отъ важнѣйшаго — отъ сборовъ въ другую дорогу.» Но переводя Одиссею, онъ такъ свыкъся съ Гомеромъ, такъ полюбилъ его, что ему жалко было съ нимъ разставаться. «Мнѣ стало грустно, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, что прелесть труда для меня миновалась; нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ созданіи поэтическомъ, самое сладостное для поэта есть самый актъ созданія, и что *продолженіе* работы усладительнѣе самого ея *совершенія*.» И вотъ, только что отправивъ свою Одиссею въ Россію, шестидесятишестилѣтній старецъ принимается за Иліаду. Она начата $\frac{1}{4}$ окт. 1849 года, въ Баденъ-Баденѣ, какъ значится на черновой тетради покойника. Онъ началъ со второй пѣсни, которая показалась ему труднѣе первой, и именно ему хотѣлось поскорѣе кончить перечень кораблей. Переведши нѣсколько первыхъ стиховъ, онъ бросилъ ихъ и принялся за каталогъ кораблей. Изъ начала же второй пѣсни можно разобрать въ черновой тетради только слѣдующіе стихи:

Боги другіе и мужи, коней обуздатели, снали
 Мирно всю ночь, но отъ Зевса спокойствіе сна убѣгло.
 Сердцемъ колеблясь, онъ мыслилъ о томъ, какъ воззвать Ахиллеса.
 Честь истребленъемъ Ахейя при ихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ.
 Вотъ что, размысливъ, нашелъ напоследокъ онъ самымъ удобнымъ—
 Къ богу сна обратился и бросилъ крылатое слово Кроніонъ:
 Богъ сповидѣнья, лети къ кораблямъ крѣпкозданнымъ Ахейя;
 Въ царскій шатеръ Агамемнона сына Атревса вшедши,
 Все то ему повтори, что теперь отъ меня ты услышишь.

«Каталогъ кораблей переведенъ во второй половинѣ октября 1849 года (отъ 17-го по 29-е); Жуковскій переводилъ стиховъ по 20 въ день, какъ значится въ его тетради: множество другихъ занятій и преимущественно педагогическія работы надолго отвлекли его отъ начатаго перевода. Не раньше какъ въ началѣ августа 1850 года онъ снова принялся за него, и въ три недѣли перевелъ всю первую пѣснь. На шестомъ десяткѣ литературной дѣятельности онъ сохранилъ въ трудахъ своихъ всю юношескую горячность, и принявшись за дѣло, долго не могъ оторваться отъ него: такъ и этия переводомъ второй пѣсни онъ занимался почти ежедневно три недѣли сряду. Сборы на родину и новые труды опять отвели его отъ Иліады. Но онъ не покидалъ намѣренія продолжать работу, и уже слѣпой, вотъ что писалъ о

томъ въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 25 авг. ст. ст. 1851 г.: «Если Богъ позволить окончить ее (поэму «Странствующій Жидъ»), примусь за другое дѣло — за *Иліаду*. У меня уже есть точно такой нѣмецкій переводъ, съ какого я перевелъ *Одиссею*; и я уже и изъ *Иліады* перевелъ двѣ пѣсни. Но во всю прошедшую зиму и весну я не принимался за эту работу; я былъ занятъ составленіемъ моего педагогическаго курса; нынѣшнюю зиму этой работой заняться не могу: глаза не позволяютъ. Для *Иліады* же найду нѣмецкаго лектора, онъ будетъ читать стихъ за стихомъ. Я буду переводить и писать съ закрытыми глазами*, а мой камердинеръ будетъ мнѣ читать переводъ, поправлять его и переписывать. И дѣло пойдетъ какъ по маслу!» Но ему не суждено было окончить и главнѣйшихъ занятій — педагогическаго курса и «Странствующаго Жидъ». Онъ скончался 12 апрѣля 1852 года.

«И такъ, въ предлагаемомъ переводѣ читатель долженъ видѣть не болѣе какъ начало большого труда, которое авторъ едва выправилъ и которое слѣдовательно еще не было приготовлено для печати. Чтобы дать образчикъ нѣмецкаго перевода, который, по незнацію греческаго языка, служилъ ему вмѣсто подлинника, приводимъ начало первой пѣсни:

Den Groll singe, Göttin, des Peliden Achilles,
Den verderblichen, welcher zehntausend (unzählige) den Achäern Schmerzen
gesetzt hat,

Viele aber starke Seelen dem Hades zugeschickt hat
Der Helden, dieselben aber als Beute bereitet hat den Hunden
Den Raubvögeln und allen: des Zeus aber wurde vollendet der Wille —
Seit dem nun zum ersten Male beide sich auseinander stellten gestritten habend,
Der Atride sowohl, der König der Männer, als auch der göttliche Achilles.

Г. профессоръ Фишингеръ перевелъ такимъ образомъ всѣ двадцать четыре пѣсни *Иліады*.

«Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ, напомнивъ читателю о томъ, что сказано было Жуковскимъ въ предисловіи къ *Одиссеѣ* вообще о переводѣ Гомера, привести слѣдующія строки изъ письма его къ П. А. Плетневу: «Я, русскій паукъ, прицѣпился къ хвосту орла-Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокий утесъ — и тамъ въ недоступной трещинѣ соткалъ для себя пріютную паутину. Могу похвастаться, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ (переводъ *Одиссеи*) совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ было подѣлиться повѣстическимъ праздникомъ. Одинъ былъ у меня нѣмой свидѣтель — гипсовый бюстъ Гомеровъ, величественно смотрѣвшій на меня съ печи моего кабинета».

* Помощію изобрѣтенной имъ машинки.

Рукопись, по которой сдѣлано настоящее изданіе, списана рукою камердинера съ упомянутой выше черновой тетради. Она написана красивымъ и четкимъ почеркомъ и состоитъ изъ двухъ тетрадей, in 4°. Въ первой тетради заключается первая пѣснь Илиады. Здѣсь мѣста, не разобранныя переписчикомъ, внесены до 419 стиха рукою Жуковского, очень четко и чернилами (отчасти по карандашу); одновременно съ этимъ сдѣланы нѣкоторые поправки, также рукою Жуковского, столько же четко и также чернилами. Эти поправки не многочисленны. Въ остальной части тетради слова первоначально не разобранныя вписаны рукою камердинера, другими чернилами, причемъ также сдѣланы нѣкоторые переѣмы въ переводѣ, конечно по приказанію Жуковского. Послѣ того камердинеръ еще разъ перечитывалъ рукопись Жуковскому и отмѣчалъ крестами стихи не правившіеся. Такіе стихи отчасти передѣланы при вторичномъ пересмотрѣ рукописи. Жуковскій сдѣлалъ въ этотъ разъ гораздо болѣе исправленій, но они идутъ только до 218 стиха. Они писаны карандашомъ, и почеркъ показываетъ, что онъ писалъ съ закрытыми глазами помощью машинки. Нечеткія слова подправлены рукою камердинера только до 60-го стиха. По этому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принятое нами чтеніе можетъ подлежать сомнѣнію. Чтобы сложить съ себя отвѣтственность, представляемъ факсимиле сомнительныхъ словъ:

ст. 60 только *ωβηω*

ст. 82 покуда себя *поудка еса*

ст. 83 ты *нн*

ст. 101 пространнодержавный *пертнодуковн*

ст. 156 покрытыя тѣнистымъ лѣсомъ (по гр. *οκίεργα*)

покротливн нтс

Въ ст. 171 поправка, сдѣланная карандашомъ, такъ неразборчива, что надобно было оставить стихъ какъ онъ первоначально переведенъ. Въ этомъ стихѣ слова «оскорбившій меня» зачеркнуты и наверху написано:

δενε με «скопишь» также зачеркнуто и вмѣсто того написано:

εδενε Ζαο βλιν Первой поправки рѣшительно не удалось разобрать; вторая очевидно измѣняетъ конецъ стиха слѣдующимъ образомъ: «яи добычь, ни богатствъ не сберешь, злой обидчикъ.»

Гдѣ было менѣе мѣста сомнѣнію, тамъ мы сдѣлали нужныя исправленія. Такъ въ поправку стиха 32 мы вставили «ты», въ поправку стиха 128 «яамъ», оба раза изъ перваго перевода. Въ стихѣ 62 Жуковскій забылъ зачеркнуть

«иль» передъ словоиъ «пророка», въ ст. 610 велѣлъ приписать «обычно» вм. «завсегда», но или самъ или камердинеръ забылъ вычеркнуть «завсегда» передъ словоиъ «отдыхалъ». Исправляя стихъ 118, Жуковскій написалъ карандашемъ «отъ за убытокъ», и очевидно пропустилъ слово «вась», которое нами и вставлено. Стихи 45 f и 452 исправлены нами по стихамъ 37 и 38. Исправлены наконецъ очевидныя описки переписчика, между которыми назовемъ болѣе важныя. Нами издано въ ст. 120 «иною» вм. «миѣ», въ ст. 133 «богато» вм. «богами», въ ст. 138 «или на часть» вм. «иль на часть», въ ст. 248 «вѣтязъ пилійскій» вм. «пилійскій вѣтязъ», въ ст. 589 «того» вм. «то». Можетъ быть въ ст. 163 слѣдуетъ читать «вѣдь» вм. «здѣсь», но это предположеніе мы остереглись внести въ текстъ.

Вторая тетрадь послѣ шести бѣлыхъ листовъ начинается на оборотѣ седьмаго листика 494 стихомъ второй пѣсни и заключаетъ въ себѣ переводъ слѣдующихъ за тѣмъ стихомъ до 718-го. Она просмотрѣна Жуковскимъ только до 590 стиха; поправки сдѣланы карандашемъ. Въ остальной части тетради даже слова неразобранныя камердинеромъ остались не вписанными, тѣмъ менѣ исправлены многочисленныя ошибки въ собственныхъ именахъ, безпрестанно встрѣчающихся въ этой пѣсни. Всѣ очевидныя ошибки поправлены нами, и ореографія собственныхъ греческихъ именъ приведена къ правильной формѣ, гдѣ только неправильность могла происходить отъ писца; впрочемъ однообразіе требовало небольшихъ переменъ (въ буквахъ) и въ такихъ собственныхъ именахъ перевода, которыхъ форма могла быть приписана самому Жуковскому. Изъ пропущенныхъ переписчикомъ словъ мы вставили въ ст. 592 «Алеей», 606 «вѣтровъ» 628 «Филея» (въ концѣ стиха), 648 «Фестъ», 660 «грады», 696 «Деметръ».

Замѣтимъ въ заключеніе, что развѣ только первые 40 стихомъ первой пѣсни можно разсматривать, какъ окончательно выправленные. Слѣдующіе за тѣмъ стихи до 218 пересмотрѣны два раза, а остальная часть перевода или пересмотрѣна однажды или вовсе не пересмотрѣна. Мы считали обязанностию позаботиться сколько возможно о томъ, чтобы наше изданіе носило на себѣ характеръ рукописи, съ которой оно сдѣлано, и чтобы каждый читатель могъ видѣть, что имѣетъ передъ собою переводъ еще не вполне приготовленный для печати. Мы не полагали ни необходимымъ, ни уиѣстнымъ идти въ этомъ отношеніи уже слѣшкомъ далеко и каждый разъ сообщать въ примѣчаніяхъ, черезъ какой рядъ передѣлокъ прошли трудныя стихи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Жуковскій по видимому колебался между тѣмъ, что было написано прежде, и тѣмъ, что приходило ему въ голову при пересмотрѣ рукописи; такъ можно полагать относительно если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ такихъ стихомъ, гдѣ поправка сдѣлана, но старое не зачеркнуто. Въ этихъ мѣстахъ мы внесли въ текстъ поправку, а слова перваго перевода приводимъ внизу.

Много стиховъ, требующихъ переклада, остались неисправленными. Намъ казалось нужнымъ отбѣтить тѣ изъ нихъ, которые самъ Жуковский уже думалъ исправить. Мы уже упомянули, что камердинеръ его, пересчитывая переводъ Жуковскому, ставилъ кресты у тѣхъ стиховъ, которые ему не нравились, и что не всѣ изъ стиховъ, отбѣченныхъ крестами, исправлены Жуковскимъ. Всѣ такіе стихи, предложенные къ исправленію, но оставшіеся безъ него, означены звѣздочками въ нашемъ изданіи.

Есть еще съ десятокъ стиховъ, которые были бы навѣрно перекладаны Жуковскимъ. Въ издаваемомъ нынѣ переводѣ встрѣчаются семь пятистопныхъ (I, 246, 295, 425, 454, 534, 607; II, 705) и восемь семистопныхъ стиховъ (I, 95, 429, 474, 490; II, 508, 524, 607, 693); не окончены стихи первой пѣсни 524 и 595 и второй пѣсни 601, 613 и 646; стихи 661 и 662 второй пѣсни вовсе не переведены.

При отбѣнкѣ перевода не слѣдуетъ наконецъ упускать изъ виду того, что Жуковский былъ намѣренъ, окончивъ переводъ *Иліады*, сличить его съ Гѣдичевымъ и устранить стихи, удачнѣе переведенные въ послѣдствѣ.

ИЛІАДА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

- Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій Ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій и вояновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Анда, ихъ трупы оставя на пищу окружнымъ
5 Птицамъ и псамъ, — такъ свершалася воля Кроніона Зевса —
Съ тѣхъ поръ, какъ сильной враждою разрознены были владыки.
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ богоравный.
Кто изъ бессмертныхъ зажегъ въ ихъ груди толь свирѣпую злобу?
Фебъ, сынъ Латоны и Зевса. Атридомъ прогнѣванный, язву
10 Онъ ниспослалъ на ахейскую рать, и безчисленно гибли
Люди, понеже былъ жрецъ Аполлоновъ Хрисесъ недостойно
Сыномъ Атреа обиженъ. Чтобъ выручить дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крепко-
зданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши.
15 Всѣхъ обходилъ онъ Ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Пачежъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ вождями:
Вы, Атриды, и вы, броненосцы Ахеяне, сила
Вѣчныхъ боговъ олимпійскихъ да вамъ низпровергнуть поможетъ
Городъ Пріамовъ и путь вамъ успѣшный устройте въ отчизну;
20 Вы же отдайте мнѣ дочь, за нее многоцѣнный принявши
Выкупъ и сына Зевесова чти, стрѣлоноснаго Феба.
Такъ онъ молилъ: восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили Ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атреа, то было противно;
25 Старца моленье отвергъ онъ и такъ раздраженный примолвилъ:

Если, докучный старикъ, отъ моихъ кораблей крепкозданныхъ
Ты не уйдешь во мгновенье, иль спова дерзнешь подойти къ нимъ,
Жезлъ твой и лавръ Аполлоновъ тебя отъ бѣды не избавятъ.
Дочь же твоя изъ неволи не выйдетъ; до старости поздней

- 30 Въ домъ моемъ, въ отдаленномъ Аргосъ, съ домашними розно,
Будеть работать она и моею наложницей будетъ;
Но удались и меня не гнѣви: иль домой ты отсюда

Цѣль не пойдешь.—Такъ сказалъ онъ: испуганный жрецъ удалился.
Берегомъ моря широкошумящаго молча пошелъ онъ;

- 35 Сталъ въ далекъ отъ судовъ, сокрушенный, и началъ молиться
Фебу царю, свѣтломудрой Латоной рожденному богу:

Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Килы
Свѣтлый предвѣль, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Если тебѣ я когда угодалъ, изукрасивъ священный

- 40 Храмъ твой, и жирныя козъ и быковъ предъ тобою сожегши
Бедра, мое благосклонно услышь и исполни моленье:
Слезы мои отомсти на Данаехъ твоими стрѣлами.

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Гнѣвный поспѣшию сошелъ Аполлонъ съ высоты олимпійской,

- 45 Туль затворенный и лукъ за спиною неся; и ужасно
Стрѣлы гремѣли, стуча о плеча раздраженнаго бога
Въ грозномъ его приближенъ; какъ черная ночь подходилъ онъ.

Свѣтъ на виду кораблей, онъ пустилъ неизбежныя стрѣлы;
Страшно серебряный лукъ завучалъ, разогнувшись. Сначала

- 50 Въ муловъ и вольнобродящихъ собакъ онъ стрѣлялъ, напоследокъ
Горькія стрѣлы свои обращать и на ратныхъ Данаехъ
Началъ: всечасно безчисленны труповъ костры пламенѣли.

Девять ужъ дней облетала погибель весь станъ, на десятый
Созвалъ Пелидъ Ахиллесъ на собранье все войско Ахейнъ.

- 55 Мысли его обратила на то свѣтлорукая Ира:
Въ страхъ богиня была, погибающихъ видя Аргивянъ.
Всѣ собралися они, и собраніе сдѣлалось полнымъ;
Первый, поднявшись, такъ имъ сказалъ Ахиллесъ быстроногія:

Видно, Атридъ, намъ придется опять, избраздивши все море,

- 60 Въ дома свои возвратиться, ежели только удастся
Смерти кому избѣжать; насъ война и чума совокупно
Губять: спросить надлежитъ намъ пророка, жреца, иль какого
Словъ изъяснителя — сны равномерно приходятъ отъ Зевса —

40 предъ тобой сѣмилга

Пусть истолкуетъ онъ, чѣмъ Аполлонъ такъ ужасно прогнѣванъ?
 65 Былъ ли обѣтъ не исполненъ? принесть ли ему, экатому
 Медлимъ? иль жертвенный запахъ отборныхъ козловъ и барановъ
 Долженъ его усладить, чтобъ отъ насъ отклонилась зараза?

Кончивъ, онъ сѣлъ. И тогда поднялся птицевѣдатель зоркій,
 Старецъ Кальхасъ Фесторидъ, изъ вѣщателей самый премудрый:
 70 Вѣдалъ онъ все настоящее; вѣдалъ, что было, что будетъ;
 Даръ звездознанья пріять отъ безсмертнаго сына Латоны,
 Онъ управлялъ и судами Данаевъ, плывущими въ Трою.
 Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ Ахиллесу:

Вѣдать желаетъ, Пелидъ, многославный любимецъ Зевеса,
 75 Чѣмъ раздраженъ далекодпоражающій Фебъ Олимпіецъ:
 Истину всю вамъ открою — но ты, Ахиллесъ, поклянися
 Мнѣ, что и словомъ и дѣломъ меня защитишь, поелику
 Думаю я, что мнѣ оскорбится пророческимъ словомъ
 Мужъ, обладатель Аргоса и всѣхъ повелитель Ахейнъ.
 80 Сильнаго страшно царя человеку простому прогнѣвать:
 Если сперва и воздержитъ онъ гнѣвъ свой, то памятнымъ сердцемъ
 Будетъ досадовать тайно, покуда себя не насытитъ
 Мщеньемъ. Размысли же, можетъ ли ты даровать мнѣ защиту?

Вѣщему старцу отвѣтствовалъ такъ Ахиллесъ быстроногій:
 85 Смѣло открой намъ — тебѣ откровенную волю безсмертныхъ;
 Я жъ Аполлономъ, любимцемъ Зевеса (ему же, Кальхасъ, ты
 Молишься, волю боговъ возвышая Данаемъ), клянуся
 Здѣсь, что покуда живу и сияю днѣ утѣшаюсь,
 Руку поднять на тебя не дерзнетъ ни одинъ изъ Данаевъ
 90 Близъ кораблей кровкооданныхъ; хотя бы и самъ Агамемнонъ,
 Между Ахейцами первымъ слывшій, былъ названъ тобою.

Тутъ, ободренный, сказалъ Ахиллесу Кальхасъ пророчитель:
 Богъ раздраженъ не забвемъ обѣта, не ждетъ экатомбы;
 Онъ за жреца, Агамемнономъ здѣсь оскорбленнаго, гнѣвень,
 95 Гнѣвень за то, что не выдали дочери старцу, что выкупъ от-
 вергнуть;

Вотъ, что на насъ навлекло всѣ бѣды и еще навлечетъ ихъ
 Много. И Фебъ далекодпоражающихъ рукъ не опуститъ
 Прежде, покуда отцу свѣтлооную дѣву безъ всякой

64 Пусть намъ отироесть онъ, 72 въ ихъ плытіи къ Троѣ. 74 Знать ты же-
 лаетъ, 84 Такъ Ахиллесъ быстроногій сказалъ, отвѣчалъ Кальхасу: 86 ему же всег-
 да ты 91 тобою обвиненъ былъ. 92 Такъ ободренный сказалъ тутъ Пелиду

Платы, безъ выкупа выдавъ, святой не пошлемъ экатомбы
100 Въ Хрису: иначе ничто не смирать раздраженнаго Феба.

Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся пространнодержавный
Пастырь народовъ Атридъ, повелитель царей, Агамемнонь,
Гнѣвомъ проникнутый; сердце его превсполнено было
Черною злобой, и очи какъ яркое пламя горѣли.

105 Грозно взглянувъ на Кальхаса, воскликнулъ Атридъ Агамемнонь:

О зловѣщатель! ты добраго мнѣ никогда не пророчилъ;
Сердце твое лишь напасти предсказывать любить; ни разу
Словомъ и дѣломъ благимъ отъ тебя я порадованъ не былъ.
Нынѣ въ собраньи ахейскихъ вождей утверждать ты дерзаешь,

110 Будто за то насъ казнить Аполлонъ стрѣлоносець, что мною
Былъ отъ отца Хрисенды, невольницы плѣнной, не принять
Выкупъ; но я несказанно желаю прекрасную дѣву
Въ домъ свой увезть: мнѣ она и самой Клитемнестры супруги
Стала милѣе, понеже ее превосходить высокимъ

115 Станомъ, лица красотой, и умомъ, и искусствомъ въ работѣ.

Но и ее уступить я согласенъ, когда ужъ такъ должно —
Лучше конечно мнѣ видѣть спасенье, чѣмъ гибель народа.
Только отъ васъ за убытокъ я долженъ имѣть воздаянье.

Мнѣ ль одному безъ возмездія быть? Неприлично, то всѣ вы

120 Видите сами, чтобъ даръ мой почетный былъ мною утраченъ.

Тутъ, возражая, сказалъ Ахиллесъ богоравный Атриду:
Ты, многосильный Атридъ, ненасытный копитель корыстей,
Какъ же ты требовать можешь подарка себѣ отъ Данаевъ?
Развѣ имѣютъ въ запасъ какое богатство Данаи?

125 Наши добычи изъ всѣхъ городовъ мы давно раздѣлили;
Должножь ли все раздѣленное вновь собирать, чтобъ дѣлиться
Снова? Отдай ты теперь Хрисенду, покорствуя богу;
Втрое и вчетверо будетъ тебѣ воздаянье, когда намъ
Градъ Иліонъ крѣпкоствнный Кроніонъ разрушить позволить.

130 Царь Агамемнонь, отвѣтствуя, такъ возразилъ Ахиллему:
Сколь ты ни силенъ, Пелидъ богоравный, но мыслишь напрасно
Сердце мое обольстить; вамъ меня провести не удастся,
Или ты думаешь, самъ награжденный богато, что буду
Я терпѣливо сидѣть безъ награды, твоей покорившись

103 Горько разгнѣванный 118 Но за убытокъ отъ васъ надлежитъ мнѣ имѣть
воздаянье. 121 Такъ, возражалъ, 122 ненасытно корыстолюбивый. 13 самъ одарен-
ный богати 134 безъ подарка

- 135 Вольт? Пускай за утрату мою отдадутъ мнѣ Данаи
То, что по мысли моей и достоинства равнаго будетъ.
Иначе, если откажутъ Данаи, свою рукою
Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею
*Данное взять къ вамъ приду, не забывая о вашей досадѣ.
- 140 Но объ этомъ и послѣ есть время подумать, теперь же
Черный корабль на священное море немедленно спустимъ,
Выберемъ сильныхъ гребцовъ и, корабль нагрузивъ экатомбой,
Въ немъ Хрисиду, прекрасную, светлокудравую дѣву,
Съ миромъ отпустимъ къ отцу, — корабля жь предводителемъ
будеть
- 145 Идомей, иль Аяксъ, иль герой Одиссей богоравный,
Или ты самъ Ахиллесъ, межъ Ахейнъ ужаснѣйшій, бога,
Злыхъ посылателя стрѣлъ, посѣвши усмирить экатомбой.

Мрачно взглянувъ на Атрида, сказала Ахиллесъ быстроногий:

- Ты, облеченный въ безстыдство, копитель богатствъ ненасытный,
150 Кто изъ Ахейнъ исполнить твое повеленье захочетъ,
Если пошлешь иль въ сраженье иль въ трудный походъ за добычей?
Я же сюда съ кораблями пришелъ не Троянъ копыносныхъ
Въ битвѣ губить: мнѣ отъ нихъ никакой не бывало обиды;
Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно
- 155 Схвачены, также они и полей многоплодно-обильной
Фтіи моей не топтали: покрыты тѣнистымъ лѣсомъ
Горы и море пространно-шумящее насъ разлучаютъ.
Здѣсь для тебѣ я мы, чтобъ ты веселился, безстыдный, чтобъ брату
*Честь возвратилъ и чтобъ Трою, собачьи глаза, низпровергнулъ,
- 160 Мстя за свое оскорбленье: но ты и не мыслишь объ этомъ;
Нынѣ жь и взять у меня мой участокъ добычи грозисься,
Стоявшій мнѣ несказанныхъ трудовъ, мнѣ Ахейцами данный.
Здѣсь не бывало такихъ какъ твои мнѣ участковъ, когда намъ
Городъ какой многолюдный троянскій разрушить, случилось.
- 165 Время тревогъ утомительно-шумнаго боя лежало
Все на плечахъ у меня, при раздѣлѣ жь богатой добычи
Лучшая часть доставалась тебѣ, и довольствуясь малымъ,
Я къ кораблямъ возвращался, трудомъ боевымъ изнуренный.
Нѣтъ, мнѣ пора возвратиться въ мою плодоносную Фтію;
- 170 Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же
Здѣсь, оскорбивши меня, ни добычъ, ни богатства не скопишь.

- 151 Если велишь иль въ сраженье идти иль въ походъ за добычей?

- Пастырь народовъ Атридъ, возражая, сказалъ Ахиллесу:
 Хочешь бѣжать ты — бѣги! Ужолать ужь конечно не буду
 Я, чтобъ остался ты здѣсь для меня; здѣсь найдется довольно
- 175 Бодрыхъ вождей для добытiя славы; за насъ и Кронiонъ.
 Ты изъ питомцевъ Зевеса царей для меня ненавистнѣй
 Всѣхъ; ты всегдашнiй заводчикъ раздоровъ, сматенiй и брани.
 Правда, ты силенъ; но сила даруется намъ безъ заслуги
 Небомъ. Веди же въ отчизну свои корабли и дружины,
- 180 Властвуй спокойно своей плодородною Фтiей; ты здѣсь мнѣ
 Совсе не нуженъ; о гнѣвѣ твоёмъ не забочусь; напротивъ
 Слушай: когда ужь беретъ у меня Аполлонъ Хрисенду,
 Въ собственномъ я моравѣ и съ своими людьми не замедлю
 Дѣву послать; но за то изъ шатра твоего Брисенду,
- 185 Даръ твой почетнѣй, своею рукою исторгну, чтобъ зналъ ты,
 Сколь я сильнѣе тебя, чтобъ впередъ и другiе страшились
 Дерзостно мнѣ возражать и со мною надменно равняться.
 Такъ онъ сказалъ. Закипѣло въ косматой груди Ахиллеса
 Сердце; межъ двухъ волновался онъ, сильно озлобленный, мыслей;
- 190 Острый ли мечъ отъ бедра отхвативъ, сквозь Данаевъ прорваться
 Прямо къ Атриду и разомъ его умертвить; иль кипучiй
 Гнѣвъ успокоить и руку свою воздержать отъ убiйства.
 Тою порой какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
 Выхвативъ мечъ изъ ноженъ въ половину, великiй, слетѣла
- 195 Съ неба Аѣйна Паллада — ее свѣтлорукая Ира,
 Сердцемъ обоихъ любя, за обоихъ тревожась, послала;
 Ставъ позади Ахиллеса, его за густые схватила
 Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочимъ.
 Очи назадъ обратилъ, изумясь, Ахиллесъ; онъ Аѣину
- 200 Разомъ узналъ, уstraшенный ея пламеньюющимъ окомъ.
 Къ ней обратился лицомъ онъ и бросилъ крылатое слово:
 Дочь потрясателя грозной эгиды, зачѣмъ ты, богиня,
 Здѣсь? Любоваться ль пришла самовластнымъ нахальствомъ Атрида?
 Я же тебѣ говорю, и тому неминуемо сбыться:
- 205 Жизнiю онъ за свою безразсудную гордость заплатитъ.
 Такъ отвѣчала Аѣйна богиня лазурныя-очи:
 Гнѣвъ успокоить твой, если покоренъ мнѣ будешь, сошла я
 Съ неба — меня свѣтлорукая Ира, тебя и Атрида
 Сердцемъ любя, за обоихъ васъ сердцемъ тревожась, послала.
- 210 Вдвнѣ же убiйственный мечъ свой въ ножны и спокойся; словамъ
 Можешь съ нимъ ратовать, сколько душа пожелаетъ. Тебѣ же

Я предскажу, и мое предсказанье исполнится вѣрно:

Никогда втрое богатою платой твое оскорбленье

Гордый загладить; теперь усмирися и будь намъ покоренъ.

215 Такъ, отвѣчая богинѣ, сказалъ Ахиллесъ быстроногій:

Слово, богиня, уважить твое безъ сомнѣнія должно,

Сколь бы ни злалась душа; то будетъ конечно полезнѣй:

Смертнѣй, покорнѣй богамъ, всегда и богами внимаемъ.

Тутъ къ рукояти серебряной кривую руку притиснувъ,

220 Мечъ свой великій въ ножны онъ, покорствуя слову богини,

Вдвинулъ. Она же на свѣтлый Олимпъ улетѣла, въ жилище

Зевса згидодержавца, въ собраніе прочихъ бессмертныхъ.

Снова Пелидъ обратился съ ругательной рвѣью къ Атриду.

Такъ онъ ему говорилъ, прешползевшій яростнымъ гнѣвомъ:

225 Пьяница, сердце олене, собачьи глаза, никогда ты,

Въ панцырѣ облекшися, воинства въ бой не водилъ, ни однажды,

Съ первыми вмѣстѣ вождями въ засаду засѣвъ, не ршился

Выждать врага — ты въ сраженъ лишь смерть неизбежную видѣлъ.

Легче конечно, бродя по широкому стану Ахеянъ,

230 Силой добычи у тѣхъ отымать, кто тебѣ прекословитъ;

Царь душегубецъ, ты видно не смѣлыхъ людей повелитель;

Иначе думаю нынѣ въ послѣднѣй бы разъ такъ обидно

Здѣсь говорилъ. Но послушай меня: я священнымъ клянуса

Этимъ жезломъ, и столь вѣрно, какъ то, что ни листьевъ, ни вѣтвей

235 Онъ ужъ не пуститъ, покинувъ, отрубленный, гору, и вѣчно

Зелень не будетъ — теперь отъ коры и листовъ онъ очиненъ

Острою мѣдью; его скиptronосцы владыки Ахеянъ,

Правды блюстители, держать въ рукахъ, на землѣ сохраняя

Зевсовъ порядокъ. И нынѣ моею онъ великою клятвой

240 Будетъ. Наступитъ пора; Ахиллеса Ахейне станутъ

Всѣ призывать. И не будешь ты имъ, сколь ни сѣтуй, защитой

Противъ людей истребителя Гектора, ихъ безпощадно

Въ бовъ толпами губящаго; сердце свое лишь измучишь,

Подане раскаясь, что лучшаго между Ахеянъ обидѣлъ.

245 Такъ онъ сказалъ и свой жезлъ, золотыми гвоздями обитый,

Бросивъ на землю, нахмуренный, сѣлъ. Агамемнонъ

Гнѣвно словами его оскорблѣть продолжалъ. Тутъ поднялся

Звонкоголосный, привѣтлоричивый взглядъ нилійскій,

Несторъ, котораго рѣчи лились какъ медь благовонный

214 теперь успокойся 217 То конечно пожеланье будетъ: 231 Царь поглотитель
людей, ты не смѣлыхъ людей повелитель;

250 Съ сладостныхъ устъ; два колѣна людей говорящихъ, съ намъ
вмѣств

Жившія, кончали жизнь и исчезли; во градъ священномъ
Пилосѣ царствовалъ онъ ужъ надъ третьимъ людей поколѣньемъ.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ предъ со-
браньемъ:

Горе намъ! злая печаль всю ахейскую землю обьметъ,
255 Будутъ Приамъ и Приамовы всѣ сыновья и Трояне
Въ сердцахъ своемъ ликовать несказанно, когда къ нимъ достигнетъ
Слухъ о раздорѣ, смутившемъ вождей знаменитѣйшихъ нашихъ,
Первыхъ межъ нами и мудрымъ совѣтомъ и мужествомъ въ битвѣ.
Дайте, о дайте мнѣ васъ образумить! меня вы моложе

260 Оба; и съ лучшими, нежели вы, современно на свѣтъ
Жилъ и знавался, и не былъ отъ нихъ за ничто принимаемъ.
Я ужъ не вижу теперь, не увижу и послѣ, подобныхъ
Славнымъ любимцамъ боговъ, Пирнеою, Дриасу, Кенею,
Или Экадію, или владыкъ людей Полифему,

265 Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:
Силою съ ними конечно никто на землѣ не равнялся;
Сами сильнѣйшіе, въ бой и сильнѣйшихъ они вызывали;
Страшныхъ Кентавровъ они на горахъ истребили. Въ то время
Я ихъ товарищемъ былъ, къ нимъ пришедъ изъ далекаго града

270 Пялоса, призванный ими самими, и подвиговъ много,
Ратуя вмѣств, тогда мы свершили; никтобъ изъ живущихъ
Нынѣ людей земнородныхъ не въ силахъ былъ съ ними бороться.
Но и они мой цѣнили совѣтъ, моему покорялись
Слову. И вы покоритесь ему. Намъ покорность полезна.

275 Плѣнницы ты у него не бери, Агамемнонь, — ты властенъ
Взять, но ее получилъ онъ отъ рати ахейской въ почетный
Даръ; а тебя, благородный Пелидъ, неприлично такъ спорить
Дерзко съ царемъ — ни одинъ на землѣ изъ царей скиптроносныхъ,
Зевсомъ прославленныхъ, не былъ подобною честью украшенъ.

280 Если, рожденный богиней, ты въ даръ получилъ при рожденъи
Болѣе мужества; выше онъ властью, онъ царь надъ царями.
Ты же, Атридъ, успокойся, и къ просьбѣ моей благосклонно
Слухъ преклони, не враждуй съ Ахиллесомъ: Ахеянамъ твердой
Онъ обороною служить въ пылу истребительной брани.

285 Нестору такъ, возражая, отвѣтствовалъ царь Агамемнонь:
Старецъ, ты правду сказалъ, и разуменъ совѣтъ твой; но этотъ
Гордый всегда передъ всеми себя одного выставляетъ,

- Всѣми господствуетъ, всѣмъ управляетъ какъ царь самовластный,
Хочетъ для всѣхъ быть закономъ, который никѣмъ здѣсь не
признавъ.
- 290 Если искусно владѣть онъ копьемъ наученъ отъ безсмертныхъ,
Въ правль зато раздражать здѣсь людей оскорбительнымъ словомъ?
Рвѣчь перебивши его, отвѣчалъ Ахиллесъ богоравный:
Жалкимъ, достойнымъ преврѣнїа трусомъ пусть буду я признавъ,
Если во всемъ, что замыслишь ты, буду тебѣ покоряться.
- 295 Властвуй другими и все имъ предписывай, я же
Власти твоей признавать не хочу и тебѣ не поддамся.
Слушай однако и въ сердце свое запиши, что услышишь.
Противъ тебя и другихъ за невольницу рукъ подымать я
Вовсе не думаю; данное вами возмите обратно:
- 300 Но до того, что мое на моихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ,
Я ни тебѣ ни твоимъ не дозволю дотронуться. Еслижъ
Хочешь, отвѣдай — тогда всѣ Ахейцы увидятъ, какъ черной
Кровью твоею мое боевое копье оболется.
- Тутъ, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,
- 305 Встали и собранныхъ всѣхъ къ кораблямъ распустили Ахейнъ.
Къ чернымъ своимъ кораблямъ Ахиллесъ возвратился съ Пат-
рокломъ
Сыномъ Менетїа, съ нимъ и другіе друзья Мирмидоны.
Тою порою корабль на соленую влагу, избравши
Двадцать гребцовъ, повелѣлъ Агамемнонъ спустить съ экатомбой,
- 310 Фебу назначенной; самъ Хрисиду прекрасно-младую
Взвелъ на корабль; и его Одиссею премудрому ввѣрилъ.
Всѣ собрались мореходцы и въ путь устремилися влажный.
Тутъ повелѣлъ очищаться Ахейнамъ царь Агамемнонъ;
Разомъ омывшись, они все нечистое бросили въ море.
- 315 Послѣ жъ дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу
Козъ и быковъ на берегу неприятно-безплодной пучины.
Съ облакомъ дыма взопло къ небесамъ благовоніе жертвы.
Такъ очищалася рать. Той порою Атридъ Агамемнонъ,
Все, чѣмъ грозилъ Ахиллесу, сгвѣша совершить, Эврибата
- 320 Выгвѣстъ съ Талейбіемъ, царскихъ глашатаевъ, призвалъ.
Были проворные слуги они; имъ сказалъ Агамемнонъ:
Оба идите въ шатеръ Ахиллеса Пелеева сына;
За руку взявъ Брисиду, ко мнѣ возвратитесь съ прекрасной
Двой; а если ее не захочетъ онъ выдать, за нею
- 325 Самъ я съ другими приду, и тогда огорченъе сильнѣе

Будеть ему. Такъ сказавъ, ихъ послать онъ съ грозящимъ къ
Пелиду

Словомъ. Пошедь не охотно ко берегу безплоднаго моря,
Скоро они къ кораблямъ и шатрамъ мирмидонскимъ достигли.
Близъ корабля и шатра своего Ахиллесъ богоравный
330 Мрачный сядьлъ; и не радостно было ему ихъ явленье.
Полные страха глашатаи въ смутномъ молчаньи
Оба стояли, къ нему обратитъ не дерзая вопроса.
Онъ же, ихъ робкимъ смитеньемъ разтроганный, кротко сказалъ имъ:

Милости просимъ, глашатаи, воли людей и безсмертныхъ
335 Вѣстники; смѣло приближьтесь; виновны не вы — Агамемнонъ,
Взять у меня Брисеиду сюда васъ приславшій, виновенъ.
Другъ, благородный Патроклъ, приведи Брисеиду и выдай
Имъ; пусть за ними послѣдуетъ! Я же въ свидѣтели нынѣ
Васъ предъ судомъ и блаженныхъ боговъ и людей земнородныхъ,

340 Также равно и предъ нимъ необузданнымъ, здѣсь призываю:
Если случится, что снова въ бѣдѣ я Ахейнамъ буду
Нуженъ.... Безумный! онъ самъ на себя и другихъ накликаетъ
Злую бѣду, ни назадъ ни впередъ не глядя, и Ахейнъ,
Быющихъ близъ кораблей крѣпкозданныхъ, защиты лишая.

345 Такъ говорилъ онъ. Патроклъ благородный, покорствуя другу,
Вывелъ Брисееву дочь изъ шатра и глашатаемъ выдалъ
Милую дѣву. И съ нею къ ахейскимъ шатрамъ возвратились
Оба. За ними жъ она съ отвращеньемъ пошла. И, заплакавъ,
Сльъ Ахиллесъ одиноко, вдали отъ друзей, на пустынномъ
350 Берегѣ моря сѣдаго. Смотра на свинцовыя волны,
Руки онъ поднялъ и, милую мать призывая, воскликнулъ:

Милая мать, на недолгую жизнь я рожденъ былъ тобою.
Славу за то даровать обещалъ мнѣ высокогремашій
Зевсъ Олимпіецъ. Но что жъ даровалъ онъ? кака я мнѣ слава?

355 Царь Агамемнонъ владыка народовъ меня обезчестилъ,
Взялъ достоинье мое и теперь имъ безстыдно владѣетъ.

Такъ говорилъ онъ въ слезахъ, и услышала жалобы сына
Мать въ глубинѣ неиспытанной моря въ жилищъ Нерей.
Легкимъ туманомъ съ пучины сѣдой поднялася богиня;
360 Къ сыну, лиющему горькія слезы, приближась, съ нимъ рядомъ
Съла она и сказала, ему потрепавши рукою
Щеки: О чемъ же ты плачешь, дитя? что твою сокрушаетъ
Душу? Скажи, не скрывайся, со мной подымайся печалью.

- Такъ ей, вздохнувъ глубоко, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
- 365 Вѣдаешь все ты сама; мнѣ не нужно рассказывать. Въ Оивы,
Градъ Этеоновъ священный, ходили мы сильной дружиной;
Градъ истребивъ, мы сюда воротились съ великой добычей;
Все раздѣлили какъ слѣдуетъ между собою Ахейцы;
Сыну Атрееву даромъ почетнымъ была Хрисеида,
- 370 Дочь молодая Хрисеса жреца Аполлонова. Тажкимъ
Горемъ крушимый, чтобъ выручить милую дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ кришко-
зданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши;
Всѣхъ обходилъ онъ Ахейнъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
- 375 Паче жъ другихъ, убеждалъ двухъ Атридовъ , вождей надъ
вождями.
Всѣхъ онъ молялъ: восклицаньемъ всеобщимъ рѣшали Ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ, жестокое слово примолвивъ,
- 380 Жрецъ удалился разгнѣванный; Фебъ, издалека разящій,
Жалобный голосъ имъ многолюбимаго старца услышалъ;
Злую стрѣлу встребленья послалъ онъ, и начала гибнуть
Люди; и, смерть разнося по широкому стану Ахейнъ,
Фебовы стрѣлы ужасно летали. Тогда прорицатель,
- 385 Видатель воли далекогрозящаго бога, открылъ намъ
Гнѣва причину; и первый я подаль совѣтъ примириться
Съ Фебомъ. Атридъ раздражился; стремительно вставъ , онъ
грозилъ мнѣ
Яростнымъ словомъ: и нынѣ его совершилась угроза.
Въ Хрису на быстромъ везуть корабль Хрисеиду, младую
- 390 Дѣву, Ахейцы съ дарами царю Аполлону. И были
Присланы два ужъ глашатая въ царскій шатеръ мой Атридомъ
"Взять Брисеиду, за подвиги данную мнѣ отъ Ахейнъ.
Если ты можешь, вступи за честь оскорбленнаго сына,
Милая мать; полети на Олимпъ къ громовержцу, и если
- 395 Словомъ или дѣломъ когда угодила ему, помолися
Нынѣ за сына. Не разъ отъ тебя я въ Пелеевомъ домѣ
Слышалъ, какъ Зевсъ чернооблачный нѣкогда былъ лишь тобою,
Прочимъ богамъ вопреки, отъ бѣды и позора избавленъ:
Противъ него сговорясь, Олимпійцы Аейна Паллада,
- 392 Слово едвакнуго подчеркнуто.

- 400 Ира и богъ Посидонъ замышляли связать громоносца;
 Въ помощь къ нему ты, богиня, пришла, и отъ срама избавленъ
 Былъ онъ тобой; на Олимпъ привела ты сторукаго — звали
 Боги его Брѣаремъ, онъ слылъ у людей Эгеонъ.
 Грозный Титанъ, и отца своего превзошедшій великой
- 405 Силою, рядомъ съ Кроніономъ свѣлъ онъ, огромный и гордый;
 Имъ устрашенные боги, связать не посмѣли Зевеса.
 Нынѣ и ты близъ Кроніона сядь, и рукою колѣно
 Тронувъ его, помолись за меня, чтобъ послалъ онъ Троянамъ
 Помощь, чтобъ къ морю они отъѣснили Ахеянъ, чтобъ, гибель
- 410 Видя, Ахейцы своимъ похвалились царемъ, чтобъ и самъ онъ,
 Гордый, пространнодержавный владыка людей, Агамемнонъ
 Горько постигнулъ, что лучшаго между Ахеянъ обидѣлъ.
 Сыну Фетида въ слезахъ, сокрушенная, такъ отвѣчала:
 Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!
- 415 Здѣсь близъ твоихъ кораблей, не крушась и не плача, сидѣть бы
 Долженъ ты былъ, на земль обреченный такъ мало, такъ мало
 *Жить. Но безвременно здѣсь умереть, въ сокрушеніи истративъ
 Жизнь — для того ли тебя мнѣ родить повелѣла судьбина?
 Съ этою жалобой къ молніелюбцу Зевесу отсюда
- 420 Я подымусь на Олимпъ свѣгоносный. Меня онъ улышитъ.
 Ты же вблизи кораблей крѣпкозданныхъ спокойно, питая
 Гнѣвъ на Атрида, сиди и въ сраженіе отнюдь не мѣшайся.
 *Зевсъ на потокъ Океанъ къ Эіопамъ вчера безпорочнымъ
 Вмѣстѣ со всѣми богами на праздникъ пошелъ; онъ оттуда
- 425 Прежде двѣнадцати дней возвратиться не можетъ.
 Въ домъ мѣдиюкованный къ Зевсу тогда я приду и, колѣна
 Тронувъ его, помолюсь о тебѣ, и молитвы конечно
 Онъ не отринетъ. — Съ симъ словомъ исчезла богиня, оставя
 Гнѣвнаго сына въ тоскѣ по краснопоясанной дѣвѣ, насильно
- 430 Сердцу ея вопреки отъ него уведенной къ Атриду.
 Въ Хрису тѣмъ временемъ плыль Одиссей съ экатомбой; когда же
 Быстрый корабль ихъ въ глубокую пристань проникнулъ, свернули
 Всѣ паруса и уклали на палубѣ ихъ мореходцы,
 Мачту потомъ опустили въ хранилище, крѣпкимъ канатомъ
- 435 Быстро на веслахъ корабль довели до пригонянаго мѣста,
 Якорный бросили камень, канатомъ корабль прикрѣпили
 Къ берегу, сами сошли на волной орошаемый берегъ.
 *Съ ними была снесена и великая Фебова жертва;

423 Слово «вечера» подчеркнута.

Съ ними сошла съ корабля и сопутница ихъ Хрисеида.

- 440 Дзву немедля приведши во храмъ, Одиссей многоумный
Самъ еѣ отдалъ руками отцу и сказалъ, отдавая :

Присланъ къ тебѣ, о Хрисеесь, я Атридомъ владыкой народовъ
Дочь возвратитъ и принестъ экатомбу священную Фебу
Въ даръ за Ахеянъ, чтобъ гнѣвъ укротился великаго бога,

- 445 Имъ приключившаго тмы сокрушающихъ сердце напастей.

Такъ говоря, Хрисеиду онъ отдалъ; съ веселиемъ принялъ
Старець любезную дочь. По порядку потомъ экатомбой
Фебовъ высокій алтарь окружили Ахейцы, омыли

Руки, и горсти наполнили жертвеннымъ чистымъ ячменемъ;

- 450 Сталъ посреди ихъ Хрисеесь, и молясь Аполлону воскликнулъ:

Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
Святый предъвъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Ты благосклонно услышалъ мою и исполнилъ молитву,
Честь мнѣ воздавъ ниспосланиемъ бѣды на Ахеянъ:

- 455 Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно —
Гнѣвъ свой великій смири и бѣды отврати отъ Ахеянъ!

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ слышанъ.

*Тъ жь приготоуеннымъ въ жертву скотамъ, ихъ ячменемъ осы-
павъ,

Шен загнули назадъ, всѣхъ зарѣзали, сняли съ нихъ кожу,

- 460 Тучныя бедра отсѣкли, кругомъ обложили ихъ жиромъ,
Жиръ же кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Старець зажегъ на костръ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тъ жь приступили, подставивъ ухваты съ пятью остріями;
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное

- 465 Все раздробили на части; на вертелы вздѣвъ осторожно,
Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ сняли и, дѣло
Кончивъ, обильнобогатый устроили пиръ; началось
Тутъ пированье, и всѣ насладились пищею; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладостно-вкусною пищею,

- 470 Юноши, чашу до края наполнивъ виномъ благоуоннымъ,
Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю справа начавши.
Цѣлый день славивъ мирительнымъ пѣніемъ Феба, Ахейцы
Громко хвалебный пеанъ воспѣвали ему; совокупно
*Пѣли они стрѣлоноснаго бога; имъ благосклонно внималъ онъ.

- 475 Солнце тѣмъ временемъ село, и тѣма наступила ночная;
Всѣ улеглись на брегъ они у причалъ корабельныхъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;

- Плыть собралися они въ отдаленному стану Ахеянъ.
 Втеръ попутный имъ далъ Аполлонъ, и они, совокупно
 480 Мачту поднявъ и блестящіе всъ паруса распустивши,
 Поплыли; парусъ середній надулся, пурпурныя волны
 Шумно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля закипѣли;
 Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
 Къ берегу приставъ и достигнувъ широкаго стана Ахеянъ,
 485 Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встанули;
 Тамъ на подпорахъ высокихъ его утвердили, и сами
 Всъ разошлись, кто въ шатеръ, кто на черный корабль круто-
 бокій.

- Близко своихъ кораблей крѣпкозданныхъ сидѣлъ, продолжая
 *Гнѣвъ свой питать, Ахиллесъ богоравный крылатыя-ноги;
 490 Онъ никогда не являлся уже на совѣтъ вождей многославныхъ,
 Онъ не участвовалъ въ битвахъ; въ бездѣйствіи милое сердце
 Онъ изнурялъ, по тревогахъ и ужасахъ брани тоскуа.

- Тою порою съ двѣнадцатымъ небо украсившимъ утромъ
 Ввѣчноживущіе боги на свѣтлый Олимпъ возвратились
 495 Всъ, предводимые Зевсомъ. Ѳетида, желаніе сына
 Помня, изъ моря глубокаго съ первымъ сіаніемъ утра
 Вышла; взлетѣвъ на высокое небо Олимпа, богиня
 Зевса нашла тамъ; одинъ, отъ боговъ отдѣляясь, всю землю
 Видя, на высшей главѣ многоглаваго былъ онъ Олимпа.

- 500 Съвѣ близь него, окружила козвѣно священное бога
 Лѣвой рукою Ѳетида, а правой его подбородокъ
 Гладя, Кроніону тучь собирателю нѣжно сказала:
 Если, отецъ, я тебѣ межъ богами когда угодила
 Словомъ иль дѣломъ, мое благосклонно исполни моенье:
 505 Сына утѣшь моего, осужденнаго рано покинуть
 Жизнь; обезчестилъ его повелитель царей Агамемнонъ,
 *Дерзко похитивши данный ему отъ Ахеянъ подарокъ.
 Ты же отмсти за него, міродержецъ, всеяльный Кроніонъ!
 Пусть побѣждаютъ Ахеянъ Трояне, пока воздаянъ
 510 Полнаго сынъ за обиду свою отъ царя не получить.

Такъ говорила она, и не вдругъ отвѣчалъ громовержецъ;
 Долго сидѣлъ онъ въ молчаньи; Ѳетидажъ къ объятаму прежде
 Ею козвѣно прижавшись крѣпче, вторично сказала:

- Прямо отвѣтствуй, Зевесъ; никого ты страшиться не можешь;
 515 *Иль согласишься, тогда утверди головы мановенемъ обѣтъ свой;

507 Слово сподарокъ подчеркнута.

- 553 Но я тревожуся, мысль теперь, что тебя обольстила
 Дочь среброногая старца морского Нерее Фетида,
 Утромъ съ тобой здѣсь сидя и колѣна твои обнимаю:
 Ей головы мановеньемъ конечно ты далъ обещанье
 Честь Ахиллесу воздать погубленіемъ многихъ Ахеянъ.
- 560 Ирѣ отъвѣтствовалъ такъ воздымающій тучи Кроніонъ:
 Вѣчно, безумная, ты примѣчать и подсматривать любишь!
 Трудъ бесполезный! ничто не удастся тебѣ! отъ себя лишь,
 *Только меня отдалишь; то стократно прискорбнѣе будетъ!
 Быть ли не быть ли тому, что тебя устрашаетъ, на это
- 565 Воля моя. Замолчи же и мнѣ не дерзай прекословить.
 Или, тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ олимпійскихъ,
 Если я, вставъ, подыму на тебя неизбѣжную руку.
 Такъ отъвѣчалъ онъ. Богиня воловьѣ-глаза ужаснулась;
- 570 Было прискорбно то собраннымъ въ домъ Зевеса безсмертнымъ.
 Началъ тогда многославный художникъ Ифестъ, чтобъ утѣшить
 Мать свѣтлорукою, такъ говорить, обратясь къ ней и къ Зевсу:
 Горько и всѣмъ намъ богамъ на Олимпѣ живущимъ несносно
 Будеть, когда вы такъ ссоритесь здѣсь за людей земнородныхъ
- 575 Станете, всѣхъ возмущая безсмертныхъ; испорченъ веселый
 Будеть нашъ пиръ; и чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Къ тебѣ напередъ я,
 Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:
 Зевсу отцу уступи, чтобъ не гнѣвался болѣе отецъ нашъ,
 Сильный Зевесъ, и чтобъ весело мы пировать продолжали:
- 580 Онъ громовержецъ, онъ царь на Олимпѣ, онъ, если захочетъ,
 Съ нашихъ престоловъ насъ всѣхъ опрокинетъ; онъ богъ надъ
 богами.
 Словомъ пріятнымъ порадуй его и къ нему приласкайся;
 Снова онъ милостивъ будетъ ко всѣмъ намъ, богамъ олимпій-
 скимъ.
- Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно приблизившись, кубокъ двудонный
- 585 Подалъ божественной матери въ руки, примолвивъ: Терпѣнье,
 Милая мать; покорися, хотя то тебѣ и прискорбно;
 Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ своими глазами
 Видѣть не дай: за тебя заступиться не въ силахъ я буду,
 Какъ бы того ни хотѣлъ; одолѣть Олимпійца не можно.
- 590 Было ужъ разъ, что когда за тебя я поспорилъ, меня онъ,
 За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ, и летѣлъ я оттуда
 Цѣлый, кувыркаясь, день и тогда лишь, какъ стало садиться
 Солнце, совсѣмъ бездыханнымъ ударился о земь въ Лемносъ;

- Дружески былъ я Сиптійцами добрыми поднять полмертвый.
- 595 *Такъ говорилъ хромоногій Иѣстъ.
 Ира съ улыбкой взяла отъ него поднесенный ей кубокъ.
 Сталъ онъ потомъ подносить по обычаю, справа начавши,
 *Сладостный нектаръ, его изъ глубокой черная кратеры;
 Подняли смѣхъ несказанный блаженные боги Олимпа,
- 600 Видя, какъ съ кубкомъ Иѣстъ, суетясь, ковылялъ по чертогу.
 Вѣчные боги весь день до склоненія солнца на западъ,
 Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищею,
 Дивными звуками цитры, игравшей въ рукахъ Аполлона,
 Также и музъ очереднымъ, сердца пронизающимъ гвнѣмъ;
- 605 Но когда уклонилось на западъ блестящее солнце,
 Боги, предаться желая покойному сну, разошлись
 Всѣ по домамъ: имъ построены были тѣ дома
 Дивно-искусной рукой хромоногаго бога Иѣста.
 *Также и молній метатель могучій Кроніонъ въ чертогъ,
- 610 Гдѣ отдыхалъ онъ обычно, блаженному сну предаваясь,
 Легъ и заснулъ; съ нимъ на ложе легла златотронная Ира.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Стихи 494—718.

- Были вождями дружинъ беотійскихъ Лейтъ, Пенелеось,
495 Аркесилай, Прозозноръ и Клоній; ихъ рать составляли
Жители тучныхъ Гирійскихъ луговъ, каменистой Авлиды,
Схойнія, Силоа, лѣсистоглубокихъ долинъ Этеонскихъ,
Өеспіа, Греи, широкопространныхъ полей Микалесса,
Свѣтлыхъ окрестностей Гармы, Эршеры, Илесія, Илы,
500 Жители града Петеона, жители стѣнь Элеона,
Копы, Эвтрэсы, Окаліи, жившіе въ зданьяхъ красивыхъ
Града Медсона, въ Тизбѣ, стадамъ голубинымъ привольной,
Вкругъ Короней, на пышно-зеленыхъ лугахъ Галиарта,
Жители града Платей, полей обработанныхъ Глеса,
505 Оивъ крѣпкостѣнныхъ, прекрасными зданьями славнаго града,
Града Онхеста, гдѣ лѣсъ посвященъ Посидону завѣтный,
Арны златымъ виноградомъ богатой, луговъ благовонныхъ
Нисы, Мидей и стѣнь Анеедона, на крайнихъ лежащаго граняхъ;
Съ ними пришло пятьдесятъ кораблей крѣпкозданныхъ, и въ
каждомъ
510 Было сто двадцать отборныхъ бойцевъ молодыхъ беотійскихъ.
Но Аспледионанъ и всѣхъ, Орхоменъ населявшихъ Минейскій,
Были вождями Аресвы дѣти, Іалмень съ Аскалафомъ —
Ихъ родила Астіоха, Акторова дочь; потаенно
Въ верхнемъ покоѣ царева жилища стыдливая дѣва,

515 Сидясь съ Ареемъ могучимъ, упала въ объятія бога —
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Были вождями дружины Фокелнъ, Эпистрооъ и Схедій,
Ихъже отцемъ знаменитый былъ Иентъ, потомокъ Навбола;
Жители ствнъ Кипариссы, утесовъ Пибона суровыхъ,

520 Жители града прекраснаго Криссы, богатыхъ полей Павопея,
Давліи, Анемореи, соседней съ Гіамполемъ, также
Пазари тучныхъ полей, вокругъ Кеѣиссы священной лежащихъ,
Съ ними и жители близкой къ истокамъ Кеѣиссы Лилем,
Сорокъ судовъ темноносыхъ оснастивъ, пришли за вождями.

525 Въ строй мѣдиолатыхъ Фокелнъ поставивъ, вожди ихъ дружину
Львнымъ крыломъ къ беотійскому ближнему строю прикнули.

Былъ полководцемъ Локріанъ Аяксъ Оилей быстроногіи;
Ростомъ своимъ Теламонову сыну, другому Аяксу,
Онъ уступалъ, но хотя не великъ и холстинною, тонкой

530 Броней покрытъ былъ, могучимъ метаньемъ копья побуждалъ онъ
Между Ахейцами всѣхъ; населяли жъ Локріане грады
Киносъ, плодами обильную Авгію, Бессу, Фронійскій
Лугъ, орошенный Боагриемъ, Тарфу, Опунтъ, Калліарій;
Сорокъ привелъ онъ съ собой кораблей изъ Локриды, лежащей

535 Противъ святыхъ береговъ окруженной волнами Эвбеи.

Но боелюбныхъ Абантовъ, эвбейскій народъ, населявшій
Халкисъ, Эретрію, область вина Гистію, приморскій
Городъ Коринѣтъ, на горъ неприступно-построенный Діонъ,
Ствны Кариста и роскошью нивъ окруженную Стиру,

540 Вель Эльпеноръ, многославный потомокъ Арея; рожденъ былъ
Онъ Халкодонтонъ, Эвбеи царемъ; и съ веселіемъ въ битву
Шли съ нимъ Абанты его, заплетенныя густо на тылъ

*Косы носившіе, ясенныхъ копій метатели, броней
Мѣдь на груди у врага пробивать пріобыкшіе ими.

545 Сорокъ пришло кораблей кривкозданныхъ съ эвбейской дру-
жиной.

Строемъ дъ эвбейской дружины прикнули Аеніане; градомъ
Ихъ и всей областью властвовалъ прежде питомецъ Паллады
Царь Эрехтей, даровосной Землею рожденный; Палладой
Былъ онъ воспитанъ во храмъ великомъ, гдѣ жертвой обильной

550 Аглицевъ и тучныхъ быковъ утѣшали ей сердце младыя

*Дѣвы и юноши, празднуя кругосверщеніе года.

Ратью Аенія Менестей полководствовалъ, сынъ Петеона,

Съ нимъже нѣзъ всѣхъ, на землѣ обитающихъ, въ трудномъ искусствѣ
 Конныхъ и пѣшихъ устраивать въ битву никто не равнялся,
 555 Кромѣ великаго Нестора — старше однако его былъ
 Несторъ годами. Привелъ пятьдесятъ кораблей онъ съ собою.
 Сынъ Теламоновъ Аяксъ отъ береговъ Саламины двѣнадцать
 Черныхъ привелъ кораблей: онъ придвинулъ ихъ къ строю
 Аенянъ.

Жителей Аргоса, башневѣнчаннаго града Тиринѳа,
 560 Асины, скрытой въ глубокомъ заливѣ морскомъ Гермионы,
 Винобогатыхъ холмовъ Эпидавра, Эйоны, Трезены,
 Юношей Масія, жителей волнообъятой Эгвы,
 Былъ полководцемъ герой Діомедъ, вызыватель въ сраженъе;
 Вождь ихъ второй былъ Сѳенель, многославнаго сынъ Капанея;
 565 Третій же вождь Эвриалъ, богоравный герой, Мекистеевъ .
 Сынъ, Талаона державнаго внукъ; но главою надъ ними
 Былъ Діомедъ, вызыватель въ сраженъе; пришелъ отъ Аргоса
 Онъ къ берегамъ Иліона съ осьмьюдесятью кораблями.

Жители древней Микены, домовъ велецѣпемъ славной,
 570 Ареопреи прекрасной, Коринѳа богатаго, свѣтлыхъ
 Зданій Клеопти, жители града Орнеи, старинныхъ
 Стѣнъ Сикіона, Адрасту подвластнаго въ прежнее время,
 Жившіе въ древнихъ стѣнахъ Гипересин, въ градъ Пеллеву,
 *Въ Эгю, въ крѣпко-нагорныхъ стѣнахъ, Гоноэссы твердынной,
 575 Пахари тучныхъ приморскихъ полей, достигавшихъ до самой
 Гелики, — вслѣдъ за царемъ Агамемнономъ, сыномъ Атрея,
 Сто кораблей привели; полководецъ избранныйшихъ, самъ онъ
 Шелъ передъ ними, сіяющій мѣдной броней, прекрасный,
 Гордый; величіе прочихъ вождей затмѣвалъ онъ, понеже
 580 Былъ ихъ глава и сильнѣйшей дружиной начальствовалъ въ войскѣ.

*Жители скрытаго между холмовъ Лакедемона, Спарты,
 Феры, Мессаны, гдѣ много слетаются стада голубиныхъ,
 Пахари тучныхъ полей, окружающихъ грады Брисею,
 Авгію, Амиклы, жители Гелоса, близкаго къ морю,
 585 Лааса, свѣтлыхъ равнинъ, орошенныхъ Этлосомъ, были
 Братомъ царя предводимы, отважнымъ въ боляхъ Менелаемъ;
 Вывелъ на смотръ шестьдесятъ кораблей онъ; но строемъ от-
 дѣльнымъ
 Ратныхъ поставилъ, и ихъ, на себя одного уповая,

- Въ бой возбуждалъ: пламенью его истерившемъ сердце —
- 590 Мщенье свершить за позоръ, приключенный обидой Елены.
- Къ нимъ примкнули Пилиане, жители тучныхъ Аренскихъ
Пажитей, Фрїа, гдѣ былъ перевозъ чрезъ Алфей, Кипариссы,
Эпїа крѣпкой, Птелеона, Гелоса, Амѣтенеи,
Также и града Дорїона, гдѣ Фамириса Фракійца
- 595 Встрѣтили музы и въ немъ уничтожили даръ пѣснопѣвья:
Онъ изъ Эхалии шелъ; посѣтивши тамъ Эврита, хвасталъ
Онъ передъ нимъ, что победу одержитъ, хотя бы и сами
Музы, Зевеса эгидоносителя дочери, спорить
Съ нимъ въ пѣснопѣнїи стали; и въ гнѣвъ его ослѣпили
- 600 Музы, и даръ пробуждать сладкопѣвье въ струнахъ онъ утратилъ.
Былъ полководцемъ дружины Пилианъ
Несторъ; онъ въ Трою привелъ девяносто судовъ крѣпкозанныхъ.
- Люди Аркадіи — храбрый народъ — на покать Киллены
Жившіе (тамъ, гдѣ находится Эпитовъ памятникъ древній),
- 605 Жители паствъ Орхомена, луговъ, окружающихъ Фенось,
Рипы, Стратїи, напору всѣхъ вѣтровъ открытой Эниспы,
Злачнополянной Теген, предѣловъ Стимфала, Паррасїи, тучной
Жатвой обильныхъ полей Мантиней, прекраснаго града, —
Агапенора, Анкеева сына, вождемъ признавали:
- 610 Въ Трою привелъ шестьдесятъ кораблей онъ, и много аркадскихъ
Вояновъ храбрыхъ пришло съ нимъ въ его корабляхъ крѣпко-
зданныхъ.
- Самъ Агамемнонь, владыка народовъ, его кораблями
снабдилъ для отплытія въ темное море, понеже
Было Аркадянамъ вовсе невѣдомо двѣ морсков.
- 615 Жившихъ въ Элидѣ священной, въ Бупрасїи, въ краѣ, который
Грады Мирсинъ пограничный, Гирмину, Алисїи, до самыхъ
Складъ Оленійскихъ въ предѣлахъ своихъ заключаетъ, четыре
Храбрыхъ вожда предводили — у каждаго девять летучихъ,
Полныхъ Эпейцами, было въ строю кораблей: Амѣнмаху
- 620 Сыну Ктеата одна изъ дружинъ покорялась; другая
Фалсію сыну Эвритоса Акторїада; вождемъ былъ
Третьей эпейской дружины Дїоръ, Амаринковъ отважный
Сынъ, а четвертой начальствовалъ вождь Поликсенъ богоравный,
Сынъ Агасеена властителя, внукъ знаменитый Авгея.
- 625 Мужи Дулхїи, люди святыхъ острововъ Эхинадскихъ,
Жившіе на морѣ шумномъ соседственно съ берегомъ Элиды,

- Власть признавали Мегеса, подобного силой Арею;
 Был онъ Филея, коней обуздателя, сыномъ, Филея,
 Скорой съ отцемъ принужденнаго скрыться на островъ Дулихій;
- 630 Сорокъ Мегесъ кораблей быстроходныхъ привелъ къ Иліюу.
 Царь Одиссей предводителемъ былъ Кефалонянь могучихъ,
 Жившихъ въ Итакъ суровой, на шумно-льсисстыхъ вершинахъ
 Нерита, вдоль береговъ Крокилен, межъ скалъ Эгилпы;
 Жители Сама, полей хлѣбодарныхъ Закинея и твердой
- 635 Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномерно
 Вся Одиссею, какъ Зевсъ многомудрому, были подвластны.
 Въ Трою съ собой онъ двѣнадцать привелъ кораблей красно-
 грудныхъ.
 Сынъ Андремоновъ Фоантъ полководствовалъ ратью Этолянъ,
 Жившихъ въ стѣнахъ Плеурона, въ Халкидѣ приморской, въ
 Оленъ,
- 640 Въ горномъ краю Каледонскомъ, въ окрестностяхъ града Пилены;
 Войско жъ Этолянъ избрало Фоанта вождемъ, поелику
 Былъ Оиней ужъ въ Андѣ, и не было болѣ на свѣтъ
 Храбрыхъ его сыновей, и давно Мелеагръ свѣтлокудрый
 Въ область сведенъ былъ подземную; сорокъ пришло кораблей
 съ нимъ.
- 645 Съ Идоменеемъ пришли копьеносные Критяне; жили
 Въ Гноссъ они, въ окруженной твердой Гортинѣ,
 Въ Ликтѣ, въ Милетѣ, окрестъ вѣлоственнаго града Ликаста,
 Въ Фестѣ, въ Ритіонѣ, множествомъ жителей шумно-кипящемъ,
 Также и въ прочихъ краяхъ многолюдныхъ стограднаго Крита.
- 650 Идоменей, копьевержецъ могучій, былъ главнымъ вождемъ ихъ;
 Съ нимъ Меріонъ, истребителю ратей Арею подобный;
 Въмѣстѣ они обладали осьмьюдесятью кораблями.
 Силы Иракла великаго сынъ Тлеполемъ изъ Родоса,
 Девять привелъ кораблей съ необузданно-храброй дружиной.
- 655 Люди его населяли три города: въ твердомъ Камирѣ
 Жили одни, въ свѣтлоственномъ Ялоссѣ другіе, и въ Лицѣ
 Третьи; ихъ вождь Тлеполемъ, копьеборствомъ герой знаменитый,
 Былъ Антиохой Ираклу рожденъ; Астіоху жъ похитилъ
 Сильный Ираклъ съ береговъ Селлезента, потока Эфры,
- 660 Тамъ, гдѣ онъ многихъ питомцевъ Зевесовыхъ грады разрушилъ.

Старца сѣдаго, питомца Ареова. Въ страхъ, что будетъ

- Месть за убійство ему отъ сыновъ и отъ внуковъ Иракла,
 665 Онъ посвѣшилъ корабли изготовить и съ вѣрной дружиной
 Храбрыхъ товарищей, въ темнопустынное море пустился;
 Много тревогъ испытавши, достигли они до Родоса,
 Гдѣ и остались жить, раздѣлившись на три колѣна,
 Свыше хранимые Зевсомъ, владыкой безсмертныхъ и смертныхъ;
 670 Пролитъ на нихъ изобиліе щедрой рукою Кроніонъ.

Прибыло три корабля легкокрылыхъ изъ Сямы съ Ниреемъ,
 Сыномъ Харопа царя и Аглая, съ Ниреемъ, который
 Всѣхъ затмѣвалъ красотою своею Данаевъ, пришедшихъ
 Въ Трою; съ однимъ лишь не могъ безпорочнымъ Пелидомъ
 равняться;

- 675 Былъ онъ не мужественъ; войско его малочисленно было.

Жителей волнообъятаго Нисира, Каса, Крапаѳа,
 Коса (гдѣ градъ свой имѣлъ Эврипилъ), острововъ Калиднійскихъ
 Были вождями Фидиппъ и Антифосъ, два брата; отецъ ихъ
 Былъ знаменитый Фессалъ, Ираклидъ, повелитель народовъ;
 680 Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Тѣ же, которыми былъ обитаемъ Аргосъ Пеласгійскій,
 Жители Алосо, града Алопы, Трахинъ многолюдныхъ,
 Фтии, Элады, прекрасноразцвѣтшими дѣвами славной,
 (Имя же общее имъ Мирмидоны, Эллены, Ахейцы) —

- 685 Съ ними привелъ пятьдесятъ кораблей Ахиллесъ богоравный.
 Но въ то время они не готовились къ бою, въ то время
 Некому было вести ихъ могучаго строя въ сраженіе:
 Праздно сидѣлъ посреди кораблей Ахиллесъ быстроногіи,
 Злѣя за свою Брисенду прекраснокудрую дѣву,
 690 Взятую некогда въ плѣнъ имъ съ трудомъ несказаннымъ въ
 Лирнесъ:

Онъ испровергнулъ тогда и Лирнесъ и высокія Фивы,
 Послѣ того какъ Минеть и Эпистрофъ, метатели копій,
 Дѣти царя Селепида Эвена, сраженные въ бою имъ, пали.
 Праздно онъ гнѣвный сидѣлъ.... но воздвигнуться долженъ былъ
 скоро.

- 695 Жителей тучной Филаки, луговъ цвѣтоносныхъ Пираса,
 Агнцамъ привольной Итоны (Деметръ любезнаго края),
 Моремъ омытой Антроны, травяныхъ равнинъ Птелеонскихъ,
 Протесилая многославный вождемъ былъ, покуда сѣянемъ
 Дня веселился; но былъ онъ землей ужъ покрытъ, и въ Филакѣ

- 700 Тяжко о немъ тосковала вдова, раздирая ланиты;
 Домъ недостроеннымъ свой онъ оставилъ: изъ всѣхъ онъ Ахейцъ
 Первый убитъ былъ Дарданцемъ, ступя на Троянскую землю
 Первый. Былъ избранъ другой вождь; но войско о прежнемъ
 скорбѣло;
- Вождемъ же избраннымъ былъ храбрый Подаркесь, питомецъ Ареевъ,
 705 Сынъ обладателя стадъ Ифякля, Филакова сына,
 Протесилаевъ родной, но гораздо родившійся позже,
 Братъ: былъ и старше годами и силою крѣпче
 Протесилая богоравный, Арею подобный. Имъло
 Войско вождя, но крушилось оно, поминая о мертвомъ.
- 710 Сорокъ въ Дарданію прибыло съ нимъ кораблей чернобокихъ.
 *Жившихъ близъ водъ Бебенскаго-Озера, въ Феръ и Бебахъ,
 Жителей пышнаго града Юлка и свѣтлой Глафиры
 Вождемъ знаменитый Эвмелъ предводилъ, сынъ Адметовъ, Алкестой
 Самой прекрасной изъ всѣхъ дочерей Пеліаса рожденный;
- 715 Было одиннадцать съ нимъ кораблей у береговъ Иліона.
 Жившихъ въ Метонѣ, окрестъ Таумакин, между суровыхъ
 Скалъ Олизона, среди цвѣтоносныхъ луговъ Меламби,
 Былъ предводителемъ дивный стрѣлокъ Филоктеть

МЫСЛИ

о первоначальномъ различіи римскихъ Патриціевъ и Плебеевъ въ религіозномъ отношеніи.

=

ВВЕДЕНІЕ.

=

Римскіе патриціи говорятъ о себѣ, уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени издревле осѣдломъ и живущемъ въ семейномъ быту. Они ставятъ себя такимъ образомъ въ противоположность къ плебеймъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей¹. Самый языкъ подтверждаетъ это мнѣніе, ибо называя патриціевъ *populus*, онъ выражаетъ тѣмъ самымъ понятіе о такомъ обществѣ, которое вырасло, на подобіе растенія, изъ одного зерна, между тѣмъ какъ подъ именемъ *plebs* разумѣетъ онъ массу людей, произшедшую чрезъ внѣшнее приращеніе. Въ самомъ дѣлѣ *plebs* является стеченіемъ (*colluvies*) самыхъ разнородныхъ элементовъ², и сказка объ азилѣ Ромула, которая не можетъ относиться къ патриціямъ, подтверждаетъ отчасти свидѣтельство о происхожденіи плебеевъ, содержащееся въ самомъ языкѣ. Впрочемъ этотъ органическій характеръ, присвоенный патриціями, можетъ присвоивать себѣ позднѣйшій *populus* патриціевъ единственно только потому, что онъ и во время республики представлялъ собою одно духовно-органическое цѣлое, между тѣмъ какъ физически онъ утратилъ до того свое единство, что, принимая въ себя многіе сродные элементы, сталъ наконецъ самъ настоящимъ своднымъ племенемъ (*colluvies gentium*), какъ и *plebs*. Само преданіе, всѣми принятое, говоритъ ясно, что община патриціевъ произошла чрезъ четырехкратное переселеніе, два раза изъ Альбы, разъ изъ Сигес и разъ изъ Регилла, стало быть изъ Сабинской-земли. Явное родство патриціанской религіи съ религіей Альбы, Лавинія Тускула, Тибура, Габіи, Ардеи и Арпціи³, равно какъ и названія *журій*⁴, взятыя, по Варрону, отъ разныхъ мѣстностей, говорятъ въ

пользу того, что съ общиною патриціевъ соединились родственныя по религіи племена или роды изъ разныхъ странъ Италіи.

Многія прозвища (cognomina) патриціанскихъ родовъ въ древнѣйшія времена были очевидно чуждаго происхожденія. Мы можемъ сказать утвердительно, нисколько не натягивая, основываясь на Клавдіяхъ Регилльскихъ (Claudii Regillenses), что всѣ прозвища, даже самыя древнія, заимствованныя отъ разныхъ мѣстъ, имѣютъ самое прямое отношеніе къ мѣсту происхожденія родовъ (gentes). Такковы прозвища Furi Medullini, Cominii Aurunci, Sulpicii Camerini, Cloellii Siculi, Sicinvi Sabini.

Это единство патриціанскихъ родовъ въ противоположность плебейамъ было, какъ кажется, не внѣшнее, но скорѣе внутреннее и духовное. Оно было, по всему вѣроятію, основано на родствѣ религіозномъ. Объ этомъ можно заключить частью изъ замкнутости патриціанской общины, частью изъ способа принятія въ нее. Принятіе совершалось посредствомъ кооптаціи ⁶, но такъ какъ этотъ актъ былъ въ употребленіи при принятіи въ какую бы то ни было жреческую общину ⁷, то отсюда мы безъ сомнѣнія въ правѣ предполагать совершенное единство религіи. Отъ того-то Канулей и говорить у Ливія, что патриціи, происходя отъ чужихъ народовъ, получаютъ благородство не по роду, не по крови, но единственно посредствомъ кооптаціи. ⁸

Особенность патриціевъ въ противоположность къ плебейамъ — это ихъ религія. Мнѣніе наше подтверждаетъ вся исторія ихъ борьбы и преимущественно отказъ въ правѣ брака (jus connubii), — въ правѣ, которое ни какъ не могло быть дано плебейамъ, ибо, имѣя религіозное основаніе, оно должно было бы вести за собою совершенное слитіе патриціанскихъ и плебейскихъ обрядовъ поклоненія.

Патриціи соединялись взаимными браками даже съ чуждыми племенами ⁹ и отказывали въ этомъ правѣ только плебейамъ до самаго Канулеева закона. Если мы знаемъ, что въ эту замкнутую общину патриціевъ принимались чужестранцы, какъ напр. Клавдій, Октавій, ¹⁰ даже цѣлыя массы иностранцевъ ¹¹, то отъ чего же пользовались этою честью только иностранцы, отъ чего было въ ней отказано даже самымъ знаменитымъ плебейскимъ фамиліямъ, между которыми были многія, не уступавшія въ знаменитости ни одной патриціанской фамиліи?

Ежели патриціи желали подобнымъ принятіемъ въ свою общину увеличить свою власть, такъ для нихъ было бы несравненно выгоднѣе привлечь на свою сторону все, что только было богатаго

и значительнаго въ Римѣ, и слить все это съ собою,—стало быть, было что-то такое, что дѣлало рѣшительно невозможнымъ принятіе знатныхъ плебейскихъ фамилій въ патриціанскую общину, а это было не что иное, какъ рѣшительное различіе вѣрованій. Слова, которыя Ливій влагааетъ въ уста консуламъ при разсмотрѣніи закона Канулеева, показываютъ ясно, что такое различіе религиозное не исчезло еще даже въ 4-мъ столѣтіи послѣ построенія города.—Консулы утверждаютъ, что взаимные браки между патриціями и плебеями поведутъ за собой необходимо то, что дѣти, происшедшія изъ этихъ браковъ, не будутъ знать болѣе, какой религіи они должны держаться, и станутъ такимъ образомъ полупатриціями и полуплебеями¹². Выраженіе «quorum sacrum sit», употребленное Ливіемъ, указываетъ на различіе не частныхъ сакръ (privata sacra), но общественныхъ (sacra publica), т. е. на совершенное различіе религіи обѣихъ партій. Это ясно и достоверно уже потому, что различіе между частными сакрами существовало и въ патриціанскихъ фамиліяхъ, не препятствуя однакоже взаимнымъ бракамъ между ними.

Впрочемъ такое различіе между религіею патрицевъ и плебеевъ существовало только въ древнѣйшій періодъ римской исторіи. Время позднѣйшее знало только одну государственную религію, одну для всѣхъ составныхъ частей народа. Прежде чѣмъ исчезли всѣ первоначальныя различія въ правахъ и слились въ одномъ общемъ правѣ римскаго гражданства (civitas Romana), должно было исчезнуть всякое различіе религиозное; даже самое политическое равенство стало возможнымъ только чрезъ совершенное уравниеніе религіи. Но даже въ позднѣйшемъ государственномъ богопоклоненіи Рима, какъ оно намъ сохранилось въ твореніяхъ цвѣтущаго времени римской литературы, найдемъ мы много указаній на первоначальное различіе. Стоитъ только не прослушать эти отголоски полузабытыхъ преданій, переданныхъ намъ древними.

Уже древніе, именно Варронъ, полагали, что римская государственная религія произошла чрезъ слитіе двухъ рѣшительно противоположныхъ религиозныхъ формъ, изъ которыхъ одна была символическая, другая анеропоморфическая.

«Болѣе 170 лѣтъ, пишетъ Варронъ,¹³ почитали Римляне боговъ безъ всякихъ изображеній».—Плутархъ,¹⁴ Тертуллианъ¹⁵ и вѣроятно также Діонъ Кассій,¹⁶ свидѣтельствуютъ, что Нума запретилъ представлять боговъ въ образѣ людей или животныхъ. Сервій говоритъ только,¹⁷ что было время, когда въ римскихъ храмахъ не было еще никакихъ изображеній боговъ. Юстинъ говоритъ,¹⁸

что Римляне поклонялись въ началѣ богамъ подѣ символомъ копья. Свидѣтельства Плинія ¹⁹ и Плутарха, ²⁰ что Нума приносилъ богамъ въ жертву муку, подтверждаетъ Овидій, ²¹ говоря, что въ началѣ употреблялись при жертвахъ только жито и соль, но отнюдь не приносились кровавыя жертвы. По этому-то Варронъ считаетъ культъ безъ изображенія боговъ несравненно чище ²², и жалѣеть, что онъ не навсегда остался. Тотъ же самый смыслъ лежитъ и въ увѣрствіи Цицерона ²³, что будто онъ несравненно лучше изучилъ служеніе богамъ по оставшимся со времени Нумы жертвеннымъ осудамъ, нежели по учениямъ философовъ. Тертуліанъ ²⁴ хвалитъ простоту религиозныхъ обрядовъ Нумы въ противоположность моднѣйшему служенію съ изображеніями боговъ. Онъ приписываетъ введеніе этого служенія Этрускамъ. Варронъ выводитъ римское служеніе съ изображеніями боговъ изъ Этруріи. На это указываютъ его слова, что оно возникло 170 лѣтъ спустя послѣ построенія города, т. е. во времена старшаго Тарквинія. Онъ утверждаетъ далѣе, что до построенія храма Цереры, воѣ изображенія боговъ были въ Римѣ этрусской работы, ²⁵ и что глиняная статуя Юпитера въ храмѣ Капитолійскомъ была поставлена Тарквиніемъ Прискомъ. ²⁶ Преданіе о томъ, какъ отецъ перваго этрускаго царя въ Римѣ прибылъ въ Этрурію въ сопровожденіи двухъ художниковъ Эвхира и Эвграмона, намекаетъ, вѣроятно, на то, что греческое служеніе съ образами пришло въ Римъ черезъ Этрурію.

Стало бытъ, уже древніе принимали два совершенно различныхъ поклоненія въ древнемъ Римѣ, изъ которыхъ одно было символическое, другое анетропоморфическое. Но ихъ извѣстія потому уже неясны, что они хотя и признаютъ существованіе этихъ двухъ поклоненій, но послѣдовательно, одно за другимъ, а не одновременно. Правда, нигдѣ нѣтъ достоверныхъ свидѣтельствъ, что анетропоморфическая этруская религія существовала въ Римѣ до Тарквинія; но все отъ того, что она считалась этрусскою, а все этрусское въ Римѣ по общепринятому правилу должно было брать начало свое во времена Тарквинія старшаго. Вѣроятно, по крайней мѣрѣ, одно, что неквиритскіе цари Рима, даже цари до Тарквинія, принадлежали совсѣмъ другой религіи, нежели какою была патриціанская религія Нумы. Намъ невольно бросается въ глаза, какъ эти цари, не смотря на то, что исполняли всѣ требованія религіи и основывали храмы и всаднества, являются врагами патриціанскихъ боговъ, и лѣтовисцы жрецескіе пишутъ объ нихъ съ открытою ненавистью и съ презрѣніемъ. Даже самъ основатель города принадлежалъ религіи не па-

триціанской. На это указываетъ за вѣтательный фактъ, что въ греческомъ преданіи не онъ является основателемъ патриціанской религіи,²⁷ а его преемникъ: фактъ неясный, если бы мы смотрѣли на Ромула какъ на царя, исповѣдывающаго патриціанскую религію Нумы. Отъ того-то первоначальное преданіе патриціевъ окружило его всѣмъ возможнымъ позоромъ. Правда, въ позднѣйшей обработкѣ, когда неважнѣйшій Ромулъ сталъ національнымъ героемъ и слился съ патриціанскимъ божествомъ, всё это было тщательно стерто или украшено, но слѣды остались ясны. Рожденный отъ кровосмѣнительной связи Амулія съ Сильвией²⁸, онъ былъ воспитанъ распутною женщиною²⁹, и уже съ ранней юности упражнялся въ разбояхъ³⁰. Не имѣя самъ родины, онъ собираетъ вокругъ себя толпу бездомныхъ людей и бѣглыхъ рабовъ³¹. Онъ ищетъ потомъ для себя и для товарищей женъ, и соуды съ преемникомъ отказываютъ ему въ этомъ³². Тѣмъ не менѣе онъ добываетъ себѣ женъ, преступивъ право гостепріимства, столь священное у древнихъ. Всякое преступленіе считалъ онъ возможнымъ: онъ обманываетъ брата при гаданіи по полету птицъ³³; онъ наконецъ открываетъ себѣ дорогу къ единовластію убійствомъ брата³⁴. Онъ радъ смерти своего соправителя и оставляетъ убійцу его безъ наказанія³⁵; судя по позднѣйшему извѣстію, убилъ онъ и дѣда своего³⁶. Эвириты повиновались ему изъ страха³⁷, и онъ былъ самъ наконецъ падаетъ жертвою ненависти патриціевъ. Когда сравнимъ съ этою характеристикою тѣ черты, которыми украсило патриціанское преданіе набожность Нумы и Анка Марція, невольно придетъ въ голову, что Ромулъ принадлежалъ совсѣмъ другому міру, по крайней мѣрѣ другой религіи. Дѣйствительно нѣкоторые преданія предполагали, что онъ принадлежалъ религіи этрусской, ибо вмѣстѣ съ преданіемъ, которое все этрусское въ Римѣ приписывало Тарквинію, и которое было во всеобщемъ ходу, существовало еще другое, считавшее этрусскій элементъ существовавшимъ при самомъ началѣ города, и которое основателемъ его полагало Ромула³⁸. Такъ уже въ одномъ законѣ, приписываемомъ Нумѣ⁴⁰, войско является устроеннымъ, является какъ *classis procincta*; это извѣстіе указываетъ на то, что составители жреческихъ книгъ (*libri pontificum*), изъ которыхъ законъ былъ взятъ, считали *classis procincta* существоющею еще до Нумы. Въ самомъ дѣлѣ Ромулъ во всѣхъ почти преданіяхъ является предводителемъ и устройтелемъ войска⁴¹, которое было уже раздѣлено на центурии⁴², подвержено цензу и люстраціи⁴³. Раздѣленіе солдатъ на старшихъ и младшихъ (*juniores* и *seniores*)⁴⁴ было

уже во время Ромула ⁴⁴. Сообразивъ все это, поймемъ, почему было возможно отнести прибытіе Целеса, главнаго вождя Сервіева войска (exercitus Servius) ⁴⁵, ко времени Ромула ⁴⁶. Этрускій годъ приписывается прямо Ромулу ⁴⁷, и замѣательно, что это этрусское учрежденіе не приписывалось ни одному изъ этрусскихъ царей. Ромуль заимствовалъ знаки царскаго достоинства изъ Этруріи и окружилъ себя по образцу этрусскихъ властителей ликторами ⁴⁸ и этрусскою стражею ⁴⁹. Онъ основалъ городъ по этрусскому обычаю ⁵⁰, призвавъ этрусскихъ годателей, гаруспексовъ ⁵¹; онъ самъ, какъ кажется, исправлялъ при этомъ должность главнаго этрусскаго жреца, ибо сначала затрубилъ въ свою жреческую трубу ⁵² и потомъ уже произнесъ имя города. Имя города заимствовалъ онъ не изъ туземнаго латинскаго языка, но изъ чуждаго и вѣроятно этрусскаго. Припомнимъ далѣе, что основаніе города было невозможно до построенія клоакъ, нельзя не согласиться, что ему же можно приписать оушеніе форума и начало этрусскаго построенія клоакъ. По Діонисію, онъ поставилъ трехъ гаруспексовъ ⁵³, одного для каждой трибы, и мы не имѣемъ никакой причины предполагать, что Діонисій смѣшиваетъ ихъ съ авгурами ⁵⁴, ибо онъ самъ говоритъ согласно съ Ливіемъ ⁵⁵ и отчасти съ Цицерономъ ⁵⁶, что авгуры установлены позднѣе, во время Нумы ⁵⁷. Ромуль учредилъ capitoлійскія игры ⁵⁸ въ честь Юпитеру Феретрїю, игры въ циркѣ ⁵⁹, а воинственному Марсу конныя игры ⁶⁰; онъ празднуетъ далѣе триумфъ ⁶¹. По свидѣтельству Діонисія ⁶², поставилъ онъ деревянныя изображенія боговъ и опредѣлилъ не только ихъ форму и атрибуты, но и празднества и жертвы, приличныя каждому божеству. Принимая въ расчетъ, что игры и триумфъ были тѣсно связаны съ служеніемъ Юпитеру Капитолійскому ⁶³, что образное служеніе выдавался за отличительную черту этрусско-римской религіи, что опредѣленіе жертвъ, сообразно съ тѣмъ, какому божеству онѣ приносятся, принадлежало таруспицинѣ, этрусскому искусству ⁶⁴ гадать по жертвамъ, нельзя не заключить, что въ Римѣ ходило еще другое преданіе, которое смотрѣло на Ромула какъ на основателя этрусской религіи, а на этрусскую религію какъ на современную религію квинтской и столь же древнюю, какъ и послѣдняя. Отъ того Туллъ Гостицій является царемъ совершенно чуждымъ религіи квинтской. Источники Діонисія говорятъ ⁶⁵, что онъ совершенно не заботился о некоторыхъ отечественныхъ сакрахъ и ввелъ напротивъ новыя совершенно чуждыя. Первыя были вѣроятно не иныя какъ квинтскія; ибо квинтить Анкъ, сдѣлавшись царемъ, нашель многія сакры, установленныя Нумою, въ совершенномъ запущеніи,

и возстановилъ ихъ опять ⁶⁹. Въ самомъ дѣлѣ Діонъ Кассій говоритъ (въ аксерптахъ), что Туллъ Гостилій презиралъ боговъ, а Зонара ⁷⁰ (вѣроятно по тому же источнику) прибавляетъ, что Туллъ Гостилій издѣвался надъ большею частью учрежденій Нумы. Отъ того онъ былъ наказанъ богами ⁷¹, какъ противникъ патриціанской религіи: онъ погибъ съ цѣлымъ семействомъ своимъ отъ грома ⁷². Народъ, какъ свиновникъ его, былъ наказанъ язвою, которая похитила значительную часть плебеевъ ⁷³. Съ этимъ преданіемъ согласуется отчасти и то, что говоритъ объ Гостиліи Арнобій ⁷⁴, не называя впрочемъ своего источника. Онъ говоритъ, что во время Тулла Гостилія произошли рѣшительныя нововведенія въ жертвоприношеніяхъ, ибо вмѣсто вареныхъ внутренностей животныхъ стали приносить въ жертву сырыхъ и даже полуживыхъ животныхъ. Вспомнивъ, что этрусскія жертвы требовали еще трепещущихъ внутренностей, мы согласимся, что преданіе давало Туллу Гостилію также немаловажное участіе въ развитіи антиквиритской религіи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что этрусская анеропоморфическая религія въ Римѣ не была нововведеніемъ, но существовала съ самаго начала наряду съ квиритскимъ символическимъ служеніемъ. Мы еще не хотимъ этимъ сказать, что одна была религія патриціанская, другая плебейская; но если мы уже увѣрены, что въ древнемъ Римѣ существовали двѣ совершенно различныя религіи, и притомъ въ одно время, и ежели различіе ихъ, хотя въ общихъ чертахъ, намъ извѣстно, то мы надѣемся дойти посредствомъ дальнѣйшаго изслѣдованія до рѣшенія и другаго вопроса. Для этого, полагаемъ, намъ необходимо должно разсмотрѣть еще ближе религію, установленную Нумою, и религію, заимствованную изъ Этрурїи, равно какъ и обоюдный ихъ характеръ. Эти двѣ религіи слились правда въ позднѣйшей религіи государственной; но первоначальное различіе ихъ все-таки не могло совершенно сгладиться. Ежели мы будемъ держаться твердо характеристики обихъ, оставленной намъ древними, и такимъ образомъ приступимъ къ разсмотрѣванію римской государственной религіи, мы замѣтимъ тотчасъ, что первоначальное различіе между ея составными частями проявляется въ тѣхъ самыхъ чертахъ, которыя уже самими древними были приданы обиху, какъ характеристическія особенности каждой изъ нихъ.

Начиная это изслѣдованіе, мы должны сказать напередъ, что вовсе не намерены представить полное изложеніе обихъ религій: мы хотимъ указать на главныя черты, спеціальное же изложеніе ихъ противоположностей должны мы предоставить рукамъ болѣе искуснымъ.

ГЛАВА I.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ РАЗЛИЧИЯХЪ КВИРИТСКОЙ И АНТРОПОМОРФИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ ВЪ РИМѢ.

Подъ именемъ религій квиритской можно подразумѣвать всѣ тѣ сакры, который ведутъ свое начало со временъ царей Нумы и Анка. Это были сакры исключительно квиритскія; уже одно то, что объ нихъ заботились только квиритскіе цари, служить яснымъ тому доказательствомъ. Они были напротивъ совершенно чужды царямъ неквиритскимъ. Собственно основателемъ квиритской религіи является Нума Помпилій, который создалъ это ученіе о богахъ, сохраненное верховными жрецами⁷⁵. Общее мнѣніе приписывало Нумѣ учрежденіе патриціанскихъ жреческихъ коллегій, понтифексовъ, авгуровъ, веддалокъ, и трехъ великихъ фламиновъ⁷⁶; по нѣкоторымъ, онъ самъ исправлялъ должность первосвященника (*pontifex maximus*)⁷⁷. Онъ, говорятъ, построилъ регію и храмъ Весты⁷⁸; онъ передалъ священный огонь на очагъ Весты на сохраненіе святымъ дѣвамъ⁷⁹. Есть извѣстія, что онъ самъ жилъ въ храмѣ Весты⁸⁰; по другимъ, онъ жилъ въ регіи, которая соединилась съ храмомъ⁸¹. Въ его регіи (дворцѣ) упалъ съ неба священный жидъ⁸²; такимъ образомъ является онъ основателемъ Салиевъ⁸³. Онъ поклоняется Янусу Квири-ну (*Ianus Quirinus*)⁸⁴ и Марсу⁸⁵, Термину и Фидесъ (*Fides*)⁸⁶, и исполняетъ всѣ тѣ сакры, которыми завѣдывалъ въ послѣдствіи *Patres Praetores*⁸⁷. Кроме того, ему приписывается служеніе Каменамъ, именно одной изъ нихъ, Эгеріи⁸⁸. Основаніе курій относится правда также ко времени Ромула⁸⁹, но по нѣкоторымъ извѣстіямъ⁹⁰ куріи произошли только послѣ соединенія съ квиритами. Этого уже достаточно для того, чтобы считать ихъ учрежденіемъ квиритскимъ. По Діонисію, Тацій основалъ даже алтарь курій, но другіе приписываютъ установленіе всеобщаго прѣдсѣдства курій, «форнакалій», Нумѣ⁹¹. Изложеніе ученія Нумы о богахъ содержалось въ такъ называемыхъ жреческихъ книгахъ, *libri pontificum*⁹², которыя кромѣ того назывались еще *indigitamenta*⁹³. — Но иногда упоминается еще о другихъ индигитаментѣхъ, приписываемыхъ Помпилію.

Отсюда названіе ихъ *indigitamenta Pontiliana* ⁹⁴. Что это названіе обнимаетъ не все *libri pontificum*, но только одну часть ихъ, видно изъ того, что въ *indigitamenta Pontiliana* не встрѣчается имя Аполлона ⁹⁵, хотя и извѣстно, что весталки зывали къ этому богу ⁹⁶, и имя его должно было, слѣдовательно, находиться въ понтификальныхъ индигитаментахъ (*indigitamenta pontificalia*). Эти *indigitamenta Pontiliana* должно считать вѣроятно самую древнюю часть понтификальныхъ книгъ римскихъ; начало ихъ понтифексы возводили ко времени самого Нумы, приписывали ихъ даже ему. — Это различіе весьма важно, ибо отсюда слѣдуетъ, что не все то принадлежитъ Нумѣ, что находится въ понтификальныхъ книгахъ. Боги, имена которыхъ заключали въ себя эти древнѣйшія *indigitamenta*, были не иныя, какъ такъ называемые *Indigetes*. На это указываетъ этимологія самаго слова ⁹⁷. — Впрочемъ сами древніе не согласны между собою насчетъ значенія имени *Indigetes* ⁹⁸. Но припомнимъ, что эти *Indigetes* (*Indigetes*) назывались также отечественными богами (*dii patrii*) ⁹⁹ и были, стало быть, богами собственно римскими, и что настоящія имена такъ называемыхъ боговъ римскихъ (*dii Romani*) были неизвѣстны ¹⁰⁰, припомнимъ все это, трудно будетъ отбросить этимологію, лежащую въ основаніи Фестова объясненія, и проводящую слово *Indigetes* отъ *dico* ¹⁰¹. — Впрочемъ это объясненіе не достаточно основательно, ибо *Indigetes* означаетъ не столько такихъ боговъ, которыхъ нельзя было называть по имени, сколько боговъ, имена которыхъ невозможно было произносить, которыхъ считались какъ бы неизвѣстными. Отсюда впрочемъ отнюдь не слѣдуетъ, что истинныя имена боговъ умалчивались для того, дабы они не могли быть вызываемы неприятели. Правда, Сервій ¹⁰² говоритъ объ этомъ; но его свидѣтельство несправедливо и опровергается преданіемъ, что квинтскіе боги были вызываемы Тарквиніемъ. Если бы понтифексы учили въ самомъ дѣлѣ, что богамъ не слѣдуетъ давать именъ, ибо они въ такомъ случаѣ могутъ быть вызваны неприятели, то какъ же могли бы они привести въ своихъ автописяхъ примѣръ, который доказываетъ ясно, что скрытіе именъ боговъ все таки не могло ихъ спасти? Какимъ образомъ могли они думать, что посредствомъ извѣстныхъ формальностей могутъ быть даже вызваны неизвѣстныя божества враждебныхъ народовъ? — Но они вѣрили этому. Это свидѣлствуетъ Макробій, ¹⁰³ который упоминаетъ о такой формулѣ, заимствованной имъ у Саммоніка Серена; эта формула содержитъ вызваніе карфагенскихъ боговъ и доказываетъ, что для то-

го, чтобы вызывать боговъ, достаточно было знать только имя города. Следовательно свидѣтельство Феста и Сервія справедливо только въ отношеніи къ божеству, покровительствующему городу. Въ самомъ дѣлѣ Римляне скрывали истинное имя города со всею возможною заботливостью ¹⁰⁴; кто его произносилъ, наказывался немедленно смертию ¹⁰⁵. Нельзя даже было изслѣдовать, мужское ли это или женское божество ¹⁰⁶. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого было, что въ общественныхъ дѣлахъ можно было употреблять только фальшивое имя города ¹⁰⁷. Если бы Римляне боялись того же и относительно именъ боговъ своихъ, они достигли бы своей цѣли, давши имъ, какъ и городу, ложныя имена. Этого однакожь не было, и доказательствомъ тому служить, что въ молитвахъ употреблялись римскія имена боговъ. — Гораздо достовернѣе, что истинныя имена боговъ умалчивались не изъ политическихъ причинъ, но потому, что, по общему мнѣнію, ихъ и знать было нельзя. Никто, даже жрецы, не знали истинныхъ именъ боговъ ¹⁰⁸; это свидѣтельствуеетъ Сервій въ другомъ мѣстѣ, и Варронъ утверждаетъ тоже самое касательно пенатовъ ¹⁰⁹. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что часто одному божеству придавалось много именъ. Эти имена относились только къ отдѣльнымъ моментамъ божества; ни одно изъ нихъ не могло исчерпывать всего содержанія божества и не представляло всей его полноты. Такъ понтифексы зывали къ божеству земли, называя его то доброй богиней (*bona dea*), то Фатуа, то Опсъ, то Фауна ¹¹⁰, смотря потому, какая сторона этого божества была у нихъ на умѣ. Ни одного изъ этихъ именъ не было достаточно; только всѣ вмѣстѣ могли они хоть сколько нибудь соответствовать полнотѣ божественнаго существа. Гораздо вѣрнѣе поступали жрецы, означая божество однимъ или другимъ изъ его именъ вообще и предоставляя ему самому выбирать себѣ имя болѣе приличное. Такъ понтифексы зывали къ Юпитеру: *Iupiter optime, maxime, sive quo alio nomine te appellari volueris* ¹¹¹. Въ слѣдствіе этого образовалось множество именъ боговъ. Несвѣдующіе принимали эти имена за особенныя божества, и отсюда-то произошла та путаница, какую мы встрѣчаемъ даже у самихъ древнихъ при изложеніи римской религіи. Уже Цицеронъ утверждалъ, что въ книгахъ понтифексовъ велико только число именъ, число же самихъ боговъ небольшое ¹¹², и судя по тому, что было сказано, эти-то боги и были вѣроятно истинныя *Indigetes*.

Отъ того-то *Indigetes* Нумы являются не только *непроизносимыми*, но и *неуяснимыми* богами; помнтно теперь, отъ чего та-

кія божества были совершенно неспособны принять опредѣленную человѣческую форму. Пеласгическія божества, имѣющія много сходства съ божествами Нумы, считались также божествами непостижимыми, и отъ того не имѣли первоначально ни опредѣленныхъ именъ, ни человѣческой формы. Ни тѣ, ни другія не считались божественными личностями, какъ боги греческіе (гелленскіе), но были вообще силы міра и могли, слѣдственно, являться только подъ неопредѣленною формою символа. Все устройство религіи Нумы указываетъ на то, что это было такою рода символическое служеніе природѣ. Центромъ этого служенія былъ, какъ извѣстно, храмъ Весты ¹¹³ и соединенная съ нимъ регія, дворецъ ¹¹⁴. Нума основалъ эти священныя мѣста и жилъ, по однимъ извѣстіямъ, въ храмъ Весты, по другимъ, во дворцѣ. Есть положительныя свидѣтельства, что въ храмъ Весты не было идола богини ¹¹⁵, но на цѣлый храмъ смотрѣли какъ на символъ божественной вселенной ¹¹⁶. Веста, какъ земля ¹¹⁷, представлялась въ образѣ очага, находящагося въ ея храмѣ, и это изображеніе встрѣчается часто на монетахъ ¹¹⁸. Огонь Весты, горящій на очагѣ, стерегли и поддерживали безпрестанно весталки. Дѣвственная чистота жриць должна была изображать чистоту святой стихіи. Сообразивъ далѣе, что этотъ огонь могъ быть возжигаемъ только посредствомъ чистаго солнечнаго свѣта ¹¹⁹, и что жертвенный огонь вообще низводился первоначально только съ неба на жертвенникъ и посредствомъ молитвъ ¹²⁰, нельзя не принять мнѣнія, что вѣчный вестальскій огонь служилъ, какъ говорить Флоръ, изображеніемъ и символомъ непотухаемаго небснаго пламени созвѣздій ¹²¹. Этотъ огонь почитался квиритами не ради полезности своей, но какъ божественная сила природы, равно какъ и вода. На это указываетъ то высокое значеніе, которое занимали въ квиритской религіи двѣ стихіи. Какъ творящія силы божественной природы, онѣ были необходимы при бракосочетаніяхъ; ¹²² ихъ святая, по мнѣнію квиритовъ, сила смывала всякую нечистоту ¹²³ и освящала союзъ ¹²⁴. Ни одна жертва не могла безъ нихъ совершаться. Онѣ играли важную роль въ служеніи Весты; отъ того-то говорятъ, что Нума наложилъ на весталокъ обязанность заботиться объ огнѣ и водѣ ¹²⁵. Да и сама Веста изображается на монетахъ съ машетъ для воды въ одной рукѣ и съ горящимъ факеломъ въ другой ¹²⁶. Запретить кому нибудь воду и огонь, это все равно, что объявить его и *виль законовъ* ¹²⁷. И въ этомъ случаѣ, на двѣ эти стихіи смотрѣли не какъ на необходимыя потребности жизни, но какъ на святыя силы; это подтверждается тѣмъ, что преступнику не запрещалось совершенно употребленіе огня и воды.

Онъ могъ употреблять ихъ на чужбинѣ; только на роднѣ преступная рука его не смѣла къ касаться. Каждое жилище имѣло свой очагъ, и огонь участвовалъ при всякомъ дѣлѣ семейной жизни. Священная эта стихія сопровождала человѣка до самой его смерти, и не угасала на гробѣ ¹²⁸. Свидѣбный нарядъ невѣсты назывался *flammeus*, ибо онъ вѣроятно имѣлъ цвѣтъ священной стихіи ¹²⁹. Римскія матроны носили также этотъ *flammeus* какъ платье, либо обвивали имъ себѣ голову ¹³⁰. Жрецы носили на головѣ уборъ (арех), который имѣлъ видъ пламени и вѣроятно потому и назывался *flammeus* ¹³¹. Даже имя *flamines* заставляетъ видѣть въ нихъ жертвоприносителей пламени ¹³², которые раздували огонь на алтаряхъ боговъ. Множество предписаній и церемоній касательно огня указываетъ на святость его въ религіи квинтской. Такъ напр. нельзя было тушить лампы ¹³³. Никому, даже врагу, нельзя было запретить взять огня изъ лампы ¹³⁴. Нельзя было взѣтъ огня съ алтаря боговъ для обыкновеннаго употребленія ¹³⁵. Изъ дома дѣальскаго фламينا (*flamen Dialis*) можно было брать огонь только для жертвы ¹³⁶; запрещено было прикасаться къ огню мечемъ ¹³⁷. Лампу авгуровъ нельзя было прикрывать ¹³⁸, она должна была всегда оставаться открытою, какъ открыта сама свободная стихія. Огонь Весты должно было вѣчно поддерживать; потушалъ онъ—это было страшнымъ несчастьемъ (*piaculum*), и его нельзя было зажечь снова обыкновеннымъ огнемъ; свободная стихія должна была сама снова его возжечь ¹³⁹. И какъ очагъ Весты представлялъ землю, а огонь вестальской огненной природы свѣтилъ; такъ точно сводъ храма служилъ символомъ неба ¹⁴⁰. Такимъ образомъ весь храмъ Весты дѣлался символомъ вселенной. Вселенная, правда, не имѣла особеннаго храма, но, какъ всеобъемлющая, она и не могла быть обоготворена на какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Вселенная въ первоначальной римской религіи рассматривалась какъ *совокупность* всѣхъ силъ божественныхъ, рассматривалась прямо какъ божество; на это указываетъ родство имени *Dium* съ *Deus* ¹⁴¹. Стало быть, когда уже и отдѣльныя божества природы, моменты вселенной, были неизъяснимы, то сама вселенная, какъ совокупность ихъ, должна была представляться чѣмъ то самымъ неизъяснимымъ. Поэтому-то ее представляли себѣ не въ мужскомъ и не въ женскомъ родѣ, но въ среднемъ, какъ нѣчто абстрактно-божественное. Значеніе *Dium* въ квинтской религіи было весьма велико. Это подтверждается преданіемъ, что первымъ жрецомъ его (*flamen Dialis*) былъ основатель религіи ¹⁴². Его наследникъ, позднѣйшій *flamen Dialis*, занималъ всегда первое

мѣсто между прочими жрецами отдѣльныхъ божествъ ¹⁴³. *Уставъ* (sacrus), которому онъ подвергался, былъ строже устава другихъ жрецовъ ¹⁴⁴. Домъ его почитался святынею; отъ того каждый скотинный, входящій въ домъ его, освобождался отъ оковъ ¹⁴⁵. Нельзя было брать огня для обыкновеннаго употребленія изъ его жилища точно также, какъ и со святаго алтаря ¹⁴⁶.

Diem не имѣлъ храмовъ, это божество не имѣло даже особенныхъ праздничныхъ дней. Его жрецъ постоянно праздновалъ ¹⁴⁸. Вся, кого онъ ни встрѣчалъ на дорогѣ, должны были праздновать вмѣстѣ съ нимъ ¹⁴⁸. Вся жизнь его была непрерывнымъ богослуженіемъ; отъ того онъ первоначально не смѣлъ никогда снимать своего жреческаго апекса ¹⁴⁹. Позднѣйшее значеніе фламينا діальскаго, когда онъ уже является жрецомъ Юпитера Капитолійскаго ¹⁵⁰, не существовало первоначально и явилось вѣроятно уже послѣ слитія квинтскихъ сакръ съ религіею Этрусковъ. Многое подтверждаетъ это. Служеніе Юпитеру Капитолійскому не только безспорно принадлежитъ этрусской религіи въ Римѣ ¹⁵¹, но оно занимало даже въ ней такое же высокое мѣсто, какое занимало служеніе Весты въ квинтской ¹⁵². Это-то высокое значеніе служенія Юпитеру сдѣлало возможнымъ, что жрецъ высочайшаго квинтскаго божества сталъ, при взаимномъ слитіи сакръ, слугою Юпитера. Созвучіе именъ *Diem*, *Diespiter*, *Dijovis* вѣроятно много способствовало къ этому замѣненію, хотя здѣсь невольнo представляется вопросъ, можно ли правильно произвести форму *Dialis* отъ *Iupiter*. Впрочемъ не менѣе неправильно производили такъ называемое *diem fulgur* и *dius* (вѣроятно другая форма слова *divus*) отъ Юпитера ¹⁵³; вмѣсто первоначальной формы *sub Dio* говорили даже просто *sub Iove*. Стоитъ только припомнить отношеніе Юпитера къ Нумѣ, въ известной сказкѣ о заклинаніи Юпитера, и невольнo согласимся, что Нума никогда не былъ его слугою. Нума, любимецъ боговъ своихъ, принужденъ былъ стацитъ Юпитера на землю съ помощью чуждаго этрускаго демона ¹⁵⁵, и притомъ еще силою ¹⁵⁶. Богъ явился ему въ гнѣвѣ ¹⁵⁷ и не на его квинтской землѣ, но на плебейской горѣ, Авентинѣ ¹⁵⁸; онъ жаждетъ крови и требуетъ для примиренія, человѣческихъ жертвъ ¹⁵⁹. Хитрый царь квинтовъ обманываетъ его ложнымъ толкованіемъ его собственныхъ словъ ¹⁶⁰, и обманутый богъ, довольный мудростью царя, учитъ его примирять молнію. Примирять молнію было древнимъ искусствомъ Этрусковъ ¹⁶¹; вродить ее на землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Юпитера, считалось тайственной частью этрусской гаруспицаны ¹⁶². И такъ

трудно будет отвергнуть мнѣніе, что Jupiter Elicius, назведенный этрусскимъ демономъ на землю, и притомъ на плебейской горѣ, былъ богомъ, вовсе не близкимъ квинритскому царю Нумѣ. Цѣлый мифъ является попыткою со стороны квинритовъ, заимствовать неизвѣстное имъ ученіе о молніи (Fulgurallehre) у этрусскихъ гадателей. Впрочемъ наше мнѣніе подтверждается не только упомянутымъ отношеніемъ Нумы къ Юпитеру, но даже положительнымъ свидѣтельствомъ ученаго Овидія¹⁶³. Поэтъ говоритъ сперва, что служеніе Пану было принесено въ Римъ изъ Аркадіи Эвандромъ, и замѣчаетъ потомъ въ 282-мъ стихѣ, что¹⁶⁴ діалскій фламій занималъ еще въ то время свое старое мѣсто. Нельзя объяснить связи послѣдняго стиха съ предыдущими, не принявши, что поэтъ считалъ Пана демономъ вселенной (Alldämon), какъ его принимало и позднѣйшее толкованіе Грековъ, т. е. тождественнымъ почти съ римскимъ Diem. Только такимъ образомъ могъ онъ отчасти связать діалскаго фламiana, служащаго римской вселенной, съ греческимъ Паномъ. Такъ какъ онъ зналъ, что въ его время діалскій фламій былъ жрецомъ Юпитера, то ему необходимо слѣдовало прибавить, что во время Эвандра онъ еще не потерялъ своего прежняго значенія, и былъ еще жрецомъ Диума.

Въ храмѣ Весты находилось особенное тайное мѣсто, называемое penus¹⁶⁵, которое, по древнему простому обыкновению, было отдѣлено коврами отъ остальнаго пространства¹⁶⁶. Это таинственное мѣсто раздѣлялось на два отдѣленія, изъ которыхъ одно называлось penus exterior, другое, вѣроятно, penus interior. Этотъ penus былъ вѣчно запертъ и растворялся только разъ въ годъ, во время Весталій¹⁶⁷. Хотѣлъ извѣстнаго, что въ это мѣсто могли входить только понтифексы и весталки¹⁶⁹. Еще древніе несогласны были между собою касательно святости, сохранившихся въ немъ. Многіе утверждали¹⁷⁰, что въ храмѣ Весты не было ничего кромѣ святаго огня. Другіе полагали, что тамъ находились и другія святилища, доступныя только верховнымъ жрецамъ и весталкамъ. Большая часть послѣднихъ¹⁷¹ думала, что здѣсь сохранялся палладіумъ, принесенный Энеемъ въ Италію, и это мнѣніе раздѣляли, какъ кажется, кромѣ Діонисія еще Цицеронъ, Овидій и Ливій¹⁷². Другое мнѣніе приписываетъ Плу-тархъ тѣмъ, которые, какъ онъ самъ выражается, считали источниками свои достовѣрныя пречихъ. Это мнѣніе то, что въ penus Vestae находились только двѣ бочки, изъ которыхъ одна была открыта, другая запечатана. Только весталки могли ихъ видѣть¹⁷³. Варронъ говоритъ также о боченкахъ (dolioli), въ которыхъ, какъ другіе утверж-

дають, были зарыты нѣкоторыя святыни Нумы Помпилія на мѣстѣ, называемомъ *dolioli*. Эпитоматоръ Феста говоритъ ¹⁷⁵, что въ этихъ боченкахъ были дѣйствительно скрыты во время галльской войны нѣкоторыя сакры и зарыты въ мѣстѣ, называемомъ *dolioli*. Ливій говоритъ тоже ¹⁷⁶. Фестъ ¹⁷⁷ упоминаетъ только о маленькомъ жертвенномъ сосудѣ, находившемся въ храмѣ Весты (*regia*) и сохранявшемся въ *repus exterior*; Лампридій говоритъ ¹⁷⁸ тоже только объ одномъ сосудѣ, объ одной серіи. Потомъ число этихъ серій, какъ кажется, было увеличено по образцу анцилій. Судя по всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, можно заключить съ достовѣрностію, что въ *repus Vestae* сохранялись, подъ надзоромъ весталокъ, святыя сосуды, въ которыхъ, все равно были ли они *regiae* или *dolioli*, заключались жертвенныя снаряды и припасы, а именно разсолъ, приготовляемый двумя для жертвъ, какъ свидѣтельствуемъ Фестъ. Вероятно и Цицеронъ ¹⁷⁹ разумѣетъ подъ именемъ капедункуловъ, оставленныхъ Нумою, тѣже самыя *regiae*. Благодаря этимъ капедункуламъ, онъ, какъ говоритъ самъ, научился гораздо болѣе и лучше всему, что касается богослуженія, нежели изъ толковъ философовъ. Такъ какъ эти снаряды для жертвъ принадлежали религіи Нумы, религіи болѣе чистой и мягкой, то признаніе Цицерона можно легко себѣ объяснить. Не даромъ же утверждалъ Варронъ, что богослуженіе было бы несравненно чище, если бы удержалась религія Нумы, религія безъ всякихъ образовъ ¹⁸⁰.

Что же касается до палладіума, о которомъ такъ много было говорено, всѣ свидѣтельства, какъ кажется, допускаютъ возможность его существованія ¹⁸¹. Впрочемъ они подтверждаютъ существованіе его только во время болѣе позднее, во время, когда появились сами свидѣтельства. Во времена появленія римской историографіи, многія учрежденія Нумы потеряли свой первоначальный характеръ. Это подтверждается уже однимъ тѣмъ, что его книги были сожжены, потому что, хотя и не считались подлежащими, однако же противорѣчили сильно тогдашнему духу религіи, имъ же переданной Риму ¹⁸². Въ самомъ дѣлѣ анерпоморфическія представленія, говоряція чувствамъ гораздо внятнѣе, получили мѣсто рядомъ съ представленіями символическими. Такъ между прочимъ представляли, въ монетахъ, пенатовъ въ видѣ двухъ юношей, Весту въ образѣ дѣвы въ шпирьвалѣ ¹⁸³, хотя черезъ это входили въ замѣчательное противорѣчіе, ибо число пенатовъ было неизвѣстно, какъ утверждали всѣ анциліи, а Веста даже въ своемъ храмѣ не имѣла статуи ¹⁸⁴. Соединеніе служенія Паллады съ служеніемъ Весты основывается, какъ

кажутся, также на позднѣйшемъ изобрѣтеніи. Этого соединенія первоначально въ Римѣ не было, что подтверждаетъ слѣдующее обстоятельство: въ святилищѣ въ Лавиніи, откуда вышло, какъ говорятъ, римское служеніе Весты и Пенатамъ вмѣстѣ съ служеніемъ Паллады¹⁸⁵, не было въ времена Тимея ничего кромѣ тростей и одного сосуда¹⁸⁶. Слѣдовательно ежели Страбонъ говоритъ о находящемся тамъ изображеніи Паллады¹⁸⁷, это было вѣроятно позднѣйшее нововведеніе, въ которое сами Римляне не очень вѣрили, ибо римскіе магистраты приносили ежегодныя жертвы въ Лавиніи и Альбѣ только въ честь Весты и Пенатовъ, и вовсе не думали о Палладѣ¹⁸⁸. Еслибы служеніе Паллады было первоначально соединено въ Римѣ съ служеніемъ Весты, то Лавинской Палладѣ оказывались бы точно такія же почести при ежегодныхъ жертвоприношеніяхъ. Этого однакожь не было. Отъ того служеніе Паллады было, какъ кажется, введено въ храмъ Весты позднѣе. Только такимъ образомъ можно изъяснить пѣвѣстную гордость Навтіевъ, утверждавшихъ, что палладіумъ троянскій находится въ ихъ рукахъ¹⁸⁴. Ибо еслибы изображеніе Паллады было перенесено первоначально въ Римъ изъ Альбы вмѣстѣ съ другими святинами Эвсы, и боготворилось бы съ самаго начала, какъ святина государственная; тогда замилія Навтіевъ вѣроятно не хвалилась бы, что обладаетъ палладіумомъ, и гордые Юліи вѣроятно не оставили бы эту ложь безъ вниманія.

Съ храмомъ Весты соединено было, вѣроятно, вмѣстѣ строеніе дворцовое, регія. Только такимъ образомъ можно вполне объяснить, какимъ образомъ жилище царя Нумы могло быть переносимо то въ храмъ, то въ регію¹⁹⁰; только такимъ образомъ можно понять слова Овидія, когда онъ говоритъ, что кровь октябрьской жертвы бралась съ жертвенника храма Весты¹⁹¹, тогда какъ кровь находилась всегда на алтарѣ въ регіи¹⁹². Отъ того-то источянки Флора и Юрнанда¹⁹³ могли заключать въ себѣ извѣстія, что Нума вѣрилъ весталкамъ надзоръ надъ анцилиями. Высокое значеніе регіи доказалъ первый Амброшъ; но онъ отвезъ сюда много такого, что нашему мнѣнію принадлежало къ регіи царя-жертвоприносителя (rex sacrificulus); сюда надо именно причислить жертвы, которыя приносили въ регіи Салійскія дѣвы¹⁹⁴, rex sacrificulus во время агоналій¹⁹⁵, regia во время календъ¹⁹⁶ и фламиника во время нундинъ¹⁹⁷. Салійскія дѣвы были, по Цинцію, наемщицы, которыя вмѣстѣ съ Саліями приносили жертвы въ регію. Но наемныя лица не могутъ принадлежать квартирской религіи Нумы, въ которой были назначаемы опредѣленные лица рѣшительно для cadaго богослужебнаго дѣйствія. Патриціанское Са-

лійское служеніе, совершавшееся къ тому же въ высочайшемъ святилищѣ, требовало вѣроятно дѣвъ патриціевскихъ. Поэтому мы думаемъ, что эти Салійскія дѣвы совершали свои жертвы вмѣстѣ съ плебейскими *Salii agonales* ¹⁹⁸ въ регіи царя-жертвоприносителя (*rex sacrificulus*). Объ этомъ царѣ говорится, что онъ долженъ былъ исправлять тѣ сакры, исполненіе которыхъ было прежде обязанностью царей ¹⁹⁹. Здѣсь говорится не о квирическихъ царяхъ, ибо ихъ жреческія должности были переданы понтифексамъ и фламинамъ ²⁰⁰. Уже одно то обстоятельство, что Тарквиній Гордый, ненавидимый патриціамъ, былъ *rex sacrificulus* ²⁰¹, и что *regia regis sacrificuli* находилась въ его домѣ ²⁰², доказываетъ намъ, что *rex sacrificulus* былъ жреческимъ наследникомъ царей неквирическихъ. Поэтому мы не можемъ раздѣлять мнѣніи, что онъ приносилъ жертвы во время агоналій, а регина во время календъ—въ регіи Нумы: у нихъ была своя регія; къ тому же агоналія, какъ мы увидимъ ниже ²⁰³, были плебейское городское празднество, а равно и жертвоприношеніе регины на календы совпадало съ этрусскимъ календаремъ. Тоже самое готовы мы утверждать касательно бараньей жертвы, которую *flaminica Dialis* приносила во время нундинъ Юпитеру, потому что нундины были безъ всякаго сомнѣнія учрежденіе плебейско-этрусское ²⁰⁴. Кровавое служеніе Юпитеру принадлежало вообще культу этрусскому и было принято квирическими жрецами при слитіи обѣихъ религій вѣроятно потому, что уже Тарквиній далъ ему характеръ высшей государственной религіи. Все это усилятся несравненно болѣе во второмъ разсужденіи, гдѣ мы разсмотримъ гораздо ближе религіозныя отношенія царя (*rex*) къ плебеймъ.

Варронъ говоритъ положительно, что святилище *Opis Consiviae* находилось въ регіи Нумы; слѣдовательно культъ ея ²⁰⁵ принадлежалъ къ сакрамъ, совершавшимся въ квирической регіи. Жертва такъ называемаго октябрьскаго коня ²⁰⁶ имѣла мѣсто также въ регіи Нумы, ибо носила характеръ чисто-квирической. Конь увѣнчивался хлѣбами чисто-квирическимъ образомъ ²⁰⁷, также какъ оселъ во время весталій ²⁰⁸; кровью его окроплялся алтарь Весты ²⁰⁹. Сакравіенцы, сражавшіеся за голову этого коня съ Субурянами, прибывали обыкновенно ее, въ случаѣ побѣды, къ стѣнѣ регіи ²¹⁰. Однакожь кажется, что это жертвоприношеніе возникло

* Д. А. Крыкову не было суждено издать то второе разсужденіе, о которомъ здѣсь говорится. Ред.

ужь подь вліаніємъ этрусской религіи. Оно было совершасмо сначала на этрусскомъ Марсовомъ-полѣ ²¹¹, и приносимый въ жертву конь долженъ былъ получить награду на этрусскихъ конскихъ играхъ ²¹². На этрусское вліаніе указываетъ также кровавая жертва, которая ни подь какимъ видомъ не могла быть установлена Нумою въ его собственной регии, Нумою, имѣвшимъ такое отвращеніе отъ пролитія крови. Животное приносилось правда въ жертву не въ регии, но сюда все-таки приносили кровавый хвостъ ²¹³, черезъ что жертва хотя и становилась чѣмъ то въ родѣ *offa repita* ²¹⁴, но при всемъ томъ все-таки принадлежитъ къ числу жертвъ изъ сыраго мяса, возникшихъ подь этрусскимъ вліаніемъ ²¹⁵. Уже изъ того, что при этомъ жертвоприношеніи играли роль двѣ этрусскія мѣстности, *campus martius* и *regio subugana*, и одна квиритская, *sacra via*, видно здѣсь преимущественно вліаніе этрусское. Марсово-поле, гдѣ закалывался октябрьскій конь, принадлежало сперва Этрускамъ Чарквиніямъ ²¹⁶; здѣсь праздновались этрусскія конскія игры ²¹⁷, здѣсь собиралось войско, организованное Этрускомъ *Мастарною*, и подвергалось цензу и люстраціи ²¹⁸. Когдаже Тибръ затоплялъ равнину такъ называемаго Марсова - поля, тогда конскія игры праздновались на другомъ Марсовомъ - полѣ (*campus Martialis*) на Целійской - горѣ ²¹⁹. Потому-то Целійская - гора имѣла, какъ кажется, религиозное отношеніе къ Марсову-полю (*campus Martius*). Гора Целійская находилась въ Субуранской части города (*regio subugana* ²²⁰); а потому Субуранцы принимали участіе въ жертвоприношеніи, совершавшемся на Марсовомъ-полѣ. Гора Целійская была этрусскою мѣстностью. Здѣсь жилъ Целесъ съ своими этрусскими полками ²²¹; здѣсь стояли въ послѣдствіи алтари такъ называемыхъ *Dii adventicii* ²²². Бойцы, сходящіе съ святой дороги, *sacra via*, уже потому оказываются квиритами, что они прибывали обыкновенно голову коня въ случаѣ победы къ стѣнѣ квиритской регии ²²³.

Впрочемъ это высокое значеніе, которое имѣла, какъ намъ кажется, *regia*, какъ главная святыня квиритскаго культа, принадлежало ей только потому, что въ ней хранились божественные символы. Кромѣ *Sacrarium Opis Consviviae* было въ ней еще, какъ говорятъ, *Sacrarium Martis*, въ которомъ хранились не только *hastae Martiae*, но и *ancilia*; это показалъ Амброшъ самыми убѣдительными доводами ²²⁴. Существованіе этихъ *анцилій* въ регии, соединенной съ храмомъ Весты, можетъ только намъ объяснить, какимъ образомъ Юриандъ и Флоръ ²²⁵ могли найти въ своихъ источникахъ, что Нума вѣтрилъ *анциліи* и *палладіумъ* надзору веста-

локъ. Если бы анциліи хранились въ curia Saliorum, тогда весталки, жившія въ атриумѣ Весты, не могли бы находиться въ такой тѣсной связи съ ними. Что касается впрочемъ анцилій, Сервій²²⁶ говоритъ, что носильщики ихъ, Салии (Salii), были подъ покровительствомъ Юпитера, Марса и Квирина, но это мнѣніе возникло вѣроятно лишь отъ того, что Юпитеръ, Марсъ и Квириръ, какъ высшіе боги²²⁷, считались необходимыми покровителями государственныхъ святилищъ.

Замѣчательно, что изъ жрецовъ этихъ трехъ божествъ, имѣли только двое ancile знакомъ своего достоинства, Flamen Dialis и Martialis. Одни авгуры раздѣляли съ ними эту почесть²²⁸. Flamen Quirinalis не носилъ ancile; это можно объяснить либо тѣмъ, что Янусу Квирину, которому онъ служилъ, вовсе не принадлежали ancilia, либо тѣмъ, что всѣ онѣ принадлежали ему одному. Если всѣ анциліи придавались одному Квирину, то жрецъ его не могъ носить ancile, для обозначенія своего достоинства, какъ Flamen Dialis и Martialis, ибо его божество, чтобы быть представленнымъ во всей полнотѣ, требовало 12 анцилій. Первое объясненіе невѣроятно; на это указываетъ положительное извѣстіе объ агма Quirini²²⁹, которое ни къ чему иному не можетъ относиться, кромѣ анцилій, ибо послѣднія назывались также агма²³⁰ и даже приписывались положительно Квирину²³¹. Несмотря на это, большая часть древнихъ придавали анциліи не Янусу, а Марсу²³², такъ что невольно припишешь Марсу Квирину также и агма Quirini. Впрочемъ мнѣніе древнихъ, что анциліи принадлежали Марсу, основывалось вѣроятно на томъ, что Марсъ назывался также Квириномъ, и что анциліи хранились въ его Sacragium. Квириръ же, которому приписываются анциліи, не былъ Марсъ Квириръ, а могъ быть только Janus Quirinus, ибо одинъ послѣдній назывался Квириномъ по преимуществу и, какъ таковой, отличался рѣзко въ божественной триадѣ отъ Марса²³³. Только потому, что анциліи принадлежали Янусу Квирину, могъ фламинъ Януса Портуна²³⁴ (Janus Portunus) мазать масломъ святаго оружія Квирина, въ то время, когда Янусъ Квириръ слился съ Янусомъ этрусскимъ. Это было бы совершенно непонятно, если бы агма Quirini принадлежали Марсу. Древніе принимали правда этого Портуна за морскаго бога, чѣмъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ въ послѣдствіи, когда его смѣшали произвольно, какъ многихъ другихъ, съ греческимъ Палемономъ²³⁵. Но настоящій Портунъ былъ богомъ дверей. Онъ держалъ ключъ въ рукѣ²³⁶, аттрибутъ, по которому въ немъ можно

легко узнать Януса, который был также *Claviger* и богъ дверей ²³⁷. Поэтому въ одной надписи названъ онъ своимъ полнымъ именемъ *Janus Portunus* ²³⁸. Вообще всякое сомнѣніе касательно связи Януса Квирина съ анцилами уничтожается известной надписью, помѣщенной у Грутерія 173,5 ²³⁹. Въ этой надписи они называются *arma annalia* и являются такимъ образомъ священнымъ оружіемъ божества, управляющаго годами. А такимъ божествомъ не могли быть ни Юпитеръ, ни Марсъ, а только Янусъ Квиринъ. У Иоанна Лида (*Ioannes Lydus*) ²⁴⁰ является онъ богомъ года и Салиевъ; Лидъ говоритъ, что Салии воспѣвали Януса по числу итальянскихъ мѣсяцевъ. Стоитъ только припомнить, что число анцилѣй соответствовало числу мѣсяцевъ нумовскаго года, и нечего сомнѣваться, что первоначально анцилы были символами божества года, Януса.

Въ *sacrarium* Марса въ регіи, гдѣ были анцилы, находились также *hastae Martiae* ²⁴¹. Эти копья носили правда имя Марса но это происходило вѣроятно отъ того, что имъ придавали, равно какъ и Марсу, ложнымъ образомъ воинское значеніе. Точно также ложно приписывали Марсу всеобщее символическое святилище, которое названо было не менѣе ложно *Sacrarium Martis* ²⁴². Марсу принадлежало безъ сомнѣнія одно копьѣ, прочія же копья принадлежали другимъ божествамъ. Съ одной стороны говоритъ Плутархъ, что въ регіи только одно копьѣ носило имя Марса ²⁴³; съ другой свидѣтельствуемъ эпитоматоръ Трога ²⁴⁴, что древніе Римляне поклонялись всѣмъ богамъ въ образѣ копья. Мы находимъ въ самомъ дѣлѣ, что копьѣ считалось, даже въ позднѣйшее время, общимъ символомъ божества; отъ того то на монетахъ копья придаютъ часто Вестѣ, Пенатамъ и многимъ другимъ божествамъ ²⁴⁵. Это копьѣ не было копьѣмъ воинственнымъ, но просто мирною тростью въ родѣ греческихъ тростей, *βιηπτρα* и *δώρατα*. Это видно изъ того, что оно изображалось на монетахъ какъ *hasta pura* и придавалось, слѣдовательно какъ символъ, божествамъ мирнымъ, Вестѣ, *Pietas*. Это копьѣ, символизирующее божество, было вѣроятно не что иное какъ *quiris*. За это говорятъ имена божествъ, происходящія отъ слова *quiris*. Имя Марса Квирина производилось отъ *quiris* ²⁴⁶. А такъ какъ известно, что Марсъ обожался подѣ символомъ копья, то естественно слѣдуетъ принять, что это *quiris* было не что иное, какъ копьѣ, находящееся въ регіи и посвященное Марсу ^{246 b}). Ибо если *quiris* было копьѣ военное, какъ многіе полагаютъ, а не *hasta pura*, то какъ же могъ Марсъ Квиринъ, носящій его, быть вмѣстѣ съ тѣмъ Марсомъ мирнымъ, противопоставляться Мар-

су военному ²⁴⁷? Отсюда слѣдуетъ, что изображеніе Марса, поставленное позднѣе въ регионъ, копье котораго имѣло, по всему вѣроятію, воинское назначеніе, было посвящено Марсу Градиву и не находилось ни въ какой связи съ Марсомъ Квириномъ ²⁴⁸.

Квиринъ было имя, вовсе не относящееся къ войнѣ, и *quiritis* была мирная трость. Это подтверждаетъ уже то обстоятельство, что мирный Янусъ былъ также Квиринъ (т. е. копьеносный богъ) ²⁴⁹. Правда Лабеонъ считалъ и его богомъ военнымъ ²⁵⁰; но это недоразумѣніе происходило частью отъ того, что Лабеонъ давалъ ложное значеніе слову *quiritis*, частью же, что агма *Quirini*, анцилии, считались военнымъ оружіемъ ²⁵¹. Это недоразумѣніе тѣмъ сильнѣе, что религія, основанная миролюбивымъ Нумою, ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть воинственнаго значенія ²⁵². Существовалъ правда Янусъ, храмъ котораго былъ въ связи съ войною и миромъ; но это былъ Янусъ Геминъ, богъ анеропоморфическій ²⁵³, и на этомъ основаніи не могъ принадлежать культу квиритскому. Янусъ квиритскій напротивъ того, хотя и имѣлъ анцилицъ, но былъ боготворимъ еще все-таки въ образѣ копья, какъ общаго символа божества. На это указываетъ извѣстіе Діонисія, что его жрецы, Салин, носили, кромѣ анцилій, копья или трости ²⁵⁴. Трости и *hastae puae* имѣютъ одно и тоже значеніе. Лавинскіе пенаты изображались въ видѣ тростей, а въ Римѣ символомъ ихъ были *hastae puae*. Точно также придавались Вестѣ то *hasta pua*, то трость, ²⁵⁵, и нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что копья Салиевъ были символомъ Януса Квирина, точно такъ, какъ *hasta pua* весталокъ была символомъ Весты ²⁵⁶. Онъ назывался Янусъ-Квиринъ, Янусъ-копье, для отличія отъ этрусскаго Януса Гемина и изображался не въ образѣ человека, какъ Янусъ этрусскій. Этимъ же самымъ отличался квиритскій Марсъ отъ этрусскаго Марса-Градива (*Mars Gradivus*). Этотъ же Янусъ Квиринъ былъ, какъ кажется, не кто иной какъ Квиринъ, которому поклонялись на Квиринадѣ. Обоготворенный Ромуль сталъ этимъ Квириномъ только черезъ позднѣйшее смѣшеніе. Это ясно изъ вышеозначеннаго отношенія его къ квиритской религіи. Этотъ герой плебейскій, столь ненавистный патриціямъ, не могъ быть ни въ какомъ случаѣ тѣмъ Квириномъ, который является третьимъ лицомъ вмѣстѣ съ Марсомъ и Юпитеромъ въ божественной триадѣ. Квиритскій Квиринъ былъ не кто другой, какъ Янусъ Квиринъ, ибо только онъ, да Марсъ, имѣли притязаніе на это имя; а такъ какъ Марсъ является въ триадѣ и подъ своимъ собственнымъ именемъ, то Квиринъ, упоминаемый вмѣстѣ съ нимъ, не могъ быть ни кѣмъ другимъ, какъ только Янусомъ Квири-

номъ. На это тождество указываетъ еще ясное законъ, сохраненный Фестомъ, въ которомъ третье лице божественной тріады прямо названо Янусомъ Квириномъ ²⁵⁷.

Юнона Курись (Juno Curis), боготворимая въ куріяхъ, имѣла, какъ кажется, тоже самое значеніе божества-копья. Ее называли то Curis, то Quiris, то Quiritis или Quiritia ²⁵⁸. Говорили, правда, объ ней, что она называется такъ потому, что носить копье ²⁵⁹, но тоже самое утверждали и объ Марсѣ, который изображался же и самъ въ видѣ копья. Да къ тому же весьма сомнительно, существовала ли когда нибудь статуя Юноны Курись (Juno Curis) съ копьемъ въ рукъ. По крайней мѣрѣ Плутархъ, который въ этомъ очень свѣдущъ, ибо онъ одинъ съ Варрономъ оставилъ намъ свидѣтельство о Марсѣ-копѣ, не говоритъ ни слова о Юнонѣ Курись съ копьемъ въ рукъ, а только объ Юнонѣ, стоящей на копѣ ²⁶⁰. Такое изображеніе свидѣтельствуеетъ ясно, что копье было первоначальнымъ видомъ богини, изображеніе же придѣлано позднее. Далѣе, слово Curis, Quiris значитъ копье ²⁶¹, слѣдовательно Juno Quiris означала первоначально Юнону, боготворимую въ видѣ копья, а не Юнону копьеносную. Вѣдь невозможно же называть прямо копьемъ богиню, носящую копье. Наша гипотеза не можетъ казаться слишкомъ смѣлою; стоить только припомнить, что Juno Curis и куріальные алтари, какъ установленіе квиритскаго царя ²⁶², должны были необходимо принадлежать символической религій квиритовъ, а это было дѣйствительно такъ, судя по характеру куріальнаго поклоненія. Квиритскому поклоненію вовсе не приличествовала бы статуя богини. Куріальные алтари (mensae curiales), говоритъ Фестъ, назывались такъ потому, что они были посвящены Юнонѣ Курись ²⁶³. Замѣчательно здѣсь то, что названіе курій (curia) и ихъ алтарей заимствовано не отъ самого божества (Juno), а отъ его копья. Копье слѣдовательно имѣло большее значеніе въ куріяхъ, а это могло быть только потому, что сама богиня была боготворима первоначально въ видѣ копья. Въ пользу первоначальнаго вида Юноны Курись, т. е. копья, говоритъ ея родство съ Янусомъ Квириномъ. Его празднество, квириналіи, было дополнительнымъ празднествомъ всеобщаго куріальнаго празднества форнакалій ²⁶⁴. Въ преданіи о Гораціи, убившемъ сестру, являются Юнона и Янусъ вмѣстѣ, какъ боги очищающіе. Въ преданіи говорится, что для очищенія преступленія Гораціева воздвигнуты были два алтара, одинъ Юнонѣ Сораріи (Juno Soraria) и другой Янусу Куріацію (Janus Curiatius) ²⁶⁵. Янусъ Куріацій, это никто иной какъ Янусъ курій, ибо слово Curia-

lius означаетъ вообще каждаго, принадлежащаго къ куріи. Такъ декурія ликторовъ, прислуживавшихъ при богослуженіи въ куріяхъ, называлась *Decuria curiata* ²⁶⁶. Такъ патриціи, какъ первоначальные куріалы, назывались просто *curiati* ²⁶⁷; и если говорится далѣе, что Янусъ Куріацій былъ Янусъ патриціевъ, то это опять такъ указываетъ на то, что онъ былъ богомъ курій. Такимъ образомъ Юнона Курисъ является вмѣстѣ съ Янусомъ Квириномъ ²⁶⁸; а такъ какъ онъ былъ вѣроятно божествомъ-копьемъ, то его спутница была безъ сомнѣнія тѣмъ же. Даже самое названіе *курій*, посвященныхъ служенію Юноны Курисъ, заимствовано, какъ кажется, отъ того же символа *quiris*, отъ котораго получили свои названія оба Квирин и Юнона Курисъ. Вышеприведенная этимологія, по которой *mensae curiales* производятся отъ *curia*, указываетъ также на то, что и слово *curia* происходитъ отъ *curis*. Здѣсь нужно припомнить то, что мы уже прежде замѣтили, именно, что первоначально слово это могло относиться только къ копью; основываясь на этомъ, мы утверждаемъ, что куріи были общими часовнями копій (*Lanzensapellen*) и священными мѣстами символическаго культа; онѣ, слѣдовательно, имѣли тоже значеніе для отдѣльныхъ родовъ квиритскихъ, какое имѣла *регія* для цѣлага квиритскаго народа ²⁶⁹.

Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что Янусъ и Юнона имѣли съ Марсомъ общимъ символомъ копье. Къ этимъ богамъ можно безъ сомнѣнія присоединить и Весту, потому что и она имѣла символомъ копье, какъ это уже было упомянуто. Но *hasta puga* придавалась также и Пенатамъ, такъ-что можно считать и ихъ божествами-копьями ²⁷⁰. Всѣ прочія божества, изображающіяся съ *hasta puga*, или выдуманы или не принадлежать вовсе квиритскому культу, какъ напр. Венера, которая не является въ древнѣйшихъ индигитаментяхъ ни съ латинскимъ, ни съ греческимъ именемъ.

Впрочемъ уже въ древности, да и въ наше время утверждали нѣкоторые, что римскіе Пенаты вообще находились не въ Римѣ, а въ Лавиніумѣ ²⁷¹. Вѣроятно, лавинское преданіе утверждало, что Пенаты два раза возвращались изъ Рима въ Лавиніумъ и наконецъ тамъ остались ²⁷². Впрочемъ тоже самое говорили лавинскіе жрецы касательно Альбы, ²⁷³ между тѣмъ какъ мы знаемъ, что альбанскимъ Пенатамъ поклонялись въ Альбѣ ²⁷⁴. Вообще служеніе Пенатамъ нельзя отдѣлить отъ служенія Вестѣ; Веста и Пенаты являются вмѣстѣ и на монетахъ ²⁷⁵ и у писателей ²⁷⁶; они имѣютъ одни и тѣже символы, *simpulum* и *hasta* ²⁷⁷. Ежегодныя жертвы, совершае-

мы римскими магистратами въ Лавиніумѣ и Альбѣ, производилась одинаково какъ въ честь Весты, такъ и въ честь Пенатовъ ²⁷⁸. Отъ того уже изъ древнихъ ²⁷⁹ спрашивали нѣкоторые, не слѣдовало ли бы причислить Весту къ числу Пенатовъ, не спутница ли она ихъ? Въ самомъ дѣлѣ поклоненіе Вестѣ не только существовало въ Римѣ, но было даже однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ поклоненій; но такъ какъ служеніе Вестѣ въ Римѣ было отраслю (Filiacultus) лавинскаго служенія, а въ Лавиніумѣ Веста была тѣсно соединена съ Пенатами, то невозможно допустить, чтобы Веста была перенесена одна въ Римъ, а Пенаты оставлены. Жертвы, совершаемыя римскими магистратами въ Лавиніумѣ, вовсе не доказываютъ, что Пенаты были тамъ оставлены. Здѣсь приносились жертвы также и Вестѣ, хотя никто не сомнѣвался, что римская Веста находилась въ Римѣ. Мы знаемъ впрочемъ, что самъ Варронъ признавалъ преданіе, распущенное Лавинцами ²⁸⁰. Овидій, вѣроятно, также раздѣлялъ это мнѣніе, ибо онъ совершенно молчитъ о Пенатахъ. Но свидѣтельство Варрона произошло, кажется, отъ того, что онъ въ Римѣ искалъ напрасно статуй Пенатовъ. Древніе заключали обыкновенно о существованіи боговъ по существованію ихъ статуй; а такъ какъ изображеній Пенатовъ не было, то они и вывели отсюда, что Пенаты находились не въ Римѣ, а въ Лавиніумѣ. И такъ, ежели Пенаты не остались въ Лавиніумѣ, то спрашивается далѣе, гдѣ и какъ поклонялись имъ въ Римѣ? Уже вышеупомянутая связь культа Весты съ служеніемъ Пенатамъ даетъ намъ право полагать, что въ Римѣ, равно какъ и въ Лавиніумѣ, поклонялись Пенатамъ вмѣстѣ съ Вестой и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Есть положительныя свидѣтельства, что Пенаты, какъ *di penetrales* ²⁸¹, занимали *penetralia* ²⁸², и что каждый *focus*, ²⁸³ каждая *culina* ²⁸⁴, (слѣдовательно также огненный очагъ) былъ имъ посвященъ. Но *penetralia* римскаго государства и *focus publicus* былъ храмъ Весты ²⁸⁵, съ региєю соединенною съ нимъ, и *Penates P. R.* должны были быть главами публичнаго очага (*focus publicus*) и пенетралій римскаго государства, какъ частныя пенаты были властелинами пенетралій и очага домовъ частныхъ. Правда, упоминается объ особенномъ храмѣ Пенатовъ въ Веліи, но онъ воздвигнутъ позднѣе (во всякомъ случаѣ, послѣ Тулла Гостилія), и служеніе, совершавшееся въ немъ, не могло быть культомъ первоначальнымъ ²⁸⁶. Основываясь на всемъ этомъ, мы можемъ принять, что Пенатамъ и Вестѣ поклонялись въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Впрочемъ нѣтъ положительныхъ извѣстій, находились ли Пенаты въ самомъ храмѣ Весты или въ его ообщѣ

Репота. Есть у Сервія одно замѣчательное мѣсто, гдѣ онъ говоритъ ²⁸⁷, что Салии были служителями Пенатовъ; но такъ какъ Салии исправляли свою службу въ сакраріи Марса, то намъ необходимо слѣдуетъ принять, что и Пенаты находились въ регіи въ сакраріи Марса. Здѣсь хранились, какъ извѣстно, кромѣ анцилій, еще *baetae Martiae*, и въ нихъ то мы узнаемъ Пенатовъ. Чтобы основательно подтвердить это мнѣніе, нужно прежде всего отстранить обыкновенное мнѣніе, которое представляетъ Пенатовъ боже-ствами въ человѣческой формѣ. Это представленіе основывается частью на извѣстіяхъ, находящихся у древнихъ о Пенатахъ Энея, частью на Діонисіевомъ описаніи храма Пенатовъ и на изображеніи ихъ на монетахъ.

Что касается до свидѣтельствъ древнихъ, то надобно сознаться, что они всѣ согласны между собою и подтверждаются авторитетомъ Варрона ²⁸⁸. Большая часть изъ нихъ говорятъ, что Эней привезъ изъ Трои въ Лавиніумъ каменные или деревянными изображенія Пенатовъ. Но эти свидѣтельства теряютъ рѣшительно свою силу, когда ихъ сравнишь съ совершенно имъ противоположнымъ свидѣтельствомъ Тимея ²⁸⁹. Этотъ историкъ, посѣтившій Лавиніумъ за два столѣтія до Варрона, говоритъ, что, по разсказу Лавинцевъ, въ лавинскомъ храмѣ не было никакихъ другихъ святиль, кромѣ священнаго сосуда и частью желѣзныхъ, частью мѣдныхъ тростей. Если за два столѣтія до Варрона не было въ лавинскомъ святилищѣ статуй Пенатовъ, то спрашивается, откуда же онѣ явились въ послѣдствіи? Если бы кто хотѣлъ утверждать, что сооруженіе статуй Пенатовъ въ Лавиніумѣ было новизною, подобно палладіуму, то все-таки нужно согласиться, что это учрежденіе уже потому, что оно было новизною, не могло бы доказать существованія статуй римскихъ Пенатовъ, ибо послѣдніе должны были необходимо сохранить первоначальную форму Пенатовъ лавинскихъ, потому уже, что возникли прежде упомянутого нововведенія. Но мы не можемъ согласиться, что подобныя статуи были въ Лавиніумѣ хотя бы даже и въ позднѣйшее время, ибо весьма легко доказать, что Варронъ не выдалъ самъ никакихъ статуй Пенатовъ въ Лавиніумѣ, и говорилъ объ этомъ, не имѣя самъ хорошихъ и вѣрныхъ извѣстій. Онъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ, что ни число Пенатовъ, ни имена ихъ неизвѣстны ²⁹⁰. Это вовсе не его субъективное мнѣніе, но мнѣніе довольно общее и распространенное, что доказывается споромъ, который господствовало между учеными изыскателями древностей въ Римѣ, споромъ касатель-но числа, именъ и рода Пенатовъ. Такъ утверждали нѣкоторые, что

Пенаты — это Юпитеръ, Минерва и Юнона ²⁹¹. Нигидій и Лабеоузъ утверждали, что это Нептунъ и Аполлонъ ²⁹². Кассій принималъ ихъ за Фортуну, Цереру, Генія Ювiалiа (Genius Jovialis) и Pales ²⁹³. Нигидій утверждалъ, что есть четыре рода Пенатовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенное значеніе ²⁹⁴. Если бы Варронъ видѣлъ Пенатовъ въ Лавиніумѣ, изображенныхъ въ человѣческой формѣ, какъ же бы ему осталось неизвѣстно ихъ число? Если бы въ Римѣ и Лавиніумѣ находились въ самомъ дѣлѣ статуи Пенатовъ, то какимъ же образомъ могли приведенные нами ученые спорить объ числѣ ихъ? Какъ же бы они могли расходиться другъ съ другомъ въ мнѣніяхъ, касательно ихъ именъ до того, что они считали Пенатами боговъ, отличныхъ другъ отъ друга даже по роду своему и по внѣшней формѣ? Стоитъ только припомнить, что въ Лавиніумѣ только жрецы могли видѣть Пенатовъ; прочимъ они были недоступны ²⁹⁵: и такъ нѣтъ сомнѣній, что Варронъ и другіе, кто только ни говорилъ о статуяхъ Энеевыхъ Пенатовъ, имѣли дурные источники подъ руками и приписывали Пенатамъ человѣческую форму только потому, что они вообще не могли себѣ представить боговъ подъ другимъ видомъ. Мы переходимъ теперь къ другимъ свидѣтельствамъ, которыя, по видимому, говорятъ въ пользу изображенія Пенатовъ въ человѣческомъ образѣ. Сюда относятся изображенія Пенатовъ на монетахъ и Діонисіево описаніе храма Пенатовъ. Изображеній на монетахъ нельзя ни подъ какомъ видомъ отвергнуть ²⁹⁶. На одной монетѣ изображенъ Пенатъ, какъ юноша, съ *basta pura* и *simpulum*, съ подписью *Penates P. R.* На другихъ представляются Пенаты въ видѣ двухъ дѣтскихъ головъ съ надписью: *D. P. P.* или *D. P.* или *Dei Penates*. Но вѣдь Веста изображается также подобнымъ образомъ на монетахъ, однакожъ мы знаемъ навѣрно, что она не имѣла въ храмѣ своемъ ни одной статуи. Изображеніе Пенатовъ на монетахъ вовсе не было общимъ, а основывалось чисто на субъективномъ мнѣніи выбивателей;—это подтверждается тѣмъ, что упоминаютъ также и о женскихъ Пенатахъ ²⁹⁷, что даже Веста причисляется къ нимъ ²⁹⁸. Еслибы изображеніе Пенатовъ, такое, какое встрѣчается на монетахъ, было основано на общемъ мнѣніи, то какимъ же образомъ могла быть рѣчь о женскихъ Пенатахъ или даже о Вестѣ-пенатѣ? Возможенъ ли въ такомъ случаѣ упомянутый споръ касательно именъ, числа и рода Пенатовъ? Намъ остается такимъ образомъ еще разобрать свидѣтельство Діонисіа, но и оно не въ состояніи поддержать мнѣнія, оспариваемаго нами. Діонсій описываетъ изображенія Пенатовъ, находящіяся въ храмѣ Пенатовъ, и гово-

рить, что они представлены въ видѣ двухъ сидящихъ юношей въ воинской одеждѣ, что они держатъ свои копья врознь, и прибавляетъ, что онъ видѣлъ много подобныхъ изображеній въ другихъ древнихъ храмахъ Рима³⁰⁰. Уже Амброшъ доказалъ, что храмъ, описываемый Діонисіемъ, ни подѣ какимъ видомъ не могъ быть извѣстнымъ храмомъ Пенатовъ въ Веліи³⁰⁰, и это мнѣніе, не говоря уже о важныхъ доказательствахъ, приводимыхъ имъ, подкрѣпляется сильно тѣмъ, что еслибы въ Римѣ существовали изображенія общественныхъ Пенатовъ гдѣ бы то ни было и преимущественно во многихъ храмахъ, то не возникло бы ложное мнѣніе, что Пенаты находятся не въ Римѣ, а въ Лавиніи. Несмотря на это однакожъ, мы должны нѣсколько отступить отъ ученаго изыскателя въ томъ, что мы считаемъ двухъ боговъ, описанныхъ Діонисіемъ, не Діоскурами какъ онъ, а Ларами согласно съ Герцбергомъ³⁰¹. Діонисій врядъ ли могъ видѣть въ Римѣ много храмовъ Діоскуровъ; зато на каждомъ перекресткѣ выставлялись въ часовняхъ такъ называемые *Lares compitales*³⁰². Эти *Lares* изображались въ иныхъ часовняхъ какъ Пенаты; здѣсь нѣтъ ничего невѣроятнаго; стоитъ только припомнить, какъ часто смѣшивали боговъ совершенно разнородныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, позднѣйшее соединеніе или лучше сказать совершенное отождествленіе Пенатовъ съ Ларами подтверждается частью надписью, на которой написано: *Larum Penatum*³⁰³, частью мѣстами, собранными Герцбергомъ³⁰⁴, число которыхъ можно еще значительно умножить³⁰⁵. Только послѣ этого смѣшенія стали выставлять изображенія Пенатовъ возлѣ изображеній Ларовъ на очагахъ частныхъ домовъ; только послѣ этого Пенаты стали семейными божествами, чѣмъ они первоначально уже потому не могли быть, что они сами были перенесены изъ чужбины.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что нѣтъ никакой основательной причины принимать существованіе Пенатовъ римскаго народа, въ ихъ собственномъ святилищѣ, въ образѣ человѣческомъ. Черезъ это становится наше вышевысказанное мнѣніе уже гораздо вѣроятнѣе, ибо кромѣ анеропоморфической формы нельзя предполагать въ Римѣ иной, какъ символической. И такъ, Пенаты изображались копьями. Въ пользу этого говорить, во первыхъ, извѣстіе, сохраненное намъ Юстиномъ, что всѣ римскіе боги изображались первоначально въ видѣ копій; во вторыхъ, вышеприведенное обстоятельство, что главнымъ мѣстомъ поклоненія Пенатамъ было *sacragium Martis*, гдѣ сохранялись священныя копья. Далѣе, изъ всего этого вытекаетъ необходимо, что римскій культъ Пенатовъ былъ отраслью

(*Filialcultus*) и снимкомъ съ культа лавинскаго; а въ Лавиніумъ не было во времена Тимея другихъ святинь, кромѣ глинянаго сосуда и металлическихъ тростей. Принявъ далѣе въ соображеніе, что культъ Весты былъ также отраслью лавинскаго культа, и что въ Лавиніумъ оба культа были соединены также какъ и въ Римѣ, читатели не найдутъ, вѣроятно, мнѣніе наше очень смѣлымъ, что глиняный сосудъ лавинскаго святилища былъ первообразомъ для серпн въ храмѣ Весты, а трости-для *hastae Martiae*. Впрочемъ одно мѣсто у Сервія ³⁰⁶ подтверждаетъ наше мнѣніе вполнѣ. Это мѣсто читается въ рукописи такъ: *Nam et Samothraces horum Penatium antistites Coes (al. suos) vocabant, qui postea a Romanis Salii appellati sunt; hi enim sacra Deorum Penatium curabant; quos tamen Penates alii Apollinem et Neptunum volunt; alii astatas in regia positos tradunt.* Принятое Ліономъ исправленіе *hastatos in regia positos*, какъ кажется, весьма легко, но оно не объясняетъ, какимъ образомъ могла произойти безобразная форма *astatas*. Это можно совершенно объяснить только тѣмъ, что она произошла отъ *hostos* чрезъ удвоеніе слога, что часто случается. Слѣдующее за тѣмъ *positas* не противорѣчитъ нашему объясненію, ибо послѣ того какъ явилось непонятное *astatas*, какой нибудь несвѣдующій переписчикъ могъ легко его отнести къ Аполлону и Нептуну. Далѣе, предложенное Ліономъ *hastatas* не можетъ означать просто изображенія боговъ съ копьями, даже у такого плохаго писателя, какъ Сервій. Сервій написалъ навѣрно *hastae in regia positas*; это доказывается уже тѣмъ, что въ регіи находились не *hastati* (кромѣ изображенія Марса), а *hastae Martiae*.

Не менѣе важное мѣсто въ символическомъ культѣ квиритовъ занимало поклоненіе рѣкамъ, учрежденное вѣроятно Нумою ^{306. b)} Вода считалась вообще божественною стихіею, и отъ того она употреблялась часто вмѣстѣ съ огнемъ при квиритскомъ культѣ. Но особеннымъ уваженіемъ пользовалась проточная вода въ ручьяхъ; при служеніи Вестѣ, въ которомъ употребляли огонь и воду, брали воду обыкновенно только изъ ручьевъ ³⁰⁷. Всѣ вообще рѣки въ Римѣ были боготворимы; въ честь имъ учреждено было общее празднество *Fontinalia* ³⁰⁸. Нимфы *Camenae*, повелѣвающія рѣками, имѣли общее святилище ³⁰⁹. Нѣкоторыя рѣки, какъ кажется, пользовались особеннымъ уваженіемъ; такими являются обыкновенно Тибръ, какъ *pater Tiberinus* ³¹⁰, *amnis Petronia* ³¹¹, *Juturna* ³¹², *Numicus* ³¹³, *Egeria* ³¹⁴, *Spino*, *Almo* и *Nodinus* ³¹⁵. Судя по одному извѣстію Арнобія, божества рѣчныя принадлежали также къ индигитамъ ³¹⁶; именно говорится объ Пумпидѣ, что онъ былъ *Indi-*

ges³¹⁷. Нѣтъ, правда, положительныхъ извѣстій касательно того, было ли служеніе рѣкамъ символическое; но совершенное молчаніе древнихъ касательно изображеній рѣчныхъ божествъ, обычай совершать празднества у самыхъ ручьевъ, при чемъ бросались обыкновенно вѣнки въ воду и увѣнчивались колодцы, все это подтверждаетъ, что они, какъ божества природы, не имѣли еще никакихъ изображеній, выставленныхъ въ храмахъ. По крайней мѣрѣ имена *Serga* и *Coluber*, придаваемые въ индигитаментахъ Тиберину, заставляютъ насъ думать, что квириды вовсе его не представляли существомъ человѣческой формы³¹⁸. Одно то, что рѣчное божество, нимфа *Эгерія*, представляется въ преданіи то супругою, то совѣтницею основателя квиритской религіи³¹⁹, который по внушенію ея ввелъ всѣ квиритскія сакры³²⁰, одно это указываетъ на высокое значеніе, какое имѣло поклоненіе рѣкамъ въ квиритской религіи. По другимъ, эта роль принадлежитъ всѣмъ вообще нимфамъ водянымъ³²¹, къ числу которыхъ относилась *Эгерія*. Объ этихъ нимфахъ рассказываютъ, что всякій, кто только увидитъ образъ ихъ въ водѣ, сходитъ съ ума³²². На такую силу водяныхъ нимфъ указываетъ самый языкъ, который сумасшедшаго называетъ *lymphatus*³²³. Объ Нумѣ ходило преданіе, что онъ видѣлъ боговъ въ водяныхъ струяхъ³²⁴; отъ того онъ въ преданіи и является какъ истинный *νυμφάληπτος* (*lymphatus*), конечно въ хорошемъ смыслѣ, т. е. какъ вдохновенный: этотъ предикатъ далъ Нумѣ Диомедъ, основываясь вѣроятно на вѣрныхъ источникахъ^{324 b}).

Теперь, когда мы увидѣли, что квиритскій культъ, основанный Нумою, былъ символическимъ служеніемъ природѣ, и когда такимъ образомъ свидѣтельство Варрона подтверждается всѣмъ доселѣ сказаннымъ, перейдемъ къ другому признаку, которымъ, по приведеннымъ выше свидѣтельствамъ, квиритская религія Нумы отличается отъ другой, именно къ кроткому и человѣческому характеру ея, который виденъ ясно особенно при жертвоприношеніяхъ. Мы привели уже выше свидѣтельства Плинія и Овидія, по которымъ Нума установилъ жертвы изъ растительной природы. Разсмотримъ сакры, имѣ учрежденные, и мы увидимъ, что и это свидѣтельство древнихъ касательно его религіи подтверждается вполне. Главную роль въ жертвахъ, установленныхъ Нумою, играетъ жито³²⁵, которое приносится въ жертву Вестѣ. Сами весталки поджаривали, толкли и обрушивали жито, потомъ смѣшивали его съ солью³²⁶, вѣроятно съ нарочно для того приготовленнымъ разсоломъ³²⁷, и употребляли такое тѣсто (*mola salsa*) при жертвоприно-

шеніяхъ. Это тѣсто называется еще чистымъ, *mola casta*³²⁸, *far pium*³²⁹, потому что оно приготовлялось посредствомъ воды и огня, двухъ священныхъ стихій³³⁰. По крайней мѣрѣ жито не жаренное считалось Нумою нечистымъ и негоднымъ для жертвоприношеній³³¹. Да и разсолъ могъ приготовляться только изъ рѣчной воды, а не изъ водопроводной³³². Такимъ образомъ апоеоза двухъ этихъ стихій видна и при жертвоприношеніяхъ. Но не одной Вестѣ приносились жертвы изъ растительной природы; это дѣлалось первоначально и другимъ квиритскимъ божествамъ. Судя по одному мѣсту изъ Горация³³³, ясно видно, что *far pium* и *mola salsa* приносились въ жертву также и Пенатамъ. Термину можно было приносить въ жертву, по предписанію Нумы, только муку и первенцы изъ плодовъ³³⁴. Въ куріяхъ приносили въ жертву жито и муку; это видно ясно уже изъ того, что жито обыкновенно жарилось во время общаго праздника курій, во время *форнакалій*³³⁵. Діонисій³³⁶ говоритъ, что онъ нашелъ въ куріальныхъ домахъ на деревянныхъ столахъ кушанья въ корзинахъ и глиняныхъ блюдахъ, и притомъ не мясныя кушанья, но ячменные лепешки и пироги, жито и первенцы изъ плодовъ. Правда, позднѣе упоминается о животныхъ, приносимыхъ въ жертву въ куріяхъ³³⁷; но это не были жертвы первоначальныя, а введены вѣроятно въ квиритскія сакры послѣ совершеннаго слитія обоихъ культовъ. Но жито сохранило всегда все первоначальное древнее значеніе, ибо при кровавомъ жертвоприношеніи животныхъ приносилось оно богамъ какъ *прѣдуща*³³⁸.

Мы видимъ такимъ образомъ, что квиритское богослуженіе сохранило свой первоначальный характеръ и въ позднѣйшемъ государственномъ культѣ Рима. Кроткое, символическое, простое, аграрное, даже бѣдное по своей наружной формѣ и по обрядамъ, оно стояло въ яркой противоположности къ великолѣпному, кровавому служенію боговъ анеропоморфическихъ. Мы уже выше сказали, что древніе выводили послѣднее изъ Этруріи, и это извѣстіе подтверждается касательно происхожденія ихъ культа въ Римѣ. Разсматривая анеропоморфическихъ боговъ Рима, мы тотчасъ замѣтимъ, что большая часть ихъ, за исключеніемъ боговъ, происходящихъ изъ Греціи, боги этрусскіе. Первое мѣсто между культурами анеропоморфическихъ боговъ въ Римѣ занимаетъ культъ капитолинскій. Регія была пантеономъ квиритскихъ боговъ-копій, Капитолій сталъ пантеономъ боговъ анеропоморфическихъ, ибо здѣсь были поставлены ихъ изображенія³³⁹. Отъ того то и регія и Капитолій, при позднѣйшемъ слитіи обоихъ культовъ, занимаютъ вмѣстѣ высокое мѣсто между всѣми другими менѣе важ-

ными святилищами Рима. Построеніе капитолійскаго храма приписывается единогласно этрусскимъ царямъ Рима ³⁴⁰. Первое основаніе храма произошло посредствомъ эвокаціи квиритскихъ боговъ ³⁴¹, которые были чужды основателю храма ³⁴². Храмъ посвященъ былъ первоначально тремъ этрусскимъ божествамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ, ибо по предписанію этрусской гаруспицины ни одинъ городъ не могъ быть основанъ безъ храма этихъ трехъ божествъ ³⁴³. При основаніи храма помогали этрусскіе гаруспексы ³⁴⁴; этрусскіе художники построили его ³⁴⁵. Расположеніе храма соответствуетъ вполне расположенію этрусскихъ храмовъ, которое описалъ Витрувій ³⁴⁶. Глиняное изображеніе Юпитера капитолійскаго было одѣлано, по Варрону, этрусскимъ художникомъ ³⁴⁷. Онъ говоритъ, что въ Римѣ до построенія храма Цереры возлѣ Большаго-цирка всѣ произведенія архитектуры и ваянія были этрусскія ³⁴⁸. Глиняная четверня коней, которая стояла на верхушкѣ передней кровли храма капитолійскаго, была сдѣлана, тотчасъ послѣ изгнанія царей, въ Веяхъ ³⁴⁹. Вообще, въ Римѣ можно было найти много произведеній этрусской пластики; множество свидѣтельствъ подтверждаютъ это ³⁵⁰; ваяніе статуй боговъ выводятъ изъ Этруріи ³⁵¹. Но не только изображеніе Юпитера капитолійскаго, даже нарядъ его и украшеніе рѣшительно этрусскія ³⁵². Это было не что иное какъ великолѣпная одежда гордыхъ лукумоновъ ³⁵³: золотая этрусская корона, (согана *etrusca*), этрусская пурпуровая одежда и скипетръ ³⁵⁴. Красить изображеніе Юпитера сурикомъ ³⁵⁵ былъ также обычай этрусскій. Этотъ обычай былъ, какъ кажется, общій, и всѣ изображенія другихъ божествъ были выкрашены тожею краскою ³⁵⁶.

Въ тѣсной связи съ капитолійскомъ культомъ находился, какъ кажется, триумфъ, игры цирка и календарь. Одежда триумфатора и претора, председательствующаго на играхъ въ циркѣ, была одежда Юпитера капитолійскаго ³⁵⁷. Триумфаторъ надѣвалъ нарядъ божества, даже золотую этрусскую корону, а въ старину даже красилъ себѣ лице сурикомъ ³⁵⁸, чтобы имѣть еще болѣе сходства съ Юпитеромъ. Цирценское шествіе (*rompra circensis*) шло отъ Капитолія къ цирку ³⁵⁹. При этомъ несли кадильницы, великолѣпные храмовые сосуды изъ золота и серебра и изображенія боговъ. Все шествіе имѣло видъ торжественный и воинственный; впереди тянулись рядами юноши, сыновья всадниковъ на лошадяхъ, прочіе пѣшкомъ; за ними слѣдовали коновожатые, бойцы и вооруженные танцовщики съ цитаристами и флейщиками ³⁶⁰. Игры производились въ честь капитолійскихъ боговъ; однакоже несли изображенія и

другихъ боговъ, какъ бы указывая на тѣсную связь боговъ капитолійскихъ съ другими анеропоморфическими богами ³⁶¹. И триумфъ и *rompra circensis* были, судя по вѣрнымъ свидѣтельствамъ, этрусскія торжественныя шествія, которыя можно видѣть еще и теперь на художественныхъ памятникахъ Этруріи ³⁶². Календарь ³⁶³, принесенный въ Римъ изъ Этруріи, сохранилъ даже позднѣе свое первоначальное отношеніе къ капитолійскому богослуженію. Главныя раздѣленія мѣсяцевъ, *calendae* и *idae*, были посвящены капитолійскимъ богамъ Юпитеру и Юнонѣ ³⁶⁴. Юнонѣ приносились жертвы на календы ³⁶⁵, Юпитеру на иды и нундины ³⁶⁶. Въ Капитоліи находилась *Curia Calabra*, куда при началѣ каждаго мѣсяца *pontifex* *minor* сзывалъ плебеевъ, чтобы возвѣстить имъ число дней, оставшихся до нонъ (*nonae*) ³⁶⁷. Такъ называемыя *ager Nonalia*, при которыхъ *rex sacrificulus* возвѣщалъ народу мѣсячные праздники, совершались въ Капитоліи ³⁶⁸. Въ стѣну храма капитолійскаго вбивался первоначально ежегодно гвоздь по образу Волсинскихъ ежегодныхъ гвоздей Нарціи. Такимъ образомъ всѣ религіозныя учрежденія Рима, происходящія изъ Этруріи, были первоначально связаны съ культомъ капитолійскимъ.

Къ анеропоморфическому культу, происходящему изъ Этруріи, принадлежало, кромѣ капитолійской тріады, вѣроятно, еще много другихъ боговъ, какъ то: Нептунъ, Марсъ-Градивъ, Вулканъ, Ведій, Сумманъ, Церера, Либеръ, Либера, Венера, Меркурій, Янусъ, Вертунъ, Флора и Помона, Палесъ, Палатуа, Фурина, Фалацерь, Волтурнъ, а также Лары и Маны съ ихъ матерью Ларенціею или Ларундою. Нептунъ и воинственный Марсъ находились въ тѣсной связи съ этрусскими конными играми. Первому какъ *Consus* посвящены были *Consualia* ³⁶⁹; второму *Equitia*. ³⁷⁰ Воинственный Марсъ имѣлъ въ Римѣ храмъ за городомъ ³⁷¹, а такъ какъ это соответствовало совершенно этрусской гаруспицинѣ ³⁷², то не трудно узнать въ немъ Марса этрусскаго. Коневій Нептунъ (*Neptunus equester*) находился кромѣ того, какъ кажется, въ близкой связи съ этрусскими конными центуріями. По одному весьма занимательному извѣстію Сервія ³⁷³, богатые всадники давали въ старину денегъ на сооруженіе морской силы, по бѣдности патриціевъ, и отъ того-то вѣроятно богъ получилъ прозвище *equester*. Марсъ, Нептунъ и Вулканъ находились въ самой близкой связи съ этрусскими гладіаторскими играми; ибо оружія Мирмиллоновъ (*Mirmillones*) и Секуторовъ (*Secutores*) посвящались Вулкану, Реціаріевъ (*Retiarii*) Нептуну, а оружія конныхъ гладіаторовъ (*gladiatores equestres*) воинственному Марсу ³⁷⁴. Мюллеръ

уже доказалъ, что Вулканъ, Церера, Ведій и Сумманъ, Венера и Либъ въ этрусского происхожденія ³⁷⁵. Меркурій тоже; это доказываетъ уже тѣмъ, что ему поклонялись въ Капитоліи, и что основаніе его культа приписываютъ Тарквинію ³⁷⁶. Янусъ и Вертумнъ того же самаго происхожденія. Вертумнъ стоялъ въ этрусской части города ³⁷⁷, и объ немъ говорятъ положительно, что онъ былъ этрусскимъ богомъ ³⁷⁸. Варронъ считалъ и Януса такимъ же ³⁷⁹. Его четверолицевое изображеніе выводилось изъ этрусского города Фалеріи (*Falerii*) ³⁸⁰; даже его двулицевой образъ встрѣчается на этрусскихъ монетахъ ³⁸¹. Уже одно преданіе, что Янусъ Геминъ помогалъ Ромулу, въ борьбѣ съ квинритами, подтверждаетъ его неквинритское происхожденіе ³⁸². Нецѣломудренное служеніе Флоры въ циркѣ и овязь, въ которой находились съ ней въ Римѣ продажныя женщины, происходившія изъ Этруріи ³⁸³, говорятъ явно въ пользу этрусского происхожденія этой богини. Помона, какъ любовница этрусского Вертумна, не можетъ быть отдѣлена отъ него ³⁸⁴. Флора и Помона имѣли надзоръ надъ цвѣтами и плодами: на это указываютъ ихъ имена; а цвѣты и плоды продавались въ этрусскомъ кварталѣ ³⁸⁵. *Fales* была однимъ изъ этрусскихъ женскихъ пенатовъ: немногимъ отличалась отъ нея и *Palatua* ³⁸⁶. Никто не знаетъ, кто такая была *Faſcia* ³⁸⁷; ей впрочемъ были посвящены особенныя игры въ циркѣ ³⁸⁸; отсюда вѣроятно, что она находилась въ тѣсной связи съ этрусскимъ культомъ въ Римѣ. *Pater Falacer* былъ также совершенно неизвѣстный богъ; но одно имя его обличаетъ уже этрусское происхожденіе ³⁸⁹. *Voltumnus* былъ собственно этрусскій рѣчной богъ: онъ господствовалъ въ рѣкѣ, которая текла при этрусскомъ городѣ Волтурнѣ (позднѣ Капуя) ³⁹⁰. Служеніе Ларамъ чисто было этрусское; самое имя ихъ было этрусское и означало вѣроятно господина ³⁹¹. *Lares-viales*, т. е. души умершихъ (*mares pioum* ³⁹²), упоминаются въ самомъ дѣлѣ въ Ахерунтскихъ книгахъ Этруріи ³⁹³. Лары находились въ Римѣ въ близкомъ отношеніи къ этрусскому календарю, ибо имъ приносили частныя люди жертвы на календы, ноны и иды ³⁹⁴. На этрусское происхожденіе Ларовъ указываетъ патриціанское преданіе, по которому мать ихъ Ларенція ³⁹⁵ была сначала женщиной продажной, а въ послѣдствіи вышла замужъ за богатаго Этруска ³⁹⁶. — Въ Римѣ были перенесены не только многіе боги Этруріи, но даже самое этрусское ученіе о богахъ; мы встрѣчаемъ въ Римѣ этрусскія понятія о богахъ высшихъ, *dii superiores*, *consentes* и *complices* ³⁹⁷;

даже статуи этрусскихъ Консентовъ были выставлены на форумъ ³⁹⁸. Далѣ весь внѣшній культъ анеропоморфическихъ боговъ въ Римѣ этрусскій; флейта, трубы, куреніе, кровавыя жертвы и гаданія по нимъ, все это, кажется, происхожденія этрусскаго. Въ высшей степени вѣроятно, что обычай куренія перенесенъ въ Римъ изъ Этруріи ³⁹⁹, а флейта и труба были достоверно этрусскіе инструменты ⁴⁰⁰. Флейщики были даже въ позднѣйшее время Этруски, также какъ и гаруспексы, и находились въ отношеніи весьма близкомъ съ капитолійскимъ культомъ ⁴⁰¹. Происходило ли приношеніе кровавыхъ жертвъ изъ Этруріи, объ этомъ правда достоверныхъ извѣстій нѣтъ, но это весьма вѣроятно. Между учрежденіями, перешедшими въ Римъ изъ Этруріи, Страбонъ упоминаетъ жертвы ⁴⁰². Этруски считались вообще дѣятельными жертвоприносителями ⁴⁰³, и что это мнѣніе древнихъ относится къ кровавымъ жертвамъ, то за это говорятъ—связь жертвоприношеній съ гаданіями по жертвамъ и одно свидѣтельство Ливія ⁴⁰⁴. Все римское ученіе о жертвахъ, по скольку оно касалось кровавыхъ жертвъ, не только первоначально находилось подъ ихъ вліяніемъ, но осталось такъ навсегда. Этрускіе гаруспексы указывали всегда при *прокураціи предигій*, какихъ животныхъ нужно было приносить въ жертву тому или другому божеству ⁴⁰⁵. И не только въ чрезвычайныхъ случаяхъ пользовались ихъ искусствомъ, но и при обыкновенныхъ жертвахъ. Полководцы, отправлявшіеся къ войску, брали съ собою гаруспексовъ ⁴⁰⁶; гаруспексы сопровождали еще во времена Цицерона магистратовъ, отправлявшихся въ провинціи ⁴⁰⁷, и Цицеронъ говоритъ, что ихъ искусствомъ пользовались въ древнія времена еще болѣе ⁴⁰⁸. Далѣ, римское дѣленіе жертвъ на *hostiae animales* и *consultatoriae* было, какъ кажется, этрусское ⁴⁰⁹. Въ самомъ дѣлѣ такъ называемыя *sacrificia consultatoria* находились подъ этрусскимъ вліяніемъ, ибо были всегда сопряжены съ *extispicium* ⁴¹⁰, совершаемымъ этрусскими гаруспексами. Такимъ образомъ, главная часть ученія о жертвахъ стояла очевидно въ самой тѣсной связи съ этрусскимъ гаданіемъ по жертвамъ. Древніе говорили прямо, что римское ученіе о жертвахъ было определено столькоже посредствомъ *responsa haruspicum*, сколько рѣшеніями первосвященниковъ и сената ⁴¹¹. Отъ того-то въ чрезвычайныхъ случаяхъ совѣтывались съ гаруспексами касательно жертвоприношеній, и тогда определялись по ихъ предписаніямъ не только виды жертвъ, но и самое время ихъ ⁴¹².

Нѣтъ причинъ также сомнѣваться въ этрусскомъ происхожденіи человѣческихъ жертвъ. Еще въ 524 и 536 годахъ отъ построенія города, приносились въ Римъ человѣческія жертвы по предписаніямъ этрусскихъ Libri Fatales ⁴¹³. О послѣднемъ этрусскомъ царѣ Рима говорится, что онъ приносилъ мальчиковъ въ жертву матери Ларовъ ⁴¹⁴; это дѣлалось также, судя по многимъ свидѣтельствамъ, въ честь мановъ (Manes) ⁴¹⁵. Весьма вѣроятно, что гладіаторскія игры ⁴¹⁶, перенесенныя изъ Этруріи, служили замѣною прежнихъ человѣческихъ жертвъ манамъ умершихъ ⁴¹⁷.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТНОШЕНІЕ КВИРИТСКАГО И АНТРОПОМОРФИЧЕСКАГО КУЛЬТА КЪ ПАТРИЦІЯМЪ И ПЛЕБЕЯМЪ.

Мы нашли такимъ образомъ, что всѣ извѣстія древнихъ о существованіи двухъ совершенно различныхъ культовъ въ Римѣ подтверждаются тѣмъ, что въ позднѣйшемъ римскомъ государственномъ культѣ мы встрѣчаемъ два рѣшительно противоположные элемента. Хотя они и слились потомъ неразрывно въ одинъ государственный культъ, единый для всѣхъ членовъ государства; но, не смотря на это, оба они сохранили свои особенныя первоначальныя черты. Если мы взглянемъ на то стародавнее время, когда обѣ религіи существовали самостоятельно другъ возлѣ друга, и спросимъ, въ какомъ же отношеніи находились онѣ первоначально къ двумъ, не менѣе различнымъ, составнымъ частямъ римскаго народа, патриціямъ и плебеямъ,—мы невольно должны предположить, что первоначальныя различія религіи могли совершенно совпадать съ различіями самаго народа. Разсмотримъ теперь все множество указаній касательно первоначальныхъ отношеній обоихъ племенъ къ этимъ культамъ, указаній, которыя видны частью въ самомъ культѣ, частью въ исторіи племенъ; и наше предположеніе возвысится не только до яснаго сознанія, но мы будемъ даже въ состояніи опредѣлить, какой культъ былъ первоначально патриціанскій, какой

плебейскій. Прежде всего мы должны напомнить, что почти всё составныя части анеропоморфическаго культа были первоначально этрусскія, такъ что, по всему вѣроятію, онъ былъ перенесенъ изъ Этруріи; на что указываетъ и преданіе. Такой 'результатъ даетъ намъ въ руки важныя средства рѣшить нашу задачу. До сихъ поръ еще не признано, хотя тѣмъ не менѣе вѣрно, что изъ всѣхъ патриціанскихъ родовъ исторически достоверныхъ ни одинъ не выводилъ себя изъ Этруріи ⁴¹⁸. Мы имѣемъ полное право утверждать, что всё вообще этрусскіе элементы римской жизни были первоначально рѣшительно чужды патриціамъ. Въ плебейхъ напротивъ, хотя въ нихъ не менѣе и латинскаго элемента, видна ясно примесь элементовъ этрусскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сабинскій элементъ былъ такъ сказать главною закваскою латинской субстанціи патриціанскаго племени, точно также элементъ этрусскій былъ еще болѣе сильною закваскою въ латинскихъ плебейхъ. Уже въ Ромуловомъ пристанищѣ (Asylum) упоминаются бѣглецы не только латинскіе, но и этрусскіе ⁴¹⁹. Когда царь квинтовъ выступилъ противъ Ромула, тогда этрусское войско и его вождь, Coeles Vibenna, приходятъ къ Ромулу на помощь и селятся въ Римѣ ⁴²⁰. Послѣ побѣды надъ Вейентинами, побѣжденные толпами были переселены въ Римъ и стали гражданами ⁴²¹. Во время Анка приходитъ съ Тарквиніемъ новая этруская колонія ⁴²², и когда послѣдній дѣлается царемъ, Сервій-Мастарна переселяется изъ Этруріи въ Римъ съ остатками Целіева войска. ⁴²³ Какъ велико было это подкрѣпленіе этрусской части плебеевъ, видно изъ того, что предводитель новаго войска былъ въ состояніи съ его помощью не только вытѣснить враждебныхъ ему патриціевъ изъ высотъ на равнину ⁴²⁴ и такимъ образомъ отмстить за изгнаніе Целійцевъ съ Целійской-горы ⁴²⁵, но даже доставить плебейскому войску новое политическое значеніе. Послѣ изгнанія царей этрусское войско Арунса, разбитое Арицинами, бѣжитъ въ Римъ, какъ въ свой собственный городъ ⁴²⁶, и селится, принятое дружески жителями, въ такъ называемой Тусской-части, vicus Tuscus ⁴²⁷. Въ особенности плебейскіе всадники, эта аристократія плебеевъ, очевидно этрусскаго происхожденія. Уже древніе принимали, что понятія equites и celeres были въ древнѣйшемъ Римѣ равнозначительны ⁴²⁸. Но справедливѣе всего слѣдовать здѣсь Патерну и объяснять это отношеніе такимъ образомъ, что цѣлое плебейское войско называлось celeres, а всадники, какъ главная часть его, назывались такъ по преимуществу ⁴²⁹. Эти celeres находились, какъ извѣстно, подъ начальствомъ Целера (Celer), который былъ первообразомъ позднѣйшихъ Tribuni celerum ⁴³⁰. Объ

немъ говорятъ положительно, что онъ былъ Этрускъ⁴³¹ и бѣжалъ послѣ убіенія Рема опять въ Этрурію⁴³². Судя далѣе по тому, что преданіе приписываетъ ему надзоръ надъ работами при построеніи города⁴³³, и что способъ построенія былъ этрусскій, нельзя не принять мнѣніе, что первый *Tribunus celerum* былъ Этрускъ, и *celer*, которыми онъ начальствовалъ, пришли въ Римъ, ежели не всѣ, то по большой части, изъ Этруріи. Это мнѣніе подтверждается вполнѣ преданіемъ, которое говоритъ, что во время Ромула этрусскій полководецъ *Celes* отправился съ своимъ войскомъ въ Римъ. Припомнивъ, что имя *Celes* только другая форма слова *Celer*, мы должны согласиться, что *Celer*, о которомъ упоминается во время Ромула, былъ не кто иной, какъ Этрускъ *Celes Vibenna*. Рѣшительно-этрусское происхождение римскаго военного устройства, далѣе *insignia*, которыми отличались всадники отъ другихъ сословій, свидѣтельствуютъ о полуетрусскомъ происхожденіи всего войска (*exercitus*) и всего учрежденія всадниковъ. Что касается до военного устройства, то не только въ одеждѣ и вооруженіи римскаго войска видно было много этрусскаго⁴³⁴, но даже наборъ⁴³⁵ солдатъ, первоначальный боевой порядокъ войска⁴³⁶ и намѣреніе лагеря ведутъ, вѣроятно, свое начало также изъ Этруріи⁴³⁷. Точно тоже можно сказать касательно *инсигній* всадниковъ. Кони вывозимы были вообще въ Римъ изъ Этруріи; по крайней мѣрѣ Ливій извѣщаетъ, что для игръ, установленныхъ Тарквиніемъ Прискомъ, кони были приведены изъ Этруріи⁴³⁸; а Сервій, основываясь на одномъ неизвѣстномъ источникѣ⁴³⁹, говоритъ, что въ древнія времена въ Римѣ было чрезвычайно мало лошадей, и что отъ того даже при играхъ употреблялись другія животныя. Есть извѣстія, что въ древнія времена патриціи употребляли колесницы, запряженныя не лошадьми, а мулами⁴⁴⁰. Только вывозъ лошадей изъ Этруріи объясняетъ намъ, отъ чего квириды смотрѣли на лошадь, какъ на проклятое животное, и отъ чего не только квиритскій жрецъ не смѣлъ употреблять ее⁴⁴¹, но даже диктаторъ патриціанскій получалъ особеннымъ закономъ позволеніе сѣсть на лошадь⁴⁴². Тоже самое почти можно сказать о кольцахъ всадниковъ, объ ихъ *трабеи* (*trabea*) и *буллѣ* (*bulla*) ихъ сыновей. Есть извѣстіе, что патриціи не носили первоначально колець⁴⁴³, и что этотъ обычай перешелъ изъ Этруріи⁴⁴⁴. Всадническая *трабея* была этрусская одежда⁴⁴⁵, и *bulla* принадлежала къ числу *инсигній* этрусскихъ лукумоновъ⁴⁴⁶. Только этрусское происхождение всадниковъ можетъ объяснить, какимъ образомъ всадники могли съ самаго начала находиться въ тѣсной связи съ этрусскими играми въ Римѣ. Ихъ сѣ-

новья шли всегда впереди при цирценой помпѣ, *Pompa Circensis* ⁴⁴⁷; богъ Конауалій, Конауъ или конный Нептунъ, *Neptunus equester*, носилъ ихъ имя; они сами имѣли при играхъ съ давнихъ временъ свои особенныя мѣста ⁴⁴⁸. Въ новѣйшее время утверждаютъ, правда, всѣ вообще, слѣдуя Нибуру, что всадники находились въ близкихъ отношеніяхъ съ патриціанскими куріями ⁴⁴⁹, и что этотъ институтъ былъ чисто патриціанскій; но *seleges* уже потому не могли имѣть ничего общаго съ куріями, что у нихъ были, какъ говорятъ вѣрныя свидѣтельства, свои особенныя сакры, совершенно отличныя отъ курій, былъ даже особенный жрецъ ⁴⁵⁰. Если бы всадники были членами курій, то не имѣли бы ни особенныхъ сакръ, тѣмъ менѣе еще особеннаго жреца. Этимъ жрецомъ былъ предводитель конницы, такъ называемый *Tribunus selegum*. Мы правда не знаемъ, въ чемъ состояла его жреческая должность; но припомнимъ, что Этрусскъ *Seleg* былъ также *Tribunus selegum* ⁴⁵¹, и что нѣкоторые изъ неквиритскихъ царей были во время правленія своихъ предшественниковъ такими предводителями конницы ⁴⁵², и суда по вышеозначенному нами отношенію этихъ царей къ квиритской религіи, мы должны предположить, что сакры *selegum* не были сакры квиритскія. Нечего слѣдовательно удивляться, что и въ послѣдствіи, когда патриціанскій *populus* вручилъ чрезвычайную власть въ руки диктатору (*Magister populi*, какъ его называли), то всадники, *equites*, были подчинены особенному предводителю, *Magister equitum* ⁴⁵³, котораго прямо называютъ наследникомъ трибуна *selegum* ⁴⁵⁴. Посмотримъ далѣе на другія ремесла, которыми занимались римскіе плебеи (на торговлю и промышленность), и мы увидимъ, что онѣ также происходятъ изъ Этруріи, какъ и военное искусство. Правда, у насъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, что торговля и ремесла были принесены изъ Этруріи, но судя по многимъ даннымъ, это весьма вѣроятно. Богатство является по римскому сказанію только съ Этрускомъ Тарквиніемъ. Онъ былъ сынъ купца ⁴⁵⁵, дарилъ народу деньги; царь полюбилъ его за то, что онъ ему давалъ деньги въ займы ⁴⁵⁶. Вообще источники мало говорятъ о богатствѣ древняго Рима. Но замѣчательно, что преданіе въ числѣ другихъ богатыхъ, имена которыхъ оно сохранило, приводитъ и Таруція, который женился на Аккѣ Ларенціи, и называетъ его также Этрускомъ ⁴⁵⁷. Монета и кораблеплаваніе, два главныя средства къ торговлѣ, возникли въ Римѣ рѣшительно подъ этрусскимъ вліяніемъ. Самый древній штемпель римскихъ монетъ, представляющій этрусскаго двойнаго Януса и корабельный носъ, встрѣчающійся на этрусскихъ монетахъ ⁴⁵⁸, равно

какъ и преданіе о первой чеканкѣ Сервіемъ ⁴⁵⁹, не позволяютъ сомнѣваться, что римскія деньги вывезены были изъ Этруріи. Оснащеніе кораблей было въ древнее время дѣломъ богатыхъ всадниковъ, и слово *classis*, которымъ римскій языкъ означаетъ флотъ, указываетъ, какъ кажется, на связь кораблеплаванія съ учрежденіями Сервія ⁴⁶⁰. Отъ того-то въ преданіи деньги и корабль считаются изобрѣтеніями этрускаго Януса ⁴⁶¹, подобно тому какъ этрусское построеніе клоакъ приписывается Вертумну, какъ отвратителю рѣкъ ⁴⁶². Вертумнъ и Янусъ были богами торговли ⁴⁶³; торговля и ремесла производились передъ ихъ статуями ⁴⁶⁴. Въ подтвержденіе этрускаго происхожденія торговли и ремеселъ въ Римѣ говоритъ то, что въ позднѣйшее время мѣстомъ ихъ былъ этрусскій кварталъ. Здѣсь, судя по достовѣрнымъ извѣстіямъ, жили вообще всѣ купцы ⁴⁶⁵. Здѣсь производили свои работы всѣ ремесленники, продавцы благовоннаго масла и куреній, шелковые фабриканты, торговцы рыбою, плодами, птицеловы, комедіанты, колбасники, гаруспексы и продажныя женщины ⁴⁶⁶. Это, т. е. что торговля и ремесла въ Римѣ производились въ этрусскомъ кварталѣ, не было дѣломъ случайнымъ. Соображая, что куренія были въ Римѣ товаромъ привознымъ ⁴⁶⁷, что комедіанты, женщины продажныя и гаруспексы были первоначально природные Этрусски ⁴⁶⁸, необходимо считать и прочія ремесла, производившіяся тамъ, этрусскими ⁴⁷⁰, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принять мнѣніе, что торговля и ремесла въ Римѣ были этрускаго происхожденія. Вѣроятность этого мнѣнія увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что торговля въ Римѣ, даже въ періодъ позднѣйшій, находилась подъ покровительствомъ капитолийскаго божества, Меркурія ⁴⁷¹, и на это указываетъ еще важное преданіе, что богъ торговли былъ поставленъ въ Капитоліи вмѣстѣ съ тремя высшими божествами этрусскимъ царемъ Тарквиніемъ, сыномъ купца Дамарата ⁴⁷².

Такимъ образомъ, ежели въ плебейхъ первоначально было такъ много этрускаго, а племя патриціевъ напротивъ оставалось чуждо всякаго прикосновенія съ Этрурією, то нечего, кажется, отрицать, что богослуженіе, перенесенное изъ Этруріи, принадлежало, до того времени, когда и оно стало религією государственною, плебеймъ, и было рѣшительно чуждо патриціямъ. Это мнѣніе подтверждается очевидно тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ патриціанскія сказанія говорятъ о нѣкоторыхъ этрусскихъ божествахъ, далѣе позднѣйшимъ отношеніемъ плебеевъ къ этрусскому культу и наконецъ совершенно-плебейскимъ характеромъ Капитолія. Что касается до

преданій, то они представляли не только Януса рожденнымъ отъ преступной любви ⁴⁷⁵, но даже Флора и мать Ларовъ были, слѣдуя этимъ преданіямъ, порочныя женщины ⁴⁷⁶, и самъ Юпитеръ представляется богомъ кроваваго, котораго человекъ могъ обмануть простымъ перетолкованіемъ его собственныхъ словъ ⁴⁷⁵. Напротивъ, многія изъ этрусскихъ божествъ въ Римѣ являются божествами рѣшительно-плебейскими, и вообще культъ неквиритскій сохранялъ много древнѣйшихъ своихъ отношеній къ плебеймъ. Плебейскимъ эдламъ опредѣленно приписывается надзоръ надъ храмами и суппликаціями ⁴⁷⁶. Припомнимъ при этомъ, что квиритское богослуженіе имѣло часовни ⁴⁷⁷, а не храмы ⁴⁷⁸, и что постройка и расположеніе храмовъ возникли въ Римѣ подъ этрусскимъ вліяніемъ ⁴⁷⁹, необходимо вывести тотъ результатъ, что все храмовое устройство принадлежало этрусско-анеропоморфическому культу и находилось подъ надзоромъ плебейскихъ чиновниковъ, отъ того что весь этотъ культъ былъ первоначально плебейскій. Суппликаціи стояли также въ тѣсной связи съ анеропоморфическимъ культомъ. Этотъ обычай былъ рѣшительно неквиритскій; это подтверждается тѣмъ, что при суппликаціяхъ квиритскіе боги вовсе не упоминались, и что сами суппликаціи совершались передъ статуями боговъ и сопровождались такъ называемыми *hostiae majores* ⁴⁸⁰. Храмы отворялись во время суппликацій; въ нихъ всѣ впускались ⁴⁸¹; это также не могло согласоваться съ таинственнымъ служеніемъ квиритскимъ. Далѣе тѣже самые плебейскіе эдлы заботились и объ играхъ ⁴⁸². Игры между тѣмъ составляли часть анеропоморфическаго богослуженія, и отсюда слѣдуетъ, что божества, въ честь которыхъ праздновались игры, какъ то Jupiter, Minerva, Juno, Ceres, Liber, Libera, Vulcanus и Flora, были первоначально божества рѣшительно-плебейскія. Въ пользу того мнѣнія, что три калиполійскія божества находились первоначально въ самой близкой связи съ плебеями, говоритъ еще и то, что посвященныя имъ большія или римскія игры назывались даже просто плебейскими ⁴⁸³. Отсюда объясняется, почему въ 262 году отъ построенія города, когда святилище Юпитера было преступнымъ образомъ осквернено, разгнѣванный богъ возвѣстилъ свою волю не черезъ патриція, а черезъ плебей ⁴⁸⁴.

Изъ прочихъ боговъ, признанныхъ нами за этрусскихъ, Нептунъ, Меркурій, Янусъ, Вертумъ и Вулканъ ^{484 b)} являются божествами плебейскими уже по очевидно близкому отношенію своему къ плебейскимъ занятіямъ; тотъ же Вулканъ и кромѣ него Flora, Pomona, Voltumnus, Falacer, Farina, Palatua, Ianus Portunus и Carmenta—потому, что

нимъ служили плебейскіе жрецы ⁴⁸⁵. Изъ 12 плебейскихъ фламинновъ намъ известна вполне должность только девяти; впрочемъ доказывать кажется нечего, что и остальные трое были фламины плебейскихъ божествъ. Кроме должности фламинновъ, плебеи занимали вѣроятно мѣста Pontificum minorum ⁴⁸⁶. Эти послѣдніе исправляли, кроме должности писарей при великомъ первосвященникѣ (Pontifex Maximus), еще другія должности, относящіяся по большей части къ этрусскому календарю въ Римѣ. Первоначально одинъ изъ нихъ наблюдалъ каждый мѣсяцъ за появленіемъ новолунія, и какъ только оно показывалось, доносилъ царю-жертвоприносителю (rex sacrisiculus) ⁴⁸⁷; потомъ онъ созывалъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, совершивши жертвоприношеніе, плебеевъ въ такъ называемую curia calabra и объявлялъ имъ число дней, остающихся до новья. Почти такое же отношеніе плебеевъ къ этрусскому календарю видно изъ извѣстій, что плебеи праздновали особенно день новья ⁴⁸⁸, что плебеи Д. Брутъ совершалъ парентацію (parentatio) не въ Февраль, а въ Декабрь ⁴⁸⁹, т. е. не по календарю Нумы, а по календарю этрусскому.

Служеніе Юпитеру Капитолійскому совершалъ правда потомъ жрецъ патриціанскій, Flamen Dialis, но уже изъ того, что Flamen Dialis имѣлъ прежде совершенно другое назначеніе, видно, что это служеніе принабли патриціи поздне, изъ политическихъ видовъ, и сдѣлала его высшимъ государственнымъ культомъ. Капитолій сохранилъ по крайней мѣрѣ еще довольно долго рѣшительно-плебейскій характеръ, совершенно чуждый патриціямъ. Есть извѣстія, что постройка его совершена была при помощи плебеевъ и вспомоществованіемъ союзниковъ ⁴⁹⁰. Не только плебеи, но и союзники, даже чужестранцы допускались къ служенію богамъ капитолійскимъ ⁴⁹¹. Въ дни союзнаго празднества, такъ называемыхъ feriae latinae, бывалъ бѣгъ въ Капитоліи ⁴⁹²; въ играхъ цирценскихъ, которыя находились въ весьма тѣсной связи съ Юпитеромъ Капитолійскимъ, принимали участіе Этрусски и Вольски ⁴⁹³. Припомнивъ далѣе, что feriae latinae и жертвоприношенія, совершавшіяся въ эти дни, находились подъ надзоромъ эдиловъ плебейскихъ, которые и председательствовали на нихъ ⁴⁹⁴, и были такимъ образомъ празднествомъ плебейскимъ, нечего болѣе сомнѣваться въ плебейскомъ характерѣ Капитолія. Отсюда понятно, почему ни одинъ патрицій не смѣлъ жить около Капитолія ⁴⁹⁵, или въ Капитоліи ⁴⁹⁶, и почему уже гораздо поздне, во время гальскаго нашествія, патриціанскіе жрецы предпочли лучше зарыть свои святилища въ зем-

лю или перенести въ чуждый городъ, нежели отдать ихъ подъ защиту Капитолія, ненавистнаго имъ богамъ⁴⁹⁷.

Такимъ образомъ ежели культъ этрусскій—плебейскій культъ, то ясно само собою, что культъ квинтскій необходимо долженъ быть патриціанскимъ. Въ самомъ дѣлѣ исторія, возникшая подъ патриціанскимъ вліяніемъ, говоритъ съ пристрастіемъ о царяхъ квинтскихъ и преслѣдуетъ напротивъ основателей религіи этрусской съ такою ненавистью, что не остается болѣе никакого сомнѣнія касательно первоначальнаго отношенія патриціевъ къ культу квинтскому. Культъ курій былъ первоначально патриціанскій, и доступъ къ нему имѣли развѣ только патриціанскіе кліенты; въ пользу этого мнѣнія говоритъ отношеніе курій къ патриціанскимъ жрецамъ и къ семейственному праву патриціанскихъ родовъ (*gentes*)⁴⁹⁸, и еще то, что патриціи назывались первоначально просто *Curiatii*, т. е. членами курій. Но не только первоначально, даже позднѣе, патриціи смотрѣли на квинтскій культъ, какъ на оривадежащій имъ исключительно. Допуская къ капитолійскому служенію не только плебеевъ, но даже иностранцевъ, а на себя только взявъ служеніе Юпитеру, какъ высшему государственному божеству, и то изъ политическихъ видовъ, они закрывали долго плебемъ дорогу ко всемъ квинтскимъ жреческимъ достоинствамъ и скрывали отъ нихъ святыни квинтскія, видимыя только для жрецовъ⁴⁹⁹. Даже позднѣе, когда плебеи принимали уже участіе въ *политически-важныхъ* жреческихъ должностяхъ, въ первосвященствѣ, авгуратѣ и въ должности *Curio Maximus*, патриціи не допускали ихъ управлять квинтскими сакраментами, ибо три главные фламینی и Салии палатинскіе оставались всегда патриціями.⁵⁰⁰ Основываясь на всемъ сказанномъ, можно считать все патриціанское квинтскимъ, и даже самое имя квинтовъ тождественнымъ съ именемъ патриціевъ, настолько однакожъ, насколько это имя означаетъ не цѣлый народъ, а особенную квинтскую религію римскихъ патриціевъ. Правда въ наше время квинтовы считаютъ Сабинами, и самые известные ученые говорятъ о сабинскомъ бракѣ, сабинскихъ жреческихъ достоинствахъ и т. д.; но это мнѣніе такъ же неосновательно, какъ и другое довольно заглухшее, выводящее жреческій характеръ патриціанской общины изъ Этруріи. Сабинны имѣли нѣкоторое вліяніе на развитіе римской жизни: этого отрицать нельзя, ибо въ Римѣ было много сильныхъ сабинскихъ жреческихъ фамилій. Принятіе въ общину патриціевъ сабинскихъ Клавдіевъ посредствомъ кооптаціи указываетъ на религіозное родство; слѣдовательно невозможно отрицать сабинскаго

вліянія на римскую религію. Но переселеніе сабинскихъ семей совершалось мало по малу, и первое переселеніе подъ предводительствомъ Тація состояло по нѣкоторымъ изъ трехъ родовъ⁵⁰¹, изъ которыхъ остались только gens Valeria и Cingia, а о третьемъ ничего не слышно. Нечего говорить, какъ невѣроатно другое преданіе, которое переселяетъ цѣлый народъ съ царемъ изъ отдаленнаго мѣста въ непріятельскій городъ. При внимательномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ квирическихъ религіозныхъ учрежденій видно, что квиричество заключало въ себѣ не только сабинскіе элементы, но и латинскіе, и что собственно-сабинское составляло самую малую часть его. При первомъ взглядѣ бросается въ глаза, что бѣольшую часть римскихъ учрежденій выводили грамматики и историки изъ Этруріи и Лаціума⁵⁰²; изъ земли сабинской напротивъ, исключая развѣ извѣстное мѣсто Варрона⁵⁰³, весьма мало⁵⁰⁴.

О сабинскихъ политическихъ учрежденіяхъ въ Римѣ мы ничего не знаемъ, если не хотимъ выдавать общеталіанскія учрежденія за сабинскія. Что касается религіи, мы можемъ указать съ достовѣрностью только на немногія божества, какъ на сабинскія. Это можно сказать достовѣрно о Санкѣ и о Вакунѣ⁵⁰⁵. Солнце (Sol) можемъ мы считать также божествомъ сабинскимъ, ибо ему поклонялась сабинская фамилія Авреліевъ⁵⁰⁶. Но Санкъ былъ квиринальскій мѣстный богъ⁵⁰⁷; служеніе солнцу тоже принадлежало къ частнымъ сакрамъ. Это говорить рѣшительно противъ мнимаго большаго вліянія сабинскихъ сакръ на римскую религію; что же касается до извѣстнаго мѣста Варрона, откуда вытекли всѣ мнѣнія касательно сабинскаго происхожденія квирическихъ боговъ Рима, то, какъ кажется, ученый мужъ либо самъ вывелъ ложныя заключенія, либо въ самомъ источникѣ, приведенномъ имъ, въ *Annales Maximi* первосвященниковъ, онъ нашелъ ложныя и неосновательныя извѣстія. Въ самомъ началѣ мѣста⁵⁰⁸ онъ выводитъ Феронію (Feronia), Минерву (Minerva) и Новенсидовъ, (Novensides), изъ сабинской земли. Но что касается Фероніи, ей поклонялись вообще и Сабинны и Латины, какъ союзному божеству⁵⁰⁹. Минерва принадлежала къ этрусско-капитолійской триадѣ и имѣла даже рѣшительно-этрусское имя⁵¹⁰. Мнѣніе свое касательно сабинскаго происхожденія Новенсидовъ Варронъ почерпнулъ, какъ кажется, изъ Пизона, который считалъ Новенсидами 9 боговъ, которымъ поклонялись Сабинны при Требіи⁵¹¹. Созвучіе, какъ кажется, числа novem съ Novensides подало поводъ къ этому мнѣнію; то же самое побудило Манілія объявить Новенсидовъ тѣми 9-ю божествами, которымъ Юпитеръ, по этрусскому ученію о молніи, далъ силу метать перуны. Во всякомъ

случай это мнѣніе Манилія, равно какъ и предположеніе Циція, утверждавшаго, что *Novensides* называются вообще всѣ божества вновь принятые, показываетъ, что мнѣніе касательно сабинскаго происхожденія *Novensides* не было мнѣніемъ общимъ, но основывалось на личныхъ предположеніяхъ Варрона и Пизона. Варронъ приводитъ далѣе тамъ же извѣстіе, заимствованное изъ лѣтописей, что сабинскій царь Тацій поставилъ алтари богамъ: Опсъ, Флорѣ, Ведію, Юпитеру, Сатурну, Солнцу, Лунѣ, Волкану, Сумману, Ларундѣ, Термину, Квириву, Вертумну, Лару, Діанѣ и Луцинѣ; Августинъ, следуя вѣроятно другому сочиненію Варрона, присоединяетъ сюда еще богиню Луксъ и Клоацину ⁵¹²; Діонисій Рен, Марса, Весту и Юнону Курисъ ⁵¹³. Стоитъ только бѣгло пробѣжать этотъ каталогъ, чтобы убѣдиться, что здѣсь приписывается Тацію сооруженіе алтарей божествамъ самымъ разнороднымъ, нахвачаннымъ тамъ и сямъ, которыя здѣсь ложно считаются сабинскими. Что касается богини Луксъ и Рен, культъ ихъ былъ въ Римѣ вовсе неизвѣстенъ. Клоацина, это только придаточное имя Венеры ⁵¹⁴, а Венера не была извѣстна во время царей ни подъ греческимъ, ни подъ латинскимъ именемъ ⁵¹⁵, по свидѣтельству того же Варрона; слѣдовательно мы врядъ ли можемъ дать вѣсь извѣстію Варрона, когда онъ самъ себя такъ очевидно противорѣчитъ. Что касается другихъ божествъ, которымъ, какъ говорятъ, поклонялся Тацій, уже Амброшъ доказалъ ⁵¹⁶, что между ними было много латинскихъ божествъ, какъ то: Сатурнъ, Опса, Веста, Діана и Марсъ; прочихъ же, Флору, Юпитера Ведіа, Суммана, Волкана, Вертумна, Ларунду, Ларовъ можно считать, судя повсему сказанному, богами этрусскими. Уже Амброшъ старался объяснить происхожденіе Варронова каталога предположеніемъ ⁵¹⁷, что Варронъ принялъ въ него всѣхъ тѣхъ боговъ, древнія святилища которыхъ находились въ кварталахъ города, считаемыхъ Варрономъ сабинскими. Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно съ одной стороны, что Варронъ предполагалъ, что не только Квириналъ, Капитолій, но даже Авентинъ и часть Эсквилина были первоначально заняты Сабинами; съ другой стороны извѣстно, что большая часть боговъ, которымъ, по предположенію его, поклонялся Тацій, имѣли свои святилища въ этихъ четырехъ частяхъ города ⁵¹⁸. Впрочемъ заключеніе это сдѣлано было не Варрономъ, но составителями *Annales maximí*, ибо Варронъ основываетъ свое мнѣніе на ихъ свидѣтельствѣ, и это даетъ его извѣстію видъ нѣкоторой достовѣрности; такъ какъ *Annales maximí* все таки должны считаться главнымъ и самымъ подлиннымъ источникомъ. Но вѣдь и древняя римская исторія почерпалась

изъ жреческихъ лѣтописей, а между тѣмъ нельзя утверждать, что она во всѣхъ отношеніяхъ вѣрна. Авторитетъ лѣтописей не долженъ вести насъ здѣсь по ложной дорогѣ, ибо весьма вѣроятно, что всѣ извѣстія въ лѣтописяхъ римскихъ жрецовъ либо не говорили ничего положительно, либо у самихъ древнихъ не пользовались большимъ довѣріемъ. Какимъ бы образомъ произошло это вѣчное колебаніе извѣстій, это вѣчное сомнѣніе древнихъ почти во всѣхъ фактахъ внутренней исторіи первоначальнаго Рима? Посмотримъ на первоначальную исторію главныхъ религіозныхъ и политическихъ учреждений Рима, и мы увидимъ, что почти каждое изъ нихъ приписывается двумъ или тремъ царямъ. Такъ приписывается учрежденіе служенія курій то Тацію, то Ромулу ⁵¹⁹. Извѣстія касательно происхожденія вестальскаго культа ⁵²⁰, авспицій ⁵²¹, фламиновъ марціальскаго и діальскаго ⁵²² не точны и приписываютъ эти учрежденія то Ромулу, то Нумъ. Извѣстіе касательно введенія «оціального права колеблется между Нумою и Анкомъ ⁵²³. Точно также не точна исторія происхожденія Салиевъ ⁵²⁴, постепеннаго возрастанія сената ⁵²⁵ и сословія всадниковъ ⁵²⁶, расширенія города ⁵²⁷, учрежденія царскихъ инсигній, ⁵²⁸ триумфа, нундінъ ⁵²⁹, интеркалацій ⁵³⁰, нуманскаго года ⁵³¹, постройки клоакъ ⁵³², учрежденія цеховъ ⁵³³; точно также шатки извѣстія касательно авгура Невія ⁵³⁴, происхожденія *carminis perduellionis* ⁵³⁵ и пришествія Целеса (Coeles) ⁵³⁶. Особенно что касается исторіи Тація, о которомъ рѣчь, извѣстія разногласны въ высшей степени. То говорятъ, что онъ поселился въ Римѣ съ цѣлымъ войскомъ ⁵³⁷, то утверждаютъ, что въ Римѣ остались съ нимъ только три рода ⁵³⁸, и что главная сила Сабиновъ прибыла только съ Клавдіемъ ⁵³⁹. По нѣкоторымъ, Клавдій является уже при первомъ переселеніи, по другимъ при ображеніи на Регильскомъ озерѣ ⁵⁴⁰. Наконецъ, хотя и было общее мнѣніе, что квинты, тотчасъ послѣ принятія ихъ, были поставлены на равной ногѣ съ Римлянами, что оба сената соединились въ одинъ общій ⁵⁴¹; но между тѣмъ нѣкоторыя извѣстія утверждаютъ, что оба царя имѣли разные сенаты ⁵⁴², другія же говорятъ, что квинты не имѣли даже *jus suffragii* ⁵⁴³. Эта разногласица въ извѣстіяхъ заставляетъ насъ предполагать, что либо она существовала въ самыхъ жреческихъ лѣтописяхъ, либо недостоверность этихъ извѣстій была такъ всѣмъ извѣстна, что никто почти имъ не вѣрилъ, и каждый ученый считалъ своею обязанностью перестроивать по своему зданіе римской исторіи, сооруженное римскими понтифексами. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ пол-

ное право не очень цѣнить авторитетъ жреческихъ лѣтописей, и можемъ отбросить ихъ извѣстія касательно боговъ, которымъ поклонялся Тацій, потому что причины весьма важныя рѣшительно этому противорѣчатъ.

Самымъ важнымъ доказательствомъ латинскаго происхожденія квиритскаго культа служить тождество религиозныхъ обрядовъ сосѣднихъ латинскихъ племенъ съ религіею римскихъ квиритовъ. Разсмотримъ въ самомъ дѣлѣ культа, основанные Нумою, и мы увидимъ, что они не только встрѣчаются въ другихъ городахъ латинскихъ, какъ доказалъ Амброшъ, но что они даже перенесены изъ Лаціума въ Римъ. Мы находимъ римскихъ Пенатовъ въ Лавиніумѣ и Альбѣ⁵⁴⁴; Весту, кромѣ этихъ двухъ городовъ, въ Тибурѣ⁵⁴⁵; Индигетовъ въ Пренестѣ⁵⁴⁶. Авспіціи были въ Тибурѣ и Альбѣ⁵⁴⁷; квиритскія авспіціи были въ очевидномъ родствѣ съ сабинскими⁵⁴⁸. Квиритскіе жрецы были въ другихъ латинскихъ городахъ: такъ понтифексы въ Альбѣ и Пренестѣ⁵⁴⁹, Салии въ Альбѣ, Тибурѣ⁵⁵⁰, Тускулѣ⁵⁵¹ и вѣроятно также въ Лавиніи⁵⁵², Весталки въ Альбѣ^{553(a)} а вѣроятно также въ Лавиніи и Тибурѣ^{553 b}; фламины въ Лавиніи⁵⁵⁴, но кромѣ того вѣроятно не только въ Альбѣ⁵⁵⁵, но вообще въ цѣломъ Лаціумѣ⁵⁵⁶. И не только въ отдѣльныхъ чертахъ культовъ квиритскихъ и латинскихъ замѣтно сходство, но главные культы Нумы были не болѣе какъ отраслю культовъ латинскихъ городовъ. Римское служеніе Вестѣ и Пенатамъ, занимавшее первое мѣсто въ цѣломъ квиритскомъ культѣ, является и позднѣе какъ отрасль лавинскаго культа. Римскія сакры, совершавшіяся въ честь этихъ божествъ, были и въ позднѣйшее время въ связи съ мѣстностью этого города. Тамъ совершали римскіе магистраты ежегодныя жертвоприношенія⁵⁵⁷, и замѣчательно, что римское преданіе заставляетъ Тація, царя квиритскаго, приносить жертвы не въ Сигес, а въ Лавиніи⁵⁵⁸. Нѣтъ, правда, никакого преданія, которое бы положительно говорило о непосредственномъ вліяніи Тибура; но одно замѣчательное извѣстіе Іоанна Лида въ соединеніи съ извѣстіемъ, что въ Тибурѣ существовало салійское учрежденіе и авгурія, заставляетъ насъ предполагать, что была колонія квиритская и изъ Тибура. Въ казеоллинскомъ фрагментѣ Іоанна Лида⁵⁵⁹ находимъ мы мѣсто, правда съ пропусками, гдѣ упоминается, въ числѣ семи холмовъ Рима, и *collis Tiburtinus*, который мы должны принять по многимъ причинамъ за *Quirinalis*. Это мѣсто гласитъ: *ὀνόμα | τὰ δὲ αὐτῶν* (семи холмовъ) *ὄρος Παλ | ατῖνον, Ἐσκυλίον, Ταρπίτιον, Ἀβεντίτιον; Τίβο | ρτῖνον* —————, *Κίσ | τιον, Βιμινάλιον*.

Пропускъ послѣ *Tiburtinon* нужно пополнить словомъ *Curinalion*, а не *'Iavoukλον*, какъ сдѣлалъ Беккеръ; это такъ во первыхъ потому, что Квириналь принадлежащій къ болѣе обширному городскому семигорію, не долженъ недоставать въ этомъ каталогѣ; во вторыхъ потому, что дорога изъ Тибура (*via Tiburtina*) вела не къ Яникулу, а на Квириналь, и тибуртинское поселеніе заняло бы скорѣ послѣдній холмъ, нежели Яникулъ; и наконецъ потому, что въ шестой Части (*VI Regio*) города, которая заключаетъ въ себѣ и Квириналь, упоминается регионаріями и въ позднѣйшее время *vicus Tiburtinus*. Точно также окрестности Ариціи находились вѣроятно въ самой тѣсной связи съ сакрами, учрежденными Нумою. На берега ариційской рѣки Нумиція упалъ, по нѣкоторымъ, съ неба священный щитъ ⁵⁶⁰; по предписанію Нумы воду для служенія Вестѣ можно было брать только изъ этой рѣки ⁵⁶¹. Въ святилищѣ Индигета (*Indigeta*), который повелѣвалъ водами Нумиція, приносились ежегодно жертвы понтифексами и консулами ⁵⁶². Не далеко отъ Нумиція между Лаврентомъ и Ардеей находился источникъ Ютурна, изъ котораго привозилась вода въ Римъ для всѣхъ вообще жертвъ, и ему были посвящены въ Римѣ часовня и прудъ ⁵⁶³. Арицинская нимфа Эгерія пользовалась, какъ мы видѣли, божескими почестями въ Римѣ, и, что еще болѣе, все божественное ученіе Нумы Помпилія, возникло по ея внушенію ^{563 b}). Ежели такимъ образомъ преданіе заставляеть установителя квиритскаго культа почерпать свою мудрость не изъ сабинскаго города Куресь, а изъ латинской Ариціи, и ежели главныя, установленныя имъ, сакры были взяты изъ Лаціума, то наше мнѣніе, что квиритскія сакры перешли въ Римъ не изъ земли сабинской, а изъ латинскихъ городовъ, кажется, довольно основательно. Этимъ мы вовсе не исключаемъ существованія сабинскаго элемента въ Римѣ, напротивъ мы признаемъ, что Сабинны, какъ родственники по религіи, принимали большое участіе въ развитіи квиритской вѣры. Мы не отрицаемъ, что у Сабинновъ, было много квиритскаго; мы только не согласны съ тѣмъ, что все квиритское перешло въ Римъ единственно отсюда. Уже одно то, что все квиритское въ Римѣ исходило не отъ одного отдѣльнаго племени, но было общимъ достояніемъ многихъ и разныхъ племенъ, связанныхъ между собою религіознымъ родствомъ, заставляеть насъ думать, что имя квиритовъ обнимало не одинъ народъ, но что всѣ племена, исповѣдывавшія эту особенную религію, которую мы называемъ квиритскою, были квириты въ обширномъ смыслѣ. Изслѣдуя дадѣ вѣроятное происхожденіе имени *quiritēs*

мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми древними касательно производствъ этого слова отъ имени города Cures. Такъ какъ главное, что составляло различіе между квиритскими и прочими Римлянами, религія, перешла въ Римъ не изъ Cures, но изъ латинскихъ городовъ, то мы не можемъ связать имени ихъ съ именемъ города Cures, и должны слѣдовательно поискать другаго болѣе вѣроятнаго производствъ. Уже древніе понимали, что имя *quirites* можно производить только отъ *quiris* ⁵⁶⁴. Но это не слѣдуетъ понимать такъ, что будто бы квириты назывались такъ потому, что носили копья. Такъ какъ почти всѣ древніе народы, и именно всѣ Римляне, употребляли копья, то никакъ нельзя принимать копье за признакъ, характеризующій исключительно квиритовъ. Намъ не остается ничего болѣе, какъ припомнить развитое нами выше значеніе слова *quiris*, какъ *символа божества*; такимъ образомъ *Quirites* значить ничто иное какъ символопоклонники, и этимъ названіемъ они рѣзко отличались отъ исповѣдывавшихъ въ Римѣ религію анеропоморфическую. Патриціевъ называли плебеи квиритами; это ясно видно изъ квиритскаго права, которое во всѣхъ своихъ частяхъ является правомъ чисто патриціанскимъ. Источники права молчатъ, правда, о содержаніи этого права, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому Римлянину, но обстоятельство, что каждый Латинъ, дабы быть полнымъ гражданиномъ, долженъ былъ добыть *jus quiritorium*, а peregrinus *jus civitatis* ⁵⁶⁵, доказываетъ, что это слово означало соединеніе понятій о всѣхъ тѣхъ правахъ, которыя недоставали Латину для права полного римскаго гражданина. Между тѣмъ есть извѣстіе, что Латины не имѣли въ Римѣ *jus connubii* ⁵⁶⁶. Имѣли ли они *jus suffragii* и *jus honorum*, или нѣтъ, неизвѣстно; но вѣроятно нѣтъ, ибо эти права были высшими гражданскими правами, и врядъ ли Латины, которые имѣли мало преимуществъ и стремились получить полное римское право, врядъ ли они обладали этими важными политическими правами ⁵⁶⁷. Поэтому Гаубольдъ справедливо принялъ мнѣніе, что *jus Quiritium* состояло именно изъ этихъ трехъ правъ ⁵⁶⁸, мнѣніе, которое разделяетъ и Рейнъ ⁵⁶⁹. Замѣчательно то, что эти три права, составлявшія главное содержаніе квиритскаго права, были тѣ самыя, въ которыхъ патриціи такъ долго отказывали плебеямъ. Само собою разумѣется, что ежели дѣло идетъ о допущеніи плебеевъ къ *jus suffragii*, то здѣсь говорится о правѣ давать рѣшенія въ своихъ собственныхъ комиціяхъ, рѣшенія, которыя имѣли бы силу для всѣхъ членовъ государства, ибо этого-то характера и недоставало комиціямъ по трибамъ въ первыя времена республики ⁵⁷⁰. Что касает-

ся *jus honorum*, никто вѣрно не станетъ намъ противорѣчить тѣмъ, что плебеи исправляли должность трибуновъ и эдиловъ и имѣли такимъ образомъ отчасти участіе въ *jus honorum*. *Jus honorum* относилось только къ магистратурамъ, а трибунатъ долго не былъ признаваемъ патриціями за магистратуру⁵⁷¹. Если такимъ образомъ имѣедемъ были эти три права первоначально недоступны, то весьма естественно, что они, принимая ихъ какъ исключительно принадлежащія квиритамъ, назвали правомъ квиритскимъ. Но и поздѣе, когда они получили въ силу закона Валерія Горация *jus suffragii*, а въ силу закона Канулеова *jus connubii* и наконецъ черезъ доступъ къ курульнымъ магистратурамъ и *jus honorum*, за этимъ словомъ осталось все-таки свое значеніе, ибо Латинцы вошли, какъ кажется, въ тѣже самыя отношенія къ римской, теперь впрочемъ единой, *civitas*, въ какихъ прежде находились плебеи къ патриціямъ. Такъ какъ Латинцамъ отказывалось въ тѣхъ же правахъ, какія недоставали прежде плебеймъ, то названіе права квиритскаго продолжало употребляться, хотя оно и потеряло прежнее свое значеніе, при совершенномъ религіозномъ и политическомъ уравнии патриціевъ (квиритовъ) съ плебейми.

Такимъ образомъ теперь ясно, что имя квиритовъ относилось не къ однимъ Сабинамъ, но вообще ко всемъ патриціямъ; и наше мнѣніе, что квиритскій культъ былъ культъ патриціанскій, а культъ анеропоморфическій — плебейскій, оправдывается. Если еще остается кой-какое сомнѣніе, то оно рѣшительно уничтожится при рассмотрѣніи первоначальнаго отношенія плебеевъ къ патриціямъ и царя (*Rex*) къ обоимъ. Но это повело бы насъ далеко. Это будетъ предметомъ особеннаго разсужденія, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ мы попытаемся представить въ главныхъ чертахъ исторію борьбы и взаимнаго слитія обоихъ культовъ, по скольку намъ позволяютъ это источники.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Мы говоримъ: патриціи, ибо всѣ источники римской исторіи образуются подъ ихъ вліяніемъ. Dion. II, 8: *τοὺς ἐπιφανεῖς κατὰ γένος καὶ δι' ἀρετὴν ἐκαυνομένους καὶ χρήμασιν, ὡς ἐν τοῖς τότε καιροῖς, εὐκάρους, οἷς ἤδη καίδες ἦσαν, διαίριζεν ἀπὸ τῶν ἀσήμεων καὶ ταπεινῶν καὶ ἀπόρων, ἐκάλει δὲ τοὺς μὲν ἐν τῇ καταδεστέρα τύχῃ, Πληβείους κ. τ. λ., τοὺς δ' ἐν τῇ κρείττονι Πατέρας.* Plut. Rom. 13: *πατρικίους δὲ τοὺς βουλευτὰς κληθῆναι λέγουσιν. οἱ μὲν, ὅτι καίδων γνησίων πατέρες ἦσαν. οἱ δὲ μάλλον, ὡς αὐτοὺς ἔχοντας ταυτῶν ἀποδείξει κατ' ἄρας, ὅπερ οὐ πολλοῖς πῆρθε τῶν πρώτων εἰς τὴν κόλιν συρρέοντων.* Ibid. 14: *ἀλλὰ τὴν μὲν κόλιν ὄρων ἐποίησεν εὐθὺς ἐμπλαμένην, ὣν ὀλίγοι γυναικας εἶχον, οἱ δὲ πολλοὶ μυῖδες ἐξ ἀπόρων καὶ ἀφανῶν ὄντας ἐπερωρῶντο καὶ προσδοκῶντο μὴ συμμενεῖν βεβαίως.* Нужно замѣтить, что здѣсь называются людьми бѣдными и худыми тѣ, которые не имѣли жень. Ливій различаетъ также двѣ составныя части, одну первоначальную, это жители, прашедшіе съ Ромуломъ изъ Альбы и Лаціума (I, 6: *et supererat multitudo Albanorum Latinoqueque*), и другую позднѣйшую, изъ шекъ, бѣжавшихъ въ пристанище, открытое Ромуломъ (Ibid. 8). Въ другомъ мѣстѣ ясно видно, что подъ послѣдними онъ разуметь плебеевъ. II, 1 онъ говоритъ: *illa pastorum convenarumque plebs transfuga ex suis populis sub tutela inviolati templi etc.* Ср. Min. Felix. Octav. 248 F: *Nam asylo prima plebs congregata est.* Патриціи присвоили себѣ честь называться первобытными обитателями Рима въ противоположность къ плебеямъ, извнѣ прибывшимъ (plebes). На это указываютъ притязанія Троюгеновъ (Trojugenae Dion. Hal. I, 85) и фамиліи, впечатленныхъ въ мнѣ о Геркулесѣ. Цинціевъ объясненіе слова *patricius* словомъ *ingenius* не можетъ имѣть другаго смысла, ибо ясно, что слово *ingenius* принято здѣсь не въ позднѣйшемъ смыслѣ человека свободнаго: въ противномъ случаѣ плебеямъ должно было бы принять за non *ingenii*, что не было. *Ingenius* означаетъ здѣсь туземца-уроженца, на что указываетъ и этимологія этого слова. Слово *patricius* принималось многими въ томъ же самомъ смыслѣ, это подтверждаетъ Іоаннъ Андѣ, который объясняетъ *Ἰανθὺν πατρίκιον* словомъ *αὐτόχθονα* (De слов. IV, 1). Это самое думаетъ и Ливій (II, 1), утверждая, что плебенъ прибылъ въ чужой городъ. Правда мнѣніе Ливія слѣдовало бы исправить, ибо городъ Римъ былъ первоначально городомъ рѣшительно плебейскимъ. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

2) Римскій языкъ имѣетъ со многими другими языками общеніе то, что для выраженія понятія народа представляетъ двѣ различныя категоріи словъ. Одна категорія принимаетъ народъ какъ общество, органически происшедшее отъ одного зародыша подобно растенію, другая принимаетъ его какъ неорганическое, случайно соединившееся и кристаллически образовавшееся цѣлое. Первое понятіе выражается словами, замѣстоимыми изъ органической природы и большею частью изъ царства растительнаго. Такъ у Нѣмцевъ *der Stamm*, у Русскихъ народъ, коханю, покодѣміе, у Грековъ *ἡ φυλή*, *τὸ φύλον* (отъ *φύω*, какъ *τὸ φύλλον*), *τὸ γένος* (отъ *γένω γείνω*, у Римлянъ *gens*, *patio*. Къ этой же категоріи принадлежить и римское *populus*, которое происходитъ, какъ кажется, отъ *pello populi*, какъ греческое *ἐλάτη* отъ *ἐλαύνω*, и означаетъ первоначально побѣгъ, отпрыскъ. Форма *populus* произошла чрезъ позднѣйшее продолженіе перваго слога. Что слово *populus*

не считать их самою днью органически выросшее племя, на это указывает одно место у Плиния (XXXV. 2.), где онъ, говоря объ обычай выставлять въ тригг (атинскіе) изображения предковъ, выражается такъ: *expressi tera vultus singulis dispersonum armariis, ut essent imagines, quae comitarentur gentilitia funera: semperque defunctis aditu prius odorat familiae ejus, qui unquam fuerat, populus.* Этой категоріи слово противуположается другимъ, которыя въ большей части европейскихъ языковъ имѣютъ значеніе полноты, исполненія и т. д. Сюда принадлежатъ нѣмец. Volk, лат. *vulgus*, славян. *плкъ*, краткое *плѣхос* (Passow griech. Wörterbuch s. v. *πληθος* и *πληθος* отъ *πλεω* и *plebs* отъ *plevi*), откуда происходитъ *plevitas*, употребленное вмѣсто *plebs*. Non. Marc. p. 140.

3) См. ниже.

4) См. ниже.

5) Dion. H., 47: *Ουδάρων δὲ Τερέντιος—καλαίτερόν τι λέγων ἐν ταῖς κούριαις τειρήσαι τὰ ὀνόματα ὑπὸ τοῦ Ρωμόλου, — τὰ μὲν αὖτ' ἀνδρῶν λεηθῶντα ἡγεμόνων, τὰ δ' ἀπὸ τῶν πάλαι πεκρῖδων.* Plut. Rom. 20: *κολλὰ γὰρ ἔχουσιν ἀπὸ τῶν τὰς προσηγορίας.*

6) Liv. IV, 4. Вотъ слова Канулея: *Quid? hoc si polluit nobilitatem vestram, quam plerique oriundi ex Albania et Sabinis, non genere nec sanguine, sed per cooptationem in Patres habetis etc.* Suetonius Tiber. I.

7) Liv. XI, 42.

8) Ср. выше примѣч. 6.

9) Liv. IV. 3. *Canulejus: altera (rogatione) connubium petimus, quod finitimis externisque soli solent.* Такъ женился единственнымъ, оставшіяся въ живыхъ послѣ сраженія при Кремерѣ, Фабіи, на дочери Отацілія Малевентаца. Fest. s. v. Numerius p. 182. Дионисій (VI, 1) говоритъ, что до сраженія при Региллѣ Римляне и Латиняне нѣдѣль взаимное jus connubii; но его слова показываютъ, что источники, которыми онъ пользовался, говорили только о патриціяхъ: *δύομα δὲ βουλῆς ἐκύρωσαν, ἐπίκειντάτοις Ῥωμαίων καὶ Λογίων ἀνδράσιν εἰ τινες ἔτυχον ἐκ τοῦ Λατίνων ἔθους συνικνεῖσθαι γυναῖκας, ἢ Ῥωμαῖα Λατίνους, ταυτῶν εἶναι κυρίας κ. τ. λ.* Римляне патриціи соединялись взаимными браками и съ албанскими. На это указываетъ преданіе о борьбѣ Горациевъ и Куріациевъ. Впрочемъ ср. Strabō V. p. 334.

10) Plut. Publ. 21. Sueton. Tib. I. Id. Aug. I.

11) Плутархъ въ пр. мѣстѣ: (*Ἀκκίω: Κλαῦδος ἐν Σαβίνοις*) *ἐταίρειον δὲ καὶ δύναμιν φίλων καὶ οἰκείων ἔχων ἀμύνουσαν περὶ αὐτὸν, ἐταξίαζε καὶ τοὺς φίλους συμπαροκαλοῦν, ἵκειων τε πολλοὺς ὁμοίως θύνανα κειθόντων, πεντακισχίλιους οἴκους ἀναριθμάς μετὰ παίδων καὶ γυναικῶν — εἰς Ῥώμην ἦγε — τοὺς μὲν γὰρ οἴκους εὐδὸς ἀνεμίει τῷ πολιτεύματι (Πολιτείας).* Зашъ правда не говорится рѣшительно, что спутники Клавдія были патриціи, но между друзьями его были вѣроятно только ему равные. Дионисій V. 40 раздѣляетъ родственниковъ (свѣд. *patrilis*), друзей и кліентовъ, которыхъ привелъ съ собою Клавдій въ Римъ: *Τίτος Κλαῦδιος αὐτομολεῖ πρὸς αὐτοὺς, συγγενείαν τε μετ' αὐτὸν ἐπαγομένης καὶ φίλους καὶ κείλους συχνοὺς, κ. τ. λ.* Все это, какъ кажется, не иное что какъ переселеніе одной партіи недовольныхъ патриціевъ. Принятіе первыхъ сабинянокъ, а послѣ разоренія Альбы и албанскихъ патриціевъ, перемѣнившихъ въ Римъ, произошло массово. Dion. Hal. III, 29. Liv. IV, 4. Ср. прим. 6. Serv. A. 4, 7: *Hanc autem cum evertisset Tullus Hostilius, omnes nobiles familias Romam transtulit.*

12) Liv. IV, 2: *Quam enim aliam vim connubia promissa habere, nisi ut ferarum prope ritu vulgarentur concubitus plebis Patrumque? ut qui natus sit, ignoret, cujus sanguinis, quorum sacrorum sit; dimidius Patrum sit, dimidius plebis, ne secum quidem ipse concors.*

13) Aug. de civ. Dei, IV, 31: *Dicit etiam (Varro) antiquos Romanos plus quam annos centum et quinquaginta deos sine simulacris coluisse. Quod si adhuc, inquit, mansisset, cunctis dii observarentur.*

62) Val.-Max. II, 7, 3. Virg. Aen. VIII, 638. Cassiod. Var. III, 51.

63) Tertull. de spect. 5: Equiria Marti. Romulus dixit. Объ эруссконъ проноскомъ-ним конныхъ и геръ см. Müller Etr II, 220. Какъ кажется, коми были вощице, при-вденъ въ Римъ изъ Струмъ. Livii (I, 35) говоритъ: Equi pugilesque ex Equiria maxime aceti, это подтвержд. ерхъ и некоторымъ образомъ Servii (VIII 636): Nam legitima propter equorum penuriam diversis eos (Romanis) tunc usos animalibus.

64) Dion. II, 34. Plut. Rom. 16.

65) Dion. Hal. II, 18: *τερὰ μὲν οὖν, καὶ τεμὴν, καὶ βωμούς, καὶ ἑοάνων ἰδρωθεῖς πορράς τε αὐτῶν, καὶ δούβρολα καὶ δυνάμεις, καὶ δωρεάς αἰς τὸ γένος ἡμῶν ἐδωρῆθησαν, δωρεάς τε ὁποίας τινὰς ἐκπύστη, θεῶν ἢ βασιμόνων ἀγασθῶν προσήκει, καὶ θυσίας αἰς χαιροῦσι γεραιώμενοι πρὸς ἀνθρώπων, κ. τ. λ.*

66) Cp. Müller Etr. I; III 4, A. 67.

67) Gell. I, 7. Cic. Div. I, 45. Legg. II, 2. Даже древнѣйшій Капитолій упоминается какъ столпшій на Квирикалаѣ.

68) Dion. III, 35: *ἐκλιπεῖν γὰρ ἐπὶ τῆς ἀρχῆς τῆς ἐκείνου πατρῖους τινὰς θυσίας. ἑτέρας δ' οὐχ ἔκωρυόδας ἐπιχωρίους Ῥωμαίους παραγαγεῖν.* Liv. I, 32. Объ укреплени агоньальскихъ Салиевъ будегъ рѣчь во второмъ рассуждени.

69) Dion. Hal. III, 36.

70) Zon. I, 324: *Ὀστῆλιος Τύλλος τὰ κλειστά τῶν τοῦ Νομά χλευδάς ἤδων.* Fragm. Dion. Cass. ed. Reim. I, 8.

71) Dion. III, 36: *(Λυκος Μάρκιος) τὰ τε θεῖα ἴεβειν αὐτοῦς ἤλιος κλίσι, ὄσπερ ἐπὶ Νομά διατέλουσιν ὄβοντες, διεξιών ὅτι κατὰ τὴν τῶν θεῶν ὀλιγαπείων νόσοι τε καὶ λοιμοὶ καὶ βλάβηι πολλὰι κατέδησαν εἰς τὴν πόλιν, ὅφ' ὧν ἐφθάρη μοῖρα τοῦ κλήθους οὐκ ὄλιγη καὶ βασιλεύς Ὀστῆλιος, ὁ μὴ κοινοῦμενος αὐτῶν φυλακὴν ἦν ἔδει, κίμωνων ἐπὶ κολλοῦς χρόνους τὸ ὄμα καθεῖο παντοδακοῖς, καὶ οὐδὲ τῆς γνάμης ἐπὶ τῆς αὐτοῦ καρτερὸς διαμένων — οἰκτρὰς καταδροφῆς ἔτυχεν.*

72) См. выше. L. Piso у Plin. XXVIII, 4. Ромуль и Гостилий оба являюгся въ патрицианскомъ предании сумашедшими. Serv. Virg. Aen. II, 649: Tactus (mente captus) etiam Ille, qui hanc urbem condidit, Romulus, Дионисий заставляетъ Анка Марция говорить объ Гостилий, что онъ сдѣлался сумашедшимъ.

73) См. пр. 72.

74) Arnob. adv. gent. II, 458. B. (Bib). Max. P. Lugd.): Cum Romulo Pompiliisque regnandibus, percocata plane ac madida concrepauerent diis exta, nonne rege sub Tullo semicruda capistis et leviter animata porritere, prisca observatione contempta?

75) Aug. de Civit. D. XXVII, 35: In illa igitur hydromantia curiosissimus ille rex Romanus et sacra didicit, quae in libris suis pontifices habere, et eorum causas. По Истартарку (Num. 14), онъ самъ обучаетъ прити-фесковъ.

76) IJy. IV, 4. Dion. II, 64 sq. Liv. I, 20. Hor. I, 2. Suidas s. v. *Νουμάς*.

77) Plut. Num. 9.

78) Dion. Hal. II, 65, гдѣ онъ опровергаетъ тѣхъ, которые приписывали построение храма Весты Ромулу. Основание речю приписываетъ Плутархъ Нумѣ, Num. 14.

79) Flor. I, 2. Plut. Num. 9.

80) Ovid. Fast. VI, 263.

81) Serv. Virg. Aen. VIII, 363. Solin. 2. Plut. Num. 14.

82) Dion. Hal. II, 71.

83) Dion. Hal. I, II, 70. Aur. Vict. de V. illus. 3. Flor. I, 2. Liv. I, 20.

84) Cp. Ambrosch Studien p. 33. пр. 144.

85) Fest. s. v. *verna* p. 277.

86) Plut. Num. 16.

87) Liv. I, 20.

88) Ovid. Fast. III, 263. Lactant. I, 22, 1. Plut. Num. 13. Liv. I, 21.

89) Dion. H. 65.

90) Liv. I, 13. Pompon. de Or. J. 51.

91) Dion. Hal. H, 50. Plin. XVIII, 2.

92) См. прим. 75.

93) Serv. Virg. Georg. I, 21. Censor. de. d. nat. III, 3.

94) Arnob. adv. g. II, 33: doctorum in litteris continetur ApoNinis nomen Indigitamenta Pompiliana nescire.

95) См. пред. прим.

96) Macr. Sat. I, 17.

97) Слово Indigitamenta происходитъ отъ indigitare, а это отъ indiges indigetis или indigilis (Kalend. Capranic. у Orelli II, p. 396. Kalend. Amitern. p. 397). Indigitare значитъ следовательно то же самое, что взывать къ indiges. Serv. Virg. Aen. VIII, 330: Tibertinus a pontificibus indigitari solet. Macrob. I, 17: virgines Vestales ita indigitant: Apollo Medias, etc.

98) Serv. Virg. Aen. XII, 794: Indigetes dupliet ratione dicuntur vel secundum Lucretium, quod nullius rei egeant: Ipsa suis pollens opibus nihil indiga curae; vel quod nos deorum indigeamus, unde quidem omnes deos indigetes appellari voluerunt. Alii patrios deos indigetes dici debere tradunt. Alii ab invocatione indigetes dictos volunt, quod indigito est precor et invoco. Vel certe indigetes sunt dii ex hominibus facti et dii indigetes quasi in diis agentes. Serv. Virg. Georg. I, 429: Abusive autem omnes dii generaliter dici possunt indigetes, tanquam nullius rei egentes. Не стоитъ замѣчать кажется, что почти все эти объясненія неважны.

99) См. выше. Serv. Virg. Aen. XII, 794. Virg. Georg. I, 428: Patrii dii Indigetes. Diomed. Putsch. p. 473. Serv. ad Virg. Georg. I, 498: Patrii dii sunt, qui praesunt singulis civitatibus.

100) Serv. Virg. Aen. II, 351: jure pontificum cautum est, ne suis nominibus dii Romani appellarentur, ne exaugurari possint.

101) Fest. p. 79: Indigetes dii, quorum nomina vulgari non licet. Gloss. in Barth. Advers. XXVIII, 19: Indigetes dii, quorum nomina non audebant pronuntiare.

102) Serv. Virg. Aen. II, 351.

103) Macrob. Saturnal. III, 9.

104) lb.: Romani Deum, in cujus tutela Roma est, et ipsius urbis Latinum nomen ignotum esse voluerant. Frin. XXVIII. 2. Serv. Virg. Aen. I. 277: Urbis enim illius verum nomen nemo vel in sacris enuntiat.

105) Serv. Virg. Aen. I. 277. Plut. Qu. R. Q. 60.

106) Plut. Qu. R. Q. 60: *Ἐπεὶ ἰδίῳν ἄβροην εἰπε θεῖα καὶ λέγειν ἀπειρηται καὶ ζητεῖν, κ. τ. λ.*

107) См. пр. 104.

108) Serv. Virg. Aen. IV. 577: Deorum vera nomina nemo novit.

109) Варронъ у Арнобіа adv. g. III, 40: (Varro) penates introrsus atque in intimis penetralibus caeli Deos esse censet, nec eorum numerum, nec nomina sciri. Isid. Orig. VII, 11, 99. Serv. Virg. Aen. III, 12.

110) Macr. Saturn. I, 12. Serv. Virg. Aen. IV. 106.

111) Serv. Virg. Aen. II, 351.

112) Cic. de Nat. Deor. I, 30: In Pontificum libris Deorum non magnus numerus, nominum magnus.

113) Храмы Весты были сборными пунктомъ всѣхъ квинтискихъ курій и следовательно главнымъ святилищемъ. Dion. H, 66: *Νομᾶς δὲ—τὰς μὲν ἰδίας οὐκ ἐκτιθεσὶ τῶν φρατριῶν ἰδίας, κοινὴν δὲ καταστήσαστο πάντων μίαν* (т. е. храмъ Весты). Отъ того то онъ назывался въ послѣдствіи *foecus publicus*.

114) Зѣвс обучалъ Нума понтификсовъ и исправлялъ богослуженіе. Plut. Num. 14: *καὶ τὸ κλειστόν αὐτόθι τοῦ χρόνου διέτριβεν ἱερουργῶν ἢ διδάσκων τοὺς ἱερεῖς.*

115) Ovid. Fast. VI, 295: *Esse diu Vestae simulacra putant*
 Mox didici curvo nulla subesse tholo,
 Ignis inextinctus templo celatur in illo;
 Effugiem nullam Vesta nec ignis habet.

116) Plut. Num. 11: *Νουμῆς δὲ λέγεται καὶ τὸ τῆς Ἑστίας ἱερὸν ἐγκυκλίον περιβαλέσθαι τῷ ἀστέρι, πρὶ φρουρᾶν ἀπομιμούμενος οὐ τὸ σχῆμα τῆς γῆς ὡς Ἑστίας οὐβης, ἀλλὰ τοῦ σὺμπαντος κόσμου.*

117) Ovid. Fast. VI. 460:

quia quam violavit, in illam

Conditur et Tellus Vestaque numen idem est.

Arnob. adv. g. III, 32. Dion. Hal. II, 66. Aug. de Civ. D. IV, 10. Festus s. v. rotundam. Ovid. Fast. VI, 267: Vesta eadem est, quae terra, etc.

118) Что очагъ служилъ символомъ Весты, на это указываетъ Ovid. Fast. VI, 267 sq.; подъ видомъ очага изображается она и на монетахъ. Lips. de Vesta in Graev. Thea. V, 627. Ez. Spanheim de Vesta etc. ibid. p. 631. гдѣ приведены двѣ монеты, на которыхъ изображенъ очагъ съ надписью: Vesta; на долѣ S. C. На другихъ монетахъ стоитъ при томъ жертвоприносящая Весталка, но надпись та же самая. Ez. Spanheim ibid.

119) Plut. Num. 9: *ἀνάπτοντας ἀπὸ τοῦ ἡλίου φλόγα καθάρων καὶ ἀμύαντων. Ὅτῳ τὸν называетъ Юлианъ (Orat. IV, 155) огонь Весты вѣчнымъ огнемъ, который ваягло солнце (заимствованнымъ у солнца).*

120) Serv. Virg. Aen. XII, 200: Apud majores grae non incendebantur, sed ignem divinum precibus eliciebant, qui incendebat altaria.

121) Flor. I, 2: Ut ad simulacrum coelestium siderum flamma vigilaret.

122) Serv. Virg. Aen. IV, 167. Varro y Non. Marc. p. 182. Varro L. L. V, 61: Duplex causa nascendi: ideo ea nuptiis in limine adhibentur. Plut. Q. R. I. Ovid. Fast. IV, 791: Hæc nova fit conjux: hæc duo magna putant. Fest. p. 66.

123) Virg. Aen. VI, 228. Hartung Rel. der R. I, 199. sq.

124) Virg. Aen. XII, 119. Fontemque ignemque ferebant. Serv. ad h. l.: Sane ad facienda foedera aqua et ignis adhibentur.

125) Cedrenus p. 122 y Klausen Penat. II, 627. Suid. *Νουμῆς τὰς Ἑστιάδας τοῦ πυρὸς καὶ ἕδατος ἐπιμέλειαν ἔχει προύτρεψε.*

126) Ez. Spanheim I, 1. p. 680.

127) Gaius, Instit. I, 24, 90; 34, 128. Fest. 3. Serv. Virg. Aen. XII, 119.

128) Boxh. Qu. R. Q. XI.

129) Fest. p. 67: Flammeo amicitur nubens. Luc. Phars. III, 361: Lutea demissos velant flammea vultus. Plin. XXI, 8. Schol. Juv. VI, 225: Flammeum est genus amiculi, quo se cooperiunt mulieres die nuptiarum. Est enim sanguineum.

130) Non. Merc. p. 341: Flammeus vestis vel tegmen, quo capita matronae tegunt. Фламиника носила также flammeus какъ платье. Fest. 69.

131) Dion. II, 64. Производство огъ слова flum не годится.

132) Ὅτῳ Паре крѣкъ flamma.

133) Plut. Qu. R. Q. 74.

134) Plaut. Aul. I, 2, 12. Id. Trin. III, 2, 53.

135) Phaedr. Fab. IV, 10, 1.

136) Fest. p. 78.

137) Plut. Num. 14.

138) Plut. Qu. R. Q. 71.

139) Plut. Num. 9. Fest. p. 78.

140) Ovid. Fast. VI, 282: A pluvio vindicat imbre tholus (свѣд. крыша со сводою). Сводъ представлялъ собою небо. Serv. Virg. Aen. I, 505: Testudine, camera incurva (vel fornicata), quae secundum eos, qui scripserunt de ratione templorum, ideo sic fit, ut simulacrum coeli imaginem reddat, quod constat esse convexum. Въ каллиритскихъ кра-

мы были такъ образованы посредствомъ; это подтверждаетъ Сервій: *quidam tradunt apud veteres omnia templa in modum testudinis facta. At vero sequenti aetate, divinis simulacris basilis, nihilominus in templis factas esse testudines etc.* Слова *apud veteres* относятся къ времени ивритской религии безъ образовъ; это ясно видно изъ словъ: *sequenti aetate divinis simulacris positis.*

141) Fest. p. 189: *Dialis, quia universi mundi sacerdotes, qui appellatur Dium. Fest. 66: Dialis autem appellatur a Deo, a quo vita dari putabatur hominibus.*

142) Liv. I, 20.

143) Fest. p. 189.

144) Plin. XXXVIII, 49. Gall. I, A. X, 15. Plin. XXVIII, 9. XVIII, 30. Pint. Qu. R. Q. p. 109, 110, 114, 118, 164, 166, 167, 168, 169. Serv. Jürg. Aen. I, 179, 448, 706. IV, 29, 137. XII, 120. Fest. p. 122, 30, 54, 66, 69, 104. Tertull. exhort. ad cæc. 13. Serv. VIII, 552. More veterum sacerdotum, neque Martialis neque Quirinalis Flamen omnibus criminibus tenebatur, quibus Flamen Dialis.

145) Gellius N. A. I, 13.

146) Ibid.

147) Ibid.

148) Ibid.

149) Ibid.

150) Varro L. L. VI, 94. Quam Dialis a Iove sit. Какъ таковой онъ исправлялъ sacra Idu-
на. Fast. I, 587:

*Idibus in magni castus Iovis aede sacerdos
Serpimaris Hammis viscera libat oris.*

Liv. I, 20. (Numa) Flaminem Iovi assiduam sacerdotem creavit.—Marti unum, alterum Quirino.

151) Смотр. ниже.

152) Смотр. ниже.

153) Fest. p. 189: *Dium a Iove dicitur et Dialis Flamen et Dium heroum aliquis ab Iove genas ducens; p. 57: Dium fulgur quod putabant Iovis.*

154) Ovid. Fast. III, 291—348. Varro L. L. VI, 94. Liv. I, 20 Valerius Antias у Арноб.
V, 488. C. Pint. Num. 15.

155) Ovid. I. I. 291. Picus есть демонъ этрусскій уже потому, что преданіе дѣлаетъ его царемъ Этрурии. Lact. Plac. narrat. fabul.: *Picus ex progenie Saturni, rex Tyrrheniae. Пикъ и Фауна были два горные духа и жили на палеостройской горѣ Авентинѣ. Нума поймалъ ихъ силою и хитростью, чтобы съ помощью ихъ свести Юпитера на землю. Они говорятъ Нумѣ:*

*Hunc (Iovem) tu non poteris per te deducere coelo:
At poteris nostra forsitan usus ore.*

Ovid. Fast. III, 317,

156) Овидій говоритъ (V, 324):

*Quaque trahant superis sedibus arte Iovem.
Scire nefas hominibus.*

157) Plut. Num. 15: *Τὸν δὲ θεὸν ὀρυζόμενον τῷ Νουμῶ κ. τ. λ.*
Нума пугается при его появленіи. Ovid. I. I. v. 331:

*Corda micant ragis: totoque e pectore sanguis
Fugit, et hirsutae diriguere comae.*

158) Ovid. I. I. 321: *Iupiter huc (т. е. на Авентинъ, гдѣ Фауна и Пикъ были пойманы) venit. Отъ того ara Iovis Elicii стояла на Авентинѣ, Varro. L. L. VI, 94.*

159) Plut. I. I. Ovid. I. I. 342: *Postulat hic animam.*

160) Смотр. пр. 154. Ovid. I. I. 339:

*Caede caput dixit. Cui rex, Parebimus, inquit,
Caedenda est: heris eruta cœpa meis.*

• Addedit hic, Hominis Spumam, ait ille, capillam.

Postulat hic animam: et Numam, Piscis, ait.

161) Müller, Etr. II, 170 sq.

162) Ibid. 174.

163) Ovid. Fast. II, 271 + 282.

164) Ibid. v. 271: Pana Deum pecoris veteres coluisse feruntur

Arcades; Arcadiis plurimus ille jugis.

v. 279: Transtulit Evander silvestria nomina locum,

Hic, ubi nunc urbs est, tum locus urbis erat.

Inde Deum caelivus, delectaque sacra Pelasgis,

Flamen adhuc prisco more Dialis erat.

165) Fest. p. 230, 215.

166) Fest. p. 215.

167) Fest. p. 174.

168) Fest. p. 215. Serv. Virg. Aen. III, 12.

169) Lamprid. Heliogab. 6.

170) Dion. Hal. II, 64. Plut. Cam. 20.

171) Plut. Cam. 20.

172) Dion. Hal. I, 69. Cicero Scour. 2. 48. Phil. XI, 10, 24. Ovid. Fast. VI, 424. Trist.

III, 1, 30. Liv. V, 52.

173) Plut. Cam. 20.

174) Varro L. L. 157.

175) Fest. p. 52, 2.

176) Liv. V, 40.

177) Fest. p. 174.

178) Lamprid. l. l.

179) Cic. de Nat. Deorum III, 17; Meliora didici de Diis colendis capodunculis, quas Numma nobis reliquit.

180) См. пр. 13.

181) См. пр. 172.

182) Aug. Civ. D. VIII, 24.

183) См. ниже.

184) См. пр. 115.

185) См. отр. ниже.

186) Dion. Hal. I, 67: *Κηρύκια βιθρᾶ καὶ χαλκᾶ καὶ κέραμον Τρωϊκὸν εἶναι τὰ ἐν τοῖς ἀδύτοις τοῖς ἐν Λαοῦνιῶν κείμενα ἱερά.* Само собою разумеется, что ничего нельзя построить на мстахъ изъ постовъ, приведенныхъ Клаузеномъ (пр. 113). Въ надписи, приведенной этимъ ученымъ, Веста является не только съ Минервою, но и окруженная цѣлою этрусскою триадою (Tris). Orelli 1393.

187) Strabo VI, 263.

188) Macr. Sat. III, 4. Serv. Virg. Aen. II, 296. см. ниже.

189) Dion. Hal. VI, 69: *ὁ γὰρ ηγεμὼν αὐτῶν τοῦ γένους Ναυτίος, ἀπὸ τῶν ἐὼν Διεία στελλόντων τὴν ἀπομίαν, ἣν Ἀθήνας ἱερὰς Πολιάδος, καὶ τὸ ἔσαν ἀπὸ γατο τῆς Θεᾶς μεταστάμενος, ὁ διφυλλάτων ἄλλοι κατ' ἄλλων μεταλαμβάνοντες οἱ τοῦ γένους ὄντες τῶν Νευτιῶν.* Serv. Virg. Aen. II, 166: (Diomedes Paladium transeuntē Aeneae offerre conatus est. Sed cum se ille velato capite sacrificans convertisset, Nautas quidam accepit simulacrum. Unde Minervae sacra non Iulia gens habuit, sed Nautiorum. Id. ib. III, 407. Ib. V, 701: Unde Nautiorum familia Minervae. sacra retinebat: quod etiam Varro docet in libris, quos de familiis Trojanis scripsit.

190) Въ регим, по Serv. Virg. Aen. VIII, 363. Solin. 2. Plut. Num. 14. Schol. Crucequ. Hor. Od. I, 2, 15; въ атрии храма Весты, по Овидіус Fast. VI, 263:

Hic locus exiguus, qui sustinet atria Vestae,

Tunc erat intonsi regia magna Numae.

Serv. Virg. Aen. VII, 153: Unde templum Vestae non fuit augurio consecratum, ne illuc conveniret Senatus, ubi erant Virgines. Nam haec fuerat regis Numae Pompilii.

191) Ovid. Fast. IV, 731:

I, pe' e virginea, populus, suffimen ab ara:
Vesta dabit. Vestae munere purus eris.

Sanguis equi suffimen erit, vitulique favilla.

192) Plut. Qu. Rom. Q. 96: καὶ τὴν μὲν οὐρανὸν ἀποκόψας τις ἐκ τῆν Ῥηγίαν (ср. Plut. Num. 14) καλομένην κομίζει καὶ τὸν βωμὸν ἀιμίββει. Fest. p. 111: eius cauda, ut ex ea sanguis in focum destinaret, magna celeritate perferrebatur in regiam.

193) Florus, I, 2: Ille ancilia et Palladium, secreta quaedam imperii pignora, — imprius focum Vestae virginibus colendum dedit. Iordanes de reg. S. p. 1077. Анцилаи, сохранились въ регии въ святилищѣ Марса. Точно также нужно понимать sacraria Vestae у Марциала (VII, 73, 2; ибо собственно въ храмѣ Весты не было никакихъ сакраріевъ, оба ревога его не носили никогда этого имени. Собственно сакраріи были только находящіеся въ regim sacrarium Opis Consiviae и sacrarium Martis.

194) Fest. p. 255: Salias virgines Cincius ait esse conductitias, quae ad Salios adhibentur cum apicibus, paludatas, quas Aellus Stilo scripsit sacrificium facere in Regia cum Pontifice paludatas cum apicibus in modum Saliorum.

195) Varro VI, 12. Fest. s. v. Agonium. Ovid. Fast. I, 323.

196) Macr. Sat. I, 15.

197) Macr. Sat. I, 16.

198) Жаль очень, что только во второмъ разсужденіи можемъ мы говорить подробно объ Sallii agonales.

199) Liv. II, 2: et quia quaedam publica sacra per ipsos reges factitata erant, — regem sacrificulum creant. Dion. Hal. V, 1. IV, 74.

200) Нима былъ Pontifex и Flamini Dialis. См. выше. Объ Анкѣ говорить Livius, I, 33: Ancus demandata cura sacrorum flammibus sacerdotibusque aliis, exercitu conscripto etc.

201) Serv. Virg. Aen. VIII, 648.

202) Ambrosch Stud. p. 115. Чужестранное происхожденіе сакръ, которыя исправлялъ rex sacrificulus, принимали кажется и источники назиданаго Густаве Lucet. de mag. et sac. P. R., изъ которыхъ онъ почерпнулъ свои слова (3): Rex sacrorum pontifici subijciebatur (Liv. II, 2), cum enim a regibus sacra instituta essent, ne omnino religio illa extincta videretur, delectus unus erat, qui rex sacrorum vocaretur.

203) Въ особенномъ разсужденіи объ религіозныхъ отношеніяхъ неквирическихъ дарей къ плебеймъ.

204) Müller Etr. II, p. 324 sq.

205) Varro L. L. VI, 21.

206) Plut. Qu. R. Q. 96. Fest. p. 111, 120, 186. Ovid. Fast. IV, 733.

207) Lact. I, 21. Joann. Lyd. p. 93 ed. Beck.

208) Fest. p. 120: Panibus redimabant caput equi immolati quibus Octobribus in Campo Martio etc.

209) Ovid. Fast. IV, 731 Plut. I. I. Fest. p. 186: Eiusque coda tanta celeritate perferitur in regiam, ut ex ea sanguis destillet in focum, participandae rei divinae gratia. Слѣдовательно ara Vestae была собственнымъ focus въ регии.

210) Fest. p. 111: October equus appellabatur, qui in campo Martio mense Octobri Marti immolabatur. De cuius capite magna erat contentio inter Suburanenses et Sacravienenses, ut hi in regiae pariete, illi ad turrem Mamiliam id figerent.

211) См. выше пр. 210. См. ниже.

212) Festus p. 186: „Bigatum victricum dexterior.“ Plut. I. I.: ἐκπορτίας γερμύνης δὲ νικῶσας δεξιὸς ἱερὸς ἄρει εὐσταί. Ниже будетъ доказано, что вообще всѣ

игры был происхожденія этрусскаго и находилсь въ связи съ этрусско-латинскою религіею.

213) См. пр. 209.

214) Arnob. adv. gent. p. 505 G: Offa autem penita est, cum particula visceris caudae pecoris amputata. Fest. p. 211: Penitam offam Naevius appellat abseggem carnis cum coda. Но offae penitae, предисанныя въ почти-финальныхъ днгахъ, (Arnob. l. l.), были вѣроятно вареныя мясныя кушанья. Это ясно изъ того, что онѣ упоминаются какъ кушанья въ такъ называемыхъ coenae purae. Fest. p. 204: Penem antiqui offam vocabant, a qua antiquitate etiam nunc offa porcina cum cauda in cenis puris offa penae vocatur. Cfr. Plaut. Mil. III, 1, 164.

215) См. пр. 74.

226) Liv. II, 5: Ager Tarquiniorum, consecratus Marti, Martius deinde campus fuit. Здѣсь находился храмъ этрусскихъ Ларовъ. Maer. Sat. I, 10.

217) Ovid. Fast. III, 519:

Altera graminis spectabis Equiria campo,
Quem Tiberis curvis in latus urget aquis.

Dion. Hal. V, 13.

218) Liv. XXXV, 10. XL, 45. IV, 22. Dion. Hal. IV, 22. Serv. Virg. Aen. I, 287.

219) Ovid. J. I. v. 521:

Qui tamen (Campus Martius) ejecta si forte tenebitur unda;
Coelus accipiet pulverulentus equos.

Fest. p. 96: Martialis campus in Coelio monte dicitur, quod in eo Equisia solent fieri, si quando aquae Tiberis campum Martium occupassent.

220) Varro L. L. V, 46.

221) Varro. l. I.

221) Tertull. ad. Nat. II, 9: Hoc enim arae docent, adventitiorum ad sanum Carnae, etc. Forum Carnae находилось на Мелійской горѣ. Maer. Sat. I. 12.

223) См. пр. 210.

224) Ambrosch Studien p. 7. пр. 32.

225) См. пр. 193.

226) Serv. Virg. Aen. VIII, 663: Salios, qui sunt in tutela Iovis, Martis, Quirini.

217) Какъ таковыя они имѣли только патриціанскихъ фламинновъ.

228) Serv. Virg. Aen. VIII, 190: Nam ancile et trabea communia sunt cum Marti vel Martiali sacerdote.

229) Fest. p. 119: Persillum vocant sacerdotes rudiculum picatum, quo unguine Flamen Portunalis arma Quirini unguet.

230) Ovid. Fast. III, 387, 388:

Jam dederat Salius, a saltu nomina ducunt,
Armaque et ad certos verba canenda modos.

Serv. Virg. Aen. VIII, 285: Arma ancilia.

231) Pap. Stat. Silv. V, 129:

Quirinus,
Qui tibi tam tenero permisit plandere collo.
Nubigenas clypeos etc.

Что поэтъ здѣсь имѣетъ въ виду не Марса, а Janus Quirinus, доказываетъ то, что онъ упоминаетъ о Марсѣ въ ст. 126 особено.

232) Aug. Viet. de V. ill. 2: Salios Martis sacerdotes — XII instituit. Lucilius ap. Prisc. Putsch. p. 708.

233) См. ниже. Отъ того то Марсъ Квириусъ (Mars Quirinus) имѣлъ марціальнаго фламина, а Janus Quirinus квириальнаго. Въ законѣ Нумы о spolia opima упоминается объ немъ по чести какъ о Квириусѣ, по Сервію, какъ о Янѣ Квириусѣ (Janus Quirinus).

234) См. пр. 230.

235) Hartung II, 100. Fest. p. 128: Fortunus qui et Palaemon.

236) Fest. p. 43: Claudere et clavis ex Graeco descendit, cuius rei tutelam penes Portunum esse putabant, qui clavim manu tenereungebatur, et deus putabatur esse portarum.

237) Огъ назывался Patulcius = Clusius. Macr. Sat. I, 9. Serv. Virg. Aen. VIII, 610. Ovid. Fast. I, 99:

Ille (Janus) tenens dextra baculum, clavemque sinistra, etc.

239) . . . modo, namque Patulcius idem,

Et modo sacrifico Clusius pra vocor.

238) Orelli. Inscript. 1585. Jano Portuno, aique Marti. Найденъ въ Сирозе.

239) Огъ назывался Патулци у Ореда въ 2214:

MANSIONES SALLORUM PALATINOR. A VETERIBUS OB ARMORUM ANNALIUM CUSTODIAM CONSTITUTAS LONGA AETATE NEGLECTAS. PECUN. SUA REPARAVERUNT PONTIFICES VESTAE V. V. C. C. PRO MAGISTERIO PORTI ACILLI. IUCILLI. VITRASI. PRAETEXTATI V. V. C. C.

Муретъ предложилъ armorum Magnalium, Скалигеръ ancillium. Это одобрилъ Орелли. Но ни то, ни другое не нужно.

240) Ioann. Lyd. de mens. p. 51: ὁμοειδὲς αὐτῷ Ἰάνῳ κατὰ τὴν τῶν Ἰταλιῶν πληθὺν ἀρετῶν. Если въ послѣдствіи при началѣ войнъ полководецъ потрясалъ выпряженныя (см. пр. 212), то въ дѣлалъ потому, что они стали въ дѣлѣ битвы ригора impetii и ахъ божество должно было быти за безопасность государства.

241) SC. y Gell. N. A. IV, 6: „In sacratio in regia hastas Martias movisse.“

242) Serv. VII, 603: Meris fuerat indicto bello in Martis sacratio ancilia commoveret. Serv. VIII, 3.

243) Plut. Rom. 29.

244) Justin. XLII, 23. См. выше.

245) Vesta съ hasta pura — Lips. de Vesta etc. in Gesn. Th. V, p. 631, 642. Ex Spank. de Vesta etc. ib. p. 684; Веста съ hasta-pura у Yaiffant Num. ant. fam. Rom. Livinetz. 3. Пленъ съ hasta pura и simpulum — Lips. p. 639. Упоминаетъ Penates P. R. Yaiffant: Vesta, на похъ S. C. Также савъ hasta pura упоминаетъ Venet. Victria (Veillant num. fam. Rom. Aemilia 48); Venus Junifrix (ib. Julia 30, 31); Pietas (ib. Pompeja. 20, 21); Honos (ib. Saecilia 36. Postumia 13); Justitia (ib. Cordia 1); Virtus и Honos вмѣстѣ (ib. Egnatia 2).

246) Plut. Rom. 29. Id. Qu. Rom. p. 148.

246) Уже древніе смотрѣли на коня Марса, стоявшаго въ регин, какъ на Quirin, и находили связь между нимъ и именемъ Quirinus; это видно изъ Плутарха, который говоритъ: τὴν δὲ γενόμενην ἐπισημίαν τῆς Ραμύλας τὸν Κυρίνον, οἱ μὲν Ἑνεάκων προαγορεύουσιν. — οἱ δὲ, τὴν αἰχμὴν, ἢ τὸ δόρυ τοὺς καλατῶδες Κυρίον ὀνομάζουσιν, καὶ Κυρίτιδος, Ἦρας ἀγαθὰ καλεῖν ἐπ' αἰχμῆς ἀδρυμένον. ἐν δὲ τῇ Ρηγίῳ δόρυ καδρυμένον. Ἄρεα προαγορεύουσιν. Plut. Rom. 29.

247) Serv. Virg. Aen. VI, 860: Quirinus autem est Mars, qui praestitit paci: et intra civitatem castrum. Nam belli Mars extra civitatem templum habuit. Ib. I, 292: Mars enim cum caevit, Gradivus dicitur: cum tranquillus est Quirinus.

248) Serv. Virg. Aen. VIII, 3: Nam is qui belli susceperat curam, sacrum Martis ingressus primo ancilia commovebat, post hastam amulceri ipsius, dicens: Mars vigila. — Меморіе коня въ приписывается самому Марсу Градиву, какъ характеристическая черта у Fest. p. 72.

249) Serv. Virg. Aen. VII, 610.

250) у Ioann. Lyd. p. 51: Ὁ Λαβῶν οὐ φησὶν αὐτὸν καλεῖσθαι — Κυρίνον αἰσάει προμαχόν. Эп. Nat. II, 48.

251) Отъ того діонисія приписывается Салии прославление племени боговъ, заставлявшихъ воспринимать дѣламъ. Многие писатели смѣшивали обряды квинтикихъ Салии съ обрядами плебейскихъ Sallii agonales, основанныхъ Туллою Гостадіемъ; это повело къ тому, что многое, относящееся только къ Sallii agonales, было перенесено на квинтикихъ. Объ этомъ мы можемъ говорить только во 2-мъ разсужденіи.

252) Нума затворилъ храмъ Януса Геминуса (Janus geminus) и, расчлустивъ войско. Отъ даянъ мира, не только своимъ подданнымъ, но и союзцамъ, отъ которыхъ за-
претилъ продать кровь живогныхъ, естественно должно было имѣть отвращеніе
отъ проливанъ крови человѣческой. Отъ того то его жреца въ войнѣ называли Flamen
Dianae, которому было вѣдѣно войска, сдержаннаго къ войска. И хотя Нума при-
нудилъ законъ насильно врата врата, но это вѣроятно поддѣланная статуя.

253) Его храмъ была затвортъ во время мира и отворался во время войны.

254) Dion. Hal. II, 70: (Ἰανός) τῆ μὲν ἀρχαίᾳ καὶ τῷ λαῷ ἔφη ἰανόν. Ἡ γὰρ τοῦ
ἰανῶνος ἀρχαία. Однакъ Овигенъ съ шдтеномъ, изображаетъ на монетѣ у Guther-
de Sal. (Graec. 1704), p. 52 и 61.

255) Ez Spanh. I. I. p. 640.

256) См. пр. 245.

257) Fest. s. v. opime spolia p. 120: Quis auspicio classe procincta opima spolia capi-
untur, tunc Feretrio dantur oporteat, et bozem caedito; qui cepit ab eis CC secunda spolia in
Campo; tertium spolia Jano Quinto agrum matrem caedito.

258) Plut. Rom. 29: Καὶ Κυρίτιος Ἦρος ἀγαθὰ καλεῖται αἰχμῆς ἰδρύνοντα
Что Плутархъ хотѣлъ назвать форму. Quiritis, а не Curitis, показывается то, что онъ
ставитъ въ ней шдтеномъ, съ Киритиомъ. Fest. p. 48: vel quia matronae Junonis Curitis
in tutela sunt. Id. p. 83. Id. 41: Curiales mensae, in quibus immolabatur Junoni, quae Cu-
ritis appellata est. Dion. II, 56: Κυρίτια или Quiritia. Plut. Qu. R. Q. 86: Καὶ ἄρχητος ἢ
ἑαδὲς ἐκαλεῖσθαι. На монетахъ встрѣчается Junonis Curitis (Orelli 1306), съ Juno-
nis Quiritis, или Junonis Quiritis (ib 1305).

259) Fest. p. 48: Curitum Junonem appellabant, quia eandem forte Iastam putabant. Id.
p. 48. Plut. Qu. R. Q. 86.

260) Plut. Rom. 29: Καὶ Κυρίτιος Ἦρος ἀγαθὰ καλεῖται αἰχμῆς ἰδρύνοντα
Подобнымъ образомъ изображаетъ Паллада на копьѣ, придаваемою дега. Ez
Spanh. I. p. 681. Въ другомъ мѣстѣ говорить правда Плутархъ (Qu. R. Q. 86), что
многій статуи Юноны, имѣють копье, но это нелушко относиться къ Юнонѣ Курити.

261) Fest. p. 38. Isid. Orig. p. 291. Plut. I. I.

262) Dion. II, 56. Duid. Fast. VI, 49.

263) Fest. p. 49: Curiales mensae, in quibus immolabatur Junoni, quae Curitis appellata est.

264) Varro de L. L. VI, 13: Quirinalia a Quirino, quod ei deo feriae, et aerum hominum
qui Fornacalibus suis non fuerunt feriat. Fest. p. 218, 145. Формакалии были же-
общимъ праздникомъ куритъ. Ovid. Fast. II, 529 sq.

265) Dion. III, 22. Онъ говорить только: Ἰανὸς ἐκένοντο Κοριτιανῶν. Но Фестъ
p. 240 называетъ его Janus Curiatius.

266) Orelli-Inscr. 3217: L. Antonio Epitynchano Licitori Dec. Curiatiae quae sacris publi-
cis apparet, etc. Встрѣчается даже Licitor Curiatius. Ib 2922.

267) Joann. Lydus (по Лабеоу) p. 51: Ἰανόν Κυριτίαν οὐρανὸν Ἰφορον εὐγενῶν
Κοριτίαν ὑδρὸν καὶ Ὀρδίαν ὀνόματα εὐκαρτέων εἰς.

268) На отношеиіе Януса къ Юнонѣ намекаетъ еще то, что Янусъ назывался
также Junonius. Lyd. p. 51. Serv. Virg. Aen. VII, 610.

269) Уже Геллингъ стр. 60, предложилъ промаздить слово Quira отъ quiris, хотя
правда онъ принималъ это слово совершенно въ другомъ смыслѣ. Слово curia
говорилось прежде и quira, какъ видно изъ эдологичъ словъ quiris и culina и in-
quiritus.

270) См. пр. 245.

271) Varro L. L. V, 144. Plut. Coriol. 28. Serv. Virg. Aen. III, 12. Klausen Aeneas II,
620 sq.

272) Serv. Virg. Aen. III, 12: quod de Lavina translata Romam, bis in locum suum redierat.

273) Val. Max. I, 8, 7. Dion. Hal. I, 67. Serv. Aen. Virg. I, 270. Auct. de Orig. G. B. II.
Aug. de Civ. D. X, 18, 2.

274) Schol. Juv. IV, 61: Romani Tullo Hostilio rege cum disissent Albani, sacra publica Romanam transtulerunt et deos penates. Quorum penetrale tam venerabile depreffensum est, ut lapidatio de coelo caderet supra memorati ponderis. Propter quod prodigium ex libris Sibyllinis jussi pontifices ex SC. Albae sacra renovare. Tanta enim repente cum ea ventent transferre gaudio recidit, ut intelligerent, suis locis sacra non esse movenda.

275) См. нр. 245.

276) Or. De har. respons. 6, 2: De deorum Penatium Vestaeque matris testimonio. Cic. Catik IV, 8, 18.

277) См. нр. 245.

278) Macr. Sat. III, 4: Vestam de numero Penatium aut certe comitem eorum esse manifestum est, adeo ut et consules, praetores, seu dictatores, cum ad eam magistratum Laviniam rem divinam faciunt Penatibus pariter et Vestae. Serv. Virg. Aen. II, 296: Consules et Praetores sive Dictator abeunt ad magistratu Lavinii sacra simul et Vestae faciunt.

279) См. нр. 278 Serv. II, 296

280) Varro L. L. V, 144: Lavinium; nam ibi di Penates nostri.

281) Cic. de Nat. D. II, 27, 68.

282) Fest. 116: Penetralia sunt Deorum Penatium sacra.

283) Serv. Virg. Aen. III, 178. Ib. XI, 241: Cum focus sit ara Deorum Penatium.

284) Serv. Virg. Aen II, 460.

285) Cic. Legg. II, 12: Vesta quasi focus urbis complexa. Ib. II, 3: Virgines Vestales in urbe custodiunt ignem foci publici. Ондіи говорить оъ генералиахъ Весты, Fast. III, 417.

286) Silius I говоритъ: habitavit Tullus Hostilius in Velia, ubi postea aedes Deorum Penatium sacra est. Varro ap. Non. p. 526: Tullum Hostilium (habitasse) in Velia, ubi nunc est aedes Deorum Penatium.

287) Serv. Virg. Aen. II, 325: Salii appellati sunt; hi enim sacra Penatium curabant.

288) Serv. Virg. Aen. III, 174. Dion. I, 67. Serv. ib. I, 382; III, 118: Varro ante humanatum rerum secundo ait Aeneam deos Penates in Italiam reduxisse, quaedam lignea vel lapidea sigilla. Schol. Veron. Virg. Aen. II, 717. Aug. Civ. D. X, 16.

289) Dion. I, 67: σχήματος δὲ καὶ μορφῆς αὐτῶν περὶ Τιμαῖος μὲν ὁ συγγραφεὺς αὐτὸ ἀποφαίνεται κηρύκια σιδηρὰ καὶ χαλκὰ, καὶ κέραμον Τρωικὸν εἶναι, τὰ ἐν τοῖς ἀδούτοις τοῖς ἐν Λαοῦνίῳ κείμενα ἱερά: πυθέσθαι δὲ αὐτὸν ταῦτα κάρη τῶν ἐπιχωρίων.

290) Варронъ у Арноб. III, 40: Nec eorum (Penatium) numerum nec nomina sciri. Сербій Virg. Aen III, 12 говоритъ вполнѣно по Варрону: quod eorum nomina nemo sciat.

291) Arnob. I. I. Serv. Virg. Aen. II, 296.

292) Serv. Virg. Aen. I, 378. Macr. Sat. III, 4.

293) Arnob. I. I.

294) Arnob. I. I.

295) Serv. Virg. Aen. III, 12: quos nisi sacerdoti videre fas nulli sit.

296) См. нр. 245. Vaillant I. I. Двѣ юношескія головы угвѣчанныя лаврами. Съ надписью D. P. (Flaminia 2). — На монетѣ Сульпиціевъ (Sulpicia 5) изображены на оборотной сторонѣ фигуры съ копьями; но ихъ уже потому нельзя считать за пенатовъ (амѣстѣ съ Клаузеломъ II, 661), что пенаты изображены на передней сторонѣ въ видѣ двухъ юношескихъ головъ. Вообще трудно было бы доказать воинское значеніе мирныхъ пенатовъ по монетамъ, не принимая за военное оружіе hasta pura, придающую пенату на одной монетѣ.

297) Orelli Inscr. 2118: Liis deabusque Penatibus familiaribus.

298) См. нр. 278

299) Dion. Hal. I, 68.

300) I. I. S. 127 sq.

301) Herzberg de. d. R. P. 108 sq.

302) Dion. Hal. IV, 14: ἔπειτα κατὰ πάντας ἐκίλευσε (ὁ Τύλλιος) τοὺς στενω-

ποιὺς ἑρὰς κατασκευασθῆναι καλῖδας ὑπὸ τῶν υἱῶν ἡρωὶ προνοίῳις κ.
т. л. Ovid. Fast. II, 615:

Fitque gravis, geminesque parit, qui compita servant,

Et vigilant nostra semper in urbe Lares. Ib. v. 145 sq.

303) Orelli-Inser. 1589. Larum Penatum.

304) Schol. ad Hor. Epod. II, 43: Juxta focum Dii Penates positi fuerunt, Laresque appellati, idcirco quod ara Deorum, Larum focus sit habitus. Иорационъ ad Sat. Hor. I, 5, 65 утверждаетъ, что женщины посвящали свою bulla пенатамъ; сколаиеть, изданный Крукиемъ (Cruquius), говоритъ, что эта честь предоставлялась Ларажъ. Сервий говоритъ къ Virg. Aen. 64, что пенаты были души усопшихъ; въ другомъ мѣстѣ ib. VI. 152 утверждаетъ онъ то же самое касательно Ларовъ и замѣчаетъ, что пенаты — боги совершенно отличные отъ Ларовъ. Точно также отличаютъ пенатовъ отъ Ларовъ и Плавтъ (Mere. V, 1, 5) и Виргилій (Aen. IX, 258. VIII, 543). Проперцій употребляетъ имена Penates и Lares — promiscue II, 30, 21 sq.

Spargere et alterna communes caede penates

Et terre ad patrios proemia diva Lares.

Такъ и Цицеронъ pro P. Quinet. 26: „jam a suis penatibus praecipuus ejectus, jam suorum servorum manibus violatus esset, etc.“ Ib. 27 онъ такъ выражаетъ то же самое: Illud dico, dominum expulsulum esse de praedio; domino a familia sua manus allatas esse ante suos Lares familiares.“ Horab. I. I. p. 70 sq.

305) Lucan. Phars. IX, 099: quos nunc Lavinia sedes servat et Alba Lares. Pap. Stat. Silv. IV, 5, 2: prisca Tauricos Alba colit Lares, гдѣ онъ, какъ видно, говоритъ объ троянскихъ пенатахъ. Уже ученый Лабеоуъ смѣшиваетъ обонхъ. Serv. Virg. Aen. III, 168: In quibus ait (Labeo) esse quaedam sacra, quibus animae humanae vertantur in deos, qui appellantur animales, quod de animis fiunt. Hi autem sunt dii Penates et Viales (т. е. Lares). Сколаиеть Персиа къ словамъ succinctis Laribus (Sat. V, 31) замѣчаетъ: quia Gabino habitu cinctique dii Penates formabantur. Klausen A. 1203.

306) Serv. Virg. Aen. II, 325.

306) Serv. Virg. Aen. I, 8. Plut. Cam. 20. Ib. Num. 8. Ovid. Fast. III, 262. Dion. II, 60.

307) Fest. p. 174. Tac. Hist. IV, 53. См. пр. 332.

308) Varro L. L. V, 71. Cic. N. D. III, 20. Fest. p. 64. Varro ib. VI, 22: Fontinalia a fonte, quod is dies feriae ejus: ab eo tum et in fontes coronas iaciunt et puteos coronant.

309) Liv. I, 21. P. Vict. Reg. Urb. I. Plut. Num. 13.

310) Serv. Virg. Aen. VIII, 61. ib. 96. ib. 330.

311) Fest. p. 215.

312) Varro L. L. V, 71. Serv. Virg. Aen. XII, 139: Varro, rerum divinarum XIV, ait: Jurtina inter proprios deos nymphasque ponitur. Ютурна принадлежала стало быть къ Индигетамъ. Ovid. Fast. I, 7V7. Dion. VI, 13.

313) Schol. Serv. ad Virg. Aen. I, 260 Римскіе первосвященники приносили съ консулами мѣсть ежегодныя жертвы Индигету Нумицію (Indiges Numicius). Только водою Ютурны можно было дѣлать возліанія Весты. Serv. Virg. Aen. VII, 150

314) Strabo V, 3, § 13. Ovid. Fast. III, 262. Aug. de Civ. Dei XXVII, 35.

315) Cic. Nat. Deor. III, 20: Et in precatione Augurum, Tiberinum, Spinonem, Almonem, Nodinum, alia propinquorum nomina fluminum videmus.

316) Arnob. adv. g. p. 435 E. (Bibl. M. P. Lugd.): Indigetes qui flumen repunt et in alveis Numici cum ranis et pisciculis degunt.

317) Indiges, которому поклонялись на берегу Нумиція, былъ вѣроятно рѣчнымъ богомъ. Дионисій (I, 64) говоритъ, что въ его святилищѣ находилась надпись, которая относилась къ богу, властителю рѣки. Вѣроятно уже позднее этогъ Indiges былъ сдѣлать Aeneas Indiges.

318) См. пр. 310.

319) Dion. Hal. II, 60. Ovid. Fast. III, 262. Liv. I, 21.

320) Lactant. I, 22, f.

321) Plut. Num. 13: *ὅν Ἕυροίαι τε καὶ τῶν Μουσαίων πρόθεσθαι*. И далѣ: τὸ χωρίον — *ὅπου τὰ πολλὰ φοιτᾶσαι συνδιατρίβουσιν αὐτοῖς*.

322) Fest. p. 81. Lymphae dictae sunt a nymphis. Vulgo autem memoriae proditum est, quicumque speciem quandam e fonte, id est effigiem nymphae viderint, furendi non fecisse Numem; quos Graeci *νυμφρολήπτους* vocant, Latini lymphaticos appellant.

323) Varro L. L. VII, 87: In Graecia commota mente quos nympholeptos appellant, ab eo lymphatos dixerunt nostri.

324^a) Aug. Civ. D. XXVII, 35: Nam ipse Numa — hydromantiam facere compulsus est: ut in aqua videret imagines deorum, a quibus audiret, quid in sacris constituere atque observare deberet.

324^b) Diomed. Putsch. p. 472. Numam Pompilium divinitate praeditum hunc pedem pontificium appellasse memorant, cum Salios juniores, aequis gressibus circulantibus induceret spredeo melo patrios placare indigotes. Едва ли нужно замѣчать, что divinitas можетъ здѣсь означать только наитіе боговъ.

325) Serv. Virg. Aen. V, 745. Plin. XVIII, 2. Arnob. adv. g. p. 505. D.: ut piium far monstrat, quo peragi mos fuit sacrificiorum solemnium munera. Отсюда священный характеръ брака, заключаемаго посредствомъ far, и обычай класть столѣмъ и хлѣбомъ. Plin. XVIII, 3: Quia et in sacris nihil religiosius confarreationis vinculo erat. Fest. p. 93: Mensa Frugibusque jurato.

326) Serv. Virg. Eclog. VIII, 82.

327) Fest. p. 174.

328) Fest. p. 49.

329) См. пр. 325.

330) Serv. l. l. Plin. XVIII, 2.

331) Plin. ib. Statuendo non esse purum ad rem divinam, nisi tostum.

332) Fest. p. 174. Самая соль повидямому употреблялась въ жертвахъ лишь какъ символъ воды. Fest. p. 255: Salinum in mensa pro aquali poni ait cum patella, quia nihil aliud sit sal, quam aqua.

333) Hor. Od. III, 23, 19: Mollivit aversos Penates Farre pio et saliente mica. Скопаясть прибавляеть: sal enim cum farre incendebatur.

334) Dion. II, 74. Juv. Sat. XVI, 39. Plut. Qu. R. 83.

335) Plin. XVIII, 2. Is (Numa) et Fornacalia instituit farris torrendi ferias et aequo religiosas terminis agrorum. Касательно значенія фернакалій какъ общаго праздника курій см. Hartung l. l. p. 107 sq. Ovid. Fast. II, 259 sq.

336) Dion. II, 23.

337) Ovid. Fast. IV, 635:

Pars cadit arce Jovis; ter denas Curia vaccas

Accipit et largo sparsa cruore madet.

Varro L. L. V, 55. Fest. p. 63. Овидій говоритъ правда l. l. 629, что эта жертва была установлена Нумою; но это противорѣчитъ свидѣтельствамъ древнихъ касательно жертвъ Нумы; уже одно то обстоятельство, что жертва совершалась прежде въ Капитоліи, подтверждаетъ, что этотъ праздникъ явился послѣ соединенія двухъ культовъ. Одно огромное количество жертвъ (вакалалъ 30 коровъ) указываетъ на струсское вліаніе.

338) Dion. II, 25.

239) In Capitolio enim omnium deorum simulacra colebantur. Serv. Virg. Aen. II, 319. P. Victor. Region. VIII.

340) Liv. I, 38. 55. 56. Flor. I, 7. Aur. Victor. de Vir. ill. 8. Dion. IV, 59.

341) Liv. I, 55: Exaugurare fana sacellaque statuit. Serv. Virg. Aen. IX, 448: Et cum in omnibus Tarpejus (mons aptissimus) esset inventus, in quo erant multa diversorum numinum sacella, actum est, ut exinde ad alia templa numina evocarentur sacrificiis, quo posset libere et sine piacule templum Jovis aedificare.

342) Aug. de C. D. IV, 23. Nam sicut habent eorum litterae, cum rex Tarquinius Capitolium fabricare vellet, eumque locum qui ei dignior aptiorque videbatur, a diis alienis cerneret praecuratum, per augurium quaesivit, utrum concedere locum vellent Jovi. Что вызываемые боги были боги кивритские, подтверждает Ливий, ибо Ливий приписывает основание шхл алтарей Таццо. Liv. I, 55.

343) Vitruv. I, 7, 1. Müller Etr. II, 146.

344) Tac. hist. IV, 53. Liv. I, 55.

345) Liv. I, 56.

346) Müller Etr. II, 234.

347) Plin. XXXV, 45. Въ рукописяхъ мы правда читаемъ: Praeterea elaboratam hanc artem (plasticam) Italiae, et maxime Etrusiae, Turianumque a Fregellis accitum, cui locaret Tarquinius Priscus effigiem Jovis in Capitolio dicendam. Но Плиний въ самомъ началѣ этого мѣста выводитъ пластику изъ Этрурии и приводитъ статую Юпитера въ доказательство; слѣдовательно онъ долженъ считать художника Этрусскомъ. Мнѣніе, которымъ подтверждается и предложеніе О. Мюллера читать Fregenis вм. Fregellis.

348) Plin. I. I.

349) Müller. Etr. II, 248.

350) Müller I. I. II, 243, 249 sq. Касательно этрусской глиняной утвари въ Римѣ см. Pers. Sat. II, 60. Juv. XI, 108; тусская храмовая пластика см. Vitruv. III, 3 (2), 5; Müller Etr. II, 249; этрусскія металлическія изображенія боговъ см. Müller ib. p. 250 sq.

351) Tertull. Apol. 25; см. пр. 15.

352) Müller Etr. II, 44, I, 369 — 375.

353) Müller I. I. I, 370 sq.

354) Müll. I. I.

355) Müller I. I. 374.

356) Plut. Qu. Rom. p. 156 ed. Reisk.

357) Serv. Virg. Ecl. X, 27: Unde etiam triumphantes habent omnia insignia Jovis, sceptrum, palmatam togam. Ливій X, 7. говорить о триумфаторѣ: qui Jovis Optimi Maximi ornatu decoratus, curru aurato per urbem vectus in Capitolium ascenderit etc. Сл. Суот. Aug. 94. Ювеналь приписываетъ претору, предсѣдательствующему на играхъ цирцевскихъ, тунику Юпитера. Müll. Etr. I, p. 371, 374.

358) Müller Etr. I, p. 374.

359) Dion. Hal. VII, 72.

360) Dion. I. I.

361) Dion. I. I. Amor. III, 2, 43 sq.

362) Müller Etr. II, 197 sq. Касательно этрусскаго происхожденія цирцевскихъ игръ и ихъ связи съ религіею см. Müller Etr. II, 196. Этруски, какъ родственники по религіи, принимали участіе въ цирцевскихъ играхъ. Такъ Порсена Serv. Virg. Aen. XI, 134. Circus Maximus въ Римѣ былъ построенъ этрусскими царями. Liv. I, 56. Aur. Vict. de Vir. ill. 6, 8. Dion. Hal. III, 67.

363) Müller Etr. II, 323 sq.

364) Ovid. Fast. I, 55, 56. Macr. Sat. I, 9, 15.

365) Macr. Sat. I, 15.

366) Ovid. Fast. I, 56. Macr. I. I. и I, 16. (Granius Licinianus) ait enim nundinas Jovis ferias esse. Касательно этрусскаго происхожденія нундинъ см. Müll. Etr. I. I. 324.

367) См. пр. 487.

368) Varro L. L. VI, 28: Harum rerum vestigia in sacris Nonalibus in arce, quod tumo ferias primas menstruas, quae futurae sint eo mense, rex edicit populo.

369) Varro L. L. VI, 20. Consualia dicta a Conso, quod tum feriae publicae ei deo, et in circo et ad aram ejus ab sacerdotibus ludi illi, quibus virgines Sabinae raptae. Plut. Rom. 14: *ώνόμαζον δὲ τὸν θεὸν Κῶνσον· εἶτε βουλαίων θύγα — εἶτε Ἰππιον Ποσειδῶ· καὶ γὰρ ὁ θεὸς ἐν τῷ μείζονι τῶν ἱπποδρόμων ἐστὶν ἀραγῆς τὸν ἄλλον χρό-*

νον, ἐν δὲ τοῖς ἰππικοῖς ἀγῶσιν ἀνακαλυπτόμενος. Liv. I, 9. Flor. I, I Simulatis Iudis equestribus. Dion. Hal. II, 31: δρόμος ἰππων ζευκτῶν τε καὶ ἀζευκτῶν ἐπιτελεῖται.

370) Fest. p. 61: Equiria Iudi, quos Romulus Marti instituit per equorum cursum, qui in campo exercebantur. Онъ производился на Марсовомъ-полѣ. Ovid. Fast. II, 857. III, 567. Varro L. L. VI, 13.

371) Serv. Virg. Aen. VI, 860. I, 292: Denique in urbe duo ejus templa sunt: unum Quirini intra urbem, quasi custodis et tranquilli: aliud in Appia via extra urbem prope portam (Capenam, quasi bellatoris, i. e. Gradivi. Fest. p. 25.

372) По предписанію этрусскихъ гаруспесковъ храмы Венеры, Вулкана и Марса, равно какъ и Цереры, должны были находиться за городомъ. Vitruv. I, 7. Müller Etr. II, 12.

373) Serv. Virg. Aen. VI, 1: Apud majores nostros stipendium praelio terrestri miles pedester dabat: equites vero dabant in navali certamine. Nam adhuc pauper fuerat populus. Exinde jam quod ab equitibus dabatur stipendium, tractum est, ut diceretur classis. Proprie enim classes equitum dicimus. Только такимъ образомъ объясняется представленная Гюльманомъ аналогія ихъ (Röm. Grundv. p. 13) съ аттическими навваріями и древнедатскими Styreshavnē.

374) Isid. Orig. ed. Lind. p. 579. Оттого retiarii изображаются на памятникахъ съ трезубцемъ. Ср. Gori Mus. Etr. I, Tab. CLXXXVIII, вмѣстѣ съ объясненіемъ къ тому II, 396. Что значатъ слова секатора, обращенныя къ retiario: non te peto, piscem peto (Isid. ib.), объясняется тѣмъ, что Вулкану приносились живыя рыбы, какъ будто для выкупленія душъ человѣческихъ. Fest. p. 208: Piscatorii Iudi vocantur, qui quotannis mense Junio trans Tiberim fieri solent a Praetore Urbano pro piscatoribus Tiberinis, quorum quaestus non in Macellum pervenit, sed fere in aream Vulcani, quod id genus pisciculorum vivorum datur ei deo pro animis humanis. Это дѣлалось во время вулканаліи. Varro L. L. V, 20. — Женѣ Нептуна (Gell. XIII, 22), Venus Salacia, поклонялись продажныя женщины. Serv. Virg. Aen. I, 720. Salacia, quae proprie meretricum Dea appellata est a veteribus. Но онѣ появились въ Римѣ изъ Этруріи. См. пр. 469.

375) Müller Etr. II, 57, 59, 60, 74. Нѣтъ положительныхъ извѣстій, былъ ли Liber богъ этрусскій. За это впрочемъ говорить преданіе, которое дѣлаетъ его основателемъ торговли, знакомъ царскаго достоинства и триумфа, трехъ учрежденій, которые возникли подъ этрусскимъ вліяніемъ. Plin. VII, 57. Первый храмъ Цереры, Либера и Либеры имѣлъ совершенно расположеніе этрусскаго храма. См. пр. 479. Во время цереалій производились игры въ Циркѣ въ честь Цереры, Либера и Либеры. Kal. antiqu. ap. Orelli Inscr. II, p. 388 sq. Tac. Ann. XV, 53, 74. Ovid. Fast. IV, 391. Liv. XXX, 39. Ихъ статуи стояли въ Циркѣ. Nardini Roma vet. in Thes. Graev. p. 1359. Амброшъ считаетъ правду Ведія божествомъ латинскимъ, потому что въ Bovillae найдена votivная (обѣтная) доска съ его именемъ, но это вовсе не доказываетъ первоначальнаго существованія этого культа въ Бовиллѣ и Альбѣ. Точно также поклоненіе Юпитеру Латцальскому (Jupiter Latialis) и надпись у Orelli (1393), гдѣ упоминается поклоненіе Юпитеру, Минервѣ и Юнонѣ въ Альбѣ, вовсе не говорятъ въ пользу латинскаго происхожденія этихъ рѣшительно этрусскихъ божествъ. Культъ Юпитера Латцальскаго произошелъ на Альбанской горѣ подъ этрусскимъ вліяніемъ; въ пользу этого говорятъ, кромѣ основанія его Тарквиніемъ, человѣческія жертвы, приносимыя въ честь ему (Lact. I, 21. Min. Fel. 30, 4. (p. 45) у Клаузена пр. 1478) и его очевидное отношеніе къ римско-этрусскому триумфу. Serv. Virg. Aen. XII, 135. Я скажу объ этомъ болѣе въ другомъ мѣстѣ.

376) Serv. Virg. Aen. III, 12. II, 296: Quos (Юпитеръ, Юнона и Минерва) Demarati Corinthii filius uno templo et sub eodem tecto conjunxit. His addidit et Mercurium. Другой храмъ Меркурія стоялъ въ Циркѣ. Ovid. Fast. V, 662. Уже Мюллеръ Etr. II, 74 догадался, что Меркурію поклонялись въ Этруріи.

377) Varro L. L. V, 46: Ab eis dictus vicus Tuscus, et ideo ibi Vertumnus stare, quod is deus Etruriae princeps.

378) См. предыд. прим.

379) Ioannes Lyd. p. 51.

380) Serv. Virg. Aen. VII, 607. Macr. Saturn. I, 9.

381) Müller Etr. I, 309. Отъ этого преданіе говорить, что онъ первый ввелъ чеканную монету, корабль, храмы и жертвы, т. е. все учрежденія, происходившія изъ Этруріи. Draco Corcyraeus у Athen. Deipn. XV, 46. Eustath. ad. Hom. Odys. E, 251. Xenon у Macr. Satur. I, 9. Id. I, 7.

382) Serv. Virg. Aen. I, 291. Macr. Sat. I. Ovid. Fast. I, 269.

383) Schol. Juv. VI, 250. Ludi florales, in quibus meretrices nudatis corporibus discunt. Hi ludi a Flora meretrice instituti in honorem Florae deae, quae floribus praesert. Ibid. 116. Meretrices prostabant antea in Circo Maximo propter sacrum celebrationem. Первые продажныя женщины прибыли изъ Этруріи; въ пользу этого говорить послонница: Tusce modo detem quaerere (Interpr. ad Plaut. Castell. II, 3, 20, IV, 2, 87), даде извѣстіе, что meretrices жили въ Этрусскомъ кварталѣ и производили ремесло свое въ Циркѣ. Juv. Sat. III, 65. Plaut. Cure. IV, 1, 21. Schol. Acrea. ad Her. Sat. II, 3, 228: In vico thurario ante meretrices prostabant. Оттого то Проперціи (V, 2, 23) заставляеть Вертумна, господствующаго въ Этрусскомъ кварталѣ, превращаться въ non dura puella, какъ онъ выражается для благопріятія. См. выше.

384) Lact. Plac. Narr. Fab. 16. Ovid. Met. XIV, 542 sq. По некоторымъ Ромула — только придаточное имя Юноды. Arnob. adv. gentes p. 469. F.

385) Вѣ Kalend. Praen. у Orelli Inscr. II, p. 388 читаемъ мы: Florae quae rebus florescendis praesert. Вѣроятно нужно читать: quae floribus florescendis etc. Цвѣточные вѣнки продавались въ Vicus Tuscus. Colum. de cultu hortor. 308. Продавцы плодовъ жили тамъ же. Hor. Sat. II, 3, 228. Въ надписяхъ (Orelli 4268) встрѣчается Pomatius de Circo Maximo.

386) Serv. Virg. Aen. II, 325. Arnob. adv. gent. III, 40. Pales, какъ намъ кажется, однозначительна съ Palatua не по одному созвучію имени, но еще потому, что обѣ представляются божествами хранителями Палаціи. Ср. Sachsse I. I. 1, p. 42. Fest. p. 129, 211.

387) Varro VI, 19.

388) Kalend. Pinc. у Orelli Inscript. II, 395. Kal. Maif. ib. 394. FVR. NP. LVDI IN CIRCO. Роцца ея, а вѣроятно и храмъ, были вѣзъ города Сервіева, въ Reg. XIV. см. регионіи Варро L. L. VII, 45.

389) Fest. p. 66: Falae dictae ab altitudine a falando, quod apud Etruscos significat coelum. Не былъ ли Falacer Янусомъ, котораго Этруски считали богомъ неба? См. Ioann. Lyd. p. 51. Корень словъ Falacer и falandum есть также корень словъ Falicium и Falericum. Müller. Etr. I, 110. Varro L. L. V, 84. VII, 45.

390) Müller Etr. I, 172. Въ одной надписи, найденной въ Кампаніи, (Orelli 1649): sanctum Volturno Sancto. Varro L. L. VII, 45.

391) Auct. de praenom. ed. Bip. p. 496. Lar Lartus praenomen est, sumptum a Laribus. Tunc autem creditum est praenomen esse. Auson. Idyll. 2 и Technopaegn. p. 200 Bip. у Müller Etr. I, 367: Aremoricus Lars. Въ пользу этого значенія говорить Lars Tolumnius и Lars Porcena. Англійское Leard, Lord сродно ему. См. Herzberg. d. D. R. p. p. 4.

392) Serv. Virg. Aen. III, 302.

393) Serv. III, 168.

394) Cato de R. r. c. 143.

395) Müller Etr. II, 103 sq. Herzberg. I. I. 37 sq.

396) Macr. Sat. I, 10. Plut. Rom. 5. Id. Qu. R. 35. Aug. Civ. D. VI, 7. Ея гробница находилась въ Веллабрі, т. е. въ полуэтрусскомъ кварталѣ города.

397) Müller Etr. II, 81 sq.

398) Varro de R. R. I, 1: XII dii consentes urbani, quorum imagines ad forum auratae stant, sex mares et feminae totidem. Arnob. adv. gent. III, 40. Nos consentes et complices Etrusci et ajunt et nominant. Müller Etr. II, 83.

399) Ладамъ продавался въ этрусскомъ кварталѣ, который и назывался оттого, или по крайней мѣрѣ часть его vicus thurarius, Hor. Ep. II, 1, 269. Schol. ad Hor. Sat. II, 3, 328. Употребление ладама при богослуженіи введено въ Римѣ послѣ Нумы; объ этомъ говоритъ Ариобій adv. gent. p. 506. D. Этого достаточно, чтобы считать, послѣ всего сказаннаго, ладамъ одною изъ реформъ, приписываемыхъ преданіемъ Этрускамъ. Флейта была необходима при всѣхъ жертвахъ у Римлянъ и при каждой помпѣ. Müller Etr. II, 200. Ovid. Fast. VI, 657:

Cantabat fanis, cantabat tibia ludis;

Cantabat moestis tibia funeribus.

Serv. Virg. Georg. II, 193: Ebur autem tibiaram dicit, quibus in aurem sacerdotis canere solebant. Liv. IX, 30: Tibicines — Tibur uno agmine abierunt: adeo, ut nemo in urbe esset, qui sacrificiis praecineret. Censorinus de d. n. 12: Tibicines omnibus supplicationibus adhibiti.

400) Plin. XVI, 66: (Tibiae) sacrificae Tuscorum. Tibicines были въ Римѣ вѣроятно всегда природныя Этруски. Ср. Müller Etr. II, 201. Ars amat. I, 111. Оттого Tibicines поклонялись Минервѣ и праздновали въ честь ея малыя Квинкватрии. Müller Etr. II, 50. Они находились, какъ кажется, въ близкой связи съ капитолійскимъ культомъ, ибо пользовались правомъ пировать въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго. Valer. Max. II, 5, 4. Cens. d. d. n. 12. Liv. IX, 30. Tuba была также этрусскій инструментъ. Müller. Etr. I, 397. Athen. Deipn. IV, 82: *Τυρρῆνας δ' ἔστιν εὐρημα κέρατά τε καὶ βάλκινυες*. Clem. Alex. Strom. I. P. Stat. Theb. III, 650: Tyrrhenus clangor. Serv. Virg. Aen. VIII, 528: Tyrrhenum clangorem dicit quia apud Tuscos tubam constat inventam. Она употреблялась часто при богослуженіи и преимущественно при играхъ. Kal. Praen. у Orelli p. 368 (Tubifustria) hic dies appellatur ita quod in atrio sutorio tubi lustrantur, quibus in sacris utuntur. Schol. ad Pers. Sat. III, 103: Quia sepultura tubis apud antiquos celebrabatur. Plin. Epist. II, 7, 2: Qui nunquam tubarum sonum, nisi in spectaculis audiverunt. Varro L. L. V, 117 называетъ трубачей вообще sacrorum tubicines, а (VI, 14) трубы sacrorum tubae. Tubae, равно какъ и tibiae, не употреблялись при киритскомъ богослуженіи. Tibicines праздновали Tubilustria въ послѣдній день Квинкватріевъ. Ср. Kal. Maff., Fagn. и Vat. у Orelli I. I. Они поклонялись, стало быть, какъ и tibicines, Минервѣ. Ср. Müller Etr. II, 50.

401) См. пред. пр. Haruspices были всегда Этруски. Müller Etr. II, 15. A. 54.

402) Strabo V, 2, § 2. Кромѣ fascēs, securēs, tubae, дивинацій, принесенныхъ въ Римъ изъ Этруріи, онъ выводитъ еще оттуда же жертвы (*ἱεροποιΐαι*).

403) Cic. Div. I, 42, 43. Clem. Alex. Strom. I, 306. ed. Sylb. у Мюллера Etr. II, 179.

404) Liv. V, 1: Etrusci, quod religione imbuti, studiosius et crebrius hostias immolabant.

405) Gell. I, 7. Cic. Legg. II, 9: Haruspices quibus diis creverint, procurant. Они назначали сами жертвы, которыхъ должно было приносить. Cic. ib. II, 9: Jam illud ex institutis pontificum et haruspicum non mutandum est, quibus hostiis immolandum cuique deo, cui majoribus, cui lactentibus, cui maribus, cui feminis.

406) Liv. XXV, 16. XXVII, 26. Plin. XI, 73.

407) Cic. Verr. I, 10. Гаруспексы были постоянно въ Римѣ и жили въ Веллабръ. Plaut. Cureul. IV, 1, 22.

408) Cic. de Div. I, 16, 28: Nam ut nunc extis, quamquam id ipsum aliquanto minus quam olim — magnae rei impertiri solebant.

409) Serv. Virg. Aen. IV, 56. Macr. Sat. III, 5: Cum enim Trebatius libro primo de religionibus doceat hostiarum genera esse duo, unum in quo voluntas dei per exta disquiritur, alterum in quo sola anima deo sacratur, unde etiam haruspices animales has hostias vocant.

410) Müller Etr. II, 181.

411) Liv. XXXIV, 16. Консулъ Постумій говоритъ объ обрядѣ вакханаліи: *hæc vos religione innumerabilia decreta pontificum, senatusconsulta, haruspicum denique responsa liberant. Quotiens hoc patrum avorumque aetate negotium est magistratibus datum, ut — omnem disciplinam sacrificandi, præterquam more romano, abolerent. Cic. Legg. II, 12. см. пр. 405. Macr. Sat. III, 2: Nam ex disciplina haruspicum et ex præcepto pontificum verbum porricere solemnè sacrificantibus est.*

412) Macr. Sat. I, 16: Anno ab urbe condita CCCLXIII a tribunis mil. — in Senatu tractatum, quid esset propter quod totiens intra paucos annos male esset afflicta respublica, et ex præcepto patrum L. Aquinium haruspicum in Senatum venire jussum religionum requirendarum gratia dixisse, Q. Sulpicium tribunum militum ad Allium adversus Gallos pugnaturum rem divinam dimicandi gratia fecisse postridie Idus Quinctiles; item apud Cremeram multisque aliis temporibus et locis post sacrificium die postero celebratum male cessisse confictum: tunc patres jussisse, ut ad collegium pontificum de his religionibus referretur; pontificesque statuisset postridie omnes Calendas, Nonas, Idus atros dies habendas etc. Касательно libri rituales и fatales Θрусковь будемъ говорить во второмъ разсужденіи.

413) Liv. XXII, 57.

414) Macr. I, 7.

415) Plut. Qu. Rom. p. 143. Reisk. Tertull. de spect. 12. Serv. Virg. Aen. XII, 606.

416) Müller Etr. II, 221.

417) Tertull. de spect. 12. Serv. Virg. Aen. X, 519.

418) Въ опроверженіе этого нельзя приводить въ примѣръ ни Аквиліевъ, пзъ которыхъ первый, который былъ въ 265 году отъ н. гор. консуломъ, носить название Tuscus въ фастахъ, ни Тарквиніевъ, ни родственныхъ съ ними Юніевъ, потому что Тарквиніи вовсе потомъ не встрѣчаются въ фастахъ, а Юніи были всегда плебен. Dion. Hal. X, 18: *Ἰούνιος δὲ μὲν Βροῦτος, ὁ τὴν βασιλείαν ἐκβαλὼν — γενεὰν οὐτ' ἀρρενα καταλιπὼν οὔτε Θήλειαν, ὥς οἱ τὰ Ῥωμαίων βασιβ-τάτα ἔζητᾶντες γράφουσιν, τεκμήρια μὲν καὶ ἄλλα πολλὰ τούτου φέροντες, ὑπὲρ πάντα δ' — οὗτι πατρικίων γένους ἐκείνος ἦν· οἱ δ' ἀπ' ἐκείνης ἑαυτοῦς λέγοντες τῆς οἰκίας εἶναι, Ἰούνιοι τε καὶ Βροῦτοι, πάντες ἦσαν κληῖστοι κ. τ. λ.* Cic. Phil. I, 6. Tusc. Disput. IV, 1. Brut. 14. Aquilii не являются въ фастахъ до самой галльской войны. Aquilius Corvus, выбранный въ 368 году отъ постр. гор. trib. mil. cons. pot., уже потому могъ быть плебеємъ. Первый исторически достоверный консулъ изъ Аквиліевской фамилии упоминается въ 491 году отъ постр. города. Оттого вѣроятно Aquilii, Junii и многіе другіе внесли поздые своихъ предковъ въ древніе Fasti. Впрочемъ вѣроятно они получили свое прозвище и отъ того, что принадлежали къ партіи Тарквиніевъ и руководили ею. Liv. II, 4. Dion. Hal. V, 6.

419) Flor. I, 1: *Asylum facit: et statim mira vis hominum Latini, Tuscique pastores etc.*

420) Serv. Virg. Aen. V, 564. Varro L. L. V, 46. *Caelius mons a Coelio Vibennio Tusco duce nobili, qui cum sua manu dicitur Romulo venisse auxilio contra Tatium regem.* Онъ приходитъ по Dion. II, 36, 37 со многими фамиліями въ Римъ. Cic. de Rep. II, 8. Fest. p. 34. Prop. IV, 2, 49. Tac. Ann. IV, 65.

421) Dion. II, 56: *Τῶν δὲ ἀιχμαλώτων τῶν Οδιεντανῶν τοὺς μὲν ἀπίνας βουλομένους ἀφήκεν — τοὺς δὲ αὐτοῦ μένειν προαιρουμένους, πολλῶ πλείους ὄντας τῶν ἑτέρων πολίτας ποιησάμενος κ. τ. λ.*

422) Dion. III, 42: *ἐγένοντο δὲ οἱ σὺν αὐτῷ ἀπαίρειν προθυμηθέντες συχνοί.* lb. 48.

423) Orat. Claud. у Gruter. p. 502: *Sorvius Tullius, si nostros sequimur, captiva natus Oerisia; si Tuscos, Caeli quondam Vibennae sodalis fidelissimus, omnisque ejus casus comes: postquam varia fortuna exactus cum omnibus reliquiis Caelianum exercitus Etruria excessit, montem Coelium occupavit et a duce suo Coelio ita appellavit, mutatoque nomine, nam*

tusa Mastarna ei nomen erat, ita appellatus est, ut dixi, et regnum summa cum reipublicae utilitate obtinuit.

424) Fest. p. 120: Patricius vicus Romae dicitur eo, quod ibi patricii habitaverunt, iubente Servio Tullio ut, si quid molirentur adversus ipsum ex locis superioribus opprimerentur. Liv. I, 41: Servius praesidio firmo munitus — regnavit.

425) Varro L. L. V, 46: Hinc post Coelii mortem, quod nimis munita loca tenerent, neque sine suspitione essent, deducti dicuntur in planum.

426) Liv. II, 14: Ibi benigne excepti, divisique in hospitia. Дионисій V, 36 говоритъ, что Римляне привезли разсыянныхъ этрусскихъ солдатъ въ своихъ повозкахъ въ Римъ.

427) Dion. I. I. Schol. Crucq. ad Hor. Sat. II, 3, 228. Fest. p. 153, 271.

428) Fest. p. 42: Celeres antiqui dixerunt, quos nunc equites dicimus, a Celere interfectore Remi, qui initio a Romulo iis praepositus erat. Plin. XXXIII, 9. Equidem etiam nomen ipsum saepe variatum est — Celeres sub Romulo regibusque appellati sunt etc.

429) Paternus у Ioannes Lydus p. 128: *προτίθεικε δὲ καὶ τριακοβίους ἑκπότης ταῖς δυνάμεις, Κελερίω τινὲ οὕτω καλουμένω τὴν φροντίδα τούτων παραδούς· ταύτη συνεκδοχικῶς ἄπας ὁ στρατὸς Κελέριοι τότε προσηγορεύθησαν.* Дионисій Галикарнасскій II, 13 и 64 придаетъ это имя цѣлому войску.

430) Dion. Hal. II, 13. См. пред. кр.

431) Tzetz. Chil. IX, v. 900 ed. Kiessl.:

Κέλλερας ὀνομάζουσι τοὺς ταχινούς Ῥωμαῖοι,

Ἐκ τίνος Κέλλερα (Kiessl. предполагаетъ Κέλλερα) Τυρρηνοῦ, ὅφ Κέλλερα ἔφην.

432) Plut. Rom. 10 Tzetz. ib. v. 908.

433) Dion. Hal. I, 87: *Κελέριον — δε ἦν ἐπιστάτης τῶν ἔργων.* Ovid. Fast. IV, 837: Hoc Celer urget opus, quem Romulus ipse vocarat.

434) Военная обувь (crepidae) была вѣроятно этруская, Serv. Virg. Aen. VIII, 458. Точно также металлическіе шлемы (cassides) и перевязи (haltei). Двѣ послѣднія вещи имѣли даже этрусское названіе. Isid. Orig. XVIII, 14. Varro у Sosipater I, p. 51. P. S. Müller Etr. I, p. 392.

435) Liv. IX, 39: Etrusci lege sacraata coacto exercitu, quum vir virum legisset.

436) Dion. IV, 22. Athen. Deipn. VI, 106: *Ἐλαβον δὲ καὶ παρὰ Τυρρηνῶν τὴν σταδίαν μάχην φαλαγγηδὸν ἐκίοντων.*

437) Müller Etr. II, 149 sq.

438) Liv. I, 38: Equi pugilesque ex Etruria maxime acciti.

439) Serv. Virg. Aen. VIII, 636.

440) Ioann. Lyd. p. 135: *Πρόδος δὲ τοῖς πατρικίοις ἐκ κοδὸς μὲν οὐδέποτε, ἀλλ' οὐδὲ ἑκτικῆ (κοινή γὰρ ἰδόνκει) δχημασι δὲ ἐπισήμοις—τεσσάρων ἡμιόνων ἐλκόντων τὸ δχημα.*

441) Plut. Rom. p. 110.

442) Liv. XXIII, 14. Dictator M. Junius Pera, rebus divinis perfectis, latoque, ut solet, ad populum, ut equum ascendere liceret, etc. Zonar. I, p. 338 ed. Duc.: *κλήν δε τι μὴ ἐφ' ἑκπῶ ἀναβῆναι ὁ δικτάτωρ ἰδύνατο, εἰ μὴ ἐκστρατεύσθαι ἔμελλε.* Ивѣрѣіе приобрѣтаетъ болѣе важности потому, что оно, какъ почти все у Зонара, почерпнуто у Диона Кассія. Plut. Fab. Max. *δικτάτωρ Φάβιος—πρῶτον μὲν ἤτήσατο τὴν σύγκλητον ἑκπῶ χρῆσθαι παρὰ τὰς στρατίας· οὐ γὰρ ἔβην, ἀλλ' ἀπηγόρευτο κατὰ δὴ τινα νόμον παλαιόν κ. τ. λ.*

443) Plin. XXXIII, 4.

444) Flor. I, 4.

445) Flor. I. I. Dion. Hal. II, 70.

446) Plut. Rom. 25. Fest. s. v. Sardi. Plin. XXXIII, 4: Unde mos bullae duravit, ut eorum qui equo meruissent, filii insigne id haberent.

447) Dion. Hal. VII, 72

448) Cic. pro Mur. 19. L. Otho, vir fortis, necessarius meus, equestri ordini restituit non solum dignitatem, sed etiam voluptatem. Itaque lex haec, quae ad ludos pertinet, est omnium gratissima, quod honestissimo ordini cum splendore fructus quoque jucunditatis est restitutus. Vell. Pat. II, 32. Otho Roscius lege sua equitibus in theatro loca restituit. См. Huschke, Verfassung des K. Servius. Иначе судятъ объ этомъ братья Stockm. de legg. Rom. theatr. II, p. 27. По Ливію всадникамъ и сенаторамъ даны были особенныя мѣста еще Тарквиніемъ Прискомъ (I, 15).

449) Уже нѣкоторые изъ древнихъ имѣли ложное мнѣніе, что всадники выби-
рались изъ курій; но они все таки этимъ не хотѣли сказать, что всадники были патриціи, ибо ставили куріи въ связь съ цѣлымъ народомъ. Fest. p. 43. 43. Dion. II, 13. Ioann. Lyd. p. 128.

450) Dion. II, 50. Касательно того, что Tribunus Celerum былъ начальникомъ конницы, говорятъ Помп. L. 2, § 15 de O. J. Dion. I. 1.

451) Dion. II, 13: *ὅς δὲ Ὀθαλέριος δ' Ἀντίας φησὶν, ἐκὶ τοῦ ἡγεμόνος τοῦτ' ἔχοντες τοῦνομα ἦν γὰρ (Celer) καὶ τούτων ἡγεμόν δ διαφανέστατος, ὃ τρεῖς ἑκατάμηναν ἑκατοντάρχαι, καὶ αὐδὲς βικ' ἐκείνοις ἕτεροι κ. τ. λ.* Ioann. Lyd. I. 1.

452) Патриціанское преданіе не считало патриціями царей некиритскихъ; это видно изъ того, что всѣ они были не только peregrini, но и низкаго происхожденія. Ромулъ выросъ между пастухами, былъ воспитанъ распутною женщиною и даже усыновленъ ею по нѣкоторымъ. Отець Тулла Гостилія былъ бѣглець, принятый въ infame asylum. Macr. Sat. I, 6. [Онъ самъ былъ въ юности пастухомъ. Val. Max. III, 4, 1. Тарквиній Прискъ былъ сынъ кушца. Val. Max. I. 1. 2. Сервій родился по римскому преданію отъ невольницы, ib. 3. Весьма вѣроятно, что некиритскіе цари были всадники. Есть извѣстіе, что Туллъ Гостилій получалъ буллу всадника изъ рукъ Ромула (Macr. Sat. I, 6), а Тарквиній Гордый отъ своего отца. Plin. XXXIII, 4. Aug. Viet. 6. Plut. Qu. R. p. 157. Объ Сервіи говорятъ, что онъ юношею еще служилъ въ конницѣ. Dion. Hal. IV, 3. *'Αντίκαις — ἐν τοῖς ἰκκαῦβι τεταγμένος κ. τ. λ.* — Нѣтъ ничего удивительнаго, что римскіе цари не были патриціи. Патриціатъ былъ первоначально до Анна замкнутою жреческо-патріархальною общиною, въ которую цари некиритскіе не могли быть приняты, какъ первосвященники совершенно другаго культа. Оттого то всѣ извѣстія касательно принятія въ патриціатъ Сервія и Тарквинія Приска вѣроятно сочинены прагматическими историками, ибо они, зная что эти цари не были первоначально патриціями, не могли понять, какимъ образомъ они могли сдѣлаться царями, не будучи патриціями. Жреческія учрежденія Востока представляютъ намъ примѣръ совершенно аналогическій, ибо и въ Индіи, и въ Египтѣ цари принадлежали не къ господствующей жреческой кастѣ, а къ кастѣ военной. Хотя въ Римѣ нельзя предполагать кастъ, но все таки Египетъ представляетъ аналогію и тѣмъ, что адѣсь также какъ и въ Римѣ цари и воины были происхожденія чуждаго и исповѣдывали другую религію. Но объ этомъ болѣе въ слѣдующемъ разсужденіи. Некиритскіе цари являлись какъ Tribuni Celerum уже потому, что они всегда были либо начальниками конницы, либо начальниками войска. Объ Туллѣ Гостиліи извѣстно правда только, что онъ еще юношею оказалъ большія услуги въ войнѣ съ Сабинами. См. Aug. Viet. de V. III. 4. Объ немъ не говорятъ какъ о предводителѣ война, потому что при его предшественикѣ не было войнъ. Тарквиній Прискъ былъ начальникомъ конницы при Анкѣ. Dion. IV, 6. III, 14. Dio Cass. Excerpt. p. 9. Сервій исправлялъ эту должность при Тарквиніи. Dion. IV, 3: *τῶν ἰκκίων ἀποβιχθεῖς ἡγεμόν κ. τ. λ.* Когда царь заболѣвалъ, онъ исправлялъ его должность (Dion. IV, 3, extr. Liv. I, 14). Стало быть это была обязанность Tribuni Celerum. Pomp. L. 2. § 15 de O. J.: (Trib Celerum) secundum locum a regibus tenebat. Inc. auct. de mag. et sac. p. R. ed. Huschke:

Tribunus Celerum regi proximus erat. Iann. Lyd. p. 131 объ Ромуль: *πάσις αὐτὸν* (Целера) *συνάμειος καὶ τύχης καὶ διοικήσεως κρατεῖν ἐγκαλυδόμενος*. Послѣ смерти своего предшественника Сервій собралъ народъ (Dion. IV, 5 extr.); это право принадлежало, какъ мы увидимъ послѣ, кромѣ царя только трибуну Celerum. Dion. IV, 76: Врутъ говоритъ какъ Tribunus Celerum: *συνάμειο μὲν ἐγὼ τὴν ἐκκλησίαν — ἐλαϊδῆ βυυκεδῶρηται μοι κατὰ νόμον*.

453) Varro L. L. V, 82: Magister equitum, quod summa potestas hujus in equites et accensos, ut est summa populi dictator, a quo is quoque magister populi appellatur. Cic. Legg. III, 4. Въ другомъ мѣстѣ скажемъ болѣе о первоначальномъ отношеніи патриціевъ и всадниковъ другъ къ другу.

454) Pomp. de Q. J. L. 2. §. 12: Et his dictatoribus magistri equitum injungebantur sic, quemodo regibus Tribuni Celerum.

455) Val. Max. III, 4, 2. Dion. Hal. III, 46.

456) Dion. Hal. III, 48: *δώρα διδοὺς, καὶ χρήματα παρέχων εἰς τὰς πολυμικὰς χρεῖας*. Excerpt. D. Cass. p. 9: *πλοῦτον κατὰ καιρὸν χράμενος*. Liv. I, 34: Romanis conspiciunt eum novitas divitiarum faciebant. Dion. I. I.: *καὶ τὸ δημοτικὸν πλῆθος — χρημάτων μεταδίδει οἰκίως ἔχειν αὐτῷ παρεμβύαθεν*.

457) Macr. Sat. I, 10. III, 6. Gell. VI, 7 Единственный купецъ, имя котораго намъ сохранило преданіе, Octavius Herseena, построившій храмъ Геркулеса, пронскодиль, какъ кажется, изъ Этруріи, ибо былъ прежде флемшикомъ. Macr. Sat. III, 6. Serv. Virg. Aen. III, 363.

458) Müller Etr. I, 305 sq. О двойномъ Янусѣ на монетахъ p. 309.

459) Plin. XXXIII, 13.

460) См. выше. Римскіе всадники, какъ извѣстно, занимались потомъ морскою и сухопутною торговлей; но видимоу это не было нововведеніемъ, а изстари такъ велось. Замѣчательно, что капитаны кораблей (ductores navium) назывались equisones (Нов. в. г.): это имя должно было первоначально означать управляющаго лошадыю, и было слѣдовательно заимствовано отъ конницы.

461) Draco Coreyr. у Athen. XV, 46.

462) Ovid. Fast. VI, 401. Serv. Virg. Aen. VIII, 20. Prop. V, 2, 7 sq.

463) Ascon. in Cic. Verr. Act. II, 1, 59. Vertumnus autem deus invertendarum rerum est, i. e. mercaturae. Янусъ правда не упоминается никогда какъ богъ торговли, но въ пользу этого мнѣнія говорить то, что передъ его изображеніями ростовщики и ремесленники производили дѣла свои (Schol. Acron. ad Hor. Epist. I, 1, 54. Cic. Phil. 7, 6. 6, 5), что арки, которыя проходили между лавками (tabernae), окружающими форумъ, назывались jani, и что даже въ колоніяхъ jani и tabernae упоминаются вмѣстѣ и односмысленны. Liv. XII, 27. Ср. Шмидъ къ Hor. Epist. I, 1, 54.

464) Ср. Шмидъ къ Hor. Epist. I, 20. I, 5. пр. 377 и предмд.

465) Schol. Acron. ad Hor. Sat. II, 3, 228: quia omnes ibi (in vico Tusco) habitant negotiatores.

466) Schol. Acron. ad Hor. Epist. I, 1, 54: Janus dicebatur locus, in quo solebant convenire feneratores.

467) Hor. Sat. II, 3, 22S

Edicit, piscator uti, pomarius, auctor,
Unguentarius ac Tusci turba impia vigi etc.

Кн. IV. Отд. I.

Cum scurra fartor, eum Velabro omne Macellum,
Mane domum veniant.

Schol. Aeron. ad h. l: Deinde quod in vico thurario ante meretrices prostabant. То же самое подтверждает Plaut. Curcul. IV, 1, 21; ср. id. Cistell. II, 3, 21. Тамъ продавались зданъ и благовоныя масла по Hor. Epist. II, 1, 269, цвѣты по Colum. de cultu hort. v. 308. Тамъ же во время Марціала (II, 21) торговали шелковые фабрикаты. Гарусри- ces жили въ Velabrum, т. е. вездѣ Vicus Tuscus; см. выше.

468) См. пр. 399.

469) О гаруспескахъ и meretrices см. выше. Scurrae были не иные кто, какъ такъ называемые ludii, которые не только первоначально прибыли изъ Этрурии, но и впоследствии были всегда Этруски. Liv. VII, 2. Plaut. Curcul. I, 2, 68. Сцениче- ское искусство въ Римѣ вышло изъ Этрурии. Müller Etr. II, 214 ff. II, 284. Изъ Этру- рии вышла также Fescennia jociatio.

470) Тѣмъ болѣе потому, что Этрурія считалась въ древности землею ремесль. Athen. XV, 60: *ποικίλαι γὰρ ἦσαν αἱ παρὰ τοῖς Τυρρῆνοῖς ἰργασίαι, φιλοτέχνηον ἄντων τῶν Τυρρῆνων.*

471) Ovid. Fast. V, 671. Festus: Majis Idibus mercatorum dies festus erat: quod eo die Mercurio aedes esset dedicata. Въ одной надписи (Cicelli 1410) читаемъ: Mercurio Nogottia- tori. Liv. II, 27. Ioann. Iyd. p. 90.

472) См. пр. 376.

473) Plut. у Pitisc. Lex. Ant. Rom. s. v. Janus.

474) Plut. Qu. R. p. 105. Tert. ad nat. II, 10. Lact. I, 20. Schol. Juv. VI, 250.

475) См. выше.

476) Cic. Verr. V, 14. Id. Legg. III, 3. Fest. p. 12: Aedilis initio dictus est magistratus, qui aedium non tantum sacrarum, sed etiam privatarum curam gerebat. Dion. Hal. VI, 20. Fest. p. 174: Murrata potione usos antiquos iudicio est, quod etiam nunc aediles per sup- plicationes diis addunt ad pulvinaria etc. Göttl. p. 298.

477) Serv. Virg. Aen. I, 8: (Mysis) Numa aediculam aeneam brevem posuit. Такою же aedicula brevis былъ и храмъ Весты. Serv. Virg. Aen. IX, 4. Vestae aediculam non tem- plum statuit. Преданіе говоритъ не безъ основанія, что царь кивритскій Тацій по- строилъ въ Капитоліи и въ куріяхъ алтари, но не храмы. Кромѣ того храмъ Весты отличался отъ этрусскихъ храмовъ тѣмъ, что былъ круглый (Fest. s. v. Rotundam), они же напротивъ четверугольныя. Müller Etr. II, 230. Кивритскіе храмы, какъ ка- жется, были со сводами. См. пр. 140.

478) Serv. Virg. Aen. I, 446: antiqui enim aedes sacras ita templa faciebant, ut prius per augures locus inauguretur effareturque etc. Varro у Gell. XIV, 7: non omnis aedes sacras templa esse, ac ne aedem quidem Vestae templum esse. Serv. Virg. Aen. VII, 135: Un- de templum Vestae non fuit augurio consecratum. Объ этрусскомъ вліяніи на римскія авгурии болѣе въ другомъ мѣстѣ.

479) Müller Etr. II, 124 sq. 137 sq. Оттого то при постройкѣ Капитоліа были спрошены этрусскіе гаруспески. См. выше. Вообще при постройкѣ храмовъ упо- требляли гаруспесковъ. Plin. Epist. IX, 39. Храмъ Цереры, Либера и Либеры, по- строенный въ 261 г. отъ основанія города Спуріемъ Кассіемъ, былъ расоложенъ по образцу этрусскихъ храмовъ. Müller Etr. II, 220. На этрусское происхождение соб- ственныхъ храмовъ указываетъ преданіе тѣмъ, что оно называетъ этрусскаго Януса первымъ строителемъ храмовъ. Matr. Sat. I, 9.

480) *Fest.* p. 174. *См.* пр. 476. — *Liv.* XI, 2: *Senatus — supplicationes — circa omnia pulvinaria decrevit hostiisque majoribus sacrificari jussit.* На пульвинаріяхъ стояли изображенія боговъ; отъ этого намъ кажется, что обрядъ супликацій былъ связанъ съ антропоморфическимъ культомъ.

481) *Liv.* I. 1.: *Quum consul edixisset, ut omnes aedes sacrae aperirentur, pro se quisque ex concione ad gratias agendas iret diis.* Нечего говорить, что храмъ Весты и regia были изъ этого исключены.

482) Большія игры были до 389 года отъ постр. города подъ вѣденіемъ плебейскихъ эдиловъ. *Liv.* VI, 42. VII, 1. Въ ихъ завѣдываніи были также игры въ честь Флоры, Цереры, Либера, Либеры и Вулкана, потому что культъ этихъ боговъ былъ гораздо древнѣе учрежденія патриціанскихъ эдиловъ.

483) Это ясно изъ сравненія *Liv.* II, 36 и *Val. Max.* I, 7, 4, гдѣ рассказывается о сложившемся Агнии. *Ливій:* *Ludi forte ex instauratione magni Romae parabantur.* Валерій Максимъ: *Cum plebejis ludis, etc.* *Ср.* *Hartung* I. I. II, p. 17.

484^a) *Liv.* I. 1. *Tib. Atinio de plebe homini somnium fuit.* *Val. Max.* I. I. *T. Atinio homini ex plebe Jupiter in quiete praecipit.*

484^b) Мы видѣли выше, что Нептунъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ всадникамъ, Меркурій, Янусъ и Вергумъ къ купцамъ, Вулканъ къ рыбакамъ. *Fest.* v. v. *piscatorii ludi.*

485) *Paull.* p. 102: *Majores flamines appellabantur patricii generis, minores plebeji.* Патриціанскіе фламины были *Dialis, Martialis, Quirinalis.* *Orat. pro domo* c. 14. Они одинъ были учреждены Нумою. Изъ плебейскихъ фламиновъ извѣстны намъ слѣдующіе: *Volturnalis, Palatualis, Furinalis, Floralis, Falacer, Pomonalis* (*Varro de L. L.* VII, 45), *Portunalis* (*Fest.* v. v. *Persillum*), *Carmentalis* (*Cic. Brut.* 14) и *Volcanalis.* *Varro* V, 84. Культъ Цереры является плебейскимъ уже потому, что въ храмъ Цереры находился плебейскій архивъ.

486) Они были *scribae pontificum* (*Liv.* XXII, 57: *L. Cantilius scribe pontificis, quos nunc minores pontifices vocant*) и сдѣлались потомъ сами участниками коллегіи понтификсовъ, судя по *Orat. de har. resp.* 6. Такимъ *scriba* былъ вѣроятно отпущенникъ *Сп. Flavius*, который обнародовалъ *fasti* и *actiones.* *Liv.* IX, 46: *Civile jus repositum in penetralibus pontificum revulgavit.*

487) *Maer. Sat.* I, 15: *Priscis temporibus pontifici minori haec provincia delegabatur, ut novae lunae primum observaret aspectum: visumque regi sacrificulo nuntiaret.* Итаке *sacrificio* a *rego* et *minore pontifice celebrato, idem pontifex calata in Capitolium plebe, juxta Curiam Calabram, — quot numero dies a Calendis ad Nonas superesset, pronuntiabat.* Въ всѣ календы совершалъ тотъ же самый *pontifex minor* жертву Юномъ въ Куріи Калабрѣ. *Maer. l. I. Verr. Fast. Praen. Cal. Jun. quos Pontifex minor quolibet mense ad novas singulas calat in Capitolio in Curia Calabra. Pontifices minores являюся на надписяхъ: Orelli 6113, 2153.*

488) *Maer. Sat.* I, 13. То же самое говорить онъ о нундинахъ по Гравію *Лициліану* I, 16. Обычай жертвовать Ларамъ на Календы, Ноны и Иды былъ также вѣроятно обычай плебейскій.

489) *Cic. de Legg.* II, 21, 5.

490) *Cic. Verr.* V, 19, 48: *Capitolium apud majores nostros publice coactis fabris opereisque imperatis exaedificatum est.* *Liv.* I, 56: *minus tamen plebs gravabatur templa deum aedificare manibus suis.* *Tac. Hist.* III, 72: *sociorum studio.* *Ambrosch* 225. *A.* 91. 491

Liv. II, 22: (Latini) coronam auream Jovi donum in Capitolio mittunt; cum legatis doneque magna circumfusa multitudo venit. Id. III, 57: (Latini et Hernici) coronam auream in Capitolium tulere. Кароленгине и Памфилийцы приносили дары въ Капитоліи. Liv. VII, 38. Id. XLIV, 14. Такъ какъ есть вѣдѣніе, что Памфилийцамъ было позволено привезти жертву въ Капитоліи (Liv. I. l.), то вѣроятно этимъ правомъ тѣмъ болѣе еще пользовались союзники, ибо они стояли ближе къ Римлянамъ, нежели Памфилийцы, и сѣня поклонялись Юпитеру. Вообще первоначально существовали, какъ кажется, взаимныя религіозныя сношенія между латинскими и римскими поклонниками антропоморфическаго культа; ибо съ одной стороны Feciae Latinae праздновались въ Капитоліи, съ другой римскіе триумфаторы должны были привозить жертвы на Альбанской горѣ Юпитеру Латіальскому (Latialis) Въ обоихъ мѣстахъ антропоморфическіе культы возникли подъ этрусскимъ вліаніемъ. См. пр. 375.

492) Plin. XXVII, 7, 28: Siquidem Latinarum feris quadrigae certant in Capitolio.

493) Serv. Virg. Aen. XI, 134. Liv. II, 37.

494) Dion. VI, 95: τὴν δὲ προβάδιαν καὶ τὴν ἐκπέλειαν τῶν ἐναυταῖς γινόμενων θυβιάων τε καὶ ἀγώνων, οἱ τῶν δημάρχων ἔκπρῃται παρέλαβον, οἱ τὴν οὖν ἀγρομικτὴν ἔχοντες ἔξουσίαν.

495) Plut. Qu. Rom. p. 150 ed. B.

496) Ливій говоритъ, что это было подтверждено закономъ лишь послѣ осужденія Манлія. Liv. VI, 20: Adjectae mortuo (Manlio) notaе sunt: publica una, quod quum domus ejus fuisset, ubi nunc aedes atque officina Monetae est, latum ad populum est, ne quis patricius in arce aut Capitolio habitaret: gentilicia altera etc. Мы не говоримъ уже, что римизъ Ливія совершенно бессмысленъ, ибо такое запрещеніе было не столько полезно для умершаго Манлія, сколько для цѣлаго сословія патриціевъ. Этотъ законъ долженъ быть весьма древенъ: ежели бы онъ былъ издавъ послѣ галльской войны, то патриціи, о которыхъ говорится что они доселѣ жили въ Капитоліи, должны были по этому закону быть выгнаны изъ своихъ жилищъ; а это еще возвысило бы незаслуженное униженіе патриціевъ, и походило бы на осужденіе цѣлаго сословія. Законъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть изданъ въ это время ни плебеями, ни патриціями, ибо первые оскорбили бы нѣкъ память своего доброжелателя, а послѣдніе не къ чему было осуждать добродольно самихъ себя. Все это выдуманно, вѣроятно, позднѣе. При совершеномъ уже слѣдствіи смиръ, когда Римляне не могли себя представить, что патриціи съ незапамятныхъ временъ были исключены изъ Капитоліа, они старались себя объяснить это тѣмъ, что будто бы такое постановленіе возникло позднѣе время. Выгоднѣе предположить объяснить это паденіе служило осужденіе Манлія; этимъ воспользовались, и обычай стародавній начали считать постановленіемъ, возникшимъ непосредственно за упомянутымъ происшествіемъ. Точно также ходило мнѣніе, что жрецы были освобождены отъ военной службы послѣ галльской войны, между тѣмъ какъ это учрежденіе было весьма древнее. Наконецъ мы должны еще замѣтить, что и коллегія, образовавшаяся послѣ отступленія Галловъ изъ жителей Капитоліа для Капитолійскихъ игръ, была учреждена древнее и плебейское. Это ясно изъ того, что Капитолійскія игры, судя по словамъ Пизона, учреждены не послѣ галльской войны, какъ говоритъ Ливій (Liv. V, 52: Capitolinos ludos sollemnibus aliis addidimus), но еще Ромуломъ (Tertull. de Spect. 5); поэтому и Collegium Capitolinum было учрежденіемъ не менѣе древнимъ. Патриціи уже потому не могли быть членами коллегіи Капитолійской, что игры были вообще учрежденіемъ плебейскимъ: ими тогда еще и завѣдывали плебейскіе эдилы.

497) Liv. V, 40. Val. Max. 1, 1, 10. Plut. Cam. 20: *ἐν πρῶτοις δὲ τῶν ἱερῶν ἃ μὲν εἰς τὸ Καπιτώλιον ἀνεσκαυόσαντο τὸ δὲ κῦρ τῆς Ἑστίας αἱ παρθῖνοι μετὰ τῶν ἱερῶν ἀρχαίεμενοι ἔφυγον* — τὰ πλείεστα τῶν ἱερῶν τότε τὰς κύρας ἐμβалоῦδας εἰς πύθους δύο κατὰ γῆς κρύψαι ὑπὸ τῷ νεφῷ τοῦ Κυρίνου. Τὰ δὲ κυριότατα κατὰ μ᾽ ἴσθη τῶν ἱερῶν αὐταὶ λαβοῦσαι φυγῆ παρὰ τὸν ποταμὸν ἐκιοῦντο τὴν ἀναχώρησιν.

498) Въ куріяхъ производилась инaugурація трехъ квинтисмнхъ фламинновъ. Gell. XV, 27. Testamenta, sacrorum detestatio и агrotatio, принадлежали также къ вѣдѣнію куріальныхъ собраній. Въ такихъ собраніяхъ курій, масашихся семейнаго права, предсѣдательствовали Pontifex Maximus.

499) См. Varro VI, 21 о сакрариумѣ Opis Consiviae въ regin; Serv. III, 12 о пена-тахъ; Lamprid. Heliog. 6 о penus Vestae.

500) Fest. a. v. Majores flamines. Orat. p. d. 14.

501) Dion. II, 46: *Τάτιος δὲ ὁ βασιλεὺς καὶ σὺν αὐτῷ τρεῖς ἄνδρες τῶν διαφανεστάτων ἐπέμειναν ἐν Ῥώμῃ — Οδύλεβος Οδαλρίος, καὶ Τύλλος Τύραντος ἐκίκλησιν καὶ τελευταῖος Μίτιος Κούρτιος.*

502) См. 1-ю гл. и въ 2-й гл. пр. 544—564.

503) Varro L. L. V, 74. См. ниже.

504) Много сабинскаго, о чемъ говорится у древнихъ, не находимъ мы вовсе у Римлянъ. Такъ говорить, что жрецовъ называли они Cupernei, а Марсъ носилъ имя Mamers. Serv. Virg. Aen. XII, 538. Varro L. L. V, 73. Есть достоверное нѣчто, что Марсъ былъ у Сабинянъ четвертымъ мѣсяцемъ въ году, а между тѣмъ Нума, предположимый Сабинянинъ, далъ ему въ своемъ календарѣ 3-е мѣсто. Ovid. Fast. III, 94. Въ Альбѣ и Аринціи имѣлъ онъ то же мѣсто какъ и въ квинтискомъ году. Ib. v. 89, 91.

505) По Катону онъ былъ отцемъ Саба (Sabus), родоначальника сабинскаго народа. Serv. Virg. Aen. VIII, 638. Sil. VIII, 424:

Ibant et laeti, pars Sancum voce cavebant,
Auctorem gentis, pars laudes ore ferebant,
Sabe, tuas, qui de patria cognomine primus
Dixisti popules magna dititione Sabinos.

Dion. Hal. II, 49. — Schol. Porphyr. ad Hor. Epist. I, 10, 49: *Vacuna apud Sabinos plurimum colitur dea, quae est sub incerta specie formata: quidam Minervam, alii Dianam putaverunt: nonnulli et Cererem esse dixerunt; sed Varro Victoriam. Plin. III, 17.*

506) Fest. p. 20: *Aureliam familiam ex Sabinis oriundam a sole dictam putant, quod ei publice a P. R. datus sit locus, in quo sacra faceret soli.* Варронъ L. L. V, 68 говорить правда: *Sol vel quod ita Sabini, etc.*; но солнце называлось у Сабинянъ очевидно аниум (Fest. I. I. p. 8); отсюда произошло имя Авроры. Это показываетъ намъ, какъ мало зналъ Варронъ сабинскій языкъ.

507) Маленькая часовня Санка стояла на Квинриналѣ. Liv. VIII, 20. Plin. VIII, 48. О Вакумѣ нельзя сказать достоверно, поклонались ли ей въ Римѣ. Старая, обвалившаяся часовня богини стояла возлѣ дачи Гораціи въ Тибурѣ, другая находилась близъ Реаты. Hor. Epist. I, 10, 49. Plin. III, 17. Овидій Fast. VI, 307 упоминаетъ antiquae sacra Vacunae; но ученый поэтъ могъ точно также привести чужестранныя свѣды для объясненія отечественныхъ обрядовъ Вестаіи.

508) Varro V, 74: *Feronia, Minerva, Novensides a Sabinis. Paulo aliter ab eisdem dicimus Herculem, Vestam, Salutem, Fortunam, Fortem, Fidem. Et arae Sabinam linguam olent quae*

Tatii regis voto sunt Romae dedicatae; nam, ut Annales dicunt, vovit Opi, Florae, Vedio, Jovi Saturnoque, Soli, Lunae, Volcano et Summano, itemque Larundae, Termine, Quirino, Voltumno, Laribus, Dianae Lucinaeque.

509) Dion. III, 32.

510) Müller Etr. II, 48.

511) Arnob. III, 470 G. Neveusides Piso esse credit novem in Sabinis apud Trebiam constitutos. Hoc Granius Musas putat, consensum accommodans Aelio. Cincius numina peregrina novitate ex ipsa appellata pronuntiat. Nam solere Romanos religiones urbium superatarum partim privatim per familias spargere, partim publice consecrare; ac ne aliquid deorum praeteriretur, brevitatis causa uno pariter nomine cunctos Neveusides invocari.

512) Aug. de C. D. IV, 23. См. Ambrosch. 160.

513) Dion. II, 50.

514) Plin. XV, 36.

515) Macr. Sat. I, 12: Cincio etiam Varro consentit, affirmans nomen Veneris ne sub regibus quidem apud Romanos vel Latinum vel Graecum fuisse. Ем не видно и въ салинскихъ пѣсняхъ. Cincius у Macr. ib.

516) l. l. 161 sq.

517) l. l. 168 sq.

518) Ambrosch. I, 1.

519) См. выше. Dion. II, 65, 50.

520) Dion. II, 64. Въ другомъ мѣстѣ Діонисій принимаетъ учрежденіе вестальнаго культа Тацію. Plut. Num. 22.

521) См. пр. 59. Cic. de N. D. III, 2.

522) Plut. Num. 7: (*Νουμάϊς τοῖς ὄσβιν ἱερῶσι Διὸς καὶ Ἄρεος τρίτων Ῥωμαίου προσκατέστηθεν, ὃν Φλαμίνα Κυρινάδιον ἀνδράμαθεν.* Aug. Vict. de V. III, 3. Liv. I, 20. См. пр. 76.

523) По Плут., Сам. 18, Нума учредилъ феціальное право; по Liv. I, 32 Аикъ.

524) Liv. I, 20. См. пр. 83. Варронъ предполагалъ, что Салин существовали уже до Нумы. L. L. VII, 3.

525) Dion. II, 47. III, 67. Liv. I, 30. Plut. Rom. 20. См. Götting p. 150 sq.

526) По Лив. I, 12 первые три центурии всадниковъ были учреждены послѣ соединенія съ Квиритами; по Плутарху Rom. 20 число всадниковъ было тогда только удвоено. Ливій приписываетъ первое умноженіе всадниковъ Туллу Гостилію, и это принимаетъ также Валерій Максимъ III, 4, 2. Діонисій Галлкарнаскій II, 30 и 31 говорятъ только о принятіи Альбанцевъ въ трибы и курии, но не говорятъ объ увеличеніи центурій всадниковъ при Туллѣ. Касательно удвоенія центурій всадниковъ Тарквиніемъ Прискомъ говорятъ разнo Ливій (I, 36) и Цицеронъ (de Rep. II, 20).

527) Bunsen Besch. d. Stadt Rom I, p. 131 ff. Sachse G. und B. der. alt. Stadt Rom I, p. 46 ff. 58 ff. Liv. I, 7, 30, 33, 45. Strabo V, 3, 7. Dion. II, 2. Plut. Rom. 10. Dion. II, 37. Serv. Virg. Aen. VI, 781. Dion. II, 62, 52. IV, 13, 14, 43. Varro у Serv. Virg. Aen. VI, 657. См. Aug. Vict. de V. III, 4, 5, 7.

528) Macr. Sat. I, 6. Dion. III, 61. Ioann. Lyd. p. 119. Liv. I, 8.

529) Dion. II, 34. Plut. Rom. 16. Eutrop. 5.

530) Macr. Sat. I, 16.

531) Macr. Sat. I, 13.

- 531^b) Cens. 20.
 532) См. пр. 55.
 533) Plin. XXXIV, 1. Flor. 1, 6. Plin. XXXV, 46.
 534) Cic. Nat. D. II, 3. Augurio Navii rex Hostilius multa bella gessit. Господствующее преданіе называетъ его современникомъ Тарквинія Приска.
 535) Объ этой пѣсни упоминаетъ Ливій (I, 26) при Туллѣ Гостиліи, а Цицеронъ причисляетъ ее Тарквинію Гордому (Cic. Rab. 4).
 536) Tacit. Ann. IV, 65. Dion. II, 37. Varro L. L. V, 46.
 537) Liv. I, 12.
 538) См. пр. 501.
 539) См. пр. 11.
 540) Serv. Virg. Aen. VII, 706. Suet. Tib. I. См. пр. 11.
 541) Liv. I, 13. Serv. Virg. Aen. VII, 710. Dion. II, 47.
 542) Plut. Rom. 20. Zonar. p. 318.
 543) Serv. Virg. Aen. VII, 709.
 544) См. выше. Serv. Virg. Aen. III, 12. Schol. Juv. IV, 61. Serv. Virg. Aen. II, 296. Macr. Sat. III, 4. И въ прочихъ древне-латинскихъ городахъ долженъ была накопиться культъ пелатовъ и Весты, ибо эти города были основаны Альбою.
 545) Juv. Sat. IV, 61. Orelli Inscr. 1393. 2240. Въ Тибурѣ: Orelli 2239.
 546) Serv. Virg. Aen. VI, 678.
 547) Plin. XVI, 87. Plut. Qu. Rom. p. 139. Reisk.
 548) Varro L. L. V, 33. На религіозное родство Габійцевъ и Квириновъ указываетъ то обстоятельство, что патриціи, изгнанные Тарквиніемъ, бѣжали въ Габіи. Dion. IV, 53.
 549) Serv. I. I. Orelli 3420.
 550) Serv. Virg. Aen. VIII, 285. Orelli 2247, 2248.
 551) Serv. I. I.
 552) Fest. p. 255. At Critolaus Saonem ex Samothrace cum Aenea deos penates, qui Lavinium transtulerit, saliare genus saltandi instituisse.
 553) См. пр. 545. Ascon. Arg. in Mil. p. 41.
 553^b) Потому что въ Лавиніи и Тибурѣ поклонялись Вестѣ.
 554) Cic. Mil. 10.
 555) Ambrosch p. 56 и 76.
 556) Varro L. L. V, 84. Flamines, quod in Latio capite velato erant semper.
 557) См. выше. Serv. Virg. Aen. VII, 150.
 558) Liv. I, 14. Dion. II, 52: *Ἐμα Ῥωμύλῳ παραγενόμενος εἰς τὸ Λαβίνιον Ἐνεκα θύβιας, ἣν ἔδει τοῖς πατράοις θβοῖς ὑπὲρ τῆς πόλεως θύβια τοὺς βαβί-
 λαις κ. τ. λ.*
 559) p. 118.
 560) Plut. Num. 13.
 561) См. выше.
 562) Dion. I, 64. Serv. ad Aen. I, 260.
 563) Serv. Virg. Aen. XII, 139. См. выше.
 563^b) Laet. I, 22. Quod ut faceret aliqua cum auctoritate, simulavit cum dea Egeria nocturnos se habere congressus. Erat quaedam spelunca peropaca in nomine Aricino, unde

rivus perenni fonte manabat. Huc, remotis arbitris, se inferre consueverat, ut mentiri posset monitu deae conjugis ea sacra populo se tradere, quae acceptissima diis essent — — — Itaque pontifices, flamines, salios, augures creavit; deos per familias descripsit. Здѣсь нужно замѣтить, что право феціальное заимствовало Нума изъ Арден по Геллаію у Dion. II, 72. Въ пользу этой древней религіозной связи Римлянъ съ Ардеатами говорятъ ежегодно жертвоприношенія, совершавшіяся Римлянами въ ардеатской землѣ богинѣ Насціонѣ. Cic. de N. D. III, 18.

564) Isid. Orig. p. 291.

565) Gai. Inst. III, § 72. Ulp. III, 2. Plin. Epist X, 4, 6, 22, 23, 105, 108.

566) Ulp. V, 4.

567) За то Латинимъ имѣли jus commercii, а вмѣстѣ съ тѣмъ право на кипрскую собственность и на всѣ дѣйствія, относящіяся къ ней. Cp. Savigny, Ueber die Entstehung der Latinität, p. 202. Ulp. XIX, 4. XX, 8.

568) Haubold, Opuscula Academica Vol. II. Praefat. Stieb. p. LXXXIII.

569) Rein. p. 46.

570) Они получили это только по закону Lex Valeria Heratia, который далъ рѣшеніямъ плебейскихъ комицій по трибамъ силу относительно всѣхъ вообще гражданъ.

571) Liv. II, 56.

ФАСТЫ ОВИДИЯ.

Опытъ характеристики одного изъ главнѣйшихъ источниковъ
для изученія римской религiи.

Factum abiit, monumenta manent.
Ovid. Fast. IV, 709.

При изученiи отдаленныхъ, отжившихъ эпохъ исторiи, наиболее трудностей представляютъ тѣ отдѣлы, въ которыхъ мы по преимуществу встречаемся съ жизнью духа: такова именно область языческой религiи съ ея мифологiею и вѣтхивымъ поклоненiемъ. Но какъ скоро произнесемъ мы имя религiи римской, трудность изученiя представится намъ во всей своей силѣ, и что въ другомъ случаѣ показалось бы неважнымъ или легко устранимымъ препятствiемъ, то здѣсь заставитъ задуматься всякаго, и самаго опытнаго изыскателя. Потому ежели гдѣ-нибудь, то именно здѣсь нужно быть осторожнымъ, и прежде, чѣмъ сказать что либо о существѣ и жизни римской религiи, слѣдуетъ съ особеннымъ вниманiемъ обратиться къ источникамъ ея уразумѣнiя, дабы посмотреть, въ какой степени можемъ мы съ этой стороны предложить свои запросы римской древности, и въ какой мѣрѣ можемъ ожидать удовлетворительнаго отвѣта отъ ея свидѣтельствъ.

Мы избираемъ для этой статьи такой памятникъ римской словесности, который при изученiи римской религiи съ перваго разу останавливаетъ вниманiе. Таковы Овидiевы «Фасты», *Ovidii Fastorum* l. VI.

Кн. IV. Отд. I.

6

Какъ извѣстно, они представляютъ намъ расположенное по порядку римскаго календаря описаніе празднествъ, обрядовъ и церемоній, ихъ сопровождавшихъ, и потомъ поэтическое изображеніе тѣхъ боговъ, которые составляли предметъ поклоненія.

Содержаніемъ поэтическаго произведенія является такимъ образомъ современное Овидію состояніе народной религіи. Дѣло обычное и не новое въ исторіи древняго міра. Религіозныя представленія языческаго человечества, обособляясь съ обособленіемъ языковъ или, что то же, народовъ, въ своемъ постепенномъ развитіи находили себѣ ближайшее выраженіе въ народныхъ повѣрьяхъ и міеологическихъ сказаніяхъ. При всемъ общемъ сходствѣ, въ міеахъ видны уже у каждаго народа рѣзкія черты его особенностей, видны уже зачатки его первобытной народной и оригинальной фантазіи, первѣйшія основы его послѣдующаго художественнаго творчества. На порогъ своей самостоятельной жизни, поэтическое творчество находится въ самой тѣсной связи съ основами народной міеологии. Оно является здѣсь какъ творчество эпическое, какъ *эпосъ*, т. е. какъ первое, по преимуществу поэтическое произведеніе въ словъ. Таковъ въ особенности эпосъ Греціи, эпосъ эпоса, прародитель и родоначальникъ всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ явленій. Но тѣ эпохи, которыя приводятъ съ собою явленіе эпоса, перѣдко повторяются въ жизни одного народа, и на этомъ-то основано различіе между эпосомъ первобытнымъ и въ собственномъ смыслѣ народнымъ, эпосомъ первичнаго образованія, и эпосомъ повторившимся, послѣдующимъ, или, ежели угодно, художественнымъ, литературнымъ. Близостью къ исходнымъ началамъ народнаго развитія, совершеннымъ углубленіемъ въ нѣдро міеической жизни, заоднодѣйствіемъ съ основными силами народнаго духа, непосредственностію созерцанія и свѣжестью простѣйшаго чувства, всѣмъ этимъ отличается такъ называемый народный эпосъ отъ эпоса вторичнаго, когда эпическое настроеніе снова обнаруживается въ жизни народа, послѣ долгаго пройденнаго пути, когда оно связывается съ первобытнымъ эпосомъ уже посредствомъ промежуточнаго развитія, когда выступаетъ отдѣльная творческая личность, говоритъ языкомъ обусловленнаго значенія, дѣйствуетъ силою уже обогащенныхъ средствъ искусства, творитъ не только съ окрѣпшимъ уже сознаніемъ дѣла, но нерѣдко съ осматрительностію и даже рефлексіей.

Еще до Рима Италія была театромъ многообразныхъ переворотовъ и событій, событій той исторіи, которую со всею справедливостію можно назвать по отношенію къ государственной жизни Рима исторіей внутреннею: здѣсь, въ племенной жизни Италиковъ, разрабо-

тались и сложились тѣ элементы, которые нашли свое высшее, окончательное объединеніе въ формахъ римскаго государственнаго устройства; начала всего того, что въ Римѣ достигло положительной прочности и наглядности внѣшняго политическаго факта, начала всего этого питались еще здѣсь прямо и непосредственно побужденіями и представленіями религіознаго сознанія; они-то, въ смутномъ еще броженіи, колебали до-римскій міръ, міръ Италиковъ, тѣми переворотами, которые выразились взаимною смѣною и борьбою племенъ. Разрозненность мнѣческихъ представленій, отразившаяся и въ разрозненномъ бытѣ племенъ, не достигла въ Италиі развитія полной и цѣльной мифологіи. Не было полноты и цѣльности, постепенности и непрерывной связи моментовъ: слѣдовательно не было главныхъ условій самоначальнаго творчества, и народный эпосъ не развился здѣсь въ той красотѣ и въ томъ величіи, какимъ представился онъ въ созданіяхъ Греціи¹. Мало того: практическій смыслъ, ясность и положительность міровоззрѣній—счастливое наслѣдство, пріобрѣтенное Италией послѣ тѣхъ глубокихъ и поражающихъ переворотовъ, которые не даромъ понесла на себя внутренняя жизнь древней Греціи, — все это какъ нельзя болѣе согласовалось съ простотою земледѣльческаго быта и мирною жизнію трудолюбиваго поселенина Италиі. Разрозненныя сами по себѣ мнѣческія повѣрья и преданія, не достигая полноты и цѣльности образовъ, раздробились на мелкія народныя сказанія, ходили шутливою поговоркой, отозвались простою, и даже слишкомъ простою и немногосложною пѣсней, соединились тѣсно съ практическимъ интересомъ въ заговорѣ и заклинаніи, наконецъ вызвали игры и пляски, тѣ забавныя мимическія представленія, которыя долго лишены были всякаго оживленія словомъ поэзіи, и которыя всегда такъ любила Италиа. Но сама Италиа непосредственно отъ себя не оставила намъ слова о томъ, какъ жила она этою эпическою жизнію до Рима, не оставила намъ своего народнаго эпоса: его памятники, или лучше его слѣды, мы отличаемъ и находимъ уже въ жизни Рима, принимаемъ изъ его рукъ и, къ сожалѣнію, не всегда узнаемъ подъ тою печатью, которую налагала на нихъ особенность римскаго характера. Римъ не былъ призванъ для того, чтобы дальнѣйшею постепенностію своей жизни развить тѣ начала, которыя стекались въ него изъ нѣдръ Италиі, въ высшую форму народнаго эпоса, взять ихъ какъ непосредственное содержаніе искусства, оплодотворить ихъ въ философскомъ сознаніи и наукѣ. Не для

¹ Ср. о причинахъ этого явленія въ статьѣ «Мнѣческая Италиа», Пропилеи, книга II, отд. II, стр. 116.

того на его холмахъ сошлись представители главнѣйшихъ и лучшихъ племенъ Авзоніи. Миаѳъ, выходявшій изъ Италіи, не могъ дожидаться судьбы лучшаго и дальнѣйшаго развитія на почвѣ римской жизни; народный эпосъ остался въ той же разрозненности и дробности своихъ небогатыхъ созданій, въ той же близости ко вседневному и практическому пониманію, съ тѣмъ характеромъ, какой только могъ допустить гражданинъ, отъ плуга переходившій попеременно на форумъ, выносившій свое воспитаніе изъ простаго и даже суроваго семейнаго быта, и въ томъ же лонѣ искавшій успокоенія по трудахъ. Такъ было въ первыя времена Рима, еще не знавшаго близко плодовъ греческаго образованія, Рима, слѣдившаго строго ту задачу, которую онъ считалъ своимъ особеннымъ призваніемъ, когда только Римъ и римское, а не Италія и Италики, имѣли полную силу и главное значеніе. И если въ эту пору онъ подавлялъ силою своего политическаго устройства, подавлялъ строптиво и гордо все то, что предъявляло свои права въ окружающей Италіи, то въ народный эпосъ онъ могъ внести только одну особенность: древніе боги Италіи, и особенно боги ближайшаго Лаціума, явились здѣсь полубогами, героями, и даже болѣе людьми, чѣмъ богами; герои были царями и гражданами; внутренняя исторія сознанія являлась какъ положительный и вѣдншій историческій фактъ; и какъ миаѳъ перешелъ въ обрядъ и учрежденіе, такъ эпосъ непосредственно превратился въ лѣтопись, и лѣтопись оффициальную. Между тѣмъ все, что было внутренняго въ жизни народнаго духа, все то, что было мнѳологическаго и поэтическаго въ смыслѣ народнаго эпоса, все это приходило въ Римъ изъ Италіи или тѣсно связывалось съ ея именемъ и значеніемъ. Не говоримъ о тѣхъ изреченіяхъ и прорицаніяхъ, о тѣхъ суевѣрныхъ заклинаніяхъ, которыя въ большомъ количествѣ, но въ разрозненномъ и дробномъ видѣ, равно какъ неполной и слишкомъ безыскусственной формѣ, разсыяны были по всей Италіи, тѣсно связываясь съ занятіями земледѣльца и селянина. На обширныхъ пашняхъ Италіи воспитывались тѣ люди, которые по твердому убѣжденію самого Рима являлись впоследствии лучшими его гражданами. Полевые празднества, занимающія такое важное и, можетъ быть, важнѣйшее мѣсто въ общемъ кругѣ празднествъ, противуполагаясь обрядовымъ учрежденіямъ Рима, съ особенною любовью описываемы были позднѣйшими поэтами; и всегда здѣсь впереди имя Италія, и всегда почти рядомъ картина золотаго вѣка, неразрывнаго съ представленіями Лаціума и Сатурна. Здѣсь-то, среди этихъ празднествъ, раздавались молитвенныя пѣснопѣнія братьевъ арвальскихъ, и быть можетъ, и даже навѣрно, сюда-то возводятся въ своемъ началѣ послѣ-

дующія учрежденія Салевъ. И не однѣ молитвы и религіозныя пѣсно-пѣнія проникали въ Римъ съ полей Италіи: отсюда же, часто вопреки строгимъ запрещеніямъ римскаго законодательства, переходили въ городъ, прямо съ полей Этрурія и изъ другихъ частей Италіи, — и мимы, и фесценнины, и ателланы, и сценическія игры, не лишеныя въ началѣ своемъ религіозныхъ побужденій, но скоро забывавшія въ Римѣ свое исконное значеніе. Веселое и шутливое настроеніе, коренное и постоянное отличіе престолярной Италіи, отозвалось громко въ тонѣ тѣхъ пѣсень, предметомъ которыхъ римская чернь и солдаты нерѣдко дѣлали государственныя учрежденія. И народная поэзія, и единственная форма ея — *стихъ сатурновъ*, возводился въ своемъ происхожденіи къ Касментъ, Фавну и Сатурну, божествамъ древней Италіи. Если въ тѣхъ знаменитыхъ родахъ и семействахъ, въ которыхъ воспитывались и изъ которыхъ выходили величайшіе дѣятели Рима, хранилась вся чистота латинскаго языка; если въ ихъ фамильныхъ сказаніяхъ, застольныхъ пѣсняхъ, генеалогическихъ росписяхъ, надгробныхъ похвалахъ и похоронныхъ причитаньяхъ, хранилась какая либо сумма народныхъ эпическихъ сказаній, не стертая въ чертахъ своихъ влияніемъ учрежденій Рима: то нужно вспомнить, что эти роды и фамиліи были соединены тѣсными узами съ италійскою древностью и выносили отсюда свои особыя божества, праздники и обряды, особыя сказанія, преданія и привычки. Потомъ — книги авгуровъ, книги жрецовъ, ихъ толкованія, видигтаменты, наконецъ всѣ эти религіозныя учрежденія Рима, характеризовавшія своею формою и устройствомъ его особенности, что имѣли они своимъ основнымъ содержаніемъ, душою, мыслию, мѣромъ, какъ не то, что было выработано во внутренней жизни Италіи, до Рима или независимо отъ его учреждений? Изъ внутренней жизни религіозныхъ представленій, изъ выраженія національнаго духа въ народномъ эпосѣ, что же оставалось собственно на долю Рима, въ чемъ бы весь не зависѣлъ онъ отъ Италіи? Эпосъ періода царей? Конечно, въ извѣстной мѣрѣ; но этотъ періодъ былъ тѣмъ періодомъ, когда въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Римъ не выходилъ еще на собственную дорогу, когда еще только зачиналось его будущее устройство, когда происходило еще смутное броженіе тѣхъ италійскихъ племенъ, тѣхъ началъ, изъ которыхъ сложилась организація послѣдующаго Рима. Мифическій характеръ этой эпохи, народный эпосъ, сохранившій въ памяти ея черты, все это имѣло своимъ источникомъ влияніе Италіи, ея характеръ и особенности, продолжавшія свое дѣйствіе, пока не выступили рѣзко особенности Рима. Наконецъ — и это замѣтилъ проницательный умъ Крюкова — самая борьба патриціевъ и плебеевъ

имѣла въ скрытомъ, глубочайшемъ основаніи своестѣ, почти незамѣтнѣномъ для взгляда, различіе и ту борьбу религиозныхъ убѣжденій, которую древле принесли съ собою въ Римъ выходцы Италіи. А послѣ этой борьбы, Римъ, уже увѣнчанный всею славой, представляетъ удивительное и неожиданное явленіе: едва прошло одно столѣтіе, и уже у лучшихъ изъ Римлянъ является на устахъ имя Италіи и Италиковъ; во имя уничтоженія узкаго и исключительнаго эгонсма, великіе люди вступаютъ въ борьбу — для чего же? чтобы дать Италикамъ права, равныя съ Римомъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе. Въ Римлянѣхъ проснулася какая-то неудержимая и страстная любовь къ Италіи; всѣ сферы, всѣ стороны жизни искали тамъ одушевленія, новыхъ силъ, новой свѣжести, — всѣ замѣчательные люди обращались къ ея прошедшему, испытывали, изучали.

Какъ ни были повидимому разнородны древнѣйшіе обитатели Италіи, они всѣ тяготѣли къ одному общему характеру и единству. За исключеніемъ Этрусковъ, не чуждыхъ того же стремленія, только позднѣе обозначаются болѣе рѣзкія особенности Сабиновъ и другихъ не столь обширныхъ племенъ. Но какъ эти развѣтвленія относятся къ древнѣйшимъ жителямъ Италіи, такъ Лаціумъ взаимно относится къ нимъ. Высшее обособленіе основныхъ міровоззрѣній Италіи тѣснѣйшимъ образомъ связано съ именемъ Латинцевъ: имъ принадлежитъ все то, что только можно найти болѣе чистаго и лучшаго, полнѣйшаго и опредѣленнѣйшаго въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Рима; таковы сказанія объ Янусѣ и Сатурнѣ, Пикусѣ, Фавнѣ или Фатуѣ, Эвандрѣ и Карментѣ, о Какусѣ, Геркулесѣ, потомъ о Латинѣ и т. д. Но ни одно сказаніе Лаціума не имѣло такой силы и энергіи, такого широкаго развитія и объема, какъ сказаніе объ Энеѣ и Энеадахъ. Вся страны классическаго міра были полны преданій и вѣрованій въ то опредѣленіе судьбы, которое спасетъ избранныхъ сыновъ Троя, приведетъ ихъ въ предназначенную страну, дастъ имъ здѣсь сильное царство, и Троя воскреснетъ, обновившись въ новомъ и вѣчномъ городѣ. Для Лаціума это вѣрованіе получило реальную жизнь дѣйствительнаго событія: для него имя Энея и Энеадъ связано съ именемъ высшаго политическаго могущества; боги, спасенные странникомъ, получили высшее религиозное значеніе и закончили послѣдовательность латинской мифологіи, завершили совокупность обрядовъ, опредѣлили главный и основной характеръ сказаній. Отсюда вышелъ первый шагъ государственнаго развитія Рима, отсюда возникъ въ послѣдствіи его первый художественный эпосъ. Эней былъ хранитель святыни, верховный жрецъ и въ этомъ значеніи заимствовалъ достоинство царя; Энеады — Силь-

ии получили въ удѣлъ последнее; Іулъ и его потомки, знаменитый родъ Юліевъ, приняли наслѣдіе жречества, «какъ болѣе мирное и надежное владѣніе». Достоинство Сильвіевъ затеряно въ последующемъ развитіи Рима; достоинство Юліевъ коренилось глубоко въ преданіяхъ рода и народныхъ воспоминаніяхъ. И въ концѣ исторіи города Рима Юлій Цезарь явился снова какъ диктаторъ и вмѣстѣ — верховный жрецъ, а въ лицѣ Августа прочно соединились оба достоинства. Въ основанномъ Энеемъ латинскомъ Лавиніумѣ хранились пенаты Рима; самая тѣсная связь религіозныхъ учреждений и обрядовъ связывала Лаціумъ и Римъ единствомъ священнаго наслѣдія Іліона; родъ Юліевъ считалъ себя ея хранителемъ, со всемъ разнообразіемъ ея представленій, со всемъ достояніемъ міеологии. Поэтому-то, следуя за Цезаремъ, Августъ явился возстановителемъ древнихъ обрядовъ и святилицъ, дѣятельнымъ соиздателемъ новыхъ учреждений и храмовъ. Міеологическіе образы, эпическія сказанія, самыя богатая изъ всего того, чѣмъ владела сама отъ себя національность Рима и Італіи, связывали Энея и Августа. Эпоха Августа начнала, казалось, новую жизнь, спасавшую начала и основу дрѣвней; лучшіе умы его времени были объяты какимъ-то изумительнымъ восторгомъ; это время сдѣлалось золотымъ вѣкомъ римской литературы. Имя Вергілія покрыло славою высокаго искусства эпическія сказанія Лаціума; его чистая простосердечная муза доврчиво приникла въ смыслъ народныхъ вѣрованій и пособіемъ богатыхъ художественныхъ средствъ облекла ихъ въ величавые образы. Другой поэтъ, не менѣе даровитый, но болѣе сроднившійся съ окружающими явленіями вседневности, съ тѣмъ блескомъ, который внезапно и сильно охватилъ всѣ учрежденія и обряды его времени, Овидій развѣрилъ по нимъ складъ своей увлекательной рѣчи, отозвавшись живымъ сочувствіемъ на все то, что тогда вызывало къ эпическому слову.

Овидій былъ поэтъ по любви, по страсти, по призванію. Онъ хранилъ въ душѣ своей этотъ восторгъ и порывъ — *impetus*, этотъ жаръ — *calor*¹. Одинъ разъ только во всемъ сочиненіи назвалъ онъ себя чуждымъ именемъ *поэта*², именемъ, которое тогда уже связывалось съ представленіемъ художника, образованнаго средствами греческаго искусства. Своимъ названіемъ, своимъ сочувствіемъ названію онъ связуется съ древними пѣвцами своего отечества, съ пѣвцами вѣщими, чарующими и очарованными; поэтъ классическаго міра, онъ былъ еще бли-

¹ Fasti VI, 5, 6 и др.

² Fasti III, 3.

зокъ къ тому времени, когда поэзія только что вышла въ міръ и вышла прямо и непосредственно изъ религіознаго увлеченія. Онъ — пѣвецъ въщій, *vates*¹; его дѣло не битвы; не оружія его доля, его *tinus*²; даже тотъ воинственный богъ, къ которому такъ часто обращается Римлянинъ, Марсъ, долженъ покинуть свое грозное оружіе, когда вдохновеніе поэзіи вступаетъ съ нимъ въ близкое единеніе³. Какъ *vates*, Овидій сопоставляетъ себя съ Протеемъ, этимъ прорицателемъ древняго міра⁴; близкимъ родствомъ сочувствія связуется онъ и съ Аріономъ, мифическимъ поэтомъ древнѣйшихъ греческихъ преданій⁵, и съ Карментой, божествомъ народной италійской поэзіи, восторженною предсказательницею величавой судьбы Рима⁶, существами, которыя изображены имъ съ такимъ поразительнымъ и живымъ увлеченіемъ. Его дѣло соизволяется людьми и благо предъ богами, оно *licet et fas*⁷; какъ такое, оно вызываетъ и каждого поэта къ участию⁸. Здѣсь, въ своемъ высококомъ дѣлѣ, поэтъ-*vates* слышитъ таинственныя навія боговъ⁹; онъ не воспѣваетъ того, что воспрещается религіозными отношеніями челоуѣка, что *nefas homini*, чего не можетъ и не долженъ онъ выразить словомъ; словомъ его поэзіи выражается лишь то, что дозволено божествомъ и что могутъ произнести почтительныя уста поэта¹⁰. Предметъ его пѣснопѣнія — *zasca*¹¹, и это придаетъ ему особенно высокое значеніе¹². Въщій пѣвецъ чувствуетъ въ душѣ своей присутствіе религіознаго вдохновенія; отсюда загарается его поэтической жаръ¹³. Такія условія дозволяютъ ему видѣть лице боговъ, по

¹ I, 25, 101; III, 168, 177 и др.

² II, 7 — 19: «Я воспѣваю священнодѣйствія и распредѣленіе временъ въ ходѣ празднества;... вотъ моя служба; я несу оружіе какое могу: на моей десницѣ лежитъ своего рода обязанность»....

³ «Марсъ, вонитель, предстань мнѣ, сложивши на время твой щитъ и копьѣ; пусть изъ-подъ снѣгаго шлема рассыпаются свѣтлыя волосы.... И безъ оружія найдешь ты себѣ здѣсь достойное дѣло.... Спявши свой шлемъ, Марсъ мнѣ отвѣчалъ: нынѣ впервые въ занатіяхъ мирныхъ меня призываютъ, меня бога войны!!!» III, 1 — 10; 171 и дал.

⁴ I, 371.

⁵ II, 83 — 119.

⁶ I, 509 и дал.; 585; VI, 535 и дал.

⁷ I, 25; IV, 18; V, 370; VI, 250; 7 и др.

⁸ «Ты поэтъ (говоритъ онъ, обращаясь къ Германику) и, какъ поэтъ, руководи дѣломъ поэта». I, 25 — 26.

⁹ *Occultos monitus deorum*. III, 167, 168.

¹⁰ *Nobis concessa canantur, quaeque pio disci vatis ab ore licet*. III, 325, 326.

¹¹ II, 3 — 15; VI, 7, 8 §

¹² *Prosequor festa officio pio*. IV, 724.

¹³ *Est deus in nobis; agitante calescimus illo; impetus hic sacrae semina mentis habet*. VI, 5, 6. Ср. *Ex P.* III, 4, 93: *deus est in pectore; nostro; haec duce praedico vaticinorque deo*. Также *A. A.* III, 549, 550; *Metam.* II, 641.

преимуществу передъ другими¹; еще болѣе даетъ ему это право предметъ пѣснопѣній — *sacra*². Вотъ почему онъ призываетъ боговъ въ своемъ дѣлѣ, и они слышатъ гласъ его: «ты стяжалъ себѣ право видѣть *numen coeleste*», говорятъ они, являясь³. Въ таинственной бесѣдѣ съ богами, съ Янусомъ, Марсомъ, Минервою, Вестой, занимаетъ поэтъ объясненіе того, чего дотолѣ не постигалъ умъ его: «я былъ весь въ молитвѣ», говоритъ онъ однажды: «я ощутилъ близость божественной силы; и я не видалъ тебя, богиня, не достоинъ былъ мужъ созерцать тебя; но то, чего не зналъ я, то, въ чемъ заблуждался, сдѣлалось ясно моему сознанию, а никто не училъ меня⁴». Здѣсь-то источникъ его воодушевленія; когда придетъ минута вдохновенія, поэтъ не медлитъ (*parva mora est*); онъ приемлетъ въ себя небо и его силы (*coelum vates ac numina sumit*); внезапно измѣняясь онъ, его едва можно узнать, — во столько онъ чище и во столько величавѣе того, чѣмъ былъ не задолго⁵. Его стремится сила вдохновенія, онъ *poscitur*⁶; когда божество милостиво смотритъ на его дѣло и помогаетъ, когда оно *operi favet*, тогда «ступай корабль, — говоритъ онъ — твоихъ парусовъ уже коснулось дыханіе вѣтра⁷». Является стихъ, *carmen*, и поэтъ восклицаетъ: «цѣлую вѣчность да цвѣтеть стихъ Назона!⁸». Этотъ стихъ и собственнымъ именемъ, и значеніемъ связуется съ тѣми стихами, которые принадлежатъ религіи и народной поэзіи, ибо вотъ тѣ стихи, тѣ *carmina*, которыя называетъ поэтъ наряду съ своими: могильная надпись на гробъ Дидоны⁹; изреченія Сибиллъ¹⁰; стихи, которыми прославился Аріонъ, которыми останавливалъ онъ текущія воды, стихи, которые удерживали жаднаго волка, когда онъ преслѣдовалъ бѣгущую овцу, которымъ повиновалась, которыми смягчалась вся живая природа, и пугливая лань была на утесѣ рядомъ со львицей, ястребъ сидѣлъ на вѣткѣ вмѣстѣ съ голу-

¹ Fas mihi praecipue vultus vidisse deorum, vel quia sum vates. VI, 7, 8.

² Vel quia sacra cano. Ibid. cf. VI, 249, 250.

³ Ius tibi fecisti numen coeleste videndi, cum placuit numeris condere festa tuis. VI, 23, 24.

⁴ In prece totus eram: coelestia numina sensi, и т. д. VI, 251 — 256.

⁵ Описание воодушевленія Карменты; vix illam subito posses cognoscere: tanto sanctor et tanto quam modo major.... 537 — 541.

⁶ Настаетъ праздникъ Палліи — *Palilia poscor*, говоритъ Овидій: IV, 721. Такъ Горациіи (*Carm. I, 32, 1*) начинаетъ свой стихъ къ лиру: *poscitur*, меня вызываетъ, меня стремится къ пѣнію.

⁷ Nota dea est, operique favet. Navalibus exi, puppis; habent ventos jam tua vela tuos. IV, 729, 730.

⁸ Floreat ut toto carmen Nasonis in aevo. V, 377.

⁹ III, 547 — 550.

¹⁰ IV, 257; 875.

бѣмъ, а Діана заслушивалась и дивилась нагвѣвамъ, какъ будто бы слушала брата ¹; въ этомъ стихѣ та же сила, какъ въ томъ магическомъ заклинаніи, которымъ супруга Римлянина искала сдѣлаться матерью ²; онъ могучъ своимъ дѣйствіемъ, какъ тотъ стихъ, которымъ старуха у Марсовъ умѣеть обернуться въ кровожадную птицу ³; какъ тѣ стихи, которыми Нума, съ помощію Фавна, успѣлъ подвигнуть и вызвать грознаго Юпитера ⁴. Но та богиня, которая всѣхъ ближе къ поэту, съ которой онъ связанъ узами самой горячей любви и преданности, эта богиня — Венера; долго носилъ онъ въ груди старинную рану любви; онъ не оставлялъ ея знамени, и тогда, когда былъ невредимъ, и когда страдалъ и былъ раненъ; она была всегда цѣлю поэтическаго созданія, къ ней обращалось оно ⁵; юная муза Овидія была посвящена ей, богинѣ любви: это былъ пѣвецъ любви (*amorum*), искусства любить (*artis amatoriae*) и исцѣлять, вращать любовь (*remedia amoris*); однимъ словомъ, это былъ ея поэтъ по преимуществу, такъ точно, какъ ей принадлежалъ тотъ мѣсяцъ въ году (апрѣль), на которомъ болѣе всего остановился Овидій: «ты знаешь, богиня, и поэтъ, и мѣсяцъ — твой ⁶. Около нея, около торжествъ ея мѣсяца, сосредоточивалась вся цѣль произведенія. Ея возлюбленный сынъ — Эней; онъ принесъ то сокровище, которое такъ благодарно приняла Италия, и которое сдѣлалось средоточіемъ и основой римскаго религіознаго поклоненія ⁷. Нѣсколько разъ и съ особенною любовію возвращается къ нему поэтъ; Эней былъ первымъ представителемъ того отличительнаго качества, которымъ проникнуть былъ каждый истинный типъ римской жизни: онъ Эней благочестивый, *pius Aeneas*, это *pietas*, испытанная огнемъ ⁸. Его сынъ былъ Іулъ — счастливое имя; чрезъ него-то Юліевъ родъ касался предками Тевкровъ, древнихъ владѣтелей Трои и потомъ переселенцевъ ⁹; чрезъ него Юлій Цезарь связуется дѣйствительною свя-

¹ II, 84 — 93. При этомъ примѣръ, равно какъ при послѣдующихъ и прежнихъ, просимъ не забывать читателя то значеніе, которое имѣетъ названіе *стиха* въ нашей народной русской поэзіи; *carmen* совершенно соотвѣтствуетъ такому *стиху*.

² II, 425, 426.

³ VI, 141, 142.

⁴ III, 423 и дал.

⁵ Являясь на призывъ поэта, Венера говоритъ: «что тебѣ до меня?... или шевелится въ груди твоей старинная рана?» — Ты знаешь эту рану, — отвѣчалъ онъ: *saucius an sanus numquid tua signa reliquist?... Tu mihi propositum, tu mihi semper opus*. IV, 1—15.

⁶ IV, 13, 14: *Venimus ad quartum, quo tu celeberrima, mensem. Et vatem, et mensem, scis, Venus, esse tuos*.

⁷ IV, 38. *Sacra patremque humeris, altera sacra tulit*.

IV, 37. *Aeneas, pietas, spectata per ignes*.

IV, 39, 40: *felix nomen Iuli, unde domus Teucros Julia tangit avos*.

зью съ матерью Эней, тою богиней, которую такъ чтить онъ во всей своей жизни, характеръ которой такъ ярко отражался въ его любимыхъ обычаяхъ, въ миртовомъ вѣнкѣ триумфа, въ одеждѣ, въ рѣчи, въ образѣ жизни ¹. Тѣнь Цезаря проносится часто предъ взорами поэта, въ какомъ-то особенномъ величїи ². Еще при жизни Цезарь хотѣлъ узнать обѣщанное ему небо, значеніе и вліяніе свѣтилъ, между которыми готовилось ему мѣсто, и потому-то онъ распредѣлялъ точнѣе времена года и обозначилъ ³ періоды религіозныхъ празднествъ, ибо самъ, въ ряду прочихъ божествъ, ожидалъ поклоненія: онъ творецъ года, создатель и распредѣлитель его моментовъ (*conditor anni*) ⁴; въ этомъ отношеніи его дѣло близко къ дѣлу поэта, воспѣвавшего послѣдовательное развитіе религіозныхъ торжествъ. Но кромѣ того, Цезарь — родоначальникъ великаго поколѣнія ⁵. Имя Августа, его наследника, связано съ именемъ всего священнаго для Рима ⁶; онъ строить, онъ возстановляетъ храмы ⁷; онъ устанавливаетъ и расширяетъ сроки празднествъ, и небесные боги дадутъ ему столько лѣтъ, сколько имъ даль онъ ⁷. По силѣ адоптаци, Германикъ является однимъ изъ представителей этого рода и достоинства: ему посвящается произве-

¹ Замѣчательнѣйшее объясненіе этихъ соотношеній Цезаря и Венеры, объясненіе, основанное на неопровержимыхъ данныхъ, находимъ у Клаузена, въ его знаменитомъ сочиненіи *Aeneas und die Papaten*, особ. II, 1069, 1070. Подобныя же указанія, еще болѣе подтвержденныя точнымъ изслѣдованіемъ италійскихъ и римскихъ религіозныхъ учреждений, встрѣчаемъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1. Рюкертъ: *Trojas Ursprung, Blüthe, Untergang und Wiedergeburt in Latium*, 1846. особ. въ 5-й книгѣ (послѣдней); 2. Герлаха и Бахофена, *Gesch. d. R.*, 1851, особ. глава: *die Troische Ansiedlung, Lavinium, Alba*.

² F. III, 697 — 710: апофеоза Цезаря; Овидій отказывается говорить о смерти его, онъ живъ: подъ мечемъ убійцы пала только тѣнь его; *quae cecidit ferro, Caesaris umbra fuit*. V, 549 — 579; самъ Марсъ сходитъ съ небесъ помогать мщенію Августа, и т. д.

³ III, 155 — 167.

⁴ III, 157: *tantae propaginis auctor*.

⁵ I. 603 — 615: Овидій чрезвычайно ловко и остроумно раскрываетъ это высокое значеніе имени *Августа*, имени, приданнаго Октавіану: «этимъ именемъ, говорятъ онъ, отцы называютъ все священное; это имя носить на себѣ храмы, посвященные по законному обряду рукою жрецовъ; отсюда заимствуетъ свое происхожденіе названіе авгуриі и все то, что Юпитеръ раститъ и восполняетъ (*augeat*) своею помощію. Глѣдъ за этимъ, пользуясь словопроизводствомъ и играя словомъ, поэтъ восклицаетъ: «да возвеличитъ (*augeat*) Юпитеръ власть (*imperium*) нашего вожда, да умножитъ (*augeat*) лѣта его».

⁶ *Templorum positior, templorum repostor*: II, 63.

⁷ II, 60 — 66. «Чтобы храмы не пали въ развалинахъ, на это устремлена предусмотрительная забота священнаго вожда; подъ его рукою святилища не чувствуютъ старости; не только людей, — онъ обязываетъ самихъ боговъ.... Пусть верховные боги съ своей стороны взаимно столько же заботятся о тебѣ: *dent tibi coelestes, quot tu coelestibus annos!*»

деніе поэта ¹. И это не напрасно: Германикъ, кромѣ своей ученой образованности, также поэтъ, также *vates* ²; ему необходимо посвящать произведеніе, воспѣвавшее жертвенники Цезаря и тѣ дни, которые онъ прибавлялъ къ священнодѣйствіямъ ³; онъ часто долженъ былъ здѣсь встрѣтить имена своего отца и дѣда, онъ долженъ былъ встрѣтить здѣсь празднества своего дома (*festa domestica*), а эти празднества глубоко связывались съ прочими религіозными учрежденіями Рима ⁴; но если на какомъ-либо отдѣлѣ фастъ, то именно на фастахъ апрѣля онъ долженъ былъ особенно остановиться ⁵; этотъ мѣсяцъ былъ мѣсяцъ Венеры и всего того, что соединялось съ нею въ религіозныхъ представленіяхъ; этотъ мѣсяцъ представляетъ высшее средоточіе всего произведенія поэта, и мѣ тотчасъ увидимъ, какими нитями стягивалась вся сфера къ такому средоточію. Эней неразрывно связанъ съ богиней; его пенатами, принесенными Итали, заключилось ея религіозное развитіе: какъ всѣ писатели и поэты времени Августа, того поворотнаго времени, когда выдающіяся особенности римскаго устройства начинаютъ сглаживаться и приходятъ къ одному уровню всей Итали, пока наконецъ уже снова явилась не римская, а итальянская нація, Овидій съ любовію обращается къ описанію Итали, преимущественно ея религіи, завершенной въ дѣйствительности, равно какъ въ сознаніи поэтовъ и историковъ, явленіемъ Энеадовъ. Потому-то у Овидія Янусъ рассказываетъ самъ ⁶ о своихъ отношеніяхъ къ Сатурну; имя Сатурніи, которое нѣкогда носила Итали, даетъ поводъ характеризовать поэтически бытъ того времени; Юнона, по отцу Сатурніи, съ явленіемъ Энея въ Итали, оканчиваетъ долгую вражду свою съ богиней любви и общаегъ покровительство народу; Эвандръ помогаетъ Энею, Кармента о немъ предсказываетъ, Анна-Перенна современна его подвигамъ и т. д. ⁶. Въ мѣсяцъ апрѣль замѣчательно совпадали въ Римѣ празднества тѣхъ божествъ, которыя въ мифологіи главнымъ образомъ представляли собою женственное начало, начиная

¹ I, 1 — 27.

² I, 25. Между прочимъ онъ перевелъ Арата.

³ I, 13, 14: *Caesaris arma canant alii; nos Caesaris aras et quoscunque sacris addidit ille dies.*

⁴ I, 9, 10. *Invenies illic et festa domestica vobis: saepe tibi Pater est, saepe legendus Avus.*

⁵ IV, 19, 20. *Si qua tamen pars te de fastis tangere debet, Caesar, in Aprili quo tenearis habes.*

⁶ Описаніе Итали и ея древнихъ божествъ, въ связи съ Энеемъ, см. II, 543 и дал.; III, 545 и дал.; V, 91 и дал.; 625 и дал. VI, 31 и дал.; особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна первая книга Фастъ: въ постепенномъ порядкѣ изображенія является здѣсь время Януса и Сатурна, потомъ, Эвандръ, Кармента, Геркулесъ, Эней.

отъ древнѣйшей Афродиты Ураніи: за празднествомъ Венеры следовало здѣсь празднество Кибель, потомъ Цереръ и Прозерпина, потомъ Палъ, — до Флоры, празднество которой переходило къ мѣсяцу маю: все это дало богатыя средства и обильный матеріалъ поэтическому таланту Овидія въ описаніяхъ IV книги, посвященной апрѣлю. Этого мало: издревле въ мифологіи при женскомъ существѣ являлся спутникъ, котораго классическій языкъ привыкъ обозначать именемъ Ареса или Марса. Марсъ въ Римѣ получилъ особенно высокое значеніе; прежнія связи его не забыты: Эней происходилъ отъ Венеры, Марсъ сочетался съ Иліей, Ромуль называлъ всегда Марса и Венеру своими родителями¹. Ихъ мѣсяцы въ Римѣ соединены были рядомъ, и какъ водится, Венера являлась въ сопровожденіи *своего* Марса². Такимъ образомъ въ глазахъ Римлянина нисколько не было странно представленіе, что самъ Марсъ сошелъ съ неба помочь мщенію Августа за убійство Цезаря, нисколько не было странно, когда Августъ, обтуча храмъ Марсу мстителю (*Marti ultori*), воскликнулъ: «если я бьюсь за отца и вмѣстѣ служителя Весты, если готовлюсь отмстить оскорбленіе, нанесенное тому и другому достоинству: предстань, Марсъ, и насыти преступною кровью желвзо, пусть твоя помощь стоитъ за болѣе правое дѣло³». Воздвигнутый храмъ покрытъ былъ изображеніями; между ними можно было видѣть Энея и длинный рядъ Юліева рода⁴. Поэтому-то, повторяемъ, Овидій приглашаетъ Германика остановиться особенно на IV книгѣ; весь мѣсяць представлялъ для Германика въ обширномъ объемѣ тотъ смыслъ, который сохранялся для Римлянина въ генеалогическихъ таблицахъ, росписяхъ и стѣнныхъ изображеніяхъ, передававшихъ имена отдаленнѣйшихъ предковъ (*stemma*): «этотъ мѣсяць, въ нисходящей линіи, представляетъ тебѣ одну великую генеалогію, одну великую таблицу, и по силѣ наслѣдованія, которымъ ты пріобрѣлъ знатность рода, дѣлается твоимъ⁵». Далѣе, жизнь и подвиги первыхъ героевъ Рима, основаніе города, событія древнѣйшей полумифической исторіи царскаго періода, — эти предметы занимаютъ одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ Овидіевыхъ фастахъ; въ тѣсную связь съ ними возводятся всѣ основныя религіозныя учрежденія Рима; но еще тѣснѣе и замѣтнѣе связуются эти событія съ древнѣй-

¹ Ille suos semper Venerem Martemque parentes dixit. IV, 57, 58.

² Utque solet, Marti continuata suo. IV, 130.

³ V, 573 — 577.

⁴ Aeneam.... et tot Iulæe nobilitatis avos. V, 563 и дал.

⁵ IV, 19 — 23.

шимъ бытомъ Италиі, ея мнѳологіей, ея установленіями¹. Вездѣ вѣетъ здѣсь духъ религіознаго восторга. Огонь Весты — залогъ владычества Рима, его имперіи²; Палладіумъ, принесенный въ Италію Энеемъ, сдѣлался римскою собственностію, предметомъ владычія Рима, его *вещію* (*res*)³; «побѣжденная, ты побѣдишь, низверженная, ты возстанешь, Троя», — такъ предсказываетъ о Римѣ Кармента⁴. Можно прислушаться здѣсь и услышать, какъ растетъ сила и величіе Рима, начиная съ того отдаленнаго времени, когда на мѣстѣ будущаго города зеленѣлъ еще лѣсъ, не тронутый сѣкирой⁵, до той эпохи, когда, могущій уже силами, увидалъ Римъ пять вѣковъ и поднялъ главу свою надъ покореннымъ міромъ⁶, и отселъ опять до тѣхъ лѣтъ, когда боговъ иліонскихъ и міръ весь защищалъ одинъ Цезарь⁷. Римъ въ своемъ величіи хранитель священныхъ залоговъ, — вотъ тотъ идеаль, который исполнялъ поэтическую душу Овидія и явился въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній.

Мы видимъ отсюда, Овидій былъ истиннымъ сыномъ и представителемъ своей эпохи, въ ея увлеченіи, почти безгранично отданномъ Италиі, Италиі, откуда, какъ изъ основъ и началъ, истекала самая живая энергія религіозныхъ представленій, связавшая наконецъ въ одинъ идеаль все — и мѳѳъ, и учрежденіе, и обрядъ, и политическое значеніе Цезарей. Но эта эпоха новаго увлеченія далеко уже была отведена исторіей отъ того начала, къ которому возвращалась и съ которымъ желала соединиться въ сознаниі. Между первымъ вѣкомъ по Р. X. и отдаленнымъ періодомъ Энеадовъ лежала цѣлая исторія, богатая событіями, сильная дѣломъ, вѣрная назначенію. Въ теченіе ея Римъ уже закончилъ то дѣло, которое считалъ своею главною задачею, которое имѣлъ право считать по преимуществу своимъ личнымъ и особеннымъ. Онъ призывалъ уже сперва италійскіе народы, а за ними цѣлый міръ тогдашней современности, вкусить плоды его развитія. Право готово уже было замкнуться въ систему и уложеніе, привлекая изучающихъ; простота первобытныхъ религіозныхъ учреждений облеклась блестящими и невиданными дотошъ церемоніями; скудные представ-

¹ Не указываемъ отдѣльныхъ мѣстъ, ибо они въ обиліи разсыпаны по всему сочиненію.

² Imperii pignus. III, 422.

³ Res est romana. VI, 435.

⁴ I, 523.

⁵ Incaedua silva virebat. I, 243.

⁶ Edomito sustulit orbe caput. IV, 255.

⁷ I, 529.

ленія древнѣйшей миеологіи нашли себѣ богатое выраженіе въ средствахъ развившагося искусства и пособіяхъ чуждыхъ, свое философское и научное пониманіе въ обильныхъ способахъ образованности; Римъ дѣйствовалъ во имя своей уже законченной организациіи. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ было много чего-то новаго и необыкновеннаго, чего-то такого, что было конечно еще исполнено энергіи, но что вмѣстѣ съ тѣмъ должно было уже закончить его собственную жизнь и передать ея результаты другимъ эпохамъ и другимъ народамъ. Окончивши мужественный возрастъ, онъ какъ будто юнѣлъ и обновлялся: но обновленіе совершалось подѣ влияніемъ тѣхъ началъ, которыми еще могла жить его юность, по которыя уже не питали старѣющаго тѣла. Промежутокъ, имѣвшій мѣсто между отдаленною и новою эпохой, стоялъ для послѣдней неотразимымъ укоромъ; опредѣленность формъ, выработанныхъ въ развитіи зрѣлаго возраста, обличала непоследовательность стремленій, приведенныхъ дѣйствіемъ новыхъ событій. Не касаемся другихъ сферъ жизни; мы имѣемъ въ виду свою особенную сферу, и здѣсь намъ уже представляется много противорѣчій. На Палатинѣ, гдѣ была хижина Ромула (casa Romuli), готовился уже золотой домъ (domus aurea); близъ форума Юлія Цезаря, гдѣ стоялъ великолѣпный, построенный имъ храмъ Венеры и передъ нимъ статуя диктатора, за полтораста шаговъ, въ Вулканалѣ, росъ лотосъ, однолѣтній сверстникъ города (lotos aequaeva urbi): сопоставленіе противоположностей увеличивало противорѣчіе. Геній римскаго народа, который такъ долго велъ его по пути исторіи, скоро долженъ былъ остановиться, чтобы обозрѣть отжившее, взглянуть на поприще древнихъ подвиговъ, на forum romanum, и успокоиться въ почести поклоненія. Аврелианъ воздвигъ ему здѣсь храмъ, Адрианъ еще прежде посвятилъ другой храмъ самому городу. Но если было противорѣчіе въ самой жизни, то еще болѣе оно имѣло мѣсто въ сознаніи, ибо сюда присоединялось еще новое противорѣчіе между сознаніемъ и жизнью, къ которой оно относилось. Восторгъ, объявшій умы, разбивался объ окружающую дѣйствительность; слово невольно лгало, ибо очень часто разлучено было съ дѣломъ; такова была поэзія и наука, какъ скоро она обращалась къ современной жизни; порывъ увлеченія легко охлаждался въ ней рефлексіей, и хорошо еще, если это выпаденіе даетъ намъ возможность отличить правду и истину. Обратимся опять къ Овидію: онъ объяснитъ высказанное нами.

Конечно, Овидій называетъ себя вѣщимъ пѣвцемъ (vates) и придаетъ такимъ образомъ своему произведенію смыслъ древнѣйшаго и первоначальнаго народнаго творчества; но онъ пѣвецъ *трудолюбивый*

надъ описаніемъ торжественныхъ дней (*vates operosus dierum*)¹; онъ трудится, онъ работаетъ надъ своимъ предметомъ, и потому мы должны уже отличать содержаніе его произведенія, предметъ, источники, и потомъ само искусство: то и другое не сливается уже въ одинъ актъ, какъ въ первобытной народной поэзіи. Постоянно онъ имѣетъ въ виду преданія, на нихъ основывается и не разъ прибавляетъ: такъ думали древніе, такъ говорятъ они²; онъ ссылается на то, что предано (*traditur*)³; онъ прислушивается къ молвѣ, къ тому, что говорятъ тамъ; «до нашего слуха дошла молва», говоритъ онъ⁴; но онъ не сливается въ одно сознаніе съ этою молвою и преданіями, онъ разбираетъ, судитъ, иногда говоритъ, что «молва похожа на правду»⁵; иногда кажется она ему темна, и онъ объясняетъ ее по своему⁶. Иногда преданія даютъ ему показанія разнорѣчачія: являются разные стороны объясненій, партіи (*partes*), Овидій сравниваетъ, оцѣниваетъ, выбираетъ, а иногда и совсѣмъ отвергаетъ⁷. Этого мало: у него является правило, чтобъ не оставаться невѣждою и не увлекаться заблужденіемъ толпы⁸. Какого же рода были эти преданія и сказанія, которыми пользовался Овидій? Это были во-первыхъ сказанія, слышанныя имъ въ лѣтахъ дѣтства⁹. Далѣе рассказы, влагаемые имъ въ уста известнымъ лицамъ изъ среды народа, большею частію старикамъ и старухамъ; очевидно, это суть олицетворенія общаго народнаго мнѣнія, выраженнаго искуснымъ поэтическимъ оборотомъ¹⁰. Другія преданія обозначаетъ поэтъ словами — «говорить», «естъ слухъ», «ходить молва», и т. д.; между прочимъ здѣсь можно отличить преданія, касающіяся Греціи, и другія, касающіяся Рима; о нѣкоторыхъ онъ просто говоритъ: «извѣстенъ мнѣ», или «кто не знаетъ этого?»¹¹ Наконецъ сюда же можно отнести и нѣкоторые слѣды пословицъ¹². Все

¹ I, 101; III, 177.

² *Ut veteres memorant*: II, 669; *fama vetus*: V, 625.

³ II, 304; III, 162; V, 86; VI, 532.

⁴ III, 662; II, 379; V, 84; VI, 557. — Онъ имѣетъ въ виду то, что *dicitur*, *fertur*: II, 56; 549; 612; VI, 266; II, 554; 631 и др.

⁵ *Nec a veri dissidet illa fide*: III, 662.

⁶ *Obscurior aëvo fama, sede nostro carmine certus eris*: VI, 103, 104.

⁷ I, 325 и дал.; III, 658 и дал.; IV, 85 и дал.; V, 621 и дал.; II, 551: *vix equidem credo*; и др.

⁸ *Ne ignores vulgique errore traharis*: VI, 25.

⁹ VI, 417.

¹⁰ VI, 395 и дал.; IV, 685 и дал.; 377 и дал.

¹¹ *Fabula nota subest*: V, 604; II, 83; III, 53, 54; II, 304; III, 544; VI, 320.

¹² I, 215, 216; IV, 10; 18; V, 489, 490: *Hæc quoque de causa (si te proverbia tangunt) mense malas Majo nubere vulgus ait*.

это вместе образовало тот народный эпосъ Рима, о которомъ мы сказали нѣсколько словъ выше; замѣчанія о сего скудости, нами сдѣланныя, подтверждаются тѣмъ, что хотя Овидій непрерывно ссылается на повѣрья, сказанія, но нигдѣ не упоминаетъ, о какомъ либо цѣломъ рядѣ стиховъ или полной поэмѣ. Взглянемъ на тѣ скудныя формы, въ которыхъ развились эти повѣрья и сказанія собственными средствами народнаго гения, безъ всякихъ внѣшнихъ пособій: въ этомъ своемъ видѣ они служили также источникомъ Овидію. Во-первыхъ при каждомъ обрядѣ употреблялись свои *рѣчи*, свои *закономъ положенныя слова*¹; упоминая ихъ большею частію только мимоходомъ, Овидій однако приводитъ ихъ иногда въ собственномъ видѣ, или лучше въ томъ, въ какомъ молитвы и заклинанія уложились въ метръ его стиха; при всемъ томъ поэтическомъ искусствѣ, которымъ владѣлъ Овидій, они остались просты, не богаты образами, не ярки². Надробныя рѣчи и пѣснопѣнія, или лучше причитанія, *пѣни*, упоминаются только вскользь³. Часто упоминается о народныхъ празднествахъ и играхъ: но здѣсь говорится только о представленіяхъ, сопровождавшихъ праздникъ, объ ихъ шуточномъ и веселомъ характерѣ, и ничего не приводится изъ пѣсень, ни даже какого либо поэтическаго слова; такимъ образомъ эти указанія относятся уже болѣе къ учрежденіямъ, разумъ подъ этимъ словомъ внѣшнюю форму и церемонію обряда⁴. Говоря вообще, все эти народныя сказанія, пѣснопѣнія, преданія, Овидій отдѣляетъ отъ дѣла собственнаго искусства; онъ ихъ повѣряетъ, критикуетъ, и уже поверхъ такой критики является его произведеніе; характеръ поэта становится стало

¹ *Sua verba, legitima verba*: II, 542; 527; IV, 660 и др.

² III, 387 — 392: нѣсколько словъ о томъ, что Нума далъ жрецамъ Салиямъ слова для пѣнія надъ известнымъ складомъ; и что они на концѣ стиха призываютъ Мамурра, инеическаго художника, творца аицетій. — IV, 747 — 777: довольно большая молитва, посланная къ богинѣ Даллѣ; но изящныя выраженія показываютъ, что она значительно перелѣпана поэтомъ. — То же самое нужно сказать о молитвѣ къ богинѣ Робиго (ржа, ржащина): 910 — 933. — V, 437 — 39: краткое, но весьма характеристическое обращеніе къ Манамъ. VI, 141, 142 упоминается пѣнія, какъ магическій смѣхъ старухъ у Марсовъ.

³ См. предш. сноску и VI, 668.

⁴ III, 523 — 545: описаніе народнаго праздника въ честь Анны Перевлы; народъ поетъ то, что заучилъ въ театрѣ; пѣніе сопровождается жестами, тѣлодвиженіями, плясками; иные водятъ *грубыя* (*duras*) хороводы; но словъ изъ пѣсень не приведено; картинныя группы, пляски, вино, — вотъ плавное. — IV, 187: *Scena senat ludique vacant*; 326; 946: *Scena joci morem libefloris habet*. — V, 189; 331; 332; 347 и далѣ: намеки на то, что во время празднества Флоры игра въ циркѣ, театрѣ и т. п. сопровождался особливою шуточностію; но — ни одного слова. — VI, 653 и далѣ объ участіи флейты, вѣроятно подыгрывавшей пѣснямъ и стаскамъ, при жертвахъ, играхъ, при похоронахъ.

быть совершенно особеннымъ, и его показанія уже не могутъ быть для насъ источникомъ въ той мѣрѣ и въ той силѣ, какъ простосердечное народное слово. Мы получаемъ преданія изъ подъ пера позднѣйшаго поэта: потому постоянно должны мы быть на сторожѣ и вскрывать ихъ основу изъ подъ приемовъ искусства. Если Овидій не всегда отвергаетъ ихъ, то за то онъ оговаривается, что они страшны, удивительны; онъ мѣряетъ ихъ на известную мѣрку, онъ убеждаетъ взирать себѣ и своему произведенію, настаиваетъ на томъ, и следовательно предполагаетъ невѣріе: «вѣрите речамъ моимъ, и рассказываю удивительныя вещи, по случившіяся на самомъ дѣлѣ»¹; или, «я передаю странное дѣло, но оно подтверждается и свидѣтельствомъ сцении»². Онъ оберегаетъ вѣру, боится колебать ея основы, остерегается посягательство на достоверность ея преданій, — и тѣмъ самымъ характеризуетъ эпоху удающихъ вврованій и невольки вызываетъ недоверчивость: «вѣрися, ибо великимъ свидѣтельствомъ служить древность; берегися трогать принятое вѣршо»³. Онъ вѣщій, таея, онъ бесѣдуетъ съ божествомъ: но въ то же время «найдутся можетъ быть таіе, которые обличатъ въ этомъ одну только выдумку, сказать, что смертному нельзя видѣть божества»⁴; и тотчасъ поэтъ свѣщитъ доказаніе, что это могло быть на самомъ дѣлѣ, что онъ изъ разряда тѣхъ древнихъ поэтовъ, которые были *Εὐθεοί*, а пѣсня которахъ была *αὐτοῦ θεοπλασίη, θεοπίε ἀοιδός*⁵. При всемъ своемъ увлеченіи, онъ открытенъ однако: «пусть агутъ другіе поэты, — говоритъ онъ въ одной мѣстѣ, — по правдѣ я не видалъ небо, богиня». Ясно теперь, какъ понимать всѣ эти видѣнія: это не то видѣніе, когда Гомеру въ тѣмнѣи ночи предстала Елена, заповѣдая всеишь подвижниковъ Трои⁶; это даже не то видѣніе⁷, которое постигло Гесиода, когда онъ пасъ овецъ подъ священнымъ Геликономъ⁸; наконецъ даже не то видѣніе Діониса, въ которое вврилъ Эсхилъ⁹: это просто поэтическое оборотъ, средство искусства, съумѣшаго овладѣть народными вврованіями. И надо сказать правду, Овидій порою неумѣренно пользовался этимъ

¹ *Credite dicenti, mira, sed acta loquor*: III, 370.

² *Mira, sed et scena testificata*: IV, 326.

³ IV, 203, 204: *pro magna teste vetustas creditur; acceptam parces movere fidem*.

⁴ VI, 3, 4: *facta canam, sed erunt, qui me finxisse loquantur, nullaque mortali numinis visa putent*.

⁵ *ит.* II, 599 — 600: *Од.* XVII, 385.

⁶ *Non equidem vidi (valeant mendacia vatum) te, Dea*: VII, 258, 254.

⁷ *Isocrates* 'Бл. *Εὐκρίσιον* (orat. att. ed. Bekker, 2, 245)

⁸ *Theog.* 22.

⁹ *Paus.* I, 21, 2.

иногда: онъ сводитъ къ себѣ безпрестанно боговъ и богинь, заставляя ихъ рассказывать свое значеніе, описывать и объяснять образъ, малѣйшіе обряды, и т. п.; больше всего этого, тотъ ужасъ, который онъ часто описываетъ какъ слѣдствіе видѣній, становится одною поэтической прикрасою; поэтъ слишкомъ часто и близко обращается съ божествами: намъ странно, — да отчего же онъ такъ часто дрожать, блѣднѣть, плакать? Мы не знаемъ даже, зачѣмъ римскій аристократъ временъ Августа отправляется, напримеръ, въ далекій густой лѣсъ, и вдругъ разсуждаетъ о филологическомъ производствѣ названія Ионъ и внезапно получаетъ объясненіе отъ явившейся богини¹. Онъ преклоняется предъ величіемъ своего дѣла, считаетъ особенною смѣлостію то, что рѣшился говорить о немъ въ ничтожной формѣ эпиграммическаго метра (*exiguū elegi*)²; но это говорится съ тѣмъ, чтобы выставить величіе дѣла, ибо для некоторыхъ оно могло показаться неважнымъ; это не помѣшало въ посвященіи Германику признать неважнымъ достоинство своего труда³; отъ Германика ждешь отъ внутренней силы для дѣла: «ты вложишь силы въ мой стихъ». Отъ чего же завистля эта сила? Не лиши меня троюго расположенія, благосклонно прости этотъ трудъ⁴... Весь міръ боговъ и празднествъ волею и неволею вертѣтся около Юліевъ рода; въ непрерывныхъ восклицаніяхъ, какъ читатели могли видѣть изъ приведенныхъ выше мѣстъ, дѣло не обходилось безъ излишествъ. Такъ каждое дѣло этого страннаго времени, имѣло всегда двѣ стороны; каждое движеніе восторга или увлеченія вызывало другую, противоположную крайность; одною рукой создавали, что разрушало другою.

Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ о жизни поэта; она намъ покажетъ, какъ въ действительности легко и просто разрешались противорѣчія, открываемыя критическимъ взглядомъ; исключая всякій неумѣстный судъ, она представитъ намъ дѣло такъ, какъ оно было и какъ могло быть въ ту эпоху.

Родившись на свѣтъ въ 711-мъ году города, Овидій не засталъ уже великихъ политическихъ и общественныхъ переворотовъ; ему было едва тринадцать лѣтъ, когда актійская битва положила конецъ междоусобнымъ бранямъ; новый порядокъ вещей былъ уже совершенно готовъ и законченъ, а потому не могъ показаться страннымъ, когда поэтъ полу-

¹ VI, 9 и дал.

² II, 3; 125; VI, 22 и др.

³ *Officiū levem honorem*. I, 5.

⁴ *Da mihi te placidum dederis in carmina viros*, I, 17. *excipe pacato vultu hoc opus*. 3, 4.

чалъ возможность понимать его значеніе. Отъ самаго рожденія обезпеченный въ общественномъ положеніи, Овидій нашель готовыя и богатые средства образованія. При пособіи такихъ благоприятныхъ условій, счастливый природными талантами, онъ въ раннихъ лѣтахъ обнаружилъ уже истинную склонность къ поэтическому искусству и доказалъ ее блестящими опытами. Скоро онъ понялъ, что поприще политической дѣятельности не было его настоящимъ призваніемъ; и не трудно было понять, ибо тамъ не было прежнихъ интересовъ форумъ. Да кромѣ того онъ ничею не терялъ, отдаваясь исключительно дѣятельности художника: за нимъ оставалось его мѣсто въ высшемъ обществѣ. Однакоже интересы образованности были здѣсь прочною связью; почти не было мѣста той уединенной кабинетной учености, которая изъ Александрійъ вышла съ сочувствіемъ великихъ умовъ послѣдней эпохи республики, а въ послѣдующую эпоху была единственно убожищемъ. Правда, общественное мнѣніе, вѣсь и отчасти мода сглаживали рѣзкость некоторыхъ не своевременныхъ убѣжденій; но это не налагало того тягостнаго долга, который лежалъ на художникѣ изученомъ при Птоломеяхъ. Энергія, питавшая восторгъ, была задана очень сильно; поэты и ученые, восторгались, не всегда даже противъ собственнаго образа мыслей; политическіе дѣятели очень искренно занимались вопросами науки и искусства, и если иногда занимались уже слишкомъ много, забывая или заслоняя собственное свое назначеніе, то не ошибались въ расчетѣ, ибо въ умственной дѣятельности и состояла задача общества созданнаго Августомъ. Не было почти различія политическихъ мнѣній, ибо не поднималось такихъ вопросовъ: было единство образованнаго и изящнаго общества, и все члены усердно поддерживали такую цельность. Двѣтели общественной литературы были между собою въ тѣсной дружбѣ или во крайней мѣрѣ въ достойныхъ отношеніяхъ: они обращались другъ къ другу, другъ друга хвалили, взаимно поддерживали себя и мнѣния. Партія, привязанная къ стариннымъ образцамъ искусства, замолкла послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ возраженій; да при томъ она только умѣла восхищаться прошлымъ, но отнюдь не была производительна. А между тѣмъ представители новаго искусства дѣйствовали; запасъ прожитой жизни, обработанный многочисленными трудами предшествовавшихъ ученыхъ, представлялъ очищенный матеріалъ для содержанія ихъ произведеній; имъ оставалось творить; прилежное изученіе греческихъ образцовъ воспитало художническую тактъ, усовершенство до высокой степени технику, а талантливость дѣятелей обогатила литературу истинно прекрасными про-

изведениями. Правда, впрочемъ, что настоящей народности эти произведения не имѣли. Народъ былъ оставленъ въ сторонѣ и мало принималъ участія въ дѣятельности литераторовъ: поднившееся общество постигало его сверху поэтическимъ чутьемъ или пособіемъ науки; а онъ и не подозрѣвалъ, что про него и за него говорили. Но до этого не было дѣла: искусство и ученость шли прямою дорогой, увлекаемые идеаломъ, льстимые самоувереннымъ сознаніемъ дѣла и надеждою славы въ потомствѣ. Овидій былъ достойнымъ членомъ этого кружка. То въ своемъ загородномъ помѣстьѣ среди любимыхъ занятій, то какъ ближайшій домашній другъ Августова семейства, то какъ непреклонный участникъ въ общемъ дѣлѣ современныхъ художниковъ, онъ вездѣ блисталъ своимъ редкимъ талантомъ; ловкостью свѣтскаго человека, задумчивымъ увлеченіемъ поэта. Не отступая ни на шагъ отъ интересовъ своего общества, певецъ любви, шарующихъ образовъ мифологии, торжествъ и праздниковъ окружающей жизни, онъ былъ однако равно далекъ и отъ сентиментальной приторности чувства, и отъ резонирующаго тона сухой учености. Неосновательный, легкій и даже вытѣренный при первомъ на него взглядѣ, онъ давалъ много своимъ содержаніемъ, и давалъ незаметно; тайна заключалась въ умѣнью воспользоваться теми научными пособіями, но вниманіе читателя провести не по нимъ, а по незаметнымъ переходамъ увлекательнаго разказа; расчитанность формы, легкость стиха родились вмѣстѣ съ нимъ, но не владѣли имъ; прихотливый гений выбивался изъ-подъ строгихъ и стѣснительныхъ условій рода, ловкою остротой разрывалъ однообразіе изображеній, различенъ элегическое двустипіе отрывистою фразой, побуждалъ трудности не глубиною основательнаго воззрѣнія, а догадливостію и ловкимъ оборотомъ, и наконецъ, не гонялся за теми крупными и рѣзкими чертами римской оригинальности, которыя уже начинали терять свою выразительность, тѣмъ самымъ легко поставилъ себя оригиналомъ позднѣйшаго искусства до самыхъ послѣднихъ произведеній романтизма.

Однимъ изъ первыхъ произведеній молодого Овидія были Героиды (Heroides), рядъ писемъ, или лучше переписка древнихъ героинь и героев. Уже здѣсь легко было замѣтить въ авторѣ умѣнье входить въ положеніе любящаго и любимаго, и въ собственномъ сердцѣ отыскивать живые звуки для передачи разнообразныхъ мотивовъ чужой страсти. Но вся лучшая дѣятельность юности отдана была поэтомъ элегии; здѣсь онъ составляетъ последнее и необходимое звено той цѣпи прекрасныхъ произведеній, которая начата была въ римской литературѣ

Катуллою. Не изучивъ Овидія съ этой стороны, мы не поймемъ развитія римской элегии; и на оборотъ, следя исторію, послѣдней, мы получаемъ нѣсколько самыхъ разительныхъ и вѣрныхъ данныхъ для характеристики поэтическаго таланта Назона. Намъ пѣть возможности — и въ настоящемъ случаѣ это было бы даже неумѣсто — изслѣдовать въ подробности начало и всѣ переходы, испытанные въ Римѣ элегическимъ родомъ поэзіи; придется промолчать о Катуллѣ, Проперціи, объ имени Галла и жалкихъ послѣдователей Овидія. Довольно замѣтить, что вообще элегія въ классическомъ мірѣ не имѣла плачевнаго тона своимъ господствующимъ характеромъ: это была вообще отливка чувства, вышедшаго изъ эпическаго періода. Въ Яриикѣ, чувства всколебавшагося, взволнованнаго ужасами войны (Тиррей) или ходомъ извѣстныхъ гражданскихъ событій (Феогида), или открытій нравственныхъ убѣждений и правилъ (Гномики), или, наконецъ, движеніемъ страсти любви (Мимнермъ). Произведенія римскихъ элегиковъ примыкаютъ прямо къ послѣднему отдѣлу; содержаніе ихъ исключительно эротическое, любовь со всѣмъ разнообразіемъ своихъ явленій. Время процвѣтанія элегии въ Римѣ какъ нельзя болѣе способствовало развитію личной страсти: политическіе интересы начали гложуть въ эпоху Цезарей; энергія нравственныхъ убѣждений начала стихать въ періодъ упадающаго изыщества. Первый вѣкъ по Р. Х. принесъ въ Римъ, допре освобожденіе женщины отъ неразумнаго съ тѣмъ произволъ, страстнаго увлеченія; много распространилось самыхъ оригинальныхъ мѣстныхъ отношеній жепщины и мужчины, означеніи супружества и любви; молодежь жадно вливала въ себя ходячія убѣжденія; женщины были отданы имъ вполне, — такъ много оставалось незапитаго времени. Либертими ловко пользовались, духомъ вѣка; роскошь и уточенность вкуса готовы были все прикрыть весьма благовидно, все раздвинуть, все возвести на степень изыщества; а такая изыщанная дѣйствительность легко могла представляться законною и нормальною. Тибулла была главнымъ центромъ и лучшимъ цвѣтомъ римской эротической элегии; Овидій заключилъ ее рядомъ самыхъ талантливыхъ созданій. Есть нѣкоторые признаки, по которымъ можно полагать, что нашъ поэтъ въ своей ранней молодости былъ горячимъ послѣдователемъ и даже подражателемъ Тибулла; но дальнѣйшее развитіе, при всей незначительности лѣтъ, раздѣлившихъ того и другаго поэта, привело однако между ними огромное различіе. Элегія послѣ Тибулла не могла

¹ Эдуарде (die römische Elegie, von O. F. Gruppe, 1838, I, 105 — 143), на основаніи

уже, въ своемъ содержаніи достигнуть болѣе глубокой и существеннаго измѣненія; всѣ начала и основы, какъ со стороны поэтической идеи, такъ и въ отношеніи композиціи, положены были Тибулломъ съ полною гениальностію; возможно только было дальѣйшее разширеніе, обобщеніе существенныхъ началъ, болѣе разнообразіе мотивовъ, обогащеніе вышнихъ средствъ стиха, развитіе мелкихъ приемовъ. Эту послѣднюю задачу взялъ на себя и съ блистательнымъ успѣхомъ совершилъ Овидій. Тибуллъ неслучайнымъ и медлительнымъ шагомъ переходитъ отъ одного образа къ другому; онъ любитъ останавливаться при каждомъ образѣ, любитъ сосредоточивать на немъ свое вниманіе, и каждый образъ выходитъ изъ его мастерской частю пластическимъ образомъ. Съ перваго взгляда замѣтно, что поле Овидія гораздо шире, или лучше — что шире шагъ его, развязнѣе походка; легкость и, если можно такъ сказать, проворство составляютъ его главное отличіе; онъ было и иногда какъ будто мимоходомъ касается своего предмета; онъ умѣетъ сказать о предметѣ довольно, но сказать скоро; онъ ни надъ чѣмъ не останавливается, ни надъ чѣмъ не задумывается долго; но при всемъ томъ черта, мелкая какая нибудь черта, схваченная имъ на лету, бываетъ часто такъ выразительна, что даетъ жизнь цѣлой картинѣ. Любуясь ею, мы не вправъ однако называть Овидія по преимуществу живописцемъ и съ этой стороны проигнорировать его Тибулла-пластику; это можно сдѣлать съ Проперціемъ: образы Овидія столько же пластичны, какъ образы Тибулла. Различіе между пластикой того и другаго можно выразить развѣ сравненіемъ — Скопаса и Праксителя; еще болѣе: *si licet parva com-
ponere magnis*, если Тибулла испробовали уже критики сравнить съ Софокломъ¹, при всемъ различіи времени и сферы дѣятельности, то остается Овидія приравнять Эврипиду. Оба представителя римской эл-
ги отличаются объективностію своихъ изображеній; но объективность объективности разны: правда, и изъ произведеній Тибулла вы извлекаете ясное представленіе о характерѣ самого поэта; но, чтобы получить этотъ изящный образъ личности, вы должны все-таки *отлечь* черты его отъ самой поэзии, въ которой онъ скрывается какъ внутреннее творящее начало; самъ поэтъ не любитъ говорить о себѣ, не лю-

очень остроумныхъ обличеній, приписываетъ молодому Овидію цѣлую книгу элгий, известную подъ именемъ Лигдама (*Lygdamus*) и появившую какъ-то между произведеній Тибулла, не смотря на свою незрѣлость и особенно замѣтное различіе словоупотребленія.

¹ Груше, I, стр. 358.

бить называть своего имени. Наоборотъ при чтеніи Овидія личность поэта бросается вамъ въ глаза прежде, чѣмъ то самое дѣло, въ которое она замѣшана; она является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, со всеми своими достоинствами и слабостями, и она-то служитъ вамъ проводникомъ въ длинномъ рядѣ эротическихъ событій; поэтъ часто напоминаетъ о себѣ, часто рассказываетъ постороннія обстоятельство своей частной жизни, прежней и современной: такую же привычкою отличался Гораций, его старшій современникъ. Также точно и въ самомъ искусствѣ: необыкновенная простота Тибулла на первый взглядъ скрывала отъ прежнихъ критиковъ задніе планы произведеній, расчетливость композиціи, глубокую связь переходовъ. У Овидія не нужно отыскивать этой внутренней стороны; онъ весь наружи, и приемы искусства его слишкомъ замѣтны; но онъ такъ легко владѣетъ этимъ искусствомъ, такъ непринужденно, что вы никогда не упрекнете его въ искусственности; простота достигнута обоими: но Тибуллою она достигнута ходомъ глубокаго развитія въ процессъ творчества; Овидій беретъ ее съ разу, даромъ, т. е. даромъ своей ловкости и развязности. Такъ иногда глубокая натура, прожившая много внутреннимъ опытомъ, выноситъ отсюда и въ практическую жизнь какую-то простоту и непринужденность обращенія; и рядомъ съ нею мы видимъ часто фигуру свѣтскаго чловека, воспитаннаго хорошимъ обществомъ, не глубокаго, но умнаго, и столь же простаго, непринужденнаго въ своихъ приемахъ: результаты сходные, но не одинаковы, ибо не одинаковы причины. Еще далѣе: Тибуллъ отличается въ своей элегии непосредственностію; въ его словахъ слышенъ голосъ не vzdальной природы. Источникъ такой непосредственности, чуждой всякой рефлексіи, заключается конечно въ томъ, что поэтъ самъ, въ собственной жизни, прожилъ все переходы изображаемой страсти; и каждая элегія сопровождаетъ собою дѣйствительное событіе изъ жизни поэта, была сама событіемъ его жизни, а слово поэта было дѣломъ. Овидій не такъ легко поддавался, чему бы то ни было; онъ не любилъ также рефлексировать, — но нельзя поручиться, чтобы все рассказанное было прожито его собственнымъ чувствомъ; можно скорѣе допустить, что онъ владѣлъ неистощимою способностью входить въ какое угодно положеніе любящаго существа, постигать разнообразныя состоянія страсти, и силою таланта воспроизводить цѣлые ряды эротическихъ образовъ и картинъ. Тибуллою въ достаточной мѣрѣ владѣлъ поэтическій паеосъ; его идеи, его рѣчь не лишены какого-то высокаго характера: Овидій говорилъ языкомъ окружающей дѣйствительности, и въ его

словъ дѣйствительность представлялась въ своемъ обычномъ, ежедневномъ видѣ. Между тѣмъ какъ яркая рѣчь Тибулла неслѣдуетъ образъ за образомъ въ крупиныхъ волнахъ своихъ, не скоро катившихся одна за другою, разчлененный стихъ Овидія дробилъ въ себя бѣглые очерки и также рѣзко игралъ искусствомъ, какъ играетъ разговорная рѣчь быстрою смѣной разнообразныхъ предметовъ разговора. Однимъ словомъ, переходя отъ чтенія Овидія прямо къ Тибуллу, мы замѣтимъ въ последнемъ болѣе опредѣленности, болѣе строгости и ограниченія, болѣе сосредоточенности; если не меньше здѣсь свободы, то менѣе произвола. И на оборотъ, переходя отъ Тибулла къ Овидію, мы чувствуемъ болѣе широты, болѣе развязности, и, неразлучно съ тѣмъ, болѣе небрежности и какой-то распушенности. Такое различіе въ искусствѣ того и другаго, должно было корениться на какихъ либо глубокихъ основаніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ ихъ можно подмѣтить. Тибуллъ строго держался известныхъ нравственныхъ правилъ; ни одинъ римскій поэтъ не умѣлъ такъ обойтись съ самымъ щекотливѣмъ предметомъ, чтобы въ то же время сохранить все нравственное достоинство лица и среди увлеченія соблюсти безукоризненность некоторыхъ основныхъ убѣжденій. Въ изображеніяхъ своихъ онъ идетъ около той черты, за которою быть-можетъ начинается развратъ; но твердость неиспорченной души и здѣсь умѣетъ соблюсти свою мѣру. Онъ отдается страсти, но умѣетъ полуприкрыть нагую чувственность, не съ тѣмъ, чтобы раздражить еще болѣе, а чтобы освѣжить и очистить въ художественномъ образѣ. Овидій не связанъ предразсудками; но при этомъ нигде кажется, что онъ не связанъ ничѣмъ, а потому ничѣмъ не сдерживается; поле дѣйствія повидимому выигрываетъ обширность; можно затрогивать все, можно острить надо всемъ; лишь бы самому не потеряться въ этой сферѣ разоблаченной страсти, лишенной всякаго покровя. И въ самомъ дѣлѣ Овидій готовъ признаться, что онъ порядочный шалуни, готовъ даже, пожалуй, въ шутку, назвать себя негодяемъ¹. Но онъ не теряетъ, ибо не оскорбляетъ поэтической красоты и врожденнаго изящнаго вкуса. Онъ не могъ оскорблять своихъ отношеній къ женщинамъ, не могъ ихъ опозилить и унижить, ибо тогда оскорбилъ бы собственную натуру. За то онъ легко могъ дать разгулъ своей внутренней юности, могъ надблать глупостей, чтобы потомъ сказать: «мы имѣемъ нужды до нравовъ, каковы они, хороши или

¹ Amer. Lib. II, Ek. 7, v. 1, 2: hoc quoque composui, Pelignis natus aquosis, ille ego nequitiae Naso poeta meae.

уды, — я люблю тело ¹.» Онъ допускаетъ возможность того-другого рѣзка, даже знаетъ его за своей женой, знаетъ и не скрываетъ, даже читъ саму ее, какъ удобнѣе скрыть. Ему нужно счастье, а счастье дѣло, «не раскрывай же глазъ на дурное ²». Теперь спрашивается: тѣмъ же выкупаются въ нравственномъ смыслѣ этотъ недостатокъ строгости. Однимъ чувствомъ красоты? Но этого, быть можетъ, мало. Дѣтъ выкупаются во-первыхъ неподдѣльною кроней: поэтъ одною стонной близокъ къ паденію и проступку, но другою стонть вѣтъ его, самъ мѣется падъ уклоненіемъ, и неформальность разрываетъ сама собою. Лице болѣе имѣетъ здѣсь значенія поражающая откровенность; въ этомъ признаніи сердца прикирывается читатель со всемъ тѣмъ, что въ другомъ лучахъ могло бы взмутить его душу. Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ стонть Овидій къ древнимъ народнымъ вѣрованіямъ и преданіямъ. Дѣтъ не любитъ обращаться съ ними часто, а, касаясь мимоходомъ, очно также шутитъ напримѣръ съ Юпитеромъ, какъ шутитъ со всемъ прочимъ ³. Напротивъ Тибуллъ и здѣсь также точно строгъ и последователенъ: жалуюсь на боговъ при своихъ неудачахъ, онъ тотчасъ говоить выразить свое раскаяніе; вѣродныя вѣрованія находятъ у него амья увлекательныя описанія; его алегіи — эротическіе образы современнаго ему быдъ; но надъ этимъ вѣтъ постоянно духъ истой римской народности, со всеми ея убѣжденіями и предразсудками; и потому между прочимъ его алегіи могутъ быть во многихъ случаяхъ важнымъ источникомъ для изучающаго римскую религію того времени. Оба оидъ типическіе характеры Рима; но оидны — болѣе типъ Рима древняго, другой — типъ Рима юнаго, юнаго поколѣнія. Таковой характеръ, какъ характеръ Овидія, могъ возникнуть только тогда, когда одъ вѣтъ вѣтъ событий и образованій окончательно привелъ съ собою обобщеніе понятій, известную долю общечеловѣческаго сочувствія и —

Amor. I. II, El. II, v. 38: *aversor morum crimina: corpus amo.*

Amor. I. III, El. 14, v. 15 — 18:

*Quae facis, haec facito, tantum fecisse negato,
Nec pudeat ceram verba modesta loqui.*

*Est qui nequitiam locus exigit: omnibus illum
Deliciis imple; stet procul inde pudor.*

29, 30: *Da populo, da verba mihi, sine, hescius errorem;
Et liceat stulta credulitate frui.*

Amor. II, 1, 17 — 20:

*Claudit amica fores, ego cum Jove fulmen amisi,
Excidit ingenio Jupiter ipse meo.
Jupiter, ignoscas: nil me tua tela javabant;
Clausa tua majus javna fulmen erat.*

даже космополитизма. Отсюда мы выигрываемъ новую черту для характеристики Овидія: это представитель знаменитой переходной эпохи, поэтъ на половину уже италійскій, начальникъ будущихъ романскихъ поэтовъ, первый романикъ. Между тѣмъ какъ Тибуллъ тѣсно примыкалъ къ дружку Мессалы, окомо котораго собиралось по преимуществу все римское и національное, точно такъ, какъ вокругъ Мецената, по преимуществу сосредоточивалась симпатія къ греческому и общечеловѣческому (стоитъ упомянуть только Проперція и Горация): Овидій былъ одинаково близокъ ко всемъ замѣчательнымъ членамъ тогдашняго избраннаго общества. И въ этомъ высказывался его любезный характеръ, чуждый унаженности, сумевшій всегда сохранить свое благородство, и въ то же время поддержать миролюбивыя и дружескія отношенія. Тибуллъ, по своему происхожденію принадлежалъ къ тогдашнему благородному сословію всадниковъ; онъ былъ болѣе вѣроятный загородный сельскій помѣщикъ, нежели городской житель. А мы знаемъ, что въ разбираемый періодъ Римъ съ особенною любовью обращался къ полямъ Италіи, ея новостельямъ, ея земледѣльческому быту, деревенскимъ правамъ. Аристократическія начала давались за городомъ патриархальными. Здѣсь долго сохранялось уваженіе къ священнымъ повѣрьямъ, стариннымъ преданіямъ и суевѣрьямъ; здѣсь тамъ задушевная простота и близость къ природѣ. Здѣсь, въ этомъ недрѣ природы и родовомъ помѣстьѣ, воспиталъ Тибуллъ богатство своихъ идиллическихъ образовъ, естественность въ развитіи своего дара, простоту нрава, непосредственность воззрѣнія. Всѣ эти особенности сгруппировались и сглаживались въ центрѣ городской жизни, которой по преимуществу принадлежалъ Овидій по своей симпатіи; повторяемъ сказанное выше, — онъ былъ выразителемъ интересовъ обороннаго городского общества; этому призванію онъ не изменилъ ни разу въ своей дѣятельности, и увлекаясь порою особенностями Италіи, оставался все такъ вѣрноп своему основному типу; съ этой стороны мы не видимъ въ его произведеніяхъ никакихъ противорѣчій. Тибуллъ, этотъ пѣвецъ сельскаго счастья, тоже не былъ совершенно чуждъ городской жизни. Остроумный, во пѣскольکو злой, Гораций подмѣтилъ возникающую отсюда несообразность, — не въ поэтическомъ творчествѣ, а въ характерѣ и дѣйствіяхъ самаго поэта. Мы согласны вполне съ теми критиками, которые во второмъ стихѣ гораціевыхъ эподъ видятъ злоую и мѣткую пародію, или лучше сатиру на Тибулла. Въ этомъ знаменитомъ стихѣ (*creatus ille, qui p̄sul negotiis*....) дѣйствующимъ

¹ Грудыя, I, стр. 390 — 396.

лицомъ является ростовщикъ Алфій (Alfius), наминающий своимъ именемъ Албія Тибулла. Онъ разсуждаетъ самъ съ собою и, плыная прелестями мирной сельской жизни, описываетъ ихъ красками и даже порою стихами Тибулла; здѣсь между прочимъ является и наивный образъ хозяйки, заботливой по старинному, цѣломудренной, простой, загорьлой, такой образъ, который прекрасно соответствовалъ мечтамъ элегика о старинномъ золотомъ вѣкѣ, а съ другой стороны представляя комическую противоположность изящному образу Деиы, любимицы Тибулла. Увлеченный такими мечтами, ростовщикъ съ презрѣніемъ говоритъ о городскихъ привычкахъ, рвется на моно отрадной загородной жизни, готовъ сдѣлаться селяниномъ (*jam jam futurus rusticus*); къ идее собралъ онъ всѣ свои деньги для покупки помѣстьей, — и что же? при наступленіи календы капиталъ снова пущенъ въ ростъ и обороты. Такая сатира могла затронуть за живое Тибулла, любившаго блага городской и общественной жизни, и въ то же время въ своихъ элегіяхъ воспѣвавшаго рвательно-противоположные и несходные мотивы. И безъ того Гораций съ усмѣшкой напоминалъ ему часто, какъ будто нарочно, всѣ удобства жизни, которыми пользовался элегикъ¹; а подѣ часть онъ убѣждалъ его даже не слишкомъ гнѣваться и жаловаться². Все это конечно не роняетъ однако достоинства Тибулловыхъ произведеній. При всей естественности Овидія, или лучше самихъ его произведеній, мы замѣтили выше въ личныхъ воззрѣніяхъ поэта существенное противорѣчіе: таковъ ужъ былъ вѣкъ, которому суждено было не выпутываться изъ сѣти противорѣчій.

Рядъ собственно эротическихъ элегій заключается въ томъ произведеніи поэта, которое носитъ на себѣ имя «Любови» (*Amoriam*, с. III); за этимъ слѣдовало другое знаменитое произведеніе, того же содержанія, но дидактическаго тона, въ смыслѣ наставленій и правилъ: это — «Искусство любить» (*Ars amatoria* или чаще *amandi*, I. III). Оно-то возбуждало столько толковъ и навлекло въ послѣдствіи гоненіе на самого поэта; желая смягчить, если не изгладить дѣйствіе «Искусства» онъ издалъ «Врачеваніе любви» (*Remedia amoris*). Но дѣло преслѣдованія приостановилось только на время. Въ послѣдствіи, оправдывая увлеченіе молодости, Овидій страннымъ образомъ отдѣляетъ свою личность

¹ Hor. Epist. lib. I, ep. 4, v. 6 и дал.: «Боги дали тебѣ красоту, боги дали богатство и искусство имъ пользоваться. Какое лучше могла себѣ пожелать коринѣйка выкоржочка? Чего лучше? Онъ можетъ и умствовать и высказывать все, что чувствуетъ; онъ одаренъ въ обиліи и умѣемъ ласково уживаться съ друзьями, и славою, и здоровьемъ»....

² Hor. Sat. I, 33, 1: «полю, Албію, не горюй слишкомъ»....

отъ произведеній: онъ увѣрялъ, что личные его нравы или лучше личное поведеніе не похожи на стихи, что муза его шутивая, но жизнь скромна и безукоризненна¹. При всемъ видимомъ здѣсь противорѣчьи между словомъ и дѣломъ, какъ будто жизнь писателя можно отдѣлать отъ произведенія, и самое его слово не есть уже дѣло, при всемъ томъ, не осуждая злѣтій поэта, мы должны признаться, что въ самомъ дѣлѣ жизнь его была безукоризненна, то-есть если смотреть на нее съ точки зрѣнія того времени.

Сравненіе съ Тибулломъ характеризуетъ для насъ и разбираемую эпоху, и въ особенности лице поэта; оно пригодится намъ и впоследствии, когда придется сравнивать Овидія съ другими, старшимъ его, писателемъ. Въ этой послѣдующей характеристикѣ откроемъ мы подобныя же черты, хотя при другихъ условіяхъ и въ другомъ отношеніи.

Жизнь Овидія текла мирно; схоронивъ своихъ старшихъ современниковъ, между ними Тибулла и Вергилія, оплакавъ Горація и Проперція, женившись въ третій разъ и уже пристроивши дочь, онъ трудился надъ «Метаморфозами» и «Фастами», когда внезапно поразилъ его роковой ударъ изгнанія. Безспорно, вѣдшимъ поводомъ и уликой была та нескромность, которую допустилъ онъ въ своемъ «Искусствѣ любви»; но во-первыхъ — съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, первое впечатлѣніе смягчилось, толки затихли; да притомъ же эта мнимая непристойность не переменяла современныхъ тогдашнихъ нравовъ, изображеній Горація и другихъ поэтовъ, ни даже любимыхъ стихиковъ самого Августа; глухо и темно, но часто намекалъ самъ поэтъ на истинную причину строгости. Ни ближайшіе послѣдователи, ни современные намъ ученые не уяснили тайны. Догадки однихъ указывали на преступныя или по крайней мѣрѣ неумѣстныя отношенія къ Юліи, внучкѣ Августа²; другіе указываютъ, гораздо вѣроятнѣе, на заговоръ въ пользу Агриппы Постума и мстительность Ливіи и Тиберія³; наконецъ третьи, и кажется справедливѣе всѣхъ, не уясняя положительно указаній Овидія, довольствуются только опроверженіемъ невѣроятнаго⁴. Какъ бы то ни было, Овидія постигло изгнаніе; никакія скорб-

¹ Trist. lib. II, 353, 354:

Credo mihi mores distant a carmine nostro;
Vita verecunda est, musa jocosa mihi.

² Изъ новѣйшихъ писателей это мнѣніе нашло себѣ особеннаго защитника въ В. А. Шмидтѣ.

³ Villon ouït, Vie d'Ovide, очень остроумное сужденіе, почерпнутое изъ Biographie universelle въ изданіи Лемера.

⁴ Ovidii vita, per Joh. Masson, ed. Le Maire, vol. VIII; доселѣ пользовавшійся сборникъ фактовъ.

ныя жалобы и мольбы о заступленіи и ходатайствѣ не возвратилъ ему отечества. А между тѣмъ, уязвая, онъ оставалъ неоконченными Фасты, тотъ трудъ свой, въ которомъ показалъ такъ много, опытности и искусства его созрѣвшій талантъ. Это новое произведеніе Овидія совсѣмъ уже не похоже было на прежнія элегіи. Самъ поэтъ давленъ порою, какимъ образомъ онъ, бывший пѣвецъ любви, могъ перейти къ такому важному труду¹. Разгадка вопроса заключается главнымъ образомъ въ созрѣвшемъ лѣтахъ и возмужавшемъ талантѣ. Тотъ типъ художника, который видѣли мы въ элегическихъ опытахъ юности, омывъ теперь въ чертахъ своихъ, въ опытахъ стѣжалъ умѣнье владѣть собою, и не теряя прежней гениальности, почувствовалъ силу и возможность подчинить своему творчеству предметъ болѣе важный, предметъ родной исторіи и жизни, и притомъ жизни высшей, религиозной. Въ такой прекрасный трудъ былъ прерванъ изгнаніемъ! Художникъ не могъ не выразить о томъ глубокой скорби: действительно, между грустными сожалѣніями, которые выразилъ поэтъ вскоре послѣ отъѣзда, въ одномъ изъ обращеній къ Августу, мы встречаемъ очень замѣчательное мѣсто, проливающее свѣтъ на многія стороны Фаста²; Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ указаніе на число написанныхъ книгъ. Известно, что число дошедшихъ до насъ ограничивается шестью, которые относятся къ первымъ шести мѣсяцамъ, начиная отъ января до августа, притомъ такъ, что каждый изъ мѣсяцевъ занимаетъ одну книгу. Относящіяся сюда слова Овидія въ дошедшемъ мѣстѣ довольно темны и позволяютъ разныя противорѣчающія догадки. На основаніи ихъ одни допускаютъ, что Овидіемъ ~~столько~~ написано всѣ двѣнадцать книгъ, о цѣломъ годѣ (*sex totidemque* — шесть и шесть), — но что послѣднія шесть для насъ затеряны въ позднѣйшее время; это мнѣніе не выдерживаетъ однакожъ строгой критики³. Другое

¹ Fast. II, 2 — 9: «Теперь въ первый разъ ты идешь, элегическій стихъ, на пору- сакъ болѣе широкій; еще недавно я помню, ты занятъ былъ дѣломъ неважнымъ и малымъ, да, ты херонъ и ловко послужилъ мнѣ въ свое время, когда я вое- чивалъ любовь; это было въ ту пору, когда первая юность играла твоимъ сма- домъ. И вотъ я же, тогъ саміи, дою теперь священнодѣйствія, свои празднества, обещанные въ Фастахъ. Кто бы повѣрилъ, что съ прежней дороги можно обра- титься на ту, по которой теперь иду я?»

² Вотъ это мѣсто (Trist. I. II, v. 549 — 552):

«Sex ego fastorum scripsi totidemque libellos
Cumque ano finem mense volumen * habet;
Idque tuo nuper scriptum est nomine, Caesar,
Et tibi sacratum sors mea rupit opus».

³ Таково было господствующее мнѣніе старинныхъ исследователей Фаста.

* Libellus.

мирие, более основательное, ищетъ въ виду преимущественно тотъ стихъ, въ которомъ говорится, что роковая судьба прервала начатый трудъ (*gurit*), утверждаетъ, что Овидій успѣлъ написать только шесть первыхъ книгъ¹; по такое толкованіе не исключаетъ некоторыхъ сомнѣній, ибо затрудняется при объясненіи указаннаго Овидіемъ числа двѣнадцати, а не шести. Если не предположить порчи текста въ приведенномъ мѣстѣ, то его можетъ-быть следовало бы объяснить такъ: подъ двѣнадцатую книгами разумѣть поэтъ неполные и набросанные очерки, трудъ, который въ своей окончательной обработкѣ и отдѣлкѣ прерванъ былъ изгнаніемъ; впоследствии, въ некоторыхъ частяхъ своихъ, и особенно первой книгѣ, онъ былъ окончательно отдѣланъ, но перешелъ къ потомству только въ шести книгахъ, и погибъ въ остальныхъ, быть-можетъ только очерченныхъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы не настаиваемъ на объясненіи нашемъ и переходимъ къ генетическому изслѣдованію, которое прольетъ свѣтъ на всю композицію труда². Поводъ къ этому даетъ намъ опять приведенное выше мѣсто, свидѣтельствуя, что трудъ совершенъ былъ, или лучше, основанъ и очерченъ, недавно предъ изгнаніемъ, *не задолго* (*paucis*), подъ именемъ Августа (*sub nomine*), которому былъ посвященъ (*dedicatum*). Еще до Овидія, Проперцій, его старшій современникъ и имитаторъ, павиль въ известную подъ именемъ пятой книги элегій, гдѣ имѣетъ въ виду *воспѣть овлеченнодѣйствія, ихъ для древня прозвѣща мѣста*³: очень не мудроно, что нашъ поэтъ, признававшій себя преемникомъ Проперція⁴, обратился къ тому же дѣлу, поставивъ себѣ кромѣ того можно объяснить причины известныхъ религіозныхъ дѣйствій, тамъ

¹ Гирингъ въ своемъ изданіи и Массонъ въ жизни Овидія.

² Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что слѣдующія замѣчанія наши основываются главнымъ образомъ на проницательнѣйшемъ изслѣдованіи Меркеля, изданномъ въ Берлинѣ 1841 г. Оно представляетъ во-первыхъ на основаніи многихъ списковъ очищенный текстъ Фастъ; потомъ подробное изысканіе объ ихъ вѣдѣніи при сравненіи свидѣтельствъ Овидія съ источниками того же рода; далѣе композицію произведенія, и наконецъ исторію рукописей. Оно отличается огромною ученостію и строгимъ изученіемъ содержанія Фастъ, но ему недостаетъ систематическаго порядка, а по мѣстамъ и легкости въ латинскомъ языкѣ. Непріятна также заклатая вражда противу всякихъ толковъ о живомъ и поэтическомъ элементѣ произведенія. Кромѣ того мы пользовались изданіемъ Гиринга (Лейпцигъ 1812—14). Текстъ здѣсь не совсѣмъ исправенъ, объясненіе выражений не всегда основано на точномъ изученіи языка, но за то смесеніе съ другими писателями и обильный перифразъ прекрасно облегчаютъ пониманіе содержанія, а подробнѣйшій указатель (*Index*) содержанія (*regium*) и самихъ словъ и выраженій (*verborum*), занимающій весь второй томъ, составляетъ истинный кладъ для изучающаго.

³ El. I, v. 69.

⁴ Trist. II, 463—467.

болше, что къ подобному же труду былъ вызванъ и другъ его Сабинъ, оторванный отъ продолженія дѣла раннею смертію¹. Сюда присоединилось еще особенное, чрезвычайное сильное побужденіе, которое чуждо было Проперцію: въ 13 году до Р. Х., 741 году города, Августъ по смерти Лепида получилъ санъ верховнаго жреца (*Pontifex maximus*), послѣ чего, особенно съ 746 года города, послѣдовало много измѣненій въ религіозномъ поклоненіи и фаствахъ. Тогда-то Овидій обратился къ своему новому произведенію, послѣ Героидъ и эротическихъ элегій, во всякомъ случаѣ не позже, какъ вскорѣ за 744 годомъ города². Собственно же онъ имѣлъ досугъ заняться фастами ввроятно около 752 г. города, окончивши «Искусство любви», ибо къ этому времени относятся уже известный рядъ упоминаемыхъ имъ событій³. Его возрастъ былъ въ годахъ 41 — 42, и съ этой эпохи мы можемъ слѣдить современность некоторыхъ обозначаемыхъ обстоятельствъ, въ теченіи десяти лѣтъ, т. е. до эпохи изгнанія, предъ которою, по свидѣтельству выше приведеннаго мѣста (*inter*), особенно и преимущественно занятъ онъ былъ обработкой труда. Пять послѣднихъ книгъ изъ числа дошедшихъ до насъ, заключаютъ много пропусковъ, въ своихъ обращеніяхъ къ Цезарю постоянно предполагаютъ Августа, а не Германика, и почти безъ всякаго сомнѣнія представляются намъ въ томъ самомъ видѣ, какой имѣли въ годъ изгнанія. Между тѣмъ первая книга вся переправлена; здѣсь указываются уже: путь въ мѣсто изгнанія; самое изгнаніе; обстоятельства, за нимъ послѣдовавшія, какъ-то — посвященіе храма согласія, побѣда надъ Сигамбрами Тиберию, усыновленіе Ливіи подъ именемъ Юліи Августы⁴. Рассказываются даже некоторыя событія 768 г. города. Упоминается объ Августѣ, но уже объ умершемъ; наконецъ о Тибериѣ, хотя немного и неохотно⁵. Все такимъ образомъ доказываетъ, что не успѣвъ обработать слѣдующихъ пяти книгъ, Овидій, занимаясь въ изгнаніи отдышкой «Метаморфозъ», переправилъ и первую книгу «Фаствъ», а главное, она посвящена уже Германику, и о немъ часто идетъ рѣчь⁶. Обращаясь къ Германику, она переводитъ на него же и всѣ тѣ воззванія къ цезарямъ, которымъ встрѣчаются въ послѣдующихъ пяти книгахъ, такъ что въ

¹ Ех Р. IV, 16, v. 15, 16.

² F. II, 282. Оноснй изъ Фаствъ мы дѣлаемъ по изданію Гиррига.

³ Намекъ на старшую Юлію въ изображеніи Клавдія, прозваніе Августа отцемъ отечества, посвященіе храма Марсу жегителю, и т. д. Подробности объ этомъ у Мерцеля, стр. CCXIV — CCXIX.

⁴ 389, 390; 482 и дал., 540, 639 и дал.; 645 и дал.; 536.

⁵ 529, 530; 531—35; 613, 645, 287, 701, 721.

⁶ Первыя 26 стиховъ первой книги Фаствъ; далѣе 265—6, 701, 714, 721.

нихъ разумѣйте кого хотите, Августа по первоначальному смыслу, Германика вслѣдствіе посвященія первой книги. Противорѣчіе вопіющее; но голось обвиненія едва ли осмѣлятся осудить поступокъ поэта: шестидесятилѣтній старикъ, оторванный отъ родныхъ, отъ общества, отъ города и отчизны, напрасно обращался къ Августу съ горькими жалобами, и, роняя былую бодрость таланта, въ уничиженныхъ посланіяхъ просилъ ходатайства прежнихъ друзей своихъ.

«Жалобы» Овидія (Tristium I. V) и его «Письма изъ Понта» (ex Ponto I. IV) представляютъ рядъ элегій, въ которыхъ измѣлась скорбная душа изгнанника. Замѣчательно, что поэтъ окончилъ поприще своей дѣятельности тѣмъ же, чѣмъ началъ, — элегіей. Но между первой и послѣдней было много различія: тамъ живые интересы настоящаго, здѣсь одни воспоминанія; тамъ любовь, здѣсь грусть и отчаяніе; тамъ искусство во всемъ цвѣтѣ юности, здѣсь ослабѣвшія силы художника, оторваннаго отъ той городской и общественной сферы, въ которой одной только могла находить пищу его симпатія. Еще болѣе: здѣсь на первомъ планѣ уже не художникъ, а человекъ, съ его страданіями. Одного изгнанія было мало: въ отсутствіе поэта мелкіе враги и завистники подняли голову. Напасть на произведенія Овидія можно было съ одной только стороны: упрекали его поэзію въ излишней легкости, въ недостаткѣ значенія и вѣса. Въволнованный художникъ отвѣчалъ колкою правдой: онъ отвѣчалъ, что по крайней мѣрѣ теперь, въ настоящемъ его положеніи, нельзя найти прежняго недостатка; «горе придало словамъ его тяжесть». Таковъ смыслъ его «Ибиса» (Ibis), желчнаго и ѣдкаго отвѣта обвинителямъ. Съ этой же стороны нельзя не видѣть нѣкотораго сходства между первыми и послѣдними элегіями поэта: и тѣ и другія отданы сполна лачной страсти. Но въ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе вопіющей и горькой правды. Примѣръ замѣчательный въ исторіи классической литературы! Онъ замѣчателенъ потому, что въ римской элегіи впервые высказывалось теперь грустное чувство безъ всякой поддѣлки, безъ всякой фикціи, на основаніи дѣйствительнаго и глубокаго несчастія; онъ замѣчателенъ еще и потому, что древняя Греція могла выставить съ своей стороны подобное же явленіе. Тамъ былъ Теоогнидъ, изгнанникъ Мегары, долго блуждавшій за предѣлами своего роднаго города, не разъ среди изгнанія пытавшійся выразить порывы своего оскорбленнаго чувства въ формѣ элегическаго стиха. Но это былъ изгнанникъ за свои суровыя аристократическія убѣжденія; онъ дождался наконецъ возврата на родину: Овидій ждалъ напрасно. Августъ умеръ, Ливія и Тиберій явились во главѣ государства: поэтъ скоро замолкъ, указывая бытъ можетъ тѣмъ истинную причину изгна-

пія. Но вотъ въ 770-мъ году города несется слухъ, что Германикъ отправляется на Востокъ; онъ будетъ вѣроятно близко отъ страны изгнанника; надежда воскресла въ душѣ на основаніи прежнихъ воспоминаній. Овидій остановился еще разъ на Фастахъ, трудъ лучшихъ, зрѣлыхъ лѣтъ своихъ, того времени, когда въ художникъ затихли волненія юности, а на свѣжесть таланта еще не посягала рука тяжелой судьбы. Онъ снова пересмотрѣлъ, переправилъ первую книгу; въ послѣдній разъ проснувшаяся энергія вылилась въ горячихъ воззваніяхъ къ Германику. Но и это было напрасно: онъ не дождался лучшей участи. Пустынная страна была свидѣтельницею смерти одного изъ величайшихъ представителей римскаго творчества.

Теперь мы уже довольно приготовлены для того, чтобы приступить къ специальному изученію избраннаго нами произведенія Овидія. Мы уже приобрѣли себѣ общее понятіе и о характерѣ той эпохи, въ которую жилъ Овидій, и о личномъ характерѣ самого поэта. До-знанное нами значеніе Овидія, какъ поэта позднѣйшаго, и если народнаго, то народнаго не въ простомъ и первобытномъ смыслѣ, да-ле какъ такого лица, котораго черты успѣли мы разсмотрѣть среди самой жизни и окружавшей дѣйствительности, это значеніе приводитъ насъ къ тому естественному убѣжденію, что свидѣтельства Овидія не должны быть принимаемы легковѣрно и на слово, но требуютъ строгаго анализа для открытія истины. Прямо и непосредственно нельзя на нихъ положиться; не говоримъ, что они невѣрны, но говоримъ, что ихъ нужно очистить, поставить въ той формѣ, въ томъ аппаратѣ и свѣтѣ, въ какомъ они могли бы намъ говорить сушую правду, а мы могли бы ей надежно повѣрить. Обращаясь къ разрѣшенію этой задачи, мы намѣрены сначала разсмотрѣть, какія свѣдѣнія авторъ имѣлъ и сообщилъ намъ, или иначе *что* служить содержаніемъ его показаній, и потомъ — *какъ* онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ, каковы его приемы, и искусство, и каковъ образъ пониманія римской религіи.

Названіе *Фастъ*, *Fasti*, имѣетъ корнемъ своимъ *fa*, являющееся въ греческихъ словахъ *φαῖω*, *φημί*, говорю, и латинскихъ *fari*, говорить, сказывать, *fatum* — рокъ. Такимъ названіемъ обозначались въ Римѣ тѣ дни (*dies fasti*), когда преторъ могъ произносить извѣстныя слова, составлявшія необходимую форму и принадлежность его суда и расправы. Роспись такихъ дней, столь важная для всей общественной жизни, находилась въ рукахъ жрецовъ (*pontifices*) и была следовательно доступна только патриціямъ, пока Кней Флавій, письмоводитель верховнаго жреца Аннія Цека (*Caecus*), въ 449-мъ году города, не обнародовалъ ее для всѣхъ. Мало по малу роспись расширилась, прини-

мая въ себя, изчисленіе праздниковъ и всякихъ особенно замѣчательныхъ событій, такъ что въ послѣдствіи имя *фастъ* сдѣлалось синонимомъ всякаго календаря, въ какомъ бы то ни было отношеніи: были календари съ обозначеніемъ главныхъ правительственныхъ лицъ (*fasti consularis* или *magistratum*); были календари сельскіе (*f. rustici*), сообщавшіе свѣдѣнія, необходимыя для поселянина и земледѣльца, и т. д. — Но собственное названіе *фастъ* осталось по преимуществу за тѣми, которые отмѣчали дни въ отношеніи къ судопроизводству и религіозному значенію, ибо то и другое связывалось взаимною зависимою. Овидій въ некоторыхъ мѣстахъ своего труда не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи касательно этого предмета¹. Дополнивъ его показанія свидѣтельствами другихъ писателей, мы узнаёмъ, что собственно *фастами* (*fasti*) въ позднѣйшее время назывались дни, когда дозволялись суды (*judicia*); дни *коллеціальные* (*comitiales*) сверхъ того допускали собранія народа и сената; далѣе, имъ противопоставлялись *нефасты* (*nefasti*) въ обширномъ смыслѣ, т. е. дни *религіозные* или *черные*, воспрещавшіе всякое общественное отправление, за исключеніемъ крайней необходимости, и *нефасты въ тѣсномъ смыслѣ*, возбранявшіе только судилища; наконецъ были дни, неблагопріятные только отчасти, въ извѣстные часы, и т. п. (*nef: parte* или *prigore*). Такое значеніе дней зависѣло отъ ихъ мѣста въ порядкѣ текущаго мѣсяца, отъ различныхъ воспоминаній и религіозныхъ учрежденій, съ ними сопряженныхъ, и т. д. Календари обозначали ихъ начальными буквами, изрѣдка прибавляя некоторыя объясненія и подробности, и то большею частію въ одномъ загадочномъ для потомства заглавіи. Темнота и сухость составляютъ такимъ образомъ ихъ главное отягченіе; вырѣзывались они обыкновенно на какихъ нибудь таблицахъ и продолжали являться съ послѣднихъ временъ республики до конца среднихъ вѣковъ. Язычество долго укрывалось въ Италіи и однимъ изъ главныхъ ходячихъ его памятниковъ были безъ сомнѣнія такого рода *фасты*, гдѣ рядомъ съ древними астрономическими данными и указаніемъ современныхъ событій стояли иногда имена языческихъ боговъ и празднествъ; здѣсь напримѣръ имя *Оссевальда* встречаемъ мы порою подлѣ *Сифакса* и *Газдрубала*², и, судя по словамъ календаря, можно бы было подумать, что въ его время побѣжденъ былъ *Фламиній* и праздновались еще торжества *Ларовъ* и *Квирина*. Впрочемъ обыкновенно такія таблицы, за исключеніемъ позднѣйшихъ, смѣшанныхъ, свидѣлствуютъ только о *своемъ* времени.

¹ Г. I, 45 — 60; II, 557 и дал.; VI, 221 и дал.; 766 и дал. app.

² См. у Мермеля р. LVIII, *Calendaria e membranis*, и др.

Важность их отърывается изъ того, что мы находимъ здѣсь не только опредѣленія времени и мѣста известныхъ историческихъ событій и учреждений, но даже узнаемъ и то, какъ смотрѣть на нихъ народъ и цѣнили ихъ. И если бы въ последнее время республики взялъ на себя подобный трудъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ ученыхъ, которыхъ тогда бывало довольно, то это было бы одно изъ величайшихъ сокровищъ для историка. Къ несчастію въ то время у Римлянъ господствовало еще плохое и невѣрное раздѣленіе года и дней, равно какъ сбивчивость въ календарь. Древнѣйшій изъ сохранившихся до насъ памятниковъ такого рода есть календарь *маффеанскій* (*fasti Maffearum* или *Calendarium maffearum*, мраморная таблица, найденная около 1547 г., находившаяся во дворцѣ Маффеи, потомъ пропавшая, но нѣсколько разъ списанная¹⁾). По нѣкоторымъ признакамъ его относятъ ко времени

¹ Въ первый разъ эти фасты изданы Альдомъ Мануціемъ Ep. Orphogr. p. 209. По мнѣнію Меркеля, ученаго издателя Фастъ Овидія, лучший списокъ ихъ сдѣлалъ Пигиетъ (Pigh.); Меркель издавъ этотъ списокъ; но въ *Speculum Romanae magnificientiae* помѣщенъ fac-simile, значительно отличающійся отъ списка Пигиета и довольно согласный съ текстомъ маффеанскихъ Фастъ, изданнымъ у Грутера *Thesaur.* p. 133. Это заставляетъ сомнѣваться въ авторитетѣ Пигиета (см. *Becker-Hdb. d. Röm. Alterth.* 4. p. 749). Маффеанскій календарь издавъ также въ Ореллиевомъ собраніи отборныхъ надписей Vol. II, p. 382. и у Целля *Hdb. d. Röm. Epigraphik* 1, p. 58. Выписываемъ для образца первые 15 дней января мѣсяца:

Текстъ маффеанскій.

Объясненіе.

1-я нундіа:

A. K. Jan. F.
B. F.
C. C.
D. C.
E. Non. F.
F. F.
G. C.
H. C.

1-й день Kalendae Januariae. Fastus.
2-й д. Fastus.
3-й д. Comitialis.
4-й д. Comitialis.
5-й д. Ионы Fastus.
6-й д. Fastus.
7-й д. Comitialis.
8-й д. Comitialis.

2-я нундіа:

A. Agon.
B. En.
C. Car. NP.
D. C.
E. Id. NP.
F. En. Dies Vitios.
Ex. S. C.
G. Car.

1-й д. Agonalia.
2-й д. Endotercisus.
3-й д. Carmentalia Nefastus Parte.
4-й д. Comitialis.
5-й д. И (см. Nefastus Parte).
6-й д. Endotercisus.
Dies vitiosus. Ex Senatus Consulto.
7-й д. Carmentalia.

Второе мѣсто занимаютъ *Fasti Praenestini*, найденные въ 1774 г. въ теперешней Палестринѣ, древней Praeneste. Они были составлены и отчасти объяснены знаменитымъ грамматикомъ времени Августа Верримъ Флаккомъ, но къ сожалѣнію объясняютъ только мѣсяцы декабрь и отъ января до апрѣля, но и тѣ не полные; отъ февраля напр. осталась только одна замѣтка. Изданы ученымъ Фоджикии. *Roma.* 1781. fol. и въ Вольфовомъ изданіи Светонія. Кромѣ этихъ двухъ важнѣй-

Августа, именно не древнѣе 757-го года города, и не позднѣе 759-го. Такимъ образомъ, по времени, съ намъ близко соединяются Фасты Овидія. Разсматривая тотъ и другой памятникъ вмѣстѣ, мы приходимъ къ тому заключенію, что хотя они несравненно точнѣе и многозначительнѣе всѣхъ послѣдующихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ того же рода, но при всемъ томъ не замѣняютъ для насъ вполне такихъ памятниковъ, которые желали бы мы имѣть изъ времени республики. Хотя ихъ эпоха еще не была временемъ окончательнаго паденія, по она все-таки была уже временемъ ослабленія и разстройства римскихъ религиозныхъ учреждений; и мы знаемъ положительно, что Цезарь, исправившій календарь, и Августъ, измѣнившій во многомъ составъ и теченіе празднествъ и обрядовъ, — обстоятельство, послужившее главнымъ поводомъ Овидіева труда, — тѣмъ самымъ исказили прежнюю чистоту ихъ и древній смыслъ. И тотъ и другой великій цезарь странно обошлись съ календаремъ римскимъ: мѣсяцы получили ихъ имена; забыты или заслонены многія древнія празднества, и во всемъ блескъ выступили торжества новыя, относившіяся къ обстоятельствамъ жизни, побѣдамъ цезарей и т. д.; многіе обряды обширно развиты или сокращены и унижены, смотря по своей близости къ смыслу политическихъ событій или къ обстоятельствамъ фамиліальныхъ священнодѣйствій и привычекъ; по выраженію Діона¹, Августъ иногда однимъ предписаніемъ, однимъ, такъ сказать, взмахомъ, разрывалъ самыя крѣпкія связи настоящаго и прошедшаго. Такъ дни нѣкоторыхъ игръ отданы собраніямъ сената, и такимъ образомъ изъ неастановъ обращены въ фасты. Причина, говорятъ, была та же, которая заставила, кромѣ древняго римскаго форума, устроить новые форумы Юлія и Августа: умноженіе дѣлъ судопроизводства, ббльшая широта ихъ и сложность. Дѣйствительно форумъ Августа такъ спѣшили открыть, что недождались даже посвященія Марсова храма, составлявшаго религиозную основу мѣста (*τέμενος*): а между тѣмъ со-

шихъ, есть еще календари Amiterninum, Antiatinum, Venusinum, Capranicorum, Pincianum, Esquilinum, Vaticanum, Farnesianum, Albanum и наконецъ, уже изъ временъ Констанція, т. н. Calendar. Lambecianum, находящійся въ Вѣнѣ. Всѣ отрывки собраны у Орелли II, p. 379. Недавно напечатаны отрывокъ изъ Calendarium Sumanum, одна часть котораго теперь въ Римѣ, а другая въ Неаполѣ. См. Mommsen въ *Bullett. dell' Inst. arch.* 1846 p. 78. Zell *Hdb. d. röm. Epigr.* p. 59. Всѣ отмѣтки относятся къ дому Цезаря. Особый разрядъ составляли *fasti rustici*, — въ которыхъ означались сельскія празднества и дни, важныя для земледѣльца. Таковъ *Calendarium rusticum* Farnesianum, теперь въ Неаполѣ, четырехсторонній камень, на каждой сторонѣ по три мѣсяца; напечатанъ у Грутера, Орелли, Целля и въ Геснеровыхъ *Scriptores rei rusticae*.

¹ 53, 2; — *οὐδ' ἐνδὸς προγράμματος κατέλυσα.*

брація сената были опредѣлены только два раза въ мѣсяцъ! Дѣло испукалось развѣ тѣмъ, что при самыхъ собраніяхъ учреждены вновь разныя торжественныя священнодѣйствія? Но, какъ бы то ни было, отъ новыхъ постановленій сильно потеряла почтенная древность, и многого, чтѣ мы хотѣли бы знать, мы не узнаемъ изъ фастъ времени Августа. Впрочемъ Овидій въ этомъ отношеніи нерѣдко радуется изслѣдователя. Сравнивая фасты маѳеанскіе съ Овидіевыми, мы находимъ, что между тѣмъ какъ первые представляютъ намъ отчетъ объ одномъ своемъ времени, т. е. о томъ состояніи учреждений, которое приведено было постановленіями Цезаря и Августа, Овидій обозначаетъ иногда древніе и вышедшіе изъ употребленія обычаи¹. Но съ другой стороны маѳеанскіе фасты сохранили для насъ почти цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ, тогда какъ Овидій оставилъ только шесть книгъ и даже въ нихъ допустилъ нѣкоторые пропуски.² Впрочемъ какъ ни важна такая полнота маѳеанскихъ фастъ, какъ ни вѣрно то, что они указываютъ иногда заглавными буквами основаніе и причину того или

¹ Такъ напр. F. III, 883, 884. въ послѣдній день марта мѣсяца, Овидій упоминаетъ празднество Лунѣ на холмѣ Авентинскомъ, что опущено календаремъ маѳеанскимъ, ибо отнеслось къ отдаленной древности и почти забыто было временемъ Августа. Далѣе въ июль, F. VI, 199—210, Овидій упоминаетъ посвященіе храмовъ Беллонѣ и Геркулесу, но опять, по тѣмъ же причинамъ (посвященіи эти уже не пренятовали комціямъ) не найдемъ мы такого указанія въ таблицахъ маѳеанской.

² Здѣсь дѣло идетъ еще не о дополненіяхъ къ Фастамъ, но о томъ, пропускалъ ли Овидій обстоятельства и случаи для вѣрной отмѣтки нѣкоторыхъ дней, *fastus* или *nefastus*, и т. п., другими словами вѣрно ли онъ обозначалъ различіе дней, и не опускалъ ли нѣкоторыхъ событій, сообщавшихъ извѣстному дню то или другое значеніе. Въ этомъ отношеніи, при самомъ строгомъ сліченіи Овидія съ другими сохранившимися намъ показаніями писателей, открывается у него не болѣе, какъ пять, шесть пропусковъ, и то самыхъ неважныхъ, легко извинимыхъ, и относящихся болѣею частію къ событіямъ и обстоятельствамъ дома цезарей (см. Мермеля стр. XXXVIII 34.). Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Овидій поставленъ былъ часто въ затруднительное положеніе, и вотъ примѣръ. Иды марта были временемъ убійства Цезаря; триумвиры, по очень извѣстнымъ побужденіямъ, особеннымъ адянтомъ сдѣлали этотъ день чернымъ и религіознымъ, однимъ словомъ неfastомъ; между тѣмъ Августъ, желая дать нѣкоторые предѣлы слишкомъ распространявшейся лести, а вѣроятно — желая обратить народное вниманіе болѣе на себя, уничтожилъ такое постановленіе. Овидій былъ поставленъ въ тупикъ: нужно было слушаться, а между тѣмъ жаль было опустить случай сказать отъ себя приличное слово. Тадавъ вывелъ изъ затрудненія: въ концѣ 3-й книги (T. III, 697—710) поэтъ говоритъ: «я готовъ былъ пропустить печальное событіе; но является Веста и съ своихъ чистыхъ жертвенниковъ обращаетъ ко мнѣ свое слово: не колеблись припомнить; это былъ мой жрецъ, и святотатственный дланіи мени искази поразити; но сама я похитила мужа.... не Цезарь палъ, пала тѣмъ его, а онъ на небѣ хранитъ жилище Юпитера (переводимъ приблизительно).

другаго дѣя, почему онъ *fastus* или *nefastus* и т. п., — все-таки объясненія Овидія несравненно обильнѣе, подробнѣе, шире, доступнѣе и понятнѣе.

Но особенно важна видимая достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ Овидіемъ, неуступающая достовѣрности оффиціального документа. Овидій не чуждался, какъ ясно показываетъ его произведеніе, тѣхъ историческихъ и пособій, которыя могли пролить свѣтъ на его дѣло, тѣхъ занятій, которыя мы иногда отдаемъ безъ раздѣла ученымъ, оставляя на долю художниковъ одну мощь таланта, безспорно значительную, но скудную при бѣдности въ свѣдѣніяхъ и средствахъ образованности. Въ рукахъ изучающаго перебивали фасты, составлявшія собственность различныхъ мѣстностей Италіи¹; три, четыре раза долженъ былъ иногда Овидій перебирать ихъ показанія, чтобы достигъ чего нибудь вѣрнаго и положительнаго; не разъ отсылаетъ онъ сюда для справокъ недовѣрчиваго читателя². Это были однако дополненія, составлявшія нѣкотораго рода роскошь; Овидій называетъ такого рода фасты *иностранными* (*peregrinos Fastos*)³: собственная задача труда сосредоточивала изслѣдователя въ Римъ, какъ центръ и источникъ тогдашнихъ учреждений. Куда бы ни обернулся здѣсь образованный чело­вѣкъ съ запросомъ специальныхъ свѣдѣній и объясненій, онъ на каждомъ шагѣ могъ встрѣтить множество данныхъ. Слѣды источниковъ, послужившихъ Овидію, не трудно открыть въ его произведеніи: таковы генеалогическія таблицы и изображенія предковъ какого либо знаменитаго рода⁴; таковы семейныя и домашнія учрежденія и обряды⁵; таковы монеты, надписи, таблицы, картины⁶. Но все это ничто предъ тѣмъ множествомъ обрядовъ и учреждений, которое представлялось испытующему взору Овидія со всемъ своимъ разнообразіемъ, со всеми подробностями, со всеми уясняющими обстоятельствами, со всею наглядностію положительнаго факта. А пособія въ сочиненіяхъ

¹ Т. I, 11, 12: *pictos signantia fastos*; 61: *totis haerentia fastis*; III, 87—97: упоминаются фасты Албанскіе, Фалисковъ, Герниковъ, Арицинскіе, Тускуланскіе, фасты Лаврентовъ, Фивовъ, Сабиновъ, Пеллиновъ; VI, 59—69: ссылается на свидѣтельства фасты Арицинскихъ, Лаврентскихъ, Ланувійскихъ, Тибуртинскихъ, Пренестинскихъ.

² Т. I, 657, 658: *ter quater evolvi signantes tempora fastos*; еслибы это былъ даже одинъ поэтический оборотъ, то и тогда онъ служилъ достаточнымъ показаніемъ. См. ссылки, приведенныя выше.

³ III, 87 и дал. «*quod si forte vacas, peregrinos inspice fastos*».

⁴ *Tituli et Imagines*: I, 591, 592; VI, 21, 22; 44.

⁵ *Domestica sacra*: I, 9, 10; 601 и дал.

⁶ I, 229, 230 и дал.; III, 831, 832; V, 561—569; VI, 212 и г. д.

прежнихъ и современныхъ? Собирая некоторыя дошедшія до насъ указанія, и въ особенности читая Макробія, мы, безъ преувеличенія, поражаемся множествомъ именъ и названій: столько писателей, столько огромныхъ сочиненій относилось къ изслѣдованію римскихъ религіозныхъ древностей, къ объясненію современныхъ учреждений, обрядовъ, празднествъ, начиная отъ простѣйшихъ изложеній извѣстнаго календаря, до подробнѣйшихъ изслѣдованій о мелочныхъ данныхъ, о каждомъ названіи, о каждой сколько набудь извѣстной чертѣ¹. И нужно замѣтить, что всѣ главнѣйшіе и лучшіе изъ такихъ изслѣдователей были по большей части или недавними предшественниками, или современниками Овидія. Тѣмъ не менѣе однакожь если бы кому ишбудь пришла мысль, что Овидій заимствовалъ все содержаніе своего труда прямо изъ такихъ богатыхъ литературныхъ пособій, то нужно сознаться, что эта мысль была бы очень неудачна и очень некстати². Факты и событія были одинаково на лицѣ, и предъ Овидіемъ, и предъ другими учеными, да и образованность, какъ способность болѣе или менѣе вѣрнаго взгляда

¹ Изчислять всѣ эти имена и заглавія было бы совершенно излишне; но для желающихъ можно привести нѣсколько: *Fulvius Nobilior* и *Varus Flaccus* излагатели календаря; *Cincius* написалъ одну книгу, *Cornelius Labeo* множество книгъ для объясненія Фастъ; *Nisus* — *commentarii fastorum*; *Masurius Sabinus fastorum l. II*; *Iulius Modestus, de feriis*; *Clodius Tuscus* — *fastos Astronomicos*; *Iunius Gracchanus* — *commentarii fastorum*; онъ и *Fulvius Nobilior, Antias, Iunius, Tuditanus, Atejus Capito*, о годѣ и его дѣленіи; *Nigidius Figulus*, о мѣсцѣ, относившихся къ астрономическимъ даннымъ; *Venarius* — *Pontificales quaestiones*; *Antistius Labeo, de jure pontificio commentarii*, по крайней мѣрѣ 68 книгъ; *Trebatius Testa, de religionibus*, 9 книгъ или болѣе; *M. V. Messala, de Iano*; потомъ сочиненія многихъ другихъ, *de auspiciis, de explanatione auguriorum, de sacerdotibus, de diis, de extis, de coenis deorum*, и т. д. Помимо всего этого довольно вспомнить энциклопедическій лексиконъ *Verrius Flaccus*, «Значеніе словъ» (*de significatione verborum*), того самаго, который устроилъ и объяснялъ пренестинскія фасты; обилію его свидѣній мы удаваемся даже къ жалкихъ извлеченій Феста и Павла діакона. Но болѣе всего слѣдуетъ упомянуть о знаменитомъ произведеніи М. Теренція Варрона, по мнѣнію самой древности, ученѣйшаго изъ Римлянъ, *Antiqq. rerum divinarum*, обнимавшемъ всѣ подробности религіознаго поклоненія Римлянъ. Не говоримъ при этомъ о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя сохранились до насъ и болѣе или менѣе извѣстны; наконецъ о множествѣ трудовъ ученыхъ Грековъ, особенно Александрійцевъ.

² А къ сожалѣнію эту мысль мы находимъ отчасти въ пресловудномъ изслѣдованіи Меркеля, гдѣ попадаются рубрики не только *Ovidius collatus*, но порою *Ovidius secutus*. Неужели должно предполагать заимствованіе каждый разъ какъ мы находимъ одно и то же у Овидія и у какого ишбудь другаго предшествовавшаго или современнаго ему писателя? *

* *Secutus* въ заголовкахъ страницъ у Меркеля встрѣчается только разъ, именно въ заголовкѣ: *Ovidius Clodium Tuscum secutus*, и по видимому Меркель имѣлъ полное право избрать такой заголовокъ. Въ астрономическихъ данныхъ Овидій дѣйствительно слѣдовалъ Кладію; это нисколько не вредитъ его чести; напротивъ обращаетъ на Кладія тѣ нападѣнія, которыя дѣлалъ Иделеръ на Овидія. П. А.

на вещи, была раздѣлена поровну; не всякій только могъ быть по-этомъ и съ одинаковымъ изяществомъ, въ одинаковой художественной формѣ, изложить свое дѣло. Развѣ лишь предположить, что Овидію не достало прилежанья для подробнѣйшаго изученія древнѣйшихъ источниковъ, общихъ и доступныхъ всѣмъ его современникамъ? Но тщательное изученіе Овидія убѣждаетъ насъ совершенно въ противномъ. За исключеніемъ приведенныхъ выше мѣстъ, въ самыхъ словахъ Овидія мы находимъ свидѣтельство о томъ, что онъ пользовался прилежно древнѣйшими источниками и между прочимъ старинными летописями или анналами ¹. Не будемъ вѣрить его словамъ, на что впрочемъ не имѣемъ мы никакого права: самое дѣло скажетъ намъ правду, если разсмотримъ нѣкоторыя историческія приводимыя имъ данныя. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь встречаемъ мы обстоятельства такого рода, которыя переданы иначе, чѣмъ у прежнихъ и послѣдующихъ историковъ: новѣйшіе ученые предполагаютъ подъ рукою Овидія существованіе весьма древнихъ и важныхъ источниковъ ². Потому къ тому же убѣжденію приводитъ сходство показаній съ позднѣйшими писателями, у которыхъ въ то же время находимъ мы прямыя ссылки на древнѣйшія летописи ³. И такихъ мѣстъ, нужно замѣтить, довольно много. Далѣе, Овидія часто бываетъ легко сопоставить и съ Маркомъ Порціемъ Катономъ, и съ Энніемъ ⁴; сюда примыкаетъ цѣлый и обильнѣйшій рядъ историческихъ изображеній: иногда слово въ слово почти сходны они съ рѣчью другихъ писателей и только облечены въ изящную форму стиха. Но недовольно и такого единодушнаго согласія показаній: порою ни одинъ не говоритъ объ источникѣ и невольно отводитъ наши гаданія къ памятникамъ отдаленнымъ и погибшимъ ⁵. Наконецъ, хотя рѣдко, но за то это главное, — Овидій приводитъ такія обстоятельства, какихъ больше не встречаемъ мы ни у одного изъ предшествовавшихъ историковъ ⁶. Не трудно вывести необходимыя заключенія: Овидій былъ столько же самостоятеленъ въ своемъ дѣлѣ, какъ всѣ его современники, ближайшіе и отдаленные. Его достоверность является

¹ I, 7 и IV, II: *Sacra, annalibus eruta priscis; tempora cum causis annal. or. pr.*

² Таково замѣчательнѣйшее мѣсто о времени пораженія Фабіевъ: II, 196 и дал. Съ нимъ несогласны показанія Ливія, Плутарха и Тацита. Какъ имъ объяснить Овидія, остается достовернымъ то, что свидѣтельство почерпнуто изъ какихъ нибудь древнѣйшихъ анналовъ и вѣроятно изъ анналовъ Фабія Пиктора. См. Меркеля LXIII.

³ II, 353 и дал., и Плутархъ, *Rom.* 21, слѣдовавшій Ацилію Глабрию.

⁴ I, 543 и дал.; V, 648 и дал.; III, 205 et sequ.; и мног. друг.

⁵ VI, 657 и дал.; *Plut. Qu. Rom.* с. 55.

⁶ I, 265 и дал.: соединеніе Ялуса и Тарпенъ въ одномъ событіи спасенія города.

во всей своей силѣ и энергически возбуждаетъ убѣжденіе. Дѣйствительно, за исключеніемъ немногихъ и маловажныхъ промаховъ, столь естественныхъ въ трудѣ неотдѣланномъ, еще ни одному ученому не удалось съ успѣхомъ заподозрить показанія Овидія: ими пользовались съ благодарностію, и долго, и много будутъ пользоваться. Пусть пополняютъ пробѣлы: но то, что дано у Овидія, то, что видѣлъ онъ и сказалъ намъ, или лучше могъ сказать подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, своего взгляда и убѣжденій, то въ области положительныхъ свѣдѣній должно оставаться непрерываемымъ свѣдѣтельствомъ. Еще менѣе позволительно, по нашему мнѣнію, входить въ произведеніе Овидія, въ мастерскую его работъ, съ тѣмъ, чтобы заводить тамъ свой порядокъ и подводить сообщаемыя Овидіемъ данныя подъ рубрики другихъ римскихъ ученыхъ, хотя бы то былъ даровитый и учившійся Варронъ¹: наука того времени, особенно въ области изученія религіи, не могла достигнуть удовлетворительной и полной системы; всякій дѣйствовалъ на свой образецъ; и если Овидій въ нѣкоторыхъ случаяхъ понесъ также на себѣ вліяніе современности, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ приѣмахъ своего произведенія онъ остался очень простъ, естественъ и положителенъ; данная форма календаря удержала его отъ произвольныхъ увлеченій; въ этомъ отношеніи онъ, какъ Римлянинъ, остался вѣренъ своему народному типу — благоустройства и мѣры; и мы тотчасъ увидимъ, что онъ успѣлъ, и чего не успѣлъ сдѣлать въ такой рамкѣ.

¹ Меркель не любитъ новыя философскія системы, и можетъ быть очень справедливо; но онъ не любитъ даже самыхъ скромныхъ приѣмовъ современной науки, какъ скоро они опираются на какія либо общія начала. А между тѣмъ, при критической разработкѣ Фаствъ необходимо было положить ихъ содержаніе въ какиѣ либо группы, но какиѣ либо рубрикамъ. Меркель поступилъ слѣдующимъ образомъ: если уже допустить какую нибудь систему, то ему всего надежнѣе казалось взять систему древняго также писателя. Случай представился. Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ нѣмецкаго ученаго состоитъ въ томъ, что онъ въ трудѣ своемъ собралъ всѣ отрывки «Религіозныхъ Древностей» Варрона и въ нѣвѣстной мѣрѣ возстановилъ и дополнилъ ихъ смыслъ. Теперь, при каждой главѣ Варрона онъ помѣстилъ соответствующія показанія Овидія. Дѣло очень естественное, но оно породило по мѣстамъ нѣкоторую несообразность. Отъ Варрона въ нѣкихъ отдѣлахъ сохранилось очень мало, у Овидія очень много; у Варрона на первомъ планѣ система научная, не лишая многихъ натяжекъ, у Овидія нѣтъ и тѣмъ определенной системы, кромѣ рамокъ календаря: отсюда неравновѣсіе параллели. Притомъ же иногда кажется, что Овидія какъ будто заставляютъ рассуждать по плану Варрона. Особенно это замѣтно въ одномъ мѣстѣ: Варронъ дѣлитъ боговъ на извѣстныхъ, неизвѣстныхъ, избранныхъ; Меркель рассматриваетъ данныя Овидія по тѣмъ же рубрикамъ. Это рѣшительно обиваетъ съ толку читателя, особенно неопытнаго. Впрочемъ достоинство труда Меркеля остается при всемъ томъ во всей своей силѣ.

Мы видели выше, что названіе — Фасты имѣетъ очень обширное значеніе¹. Согласно съ такимъ смысломъ, согласно съ содержаніемъ краткихъ таблицъ календаря, поэтъ говоритъ намъ о дняхъ праздничныхъ и не-торжественныхъ, о дняхъ религіозныхъ и черныхъ, даже объ отдѣльныхъ и краткихъ моментахъ времени, связанныхъ съ какимъ либо особымъ значеніемъ, по преимуществу интересовавшимъ изслѣдователя. Но мы замѣтили уже, что дѣло ходячихъ календарей нашло здѣсь невиданную дотолѣ полноту. Годъ представлялся раздробленнымъ; а такое дробленіе у всякаго народа, и въ особенности у Римлянъ, имѣло свою собственную длинную исторію, начинающуюся безотчетными отбѣтками отдаленныхъ предковъ, связанную со всемъ разнообразіемъ примѣтъ и повѣрій, и кончающуюся сознаніемъ разумныхъ и ясныхъ основъ дѣленія. У Римлянъ этотъ послѣдній періодъ пришелъ очень поздно; вызванный счастливыми распоряженіями цезарей, онъ въ свою очередь подарилъ насъ прекраснымъ произведеніемъ Овидія; ученый сочинитель не полѣнился однако мѣстами ввести читателей въ самую исторію дѣла, и не сообщая никакихъ особенныхъ и новыхъ данныхъ, перечислилъ нѣкоторые главные факты, сказалъ и объ основаніи разныхъ дѣленій, и объ оригинальныхъ воззрѣніяхъ въ этомъ случаѣ другихъ италійскихъ племенъ, и о названіяхъ мѣсяцевъ, о происхожденіи этихъ названій, и о коренныхъ обычаяхъ и предразсудкахъ народа, различившихъ дни подѣ своимъ угломъ зрѣнія². Разумѣется, здѣсь много дѣйствовали астрономическія наблюденія: Овидій первый поставилъ ихъ въ соотношеніи съ фастами. Понятія того времени не могли быть очень удовлетворительны; по крайней мѣрѣ точность и аккуратность не допустили уклониться отъ принятаго и только одинъ разъ во всемъ трудѣ просмотрѣли значительную погрѣшность³. При каждомъ случаѣ встречаемъ мы отбѣтки восхожденія и заходженія свѣтилъ, и еще болѣе — получаемъ понятіе о значеніи и смыслѣ различныхъ созвздій. Послѣ этого естественно ожидать такой же точности и въ распредѣленіи мѣста. Впрочемъ тщетно стали бы мы иногда искать въ Фастахъ топографическихъ подробностей о тогдашней и прежней Италіи съ религіозной точки зрѣнія: бросивъ мимоходомъ двѣ, три черты такого рода, поэтъ водить насъ по Риму, проходя по

¹ Потому-то мы не знали для перевода никакого соотвѣствующаго русскаго слова; слово *праздникъ* нѣсколько не похоже на дѣло.

² *Dies*: I, 47—60, *fasti nefasti*, f. n. priore, parte и т. п.; 87, *dies laeta*; II, 34-*feriales*; 558, *dies puri*; IV, 387-*Summa dies*; V, 487—490, дни неблагопріятные бракамъ; VI, 774, *lux melior* и т. п. Другихъ смысловъ не выставляемъ по причинѣ ихъ неясности.

³ III, 877, 78 и дотолѣ неумѣстное заходженіе созвздія овна: IV, 901 и дал.

разнымъ религиознымъ мѣстечкамъ (*loci religiosi*)¹, останавливаясь порою предъ воротами, рощами, источниками, даже отдѣльными деревьями; благодаря ему, мы получаемъ такія свидѣнія, которыя проливаютъ иногда свѣтъ на показанія другихъ писателей, а иногда остаются единственнымъ памятникомъ². Однако эти частности еще не такъ важны: съ ббльшимъ вниманіемъ и гораздо дольше останавливается Овидій предъ жертвенниками (*arae*), предъ тѣми отмежеванными предѣлами, въ которыхъ замыкались жертвенники (*sacella*), далѣе предъ самыми священными зданіями и храмами (*aedes, templa*), до цѣлой ихъ группы (*delubra*)³. Это конечно одна изъ величайшихъ заслугъ. Когда мы вспомнимъ, что каждый можно сказать годъ, протекшій съ послѣднихъ временъ республики, приводилъ съ собою много измѣненій въ топографіи Рима, что Италия и вѣчный городъ не имѣли своего Павсанія, пролившаго своими описаніями столько свѣта на религиозныя мѣстности Греціи, тогда самая трудность вопроса и неопредѣленность остальныхъ данныхъ выставить предъ нами все значеніе Овидіевыхъ современныхъ показаній. Оттого-то такіе ученые, какъ Беккеръ, въ первомъ томѣ своихъ «Римскихъ Древностей», посвященномъ исключительно топографіи Рима, ставятъ Овидія на первомъ планѣ источниковъ и благодарно пользуются мельчайшими обозначенными имъ чертами. И не одна картина современной поэту дѣйствительности развертывается предъ нашими взорами: священныя мѣста и зданія напоминаютъ посвятившихъ и обывавшихъ (*dedicationes, vota*); слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій, и мы видимъ уже отчасти, въ какомъ отношеніи находится здѣсь поэтъ-исследователь къ свидѣтельствамъ другихъ историковъ и древнѣйшихъ летописей. Послѣ этого остается самое главное содержаніе Фастъ: празднества и обряды, торжества и церемоніи (*feriae, dies festi, serimoniae*); но здѣсь еще много

¹ *Loci religiosi*, или мѣста проклятыя, какъ напр. *Aequimelium*, гдѣ былъ домъ Спурія Мелія, или мѣста, замѣчательныя въ религиозномъ отношеніи, но не имѣвшія характера святилищъ, напр. *casa Romuli, ficus Ruminalis*. Merkel p. CXLV—CLIII.

² Напр. *aqua Mercurii* у Капенскихъ воротъ (*porta Capena*): V, 673.

³ *Sacella* — *loci parvi deo sacrali cum aris*, по опредѣленію Требація у Алла Геллія VI, 12. О *delubra* главное мѣсто Serv. ad Aen. II, 225: Varro rerum divinarum libro XXVII delubrum esse dicit aut ubi plura numina sub eodem tecto sunt, ut Capitolium, aut ubi praeter aedem area assumpta sit deum causa, ut in circo Flaminio Iovi Statori, aut in quo loco dedicatum sit simulacrum: ut in quo figunt candelam, candelabrum appellant, sic in quo deum ponant delubrum. Хотя Макробій Saturn. III, 4 p. 390 говоритъ о Варронѣ, что *id potissimum ab eo probatum, quod ex sua consuetudine in ultimo posuit*; но въ этомъ случаѣ послѣднее объясненіе не можетъ имѣть авторитета для насъ. — Что касается до *ara* и *aedes*, то эти слова не требуютъ поясненія. — О всѣхъ священныхъ мѣстахъ, упоминаемыхъ Овидіемъ, Merkel p. CXVII—CXLV.

своихъ особенностей, начиная отъ празднествъ известныхъ домовъ и семей (festa domestica, privata) до общенародныхъ торжествъ (publica). Немного сказалъ намъ Овидій о первыхъ, къ крайнему прискорбію всякаго изучающаго, ибо въ какомъ нибудь родѣ или фамиліи Рима хранились иногда во всей чистотѣ самыя древніе обычаи, самыя разительныя памятники стариннаго религіознаго смысла, самыя яркіе слѣды тѣхъ тѣсныхъ связей, которыя издревле связывали римское учрежденіе съ основою италійскихъ повѣрій. Тѣмъ болѣе готовы мы бываемъ пожаловаться на молчаніе Овидія; напрасно стали бы мы прискивать ему извиненія въ томъ обстоятельстве, по которому древніе римскіе роды, послѣ долгой и упорной борьбы послѣднихъ временъ республики, скрылись подъ сѣнію цезарей, оставляя политическое поприще, мельчая въ общей толпѣ народа; и сюда унесли они съ собою еще много такого, что могло бы поспорить древностію съ новыми наступившими событіями, такого, что могло бы уяснить истинный смыслъ многихъ полузабытыхъ учреждений. Объясненіе Овидіева молчанія находитъ свою основу конечно не въ томъ; не говоримъ уже о политическихъ побужденіяхъ человека, связавшаго весь трудъ свой идеаломъ Юлія и Октавія и потому не отступившаго далѣе домашнихъ священнодѣйствій этого дома; главная причина была та же, которая заставила опустить и мѣстныя подробности Италіи: не италійскіе элементы, не ихъ вліяніе и дѣйствіе воспѣвалъ Овидій; онъ воспѣвалъ высшій результатъ ихъ, ихъ опредѣленную форму, однимъ словомъ римское учрежденіе. За то здѣсь, все то, что было признано общественнымъ торжествомъ, все это составило главнѣйшее и обильнѣйшее содержаніе его труда. Переходъ и средину между тѣмъ и другимъ, между уединеннымъ—домашнимъ, и публичнымъ—государственнымъ, составляли тѣ простонародныя празднества, которыя вызываемы были днями посѣва и жатвы, временемъ поминокъ по отцамъ, и т. д. Высшее значеніе празднеству придавали священнодѣйствія (sacra); самое видное мѣсто занимали они при общественныхъ религіозныхъ отправленіяхъ; неудивительно, что Овидій, сосредоточенный на такихъ пунктахъ, мало сообщилъ намъ объ играхъ цирка (ludi circenses) и представленіяхъ сценическихъ (ludi scenici), ибо здѣсь не было тѣхъ возвышенныхъ священнодѣйствій, которыя въ Греціи дали основаніе театру и драмѣ, хотя впрочемъ игры цирка не чужды были въ своихъ помѣнахъ нѣкотораго религіознаго характера ¹.

¹ О священнодѣйствіяхъ и играхъ Merkel p. CLIII—CLXXXV. О богахъ p. CLXXXV—CCXLVII.

Малочныя подробности, которыми необходимо сопровождался священнодѣйствіе, — обряды, жертвы, поязки и т. д. — не ускользнули также отъ наблюдений поэта; но, какъ ни ярки всѣ эти описанія, какъ ни любопытны многія частности, встречаемыя испытующимъ взоромъ, не лѣзя при всемъ томъ не замѣтить одной особенности: какъ-то глухо проносятся они предъ нашимъ вниманіемъ; рѣдко скажется оживляющее слово, рѣдко услышимъ молитву немногосложную, бѣдную, чуждую поэзіи. Одинаковой характеръ, одинаковое выраженіе переходитъ и на самыя священнодѣйствующія лица¹; если мы остаемся иногда передъ ними съ некоторымъ удивленіемъ, то конечно не ошибки живописца: виновны въ томъ². Образъ не искаженъ, образъ вѣренъ; но въ немъ нѣтъ ничего воспринятого, нѣтъ увлекаю-

¹ О жрецахъ и авгурахъ Merkel p. CXIII — CXVI.

² О лицахъ Овидій говоритъ немного: не упомянувъ, что здѣсь успѣли прокрасться некоторые, хотя маловажныя, ошибки, напр. VI, 230, объ употребленіи Фламинской жезъа, тогда какъ по закону въ этомъ случаѣ употреблялась мѣдь, что можно однако объяснить и въ пользу поязки поэта. Вообще, какъ имъ кратки эти черты, ими можно воспользоваться. Такъ въ сочиненіи покойнаго профессора Крюкова (Audeutungen über den ursprünglichen Religions-Unterschied der römischen Patrier und Plober) т. I, 31 — 34, особенно 34) главнымъ образомъ на свидѣтельство Овидія (Фасты, II, 267 — 283) основанъ очень замѣтательный выводъ касательно тождества греческаго Пана и древне-италійскаго божества *Dium*. Упоминаемъ объ этомъ выводѣ, чтобы присоединить нѣсколько возраженій, къ которымъ подало поводъ сдѣланное Меркелемъ исправленіе Овидіева мѣста по лучшимъ кодексамъ. Допускаемъ, что главнымъ отарвателемъ священнодѣйствій Пана Овидій назначаетъ Діальнаго Фламнина (*Flamen dialis*). Прямое заключеніе будетъ то, что старики при священнодѣйствіяхъ Пана присутвовали діальныи Фламингъ; почему — неизвестно, быть можетъ потому, что представленіе Пана, какъ древняго ликейскаго бога, дѣйствительно было сродно, если не тождественно съ древнѣйшими представленіями до-олимпійскаго Зевса и Юпитера, т. е. волчяго, ликейскаго. Но далѣе ни какъ нельзя ничего видѣть въ стихахъ Овидія, по крайней мѣрѣ въ нихъ нѣтъ никакого намека на тождество Діа и Пана. И этого мало: мы видимъ доложительно, что Овидій вовсе не имѣлъ никакого намѣренія противопоставить современное ему значеніе діальнаго Фламнина, какъ жреца Юпитера, его прежнему значенію, какъ Діева — Панова. Дѣло въ томъ, что старинное чтеніе мѣста было таково: «*Flamen adhuc prisce more dialis agii или erat*; и г. Крюковъ припадъ его; но Меркелемъ восстановлено чтеніе на основаніи большаго числа лучшихъ кодексовъ: «*Flamen ad haec prisce more dialis erit*». Что же такое это значить? А вотъ что: передъ Августомъ и Овидіемъ, въ теченіе восьмидесяти почти лѣтъ, достоинство діальнаго Фламнина было опущено, и должность никѣмъ не занята, пока наконецъ уже Августъ, 744 г. гор., возстановилъ его снова (Dio Cass. 54, 36; *καὶ τῷ αὐτῷ χρόνῳ δ, τὸ ἱερὸν τοῦ Διὸς πρῶτον μετὰ τὸν Μερῶλαν ἀκαταίρητον*), почему, и Овидій, начавшій около того времени свои Фасты, упоминалъ о столь важномъ и новомъ событіи. Итакъ, мы можемъ допустить только слѣдующее объясненіе: «Теперь, послѣ возстановленія обряда, снова будетъ священнодѣйствовать, по старому, діальныи Фламингъ». Поэтому повторяемъ: соглашаемся, что Овидій назначаетъ Пану діальнаго Фламнина (хотя и здѣсь могло бы родиться предположеніе, что вмѣстѣ съ Паномъ со-

пей жизни, а если есть жизнь, то жизнь совсѣмъ не та, которой бы мы ожидали, жизнь замкнутая въ строгую римскую форму, «физиогномія истыхъ чиновниковъ Рима.

Таково содержаніе Овидіева произведенія. Невольно изумляемся мы полпотъ и обилію. Фасты Овидія читаются довольно легко; одно описаніе влечетъ за собою другое, одна картина вызываетъ другую, и вотъ вы на концѣ уже шестой книги; но обернитесь назадъ, просмотрите ваши выписки, загляните въ указатель содержанія, и вы остановитесь съ удивленіемъ: какъ можно въ изящной и легкой формѣ стиха вмѣстятъ и передать такое множество данныхъ?—И что за эпоха! Все взвѣшено, все измѣрено, сочтено. Трудъ Овидія остался однимъ изъ тѣхъ посмертныхъ памятниковъ Риму, какихъ уже такъ много воздвигалось во время Августа.

Но если содержаніе Овидіевыхъ фастъ такъ обильно и богато, если оно по мѣстамъ сообщаетъ намъ даже такія свѣдѣнія, какихъ не найдемъ мы у другихъ писателей, то можетъ еще родиться вопросъ: въ большей части показаній не повторилъ ли здѣсь поэтъ того, что было подготовлено уже предшествующими и современными ему трудами специальныхъ ученыхъ? И действительно, хотя мы замѣтили въ его трудѣ слѣды самобытныхъ занятій и изслѣдованій, но вообще имѣя дѣло съ поэтомъ, мы въ правѣ предположить, что значительную часть изысканій почерпнулъ онъ у своихъ ученыхъ собратій, оставляя на собственную долю поэтическіе приемы, увлекательную рѣчь и стихотворный складъ. Нужно сознаться, что вполне удовлетворительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ почти невозможно. Дѣло въ томъ, что всѣ поименованные выше труды специальныхъ изслѣдователей римской религіи или погибли вовсе, или дошли до насъ въ незначительныхъ отрывкахъ. Такимъ образомъ мы не знаемъ навѣрное, въ какомъ отношеніи стоитъ къ нимъ произведеніе Овидія, во сколько зависитъ отъ

единилось торжество ликійскому или волчьему Зевсу или Юпитеру, къ которому близокъ Панъ, божество также ликійское, что священнодѣйствія въ честь Пана были также возстановлены Августомъ, что въ нихъ участвовалъ дальній Фламинъ; что слова Овидія указываютъ только подлѣжное (juxtapositio), выражая, что кромя того, къ тому же, сверхъ этого нужно сказать, что отселъ, по установленію Августа, возстановлено достоинство д. Фламина по прежнему; самыя Луперкаліи были возстановлены Августомъ въ прежнее и даже лучшемъ видѣ; (очень кстати было упомянуть Фавна, что сверхъ этой новости, вѣроятно съ тѣмъ возстановлено и достоинство Фламина); но что касается дальнѣйшихъ выводовъ, предложенныхъ г. Крюковымъ, на основаніи Овидіева показанія, то они рѣшительно невозможны. О возстановленіи чтенія см. Меркелъ, стр. 59, CXIV, CCII и CCIV.

нихъ, что привносятъ противъ нихъ новаго и замѣняетъ ли, и въ какой мѣрѣ замѣняетъ потерю ихъ.

Во всякомъ случаѣ за эту потерю оно остается важнѣйшимъ источникомъ и поневолю приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Впрочемъ и здѣсь, помощію нѣкоторыхъ средствъ, мы можемъ въ известной мѣрѣ гадательно или гипотетически опредѣлить отношеніе Овидіева труда къ другимъ погибшимъ того же рода источникамъ; до насъ сохранились отрывки послѣднихъ, и путь сравненія указалъ уже намъ выше нѣкоторыя самобытныя достоинства свидѣтельствъ Овидія. Особенно важно для насъ на этомъ пути подмѣтить оригинальныя приемы въ искусствѣ поэта и художественный тактъ его; а этой цѣли достигнемъ мы въ томъ случаѣ, если внимательно рассмотримъ, какъ изображалъ Овидій известныя божества и какъ пользовался мифами. Тогда опредѣлится для насъ не только его отношеніе къ другимъ римскимъ поэтамъ, касавшимся мифологіи и религіи, но выяснится сверхъ того и тотъ важный вопросъ, какъ вообще обошелся поэтъ съ содержаніемъ своего произведенія, а слѣдовательно какое мѣсто занимаютъ его показанія въ ряду другихъ подобныхъ источниковъ, до насъ дошедшихъ; еще болѣе: для насъ въ известной мѣрѣ обозначится и то, въ какой связи могъ состоять Овидій съ прочими изслѣдователями римской религіи, не сохранившимися до насъ вполне. Поставивъ себѣ такую задачу, мы избираемъ для сравненія преимущественно *Виргиліа*, именно его *Энеиду*, какъ то произведеніе, гдѣ поэтъ вступилъ въ близкія отношенія къ римской религіи и преимущественно къ ея мифологическимъ сказаніямъ.

Для *Виргилія* и *Овидія* есть много точекъ сближенія, и еще болѣе найдется несходства, но въ этомъ несходствѣ, въ этой противоположности они взаимно характеризуютъ другъ друга. Довольно далекій отъ всеневныхъ интересовъ *Августова двора*, отъ вопросовъ и занятій тогдашняго высшаго общества и избраннаго кружка, *Виргилій* сохранилъ въ себѣ и всю свѣжесть неспорченнаго характера, и душевную теплоту мягкаго сердца, и эту скромность, стыдливость (*verecundia*), — отличіе его поэзіи. Бойкій и находчивый, остроумный и ловкій, подчасъ не совсѣмъ строгій къ себѣ и не безукоризненный въ нравственномъ характерѣ творчества, *Овидій* былъ дитя окружавшей дѣйствительности; ею воспринятый, ею повитый, онъ былъ преданъ сполна ея ходячимъ интересамъ, и не отступалъ отъ нихъ ни въ трудахъ своихъ, ни во взглядѣ и мнѣніи¹. Но *Мантуанецъ* любилъ

¹ А. А. III, 124: *Prisea juvenet alios: ego me nunc denique natum gratulor, haec aetas moribus apta meis... quia cultus adest, nec nostros mansit in annos rusticitas»....*

лучше тишину уединенія; его задушевная фантазія охотно блуждала по мирнымъ полямъ и селеніямъ родины; красоты деревенской жизни и природы вызвали у него нѣсколько тысячъ стиховъ, лучшихъ въ римской литературѣ и удачнѣйшихъ въ кругѣ остальной дѣятельности самого поэта. Въ этой глубокой натурѣ проглядывали иногда рѣзкія и выразительныя черты стариннаго типа, еще не сглаженныя рукою новыхъ событій. Правда, онъ былъ начальникомъ, главою новаго золотого вѣка римской поэзіи, и съ этой стороны понесъ на себя всѣ нападки архаической партіи: но въ то же время онъ одною ногою стоялъ еще въ прежнемъ порядкѣ вещей, видѣлъ весь процессъ зачинавшася новаго. Онъ еще могъ потягаться своею самостоятельною славой съ самымъ Августомъ, и народъ, услыхавши въ театрѣ стихи *Виргилія*, вставалъ предъ ними также точно, какъ вставалъ онъ предъ *Цезаремъ*¹. Мы уже видѣли, какъ мало общаго имѣлъ съ этимъ характеромъ пѣвецъ *Фастъ*, заключившій при томъ прежній періодъ писателемъ, и переходившій, въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, къ такъ называемому серебряному вѣку римской литературы. При всемъ томъ увлеченіе и восторженность, питавшія талантъ, исходили изъ одного источника и были у обоихъ одинъ ковы. Востокъ и западъ, связанные събъю народныхъ преданій о высококомъ подвигѣ *Энея*, соединенныя самымъ ходомъ событій подъ рукою *Августа*, *Виргилій* еще разъ связалъ силою своего генія и богатыми средствами искусства; взорамъ современниковъ предстала широкая картина: разрушеніе *Иліона* и зачатки будущаго вѣчнаго города; *Троя* и *Лавиніумъ*, *Альба* и *Римъ*; странствующій изгнанникъ и торжествующій побѣдитель, основатель счастливаго будущаго, родоначальникъ великаго поколѣнія, а на его щитѣ — длинный рядъ *тріумфовъ* *Августа*: событія, раздѣленные временемъ, но близкія по внутренней связи. Тѣмъ не менѣе, такая общая и одинакая восторженность обоихъ поэтовъ имѣла не одинаковыя послѣдствія для дѣятельности того и другаго, сообразно характеру каждаго. *Овидій*, остановленный вѣшнимъ блескомъ современнаго быта, прикованъ всѣмъ своимъ вниманіемъ къ развитію и послѣдовательности религіозныхъ учреждений *Рима*; переходя къ древней *Италіи*, онъ ищетъ тамъ одного только объясненія, одного только дополненія къ настоящему, или поэтической красоты, имѣющей оживить внутрен-

¹ См. *Dialogus de oratoribus*, сочиненіе неизвестно чье и помѣщаемое между проповѣденіями *Тацита*, гл. 13: «neque apud divum Augustum gratia caruit, neque apud populum romanum notitia. Testes Augusti epistolae, testis ipse populus, qui auditis in theatro Virgilii versibus surrexit universus et forte praesentem spectantemque Virgilium veneratus est sic quasi Augustum».

нимъ смысломъ мнѣя наружный обликъ обряда; самый восторгъ, заданный современностью, побудившій къ труду, легко отдѣляется отъ подлиннаго дѣла при первомъ прикосновеніи критики. Не таковъ былъ *Виргилій*: чистосердечно и безъ раздѣла преданный увлеченію, глубже и глубже искалъ онъ началъ и основъ окружавшихъ явленій; воспріимчивою душой прикинувъ въ древнія преданія и повѣрья *Италіи*, онъ отдался имъ сполна, тамъ жилъ, тамъ дѣйствовалъ, и если восходилъ снова къ поверхности современной жизни, то развѣ для того лишь, чтобы взять здѣсь языкъ и искусство для воссозданія минувшаго, и результатомъ уяснить начало. На первомъ планѣ является у *Виргилія* древняя *Италія*, ея мнѣя, сказанія: въ *Фастахъ* выдаются впередъ всего внѣшнія религіозныя учрежденія *Рима*. И это сообщаетъ огромное превосходство *Овидію*, какъ источнику изученія древностей. Если вездѣ нужно начинать съ болѣе внѣшняго и доступнаго, то еще болѣе въ дѣлѣ римской религіи, гдѣ учрежденіе составляетъ единственную и надежную опору для изучающаго, единственный ясный и несомнѣнный фактъ, тогда какъ мнѣя и бѣденъ, и неполовъ, и темень. Во всякомъ случаѣ изучающему необходимо и гораздо полезнѣе начинать съ *Овидія*; въ этомъ убѣдимся мы еще слѣдующимъ разсмотрѣніемъ.

Не подражаніе *Одиссеѣ* и *Иліадѣ*, а самая сущность дѣла и требованія избраннаго предмета раздѣлили *Энеиду* на двѣ равныя половины: странствованія *Энея* — первыя шесть книгъ, и его дѣйствія въ *Италіи* — шесть послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе соответствіе двумъ гомерическимъ поэмамъ пришло нѣкоторымъ образомъ само собою. Давно замѣчено эстетическими критиками, что *Одиссея* для насъ на первый взглядъ гораздо интереснѣе *Иліады*: это потому, что содержаніе первой какъ-то ближе къ современному искусству, и недаромъ критики приписываютъ ей происхожденіе позднѣйшее. Въ *Иліадѣ* болѣе суровости и простоты, болѣе древности въ эпическомъ характерѣ, болѣе однообразія; *Одиссея* мягче и теплѣе, здѣсь болѣе лирическаго элемента, элемента чувства, болѣе личности, и потому она ближе къ намъ и болѣе нравится съ перваго раза. Но, чѣмъ болѣе развивается въ насъ вкусъ, чѣмъ болѣе вникаемъ мы въ условія эпическаго времени и совершенно переходимъ къ образу его воззрѣнія, тѣмъ болѣе склоняемся къ *Иліадѣ*; это самое должно бы привлекать насъ гораздо болѣе и къ послѣднимъ книгамъ *Энеиды*. Въ первыхъ книгахъ *Виргилію* представлялось болѣе произвола, его фантазія имѣла болѣе свободы, онъ могъ дать обширное мѣсто и греческому мнѣю, и изображеніямъ личнаго характера *Энея*, и личныхъ страстей его и *Дидоны*;

обстоятельства странствующаго изгнанника допускали значительное участие теплоты и мягкости чувства. Но въ послѣдующихъ шести книгахъ поэтъ былъ связанъ мѣстными и народными преданіями отдаленной древности, тѣми узамъ, какими связано всякое первобытное эпическое міросозерцаніе. Мы ожидаемъ сблизиться съ духомъ древней Италіи, войти въ ея повѣрья, сродниться съ національными взглядами, и во всякомъ случаѣ ожидаемъ встрѣтить что нибудь гораздо болѣе важное, чѣмъ содержаніе длинноватыхъ первыхъ книгъ Энеиды. И поэтъ самъ приготовляетъ насъ къ этому въ началѣ VII-й книги: «мпѣ предстоитъ теперь болѣе великій рядъ событій, я начинаю дѣло гораздо важнѣйшее¹.» Дѣйствительно, мы не обманываемся въ надеждахъ, желаніе наше удовлетворяется, но въ степени ограниченной; мы стѣснены, сжаты, и неотвратно чувствуемъ какую-то неполноту, неудовлетворительность. Искусство Виргилія въ томъ не виновно. Конечно, это не было народное, непосредственное, первобытное творчество Гомера, да мы и не вправъ его ожидать: Виргилій еще болѣе Овидія славился глубиною и обширностью своей учености; онъ много изучалъ свой предметъ, много трудился, и уже поверхъ всего этого явилось созданіе искусства. Чтобы войти въ кругъ его представленій, слѣдуетъ прежде изучить его комментаторовъ, познакомиться съ римскими древностями, пройти ту науку, которая прошла въ сознаніи самого поэта, прежде чѣмъ явилось его произведеніе; но и при этомъ условіи, сдѣлавшись напередъ археологами, мы не освободимся однако вполне отъ тягостнаго впечатлѣнія. Прежде легко было указать другую причину такого явленія: ссылались на недостатокъ самостоятельности въ римскомъ искусствѣ, на совершенную зависимость отъ Греціи. Современная наука, по счастью, устраняетъ мало по малу такія крайности сужденій: если Римъ, задержанный долго процессомъ государственнаго развитія, вышелъ поздно на дорогу искусства, если онъ учился у Греціи, усвоилъ себѣ плоды ея образованности, то это еще не значитъ, чтобы онъ лишень былъ самостоятельности. То, что прежде ставилось Риму въ упрекъ, обращается нынѣ въ доказательство силы его генія: совершивши великій подвигъ развитія права, дѣло новое и еще небывалое въ Греціи, онъ успѣлъ однако обернуться къ ея наукѣ и искусству, собрать результаты, запечатлѣть ихъ особымъ національнымъ характеромъ. И если онъ здѣсь не прошелъ того длиннаго и послѣдовательнаго пути, какой достался на долю Греціи, если безъ особеннаго труда усвоилъ себѣ сдѣланное, то нужно вспомнить, что эта лег-

¹ Аеп. VII, 44, 45.

кость условливалась близкимъ родствомъ пелазгической вѣтви, греко-римской пары; потому неудивительно напримѣръ, что въ Афродитѣ Римлянинъ узнавалъ свою Венеру, а въ Марсѣ Грекъ узнавалъ своего Арея; нѣтъ ничего страннаго, если изящные образы, выработанные греческимъ искусствомъ, приходились иногда одинаково въ пору и гелленскому, и италійскому мнѣю, или если мнѣю Греціи выражалъ ясно то, что было полутемнымъ гаданіемъ для Римлянина. А слѣдовательно очень естественно, что и Virgilій и Овидій обращались часто къ даннымъ греческаго искусства; этотъ фактъ не имѣетъ для насъ особенной важности, кромѣ той, что характеризуетъ собою то чудное время, когда, покинувъ свою прежнюю исключительность, Римъ родился и сознавалъ свое родство съ греческимъ духомъ. Рядомъ съ греческимъ, не теряется особенность римскаго воззрѣнія: какъ ни маловажно родное повѣрье, Овидій не упуститъ случая упомянуть его, и, передавши греческій мнѣю, съ особеннымъ удовольствіемъ прибавляетъ часто латинскій¹. Еще менѣе можно указать что либо въ ущербъ самостоятельности самого римскаго искусства, какимъ является оно въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ. Virgilій создалъ для Рима свой особый родъ поэзіи, свои приемы, свой тонъ и складъ, свою фразеологию; за нимъ потянулся цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ подражателей. Овидій также создалъ свой особенный родъ, какъ мы видѣли выше, и безъ всякихъ усилій съ своей стороны. Вспомнимъ тотъ величавый образъ, въ которомъ вывелъ Virgilіа Дантъ; Овидія повторилъ Аріостъ. Но отыскивая далѣе объясненія для недостатковъ Virgilіа, въ шести послѣднихъ книгахъ его Энеиды, мы можемъ остановиться еще на томъ предположеніи, что поэту недоставало собственной живости фантазіи, и отсюда происходитъ вся монотонность его произведенія? Правда, немного родилось въ Римѣ такихъ бойкихъ головъ, какъ Овидій: его рѣчь еще въ молодыхъ лѣтахъ была тотъ же стихъ², разрывшійся въ прозу; его позднѣйшій стихъ легко переходилъ въ обыкновенную, простую, разговорную, но увлекательную рѣчь. Ему не нужно было напрягаться, ему нужно было себя сдерживать, и быть можетъ, если бы онъ поступалъ такимъ образомъ, онъ былъ бы еще выше³. При этомъ характеръ выборъ такого предмета, какъ «асты,

¹ F. II, 514 и дал.: «parva quidem causa, sed apta subest.» II, 359: «adde peregrinae causam, mea musa, latinam.» и др.

² Seneca, Controv. II, 10, «hanc controversiam meminisse me videre Nasonem declamare apud rhetorem Arellium Fuscum, ejus auditor fuit... Oratio ejus jam tum nihil aliud poterat videri, quam solutum carmen.»

³ О молодомъ Овидіи Seneca говоритъ, что еще тогда онъ «sine certo ordine per locos

былъ чрезвычайно счастливъ и удаченъ: порядокъ календаря сдерживалъ постоянно увлеченіе и не давалъ разыгаться произволу. Вспомнимъ кромѣ того, что въ Фастахъ мы имѣемъ произведеніе художника зрѣлаго, произведеніе лучшей его поры и самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ, когда онъ получалъ уже возможность сдерживать свой порывъ, дотоле неудержимый, получилъ способность гораздо болѣе сосредоточиваться, опредѣляться, достигать типической выразительности во всѣхъ малѣйшихъ чертахъ своихъ. Тѣмъ не менѣе своевольная прихоть таланта и здѣсь взяла свое; мы могли бы ожидать, что Овидій при каждомъ случаѣ дастъ намъ показанія по всѣмъ, указаннымъ выше, рубрикамъ календаря, — ничуть не бывало: онъ скажетъ порою о древнемъ происхожденіи обряда и не опишетъ его современнаго положенія; назоветъ храмъ и не укажетъ мѣстности, упомянетъ божество и забудетъ праздникъ, и т. п. Становится иногда досадно, — пока не вспомнимъ, что вѣдь это не ученое разсужденіе, и что мы должны съ благодарностію собирать и то, что есть. *Виргилій* самъ по себѣ былъ чуждъ такой живости; его стихъ былъ не пентаметръ, а гексаметръ; его грандіозность отзывалась иногда напряженностью усилій; расчетанность плана обличала порой несвободность и какую-то зависимость формы. Но подлинная причина всѣхъ недостатковъ *Виргилія* въ нарисованной имъ картинѣ древней *Италіи* заключается въ самомъ содержаніи. Матеріалъ, надъ которымъ приходилось работать, содержалъ въ себѣ для поэта много почти неодолимыхъ трудностей. Какъ ни трудился *Виргилій*, собирая и приводя въ порядокъ разрозненные и разсѣянные въ народѣ повѣрья и сказанія, они остались всё-таки блѣдны и скудны; такъ что поэтъ, при всей своей любви укрываться за эпическимъ расказомъ, одинъ разъ, приступая къ исчисленію и характеристикѣ героевъ дѣйствія, принужденъ былъ высказать горькое признаніе: «Помогите, музы!.... Едва только, чуть-чуть, одинъ лишь слабый отголосокъ молвы доносится до моего слуха¹». Мнѣя древнихъ италійскихъ божествъ не составляли здѣсь главнаго, — они влетались въ расказъ, но форма эпическаго расказа не способствовала успѣху. Хорошо, если можно было Эвандра сдѣлать современникомъ Энея; хорошо, если можно было его заставить расказывать о Геркулесѣ, о

discurrebat» (Controv. II, 10). Потомъ Controv. IV, 28: «Ovidius nescit quod bene cessit relinquere». Квинтилианъ X, 1, 98: «Ovidii Medea videtur mihi ostendere, quantum ille vir praestare potuerit, si ingenio suo temperare quam indulgere maluisset». *Медea* — трагедія Овидія, которая весьма славилась въ древности, но не дошла до нашего времени.

¹ Aen. VII, 616 и выше: «ad nos vix tenuis famae perlabitur avis»

Какусъ¹: съ другими нельзя было сдѣлать того же. Юпитеръ, Юнона, Венера являются часто, но они дѣйствуютъ въ Италіи, и потому мнѣ греческій не могъ имѣть мѣста, а разбросанныя мѣстныя сказанія невозможно было сосредоточить около одной цѣли; отсюда живые образы боговъ сдѣлались блѣдными олицетвореніями². Часто, сравнивши въ этомъ случаѣ Овидія, мы охотно отдаемъ ему превосходство; рассказывая иногда въ мифахъ вещи слишкомъ общеизвѣстныя, порою онъ счастливъ бываетъ особымъ пріемомъ: характеризуетъ божество, изчисляя подробности и частности его культа, обряды, атрибуты жертвоприношеній и т. п., и только порою, и то въ весьма умѣренныхъ предѣлахъ, допуская въ рамки своего произведенія живую струю рассказа. Слѣдующій примѣръ достаточно подтвердитъ сказанное; онъ покажетъ, что поэтъ дѣйствительно обращался къ италійскому мифу только для того лишь, чтобы оживить картину или проникнуть къ отдаленному началу обряда, но что главнымъ и центральнымъ его дѣломъ было все-таки римское учрежденіе, со всеми его подробностями. Приведенный примѣръ познакомитъ также съ манерами и особенностями Овидіева рассказа; мы замѣтимъ, какъ часто одною бѣглою чертою характеризуетъ онъ тогдашнее состояніе религіи и въ одномъ какомъ нибудь намекѣ сообщаетъ очень важныя данныя. Въ началѣ первой книги Фаствъ, то есть мѣсяца января, Овидій приступаетъ къ описанію праздника Януса и торжествъ новаго года, съ нимъ связанныхъ; рѣчь начинается и идетъ слѣдующимъ образомъ:

«Янусъ двуклѣпый, начало время, молчаливо бѣгущихъ!

Ты изъ верховныхъ одинъ видишь обратный свой тылъ.
Будь благосклоненъ Вождямъ, трудомъ и стараньемъ которыхъ

Мира вкусила земля, миръ разлился по морямъ.
Въ кровѣ твоемъ да пребудутъ Отцы и Популъ римскій.

Ты мановеньемъ, какъ богъ, свѣтлый свой храмъ раствори.
Счастливыи день на разсвѣтѣ: въ устнахъ и душахъ его чтите.

Подлинно, доброму дню добрая рѣчь лишь идетъ.
Тяжба и ссора пусть смолкнутъ, безумная стихнетъ обида;
Грубый и дерзкій языкъ, дѣло свое отложи.

Видишь, какъ воздухъ блещетъ огнями, куреньями полный?

Слышишь, какъ пламя трещить, — жжетъ киликійскій шафранъ?

¹ Аеп. VIII, 102 и дал.

² Въ особенности замѣчено всѣми неловкое изображеніе Венеры и Вулкана: VIII, 370 и дал.

Свѣтъ съ очага поднимается въ храмъ, горить позолота,
 Отблескъ дрожить въ потолокъ, льется сіянье вокругъ.
 Въ чистыхъ одеждахъ идутъ гурьбы на скалы Тарпей,
 Свѣтелъ какъ праздникъ ихъ видѣть, радостенъ бѣлый народъ.
 Новыя вѣтви собраны въ ликторскій пукъ, и сановникъ
 Въ пурпурѣ новой, и стулъ¹ новаго консула ждетъ.
 Тучные юнцы, ярма не подъявшіе, съ пастбищъ Фалисковъ,
 Ждутъ ужъ, готовы принять скорый, послѣдній ударъ.
 Юпитеръ, міръ весь вокругъ озирая съ высотъ своей власти,
 Видитъ повсюду, на всемъ, римскихъ владѣній печать.
 Здравствуй, радостный день! Съ каждымъ разомъ возвратъ твой да будетъ
 Счастливыи: римскій народъ почестъ тебѣ воздастъ.

Что же? Какимъ божествомъ назову я тебя, двубразный?
 Въ Греціи нѣтъ для тебя равной иль сходной черты.
 Вместе повѣдай причину, зачѣмъ межъ боговъ одинокій
 Взоромъ стремишься впередъ, взоромъ слѣдя позади?
 Такъ разсуждалъ я умомъ, такъ спрашивалъ образъ бездушный:
 Варугъ освѣтился весь домъ, свѣтомъ невиднымъ дотолъ.
 Янусъ священнѣйшій предсталъ мнѣ, странный двойнымъ своимъ ликомъ:
 Я цѣпеглъ, поднялись волосы; грудь замерла.
 Посохъ въ десницѣ держалъ онъ, ключъ сжималъ лѣвой рукою;
 Скоро въ переднихъ устахъ² слышными стали слова:
 «Вѣщій гѣвецъ, озабоченный днями! Страхъ отложивши,
 Выслушай то, что желалъ, рѣчи въ умѣ впечатлѣннѣй.
 Хаосомъ древнѣе звали меня, — я древнѣйшій богъ міра;
 Слушай, тебѣ раскажу были сѣдой старины.
 Воздухъ прозрачный и три остальныхъ элемента природы —
 Огонь, и вода, и земля — глыбою были одной.
 Масса разсѣлась: пламя поверхъ, по близости воздухъ,
 Къ низу осѣла земля, съ нею потоки слились.
 Я, бывъ дотолѣ громадой безъ виду, безобразной глыбой,
 Я получилъ тогда ликъ, бога достойный составъ.
 Но, и теперь, какъ признакъ неправильной прежней фигуры,
 Что у меня впереди, то же найдешь и въ тылу.
 Вотъ и другая причина странной тебѣ моей формы
 (Въ ней уясняется тотчасъ трудъ и служенье мое):
 Все, что ни зришь, небеса, облака, и море, и землю,
 Все то моей ждетъ руки, — нужно замкнуть, отпереть.

¹ Стулъ — Sella curulis римскихъ magistratum curulium.

² Т. е. въ устахъ передняго, обращеннаго къ поэту лица.

Мнѣ одному принадлежить стража обширнаго міра;
 Право врюкъ повернуть — право повсюду мое.
 Я захочу — и выпущу Миръ изъ подъ тихаго крова,
 Пусть онъ свободно идетъ въ мірѣ просторномъ гулять;
 Я не запру губительныхъ войнъ подъ крѣпкимъ запоромъ, —
 Кровью земля протечетъ, крови сопутствуетъ смерть.
 Юпитеръ въ небѣ входя-исходя не мануетъ услуги
 Вратника: съ Горами тамъ я предъ вратами сижу.
 Видишь, откуда имя мнѣ Янусъ¹; когда же при жертвѣ,
 Жрецъ возложить пирога, соль примѣщавши къ мукѣ,
 Странное имя услышишь: Патулціусъ, Клузіусъ, — имя,
 Коемъ въ молитвахъ меня смѣной взаимной зовутъ²;
 Это остатокъ древности грубой: различіемъ прозвищъ
 Думали вѣрно назвать двѣ стороны существа.
 Каждая дверь о двухъ лицахъ: однимъ она смотритъ къ народу,
 Изъ дому вонъ, а другимъ смотреть къ Ларамъ во внутрь;
 И, какъ привратникъ у вашихъ домовъ, сидя при порогѣ,
 Видитъ того, кто вошелъ, видитъ нашедшаго вонъ:
 Также точно и я, небесныхъ чертоговъ привратникъ,
 Вижу заразы и востокъ, вижу и западный край.
 Ты чай видалъ у Гекаты три развѣтвившихся лика,
 Ибо она стережетъ три перекрестныхъ пути;
 Также и я, чтобы мигъ не терять поворотами шеи,
 Время не трата, смотрю разомъ туда и сюда».

Кончилъ онъ рѣчь; по лицу благосклонному было замѣтно,
 Еслибъ еще я спросилъ, онъ бы еще отвѣчалъ.
 Тутъ я безъ страха, воздавъ благодарность, въ душѣ ободравшись,
 Вымолвилъ нѣсколько словъ, взоръ свой потупя къ землѣ:
 — Странно, зачѣмъ новый годъ начинаютъ въ холодное время?
 Развѣ не лучшебъ начать свѣтлой и ясной весной?
 Все тогда въ цвѣтѣ, тогда время года новый періодъ;
 Новый сквозь толстой коры рвется цвѣтистый шишокъ;
 Дерево новой и свѣжей лозою спѣшить пріодѣться;
 Сѣмя скрывая въ землѣ, къ верху всподзааетъ трава;
 Въ воздухѣ теплою несутся веселые птичьи напѣвы:
 Въ чистыхъ зеленыхъ лугахъ прыгаютъ рѣзво стада;
 Ласковъ теплый лучъ солнца; давно невиданная гостья,
 Ласточка гнѣздитъ гнѣздо тамъ, гдѣ повыше косякъ;
 Поле подвластно труду и ждетъ обновиться подъ плугомъ:
 Было бы лучше начать годъ до весенней порѣ? —

¹ Этимъ указываетъ Янусъ на связь своего имени съ именемъ двери, входа, *Janua*.

² По словопроизводству *Patulcius* заключаетъ въ себя помятое отверстаго, *Clusius* запертаго; эти имена попеременно употреблялись въ призываніяхъ Януса.

Много въ вопросѣхъ прилежъ я; немного отвѣтомъ онъ медлилъ;
 Въ двухъ — и небольше — стихахъ такъ свою рѣчь заключилъ:
 «Зимнее солнцестоянне — зачало теченію Феба»¹;
 Съ Фебомъ же намъ заодно слѣдуетъ годъ начинать». Странно мнѣ было: зачѣмъ въ первый день наступившаго года Тяжбы ведутся въ судъ? Янусъ мнѣ такъ объяснилъ:
 «Дѣлъ-производству я отдалъ начало временъ съ тою цѣлю, Чтобы текущій весь годъ не былъ, пожалуй, гнѣивъ. Съ тою же цѣлю кладутъ здѣсь зачало и каждому дѣлу, Промыселъ каждый беретъ пробу и опытъ труда». Я продолжалъ: — для чего, призывая боговъ на молитвѣ, Все таки прежде тебѣ даванъ несемъ и вино? «Многу хранятся пороги, сказадъ онъ, и доступъ къ верховнымъ Мимо меня не найти; я лишь могу допустить». — Такъ; но зачѣмъ въ новый годъ спѣшимъ мы другъ друга поздравить, Счастья и благъ пожелать, временемъ первыхъ календъ? — Янусъ, опершись на посохъ, тотчасъ уяснилъ мнѣ причину:
 «Въ каждомъ началѣ всегда есть предвѣщанье впередъ; Къ первому слову съ особеннымъ страхомъ склоняемъ мы ухо; Первая птица даетъ авгуру вѣщій совѣтъ. Храмы отверзты, — отверзтъ слухъ боговъ: потому не напрасно Шепчутъ обѣты уста; въ словѣ глубокой есть вѣсь.» Скоро, прервавши молчанье, опять спросилъ я у бога (Такъ что къ послѣднимъ словамъ рѣчь примыкала моя):
 — Чтò значать эти подарки, плодовъ взаимная мѣна, Смоква, и финикъ, и медъ въ чистыхъ, прозрачныхъ сосахъ? — «Въ этомъ опять, отвѣчалъ онъ, таинственный смыслъ предвѣщанья: Сладокъ подарокъ на вкусъ, — сладокъ пройдетъ цѣлый годъ.» — Сладкаго смыслъ мнѣ понятенъ; зачѣмъ же дарятъ еще деньги? Ты ужъ и здѣсь помоги праздника смыслъ уяснить. — «Ахъ, какъ ты мало знакомишь съ своимъ вѣкомъ!» сказадъ усмѣхнувшись Янусъ; «думаешь, медъ слаще, чѣмъ денежный даръ? Въ жизни своей одного лишь мнѣ видѣть случилось Сатурна; — Онъ лишь одинъ не любилъ въ деньгахъ искать барыша, Съ ходомъ вѣковъ увеличилась страсть къ стяжанью, а нынѣ Это важнѣйшая страсть, нѣтъ ея выше другой. Нынче дороже богатство, чѣмъ было въ старинные годы, — Бѣденъ народъ былъ тогда, бѣденъ зачавшійся Римъ. Хижина малая кровомъ была для рожденнаго Марсомъ; Ложемъ служилъ — но рѣкъ набранный медкій тростникъ; Юпитеръ въ маленькой храмилъ, тѣсною, ела уставилъся,

¹ Солнца.

² Это не противорѣчитъ прежнимъ словамъ: «тажба и ссора пусть столкнутся. Во время январскихъ календъ каждое дѣло начинадъ тогдамо для виду, слегка.

Въ правой рукѣ его былъ сдѣланъ изъ глины перунъ:
 Вѣтви боговъ украшали, еще не блисталъ Капитолій;
 Самъ не гнѣнился пасти въ полѣ сенаторъ овецъ;
 Не было стыдно искать на соломѣ покой своимъ членамъ,
 Не былъ зазоръ подложить въ головы сѣна клочокъ;
 Консулъ расправу чинилъ для народа прямо отъ плуга;
 Скудный достатокъ сребра могъ обвиненъемъ служить.
 Но, прошло время — Фортуна подвела любимое мѣсто,
 Римъ, воздвигая главу, горнихъ коснулся боговъ.
 Выросли скоро богатства, съ богатствами страсть къ нимъ слѣпая;
 Съ тѣхъ поръ чѣмъ больше берутъ, тѣмъ ненасытнѣй хотять.
 Ищутъ ревниво другъ передъ другомъ, за тѣмъ чтобъ растратить;
 Тратятъ — и снова найти другъ передъ другомъ спѣшатъ.
 Смѣна взаимная денегъ и нужды — питаетъ пороки;
 Такъ и въ богѣзняхъ иныхъ — тотъ же замѣтенъ примѣръ:
 Если когда разболѣвшись чрево страдаетъ водяной,
 Чѣмъ больше будетъ кто пить, тѣмъ больше жажды къ водѣ.
 Цѣнность въ одной цѣнѣ денегъ; цензъ лишь одинъ даетъ почестъ,
 Цензомъ достанешь друзей; бѣдный заброшенъ лежитъ.
 Но, ты быть можетъ согласишь: ужъ ежели нужны подарки,
 То для чего въ новый годъ любить дарить чаще мѣдъ?
 Это за тѣмъ, что въ старинномъ ходу была мѣдъ; нынче же злато —
 Лучшій, прямой талисманъ, вмѣсто истертыхъ монетъ.
 Такъ точно храмъ позлащенный пріятнѣй намъ нынѣ: къ величью
 Бога онъ лучше идетъ; но, при всемъ томъ, старину
 Мы не осудимъ въ изгнанье и часто ее одобряемъ.
 Вотъ почему въ новый годъ золото часто даримъ,
 Ибо монетъ стародавнихъ ужъ меньше; при всемъ томъ, однако,
 Любимъ мы также порой прежнюю мѣдъ вспомануть.
 Хвалимъ мы древнихъ, въ дѣлахъ же послѣдуемъ вѣку: обычай
 Дара и тотъ и другой слѣдуетъ равно намъ чтить.¹
 Кончилъ онъ; снова спросилъ я: — зачѣмъ на старинныхъ монетахъ
 Видимъ съ одной стороны въ ясной чеканкѣ корабль,
 Между тѣмъ образъ какой-то двуликій съ другой чуть замѣтенъ? —
 «Если бы древность сама (такъ ключеносецъ сказалъ)
 Съ ходомъ временъ не попортила мѣдъ и черты не затерла,
 Ты бы легко могъ узнать обликъ моей головы.
 Что до суда, то на немъ издадека богъ косоносный,¹
 Долго по міру блуждавъ, къ тибрскимъ приплылъ берегамъ.
 Сыномъ Юпитеромъ былъ онъ изринутъ изъ царства на небѣ;
 Помню, какъ принять онъ былъ здѣшной радушной землей.
 Долго съ тѣхъ поръ за народомъ имя Сатурна держалось;
 Лаціумъ — прозванъ такъ былъ, скрывъ прищелца у себя¹.

¹ Здѣсь игра словъ или лучше словопроизводство: *Latium* — *latente deo*.

Самъ тогда жилъ я по правому берегу Тибра, въ томъ мѣстѣ,
 Гдѣ его желтой волной край прилежащій омыть.
 Гдѣ теперь Римъ, зеленѣлъ тогда гѣсъ непосѣченный; странно! —
 Мѣсто святыни такой — пастбище было воламъ!
 Вышгородъ мой былъ тотъ холмъ, что зовется по нынѣ Яникулъ, —
 Память живая о мнѣ; царствовалъ я въ тѣ года,
 Въ давнее время, когда межъ людей жили боги, и можно
 Было землѣ выносить жизнь такихъ славныхъ гостей.
 Кривда людская не прогнала еще Правды: всѣхъ позже,
 Позже другихъ всѣхъ, съ землей грустно разсталася она.
 Стыдъ, а не страхъ и насилье народомъ тогда управляли;
 Не было трудно блюсти право средь тѣхъ, кто былъ правъ:
 Войнъ я не зналъ никакихъ, хранилъ я лишь мирные входы;
 Вотъ все оружье мое!» ключъ приподнявъ, онъ сказалъ.
 Я не замогъ: — если столько есть зданій, зовемъ мы ихъ Янусъ,
 То почему лишь въ одномъ виденъ священный кумирь,
 Тамъ, гдѣ твой храмъ примыкаетъ къ двумъ форумамъ близкою связью? —
 Такъ предложилъ я вопросъ, вызвать ища разговоръ,
 Янусъ же, длинную бороду, важно лежавшую, глядя,
 Тація деракій походъ весь до конца расказагъ;
 Какъ ненадежный и вѣтреный сторожъ — дѣвица Тарпея,
 Перстней цѣной обольстася, къ замку враговъ провела.
 «Съ этой вершины, — прибавилъ здѣсь Янусъ, — въ ту пору, какъ нынѣ,
 Шелъ внизъ утесистый скатъ, въ глубь подлежащихъ долинъ.
 Вотъ ужъ достигъ до воротъ царь Тацій; коварно Юнона
 Крѣпкихъ запоровъ оплотъ прочь постаралась прибрать.
 Съ сильнымъ такимъ божествомъ побоялся тогда я заспорить;
 Къ хитрости тонкой прибѣгъ, вспомнивъ искусство свое:
 Властью мнѣ данной отверзъ я въ исходницѣ быстрый источникъ,
 Выбросилъ воду на верхъ, брызгалъ, кропилъ, обливалъ;
 Прежде жъ того я въ холодныя жилы сѣры подбросилъ,
 Чтобы врага задержать ѣдкой и жгучей струей.
 Послѣ того, какъ дѣло свершилось, бѣжали Сабины,
 Мѣсту — какъ было оно — я прежній видъ возвратилъ.
 Граждане жертвенникъ мнѣ посвятили и маленькой храмикъ:
 Здѣсь-то куреня мнѣ шлютъ, ставя пшеничный пирогъ.»
 — Но, для чего же Януса зданья замкнуты средь мира,
 Отперты только въ войнѣ? — Янусъ тотчасъ отвѣчалъ:
 «Чтобъ для народа возвратъ съ поля битвъ былъ открытъ и доступецъ,
 Настежъ я двери держу, путь не закрыть никому;
 Въ мирѣ же двери спѣшу запереть, чтобы онъ не ушелъ какъ;
 Впрочемъ при Цезаряхъ здѣсь долго я буду замкнуть. . . .»
 Такъ онъ сказалъ, и поднявши взоры въ различныя страны,
 Миръ весь кругомъ обозрѣлъ, цѣлой вселенной дѣла;

Миръ былъ повсюду. Тебѣ же, Германикъ, залогомъ триумфа,
 Рейнъ свои воды вручалъ, воды покорность несла.
 Явусь! Дай миру и мира виновникамъ вѣчность; творцу же,
 Автору, дай завершить — дѣло, начатое имъ¹!

Но если Овидій въ Фастахъ такъ тѣсно привязанъ къ римскимъ учрежденіямъ; если мнѣвъ является здѣсь у него на второмъ планѣ и подчиняется постороннимъ цѣлямъ, то можно спросить еще, — слѣдовалъ ли поэтъ въ этомъ случаѣ своей природной и воспитанной наклонности, или повиновался еще какимъ либо другимъ обстоятельствамъ? Первый отвѣтъ будетъ конечно тотъ, что Овидій по собственной наклонности останавливался преимущественно на учрежденіи, а не на мнѣвъ: причина заключалась въ знакомыхъ уже намъ особенностяхъ его жизни, характера, положенія; это былъ художникъ, но художникъ не мечтатель, человекъ практикъ, занятой окружавшею дѣйствительностію, основанный ея привлекательнымъ блескомъ, заинтересованный изящною наружностію, интересами общественными, городскими. Однако такое объясненіе еще неудовлетворительно, и неудовлетворительно по слѣдующей причинѣ: рядомъ съ Фастами, и въ одно время съ ними, онъ писалъ свои «Метаморфозы» рядъ самыхъ смѣлыхъ мнѣологическихъ расказовъ, начиная отъ Хаоса, проходя нѣкоторые отдельные пункты мнѣической Греціи и Италіи, и кончая Юліемъ Цезаремъ; это былъ первый увлекательнѣйшій и фантастическій романъ классической древности, начало послѣдующаго романскаго творчества. Мы видимъ отсюда, что Овидій былъ также наклоненъ къ мнѣамъ, ихъ образамъ, ихъ картинамъ. И такъ мы должны поискать еще другой причины, для объясненія того, почему въ Фастахъ Овидій держался преимущественно учреждений, а для мнѣовъ открылъ иное поле. Наврасно стали бы мы искать далеко; напрасно стали бы утверждать, что въ Фастахъ Овидій сдерживалъ одинъ только порядокъ календаря: рамка одна не помѣшала бы увлеченію прихотливаго таланта, и мы видели, какъ часто вырывался онъ изъ подлѣ условій предписанныхъ, какое оригинальное содержаніе успѣлъ развить въ предѣлахъ данной формы. Объясненіе лежитъ гораздо ближе — въ необыкновенномъ тактѣ художника, тактѣ, который давалъ ему возможность отгадывать вездѣ истинный путь и необходимые, естественные приемы. Этотъ тактъ угадалъ, сознательно или безсознательно, ту важную истину, что говоря о римской религіи нужно имѣть въ виду

¹ Сравните скудную, разбросанную въ Энеидѣ черты Явуса (VII, 180, 610; VIII, 357, 358; XII, 198 и др.).

главнымъ образомъ римскія учрежденія; что мифъ не составляетъ здѣсь существеннаго; что для мифа есть Греція, обширнѣйшее и всегда благодарное поприще для фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ *Метаморфозахъ* Овидій остановился преимущественно, и почти исключительно, на сказаніяхъ Греціи; перехода къ Италиі, въ послѣднихъ книгахъ, онъ коснулся ея мифовъ именно съ той стороны, съ какой они допускали весь произволъ воображенія, исключали серьезное исканіе реальной и существенной истины, и наконецъ не встрѣчались съ предписаніями римской религіи. Такого увлеченія онъ не позволилъ себѣ въ *Фастахъ* и въ изложеніи самыхъ мифовъ быть здѣсь гораздо строже и точнѣе. Подобнаго такта, или лучше, подобной мѣры такта мы не находимъ въ *Виргиліи*, ибо онъ способенъ былъ скорѣе и глубже поддаться увлеченію. Въ этомъ убѣдятъ еще болѣе слѣдующія строки.

Мифическихъ героевъ Италиі Овидію почти вовсе не приходилось имѣть въ виду; у *Виргилія*, напротивъ того, въ послѣднихъ шести книгахъ *Энеиды*, они стояли на первомъ планѣ. А между тѣмъ Италиі не имѣла собственно героическаго періода! Правда, по городамъ и мѣстечкамъ ходили отрывочныя сказанія о герояхъ; правда, *Виргилій*, наряду съ лучшими умами своего вѣка, исходилъ изъ убѣжденія объ отдаленномъ тождествѣ пелазгическихъ началъ Греціи и Италиі, и потому не гнушался греческими именами и преданіями. Но трудность оставалась все таки во всей своей силѣ. Во первыхъ, во что бы то ни стало, ему нужно было надѣлать героевъ; отсюду онъ собиралъ и призывалъ ихъ, — они явились: но, лишенные мифа, они были страшны съ своими мелкими чертами, съ своими блѣдными лицами; не смотря на всѣ усилія поэта, нѣкоторые изъ нихъ пересчитаны только поголовно, обозначены однимъ лишь именемъ. И эти блѣдныя фигуры должны были дѣйствовать! Нужно было дать имъ характеръ: *Виргилій* подбиралъ мельчайшія черты, изъ разнородныхъ оттѣнковъ слѣпилъ одинъ образъ, нарушалъ для своей цѣли преданія, смѣшивалъ и сводилъ въ одномъ героѣ различныя эпохи, и для послѣдующей критики оставилъ самый разительный примѣръ страшныхъ усилій учености, крайней напряженности таланта. При всемъ томъ дѣло не всегда удавалось: нѣкоторые обозначившіеся характеры получали драматическій оттѣнокъ, и, пріобрѣтши силу, разрывали спокойное теченіе эпическаго расказа. Вотъ та напряженность, то усиліе, которыя такъ тяготятъ вниманіе читающаго! Ясно, что причина явленія лежитъ не въ отсутствіи самостоятельности или недостаткѣ таланта, а въ самомъ выборѣ предмета, въ особенностяхъ первобытной народнои эпохи, скудной сказаніями, — матеріаломъ послѣдую-

щого творчества *Виргилія* ¹. Характеръ напряженности переходитъ отъ героевъ и на остальные описанія ²; римскія религиозныя учрежденія, чертами которыхъ пользуется поэтъ для изображенія древней *Италія*, не уясняютъ намъ старины, теряя необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ и свое специальное значеніе ³. По счастью, у *Овидія* мы не встрѣтимъ такихъ особенностей. Тогда какъ *Виргилію* предстояла задача съ немногими данными строить цѣлую поэму, подбирать мельчайшія черты разбросанныхъ преданій и надѣяться повсюду только на силу собственнаго таланта и богатыя средства искусства, въ то же время въ *Фастахъ* богатство матеріала не оставляло желать ничего болѣе; оно облегчало дѣло художника; за что ни возьмись, можно было сказать очень много — отъ поэта зависѣло сказать хорошо и красиво; но подниматься и парить ему вовсе не было нужды. Это приходилось какъ нельзя болѣе по характеру *Овидія*: онъ могъ выбрать и то, и другое, и третье, затронуть одно, увлечься другимъ, и матеріалъ былъ все таки не исчерпанъ; тѣсная, повидимому, рамка календаря представляла на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе свободы таланту, чѣмъ обширное поле древнихъ *италіанскихъ* преданій. Не было, правда, той грандіозности, въ которой отпечатѣлся личный характеръ *Виргилія*, и которая въ самомъ произведеніи его была вѣнцомъ и наградой неусыпныхъ и трудныхъ усилій: но за то *Овидій* избѣжалъ соединенной съ тѣмъ напряженности; и если частенько прикидывался, если любилъ свиданія съ божествами, цѣпенѣлъ и хладѣлъ, то все это такъ невипно, такъ забавно, и наконецъ такъ несовмѣстно со всѣмъ остальнымъ, что мы не въ силахъ обмануться, не захотимъ строго судить, да и самъ поэтъ готовъ тотчасъ признаться въ своей шалости. Нѣтъ нужды, что при повторяющихся явленіяхъ календаря должно было и въ словахъ *Овидія* встрѣчаться довольно повтореній ⁴: ихъ нѣтъ у *Виргилія*, за

¹ Перечисленіе и характеристику дѣйствующихъ лицъ можно найти главнымъ образомъ: VII, 647 — 817; VIII, 585 — 591; X, 146 — 215 и др. Греческое происхожденіе, греческія преданія, обличаютъ всего больше герои — союзники *Туриа*. Смѣшанность видна особенно въ рассказѣ о *Гипполитѣ* и *Вирбинѣ* (VII, 76 и дал.), гдѣ *Виргилій*, чтобъ получить конника, нарушилъ тишь чистоты героя и повѣрѣя *Ариціи*. VII, 752: изъ города сдѣлалъ царя; 706 и дал., перевелъ изъ поддѣйшаго времени *Клауза*; 803 и дал.: въ соотвѣтствіи Гомеру амазонка *Камилла* и т. д. Усиліе развѣтвить какъ можно болѣе образъ героевъ видно на *Туритѣ* (VII, 783 и дал.), гдѣ поэтъ заставилъ даже химеру на шлемѣ изрыгать пламень. Трагическія положенія лицъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ: VII, 758 и дал.; VIII, 109 — 121, и мн. др.

² Таково описаніе города и дворца *Латина*, VII, 160 и дал.

³ См. ниже, мѣста изъ *Сервіа*.

⁴ Такъ напримѣръ всякому невольно можетъ надоесть *Атласъ*, безпрестанно являющійся съ своею тяжелою ношею.

то есть постоянная монотонность. *Виргилій* доказаль своимъ произведеніемъ, что у Римлянъ не могло быть высокаго развитія эпоса, даже въ его позднѣйшемъ, вторичномъ, художественномъ явленіи, ибо созданія первобытнаго, народнаго эпоса были слишкомъ ничтожны; онъ доказаль, что если кто могъ сколько нибудь успѣть въ этомъ дѣлѣ, то развѣ одинъ только *Виргилій*, съ его талантомъ, съ его увлеченіемъ; еще болѣе: онъ доказаль, что современный ему поря- докъ вещей заключаль въ себѣ что-то искусственное, напряженное; что энергія, имъ возбужденная, или его вызвавшая, разрывалась и слабѣла въ соприкосновеніи съ дѣйствительностію, ибо восторгъ тотчасъ оказы- вался бѣднымъ по содержанию; что періодъ *Энеадъ* былъ слиш- комъ отдѣленъ долгимъ промежуткомъ; что на такомъ разстояніи необходимо терялся и глохнулъ голосъ преданія, и что снова при- звать къ жизни всѣ эти сказанія и повѣрья можно только искусствен- ною системою. У *Овидія* мы видимъ напротивъ, что собственное мѣ- сто Римлянина было тамъ, гдѣ дѣло касалось положительнаго состава учреждений, что можно было порою и увлечься, но все же слѣдова- ло оставаться поближе къ дѣйствительности, и что наконецъ, взяв- шись главнымъ образомъ за учреждения, *Овидій* былъ совершенно въ уровень съ своимъ положеніемъ. Такое различіе обоихъ поэтовъ открылось и еще съ одной замѣчательной стороны. Извѣстно, что ни тотъ ни другой не закончили обработки и отдѣлки своихъ про- изведеній; *Овидій*, какъ мы видѣли, очень жалѣль о томъ, въ из- гнаніи принялся снова за дѣло и готовъ былъ употребить очень лов- кій и удачный оборотъ, посвятить *Фасты* *Германику*. Не то случи- лось съ *Виргилиемъ*: имъ овладѣло тяжелое сомнѣніе, и предъ смертію хотѣль онъ сжечь свою *Энеиду*.

Все ведетъ къ тому, что надобно начинать изученіе римской ре- лигии съ *Овидія*, а не *Виргилія*, или, что почти тоже, съ римскаго учреждения, а не съ мѣста и италійскихъ повѣрій и преданій. Вотъ почему между прочимъ избрали мы *Фасты* *Овидія* предметомъ настоя- щаго изслѣдованія. Къ этому присоединяется еще нѣсколько очень важныхъ обстоятельствъ. *Виргилій* въ своемъ произведеніи имѣеть ту характеристическую особенность, что подъ эпическимъ рассказомъ скры- ваетъ вліяніе своихъ источниковъ, своихъ научныхъ приѣмовъ; объ нихъ узнаемъ мы подробности изъ комментаторовъ; но слова поэта, взятая отдѣльно, представляются самымъ положительнымъ и твердымъ фактомъ, а потому легко могутъ ввести въ заблужденіе изучающаго, если онъ забудетъ, что *Виргилій* много изучаль, повѣрляль, порою раздѣляль или сливаль, что не должно. Въ *Фастахъ* напротивъ весь

процессъ работы очень легко вскрыть и вывести наружу; Овидій самъ указываетъ источники, приводитъ мнѣнія другихъ, предъ вашими глазами выбираетъ и оцѣнваетъ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ вы совершенно входите въ его лабораторію. Главная задача его труда — отыскать или объяснить причину, почему: *causam cur*. Онъ такъ опредѣляетъ цѣль и составъ произведенія: «я буду пѣть распределение временъ латинскаго года, *причины того*, восхождение и захождение созвздія¹.» Или: «дѣло этого произведенія — отыскивать причины².» Описавши какой либо обрядъ или обычай какъ есть, авторъ тотчасъ спѣшитъ къ происхожденію и причинѣ: «изложенъ мною обычай, остается его происхождение³.» Ни одно почти слово не встрѣчается такъ часто во всемъ произведеніи, какъ *причина* (*causa*). Откровенно иногда признается онъ, что не разумѣетъ и не знаетъ происхожденія или основной причины извѣстнаго явленія⁴. Какъ ни разнообразилъ поэтъ подобія выраженія и обороты, все же, разумѣется, они свидѣлствуютъ не въ пользу поэзіи; мы готовы даже съ нѣкоторыми, если уже это нужно, называть фасты Овидія *дидактическимъ* произведеніемъ (хотя считаемъ нужнымъ замѣтить, что это нисколько не говоритъ противу поэтическаго достоинства, ибо такое названіе усвоено и Георгикамъ Вергилія, самому поэтическому изъ его произведеній): во всякомъ случаѣ такая композиція труда имѣетъ важное и благотѣльное значеніе *для изучающаго*; и мы увидимъ ниже, что эпическій расказъ Энеиды, заслонившій собою предварительный процессъ ученыхъ трудовъ, повелъ истолкователей ко многимъ страннымъ недоразумѣніямъ. При этомъ нельзя однако скрыть и одно неоспоримое преимущество, которымъ Вергилій превосходитъ показанія Овидія: излагая мнѣ или повѣрье, онъ не высказываетъ собственнаго мнѣнія о немъ, а представляетъ его просто, въ послѣдательной нити расказа⁵. Это обыкновенное свойство и достоинство

¹ F. I, 1—2: «tempora cum causis Latium digesta per annum, lapsaque sub terras ortaque signa canam.» Тоже самое: IV, 11, 12. Большею частью значеніе своихъ изслѣдованій Овидій выражаетъ оборотами: «спрашиваешь, почему то-то?» «искалъ я причины»;... «ищите вы причины?» «Узнай причину»; «есть ли то причина,» и т. п. Такихъ оборотовъ бездна.

² F. III, 725: «Carminis hujus opus causas exponere.»

³ IV, 483: «Expositus mos est; moris mihi restat origo.» О множествѣ приводимыхъ мнѣній, ихъ разборъ, оцѣнку, см. IV, 484 и дал.; V, 5—6; VI, 1—2 и дал.; мн. др.

⁴ V, 2: «non satis est liquido cognita causa mihi». 381: «quorum me causa latebat.» и др.

⁵ Аен. VII, 177 и дал.; VIII, 120 и дал.; это замѣталъ и Сервій, 226: «perseverat in fabula», т. е. остается вѣрять объективной передачѣ мнѣ. — VIII, 319 и дал.; мног. друг.

эпического поэта. Между тѣмъ Овидій непрерывно приводитъ свои собственные толкованія и объясненія, стараясь по своему представить значеніе мѣта, обряда, и т. п.: ббольшую часть такихъ личныхъ сужденій мы принуждены оставлять безъ особеннаго вниманія; аргументація еще съ раннихъ лѣтъ не давалась Овидію ¹.

Ходъ изложенія самъ собою приводитъ насъ теперь къ вопросу о томъ, къ какой системѣ релігіозныхъ толковъ принадлежалъ Овидій, какъ понималъ онъ въ философскомъ отношеніи дѣло, и какими средствами думалъ отыскать здѣсь прочныя основанія.

Благодаря статьѣ, помѣщенной во второй книгѣ этого сборника (миѣческая Греція), мы не имѣемъ здѣсь нужды входить въ разсмотрѣніе того, какія системы толкованія мѣетовъ существовали въ Греціи; мы укажемъ, и то только въ самыхъ общихъ чертахъ; нѣкоторыя особенности римскаго пониманія. Не прошедши во всей глубинѣ полнаго развитія релігіозныхъ представеній, Римъ не могъ достигнуть самостоятельности и въ философіи: въ его образованности повторились системы и школы мыслителей греческихъ. Но характеръ нѣкоторой оригинальности долженъ былъ оказаться и здѣсь. Прежде всего мы замѣчаемъ въ Римѣ преобладаніе двухъ главныхъ философскихъ системъ и, въ зависимости отъ нихъ, преобладаніе двухъ главныхъ путей въ пониманіи мѣеологіи: школы эвгемеристической или, по выраженію Грота, полусторической, которой держались Эпикурейцы, и потомъ системы стоиковъ, отличавшейся толкованіемъ аллегорическимъ. Очень естественно: бѣдный мѣетами, Римъ вышелъ за то къ болѣе близкому, практическому пониманію дѣйствительности; его жизнь, менѣе чѣмъ жизнь Греціи, уходитъ въ эпоху мѣеическую; съ своими учрежденіями она прямо и непосредственно принадлежитъ внѣшней, положительной исторіи. Такой характеръ долженъ былъ дѣйствовать обратно и на пониманіе отдаленныхъ сказаній: мѣетъ, если онъ существовалъ, представлялся историческимъ фактомъ, боги и герои Италіи явились законодателями; здѣсь объясненіе первымъ главамъ Ливія и взгляду Діонисія Галикарнасскаго на мѣеическую эпоху. Съ другой стороны, особенность мѣеологическаго развитія привела еще рано съ собою множество отвлеченныхъ понятій, заступившихъ мѣсто живыхъ образовъ мѣеологіи: ни одна релігія не богата ими въ такой степени, какъ римскяя. При такой склонности, еще болѣе могло привлечь къ себѣ послѣдователей аллегорическое толкованіе, повидимому восполнявшее своими отвлеченностями ту ску-

¹ Seneca, Controv. II, 10: «molesti illi erat omnis argumentatio».

доть истиннаго содержанія, которою страдалъ мнѣ; чѣмъ бѣднѣе былъ мнѣ самобытною жизнію, тѣмъ сильнѣе было желаніе восполнить недостатокъ его развитія какими бы то ни было философемами: фактъ, обыкновенный во многихъ случаяхъ психической и исторической жизни.

Разнообразные отбѣнки подобнаго рода объясненій легко можно прослѣдить въ сочиненіяхъ Цицерона, а особенное воззрѣніе философіи природы въ извѣстномъ произведеніи Лукреція «De rerum natura». Надобно однако замѣтить, что различіе философскихъ началъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ Греціи, среди римской литературы можно начисто отличить развѣ только при первыхъ цезаряхъ. Если уже у Сенеки видна нѣкоторая непоследовательность, то еще болѣе можно сказать о другихъ: эклектизмъ былъ естественнымъ и необходимымъ характеромъ римскаго философскаго мышленія; онъ отличаетъ уже Цицерона, при всей его склонности къ стоицизму, и сдѣлался главнымъ замѣтнымъ характеромъ мыслителей позднѣйшихъ. Нѣтъ нужды упоминать, что такого рода убѣжденія колебали въ самой основѣ народныя вѣрованія. Если уже древнѣйшіе памятники Рима заключали въ своихъ показаніяхъ много неопредѣленности, какъ то справедливо замѣтилъ г. Крюковъ въ истолкованіи названія индигитаментъ¹: то уже почти во время Катона Старшаго мы встрѣчаемъ поспѣшное стремленіе восполнить скудость данныхъ полусторическимъ толкованіемъ; Эний, переложившій въ стихахъ летописи, былъ въ то же время переводчикомъ и послѣдователемъ Эвгемера. Свидѣтель только что начинавшагося поворота, Катонъ дѣйствовалъ еще иначе: объясняя въ своихъ «Origines» начало и древности городовъ и обычаевъ до-римской Италіи, онъ имѣлъ въ виду тождество пеласгическихъ началъ и не рѣдко обращался за доказательствами къ древней Греціи. Но и здѣсь была своя доля ошибки, особенно замѣтная у позднѣйшихъ послѣдователей этой метода. Для разъясненія италійскаго мѣста они брали соответствующій мѣстъ Греціи, но не въ его близости къ пеласгической общей основѣ, а въ состояніи позднѣйшемъ, развитомъ въ смыслъ такомъ, который былъ выработанъ уже оригинальностью гелленскаго воззрѣнія. Необходимымъ слѣдствіемъ было то, что при блескѣ греческаго искусства еще болѣе умалаялся и блѣднѣлъ мѣстъ Италіи.

Мысль помочь этому и возобновить самостоятельность народнаго

¹ Мысли о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи.

сказанія принадлежит главнымъ образомъ Варрону, современнику Юлія Цезаря. Въ своихъ сочиненіяхъ, доходившихъ числомъ до пятисотенной цифры, преданный весь римскимъ древностямъ, онъ держался главнымъ образомъ филологическаго метода, ища объясненій мѣстамъ и учрежденіямъ въ данныхъ латинскаго языка; дѣло не всегда удавалось, терялось иногда въ частности, но тѣмъ не менѣе сообщило главный тонъ и характеръ послѣдующимъ изслѣдованіямъ; въ большомъ количествѣ начали являться монографіи, филологическія извлеченія, сборники отрывочныхъ свѣдѣній и извѣстій, и ближайшимъ образомъ такихъ сборниковъ было знаменитое сочиненіе Верріа Флакка: *De significatione verborum*. Труды Варрона дошли до насъ въ ничтожныхъ почти отрывкахъ, лишенныхъ притомъ полной достоверности, но и отсюда мы можемъ почерпнуть нѣкоторыя характеристическія черты. Добывая результаты филологическими средствами, Варронъ въ систематизированіи ихъ и пониманіи, хотя и склонялся болѣе къ аллегорическому толкованію, но, говоря вообще, былъ совершенный эклектикъ; особенностями своего воззрѣнія онъ образовалъ совершенно отдѣльную школу; всѣ послѣдующіе археологическіе труды носятъ на себѣ вліяніе началъ, имъ избранныхъ. Это побуждаетъ насъ сдѣлать здѣсь вкратцѣ общее обозрѣніе Варроновой системы. «Божеество, говоритъ Варронъ, есть душа міра; а міръ дѣлится главнымъ образомъ на небо и землю, два отдѣла, допускающіе еще нѣкоторыя подраздѣленія. Здѣсь находилъ и отсюда заимствовалъ человекъ понятія божества. Сознанію человѣческому предстали боги, обособленные и отдѣльные, въ двухъ главныхъ разрядахъ: 1. боги изначала извѣстные, всегдашніе, необходимые; 2. существа, изъ людей достигшія божественности, или лучше сдѣланныя богами, и притомъ или общія для всѣхъ, или частно принадлежащія тому или другому народу. Въ историческомъ развитіи Рима одни боги остались навсегда *извѣстными*, ясными, доступными пониманію, ибо словопроизводство ихъ имени очевидно, ихъ мѣны и священнодѣйствія просты и наглядны; другимъ богамъ особенно посчастливилось тѣмъ, что мѣны ихъ получили разпобразное и полное развитіе, а учрежденія и обряды ихъ священнодѣйствій достигли обширности и многосложности; на нихъ съ особенною любовію останавливались и искусство, и испытующій умъ, и законодательство: это боги избранные, *dii selecti*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые боги — третій разрядъ — остались въ сторонѣ, какъ древніе и полузабытые, отдѣляясь отъ другихъ и слабостію обряда, и темнотою мѣна и названія. Далѣе, на исторической ходѣ развитія религіи и мѣнологіи вліяли поэты философы и законодатели. Отсюда три глав-

ные пути въ развитіи понятій о богахъ: миѳическій принадлежащій поэтамъ; физическій или естествоиспытательный — собственность философовъ, и третій — гражданскій или государственный. На первомъ пути въ вымыслахъ послѣдовало много искаженій и несообразностей, — онъ даетъ менѣе, нежели сколько нужно для народа; второй путь даетъ болѣе, чѣмъ дозволено изслѣдованію, и годится скорѣе въ стѣнахъ школы, нежели для публичности; третій гораздо важнѣе и удовлетворительнѣе; но заимствуя много побужденій и подробностей особенно отъ перваго, также не вполне сообразенъ съ сущностію дѣла; если бы можно было снова все переработать, можно бы здѣсь многое поправить. Тѣмъ не менѣе начинать позднѣйшія изслѣдованія слѣдуетъ съ третьяго, и разумный методъ долженъ быть таковъ: должно обратить вниманіе на то, 1) кто совершаетъ священнодѣйствія, т. е. на лица; 2) гдѣ совершается священнодѣйствіе — мѣсто; 3) когда — время; 4) чтѣ совершается — священнодѣйствія, и 5) кому — изслѣдованіе о самихъ богахъ; при такомъ методѣ являются еще болѣе мелкія подраздѣленія. При истолкованіи смысла допускаются ученія и платониковъ, и стоиковъ, и эвгемеристовъ, вообще эклектизмъ. Но главное средство пониманія, — и безъ него ни на шагъ, — филологическій приѣмъ, словопроизводство, коренящееся отчасти на изученіи языка греческаго, по главнымъ образомъ на изученіи языка народнаго, латинскаго, потомъ сабинскаго, и т. д. ¹» Посмотримъ, сколько позволяеть краткость нашего очерка, на выработанные Варрономъ результаты, при объясненіи значенія боговъ. Боги *извѣстные* — каждый имѣеть свою отдѣльную дѣятельность относительно челоуѣка; съ помощію словопроизводства можно легко открыть ихъ благотѣльное вліяніе, сопровождающее челоуѣка отъ колыбели до гроба. Сатурнъ, напримѣръ, имѣеть по корню слова прямое отношеніе къ оплодотворяющему началу; Либерь (Діонисъ!) разрѣшаетъ напряженныя отношенія мужчипы и женщины; ему помогаетъ Либера — Церера и Венера; Постверта и Прорса, — эпитеты Карменты, — указываютъ на положеніе младенца въ утробѣ матери; Парка (согласный звукъ *t* перешель въ *c*) способствуетъ рожденію; даже самъ Юпитеръ, по филологической догадкѣ, *Diespiter*, собственно потому такъ названъ, что выводитъ на свѣтъ младенца (*in diem*); ребенку нужна помощь, —

¹ Aug. de c. D. VII, 6; 28; Serv. Aen. VIII, 275; II, 141; Aug. c. d. VII, 17; IV, 23; VII, 2; IV, 27; VI, 5; VI, 6; IV, 31; VI, 3; Serv. Aen. VI, 703; Aug. c. d. VII, 5; Arnob. VII, 1; Aug. c. d. VII, 28; VI, 6; Fest., наз. О. Мюллера, стр. 310, съ права; Varro de l. l. I, 5, 66, 68, 69, 74, 123.

отсюда Опись; чтобы дѣтя начало говорить, нужно ему раскрыть ротъ, — для этого существуетъ Ватиканусъ; и замѣчательно, что одинъ изъ первыхъ звуковъ ребенка бываетъ звукъ *v* (v), звукъ, съ котораго начинается имя бога, или цѣлый слогъ *va*, и т. д. Относительно супружескаго дѣла многи наимеповаія допускаютъ самыя любопытныя словопроизводства, которыхъ однако мы не рѣшаемся привести¹. Тѣ же интересныя сближенія можно подмѣтить и въ дѣйствительности, окружающей чело-вѣка: нуженъ, напримѣръ, крюкъ для дверей — есть богиня Карна (*θ* выпущено); прошибается ростокъ, въ полъ, на деревъ, — Прозерпина (къ греческому корню слова относиться не нужно, есть свой латинскій); Консусъ подаетъ совѣты; Минерва облегчаетъ, уменьшаетъ трудъ памяти (*minuta opera*); имя Меркурія означаетъ какъ бы бѣгущаго посреди (*quasi medius currens*), это ничто иное, какъ рѣчь между говорящихъ или договаривающихся; быстро, какъ птица, летитъ рѣчь черезъ воздухъ: отъ того у Меркурія крылья². Кромѣ того при сближеніи выходитъ, что одинъ и тотъ же богъ можетъ имѣть самыя разнообразныя и даже противоположныя значенія; куда ни поверни корень слова, вездѣ можно подыскать объясненія; а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе одного божества легко переходитъ въ значеніе другаго и всѣ они легко перемѣшиваются. И вотъ каковы лучшіе изъ источниковъ для нашего дѣла! Съ перваго взгляда всякой сказалъ бы: такія толкованія и филологическія сближенія могутъ позволять себѣ только дѣти, да развѣ еще нѣкоторые современные изслѣдователи нашей отечественной миѳологіи; ни миѳологія, ни религія римская не могли быть таковы въ своей сущности, какими ихъ представляетъ Варронъ; въ его словахъ видно совершенное отсутствіе истиннаго пониманія религіи. Такъ, это отчасти правда³. Но къ сожалѣнію мы должны замѣтить, что съ одной стороны показанныя приемы Варрона имѣли свое право и оправдываются многими обстоятельствами. Конечно, лингвистическія сближенія не всегда умѣстны и надежны въ классической миѳологіи; ихъ настоящее мѣсто въ до-исторической эпохѣ новыхъ народовъ; но римская миѳологія несравненно ниже греческой и составляетъ ослабвующій мало по малу переходъ отъ Востока и Греціи къ новымъ народамъ. Отъ того здѣсь болѣе приложимъ

¹ *Deus Jugatinus, Domicucus, Domitius, dea Manturna, dea Virginensis et deus pater Subigus et dea mater Prema et dea Pertunda et Venus et Priapus. Aug. de civit. Dei VI, 9 cf. IV, 11.*

² Сносокъ не дѣлаемъ по множеству мѣстъ; см. однакожь предыдущее и слѣдующее примѣчаніе.

³ Не даромъ одинъ древній писатель называлъ Варрона *ubique expugnatorem religionis*.

лингвистическій методъ; здѣсь уже можно искать объясненій въ данныхъ языка, ибо часто недостаетъ болѣе значительныхъ фактовъ; потому Варронъ, тамъ, гдѣ онъ не касается сущности высшихъ боговъ своей религіи и объясняетъ множество раздробившихся и измельчавшихъ существъ, обиліе отвлеченныхъ понятій, исполнившихъ собою сумму ходячихъ вѣрованій или лучше повѣрій, тамъ онъ часто паразитично находчивъ и убѣдительно въ показаніяхъ. Съ другой стороны, если дѣйствительно Варронъ чуждъ былъ истиннаго пониманія своей религіи, то это для насъ необыкновенно поучительный фактъ: во первыхъ онъ свидѣтельствуетъ, что на показанія того времени мы не должны уже слѣпо полагаться, разумѣется тамъ, гдѣ они не представляютъ голыхъ фактовъ, а стараются истолковать дѣло; во вторыхъ онъ намъ доказываетъ глубокую порчу современной Варрону религіи и данныя его времени дѣлаетъ неудовлетворительными для объясненія предыдущихъ эпохъ; тамъ міеологія не могла уже имѣть религіознаго значенія, гдѣ нужно было доискиваться ея смысла помощью филологическихъ изслѣдованій¹.

Разсмотрѣвши мнѣнія Варрона, мы не имѣемъ уже нужды останавливаться долго на мнѣніяхъ Овидія. Онъ нисколько не возвышается надъ толкованіями Варрона, какъ такой же страстный охотникъ до филологическихъ словопроизводствъ, такой же любитель аллегорическихъ толкованій и такой же эклектикъ въ философскихъ воззрѣніяхъ на міеологію. Какъ ни старается онъ одѣть слою мысль въ поэтическую

¹ Самое полное возстановленіе текста Варрона сдѣлано Меркелемъ, р. CVI — CCXLVII. Отсылая туда читателя, мы приведемъ здѣсь только доказательство Варронова эклектизма. Вотъ замѣчательное мѣсто изъ Августина *de civ. D. VII, 6.*, показывающее, что Варронъ слѣдовалъ аллегористамъ: *Dicit ergo idem Varro adhuc de naturali theologia praeuens deum se arbitrari esse animam mundi, quem Graeci vocant κοσμος, et hunc ipsum mundum esse deum. Sed sicut hominem sapientem, cum sit ex corpore et animo, tamen ab animo dici sapientem, ita mundum deum dici ab animo, cum sit ex animo et corpore. — Adiunxit mundum dividi in duas partes, coelum et terram, et coelum bifariam in aethera et aëra, terram vero in aquam et humum. E quibus summum esse aethera, secundum aëra, tertiam aquam, infimam terram, quas omnes quatuor partes animarum esse plenas, in aethere et aëre immortalium, in aqua et terra mortalium; a summo autem circuito coeli usque ad circulum lunae aethereas animas esse astra ac stellas, eosque coelestes deos non modo intelligi posse, sed etiam videri; inter lunae vero gyrum et nimborum ac ventorum cacumina aëreas esse animas, sed eas animo, non oculis videri et vocari heroes et lares et genios. И между тѣмъ у того же Августина *de cons. 1, 23, 333.* читаемъ: *Numquid et Varro vel tanquam poeta fingit, vel tanquam academicus dubie ponit, quod dicit talium deorum sacra ex cuiusque eorum vita vel morte — esse composita? — Polyandria Varronis, о которой упоминаетъ Ариобинъ, VI, 6, относится также къ эклектизму.**

Форму, какъ ни старается усладить ловкимъ оборотомъ самое терпкое мудрованіе: при всемъ томъ мы не можемъ не пожалеть, что не одну сотню стиховъ занимають у него самыя вздорныя вещи. Замѣтимъ только, что въ такихъ случаяхъ Овидій не всегда полагается на собственныя сужденія. Тотъ и другой были вѣрными выразителями своего вѣка со стороны тѣхъ направленій, которыя господствовали въ движеніи мысли. Но одному принадлежала область науки, другому область поэзіи: въ этомъ ихъ различіе. Мы знаемъ уже, Овидій былъ прекрасно образованъ, а слѣдовательно хорошо знакомъ съ ходячими мнѣніями своего времени; нѣтъ нужды дѣлать его философомъ той или другой школы: онъ певольно и по необходимости долженъ былъ всасывать въ себя тѣ убѣжденія, которыми пропитано было окружавшее общество. Тѣмъ менѣе можно ожидать отъ него какой либо спеціальной системы воззрѣній въ трудѣ поэтическомъ: здѣсь онъ эклектикъ по преимуществу, и въ этомъ легко убѣдиться, бросивъ первый бѣглый взглядъ на ряды изображаемыхъ имъ божествъ или объясняемыхъ обрядовъ. Онъ высказываетъ иногда нѣсколько мнѣній объ одномъ и томъ же, мнѣній совершенно противоположныхъ и примыкающихъ къ различнымъ тогдашнимъ школамъ; часто даже онъ не склоняется ни на одну изъ этихъ сторонъ, и оставляетъ дѣло нерѣшеннымъ, читателя недоумѣвающимъ¹. При всемъ томъ мы можемъ почти всегда рѣшить, къ какому разряду относится высказанное имъ то или другое мнѣніе, и еще болѣе, мы можемъ даже порою подмѣтить, къ какой именно сторонѣ наклонялся болѣе самъ поэтъ.

Возьмемъ школу аллегорическую. Среди общества, которое привыкло, даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ, подъ Церерою разумѣть хлѣбъ, подъ Венерою любовь, подъ Марсомъ и Бахусомъ войну и вино, подъ Фебомъ и Авророю солнце или день, и зарю, и т. п., среди этого общества трудно было кому либо удержаться отъ привычки аллегоризировать данныя религіознаго сознанія. Когда Овидій рассказываетъ намъ мнѣю поименованныхъ божествъ, трактуеть ихъ чисто съ миѣической точки зрѣнія: мы въ правѣ всегда предположить, что самъ для себя, въ глубинѣ своего затаеннаго сознанія, онъ разуметь здѣсь простое олицетвореніе хлѣба, вина, и т. д., поддѣлываясь только, въ образахъ своей поэзіи, подъ древній миѣической тогъ и складъ. И нужно сознаться, что онъ сбивается часто въ точ-

¹ I, 89 — 283; 319 — 333; II, 283 — 380; III, 170 — 259; 523 — 696; 771 — 789; IV, 783 — 807; V, 1 — 110; 183 — 379; VI, 1 — 100.

какъ своего зрѣнія, избѣгая передъ нами то скрытое свое убѣжденіе, то поддѣлку и искусственность народнаго эпическаго приѣма. Прослѣдите описанія упомянутыхъ и подобныхъ божествъ, и вы убѣдитесь въ сказанномъ. Но, не говоря уже о томъ, что Овидій упорно хочетъ насъ увѣрить, что онъ видитъ здѣсь дѣйствительныя божества, и тратитъ свои поэтическія краски на ихъ образы и мѣны, — не говоря уже о томъ, нельзя не замѣтить, что празднества ихъ онъ приводитъ большею частію въ связи съ какими нибудь историческими или мифическими событіями, ища тамъ начала и происхожденія для представленій религіознаго сознанія¹. Стало быть все таки онъ не даетъ аллегоріи полной силы и исключительности. И точно, аллегорическій толкъ примыкалъ къ стоицизму, а стоицизмъ отличался строгою и правильною системою: аргументація, возможная для Варрона, суроваго воина, писавшаго свои ученые разсужденія въ походной палаткѣ, въ одной изъ тѣхъ грозныхъ битвъ, которыя зачиналъ Юлій Цезарь, эта дѣльная аргументація недоступна была нашему поэту и по его натурѣ, и по свойству предпринятаго труда. Такимъ образомъ, если Варронъ склонялся болѣе къ стоицизму и аллегорисму, то Овидій долженъ былъ тяготѣть къ чему либо другому, болѣе свойственному и сподручному. Казалось бы, школа эпикурейцевъ должна была скорѣе заманить къ себѣ его влеченіе: опыты веселой молодости, характеръ окружающаго общества, даже одинъ примѣръ Горачія, все это начисто могло заручить поэта эпикуреизму. И дѣйствительно, раскрывши Фасты, мы можемъ напасть на мысль эпикурейца: такъ въ одномъ мѣствѣ у него выходитъ, что боги не заботятся даже о собственныхъ своихъ святилищахъ, предоставляя все попеченіе о нихъ людямъ; но и здѣсь нѣтъ никакой чистоты и спеціальности отдѣльной школы, ибо тутъ же, рядомъ, поэтъ молить боговъ, чтобы они стояли за домъ Цезаря². Быть можетъ, однако, по личной особенноти своего таланта любивши выбиваться изъ подъ систематическихъ и школьныхъ предписаній, Овидій легко могъ занять тѣ популярныя начала, которыя выработала Эпикурова школа для объясненія религіи, и именно мифическихъ преданій, — мы говоримъ объ томъ образѣ толкованій, который можно назвать историческимъ или еще лучше полумистическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, аллегорисмъ не могъ имѣть успѣшнаго

¹ I, 637 — 640; II, 631, 632; III, 881; VI, 91 — 96; 637 — 49. — I, 479; IV, 145 — 153; 373 — 376; V, 729, 30; VI, 569 — 636; 778 — 785. — IV, 873; VI, 241 — 249. — IV, 905 — 943 и м. др.

² II, 59 и дал.

примененія въ такомъ поэтическомъ трудѣ, какъ Фасты, гдѣ основа календаря была очень суха, и гдѣ вся живость и прелесть зависла отъ изображенія и описанія тѣхъ мифическихъ преданій и событій, къ которымъ обращался поэтъ за происхожденіемъ, первымъ началомъ и объясненіемъ современныхъ формъ, обрядовъ, учреждений. Ясно высказанная аллегорія охладила и засушила бы то, въ чемъ искали оживленія и освѣженія. Потому, мы видѣли, въ изображеніи Януса Овидій только лишь мимоходомъ коснулся философеи, и аллегорическій намекъ совершенно потерялся въ живомъ образѣ древняго бога и царя Лациума. Также точно неохотно прибѣгъ онъ къ аллегоріи при изображеніи божества Весты: мнѣ самъ по себѣ былъ слишкомъ бѣденъ; Овидій не опустилъ никакого случая оживить столь важный для Римлянина священный предметъ, живописалъ все тѣ событія, съ которыми онъ вступалъ въ какую либо связь, но все таки, за недостаткомъ въ существенномъ содержаніи мифа, долженъ былъ аллегоризировать, и нужно признаться, запутался въ противорѣчійхъ, называя богиню то пламенемъ, то землею, стараясь примирить эти противорѣчія, проговорившись объ идолѣ или по крайности объ изображеніи богини, и уличивъ при этомъ во лжи и себя, и другихъ поэтовъ¹. Такая неудача яснѣе всего показываетъ, что за аллегорію можно было браться поэту только въ случаѣ крайней необходимости, но и тогда не много ожидалось успѣха. За то полунсторическій способъ возвращенія приходился здѣсь очень кстати. Само собою разумѣется, что при этомъ Овидію опять не было никакой нужды высказывать прямо, что онъ принадлежитъ къ какой-то школѣ тогдашнихъ толковъ, или рассказывая какой нибудь мифъ, какъ дѣйствительное событіе, прибавлять непременно, что въ дѣйствующихъ лицахъ онъ видитъ людей, не болѣе: это опять помѣшало бы поэзіи, хотя въ меньшей степени, чѣмъ аллегорія. По крайней мѣрѣ тѣ повѣствованія и описанія, которыя мы встрѣчаемъ у него, *не исключаютъ возможности затанной въ асторъ полунсторической теоріи, преимущественно предъ всеми другими способами пониманія*. Есть данныя, которыя сообщаютъ особенную основательность этой догадки. Въ некоторыхъ мѣстахъ Овидій прямо даетъ перевѣсъ полунсторическому возвращенію надъ всеми другими: такъ напримѣръ, говоря объ Антв Переннѣ (III, 523 — 696), онъ не только обходитъ толкованіе аллегорическое, видѣвшее въ ней луну, не только устраняетъ ея мифологическія отношенія къ Юпитеру, ея значеніе какъ Фемиды и Іо, но даже обходитъ преданіе о ней, какъ сестрѣ Дядоны, и останавли-

¹ III, 9 — 48; 141 — 144; 415 — 428; VI, 249 — 460.

вается на Аннѣ Бовильской, старухѣ, помогавшей плебеямъ во время сецессіи; и этому только мнѣнію онъ приписываетъ вѣроятіе. Подобное же представленіе рождается въ нашемъ умѣ, когда вы читаете въ Фа-стахъ, и нерѣдко, что такое-то божество *одъламо* тогда-то и по тако-му-то случаю¹: вы не можете оставить безъ вниманія и того, что, ря-домъ съ другими толкованіями и объясненіями, являются почти всегда и такія, которыя претендуютъ на фактическую достовѣрность внѣшней политической исторіи. Наконецъ, и болѣе всего, наше мнѣніе подтвер-ждается общимъ тономъ всего изложенія. Описаніе учрежденій и празднествъ получаетъ у Овидія всю свою живость въ томъ рассказѣ, который вызываетъ начало обряда изъ отдаленной исторіи или вообще связываетъ обрядъ съ какимъ либо событіемъ. Относятся ли эти со-бытія къ исторіи внѣшней, политической, или къ исторіи внутренней жизни духа, все равно, увлекательный рассказъ ихъ — вотъ главный поэтический элементъ Фаствъ, тотъ цвѣтистый узоръ, который раски-нуть на канвъ календарныхъ выраженій и оборотовъ. Поэтъ очень хо-рошо понималъ дѣйствительность того средства, которое одно могло оживить его дѣло: повѣствованіе занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ теченіи рѣчи; не говоримъ уже о событіяхъ дома Цезарей, періода царей, древняго Лаціума; мнѣе греческій смѣло соединяется съ латинскимъ, въ такой степени, въ какой ни когда не позволялъ бы себѣ Варронъ². Съ тою же цѣлію пущены въ ходъ тѣ мнѣя, на которыхъ съ особеннымъ интересомъ и слишкомъ часто любилъ какъ-то остано-вляться древній чловѣкъ, — мнѣя Геркулеса, Аристея, Протея, Аріо-на, Хирона, и т. п.; не забыты комическія отношенія Анны Перенны къ Марсу; три раза повторена одна и та же забавная сцена съ При-помъ, Паномъ и Силеномъ³. Поэтъ въ своихъ рассказахъ поддѣлы-вается подъ эпическій тонъ, подъ тонъ языка, которымъ бы говорилъ народъ въ древнюю мнѣическую эпоху или тотчасъ по выходѣ изъ нея, когда еще свѣжи и живы воспоминанія; но ему часто измѣняютъ вну-треннія убѣжденія и понятія вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что Овидій, при всемъ искусствѣ, не могъ поддѣлаться совер-шенно подъ рѣчь народа, проникнутаго непосредственнымъ впечатлѣ-ніемъ, онъ кромѣ поэтической задачи имѣлъ также другую — объяснить какое либо учрежденіе и доказательно выставить его связь съ отда-леннымъ началомъ и происхожденіемъ. Но, въ сознаніи его вѣка, не-

¹ II, 525; 663 и дал.

² Изъ множества примѣровъ, которые отчасти замѣчены нами выше, укажемъ на одинъ — замѣненіе Ариадны въ Либеру: III, 450—516.

³ I, 415 и дал.; II, 305 и дал.; VI, 333 и дал.

посредственная связь между тѣмъ и другимъ была порвана и во всякомъ случаѣ закрыта, затемнена ходомъ послѣдующихъ событій. А для посредственнаго пониманія существенныхъ основъ мѣологии не наступило еще время. Вотъ почему Овидій никакъ не могъ открыть тѣхъ *причинъ*, которыхъ искалъ онъ. Во всемъ произведеніи мы съ трудомъ могли найти одно только мѣсто, гдѣ при объясненіи авторъ вполне доказателенъ, ибо здѣсь, воспользовавшись всеми средствами образованія и филологическихкими указаніями, авторъ какимъ-то чутьемъ приблизился къ постиженію еогоническаго развитія, выразившагося въ мѣв: это — мѣсто о Вейовѣ¹. Такимъ образомъ все приведенныя имъ событія изъ внутренней и внѣшней жизни народа, какъ бы ни были искусенъ расказъ ихъ, не удовлетворяютъ требованіямъ существеннаго объясненія и доказательности. Истинная исторія должна, по нашему мнѣнію, различать въ своемъ повѣствованіи фактъ жизни внутренней и жизни внѣшней, тѣ двѣ стороны, которыя въ дѣйствительности образуютъ одно цѣлое, но въ научномъ сознаніи разлагаются не съ одинаковымъ значеніемъ, иногда какъ начало и послѣдствіе, иногда какъ внутреннее побужденіе и выраженіе во вѣхъ, какъ сила и явленіе, и т. д. Тому и другому должно давать равное право, то право, которое и обуславливаетъ взаимныя отношенія. Такъ въ цѣльности человѣческаго бытія духъ и тѣло имѣютъ свою особенную исторію и описывать одно какъ другое, безъ всякаго различія, недозволительно поистинѣ, и возможно только вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, обуславливающихъ иногда односторонность. Неправильность той теоріи, которую по отношенію къ уразумѣнію древней азыческой религіи мы называемъ полунсторическою, именно такого рода и такого свойства: событіе мѣвической жизни толкуется здѣсь какъ событіе жизни гражданской или по крайности какъ событіе внѣшняго человѣческаго быта. Сюда-то примыкаетъ большая часть расказовъ Овидія. Такъ событія времени цезарей расказаны въ одинаковомъ духѣ съ событіями эпохи царей, а послѣднія одинаково съ событіями мѣвической жизни древней Италіи и Греціи. Сравните Юлія Цезаря и Августа съ Сервіемъ, Нумою, Янусомъ, Энеемъ, Марсомъ: тѣ же свойства, тотъ же образъ, тотъ же основной характеръ. Въ этомъ смѣшеніи эпохъ затеряно ихъ специальное различіе, различіе тѣхъ особенностей, которыя были выработаны каждой отдѣльной фазой исторической жизни; здѣсь вы видите

¹ III, 429 и дал.

одну постепенность, — постепенность въ развитіи вѣднней цивилизаціи; но основныя начала, дѣйствовавшія въ эпоху мнѳическую, уравнены съ побужденіями и мотивами времени Августа, и то, что получаетъ свой смыслъ только въ области высшаго и существеннаго, то становится здѣсь обычнымъ дѣятелемъ политической исторіи и только въ этомъ последнемъ значеніи признается за вѣроятное. Потому-то цезари легко представляются богами, а боги Рима и Греціи людьми, героями и царями. Древніе боги—люди, новые люди—боги. Таковъ общій характеръ Овидіевыхъ повѣствованій; съ этой стороны они также примыкаютъ къ полунсторическому толкованію, но примыкаютъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой это толкованіе популяризировалось въ ходячихъ сужденіяхъ окружающаго общества. Что же касается до последовательности, полноты и цѣльности этой школы, то Овидій не могъ быть ея выразителемъ. У римскихъ писателей Августовой эпохи, и особенно у писателей такихъ, какъ Овидій, сглаживались рѣзкія отличія школъ, цѣльныя воззрѣнія мельчали во многихъ дробностяхъ, и эти частности получали свою особую, оригинальную фізіономію; мы увидимъ позднѣйшій примѣръ этому въ воззрѣніяхъ Макробія и Сервія. Образъ Овидія, какъ было замѣчено выше, не имѣя крупныхъ и рѣзкихъ чертъ античнаго челоуѣка, способенъ былъ за то въ частности пріобрѣтать именно такую прихотливую и оригинальную фізіономію. Потому и полунсторическая теорія получила у него совершенно своеобразное примѣненіе. Трудно, но интересно прослѣдить эту особенность, и ту дорогу, по которой онъ могъ дойти до ней: мы попытаемся, всмотрѣвшись еще разъ по ближе въ объясняемая имъ учрежденія.

Релігіозныя представленія древняго челоуѣка, образуя въ последовательности своего развитія такъ называемую еогонію, находили себѣ выраженіе вовнѣ двумя главными путями: съ одной стороны они ходили въ молву народа, образуя повѣрье, преданіе, мнѣе, и переходя въ содержаніе первобытнаго народнаго творчества; съ другой стороны они вызывали прямо къ поступку и, выражаясь въ обрядахъ, переходили въ послѣдующее гражданство цѣлою системою учреждений. Въ томъ и другомъ случаѣ внѣшность и форма, будетъ ли то мнѣическій образъ и привычныя формы эпоса, или внѣшность обряда и учрежденія, во всякомъ случаѣ эта внѣшность съ теченіемъ времени заслоняла собою исконное, основное внутреннее представленіе и побужденіе: художникъ и ученый должны были искать этого внутренняго содержанія сквозь внѣшній покровъ. Нельзя было разомъ добратъся до истины и сущности; ученый могъ блуждать въ аллегорическихъ, полу-

исторических и тому подобных теориях; такой поэт, как Овидий, мог поступить в этом случае по своему: стоило только предположить, что состояние древняго напимвръ Италика было одинаково съ состояніемъ Римлянина Августовой эпохи, что его окружала та же самая внѣшняя природа, столь же понятная въ своихъ явленіяхъ, что онъ стоялъ къ ней въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ; далѣе что внѣшній его бытъ былъ одинаковъ по своимъ основамъ и началамъ съ тѣмъ бытомъ, который окружалъ римскаго гражданина въ эпоху цивилизаціи; но что все это въ то отдаленное время было на степенн необыкновенно простой, естественной, безыскусственной. И какъ въ позднѣйшую эпоху, современную Овидію, въ дѣлѣ религіи образованный умъ долженъ былъ отыскивать какой нибудь смыслъ не иначе, какъ начиная съ внѣшности, разоблачая внутреннее значеніе внѣшнихъ предметовъ, учрежденій, формъ, входившихъ въ составъ религіи, и на этомъ пути долженъ былъ прибѣгать и къ аллегоріи, и къ разнымъ историческимъ догадкамъ: тѣмъ же путемъ, можно было себя представить, шелъ и древній чловѣкъ, предметъ внѣшней природы мало по малу наддавая разные образы и фигуры, облекая разнообразными красками фантазіи случаи ежедневной жизни и историческаго развитія, аллегоризируя и толкуя посвоему значеніе исторіи и цивилизаціи. и т. д. Такимъ образомъ возникъ цѣлый міръ вымысловъ, выраженныхъ въ мифахъ, обрядахъ, особаго рода учрежденіяхъ; разлагая весь этотъ міръ на составные элементы, находили въ глубинѣ его самыя простыя, естественныя воззрѣнія, смыслъ не только не трудный самъ по себѣ, но даже весьма бедный и скудный: въ немъ высказаны тѣ же отношенія природныя и историческія, въ какихъ стоялъ чловѣкъ и въ позднѣйшее время, но только выражены въ ту эпоху, когда чловѣкъ былъ ближе ко внѣшней природѣ и во внѣшнемъ бытѣ своемъ обладалъ только начатками послѣдующей цивилизаціи. Однимъ разомъ уничтожается такимъ образомъ высшее значеніе религіи, и изъ всего состава ея мифовъ и учрежденій вычеркивается всякій смыслъ, кромѣ смысла обыкновенныхъ опытовъ жизни въ отношеніяхъ природныхъ и историческихъ. Очевидно, такой образъ воззрѣній примыкаетъ въ общемъ духу къ полунсторическому; ибо здѣсь фактъ жизни внутренней и мнѣческой нисколько не отдѣленъ отъ факта обычной, внѣшней и политической жизни; но онъ даетъ гораздо больше свободы и развязности: если нѣтъ въ религіи особаго и высшаго смысла, то къ нему не нужно идти какимъ либо узкимъ путемъ строгой системы; можно толковать дѣло и съ помощью аллегоріи, и всевозможныхъ исто-

рических воззрѣній, лишь бы вышелъ, какой нибудь смыслъ; только во всякомъ случаѣ смыслъ этотъ долженъ быть очень простъ, сообразно съ условіями отдаленнаго младенческаго быта. Эта видимая *простота* въ особенности привлекаетъ и характеризуетъ объясненія Овидія: для нея онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ возможныя школы и весь миенческій тонъ, подъ который поддѣвывается. Вступивши на этотъ путь, можно было шагнуть еще далѣе, и очень естественно. Какъ скоро устранено изъ кругозора все существенное, когда весь составъ религіи отданъ одной области вымысловъ, тогда нельзя уже отыскать связи между мнѣмъ, обрядомъ и учрежденіемъ, и между какимъ либо основнымъ представленіемъ существеннаго. Своимъ способомъ изложенія, допускаящимъ и то, и другое, и третье мнѣніе, и выказывающимъ шаткость собственнаго религіознаго убѣжденія автора, онъ, какъ намъ кажется, совершенно отказался отъ подобной задачи. За то поэзія по своему бралась рѣшить все, ибо если, допустивъ одинаковость началъ, управлявшихъ религіозными воззрѣніями древняго и современнаго поэту чловѣка, можно было легко объяснять одно другимъ, прошедшее нынѣшнимъ, нынѣшнее прошедшимъ, то тѣмъ легче это было для поэзіи: она могла совершенно поддѣваться подъ воззрѣнія древняго чловѣка и даже языкъ его, а, поддѣлавшись, могла дѣлать то же, что мнимо дѣлали древніе, то-есть создавать религію въ извѣстномъ смыслѣ, напримѣръ изъ цезарей сдѣлать боговъ, связать все, ихъ касающееся, съ древними мнѣями, обрядами, учрежденіями, и успокоиться въ этой кажущейся дѣйствительности и истинности своего идеала. Вотъ смыслъ тѣхъ *причинъ*, которыя приводитъ Овидій для объясненія современныхъ обрядовъ и учрежденій религіи: это ничто иное, какъ рассказы, повѣствованія, оживляющія календарное содержаніе; въ рассказахъ переданы равно событія миенческой, подумиенческой, чисто-исторической и политической жизни; связать же ихъ такъ, чтобы они казались дѣйствительно началомъ, причиною, объясненіемъ современнаго религіознаго культа, очень легко: стоитъ ихъ принаровить какъ нибудь половчье помощью филологій, и главное—поэзіи; для этого часто довольно одного намека, одной черты, одного выраженія, одного слова. Это господство *принаровленія*, являющагося всегда и вездѣ тамъ, гдѣ не признано послѣдовательности и связи по существу дѣла и специальной его истинѣ, завершаетъ лучшимъ и полнымъ образомъ характеръ всего Овидіева произведенія. Не предлагаемъ возраженій этому методу, ибо поэзія имѣетъ свои права и на нихъ опирается; позволяемъ себѣ только, рассматривая въ некоторые факты, сдѣлать собствен-

ныхъ два, три вопроса. Съ перваго разу мы замѣчаемъ, что въ рийскомъ религіозномъ культѣ, въ его внѣшности, Овидій ни одной частности не ставитъ въ соотношеніе съ какою либо ееогоническою причиною. Гораздо больше онъ останавливается на связяхъ миеологическихъ, то-есть на тѣхъ связяхъ и причинахъ, въ которыхъ чистое ееогоническое представленіе перешло уже въ повѣрье, преданіе, въ известный образъ, созданный средствами зараждавшагося народнаго искусства, однимъ словомъ въ миеъ. Но здѣсь нужно знать, какъ онъ трактуетъ этотъ миеъ, а мы уже знаемъ это. Во-первыхъ онъ самъ склоненъ толковать его полуйсторическимъ способомъ; во-вторыхъ, желая уяснить происхожденіе и начало известнаго обряда или учрежденія, и приводя для того причину или связь миеологическую, Овидій рядомъ же ставитъ нѣсколько еще другихъ причинъ, аллегорическихъ или историческихъ, явно подрывающихъ самостоятельное и специальное значеніе миеа какъ миеа ¹. Наконецъ авторъ всегда готовъ охотно оставить его для другаго объясненія, любимаго и показавшагося самымъ простымъ, здравымъ и вѣроятнымъ. Приведемъ примѣры. Въ луперкаліяхъ отправители священнодѣйствій бѣгали нагіе. Овидій говоритъ, что самъ Фавнъ, къ которому относится обрядъ, бѣгаетъ нагой по лѣсамъ, — причина обряда коренится такимъ образомъ въ миеологіи. Но не думайте остановиться здѣсь: авторъ спѣшитъ прибавить, что обрядъ этотъ возникъ у древнихъ Аркадянъ, а они жили въ состояніи дикости и не знали одеждъ: очень естественно, что они бѣгали нагіе, и что также поступали ихъ послѣдователи. Слѣдовательно тотчасъ отъ миеологіи Овидій отводитъ васъ къ исторіи и обыкновеннымъ условіямъ внѣшняго быта. Дѣло повидному очень просто, а между тѣмъ существеннаго объясненія здѣсь нѣтъ никакого, ибо спрашивается опять: почему же Аркадяне съ этою наготою и бѣгомъ соединяли въ известномъ случаѣ какое-то высшее религіозное значеніе, и какая существенная причина связывала съ ними Римлянъ, заставляя дѣлать

¹ Такъ II, 425—452 при объясненіи жертвоприношенія Люцинъ, миеологія какъ-то примыкаетъ къ исторіи и дѣлаетъ съ нею пополамъ значеніе причинъ и объясненій; III, 177 — 252 миеологическая причина крайне слаба, перегибъ остается за исторіей и аллегоріей, самъ же поэтъ склоняется къ простому приращенію; 523 — 696 предпочтеніе отдано полуйсторической догадкѣ предъ миеами; 771—789 миеологіи не дано перегибса; 839 — 846 то же; V, 621 — 662 авторъ самъ склоняется къ причинѣ миеологической, но не опускаетъ случая прибавить и простой историческій фактъ, какъ причину также возможную. Сравните еще объясненіе лаванній мая и июня.

то же самое? Овидій не отвѣчаетъ, и расказавъ кстати комическій греческій мифъ, приводитъ далѣе причину еще болѣе новую, еще болѣе простую повидимому: выходитъ, что Римляне этимъ обрядомъ вспоминаютъ тотъ случай исторіи, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является Ромуль съ товарищами; совершивъ жертвоприношеніе Фавну, нагіе боролись и играли въ полъ, когда вдругъ отозваны были къ битвѣ съ подкрившимися разбойниками; послѣдующій обрядъ воспоминаетъ ихъ наготу и бѣганье: всякая связь съ мифологіей исчезаетъ, и вы на почвѣ исторіи, которую выдаютъ вамъ за дѣйствительную, хотя и отдаленную, политическую исторію¹. Читая описаніе празднествъ Цереры, вы по мѣстамъ утѣшаетесь: авторъ, соединяя обязанности Цереры и землѣ, въ то же время различаетъ ихъ какъ душу и тѣло, какъ силу и матерію, какъ внутреннюю причину и внѣшнее явленіе; онъ даже расказываетъ ея мифъ по отношенію къ Персею. Но не радуйтесь: все торжество Цереры описано какъ торжество земледѣлія, и праздникъ возникъ по естественному побужденію цивилизаціи, перешедшей отъ желудей и подобной пищи дикихъ народовъ къ хлѣбу, земледѣлію, осѣлости². То же самое вы встрѣчаете далѣе по отношенію къ Землѣ, и Нума, при учрежденіи жертвъ, является просто заботливымъ земледѣльцемъ³. Въ празднествъ Палъ употреблялись омовенія и прыгали черезъ огонь: Овидій для объясненія приводитъ египетскому, гражданскіе обычаи, и потомъ, упомянувъ мифъ Фастана и Декаліона, прямо сознается, что плохо вѣрить всему этому, и приводитъ очень простую и вѣроятную причину: обрядомъ воспоминается пожаръ, а пожаръ произошелъ конечно тогда, когда созданъ Римъ, и переселяясь въ него, жители сожгли прежнія свои жилища, а потому сами и скотъ должны были скакать черезъ пламя⁴. Также точно, не много выше, обыкновеннымъ случаемъ пожара, безъ дальнѣйшихъ мифологическихъ причинъ, объясняетъ онъ обычай пускать при извѣстныхъ обрядахъ лица съ зажженными лучинами⁵. Значеніе Марса, какъ древнѣйшаго бога, онъ объясняетъ ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что народъ въ первоначальномъ дикомъ состояніи зналъ только войну. Можно бы спросить при этомъ: почему же народъ надѣлилъ именно Марса воинскими атрибутами, не коренилось ли представленіе его свирѣпости и суровости на какихъ либо мифологическихъ и космогоническихъ

¹ II, 283 — 360.

² I, 670 и дал.; IV, 389 и далѣе.

³ IV, 629 и дал.

⁴ IV, 785 и далѣе.

⁵ IV, 681 и далѣе.

связяхъ, и не отсюда ли пришелъ уже потомъ народъ къ воинственности? Нѣтъ, все это замѣчательное мѣсто рисуетъ намъ картину того, какъ религіозныя представленія были будто бы результатомъ вѣднней исторіи, являясь вѣднѣ съ ходомъ цивилизаціи и вслѣдъ за нею. Такимъ образомъ то, что было слѣдствіемъ, дѣлается причиной, и на оборотъ. Вотъ почему Януса, очевидно позднѣйшее божество, Римляне считали древнѣйшимъ, ибо съ нимъ соединяли поватія о простотѣ первоначальнаго быта, а религіозныя представленія вышли изъ недра отдаленнаго простѣйшаго быта, изъ среды начавшейся цивилизаціи. Вотъ почему герои того отдаленнаго времени, являясь гражданами и царями, представлялись первыми учредителями и основателями обрядовъ: таковъ Ромулъ и таковъ особенно Нума и Эней, безпрестанно являющіеся у Овидія. Лемуры назывались вообще души умершихъ; но обряды лемуриі Овидій ведетъ прямо отъ Рема и его похоронъ, какъ будто этимъ мы, что либо выигрываемъ для существеннаго объясненія дѣла¹. Празднество Флоръ установлено гражданами, въ отдаленную эпоху, послѣ того какъ почитаніе ея на время было нарушено и нарушеніе жестоко наказано²; но спрашивается: прежде нарушенія и потомъ гражданскаго установленія, по какому же побужденію чтылась богиня? Все такимъ образомъ объясняется изъ началъ древняго вѣдншаго быта, весьма простыхъ побужденій развивающейся цивилизаціи, и потому всѣ объясненія кажутся весьма простыми, вытекающими прямо изъ здраваго смысла. Классическое мѣсто въ этомъ родѣ встрѣчаемъ мы въ I-й книгѣ, ст. 335 и далѣе. Оказывается, что въ жертвоприношеніяхъ, заведенныхъ встарин, потому употребляется соль и мука, что древніе, вслѣдствіе слабыхъ сношеній съ другими странами, не знали еще мирры, ладону и шафрану. Но интересно бы, напримѣръ, спросить: почему они не закаляли тогда еще тура (*taurus*), фактъ, приводимый тутъ же Овидіемъ? Вѣдь скотоводство еще древнѣе земледѣлія, а звѣроловство можетъ быть еще древнѣе? Нельзя при этомъ не замѣтить, что каждый разъ, какъ жертва проста и груба, Овидій объясняетъ это тѣмъ, что божество, которому она приносится, старинное, а въ старину господствовалъ простой земледѣльческій бытъ³. Хотѣлось бы узнать отъ него, почему же Римляне не приносили древнимъ божествамъ кровавыхъ жертвъ, подобно другимъ народамъ? Опять ста-

¹ V, 421 — 485.

² V, 299 — 330.

³ IV, 743, 744; 409 — 413; и мн. др.

ло быть позднѣйшее принято Овидіемъ за древнѣйшее. Еще: Цереръ приносится свинья, Бахусу козель; по Овидію для того, что первая портитъ посѣвы, послѣдній грызетъ лозу: но абстракція Цереры, какъ плодоносящей земли, и Бахуса, какъ вина, была ли въ дѣйствительности необходима древнимъ? И если среди простаго быта, гдѣ знали только землю да виноградъ, не было еще абстрактныхъ божествъ, то кому же приносили тогда въ жертву свинью и козла? Принесеніе въ жертву юнца началось по Овидію правда съ Аристея, лица миеологическаго: но весь его мнѣе изображаетъ опять простой крестьянскій бытъ, близкій къ природѣ, и стало бытъ Овидій опять въ своей сферѣ. Въ этомъ же тонѣ овцы у него потому попались въ жертвы, что портили траву, приносимую сельскимъ божествамъ: почему же приносились здѣсь жертвы травѣ, а не прямо овцы? — Въ робигаліяхъ закалывали собаку, потому, какъ говоритъ Овидій, что и созвздіе этого времени носило имя собаки; при этомъ самъ поэтъ признался, что вся связь въ одномъ только имени: но развѣ она достаточна, чтобъ объяснить жертву, и почему само созвздіе названо собакой, и само время каникулъ носило то же имя¹? За отсутствіемъ такой существенной связи между объясняющимъ и объясняемымъ, нужно только какъ нибудь принаровить одно къ другому, и мы видимъ множество примѣровъ подобнаго принаровленія. Такъ пѣтухъ закалается богинѣ ночи, потому что возвѣщаетъ день: въ основѣ лежитъ стало бытъ одно противуположеніе². Не закалывайте Цереръ быка — онъ пашетъ; рѣжьте лѣнливую свинью³. Въ старину мѣсяцъ Януса былъ первымъ, а февраль послѣднимъ, нижнимъ; по объясненію Овидія, это очень просто: дверь впереди и прежде всего бросается въ глаза, а Янусъ имѣетъ аналогію и связь съ нею; мѣсяцъ же февраль посвященъ манамъ, душамъ усопшихъ, существамъ подземнымъ, *имжнимъ*⁴. Вина лии праздновались въ одно время съ торжествомъ Венеры: для объясненія расказанъ случай изъ жизни Энея, сына Венеры; дѣло идетъ изъ за Аматы и любви; вино играетъ важную роль, и такимъ образомъ все объяснено очень успѣшно⁵. Праздникъ луны на Авентинѣ совершался въ концѣ марта: изъ принаровленія Овидія оказывается

¹ IV, 937 и далѣе.

² I, 455, 456.

³ IV, 413, 414.

⁴ II, 47 — 52.

⁵ IV, 877 и далѣе.

та причина, что луна опредѣляетъ теченіе мѣсяцевъ, кладетъ имъ предѣлъ¹. Такъ же точно объяснены обряды въ честь Бахуса: имя пировъ и возліяній (*liba libamina*) происходитъ отъ имени Либера, ибо онъ ихъ учредитель, не смотря на явное различіе корня. Ночему принимаютъ здѣсь участіе старухи² — потому, что онѣ способны легко напиваться виномъ. Юношамъ дается тога, потому что самъ Бахусъ юноша, притомъ же онъ отецъ, и отцы ему вручаютъ дѣтей (противорѣчіе), и т. д.³ Принаровленіе господствуетъ въ описаніи Анны Перенны и ея празднества: древній годъ — *annus* — начинается ея празднествомъ; народъ, попивая въ честь ея торжества, другъ другу желаетъ многихъ лѣтъ — *annos*; слѣдуетъ картина, какъ пьяная старуха — *anus* — ведетъ старика; она сестра Дидоны — въ этомъ принаровленіи къ Энею; она нимфа источника, въ которомъ пребываетъ долгія лѣта — *perenne*; она луна — опредѣляетъ годъ, *annus*; она та старуха, которая извѣстна въ преданіи подъ именемъ Анны Бовильской; она становится въ комическія отношенія свахи, потому опять, что старуха, *anus*, и т. д.⁴ Ясно, что одно изъ главныхъ средствъ для всехъ подобныхъ принаровленій представляла филологія; потому она на каждомъ шагѣ и приводитъ съ собою уже знакомые намъ результаты. Объясненіе агоналій основано на простѣйшемъ употребленіи древней рѣчи, при названіи скота⁵. Жертва, *hostia*, приносилась по прогнаніи врага, *hostibus amotis*; другое названіе, — *victima* указываетъ на побѣду десницы, поражающей жертву, *quae dextra cecidit victrice*⁶. Фераліи названы такъ потому, что приносятъ жертвы, *ferunt*⁷; каристіи потому, что тутъ сходятся дорогіе родственники, *carī*⁸; имя Августа даетъ случай играть словами по цѣлому ряду учреждений⁹; производство имени Порримы и Постверты, отнесенное Варрономъ къ положенію младенца во чревѣ, не менѣе удачно принаровляется здѣсь къ поэтическому вдохновенію¹⁰, и т. д. Но очевидно, что главную роль вездѣ, и въ самой филологіи, играетъ поэзія: она-то даетъ обильнѣйшіе способы

¹ III, 883, 884.

² III 713 и далѣе.

³ III, 523 и далѣе.

⁴ I, 331, 332.

⁵ I, 335, 336.

⁶ II, 569.

⁷ II, 617.

⁸ I, 609, 614.

⁹ I, 633 — 636.

для всевозможных приварованій; зная ея приемы, мы отличаемъ во многихъ мѣстахъ не мнѣе, а чистый поэтический вымыселъ, не объясненіе дѣла, а ловкій и мастерской оборотъ¹. При такомъ воззрѣніи, которое отказывалось отъ изслѣдованія сущности дѣла и не бралось объяснить и доказать его по существу и истинѣ, легкая поэзія получала всѣ права свои; и когда міръ существеннаго представлялся дѣломъ одной фантазіи, тогда она соединила въ поэзію и ееогонію, и мнѣе, и внѣшнюю исторію, и отдаленное прошедшее, и настоящее; остался одинъ правитель всего этого міра — образованный тактъ художника.

Мы уже знаемъ изъ прежнихъ замѣчаній, съ какою осмотрительностію нужно у Овидія постоянно отличать собственное содержаніе произведенія, именно развитіе и состояніе римскихъ религиозныхъ учреждений, то что можетъ служить обильною пищею науки, отъ того что принадлежитъ поэтическому идеалу и что дало тотъ или другой тонъ и видъ цѣлому творенію. Мы знаемъ также, чѣмъ питался этотъ идеалъ и какъ относился къ древней Италиі и цезарямъ; подъ его вліяніемъ все произведеніе, со стороны внутренней и глубокой, со стороны мысли, лежащей въ основѣ объясній, доказательствъ, причинъ, все произведеніе являлось мастерскимъ художническимъ произведеніемъ, и съ этой стороны оно весьма самобытно и оригинально. Помимо нашихъ замѣтокъ, прочтите только четвертую книгу Фаствъ, чтобы видѣть, какъ не намѣня нисколько тому матеріалу, который былъ подъ рукою и былъ обработанъ всеми средствами образованныхъ приемовъ, художникъ приладилъ и принаровилъ все дѣло. Вотъ что разумѣлъ онъ, обѣщая намъ передать въ своемъ произведеніи не только дѣйствительное содержаніе календаря, не только учреждения и весь составъ религіознаго культа, но и ярички всего этого. Мы ни сколько не можемъ обвинять художника въ томъ, что обѣщая намъ показать эту внутреннюю сторону причинъ и связей, онъ пошелъ путемъ не историка, не философа, не филолога, не ученаго, а соединивъ и то, и другое, и третье въ средствахъ своей образованности, пошелъ свойственнымъ себѣ путемъ поэта. Кромѣ того приемы его поэзіи совершенно были въ духѣ времени, гармонировали съ ея настроеніемъ и отвѣчали потребностямъ общества; по крайней мѣрѣ послѣ Овидія они встрѣчаются по мѣстамъ въ такъ трудахъ, которые хотя имѣли также

¹ Таковы богъ Тибра, Теркинъ; таково празднество Бахуса, Флоры и т. н. Наконецъ таковы обрядъ и его объясненіе IV, 145 и дал., относительно Мужественной Фортуны, и ин. др.

дѣло съ поэтическими произведеніями, но или къ другимъ цѣлямъ и другими путями: примѣръ увидимъ мы отчасти въ приравленіяхъ Макробія и Сервія.

Но, сравнивая Овидія съ литературой позднѣйшей эпохи, мы тотчасъ замѣчаемъ все-таки огромное преимущество его. Римскій древній міръ раздвинуть и даже во многомъ разстроены: но горизонтъ воззрѣній ограничивается еще Италіей и Греціей; мы видимъ даже нѣкоторую реакцію національности противу всего чуждаго; сосредоточенность и цѣльность представленій держится еще энергіей восторга, возбужденнаго новыми событіями; государственныя религіозныя учрежденія стоятъ еще на первомъ планѣ. Совсѣмъ уже неѣго находимъ впоследствии. Извращеніе и разочарованіе политическаго смысла соединилось съ паденіемъ древнихъ учреждений; все зачинавшееся скоро слабо въ энергіи и производительности. Сознаніемъ совершенно овладѣло не римское, а итальянское, затѣмъ греческое, за тѣмъ восточное; чуждыя мистеріи, дикія вѣрованія Востока хлынули разрушающимъ потокомъ въ разслабвшія массы народа; риторы дѣлались философи, философы волхвотателями и изступленными проповѣдниками. На мѣсто мифологіи явились странныя толки и расколы, стремившіеся вырости въ догматы; догматы старался говорить самъ отъ себя, не опираясь на историческую жизнь и государственное учрежденіе.

Распаденіе общее выразилось въ сочиненіяхъ послѣднихъ вѣковъ Рима: это выписки, сборники, комментаріи къ вѣчному. При такомъ положеніи дѣла, Виргилій, съ темнотою его личнаго мнѣнія и объективностію рассказа, явился кодексомъ ходячихъ понятій; его словамъ поддавали всякой, какой угодно, смыслъ; мѣвъ завладалъ самою его личностію; это былъ волхвъ, мистикъ, любимый предметъ мистиковъ; Гомеръ для позднѣйшихъ мистиковъ Греціи былъ далеко еще не то, что Виргилій для эпохи, о которой мы теперь говоримъ; его перерабатывали, передѣлывали каждый по своему вкусу, и все-таки оставался подъ его волшебнымъ обаяніемъ, вращаясь въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Эти ученые изслѣдователи были живымъ образцомъ тѣхъ древнихъ мифическихъ существъ, которыя въ мукахъ ада переливали воду въ бездонный сосудъ или подпирали огромныя тяжести, чтобы они снова скатились въ бездну.

Для примѣра остановимся на двухъ писателяхъ, Макробіи и Сервіи, уже названныхъ нами. Вѣролпность относить послѣдняго къ концу IV, а перваго къ началу V вѣка; впрочемъ объ этомъ нельзя правести

определенных указаний, так точно, какъ и о личности сочинителей, объ ихъ вѣрованіи, и наконецъ о самомъ составѣ трудовъ¹. Это два важнѣйшіе писателя для нашего дѣла, а между тѣмъ мы тотчасъ увидимъ, легко ли добраться здѣсь истины. Уловить ихъ характеръ можно только рассказывая содержаніе произведеній; а чтобы дать имъ полную свободу самимъ говорить за себя, мы напередъ выдѣлимъ изъ ихъ показаній нѣкоторыя черты, свидѣтельствующія, что въ ихъ время было какое-то подобіе школъ для объясненія римской религіи. Вліяніе Варроновой системы еще довольно замѣтно; его положенія повтѣряются иногда слово въ слово; но при этомъ являются уже нѣкоторыя особенности. Ярко и рѣзко различаются двѣ школы: *миѳики* (*mythici* или *fabulosi*) и *физики* (*physici* или *physiologi*); средствомъ своихъ объясненій первые употребляютъ *баснь*; *миѳъ* (*fabula*, *mythus*, *ratio fabulosa*); это рассказы, не похожіе на настоящій порядокъ вещей, порою неестественные, и всегда вымышленные (*figitur, ficta fictio*); физики напротивъ употребляютъ способъ истолкованій, заимствованный отъ явленій внѣшней природы, усматривая въ божествахъ значеніе различныхъ физическихъ силъ и законовъ (*physica ratio, physiologia*). Первые своими вымыслами *растягиваютъ* значеніе божества (*mythici fictionibus distrahunt*); въ такой же мѣрѣ физики стараются приблизить дѣло къ *вѣроятности и правдоподобію* (*in tantum physici ad quandam verisimilitudinem revocant*). Такъ, на примѣръ, первые рассказываютъ подробно всѣ обстоятельства жизни Януса и изъ нихъ уже объясняютъ смыслъ позднѣйшихъ обрядовъ въ честь этого бога; физики напротивъ въ истолкованіяхъ выходятъ изъ того понятія, что Янусъ есть солнце. Способъ физиковъ совсѣмъ не тотъ, какой разумется у Варрона; тамъ онъ принадлежитъ вообще всѣмъ философамъ; здѣсь онъ собственность естествоиспытателей въ тѣсномъ смыслѣ, занятыхъ изученіемъ внѣшней природы. Философы составляютъ особый отдѣлъ, но не играютъ важной роли, равно какъ и историки; на мѣсто философовъ отдѣльныхъ, определенныхъ школъ, являются вообще люди мыслящіе, мудрые (*sapientes, prudentes, prudentiores*); они надѣются все объяснить *по разуму* (*ratione, ex ratione, secundum rationem*); ихъ понятія не принадлежатъ къ ходячимъ толкамъ и

¹ Для Макробія нѣтъ ни старинное изданіе *Понтана*, 1597 г.; для Сервія гёттингенское изданіе *Лиона*, 1826 г., принадлежащее университетской библіотекѣ, Текстъ послѣдняго не очищенъ отъ постороннихъ вставокъ; указатель очень плохъ и не полонъ. Но пріятно было здѣсь встрѣтить отиѳки Крюкова, и по латинскому выраженію его *vestigis ingredi*.

«проникають въ таинственную природу божества»; «что касается до сокровенныхъ причинъ, истекающихъ изъ источника чистой истины, того не позволено высказывать и въ самыхъ священнодѣйствіяхъ; и если кто ихъ постигнетъ, тому заповѣдуются содержать ихъ подъ покровомъ, внутри сознанія». Потому они говорятъ таинственно и въ словахъ ихъ всегда есть глубоко-сокрытый мистическій смыслъ. Таковы во первыхъ поэты: они передаютъ и мнѣ, баснословятъ, и сообщаютъ выводы физиковъ, и касаются исторіи, и философіи, и, будучи учеными и мудрецами, сообщаютъ разныя тайны, облекая ихъ въ символы, въ поэтическіе образы; сказать что нибудь поэтически (poëtice, poëtice dictum) — значить не держаться какой либо опредѣленной системы, а между тѣмъ сказать все, и необыкновенно загадочно, мудро. Ихъ-то изучаютъ писатели разбираемой нами эпохи, стараются проникнуть глубже, задумываются, и съ помощію филологическихъ средствъ открываютъ удивительныя вещи, во всѣхъ сферахъ знанія¹. Посмотримъ.

Пойдемъ по главамъ Макробіева сочиненія, рассказывая ихъ содержаніе, съ самаго начала. Чадолубивый и нежный отецъ желаетъ способствовать занятіямъ сына; для этого онъ задаетъ себѣ задачу собрать все главное и достопамятное изъ прежнихъ авторовъ. Это будетъ сборникъ, который прочти — и узнаешь все главное и существенно нужное. Собственнаго сочиненія со стороны отца здѣсь не будетъ: дѣло будетъ передано точь въ точь словами самихъ писателей, какіе только придутъ на память изъ великой коллекціи прочтеннаго. За то все это разнообразіе приведено будетъ къ единству, посредствомъ смѣшенія (mixtura): однимъ словомъ трудъ сравнивается съ занятіемъ пчелъ, хоромъ изъ разныхъ голосовъ, дѣйствіемъ желудка. Слѣдуетъ первая глава. Во время праздника сатурналій, у одного богатаго и очень умнаго Римлянина, собирается кружокъ знакомыхъ, людей ученыхъ и образованныхъ. Въ другое время они заняты дѣлами, а тутъ есть случай отдохнуть и потолковать объ интересующихъ предметахъ; разговоръ впрочемъ не клеится и ходитъ около нѣкоторыхъ грамматическихъ словоупотребленій. Но вотъ (глава 7) слуга возвыщаетъ прибытіе Эвангела: всѣ собесѣдники наморщились; въ ихъ взорахъ легко было прочесть убѣжденіе, что новый гость вовсе некстати, и непре-

¹ Macrob. Saturn. I, 7; 8; 9. — Serv. Aen. VII, 300; 601; 606; 607; 610; 662; 678; 684; 690; 695; 761; VIII, 190; 275; 298; 319; 334; 352; 389; 392; 397; 414; 416; 454; 623; I, 235; Georg. III, 3; IV, 503; Aen. VI, 41 и мн. др. О физикахъ и философахъ на каждомъ почти шагѣ: — ср. Aen. I, 142; 78; II, 255; 694; VI, 295; 894; IX, 696 и т. п.

мѣрно помѣшаетъ мирной бесѣдѣ. Эвангелъ былъ отличный врачъ, по въ остальномъ образованіи чловѣкъ довольно узкихъ воззрѣній, и при томъ имѣвшій особенную извѣстность: онъ любилъ острить, по острилъ очень желчно; задирая безпрестанно другихъ, онъ въ то же время переносилъ на себя все памеки, легко обижался и давалъ волю своему дерзкому и лживому языку. Любезный хозяинъ велѣлъ однако просить. Эвангелъ вошелъ, все привстали; замѣтивъ множество гостей, онъ обратился къ претекстату, хозяину: «Что это значить? Случай ли завелъ сюда всѣхъ, или можетъ быть какая нибудь болѣе глубокая причина, и, удаливши свидѣтелей, вы съ намѣреніемъ собрались для чего нибудь тайнаго? Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше удалиться, чтобъ не мѣшаться въ ваши секреты». Такое начало было уже довольно пеловко и дерзко. Собравши все свое терпѣнье, ему отвѣчалъ одинъ изъ гостей: «Напрасно; если бы ты хорошенько всмотрѣлся въ эти невинные взоры присутствующихъ, ты не предположилъ бы у насъ ничего таинственнаго, ничего такого, чего бы нельзя было знать тебѣ или даже всему народу. Теперь идетъ праздникъ въ народъ; вмѣсто того, чтобъ терять тамъ попусту время, участвуя въ ходѣ торжества, мы собрались для болѣе полезныхъ цѣлей: поговоримъ о началѣ обрядовъ пастоящаго праздника, о мнѣ съ нимъ связанномъ и т. п. Вѣрно никто не осудитъ въ эти дни ученыя занятія, если никакая религія не воспрещаетъ въ день праздничный спасти овцу или отвести грозящій потокъ». Эвангелъ мало по малу угомонился, присѣлъ, и разговоръ завязался живѣе. Эта кучка ученыхъ удалась такимъ образомъ отъ толпы, чтобъ поговорить о религіозныхъ интересахъ; ничего не боятся они столько, какъ упрека въ суетвѣри; они ищутъ истины, и воображаютъ, что захватили ее своими учеными приѣмами (гл. II). Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣчахъ ихъ проскользаютъ иногда такіа убѣжденія, которыя сдѣлали бы честь нашему времени. Но главное дѣло не въ томъ: оно касается Сатурна, его мнѣа, его мнѣическихъ связей, начала обрядовъ, дѣменія года, распредѣленія празднествъ, и т. д. Зачинается что-то важное и высокое. Цитаты и словопроизводства сыплются градомъ. Какіе же, напримѣръ, результаты? Сатурнъ есть божество; по приращеніе его почестямъ вымышлено Янусомъ (ex cogitavit), который посвятилъ ему жертвенникъ и учредилъ священнодѣйствія *какъ будто бы* богу. А собственно Сатурнъ есть пред·ставитель золотого вѣка, пожалуй цивилизаціи, или гораздо проще — онъ есть время. Его коса — коса времени, а пожалуй и орудіе жатвы, серпъ. На его храмъ помѣщены Тритоны съ трубами: «это значить, что со времени упоминанія Сатурна до настоящаго вѣка исторія

дѣлается уже ясною и гласною (vocalis); прежде же была она пѣма, темпа, безызвѣстна: что свидѣтельствуя хвосты Тритоцовъ, опущенные на землю и скрытые». Для объясненія его мѣта, напримеръ значенія странника, есть ясное доказательство: мальчишки играя (въ игру, подобную нашей орлянкѣ) бросаютъ вверхъ денарій и кричатъ — «голова или корабль (ситка или рышка)»? Стало быть дѣйствительно Сатурнъ приплылъ на корабль. Онъ связанъ, и разрѣшается только во время своего праздника, въ декабрь, десятомъ мѣсяцѣ древняго года: это значить, что до десятаго мѣсяца дитя въ утробѣ матери удерживается узами природы (гл. 7, 8, 9, 10 и т. д.). Разсужденіе идетъ далѣе и далѣе: оказывается, что Майя, Опсъ, Кибела, Фавна, Юнона, Прозерпина, и т. п., суть ничто иное, какъ земля (гл. 12). На слѣдующихъ главахъ мы можемъ вздохнуть: разбираются римскія учрежденія касательно дѣленія года. Однако фантазія ученыхъ мало по малу разгарается снова: въ 17 главъ мы встрѣчаемъ доказательства того, что Аполлонъ есть солнце; въ 18, что и Либеръ есть также солнце; въ 19-й Марсъ и Меркурій также солнце; въ 20-й Эскулапъ, Салусъ, Геркулесъ, Изиды, Сераписъ — также солнце; въ 21-й Адописъ, Аттисъ, Озирисъ, — также солнце: въ 22-й Немесисъ, Панъ и самъ Сатурнъ — также солнце; въ 23-й самъ Юпитеръ, да и всѣ прочіе, суть ничто иное, какъ солнце. Послѣ такого важнаго шага въ изслѣдованіи, оставалось только обратиться къ Вергилію: и дѣйствительно, въ 24-й главъ мы встрѣчаемъ похвалы Вергилію и удивленіе его разнообразной учепости. Но силы испытующихъ мудрецовъ устали отъ такого напряженнаго трудолюбія: во второй книгѣ сатурналій онъ отдыхаютъ. Здѣсь тщательно собираются и приводятся всѣ знаменитыя остроты, шутки, изреченія, поговорки, ловкія выраженія; являютъ на первомъ планѣ имена Цицерона, Августа, Юліи, дочери послѣдняго, мнѳографовъ, актеровъ; приводится мнѳеніе Платона о вицѣ; далѣе правило о томъ, какъ гнусно удовлетворять страстямъ чувствъ вкуса и осязанія; потомъ, какъ роскошны были Гортензіи и Метеллы; потомъ о троянской свиньѣ, о рыбахъ, волкѣ; книга заключается разсужденіями объ яблокахъ, грушахъ, оливкахъ, объ родахъ и видахъ орѳховъ. Въ третьей книгѣ умы воскресаютъ къ новой дѣятельности. Теперь уже они сосредоточены исключительно на Вергиліи. Выходить, что онъ въ Энеидѣ необыкновенно точно выражалъ и описывалъ обряды; говорилъ ихъ словами; уяснилъ всѣ понятія религіи. Его прилежаніе и стараніе коснулись всего; надобно изумляться той глубокой учености, которую онъ выказалъ относительно постиженія вышнихъ священнодѣйствій. Даже то, что повидимому онъ опустилъ

изъ небреженія, и что пропускается обыкновенно читающими безъ особеннаго вниманія, и то не лишено глубокаго и сокрытаго смысла; то, что онъ сказалъ повидимому случайно, — не даромъ. Напримѣръ почему онъ благочестивыхъ мужей допустилъ умирать? И для этого есть таинственныя основанія. — Четвертая книга доказываетъ, что *Виргилій* былъ отличный риторъ и особенно славенъ обработкой патетическихъ мѣстъ. У него можно найти паѳосъ въ приѣмахъ, образъ, одеждъ описанныхъ лицъ, въ самомъ тонѣ ихъ рѣчи; риторическій паѳосъ онъ заимствовалъ отъ возраста, отъ счастья, отъ униженія, мѣста, времени, отъ причины, способа, матеріи, отъ бблшаго и мѣньшаго (а *maiori et minori*). Книга пятая начинается тѣмъ, что *Виргилія* должно предпочесть *Цицерону*, ибо этотъ прославился въ одномъ только родѣ рѣчи, а *Виргилій* во всѣхъ родахъ. Чего вы ожидаете послѣ всего этого? Ужъ конечно не того, что встрѣчаете. Вы встрѣчаете доказательства того, что вся *Энеида* построена по образцу *Иліады* и *Одиссеи*; что *Виргилій* большую часть сочиненія перевелъ изъ *Гомера*; что онъ до того подражалъ *Гомеру*, что соревновалъ ему даже въ недостаткахъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ равенъ *Гомеру*, въ иныхъ ниже, въ другихъ выше. Кромѣ того онъ заимствовалъ у *Пиндара*, *Аполлонія* и другихъ *Грековъ*, и такъ ловко прикрылъ занятое, что трудно иногда подмѣтить, и только остроуміе разсуждающихъ ученыхъ могло здѣсь имѣть успѣхи. Этого мало: шестая книга объявляетъ, что *Виргилій* вынулъ нѣкоторые стихи прямо изъ другихъ латинскихъ поэтовъ, и цѣликомъ приводилъ мѣста изъ другихъ писателей. Но энергія по счастью наконецъ совершенно ослабла въ разсуждающихъ: въ седьмой книгѣ *Эвангелъ* играетъ значительнѣйшую роль; разговариваютъ о солоникѣ и разныхъ родахъ пици; отчего женщины рѣдко, а старики часто напиваются пьяны; отчего у женщинъ и звнуховъ тонокъ голосъ. Все сочиненіе достойно заключается изслѣдованіемъ вопроса, что прежде — яйцо или курица?

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ произведеніе *Макробія* по порядку главъ; теперь, все, что входитъ въ ихъ содержаніе, смѣшайте вмѣстѣ и принаровите къ отдѣльнымъ стихамъ *Виргилія*: вы получите комментарий *Сервія*.

Безспорно, во время *Сервія*, уже въ воздухѣ носилось много понятій, несравненно высшихъ, чѣмъ все то, до чего могъ достигнуть взглядъ древняго язычника: съ ними встрѣчаемся мы во всѣхъ, самыхъ ничтожныхъ произведеніяхъ той эпохи. Но освободиться изъ тѣснаго круга воззрѣній, могли они только тогда, когда успѣли разорвать всю связь идей, составлявшихъ жизнь греческаго и

римскаго духа. Отсюда самый успѣхъ приводилъ съ собою паденіе; то, что для новой жизни, для новыхъ народовъ могло быть живымъ вѣрованіемъ, то вызывало въ римскомъ умѣ одни лишь суевѣрія. У Сервія мы встрѣтимъ много высокихъ понятій о цѣлости міра, объ отношеніяхъ духа и тѣла, о вышнихъ интересахъ человека¹: но все это теряетъ свой смыслъ рядомъ съ обломками древнихъ убѣжденій. Какъ повѣрить и чѣмъ повѣрить слова Римлянина, когда говоря о величіи божества, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ напримѣръ слѣдующій положительный фактъ: «известно, что Юнона есть воздухъ²?» Онъ разсуждаетъ о суевѣріи: «суевѣріе (*superstitio*) есть излишній и безумный страхъ. Это слово заимствовано или отъ старухъ, поелику многія изъ нихъ, изживши уже свой вѣкъ, глупѣютъ и безумничаютъ (*superstites per aetatem delirant et stultae sunt*); или, по Лукрецію, это есть напрасный и чрезмѣрный страхъ предъ тѣмъ, что выше насъ (*superstantium regum*)³.» И не за-долго до того онъ серьезно разсказываетъ, что «посредствомъ нѣкоторыхъ наукъ можно продлить жизнь человѣческую за предѣлы, назначенные судьбою, такъ впрочемъ, что человѣкъ будетъ имѣть одно только воображеніе жизни; ибо по-видимому, кажется, что будто онъ дѣлаетъ все, а въ сущности не дѣлаетъ ничего⁴.» Интересы Сервія раздѣлены поровну между самыми высокими и самыми пустыми предметами: рассказавши мнѣ, описавши религіозное учрежденіе, онъ съ одинаковымъ вниманіемъ замѣчаетъ, что бляенье ословъ называется *guditus*, хрюканье свиней *grungitus*, а кваканье лягушекъ *соах*⁵. Передавая изреченія Платона, Горация, Цицерона, онъ съ любовію замѣчаетъ также остроуту какого нибудь мнѳографа, сравнившаго Трою съ нижнею частью желудка (*ііон и ile*)⁶. Нѣтъ уже прежняго политическаго смысла и воодушевленія: онъ замѣчаетъ, напримѣръ, что при описаніи актійской битвы незачѣмъ было Виргилію выставлять дѣйствующими боговъ или оправдывать ее, ибо постыденъ триумфъ междуусобной войны⁷. Какая воинственная кровь текла въ его жилахъ, видно изъ одного случая: Турнъ нарушилъ миръ съ Лативомъ, причиной войны было бышенство, вдохнутое ему Фуріей; Виргилій назвалъ эту жажду войны *преступнымъ свирѣпствомъ*; Сервій прибавляетъ: «въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего

¹ Serv. Aen. VI, 724, выше и ниже; VII, 416; 432; 597; VIII, 64; 69; 349 и др.

² VII, 84.

³ VIII, 187.

⁴ VII, 776.

⁵ VII, 16; и мн. др.

⁶ VII, 499.

⁷ VIII, 678.

безумиѣ стремиться къ тому, въ чемъ можно найти гибель ¹.» Онъ консулся значенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ политическихъ учреждений, въ ожидаете, и что же? Сервій говоритъ, что склоняется это слово такъ-то ². Грамматическія отмѣтки — одно изъ главныхъ его занятій; и нужно замѣтить, что въ филологическомъ отношеніи онъ владѣеть уже многими прочными законами; перестановки звуковъ, дигаммы Греціи и Рима не забыты; но отсюда простекають слѣдующія словопроизводства: *Нарь* рѣвка; слово это по сабински значить сѣра, а по Латыни (*nares*) — ноздри; слѣдовательно названа она такъ потому, что сѣрнымъ запахомъ щекочетъ ноздри, или потому, что имѣть два устья, походя на ноздри. Название города Крустумеріумъ можно произвести отъ Клитемнестры или отъ краюхи хлѣба (*crustula panis*), съѣденной Троянцами. Городъ Еретумъ отъ имени Геры; народъ Опки отъ *ὄφις*, змѣй, ибо тамъ много было змѣй; Палатинъ отъ блянья овецъ (*a balatu*) ³, и т. п. Господство нравственныхъ сентенцій видно повсюду; частыя нападенія на тѣло ⁴; и въ особенности Сервій, какъ всѣ средневѣковые ученые аскеты, не любитъ женщинъ, въ которыхъ по его понятію весь источникъ зла. Виргилій говоритъ, что Фурія бросила въ душу Турпа пламенникъ, между тѣмъ Аматъ впустила змѣю; Сервій видитъ уже здѣсь таинственный смыслъ. «Не напрасно, говоритъ онъ, въ юношу заброшенъ пламенникъ, который скоро возгарается и потомъ тухнетъ, — такова природа юности; въ Амату же впустила она змѣю, поелику въ женщинахъ всегда дѣйствуетъ ядъ.» Дѣло Венеры состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ согрѣваніи; съ особенною ревностію обличаетъ онъ ее въ прелюбодѣянніи, и рассказываетъ, какъ она обманывала своего супруга, выставляя тѣмъ вѣроломство всѣхъ женщинъ. — Виргилій описываетъ картину, какъ подняли оленя охотничьи собаки и называетъ ихъ злыя, бѣшенныя (*rabidae*); Сервій при этомъ разсуждаетъ: «Зачѣмъ Виргилій слово *собаки* поставилъ въ женскомъ родѣ? Отвѣтъ: отъ того не хотѣлъ онъ назвать собакъ въ мужескомъ родѣ, что въ женщинахъ присутствуетъ болѣе злобы ⁵.» Онъ презираетъ Грековъ и чуждыя религіи: но въ тоже время онъ производитъ имена божествъ отъ первыхъ и ссылается на Халдеевъ ⁶. А вотъ какъ онъ объясняетъ собственныя учрежденія: на шапкѣ Фламиновъ была лоза; Сервій между прочимъ приводитъ ту причину, что нужно было пугать птицъ, любившихъ

¹ VII, 461.

² VII, 266.

³ VII, 517; 631; 711; 730.

⁴ VIII, 376; 20 и др.

⁵ VII, 455; VIII, 373 и дал.; VII, 493.

⁶ II, 106; VIII, 127 и др.; 187; 275.

слетаться къ жертвамъ ¹. Онъ обличаетъ часто современные подлоги жрецовъ, и между тѣмъ часто ссылается для доказательства своихъ мыслей на современное состояніе обрядовъ ². Очень понятно, какковы поэтому были его представленія о древности, о сказаніяхъ, мифахъ. «Древніе цари, говоритъ онъ напримѣръ, присвоивали себѣ большею частію имена боговъ; слѣдовательно (?) Сатурнъ былъ царемъ Италіи... Отсюда говорятъ, что въ Критѣ находится гробъ Юпитера; притомъ римскій императоръ Габаль называлъ себя солнцемъ.» «О Пякусь возникъ извѣстный мифъ потому, что онъ былъ авгуръ (въ отдаленнѣйшія времена Италіи?) и имѣлъ у себя въ домѣ дятла (picus), чрезъ котораго узнавалъ будущее.» Янусовъ храмъ состоялъ изъ двухъ сводовъ, ибо Янусъ двуликій; потомъ въ Фалерахъ найденъ четвероликій. «Нечего подлинно удивляться, прибавляетъ Сервій, что у однихъ онъ двуликій, у другихъ четвероликій; ибо одни дѣлаютъ его господиномъ дня, въ которомъ есть начало и конецъ (восходъ и закатъ); другіе господиномъ цѣлаго года, а годъ, извѣстно, раздѣленъ на четыре времени. А что онъ богъ года, это доказывается тѣмъ, что его именемъ называется первая часть года (мѣсяць январь).» Далѣе Сервій отождествляетъ его съ Марсомъ, воздухомъ, голосомъ, міромъ. «Мифъ Геріона представляетъ его трехчленнымъ (trimembris), — это потому, что онъ владѣлъ тремя островами; далѣе мифъ говоритъ, что онъ имѣлъ двухголовую собаку, — это потому, что онъ былъ могучъ въ битвахъ на сушѣ и на морѣ. Его побѣдилъ Геркулесъ, поэтому мифъ утверждаетъ, что Геркулесъ переехалъ къ Геріону въ мѣдномъ горшкѣ (olla aegaea), поелику онъ имѣлъ сильный корабль, укрѣпленный мѣдью. Побѣдивъ Геріона и возвращаясь изъ Испаніи чрезъ Кампанію, Геркулесъ въ одномъ городѣ совершилъ помпу своего триумфа, — отсюда городъ названъ Помпей.» Цекулусъ (Caeculus), герой Пренесты, значитъ по корню слова — подслѣповатый; глаза портятся отъ дыма, а онъ найденъ былъ младенцемъ возлѣ огня, и былъ такимъ образомъ подпаленъ; «отсюда, прибавляетъ Сервій, его назвали сыномъ Вулкана.» «Егерія была нимфа Арицинской рощи; Нума сочинялъ (fingebat), что она подруга ему, для подкрѣпленія авторитета своихъ законовъ.» Для сбора конницы къ военнымъ дѣйствіямъ выставляли на Капитоліи темносинее знамя: это потому, замѣчаетъ Сервій, что таковъ цвѣтъ моря, а богомъ моря изобрѣтенъ конь. — Керберъ есть ничто иное, какъ земля, пожирающая тѣла; «иные же, прибавляетъ онъ, какъ дѣти, думаютъ, что Керберъ съѣлъ кости Амфіараа: Ам-

¹ VIII, 664.

² II, 116 и др.

«тарай просто сошелъ въ адъ черезъ разщелину земли.» Вулканъ есть ничто иное, какъ огонь; отсюда его имя, ибо огонь пролетаетъ (volet per) воздухъ; паденіе его на Лемнось озпачаетъ молнію; хромъ онъ потому, что огонь по своему свойству никогда не бываетъ прямымъ; «онъ свергнуть и брошенъ Юноной вслѣдствіе своего безобразія, а извѣстно, что она есть воздухъ, изъ котораго рождаются молніи; отсюда, по мнѣю, Вулканъ родился изъ ноги Юноны, ибо молніи рождаются изъ низшихъ слоевъ воздуха ¹.» Мы догадываемся уже, какого рода комментаріями могъ надѣлать такой ученый Виргилія. Авторитетъ Виргилія для него выше всего; онъ догматикъ, онъ теологъ ²; онъ великій реторъ: такъ въ Энеидѣ описывается схватка между Троицями и Латинами; палъ въ ней между прочимъ юноша Алмонъ, старшій изъ дѣтей Тиррея, пало много и другихъ, палъ и старецъ Галезъ, богатѣйшій изъ Авзоновъ. Сервій послѣ этого описанія свѣшить замѣтить: «Виргилій, по правиламъ реторики, стеръ простой народъ въ середину, а знатныхъ, Алмона и Галеза, помѣстилъ по краямъ, на первомъ и последнемъ мѣстѣ.» Самая первая строка Энеиды: «я воспѣваю оружія (войны) и мужа (arma virumque capo)....» Сервій разсуждаетъ: «обычная фигура, когда мы отвѣчаемъ не въ томъ порядкѣ, какой соответствуетъ намѣренію, ибо Виргилій прежде говоритъ о странствованіяхъ Энея, а потомъ уже о войнѣ.... *Оружіе* стоитъ прежде, чѣмъ *мужъ*: ибо Эней достигъ царскаго достоинства посредствомъ оружія; потому *оружіе* Виргилій предпоставилъ *мужу*, и притомъ въ трехъ смыслахъ (tribus modis, т. е. rhetoricis): во первыхъ поелику оружіе было побѣдоносно, во вторыхъ поелику оно божественно, въ третьихъ поелику всегда оружіемъ покоряють мужа.» Иногда этотъ трудолюбецъ беретъ Виргилія подъ свою защиту и освобождаетъ отъ нареканій: Эвандръ въ Энеидѣ называетъ Энея величайшимъ (maximus); Сервій убѣжденъ, что этимъ Виргилій хотѣлъ указать на достоинство Энея какъ верховнаго жреца (pontifex maximus); по вотъ Энею подводятъ коня: какъ же, спрашиваетъ Сервій, ему подводятъ коня, когда онъ былъ верховнымъ жрецомъ, а жрецамъ не позволено ѣздить на конѣ? Это разрѣшаетъ онъ такъ: нѣкоторымъ фламинамъ дозволялось выѣзжать за границу Италіи, и слѣдовательно тамъ они могли ѣздить и на коняхъ; Энею хорошо было извѣстно право жрецовъ (jus pontificale); поэтому, отправляясь къ Этрускамъ, за границу, онъ могъ съѣсть и на коня; а Виргилій при этомъ удобномъ случаѣ описалъ римскій обрядъ ³. Ученый комментаторъ такъ хорошо зналъ способъ своей ра-

¹ VII, 180; 190; 607 и дал.; 662; 678; 763; VIII, 21; 297; 414 и дал.

² VIII, 233; II, 694; VIII, 334 и мн. др.

³ VII, 535; I, 1; VIII, 363; 552; и др.

боты, так привыкъ жить чужимъ, что никакъ не могъ представить, чтобы и Виргилій не дѣлалъ того же самаго. Поэтому, что ни скажетъ Виргилій, его тотчасъ останавливаютъ и говорятъ: это онъ взялъ оттуда-то. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ мнимыхъ заимствований. Виргилій говоритъ объ Эней: «онъ далъ покой своимъ членамъ»; Сервій прибавляетъ: это заимствовано изъ Гомера — «мужу совѣтному не слѣдуетъ спать цѣлую ночь на пролетъ». Виргилій описываетъ, какъ и во что одѣвался Эвандръ, — обыкновенный пріемъ эпической поэзіи; Сервій восклицаетъ: «это все изъ Гомера!» между тѣмъ какъ здѣсь является тирренская обувь, и т. п. Виргилій говоритъ: *цѣлтъ дремисхъ мужей*; Сервій спѣшитъ прибавить, что это стихъ Эниія. Съ тѣмъ вмѣстѣ постоянно соединяется желаніе судить Виргилія, хорошо или нѣтъ сказалъ онъ, и если не хорошо, то поправить; такъ однажды онъ назвалъ порогъ *высокимъ* (altum); Макробій тотчасъ успѣлъ его поправить (in ipso вм. in alto), на томъ основаніи, что домъ, о которомъ идетъ рѣчь, вѣроятно былъ низокъ. Цѣлымъ хоромъ комментаторы Виргилія провозглашаютъ такія поправки. И вотъ до чего доходитъ: Виргилій изображаетъ битву подъ образомъ жатвы мечей — общее достояніе всякой народной поэзіи, скандинавской, и даже напей въ Словъ о П. И.; комментаторы вопіютъ, что этотъ образъ слишкомъ утонченъ и изысканъ. Превосходно завязалъ Виргилій битву между Троянцами и Латинами: ручной олень Сильвія подстреленъ на охотѣ Асканіемъ; окрестные поселяне сбѣжались, началась схватка, въ ней погибло нѣсколько не послѣдняго класса людей. Макробій замѣтилъ, что убійство оленя слишкомъ недостаточный предлогъ для битвы; съ V-го вѣка по Р. Х. до XIX-го комментаторы постоянно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ, и если иногда защищаютъ Виргилія, то эта защита столь же излишня, и странна, и смѣшна, какъ мы видѣли примѣры тому у Сервія ¹! Послѣ этого уже очень легко было утверждать, что Виргилій для изображаемой имъ эпохи постоянно заимствовалъ черты изъ своего времени, и что онъ переносилъ туда современныя учрежденія и обычаи; его и хвалятъ за это, и порицаютъ: и то, и другое, порою бываетъ въ высшей степени неумѣстно. Эней посылаетъ къ Латину пословъ, выбранныхъ изъ всей толпы спутниковъ (ab omni ordine, т. е. ex omni multitudine); Сервій объясняетъ это — изъ всѣхъ классовъ, сословій и чиновъ, «что, (прибавляетъ онъ), доселѣ сохраняется у Римлянъ при отправленіи посольства». Поэтъ описываетъ общій вѣсімъ народамъ обычай воинскихъ упражненій юношества въ Лаціумъ:

¹ Аев. VIII. 30; II. II, 24; Аев. VIII, 457 и дал. Serv. 459; 500; Аев. VIII, 461; VII, 525; 526; 475 и далъ и др.

по Сервію этимъ онъ изобразилъ обычай римской милиціи. Латинъ велѣлъ позвать къ себѣ въ чертоги троянскихъ пословъ: Сервій замѣчаетъ, что здѣсь поэтъ уклонился отъ римскаго обычая, по которому прежде узнаютъ отъ пословъ, чего хотятъ они, и оправдываетъ отступленіе Виргилія тѣмъ, что Латинъ хотѣлъ нетерпѣливо знать судьбы Троянцевъ. Виргилій, согласно съ эпической обычностью Гомера, говоритъ, что у Латина было триста коней: «это искусно указалъ онъ (слова Сервія), ибо въ легионѣ римскомъ находится только триста всадниковъ, а всѣхъ воиновъ шесть тысячъ; этимъ указываетъ Виргилій, что Латинъ имѣлъ у себя одинъ только легионъ». Виргилій говоритъ, что у древнихъ Италиковъ начались воинскія движенія: изъ объясненій Сервія видно, что этимъ намекается на римскій обычай двигать предъ битвой Марсово оружіе; онъ доходитъ до того, что выраженіе Виргилія—*totчасъ, вдругъ* (*extemplo*), толкуетъ такъ, что война началась послѣ того, какъ изъ храма (*ex templo*) подавъ былъ знакъ¹. Такимъ образомъ Виргилію можно было подлагать какой угодно смыслъ и намекъ; Сервій здѣсь доходитъ до какого-то изступленія. Первая половина Энеиды оканчивается описаніемъ схождения Энея въ адъ; седьмую же книгу поэтъ начинаетъ такъ: «похоронивъ кормилицу Каету, Эней отправился далѣе». Сервій замѣчаетъ, что это весьма кстати и искусно выставлено поэтомъ, ибо погребеніе занимаетъ среднее мѣсто между адомъ и жизнью; потому, прежде новыхъ дѣйствій Энея и послѣ схождения во адъ, прилично и хорошо помѣстить описаніе погребенія Каеты. — Въ Энеидѣ упоминается, что Эней видѣлъ Дардана въ адѣ, а послѣ Латинъ говоритъ, что онъ между богами на небѣ; Сервій это разрѣшаетъ такъ: «душу помѣщаетъ Виргилій на небѣ, тѣло въ землѣ, а тѣнь въ адѣ.» — Юнона говоритъ, что она во все странствованіе Энея по морю противуборствовала ему; по Сервію Виргилій придавъ здѣсь словамъ физиологическій смыслъ, ибо Юнона означаетъ дожди, громы, бури. — Виргилій влагаетъ въ уста Эвандру слова *фортуна* и *рокъ* (*fatum*); Сервій замѣчаетъ, что здѣсь поэтъ изложилъ вполне догму стонковъ, которые во власть року отдають рожденіе и смерть, а фортуна жизнь.—Эвандръ называетъ Геркулеса побѣдителемъ (*victor*); Сервій прибавляетъ, что поэтъ *таинственнымъ образомъ* намекаетъ здѣсь на то имя, которое въ Римѣ начертано было на храмѣ Геркулеса. — Эвандръ въ Энеидѣ рассказываетъ, какъ жегъ онъ щиты враговъ; Сервій говоритъ, что «это Виргилій заимствовалъ изъ исторіи, ибо такъ поступилъ Тарквиній Прискъ.» У Виргилія выводится

¹ Serv. Aen. VII, 152; 162; 168; II, 20, 221 и сл. Serv. Aen. VII, 274; VII, 603; VIII, 3, 4.

герой Гериль, имѣвшій три души: Сервій согласенъ, что таковъ былъ мнѣю, но кромѣ того утверждаетъ, что поэтъ мимоходомъ коснулся здѣсь спорнаго пункта въ ученіи Платона и Аристотеля, именно того, четыре ли души въ человѣкѣ, или только три. — Во время акційской битвы, по описанію поэта, сражаются сами боги и между прочимъ Нептунъ: изъ словъ Сервія выходитъ, что Виргилій намекнулъ здѣсь на то обстоятельство, по которому — какъ говоритъ Плиній — корабль Антонія остановленъ былъ особаго рода рыбой (*Echeneis remora*, держи-лодь), и что, стало быть, именемъ Нептуна поэтъ хотѣлъ указать на рыбу. — Виргилій Нурсіи придаетъ эпитетъ — *холодная* (*frigida*), конечно по ея положенію на сѣверъ, при Апеннинахъ: Сервій въ этомъ эпитетѣ замѣчаетъ понятіе вреда и ядовитости, и утверждаетъ, что поэтъ хотѣлъ намекнуть на то, что Гракхи людей порочныхъ называли Нурсинцами¹. Онъ-то началъ постоянную проповѣдь о томъ, что Виргилій хотѣлъ вездѣ помянуть Августа. Такъ, напримѣръ, Виргилій говоритъ, что героя Вирбія послала на битву мать Ариція; Сервій согласенъ, что здѣсь должно разумѣть отечество, родной городъ; но потомъ прибавляетъ: «матерью онъ назвалъ Арицію ради Августа, котораго мать была родомъ оттуда, какъ бы говоря — городъ этотъ начальникъ столь великаго рода²».

Внимательно изучая Сервія, мы получаемъ многостороннюю пользу. Во-первыхъ, мы получаемъ самый вѣрный образчикъ учености того времени; это образчикъ страшнаго смѣшенія понятій, возникшаго на обломкахъ и развалинахъ античныхъ убѣжденій. Тутъ не было водоворота и бури: закваска брошена, но помѣсь съела, опала, и долго еще не могло отсюда подняться что-либо путное. Сервій стоитъ не одиноко: его найдете въ каждомъ изъ ближайшихъ и слѣдующихъ вѣковъ, на почвѣ Итали, Галліи, Греціи, малой Азіи, Африки. — Далѣе мы убѣждаемся въ той мысли, которую высказали выше, касательно характера и особенностей Виргилія: это какая-то ненормальность, какая-то искусственность, отсутствіе полной и свѣжей жизни, аскетическая туманность. Началось все это дѣло бѣдностію и скудостію италійскихъ мнѣювъ, слабостію основныхъ религіозныхъ представленій; Римъ великими явленіями своей жизни на время удалилъ съ главной сцены дѣйствія, заслонилъ и закрылъ особенности италійскихъ преданій. Но они стремились развиться, искали восполнить свою скудость усиленнымъ напряженіемъ, связывались тѣсно съ поэзіею, искусствомъ, и, за одно съ нѣкоторыми другими началами, наконецъ осяли и произвели

¹ Serv. Aen. VII, 4; 210; 300; VIII, 334; 363; 562; 564; 699; XII, 715.

² Serv. Aen. VII, 762; ср. VII, 170; VIII, 361 и др.

перевороты первых вѣковъ до и послѣ Р. X. *Виргилій* былъ красою, цвѣтомъ, лучшимъ выраженіемъ этого стремленія; но трудъ его кабинетнаго увлеченія понесъ на себя и всѣ недостатки направленія. Его ближайшіе комментаторы, *Макробій* и *Сервій*, безспорно люди ученые, умные: но мы видѣли уже напряженность ихъ углубленія, ослабввающую иногда въ своей искусственной энергіи до самыхъ явныхъ пошлостей; при всемъ обилии разбросанныхъ ими указаній, мы видѣли, какъ трудно отдѣлать здѣсь чистую долю истины. Можно бы прослѣдить въ среднихъ вѣкахъ еще много и много аналогій; можно бы коснуться и идеаловъ средневѣковой *Италіи*, и византійскихъ летописцевъ, и разсужденій *Никиты Хониата* по поводу статуи *Елены*, но это повело бы слишкомъ далеко; вспомнимъ только тотъ странный образъ, въ какомъ являлся *Виргилій* для средневѣковыхъ писателей; вспомнимъ характеръ *Данта*, особенности его идеаловъ, разсужденія его комментаторовъ. *Сервій* не погибъ еще и въ наше время: новѣйшіе комментаторы *Виргилія* часто смѣются надъ нимъ; но по справкѣ оказывается, что большая часть объясненій занята у него же. Отсюда вы поймете и характеръ *Гейне*, его защиту *Виргилія* и его восклицанія, — *quam egregium, quam pulchrum*, или *quam exquisite*, его поправки, указаніе заимствованій. *Овидій* не имѣлъ подобныхъ, ближайшихъ къ себѣ комментаторовъ, не вызвалъ странныхъ увлеченій, и въ новое время не цвѣлѣлъ на ученыхъ ложнаго классицизма и туманнаго восторга: но его усердно читали въ средніе вѣки; его новѣйшія истолкованія дали много богатыхъ и ясныхъ свѣдѣній, для многихъ важнѣйшихъ отдѣловъ римскихъ древностей.

Вотъ почему съ особеннымъ вниманіемъ остановились мы на немъ въ настоящемъ случаѣ. Не выставить его достоинство была наша задача: мы хотѣли приблизительно показать, какъ, превосходя многіе другіе источники, *Овидій* представляетъ однако много недостатковъ и трудностей, какъ вызываетъ онъ много разнообразныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Быть-можетъ при этомъ намъ удалось угадать сколько нибудь и тотъ методъ, которому нужно слѣдовать при изученія римскихъ религіозныхъ древностей: главное же, мы могли убедиться, какъ нужно быть осторожнымъ и медленнымъ въ этомъ дѣлѣ, какъ нужно остерегаться произносить какое либо общее сужденіе о всей римской религіи; если можно здѣсь изслѣдовать, то необходимо начинать съ частныхъ и при томъ въ видѣ очерковъ — не болѣе.

П. Безсоновъ.

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВРЕМЕНЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

I.

Битва при Филиппи не рѣшила еще окончательно судьбы римской республики. Она отдала ее въ руки двумъ честолюбцамъ, но вопросъ, за кѣмъ останется первенство, былъ нерѣшенъ, хотя Варронъ, погибшій при Филиппи, предсказывалъ конецъ Антонію. Раздѣла собственно не было. Триумвиры согласились дѣйствовать дружно и сообща; но выборъ провинцій, кругъ дѣятельности каждаго изъ нихъ, болѣе же всего характеры ихъ поднимали отчасти завѣсу, скрывавшую исходъ триумвирата.

Октавіанъ повелъ легіоны въ Италію для раздачи имъ полей въ награду за вѣрную службу; Антоній остался на востокъ для сбора контрибуцій съ городовъ Малой Азіи, принявшихъ сторону Брута и Кассія. Одно это давало уже сильный перевѣсъ Октавіану; онъ находился въ Римѣ, располагалъ большими средствами, имѣлъ въ рукахъ сенатъ и городскую чернь. Антоній вдали отъ Рима былъ съ самаго начала скорѣе намѣстникомъ молодаго Октавіана нежели соправителемъ. Какъ

онъ самъ согласился на такой раздѣлъ — объясняется его личнымъ характеромъ. Онъ слишкомъ много вѣрилъ въ свои собственныя силы и въ свое превосходство надъ Октавіаномъ, котораго не высоко ставилъ, и жестоко ошибся. Ему не приходило въ голову, чтобы дерзкій отрокъ могъ его перехитрить, а вышло на оборотъ. Этотъ отрокъ былъ хладнокровнымъ, расчетливымъ и скрытнымъ старцемъ въ сравненіи съ пылкимъ и страстнымъ Антоніемъ.

Трудно себя представить ясный образъ характера Антонія: такъ много въ немъ противорѣчій, такъ разнообразно судила о немъ древность! Цицерону вѣрить мы не можемъ: его Филиппики были написаны подъ вліяніемъ ненависти и представляютъ намъ характеръ триумвира въ искаженномъ видѣ. Аппіанъ, Плутархъ, даже Веллей Патеркуль, пристрастный панегиристъ Юліевъ, отдають справедливость Антонію и приводятъ черты, въ которыхъ ясно проглядываетъ великодушіе и благородство триумвира. Безпристрастный Діонъ Кассій посвятилъ ему также нѣсколько страницъ, гдѣ сгруппировалъ всѣ противорѣчія этого дикаго, страннаго характера, и тѣмъ самымъ попалъ лучше другихъ на истину. Это былъ въ самомъ дѣлѣ характеръ, составленный изъ противорѣчій. Въ немъ не найдемъ мы ни одной главной, преобладающей черты, которая бы руководила его дѣйствіями; эта страстная, увлекающаяся натура поддавалась всегда первому впечатлѣнію. Обстоятельства и окружавшіе его люди имѣли постоянно на него вліяніе, вслѣдствіе его излишней довѣрчивости, и вслѣдствіе нѣги и лѣности, которой отдавался безотчетно Антоній. Только критическія минуты опасности вызывали его изъ усыпленія, и тогда трудно было себя представить человека болѣе энергическаго, болѣе смѣлаго и дѣятельнаго. Въ этомъ отношеніи сравненіе его съ Дмитріемъ Поліоркетомъ выбрано Плутархомъ чрезвычайно удачно. Антоній дѣйствительно много напоминаетъ собою знаменитаго діадоха. Но не такихъ характеровъ ждалъ Римъ, чтобы успокоиться отъ внутреннихъ потрясеній. Антоній былъ превосходнымъ исполнителемъ замысловъ Цезаря, охотно былъ слугою великаго диктатора; но взять послѣ него въ руки кормило республики было ему не по силамъ.

Антоній былъ сынъ Марка Антонія, котораго въ насмѣшку называли Критскимъ, за неудачный походъ на Критъ. Это былъ человекъ ничтожный, жадный къ деньгамъ, расточительный. Про него ходили въ Римъ слухи, что, посланный разъ противъ морскихъ разбойниковъ, онъ дѣлился съ ними добычей. Мать его Юлія была дальнею родственницей Цезаря. Объ его юности мы знаемъ только кой-что изъ Цицерона, которому вѣрить трудно. Антоній провелъ молодость въ кругу

развратной и буйной аристократической молодежи, сподвижников Катилины. Остроумный, живой, прекрасный собой, онъ былъ съ радостью принять въ кругъ богатыхъ развратниковъ. И здѣсь Цицеронъ грѣшитъ противъ истины, отрицая въ немъ даже тѣлесную красоту, называя его гладиаторомъ. Антоній былъ, судя по всемъ извѣстіямъ и по его изображеніямъ на монетахъ, чрезвычайно красивъ. Онъ былъ силенъ, высокъ, крѣпкаго сложенія съ мужественнымъ, но пріятнымъ и добрымъ выраженіемъ въ лицѣ. У него былъ широкій лобъ, нѣсколько горбатый носъ и густая борода, вопреки римской модѣ того времени. Казнь Лентула вызвала его на вражду съ Цицерономъ, и онъ присталъ изъ мщенія къ партіи Клодія, впрочемъ не надолго. Интрига съ женой Клодія, Фульвией, на которой онъ въ послѣдствіи женился, разорвала эту связь. Какъ почти всѣ знаменитые люди того времени, обремененъ былъ и онъ долгами, тѣмъ болѣе, что послѣ отца не получилъ никакого наслѣдства. Онъ бѣжалъ отъ своихъ кредиторовъ въ Грецію. Здѣсь хотѣлъ онъ поправить недостатки своего образованія и началъ прілежно посѣщать философовъ и раторовъ. Правда, онъ здѣсь пробылъ не долго, но успѣлъ воспользоваться ихъ ученіемъ, окружалъ себя и въ послѣдствіи греческими литераторами, говорилъ хорошо по-гречески и зналъ греческую литературу, хотя Цицеронъ отрицаетъ въ немъ всякое образованіе.

Вызванный изъ Греціи проконсуломъ Сиріи Габиніемъ, онъ получилъ начальство надъ конницей, и оставался въ Сиріи до 54-го года. Его первые шаги на военномъ поприщѣ заслужили полное уваженіе полководца и солдатъ; но кругъ дѣятельности казался ему здѣсь тѣснѣе; долги не были уплачены; въ Римъ показаться онъ не смѣлъ, и Антоній поѣхалъ въ Галлію, сборное мѣсто всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ честолюбцевъ, всѣхъ промотавшихся, куда ихъ звали слава завоевателя Галліи, его сокровища, богатая добыча и предстоящая междуусобная война, въ которой никто не сомнѣвался. Съ этого времени онъ былъ неотлучнымъ сподвижникомъ Цезаря, самымъ вѣрнымъ и способнымъ исполнителемъ его плановъ. Въ его военныхъ дарованіяхъ отдастъ ему полную справедливость Цезарь. Самыя трудныя дѣла поручались всегда Антонию. Лучшимъ доказательствомъ служить его знаменитое отступленіе отъ Модены и битва при Филиппи, исходъ которой былъ единственно дѣломъ Антонія. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привлекать къ себѣ непостоянныя сердца римскихъ легіоновъ. Много способствовала тому сльпая вѣра въ его счастье и военные дарованія, его отчаянная храбрость, его способность выносить съ величайшимъ терпѣніемъ голодъ, жажду и всѣ невзгоды, которыя онъ дѣлалъ съ вой-

нами, ободряя ихъ грубыми своими шутками. Вѣчно войны видѣли его передъ своими рядами, въ плащъ изъ грубаго сукна, съ длиннымъ мечемъ. Онъ и въ мирное время любилъ бесѣдовать съ солдатами, принималъ участіе въ ихъ забавахъ, ухаживалъ за больными, шутилъ, смѣялся и пировалъ съ здоровыми. Отъ того можетъ-быть въ его обращеніи и приемахъ замѣтно было много грубаго и солдатскаго, что оскорбляло людей съ утонченнымъ вкусомъ и болѣе изящными манерами, и заставляло Клеопатру не рѣдко его останавливать и просить не повторять болѣе плоскихъ солдатскихъ шутокъ.

Когда планы Цезаря созрѣли, и все было готово къ междуусобной войнѣ, Цезарь послалъ Антонія въ Италію. Здѣсь выбрали его въ авгуры и трибуны, конечно не безъ вліянія Цезаря, которому было нужно замѣстить важнѣйшіе посты своими приверженцами. На этомъ поприщѣ Антоній дѣйствовалъ такъ же успѣшно и такъ же ловко въ пользу Цезаря, какъ и на полѣ битвы. Цицеронъ называетъ его прямо главнымъ виновникомъ междуусобной войны¹. Настойчивость, съ которою Антоній говорилъ въ пользу Цезаря и требовалъ удаленія Помпея въ провинцію, раздражила враждебную партію въ сенатѣ, и трибуна выгнали изъ куріи. Цезарь того только и ждалъ. Когда оскорбленные трибуны явились къ нему въ станъ, онъ вступился за нихъ и нашелъ въ этомъ еще одинъ удобный предлогъ къ войнѣ. Во время отсутствія Цезаря въ Испаніи, Антоній оставался въ Италиі, и зоркимъ окомъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ противной партіи. Его расточительность, его развратная жизнь прикрывали его бдительность; и никто, ни самъ даже Цицеронъ не подозрѣвалъ въ немъ самаго опаснаго и злого врага, а между тѣмъ онъ разставлялъ вездѣ шпионовъ и лазутчиковъ по берегу, чтобы отрѣзать недовольнымъ всякую возможность къ бѣгству². Кто бы могъ подумать въ самомъ дѣлѣ, чтобы этотъ развратникъ, проводившій дни и ночи въ пирахъ, могъ быть опаснымъ противникомъ? Письма Цицерона къ Аттику исполнены злобы и ядовитыхъ нападокъ на Антонія. Его оскорбляла не столько жизнь Антонія и его связи, сколько то, что онъ самъ былъ опутанъ кругомъ сѣтями Антонія. Последний вздымъ не иначе, какъ окруженный ликторами, шутами, мимами и развратными женщинами. Въ девять часовъ утра Антоній не въ состояніи еще былъ приняться за дѣла, но онъ оканчивалъ ихъ всегда во время³. Напрасно говоритъ Цицеронъ, что

¹ Philipp. 11. 22, 28, 29.

² Cicero Epist. ad Attic. 10, 10.

³ Plut. Ant. & Cic. ad Attic. 10, 13.

второе письмо Антонія къ нему было написано подъ вліяніемъ хмѣля. Не мѣшало бы многимъ тогда въ Римѣ дѣйствовать такъ трезво, какъ Антоній.

Въ продолженіе трехъ диктатуръ Цезаря, Антоній не принималъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ. Мы не встрѣчаемъ его имени въ африканской войнѣ. Онъ оставался въ Италиі, предаваясь жизни самой разгульной и расточительной. Онъ считалъ себя обиженнымъ, не видѣлся съ Цезаремъ, не пошелъ за нимъ даже въ Испанію. Причиной неудовольствія были деньги. Антоній купилъ съ публичнаго торга большую часть имѣній Помпея, въ надеждѣ, что съ него не потребуютъ денегъ; но Цезарь не намѣренъ былъ простить ему долга, и отсюда размолвка, продолжавшаяся впрочемъ не долго. По возвращеніи Цезаря изъ Испаніи Антоній выѣхалъ къ нему на встрѣчу, былъ облаканъ, получилъ почетное мѣсто въ триумфальной колесницѣ Цезаря, и въ слѣдующемъ году выбранъ вмѣстѣ съ Цезаремъ въ консулы.

Смерть Цезаря застала Антонія въ распlohъ. Это случилось такъ неожиданно и внезапно, что никто не имѣлъ времени одуматься. Антоній и Лепидъ, главные представители партіи Цезаря, скрылись, не смотря на то, что въ окрестностяхъ Рима было много ветерановъ, не смотря на то, что они смѣло могли рассчитывать на городскую чернь. Они предполагали въ противной партіи несравненно болѣе средствъ и силъ, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. Но послѣдніе отдались имъ сами въ руки; они сами испугались своего дѣла. Вполнѣ убѣжденные, что за исключеніемъ небольшого числа аристократовъ, они найдутъ мало сочувствія, заговорщики сробѣли. Ихъ первыя дѣйствія были такъ неловки, они такъ мало показывали увѣренности въ своей силѣ, что не прошло и дня, какъ всѣ ихъ планы были разстроены друзьями Цезаря, душою которыхъ былъ Антоній. Антоній, которому отказываетъ Цицеронъ и въ умъ и въ дальновидности, которому за пирами и разгульной жизнью не доставало, по его словамъ, времени заниматься дѣлами государственными, этотъ человекъ оказался несравненно дальновиднѣе и Цицерона и всѣхъ его сторонниковъ. Онъ дѣйствовалъ такъ умно и осторожно, что перехитрилъ ихъ окончательно, и поставилъ ихъ въ совершенную невозможность ему вредить.

Ропотъ и угрозы, съ которыми встрѣтилъ народъ рѣчь Цинны, оскорбительную для памяти Цезаря, доказали Антонію ясно, что ни Брутъ, ни его сообщники не нашли въ народѣ симпатіи. Случайнымъ образомъ достались ему въ руки важныя средства — сокровища Цезаря, его завѣщаніе, бумаги, и наконецъ во время сматенія захватилъ онъ изъ храма Опсы государственную казну. Выступить прямо и от-

крыто мстителемъ Цезаря Антоній не могъ и не хотѣлъ: это могло бы повести къ кровопролитной междуусобной войнѣ, исходъ которой былъ бы сомнителенъ, потому что противная партія обладала значительными военными силами. Заговорщики можетъ-быть сами выжидали этого и конечно желали, чтобы первые подняли оружіе Цезаріанцы; они ожидали этого отъ неукротимаго Антонія, и ошиблись. Антоній не трогался и заговорщики начали первые переговоры. Они предложили Антонію созвать, въ качествѣ консула, сенатъ. Семнадцатаго Марта онъ былъ созванъ, не въ курии однакожь, а въ храмъ Земли, который окружили ветераны. Народъ кричалъ Антонію, чтобы онъ остерегался, и въ отвѣтъ на это онъ отвернулъ свою тогу, подъ которой видна была броня. Но онъ первый заговаривалъ о всеобщемъ примиреніи и амнестіи, не изъ боязни или уступки, а потому что и не ожидалъ отъ сената противорѣчія. Онъ понималъ, что оскорблять память Цезаря никто не будетъ, что его учрежденія и акты останутся въ силѣ. Иначе и быть не могло, когда половина сенаторовъ обязаны были Цезарю своимъ возвышеніемъ и своими богатствами. Все было торжественно подтверждено; мало того, присудили даже воздать Цезарю божественныя почести.

Все кончилось повидимому мирно и спокойно; партія Брута и аристократія торжествовали свою побѣду; послѣдняя надѣялась вступить въ прежнія свои права, — но Антоній готовилъ ей въ тиши новый ударъ. Ежели онъ первый подаль руку къ примиренію, то изъ этого еще не слѣдовало, что онъ готовъ былъ отказаться отъ власти. Его честолюбію не было мѣста при жизни великаго диктатора; припять теперь равнодушно второстепенную роль Антоній не хотѣлъ. Когда волненіе успокоилось, онъ началъ дѣйствовать наступательно. Ему нужно было избавить и себя и Римъ отъ противниковъ. Первымъ его шагомъ было обнародованіе завѣщанія Цезаря, которое онъ прочелъ публично у себя на дому. Здѣсь народъ узналъ, что Цезарь завѣщалъ народу свои сады, по ту сторону Тибра, и по 75 денаріевъ на человѣка; въ случаѣ смерти ближайшихъ родственниковъ наследниками объявлены были Децимъ Брутъ и Антоній. Уже одно обнародованіе завѣщанія произвело въ народѣ волненіе неблагоприятное Бруту и его партіи, но Антоній готовилъ еще другое зрѣлище народу, чтобы не дать остыть его негодованію, зрѣлище, которое окончательно дало ему первенство въ Римѣ.

Явился вѣстникъ объявить торжественное погребеніе Цезаря. На форумѣ воздвигли подмостки и на нихъ, возлѣ ораторскаго мѣста, помѣщенную часовню по образу храма Венеры-Родительницы (Venus

genitrix), на столбахъ, вмѣсто ствнъ, дабы народъ могъ свободно видѣть ложе изъ слоновой кости, покрытое златотканнымъ пурпуромъ, у изголовья котораго висѣла одежда, въ которой былъ убитъ диктаторъ. Сановники истекшаго и настоящаго года пели тѣло среди громкихъ воплей народа и ветерановъ, и поставили его на подмости. Антоній, какъ сотоварищъ по консульству и родственникъ, произнесъ надгробную рѣчь. Эта рѣчь, которую Цицеронъ слышалъ и потомъ читалъ, была вся расчитана на эффектъ и имѣла удивительное дѣйствіе¹. Она прерывалась безпрестанно чтеніемъ актовъ Цезаря, изложеніемъ его дѣлъ и погребальными играми. Не можемъ не напомнить здѣсь читателямъ превосходной сцены въ Юліи Цезарь Шекспира. Великій поэтъ воспроизвелъ намъ съ свойственнымъ ему одному мастерствомъ этотъ исполненный глубокаго драматизма эпизодъ. Когда волненіе стало въ народѣ довольно замѣтно, Антоній подошелъ къ носилкамъ; сталъ громко превозносить великія дѣла Цезаря, его доброту и кротость съ врагами и развернулъ вдругъ окровавленную одежду Цезаря. Въ это самое мгновеніе раздалась тихая, печальная музыка, мимы начали представленіе нѣкоторыхъ сценъ изъ Электры Пакувія и Атталія, подходящихъ содержаніемъ къ настоящему положенію, и поднялось вдругъ восковое изображеніе Цезаря, покрытое 23 ранами. Можно себя легко представить, какое впечатлѣніе произвело все это на народъ. Убійцы успѣли скрыться, иначе они пали бы непременно жертвой народнаго негодованія. Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія родилась мысль сжечь въ куріи тѣло погибшаго, но это не состоялось. Два воина, вѣроятно по приказанію Антонія, зажгли гробъ на форумѣ, народъ составилъ мигомъ костеръ изъ лавокъ, столовъ, изъ всего, что только было подъ рукой: мимы бросали въ огонь драгоценныя свои одежды, жепы свои украшенія, ветераны оружіе и почетныя награды. Разъяренная толпа бросилась съ пылающими головнями къ жилищамъ убійцъ, и только убедительныя просьбы хозяевъ соседнихъ домовъ пощадить ихъ, удержали ее, но безъ жертвъ все таки не обошлось. Трибунъ Гелвій Циппа, который пришелъ больной на погребеніе, былъ умерщвленъ толпой. Родство съ преторомъ Цинной, однимъ изъ убійцъ, было единственною его виной. Последніе бѣжали изъ Рима — Децимъ Брутъ въ Цизальпинскую Галлію, чтобы удержать въ повиновеніи легіоны, Маркъ Брутъ въ Македонію, Кассій въ Сирію.

Антоній достигъ своей цѣли. Онъ былъ неограниченнымъ власте-

¹ Cic. ad Att. 15, 20. 14, 11.

линомъ въ Римъ. Выступивъ мстителемъ Цезаря и поборникомъ всѣхъ его учреждений, онъ дѣйствовалъ самовластно именемъ погибшаго диктатора. Общее оцѣненіе было такъ сильно, что онъ дерзалъ даже на такія дѣла, на которыя никогда бы не осмѣлился самъ Цезарь. Онъ продавалъ мѣста и провинціи; Дейотаръ купилъ у него малую Арменію; островъ Критъ откупился на волю. Его богатство росло не по днямъ, а по часамъ. Видя свою силу, онъ рѣшился разорвать окончательно всякую связь съ аристократіей и убійцами Цезаря и нарушить договоръ. Онъ отпаялъ провинціи Македонію и Сирію у Брута и Кассія, и предложилъ имъ въ замѣнъ Критъ и Кирену. Мѣна конечно не состоялась; дѣло дошло бы непремѣнно до войны, если бы не явилась въ это время новая личность, несравненно для Антонія опаснѣе всей римской аристократіи, личность, которой суждено было въ послѣдствіи взять въ свои руки судьбы республики.

Цезарь въ своемъ завѣщаніи усыновилъ и назначилъ наследникомъ большей части ($\frac{2}{3}$) своего состоянія (*haeres ex adoptante*) племянника Октавія. Диктаторъ питалъ особенную нѣжность къ молодому родственнику. Его нѣжность и заботливость подали поводъ врагамъ очернить эти отношенія самыми грязными слухами. Пятнадцать лѣтъ отъ роду Октавій былъ уже сенаторомъ. Цезарь хотѣлъ взять его съ собой, когда готовился въ походъ на Пароянъ, но сначала послалъ молодаго чело-вѣка въ Аполлонію для полученія гелленскаго образованія. Въ Аполлоніи собирались легіоны, и Октавій долженъ былъ принимать участіе въ ихъ воинскихъ упражненіяхъ, чтобы ознакомиться съ солдатами. Это имѣло большое вліяніе на его будущую судьбу. Съ свойственною ему ловкостію Октавій приобрѣлъ расположеніе легіонровъ, такъ что когда пришла въ Аполлонію вѣсть о смерти Цезаря, и начальники и воины предлагали ему единогласно свои услуги и защиту. Октавію было въ это время только 19 лѣтъ. Онъ немедленно сѣлъ на корабль и прибылъ въ Италію. Не зная положенія дѣлъ, онъ не рѣшился пристать въ Брундузію, и остановился въ маленькой ничтожной пристани Луппіи. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе о погребеніи Цезаря и о декретахъ сената. Онъ тутъ же принялъ наименованіе Цезаря, и первая горсть ветерановъ, вышедшая къ нему на встрѣчу, громко его привѣтствовала этимъ именемъ. Отпущенники Цезаря, ветераны собирались къ нему со всѣхъ сторонъ, предлагая свои услуги и свой мечъ. Октавіанъ — такъ сталъ онъ называться по принятіи усыновленія — не изъявлялъ никакихъ притязаній, скрывалъ всѣ свои намѣренія и продолжалъ тихо и скромно свой путь. Цицеронъ находился въ это время около Кумъ, Октавіанъ посѣтилъ его и обворожилъ тще-

славнаго старца своею почтительностію и своими ласками. Онъ прибылъ въ Римъ въ концѣ апрѣля. Антоній объѣзжалъ въ это время Италію, вербуя себѣ друзей и привлекая на свою сторону ветерановъ, и воротился не прежде мая. На другой же день послѣ своего прибытія Октавіанъ объявилъ претору, что принимаетъ наследство и усыновленіе, взошелъ на ораторскую трибуну и общалъ народу выполнить свято волю Цезаря. Когда Антоній прибылъ, Октавіанъ требовалъ свиданія. Оно имѣло мѣсто въ садахъ Помпея, и кончилось не совсемъ дружелюбно. Октавіанъ требовалъ наследства, которое было уже издержано расточительнымъ Антоніемъ. Антоній обошелся съ Октавіаномъ грубо и дерзко.

Ему досадно было встрѣтить препятствіе и найти соперника тамъ, откуда онъ менѣе всего ждалъ. Онъ однакожь не опасался молодаго Цезаря, и считалъ его ребенкомъ; иначе онъ не поступилъ бы такъ опрометчиво и не оскорбилъ бы Октавіана. Скоро ему пришлось убедиться, что безразсудный и дерзкій юноша для него опаснѣе всѣхъ поспѣлыхъ сенаторовъ. Антоній отказалъ Октавіану на отрывъ въ выдачѣ наследства, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно все истрчено во время смутъ на подкупъ сенаторовъ и т. д. Онъ осыпалъ упреками Октавіана за стараніе снискать расположеніе народа, толпы ненадежной и измѣнчивой. «Октавіану это должно быть извѣстно», прибавилъ насмѣшливо консулъ, «потому что еще недавно онъ слушалъ все это въ греческихъ школахъ».

Положеніе Октавіана было непріятное. Родственники совѣтывали ему отстать отъ борьбы и предоставить дѣла ихъ собственному теченію, — Октавіанъ не остановился. Дѣйствовалъ ли онъ по собственному убѣжденію, или по внушенію своихъ совѣтниковъ и преимущественно Агриппы, который былъ уже въ это время ближайшимъ къ нему лицомъ, рѣшить трудно. Судя по всѣмъ дѣйствіямъ Октавіана, мы имѣемъ кажется полное право заключить, что онъ всѣмъ обязанъ одному себѣ. Трудно себѣ представить человека, въ которомъ бы столько было выдержки, столько терпѣнія. Онъ не принадлежалъ къ числу характеровъ живыхъ, энергическихъ, идущихъ дерзко на проломъ, сила которыхъ по видимому безпрестанно растетъ съ новыми препятствіями. Онъ избѣгалъ трудностей, онъ уклонялся отъ опасностей, выжидалъ удобной минуты и, нужно отдать ему справедливость, никогда ее не пропускалъ. Въ этомъ отношеніи Октавіанъ, не смотря на свою молодость, имѣлъ большой перевѣсъ надъ пылкимъ, нетерпѣливымъ Антоніемъ, хотя послѣдній стоялъ далеко выше его дарованіями и храбростію. Октавіанъ ни разу не былъ въ дѣлѣ; всѣми побѣдами онъ обя-

занъ своимъ полководцамъ и наперсникамъ. Битву при Филиппи выигралъ Антоній. Но за то послѣдняго доставало только на одно мгновеніе, на одну рѣшительную минуту; проходила опасность, и онъ предавался нѣгъ, не думалъ о послѣдствіяхъ, и новая гроза заставляла его нерѣдко въ распахъ. Почти то же самое можемъ мы сказать о нравственномъ характерѣ двухъ соперниковъ. Антоній былъ жестокъ; многіе поступки заставляютъ насъ предполагать въ немъ злой, мстительный характеръ, хотя можно смѣло сказать, что во многомъ виновата несравненно болѣе его жена, извѣстная Фульвія, нежели онъ. Но Антонію были доступны порывы великодушія, доступна дружба и привязанность. Онъ и здѣсь дѣйствовалъ, следуя первому увлеченію. Это былъ во всякомъ случаѣ характеръ открытый, все его убійства были совершены въ минуты ожесточенія, и не свирѣпствовалъ онъ изъ расчета. Въ печальную и страшную минуту конскрипцій многіе обязаны спасеніемъ своей жизни Антонію; онъ приказалъ погребсти тѣло Марка Брута съ почестями¹ и великодушнымъ приѣмомъ наперсника Брутова, Люцилія, приобрѣлъ себѣ въ немъ вѣрнаго друга и сподвижника. Онъ помиловалъ Акулея и другихъ сподвижниковъ Брута и Кассія въ Азіи, такъ что самыя заклятые враги отдавались ему добровольно и съ полною довѣренностію. Послѣ битвы при Акціумѣ онъ обошелся съ плѣнными великодушно, и не мстилъ друзьямъ, которыхъ удалили отъ него интриги Клеопатры. Цицеронъ сдѣлалъ большую ошибку, говоритъ Нибуръ, преслѣдуя Антонія и соединясь съ Октавіаномъ. Онъ конечно не предполагалъ, чтобы молодой юноша могъ его обмануть, могъ быть до такой степени холодно и расчетливо жестокъ, какъ Октавіанъ. Съ Антоніемъ была возможность примириться, съ Октавіаномъ никогда. Это было олицетворенное притворство, это былъ неумолимый характеръ. Пощады отъ него было ждать нечего, ежели онъ видѣлъ, что ему могутъ помѣшать. Когда одинъ изъ осужденныхъ на смерть послѣ сраженія при Филиппи просилъ его о погребеніи, Октавіанъ отрывалъ хладнокровно, что объ этомъ позаботятся птицы; онъ заставлялъ послѣ битвы акціумской отца съ сыномъ вынуть на удачу роковой жребій². Светоній приводитъ много подобныхъ примѣровъ, хотя самъ Октавіанъ въ запискахъ своихъ и старается ихъ оправдать.

Антоній скоро замѣтилъ, съ какимъ соперникомъ имѣлъ дѣло, но все еще долго не могъ себѣ представить, чтобы племянникъ Цезаря могъ у него вырвать власть изъ рукъ. Увѣренность въ своихъ силахъ

¹ Dio Cass. 47, 49.

² Iact. 13.

повела его къ дѣйствіямъ самымъ неосторожнымъ , которыя скорѣе помогли противнику стать на ноги и окрѣпнуть , и ни сколько не пошатнули его значенія.

Октавіанъ началъ тѣмъ , что продалъ все , что ему досталось отъ Цезаря , продалъ свои помѣстья и надвмалъ долговъ. Антоній удвоилъ препятствія : онъ подговорилъ нѣсколько человекъ начать процессы съ молодымъ Цезаремъ по дѣлу наслѣдства и по долгамъ , наконецъ онъ дошелъ до того , что приказалъ разъ ликторамъ стащить Октавіана съ ораторской трибуны въ то самое время , когда онъ произносилъ рѣчь къ народу. Всѣ подобныя дѣйствія ни къ чему не повели , усилили напротивъ партію Октавіана. Народъ видѣлъ въ немъ обиженную сторону , и не сочувствовалъ нимало насильственнымъ поступкамъ Антонія. Ожесточеніе между двумя соперниками дошло до такой степени , что оба взаимно подозрѣвали другъ друга въ покушеніи на жизнь соперника , и вѣроятно не безъ основанія.

Что же оставалось дѣлать Октавіану? Ему нельзя было соединиться съ убійцами дяди , хотя по характеру онъ и на это готовъ былъ рѣшиться. Гдѣ же найти союзниковъ? Онъ обратился къ Цицерону. Маститый ораторъ обрадовался случаю привлечь на свою сторону молодого Цезаря , и выставить его противъ Антонія. Онъ и не предвидѣлъ , что Октавіанъ могъ быть опасенъ его планамъ , и горько ошибся , полагая , что юноша открыто станетъ на сторону аристократіи. Октавіану нужна была только опора , чужны были средства ; когда онъ окрѣпъ , когда стоялъ во главѣ многочисленныхъ и вѣрныхъ легіоновъ , тогда онъ самъ отрекся отъ своихъ прежнихъ сообщниковъ и подалъ руку на примиреніе съ Антоніемъ — ихъ дѣло было дѣломъ общимъ.

Мы не будемъ вдаваться въ частности , не станемъ подробно описывать всѣхъ событій до битвы при Филиппи , и постараемся представить по возможности въ сжатомъ видѣ этотъ краткій періодъ времени , богатый интригами , битвами и злодѣяніями.

Мы видѣли , что аристократія , подавленная Юліемъ Цезаремъ , искала своего спасенія въ заговорщикахъ. Послѣдніе , не встрѣтивъ въ народѣ сочувствія своему дѣлу , не надѣясь на успѣхъ , искали съ своей стороны опоры въ аристократіи. Какъ тѣ , такъ и другіе искали наконецъ первые примиренія. Обманутая Антоніемъ , ошутанная его сѣтями , аристократія отдалась Октавіану. Все историческое значеніе Антонія состояло въ томъ , что онъ явился представителемъ порядка вещей , противнаго преданіямъ римской республики и завѣщаннаго Суллой , Помпеемъ и Цезаремъ. Испуганная аристократія предложила союзъ наслѣднику Цезаря , и въ надеждѣ сломить Антонія укрѣпила на свою

же голову Октавіана. Въ борьбѣ съ Антоніемъ Октавіанъ окрѣпѣлъ, по не видя ни какого расчета оставаться долѣе съ своими союзниками, соединившись съ противникомъ, сломилъ республиканцевъ, — и наконецъ, когда дѣло пошло уже о личныхъ интересахъ двухъ властителей, о томъ, кому собственно владычествовать въ Римѣ, тогда Октавіанъ опять вышелъ на открытую борьбу съ Антоніемъ, результатомъ которой была битва при Акціумѣ и начало единовластія Цезаря Октавіана.

Нѣкоторое время противники не выступали открыто другъ противъ друга. Въ то время какъ Антоній ругался съ Цицерономъ и приходилъ въ бѣшенство отъ его Филиппикъ, раздавалъ самовластно провинціи и оскорблялъ безъ всякой нужды своихъ соперниковъ, Октавіанъ, съ своей стороны, безъ шума подрывалъ силы консула. До Антонія доходили слухи, что его легіоны колеблются, что тайные агенты склоняютъ ихъ къ отпаденію. Онъ бросился въ Брундузію, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи, казнилъ десятого, а центурионы были умерщвлены у него на дому, у ногъ жены его Фульвіи, забрызганной ихъ кровью. Октавіанъ проѣхалъ съ своей стороны Кампанію, Умбрію до границъ Цизалпинской Галліи, объѣхалъ кліентовъ и кононовъ отца своего, и привелъ съ собой 10,000 ветерановъ, общая каждому 2000 сестерцій. Ежедневно писалъ онъ къ Цицерону и въ сенатъ, прося титула, которымъ бы могъ оправдать свои дѣйствія. Онъ умолялъ Цицерона, удалившагося послѣ своихъ Филиппикъ въ поместье отъ убійцъ Антонія, пріѣхать въ Римъ, взять въ свои руки правленіе и спасти еще разъ республику; онъ называлъ его отцемъ своимъ, и ослѣплялъ старика. Антоній сдѣлалъ еще одно усиліе. Онъ явился въ Римъ, и обвинилъ Октавіана въ измѣнѣ за наборъ войска. Сенатъ молчалъ, выказывалъ ему явно неприязнь, и въ то же время Антоній получалъ новое извѣстіе, что два легіона македонской арміи перешли къ его сопернику. Теперь онъ не считалъ себя безопаснымъ, и бросился въ Цизалпинскую Галлію, чтобы склонить къ отпаденію легіоны Децима Брута, стоявшаго около Модены.

Съ его отбѣгѣмъ сенатъ вздохнулъ свободнѣе. Цицеронъ прібылъ въ Римъ, публично восхвалялъ молодаго Октавіана, хвалилъ легіоны, перешедшіе на его сторону, хвалилъ проконсула Галліи, мужественно сопротивлявшагося Антонію. Грустно чатать его письма, относящіяся къ этой эпохѣ. Онъ предавался самой откровенной радости. Передъ нимъ носился уже величавый образъ стараго Рима съ сенатомъ, возвратившимъ себѣ и прежнюю власть и прежнее значеніе. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что молодой Октавіанъ останется слѣ-

нымъ орудіемъ въ его рукахъ, которое легко можно будетъ сломать, — но такимъ орудіемъ былъ самъ Цицеронъ, а никакъ не Октавіанъ.

Въ началъ года новые консулы Гирцій и Панза, назначенные еще Цезаремъ, вступили въ должность, и сенатъ поручилъ имъ провинціи Галлію и Италію, чтобы вмѣстѣ съ Децимомъ Брутомъ сопротивляться Антонію. Брутъ и Кассій были въ Греціи. Октавіанъ получилъ пропреторство, и ему поручено было дѣйствовать также за одно съ консулами противъ Антонія. Антоній осаждалъ въ это время Децима Брута въ Моденѣ. Противъ него возстали всѣ въ Галліи и въ Италиі. Первая стычка съ отрядомъ Панзы окончилась въ пользу Антонія, но онъ долженъ былъ уступить сѣль, когда оба консула соединились, и когда Децимъ Брутъ, пользуясь бездѣйствіемъ Антонія, укрѣпившагося въ лагерь, сдѣлалъ вылазку и примкнулъ къ консуламъ. Антоній былъ разбитъ и удался за Альпы. Это было его знаменитое отступление отъ Модены, о которомъ мы упомянули выше, гдѣ Антоній развернулъ весь свой военный талантъ. Оба консула, Гирцій и Панза, погибли, первый въ битвѣ, второй отъ раны. Носились темные слухи, что Октавіанъ приказалъ своему врачу впустить ядъ въ рану Панзы, и что Гирцій погибъ отъ подосланныхъ Октавіаномъ убійцъ, замѣшавшихся между воинами консула. Антонія не преслѣдовали; Октавіанъ допустилъ даже Вентидіа удалиться къ Антонію съ двумя легіонами. Есть извѣстіе, что консулъ Панза, умирая, совѣтовалъ Октавіану примириться съ Антоніемъ¹. Децимъ Брутъ съ своей стороны писалъ также къ Цицерону и совѣтовалъ ему остерегаться Октавіана. Когда Брутъ благодарилъ Октавіана за спасеніе, молодой Цезарь отвѣчалъ холодно, что явился за оружіе вовсе не для Брута, но единственно съ цѣлью удержать честолюбивые замыслы Антонія.

Последній удался въ Галлію къ Лепиду и Мунацію Планку. Лепиду не было никакого расчета выдавать Антонія, и онъ принялъ его съ радостію. Здѣсь въ станѣ Лепида воины провозгласили Антонія императоромъ; сюда же привелъ свои легіоны изъ Испаніи Азиній Полліонъ; Антоній имѣлъ у себя 23 легіона, и съ такими силами онъ могъ выступить на новую борьбу.

Всѣ проски сената задержать Октавіана до прибытія въ Римъ Брута и Кассія, которыхъ сенатъ умолялъ торопиться, всѣ ласки и обещанія, которыми онъ старался склонить легіоны къ отпаденію, остались тщетны. До 400 ветерановъ явились вдругъ въ сенатъ депутатами отъ легіоновъ и требовали консульскаго достоинства своему мо-

¹ App. De bellis civil. lib. III, 46.

лодому вождю. Сенатъ отказалъ. «Когда вы не даете», — сказалъ одинъ изъ ветерановъ, ударивъ по своему мечу, — «такъ вотъ это сдѣлаетъ его консуломъ». Октавіанъ въ слѣдъ за тѣмъ перешелъ черезъ роковой Рубиконъ, и съ восемью легионами подошелъ къ Риму. Нечего говорить, что всѣ его желанія, всѣ прихоти ветерановъ были выполнены. Цицеронъ удался въ ту же ночь изъ Рима. вмѣстѣ съ Октавіаномъ выбранъ былъ въ консулы его двоюродный братъ Квинтъ Педій. Первымъ дѣломъ новыхъ консуловъ былъ законъ Педія, по которому началось уголовное слѣдствіе противъ всѣхъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ убійства Цезаря. Назначены были судьи; преступниковъ требовали къ отвѣту и наконецъ осудили заочно. Войска Децима Брута перешли къ Октавіану; Децимъ бѣжалъ въ Галлію и былъ убитъ.

Въ ноябрѣ двинулся Антоній съ Лепидомъ и Планкомъ въ Италію; Октавіанъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Лепидъ вызвался быть посредникомъ. На маленькомъ островкѣ рѣки Рена, близъ Болоньи, положено было начало новому триумвирату, или лучше сказать дуумвирату, потому что Лепидъ оставался постоянно въ тѣни. Здѣсь же составлены были списки лицъ, смерть которыхъ считалась новыми триумвирами необходимою для скрѣпленія ихъ союза. Это былъ одинъ изъ самыхъ гнусныхъ торговъ, какіе когда либо встрѣчались въ исторіи. Антоній принесъ въ жертву своего дядю, Лепидъ роднаго брата, Октавіанъ Цицерона. Первоначально число жертвъ простиралось до 17 человекъ, но списки безпрестанно расширялись. Люди, непричастные никакой партіи, помещались въ число жертвъ единственно потому, что были богаты. Во время второй проскрипціи погибло, говорятъ, до 130 сенаторовъ; но вѣроятно погибло несравненно болѣе. Легионы сознавали свое значеніе и свою силу; они были настоящими хозяевами въ Римѣ, грабили и умерщвляли по своему произволу, а защиты ждать было не откуда. Римъ былъ завоеваннымъ городомъ; все трепетало передъ грубыми своевольными воинами, между которыми было много бѣглыхъ рабовъ и разбойниковъ. Триумвиры молчали, смотрѣли хладнокровно на грабежъ, и ограничились только тѣмъ, что приказали консулу Планку казнить нѣсколькихъ легионаріевъ¹. Только въ январѣ 42 года двинулись Антоній и Октавіанъ изъ Рима на послѣднюю борьбу съ Брутомъ и Кассіемъ. Весь Западъ, кромѣ Сициліи, гдѣ сидѣлъ Секстъ Помпей, повиновался триумвирамъ. Но весь Востокъ отъ Адриатическаго моря до границъ Египта находился въ рукахъ Брута и Кассія. Силы были почти равны, исходъ сомнителенъ, борьба могла продлиться еще долго, но здѣсь,

¹ App. *ibid.* IV, 35.

въ филиппійской войнѣ , говоритъ Нибуръ , видно непреоборимое господство того , что древніе называли *неумолимымъ рокомъ*. Неудача слѣдовала за неудачей , все , что обѣщало благоприятный исходъ , оканчивалось несчастіемъ. Люди , природа , все повидимому сговорилось на погибель послѣднихъ поборниковъ древняго Рима. Даже въ самой битвѣ видно какое-то неумолимое преслѣдованіе судьбы. Брутъ разбилъ на голову правое крыло триумвирсвѣ , гдѣ начальствовалъ Октавіанъ , и взялъ лагерь. Центръ войска триумвировъ стоялъ твердо , и Кассій , не зная о положеніи дѣла , видя стройные ряды противниковъ , ослабленный уже натискомъ Антонія , полагалъ , что они разбиты. Онъ послалъ справиться ; не получая долго отвѣта и полагая , что все погибло , Кассій лишилъ себя жизни.

Двадцать дней прошло между первою и второю битвой. Брутъ упалъ духомъ , его легіоны не дрались уже съ такою храбростію , какъ въ первый разъ ; онъ былъ разбитъ , бѣжалъ съ небольшою горсткою людей , и бросился на свой мечъ.

Его войска перешли къ побѣдителямъ , большая часть его приверженцевъ изъ аристократическихъ фамилій лишили себя жизни ; немощіе воротились тайкомъ въ Италію , большею частію молодые люди , неопасные триумвирамъ , въ числѣ ихъ и молодой Гораций.

II.

Чертогъ сіалъ , гремѣли хоромъ
 Пѣвцы при звукахъ флейтъ и лиръ.
 Царица голосомъ и взоромъ
 Свой пышный оживляла ширь.

Въ началѣ предыдущей главы мы уже сказали , что Антоній остался въ Азіи для сбора контрибуцій съ городовъ , принявшихъ сторону Брута и Кассія. Опасность миновалась , война кончилась , Антоній предался снова буйной жизни. Малоазійскіе Греки знали его привычки и слабости. Его приняли въ Эфесъ съ торжествомъ , и чествовали какъ бога Бакха. Они думали смягчить триумвира , избѣжать налоговъ , но напрасно. Несчастливая Малая Азія была во мнѣніи тогдашнихъ властителей неисчерпаемымъ источникомъ ; ни одна страна не платила столько , и ни одна страна не оправлялась такъ скоро отъ тяжкаго пощещенія такихъ гостей , каковы были римскіе правители и ихъ легіоны.

Двѣсти тысячъ талантовъ уплатила Азія Антонію, но все это разошлось по рукамъ его подчиненныхъ, и онъ требовалъ пополнить недостачу. «Ежели ты съ насъ хочешь брать два раза въ годъ подати, то сотвори же намъ два лѣта и двѣ осени», сказалъ ему Гибрій¹. Около него толпились азіатскіе вѣлстители, посланники городовъ, одни просили новыхъ земель, другіе подтвержденія ихъ старинныхъ правъ и вольностей. Конечно все это стоило денегъ и давало обильную жатву для Антонія и его приближенныхъ. Окруженный князьями и депутатами городовъ, ждалъ Антоній Клеопатру. Царица египетская вынуждена была принять сторону Брута и Кассія, чтобы спасти себя и свое царство: она пристала къ нимъ тѣмъ рѣшительнѣе, что надѣялась на пощаду и милость со стороны партіи Цезаря, съ которымъ была когда-то въ весьма близкихъ отношеніяхъ. Антоній потребовалъ у ней отчета въ ея дѣйствіяхъ. Клеопатра не отвѣчала, не прислала даже пословъ. Антоній оскорбился, и отправилъ немедленно Квинта Делмія потребовать царицу къ отвѣту въ Тарсъ, въ Киликію.

Антоній сидѣлъ въ Тарсѣ на городской площади, какъ вдругъ пропелся слухъ, что Афродита Анадіомена прибыла въ великолѣпной галерѣ посѣтить Бакха. По рѣкѣ Кидну плыла дѣйствительно галера съ позлащенной кормой, съ пурпуровыми парусами; весла ударяли въ тактъ подъ звуки флейтъ и лиръ; царица въ одеждѣ Афродиты лежала подъ золототканнымъ балдахиномъ, окруженная прекрасными дѣтьми, въ одеждѣ Амуровъ, и двумя, представлявшими Грацій и Неридъ, которыя сидѣли у кормила и снастей; съ галеры несли дымъ отъ куреній, наполнившій благовоіемъ оба берега Кидна. Любопытная толпа оставила площадь и бросилась къ рѣкѣ смотрѣть на дивную галеру, и триумвиръ остался на площади одинъ съ своими Римлянами². Клеопатра не пошла даже къ триумвиру; она пригласила его къ себѣ на пиршество, послѣ котораго повелителемъ вышелъ уже не Антоній, а Клеопатра. Она знала, съ кѣмъ имѣеть дѣло; слухи о жизни Антонія доходили до нея. Клеопатра знала его слабыя стороны, и соображаясь съ ними, царица повела планъ атаки. Къ тому же она не съ нимъ первымъ имѣла дѣло изъ Римлянъ; Цезарь также не ушелъ отъ ея сътей.

Со времени перваго свиданія въ Тарсѣ, Клеопатра была злымъ гениемъ Антонія; всѣ его ошибки, всѣ его неудачи крылись въ этой несчастной и пагубной для него любви³. Но здѣсь же высказывает-

¹ Plut. Ant. 23.

² Plut. Ant. 26.

³ *Fatale monstrum* называется ее Гораций. Od. 1, 37. Seneca ep. 83.

ся ярче всего характеръ Антоніа. Это была дѣйствительно натура по преимуществу страстная; эта натура умѣла привязаться безкорыстно и сильно; онъ забылъ для своей любви и честолюбіе и выгоды, онъ забылъ Октавіана, забылъ Римъ, онъ не видѣлъ, не зналъ, не хотѣлъ ничего знать кромѣ дивной царицы, — и что же Клеопатра? — Она продала его, какъ низкая рабыня; она съ самаго перваго свиданія смотрѣла на него, какъ на средство; она шла на встрѣчу его объятіямъ изъ эгоизма; не любви искала Клеопатра — на это ея натура не была способна, — и каждое лобзаніе стоило Антонію новыхъ жертвъ и новыхъ обещаній. Это была вполнѣ натура гетеры, какихъ мы встрѣчаемъ въ Греціи въ эпоху діадоховъ, и въ описываемую нами эпоху.

Но оставя въ сторонѣ ея отношенія къ Антонію, Клеопатра была женщина замѣчательная въ своемъ родѣ. Мы имѣемъ положительныя извѣстія, что она была не хороша собой; это подтверждается монетами съ ея изображеніемъ, дошедшими до насъ; но въ этой женщинѣ было столько увлекательнаго, она обладала такимъ даромъ очаровывать, что трудно было устоять противъ нея, и каждый поддавался невольно ея обаянію. Ея вкрадчивыя рѣчи, ея страстный взоръ, кокетливая и обольстительная игра глазъ, неподражаемая грація въ каждомъ движеніи очаровывали всѣхъ невольно; прибавимъ къ этому еще, что она обладала необыкновеннымъ даромъ поддерживать вспыхнувшую разъ страсть всеми возможными средствами, какія только имѣеть въ рукахъ ловкая, умная и кокетливая женщина, чтобы удержать при себѣ любовника и опутать его все сильнѣе и сильнѣе своими сѣтями. Все въ ней и около нея дышало сладострастіемъ: соблазнительная и великолѣпная одежда, окружающій ее рой прекрасныхъ женщинъ, ея умнѣе разнообразить бесѣду и переходить отъ наслажденія къ наслажденію, чтобы не давать очарованному ею человѣку придти въ себя и поддерживать его въ безпрестанномъ чадѣ, заставляя его ждать безпрестанно новыхъ наслажденій и разжигать его страсть, ловко отклоня пламенно-желаемую минуту наслажденія и побѣды. Это была сверхъ того женщина съ превосходнымъ образованіемъ, женщина гордая, не забывавшая ни на минуту своего положенія; ея щедрость и богатые дары склонили на ея сторону друзей Антоніа; она давно уже знала Римлянъ, и приковавъ къ себѣ Антоніа, успѣла обратить въ свое орудіе и его приближенныхъ.

Но не любовь тянула ее къ Антонію. Связь ея съ нимъ была единственно дѣломъ расчета и честолюбія. Она точно также отдалась и Цезарю. Когда Антоній, усыпленный подъ ея обаяніемъ, потерялъ

энергію, она первая его предала, надѣясь повторить въ третій разъ ту же роль съ Октавіаномъ. Чего она добивалась, чѣмъ ограничивалось ея честолюбіе, рѣшить трудно. Извѣстно намъ, что она добивалась брака съ Цезаремъ, когда послѣдній думалъ о царской діадемѣ; она ожидала можетъ-быть того же отъ Антонія. Быть царицей въ чужаго Рима льстило гордой душѣ послѣдней отрасли великаго Птолемея.

Птолемей Авлетъ, вѣрный союзникъ Помпея, оставилъ послѣ себя двухъ дочерей, Клеопатру и Арсиною, и двухъ малолѣтнихъ сыновей. По завѣщанію отца старшій изъ нихъ долженъ былъ, слѣдуя обычаю македонно-египетскаго двора, жениться на старшей своей сестрѣ Клеопатрѣ и вмѣстѣ съ нею царствовать въ Египтѣ. Завѣщаніе было нарушено молодымъ Птолемеемъ, по наущенію трехъ его приближенныхъ, дядьки Теодата, зюуха Фотина и полководца Ахилла. Клеопатра спаслась и бѣжала въ Сирію, гдѣ около нея собрались приверженцы и часть войска. Птолемей собрался противъ сестры и расположился лагеремъ около Пелусія. Это было въ то самое время, когда гонимый Цезаремъ Помпей приближался къ берегамъ Египта. Извѣстно, что Помпей былъ убитъ по приказанію Птолемея, или вѣрнѣе его совѣтниковъ, надѣявшихся заслужить благодарность Цезаря и привлечь его на сторону молодаго царя. Цезарь вступилъ въ Александрію съ самымъ ничтожнымъ отрядомъ. Остальныя войска должны были слѣдовать за нимъ немедленно, но опоздали. Въ Александріи начались безпокойства; тѣ же самые люди, которые умертвили Помпея, готовили такую же участь Цезарю, вида незначительныя силы, окружавшія диктатора. Цезарь вызвалъ изъ Сиріи Клеопатру. Она пробралась тайкомъ ко двору съ своимъ вѣрнымъ слугою Аполлодоромъ. Это было первое ея свиданіе съ Цезаремъ, и съ этого времени началась связь, продолжавшаяся до смерти диктатора. Цезарь помирилъ ее съ братомъ и подтвердилъ завѣщаніе ихъ отца. Но такой исходъ не понравился египетскимъ вельможамъ. Вспыхнуло сильное возмущеніе, во главѣ котораго стали Фотинъ и Ахиллъ; 20,000 войска и до 300,000 разъяреннаго народонаселенія осадили царскій дворецъ, гдѣ заперся Цезарь съ 4000 воиновъ. Нѣсколько разъ пробовали Александрійцы зажечь дворецъ, но напрасно; сгорѣла только бібліотека Птолемея. Гирцій, авторъ извѣстнаго описанія александрійской войны, которое долго приписывали самому Цезарю, превосходно изложилъ намъ этотъ краткій эпизодъ; борьба на улицахъ была жестокая; но и съ ничтожными силами Цезарь не только удержался, но раззорилъ входъ въ гавань, занялъ островъ Фаросъ и держался здѣсь до тѣхъ поръ, покада не получилъ подкрѣпленій; тогда онъ подавилъ окон-

чательно возмущеніе. Птолемей погибъ случайно въ Нилѣ , и Цезарь провозгласилъ Клеопатру царицей Египта. Три мѣсяца пробылъ онъ въ Египтѣ съ очаровательною царицей, и плодомъ этой страсти былъ сынъ Цезаріонъ, котораго ожидала горькая судьба. Несчастный отрокъ былъ казнень въ послѣдствіи по приказанію Октавіана.

Дѣла на Востоку вызвали Цезаря изъ Александріи, но разлука съ Клеопатрой была кратковременна. На слѣдующій годъ царица прибыла въ Римъ. Клеопатру сопровождали младшій братъ ея Птолемей и блестящая свита, тѣмъ болѣе что она прибыла въ Римъ какъ независимая царица, подѣ предлогомъ искать союза съ римскою республикой. Она остановилась съ садахъ Цезаря за Тибромъ; ея изображеніе вельно было поставитъ въ храмъ Венеры-Родительницы (*Venus genitrix*); и она и братъ ея были приняты въ число друзей и союзниковъ народа римскаго.

Она ни мало не скрывала своихъ плановъ, и вела себя какъ настоящая царица Рима. Она надѣялась на бракъ съ Цезаремъ; похоть на Пароянъ, куда онъ собирался, ласкалъ ее надеждою, что на Востоку ея планы сбудутся скорѣе и вѣрнѣе. Что Цезарь былъ согласенъ на этотъ бракъ, это весьма вѣроятно. Послѣ него остался проектъ закона, которымъ разрѣшалось ему имѣть нѣсколько женъ, чтобы не остаться безъ наследниковъ. Высокомѣріе Клеопатры оскорбляло римскихъ патриціевъ; но дѣлать было нечего, и первые сановники республики унижались передъ египетскою царицей, и молча сносили всѣ оскорбленія отъ нея и ея свиты. Мы знаемъ, что даже Цицеронъ стелъ за долгъ посѣтитъ царицу, хотя глубоко былъ оскорбленъ ея пребываніемъ. Онъ посѣтилъ ее подѣ благовиднымъ предлогомъ, какъ литераторъ, просилъ ее сообщить нѣсколько рукописей изъ александрійской бібліотеки, и получилъ согласіе; но Цицеронъ глубоко былъ оскорбленъ надменнымъ приѣмомъ ея и наглостію ея свиты. «Я не могу вспомнить безъ досады (пишетъ онъ къ Аттику) надменности царицы, когда жила она въ садахъ за Тибромъ¹».

Смерть Цезаря разстроила всѣ планы Клеопатры. Она пробыва еще нѣсколько недѣль въ Римѣ, выжидая результата новаго переворота, но когда дѣла стали запутываться, она посѣпшила оставить Римъ и удалилась въ Египетъ. «Бѣгство царицы мнѣ вовсе не въ тягость», пишетъ Цицеронъ Аттику. Видно онъ долго не могъ переварить ея приѣма².

¹ Epist. ad Attic. 15, 15.

² Ibid.

Клеопатра и Антоній не долго пробыли вместе; она уехала въ Египетъ, Антоній остался въ Азіи докончить сборы съ городовъ, обещая провести зиму въ Египтѣ. Его манила Пальмира, богатый торговый городъ, центръ сирійской торговли; онъ выслалъ свою конницу на грабежъ, но жители спаслись съ сокровищами за Эвратъ, и Антоній остался съ пустыми руками. Мы не станемъ следовать за его походами изъ города въ городъ; довольно сказать одно, что для Рима его походъ не имѣлъ никакой существенной пользы. Сокровища, имъ награбленные, не обогатили государственной казны; они были проматаны Антоніемъ, или разошлись по рукамъ его полководцевъ и воевъ. Воспользовалась этимъ временемъ и Клеопатра. По ея желанію погибли сестра ея Арсиноя и Лже-Птолемей; остальные враги ея или покорились, или подверглись той же участи; династы азіійскіе должны были признать первенство царицы египетской, опирающейся на римскаго триумвира. Настало наконецъ желанное время аимы. Антоній оставилъ своимъ намѣстникомъ въ Сиріи Люція Децидія Саксу, своего друга, родомъ Испанца, получившаго отъ Цезаря римское гражданство, и уехалъ къ Клеопатрѣ.

Здѣсь забыто было все, и Римъ, и Октавіанъ, и Востокъ. Не римскаго триумвира видѣли въ немъ Александрійцы, не полководца — все было сброшено Антоніемъ для Клеопатры. Въ греческой одеждѣ, въ бѣлыхъ аттическихъ башмакахъ, посѣщалъ онъ храмы, гимнаси и школы философовъ. Царица осыпала его непрерывными удовольствіями, не давала ему ни на минуту опомниться; не отпускала отъ себя ни на шагъ. Она участвовала во всѣхъ пирахъ, сопровождала его на охоту, на рыбную ловлю, играла съ нимъ въ кости, подѣ часъ журила его какъ избалованное дитя за площадныя солдатскія шутки, которыя позволялъ себѣ за пиршествами Антоній, и потомъ снова преклонялась передъ нимъ какъ данница мощнаго триумвира. Такъ протекла зима съ 41 на 40 годъ. Антоній пробылъ бы и долѣе въ Египтѣ, но дѣла въ Италіи требовали необходимо его присутствія. Ему давно пора было оставить Египетъ, давно уже звали его въ Италію письма жены Фульвіи и друзей. Онъ до сихъ поръ медлилъ, и двинулся, когда Фульвія явилась въ Грецію почти изгнанницей. Последняя была главною виновницей новыхъ волненій и новыхъ кровопролитій, постигнувшихъ и безъ того уже измученную, опустошенную Италію. Мы говоримъ здѣсь объ известной перузинской войнѣ.

Мы сказали уже, что въ то самое время, когда Антоній отправился на Востокъ, Октавіанъ повелъ легионы свои въ Италію для надѣленія ихъ помѣстьями и землями. Римскій солдатъ, сознавая свое зна-

ченіе въ настоящее время, сталъ требователенъ; наглость и дерзость легионовъ мало чѣмъ уступала наглости преторіанскихъ когортъ перваго и втораго вѣка по Р. Х. Октавіанъ долженъ былъ обшаривать имъ лучшія и самыя цвѣтущія колоніи и муниципіи Италіи. Количество дарованныхъ имъ земель превосходило всѣ бывшія доселѣ раздачи. Простой солдатъ получалъ отъ 50—100 югеровъ, центуріонъ двойное, трибунъ тройное количество земли. У гражданъ отбирались земли, и отдавались солдатамъ. Въ числѣ изгнанныхъ владѣльцевъ было много ветерановъ, были потомки ветерановъ Суллы. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, и обиженные ждали и искали только человека, который бы рѣшился стать во главѣ ихъ. Они нашли его въ лицѣ Фульвіи, супруги Антоніа.

Это была личность замѣчательная въ своемъ родѣ, характеръ вполне соответствовавшій эпохѣ, гдѣ были подкопаны всѣ нравственные начала, и человекъ не уважалъ и не хотѣлъ знать ничего кромѣ самого себя, гдѣ все дѣлалось подъ вліяніемъ страстей политическихъ, а эгоизмъ грубый и грязный замѣнялъ всякое убѣжденіе. «Въ Фульвіи (говоритъ Веллей) одно только тѣло напоминало женщину». Она даже часто одѣвалась по мужски, носила броню, выезжала къ войску и разсыпала приказанія¹. Это была женщина злоя, жестокая, жадная къ стяжанію, мстительная. Большая часть злодѣйствъ и грабежа, приписываемыхъ Антонію, совершены были ею. Мы знаемъ, что она торговала бумагами Цезаря; богатые Римляне, погибшіе въ Римѣ послѣ смерти Цезаря и во время проскрипцій втораго триумвирата, погибли по большей части безъ вѣдома Антоніа. Когда къ нему принесли разъ голову одного сенатора, онъ сказалъ, что ему этотъ человекъ неизвѣстенъ, и отослалъ убійцъ справиться у Фульвіи. Мы упомянули выше, какъ въ ея присутствіи совершено было убійство центуріоновъ возмущившихся легионовъ; она свирѣпствовала хладнокровно, какъ Октавіанъ, и издѣвалась надъ умерщвленными врагами. Но никого не преслѣдовала она такъ своей злобой, и никто съ своей стороны такъ не ненавидѣлъ ее, какъ Цицеронъ. Не за одного Антоніа желала она ему отомстить; вражда къ Цицерону началась гораздо раньше, еще при жизни ея перваго мужа Клодія, заклятаго врага Цицерона. Когда ей принесли голову стараго оратора, она, говоритъ Діонъ, въ своей радости похожа была на дикаго звѣря, терзающаго охотника. Известно, что она не могла владѣть собою отъ радости, и проколола булавкой языкъ, не дававшій ей покою при жизни.

¹ Dio Cass. 48, 10.

Антонія любила она страстно, и до самой смерти оставалась ему непоколебимо вѣрна, хотя и въ этомъ отношеніи жизнь ея была не безъ пятенъ. Еще при жизни перваго мужа своего Клодія, она была въ тѣсной связи съ Антоніемъ, которая продолжалась и во время втораго ея супружества съ Куріономъ.

Связь Антонія съ Клеопатрой оскорбила Фульвію; ревность заставила ее искать предлога вызвать Антонія изъ Египта, и вырвать его изъ сѣтей Клеопатры. Неудовольствіе изгнанныхъ Октавіаномъ гражданъ, броженіе умовъ и ропоть, поднявшійся почти повсемѣстно въ Италиі, пришлись Фульвіи чрезвычайно кстати. Она явилась въ Пренестъ и объявила, что принимаетъ сторону недовольныхъ. За одно съ нею дѣйствовалъ братъ триумвира консулъ Люцій Антоній, который былъ ея слѣпымъ орудіемъ, и Клавдій Неронъ, супругъ Ливіи, въ послѣдствіи жены Октавіана. Нервнительность и бездарность начальниковъ возстанія были причиной неудачи. Одна Фульвія показала себя здѣсь мужественною, но что же могла сдѣлать женщина? Римскіе легіоны не привыкли еще къ такимъ начальникамъ. Октавіанъ обратился къ своимъ ветеранамъ, отдалъ на судъ ихъ все дѣло, явился передъ ихъ судилище, говорилъ въ пользу триумвира Антонія, обвинялъ одного его брата и изъявлялъ полную готовность примириться съ Фульвіей. Это имѣло желанное дѣйствіе; легіоны, изъ числа которыхъ два, прельщенные обещаніями Фульвіи, готовы были уже перейти на сторону противниковъ, остались ему вѣрны, противники были правда численно сильнѣе, но ихъ войско состояло изъ новобранцевъ, а легіоны Октавіана изъ ветерановъ. Ему удалось отрезать Люція Антонія отъ союзниковъ, и окружить такъ, что послѣднему не оставалось другаго выхода, какъ запереться въ Перузіи. Они держались долго, но ужасный голодъ, вошедшій даже въ пословицу (*fames perusina*), и отсутствіе всякаго извѣстія отъ Марка Антонія, котораго они звали на выручку, принудили ихъ вступить въ переговоры. Октавіанъ примирился съ Люціемъ Антоніемъ и Фульвіей, которая удалилась въ Грецію, а легіоны перешли къ Октавіану. Пострадали одни горожане, да знатные Римляне, участвовавшіе въ возстаніи. До 300 человекъ было казнено у алтара Юліева; городъ разоренъ и сожженъ.

Антоній былъ въ Тирѣ, гдѣ готовился къ походу на Парянь, сильно безпокоившихъ Малую Азію и Сирію, когда получилъ извѣстіе о сдачѣ Перузіи и о бѣгствѣ своихъ друзей. Теперь только онъ понялъ всю опасность. Медлить было нечего. Онъ собрался въ Италію, оставивъ въ Сиріи для защиты ея отъ Парянь Вентидія. Въ Аѳинахъ встрѣтились супруги. Свиданіе ихъ было не радостное; оба осыпали

другъ друга упреками, она за Клеопатру, Антоній за безумную войну и безразсудное поведеніе жены. Занятіе Галліи Октавіаномъ еще болѣе ускорило его отъѣздъ. Фульвія осталась въ Сикіонѣ. Антоній обошелся съ ней передъ отъѣздомъ грубо, и ухаль, не выдавшись съ ней. Ревность, досада и оскорбленная любовь сокрушили ея здоровье. Она умерла вскорѣ послѣ его отъѣзда.

Антоній прибылъ въ Брундузіи, осадилъ его, и заключилъ союзъ съ Секстомъ Помпеемъ. Снова грозилъ буря Италіи, и предвѣщала новыя смятенія, новую жестокою междуусобною войну. Но гроза промчалась мимо. Легіоны не допустили до разрыва и требовали примиренія двухъ полководцевъ. Кокцей Нерва велѣ переговоры, уговорилъ Антонія разорвать невѣрный союзъ съ Помпеемъ. Полліонъ и Мecenатъ довершили окончательно примиреніе. Римскій міръ разделенъ былъ на двѣ половины. Западная выпала на долю Октавіану, восточная Антонію. Замѣчательно, какъ рано и какъ давно уже чувствовалась потребность въ такомъ дѣленіи, и какъ много прошло времени, прежде нежели эта идея осуществилась окончательно при дѣтяхъ Θεодосія. Поразительный примѣръ, какъ медленно созрѣваетъ всякое великое историческое явленіе, и какъ, не смотря ни на какія препятствія, идея беретъ свое, доказывая безпрестанно все ничтожество человѣческихъ усилій удержать неопровержимые законы исторіи!

Чтобы еще сильнѣе скрѣпить союзъ двухъ триумвировъ, друзья ихъ устроили бракъ Антонія съ сестрой Октавіана, Октавіей, вдовой Каія Марцелла. Третій триумвиръ Лепидъ получалъ Африку, но это было сдѣлано единственно для того, чтобы не черезъ чуръ уже сильно оскорбить его. Значенія человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого. — Сицилія, острова и Средиземное море находились все еще въ рукахъ младшаго сына Помпея, Секста.

Неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности, игравшей не послѣднюю роль въ описываемую нами эпоху. Послѣ сраженія при Мундѣ Секстъ Помпей скрылся около Кордовы, въ землѣ Лацетанцевъ¹, и жилъ нѣсколько времени съ малыми остатками своихъ приверженцевъ буквально грабежемъ. Скоро собралось около него много недовольныхъ; онъ нашелъ помощь у Целтиберовъ, которые никогда не могли привыкнуть къ римскому владычеству, перешелъ въ Бетику, и началъ военныя дѣйствія. Цезарь послалъ противъ него К. Коринна, пропретора Испаніи, но безуспѣшно, потомъ Азинія Полліона. Между тѣмъ силы Помпея росли безпрестанно; его лагерь

¹ Dio Cass. 45. 10.

наполнялся недовольными ветеранами его отца. Въ самый годъ смерти Цезаря разбилъ онъ на голову Азинія Полліона, привялъ титулъ императора и господствовалъ надъ всею Бетикой и частью Испаніи Тарраконской. Во время всеобщаго примиренія, послѣ смерти Цезаря, сенатъ вызывалъ Помпея вмѣстѣ съ прочими. Ему хотѣли возратить отцовское наслѣдство и дать начальство надъ морскими силами. (*impe-rium mare maritimum*). Сомнѣвался ли онъ въ успѣхъ или не вѣрилъ въ обещанія — только онъ не явился на зовъ и былъ въ числѣ прочихъ враговъ Цезаря осужденъ зочно, въ силу закона консула Педія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попалъ на проскрипціонный листъ, потому что ни Антоній, ни Фульвія не имѣли желанія разстаться съ конфискованнымъ имѣніемъ Помпея, перемедливъ по большей части къ нему. Его сналъ флотъ, многочисленный и состоявшій изъ моряковъ, неустрашимыхъ, искусныхъ. Большая часть ихъ были потомки морскихъ разбойниковъ, которыхъ побѣдилъ его отецъ. Онъ былъ ихъ патрономъ: по азіатскому обычаю побѣжденные отдавались подъ покровительство побѣдителя. Секстъ Помпей держалъ въ страхѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря и захватилъ Сицилію. Къ нему пристала часть флота Брута и Кассія, и средства его усиливались безпрестанно. Но напрасно будемъ мы въ немъ искать патриотизма. напрасно захотимъ встрѣтить человека, выступившаго съ убѣжденіемъ противъ новыхъ владыкъ. Онъ хотѣлъ быть господиномъ морей римскихъ, чтобы держать въ страхѣ Италію и триумфировъ, но онъ не созданъ былъ для великаго дѣла, хотя вѣроятно и ему приходила мысль въ голову — захватить въ руки владычество надъ Римомъ. Это былъ, равно какъ и братъ его Кней, человекъ грубый, необразованный; Цицеронъ отзывается о нихъ съ презрѣніемъ. Обстоятельства окружающія сдѣлали изъ него настоящаго атамана разбойниковъ. Въ мантии цвѣта морской воды, съ трезубцемъ въ рукахъ, развѣзжалъ онъ по Средиземному морю или пировалъ въ Сиракусахъ, гдѣ собирался великолѣпный дворъ его, и называлъ себя сыномъ Нептуна. Его окружали рабы или вольноотпущенники; они начальствовали его эскадрами, слѣпо ему во всемъ повиновались и пріучили къ неограниченному своеволію. Онъ не терпѣлъ противорѣчій, и выходилъ изъ себя, ежели кто изъ знатныхъ Римлянъ, приставшихъ къ нему, осмѣливался высказывать свое мнѣніе и не одобрялъ его плановъ. Смерть Стація Мурка, рѣшившагося на тяжкую дерзость, устранила многихъ, и послѣ мизенскаго договора большая часть ихъ оставила Секста. Секстъ былъ храбръ, смѣлъ, но не умѣлъ пользоваться ни побѣдами своими, ни обстоятельствами. Но его сила и значеніе были все еще такъ велики, что Антоній и Октавіанъ

рѣшились вступить съ нимъ въ переговоры. Переговоры сначала разстроились, потому что Помпей хотѣлъ заступить мѣсто Лепида. Онъ началъ было снова грабежъ и забиралъ суда съ продовольствіемъ для Рима, но мать его Муція была примирительницей, и переговоры начались снова. Въ силу ихъ Секстъ получилъ Сардинію, Корсику, Сицилію и Ахайю въ провинціи и 17,500,000 драхмъ, получилъ право домогаться консульства даже въ отсутствіе свое и поручить исправленіе должности одному изъ друзей¹. Съ своей стороны Секстъ обещалъ очистить моря отъ разбойниковъ, вывести свои гарнизоны изъ городовъ Италіи и отпускать изъ Сардиніи и Сициліи хлѣбъ, доставляемый обыкновенно отсюда въ Римъ. Переговоры заключились великолѣпными пиршествами. Первый угощалъ Помпей. «Гдѣ же мы будемъ пировать?» спросилъ шутилъ Антоній. «На моихъ Каринахъ» (in suis carinis), т. е. на моей галерѣ, отвѣчалъ Секстъ. Это было злое и колкое замѣчаніе Антонію, который владѣлъ отцовскимъ домомъ Помпея въ Римѣ, въ кварталѣ носившемъ имя Carinae. Во время самаго разгара пиршества, Менасъ, приближенный Секста, шепнулъ ему, не прикажеть ли онъ обрѣзать канаты, чтобы въ одно мгновеніе сдѣлаться владыкой Рима. «Это следовало сдѣлать, а не спрашивать меня», отвѣчалъ Секстъ; «Помпей никогда не измѣняетъ данной присяги». Такъ кончилось знаменитое мнѣевское свиданіе, но миръ продолжаться долго не могъ².

Въ концѣ 39-го года оставилъ Антоній Римъ. Наврасно интриговала Клеопатра, напрасно посланный ею жрецъ предвѣщалъ Антонію гибель отъ союза съ Октавіаномъ; триумвиръ прибылъ въ Грецію съ своею супругой и прожилъ зиму въ Аеннахъ³. Опять сбросилъ съ себя Антоній воинскую броню и обратился въ мирнаго Грека, предоставляя войну съ Парянами своимъ легатамъ. Когда Вентидій одержалъ побѣду и очистилъ почти всю Сирію, Антоній задалъ пиршество и игры, явился самъ гимнасіархомъ, и здѣсь чествовали его Бакхомъ. Уже со времени діадочовъ привыкли Аенняне воздавать такіа почести своимъ побѣдителямъ, хотя не рѣдко дорого приходилась имъ подобная лѣсть. Лѣстя Антонію, предложили они теперь новому Бакху жениться на покровительницѣ ихъ города Аеннѣ. Богъ вина согласился, но съ условіемъ, чтобы Аенняне дали ей въ приданое 1,000,000 драхмъ. Пребываніе въ Аеннахъ и приготовленія къ нар-

¹ Dio Cass. 48, 36.

² Dio Cass. 48, 38. Plut. Ant. 32.

³ Plut. Ant. 33.

еянскому походу стоили Антонию много денегъ. Съ Азіи не могъ онъ получить ни денарія; она была въ рукахъ враговъ, и тяжкими налогами обременилъ Антоній и безъ того уже истощенную Ахаію, хотя по мизенскому договору она принадлежала Сексту.

Въ исходѣ зимы Антоній кончилъ свои приготовленія къ походу на Парянь, но самъ не двигался изъ Греціи. Ему надо было слѣдить за ходомъ дѣлъ на Западѣ, гдѣ загоралась уже новая вражда между Помпеемъ и Октавіаномъ. Мизенскій договоръ не могъ долго держаться; его статьи были слишкомъ стѣснительны для Октавіана, ослабляли его силы и давали слишкомъ большой перевѣсъ надъ нимъ Антонию. Октавіанъ не могъ покойно господствовать въ Италіи, покуда Секстъ держалъ въ своихъ рукахъ острова и берега Средиземнаго моря. Интригамъ и жалобамъ не было конца. Октавіанъ переманилъ на свою сторону одного изъ начальниковъ Помпеевыхъ, Мена, который сдалъ ему Сардинію. Секстъ требовалъ выдачи измѣнника, Октавіанъ отказалъ и съ своей стороны упрекалъ Секста, что онъ, вопреки договору, сооружаетъ военные корабли, принимаетъ къ себѣ перебѣжчиковъ и не выводитъ гарнизоновъ изъ Италіи. Октавіанъ звалъ къ оружію двухъ остальныхъ триумвировъ, подѣ предлогомъ, что въ лицѣ его оскорбляется ихъ достоинство, но Лепидъ не желалъ оставить Африки; Антоній прибылъ правда на свиданіе въ Брундузію, но не найдя тамъ Октавіана, возвратился назадъ и совѣтывалъ въ письмѣ къ Октавіану примириться съ Секстомъ. Очевидно, что онъ внутренно радовался затруднительному положенію Октавіана, которому пришлось бороться одному съ соперникомъ; но съ другой стороны Востокъ, гдѣ его легаты вели войну съ Парянами, требовалъ необходимо его присутствія. Весь 37-й годъ пробылъ онъ вѣроятно въ Греціи, въ Аѳинахъ. Извѣстій объ его дѣйствіяхъ въ этомъ году нѣтъ, но мы положительно знаемъ, что его не было ни въ Египтѣ, ни въ Италіи. Весной 36-го года прибылъ къ нему Меценатъ и просилъ отъ имени Октавіана кораблей для войны съ Секстомъ. Антоній соглашался, но въ замѣнъ требовалъ легионовъ для парянскаго похода. Съ 300 кораблей, въ сопровожденіи супруги Октавіи, поплылъ онъ на западъ, но какова же была его досада, когда въ Брундузіи ему заперли входъ и не впустили его кораблей, о которыхъ еще недавно просили! Октавіанъ не нуждался уже въ помощи; приготовленія его кончились; стараніями Агриппы сооруженъ былъ на Лукринскомъ и Авернскомъ озерахъ огромный флотъ, съ которымъ онъ надѣялся поправить свои неудачныя стычки съ Секстомъ, а прибытіе Антонія возбудило скорѣе подозрѣнія въ этомъ осторожномъ и недовѣрчивомъ характерѣ. Еслибы не

благородная Октавія и не ея посредничество, новая борьба вспыхнула бы непременно между триумвирами.

Въ эту печальную эпоху междуусобныхъ войнъ и политическихъ страстей, подорвавшихъ всѣ нравственныя основы римскаго быта, всѣ семейныя и общественныя добродѣтели, оградно встрѣтить характеры, нравственное величіе которыхъ выдается надъ грязью и чернотою современнаго имъ общества. Ихъ непричастность повсемѣстному пороку и разврату предполагаетъ своего рода борьбу, своего рода силу, не менѣе достойныя сочувствія потомства, какъ и великія воинскія заслуги или трофеи побѣдные. Такіе характеры тѣмъ ближе нашему сердцу, что много падало страданій на голову ихъ, что труденъ и исполненъ терній былъ ихъ путь среди всеобщаго упадка коренныхъ нравственныхъ началъ челоуѣчества. Къ такимъ немногимъ характерамъ принадлежала супруга триумвира Антонія, Октавія.

Строгая, цѣломудренная, нѣжная мать, вѣрная супруга, она напоминаетъ намъ собой великихъ матронъ древняго Рима, принимавшихъ не послѣднее участіе въ судьбахъ вѣчнаго города. Соединенная узами супружества съ Антоніемъ, она безкорыстно и безотчетно отдалась ему, не стѣняя, не преслѣдуя его ни ревностью, ни жалобами. Она понимала шаткія отношенія Антонія къ ея брату, она всѣми силами своей прекрасной души старалась поддержать между ними согласіе, и ей можетъ быть удалось бы это, еслибы Антоній самъ не оскорблялъ на каждомъ шагѣ противника, и еслибы безумная страсть къ Клеопатрѣ не заставляла его дѣлать безпрестанные промахи и ошибки. Она съ одинаковою нѣжностію лелѣла дѣтей своихъ и Фульвія; не смотря на всѣ оскорбленія Антонія и Клеопатры, она послѣ смерти двухъ любовниковъ воспитала у себя дѣтей своей соперницы.

Октавія прибыла къ брату и умоляла его ради братской любви не начинать войны съ мужемъ; она умѣла разсвѣять его подозрѣнія и добила желаннаго свиданія двухъ соперниковъ. Свиданіе происходило на рѣкѣ Галезъ между Тарентомъ и Метапонтомъ. Октавіанъ явился въ сопровожденіи своего войска; флотъ Антонія стоялъ невдалекъ. Наперерывъ старались триумвиры превзойти другъ друга во вниманіи и довѣренности. Едва отчалилъ Антоній отъ берега, какъ Октавіанъ сѣлъ также въ лодку, и выплылъ на средину рѣки. Здѣсь, послѣ дружескихъ привѣтствій, онъ упросилъ позволить ему первому посѣтить Антонія, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ повидаться съ сестрой. Безъ всякой свиты прибылъ онъ къ Антонію, провелъ у него ночь, а на другой день Антоній отплатилъ посѣщеніе. За тѣмъ они заключили союзъ. Антоній предоставилъ зятю 100 кораблей, Октавіанъ далъ ему въ за-

мѣтъ два легіона для войны съ Парянами; Октавіа упростила присоединить къ нимъ еще 20 кораблей и 1,000 воиновъ.

Война съ Помпеемъ и Парянами была рѣшена; Антоній оставилъ супругу съ дѣтьми въ Италиі, а самъ отправился въ Азію принять лично начальство надъ легіонами. Не смотря на успѣхи Вентидіа, которому удалось наконецъ очистить отъ Парянгъ восточныя провинціи Рима, врагъ этотъ былъ все еще опасенъ. Послѣ каждаго пораженія Паряне являлись вновь, безпокою границы своими набѣгами. Орлы Красса были все еще въ ихъ рукахъ, и возвратитъ ихъ Риму льстило честолюбію Антоніа. Онъ прибылъ въ Азію, чтобы лично руководить огромными приготовленіями къ походу. Но ему не слѣдовало ступать на эту роскошную, соблазнительную почву. Едва прибылъ онъ сюда, какъ уже помчался гонецъ за Клеопатрой. Антоній звалъ ее къ себѣ въ Лаодицею. Эта жизнь была продолженіемъ того же, что мы видели въ Александріи. Присутствіе царицы замедляло походъ; ея интриги впутали его въ разбирательство мелкихъ распрій азійскихъ князьковъ, которое кончилось единственно въ пользу Клеопатры. Она получила въ подарокъ Финикію, Целесирію, островъ Кипръ, значительную часть Киликіи, часть Іудеи и часть Набатеиской Аравіи, однимъ словомъ почти все побережье отъ Нила и до Тавра¹. Большая часть этихъ странъ были римскими провинціями; на такую произвольную раздачу Антоній не имѣлъ никакого права, и она вмѣнена была ему позднѣе въ преступленіе, когда Октавіанъ искалъ законныхъ причинъ для оправданія своей войны съ зятемъ. У Антоніа было 13 легіоновъ (около 60,000 пѣхоты и 10,000 конницы) и 30,000 вспомогательныхъ войскъ, присланныхъ ему Артавездомъ царемъ Арменіи. Съ этими огромными силами шелъ онъ на Парянгъ отмстить позоръ и гибель Красса. Дрогнувъ далекій Востокъ, до Бактріаны и Индіи пронеслись слухи о новомъ страшномъ ополченіи. Обстоятельства благоприятствовали Антонію. Смерть любимаго сына Пакора повергла царя Парянгъ въ уныніе, онъ назначилъ своимъ преемникомъ Фраата. Фраатъ умертвлялъ отца и братьевъ; многіе недовольные бѣжали къ Антонію, которому легко было кажется воспользоваться удобною минутой, — но Клеопатра была и здѣсь его злымъ гениемъ, и своимъ присутствіемъ замедляла походъ. Она проводила его до Эверата, гдѣ онъ переправился при Зевгмѣ, и двинулся къ свверовостоку въ Арменію и Мидію Атропатену. Двѣ дороги вели къ Ктесифону, столицѣ парскаго царства; одна кратчайшая черезъ безводныя пустыни Месопотаміи, по ко-

¹ Dio Cass. 49, 32.

торой шель Крассъ; другая въ 8,000 стадій (около 200 миль географическихъ) черезъ горы Арменіи и Мидіи въ Эбатану и Ктесифонъ. Не смотря на даль, послѣдній путь представлялъ болѣе удобствъ въ тактическомъ отношеніи и болѣе средствъ для продовольствія войска. Вся ошибка Антонія заключалась въ томъ, что онъ пропустилъ время и двинулся не ранѣе поздней осени, и потому не остался зимовать въ Арменіи, чтобы дать рѣздыхъ утомленнымъ легионамъ. Онъ горько нетерпѣннѣе окончить походъ, о трудностяхъ котораго не имѣлъ надлежащаго понятія, и подвигался непрерывно впередъ. Онъ оставилъ свои стѣнобитныя машины подъ прикрытіемъ значительнаго отряда, потому что онъ замедляли его путь, а самъ двинулся къ укрѣпленному городу Фраатъ, не вдалекѣ отъ Каспія. Напрасно стоялъ онъ здѣсь; всѣ его попытки взять крѣпкій городъ кончились ничѣмъ, а между тѣмъ Паряне истребили оставленный позади отрядъ, и сожгли всѣ машины. Онъ бросился съ десятью легионами на враговъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, долго ихъ преслѣдовалъ, — но когда воротился назадъ, на мѣстѣ битвы лежало не болѣе 80 парявскихъ труповъ, а на слѣдующее утро враги явились снова, кружились передъ Римлянами, беспокоили ихъ внезапными нападеніями, такъ что едва-едва удалось Антонию возвратиться въ свой лагерь, который также пострадалъ отъ городскихъ вылазокъ. Три легиона, оставленные для его защиты, — бѣжали. Артаведъ оставилъ Римлянъ. Недостатокъ въ продовольствіи и стужа навели уныніе на войска. Чтобы поддержать дисциплину, Антоній казнилъ десятого изъ бѣжавшихъ легионеровъ, остальныхъ подвергнулъ позорному наказанію — ячменной пищѣ. Но зима была въ самомъ разгарѣ, и голодная смерть грозилъ Римлянамъ. Антоній долженъ былъ вступить въ переговоры съ Фраатомъ. Къ счастью его, послѣдній самъ былъ не прочь отъ мира. Онъ не могъ держать въ зимнее время большого войска; его Паряне не знали правильной войны. Они, какъ всѣ степныя и горныя племена, могли утомлять, беспокоить, истреблять, пожалуй, неосторожнаго врага, но къ лагерной службѣ, къ продолжительной войнѣ и открытымъ битвамъ были неспособны. Фраатъ желалъ только снятія осады съ укрѣпленной Фрааты, опасаясь, чтобы этотъ сильный городъ не попалъ въ руки Римлянамъ. Антоній потребовалъ возвращенія Крассовыхъ ормовъ, но получилъ отказъ. Ему обещано только не тревожить отступленія. Съ досадой и горькою въ душѣ, отдалъ онъ приказъ Агенобарбу готовиться въ возвратный путь. Два дня прошли безъ тревоги, и Римляне продолжали спокойно отступленіе. На третій день показались Паряне, и съ этой минуты, какъ хищныя птицы, ожидающія добычи, не покидали измученныхъ легио-

новъ. То спереди, то съ тылу, являлись они, убивая отсталыхъ, строня завалы въ горахъ, прокапывая дороги, засыпая колючки и ручьи, уничтожая все средства къ продовольствію. Стройными сомкнутыми рядами, щитъ на щитъ подвигалось римское войско, отбиваясь отъ налетавшихъ на него враговъ. Не смотря на безпрестанныя спибки, Римляне не потерпѣли большихъ потерь. Но опрометчивость и пылкость трибуна Флавія Галла испортили все дѣло. Съ дозволенія Антонія бросился онъ на Паряанъ. Следуя своей обыкновенной тактикѣ, они бѣжали, чтобы заманить врага, и когда Флавій бросился за ними въ погоню, они окружили его со всѣхъ сторонъ. Посланные на выручку военачальники сдѣлали непростительную ошибку тѣмъ, что вступили въ битву отдѣльными отрядами. Ихъ разбили по одиначкѣ, и только прибытіе Антонія съ третьимъ легиономъ спасло остальныхъ. Но дорого обошелся Римлянамъ этотъ день: до 3,000 убитыхъ и 5,000 раненыхъ потеряли они; Паряане напирали сильнѣе; самъ Фраатъ явился съ 40,000 конницы. Участь Красса ожидала, казалось, Антонія; но онъ не потерялъ присутствія духа. Мужество, дѣятельность, спокойствіе и хладнокровіе росли въ этомъ чловѣкѣ, по мѣрѣ того какъ увеличивалась опасность; трудно повѣрить, чтобы это былъ тотъ самый чловѣкъ, который еще недавно предавался роскошной нѣгѣ въ Лаодицѣхъ подлѣ Клеопатры и нехотя шелъ въ походъ. Неутомимый въ трудахъ, неустрашимый въ битвахъ, онъ собственнымъ примѣромъ ободрялъ упавшихъ духомъ воиновъ, дѣлилъ съ ними наравнѣ все лишенія и невзгоды, а вечеромъ обходилъ шатры, навѣщалъ раненыхъ и утѣшалъ ихъ. Но все медленнѣе и медленнѣе подвигалось войско; холодъ, голодъ мучали воиновъ, и замѣтно рѣдѣли легионы. Въ отчаяніи, питались они кореньями, между которыми попадались нерѣдко ядовитые; болѣзни и смертность усиливались, и невольно пришло на память Антонію Ксенофонову отступленіе. «О десять тысячъ! десять тысячъ!» восклицалъ онъ, печально глядя на поле, усыпанное трупами его воиновъ. Были минуты, когда Антоній приходилъ въ отчаяніе и думалъ о смерти. Онъ приказалъ своему отпущеннику Рамну лишить его по первому знаку жизни, и избавить отъ позорнаго пѣвна. Послѣ двадцатисемидневнаго пути, въ продолженіе котораго Римляне выдержали 27 битвъ, они переправились наконецъ чрезъ Араксъ, границу Мидіи и Арменіи. Римляне потеряли до 20,000 пѣхоты и 4,000 всадниковъ. Въ Арменіи нашли они въ изобиліи продовольствіе, но оставались здѣсь недолго. Антонію не терпѣлось; онъ свѣшилъ въ Сирію къ Клеопатрѣ, и не смотря на суровое зимнее время, пошелъ по снѣжнымъ горамъ восточной части Малой Азіи, гдѣ лишился еще 8,000

воиновъ отсталыми и больными. Въ Левкокомѣ ожидалъ онъ Клеопатру. Она прибыла, и все было забыто. Отъ имени ея роздалъ онъ войску одежду, подарилъ каждому воину по 35 денаріевъ, и одарилъ начальниковъ; но всѣ деньги были собраны съ провинцій, или даны его друзьями. Клеопатра увезла его съ собой въ Египеть ¹.

Въ то самое время, когда Антоній бѣжалъ отъ стргль пареянскихъ, Октавіанъ оканчивалъ блистательно свои дѣла на Западѣ. Агриппѣ удалось окончательно разбить Секста Помпея и выгнать его изъ Сициліи. Секстъ бѣжалъ съ остатками своего флота, грабя по дорогѣ города и храмы, и присталъ къ Митиленѣ. Надѣясь на свое громкое имя, пользуясь отсутствіемъ Антонія и его неудачами, Помпей задумалъ покорить себѣ Малую Азію и начать снова прежнюю жизнь; — но мы уже замѣтили разъ, что въ этомъ чловѣкѣ не было ни большихъ дарованій, ни умѣнья пользоваться обстоятельствами и людьми. Одной дерзости и храбрости было мало, чтобы привести въ дѣйствіе обширный и смѣлый планъ. Онъ былъ схваченъ и казненъ по приказанію Тація, одного изъ Антоніевыхъ начальниковъ въ Азіи.

Октавіанъ былъ теперь единственнымъ владыкой Запада; Лепидъ окончилъ свою роль. Онъ вздумалъ было оспаривать у Октавіана Сицилію; но его презирали одинаково и враги и собственные воины. По первому вызову Октавіана легіоны Лепида перешли къ нему. Лепиду приказано было жить въ Цирцѣвѣ близъ Понтинскихъ болотъ, гдѣ онъ и окончилъ свою жизнь съ громкимъ титуломъ великаго жреца.

Миръ и дружба съ Антоніемъ были по видимому непоколебимы. Октавіанъ старался правда тихомолкомъ распространять въ народѣ слухи о несчастномъ окончаніи пареянскаго похода, но въ сенатѣ и публично онъ показывалъ видъ, что вполне вѣрить донесеніямъ Антонія, и давалъ великолѣпные пиры въ честь зятя и его побѣдъ ². Во время игръ въ циркѣ, которыя далъ Октавіанъ народу въ ознаменованіе своей побѣды надъ Секстомъ, онъ приказалъ выставить подлѣ ораторской трибуны въ честь Антонія триумфальную колесницу съ курульнымъ кресломъ, и поставилъ его статую въ храмѣ Согласія; но въ то же самое время не упускалъ удобнаго случая выставлять дѣйствія противника съ невыгодной стороны. Уменьшеніе податей, облегченіе участи народной заставляли невольно предполагать, что главной причиною гнета былъ до сихъ поръ Антоній, а не наслѣдникъ Цезаря.

Не такъ думала сестра его Октавія. При первомъ извѣстіи о воз-

¹ App. Hist. Romanor. Parthica. pag. 275—287. editio stereotypa.

² Dio Cass. 49, 32.

вращенія Антонія, она просила у брата позволенія взать къ мужу. Октавіанъ не противился. Онъ предвидѣлъ результатъ свиданія, и самъ внутренно желалъ его, чтобы въ случаѣ разрыва имѣть еще болѣе права на вражду съ Антоніемъ. Октавіа везла съ собою деньги, одежду для воиновъ, вычюной скоть, богатые подарки для друзей его и вела 2,000 воиновъ въ богатомъ вооруженіи преторіанскихъ когортъ. Въ Аоннахъ нашла она письмо Антонія съ приказаніемъ возвратиться назадъ въ Римъ. Съ грустью покорилась бѣдная вельню супруга, и переслала ему съ Нигеромъ войско и вещи. Октавіанъ настаивалъ, чтобы она выѣхала изъ дому недостойнаго супруга, — но тщетно. Октавіа осталась, лелѣла дѣтей Антонія, поддерживала друзей мужа и всеми силами старалась, чтобы ея супружескія отношенія не имѣли вліянія на дѣла политическія.

Антоній не позволилъ ей взать далѣе подѣ предлогомъ, что онъ готовится къ новому походу; но это не такъ скоро состоялось. Изъ боязни, что появленіе Октавіа можетъ отвлечь отъ нея Антонія, Клеопатра употребила всѣ средства, чтобы отклонить свиданіе. Комедія слѣдовала за комедіей. Она впала, повидимому, въ глубокую печаль и тоску; казалось, жизнь наскутила царицѣ; ничто не могло ее развлечь; она налугала Антонія и тѣмъ еще уже стланула цѣпи, приковывавшія его къ ней. Антоній провелъ этотъ годъ въ Александріи и только на слѣдующій годъ пошелъ на Артаведа. Походъ продолжался не долго; Артаведъ сдался, и приведенъ былъ въ золотыхъ цѣпяхъ въ Александрію. Здѣсь готовилось торжество неслыханное на Востоку, торжество, доселѣ исключительно принадлежавшее великому Риму. До сихъ поръ полководцы и правители Рима одерживали победы для роднаго города; только онъ одинъ имѣлъ право воздавать величайшую воинскую почесть. Триумфъ вдали отъ Капитолія былъ чѣмъ-то неслыханнымъ, и тѣмъ не менѣе Александрія увидѣла это торжество. Антоній въѣхалъ триумфаторомъ въ Александрію; передъ его колесницей шелъ въ золотыхъ цѣпяхъ Артаведъ съ семействомъ. На великолѣпномъ тронѣ сидѣла Клеопатра, и ждала привѣтствія отъ царя Арменіи, но гордый царь называлъ ее просто Клеопатрой. Послѣ великолѣпнаго пиршества созвали народъ въ гимнасій. Здѣсь сидѣла Клеопатра радомъ съ Антоніемъ; нѣсколько пониже, ихъ дѣти и Цезаріонъ. Антоній повелѣлъ, чтобы съ этого времени Клеопатру звали не иначе какъ царицей царицъ, дѣтей ихъ, равно какъ и сына Цезаря Цезаріона, царями царей. Онъ провозгласилъ ее неограниченною властительницей Египта и прилежащихъ ему земель, а Цезаріона ея соправителемъ. Своимъ дѣтямъ далъ онъ: Птолею Филадельфу Сирію

и Переднюю Азію, Клеопатръ область Кирены, Александру Арменію и всѣ земли отъ Эвфрата и до Инда, которыя хотѣлъ еще покорить. Въ силу такого распоряженія Птолемей являлся съ этихъ поръ не иначе какъ въ одеждѣ македонскихъ царей и съ македонскою стражей, Александръ въ одеждѣ восточныхъ владыкъ и окруженный армянскими воинами. Самъ Антоній являлся не иначе какъ въ царской одеждѣ. Этимъ почести не ограничились. Клеопатра назвала себя богиней Исидой; Антоній принялъ на себя роль Осириса и Діониса; ихъ дѣти славились Геліосомъ и Селеной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новый Осирисъ принималъ на себя званіе гимнасіарха, руководилъ пиршествами, играми, а сановники римскіе, его окружавшіе, составляли свиту боговъ или брали на себя должность мимовъ. Александрія ликовала; жизнь была здѣсь непрерывнымъ рядомъ увеселеній. Все, что только могло усладить сердце царицы и удовлетворить ея прихотямъ, все, что только возвышало богатство и роскошь ея оргій, все то свозилось изъ Азіи и Греціи въ Александрію. Статуи, картины, храмовыя сокровища шли туда. Перенесеніе пергамской бібліотеки относится къ этому же времени. Антоній забылъ, казалось, о Римѣ, забылъ о соперникѣ. Онъ присылалъ правда извѣдка въ сенатъ донесенія, но на нихъ не обращали вниманія. По возвращеніи изъ похода онъ требовалъ, чтобы сенатъ утвердилъ всѣ его распоряженія и раздачу провинцій Клеопатрѣ. Консулы Созій и Домицій Агенбарбъ, его друзья, не рѣшились сообщить сенату этихъ безумныхъ требованій.

Десять лѣтъ продолжался миръ между тріумвирами, но какой это былъ миръ? Каждый изъ нихъ спѣшилъ устроить свои дѣла и выжидалъ только удобной минуты, чтобы выступить противъ соперника. Эта минута настала. Соперники обмѣнялись уже разъ оскорбительными письмами по поводу восточныхъ провинцій, подаренныхъ Антоніемъ Клеопатрѣ. Перваго января 32-го года консулъ Созій публично обвинилъ Октавіана отъ имени Антонія въ томъ, что онъ не подвинулся съ нимъ провинціями Секста Помпея и Лепида, и роздалъ земли своимъ легионамъ, не позаботясь о легионахъ Антонія. Онъ прибавлялъ, что Антоній готовъ отказаться отъ власти, дарованной ему народомъ, ежели Октавіанъ поступитъ точно также. Точно такое же предложеніе было сдѣлано, какъ извѣстно, Цезаремъ передъ началомъ его борьбы съ Помпеемъ. Можно было, значить, ожидать одинакого результата. Октавіана не было въ Римѣ; онъ возвратился спустя нѣсколько дней изъ своихъ помѣстій, и явился въ сенатъ, окруженный воинами и друзьями. Последніе несли подъ тогами кинжалы. На обвиненія консула онъ отвѣчалъ, что Антоній самъ не дѣлился съ нимъ ни чѣмъ, не нагража-

далъ своихъ легионовъ землями, завоеванными имъ на Эвратъ, что онъ думаетъ только объ одной Клеопатрѣ, забывая свою благородную супругу, раздаетъ Клеопатрѣ и дѣтямъ ея римскія провинціи, и позволяетъ, чтобы слышъ этой блудницы носилъ и позорилъ священное имя Цезаря.

Послѣ такихъ рѣчей, разрывъ былъ неизбеженъ. Консулы, друзья Антонія, бѣжали; нѣсколько сенаторовъ оставили съ ними вмѣстѣ Римъ, и прибыли въ Азію къ Антонію. Обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ; Антоній прибылъ въ Эфесъ, гдѣ назначилъ сборное мѣсто для своего флота и войска. Съ нимъ вмѣстѣ прѣѣхала и Клеопатра. Напрасно увѣщевали его друзья удалить царицу, зная ея вліяніе на Антонія, и предвидя гибельныя послѣдствія отъ ея присутствія. Не одно участіе къ Антонію и его дѣлу заставляло ихъ говорить противъ царицы. Давно уже оскорблялись друзья и военачальники Антонія надменностью Азіатки и унизительною ролью, которую играли они передъ ней. Ее окружала римская стража, и носила на своихъ щитахъ вензель царицы; повелительницей была она, исполнителемъ ея велѣній триумвиръ. Когда ее несли на посылкахъ, Антоній шелъ за нею пѣшкомъ вмѣстѣ съ евнухами¹. Домицій и Планкъ требовали особенно настоятельно ея удаленія, и Антоній готовъ уже былъ склониться на ихъ желаніе, но за нее поднялъ голосъ въ военномъ совѣтѣ старикъ Канидій, подкупленный царицей². Клеопатра боялась одного, что Антонія склонять помириться съ Октавіей, а черезъ нее и съ братомъ. Она все еще не была законной супругой триумвира, а ея отсутствіе легко могло отвлечь отъ нея вниманіе Антонія. Канидій одержалъ верхъ, Клеопатра осталась на погибель Антонія, и переехала съ нимъ вмѣстѣ въ Самось, а оттуда въ Аѣины. Ея присутствіе замедляло всѣ воинскія приготовленія, потому что здѣсь началась точно такая же жизнь, какъ и въ Александріи. Клеопатра не хотѣла ни на минуту отпустить отъ себя Антонія. Она требовала себѣ тѣхъ же почестей, какія городъ Аѣины оказалъ Октавіи во время ея пребыванія въ первые годы замужства съ Антоніемъ. Какъ аѣинскій гражданинъ, Антоній передалъ ей согласіе города, и статую Клеопатры, возведенной въ богини, поставили въ акрополь³. Изъ Аѣинъ послалъ Антоній разводную Октавіи съ приказаніемъ выѣхать изъ его дому. Она повиновалась безпрекословно, и взяла съ собой всѣхъ дѣтей Антонія. Обѣ

¹ Dio Cass. 50, 5.

² Plut. Ant. 56.

³ Plut. Ant. 57.

одномъ горевала только благородная Римлянка, что на нее могут указывать, какъ на единственную причину междоусобной войны. Не она одна горевала. Роптала вся Италия на новые налоги, роптали провинция западныхъ, едва успѣвшія отдохнуть послѣ долгихъ тяжкихъ войнъ. Октавіанъ требовалъ пожертвованій; быстрыя приготовления Антонія его испугали, и онъ успокоился только тогда, когда узналъ о пребываніи Антонія съ Клеопатрой въ Греціи, и когда къ нему все чаще и чаще являлись перебежчики изъ арміи соперника. Между ними были люди значительные: Азиній Полліонъ, Тицій и Планкъ; послѣдніе считались въ числѣ самыхъ вѣрныхъ друзей Антонія. Поступки Клеопатры, смотравшей на нихъ глазами азіатской царицы, какъ на своихъ рабовъ, вывели ихъ наконецъ изъ терпѣнія. Долго крѣпился Планкъ, но когда царица заставила его взять на себя въ одной изъ процессій роль морскаго божества, выкраситься небесно-голубой краской, прицѣпить себѣ рыбій хвостъ, и надѣть на голову вѣнокъ изъ морскихъ растений, то бывшій консулъ не вытерпѣлъ подобнаго униженія, и перешелъ къ Октавіану. Планкъ передалъ ему важную тайну, — что завѣщаніе Антонія находится въ рукахъ весталокъ. Октавіанъ взялъ его, и сообщилъ торжественно сенату все мѣста наиболѣе оскорбительныя для величія Рима. Въ этомъ завѣщаніи Антоній подтверждалъ вновь, что все подвластныя ему земли оставляетъ Клеопатрѣ и ея дѣтямъ; онъ признавалъ далѣе Цезаріона законнымъ, сыномъ и наследникомъ Цезаря, выставляя такимъ образомъ Октавіана незаконнымъ похитителемъ имѣнія и власти диктатора, и наконецъ повелѣвалъ перенести свое тѣло, гдѣ бы ни застигла его смерть, въ Александрію, и похоронить въ одной гробницѣ съ Клеопатрой. Не мудрено, что послѣ чтенія такихъ подлинныхъ актовъ, начали ходить по Риму слухи еще болѣе оскорбительныя; говорили между прочимъ, что онъ подарилъ царицѣ даже самый Римъ, и хотѣлъ перенести столицу міра въ Египетъ. Друзья Антонія бросались сообщать ему, что дѣлалось въ Римѣ, и предостеречь, — но напрасно. Доступа къ нему не было; вѣсти доходили до него только чрезъ Клеопатру.

Когда приготовления Октавіана кончились, онъ взялъ съ собою сенатскій декретъ, которымъ объявлялась война царицѣ египетской, и которымъ сенатъ отнималъ у Антонія консульское достоинство на 31-й годъ, объявивъ его неспособнымъ къ правленію и очарованнымъ любовнымъ зельемъ. Послѣдняя статья была весьма умною и расчетливою уловкой Октавіана. Объявить войну Антонію значило бы подвергнуть проскрипціи его друзей, всю его партію и войско; но Октавіанъ не хотѣлъ возстановить противъ себя 16 легионовъ, привязанныхъ къ

Антонию. Объявление войны Клеопатре и дозволение возврата всѣмъ приверженцамъ Антонія — должно было унижать Антонія въ глазахъ Римлянъ и дать ему роль второстепенную. «Мы идемъ не съ Антоніемъ драться», говорилъ Октавіанъ, — «любовное зелье свело его съ ума; мы должны наказать евнуха Мардіона, Фотина, Иру, завѣдывающую головнымъ уборомъ царицы, Харміону ея прислужницю, которыя одиъ рывають всѣ дѣла¹». Въ Римѣ говорили громко, что Октавіанъ идетъ въ походъ не за свое дѣло, но въ качествѣ консула римскаго противъ варварской царицы и ея полководца. Чтобы еще болѣе придать себя вѣсу, Октавіанъ взялъ съ собою значительнѣйшихъ лицъ изъ сенаторскаго сословія и всадниковъ. Онъ лично взялъ на себя обязанность «спеціала». Въ Римѣ принимали самое живое участіе въ его дѣлѣ; дѣти играли въ войну, какъ во время междуусобной войны Цезаря съ Помпеемъ, и раздѣлялись на партіи Октавіана и Антонія².

Глядя на приготовленія Антонія казалось, что цѣлый Востокъ готовъ былъ двинуться на Европу; народы отъ Иллирія и до Эвфрата, отъ Кирены и до Арменіи толпились въ лагерь Антонія. До двадцати царей Азіи явились къ нему лично, и привели свои войска, явились князья Фессаліи и Фракіи. Не надежна была однакожъ ихъ помощь; ихъ вѣрность была прочна до первой неудачи; внутренно желали многіе несчастнаго исхода и замыслили йзмѣну. Оскорбляла ихъ гордость египетской царицы, за которую они должны были сражаться. Ихъ дѣти были заложниками при Клеопатрѣ, и обязаны были служить при ней наравнѣ съ ея рабами. У Антонія было до 100,000 пѣхоты и 12,000 конницы; его флотъ превосходилъ и числомъ и устройствомъ флотъ Октавіана. До 800 простиралось число кораблей; одна Клеопатра привела 200, въ томъ числѣ для самого Антонія галеру, съ пурпуровыми парусами, на которой находилась сама царица. Она привезла съ собою 20,000 талантовъ; Египетъ доставлялъ въ избыткѣ продовольствіе, — однимъ словомъ средства были у Антонія огромныя, только безпечность и неурядица погубили его. Его галеры были чудовищныхъ размѣровъ. Почти всѣ онѣ имѣли отъ 8 — 10 рядовъ весель, высоко стояли надъ водою и снабжены были высокими башнями. Ихъ бока, обитые толстыми досками, были непроницаемы; и трудно было противустать напору ихъ огромныхъ носовъ³. Но за то медленно двигались эти громады; неспособны были онѣ на къ бы-

¹ Plut. Ant. 66.

² Dio Cass. 50, 8.

³ Dio Cass. 50, 18, 19

строму натиску, ни къ бѣгству, и въ довершеніе всего оказался недостатокъ въ людяхъ. Антоній думалъ, что покуда есть въ Греціи люди, дотоль въ гребцахъ не будетъ недостатка. Народу пригнали много, но все таки матросовъ оказалось мало. Ихъ надо было сначала еще обучать, а времени оставалось немного. Однимъ словомъ только на легіоны, войско испытанное и ему преданное, могъ Антоній возлагать свои надежды; но онъ и этимъ не умѣлъ воспользоваться.

Октавіанъ былъ гораздо слабѣе своего противника, и сухопутнымъ войскомъ и флотомъ. Его галеры были лодки въ сравненіи съ кораблями Антонія, но за то быстро и легко скользили онѣ по волнамъ, имѣли въ достаточномъ количествѣ матросовъ, которые все были опытные въ морскомъ дѣлѣ и имѣли неограниченное довѣріе къ Агриппѣ, творцу и предводителю флота. Сборнымъ мѣстомъ былъ Брундизій. Отсюда вышелъ весною Агриппа съ флотомъ на рекогносцировку, высматривалъ положеніе непріятельскихъ войскъ, и пока Антоній медлялъ въ Патрѣ, онъ успѣлъ отрезать подвозы изъ Египта и Азіи и взять Меоону въ Мессеніи. Вслѣдъ за нимъ двинулся и Октавіанъ, взявъ по дорогѣ Коркиру, оставленную Антоніемъ безъ защиты, хотя этотъ островъ былъ ключемъ къ Греціи, поплылъ въ Эпиръ и расположился на эпирскомъ берегу напротивъ Акціума, нѣсколько къ северу отъ Амбракійскаго-залива, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи онъ заложилъ городъ Никополь. Его появленіе и смѣлые маневры Агриппы изумили противниковъ. Въ заливѣ стояла часть флота Антоніева, и защищала входъ. Антоній послалъ туда тотчасъ же остальную часть флота и сухопутное войско. Такимъ образомъ силы противниковъ стояли другъ противъ друга, флотъ Октавіана остался на эпирскомъ берегу, флотъ Антонія на берегу Акарнаніи, легіоны у входа въ заливъ Превезскій. Чтобы не дать Антонію времени собрать все свои силы, Октавіанъ хотѣлъ, не дожидаясь возвращенія Агриппы, дать битву; но Антоній не поддавался, сшибки происходили безпрестанныя, рѣшительной битвы не было. Антоній ожидалъ своей конницы изъ Фессаліи и Македоніи, но она была разбита; самъ Антоній едва не погибъ во время разѣзда отъ непріятельской засады. Къ этимъ мелкимъ неудачамъ присоединилась измѣна. Присутствіе Клеопатры подвергало безпрестанно новымъ оскорбленіямъ его военачальниковъ. Даже его вѣрный другъ Домицій Агенобарбъ перешелъ къ Октавіану. Антоній палъ духомъ, и понимая причину измѣны, въ первый разъ началъ подозрѣвать въ измѣнѣ и Клеопатру. Пытки и казни начались снова; онъ приказалъ царицѣ пробовать все яства, подаваемые на столъ, но это недовѣріе продолжалось не долго; Клеопатра скоро

взяла надъ нимъ прежнюю власть. Ко всему этому присоединился недостатокъ въ продовольствіи; истощеніе Греціи и удачныя предпріятія Агриппы были главною тому причиною: общій голось и легіоновъ и друзей требовалъ удалиться во Фракію или Македонію, чтобы получить изъ Азіи продовольствіе и подкрѣпленіе, или наконецъ покончить дѣло рѣшительною битвой. Легіоны громко желали и требовали сухопутной битвы; даже Канидій, который еще въ Эфесѣ стоялъ за царицу, совѣтывалъ втайнѣ Антонію удалить Клеопатру, и не вдаваться въ морскую битву, которая должна была очевидно кончиться въ пользу Октавіана, какъ это видно было по отдѣльнымъ сшибкамъ. Но голось Канидія былъ заглушенъ остальными, и желаніе Клеопатры рѣшить дѣло морской битвой — состоялось. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что царица отчаявалась въ успѣхъ Антонія и заботилась только о своемъ спасеніи, хотѣла даже видимо угодить Октавіаву и являться передъ нимъ виновницей его побѣды. Сухопутная битва не представляла для нея никакихъ выгодъ; даже въ случаѣ успѣха Антонія, борьба не могла еще кончиться. Октавіанъ твердо рѣшился вести ее до конца. Но въ случаѣ потери сухопутной битвы Клеопатра находилась бы въ самомъ затруднительномъ положеніи; ей предстояло бы опасное и трудное бѣгство черезъ земли оскорбленныхъ ею династовъ и чрезъ провинціи, озлобленныя ея угнетеніями. Морская битва не представляла лично для нея никакихъ опасностей, и при первой неудачѣ она легко могла бѣжать съ своими кораблями въ Египетъ. Она настояла на своемъ, и морская битва была рѣшена.

Съ рошотомъ и неудовольствіемъ приняло это войско. Когда Антоній велѣлъ посадить на галеры 22,000 воиновъ, чтобы пополнить число экипажа, рѣдѣвшаго отъ болѣзней и измывъ, одинъ старый предводитель когорты, покрытый ранами, сказалъ грустнымъ голосомъ Антонію, проходившему по рядамъ: «Или ты не доверяешь этимъ ранамъ и этому мечу, и ждешь спасенія отъ гнилой деревяшки? Оставь драться на корабляхъ Египтянамъ и Финикійцамъ, и отдай намъ землю, на которой мы привыкли побѣждать и умирать». Антоній промолчалъ. Онъ махнулъ рукой, кивнулъ головой старому, увѣщевая тѣмъ, не терять надежды. Флотъ Антонія расположился сомкнутыми линіями у входа въ портъ Акціумъ; за нимъ стояли корабли египетскіе. Четыре дня стояли флоты безъ дѣйствія. Морское волненіе и сильныя вѣтры не допускали до битвы. Сентября 2-го 31-го года насталъ совершенный шталь, и корабли Антонія стояли недвижимо у входа въ проливъ до самаго полудня, ожидая нападенія. Штурмовать эту непреодолимую стѣну было невозможно, тѣмъ болѣе, что

Антоній строго запретилъ выдаваться отдѣльнымъ кораблямъ впередъ, чтобы не дать возможности непріятельскимъ судамъ врезаться въ середину. Его расчетъ былъ вѣренъ, потому что Агриппа на этомъ основывалъ весь свой планъ атаки и битвы. Онъ сначала удалился, стараясь заманить врага, отклонялся отъ битвы, и ожидалъ первый нападѣнія. Наскучивъ долгимъ бездѣйствіемъ, Созій, одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Антонія, воспользовался легкимъ вѣтеркомъ, и выдвинулся съ своимъ лѣвымъ крыломъ нѣсколько впередъ. Октавіанъ запретилъ его тревожить, и приказалъ начальнику праваго крыла вытянуть свою линію вправо, и тотъ же самый приказъ отданъ былъ Агриппѣ, который начальствовалъ лѣвымъ крыломъ флота. Такой маневръ принудилъ Созія и Геллія, начальствовавшихъ обоими флангами, растянуть также свои корабли, и отдѣлиться отъ главнаго центра; но едва только они отдѣлились, какъ начальникъ центра Октавіанова флота, Арунцій, бросился въ промежутокъ между двумя крылами и началъ битву. Положеніе флота Антоніева можно сравнить съ положеніемъ его арміи во время отступленія изъ Мидіи. Легкія суда Октавіана бросились по нѣскольку вдругъ на тяжелыя и неповоротливыя галеры Антонія, бросали камни и копья, обрызгивали канаты и снасти, обламывали кормила, и привели непріятельскую линію въ совершенное разстройство¹. Едва замѣтила это Клеопатра, какъ немедленно велѣла поднять паруса, и плыть въ открытое море. Антоній замѣтилъ пурпуровыя паруса ея царской галеры, забывъ, что наступаетъ рѣшительная минута, оставилъ воиновъ, умиравшихъ за него, и бросился вслѣдъ за Клеопатрой. Клеопатра приняла его на свой корабль, но врядъ ли его появленіе было ей по сердцу; врядъ ли согласовалось это съ ея планами. Она бѣжала очевидно съ цѣлью отдѣлится свою судьбу отъ судьбы Антонія, и снискать этимъ прощеніе Октавіана; появленіе Антонія связало снова ея участь съ участью побѣжденнаго. Грустный, убитый, сълъ Антоній на передней части корабля, склонивъ голову на руки, три дня не хотѣлъ онъ видѣться съ Клеопатрой, и не покидалъ своего мѣста; наконецъ удалось наперсницамъ помирить любовниковъ, и они прибыли къ берегамъ Аѳрики.

Флотъ его держался еще долго, и сдался только тогда, когда извѣстіе о бѣгствѣ Антонія стало всемъ извѣстно. Легіоны не слышать не хотѣли о сдачѣ, не хотѣли вѣрить, что ихъ полководецъ бѣжалъ; даже когда они убѣдились въ этомъ, они сляшкомъ семь дней не принимали никакихъ предложеній Октавіана, и перешли къ нему только тогда, когда легатъ Антонія Канидій оставилъ ихъ также.

¹ Dio Cass. 40, 32.

На африканскомъ берегу разстались любовники, Клеопатра прибыла въ Александрію съ своими кораблями, увенчанными лаврами, словно послѣ одержанной победы, казнила вѣсколько подозрительныхъ лицъ, которые въ ея отсутствіе задумали возмутить народъ, и наполнила ихъ богатствами, да храмовыми сокровищами, свою истощенную казну. Антоній скитался въ это время, какъ помѣшанный, около Паретонія. Узнавши объ измѣнѣ Скарпа, начальствовавшего здѣсь отрядомъ войскъ, онъ едва не лишился себя жизни, и насылу привезли друзья его въ Александрію¹. Здѣсь ожидала его другая печальная вѣсть, — Кандидъ донесъ ему о судьбѣ его легионовъ въ Акціумъ. Каждый день приходила новыя извѣстія объ измѣнѣ; одинъ за другимъ оставляли его цари Азіи. Одни гладиаторы, которыхъ держалъ онъ въ Кизикъ, остались ему вѣрны; они пробились черезъ всю Малую Азію, и сдались только тогда, когда получали извѣстіе о смерти Антонія.

Разные планы занимали Клеопатру. Царица собирала свои сокровища, и готовила въ Аравійскомъ заливѣ корабли, задумывая бѣжать, но куда — сама еще не знала. Аравитяне сожгли ея суда. За тѣмъ она обратила вниманіе Антонія на Испанію, и совѣтывала возмутить эту богатую провинцію, гдѣ всегда находили радушный приемъ великіе изгнанники, — во тѣтню. Антоній впалъ въ совершенную безчувственность, не хотѣлъ ни о чемъ знать, ни о чемъ думать. Онъ построилъ себѣ у большой гавани недалеко отъ храма Посидонова домъ, куда заперся, и не пускалъ къ себѣ никого, подражая Аэнианину Тимову. Его отчаяніе, его громкія жалобы на неблагодарность и измѣну вслугали Клеопатру. Антоній не пускалъ ее даже къ себѣ: эта дикая натура могла рѣшиться на все, и царица, опасаясь за собственную жизнь, рѣшилась, во что бы то ни стало, возратить несчастнаго къ себѣ и къ прежней жизни. Не могла же она думать, что ея чары потеряли всякое дѣйствіе на Антонія, и не ошиблась. Опять загремѣли хоры, опять увидѣла Александрія нескончаемый рядъ великихъ пировъ и увеселеній. Еще въ счастливыя минуты своей жизни учредили Антоній и Клеопатра общество *неподражаемыхъ*, въ которомъ участвовали ихъ наперсники и всѣ раздѣлявшіе ихъ веселую разгульную жизнь. Общество получало теперь названіе *неразлучныхъ*: они поклялись пропировать до конца, и умереть вмѣстѣ. Съ одной стороны думала царица успокоить влюбленнаго, поклавшись умереть съ нимъ; съ другой стороны напугать Октавіана, ежели онъ ей приготавливалъ иную участь, павъ и позорное шествіе за его побѣдоносною

¹ Dio Cass. 51, 5.

колесницей. Она знала, что ни один шагъ ихъ не скрывался отъ Октавіана; она сама старалась косвенно доводить все до его свѣдѣнія; а между тѣмъ испытывала дѣйствіе различныхъ ядовъ, на животныхъ, даже на людяхъ, и наблюдала, какой изъ нихъ менѣе мучителенъ и менѣе искажаетъ челоуѣка¹.

Октавіанъ былъ въ это время въ Римѣ, куда воротился тотчасъ же послѣ акціонской битвы. Въ Италіи вспыхнуло опять возмущеніе, ветераны требовали новыхъ полей, — такъ что онъ не ранѣе весны слѣдующаго года могъ двинуться далѣе на окончательную борьбу съ Антоніемъ. Онъ пошелъ черезъ Малую Азію и Сирію въ Египетъ. Клеопатра уговаривала Антонія обратиться къ послѣднему средству. Воспитатель ихъ дѣтей, Эвроній, былъ отправленъ къ Октавіану въ Сирію съ переговорами. Антоній отказывался отъ всего, и просилъ только позволенія жить частнымъ челоуѣкомъ въ Аѳинахъ. Клеопатра отказывалась также отъ престола въ пользу своихъ дѣтей. Но Антоній не зналъ, что посланный имѣлъ тайное порученіе передать Октавіану знаки царскаго достоинства, и везъ съ собой огромныя суммы для друзей его. Отвѣтъ былъ двоякій; оофициально требовалъ Октавіанъ безусловной покорности царицы; посланному же поручилъ передать Клеопатрѣ, что все зависитъ отъ нея одной, что изгнаніе или смерть Антонія можетъ ей спасти даже царство. Антонію онъ даже и не отвѣчалъ.

Октавіанъ оставался вѣренъ своей роли, и показывалъ до конца видѣ, что ведетъ войну не съ триумвиромъ, а съ царицей. Два раза пытался еще Антоній начинать съ нимъ переговоры, послалъ даже своего сына Антилла, — но безуспѣшно. Наконецъ сама Клеопатра начала сомнѣваться въ успѣхъ; отвѣты Октавіана были чрезвычайно уклончивы, и полагаться на нихъ она не могла. Царица начала подозревать, что ей грозитъ участь сестры ея Арсиной, участь, ожидавшая въ Римѣ всѣхъ побѣжденныхъ царей. Клеопатра рѣшилась скорѣе погибнуть. Она заперлась со всеми своими сокровищами и вѣрными рабами въ высокой башнѣ близъ храма Исиды, которую давно уже предназначала себѣ въ гробницу. Она думала удержать своего ужаснаго врага отъ рѣшительныхъ мѣръ, грозя погибнуть вмѣстѣ съ богатствами въ пламени, а между тѣмъ по ея собственнымъ приказаніямъ военачальникъ Селевкъ отступилъ отъ Пелусіума безъ боя, и Октавіанъ былъ почти уже у воротъ Александріи.

Приближеніе врага пробудило, казалось, прежній пылъ въ Антоніи; онъ хотѣлъ можетъ-быть смерти въ честномъ бою, хотѣлъ дорого

¹ Dio Cass. 51, 15.

продать жизнь свою. Онъ бросился сначала на ливійскій берегъ, но видя, что здѣсь дѣло проиграно, возвратился въ Александрію. Октавианъ приближался уже къ гипподрому, находившемуся близъ Канопскихъ воротъ. Антоній бросился на него съ своей конницей, и принудилъ отступить. Клеопатра приняла побѣдителя съ нѣжными объятіями, и подарила храбрѣйшему изъ его воиновъ золотой шлемъ и броню, съ которыми онъ на слѣдующую же ночь перешелъ въ войско Октавиана. Это былъ не первый и не послѣдній примѣръ, потому что всѣ отчаявались въ успѣхъ дѣла Антонія и старались снискать заранѣе милость побѣдителя. Антоній обѣщалъ 1,500 денаріевъ перебѣзчику; но кто же изъ воиновъ Октавиана могъ польститься на такое обѣщаніе, когда они смотрѣли на сокровища египетскія какъ на свои собственныя? Антоній вызывалъ на поединокъ Октавиана, и получилъ презрительный отвѣтъ, что можетъ избрать смерть другаго рода, ежели скучаетъ жизнію. Антоній рѣшился умереть на полѣ битвы; это видно изъ словъ, вырвавшихся за дружеской трапезой за день до смерти. На слѣдующее утро онъ занялъ высоты около гипподрома въ 30 стадіяхъ отъ Александрій, собралъ остатки своихъ легионовъ, и поджидалъ кораблей, чтобы начать битву разомъ на морѣ и на сушѣ. Но едва появились египетскія галеры и приблизились къ галерамъ Октавиана, какъ поднялись весла для отданія чести Цезарю и съ громкими кликами соединились онъ съ флотомъ Октавиановымъ; конница передалась также; немногочисленные остатки вѣрныхъ легионовъ вступили-было въ бой, но были отброшены, и Антоній удалился въ Александрію, громко жалуясь на измѣну и на виновницу своего несчастья.

Но едва ему сказали, что она скрылась въ башнѣ, чтобы избѣжать плѣна, какъ прежняя любовь возвратилась; онъ уже не проклиналъ, онъ страдалъ за нее, и требовалъ свиданія. Онъ ждалъ напрасно отвѣта. Не свиданія хотѣла царица: смерти его желала она, трупъ его хотѣла передать Октавиану, чтобы этой цѣной спасти себя отъ позора и вымолить Египетъ. Убійца она правда не послала, не потому что была неспособна на такое черное дѣло, нѣтъ, но изъ приличія, если намъ позволять такъ выразиться. Антонию донесли по ея приказанію, что царица лишила себя жизни. Вѣрный обѣту, Антоній не хотѣлъ самъ долге жить, и приказалъ вѣрному рабу Эроту вонзить ему въ грудь мечъ.

Эротъ пронзилъ самъ себя грудь, и Антоній послѣдовалъ его примѣру, но ударъ не былъ смертеленъ. Діомедъ, секретарь Клеопатры, посланный ею узнать, что дѣлалось съ Антоніемъ, нашелъ его живаго, плавающего въ крови. Узнавши, что Клеопатра жива, Антоній потребовалъ, чтобы его перенесли къ ней. Его принесли къ гробницѣ,

и здѣсь началась новая комедія. Подъ предлогомъ, что двери башни или гробницы не должны уже отворяться за заживо погребенной, несчастнаго страдальца втащила Клеопатра съ своими рабынями на веревкахъ черезъ окно въ башню, и въ продолженіе этой долгой операціи Антоній почти изощелъ кровью. Клеопатра бросилась въ отчаяніи и съ воплями къ ложу, на которое положили Антонія, рвала на себѣ одежды, тогда какъ и здѣсь въ послѣднія минуты была можетъ быть главной виновницей его смерти. Антоній потребовалъ отъ нея послѣдней услуги; онъ попросилъ вина — и скончался.

Диомедъ, возвѣстившій Октавіану отъ имени Клеопатры смерть триумвира, нашелъ его въ слезахъ, оплакивающаго сопровителя и родственника. Этотъ великій актеръ хотѣлъ и здѣсь сыграть роль Цезаря, но проливая слезы, онъ не упустилъ случая показать своимъ приближеннымъ и друзьямъ Антонія письма и документы, по которымъ виновникомъ всего несчастія оказался самъ Антоній, а оскорбленную стороною Октавіанъ. Его главною заботой было теперь захватить живую Клеопатру и не упустить изъ рукъ ея сокровищъ. Сила здѣсь не брала, надо было употребить хитрость. Онъ послалъ Каія Прокулея, всадника, успокоить царицу обѣщаніями, что все ея желанія и требованія будутъ выполнены. Прокулей, взглянувъ на башню, съ разу убѣдился, что къ царицѣ легко можно проникнуть чрезъ то самое окно, въ которое внесли Антонія. Покуда Корнелій Галлъ велъ съ нею за дверьми переговоры, Прокулей приставилъ лѣстницу, и незамѣтно съ двумя слугами долѣзъ до окна. Одна изъ рабынь Клеопатры его замѣтила, вскрикнула, и обратила тѣмъ вниманіе царицы. Клеопатра схватила кинжалъ; но его у ней вырвали, и она очутилась пленницей. Октавіанъ не хотѣлъ съ ней видѣться, какъ ни горячо добивалась того Клеопатра. Онъ приказалъ перевести ее въ царскій дворецъ, и позволилъ ей похоронить Антонія въ царской одеждѣ и по обычаю египетскому.

Клеопатра съ досады и отъ раны, которую нанесла себѣ кинжаломъ, заболѣла лихорадкой. Она открылась врачу своему Олиму, подъ величайшей тайной, что хочетъ воспользоваться этимъ случаемъ, и умерить себя голодомъ. Она знала, что каждое ея слово дойдетъ до Октавіана, каждый ея шагъ ему извѣстенъ, и думала хоть этимъ средствомъ склонить его на горячо желаемое свиданіе. Октавіанъ поручилъ ей замѣтить, что за такое покушеніе заплатятъ жизнью ея дѣти, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ строгое предписаніе окружать ее всеми должными почестями, и наконецъ сдѣлалъ ей угодное — посѣтилъ ее самъ. Клеопатра было уже 39 лѣтъ, но въ ней было столько еще граціи, столько ловкости, что она не теряла надежды завлечь въ свои сѣти

молодаго Цезаря. Она приняла его въ глубокомъ траурѣ. Простая одежда, глубокая грусть, блѣдное чело, должны были служить ей такимъ же орудіемъ, какъ въ Тарсѣ позлащенная галера и роль Афродиты. Покой, куда вошелъ Октавіанъ, былъ весь уставленъ бюстами Юлія Цезаря; передъ ней разбросаны были письма диктатора; она читала ему ихъ со слезами на глазахъ, она ни о чемъ не говорила, кромѣ только о Цезарѣ, о его отношеніяхъ къ ней, о великодушій диктатора, наследникъ и сынъ котораго стоялъ передъ ней. Все было устроено, чтобы возбудить сожалѣніе, участіе, можетъ-быть и нечто болѣе участія въ молодомъ Цезарѣ. Ея дрожащій отъ грусти голосъ, ея заплаканныя очи, не лишеныя однакожъ сладострастнаго выраженія, все должно было обезоружить Октавіана¹. Но Клеопатра не знала этого человека. Долго слушалъ Октавіанъ ее въ молчаніи, наконецъ всталъ. «Успокойся царица», сказалъ онъ ей, «не страшись»; спросилъ у ней списокъ ея сокровищъ — и вышелъ.

Теперь не осталось уже никакой надежды. Публий Долабелла, молодой Римлянинъ изъ свиты Антонія, страстно въ нее влюбленный, возвѣстилъ ей, что она будетъ черезъ три дня отправлена съ дѣтьми въ Римъ. Клеопатра не смутилась, начала повидимому готовиться къ отъезду, и не перемѣнила образа своей жизни, чтобы не обнаружить своего тайнаго намѣренія, о которомъ кромѣ прислужницъ Иры и Харміоны никто не зналъ. Она была утромъ, какъ всегда, въ банѣ, одѣлась въ царскія одежды, обѣдала, такъ что никому и въ голову не приходило, что это была ее послѣдняя трапеза. Энафродиту, слугѣ своему, поручила она передать письмо Октавіану. Цезарь прочелъ его, — это была просьба похоронить ее вмѣстѣ съ Антоніемъ. Октавіанъ сначала не вѣрилъ: онъ полагалъ, что это новая уловка царицы склонить его на свиданіе, и послалъ своихъ приближенныхъ узнать, въ чемъ дѣло. Они нашли Клеопатру мертвою на золотомъ ложѣ; у ногъ ея лежала мертвая Ира; слабою рукою поправляла Харміона діадему на челѣ своей повелительницы, и вслѣдъ за тѣмъ пала также жертвою. Никто не зналъ, что была за причина смерти; служанки умерли съ ней вмѣстѣ, но общее мнѣніе говорило, что она приустила себя аспида, котораго ей принесъ крестьянинъ въ корзинѣ съ цвѣтами и смоквами. Во время триумфа Октавіана, Римляне увидѣли статую царицы съ змеею на рукѣ. Это распространяло всеобщее мнѣніе, что она погибла отъ укушенія змьи.

И. Бавстъ.

¹ Tentavit oculos ducis. Flor. 4, 11.

БРАКЪ

И

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ¹

Законный бракъ (*iustum matrimonium*) былъ у Римлянъ двухъ родовъ, смотря по положенію и отношенію жены къ мужу — строгій и свободный. Бракъ перваго рода назывался по римски *matrimonium cum in manum conventione*, а второй — *matrimonium sine in manum conventione*; первымъ условливалось подчиненіе жены волѣ и власти (*manu*) мужа, заступавшаго въ супружескомъ быту мѣсто судьи и отца, а второй не требовалъ этого. Перваго рода бракъ имѣлъ много важныхъ послѣдствій для жены, именно: женщина, вступившая въ подобный бракъ, освобождалась изъ подъ власти отца или опекуна и переходила во власть мужа², не какъ раба и невольница, говорили Рим-

¹ См. Das Römische Privatrecht von Wihl. Rein Leipz. 1836.

— Mühlenbrucher Lehrbuch des Pandekten-Rechts. Halle. 1844 III части.

— Recherches sur la condition civile et politique des femmes par Edouard Laboulaye Paris. 1843.

— Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung von Jos. Unger. Wien. 1850.

— Geschichte der Frauen von G. Jung. Frankfurt am Main. 1850.

— Gallus oder römische Scenen von Becker. Leipzig 1849. III Th. u app.

² Tacit. Ann. IV, 16.

ляпе, а какъ дочь, — относительно же тестя какъ внучка. (Последнее обстоятельство тогда только имѣло примѣненіе, когда самъ мужъ состоялъ еще во власти отца, *patria potestas*.) Какъ дочь, жена не могла имѣть своей собственности, а потому все, что она приносила мужу съ собою подъ именемъ приданого (*dos*), и все, чѣмъ владѣла и что приобретала, принадлежало мужу и составляло его собственность¹, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. «Не прилично (говоритъ одно лицо Плавтовой комедіи) порядочной женщинѣ тайкомъ отъ мужа имѣть какую-нибудь собственность. Та, которая владѣетъ собственностію, вѣроятно либо украдала ее у мужа, либо приобрѣла безчестно. По моему, все твое принадлежитъ мужу².» Жена не имѣла права приобретать что нибудь для себя, не могла дѣлать завѣщанія; она подлежала приговору мужа, какъ своего судьи; мужъ вмѣстѣ съ родственниками могъ изрекать надъ нею судъ и назначать всякаго рода наказанія, даже смерть³. Но съ другой стороны это невыгодное положеніе римской женщины въ домѣ мужа выкупалось нѣкоторыми правами, именно: она, какъ дочь, по смерти мужа дѣлалась его наследницею, участвовала въ служеніи домашнимъ богамъ своего мужа, въ семейныхъ священныхъ обрядахъ и праздникахъ (*sacra privata*)⁴.

Для вступленія въ этотъ бракъ, т. е. въ бракъ съ *conventio in manum*, требовались извѣстнаго рода формальности, безъ которыхъ обходились, если бракъ совершался безъ *in manum conventio*. Формальности были трехъ родовъ и носили три различныя названія: *confarreatio*, или *farreatio*, *coemptio* и *usus*.

¹ Cic. Top. IV, 23. Gai. II, 98.

² Plaut. Cas. II, 2, 26.

³ Dion. Hal. II. Plut. Romul. 1.

⁴ *Sacra privata*. У Римлянъ каждая фамилія имѣла своихъ боговъ (*penates* и *lares*), свои богослужебные обряды, свои жертвенники, на которыхъ совершались семейныя жертвоприношенія за благосостояніе цѣлой семьи. Эти священныя обряды были наследственны въ фамиліяхъ, переходя отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и т. д., какъ родовое имѣніе; они утверждались контифексомъ. Обязанность сохранять ихъ ненарушимо лежала на главѣ семейства, по смерти котораго переходила на самаго ближайшаго его наследника. Даже постороннія лица, дѣлавшіяся наследниками, обязывались непремѣнно принимать на себя вѣсть съ состояніемъ и *sacra* завѣщателя. Но такъ какъ ежегодные праздники этихъ *sacrorum* причиняли съ одной стороны немаловажныя издержки, а съ другой стороны и *sacra* сами по себѣ были во многихъ случаяхъ обременительны, потому что, будучи нерѣдко мѣстными, они требовали присутствія лица, обязавшагося поддерживать и сохранять ихъ: то подобные наследники старались освободиться отъ этой части наследства, и потому передавали ихъ старикамъ (*coemptores velles vobis*) черезъ нѣкоторый родъ продажи (Cic. pro Mur. 12, 27). Въ такихъ-то фамильныхъ обрядахъ участвовала и жена *confarreata*.

Первая форма — *confarreatio* — состояла въ религиозныхъ обрядахъ, при которыхъ исполнялись установленные обычаи и присутствовали десять свидѣтелей. Совершалъ этотъ бракъ *Pontifex Maximus* или *Flamen Dialis*¹. Название получила форма отъ употреблявшагося при этомъ *far*,

¹ *Pontifex Maximus* — глава и предсѣдатель коллегіи понтификсовъ, установленныхъ еще Нумою. Санъ верховнаго первосвященника существовалъ у Римлянъ до позднѣйшихъ императоровъ и со времени Августа составлялъ принадлежность императорскаго достоинства, къ которому присоединялся по опредѣленію сената. До временъ Августа верховные понтифексы избирались сначала самою коллегіею, а впоследствии коллегія назначала, окончательно же утверждала народъ. Санъ верховнаго понтифекса давался на цѣлую жизнь. Избирали на эту должность сначала мужей, состоявшихъ на высшихъ должностяхъ; впоследствии даже молодыхъ людей. Верховный понтифексъ не могъ сначала занимать свѣтскихъ должностей, впоследствии это было дозволено. Запрещеніе, лежавшее на понтифексѣ, не оставляло Италию во все время отправления должности, впоследствии было отменено. Избѣгая оскверненія, верховный понтифексъ не могъ ни прикасаться къ мертвому тѣлу, ни смотрѣть на него. Въ особенную обязанность верховному понтифексу вмѣнялось составлять великія лѣтописи (*Annales Maximi*), въ которыхъ онъ записывалъ важнѣйшія событія, особенно же удивительныя явленія въ природѣ; онъ обязанъ былъ смотрѣть за служеніемъ Вестъ и за вѣстками, которыхъ онъ, въ случаѣ вины, наказывалъ. Онъ имѣлъ право заpretить всякому жрецу, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, выѣзжать изъ города Рима. Онъ же приводилъ въ исполненіе опредѣленіе своей коллегіи. Онъ жилъ всегда въ общественномъ зданіи, называвшемся *Regia*. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, права и обязанности его были тѣ же, что и всѣхъ вообще понтификсовъ, которые вмѣстѣ составляли высшую инстанцію духовнаго управления у Римлянъ. Важнѣйшею и главнѣйшею ихъ обязанностію было бдительно и неуслышно смотрѣть за вѣрнымъ и точнымъ исполненіемъ обрядовъ народной римской религіи, за сохраненіемъ ихъ въ чистотѣ и неприкосновенности и пр., имѣть строгій надзоръ надъ всѣми жрецами, надъ ихъ жизнью и поведеніемъ, составлять календарь, рѣшать недоумѣнія и вопросы относительно религіи, по предложенію сената и пр. Они носили окаймленную пурпуромъ одежду (*toga praetexta*), шерстяную шляпу (*galeus, pileus, titulus*), въ родѣ колпака, съ кистью на верху (*apex*).

Flamen. Фламинны были жрецы отдѣльныхъ божествъ въ Римѣ. Этого рода жрецовъ много; важнѣйшіе изъ нихъ были: фламинъ Юпитера (*Dialis*), Марса (*Martialis*) и Квирина (*Quirinalis*); ихъ учредилъ уже Нума Помпилій. Впоследствии они избирались народомъ, но кандидатовъ на убылыя мѣста назначалъ верховный понтифексъ. Фламинъ Юпитера имѣлъ право носить окаймленную пурпуромъ одежду (*toga praetexta*), сидѣть на курульномъ креслѣ, держать при себѣ ликтора, имѣть собственныхъ прислужниковъ (*camilli*) при жертвоприношеніяхъ и домъ по должности (*Flaminica aedes*). Жену его называли фламиникою. Неженатый фламинномъ не могъ быть. Если жена фламина умирала, то онъ обязанъ былъ оставить должность. Жена фламина совершала вмѣстѣ съ нимъ тѣкоторые священныя обряды. Фламинъ Юпитера имѣлъ многія преимущества, напр. домъ его былъ святымъ убѣжищемъ, фламинъ былъ, кажется, членомъ сената, освобождался отъ клятвы. При этихъ преимуществахъ, онъ подвергался многимъ ограниченіямъ, не могъ ѣздить верхомъ, ни одной ночи не могъ почевать за городомъ, не могъ смотрѣть на войско, приготовлявшееся къ битвѣ, не смѣлъ прикасаться къ мертвому тѣлу, къ незвареному мясу, къ плющу, къ бѣбамъ и пр.; пока оставался фламинномъ, не могъ получить высшей должности и пр.

farreus panis — пирогъ изъ *far* (родъ пшеницы), меда, соли и воды, который съѣдали новобрачные. При другихъ видахъ брака тоже употребляли *far*, но только для жертвоприношеній, а не для ѣды. Отъ такого только брака рожденные дѣти, назывались, по словамъ Сервія¹, *patrimi* и *matrimi*², и только они имѣли право быть фламинами Юпитера, Марса и Квирина.

Coemptio — чисто гражданскій обрядъ брака, родъ торговой сдѣлки, или символической покупки, при которой будущій супругъ, называвшійся поэтому *coemptioator*, какъ бы покупалъ свою жену у ея отца или опекуна, непременно присутствовавшихъ при сдѣлкѣ, и получалъ ее въ свои руки (*manus*), т. е. въ свою полную власть. Вступающіе въ бракъ давали при этомъ случаѣ другъ другу небольшую монету, произнося известныя слова. Женихъ спрашивалъ будущую жену, желаетъ ли она быть для него матерью семейства (*супругою*) — *an sibi materfamilias esse vellet?* Она отвѣчала: желаю. (*se velle*). Точно такимъ же образомъ спрашивала невеста будущаго своего мужа: желаетъ ли онъ быть ей отцомъ семейства — *paterfamilias*, и женихъ давалъ утвердительный отвѣтъ³. Можетъ быть употреблялись и другія формальности, но объ нихъ мы ничего не знаемъ. Самые писатели, упоминающіе объ этомъ учрежденіи древнѣйшихъ временъ, имѣютъ объ немъ неточныя и сбивчивыя понятія. Говорятъ, что эта брачная сдѣлка совершалась въ присутствіи пяти свидѣтелей изъ римскихъ гражданъ и одного *либрипенса*, который представлялъ лице сановника, не будучи имъ⁴, и держалъ мѣдные вѣсы. Женихъ ударялъ монетою

¹ Virg. Georg. I. 31.

² *Patrimi et matrimi*, или *patrimi matrimi*, или по древней формѣ *patrimei matrimiei* назывались дѣти обоюдого пола отъ свободныхъ родителей, находившихся еще въ живыхъ. Замѣчаніе Сервія, только что приведенное, относится къ древнѣйшимъ временамъ, когда бракъ черезъ *confarreatio* былъ еще въ употребленіи; къ позднѣйшимъ временамъ вѣдьма примѣнить его, потому что хотя браки черезъ *confarreatio* вышли изъ употребленія, но *patrimi* и *matrimi* все таки были. Въ позднѣйшія времена *patrimi* и *matrimi* назывались не только дѣти, рожденные въ бракъ черезъ *confarreatio*, но вообще въ законномъ (*justum*) бракѣ, даже безъ *manus*, лишь бы отецъ и мать ихъ были живы, что и было главнѣйшимъ требованіемъ. Дѣти *patrimi* и *matrimi* употреблялись при нѣкоторыхъ священныихъ церемоніяхъ, отчасти какъ всегдашніе прислужники жрецовъ, напр. фламينا Юпитерова, отчасти при священныихъ общественныхъ празднкахъ, напр. при молебствіяхъ (*supplicatio*), при освященіяхъ храмовъ и мѣстъ для храмовъ (*inauguratio*), при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и церемоніяхъ и пр., изъ семейныхъ праздниковъ при бракѣ черезъ *confarreatio*. Изъ такихъ же дѣтей, — разумеется женскаго пола, — избирались весталки.

³ Both. ad Cic. Topic. ed. Orell. 299.

⁴ Gal. 11, 107, 108.

(*as, gaudusculum*) о въсовую чашку, и передавалъ монету невестѣ, которая, съ своей стороны, давала тоже одинъ *асъ* жениху, другою клала на жертвенникъ ларамъ, а третій бросала на улицъ.

Usus — бракъ посредствомъ давности — составлялъ третью форму римскаго брака, и заключался въ томъ, что женщина, съ дозволенія своихъ родителей или опекуна, жила съ мужчиною цѣлый годъ для брака (*matrimonii causa*); если она въ теченіе года не была въ отлучкѣ трехъ ночей, то дѣлалась его законною женою (*velut annua possessio*) и переходила въ его власть (*in manum*), какъ дочь (*quasi sua, filiae loco*). Отсюда видно, что эта форма брака была самая простая и могла совершенно обойтись безъ всякихъ обрядовъ и издержекъ. Она же предоставляла женщинѣ полную свободу остаться у временнаго мужа навсегда и вступить съ нимъ въ законный бракъ, передававшій ее въ *manus* мужа, или жить съ нимъ во временной связи. Для этого женщина слѣдовало только ежегодно проводить три ночи не въ домѣ своего сожителя, какъ это ясно говорится въ законахъ XII таблицъ¹.

Кромѣ этихъ формъ строгаго брака, передававшаго жену *in manum* *mancipiumque* мужа, у Римлянъ существовала еще одна форма законнаго же (*iustum*) брака, болѣе свободная и, слѣдовательно, менѣе стѣснительная, безъ передачи жены во власть мужа (*sine conventione in manum*). Эти браки болѣе уравнивали права обоихъ супруговъ и устраняли строгую подчиненность женскаго пола, ясно высказавшуюся въ строгихъ бракахъ; въ этихъ бракахъ обѣ стороны стояли въ равномъ отношеніи другъ къ другу; жена не переходила во власть мужа, какъ въ строгихъ бракахъ, не считалась страдательнымъ членомъ его семьи, но оставалась въ прежней фамиліи, подъ властію своего отца или опекуна; она не получала никакого наслѣдства въ семействѣ своего мужа, но за то и собственное ея имущество не подлежало вліянію его. Въ этихъ бракахъ разводъ былъ равно доступенъ какъ мужу, такъ и женѣ, и притомъ безъ всякой законной причины. Такъ какъ согласіе (*consensus*) связывало подобные браки, то одно несогласіе (*dissensus*), неравенство характеровъ (*diversitas mentium*) были достаточны для расторгенія ихъ. Въ этомъ-то бракѣ жена называлась не *materfamilias*, а только *uxor*, и говоря о вступленіи въ подобный бракъ, употребляли не *in manum convenire*, но *in matrimonium*. Подобный бракъ могъ перейти и въ строгій: это зависѣло отъ самихъ супруговъ, жившихъ въ неразрывной связи цѣлый годъ; требовалось только соблюденіе упомянутыхъ трехъ ночей, безъ чего сво-

¹ Gell. N. A. 111, 2. Macrobi. 1, 3.

бодный брак никакъ не могъ перейти въ строгій. Свободные браки, представлявшіе менше неудобствъ и стѣсненій, чѣмъ строгіе, отъ времени и обстоятельствъ вошли между Римлянами въ общее употребленіе.

При столь разнообразныхъ формахъ римскаго брака — законнаго разумѣемъ — невольно приходитъ въ голову вопросъ, въ одно ли время существовали и были въ употребленіи у Римлянъ всѣ эти формы брака строгаго и свободнаго, или онѣ развивались постепенно одна за другою? Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого важнаго вопроса: такого рода изслѣдованіе требуетъ особеннаго обширнаго плана. Замѣтимъ только, что порядокъ, въ которомъ мы говорили о формахъ брака, есть тотъ, въ которомъ онѣ по всей вѣроятности происходили одна за другою. Это особенно достоверно относительно свободнаго брака, который несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, нежели всѣ три формы строгаго брака. Съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе, а строгіе браки черезъ *confarreatio*, *usus* и *coemptio* мало по малу выходили изъ обычая, а наконецъ и совсѣмъ были забыты, исключая только рѣдкихъ случаевъ, когда ихъ употребляли, и нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по своему сану, непременно должны были жениться по извѣстной формѣ. Указать точно время, когда совершился этотъ переворотъ, невозможно, тѣмъ болѣе, что подобная перемена требовала продолжительнаго времени и настоятельныхъ усилій со стороны римскихъ женщинъ. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія объ одномъ эпизодѣ изъ борьбы римскихъ женщинъ за эманципацію. Дѣло было вызвано народнымъ трибуномъ Опіемъ за 215 л. до Р. X. (539 отъ П. Р.). Законъ, имъ изданный, *lex Oppia*, требовалъ, чтобы женщины не носили на себѣ золота (золотыхъ украшеній) больше полуунціи, чтобы не употребляли разноцвѣтныхъ одеждъ, не ѣздили въ экипажахъ по городу и на разстояніи тысячи шаговъ отъ города, развѣ только для общественныхъ праздниковъ. Законъ сильно не нравился женскому полу, потому что стѣснялъ ихъ привычки и страсть къ нарядамъ. И потому неудивительно, что Римлянки принимали самое живое участіе въ преніяхъ сената относительно отмены закона. По словамъ Тита Ливія многіе благородные говорили въ защиту и въ опроверженіе закона. Капитолій наполнился толпою людей, одобрявшихъ и опровергавшихъ законъ. Женщинъ нельзя было удержать дома ни властію, ни приличіемъ, ни приказаніями; онѣ осаждали всѣ улицы въ городѣ и всѣ входы на форумъ, прося мужей, шедшихъ туда, возвратить имъ прежнія украшенія, когда состояніе республики процвѣтаетъ, когда частное благосостояніе возрастаетъ со дня на день. Со дня на день, продолжаетъ Ливій, увеличи-

вазась толпа женщинъ, которыя сходились изъ городовъ и сель; онѣ рѣшились даже приступить съ просьбами къ консуламъ, преторамъ и другимъ сановникамъ ¹. Наконецъ онѣ пристали съ просьбами къ темъ трибунамъ, которые не соглашались на отмѣну закона, и не прежде отстали отъ нихъ, какъ вынудили согласіе ². Изъ расказа у Ливія видно, что Римлянки играли уже въ Римѣ довольно значительную роль: онѣ умѣли дѣлу ничтожному (*res parva dictu*) дать важность и значеніе дѣла почти государственнаго; съумѣли вооружить противъ закона одного изъ консуловъ, трибуновъ и другихъ сановниковъ, и успѣли наконецъ достигнуть своего, т. е. что законъ былъ отмѣненъ, не смотря на то, что онъ въ лицъ другаго консула, М. Порція Катона, имѣлъ сильнаго и опаснаго защитника. Это, выигранное Римлянками, дѣло признается рѣшительнымъ обстоятельствомъ въ положеніи ихъ, какъ гражданскомъ, такъ и семейномъ. Получивши одну уступку, имъ не трудно было добиться и другихъ; оставалось только развивать далѣе свою требовательность. Такъ онѣ и сдѣлали. Со временемъ онѣ достигли полной самостоятельности, какъ это доказывается исторіею послѣднихъ временъ республики. И такъ какъ стремленіямъ ихъ и пріобрѣтенному уже положенію нисколько не соответствовали формы строгихъ браковъ, то онѣ уступили мѣсто свободному браку безъ *in manum conventio*, т. е. той формѣ брака, въ которой жена признается равною мужу. Свободные браки — *matrimonia sine in manum conventione* — оставались въ ходу у Римлянъ до конца республики и вошли еще въ большее употребленіе въ императорскій періодъ, когда сами цезари, владыки подвластнаго державному Риму міра, ихъ жены и дочери, матери и сестры подавали собою примѣръ неудержимаго упадка семейной жизни.

Кромѣ законныхъ браковъ съ полнымъ гражданскимъ значеніемъ былъ еще у Римлянъ неполный бракъ (*iniustum matrimonium*), подъ которымъ разумѣли, по римскимъ понятіямъ, бракъ по народному праву (*iure gentium*) между лицами, не имѣвшими права на бракъ, *connubium*. Въ древнія времена, пока еще плебеи не пользовались правомъ *connubii*, этимъ именемъ назывались браки между патриціями и плебеями, а впоследствии браки между перегринами (иноземцами) и гражданами, или между гражданами и латинцами. Дѣти, родившіяся отъ такого брака, не состояли во власти отца, потому что, по римскимъ законамъ, отцовская власть (*patria potestas*) невозможна безъ *connubium* и безъ пол-

¹ Liv. XXXIV, 1, 5—7.

² Liv. *ibid.* 8, 2.

наго гражданства¹. На дѣтей переходило званіе матери, а не отца². Только, по закону Менсіевому, дѣти, рожденныя отъ Римлянки и перегрина, получали званіе отца, а не матери.

Замѣчательно, что у Римлянъ при гражданскихъ и законныхъ бракахъ допускалась и естественная связь, извѣстный такъ называемый *concubinatus*, т. е. связь неженатаго мужчины съ незамужнею женщиною низшаго званія, напр. съ невольницею, вольноотпущенною, съ женщиною дурнаго поведенія, съ которыми не могло быть законной брачной связи, приличной званію. Впрочемъ можно было заключить конкубинатъ съ женщиною свободною и добраго поведенія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы это было объявлено публично: въ противномъ случаѣ эта связь признавалась уже преступною; на нее смотрѣли, какъ на *stuprum*; или же взявшій себѣ въ сожительницы (*concubina*) такого рода женщину, долженъ былъ вступить съ нею въ законный бракъ и признать ее своею законною женою³.

До Августа эта связь, или, говоря по римски, это *inaequale conjugium*, неравный бракъ, эта *licita consuetudo*, допускаемое закономъ сожителство, не имѣла, по всей вѣроятности, законности, а стояла на равнѣ съ непопозволенными связями. Такъ надобно понимать слово *concubinatus* у Плавта и у другихъ писателей до Августа⁴, который первый далъ конкубинату, на основаніи естественнаго права, силу законности — *concubinatus popen per leges assumisit*.

Что заставило Августа, желавшаго своими узаконеніями поднять и возвысить законные браки между Римлянами своего времени, поддерживать конкубинатъ? Это какъ бы противорѣчило его намѣреніямъ, какъ бы въ самомъ началѣ уничтожало благотѣльное дѣйствіе другихъ его законовъ, ободряло и вызывало не обращать на нихъ никакого вниманія. Такое противорѣчіе въ дѣйствіяхъ Августа стараются объяснить слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, говорятъ, Августъ вынужденъ былъ обстоятельствами сдѣлать уступку Римлянамъ своего времени, служившую какъ бы мировою сдѣлкою между тогдашнимъ растлвнѣемъ нравовъ и строгостію его законовъ противъ безбрачія и распутства, между отвращеніемъ Римлянъ къ браку и законами его для поддержанія браковъ; эту уступку надобно разсматривать какъ средство подсластить слишкомъ горькое лѣкарство, прописанное Августомъ въ его законахъ противъ болѣзненнаго состоянія современниковъ. По нашему,

¹ Gai. 1, 66 sqq. 93 sqq.

² Gai. 1, 67. Ulp. V, 89.

³ Dig. XV, 7, 3.

⁴ Plaut. Epid. III, 4, 444. Trin. III, 2, 745.

эта уступка ясно говоритъ, что зло было слишкомъ велико и пустило уже слишкомъ глубокіе корни, такъ что законы, чтобы не впасть въ противорѣчіе, должны были на первыхъ уже порахъ, еще прежде примѣненія, сдѣлать уступку. Законами было запрещено гражданамъ жениться на известнаго рода женщинахъ, напр. на женщинахъ хотя свободнаго происхожденія, но дурнаго поведенія, на вольпоотпущенныхъ, на осужденныхъ, на актрисахъ. Но императоръ, чтобы не совсѣмъ идти на переکورъ своимъ современникамъ, и чтобы примирить известныя слабости своего времени съ необходимостію раждать государству людей, которые бы не краснѣли за свое происхожденіе, считалъ своею обязанностію дать законность той связи, которая, не будучи законнымъ бракомъ, была подражаніемъ ему и укрывая отъ строгости законовъ противъ безбрачія и дурныхъ нравовъ, не доставляла однакожь выгодъ, сопряженныхъ съ законнымъ бракомъ. Къ ней обыкновенно прибѣгали и тѣ, которые, овдоѣвши, не желали вторичнымъ бракомъ давать мачиху оставшимся отъ перваго брака дѣтямъ. Такъ поступилъ императоръ Маркъ Аврелій: онъ по смерти императрицы Фавстины взялъ себѣ въ сожительницы (*concubina*) дочь прокуратора Фавстина¹.

Такимъ образомъ конкубинатъ, со времени Августа, получилъ право гражданства у Римлянъ, и на него перестали смотрѣть, какъ на связь непозволительную, незаконную, или предосудительную. Совершали его просто, безъ всякихъ обрядовъ и торжественности, по одному только согласію обоихъ лицъ; согласіе же и расторгало его. Женщина, вступившая въ конкубинатъ, называлась *concubina*, *amica*, *convictrix* (сожительница), но не жена (*uxor*); она не могла носить имени *materfamilias*, не могла именоваться *matrona*; она не участвовала въ почестяхъ своего мужа, не пользовалась его именемъ и правами.

Впрочемъ, такъ какъ конкубинатъ былъ что-то похожее на бракъ, или, точнѣе, подражаніе браку, то и его ограничивали нѣкоторыми правилами. Такъ запрещалось имѣть многихъ конкубинъ разомъ²: въ противномъ случаѣ это было бы уже многоженство, преслѣдуемое закономъ. Человѣкъ, имѣвшій законную жену, не могъ имѣть конкубины; это было бы двоеженство и прелюбодѣяніе³.

Дѣти, рожденные въ конкубинатѣ, назывались *nothi* и *naturales*; ихъ не считали незаконорожденными, но, съ другой стороны, не признавали и законными; они имѣли отца, но не имѣли правъ граждан-

¹ *Capitel. v. Marc. Afr. 29.*

² *Novell. 18, 5,*

³ *Dig. XXV, 7, 1.*

скихъ; не могли наследовать своему отцу, не носили его имени, не состояли въ его фамиліи. По матери же они наследовали точно такъ же, какъ и законные, на основаніи взгляда въ римскомъ правѣ, по которому мать соединяется съ законными дѣтьми только узами крови. Для матери нѣтъ разницы, рождены ли дѣти ея въ законномъ бракѣ, или прижиты въ конкубинатѣ; для нея достаточно, что они дѣти ея.

Для вступленія въ бракъ требовались по римскимъ законамъ нѣкоторые условія. Изъ нихъ одни были таковы, что безъ соблюденія и исполненія ихъ бракъ ни въ какомъ случаѣ не могъ состояться, если же совершался, то признавался недѣйствительнымъ. Другія условія не были въ такой степени необходимы и не мѣшали заключенію брака; неисполненіе ихъ не уничтожало действительности и законности его, но все таки на нихъ обращали вниманіе при бракѣ, и неисполненіе ихъ влекло за собою нѣкотораго рода упрекъ и порицаніе.

Къ перваго рода условіямъ принадлежали:

1. Согласіе отца. Всякому, сколько нибудь знакомому съ римскою исторіею, безъ сомнѣнія извѣстно, что отцовская власть имѣла больше чѣмъ сильное, почти неограниченное вліяніе и значеніе въ римской семьѣ. Сами Римляне говорили: почти нѣтъ другихъ людей, имѣющихъ такую власть надъ дѣтьми, каковую мы имѣемъ¹. По римскимъ законамъ отецъ имѣлъ право располагать жизнію и смертію своихъ дѣтей, могъ продавать сына въ рабство до трехъ разъ и пр. Діонисій Галикарнасскій говоритъ: у Римлянъ власть отца надъ сыномъ не теряетъ силы до самой смерти перваго; отецъ можетъ наказывать сына, какъ угодно, заключать его въ темницу, бить, вязать, даже убивать, хотя бы сынъ былъ на должности, сановникомъ, — исключая того, если онъ былъ фламинъ Юпитера, — и хотя бы онъ пользовался общимъ уваженіемъ². Такая власть составляла преимущественную и существенную часть правъ римскаго гражданина и до позднѣйшихъ временъ, именно до Траяна и Адриана, не подвергалась никакимъ ограниченіямъ, хотя и не всегда, быть можетъ, применялась къ дѣлу во всей строгости и силѣ. Само собою разумется, что, при подобномъ значеніи отца, согласіе его на бракъ своихъ дѣтей

¹ Gai. 1, 55.

² Dion. II, 26.

непрѣмънно должно было составлять одно изъ самыхъ необходимыхъ условій брака. Впрочемъ, если отецъ отказывалъ въ своемъ согласіи на бракъ безъ достаточныхъ причинъ, то въ дѣло брака вмѣшивался преторъ и, по Юліеву Папіеву закону, могъ вынудить у отца согласіе. Такъ было со времени Октавіана, которому, какъ знаемъ, принадлежитъ упомянутый законъ. Относительно предшествующихъ временъ ничего почти не известно. Судя по строгости нравовъ у древнихъ Римлянъ и по тому значенію, какое имѣла отцовская власть въ древнѣйшія времена Рима, бракъ, по всей вѣроятности, рѣшительно не могъ состояться безъ согласія и воли отца. Впрочемъ, принуждать своихъ дѣтей къ желаемому и назначенному по собственному выбору браку едва ли могъ отецъ; по крайней мѣрѣ доказать этого невозможно. Даже дочери, на которыхъ отецъ всегда имѣлъ больше вліянія, могли не исполнить воли его, если онъ предлагалъ имъ недостойнаго по характеру или постыднаго мужа — *si indignum moribus vel turpem sponsum pater ei (filiae) eligat*. Отецъ даже могъ расторгать бракъ дочери, только заключенный *sine in manum conventionione*, т. е. не строгій.

2. Совершеннолѣтіе. По римскимъ обычаямъ совершеннолѣтіе для мужскаго и женскаго пола наступало въ разное время. Для женскаго пола оно опредѣляется единогласно двѣнадцатью годами. Относительно же совершеннолѣтія мужскаго пола мнѣнія расходятся. Одни, основываясь на примѣрѣ Августа, признаютъ совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ; по другимъ совершеннолѣтіе наступало послѣ шестнадцатаго года. Бѣттигеръ различаетъ древнѣйшее и позднѣйшее время: въ древнѣйшія времена по его мнѣнію наступало совершеннолѣтіе послѣ шестнадцати лѣтъ, въ позднѣйшія — съ окончаніемъ пятнадцати. Клотцъ думаетъ, что опредѣленнаго года для совершеннолѣтія совсѣмъ не было, что опредѣленіе зависѣло просто отъ отца, который, раньше или позже, смотря по собственному соображенію, вводилъ сына въ общественную жизнь, т. е. признавалъ его совершеннолѣтнимъ. Отсюда видно, что либо у Римлянъ дѣйствительно ничего не было опредѣленнаго по этому предмету, либо опредѣленія и узаконенія не были исполняемы. Въ самомъ дѣлѣ каждое изъ приведенныхъ мнѣній имѣетъ за себя нѣкоторыя доказательства. Можно привести примѣры, что совершеннолѣтіе наступало послѣ шестнадцати лѣтъ, какъ было съ Лентуломъ Спиктеромъ, который родился въ 74, а мужескую тогу надѣлъ въ 57 г. до Р. Хр.; но съ другой стороны не меньше достоверно и то, что совершеннолѣтіе наступало иногда раньше, именно послѣ пятнадцати лѣтъ. Такъ было съ Цицеронамъ, Виргиліемъ, Персіемъ, Августомъ, съ сыномъ Цицерона,

а въ позднѣйшія времена съ Аврелиемъ. Впрочемъ также и то, что въ древнѣйшія времена признавалось совершеннолѣтіе нѣсколько позже, послѣ наступленія возмужалости, именно въ шестнадцать лѣтъ, а въ позднѣйшія нѣсколько раньше, именно въ пятнадцать. Безъ сомнѣнія, отца ничто не обязывало именно въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ признавать своего сына совершеннолѣтнимъ; онъ могъ и отдалить этотъ срокъ, какъ сдѣлалъ Тиберій, признавшій своего внука Калигулу совершеннолѣтнимъ только въ двадцать лѣтъ¹, или же, съ другой стороны, могъ ускорить срокъ совершеннолѣтія, напр. какъ случилось съ Нерономъ, котораго призналъ Клавдій совершеннолѣтнимъ въ четырнадцать лѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ — былъ ли у Римлянъ опредѣленный годъ для совершеннолѣтія мужескаго пола, остается все таки нерѣшеннымъ, и скорѣе можно отвѣчать на него отрицательно, нежели утвердительно. Одно только достоверно, что раньше четырнадцати лѣтъ не наступало совершеннолѣтіе для мужескаго пола.

Замѣтимъ, что при императорахъ опредѣленіе совершеннолѣтія составляло предметъ спора между юристами; одни, именно Сабиніанцы, держались древнѣйшаго положенія, т. е. признавали совершеннолѣтіе только послѣ возмужалости; другіе, Прокулеянцы, признавали совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ, а третьи считали необходимымъ для совершеннолѣтія то и другое, т. е. признавали совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ, но не иначе какъ съ наступленіемъ возмужалости. Наконецъ императоръ Юстиніанъ прекратилъ споръ и закономъ опредѣлилъ признавать повсемѣстно совершеннолѣтіе въ четырнадцать лѣтъ².

Слѣдуетъ упомянуть и то, что въ послѣднія времена республики изъ политическихъ причинъ часто женили и выдавали за мужъ, не обращая вниманія на лѣта. Известно, что Октавій женился на несовершеннолѣтней падчерицѣ Антонія, Клавдія, для скрѣпленія съ нимъ мира. Марцеллъ родился въ 43 году до Р. Хр., а помолвка состоялась въ 39³.

3. Лица, вступающія въ бракъ, обязывались быть свободны отъ брачныхъ узъ, или, по словамъ римскаго юриста, одна и та же женщіяна не можетъ быть за мужемъ за двумя въ одно время, равно какъ одинъ и тотъ же мужчина не можетъ имѣть двухъ женъ въ одно

¹ Inst. Cal. 10.

² Inst. Inst. 1, 22. pr.

³ Inst. II, 402, 53.

время. Очевидно, этимъ условіемъ требовалась моногамія и монандрія, и запрещался восточный обычай — имѣть разомъ по нѣскольку женъ. Къ чести Римлянъ надобно сказать, что это исполнялось свято не только въ древнѣйшія времена, когда брачный союзъ наблюдался строго, но даже и въ позднѣйшія времена римской республики и монархіи, когда растлвнне нравовъ и безстыдство достигли крайнихъ предѣловъ. Забавный анекдотъ, относящійся къ вопросу о двоеженствѣ и двоемужствѣ, заключается въ слѣдующемъ разсказѣ у Авла Геллія: «Обычай былъ у древнихъ римскихъ сенаторовъ, идучи въ собраніе сената, брать съ собою и своихъ сыновей. Такъ сдѣлалъ и Папірій: въ одинъ день онъ пришелъ въ сенатъ съ своимъ сыномъ. На ту пору разсуждали въ сенатѣ о дѣлѣ чрезвычайной важности, которое отложено было до слѣдующаго дня, и тутъ же определено никому не говорить объ немъ до окончательнаго рѣшенія. Мать молодаго Папірія, по возвращеніи его въ домъ, спрашивала, о чемъ говорили въ сенатѣ? Сынъ отвѣчалъ: нельзя сказать, вѣрно молчать. Эта строгость, придававшая словамъ Папірія нѣкоторую таинственность, еще болѣе подстрекнула любопытство его матери. Она настоятельно и протступнне стала требовать у сына открыть ей тайну сенатскаго совѣщанія. Молодой Папірій не могъ устоять противъ настоятельныхъ требованій матери, однако вмѣсто правды рѣшился пустить въ ходъ остроумную выдумку, а потому и сказалъ: въ сенатѣ разсуждали о томъ, что выгоднѣе для республики, то ли, чтобы одна женщина имѣла двухъ мужей, или то, чтобы одинъ мужчина женился на двухъ женахъ? Выдумка крѣпко встревожила жену Папірія; въ безпокойномъ состояніи выходить она изъ дому и рассказываетъ другимъ Римлянкамъ, что услышала. На другой день стекаются къ сенату толпы замужнихъ Римлянокъ; проливая слезы и заклиная, онѣ молятъ позволить лучше одной выходить за двухъ, нежели одному мужчине жениться на двухъ женахъ. Такое требованіе Римлянокъ сначала озадачило сенаторовъ, пока самъ молодой Папірій не открылъ, въ чемъ дѣло»¹.

Двоеженство и двоемужство (бигамія) были для Римлянъ явленіемъ совершенно небывальнымъ. Римляне не имѣли ни особаго названія для обозначенія бигаміи, ни особаго закона для ея наказанія². Знакомые съ Востокомъ, они знали бигамію, но признавали ее дѣломъ въ высочайшей степени безнравственнымъ. Полигамія тѣмъ еще менѣе могла войти у нихъ въ обычай. Правда, Юлію Цезарю хотѣли навязать намѣреніе ввести

¹ Gell. 1, 23.

² Rein's Criminalrecht der Röm. pag. 857.

въ Римъ многоженство не только съ Римлянками, но и съ иноземками. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ трибунъ Гельвій Цинна. Но это показаніе не заслуживаетъ никакого довѣрія; оно возникло и образовалось въ головѣ у враговъ этого великаго мужа; они сами заговорили объ немъ и даже, быть можетъ, начертали предложеніе, чтобы повредить Цезарю въ общественномъ мнѣніи, навязавъ ему намѣреніе, совершенно противорѣчившее обычаямъ римскимъ¹. Не имѣя особаго названія и не подвергаясь особому наказанію, двоеженство, въ случаѣ появленія, наказывалось такъ же, какъ и двойные стоворы, безчестіемъ (*infamia*) у претора и выговоромъ (*nota*) у цензора. О большемъ наказаніи за бигамію рѣшительно ничего не говорится до Юліева узаконенія, въ которомъ оно подведено подъ категорію разврата, обозначавшагося у Римлянъ словами *stuprum* и *adulterium*, съ тѣмъ различіемъ, что женившійся при жизни одной жены на другой, совершалъ *stuprum*, но не *adulterium*; вторая жена не имѣла правъ законной жены и признавалась наравнѣ какъ *pellex* или *concubina*, но считалась невинною. Жена же, при жизни мужа вступившая въ новый бракъ, совершала *adulterium* и наказывалась сообразно проступку — *pro admissi criminis qualitate* — или безчестіемъ (*infamia*) или какъ за *stuprum* и *adulterium*.

Кромѣ этихъ трехъ условій, безъ которыхъ, какъ выше упомянуто, рѣшительно невозможно было вступленіе въ бракъ, принимались въ соображеніе еще и другаго рода условія, именно:

1. Равенство внѣшнихъ отношеній. Это правило строго было наблюдаемо патриціями въ древнѣйшія времена римскаго государства: но впоследствии, отъ времени и обстоятельствъ, оно подверглось многимъ измѣненіямъ и обограниченіямъ. Для вступленія въ законный бракъ (*matrimonium iustum*, *iustae nuptiae*) непременнымъ условіемъ съ обѣихъ сторонъ было *connubium*, т. е. право заключать такого рода браки, по Сервію *ius legitimi matrimonii*, по Ульпіану (IV. 4) *iuris iure ducendae facultas*. *Connubium* составляло существенную принадлежность римскаго гражданина (*civis, civitas*); съ нимъ тѣсно были связаны, по римскому узаконенію, важнѣйшія гражданскія отношенія. Въ старыя годы римскаго государства этимъ правомъ пользовались только граждане одинаковаго сословія, напр. патриціи съ патриціями, плебеи съ плебеями. Бракъ патриція съ плебеяпкою, и на оборотъ, считался недействительнымъ. Законъ прямо говорилъ: *ne patricius cum plebeio connubium esset*. По мнѣнію ученыхъ, это узаконеніе было долго обы-

¹ Диг. 1, 101.

чаемъ, по децемвиры, чтобы навсегда уничтожить возможность соединенія обонхъ сословій, сдѣлали обычай закономъ, привычку обратили въ непремѣнное обязательство. Таковое положеніе дѣлъ было до Канулеева закона (*lex Canuleia*) въ 445 г. до Р. Х., по которому *connubium* дозволено между патриціями и плебеями, и на оборотъ. Съ этого-то времени для *connubium* требовалось уже не равенство сословія, а право гражданства. Разумѣется, плебеи достигли этого не безъ усилія и не безъ борьбы; патриціи смотрѣли на это, какъ на оскверненіе своей крови, оскорбленіе своихъ правъ, какъ на дѣло, которое произведетъ безнорядки въ обществѣ, уничтожить всякое различіе между лицами, будетъ имѣть такія же послѣдствія, какъ случка животныхъ: дѣти, твердили они; рожденные отъ подобнаго брака, не будутъ знать, къ какой фамиліи, къ какой религіи принадлежать они,—полуплебеи, полупатриціи, что-то несомвѣстное, странное и пр.¹ Зналъ характеръ и стремленія патриціевъ, легко угадать, что они и послѣ Канулеева закона неохотно вступали въ бракъ съ плебеями, и долго еще, въ случаѣ подобныхъ браковъ, смотрѣли на нихъ, какъ на униженіе своего сословія. Такъ мы въ правѣ заключить изъ слѣдующаго расказа у Ливія. «Въ 296 г. до Р. Х. было въ Римѣ много чудесъ: для умилостивленія боговъ и для отвращенія несчастій (*averguncandorum*), говоритъ Ливій, сенатъ опредѣлилъ двухдневное молебствіе (*supplicatio*). Государствомъ отпущено было для этого случая вино и еиміамъ; на молебствіи сошлось много мушницъ и женщинъ, и оно сдѣлалось замѣчательнымъ по спору между замужними Римлянками въ капеллѣ богини Патриціанскаго Цѣломудрія. Римскія матроны не допустили къ участию въ святомъ дѣлѣ Виргинію, дочь патриціа Авла, вышедшую замужъ за плебея Волумнія; онѣ раздражены были на нее за неравенство брака. Отсюда возникла небольшая ссора, которая, при женской раздражительности, развилась въ сильный споръ. Виргинія утверждала, что она вошла въ храмъ Цѣломудрія, какъ природная патриціанка, какъ женщина неукоризненнаго поведенія, какъ состоящая въ замужствѣ только за первымъ мужемъ, какъ супруга знаменитаго гражданина, котораго услуги отечеству, достоинство и имя не только не заставляютъ ее краснѣть за выборъ, но служатъ ей украшеніемъ. Отличный поступокъ она увѣнчала отличными словами: она отдѣлила часть своего дома и устроила въ ней скромную капеллу; поставила въ ней жертвенникъ, созвала замужнихъ плебеенокъ и, расказавъ имъ обиду, нанесенную ей патриціанками, сказала: этотъ жертвенникъ по-

¹ Liv. IV, 1, 2.

свящаю Плебейскому Цѣломудрію и желаю, чтобы въ этомъ городѣ было такое же соревнованіе къ цѣломудрію между матронами, какое увлекаетъ мужей къ доблести. Заботьтесь о томъ, молю васъ, чтобы говорили, что этотъ жертвенникъ чтится святѣе и цѣломудреннѣе, чѣмъ тотъ (т. е. патриціанскій).¹» Въ этомъ рассказѣ замѣчательно для насъ одно обстоятельство — неудовольствіе патриціанокъ на патриціанку же за неравенство въ бракѣ, за рѣшимость выйти за плебея. Видно, что не смотря почти на полтора ста лѣтъ, которыя протекли со времени принятія Канулеева закона, даровавшаго *connubium* между патриціями и плебеями, все таки патриціи неохотно прощали патриціанкѣ ея рѣшимость — выходя за мужъ за плебея, унижать свое происхожденіе. Разумѣется время, примиряющее закоренѣлую вражду, примирило впоследствии и патриціевъ съ плебеями. Разность происхожденія и сословія перестала быть неодолимою преградой къ законному браку. Если и требовалось равенство внѣшнихъ отношеній, то не вмѣнялось въ непремѣнную и неизбежную обязанность, а рассматривалось больше какъ приличіе. Женитьба римскаго сенатора на простой плебеянкѣ по праву была совершенно законною, все равно, какъ еслибы тотъ же сенаторъ женился на дѣвицѣ сенаторскаго происхожденія.

Равнымъ образомъ запрещались обычаемъ браки неравные по званію, напр. бракъ свободнаго съ вольноотпущенною и на оборотъ; даже бракъ съ дочерью вольноотпущеннаго считался неприличнымъ, и потому Цицеронъ упрекаетъ Антонія за бракъ съ дочерью вольноотпущеннаго Фадія². Противъ подобныхъ браковъ ничего не было опредѣлено въ законахъ: тутъ одинъ обычай находилъ неприличіе. Только въ позднѣйшія времена республики по закону Августа (*Julia Pars*) запрещались они сенаторамъ и ихъ дѣтямъ; остальнымъ же гражданамъ дозволялось вступать въ бракъ съ вольноотпущенными безъ всякаго нареканія. Наконецъ запрещалось гражданамъ жениться на женщинахъ зазорнаго поведенія. — Бракъ между римскими гражданами и негражданами, хотя и допускался, но не считался законнымъ (*justum*). Само собою разумѣется, этотъ обычай терялъ свою силу и значеніе для тѣхъ городовъ и государствъ, которые получали отъ Римлянъ право гражданства, а съ нимъ и право законнаго брака (*connubium*) съ римскими гражданами.

2. Родственные отношенія. Римляне держались правила, общаго

¹ Liv. X, 23.

² Cic. Phil. II, 2, 36. III, 6. Att. XIV, 2, 11.

всѣмъ почти благоустроеннымъ государствамъ, по которому семья должна брать элементы новой семьи изъ чужой семьи. Поэтому римскими обычаями и законами запрещались браки между родителями и ихъ дѣтьми, между опекуномъ, мачихою и сведеными дѣтьми, между тестемъ и тещею, свекромъ и свекровью. Родство по усыновленію бралось въ этомъ случаѣ также въ расчетъ. Подобные браки, если они случались, считались кровосмѣшеніемъ (*incestus*). Бракъ не допускался, и равнымъ образомъ считался кровосмѣшеніемъ, между сестрами и братьями, сведеными сестрами и братьями, даже между братьями по усыновленію, если усыновленіе не было отмѣнено до брака¹. Долго не позволялись браки между сестрами и братьями даже до четвертаго колѣна. Такъ было до позднѣйшаго времени республики, когда подобные браки стали допускаться. При древнихъ римскихъ царяхъ нисколько не считались они неприличными². Ничего положительнаго нельзя сказать, считался ли кровосмѣшеніемъ бракъ дяди съ племянницею, тетки съ племянникомъ. Известно, что императоръ Клавдій былъ женатъ на своей племянницѣ Агриппинѣ. Впрочемъ по рассказамъ у Светонія и Тацита³ объ этомъ происшествіи можно заключить, что подобнаго рода браки считались кровосмѣшеніемъ (*incesta*), и потому-то Клавдій потребовалъ, чтобы сенатъ особымъ декретомъ разрѣшилъ на будущее время браки съ племянницами.

Браки съ родственниками и родственницами сначала не допускались у Римлянъ по нравственному чувству, оскорблявшемуся подобнаго рода брачными союзами; они считались преступленіемъ противъ религіи и потому едва ли могли случаться у такого религіознаго народа, какимъ были Римляне въ древнія времена. Впрочемъ если бы случились, то могли быть наказываемы по древнему священному праву. По крайней мѣрѣ читаемъ у Квинтилиана⁴, что женщину, совершившую кровосмѣшеніе, должно низвергать съ Тарпейской скалы, равно какъ и мужчину. Слова Квинтилиана относятся къ древнейшему времени римской республики. Сверхъ того лица, совершившія подобный проступокъ, кромѣ наказанія (*roena*), обязывались совершать особаго рода очищенія и священные обряды⁵. При томъ же, въ древнѣйшія времена, сами отцы на домашнемъ судѣ (*judicium domesticum*) могли наказывать преступниковъ, уличенныхъ въ

¹ Gai. I, 60, 61

² Liv. I, 42. Dion. Hal. IV, 23.

³ Suet. Claud. 26. Tac. Ann. XII, 5 — 7.

⁴ Quint. Inst. VII, 8, 3, 5, 6.

⁵ Tac. Ann. XII, 8.

кровосмѣшеніи, а впоследствии цензора, какъ блюстители народной нравственности. Положительныхъ же государственныхъ законовъ противъ кровосмѣшенія не было у Римлянъ до позднѣйшаго времени, именно до Юліева закона. Этотъ-то законъ, вызванный необходимою и временемъ, первый назначилъ положительныя наказанія за кровосмѣшеніе, хотя и не обнялъ преступленія въ полномъ объемъ. Онъ служилъ основаніемъ, на которомъ созидались всѣ опредѣленія императоровъ позднѣйшаго времени по этому предмету и толкованія юристовъ на нихъ. За преступленіе назначались разнаго рода наказанія, болѣе или менѣе строгія, даже смерть при дѣтяхъ Константина, сожженіе и конфискація при Феодосіи, при Юстиніанѣ ссылка, отставка отъ должности, потеря имущества и тѣлесное наказаніе, если виновникъ былъ низкое лицо — *vilis persona*¹. При всемъ томъ самая строгость закона не останавливала зла, которое шло въ уровень съ упадкомъ религіи и нравственности. Разумѣется, многія, если не большая часть подобныхъ преступленій, укрывались отъ преслѣдованія закона, хотя и были гласны, какъ напримѣръ преступная связь извѣстнаго Катилины съ дочерью, сестрами², какъ связь не менѣе извѣстнаго Клодія съ своими сестрами³.

У Римлянъ, какъ и у Грековъ, браку предшествовала помолвка, сговоры (*sponsalia*), съ тою только разницею, что у Грековъ сговоры (*ἐγγυήσις*) имѣли торжественный характеръ и юридическое значеніе, такъ что безъ нихъ бракъ не могъ имѣть полной и законной силы, хотя мы и не знаемъ, въ чемъ собственно заключались они. У Римлянъ сговоры не составляли существенной части брака; они не обязывали ни той, ни другой стороны, даже и въ такомъ случаѣ, когда статьи брачнаго договора (*tabulae nuptiales, matrimoniales, dotales*) были выражены ясными и опредѣленными словами, или даже письменно, и запечатлѣны присутствовавшими лицами, какъ свидѣтелями. Обѣ стороны могли отказаться отъ сдѣланнаго условія, и этимъ ничуть не навлекали на себя ответственности передъ судомъ. Недовольная сторона раздражалась только гнѣвомъ, бранью и проклятіями, какъ Эвклионъ въ Плавтовой комедіи *Aulularia*. Выслушавши вѣсть о расторженіи свадебнаго условія, онъ призвалъ на виновника проклятіе боговъ: да погубятъ всѣ боги и богини, сколько ихъ есть, того, для кого сего-

¹ *Rein Criminalr. der Röm.* 869 sqq.

² *Plut. Cic. X, 2. Ascen. in tog. cand. Orell. pag. 93.*

³ *Drum. II, 369, 381, 382. Cl. Tac. Ann. XIV, 2.*

дня я несчастный растратилъ столько денегъ ¹. Притворъ расторженія брачныхъ условій можно найти достаточно. Такъ, меньшей Катонъ женился на Лепиде, сговоренной прежде за Сципіона Метелла, но оставшейся въ дѣвицахъ по расторженіи имъ брачнаго условія ². Юлій Цезарь изъ политическихъ расчетовъ выдалъ за Помпея дочь свою Юлію, помолвленную уже за Сервилія Цепіона ³; Октавіанъ сговоренъ былъ сначала съ дочерью Сервилія Исаврійскаго, но потомъ, изъ политическихъ видовъ, или, точнѣе, по требованію солдатъ, желавшихъ, чтобы Октавіанъ и Антоній не только примирились, но и соединились родственно, женился на несовершеннолѣтней (*vix nubilis*) падчерицѣ Антонія Клавдіи, съ которою, вслѣдствіе ссоры съ Фульвіею, тоже развелся ⁴. Расторженіе брачныхъ условій, такъ же, какъ и расторженіе самаго брака, называлось *repudium*, — *repuntiare*, *remittere repudium* ⁵. Впрочемъ, такъ какъ расторженіе условій всегда было слѣдствіемъ какихъ нибудь причинъ, то, хотя оно и не вело никакихъ судебныхъ послѣдствій, все же не оставалось безъ нѣкотораго нареканія, безъ толковъ. Если же прежде расторженія брачныхъ условій заключались другія брачныя условія, то это считалось безславіемъ (*infamia*), а невѣрность невѣсты признавалась за *adulterium*.

Такъ было въ Римѣ. Въ Лаціумъ же, по мѣстному праву, сговоры имѣли юридическое значеніе и расторженіе брачныхъ условій не оставалось безъ наказанія. Судьи разбирали дѣло, и виновную сторону, расторгнувшую условія безъ основательныхъ причинъ, — *si nihil iustae causae videbatur* — присуждали къ уплатѣ извѣстной суммы. Такое установленіе наблюдалось только до полученія жителями всего Лаціума гражданства по Юліеву закону, т. е. до 90 г. до Р. Хр.

Хотя сговоры не считались у Римлянъ существенно нужными для вступленія въ бракъ, такъ что и безъ нихъ браки могли состояться: однако все-таки, по свойству самаго дѣла — брака — и по характеру его у Римлянъ, ни въ какомъ случаѣ не могло обойтись безъ предварительныхъ переговоровъ и условій со стороны жениха съ отцомъ невѣсты, или, если его не было въ живыхъ, съ братомъ, опекуномъ и пр. До брака нужно было узнать, согласится ли на бракъ сторона невѣсты и сама невѣста. Законъ, хотя подчинялъ у Римлянъ дѣтей безграничной власти отца, однако въ дѣлѣ брака не отнималъ у дочери

¹ Plaut. Aul. IV, 10, 53 sqq.

² Plut. Cat. M. 7.

³ Plut. Caes. 14.

⁴ Suet. Oct. 62.

⁵ Terent. Phorm. IV, 3, 72.

права выразить свое мнѣніе согласіемъ или несогласіемъ съ волею и желаніемъ отца. Кроме того нужно было уяснить предварительно многіе предметы касательно брака, какъ-то о приданомъ и пр. Такого рода совѣщанія — *primus sermo de nuptiis* — могли состояться просто, безъ всякихъ торжественностей и церемоній. Для нихъ не требовалось даже присутствія и личнаго свиданія тѣхъ лицъ, которыя взялись устроить и покончить сговоры; ихъ можно было совершить письмомъ, или черезъ посредника¹.

Такіе сговоры, или, точнѣе, переговоры — *primus sermo de nuptiis* — предшествовали настоящимъ сговорамъ и вели къ нимъ, если только брачныя стороны не считали достаточными уже этихъ первыхъ условій о бракѣ. Настоящіе сговоры назывались *sponsalia*, отъ употреблявшейся при этомъ случаѣ формы условій: *spondes ne? spondeo*, т. е. женихова сторона спрашивала у отца невесты, или у брата, опекуна, если отца не было: *spondes ne?* даешь ли обѣщаніе выдать дочь, сестру и пр., а тотъ, въ случаѣ согласія, отвѣчалъ: *spondeo* — обѣщаю. Оттого сговоренные назывались: *sponsa* (обѣщанная) невеста, *sponsus* женихъ. Если прежде настоящихъ сговоровъ ничего не было сказано объ условіяхъ брака, то теперь условливались о количествѣ приданого, о времени уплаты и выдачи его и о другихъ предметахъ, и это называлось *conventa conditio*, *conventum*². До какой степени просто и безъ всякихъ обрядовъ совершались иногда сговоры у Римлянъ, видно изъ Плавта, у котораго въ комедіи *Aulularia* описывается, какъ Мегадоръ проситъ у скупца Эвклиона руку его дочери. Приводимъ эту любопытную сцену.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и подозрительныхъ отвѣтовъ скупца, Мегадоръ прямо обращается къ дѣлу:

Мегадоръ. Скажи, Эвклионъ, изъ какого, по твоему, происхожу я рода?

Эвклионъ. Изъ хорошаго.

Мегадоръ. Что скажешь о моей честности?

Эвклионъ. Она хороша.

Мегадоръ. О моихъ поступкахъ?

Эвклионъ. Хороши и безупречны.

Мегадоръ. Знаешь ли мои лѣта?

Эвклионъ. Да, они значительны, какъ и твое состояніе.

Мегадоръ. Правду сказать, и тебя всегда я считалъ, и теперь считаю, человекомъ порядочнымъ и не лукавымъ.

¹ Dig. XXIII, 1, 18.

² Juv. VI, 25.

Экклионъ (въ сторону). Деньги онъ чуетъ. (*Къ Мегадору:*) Ну, что же тебѣ нужно?

Мегадоръ. Такъ какъ ты знаешь меня, а я тебя, то — да будетъ счастливо мое желаніе и для меня, и для тебя, и для твоей дочери — я прошу руки твоей дочери. Общай согласиться.

Экклионъ. Ну, Мегадоръ, неприличное твоимъ поступкамъ дѣло ты затѣваешь; ты смѣешься надо мною бѣднымъ и невиннымъ; ни словомъ, ни дѣломъ не заслужилъ я, чтобы ты поступалъ со мною, какъ теперь поступаешь.

Мегадоръ. Клянусь тебѣ, не смѣяться я пришелъ надъ тобою, и не смѣюсь, да считаю и неприличнымъ.

Экклионъ. Зачѣмъ же ты хочешь жениться на моей дочери?

Мегадоръ. А за тѣмъ, чтобы тебѣ было лучше изъ-за меня, а мнѣ изъ-за тебя и твоихъ.

Экклионъ. Приходитъ мнѣ на мысль, Мегадоръ, вотъ что: ты человекъ богатый, въ связяхъ, а же бѣднѣйшій бѣднякъ. Такъ вотъ, если выдамъ за тебя мою дочь, приходитъ мнѣ въ голову сравнить тебя съ воломъ, а себя съ осломъ: когда я сопрягусь съ тобою, и когда не буду въ состояніи нести бремени наравнѣ съ твоимъ, тогда я, осель, буду лежать въ грязи, а ты, быкъ, не обратишь на меня никакого вниманія, хоть я тебѣ и родня. И у тебя не встрѣчу я привѣта, и мое сословіе будетъ издѣваться надо мной; нигдѣ не найду я постоянного стойла, если случится разладъ: ослы загрызутъ меня зубами, а быки забодаютъ рогами. Такова-то опасность переходить отъ ословъ къ быкамъ.

Мегадоръ. Чѣмъ тѣснѣе породнишься ты съ честными людьми, тѣмъ лучше для тебя. Прими мое предложеніе, послушайся меня, просватай за меня свою дочь.

Экклионъ. Но у меня нечего дать ей въ приданое.

Мегадоръ. Не давай. Для меня достаточно приданого, если она благонравная дѣвушка.

Экклионъ. Я къ тому говорю, чтобы ты не подумалъ, будто я кладъ какой отыскалъ.

Мегадоръ. Знаю, не говори. Просватай.

Экклионъ. Ну, такъ и быть.

Мегадоръ. Такъ ты согласенъ? Ты отдаешь за меня свою дочку?

Экклионъ. На твоихъ условіяхъ и съ тѣмъ приданнымъ, какъ сказалъ.

Мегадоръ. Такъ ты согласенъ (*sponden'ergo*)?

Экклионъ. Согласенъ (*spondeo*).

Мегадоръ. Да будетъ благословеніе боговъ.

Эклионъ. Да будетъ. Только помни: дочь моя не приноситъ ни сколько приданого.

Мегадоръ. Помню.

Эклионъ. Да, знаю, какъ вы умѣете путать; для васъ условіе не условіе, и на оборотъ, не-условіе условіе, какъ вамъ вздумается.

Мегадоръ. Мы не станемъ спорить съ тобою. Что же мѣшаетъ сыграть свадьбу и сегодня?

Эклионъ. По чести, ничто.

Мегадоръ. Ну, такъ я иду и приготовлю. Прощай¹.

На сговорахъ невеста получала нерѣдко отъ жениха обручальное кольцо (*annulus pronubus*) въ залогъ (*ignus*) вѣрности и взаимной любви. Иногда кольцо присылалось женихомъ. Плиній говоритъ, что въ его время употреблялись желѣзные обручальныя кольца безъ всякихъ украшеній. Конечно, не всѣ довольствовались желѣзными; часто употребляли и золотыя, вошедшія почти въ общее употребленіе между Римлянами еще прежде Плинія². Обручальное кольцо надѣвали на лѣвый безымянный палецъ (*in manu sinistra minimo proximus*), на которомъ обыкновенно носили кольцо Греки и Римляне. Причину, отчего именно на этотъ палецъ, а не на другой надѣвали кольцо, Геллій старается объяснить слѣдующимъ образомъ: «при разсѣченіи и вскрытіи труповъ, говоритъ онъ, нашли, что одинъ тончайшій нервъ проходитъ отъ этого пальца къ сердцу, и потому-то умѣстнымъ нашли удостоить подобной чести тотъ по преимуществу палецъ, который какъ бы связывается съ сердцемъ³». Со стороны невесты женихъ получалъ тоже какой нибудь подарокъ⁴. Въ позднѣйшія времена давались въ этомъ случаѣ дорогіе предметы, какъ залогъ, котораго лишалась отказавшаяся сторона⁵.

Просватанная невеста носила у Римлянъ разныя названія, какъ-то: *sperata*, *раста*, *sponsa*, *destinata* (суженая), а женихъ *sponsus*, въ древнія времена *procus*. Разнились ли эти названія чѣмъ нибудь по своему значенію, трудно сказать, хотя нѣкоторые и стремятся доказать, что каждое изъ названій имѣло особое значеніе, смотря по формѣ брака. По всему вѣроятію, эти названія столько же отличались одно отъ другаго, какъ и у насъ суженая и невеста: они отгѣняютъ одну и ту же

¹ Plut. Aul. II, 2, 35 sqq. Срав. еще Trinum. II, 4, 98. V, 2, 53 sqq. Poen. V, 3, 36.

² Plin. N. H. XXXIII, 1, 4.

³ Gell. X, 10, 2. Macrobi. VII, 13.

⁴ Dion. III, 21.

⁵ Capitolin. Max. jun. 1. Isidor. IX, 6.

мысль, одно и то же дѣйствіе, выражая разносторонній взглядъ народа на одно и то же житейское дѣло.

Бракъ совершался не всегда тотчасъ же послѣ сговоровъ; день свадьбы совершенно не зависѣлъ отъ времени сговоровъ; свадьба могла быть раньше и позже, и сговоры никогда не обязывали немедленно вступить въ бракъ съ невестою. Первый Августъ ограничилъ произволъ и предписалъ откладывать бракъ послѣ сговоровъ не далѣе двухъ лѣтъ.

У Римлянъ было обыкновеніе, выдавая за мужъ дочерей, давать за ними и приданое (*dos*). На приданое Римляне смотрѣли не только какъ на средство облегчить содержаніе семьи, обезпечить и успокоить ее въ будущемъ, но и какъ на средство способствовать распространенію браковъ. Приданое у Римлянъ составляло принадлежность всѣхъ формъ римскаго брака; оно было какъ бы отличительнымъ свойствомъ законнаго брака; оно было дѣломъ чести не только для отца невесты, но даже для ея брата, который почелъ бы безславіемъ для себя выдать сестру безъ приданаго. Такъ можно думать, основываясь на словахъ Плавта, у котораго Лесбоникъ, не смотря на бѣдность, все-таки хлопочетъ о томъ, чтобы выдать сестру съ приданнымъ. «Ты хочешь, — говоритъ онъ, обращаясь къ жениху, — жениться на моей сестрѣ, совѣтуешь мнѣ отдать ее безъ приданаго. Нѣтъ, это не годится. Я бѣденъ, но безчестнымъ быть не хочу. Не хочу, чтобы стали толковать обо мнѣ, что я мою родную сестру отдалъ безъ приданаго, какъ бы въ наложницы, а не въ супруги. Думаешь, не скажутъ, что нѣтъ безчестнѣе меня? Возьми ты ее безъ приданаго, молва тотчасъ протрубитъ тебѣ почетъ, а меня смѣшаетъ съ грязью (*conlutulet*); ты останешься въ выигрышѣ, а я наживу упреки¹.» — Невозможность дать приданое считалась въ нѣкоторой степени семейнымъ несчастіемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ правѣ мы заключить изъ словъ Цицерона въ рѣчи за Квинція, гдѣ наравнѣ съ потерей отличнаго помѣстья ставится и невозможность составить приданое взрослой дочери². Даванію приданаго нисколько не перечило государство; оно еще благопріятствовало ему, ободряло и поощряло его. Законъ Юліевъ вмѣнялъ даже нѣкоторымъ образомъ въ обязанность отцу давать приданое за дочью, на томъ основаніи, что онъ самъ, женившись, получилъ приданое. — Кромѣ отца законы обязывали къ дачѣ приданаго дядю съ отцовой стороны, мать, даже брата. Не запрещалось у Римлянъ, — что не-

¹ Plaut. Trin. III, 2, 55 sqq.

² Cic. p. Quint. XXXI, 98.

рѣдко случалось — получать невѣсть приданое отъ другихъ родственниковъ, либо отъ лицъ, которыя не были обязаны къ дачѣ его. Само даже государство нерѣдко брало на себя эту обязанность, въ лицѣ дѣтей желая почтить память отцовъ: оно выдавало приданое изъ государственныхъ денегъ дочерямъ знаменитыхъ своими заслугами на пользу отечества гражданъ. Эту благородную черту древнихъ Римлянъ встрѣчаемъ въ примѣрахъ надъ дочерьми Сципіона, Фабриція и Курія, которыя выданы были за-мужь съ приданнымъ на общественный счетъ¹. «По истягъ (говорить Сенека) справедливость требовала, чтобы народъ римскій одинъ разъ заплатилъ дань Сципіону, освободившему его навсегда отъ Карфагена. Счастливы тѣ мужья, которымъ народъ римскій былъ вмѣсто тестя².»

Отсюда уже очевидно, что приданое у Римлянъ не было изобрѣтеніемъ, или прихотью позднѣйшаго времени: оно, какъ извѣстно заподлинно, давалось съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Уже у Плавта дочь безприданница составляла бремя для родителей и не разъ заставляла ихъ призадумываться и горевать объ ея участи. «О чемъ ты говоришь самъ съ собою? — спрашиваетъ Мегадоръ у Эвкліона. — Да жалуюсь на свою бѣдность, — отвѣчаетъ скряга Эвкліонъ; — у меня дочь уже взрослая, да безприданница; никто не женится на ней «(illocabilis)³.» — Количество приданого не опредѣлялось закономъ. Въ древнія времена римской республики приданое не могло быть велико по бѣдности Рима; впоследствии, по мѣрѣ увеличившагося богатства и вышшняго благосостоянія Римлянъ, увеличилось и приданое. Приданое, данное дочери Сципіона, простиралось до 11,000 ассовъ, а Мегуллія, названная богатою невѣстою (dotata), имѣла за собою 50,000 ассовъ⁴. Впоследствии, миллионъ сестерцій т. е. два съ половиною милліона ассовъ (болѣе 50,000 руб. сер.), былъ едва ли не обычнымъ приданнымъ; по крайней мѣрѣ эта сумма нѣсколько разъ встрѣчается у писателей позднѣйшаго времени. У Марціала въ одной эпиграммѣ читаемъ: «Отчего это Салейянъ слишкомъ печаленъ? Похоронилъ, говорятъ, жену. О тяжкій случай! О великое преступленіе судьбы! Такъ умерла та богатая Секундилла, что принесла тебѣ въ приданое миллионъ сестерцій. Не желалъ бы я, чтобы это случилось съ тобою⁵.» Даже получали несравненно болѣе, какъ видно тоже изъ Марціала, у котораго

¹ Val. Max. IV, 4, 10. Apul. de Miv. XVIII, 135.

² Sen. Cons. ad Helv. XII, 5.

³ Plaut. Aul. II, 2, 13.

⁴ Val. Max. IV, 4, 10.

⁵ Mart. II, 65. X, 23. Juv. X, 335. II, 117. VI, 137.

въ эмиграммъ Петъ говорить другому лицу: «Не стыдно ли тебѣ оплакивать смерть дворовой (*vernulae*); я похоронилъ супругу, и однакожь живу, супругу извѣстную, гордую, благородную, богатую. И подлинно, что можетъ быть мужественнѣе нашего Пета? Получилъ двадцать милліоновъ въ приданое, и однакожь остается живъ ¹.»

Но взявши жену съ приданнымъ, не разъ, быть можетъ, приходилось мужу повторить вмѣствъ съ однимъ лицомъ въ комедіи у Плавта: я взялъ деньги, да власть продалъ за приданое—*argentum accepi, dote impregium vendidi* ². Неопровержимая истина, что богатая жена управляетъ мужемъ — *dotata regit virum conjunx* ³, — и для Римлянъ не была новостію. Уже комикъ Невій сказалъ: не желаю, чтобы жена моя принесла мнѣ приданое. Турпилій, тоже комикъ, издѣвался надъ мужьями, которые дѣлаются горничными (*ancillantur*) своихъ богатыхъ женъ. У Плавта встрѣчаемъ слѣдующее: «Только жена безприданница во власти у мужа, принесшія приданое мучать и терзаютъ мужей ⁴. Если бы всѣ богатые женились на дочеряхъ бѣдняковъ безъ приданого, то и государство было бы спокойнѣе, и меньше было бы ненависти, чѣмъ теперь, и жены болѣе боялись бы дурнаго, чѣмъ теперь, и мы менѣе бы тратили, нравы были бы лучше, нежели теперь, когда жены вмѣсто нравовъ приносятъ приданое; тогда ни одна не сказала бы: я принесла тебѣ приданого больше, чѣмъ твое состояніе, — такъ нужно мнѣ имѣть и пурпуръ, и золото, и служанокъ, и муловъ, и лакеевъ, и людей для разсылки, и экипажи для вѣды. Этого еще мало, — а дома ждуть тебя и продавецъ суконъ, золотошвей, золотарь, ткачъ, всякаго рода купцы, ремесленники, швен, башмапники и пр., которыхъ нужно удовлетворить ⁵.» Позднѣйшіе писатели тоже видѣли владычество этой истины надъ своими современниками, и потому Ювеналь говоритъ: «Ничего нѣтъ несноснѣе, какъ богатая жена. Богатая жена покупаетъ себѣ за приданое совершенную свободу говорить и дѣйствовать, какъ ей вздумается, не стѣсняясь присутствіемъ мужа, который какъ бы не существуетъ для нея.» Вотъ такихъ-то женъ Ювеналь удачно назвалъ вдовами ⁶. Очевидно, что и въ древнемъ мірѣ бѣдные мужья часто состояли подъ башмакомъ у своихъ богатыхъ женъ, говоря языкомъ нашего времени, или дѣлались женами своихъ женъ, говоря языкомъ

¹ Mart. V, 37, 20.

² Plaut. Asin. I, 1, 72.

³ Hor. Od. III, 24, 19.

⁴ Plaut. Aul. IV, 5, 60.

⁵ Plaut. Aul. III, 5, in.

⁶ Juv. VI, 136—141, 460.

древнихъ. «Спрашиваешь (говорить Марціалъ), отчего не хочу жениться на богатой? Оттого, что не хочу выйти за мужъ за мою жену. По моему жена должна быть ниже своего мужа; иначе не будетъ между ними равенства.»

Подъ именемъ приданого (*dos*) разумѣли Римляне, какъ и мы, все то, что дается за невѣстою, не только деньги, но все движимое и недвижимое имущество. Приданое у Римлянъ было двоякаго рода: *dos profectitia* и *adventitia*. Подъ первымъ разумѣли приданое, доставшееся невѣсть прямо отъ отца; подъ вторымъ, доставшееся отъ другихъ лицъ, или принадлежавшее самой невѣсть. Этимъ же именемъ называлось и то приданое, которое выдавалось бѣднымъ дѣвцамъ изъ государственнаго казначейства въ память заслугъ, оказанныхъ отечеству ихъ отцами. Выговоренное и условленное приданое непременно выдавалось въ продолженіи года, исключая денегъ, которыя выплачивались въ три года за три срока ¹.

Было еще у Римлянъ приданое, называвшееся *dos recerptitia*: такъ называли ту часть изъ приданого, принесеннаго женою мужу, которую жена удерживала для себя, и которая оставалась совершенно въ ея распоряженіи, отдѣльно и независимо отъ вліянія мужа. Это-то приданое особенно много способствовало къ тому, что Римлянки приобрѣли со временемъ сильное вліяніе и власть надъ своими супругами, которые, разорившись отъ разныхъ причинъ, частію отъ расточительности и роскоши своихъ женъ, частію отъ собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ и происковъ, принуждены были прибѣгать къ займу у своихъ же женъ изъ приданого *recerptitia*, чѣмъ и ставили себя въ совершенную зависимость отъ женской половины. Это именно особенно раздражало стараго Катона, который говоритъ, что жены, разсердившись на мужей, не даютъ имъ покою своими требованіями касательно отдачи занятыхъ денегъ. Онъ находили себя вѣрныхъ и усердныхъ помощниковъ въ собственныхъ своихъ рабахъ, которые тоже назывались *recerptitii*. Ихъ жены посылали къ своимъ мужьямъ съ неотступными требованіями и преслѣдованіями ².

По римскимъ законамъ приданое жены составляло собственность мужа во все продолженіе супружества; онъ былъ полнымъ распорядителемъ и хозяиномъ его; онъ былъ *dominus dotis*, могъ пользоваться имъ, отчуждать его и вообще поступать съ нимъ, какъ слѣдуетъ владѣльцу; даже могъ искать по суду на женъ, если бы она взяла

¹ Polyb. XXXII, 13, 5.

² Gell. XVII, 6, 1.

тайно или утаила что-нибудь изъ приданого¹. Это неограниченное право мужа на приданое вполне соответствовало строгимъ бракамъ съ *manus*. Впоследствии, когда браки съ *manus* стали упадать, безъ сомнѣнiя и права мужа на приданое жены стали ограниченнѣе, такъ что на мужа начали мало по малу смотреть, какъ на управителя, на вѣрнаго хранителя приданого своей жены, и ему вмѣнялось въ обязанность радовать объ немъ, какъ о своей собственности, прилагать къ нему все вниманiе и старательность². Какъ управитель, мужъ обязывался къ отчету, особенно же при наступленiи развода. Причиненный имъ убытокъ, ущербъ или поврежденiе падали на его ответственность; вознагражденiе и исправленiе производилъ мужъ на собственный счетъ. Законъ Юлиевъ отнялъ у мужа право продавать приданое жены безъ ея воли и согласiя, и вовсе запретилъ закладывать его, даже съ согласiя жены. Такое ограниченiе очевидно сдѣлано въ пользу женщинъ, которыя, при частыхъ разводахъ и при усилившейся роскоши, оставались не рѣдко въ обществѣ безъ всякаго состоянiя, съ несбыточною надеждою дожиться когда-нибудь до полученiя долга съ раззорившагося мужа, выйти изъ вдовьяго состоянiя и снова вступить въ бракъ, что безъ сомнѣнiя имѣлъ въ виду и законъ, когда скавалъ: государству полезно, чтобы женщины сохраняли въ цѣлости свое приданое, при посредствѣ котораго онѣ могутъ выходить за мужъ³.

По смерти мужа приданое переходило въ руки жены все сполна. Если же оно не могло быть возвращено все сполна, то пополнялось изъ имѣнiя покойнаго мужа, какъ случилось съ Цициномъ, который, по словамъ Полибiя, хотя больше всѣхъ своихъ современниковъ доставилъ въ римскую казну изъ испанскихъ добычь, хотя въ Македонiи имѣлъ въ своихъ рукахъ (*κύριος υνθύμενος*) величайшiя сокровища и самую полную власть надъ ними, однако оставилъ послѣ себя столько состоянiя, что за продажею утвари, не могла совершиться уплата приданого жены, и потому нужно было продать нѣкоторыя его помѣстья⁴. Судьба приданого послѣ смерти жены была у Римлянъ не одинакова въ разное время. Въ древнѣйшiя времена, со смертiю жены, мужъ дѣлался полнымъ владѣтелемъ приданого покойницы⁵. Этотъ обычай потерялъ силу къ концу республиканскаго правленiя, когда узаконено было, чтобы приданое, выданное дочери отцемъ, возвращалось къ нему по смерти ея;

¹ Dig. XXV, 2, 24.

² Reffn., Civilr. 198.

³ Dig. XXIII, 3, 2.

⁴ Pol. XXXII, 8, 3.

⁵ Schol. ad Pers. II, 14.

вдовецъ же имѣлъ право удержатъ изъ всего приданаго по одной пятой части на каждое дитя ¹. Если же отца не было въ живыхъ, то приданое жены оставалось у мужа. Приданое *adventitia*, по смерти жены, оставалось тоже въ рукахъ мужа, исключая того случая, если, при дачь приданаго, было условлено, чтобы оно возвращено было дѣтямъ ². Если же жена, при смерти мужа, была лицомъ самостоятельнымъ (*sui iuris*), то приданое переходило къ ея наследникамъ, т. е. къ дѣтямъ.

Въ случаѣ развода приданое подвергалось различной участи, судя по виновности лица, черезъ которое произошелъ разводъ, и по степени вины. Если причиною развода былъ мужъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, или разводъ возникъ отъ его каприза и своеволя, то приданое, полученное имъ за женою, выдавалось или тотчасъ же во всей полнотѣ, или въ продолженіи шестимѣсячнаго срока, смотря по степени поступковъ, причинившихъ разводъ, такъ что и для дѣтей онъ ничего не могъ оставить изъ женинаго приданаго, а обязанъ былъ самъ заботиться объ нихъ ³. Если же причиною развода была жена, то здѣсь принималась въ расчетъ степень виновности жены. Такъ напр. бракъ, расторгнутый вслѣдствіе легкомыслія, своеволя, или произвола жены, или по желанію женинаго отца, лишалъ жену части приданаго. Мужъ, въ этомъ случаѣ, имѣлъ право дѣлать вычетъ изъ него въ пользу прижитыхъ съ нею дѣтей, именно: вычиталась шестая часть для каждаго дитяти, и это называлось *retentio propter liberos*. Мужъ, впрочемъ, не могъ удержатъ болѣе трехъ шестыхъ, т. е. половины приданаго: иначе на него можно было жаловаться ⁴. Если бракъ былъ расторгнутъ вслѣдствіе дурнаго поведенія жены, то мужъ тоже имѣлъ право удерживать часть ея приданаго, что называлось *retentio propter mores*. Въ древнія времена, жена, причинившая разводъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, напр. употребленіемъ вина, безнравственною жизнію, теряла, вѣроятно, все приданое, или же большую часть его. Впослѣдствіи въ распоряженіяхъ относительно судьбы приданаго послѣ расторгненія брака по винѣ жены, сдѣланы нѣкоторыя смягченія. Кому слѣдуетъ приписать ихъ, неизвѣстно. Вѣроятно — Юліеву закону, о которомъ было уже упомянуто нѣсколько разъ. Въ силу этихъ измѣненій и смягченій, приданое жены не подвергалось уже такому вычету, какъ въ прежнія времена, и въ случаѣ только тяжкихъ пре-

¹ Ulp. fragm. VI, 4.

² Ulp. fragm. IV, 5.

³ Ulp. fragm. VI, 13. Cic. Top. 4. Boëth. ed. Orell. pag. 303.

⁴ Ulpian. fragm. VI, 10.

ступлений, напр. нарушенія супружеской вѣрности, удерживалась мужемъ шестая часть приданого; при расторженіи брака по причинѣ меньшихъ проступковъ удерживалась только осьмая¹.

Для дознанія, кто именно виноватъ въ расторженіи брака, мужъ или жена, равно какъ и для уясненія вопроса, имѣетъ ли право мужъ удерживать часть приданого (*retentio*), прибѣгали къ посредству судьи, т. е. къ претору, или къ консулу, которые и разбирали дѣло. Отсюда образовался мало по малу нравственный судъ (*judicium de moribus*), получившій законную силу, подъ предсѣдательствомъ претора, разбиравшаго дѣло. Этого суда не надобно смѣшивать съ семейнымъ (*judicium domesticum*), составлявшимъ особую черту въ характерѣ римскаго семейства. Время учрежденія нравственнаго суда неизвѣстно. Существовалъ онъ впрочемъ еще до Августа, а при немъ подвергнулся только нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ отрывка Катоновой рѣчи, сохранившейся у Авла Геллія², о приданомъ: тутъ говорится, что когда мужъ развелся, или разводится со своею женою, то судья, какъ цензоръ, чинитъ судъ надъ нею, т. е. входитъ въ разбирательство объ ея нравахъ и поведеніи, потому что такова должность цензора. Еще яснѣе указываетъ Квинтиліанъ на это важное учрежденіе; онъ даже приводитъ предметы, на которые обращалось вниманіе на судѣ и которые подлежали разбору. Отсюда мы узнаемъ, что здѣсь рѣшалось, по чьей винѣ произошелъ разводъ, и разбиралось дѣло о приданомъ, слѣдуетъ ли возвратить его женѣ, и когда возвратить³? Если жена признавалась по суду виновною, то, кажется, все ея приданое удерживалъ мужъ, — мѣра, которую смягчилъ законъ *Paria Porraea*. Нравственный судъ вовсе отмѣненъ былъ Юстиніаномъ.

Вѣра въ примѣты, въ дурное или доброе предзнаменованіе ихъ, проникавшая у Римлянъ какъ частную, такъ и общественную жизнь, не могла не коснуться такого важнаго дня въ жизни древняго, какъ и новаго человека, какимъ былъ день свадьбы. Зная, хоть по насльпкѣ, суевѣрную, не рѣдко дѣтски-наивную заботливость древнихъ Грековъ и Римлянъ избѣгать всего, что выражало или заключало дурную примѣту, или хотя намекало на нее, нисколько не будемъ удивляться, если увидимъ, что выборъ дня для свадьбы былъ важнымъ дѣломъ въ семейной жизни этихъ народовъ. Дни въ римскомъ календарѣ, дѣли-

¹ Rein 198. sqq.

² Gell. X, 23.

³ Quint. Inst. VII, 4, 11. 38.

лись на два отдыла: одни считались счастливыми и благопріятными для начатаго дѣла, другіе напротивъ предвѣщали несчастье, и потому одни были счастливые, бѣлые дни, другіе несчастные, черные. Примѣнительно къ бракамъ считались несчастными всѣ дни, извѣстные у Римлянъ подъ именемъ *religiosi dies*. Такъ назывались у нихъ тѣ дни, которые ознаменовались несчастными для Рима битвами и неудачными предпріятіями, равно какъ и тѣ, въ которые случилось какое нибудь зловѣщее, печальное явленіе (*tristi omine infames dies*). Сюда относится день, слѣдующій послѣ идъ¹; онъ считался несчастнымъ, какъ говорятъ, потому, что поражение при Алліи и Кремерѣ случилось въ іюльскія иды, или непосредственно послѣ нихъ. Децемвиры опредѣляли, чтобы слѣдующій день послѣ идъ во всѣхъ мѣсяцахъ признавался несчастнымъ². Равнымъ образомъ день, слѣдующій послѣ календъ и нонъ, признавался тоже неблагопріятнымъ (*ater*), потому что многіе сенаторы припомнили, что всякій разъ, какъ сановникъ народа римскаго предъ началомъ войны совершалъ святое дѣло на другой день послѣ календъ, нонъ и идъ, въ первомъ же сраженіи (*proximo praelio*) Римляне терпѣли поражение³. Оттого эти дни, называвшіеся *postriduanī*⁴, считались зловѣщими.

Изъ мѣсяцевъ весь май признавался неблагопріятнымъ для празднованія свадьбы⁵. Отыскать причину, отчего жениться въ маѣ считалось у Римлянъ дурною примѣтою, едва ли можно. Правда, Плутархъ силится рѣшить этотъ мудреный вопросъ, но предлагаетъ нѣсколько догадокъ, ничего впрочемъ не рѣшающихъ⁶. Благопріятною для браковъ считалась также вся первая половина іюня⁷.

Совершать свадьбу во дни нѣкоторыхъ праздниковъ тоже относили къ дурнымъ примѣтамъ. Къ такимъ праздникамъ принадлежали *parentalia* — поминки, годовой праздникъ въ память умершихъ родичей (*parentes*), начинавшійся молитвою и жертвоприношеніемъ Янусу и Юпитеру и оканчивавшійся пиромъ при могилѣ воспоминаемыхъ. Совершался онъ въ февралѣ, но въ какой именно день, не знаемъ. «Когда

¹ Календами называлось у Римлянъ первое число каждого мѣсяца; идами (*idus*) пятнадцатое число въ мартѣ, маѣ, іюлѣ и октябрѣ, въ остальныхъ же тринадцатое; девятый день передъ идами назывался ноки (*nonae*), слѣдовательно, седьмое число въ мартѣ, маѣ, іюлѣ и октябрѣ, пятое въ остальныхъ.

² Ovid. Fast. I, 55 sqq. Aelian. Var. II, 25.

³ Gell. V, 17. Plut. Quaest. R. 25.

⁴ Macrob. I, 15 fin.

⁵ Ovid. Fast. V, 490.

⁶ Plut. Q. N. 86.

⁷ Ovid. Fast. VI, sqq.

то (говоритъ Овидій) за безпрестанными войнами были забыты поминальные дни. Это не осталось безъ наказанія. Римъ, говорятъ, задымился (*incaluisse*) отъ похоронныхъ костровъ. Говорятъ, едва верится, въ мракъ ночи выходили изъ гробовъ, сѣтуя, предки, молчаливые и печальные; говорятъ, безликія (*deformes*) тѣни воздушною толпою (*vulgus inane*) поднимали жалобные крики (*ululasse*) по улицамъ города и по широкимъ полямъ. Это возвратило гробамъ забытыя почести (*praeteriti*), и насталъ конецъ чудесамъ и похоронамъ. А все-таки оставайтесь дѣвушки безбрачными въ дни поминокъ; жди, свадебная свѣточъ, чистыхъ дней; не расплетай, кривое копье (*hasta recurva*), дѣвичьихъ волосъ; спрячь, Гименей, твои свѣточа ¹ и пр.» Дни *patentis mundi* ², именно 24-го августа, 4-го или 5-го октября, 8-го или 11-го ноября тоже причислялись къ неблагопріятнымъ для совершенія свадьбы, потому что они признавались посвященными адскимъ божествамъ. По словамъ Варрона, приводимымъ у Макробія, когда открывается *mundus*, то какъ бы отворяется дверь богамъ мрачнымъ и подземнымъ, и потому грѣхъ (*religiosum est*) не только сражаться въ эти дни, но даже дѣлать наборъ войска, отправляться въ море, жениться и пр. ³. Въ числѣ неблагопріятныхъ для свадьбы праздниковъ признавался и праздникъ Саліевъ ⁴, жрецовъ Марса, въ мартѣ съ 1-го по 19-е, осо-

¹ Ovid. *Fast.* II, 546—560.

² *Patens mundus*. Подъ *mundus*, кромѣ собственнаго значенія, разумѣли Римляне еще и адъ — *mundus orci*, *Ditis*. Въ Римѣ на комиціумѣ была круглая яма, которую представляли входомъ въ адъ, и которая была вырыта, какъ говорятъ, еще при Ромулѣ. Яма постоянно въ продолженіи года была закрыта камнемъ, который назывался *lapis manalis*; только три раза въ годъ въ сказанные дни открывали ее. Эти дни были посвящены подземнымъ божествамъ и признавались черными днями. Римляне вѣрили, что въ продолженіи ихъ отворяются двери ада, и жильцы его выходятъ на свѣтъ, чтобы побывать между живущими на землѣ. Оттого-то Римляне остерегались начинать что либо важное въ эти дни, напр. набирать войско, выступать въ походъ, давать сраженіе, собирать народное собраніе, отправлять корабль въ море, заключать бракъ, праздновать свадьбу. Одна только настоятельная необходимость могла измѣнить обычай. Для умилостивленія гнѣвныхъ и раздражительныхъ подземныхъ боговъ приносили имъ въ тѣ дни жертвы, что дѣлалось и въ другіе черные дни.

³ *Macrob.* I, 16. pag. 279. *Bipont.*

⁴ *Salii* — жрецы Марса, учрежденные Нумою. Дѣлились они на два отдѣла, на Саліевъ Палатинскихъ, которые приносили жертвы на Палатинскомъ холмѣ, и Саліевъ Коллинскихъ (*Agonales*, *Collini*), которые приносили жертвы на Квиринальскомъ холмѣ подлѣ Коллинскихъ воротъ; первые назывались старшими, вторые младшими; учрежденіе вторыхъ приписываютъ Туллу Гостицію; число тѣхъ и другихъ было двадцать четыре, по двѣнадцать въ отдѣлѣ. Орденъ Саліевъ пережила республику; имена ихъ встрѣчаются при позднѣйшихъ императорахъ до Феодосія, изгнавшаго ихъ. При избраніи ихъ держались общаго правила для всего жреческаго сословія въ Римѣ, именно: они выбирались изъ стариковъ, прожив-

бенно же первые три дня марта, когда жрецы носили по городу Марсовъ щитъ (ancile), упавшій, по римскому преданію, съ неба. Праздникъ признавался неблагопріятнымъ для свадьбы потому именно, что сопровождался звукомъ оружія и военными танцами: *rugna*, по словамъ Овидія, *est aliena maritis, a arma movent rugnam*¹. Были и другіе праздники, въ продолженіе которыхъ считалось неблагопріятнымъ совершать свадьбу, какъ-то праздникъ Ларамъ 24-го декабря и пр. Календы, ноны и иды тоже причислялись къ днямъ, которыхъ не следовало избирать для свадьбы, не потому, что они были черные дни, а потому, что календы и иды были праздники (*feriati*). Ноны, правда, не считались праздниками, и потому сами по себѣ не заключали ничего неприличнаго и препятствующаго совершенію брака; но свадьба у Римлянъ праздновалась два дня; слѣдовательно, начатая въ ноны, она могла окончиться только на другой день нонъ, а мы знаемъ, что второй день послѣ нонъ, какъ и послѣ календъ и идъ, отмѣченъ былъ въ римскомъ календарѣ въ числѣ черныхъ дней. Поэтому и ноны причислены были къ неблагопріятнымъ для свадьбы днямъ².

Основываясь на словахъ Плутарха, можно заключить, что Римляне считали неприличнымъ совершать свадьбу во всѣ дни народныхъ праздниковъ. Но въ этихъ словахъ заключается извѣстіе, которое трудно объяснить: онъ говоритъ, что дѣвушкамъ неприлично (*ἔθος οὐκ ἔστι*) вступать въ бракъ въ праздничные дни, а вдовамъ можно. Откуда возникъ подобный обычай, и чѣмъ объяснить его? Плутархъ пред-

шихъ по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ; впоследствии стали выбирать и молодыхъ, только совершеннолѣтнихъ; выбирались люди благороднаго происхожденія, непорочной жизни, имѣвшіе тѣло безъ всякихъ недостатковъ и достаточное состояніе. Салии составляли особое братство, начальникомъ котораго былъ pontifex Salius. Салии носили пеструю, шитую тунику, опоясанную мѣднымъ поясомъ, тогу, на головѣ имѣли высокую остроконечную шляпу, а на боку мечъ; въ правой рукѣ копьѣ, мѣдную палочку, или что-нибудь подобное, а въ лѣвой или на шеѣ одинъ изъ щитовъ Марса. Праздникъ Салиевъ состоялъ въ торжественномъ ходѣ по городу, при чемъ жрецы пѣли священные гѣсны подъ звуки флейты и сопровождали ихъ военными танцами и звукомъ оружія, ударяемаго одно объ другое. Праздники начинались перваго марта: въ этотъ день верховный Понтифексъ вмѣстѣ съ салийскими дѣвцами приносилъ жертву Марсу въ своемъ жилищѣ, гдѣ хранились священные копыя и щиты. На второй день начинался торжественный ходъ по городу: Салии дѣлали обхожденіе кругомъ всякаго алтаря и храма, призывая въ молитвахъ мѣстное божество и принося ему жертву. Каждый день они окаячивали въ своихъ жилищахъ богатымъ и роскошнымъ ужиномъ, гдѣ и ночевали вмѣстѣ съ своими служителями и священными оружіями. Оружіе относилось въ свое мѣсто только въ послѣдній день праздника.

¹ Ovid. Fast. III, 7 393—397.

² Macrobi. I, 15, pag. 275, 276. ed. Bipon.

ставлеть нѣсколько вопросовъ и догадокъ. Обычай наблюдали, говорить онъ, быть можетъ потому, что дѣвица выходитъ за мужъ неохотно и съ печалью оставляетъ домъ отца и матери, а вдова съ радостію; въ праздники же не слѣдуетъ ничего совершать по принужденію и съ печалью; или, быть можетъ, потому, что дѣвицамъ прилично праздновать свою свадьбу въ присутствіи многихъ, а вдовамъ напротивъ это постыдно; въ праздники же народъ, увлекаясь радостями и удовольствіями самаго праздника, больше занимается имъ, чѣмъ другими событіями, случающимися въ такой день; свадьба въ это время можетъ пройти незамѣтно, безъ стеченія народа; или же потому, что сабинскія дѣвицы, похищенные Римлянами въ праздникъ, были причиною войны, что и заставило древнихъ Римлянъ признать праздники неудобнымъ временемъ для того, чтобы торжествовать свадьбу дѣвицъ¹. Въ какой степени удовлетворительны объясненія Плутарха, оставляемъ на судъ читателей.

Но если, по вѣрованію Римлянъ и по взгляду ихъ на жизнь, были дни непріятные и неблагопріятные для свадьбы, за то были и счастливые. Къ такимъ особенно причисляли всю вторую половину іюня — *post sacras Iunius Idus utilis nuptiis, utilis et viris*².

Прежде было сказано, что браки у Римлянъ совершались не одинаково, что они различались по способу заключенія, которымъ опредѣлялось отношеніе и положеніе жены въ домъ мужа, что были браки строгіе, совершавшіеся черезъ *confarreatio*, *coemptio* и *usus*, передававшіе жену во власть мужа и доставлявшіе ей имя *patris familiae*, и браки свободные, въ которыхъ жена была только *uxor*, оставалась во власти отца, или была *sui iuris*. Необходимымъ слѣдствіемъ такого разнообразія браковъ было и разнообразіе свадебныхъ обрядовъ: одни изъ браковъ сопровождался большимъ числомъ обрядовъ, другіе меньшимъ, а некоторые обходились совершенно безъ всякихъ обрядовъ, напр. браки втораго рода, для которыхъ достаточно было сожительство — *convuetudo liberae mulieris*; даже можно было выйти за мужъ за отсутствующаго, извѣстивъ письмомъ или нарочнымъ (*per nuntium*)³. Отсюда просимъ не выводить заключенія, что послѣдніе браки совершенно не имѣли никакого права сопровождаться торжественными обрядами. Напротивъ, отъ воли вступающихъ въ бракъ зависало отпраздновать свадьбу просто, безъ всякаго шуму и

¹ Plut. Quae. Rom 105.

² Ovid. Fast. VI, 223. 224.

³ Dig. XXIII, 2, 5. 6. 4. § 4.

торжественности, на скорую руку, или обстановить ее приличными обрядами. Некоторые из брачных обрядов были общи всемъ родамъ римскаго брака; другіе усвоены только одному, напр. въ бракъ черезъ *confaeteatio*, составлявшемъ самую торжественную и убыточную форму брака.

Въ день брака невеста одѣвалась въ особую одежду, которую составляли прямая туника (*tunica gesta*), или регилла (*regilla*), изъ бѣлой матеріи, покрывало ярко-желтаго цвѣта и сѣтка на голову. Эти три предмета составляли принадлежность всѣхъ родовъ и формъ римскаго брака. По словамъ Феста, дѣвцы-невесты наканунѣ еще свадьбы надѣвали на себя сказанную одежду и въ ней ложились спать для примѣты (*ominis causa*). Впрочемъ региллу надѣвали не только невесты въ день брака, но и новобрачныя (*puerae nuptae*) послѣ свадьбы. Регилла, или прямая туника, была то же, что и обыкновенная туника, только отличалась способомъ тканья: она ткалась (*ἄνω ὑφαίνετο*) такъ, что нити основы (*stamen*) подобной туники шли не горизонтально, но вертикально. Невѣста подпоясывала региллу шерстянымъ поясомъ, который завязывала такъ называемымъ геркулесовымъ узломъ. Послѣ свадьбы поясъ развязывалъ самъ мужъ, тоже *ominis causa*. Геркулесовымъ узломъ завязывали, какъ говорятъ, съ тою цѣлю, чтобы молодая чета была столько же плодovита, какъ Геркулесъ, имѣвшій семьдесятъ дѣтей. Геркулесовъ узелъ игралъ у древнихъ немаловажную роль и употреблялся какъ симпатическое средство противъ нѣкоторыхъ болѣзней¹. Это былъ простой дважды затянутый узелъ. Покрывало (*flammeum*), которое надѣвала невеста въ день брака, было, какъ мы сказали, ярко-желтаго цвѣта, имѣвшего у Римлянъ хорошую примѣту (*bonum omen*). Такого же цвѣта надѣвались и башмаки (*vosci*). Волосы на головѣ у невесты расчесывались тоже особеннымъ образомъ: они раздѣлялись на шесть локоновъ, по три на каждой сторонѣ головы. Дѣлалась подобная прическа либо потому, что она была древнѣйшая, либо потому, что носили ее весталки. Волосы у невесты разбирались не обычнымъ орудіемъ, напр. гребешкомъ и пр., но для этого употреблялось копьѣ (*hasta*), называвшееся *caelibaris* и имѣвшее символическое значеніе; остриемъ подобнаго копья располагались волосы у невесты. Что этимъ хотѣли выразить, трудно навѣрное сказать. Плутархъ догадывается, что этимъ намекали на то, что первыя жены достались Римлянамъ съ бою и силою, или на то, что супружество составляетъ столь тѣсную связь, что одно только желѣзо можетъ расторгнуть ее².

¹ Plin. N. H. XII, 21, 29. XXVIII, 4, 12. 6, 17.

² Plut. Quaest. Rom. 87.

Всякаго рода свадьба начиналась у Римлянъ торжественнымъ провожаніемъ невесты въ домъ жениха изъ отцовскаго дому, откуда уводили ее какъ бы противъ воли, какъ бы насильно похищали изъ материнскихъ объятій, по выраженію Феста — *gari simulatur ex gremio matris*¹. Въ этомъ похищеніи древніе видѣли намекъ на насильственное похищеніе Сабинянокъ. Мы замѣтимъ, что обычай существовалъ не у однихъ только Римлянъ: его находимъ мы и у древнихъ Грековъ, не говоря уже о современныхъ намъ народахъ. Провожаніе невесты называлось по латыни *deductio*, и имъ-то объясняется извѣстный оборотъ латинской рѣчи — *ducere, deducere uxorem* (вести, выводить жену). По вѣрованію Римлянъ провожаніе невесты изъ отцовскаго дома совершалось подъ покровомъ Юноны домоводительницы (*domiduca*), иначе путеводительницы (*iterduca*). Невесту провожали не только родственники и друзья, но и многіе посторонніе, стекавшіеся сюда отчасти изъ любопытства посмотреть на невесту, отчасти отъ бездѣлья, чтобы позвать, какъ это водится и у насъ. Разумѣется, чѣмъ многочислнѣе была толпа, провожавшая невесту, тѣмъ проводы считались торжественнѣе. Со стороны провожавшихъ это было обязательно вежливостью, *officium*; оттого *officio celeberrimo deducta* — при многочисленномъ стеченіи народа провожаемая². Провожаніе совершалось обыкновенно вечеромъ при свѣтѣ факеловъ, и потому-то въ эпиграммѣ у Марціала читаемъ: «Бородатый Калистратъ вышелъ замужъ за грубаго Африканца. На свадьбѣ свѣтили факелы, лицо было закрыто покрываломъ, пѣлись свадебныя пѣсни, даже приданое было назначено. Развѣ этого не довольно для тебя, Римъ?» — Факеловъ было пять, иногда же три, большею частію изъ сосны (*pineae*). Съ числомъ пять соединялось какое-то значеніе, которое неясно, не смотря на догадки Плутарха³. По окончаніи церемоніи, факелы не бросались, но уносились друзьями новобрачныхъ. Съ этимъ тоже соединялось таинственное значеніе: оставить ихъ въ домѣ новобрачныхъ, или вообще не припрятать, было чрезвычайно опасно. Если бы жена положила одинъ изъ факеловъ тайно подъ постель своего мужа, или мужъ сжегъ его на гробницѣ, это ускорило бы смерть того или другаго лица. Первоначальный обычай требовалъ, чтобы невеста не ѣхала, а шла пѣшкомъ. Въ позднѣйшія времена впрочемъ, обычай пѣшаго хожденія невесты вышелъ изъ употребленія, и невесту стали носить

¹ Catull. LXI, 3.

² Suet. Ner. 28.

³ Plut. Q. Rom. 2.

на носыкахъ ¹, такъ что она была у всѣхъ на виду. Въ числѣ провожающихъ непременно были свахи (*propucae*), выбравшіяся изъ женщинъ, бывшихъ только за однимъ мужемъ. Свахи не только провожали невѣсту изъ родительскаго дому, но онѣ же вводили ее и въ брачный покой (*thalamus nuptialis*).

Обычай провожать невѣсту, имѣлъ въ бракъ черезъ *confarreatio* характеръ болѣе релігіозный и мистическій. При этой формѣ брака невѣсту провожали *puer patrimi* и *matrimi*. Впослѣдствіи при императорахъ, когда нѣкоторые обряды *confarreatio* усвоены были и другимъ формамъ брака, *patrimi* и *matrimi* сопровождали невѣсту и при другихъ формахъ брака. Сопровождали невѣсту обыкновенно три мальчика: изъ нихъ два поддерживали невѣсту, третій несъ впередъ факель изъ марьяна татарника (*spina alba*, *ἀκινθα λευκή*) ². Къ свить (*deductio*) невѣсты принадлежалъ еще и *puer samillus* ³, который, въ особомъ сосудѣ (*simegus*), несъ прялку съ мочкою на ней и веретено — принадлежности будущей хозяйки ⁴.

Ко всякой формѣ брака относилось, говорятъ, обыкновеніе, чтобы невѣста, выходя изъ дому, брала съ собою три асса (мѣдныя монеты),

¹ *Apul. Mag.* 76, 558.

² *Spina alba* имѣла у Римлянъ мистическое значеніе, какъ средство противъ стригосовъ (*striges strigū*), нашихъ вампировъ, о которыхъ читаемъ у Овидія слѣдующее описаніе: это ядовитыя птицы, съ огромною головою, столбикими глазами, хищными клевомъ, съ сѣдиною въ перьяхъ и кровчоватыми ногтями. Ночью онѣ летаютъ, нападаютъ на грудныхъ дѣтей и портятъ ихъ, исторгая изъ колыбели; онѣ, рассказываютъ, терзаютъ клевами ихъ вѣжными тѣла и пьютъ кровь. Однажды стригосы прилетѣли въ спальню царя Прока; адѣсь лежалъ сынъ его, пятидневный малютка, новорожденная добыча птицамазъ: онѣ начиняютъ терзать дѣтскую грудь хищными клевками; несчастный младенецъ кричитъ и молить о помощи. На крикъ ребенка прибѣгаетъ уstraшенная кормилица, и видятъ: щеки и него нацарапаны ногтями, цѣтъ лица пожелтѣлъ. Обращается къ нимѣ Кракѣ и рассказываетъ ей случившееся. Оставь страхъ, говоритъ Кракя, твой питомецъ будетъ здоровъ. Пришла къ малюткѣ, гдѣ мать и отецъ плакали; не плачьте, говоритъ имъ, я вылѣчу его. Тотчасъ прикасается къ двернымъ притолкамъ три раза по порядку *arbuta* вѣтвию, три раза прикасается къ порогамъ; опрокидываетъ цѣлебную водою входы и, держа сырма внутренности двухъ-лѣснаго поросенка, такъ говоритъ: птицы ночи, пощадите дѣтскую утробу, за младенца принесется вамъ молодая жертва; примите, молю васъ, за сердце сердце, за внутренности внутренности; эту жизнь отдаемъ вамъ за другую душу. Такъ совершила жертву и, раскѣши ее, оставляетъ подъ открытымъ небомъ, а присутствующимъ не велитъ оглядываться на нее. На окошечкѣ же, куда входилъ свѣтъ въ спальню, — кладетъ вѣтви изъ марьяна татарника. Послѣ этого, говорятъ, птицы не тревожили колыбелю, и у младенца возвратился прежній цѣтъ.

Ovid. Fast. IV, 131 sqq.

³ *Samilli* и *camillae* назывались у Римлянъ дѣвочки и мальчики, служившіе при жертвоприношеніяхъ.

⁴ *Plin.* N. H. VIII, 48. 74.

изъ которыхъ одинъ держала въ рукъ и потомъ отдавала жениху, второй имѣла на ногъ и клала его передъ домашними ларами, третій оставляла у себя въ карманъ и приносила въ жертву на ближайшемъ изъ перекрестковъ (*compitum*), на которыхъ обыкновенно стояли жертвенники.

Какъ у Грековъ провожали невѣсту въ домъ жениха съ пѣснями въ честь Гименея, такъ и у Римлянъ дѣлалось то же, только, по старому обычаю, въ честь Таласіа, подъ которымъ разумѣли греческаго Гименея. Имя Таласіа объясняютъ различно; но большею частію относятъ его къ историческому факту, къ похищенію Сабинокъ. Происшествіе рассказываетъ такимъ образомъ. Въ числѣ похищенныхъ дѣвицъ была одна, красотой и ростомъ болѣе всѣхъ замѣчательная; ее назначили Таласію, юношѣ извѣстному воинскими дѣяніями, его кліенты. Чтобы не лишиться и не потерять ее въ толпѣ отнимающихъ и перехватывающихъ себя женъ, неспіе ее кричали: Таласію, т. е. ведемъ, несемъ ее Талассію. Такъ какъ имя его было извѣстно и уважаемо между Римлянами, то встрѣчные, услыша имя, съ крикомъ восторга и радости провожали назначенную Таласію въ жены дѣвицу. Впоследствии, когда бракъ Таласіа былъ счастливъ, вошло въ обычай припѣвать въ брачныхъ пѣсняхъ имя Таласіа для добраго предзнаменованія ¹.

Въ такомъ-то торжественномъ ходѣ невѣста приходила наконецъ къ женихову дому, который на ту пору убирался сколько возможно богаче и великолѣпнѣе вѣнками изъ разнообразныхъ цвѣтовъ и вѣтвей, лавровыхъ, плющевыхъ, миртовыхъ, розовыхъ и пр. ². Приблизившись къ дому, невѣста, по общему обычаю, употреблявшемуся при всякаго рода свадьбахъ, должна была, прежде вступленія въ домъ, обвязать дверные косяки (*postes*) шерстяными повязками (*lanceis vittis*) и смазать ихъ свинымъ саломъ, чтобы отвратить колдованіе. Отсюда производится слово *ихог*, отъ глагола *ungere* - мазать. Всеобщимъ было обычаемъ, чтобы невѣста не сама переступала черезъ порогъ, но чтобы переносили ее *samilli* ³. Объясненіе обычая находимъ у древнихъ писателей: въ немъ видятъ намекъ на историческое событіе, — на похищеніе Сабинокъ, которыя не сами, по своей волѣ, вступили въ дома своихъ мужей, но были внесены; или намекъ на то, что дѣвушка, вступая въ бракъ, неохотно оставляетъ родительскій домъ и неохотно входитъ въ домъ жениха; или на то, что дѣвушка, вне-

¹ Plut. Quaest. R. 31.

² Juv. VI, 50, 79.

³ Plut. Q. R. 29. Rom. 15.

сенная какъ невѣста въ домъ жениха, какъ жена не можетъ выдти или удалиться изъ него, развѣ только силою будетъ изгнана, какъ силою и введена ¹. Другіе объясняютъ обычай тѣмъ, что дѣвица, выходящая замужъ, совершила бы святотатство, если бы коснулась порога, посвященнаго Вестѣ, цѣломудреннѣйшему божеству. По народному же взгляду прикоснуться невѣствъ къ порогу считалось дурною примѣтою (*ominosum*) ², и потому сопровождавшіе невѣсту въ пригѣвахъ и прибауткахъ выражали желаніе, чтобы невѣста благополучно (*omine cum bono*) переступила порогъ.

Женихъ встрѣчалъ невѣсту при вступленіи ея въ домъ его. При этомъ невѣста приветствовала жениха символическими словами: *ubi tu Saju*, *ego Saja*, которыя употреблялись не только при конфарраціи, но и при коэмціи. Что значили слова, и для чего они употреблялись? По объясненію Плутарха ³, смыслъ словъ слѣдующій: гдѣ ты будешь господиномъ и отцомъ семейства, тамъ и я буду госпожею и матерью семейства. Или же *Saju* и *Saja* употреблялись вообще примѣрно, какъ нарицательныя, безъ придаванія имъ особеннаго значенія и смысла, какъ одна изъ формальностей, сдѣлавшаяся обычаемъ ⁴. Думаютъ также, что Каіями назывались невѣсты въ этомъ случаѣ, въ воспоминаніе Каіи Цеціліи, или Танаквилы, жены Тарквинія Приска, отличной хозяйки и примѣрной супруги. — Говорилъ ли женихъ, встрѣчая невѣсту въ своемъ домѣ, какое нибудь приветствіе, не знаемъ. Думаютъ нѣкоторые, что онъ, при встрѣчѣ невѣсты, предлагалъ ей вопросъ: кто она? На него-то она отвѣчала упомянутою формулою ⁵. Другіе предполагаютъ, что женихъ, встрѣтивъ невѣсту, не предлагалъ ей вопроса, а только отвѣчалъ на ея слова соответствующими символическими словами, которыя потеряны для насъ. Предполагаютъ также, что женихъ тутъ же передавалъ невѣствъ ключи дома, или одинъ ключъ; но предположеніе опровергается тѣмъ же самымъ мѣстомъ, на которое опираются допускающіе подобную догадку. Ключъ дѣйствительно давался, но былъ символомъ не управленія домомъ, а благополучнаго разрѣшенія отъ бремени (*facilitas partus*). Авторъ, упоминающій объ этомъ обычаѣ, ничего не говоритъ о томъ, женихъ ли подавалъ ключъ невѣствъ, или другое лицо, и когда случалось это, въ день ли свадьбы, или позднѣе. Было еще въ обычаѣ, чтобы женихъ встрѣчалъ невѣсту водою и ог-

¹ Plut. Q. R. 29.

² Plaut. Cas. IV, 4. I. Cat. LXI, 166.

³ Rom. Quaest. 30.

⁴ Cic. pr. Mur. XII, 27.

⁵ Cic. pr. Mur. ed. Nöbii § 27. pag 252 ed J.

немъ, къ которымъ невеста прикасалась. Подробности обычая намъ неизвѣстны: мы знаемъ объ нихъ только изъ намековъ. Судя по словамъ Варрона, можно заключить, что такой обычай употреблялся только въ древнѣйшія времена; въ позднѣйшія онъ вышелъ изъ употребленія и замѣнился факелами, о которыхъ уже выше упомянуто, и водою, которую черпали изъ чистаго источника счастливѣйшій мальчикъ или счастливѣйшая дѣвочка изъ присутствовавшихъ на свадьбѣ, и которою мыли ноги новобрачнымъ. Значеніе символа объясняютъ различно: одни думаютъ, что огонь и вода употреблялись на свадьбѣ, какъ символы чистоты и непорочности, каковую должны сохранять вступающіе въ бракъ, или какъ символы гражданского общенія, неразрывной связи и дѣлежа жребія, какой бы судьба ни послала новобрачнымъ¹; другіе объясняютъ тѣмъ, что вода и огонь преимущественно поддерживаютъ человѣческую жизнь, которая, лишившись одного изъ нихъ, погибаетъ. Замѣтимъ, что подобное употребленіе воды и огня имѣло мѣсто только при бракѣ черезъ конфарреацию; при другихъ же употреблялись одни факелы (*faces nuptiales*).

По окончаніи рассказанныхъ обрядовъ наступало въ домѣ жениха религіозное торжество, собственное бракосочетаніе: при конфарреации его исполнялъ верховный первосвященникъ и фламизъ Юпитера, въ присутствіи девяти свидѣтелей; тогда же совершались и гаданія авспексомъ. Рѣшительнымъ отличіемъ брака черезъ *confarreatio* отъ другихъ формъ, были именно верховный понтифексъ, фламизъ Юпитера и авспексы, непременно присутствовавшіе при бракѣ и совершавшіе жертву. Прочія формы брака тоже не исключали жрецовъ, только низшаго разряда, и притомъ жрецы не составляли тутъ необходимой принадлежности; они могли быть и не быть.

Относительно примѣненія гаданій (авспицій) къ браку черезъ *confarreatio* замѣтимъ, что авспиція и авгурія, равно какъ и совершители ихъ — авгуры и авспексы, такъ тѣсно и глубоко срослись съ жизнью и интересами патриціанскихъ семействъ въ древнемъ Римѣ, что безъ авспицій не совершалась ни одна форма брака, и что не только при религіозномъ обрядѣ бракосочетанія употреблялись авспиція, но даже невеста не выходила изъ отцовскаго дому, не совершивши авспицій, при которыхъ присутствовали друзья будущаго ея мужа. авгуры необходимы были при совершеніи брака, какъ гадатели и прорицатели будущей судьбы и участи молодой четы, какъ люди, умѣвшіе безошибочно выбрать и назначить самое счастливое и благопріятное время

¹ Plut. Q. V. 1.

для брака и темъ отвратить бѣду, которая могла постигнуть новобрачныхъ, не понимавшихъ примѣтъ и явленій. Известно напр. изъ словъ Сервія къ Виргилію¹, что громъ по авгурской наукѣ признавался неблагопріятнымъ для брака черезъ *confagatio*, потому препятствовалъ совершенію его. Впоследствии, при упадкѣ религіозныхъ вѣрованій въ Римѣ, авспиціи при бракахъ вышли изъ употребленія. Определить точно это время невозможно. Знаемъ только, что уже при Цицеронѣ авспиціи пришли въ упадокъ; только имя осталось, а значеніе ихъ въ этомъ случаѣ совершенно утратилось, и люди, подѣ именемъ авгуровъ приглашаемые на браки и брачные праздники, были уже не гадалы и прорицатели, а просто посредники, свидѣтели, юридическія лица, необходимыя при заключеніи брака, *consiliatores nuptiarum, sponsos et fautores*. На это прямо указываетъ Валерій Максимъ², у котораго читаемъ: «у древнихъ не только общественныя дѣла, но даже ничего въ частной жизни не совершалось безъ предварительныхъ авспиціи; оттого-то авспексы и теперь еще употребляются при бракахъ, и хотя они перестали совершать авспиціи, однако самымъ именемъ указываютъ на слѣды древняго обыкновенія». Ту же самую мысль высказалъ и Цицеронъ еще прежде³.

Въ чемъ состоялъ религіозный обрядъ бракосочетанія у Римлянъ, и какъ совершалось это религіозное торжество понтиѣксомъ и фламинномъ, обстоятельно не знаемъ. Намъ известны только некоторыя части обряда, именно: новобрачные ѣли вмѣстѣ хлѣбъ, сдѣланный изъ *far*, откуда, какъ выше сказано, и самое имя *confagatio*, означающее совокупность дѣйствія; руки новобрачныхъ соединялись вѣроятно самымъ понтиѣксомъ. Это послѣднее обстоятельство употреблялось и при другихъ формахъ брака. Новобрачные, въ продолженіе всего обряда конферраціи или, по крайней мѣрѣ, известнаго времени, оставались сидящими на двухъ, другъ подлѣ друга стоявшихъ стульяхъ; стулья покрывались одною овчиною, снятою съ той овцы, которая принесена была въ жертву. Головы у сидящихъ тоже покрывались. Доискаться значенія этого символическаго обряда трудно. Предполагаютъ, что имъ хотѣли выразить ту мысль, что, хотя мужъ и жена занимаютъ въ домѣ два различныя положенія, все-таки они тѣсно соединены общою связью. Что означала овчина, имѣла ли она въ обрядѣ особое символическое значеніе, или просто замѣняла покрывку

¹ Virg. Aen. IV, 374.

² Val. Max. II, 1, 1.

³ Cic. Deen. I, 16.

на стульяхъ, какъ греческое *κλῆδία*, сказать не можемъ. При этомъ же торжественномъ случаѣ нередко бывалъ составляемъ брачный контрактъ (*tabulae nuptiales, matrimoniales, dotales*) относительно приданого и другихъ статей, и засвидѣтельствовался присутствующими лицами, въ чемъ часто участвовали и авспексы¹. О подобныхъ контрактахъ и условіяхъ ничего не знаемъ въ древнѣйшія времена, тѣмъ болѣе, что браки съ *manus* совершенно не нуждались въ нихъ. Впоследствии, когда бракъ безъ *manus* сталъ входить больше и больше въ обыкновеніе, потребность подобнаго рода контрактовъ дѣлалась ощутительнѣе. Впрочемъ подобныя условія не составляли неотъемлемой принадлежности брака; и безъ нихъ бракъ могъ состояться. *Tabulae*, говоритъ Папиніанъ, *non faciunt matrimonium*.

Этимъ оканчивался обрядъ *confarreatio*. Въ заключеніе свадьбы, совершенной по этой или по другой формѣ, давался въ домъ жениха торжественный обѣдъ, называвшійся брачнымъ пиромъ (*coena nuptialis, genialis*): на него приглашали возможно большее число гостей, которые съ своей стороны за приглашенія платили приглашеніями молодымъ супругамъ. Свадебные пиры устраивались и исполнялись великолѣпно и роскошно. Къ нимъ имѣли снисхожденіе и законы противъ расточительности, которые, запрещая роскошь стола и строго преслѣдуя ее, дозволяли сравнительно большія издержки на свадебныхъ пирахъ². Въ обычаѣ было зажигать на нихъ пять восковыхъ свѣчей. Этотъ обычай имѣлъ тоже какое-то символическое значеніе, но какое, не знаемъ; приводимыя же объясненія ничего не объясняютъ³. Обѣдъ оканчивался тѣмъ, что женихъ бросалъ грецкіе орѣхи (*nux juglans*) собравшейся на улицѣ подлѣ дома молодежи. За чѣмъ это дѣлалось, разное объясняютъ: либо потому, что орѣхи были посвящены Юнонѣ, покровительницѣ брака⁴, либо для означенія того, что женихъ отказывается теперь отъ участія въ играхъ молодежи, къ которымъ принадлежали игры въ орѣхи — *ludebant pueri rotissimum piscibus*.

Послѣ пира невеста переходила въ распоряженіе свать, которые провожали ее къ брачной постели (*lectus, torus genialis*), на которую помѣщали ее (*collocabant*). Постель называлась постелью Генія, *genialis*, потому что была посвящена (*zaser*) Юнонѣ и Генію. Она же называлась *lectus adversus*, потому что стояла въ атриумѣ противъ дверей —

¹ Suet. Claud. 20. Juv. II, 119, 200. IX, 75. Tac. Ann. XI, 30.

² Gell. II, 23, 14.

³ Plut. Q. R. 2.

⁴ Plin. N. H. XV, 24, 22.

adversus januam. Ее постилали (sternebant) здѣсь въ день свадьбы, а иногда и за день¹. Впрочемъ это относится только къ древнимъ временамъ. Впоследствии исполнялось это символически, а брачная постель помѣщалась въ особой спальнѣ (thalamus). Постель приготовлялась матерью невесты или родственницею; она покрывалась обыкновенно тобою и оставалась на своемъ мѣстѣ все время, пока жена состояла въ бракѣ, или же пока мужъ не вступалъ во второй бракъ. Тогда устраивалось новое ложе. Новобрачная, при входѣ въ спальню, садилась super Priapum immanissimum fascinum и приносила богу Приапу, — онъ же назывался Mutinus, Mutunus, — молитву о дарованіи ей плодородія. Тогда только вступалъ женихъ въ спальню и затворялъ ее за собою. Между тѣмъ оставшіеся у дверей пѣли подъ флейту въ честь молодыхъ свадебныя пѣсни — гимены и эпиграммы, къ которымъ иногда примѣшивались грубыя, исполненныя безстыднаго цинизма, шутки, намеки, остроты, называвшіяся Fescennia. Въ свадебныхъ пѣсняхъ обыкновенно прославлялись достоинства и добродѣтели молодой четы; изображалось то счастье, какое ожидаетъ новобрачныхъ въ будущемъ, когда родятся дѣти; прославлялась сила Амора, бога любви, укротителя и образователя человечества; давались совѣты и правила, какъ жить; часто описывалось свадебное торжество, провожаніе невесты, встрѣча ея женихомъ, брачный пиръ и удовольствіе быть невестой, предметомъ всеобщихъ взглядовъ и пр.

Въ дополненіе представляемъ въ переводѣ двѣ брачныя пѣсни римскаго поэта Катулла. Первая на свадьбу Манлія Торквата съ Юліею, лучшаго изъ друзей Катулла, происходившаго отъ извѣстнаго Манлія, убившаго на единоборствѣ великана Галла и снявшаго съ него ожерелье (torques), откуда и прозвище Torquatus. Поэтъ начинаеть ее воззваніемъ къ сыну Венеры Ураніи, Гименею:

«Житель горы Геликона, сынъ Ураніи, увлекающій къ мужу нѣжную дѣвицу, о Гименей Гименъ, о Гименъ Гименей!

«Увѣнчай голову цвѣтами сладкопахучаго маіорана, возьми брачное покрывало, и, радостный, приди сюда, неся на бѣлоснѣжной ногѣ желтый башмакъ!

«Воодушевленный радостнымъ днемъ, поя брачныя пѣсни голосомъ звонкимъ, ударяй землю ногами, потрясай въ рукъ сосновую свѣточъ!

«Теперь Юлія, подобная Италійской Венерѣ, приходившей на судъ

¹ Cic. pr. Cluent. 6

къ фригійскому судью, сочетавается бракомъ съ Манліемъ, счастливая при счастливомъ предзнаменованіи;

«Подобная мирту азіяскому, возносящему цвѣтущія вѣтви, утѣху богинь Гамадriadъ, которыя питають ихъ росистою влагою.

«Низойди же сюда, спѣвши оставить аонійскія пещеры Фестійской скалы, что орошаются прохладными струями источника Аганиппе.

«Зови въ домъ домовладычицу страстную къ молодому супругу, обвивая душу ея любовію, какъ гибкій плоть обвиваетъ дерево и разбѣгается туда и сюда вокругъ него.

«Вы же, невинныя дѣвицы, для коихъ настаетъ подобный день, спѣшите вмѣстѣ, и пойте стройно: о Гименей Гименъ, Гименъ о Гименей!

«Чтобы онъ, вождь доброй Венеры, сочетаватель счастливой любви, охотнѣе принесся сюда, слыша призывъ къ своему долгу.

«Къ какому богу скорѣй обратиться любящимъ, кого изъ небожителей болѣе почитать смертнымъ? О Гименей Гименъ, Гименъ о Гименей!

«Тебя призываетъ для своихъ дѣтей дрожащій отецъ; для тебя дѣвицы разрѣшаютъ поясъ; тебя, Гименей, ловить жаднымъ ухомъ молодой мужъ.

«Ты самъ отдаешь въ руки неукротимому юношѣ цвѣтущую дѣвушку изъ объятій ея матери, о Гименей Гименъ, Гименъ о Гименей!

«Безъ тебя и Венера не можетъ даровать безупречнаго наслажденія: но можетъ, когда ты захочешь. Кто съ этимъ богомъ дерзнетъ равняться?

«Безъ тебя ни одна семья не можетъ дать дѣтей; безъ тебя отецъ не можетъ облечься потомствомъ: но можетъ, когда ты захочешь. Кто съ этимъ богомъ дерзнетъ равняться?

«Страна, не служащая тебѣ, не сможетъ дать стражей своимъ предѣламъ: но сможетъ, когда ты захочешь. Кто съ этимъ богомъ дерзнетъ равняться?

«Отворяйте запоры дверей: невѣста приближается. Видишь ли, какъ у свѣточей развѣваются блестящія кудри? Но ты медлишь, проходить день. Выйди же, молодая невѣста.

«Перестань плакать. Тебѣ нечего опасаться: женщина, прекраснѣе тебя, не видѣла еще свѣтлаго дня, восходящаго изъ Океана.

«Подобный тебѣ стоитъ цвѣтокъ гiацинта, въ разнообразномъ саду богача. Но ты медлишь, проходить день. Выйди же, молодая невѣста.

«Выйди, молодая невѣста; пора ужъ рѣшиться; услышь наши рѣчи. Видишь, свѣтильники бросаютъ золотыя пряди свѣта. Выйди, молодая невѣста!

«Твой супругъ не захочетъ оторваться отъ твоей нахвой груди, предавшись легкомысленно порочной любви, гоняся за удовольствіями постыдными.

«Какъ гибкая виноградная лоза сростается съ ближнимъ деревомъ, такъ онъ сростется съ твоими объятіями. Но проходитъ день. Выйди, молодая невеста.»

Далѣе поэтъ, обращаясь къ супругу, представляетъ нѣкоторыя стороны холостой жизни молодыхъ Римлянъ, слишкомъ далекія отъ нашихъ нравовъ; потомъ снова обращается къ невестѣ, и говоритъ:

«Переступи порогъ съ добрымъ знаменіемъ золотыми ножками и войди въ блестящую дверь. Ю Гименъ Гименей, ю Гименъ Гименей!

«Взгляни, какъ супругъ твой, возлегалъ одинъ на тирскомъ ложѣ, весь устремленъ къ тебѣ мыслію. Ю Гименъ Гименей, ю Гименъ Гименей!

«У него, какъ и у тебя, внутри груди пылаетъ пламя, но менѣе видимо. Ю Гименъ Гименей и пр.

«Покинь, мальчикъ, круглую ручку невесты. Пусть ее идетъ къ ложу мужа. Ю Гименъ Гименей и пр.

«Вы, женщины добраго имени, проводите невесту на брачное ложе. Ю Гименъ Гименей, ю Гименъ Гименей!

«Теперь и ты можешь придти, супругъ; у тебя въ спальнѣ супруга, блестящая цвѣтущимъ личкомъ, словно была парееника или желтый макъ.

«Клянусь небесами, и ты, супругъ, не менѣе прекрасенъ, Венера не забыла и тебя. Но день проходитъ; спѣвши, не медли.» — —

«Въ скоромъ времени дайте дѣтей. Не глѣдуетъ такому древнему имени оставаться безъ дѣтей; оно должно возражаться само собою.

«Торковать малютка, протягивая нѣжныя руки съ лона матери, сладко пусть улыбнется отцу полуоткрытыми губками.

«Да будетъ онъ похожъ на своего отца Манлія, пусть всѣ незнающіе легко узнаютъ его, и пусть лице его свидѣтельствуетъ о непорочности матери.

«Запирайте же двери, дѣвушки; довольно мы веселились. Вы же, благословенные супруги, будьте счастливы, и пусть ваша цвѣтущая молодость постоянно услаждается дарами Афродиты.»

Вторая брачная пѣснь поется двумя хорами, изъ дѣвушекъ и юношей, которые въ домъ жениха ожидаютъ прихода невесты. Одинъ хоръ составляютъ юноши, другой дѣвушки; оба хора какъ бы вызываютъ другъ друга на поэтическое состязаніе и такъ поютъ:

Юноши.

«Звезда Весперъ виднѣется; юноши, вставайте. Весперъ поднимается наконецъ на Олимпѣ въ своемъ давно-жданномъ сіяніи. Пора вставать, пора покинуть роскошныя яства: вотъ-вотъ придетъ уже невѣста, и запоется Гименей: Гименей о Гименѣ, приди, Гименѣ о Гименей!

Дѣвушки.

«Видите, подруги, юношей? Вставайте и вы. Пора, вечерняя звезда высылаеть уже свои огни, съ горы Эты. Да, пора: видите, какъ они быстро встали. Недаромъ они воспрянули: они станутъ воспѣвать то, что стоитъ видѣть. Гименѣ о Гименей, приди, Гименѣ о Гименей!

Юноши.

«Не легка намъ, сверстники, предстоитъ побѣда. Смотрите, какъ дѣвушки погружены въ думу. Не даромъ онѣ размышляютъ, онѣ готовятъ памятную пѣснь. Не диво: всюю мыслію работаютъ онѣ. А наши мысли разсѣяны: въ разные стороны мы устремили слухъ; по дѣломъ же насъ побѣждать, Побѣда любить заботу. Итакъ хоть теперь внимательно слушайте. Онѣ начинаютъ пѣть, намъ отвѣчать придется. Гименѣ о Гименей, приди, Гименѣ о Гименей!

Дѣвушки.

«Гесперъ, какая звезда на небѣ жестокосердѣй тебя? Дочь ты отрываешь изъ объятій матери, изъ объятій матери отрываешь дочь противъ воли, и ее, невинную дѣву, отдаешь пламенному юношѣ. Непріатели жесточе ли поступаютъ съ побѣжденнымъ городомъ? Гименѣ о Гименей, приди, Гименѣ о Гименей!

Юноши.

«Гесперъ, какая звезда на небѣ радостнѣе тебя? Своими лучами ты скрепляешь сговоренные браки; сговариваются мужи, сговариваются напередъ родители, но только при твоёмъ свѣтѣ совершается бракъ. Что посылаютъ боги желаннѣе этого счастливаго часа? Гименѣ о Гименей, приди, Гименѣ о Гименей!

Дѣвушки.

«Гесперъ, подруги, похитилъ одну изъ насъ. Съ его приходомъ начинается для стражи бѣднѣе. Подъ его покровомъ скрываются воры; но онъ же, измѣняя имя, часто выдаетъ ихъ.

Юноши.

«Пусть дѣвушки порицаютъ тебя, Гесперъ, притворными жалобами. Но что, если онѣ порицаютъ то, къ чему стремятся тайною мыслію? Гименѣ о Гименей, приди, Гименѣ о Гименей!

Дѣвушки.

«Какъ цвѣтокъ уединенный, что растетъ въ огражденномъ саду, не

тронутый стадомъ, не задѣтый плутомъ; его лелѣють вѣтерки, укрепляетъ солнце, питаетъ дождь; многіе юноши желаютъ его, многія дѣвушки къ нему стремятся; а сорванный тонкимъ погтемъ, когда отцвѣтеть онъ, перестаютъ искать его юноши, перестаютъ и дѣвушки. Такъ и дѣва мила семьѣ своей, пока остается непричастною браку. Но, утративъ цвѣтъ дѣвства, она перестаетъ быть милою юношамъ, перестаетъ быть дорогою подругамъ. Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

Юноши.

Какъ одинокая виноградная лоза, что растетъ на голомъ полѣ, никогда не поднимается вверхъ, никогда не даетъ сочнаго гроздія; склоня свой нѣжный стволъ подъ гнущемою тяжестью, почти касается уже корня верхушкою; ни земледѣльцы, ни быки не трудятся около нея: но та же лоза, чуть соединится съ вѣзомъ-защитникомъ, привлекаетъ къ себѣ и земледѣльцевъ и воловъ. Такъ дѣва, пока остается безбрачною и старѣется безъ мужа. Когда же, созрѣвшая, сочетается счастливымъ бракомъ, она дороже мужу и меньше заботитъ отца. Гименъ о Гименей, приди, Гименъ о Гименей!

На слѣдующее утро молодая жена начинала свою новую жизнь жертвоприношеніемъ въ домъ своего супруга и вступала въ управленіе домою. Того же дня новобрачные давали обѣдъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Обѣдъ бывалъ въ домъ мужа и назывался геротіа — повторительный пиръ. Такъ понимаютъ и объясняютъ это слово многіе. Но по Донату, геротіа — седьмой день, въ которой новобрачная дѣлаетъ первый визитъ своимъ родителямъ. Этимъ совершенно оканчивались свадебные обряды, и молодая супруга вступала въ кругъ своихъ обыденныхъ домашнихъ и семейныхъ обязанностей и отношеній, какъ супруга, хозяйка дома и будущая мать семейства.

Курскъ.

П. Тихоновичъ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ ДРЕВНОСТЕЙ

ГОРОДА ТОМИ

И СОСѢДНИХЪ ЕМУ ПРИМОРСКИХЪ ГОРОДОВЪ ПОНТА ЭВКСИЯНСКАГО.

Ни одинъ изъ римскихъ поэтовъ не приобрѣлъ на берегахъ Понта Эвксинскаго такой извѣстности, какъ Публій Овидій Назонъ, скончавшійся изгнанникомъ въ Томи (770 осн. Р., 17 по Р. X.). Сынъ зажиточнаго римскаго всадника, получившій тщательное образованіе, сперва въ Римѣ, а потомъ въ Аѳинахъ; замѣчательнымъ талантомъ и поэтическими трудами привлекшій къ себѣ весьма скоро вниманіе знаменитостей литературныхъ и политическихъ; находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ первоклассными поэтами своего времени и въ короткихъ связяхъ со многими значительными государственными людьми, даже съ нѣкоторыми членами императорской фамиліи; привыкшій къ жизни, въ которой поэзія и развлеченія всякаго рода непрерывно смѣняли другъ друга, и чуждый болѣе серьезныхъ занятій; человекъ, котораго нѣжная душа была именно создана для подобнаго беззаботнаго житія, Овидій тѣмъ чувствительнѣе долженъ былъ переносить свое изгнаніе изъ Рима, — изъ круга, въ которомъ онъ провелъ многіе годы, довольный и счастливый. О настоящей причинѣ этого изгна-

нія въ Томи, городъ Мизин, онъ самъ не говоритъ ничего определеннаго, но должно однакожь полагать, что она была довольно важна. Не смотря на всѣ просьбы, жалобы и ходатайства, ни Августъ, ни Тиберій не согласился на возвращеніе поэта изъ далекой ссылки. Одна только смерть, последовавшая на восьмомъ году изгнанія, освободила его отъ положенія, тягостнаго для чловѣка, который привыкъ къ наслажденіямъ жизни въ римской столицѣ.

Такое долгое пребываніе Овидія въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ не могло не снискать последнему извѣстности; тѣмъ болѣе, что Овидій, пребывая въ Томи, жьлъ не только воспоминаніями прежней славы, но увѣковѣчылъ память своего изгнанія новыми поэтическими произведеніями. Извѣстно, что именно въ Томи получали окончательную отдышку *Метаморфозы* и *Фасты*, и что тамъ же имъ написаны были: *libri Tristium*, *epistolae ex Ponto*, *Ibis* и еще нѣсколько сочиненій, которыя или не въ цѣлости, или вовсе не дошли до насъ. Все это необходимо должно было перенести часть блеска и славы, озарившихъ имя Овидія, и на самое мѣсто и страну, которыя, въ продолженіи многихъ лѣтъ, были свидѣтелями его грусти, его страданій, и попріищемъ его поэтической дѣятельности. Этимъ городъ Томи навсегда спасенъ отъ невѣстности, и хотя, въ позднѣйшіе вѣка, онъ палъ подъ всеокрушающей яростью варваровъ и совершенно исчезъ изъ числа городовъ, некогда процвѣтавшихъ, но воспоминанія объ Овидіѣ снова оживи, какъ скоро эта несчастная страна была поставлена въ болѣе благопріятныя обстоятельства. Названіе Томисвара, — которое, какъ полагають ¹, однозначаще съ Мангаліей, лежащей у береговъ Чернаго моря, къ сѣверу отъ Варны, — упоминаніе объ Овидіевомъ озерѣ, — подъ которымъ Саринкій ² разумѣтъ Дивстровскій лиманъ, — наименованіе Овидіополя, — которое императрица Екатерина Великая дала прежней турецкой деревнѣ Абжедеръ; — словомъ многое ясно свидѣтельствуетъ, что воспоминаніе о великомъ римскомъ поэтѣ укоренилось весьма прочно въ цѣломъ краѣ, и что въ болѣе просвѣщенное время не упустили случая почтить память Овидія особеннымъ указаніемъ на бывшее некогда изгнаніе его и соединить его имя самымъ тѣснымъ образомъ съ страной.

Но мѣста, на которыя указываютъ, какъ на мѣстопробываніе Овидія, такъ отдалены другъ отъ друга, что не льзя не усмотрѣть съ

¹ Schaffarik Wiener Jahrbücher XLVI pag. 49.

² Dingressi Hist. Tom. II. of, Brenev. descript. Tartariae p. 819 in edit. Schwand. Script. rar. Hung. Vol. I.

перваго взгляда, съ какою неточностью опредѣляли прежде положеніе древняго Томи. Мнѣніе, что мѣсто ссылки Овидія должно искать у Днѣстровскаго лимана, конечно уже давно оставлено, какъ неправдоподобное; съ такимъ же правомъ и основываясь на утверждаемой Шаффарикомъ¹ тождественности древняго Томи съ Мангаліею или Манкаліею, оставлены были какъ невѣрныя и другія, еще болѣе странныя предположенія, по которымъ городъ Томи находился то въ Молдавіи, то въ Польшѣ, или на мѣстахъ нынѣшнихъ городовъ Българда, Килии и пр.² Послѣ путешествія Мотрэ³ и замѣчаній Шаффарика, не могло быть болѣе никакого сомнѣнія, что Томи долженъ былъ находиться у береговъ Чернаго моря, и именно между самымъ южнымъ устьемъ Дуная и Варной. Оставалось только точнѣе опредѣлить на этой длинной береговой полосѣ то мѣсто, гдѣ некогда лежалъ этотъ городъ. Исследования Шаффарика привели его къ тому заключенію, что это мѣсто одно и то же съ нынѣшнею Мангаліею. Но я, руководствуясь уцѣлѣвшими древними писателями и основываясь на новѣйшихъ заходкахъ, надѣюсь доказать, что предположеніе Шаффарика, не смотря на то, что оно теперь обще принято⁴, не совсѣмъ вѣрно.

Для этого я нахожусь въ необходимости прежде всего изложить передъ читателями свое мнѣніе объ устьяхъ Дуная и согласить надлежащимъ образомъ показанія древнихъ съ теперешнимъ физическимъ состояніемъ страны, которое, замѣчу мимоходомъ, ни въ какомъ случаѣ не могло исполнѣнъ измѣниться. Отъ меня нисколько не укрывается, что изслѣдованіе о рукавахъ, которыми эта величественная рѣка вливается въ Черное море, весьма затруднительно, потому что ложе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ рукавовъ, именно сѣверныхъ, въ теченіе вѣковъ могло существенно измѣниться; однако, осмотрѣвъ на мѣстѣ устья Килийское и Сулинское, а объ другихъ двухъ, св. Георгія и Портыцкомъ, собравъ точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ, я полагаю, что рѣшеніе этого вопроса, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ, не такъ затруднительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Съ другой стороны, я считаю невозможною всякую попытку — опредѣлить съ точностію на нынѣшнемъ мѣстоположеніи всѣ сѣверныя устья по тѣмъ именамъ, которыя они имѣли въ древности.

¹ l. l.

² Oberlini de Tomis Ovidii exilio schediasma ad illustrissim. Comitem Rabatinum. Lips. 1727.

³ Motraye voyage en Europe, Asie et Afrique. A la Haye 1727. Tome II p. 9 et 208 sq.

⁴ Forbiger Handbuch der alten Geographie T. III. p. 1099. Minzlaff Bulletin de l'Académie de St.-Petersbourg T. X. NN. 20 et 21.

Если у других устьев перемычки лоза могли быть только весьма незначительными, то напротив того у севернаго устья, называемаго нынѣ Килийскимъ, ложи отдельныхъ рукавовъ подвержено безпрестанному измененію, и потому едва ли кто рѣшится, при нашихъ скудныхъ свидѣніяхъ о подробностяхъ, опредѣлить, что тамъ въ теченіе многихъ столѣтій вновь образовалось или преобразовалось.

Въ этомъ отношеніи я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ моего почтеннаго товарища, профессора Ф. К. Бруна¹, который даетъ слишкомъ большой вѣсъ свидѣтельству Птолемея², будто бы северное устье Дуная передъ впаденіемъ въ море образовало озеро «Фиагола»; въ слѣдствіе чего другое озеро, о которомъ, не давая ему особеннаго имени, упоминають Страбонъ³ и Тацитъ⁴, онъ принимаетъ за Фиаголу. Но Страбонъ различаетъ именно это озеро отъ рѣчнаго бассейна Истра и разуметь подъ нимъ, какъ это я уже показалъ при другомъ случаѣ⁵, теперешнее соляное озеро Сасикъ или Кундукъ, лежащее къ северу отъ Дуная, а Тацитъ имѣетъ въ виду, какъ мы это яснѣе увидимъ ниже, нынѣшнее озеро «Разинъ», нижнюю часть котораго Плиній⁶ называетъ «Налстуги».

При изслѣдованіи древнихъ устьевъ Дуная, мы отправимся отъ самыхъ простыхъ показаній и перейдемъ потомъ къ болѣе сложнымъ.

Начнемъ съ тѣхъ писателей, у которыхъ число упоминаемыхъ ими дунайскихъ устьевъ самое ограниченное. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ показаніе Эратосвена⁷, съ которымъ согласно и свидѣтельство Аполлонія⁸; обоимъ имъ известны два рукава, именно тѣ, которые образуютъ Дунайскую Дельту, или такъ называемый ими островъ Певке. Въ одномъ изъ этихъ рукавовъ легко узвать Килийское (северное) устье; въ другомъ — устье св. Георгія (южное). Каждый изъ этихъ рукавовъ снова дѣлится, сближаясь съ моремъ, на особенные побочные рукава и образуетъ такимъ образомъ нѣсколько значительныхъ острововъ. Но Эратосвенъ и Аполлоній не обращаютъ вниманія ни на боковые рукава, ни на острова, имѣя въ виду только главные два рукава, и обозначаютъ все заключающееся между ними

¹ La bouche de Kilia du Danube. Journal d'Odessa 1852. N 31 et 32.

² Geographia III. 10 p. 211 ed Vilberg.

³ VII. 3. § 15.

⁴ Germania. I.

⁵ Берегъ Понта Факсисскаго отъ Истра до Вориссена. стр. 43.

⁶ Nat. Hist. IV. 24.

⁷ Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 310.

⁸ Argonaut. IV. 312, 313.

пространство именовъ одного только острова, который они называютъ Певке. Итакъ, слѣдую ихъ показаніямъ, мы имѣемъ только два устья Истра. Но этимъ небольшимъ числомъ не довольствуются другіе древніе писатели; большая часть изъ нихъ знаетъ *пять*¹, другіе *шесть*², и у многихъ говорится даже о *семи* устьяхъ³. Это разногласіе объясняется естественно тѣмъ, что при болѣе подробномъ описаніи страны должно было обратить вниманіе не только на устья обоихъ главныхъ, но и на устья побочныхъ рукавовъ. Такимъ образомъ надлежало принять сперва Сулинское гирло, находящееся въ срединѣ между Килійскимъ и Георгіевскимъ, за устье особеннаго рукава, потомъ признать Дунавицу, текущую южнѣе рукава св. Георгія, за отдѣльный рукавъ и раздѣлить наконецъ главный Килійскій рукавъ, до впаденія его въ Понтъ Эвксинскій, на большее или меньшее число боковыхъ рукавовъ. О числѣ послѣднихъ мнѣнія древнихъ были столь же несогласны между собою, какъ и въ наше время: часто упоминается только о двухъ рукавахъ, между тѣмъ какъ люди болѣе свѣдущіе отличаютъ четыре, и каждое устье называютъ особеннымъ именовъ. Названія эти, въ направленіи отъ юга къ северу, суть теперь слѣдующія: Стамбульское, Среднее, Очаковское и Бѣлгородское гирло. Я уже замѣтилъ выше, что эти нынѣшнія четыре ложа не могутъ быть принимаемы за тѣ самыя, какія существовали въ древности. Стремительное теченіе водъ по землѣ болѣею частью низменной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, наносной, весьма естественно пролагаетъ себѣ здѣсь новые пути. О нѣкоторыхъ таковыхъ перемѣнахъ знаютъ даже нынѣшніе мѣстные жители; старожилы помнятъ, что даже при нихъ теченіе отдѣльныхъ рукавовъ измѣнялось. О значительномъ приращеніи земли они ничего не знаютъ; но не смотря на это, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣкоторая часть ея нанесена или рѣкою или моремъ. Мѣру этого приращенія нельзя опредѣлять съ точностію, но съ другой стороны настоящій видъ придунайской страны очевидно опровергаетъ гипотезу г. Бруна, будто бы все пространство, по которому протекаютъ вышесказанные четыре рукава Килійскаго устья, въ древности было подъ водою и поднялось лишь въ новѣйшее

¹ Herod. IV. 47. 89. Strabo VII. 3. § 15. Dionys. Perieg. 301. Scymn. frag. 29. Arrian. Peripl. Ponti Eux. p. 23. Anonym. Peripl. P. Eux. p. 16. Avion. Descript. orbis 440. Claud. Bell. Got. 337.

² Tacit. Gemma. 1. Plin. N. H. IV. 24. Prise. Perieg. 290.

³ Strabo VII. 3 § 15. Ptol. III. 10. Mela II. 1, 8. Ovid. Trist. II. 189. Val. Flacc. IV. 718. Lucan. III. 302. Ammian. Marc. XXII. 19. Solin. 13.

время. Стремление воды въ этихъ мѣстахъ такъ сильно, что оно должно было большую часть наносной земли и избытка песка заносить въ море, и притомъ, какъ Полибій¹ справедливо замѣчаетъ, на значительное разстояніе отъ берега. Такая мель, называвшаяся *Στηνη*, образовалась, по словамъ Полибія, для гибели моряковъ передъ устьями Дуная; если она теперь болѣе не существуетъ, то все же невозможно, чтобы материкъ, какъ полагаетъ г. Брунъ², такъ далеко подвинулся, что слился съ этою мелью. Разстояніе ея отъ твердой земли³ опредѣляется у Полибія на одинъ день пути, а материкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвинуться такъ далеко. Столь значительное приращеніе материка не можетъ быть доказано и свидѣтельствомъ Безыменнаго, который опредѣляетъ разстояніе Ахиллесова острова Левке отъ материка въ 400 стадій, между тѣмъ какъ теперь отъ него до ближайшаго къ нему устья Сулинскаго всего только 24½ морскихъ миль или 245 стадій⁴: намъ неизвѣстно, относится ли измѣреніе Безыменнаго именно къ Сулинскому устью, какъ полагаетъ г. Брунъ, или, что вѣроятнѣе, къ какому-либо другому. Разстояніе между островомъ Левке и устьемъ св. Георгія соответствуетъ 400 стадіямъ почти точь въ точь, и такъ какъ оттуда чаще всего бываеъ посѣщаемъ островъ Ахиллесовъ, то именно это разстояніе, хотя оно не было кратчайшимъ, могло быть болѣе извѣстно Безыменному. По крайней мѣрѣ всякій, кто бываеъ въ тѣхъ мѣстахъ, согласится, что въ окрестностяхъ Сулинскаго устья не могло произойти значительныхъ перемѣнъ, и что следовательно Безыменный не могъ его имѣть въ виду. Надобно также замѣтить, что если показаніе Безыменнаго относить и къ устью Килийскому, то и тогда выйдетъ довольно вѣрно 400 стадій, считая твердую землю (*ἤπειρος*) за древнюю «Вилковъ» и не обращая вниманія на острова, лежащіе предъ устьемъ Килийскимъ. Вообще я того мнѣнія, что при изслѣдованіяхъ въ области древней географіи должно не иначе какъ съ большою осторожностью допускать гипотезы о совершившихся преобразованіяхъ страны; онѣ тогда только позволительны, когда новѣйшія наблюденія ясно указываютъ на постепенное измѣненіе мѣстности. По моему мнѣнію, менѣе всего можно допустить подобное предположеніе въ настоящемъ

¹ IV. 41.

² La bouche de Kilia du Danube. Journal d'Odessa 1852. N. 31.

³ Polyb. I. I. *ἡμέρας δύοων ἀπέχουσα τῆς γῆς*. cf. Forbiger Handbuch der alten Geograph. I. p. 550: *nach Polybius durchfuhr kein Schiff in einem Tage und einer Nacht mehr als 2000 Stadien*.

⁴ Лоція Чернаго моря стр. 431.

случай, потому что Страбонovo описаніе ¹ сѣверныхъ рукавовъ Дунай, краткое, но наглядное, въ главныхъ чертахъ поразительно согласно съ нынѣшней мѣстностью. Мы находимъ между отдельными рукавами тѣ же самые мелкіе острова ², и если они не сохранили своего прежняго очертанія, то все же они послужили, вѣроятно, основаніемъ для образованія настоящаго вида страны.

Перейдемъ теперь къ именамъ, которые носили въ древности отдельные устья. Здѣсь должно замѣтить, что многіе писатели, упоминающіе объ Истрѣ, не означаютъ каждый отдельный рукавъ особеннымъ именемъ, и что Страбонъ ³ изъ семи именъ называетъ только одно, Аполлоній Родосскій ⁴ два, Арріанъ ⁵ три, Безыменныи ⁶ четыре, Плиній ⁷, Птоломей ⁸, Солинъ ⁹ и Амміанъ Марцеллинъ ¹⁰ шесть. Семи рукавовъ съ отдельнымъ для каждаго именемъ нѣтъ ни у одного древняго писателя, и это могло бы повести къ догадкѣ, что сравненіе Истра съ семирукавнымъ Ниломъ, впервые сдѣланное Геродотомъ ¹¹ и повторяемое потомъ большею частію позднѣйшихъ писателей, было главнымъ поводомъ къ тому, что и при Истрѣ принимали седмичное число устьевъ. Не смотря на то однакожь мы едва ли имѣемъ право предположить, что седьмое устье было совершенно произвольно выдуманно. На истинный путь предпочтительно предъ всеми прочими писателями указываетъ намъ здѣсь, какъ и въ другомъ случаѣ ¹², Страбонъ, и при помощи Плинія и Птодемей, а равно Солина и Амміана, приводитъ насъ къ истинѣ.

Прежде всего необходимо установить, какое устье называетъ Страбонъ именемъ Святаго, *ἱερὸν στόμα*. По моему мнѣнію, слова его ¹³: «Святое устье находится при вѣздѣ въ Понтъ съ лѣвой стороны первымъ.... отстоитъ же отъ него седьмое устье около 300 стадій» — могутъ

¹ VII. 3. § 15 p. 30 ed. Kramer.

² *Γίνονται οὖν μεταξὺ τῶν στόματων νησίδες.*

³ l. l.

⁴ Arg. IV. 312. 313.

⁵ p. 23. ed. Huds.

⁶ p. 11. ed. Huds.

⁷ Nat. Hist. IV. 24. p. 287. (ed. Bip.).

⁸ Georg. III. 10.

⁹ XIII. 1.

¹⁰ XXII. 8. p. 304. (ed. Bip.).

¹¹ IV. 50.

¹² Берегъ Понта Эвксинскаго между Истромъ и Борисфеномъ. стр. 11.

¹³ *Τούτο (τὸ ἱερὸν στόμα) δὲ καὶ πρῶτόν ἐστι στόμα ἐν ἀριστερᾷ εἰσπλέοντι εἰς τὸν Πόντον — δέχεται δ' αὐτοῦ τὸ ἔβρομον στόμα κατὰ τριακοσίουσ σταδίου.*

быть отнесены только къ устью св. Георгія, и вотъ на какихъ основаніяхъ основаны:

1) Расстояніе 300 стадій, указанное Страбонъ отъ Святаго устья до устья самаго сѣвернаго, довольно совпадаетъ съ теверешней мѣстностью. Разница заключается лишь въ нѣсколькихъ верстахъ, что ничего не значитъ, такъ какъ самъ Страбонъ словами: *οσαυτα 300 σταδίων*, определяетъ это расстояніе только приблизительно. Измѣреніе, производимое съ корабля, было затруднительно по причинѣ сильнаго теченія некоторыхъ устьевъ, не позволявшаго приближаться къ берегу, такъ что расстояніе определялось болѣе глазомерно, нежели точнымъ измѣреніемъ. Какъ легко можно было въ этотъ случай ошибиться, видно изъ показаній Арріана¹ и Безымяннаго², которые полагаютъ для этой же самой шельмы, мѣряя отъ одного устья до другаго, расстояніе только въ 280 стадій, следовательно двадцатью стадіями меньше, чѣмъ Страбонъ.

2) Выраженіе Страбона, находящееся нѣсколькими строками выше³, что Святое устье есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое большое, можетъ быть отнесено только къ одному изъ главныхъ рукавовъ, а не къ какому нибудь побочному.

3) Устьемъ (*στόμα*) рѣки можно назвать только то мѣсто, гдѣ между двумя, ближе или далѣе другъ отъ друга лежащими берегами, рѣка вливается въ другую рѣку, озеро или море; а такъ какъ южный боковой рукавъ Георгіевскаго главнаго рукава, называемый теперь Дунавцею, втекаетъ сначала въ большое озеро (Разинь, Разельмъ) и черезъ него вливается медленно въ Черное море; то Портицкое устье нельзя считать рукавомъ Истра (*στόμα*), а только рукавомъ озера (*λίμνος*), и потому оно не можетъ быть принято за «первое устье», о которомъ упоминаетъ Страбонъ. Противъ этого нельзя привести въ опроверженіе то, что Страбонъ не отличаетъ отъ рѣкъ такъ называемые нами лиманы Днѣстра (Тугас) и Днѣпра (Вогыстхенес). Стоитъ сравнить только видъ этихъ лимановъ съ озеромъ Разельмъ, и всякій легко согласится, что лиманы Днѣстра и Днѣпра сохранили еще характеръ рѣкъ въ большомъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ бухты и извилины озера Разельмъ, слабое теченіе Дунавцы, впадающей въ сѣверный заливъ его и повсюду встрѣчающееся мелководіе и песчаные наносы — ничѣмъ не обнаруживаютъ характера рѣки.

¹ Стр. 23.

² Стр. 11.

³ *Μίγιστον δὲ τὸ ἱερὸν στόμα καλούμενον.*

По Эратоссею ¹, которымъ Аполлоній ² пользовался, сколько позволительно поэту, островъ Певке образуетъ треугольникъ, основаніе котораго обращено къ морю, а бедра образованы двумя рукавами Истра. Островъ этотъ, который и у Страбона называется «большимъ» и далеко превосходить величиною всѣ прочіе острова, образуемые побочными рукавами, — Эратоссеенъ могъ сравнивать его по величинѣ съ островомъ Родосомъ — островъ этотъ обнималъ, кажется, по мнѣнію Эратоссеена всю Дунайскую Дельту, т. е. всю область между обоими главными рукавами, рукавомъ св. Георгія и Килійскимъ. Лишь послѣ болѣе подробнаго знакомства съ страной раздробили эту большую Дельту на многіе малые острова, образуемые второстепенными рукавами Истра. Такъ Плиній, кромѣ острова Певке, самаго южнаго ³, упоминаетъ еще о Сарматскомъ островѣ (*insula Sarmatica*) между *Nagacustoma* и *Calonstoma*, и еще свѣрхнѣе — о третьемъ островѣ между *Calonstoma* и *Pseudostoma* по имени *Canoron Diabasis*. Страбонъ тоже, какъ и Плиній, помѣщаетъ островъ Певке на югъ и ограничиваетъ его тамъ соименнымъ рукавомъ Певке, который, по Птолею, назывался также *ἰερὸν στόμα* ⁴. Поэтому островъ Певке соответствуетъ теперешнему острову св. Георгія. Нельзя впрочемъ опредѣлить съ достовѣрностью, разумѣлъ ли Страбонъ подъ именемъ Певке только этотъ одинъ островъ, или еще и теперешній островъ Лети, лежащій между рукавами Сулинскимъ и Килійскимъ; но если можно объяснить древнее имя растущими тамъ деревьями, не хвойнымъ лѣсомъ, но лиственнымъ, то и островъ Лети, изобилующій лѣсомъ около Килійскаго устья, можетъ быть причисленъ къ Страбонову острову Певке, тѣмъ болѣе, что Страбонъ, если бы онъ дѣйствительно различалъ островъ св. Георгія отъ Лети, не могъ бы сказать, что, въ сравненіи съ Певке, всѣ прочіе острова значительно меньше ⁵. Различіе въ величинѣ между островомъ Лети и островомъ св. Георгія весьма незначительно.

¹ Schol. in Apell. IV. 308: Ἐρατοσθένης ἐν γ' Γεωγραφικῶν, νῆσον εἶναι ἐν τῷ Ἰστρῷ φησὶ τρίγωνον, ἴσην τῇ Ῥόδῳ ἣν Πεύκη λέγει διὰ τὸ πολλὰς ἔχει κόκκας. Καὶ τὴν μὲν κορυφὴν τοῦ τριγώνου ἀπὸ τῆς πρὸς τὸ ρεῖμα οὐδαν τοῦ ποταμοῦ, ἀγκῶνα ἐκάλεσε τὴν δὲ βάσιν τὴν πρὸς τὴν θάλασσαν, εὐρος.

² Arg. IV. 309: Ἰστρῷ γάρ τις νῆσος ἐργάζεται οὐνομα Πεύκη, Τριγλώχιν, εὐρος μὲν ἐς αἰγιαλοῦς ἀνέκουσα, στεινὸν δ' αὐτ' ἀγκῶνα ποτὶ ῥέον.

³ Nat. Hist. IV. 24.

⁴ III. 10.

⁵ I. I. εἰσὶ δὲ καὶ ἄλλαι νῆσοι πολὺ ἐλάττους.

Подъ меньшими островами, лежащими выше Певке, разуметь Страбонъ острова, и теперь еще находящіеся предъ Килійскимъ устьемъ, между Измаиломъ и Килиею и пониже Килии, величина которыхъ не можетъ быть сравнена ни съ островомъ Лети, ни съ островомъ св. Георгія. Этому значительному протяженію, которое я даю острову Певке, следуя Эратосѣну и Страбону, противорѣчить однакожь свидѣтельство Аполлонія¹, который называетъ два рукава, образующіе этотъ островъ, именами *Νάρηκος* и *Καλὸν στόμα*, и такимъ образомъ подъ именемъ Певке разуметь, кажется, одинъ только островъ Лети. Ниже мы увидимъ еще яснѣе, что именемъ *καλὸν στόμα* называется южный рукавъ Килійскаго устья, а *Νάρηκος* (вѣроятно то самое, что у Плинія, Солина и Аммиана *Ναγασιστομα*, или у Птолемея *Ιναράκιον*) ничто иное, какъ устье Сулинское. Впрочемъ слова Аполлоніевы не могутъ здѣсь рѣшить вопроса, потому что при географическихъ изслѣдованіяхъ авторитетъ стихотворца не можетъ быть признанъ рѣшительнымъ. Чтобы показать подробное познаніе свое страны, ученый Александріецъ избралъ для южнаго устья имя, менѣе другихъ употреблявшееся, но безъ сомнѣнія подъ этимъ именемъ разумѣлъ не что иное, какъ устье св. Георгія (*ἱερὸν στόμα*), которое по Страбону, какъ уже выше замѣчено, служило южною границей острова Певке. Но могутъ ли съ моимъ мнѣніемъ быть согласны и слѣдующія слова Страбона²: «самое большое устье, ясть устье Святое, чрезъ которое, проплывая вверхъ по его теченію 120 стадій, достигаютъ острова Певке»? Къ чему это плаваніе 120 стадій, если рукавъ св. Георгія служить въ самомъ дѣлѣ границей острова Певке? Этотъ островъ съ северной стороны рукава былъ вездѣ доступенъ и не было надобности плыть такъ далеко вверхъ по теченію рукава, чтобы достигнуть этого острова. Чѣмъ сильнѣе это важное возраженіе опровергается, повидимому, все мое мнѣніе о положеніи острова Певке; тѣмъ пріятнѣе для меня удержаться на истинномъ пути при помощи самого Страбона. Конечно, мнѣ невозможно будетъ отстаивать свое мнѣніе, если подъ именемъ Святаго устья разумѣть одно только устье святаго Георгія; но къ этому нисколько

¹ Arg. IV. 311:

*ἀμφὶ δὲ δοιαὶ
βρίθονται προχοαὶ τὴν μὲν καλοῦσι Νάρηκος·
τὴν δ' ὑπὸ τῇ νεάτῃ καλὸν στόμα.*

² μέγιστον δὲ τὸ ἱερὸν στόμα καλούμενον. δι' οὗ σταδίων ἀνάκλους ἐπὶ τὴν Πεύκην ἔκκετον εἰκοσι.

и не принуждаютъ насъ слова древняго географа. Страбонъ раз-
умѣетъ подъ своимъ *ἑρῶν στόμα* не только главный рукавъ, который
впадаетъ прямо въ Понть Эвксинскій и теперь извѣстенъ подъ именемъ
устья св. Георгія, но также и южный побочный рукавъ этого устья,
который впадаетъ въ теперешнее озеро Разинъ или Разельмъ и на-
зывается у насъ Дунавицею. Къ сему-то последнему относятся выше
приведенныя слова Страбона, желавшаго своими 120 стадіями озна-
чить протяженіе Дунавицы отъ впаденія ея въ озеро до соединенія
съ рукавомъ св. Георгія. И въ самомъ дѣлѣ, протяженіе это озна-
чено имъ совершенно верно; ибо если мы проидемъ вверхъ отъ
устья Дунавицы 120 стадій или 21½ версты, то достигнемъ острова
св. Георгія или древняго, Певке. Этотъ небольшой рукавъ Истра,
впадающій въ озеро (Дунавица), безъ сомнѣнія, весьма рѣдко упо-
треблялся для плаванія и не имѣлъ поэтому собственнаго названія.
Имя его заключалось вмѣстѣ въ названія *ἑρῶν στόμα* или *Πεύκη*,
какъ по Птолемию¹, назывался одинъ и тотъ же рукавъ; но, говоря
точнѣе, слѣдовало бы отличать большое и малое *ἑρῶν στόμα*, боль-
шую и малую *Πεύκη*, смотря по тому хотѣли ли указать на рукавъ
св. Георгія или на Дунавицу. Хотя этого не соблюдали, однако все
же знали о семи рукавахъ. Вообще для тѣхъ рукавовъ, которые не
достигали моря, не было собственныхъ именъ, вслѣдствіе чего мы не
встрѣчаемъ у Птолема особеннаго имени и для его втораго сѣвер-
наго рукава, который не считался устьемъ, потому что не впадаетъ
въ Понть. Такъ же мало права имѣетъ и Дунавица на названіе на-
стоящаго устья. И она впадаетъ въ море только *посредственно*,
но такъ какъ она гораздо значительнѣе, нежели сѣверный рукавъ,
упомянутый у Птолема, отдѣляющійся не далеко отъ устья, то не
затруднились присовокупить Дунавицу, какъ седьмой, хотя безъ-
именный рукавъ, къ шести, дѣйствительно впадающимъ въ Понть, и
могли сдѣлать это тѣмъ охотнѣе, что такимъ образомъ дополнялось
сравненіе Дуная съ семирукавнымъ Ниломъ. Къ этому же безымен-
ному рукаву (Дунавицѣ) относятся и слова Солина² и Аммиана

¹ *Ἐπιπέδον δὲ τὸ μὲν νοτιώτατον μέρος, περιλαβὼν νῆσον καλουμένην Πεύκην, ἐξβάλλει εἰς τὸν Πόντον στόματι τῷ λεγόμενῳ ἑρῶ ἢ Πεύκῃ.*

² XIII. 1: Septem ostiis Pontum influit; quorum primum Pevce, secundum Naracustoma, tertium Caloustoma, quartum Pseudostoma: nam Borionstoma ac deinde Stenostoma languidiora sunt ceteris. Septimum vero, pigrum ac palustri specie, non habet, quod amni conparetur.

Марцеллина¹. Правда, г. Брунъ² отвесь оба сн показанн къ при-
ведшему Птолемею озеру Thiagora, чрезъ которое достигать
моря самое северное совмещеное устье, но это, по моему мнѣнью,
ошибочно; хотя Солинъ и считаетъ упомянутыя нѣть вѣсть устья
отъ юга къ северу, однакожь этихъ еще не сказано, что седьмое
устье, которое онъ не причисляетъ къ остальнымъ устьямъ по при-
чинѣ болотистаго ложа рѣки, лежитъ еще севернѣе вѣстаго устья Ste-
нолома. Рѣчь его, здѣсь совершенно отрывистая и прямо противополож-
ная предшествовавшей, скорѣе указываетъ на то, что онъ уже не счи-
таетъ болѣе въ направленн отъ юга къ северу, но напротивъ того
переноситъ читателя въ совершенно другую сторону, а именно къ
озеру Разинъ,³ которое Плиній⁴ подробно описываетъ, и о которомъ
Солинъ при южномъ устьѣ Певке на слова не сказалъ. Комментарь
Плинія пополняетъ этотъ пропускъ при концѣ своего описанн; онъ
обязанъ былъ сдѣлать это темъ болѣе, что для того, чтобы у него
вышло полное число семи устьевъ, ему непремѣнно надлежало вы-
разиться ясно и опредѣлительно о дѣленн самаго южнаго рукава, на
которое Плиній только намекаетъ. Что касается до свидетельства
Аммiana, который знаетъ также семь устьевъ, но только шесть
означаетъ особенными именами, то описанн его ясно показываетъ,
что онъ буквально списывалъ Солина; поэтому о семи устьяхъ, упо-
минаемыхъ у Аммиана, должно разумѣть то самое, что сказано выше
о седьмомъ безыменномъ устьѣ Солина. Это не чтд иное, какъ Ду-
навца.

На сколько согласны между собою встрѣчающіяся у древнихъ
писателей имена, послѣ сказаннаго выше, увидитъ читатель лучше все-
го изъ прилагаемой при семь таблицы, въ которой расположены
устья отъ свѣра къ югу и для бѣльшей ясности присоединены ны-
нѣшнн ихъ названн.

¹ XXII. 8 p. 301 (ed. Bipont). Quorum (ostiorum) primum est Peuce insula super dicta, ut interpretata sunt vocabula Graeco sermone, secundum Naracustoma, tertium Calenstoma, quartum Pseudostoma; nam Boroenstoma ac deinde Stenestoma longe minora sunt ceteris: septimum ingens et palustri specie nigrum.

² La bouche de Kilia du Danube. Journal d'Odessa 1852. NN 31 и 32. Его-же о Килійскомъ устьѣ Дуная. Одесса. 1853, стр. 8.

³ Natural. Hist. IV. 24. p. 267 (edit. stereot.).

ШЕСТЬ УСТЬЕВЪ СЕМЬ УСТЬЕВЪ ПЯТЬ УСТЬЕВЪ ЧЕТЫРЕХЪ УСТЬЕВЪ
у ПТОЛЕМЕЯ и ЦИЛИИ. у СОЛОНА и АММИАНА. у АРДАНА и БЕЗЪИМЕННАГО. ДУНАВЪ.

- 1. Thiagola si- 1. Spireonstoma. 1. Stenostoma. 1. Psilon. 1. Бѣлгородское гирло.
ve Psilon.
- 2. Boreonstoma. 2. Boreonstoma. 2. Borionstoma. 2. » 2. » 2. Очаковское гирло.
- 3. Pseudostoma. 3. Pseudostoma. 3. Pseudostoma. 3. Sine nomine 3. Sine nomine 3. Sine nomine 3. Среднее гирло.
resculiari.
- 4. Calonstoma 4. Calonstoma. 4. Calonstoma. 4. Calonstoma. 4. Стамбульское гирло.
- 5. Naracium. 5. Naracustoma. 5. Naracustoma. 5. Naracustoma. 5. Naracustoma. 5. Сулинское устье.
- 6. 'Ἰερὸν στóμα6. Peuce (major 6. Peuce (ma- 6. Sine nomine 6. Sine nomine 6. Ustye sv. Georgiya.
(major et mi- et minor). jor). resculiari.

- 7. Septimum, 7. Septimum
pigrum ac pa- ingens et pa-
lustris specie, lustris specie
non habet nigrum.
quod anni
comparetur.
- 7. Дунавица.

При взглядѣ на эту сравнительную таблицу поражаетъ насъ разнообразіе именъ, которыми обозначалось самое свѣрное устье. Всякій почти писатель даетъ ему особенное имя; однако за исключеніемъ имени Thiagola, находящагося у одного только Птолемея, и имени Spigeonstoma у Плинія, происходящаго вѣроятно отъ описки, всѣ прочія названія могутъ быть приведены къ двумъ наименованіямъ, такъ какъ у греческихъ писателей преобладаетъ названіе *Ψάλον*, а у римскихъ названіе *Stenostoma*. Оба названія происхожденія греческаго и указываютъ, что это устье было узкое и тѣсное: именно это замѣчаютъ Солинъ и Аммианъ Марцеллинъ объ обонхъ свѣрныхъ устьяхъ согласно съ Страбономъ¹, по которому они менѣе, нежели Святое устье, но болѣе, нежели три слѣдующія къ сѣверу отъ Святаго. Впрочемъ подъ словами *τὰ δὲ λοῖκα* разумѣтъ Страбонъ не только оба самыя свѣрныя устья, но также и Дунавицу, и сію последнюю онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду преимущественно предъ другими рукавами при своемъ описаніи. Но что подъ выраженіемъ *τὰ δὲ λοῖκα* не должно разумѣтъ трехъ рукавовъ, прямо впадающихъ въ Понтъ, это видно изъ связи этого мѣста со всѣмъ прочимъ, гдѣ три устья, слѣдующія за Святымъ, достаточно обозначаются словами: *τὰ ἐφεξῆς τῷ ἑρῷ στόματι*, между тѣмъ какъ *τὰ δὲ λοῖκα* безъ всякаго другаго прибавленія не заключаютъ въ себя никакой послѣдовательности въ порядкѣ. Поэтому не всѣ ихъ должно искать у морскаго берега, но (какъ седьмое устье у Солина и Аммиана) также и въ другомъ мѣствѣ, а именно у теперешняго озера Разина.

Гораздо болѣе согласія встрѣчается въ названіяхъ слѣдующихъ устьевъ, означенныхъ подъ № № 2, 3, 4, 5: различіе состоитъ только въ различномъ образѣ писанія, при чемъ однако пемзя не узнать одинаковаго корня. О шестомъ и седьмомъ устьѣ говорилъ я уже довольно подробно выше, а въ таблицѣ, указанія, встрѣчающіяся у Плинія и Птолемея, выразилъ словами, заключенными въ скобкахъ: *major* (*major*) и *minor* (*minus*).

Этого достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ устьяхъ Дуная. Я считалъ необходимымъ поговорить объ нихъ подробнѣе, чтобы точнѣе опредѣлить положеніе города Томи и некоторыхъ другихъ пунктовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно Святое устье,

¹ I. *τὰ μὲν δὴ τρία στόματα τὰ ἐφεξῆς τῷ ἑρῷ στόματι ἔσσι μικρὰ: τὰ δὲ λοῖκα τοῦ μὲν πολὺ ἐλάττονα, τῶν δὲ μέζονα.*

потому что, начиная съ этого устья, Страбонъ, Аррианъ и Безымянный производятъ свои измѣренія.

Я принимаю достаточно доказаннымъ тождество древняго имени этого устья съ теперешнимъ устьемъ св. Георгия; потому-то отъ этого устья и начинаю изслѣдованія свои, въ главѣ коихъ поставляю нижеслѣдующія слова Страбона¹. Измѣривъ мѣстность отъ свѣра къ югу, онъ говоритъ: «для того, кто плыветъ по морю, имея берегъ въ полномъ его протяженіи въ право, отъ Святаго устья Истра до городка Истроса будетъ разстояніе въ 500 стадій». На нашу мѣру это составитъ 88¹/₂ версты. Это береговое плаваніе, точно обозначенное, при которомъ конечно мы не въѣзжаемъ ни въ Портиккое устье, ни въ озеро Разинъ, но оставляемъ ихъ въ право, приведетъ насъ сначала къ мысу Мидія (Cap Midia) — *Πταρόν ἄμρου* Птолемея² — и потомъ къ лежащему при бухтѣ городку Кара-Ирманъ (Kara-İrman) или Каракерманъ (Karakerman), который, по моему мнѣнію, должно принимать за гавань города Истроса; между тѣмъ какъ собственный городъ должно искать около двадцати верстъ далѣе внутрь страны, и именно западнѣе отъ нижней части озера Разина. На это наводитъ слова Плинія³, который при подробномъ описаніи озера Разинъ отличаетъ двѣ особенныя части его: северную, въ которую впадаетъ Дуванца (*Ruce minor*), имѣющую 19 римскихъ миль въ окружности, и для которой есть у Плинія особеннаго имени, и южную (въ 60 римскихъ миль въ окружности), которую Плиній называетъ *Halmutia*. Обѣ части составляютъ следовательно объемъ въ 89 римскихъ миль или 116¹/₂ версты, что точь въ точь соответствуетъ величинѣ теперешняго озера Разина. Описание Галмириса начинаетъ Плиній съ свѣра, и поэтому изъ словъ его: «*ex oriente alvee et super Istropolim lacus gignitur* LXXM passuum amplitudine; *Halmutia vocatur*» видно, что онъ за источникъ Галмириса принимаетъ отдаленнѣйшую часть противоположнаго берега, т. е. южную оконечность озера Разина. За этой южной оконечностью лежалъ Истрополисъ (*Istropolis*); въ разстояніи около 15 верстъ на западъ отъ озера. Ближе къ озеру нельзя искать древняго города; потому что низменная страна, лежащая на берегу озера, не могла быть довольно приличной для поселенія на ней. Напротивъ того, почти въ означенномъ отъ озера разстояніи возвышаются землѣ, и

¹ «*Ἔστιν οὖν ἀπὸ τοῦ ἰστροῦ στόματος τοῦ Ἰστροῦ ἐν δεξιᾷ ἔχοντι τὴν συνεχὴ παραλίαν Ἰστρος καλεῖται ἐν πεντακόβοις σταδίοις.*»

² Geograph. III. 10.

³ Nat. Hist. IV. 24.

какъ въ древности служила Истрианамъ, такъ и теперь еще служить Булгарамъ мѣстомъ большихъ и малыхъ селеній. На различіе гавани Истрианъ отъ собственнаго города указываетъ, вѣроятно, и двойное имя: *Истрось* у Страбона, Арріана и Безъименнаго, и *Истрополь* у Плинія и Мелы¹; первые имѣли въ виду при береговомъ плаваніи преимущественно гавань, а вторые городъ. По той же причинѣ Страбонъ называетъ упоминаемое имъ мѣсто городкомъ (*πολίχμιον*), Плиній же городомъ и причисляетъ его къ красивѣйшимъ въ цѣлой странѣ. Могла ли произойти такая большая переменна съ однимъ и тѣмъ же городомъ въ одно какое-нибудь полстоletіе, которое отдѣляетъ Страбона отъ Плинія? Нельзя конечно отрицать возможности этого, однако же оно невѣроятно. Далѣе, не находится ли въ связи съ положеніемъ самаго города *двойная голова*, встрѣчающаяся на серебряныхъ монетахъ Истрианъ, время ихъ независимости, которую такъ различно² объясняли? Эти двѣ головы, находящіяся одна близъ другой въ обратномъ положеніи, вмѣстѣ съ типомъ оборотной стороны, гдѣ орелъ сидитъ на дельфинѣ или пожираетъ рыбу, намекали бы тогда на то, что Истрось и Истрополь, лежавшіе между Галмирисомъ и Понтомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ относительно моря, находились въ тѣсной связи между собою. Наконецъ, должно еще замѣтить, что разстояніе между Истросомъ и Томи означено Страбономъ 50 стадіями менѣе, нежели у Арріана и Безъименнаго. Не позволительно ли объяснять это разногласіе тѣмъ, что разстояніе города отъ гавани не было въ точности известно моржамъ, которые рѣдко посѣщали городъ, а чрезъ это легко могло произойти различіе въ показаніяхъ. Больше нежели всѣ приведенныя мною соображенія, говорить въ пользу моего предположенія — самая мѣстность страны, какъ она и теперь еще существуетъ. Милетійцы, при основаніи этой колоніи³, никакъ не могли упустить изъ виду тѣхъ выгодъ, которыя могла имъ доставить такая прекрасная гавань какъ Каракерманъ; поэтому, если древнія греческія колоніи большею частію отыскиваются только у береговъ Понта или у судоходныхъ, въ Понтѣ выдающихся, рѣкъ, а не внутри страны, то это же самое должно полагать и объ Истросѣ. Какъ могли предусмотрительные Греки удалиться далеко отъ стихій, которая имъ открывала съ одной стороны вѣрную надежду на процвѣтаніе при помощи торговли, а съ другой—

¹ II. 2, 5.

² Eckhel Doctr. num. vet. II. p. 14.

³ Strabo, Anonymus, Plinius l. l.

доставляла имъ нужную защиту противъ угрожающихъ вторженій и нападеній варваровъ вблизи обитавшихъ? Уже по этой естественной причинѣ не должны были остаться незанятыми мѣста, самою природою назначенныя для гавани, и было бы очень странно, еслибъ не было обращено вниманія на гавань Каракерманъ, замкнутую съ трехъ сторонъ и открытую только съ юга, на рейдъ которой корабли, проходящія съ юга, и теперь еще находятъ надежную защиту противъ вѣтра и непогоды¹. Этого не могло быть! Безъ сомнѣнія, въ Каракерманъ прежде всего основались милетскіе колонисты и перенесли свои жилища на двѣ мили глубже внутрь страны только тогда, когда имъ нечего было бояться тамошнихъ соседей. Но и послѣ того теперешній Каракерманъ остался все-таки настоящею гаванью Истрополя. Такимъ образомъ городъ Истріанъ могъ быть рассматриваемъ то какъ приморскій, то какъ внутренній городъ, и въ этомъ отношеніи также оправдывается изображеніе на его монетахъ двухъ головъ, находящихся одна близъ другой въ обратномъ положеніи.

Ближайшее мѣсто на югъ отъ Истроса², есть Томи, также колонія милетская. До нея отъ Истроса 250 (по Страбону) или 300 (по Арріану и Безыменному) стадій, т. е. $44\frac{1}{4}$ или 52 версты. Если изъ этихъ двухъ, не вполне согласныхъ, показаній дадимъ преимущество показанію Страбона, и изъ его $44\frac{1}{4}$ версты около 20 верстъ положимъ на сухопутъе, прочія же для провоза водою, то придемъ къ теперешнему городку Кюстенджи, мѣсту, которое по самому естественному его положенію, было удобно для древняго поселенія. Тамъ вдается почти на версту въ море возвышенный материкъ, образуя полуостровъ, окруженный съ трехъ сторонъ моремъ, а къ западу огражденный отъ остальнаго материка горною цѣвью, тянущоюся версты на двѣ. Въ странѣ, гдѣ постоянно должно было опасаться нападеній отъ грубыхъ соседнихъ племенъ, и гдѣ можно было защитити себя отъ ихъ враждебныхъ набѣговъ только стѣнами и укрѣпленіями, — нельзя было найти мѣста, болѣе удобнаго для защиты весьма малыми средствами, какъ именно этотъ совершенно изолированный полуостровъ. Такое важное преимущество, къ которому присоединялась еще выгода пространной гавани, должно было броситься въ глаза, и поэтому Милетійцы избрали это мѣсто при заложеніи Томи. Мѣстность Кюстенджи, болѣе нежели какое-нибудь

¹ Taitbout Pilote de la mer noire et de la mer d'Azov. Constantinople. 1850. p. 38.

² Strabo, Plinius, Ptolemaeus, Arrianus, Anonymus и Ammianus l. I.; по справедливости одного только Мелы (II, 2, 5) слѣдуетъ за Истрополемъ не Томи, но Каллиасъ.

другое мѣсто страны, поразительно сходствуетъ съ теми краткими указаніями, которыми оставилъ намъ Овидій о мѣстѣ своей ссылки. Утѣсистый берегъ, о которомъ онъ говоритъ ¹, характеризуетъ еще и теперь Кюстенджи и выдается въ море съ восточной стороны полуострова многими рифами. На южную цѣпь, расположенную по западной части полуострова, намекаетъ онъ ², когда говоритъ, что только естественное положеніе страны и стѣны города дѣлаютъ его безопаснымъ отъ постоянныхъ нападений враждебныхъ ессыдей. Въ озеро, которое замерзаетъ зимою, и изъ котораго ломаютъ ледъ ³, узнаемъ мы озеро, лежащее версты двѣ выше Кюстенджи, которое еще и теперь называется Овидіевымъ (Ovidiovo). Недостатокъ въ тучныхъ пастбищахъ ⁴, въ тѣнистыхъ ивовыхъ ⁵ и дубовыхъ лѣсахъ ⁶, въ источникахъ прѣсной воды ⁷, въ пѣвчихъ птицахъ ⁸, отсутствіе плодородныхъ пахатныхъ полей ⁹, ясно напоминаетъ намъ степь, на которой лежитъ нынѣшній Кюстенджи; и эта картина будетъ еще нагляднѣе, если мы къ этому присоединимъ жалобы Овидія на однообразіе страны, которая, подобно морю, представляетъ безконечную равнину ¹⁰, не украшается весною разноцвѣтнымъ дерномъ ¹¹ и, вмѣсто всякихъ травъ и зелени, изобилуетъ только горькою полынью (absinthium) ¹², растеніемъ свойственнымъ степной пустынѣ. Прибавимъ къ этому еще замѣчаніе Овидія; что въ Томи встрѣчаются только морскія птицы ¹³, наполняющія воздухъ своимъ дикимъ крикомъ, что вода для питья здѣсь сделана или имѣетъ болотный запахъ ¹⁴, и что сила сѣверныхъ вѣтровъ такова, что своситъ крыши и грозитъ разрушеніемъ высокимъ зданіямъ ¹⁵. Однимъ словомъ, при описаніи мѣста своей ссылки Овидій могъ имѣть въ виду только ту страну, гдѣ лежитъ теперь Кюстенджи; поэтому, со всею вѣроятностію, мы должны искать здѣсь древній

¹ Trist. I. 6, 9.

² Trist. V. 10, 18.

³ Trist. III. 10, 26. *ibid.* III. 12, 28.

⁴ Trist. III. 10, 75. V. 4, 10. Epist. I. 2, 25.

⁵ Trist. V. 4, 9. III. 10, 75, III. 12, 16.

⁶ Epist. I. 3, 52. III. 1, 20.

⁷ Epist. III. 1, 17.

⁸ Epist. III. 1, 21.

⁹ Epist. I. 6, 35.

¹⁰ Trist. III. 1, 20.

¹¹ Trist. III. 1, 11.

¹² Epist. III. 1, 23. III. 8, 15.

¹³ Epist. I. 24, 22.

¹⁴ Epist. II. 7, 74.

¹⁵ Trist. III. 10, 17.

городъ Томи. Доказательствомъ существованія въ этомъ самомъ мѣстѣ древняго поселенія служатъ древнія постройки, которыя еще здѣсь находятся. Это именно остатки древняго мола, который былъ построенъ для безопасности гавани у мыса, оканчивающаго полуостровъ, нѣсколько колодцевъ въ такихъ мѣстахъ, которыя теперь не принадлежатъ болѣе къ городу, и нѣкоторые остатки древнихъ построекъ у берега, который образуетъ западную сторону рейда на югъ полуострова. Я не могу, конечно, со всею достоверностію доказать, чтобы все это были именно древности Томи, — однако, въ противномъ случаѣ, какому изъ древнихъ городовъ могли принадлежать эти остатки? Всѣ древніе географы, за исключеніемъ не совсѣмъ точнаго Мелы, полагаютъ Истрось и Томи на самомъ сѣверѣ, а Каллатисъ и остальные къ Одессосу лежащіе города безъ исключенія — южнѣе. По этому, если мы желаемъ отнести уцѣлѣвшіе остатки къ какому-нибудь древнему городу, остается намъ только сдѣлать выборъ между Истросомъ и Томи; а такъ какъ Истрось, независимо отъ всѣхъ другихъ причинъ, уже по самому имени своему долженъ былъ лежать недалеко отъ рѣки Истра, то намъ остается только — Томи. Правда, что нѣкоторые новые писатели¹ желали видѣть въ Кюстенджи городъ Констанцію или Констанціану, который у Прокопія² упоминается непосредственно передъ Каллатисомъ; особенно ихъ клонило къ этому нѣкоторое созвучіе именъ, потому что еще ничего нельзя заключить изъ того мѣста, которое занимаетъ *Κωνσταντιανὰ* въ спискѣ Прокопія: города, какъ это легко замѣтить изъ другихъ именъ, не исчислены тамъ по ихъ географическому положенію. Но мы видимъ изъ сочиненій Константина Порфиророднаго³, что Констанція, вѣроятно равнозначущая съ *Κωνσταντιανὰ* Прокопія, лежала у рѣки Варны (*Βάρνας*) и по этому, какъ показалъ уже и Бѣкъ⁴, есть позднѣйшее названіе Одессоса. Впрочемъ и тогда даже, еслибъ между *Κωνσταντιανὰ* и *Κωνσταντία* желали сдѣлать какое-нибудь различіе и означить каждымъ изъ этихъ именъ особенный городъ, то *Κωνσταντιανὰ* Прокопія было бы не болѣе какъ названіе какого-нибудь мѣстечка, возникшаго позднѣе, какихъ въ спискѣ Прокопія мы видимъ много. Определить ихъ географически — невозможно: Прокопій въ своемъ каталогѣ смѣшиваетъ древнесъ новымъ, и, какъ кажется, имѣетъ очень неточныя

¹ Forbiger Handbuch d. alt. Geogr. III. p. 1099.

² De aedific. IV. 11. p. 307. (edit. Bon.).

³ De administr. imperio II. 9.

⁴ Corpus Inscript. Graecar. II. p. 78. N 2056.

свѣдѣнія о положеніи отдѣльныхъ мѣстечекъ. Такъ въпрямь, не говоря о многомъ другомъ, вспомнимъ кстати, что городъ Томи причисляетъ онъ къ городамъ, лежавшимъ внутри страны. Впрочемъ и Мотрэ¹ также считаетъ теперешнее мѣсто Кюстенджи за Констанцію и уцѣлвшіе еще до сего времени остатки древнихъ стѣнъ несправедливо считаетъ остатками города Констанціи. Монеты, найденныя имъ въ Кюстенджи, съ именами *Constans*, *Constantius* и *Constantinus*, ничего не могутъ доказывать, потому что подобныя же монеты находилъ онъ весьма часто по всей странѣ, и при томъ, какъ новѣйшія, онъ могъ легче уцѣлѣть. Напротивъ того Мотрэ не даетъ никакого особеннаго вѣсу тому, что въ Кюстенджи собралъ онъ также много монетъ изъ Томи и Каллатиса, а это именно и доказываетъ, что на мѣстѣ Кюстенджи долженъ былъ находиться городъ древнѣйшій, нежели Констанція, заложена только въ четвертомъ столѣтіи по Р. Х. У большей части греческихъ городовъ, лежавшихъ на берегахъ Понта Эвксинскаго, уже въ половинѣ третьяго вѣка нашего лѣтосчисленія было отнято право чеканить монету, и потому извѣстныя, дошедшія до насъ монеты Томи², также какъ и города Каллатиса³, восходятъ не далѣе Филиппа Младшаго. Разумѣется, онъ не были уже болѣе въ употребленіи въ то время, когда была основана и процвѣтала Констанція, тѣмъ болѣе, что перечеканка древнихъ монетъ, а именно томійскихъ, по превосходству ихъ металла, была очень выгодна. По этому найденныя Мотрэ въ Кюстенджи монеты города Томи и Каллатиса указываютъ на то, что городъ, нѣкогда находившійся на мѣстѣ Кюстенджи, древнѣе, нежели Констанція. Конечно, изъ находки нѣсколькихъ монетъ нельзя бы сдѣлать, при другихъ обстоятельствахъ, дальнѣйшаго заключенія; однако такъ какъ уже по однимъ вышеприведеннымъ основаніямъ слѣдуетъ искать города Томи именно на мѣстѣ нынѣшняго Кюстенджи, то, надѣюсь, никто не вмѣнитъ мнѣ въ заблужденіе, если я пользуюсь и монетами, найденными Мотрэ, для доказательства справедливости моего мнѣнія относительно положенія города Томи. Въ пользу моего же мнѣнія говорятъ и нѣкоторыя надписи, отысканныя на полуостровѣ и по-доль деревни Анадолкеи (*Anadolkeiu*), въ $\frac{1}{2}$ мили отъ Кюстенджи, австрійскимъ вице-консуломъ въ Варнѣ г. Тедески, о которыхъ я по-дальнѣе буду говорить ниже. Но прежде необходимо опредѣлить по-

¹ La-Motraye Voyage en Europe, Asie et Afrique. II. p. 208.

² Mémoires Suppl. II. p. 205.

³ Ibid. II. p. 69.

ложение некоторых других мѣстъ, о которыхъ, послѣ Томи, упоминають древніе географы.

Здѣсь первое мѣсто занимаетъ *Каллатисъ*, сперва колонія Милета¹ или Мегары², называвшаяся Керастисомъ, впоследствии населенная колонистами изъ Гераклии³. Каллатисъ отстоялъ отъ Томи, по Страбону⁴, на 280, по Арриану⁵ и Безыменному⁶ на 300 стадій. Разница на 20 стадій въ этихъ показаніяхъ легко объясняется тѣмъ, что Страбонъ дѣлалъ измѣренія болѣе по прямому направленію, другіе же два автора опредѣляли это разстояніе, плывая вдоль самаго берега. Но эти 280 стадій Страбона, что составляетъ на нашу мѣру 49 $\frac{1}{2}$ версты, приведутъ насъ 12 или 13 верстъ далѣе за Мангалію, и притомъ на такое мѣсто, вблизи котораго нѣтъ ни удобной гавани, ни малѣйшихъ остатковъ древности. Напротивъ, то и другое находимъ мы въ Мангаліи, и потому, не смотря на измѣренія древнихъ, мы принуждены помѣстить Каллатисъ при теперешней Мангаліи. Разстояніе же между Кюстенджи и Мангаліею — по теперешнему измѣренію 21 морская миля (36 $\frac{1}{2}$ версты)⁷ — не можетъ уже потому соответствовать измѣренію древнихъ, что въ новѣйшія времена измѣряются разстоянія по прямымъ линіямъ, независимо отъ извилинъ берега; между тѣмъ какъ древніе, на своихъ небольшихъ судахъ, ходили гораздо ближе къ берегу и принимали во вниманіе всѣ бухты и изгибы материка. По этому на разстояніи 280 — 300 стадій легко могло произойти разницы 12 — 16 верстъ.

Нынѣшняя Мангалія, — которую Мотрѣ⁸ только на своей картѣ отличаетъ отъ Папгалы, лежащей весьма близко отъ нея къ югу и принимаемой имъ за древній Томи, но на которую онъ въ описаніи своего путешествія болѣе вниманія не обращаетъ, — со времени изслѣдованій Маннерта⁹ и Шаффарика¹⁰ принята всѣми за древній Томи. Но ни остатки сохранившихся здѣсь строеній, ни обстоятельство, что Мангалія тамошними жителями еще и въ настоящее время называется Томисварою, не могутъ, послѣ того, что я сказалъ о Кю-

¹ Mela II. 8, 5.

² Ovid. Trist. I. 10, 39, 40.

³ Strabo VII. 6, 1, p. 491. Аневум. I. I. Memnon 21.

⁴ I. I.

⁵ pag. 24. (ed. Huds.)

⁶ p. 12. (ed. Huds.)

⁷ Taitbout. I. I. p. 37.

⁸ На картѣ Мотрѣ городъ называется Magnalia.

⁹ Geographie der Griechen und Römer VII. p. 126.

¹⁰ Wiener Jahrbücher XLVI. 49.

тепджи, сдѣлать правдоподобнымъ, что Мангалія была мѣстомъ ссылки Овидія. Во всемъ этомъ краѣ люди образованные сохранили воспоминаніе объ этомъ печальномъ изгнаніи, и потому имя Овидія или мѣсто его заточенія были переносимы въ разныя страны и на разныя мѣста. О неосновательности подобной номенклатуры я упоминалъ уже выше; здѣсь еще только присовокуплю, что если обращать вниманіе на названія, напоминающія объ Овидіи, то озеро, лежащее между Бабою и Кюстенджи и называемое не-Турками и нынѣ еще Овидіевымъ озеромъ (Ovidiovo)¹, столько же, и даже еще больше, говорить за Кюстенджи, чѣмъ Томисвара за Мангалію. Но, при всемъ томъ, упоминая выше объ озерѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ полуострова, я не придавалъ этому названію особенной важности, зная хорошо, какъ однопозвучіе въ именахъ и словахъ, за недостаткомъ болѣе важныхъ основаній, легко можетъ ввести въ заблужденіе. Древнія строенія, которыя Мотрѣ² нашелъ въ Пангалѣ или Мангаліи, могутъ быть отнесены какъ къ Каллатису, такъ и къ Томи. Что же касается до упоминаемой имъ въ числѣ строеній Овидіевой башни³, то едва ли кто повѣритъ, чтобы въ ней дѣйствительно жилъ Овидій. Какъ въ Римѣ на языкъ простаго народа и необразованныхъ чичерони всѣ развалины носятъ классическія имена, съ которыми онѣ, какъ это доказано, ничего общаго не имѣютъ; такъ и этой башнѣ придали имя Овидія не по какому-либо преданію, а только потому что отыскивали древній Томи въ Мангаліи. Мое же мнѣніе, что на мѣстѣ нынѣшней Мангаліи находился Каллатись, а не Томи, подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Мотрѣ⁴ между монетами, собранными имъ въ Томисварѣ, нашелъ много изъ Каллатиса и только нѣсколько монетъ изъ Томи, и что на мѣстѣ, гдѣ по его мнѣнію стоялъ Каллатись, незамѣтно никакихъ слѣдовъ древняго населенія⁵. Впрочемъ ли, чтобы Каллатись, который Плиніемъ⁶ причисляется къ красивѣйшимъ городамъ всей страны, и который, по вѣрнымъ свидѣтельствамъ⁷, еще существовалъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, исчезъ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ? Правда, что это случилось съ нѣкоторыми другими городами древности; но такъ какъ остатки въ Мангаліи, и

¹ La-Motraye II. p. 207.

² Voyage II. p. 209.

³ ibidem: «Les prétendues restes de la tour d'Ovide».

⁴ ibid. p. 209.

⁵ ibidem: «mais je n'y decouvris aucunes antiquites — et pas même des médailles».

⁶ N. II. IV. 18. p. 277. (ed. stereot.).

⁷ Constant. Porphy. de themat. p. 47, 14. (ed. Bonn.)

особенно остатки древняго мола гавани ¹ и другихъ строеній, доказываютъ прежнее существованіе довольно значительнаго приморскаго города, какимъ именно представляютъ ² Аррианъ и Безыменный древній Каллатисъ, то мы, сыскавши для Томи другое мѣсто, имѣемъ полное право все это отнести къ Каллатису. Моему мнѣнію о положеніи Каллатиса не противорѣчитъ и свидѣтельство Птолемея ³, по которому Каллатисъ слѣдуетъ непосредственно за Томи и отстоятъ отъ него на 40 минутъ долготы и 20 минутъ широты.

За Каллатисомъ, на разстояніи 180 стадій, Аррианъ ⁴ и Безыменный ⁵ помѣщаютъ *Пристань Карійцевъ* (*Καρίων λιμήν*), называемую у Мелы ⁶ *Portus Caria*, хотя у другихъ географовъ она не упоминается, вѣроятно, по своей маловажности. Упомянутыя 180 стадій, соответствующія, по нашему измѣренію, $31\frac{1}{2}$ версты, приводятъ насъ почти къ мысу Шеблеру, гдѣ я и помѣщаю гавань Карійцевъ, потому что небольшія суда легко могли находить тамъ якорную стоянку. Рауль Рошеттъ ⁷ изъясняетъ имя этой гавани свидѣтельствомъ Плинія ⁸; но въ приведенномъ мѣстѣ видно только, что поселенія Карійцевъ въ древнѣйшія времена находились при Тананьсѣ, — изъ чего нельзя еще заключать, что наша пристань Карійцевъ и окрестность ея, называвшаяся Карією, дѣйствительно обязаны своимъ названіемъ карійскимъ поселенцамъ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Карійцы избрали для своего поселенія мѣсто, столь мало благоприятное природою. Были ли здѣсь найдены когда-нибудь какія-либо древности — я не могъ узнать. Древняя, стоящая на вершинѣ, башня, служившая прежде маякомъ ⁹, обязана своимъ происхожденіемъ гораздо болѣе позднимъ временамъ.

Въ 120 стадіяхъ ¹⁰ или 20% версты отъ пристани Карійцевъ лежитъ мысъ Калиакри, который у древнихъ именуется совершенно иначе. Страбонъ ¹¹ называетъ его *ἡ Τηρίσις ἄκρα* и повѣствуетъ, что это мѣсто служило Лисимаху хранилищемъ его сокровищъ. Скалы,

¹ Taitbout. p. 36.

² У обонхъ называется Каллатисъ *ἄρος ναυβίη*.

³ Geogr. III. 10.

⁴ p. 24.

⁵ p. 13.

⁶ II. 2. 5.

⁷ Histoire de l'établissement des colonies grecques III. p. 318.

⁸ Nat. Hist. VI. 7.

⁹ Taitbout. I. I. p. 36.

¹⁰ Arrian. et Anonymus I. I.

¹¹ VII. 6, 1. p. 492.

круто опускающіяся при этомъ мысъ въ море и образующія небольшой полуостровъ, составляютъ защиту отъ нападенія со стороны моря, а со стороны материка служатъ защитой цѣль горъ, идущая непосредственно за мысомъ. Этому, самой природой образованному и, вѣроятно, руками человѣческими усовершенствованному укрѣпленію совершенно приличны слова Страбона: *χωρίον ἐρμυόν*. У Птолемея ¹ мысъ этотъ называется *Τιρίστis ἄκρα*, у Мелы ² *Tiristis promontorium*, у Арріана ³ *Τετριβίας*, у Безыменнаго ⁴ *Τετριβίας* или *Τιρίζα* или просто *ἄκρα*. Не смотря однако на всѣ эти небольшія несогласія названій, видно, что они всѣ разумѣютъ одно и то же мѣсто.

Отъ мыса Тиризиса — по Арріану ⁶ и Безыменному ⁶ — на разстояніи 60 стадій (10¹/₂ версты) лежалъ маленькій городокъ *Бизона* (*Βιζώνη*) ⁷, который, по свидѣтельству Страбона, большей частью, а по свидѣтельству Мелы ⁸ и Плинія ⁹, совершенно разрушенъ землетрясеніемъ. Также и Арріанъ ¹⁰ говоритъ о немъ, какъ о немногочисленномъ мѣстѣ. Упомянутое разстояніе соответствуетъ разстоянію между мысомъ Калиакри и Каварною, которую я не сомнѣваюсь принять за древнюю Бизону, имѣя въ виду замѣчаніе Безыменнаго, которое можетъ быть совершенно примѣнено къ нынѣшней Каварнѣ ¹¹, что въ Бизонѣ не было собственной гавани, но что это мѣсто служило только якорною стоянкою при бурной погодѣ. Безыменный не рѣшаетъ, кому Бизона обязана своимъ основаніемъ; по нѣкоторымъ писателямъ, основаніе города приписывается обитавшимъ тамъ варварамъ, по другимъ — онъ былъ месембрійскою колоніею. Нельзя ли соединить одно показаніе съ другимъ такъ, что этотъ городокъ основанъ Месембріею, а послѣ разрушенія землетрясеніемъ былъ вновь населенъ окрестными народами?

За Бизоною слѣдуетъ — по Арріану ¹² и Безыменному ¹³ — на раз-

¹ III, 10, p. 212 (ed. Wilb.).

² II, 2, 5.

³ p. 24.

⁴ p. 13.

⁵ l. l.

⁶ l. l.

⁷ У Арріана городокъ называется *Βίζον*.

⁸ II, 2, 5.

⁹ N. H. IV, 18.

¹⁰ p. 24: *χωρίον ἐρμυόν*.

¹¹ Taitbout. l. l. p. 35.

¹² p. 24.

¹³ p. 13.

стояніи 80 стадій (13¹/₁₆ версты) *Діонисополь*, который я полагаю на мѣствъ нынѣшняго Балчика. Рѣдкіе города перемѣняли такъ часто свое названіе какъ Діонисополь. Древнѣйшее свое имя *Κρουνοί*¹ получилъ онъ, какъ говорятъ, отъ обильныхъ окрестныхъ источниковъ; позднѣйшее же, Діонисополь², отъ выброшенной сюда на берегъ статуи Діониса, или Вакха; у одного Безыменнаго онъ называется еще *Ματιώπολις*. Если это послѣднее названіе, какъ думаетъ большая часть ученыхъ, ошибочно; то объясненіемъ двойнаго имени, Круни и Діонисополя, можетъ служить для насъ показаніе Мелы³, — что первое изъ этихъ двухъ названій относится къ гавани, а другое къ самому городу: точно такъ, какъ я старался показать это выше при Истрось и Истрополь. Древнее названіе города (*Κρουνοί*) сохранилось для гавани Діонисополя преимущественно у моряковъ, которые знали ее подъ симъ именемъ и, не обращая вниманія ни на самый городъ, ни на перемѣну его наименованія, имѣли въ виду преимущественно рейдъ подъ древнимъ его именемъ. Этотъ рейдъ, такъ какъ и нынѣшній Балчикскій⁴, служилъ, безъ сомнѣнія, въ бурное время лучшимъ пристанищемъ для судовъ, гдѣ они при угрожающей опасности спасались.

«Изъ Діонисополя, пройдя 200 стадій⁵ (34¹/₁₆ версты), ты прійдешь наконецъ въ *Одессосъ* (нынѣшнюю Варну)». Тождество Варны и древняго Одессоса принято нынѣ всѣми, особенно съ того времени, какъ и Бѣкъ⁶ присталъ къ этому мнѣнію; а потому нѣтъ надобности распространяться объ этомъ. Справедливость этого мнѣнія доказывается еще надписью, найденною въ 1851 году въ Варнѣ, въ Армянскомъ кварталѣ⁷, о которой подробно я поговорю ниже. Одессосъ, колонія Милетійцевъ⁸ времени Астіага и хорошая гавань, вѣроятно, какъ полагаетъ и Бѣкъ, называлась позже Констанціею (*Κωνσταντία*). Имя рѣвки Варны (*Βάρνας*)⁹, при которой лежала Констанція, и которая

¹ Strabo, Plinius, Mela.

² Plinius, Mela, Ovid. *Trist.* I. 10, 37; Анонимус; по Птолемеев Діонисополь слѣдуетъ сейчасъ за Каллатисомъ.

³ II. 2, 5.

⁴ Taithout. I. I.

⁵ Agrian. Аноним.

⁶ Corp. Inscript. II. N 2056.

⁷ L'Ordine, *giornale politico, letterario*, 1851. N etc 104.

⁸ Strabo, Plin. I. I.

⁹ *Const. Porph. de administ. imperio* 9. p. 79. (edit. Bonn.).

еще и теперь подъ симъ самымъ именемъ впадаетъ при Варнѣ въ море, служить, кажется, тому доказательствомъ.

Оканчивая этимъ географическое обозрѣніе городовъ, лежащихъ между Истромъ и Одессосомъ, я присовокупляю къ сему таблицу, изъ которой будетъ видно разногласіе новѣйшихъ географовъ въ опредѣленіи древнихъ городовъ, а именно: Маннерта¹, Бэля² и Форбигера³.

¹ *Geographie der Griechen und Römer.* p. 127.

² *Geographi minores, ad Arriani Peripl.*

³ *Handbuch der alten Geograph.* III. p. 1098 — 1100.

ДРЕВНІЕ НАЗВАНІЯ.	НАИМЕНІЯ.	ФОРМЫГЪ.	ГДЪ.	НОВ ОПРЕДѢЛЕНІЯ.
1. Istros (Istropolis).	1. Kiustenza.	1. Istere.	1. Ad meridiem hodi- eruae Kara-Kerman.	1. Каракерманъ.
2. Tomi.	2. Jegni Pangoda.	2. Jegni Pangola.	2. Juxta promontorium Gustendgi.	2. Кюстендж.
3. Callatis.	3. Kallat.	3. Kollat.	3. Juxta Many-Kaliah.	3. Мангалия.
4. Caron portus.	4. Kelagra oder Kalag- riah.	4. Südlich von Gülgrad.	4. Ad septentrionem promontorii Chabler- Seghi.	4. Шеблеръ.
5. Tiriza.	5. Beim Vorgebirge? Galata.	5. Cap Gülgrad.	5. Juxta promontor. Ca- lagriah	5. Калиакра.
6. Bisone.	6. Varna.	6. Südlich von Galata.	6. Kavarna.	6. Каварна.
7. Dionysopolis (Cru- noe).	7. Beim Flusse Camt- schi oder Kimpi.	7. Baldejik.	7. Baldjick.	7. Балчикъ.
8. Odessos.	8. Erminch.	8. Varna.	8. Varna.	8. Варна.

Перейдемъ теперь къ исторіи Томи и ближайшихъ къ нему приморскихъ городовъ.

Здѣсь я долженъ прежде всего замѣтить, что извѣстія древнихъ писателей объ этомъ предметѣ чрезвычайно неполны и недостаточны. Ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ авторовъ не имѣлъ этихъ греческихъ колоній предметомъ спеціальнаго описанія; по этому все, что мы знаемъ о Томи, ограничивается самыми отрывочными свѣдѣніями. Такіе недостаточные матеріалы, разумѣется, не могутъ служить основой строго-последовательной или только отчасти полной исторіи; не смотря на то, я приведу разсѣянные у разныхъ писателей данныя, по возможности, въ систему, предоставляя благосклонному читателю трудъ объяснить себѣ, по такимъ неточнымъ указаніямъ древнихъ, по крайней мѣрѣ главную сущность дѣла. Изъ числа греческихъ колоній, разсмотримъ которыхъ мы займемся здѣсь, Томи и Истрось были древнѣйшія. Основаніе ихъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Скиѣы вторгнулись въ Верхнюю Азію и завоеваніями своими разпространили повсюду страхъ и ужасъ. Греческіе колонисты Малой Азіи не считали себя безопасными на прежнихъ мѣстахъ своего жительства и старались посредствомъ переселеній избѣжать угрожающей опасности. Въ это именно время много колоній было основано могущественнѣйшимъ изъ приморскихъ городовъ Малой Азіи, Милетомъ. Главнымъ поводомъ къ ихъ появленію служили торговыя выгоды и естественное желаніе распространить еще болѣе свое владычество; съ другой стороны, тогдашнимъ переселеніямъ могъ содѣйствовать и страхъ хищническихъ нападений со стороны Скиѣовъ. Основаніе Томи и Истроса произошло, по крайней мѣрѣ по словамъ Скимна¹, именно въ это время, почему Ларше и относитъ его къ третьему году 36-й олимпіады, или къ 634 г. до Р. X.² Напротивъ Рауль Рошеттъ³, основываясь на показаніяхъ Евсевія⁴ и Синкелла⁵, полагаетъ основаніе Томи въ одномъ и томъ же году съ колонизаціей Ольбіи; такое одновременное появленіе трехъ колоній на берегахъ Понта онъ старается объяснить близостью ихъ взаимнаго положенія. Съ этимъ мнѣніемъ однако я не могу согласиться, потому что разстояніе между Ольбіей и Томи, особенно по понятіямъ древнихъ, вовсе не такъ близко; притомъ же мнѣ

¹ Fragm. 21. Том. II. p. 44 cf. Аноним. p. 12.

² Mallet Scythien p. 17. полагаетъ основаніе обонхъ городовъ въ 630 г. до Р. X.

³ Hist. des colon. grecq. III. p. 314.

⁴ Chron. II. p. 213.

⁵ Chron. p. 213.

кажется невѣроятнымъ, чтобы Милетъ въ одномъ и томъ же году могъ вывести три значительныя колоніи. Основаніе Ольбіи требовало уже достаточной силы; очень вѣроятно, что колонизація Томи и Истроса была только тогда предпринята, когда Милетійцы прочно утвердились въ Ольбіи и на дѣлѣ доказали, что могутъ побѣдоносно противиться могуществу враждебныхъ сосѣдей. Число переселенцевъ въ три означенныя пункта было, безъ сомнѣнія, не маловажно, потому что всѣ три колоніи постоянно подвергались нападеніямъ сосѣдей-непріятелей. Дикіе нравы еракійскихъ народовъ, разбой которыхъ не прекращались до позднѣйшихъ временъ, должны были казаться, особенно городамъ Томи и Истросу, чрезвычайно опасными. Здѣсь прежде всего нужно было заботиться объ успѣшномъ сопротивленіи, а могло ли оно быть успѣшнымъ, когда нельзя было надѣяться на многочисленность колонистовъ? — Также шатко предположеніе Рауль Рошетта¹, что городъ Томи, въ которомъ, по словамъ Овидія², совершенно было умерщвленіе Абсирта, существовалъ еще прежде милетскихъ переселеній. Римскій поэтъ старался этимологически объяснить происхожденіе имени мѣста своей ссылкой, а такъ какъ сюда относилось сказаніе о Медеѣ и о совершенномъ ею братоубійствѣ, то онъ и произвелъ названіе Томи отъ *τέρμω*.

Inde Tomi dictus locus hic; quia fertur in illo
Membra soror fratris consecuisse sui.

Какъ мало однако удовлетворяетъ Овидія такое совершенно произвольное словопроизводство, видно уже изъ того, что самъ онъ, въ другомъ мѣстѣ, основаніе упомянутой колоніи приписываетъ Тому³. Въ пользу послѣдняго говорятъ еще автономическія монеты Томи, на которыхъ изображена увѣчанная лаврами голова Тома съ надписью **ТОМОС**⁴.

Позднѣе Томи и Истроса основанъ былъ Милетійцами Одессосъ, колонизацію котораго Скизмъ⁵ относитъ ко времени Астиага; по этому Рауль-Рошеттъ⁶ полагаетъ ее въ 572 г. до Р. Х.

Объ основаніи остальныхъ приморскихъ городовъ между Истро-

¹ l. l. p. 316.

² Trist. III. 9, 33.

³ Trist. I. 10, 41. cf. Steph. Byz. s. v. *Τομάς*.

⁴ Eckhel Doctr. numm. II. p. 18. Mionnet Descript. d. méd. I. p. 361. N 48. Suppl. II. p. 183. N 730.

⁵ Fragm. v. 143.

⁶ l. l. III. p. 360.

сомъ и Одессосомъ мы не имѣемъ никакихъ хронологическихъ данныхъ, а потому невозможно сказать объ этомъ ничего опредѣлительнаго.

Точно также неизвѣстны отношенія, въ какихъ находились греческіе колоніальные города близъ Истра къ своимъ еракійскимъ сосѣдямъ. Но, судя по тому, что говоритъ Страбонъ¹, при описаніи Діоскуріи, о Скивахъ, и что сообщаетъ Ксенофонтъ² объ отношеніяхъ греческихъ городовъ къ Севту, — можно заключить, что означенныя выше греческія колоніи Милета обязаны были платить ежегодную дань своимъ сосѣдямъ-варварамъ, которые оставляли ихъ до тѣхъ только поръ въ покоѣ, пока дань исправно уплачивалась. Таковую жертву выкупала торговля, приносявшая огромныя выгоды; но, при такихъ обстоятельствахъ, колоніямъ трудно было возвыситься до большой политической важности. Вотъ почему древніе писатели, въ тѣ отдаленныя времена, упоминаютъ объ нихъ только мимоходомъ. Даже Геродотъ, который сообщаетъ столько подробностей о походѣ Дарія, такъ скупъ на слова относительно упомянутыхъ городовъ, что открываетъ обширное поле предположеніямъ и догадкамъ. Онъ называетъ по имени только Истрось³ и рассказываетъ⁴, что Дарій, по возвращеніи своемъ въ Азію, оставилъ въ Геллеспонтѣ Мегабиза для покоренія всѣхъ городовъ, которые не были на сторонѣ Персовъ. Нужно ли подъ ними разумѣть Томи и сосѣдніе съ нимъ города, объ этомъ Геродотъ ничего не говоритъ; но мы узнаемъ изъ него⁵, что Перинѣъ былъ строго наказанъ за свое сопротивленіе, и что Мегабизъ, наказавши Перинѣя, прошелъ съ войскомъ всю Эракію и покорилъ въ ней персидскому царю всѣ города съ обитавшими тамъ народами: греческія колоніи на берегу Понта, безъ сомнѣнія, не избѣгнули общей участи, тѣмъ болѣе что Мегабизъ, какъ сказано въ текстѣ, подчинилъ власти Персовъ весь морской берегъ⁶. Персидское владычество было однакожъ непродолжительно. Свобода, отнятая у нѣкоторыхъ городовъ, была приобрѣтена ими снова, по уничтоженіи персидскаго могущества; такимъ образомъ можно предположить, что прежняя независимость Томи и сосѣднихъ съ нимъ городовъ была вскоре потомъ восстановлена. Что касается еракійскихъ сосѣдей, то отношенія къ нимъ въ короткое время возобновились на прежнемъ основаніи: еслибы гре-

¹ VII. p. 311.

² Hist. IV. 8, 26.

³ II. 33: *Ἰστρίη*.

⁴ IV. 144.

⁵ V. 1.

⁶ V. 10: *τὰ παραθαλάσσια*.

чекіе города и захотѣли воспользоваться тогдашними обстоятельствами, чтобы избавиться отъ дани, которую до нашествія Персовъ они платили своимъ сосѣдямъ, — это едва ли удалось бы имъ. Съ паденіемъ персидскаго владычества возстановилось прежнее положеніе еракійскихъ народовъ, а потому почти несомнѣнно, что дань уплачивалась имъ по прежнему. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что Ситалкъ¹, царь Одрисовъ и наследникъ Тереса, раздвинувшій предѣлы своего государства до берега Понта Эвксинскаго и до Истра, бралъ дань съ греческихъ приморскихъ городовъ той страны²; то же самое можно предполагать и о преемникѣ его Севтѣ, который наследовалъ отъ Ситалка сильное царство, не долго впрочемъ удержанное имъ въ такихъ предѣлахъ³: споры, возникшіе между Севтомъ и Медокомъ, ограничили власть перваго странюю при Понтѣ, а Медоку доставили господство надъ внутреннею Фракіею. Было ли постояннымъ такое раздѣленіе обширнаго государства Одрисовъ, составлявшаго при Ситалкѣ одно цѣлое, мы не знаемъ. Известно только изъ Ксенофонта⁴, что Фрасибулъ примирилъ обоихъ соперниковъ и привлекъ ихъ на сторону Аѳинянь въ пелопоннесской войнѣ. Это примиреніе казалось Фрасибулу тѣмъ важнѣе, что такимъ образомъ можно было гораздо удобнѣе располагать, въ пользу Аѳинянь, союзничествомъ греческихъ колоній при Понтѣ, которыя находились подъ властью Фракійцевъ и зависѣли именно отъ Севта. Гораздо менѣе можно было рассчитывать на ихъ участіе, если бы Севтъ оказался противникомъ Аѳинянь, или если бы онъ вовлекъ греческія колоніи въ междуусобныя распри свои съ Медокомъ. Зависимость Грековъ отъ Фракіи, вѣроятно, состояла преимущественно въ уплатѣ дани, но могла ли она не увеличиться, если бы война съ Медокомъ продолжалась, могла ли она не подвѣствовать разрушительно на свободное положеніе общинъ? Прекращеніе внутреннихъ раздоровъ во Фракіи возвратило греческимъ колоніямъ прежнюю свободу, при помощи которой онѣ могли поступать, въ дѣлѣ своего общиннаго устройства, по собственному благоусмотрѣнію и имѣть въ виду собственные выгоды.

Таково было положеніе бѣльшей части греческихъ колоній въ эти времена. Только немногимъ изъ нихъ удавалось достигнуть такой степени могущества, что онѣ рѣшались отказывать туземнымъ владѣтелямъ въ дани и достигали полной независимости.

¹ Thucyd. II. 95.

² ibid. II. 97.

³ ibid. IV. 10L

⁴ Hist. IV. 8, 26.

Колонія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, конечно не могли совершенно освободиться отъ вѣшняго вліанія, пока ближайшими ихъ сосѣдями были сильныя ѳракійскіе народы; но съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе взаимными раздорами ослабили и истребили другъ друга, попытки къ окончательному освобожденію не могли уже быть безплодными. За успѣхъ подобнаго стремленія ручается самостоятельность, съ какою нѣкоторыя колоніи являются при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, Юстинъ рассказываетъ намъ¹, что Атеасъ, царь Скиѳовъ, стѣсненный Истріянами, искалъ пособія у Филиппа Македонскаго, обѣщая за ожидаемую помощь сдѣлать его наслѣдникомъ своего царства. Филиппъ согласился на такое заманчивое предложеніе, но скиѳскій царь рѣшился на подобную мѣру только въ минуту опасности. Смерть полководца Истріи, бывшаго душею всей войны, совершенно измѣнила положеніе дѣла. Атеасъ не нуждался больше ни въ чьей помощи, а потому, казалось, совсѣмъ забылъ прежнее свое обѣщаніе: онъ ни на что уже не соглашался. Мечь за такое вѣроломство заставила Филиппа предпринять походъ, который окончился совершеннымъ покореніемъ Атеаса. У Юстина нѣтъ никакихъ данныхъ о положеніи, въ какомъ Истріяне находились къ Филиппу прежде и послѣ войны съ Атеасомъ; однако я думаю, что отношенія ихъ къ македонскому царю вовсе не были слишкомъ близки. Завоеванія Филиппа, прежде войны со Скиѳами, простирались до Византіи и до городовъ ѳракійскаго Херсонеса, а греческихъ колоній, лежащихъ свѣрху при Понтѣ, кажется вовсе не касались. Дѣла не могли принять другой оборотъ по покореніи Атеаса Филиппомъ, потому что въ противномъ случаѣ Юстинъ, вѣроятно, сказалъ бы слова два о новыхъ завоеваніяхъ въ той странѣ. Уже изъ того, что Атеасъ обратился не прямо къ Филиппу, но просилъ у него помощи противъ Истріянъ чрезъ посредство жителей Аполлоніи², видно, что Истрось былъ совершенно независимъ отъ Филиппа. Если бы онъ принадлежалъ къ покореннымъ имъ городамъ, то посредство Аполлоніянъ для полученія отъ Филиппа желаемой помощи противъ Истріянъ было бы столько же излишнее, какъ и блестящія обѣщанія Атеаса.

Во время Александра, греческія колоніи, которыми мы занимаемся, являются въ такой же независимости³. Подобно другимъ вольнымъ народамъ ѳракіи, послали онъ къ Александру, дошедшему побѣдоносно до Истра, пословъ съ увѣреніемъ въ своей преданности.

¹ IX. 2, 1 — 2.

² Just. IX. 2, 1.

³ Arrian. exped. I. 4, 6.

Александръ , удовлетворенный такою добровольною покорностью , заключилъ съ ними на взаимныхъ условіяхъ дружескій союзъ и во время своего похода въ Азію не имѣлъ причины быть ими недовольнымъ.

Совершенно другое вышло по смерти Александра, когда основанная имъ всемірная монархія распалась на части. Фракію и Фракійскій Херсонесъ получилъ Лисимахъ¹, который ввелъ въ доставшихся ему областяхъ самое строгое управленіе. Въ греческихъ колоніяхъ, стремившихся къ независимости, онъ поставилъ гарнизоны²; но колоніи эти, не привыкши къ такому игу, тѣмъ живѣе почувствовали утрату прежней самостоятельности и тѣмъ ревностнѣе стали заботиться о возстановленіи древнихъ своихъ правъ. Начало всеобщему возстанію положили въ 313 году до Р. Х. жители Каллатиса, которые, прогнавъ поставленный у нихъ гарнизонъ, объявили себя свободными. Примвру Каллатиса послѣдовали Истріяне и другіе сосѣдніе города; они также прогнали стоявшія у нихъ войска Лисимаха и составили между собою союзъ, чтобы соединенными силами вырвать у Лисимаха свою независимость. Для ббльшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, они склонили на свою сторону сосѣднія фракійскія и скиѣскія племена и заключили съ ними тѣсный союзъ. Вскорѣ составилось такое огромное войско, что почти нельзя было сомнѣваться въ счастливомъ окончаніи предпріятія. Слѣдствія однако вышли другія: Лисимахъ, какъ только узналъ о возстаніи, поспѣшно отправился съ войсками своими противъ мятежниковъ. Онъ пошелъ чрезъ Фракію, отчасти чтобы убедиться въ вѣрности тамошнихъ народовъ, отчасти чтобы наwerben войновъ для своей арміи, перешелъ черезъ Гемось неподалеку отъ нынѣшней Варны и осадилъ Одессось. Жители этого города, вовсе неприготовленные къ такому нападенію, сопротивлялись недолго, тѣмъ болѣе, что союзныя войска не пришли къ нимъ на помощь; они рѣшились сдаться на капитуляцію. Объ условіяхъ этой сдачи мы ничего не знаемъ; вѣроятно однакожъ, что Лисимахъ не удовольствовался прежней зависимостью Одесситовъ, но ограничилъ еще болѣе ихъ свободу и наложилъ на нихъ огромныя подати. Не лучше было и съ Истріянами, которыхъ Лисимахъ также вновь покорилъ. Долге другихъ защищались жители города Каллатиса, которымъ фракійскіе и скиѣскіе сосѣди, на основаніи заключеннаго съ ними союза, послали въ помощь значительныя войска. Лисимахъ напалъ на нихъ по одиначкѣ: сперва принудилъ сдаться Фракійцевъ, устрашенныхъ поспѣшностью битвы, а

¹ *Diod. Sic. XVIII. 3, 2. Fragn. hist. graec. III. p. 668, 694.*

² *Diod. XIX. 73.*

потомъ побѣдилъ въ открытомъ сраженіи и Скивовъ, которые, потерявъ большую часть воиновъ, должны были возвратиться въ предѣлы свои по ту сторону Истра. Потомъ осадилъ онъ предоставленный собственной защитѣ Каллатисъ и требовалъ выдачи зачинщиковъ возстанія. На это Каллатійцы не рѣшались, пока можно было еще надѣяться на стороннюю помощь; они склонили на свою сторону Антигона, который послалъ противъ Лисимаха флотъ и армію. Получивъ извѣстіе, что войска Антигона находятся уже въ Пелопоннѣ, и что корабли его уже входятъ въ Понтъ, Лисимахъ рѣшился поспѣшить на встрѣчу новому врагу. Часть своихъ воиновъ онъ оставилъ у Каллатиса, для продолженія осады, а самъ, перейдя съ отборнымъ войскомъ черезъ Гемось, пошелъ противъ Павсанія, начальствовавшего надъ сухопутными силами Антигона, и разбилъ его на гомюу. Павсаній палъ въ сраженіи; воины его, лишившіеся предводителя, частью были отпущены за огромный выкупъ, частью размѣщены между войсками Лисимаха. Діодоръ¹, которому мы одолжены приведенными здѣсь подробностями, не говоритъ ничего о послѣдующей участи Каллатійцевъ; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они должны были сдаться и строго были наказаны. Изъ того же Діодора² узнаемъ мы еще, что въ 310 г. до Р. X., во время осады, обнаружился въ Каллатисѣ голодъ, въ слѣдствіе чего произошли значительная эмиграція. Эвмелъ, властитель Боспорскаго царства, одинъ принималъ къ себѣ около тысячи Каллатійцевъ, отвелъ имъ землю и заботился объ нихъ, какъ нельзя болѣе.

Послѣ этой неудавшейся попытки совершенно освободиться изъ подъ владычества Лисимаха, въ исторіи городовъ, которыми мы занимаемся, снова находимъ пропускъ: въ продолженіе почти полу столѣтія не узнаемъ мы ничего объ отношеніяхъ этихъ греческихъ колоній другъ къ другу и къ прочимъ государствамъ того времени. Между тѣмъ распри и войны, возникшія между наследниками Александра Великаго, должны были послужить въ пользу колоній, тѣмъ болѣе, что послѣднія, по географическому своему положенію, бывъ совершенно удалены отъ театра тогдашнихъ войнъ, могли, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе извлекать изъ нихъ выгоду для себя. Главная цѣль ихъ естественнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы увеличить свое могущество на счетъ окружающихъ земель; въ слѣдствіе чего скоро начались междуусобныя распри между самими

XIX. 73.

¹ XX. 25, 1.

колоніями. Объ нихъ мы узнаемъ изъ Мемнона ¹, который рассказываетъ о войнѣ, возникшей въ половинѣ третьяго столѣтія. Поводомъ къ ней служилъ Томи, лежавшій между Истромомъ и Каллатисомъ, и къ обладанію которымъ стремились Истріяне и Каллатійцы; послѣдніе стали уже на дѣлѣ обнаруживать свои притязанія. Противъ нихъ возстала Византія, которая, для большаго успѣха въ борьбѣ съ Истромомъ и Каллатисомъ, просила помощи у Понтійской Гераклеи. Съ тою же цѣлью обратились къ своей метрополіи, Гераклеѣ, и жители Каллатиса; но Гераклійцы не удовлетворили ни чьихъ просьбъ, а послали въ тотъ и другой городъ своихъ мужей, которые должны были помирить соперниковъ. Примиреніе впрочемъ не состоялось: началась война, которая была для Каллатійцевъ такъ пагубна, что они едва могли оправиться послѣ нанесеннаго имъ пораженія.

Здѣсь совершенно прерывается рядъ событій, и проясняется снова тогда только, когда Римляне начинаютъ играть важную роль въ исторіи этихъ странъ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ римскаго вліянія здѣсь была война съ Митридатомъ, во время которой греческіе города при Понтѣ были союзниками Митридата ², почему Римляне и поступали съ ними какъ съ врагами. Походы противъ нихъ и народовъ, державшихъ сторону сильнаго противника Римлянъ, не могли замедлиться и дѣйствительно были предприняты римскими наместниками Македоніи. Такимъ образомъ походъ К. Скрибонія Куріона, — который, будучи проконсуломъ Македоніи, покорилъ въ 75 г. до Р. Х. Дарданъ и Мизіанъ ³ и первый изъ римскихъ полководцевъ достигнулъ Дуная, — могъ быть равно пагубнымъ и для тамошнихъ греческихъ колоній. Кромѣ того, мы знаемъ съ точностью ⁴, что проконсулъ Македоніи М. Теренцій Варронъ Лукуллъ, родной братъ А. Лицинія Лукулла ⁵, во время похода, предпринятаго въ 72 г. до Р. Х. противъ Мизіанъ, обложилъ контрибуціей и разграбилъ греческія колоніи, лежавшія неподалеку отъ Истра. Одна изъ нихъ, именно, по Страбону ⁶, Аполлонія, доставила побѣдителямъ колоссальную статую Аполлона, которую М. Лукуллъ привезъ въ Римъ, гдѣ она и украсила Капитолій. По словамъ Плинія ⁷, она имѣла тридцать

¹ Fragm. XXI.

² Appian. bell. Mith. 15. cf. 69.

³ Ruf. brev. 7. Eutrop. VI. 2. Jornand. de regn. succ. 50.

⁴ Appian. de reb. Illyr. 30.

⁵ Dr u m a n n Geschichte Roms. IV, p. 176.

⁶ VII p. 319.

⁷ N. H. XXXIV. 18 (6), cf. IV. 27 (13);

локтей вышины и почиталась работою Каламиса¹. Впрочемъ мѣсто, гдѣ Аппіанъ рассказываетъ о шести греческихъ городахъ, разоренныхъ М. Лукулломъ во время похода его въ Мизію, не вполне дошло до насъ². Въ этомъ отрывочномъ текстѣ находятся имена четырехъ только городовъ, къ которымъ новѣйшіе ученые стараются прибавить, посредствомъ догадокъ, остальные два: къ четыремъ городамъ, Истросу, Діонисополю, Одессосу и Месембріи, они присоединяютъ еще имена Каллатиса и Аполлоніи. Конечно, число выходитъ такимъ образомъ правильно, но остается еще вопросъ, находились ли Каллатисъ и Аполлонія первоначально въ текстѣ? По географическому своему положенію, за Месембріей очень легко могла слѣдовать южнѣе лежавшая Аполлонія, но Каллатисъ уже не идетъ сюда: онъ, какъ мы видѣли выше, долженъ былъ стоять гораздо сѣвернѣе, между Истросомъ и Діонисополемъ. Въ пользу Аполлоніи говоритъ еще замѣчаніе Страбона, что Аполлонова статуя была перевезена М. Лукулломъ въ Капитолій именно изъ Аполлоніи. Что же остается сказать въ пользу Каллатиса? Неполнота текста затемняетъ дѣло. Слова *ἐκ Καλατίδος* намекали въ текстѣ Аппіана на Каллатисъ. Но въ такомъ случаѣ, судя по географическому порядку всехъ городовъ отъ сѣвера къ югу, онъ долженъ былъ бы слѣдовать непосредственно за Истросомъ. Однако послѣ имени Истроса въ рукописяхъ вѣтъ пропуска, и слова *ἐκ Καλατίδος*, можетъ быть, по опискѣ поставлены въ текстѣ вмѣсто *ἐκ Καλαμίδος*. Въ такомъ случаѣ, тутъ шла бы рѣчь о художникѣ Каламисѣ, изваявшемъ статую Аполлона, и не нужно бы было обращаться къ Каллатису за неизвѣстнымъ для насъ именемъ шестаго города.

Менѣе счастливъ, чѣмъ М. Лукуллъ, былъ К. Автовій, братъ триумвира: онъ также предпринялъ походъ изъ Македоніи противъ народовъ, жившихъ при Истрѣ; но былъ разбитъ Бастарнами при городѣ Истросѣ и потерялъ часть своихъ знаменъ въ сраженіи³. Позоръ этотъ однако былъ вскоре отмщенъ М. Лициніемъ Крассомъ, внукомъ триумвира⁴: ему удалось въ 29 г. до Р. Х. совершенно покорить Мизіянъ, которыхъ онъ побѣдилъ, напавши на нихъ въ бытность свою проконсуломъ Македоніи⁵. Съ участіемъ Мизіянъ была тѣсно связана

¹ Strab. l. l.

² "Ἐνθα εἶσιν Ἑλληνίδες θε πόλεις, Μυβοῖς παρόικοι, Ἴστρος τε καὶ Διονυσόπολις, καὶ Οδησός, καὶ Μεσημβρία** ἐξ ἧς Ρώμην ἐκ Καλατίδος** μετήνευχε τὸν μέγαν Ἀπόλλωνα τὸν ἀνακειμένον ἐν Παλατίῳ.

³ Dio Cass. l. 26.

⁴ Drumann. l. l. IV. p. 115. N. 40.

⁵ Dio l. 25 — 27. l. v. epit. CXXIV. CXXV. Flor. IV. 12. 15.

судьба греческих колоній при Истрѣ, а потому почти несомнѣнно, что и тѣ подпали тогда же власти Римлянъ.

Здѣсь представляется вопросъ: покоренная страна была ли тотчасъ по взятіи обращена въ провинцію подъ именемъ Мизіи? Правда, ея нѣтъ въ спискѣ провинцій, которыя Августъ въ 27 г. до Р. X. раздѣлялъ между сенатомъ и собою¹; однако въ донесеніи, которое онъ представилъ сенату о своихъ дѣйствіяхъ, именно говорится о взятіи Мизіи² и притомъ въ связи съ покореніемъ Галліи и Египта, которыя въ помянутомъ спискѣ названы провинціями. У Аппіана есть показаніе³, что Мизіи только при Тиберіи обращена въ провинцію. Если дѣло было дѣйствительно такъ, то нужно удивляться только тому, что Веллей, при описаніи царствованія Тиберія, не говоритъ объ этомъ ни слова. Точно также Светоній⁴ въ жизнеописаніи Тиберія называетъ Мизію просто римскою провинціей, чего бы онъ, конечно, не сдѣлалъ, если бы эта страна только въ то время вошла въ число провинцій римскаго государства. Кромѣ того, ссылка Овидія при Августѣ въ Томи, городѣ Мизіи, показываетъ, что страна эта уже тогда принадлежала римскому государству. Какимъ образомъ виновному поэту назначили бы мѣстомъ ссылки городъ, лежавшій внѣ предѣловъ римскаго владычества? Зависимость Мизіи отъ Рима подтверждаетъ даже самъ Овидій, говоря⁵:

Haec est Ausonio sub jure novissima, vixque
Haeret in imperii margine terra tui.

Что иное должны означать слова его: Ausonio sub jure, какъ не то, что Мизія уже тогда была римскою провинціей? Наконецъ, Діонъ⁶ около 6 г. по Р. X. сохранилъ намъ даже имя одного изъ намѣстниковъ Мизіи А. Цецины Севера. Съ другой стороны, Тацитъ⁷ сообщаетъ около 35 г. по Р. X., что Поппей Сабинъ въ теченіи 24 лѣтъ управлялъ важнѣйшими провинціями, а именно: Мизіею, Ахаіею и Македоніею, и что между ними Мизія была первою, ввѣренною его управленію⁸. Такимъ образомъ намѣстничество въ Мизіи Поппея Са-

¹ Dio LIII. 12

² Dio. LIII. 7: τὴν Μυθίας χερσίν.

³ Illyr. 30.

⁴ Tib. 41.

⁵ Trist. II, 199 200.

⁶ LV. 29: Κακίνας Σουήρος ὁ τῆς κληδικῆρου Μυθίας ἀρχαῖος.

⁷ Annal. VI. 39.

⁸ Ibid. I. 80

бина, который въ 9 г. былъ консуломъ ¹, мы должны отнести къ 11 году по Р. Х., слѣдовательно, еще ко времени Августа. Всѣ вмѣстѣ данныя эти позволяютъ предположить, что Мизія, если не тотчасъ по взятіи, по крайней мѣрѣ еще при Августѣ, была обращена въ римскую провинцію, какою она и является при восшествіи на престолъ Тиберія.

Первоначально Мизія составляла одну императорскую провинцію, но въ послѣдствіи она была раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна называлась *Moesia superior*, а другая — *inferior*; первая заключала въ себѣ западную, а послѣдняя восточную часть страны. О времени этого раздѣленія мы не знаемъ ничего положительнаго-точного; впрочемъ обыкновенно принимаютъ ², что оно произошло въ послѣдніе годы Домиціана, или же въ началѣ царствованія Траяна. Дѣйствительно, одинъ изъ дошедшихъ до насъ дипломовъ ³ Траяна представляетъ собою, кажется, древнѣйшій документъ, въ которомъ дѣленіе ясно обозначено особенными названіями. На дѣлѣ однако оно должно было существовать гораздо раньше. Такъ какъ Діонъ ⁴ говоритъ, что Поппей Сабинъ, умершій въ 35 г. по Р. Х., былъ намѣстникомъ обѣихъ Мизій почти во все время Тиберіева царствованія, то Мизія должна была уже при Тиберіи состоять изъ двухъ частей. Въ этомъ убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что уже въ царствованіе Тиберія нѣсколько разъ называются одновременно въ Мизіи два намѣстника; такъ вмѣстѣ съ Поппеемъ Сабиномъ, который, какъ мы уже выше видѣли, нѣсколько лѣтъ управлялъ Мизіей еще при Августѣ, является въ 19 г. по Р. Х. намѣстникомъ Мизіи Латиній Пандъ, а по смерти его Помпоній Флаккъ ⁵. Далѣе рассказываетъ намъ Діонъ ⁶ согласно съ Тацитомъ ⁷, что Помпоній Лабеонъ, — который, будучи обвиненъ въ лихоимствѣ и желая избавиться отъ уголовного суда, въ 34 г. по Р. Х. лишилъ себя жизни, — восемь лѣтъ управлялъ Мизіей. На двойственность Мизіи указываютъ при томъ, во время Вителлія, слова Светонія ⁸: «desciverunt ab eo exercitus Moesiarum» и множественное число въ вы-

¹ Zumpt. *Annal. veter. regn. et popul.* 116.

² Forbiger *Handb. d. alt. Geogr.* III. p. 1088. Franz Corp. *Inscript. Gr N 5977.* Becker. *Handb. der röm. Alterth.* III. Abth. 1. p. 105.

³ Arneht Zwölf *Militairdipl.* p. 44: et sunt in Moesia inferiore sub A. Caecilie Faustine.

⁴ LVIII. 25.

⁵ Tacit. *Annal.* II. 66.

⁶ LVIII. 24.

Ab. VI. 29.

⁸ Vit. 15.

раженія Аврелія Виктора ¹: «legati Moesia». Намъ известны также имена двухъ современныхъ намъ вѣстниковъ Мизіи въ 69 г. по Р. Х. Это были братъ Веспасіана Сабинъ ² и Маркъ Апоній Сатурнинъ. До насъ дошли еще имена двухъ одновременныхъ вѣстниковъ Мизіи въ первомъ году царствованія Веспасіана, т. е. въ 70 г. по Р. Х., — имена: Марка Апонія Сатурнина ³, котораго мы назвали уже въ 69 году, и Фонтелъ Агриппы ⁴. Изъ всего этого, кажется, выходитъ, что Мизія еще при Тиберіи была раздѣлена на двѣ части, и что управление ею ввѣрялось то одному, то двумъ вѣстникамъ. Названія *superior* и *inferior* могли произойти въ послѣдствіи, около временъ Домиціана или Траяна, потому что съ этихъ поръ каждая часть Мизіи постоянно управлялась своимъ отдельнымъ легатомъ.

Вотъ имена известныхъ намъ вѣстниковъ Мизіи, время правленія которыхъ можно опредѣлять совершенно или, по крайней мѣрѣ, довольно точно:

Цецина Северъ, въ 6 г. по Р. Х. ⁵.

Поппей Сабинъ отъ 11 — 35 г. по Р. Х. ⁶; въ 19 г. по Р. Х. одновременно съ Латиніемъ Пандомъ ⁷, а по смерти его съ Помпоніемъ Флаккомъ ⁸; отъ 26 — 34 г. по Р. Х. вмѣстѣ съ Помпоніемъ Лабеономъ ⁹.

Меммій Регулъ, преемникъ Поппея Сабина съ 35 г. по Р. Х. ¹⁰.

Сабинъ отъ 62 — 69 г. по Р. Х. ¹¹, а въ 69 г. вмѣстѣ съ Апоніемъ Сатурниномъ ¹².

Маркъ Апоній Сатурнинъ въ 70 г. по Р. Х. ¹³ вмѣстѣ съ Фонтеемъ Агриппой ¹⁴.

Тиберій Платій, сынъ Марка, Сильванъ во время Веспасіана ¹⁵.

Оппій Сабинъ при Домиціанѣ ¹⁶ въ 86 г. по Р. Х.

¹ Caes. VIII. 2.

² Tacit. Hist. III. 75.

³ Tacit. Hist. V. 26.

⁴ Joseph. de bell. Iud. VII. 5, 3.

⁵ Dio LV. 29.

⁶ Tacit. Ann. VI. 39.

⁷ Ibid. II. 66. 198.

⁸ Dio LVIII. 24.

⁹ Ibid. LVIII. 25.

¹⁰ Tac. Hist. III. 75.

¹¹ Ibid. I. 79. II. 85. III. 5, 9, 11.

¹² Ibid. V. 26.

¹³ Joseph. de bell. Iud. VII. 5, 3.

¹⁴ Orelli Inscript. lat. coll. N. 750.

¹⁵ Jornand. de reb. Goth. 13. Suet. 6. Tac. Agr. 41.

¹⁶ Plin. Epist. X. 71 (52), 72 (69), 82 (81).

Кальпурній Мацеръ въ первые годы Траянова правленія, около 103 г. по Р. X. ¹.

Авлъ Цецилій Фаустинъ въ Moesia inferior въ 106 г. при Траянѣ.

Луцій Минуцій Наталисъ при Траянѣ, легать въ Moesia inferior и одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Цецилія Фаустина ².

Антонинъ Гиберъ, при Адрианѣ ³, послѣ 133 г. по Р. X.

Титъ Витразій Полліонъ, легать при Адрианѣ ⁴.

Публій Гельвій Пертинаксъ, намѣстникъ обѣихъ Мизій, въ послѣдніе годы царствованія М. Аврелія, около 178 г. по Р. X. ⁵.

Гераклитъ, при Коммодѣ, около 192 г. по Р. X. ⁶.

Луцій Овиній Рустикъ Корнелианъ, во время Септ. Севера, легать въ Moesia inferior ⁷.

Тулій Меневилъ при Александрѣ Северѣ отъ 230 по 233 г. по Р. X. ⁸.

Кромъ того, извѣстны намъ еще изъ надписей имена трехъ намѣстниковъ Мизіи; но при нихъ не опредѣляется время ихъ правленія. Это суть: Д. Помпей Фалконъ ⁹, М. Цецилій Новатіанъ, Praeses prov. Moesiae superioris ¹⁰ и К. Тицій Симилисъ, Proconsul prov. Moesiae inferioris ¹¹.

Томи и сосѣднія греческія колоніи, которыми мы занимаемся здѣсь, принадлежали къ Moesia inferior и съ самаго времени обращенія этой страны въ римскую провинцію находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ намѣстниковъ Мизіи. Зависимость ихъ отъ Рима преимущественно выражалась въ томъ только, что они обязаны были уплачивать ежегодную подать; впрочемъ, когда обстоятельства вынуждали, дѣло не останавливалось и за другими поборами и налогами. При всемъ томъ Римляне не измѣняли ихъ общиннаго быта и только въ крайнихъ случаяхъ вмѣшивались во внутреннія дѣла этихъ греческихъ городовъ. Последніе довольствовались мнимо-сохраненною свобододою и, при внѣшней цѣлости своего прежняго устройства и прежнихъ сво-

¹ Arnoeth Zwölf Militairdipl. 1843, p. 44.

² Grat. p. 49, 6. Fea Framm. di Fasti n. 22. Mommsen. Bullet. dell' Instit. arch. Rom. 1846. p. 42 f. Franz C. I. G. III. N 5977. Digest. II. 12. 1. 9. (de foris).

³ См. мое сочиненіе: Тирасъ и Тириты въ Записк. Одес. Общ. Ист. и Древн. II. p. 443.

⁴ По надписи въ журналѣ L'Ordine 1851. N 104.

⁵ Jul. Capitol. Pertinax, 2.

⁶ По тирасской надписи стр. 8. Брунъ о мѣстоположеніи Тираса.

⁷ Grat. p. 446. Digest. XLIX. 15, 9. Cod. VIII. 51, 1. Dig. XXXVIII. 17, 1. § 3.

⁸ Petri Patricii frag. 8.

⁹ Visconti Monum. Gabini. p. 206.

¹⁰ Orelli N 1178.

¹¹ ibid. N 3664.

ихъ учрежденій, почти не замѣчали перемѣны, какая произошла съ ними. Они достигли даже, при новыхъ отношеніяхъ, бѣльшого про-
свѣтванія и значенія. Такъ именно было съ Томи, который болѣе всѣхъ
другихъ городовъ находился въ тѣсной связи съ Римлянами. Доказатель-
ствомъ этому могутъ служить томійскія монеты, на которыхъ являет-
ся уже голова Тиберія съ надписью **ТІВНРІОС КАІСАР** ¹; между тѣмъ
какъ на монетахъ остальныхъ колоній головы римскихъ императоровъ
показываются гораздо позже, а именно: въ Истрось ² и Одессось ³ со вре-
мени Адриана, въ Каллатись ⁴ при Маркѣ Авреліѣ, а въ Діонисо-
поль ⁵ только при Коммодѣ. Бѣльшую соотвѣтственность представляетъ
время послѣдней чеканки монетъ въ этихъ городахъ: въ Истрось,
Діонисополь и Одессось позднѣйшія монеты относятся ко времени
Гордіана и Танакидилы ⁶, а въ Томи и Каллатись ко времени Филип-
па Младшаго ⁷. Кромѣ того, возвышеніе Томи въ первомъ вѣкѣ по
Р. Х. доказываетъ слѣдующая, мнѣ принадлежащая, томійская монета,
которая до сихъ поръ оставалась еще неизвѣстною:

Лиц.: **КАІСАР ГАІОС**. Увѣнчанная лаврами голова императора
Калигулы, обращенная вправо.

Обор.: **ТОМ НГНТОРО[С]**. Прямо стоящій кадуцей. **Æ** 2½.

Точность надписи на оборотной сторонѣ подтверждаютъ изданныя
г-мъ Мурзакевичемъ двѣ монеты ⁸, которыя были найдены на
островѣ Левки, но не такъ удачно сохранились. Одна изъ нихъ, вели-
чиною въ 3½, представляетъ на оборотной сторонѣ буквы **НГН**, а
другая, величиною въ 3, имѣетъ надпись **НГНТО**, что какъ у одной,
такъ и другой, есть, безъ всякаго сомнѣнія, сокращеніе **НГНТОРОС**.
На лицевой сторонѣ обѣихъ монетъ изображена также голова Калигулы
съ надписью **КАІΣ.. ГАІΟΥ** или **КАІС.. ГАІΟΥ**. Послѣ этого едва ли
можно еще сомнѣваться, что Томи уже во времена Калигулы пользо-
вался нѣкоторымъ превосходствомъ надъ соседними городами. Впро-
чемъ оно не было политическимъ; кадуцей, обыкновенная эмблема
Меркурія, явно указываетъ на торговлю, которою Томи уже при
Калигулѣ отличался предъ соседними городами. Цвѣтущимъ своимъ

¹ Mionnet. Suppl. II. p. 183. N° 731.

² ibid. p. 69. N 91.

³ Mionn. descr. des méd. I. p. 345. N. 223 и Suppl. II. 351. N 896.

⁴ Suppl. II. 56. N 196.

⁵ Suppl. II. p. 64. N 65.

⁶ Mionn. Suppl II. p. 70. N 96; p. 68. N 83; p. 362. N 955.

⁷ Suppl. II. p. 205. N 860; p. 63. N 611.

⁸ Записки Одес. Общ. Истор. и Древн. Т. III. стр. 240. N 16, 17

состояніемъ Томи былъ обязанъ именно торговлѣ хлѣбомъ, которая въ плодородной Мизіи¹ требовала небольшихъ средствъ. Вотъ почему на одной изъ описанныхъ г-мъ Мурзакевичемъ монетъ² вмѣсто кадуцея изображены два прямо стоящіе колоса и надъ ними шапка Діоскуровъ. Торговля сношенія, однажды заведенная, постоянно увеличивались въ теченіе столѣтій, и потому нисколько не удивительно, что эти оживленные занятія привлекали въ Томи много иностранцевъ, заставляя ихъ селиться тамъ. При всемъ томъ близкое соседство дикихъ народовъ, которые, вѣроятно, какъ и во времена Овидія, не прекратили совершенно своихъ нападений, все еще препятствовало многимъ поселиться въ Томи совершенно или на долгое время. Тѣмъ любопытнѣе неизданная еще монета, которая принадлежитъ здѣшнему Обществу Исторіи и Древностей и заслуживаетъ подробнѣшаго описанія.

Лиц.:NEINO. Увѣнчанная лаврами голова императора Антонина, обращенная вправо.

Обор.: ТОМІ ΧΑΙΡΟΞΕΝΟ(N) въ трехъ строкахъ. Крылатая Побѣда, обращенная влѣво, держитъ въ простиертой десницѣ вѣнокъ и стоитъ одной ногой на человѣческой головѣ съ длинными волосами.

Æ 4.

Томи является здѣсь уже не просто торговымъ городомъ. Богатства, добытыя торговлею, доставили Томійцамъ средства защищаться отъ суровыхъ сосѣдей посредствомъ сильнаго сопротивленія, а богиня побѣды, изображенная на нашей монетѣ, указываетъ на счастливое покореніе дикихъ непріятелей. Съ этихъ поръ Томи, не тревожимый болѣе извнѣ, могъ называться «гостепріимнымъ» и обѣщать поселившимся въ немъ иностранцамъ спокойствіе и безопасность. Такое возвышеніе могущества при Антонинѣ Піи доказывается еще тѣмъ, что при томъ же императорѣ Томи сталъ называть себя МНТРОПОЛІС³, а со времени Марка Аврелія МНТРОПОЛІС ПОНТОУ⁴; названіе это онъ постоянно сохранялъ на позднѣйшихъ монетахъ до временъ Филиппа Младшаго. Съ этимъ императоромъ всѣ тамошніе города утратили право чеканить монету, и Томи лишился независимости, не совсѣмъ еще уничтоженной Римлянами. Разбой и нашествія Готевъ вдругъ уничтожили жизнь въ греческихъ колоніяхъ. Если имена по-

¹ Solinus 21: Moesias majores nostri jure Cereris horreum nominabant.

² I. I. см. примѣч. 8 на пред. стр.

³ Mionn. Suppl. II. p. 185. N 740.

⁴ Ibid. II. p. 185. N 741 seq.

слѣднихъ и встрѣчаются нѣсколькими столѣтіями позже¹, то это показываетъ только, что онѣ не погибли совершенно въ смутныя для нихъ времена. Послѣ столь тяжкихъ испытаній, не осталось никакихъ слѣдовъ прежняго величія и блеска, а потому мы не должны удивляться, что въ теченіе среднихъ вѣковъ древнія имена становятся все рѣже и рѣже и наконецъ совершенно исчезаютъ изъ исторіи.

До насъ не дошло никакихъ подробностей о внутреннемъ устройствѣ и политической жизни Томи и сосѣднихъ съ нимъ городовъ. Можно только догадываться, что въ нихъ, какъ и въ прочихъ греческихъ колоніяхъ, сохранилось, по возможности, вполне республиканское устройство метрополи; преимущественно же отъ него отступали тамъ, гдѣ перемены вынуждались мѣстными причинами. Изъ немногихъ дошедшихъ до насъ надписей можно по крайней мѣрѣ заключить, что каждая община (*δημος*) имѣла сенатъ (*βουλή*)², что бывали народныя собранія (*ἐκκλησία*)³, что *ψηφίσματα* объявляли рѣшеніе общинъ⁴, что во главѣ управленія стояли архонты (*ἄρχοντες*)⁵ и что одинъ изъ нихъ (*ἄρχων ἐπάνυμος*) обладалъ верховною властію. Названія остальныхъ сановниковъ не встрѣчаются въ дошедшихъ до насъ надписяхъ; впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что повсюду, кромѣ архонтовъ, были и другія должностныя лица. Въ какихъ судилищахъ засѣдали упоминаемые въ Томи *σύμβροι*⁶ или встрѣчающіеся въ Каллатисѣ *πάρεδροι*⁷, съ точностію опредѣлить невозможно; мы видимъ только, что тамъ существовали особенныя коллегіи, которыя ближе всего отнести къ сенату. Надписи относятся большею частію къ лицамъ, которыхъ, за оказанныя ими услуги, города награждали правомъ проксенія, золотыми вѣнками и бронзовыми статуями; потому-то онѣ не проливаютъ особеннаго свѣта на внутреннее устройство гражданскаго быта въ этихъ греческихъ колоніяхъ. О такихъ наградахъ говорятъ надписи Томи⁸, Истроса⁹, Каллатиса¹⁰ и Одессоса¹¹. Далѣе встрѣчаются еще имена Томи, Истро-

¹ Procop. de aedif. IV. 11. p. 307, 308 (ed. Bonn). Constant. Porphyg. III. 47 (ed. Bonn). Hierocles Synecdemus ibid. p. 391.

² В о е к h C. I. N 2056. 2056. b.

³ ibid. N 2056. d.

⁴ N 2056. 2056. d.

⁵ N 2056. 2056. b. 2053. 2053 d.

⁶ N 2056. e.

⁷ N 2056. d.

⁸ N. 2053. d и N 2056. e.

⁹ N 2053.

¹⁰ N 2056. d.

¹¹ N 2056. 2056. b.

са и Каллатиса въ числѣ городовъ, которые, по рѣшенію Ольбін¹, наградили вѣнкомъ Θεокла. Гораздо важнѣе надпись, найденная въ Варнѣ (Одессосъ) и сообщенная Бѣкомъ².

Вотъ ея содержаніе:

Ἐλευθερῆ τύχη

Ἐρρόδοτον Φαρνάγου ἀρχαῖοντα τῆς πόλεως, καὶ ἀρχαῖοντα τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως, καὶ τιμηθέντα ὑπὸ τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως....

Во славу и счастье!

Геросоду, Фарнагову сыну, который, будучи архонтомъ города, управлялъ внутренними дѣлами пятиградія и, за оказанныя услуги, общинами пятиградія почтенъ былъ....

Слова эти ясно указываютъ на существованіе союза между городами; впрочемъ ни по нимъ, ни по другимъ источникамъ не узнаемъ съ точностью, какіе именно пять городовъ находились между собою въ тѣсной связи посредствомъ этого союза. Бларамбергъ³ принималъ Одессосъ, Томи, Каллатисъ, Месембрию и Аполлонію; Бѣкъ⁴, основываясь на другой, дошедшей до насъ изъ Месембріи надписи, въ которой города Томи, Истрось и Аполлонія всѣ вмѣств награждаютъ кого-то вѣнками и статуями, думаетъ, что здѣсь нужно скорѣе подразумѣвать Одессосъ, Месембрию, Томи, Истрось и Аполлонію. Наконецъ Бларамбергъ, а равно и Бѣкъ, полагаютъ, что надпись, въ которой упоминается о союзѣ пяти городовъ, принадлежала Одессосу и мѣтніе свое опираютъ на томъ, что она найдена была въ Варнѣ. Но что, если камень съ этой надписью принадлежалъ одному изъ сосѣднихъ городовъ и только въ послѣдствіи, совершенно случайно, былъ занесенъ въ Варну? Перемѣщеніе древнихъ памятниковъ изъ одного мѣста въ другое не представляетъ ничего необыкновеннаго и можетъ быть доказано многими примѣрами. Я упомяну здѣсь только о надписи⁵, которую всѣ относятъ къ Херсонесу Таврическому, хотя и она найдена была въ Варнѣ; точно также два памятника, принадлежащіе Ольбін, открыты были въ Очаковѣ⁶. Если приведенная выше надпись не относится прямо къ самому Одессосу, а была занесена въ Варну изъ окружныхъ мѣстъ, то ее ближе всего приписать Томійцамъ, которые, во время ея составленія, достигли подъ покро-

¹ N 2059.

² N 2056. c.

³ N 2056. c.

⁴ N 2053. d.

⁵ N 2056. g.

⁶ N 2060 и 2067.

вительствомъ римскихъ императоровъ , наибольшаго значенія. Надпись эту, судя по формѣ нѣкоторыхъ буквъ , должно отнести къ первому или второму столѣтію по Р. Х. При томъ , основываясь на палеографическихъ данныхъ , можно почти смѣло утверждать , что другая упомянутая нами надпись изъ Месембріи , которую Бёкъ приписалъ этому же союзу городовъ , принадлежитъ болѣе отдаленному времени. Между составленіемъ той и другой надписи могло пройти нѣсколько вѣковъ , а союзъ городовъ , при постоянныхъ перемѣнахъ отношеній , едва ли могъ существовать столь долгое время. Кромѣ того , въ месембрійской надписи нѣтъ и помину о союзѣ : изъ нея видно только , что Истрость , Томи и Аполлонія въ одномъ и томъ же документѣ награждаютъ одно и то же лицо извѣстными почестями. Такая взаимная связь во всѣ времена могла существовать между этими городами. И однакожь не было другой причины , почему Бёкъ сблизилъ эту связь съ союзомъ пяти городовъ , упоминаемыхъ въ другой надписи. Мы уже выше упомянули объ ольбійскомъ рѣшеніи , по которому , кромѣ Ольбіи , еще восемнадцать городовъ , находившихся въ дружественныхъ и торговыхъ отношеніяхъ съ Ольбійцами , награждаютъ Θεокла золотыми вѣнками ; этотъ примѣръ убѣждаетъ насъ , что подобное оказываніе почести не ведетъ еще къ прямому заключенію о тѣсномъ союзѣ городовъ. Къ нему не приводитъ также и то обстоятельство , что въ месембрійской надписи означено каждымъ городомъ порознь , въ чемъ состоятъ заслуги лица , награждаемаго вѣнкомъ и статуей. Отзывы , дѣлавшіеся каждымъ городомъ отдѣльно и со всѣми подробностями , легко объясняются малымъ числомъ участниковъ въ присужденіи награды.

Томи , достигшій въ первомъ столѣтіи высшаго значенія , могъ скорѣе всѣхъ стоять во главѣ такого союза , потому что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о возвышеніи Одессоса и прочихъ городовъ въ этомъ періодѣ. Въ свѣдѣніе могущества , приобретеннаго посредствомъ союза , Томи имѣлъ право присвоить себѣ со времени Антонина Піа почетное названіе **ΜΝΤΡΟΠΟΛΙΣ** или **ΜΝΤΡΟΠΟΛΙΣ ΠΟΝΤΟΥ**. Если дѣло было дѣйствительно такъ , то союзъ этотъ нужно приписать городамъ , находящимся вблизи , и потому я полагаю , что Томи находился въ союзѣ съ Истросомъ , Каллатисомъ , Діоносополемъ и Одессосомъ. Императорскія монеты , съ раннихъ поръ чеканенныя въ упомянутыхъ городахъ и сохранившіяся для Томи , со времени Тиберія , почти въ непрерывномъ порядкѣ , позволяютъ предполагать , что города эти , по крайней мѣрѣ , ближе другихъ были въ сношеніяхъ съ Римомъ , а потому долго еще поль-

зовались цѣлостью внутренняго и вѣшняго своего благосостоянія. Только въ одномъ Діонисополѣ извѣстныя до сихъ поръ императорскія монеты¹ начинаются со времени Коммода. Древнѣйшія изъ нихъ могли быть отчасти потеряны для насъ, но существованія ихъ ни въ какомъ случаѣ не должно отрицать, потому что у меня самого есть слѣдующая монета, которая, кажется, относится ко времени Антонина Пія:

Лич. СЕВАСТОУ. Увѣнчанная лаврами голова императора Антонина Пія (?), обращенная вправо.

Обор. ΔΙΟΥΣΟΠΟΛΕΙΤΩΝ. Прямо стоящій факель. Æ 4.

Какъ неполно наше знаніе общественной жизни Томи и соседнихъ городовъ, такъ точно ограничены и свѣдѣнія наши о частной жизни тамошнихъ обитателей. Единственнымъ источникомъ служитъ здѣсь Овидій, да и тотъ описываетъ жизнь въ Томи, кажется, слишкомъ рѣзкими красками, не желая видѣть ничего хорошаго въ ненавистномъ для него мѣстѣ ссылки. Нравы, языкъ и обычаи вовсе не утѣшаютъ его²; и въ самомъ дѣлѣ, если безусловно положиться на слова Овидія, образованность въ Томи стояла не на высокой степени. Дѣятельныя сношенія съ окрестными варварами и другія мѣстныя причины должны были во многомъ дать жизни Томійцевъ особый отъенокъ. Овидія, привыкшаго къ мирной жизни, непріятно поражало въ Томи не только заимствованіе варварскихъ обычаевъ, въ числѣ которыхъ упоминается особенно употребленіе мѣховыхъ одеждъ, нижняго платья, мѣховыхъ шапокъ и длинныхъ волосъ³, — его раздражала тревожная жизнь внутри городскихъ стѣнъ, гдѣ боязнь непріятельскихъ нападѣній со стороны варваровъ, дѣлала необходимыми военныя упражненія и постоянный звукъ оружія⁴. При такихъ обстоятельствахъ въ Томи во времена Овидія, конечно, не могли процвѣтать ни торговля, ни искусства, ни науки. Первая въ то время ограничивалась преимущественно сношеніями съ соседними городами и съ Боспоромъ Тракійскимъ, а съ Греціею и Италіею была незначительна⁵; что же касается искусствъ и наукъ, то въ Томи по свѣдѣтельству Овидія не чувствовалась потребность умственныхъ занятій⁶. Недостатокъ въ книгахъ⁷ огорчаетъ поэта такъ же глубоко, какъ и рав-

¹ Monnet. Suppl. II. p. 64. N 65.

² Trist. III. 8, 37 seq.

³ Trist. V. 10, 32. IV. 6, 47. III. 10, 19. V. 7, 45 seq.

⁴ Trist. III. 10, 68. seq. III. 14, 38. V. 7, 10, 45.

⁵ Trist. III. 12, 32. Epist. III. 1, 28.

⁶ Trist. III. 14, 37. V. 12, 53.

⁷ Trist. V. 12, 53. III. 14, 42.

нодушіе къ его поэтическимъ трудамъ ¹. Къ тому присоединялось ограниченное знаніе латинскаго языка ², который совершенно уклонился отъ своей первоначальной чистоты въ слѣдствіе примѣси варварскихъ словъ и формъ ³. Не менѣе страннымъ кажется поэту, что томійскія женщины, для которыхъ пряжа и тканье были тѣмъ-то чуждымъ, занимаются молотьемъ хлѣба и носкою воды ⁴. Все это не представляетъ намъ пріятной картины тогдашняго быта Томійцевъ; впрочемъ, можетъ быть, онъ явился бы въ другомъ свѣтъ, если бы римскій поэтъ составилъ свое описаніе при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ лучшемъ расположеніи духа. При нескончасмой тоскѣ по родномъ Римѣ, вся ненависть, все недовольство, обратились на мѣсто, которое противъ воли Овидія было опредѣлено ему для жительства, и многое изъ того, что заслужило его осужденіе, было осуждено имъ совершенно неправильно. Такъ напримѣръ поэтъ осуждаетъ Томійцевъ, какъ мы уже видѣли, за ихъ холодность къ его поэтическимъ произведеніямъ; а между тѣмъ это тѣ самые Томійцы, которые его ласкаютъ ⁵, стараются ради самихъ себя удержать его у себя и, въ знакъ уваженія къ его таланту, осыпаютъ его всѣми возможными почестями. Чѣмъ могли они яснѣе обнаружить свое сочувствіе къ высокому и изящному, какъ не тѣмъ, что поэту, сосланному къ нимъ, воздали въ публичномъ актѣ должную хвалу ⁶, освободили его отъ платежа податей ⁷ и признали достойнымъ общественнаго увѣщанія ⁸? Все это, дѣйствительно, не показываетъ ни огрублости, ни равнодушія. Томи, разумѣется, не могъ совершенно избавиться отъ варварскаго вліянія своихъ сосѣдей, но все таки греческій элементъ всегда оставался господствующимъ, и для безпристрастнаго наблюдателя долженъ былъ ясно проявляться въ жизни тамошнихъ обитателей. Съ тѣхъ поръ, какъ Томи посредствомъ тѣснаго союза съ Римомъ достигъ подъ покровительствомъ римскихъ императоровъ высшаго процвѣтанія и возвысился на степень главнаго города всей страны (**ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΣ ΠΟΝΤΟΥ**), греческіе элементы вѣроятно еще болѣе окрѣпли.

Собравши такимъ образомъ все, что могло дать намъ какія-нибудь свѣдѣнія о Томи и сосѣднихъ городахъ, я сообщаю въ заключеніе

¹ *ibid.* и IV. 1, 89.

² *Trist.* IV. 1, 89. v. 7, 54.

³ *Trist.* V. 2, 67. III. 14, 47. V. 7, 14 и 54. V. 10, 25.

⁴ *Epist.* III. 8, 10.

⁵ *Epist.* IV. 9, 97.

⁶ *Epist.* IV. 9, 101.

⁷ *Ibid.* 102.

⁸ *Epist.* IV. 14, 55.

шесть надписей, которые могут служить частью къ подтвержденію, частью же къ пополненію выше сказаннаго. Четыре изъ нихъ относятся къ Томи, двѣ къ Одессосу. Первые, найденныя въ Кюстенджи и въ окрестностяхъ его г-мъ Тедески, австрійскимъ вице-консуломъ въ Варнѣ¹, получилъ я отъ австрійскаго консула въ Одессѣ, кавалера Ческини, благосклонности котораго я обязанъ копіями съ нихъ, сдѣланными въ Варнѣ. Что касается двухъ остальныхъ, открытыхъ въ Варнѣ, то одну изъ нихъ я знаю по итальянскому журналу L'Ordine², а другая сообщена мнѣ услугой г-на Палаузова. Для древней географіи всѣ шесть не безъ значенія: надписи, найденныя въ Кюстенджи и подлѣ него, доказываютъ справедливость моего предположенія, что Томи стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Кюстенджи; тѣ же изъ нихъ, которые открыты въ Варнѣ, подтверждаютъ вновь, что тамъ нужно искать древняго Одессоса. Кромѣ того, надписи эти имѣютъ важность и въ другомъ отношеніи, какъ я покажу при объясненіи ихъ. Скажу сперва о четырехъ томійскихъ, которые, всѣ вмѣстѣ, были открыты, по показанію г-на Тедески, въ Августѣ 1852 г. и, за исключеніемъ первой, сохранились почти вполнѣ. Тѣмъ болѣе жаль, что въ сообщенныхъ мнѣ копіяхъ встрѣчается кое-гдѣ неточность, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надписей останутся, быть можетъ, еще сомнѣнія въ правильности предлагаемаго мною способа чтенія ихъ.

№ 1.

На восточной сторонѣ полуострова, гдѣ лежитъ Кюстенджи, вырыта была въ августѣ 1852 г. мраморная капитель, величиною въ три кубическихъ фута, съ слѣдующею надписью:

IMPCAESDIVITRA	Imp. Caes., Divi Tra-
IANITARHICITDIVI	jani Parthici F, Divi
NERVAENEPOTITRAIANO	Nervae Nepoti, Trajano
HADRIANOAVCEONTI	Hadriano Aug., Ponti
MXTR....STOTVTIIOSTIPI	Mx. Tr. (Pote)statis II Cos. III P. P.
.....VE....TOMITI(ci)ve(s) Tomiti(s).

Томійцы прославляютъ въ этой надписи, относящейся къ 119 г. по Р. X.³ императора Адриана, ввроятно, за то, что онъ избавилъ ихъ отъ опасности, угрожавшей имъ со стороны Сарматовъ и Роксолановъ. Въ 118 г. по Р. X., когда царь Роксолановъ, получивъ отъ казъ въ дани, прежде ему уплачиваемой, готовился вооруженною рукою напасть на римскія провинціи, Адрианъ самъ отправился въ Ми-

¹ Wiener Lloyd. 1852 N 228.

² 1851. N 104.

³ Eckhel. doct. numm. VIII. p. 414.

зію и вель оттуда переговоры о мирѣ съ враждебнымъ сосѣдомъ. На какихъ условіяхъ былъ заключенъ миръ, намъ неизвѣстно; впрочемъ, вѣроятно, Адрианъ согласился на большія пожертванія, чтобы обезопасить себя съ этой стороны. За то непріятеля онъ обратилъ въ друга. По крайней мѣрѣ мы знаемъ изъ одной надписи¹, что Распаразанъ, царь Роксолановъ, принялъ имя П. Элія, сдѣлавши это, вѣроятно, изъ уваженія къ императору Адриану, который, какъ извѣстно², назывался этимъ именемъ. Былъ ли Распаразанъ тотъ царь, съ которымъ Адрианъ заключилъ миръ, или назывался такъ одинъ изъ его наслѣдниковъ? Во всякомъ случаѣ, принятіе императорскаго имени показываетъ, что цари Роксолановъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Адрианомъ и въ царствованіе этого императора не беспокоили болѣе сѣверныхъ провинцій римскаго государства.

№ 2.

Также на восточной сторонѣ полуострова найденъ камень четырехъ футовъ длины, съ слѣдующею надписью:

D M
MVLPIVS LONGINVS
EXDECVFIBVLTOMITAN....
SEVIVO SIBITVRIA·AQVINÆ
CONIVGI SVANEM·RAAFECIT
ANPIAE. DIO SVO.

D M².
 M. Ulpius Longinus
 ex dec. vet. bul. Tomitanorum
 se vivo sibi et Furiae Aquilinae,
 conjugi, suam memoriam fecit,
 (impen) dio suo.

Надпись эта отличается отъ обыкновенныхъ надгробныхъ памятниковъ, касающихся болѣею частію частныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ, второю строкою. Въ этой строкѣ объясняется званіе М. Ульпія Лонгина, который еще при жизни своей, какъ это бывало у древнихъ³, поставилъ памятникъ себѣ и супругѣ своей, Фуріи Аквилинѣ. Именно, если пополнить сокращенныя въ надписи слова такимъ образомъ: «ex decuria vetere bulentarum Tomitanorum», то увидимъ изъ нея, что М. Ульпій Лонгинъ принадлежалъ въ Томи къ числу сенаторовъ древней декуріи. И такъ, сенатъ (*βουλή*) въ Томи раздѣлялся на двѣ части, изъ которыхъ одна называлась *decuria vetus*, а другая напротивъ могла именоваться *decuria nova*. Въ *decuria vetus*, которая, безъ сомнѣнія, была почетнѣею, сенаторовъ избирали изъ старѣйшихъ гражданъ, а въ *decuria nova* — изъ тѣхъ, которые только недавно приобрѣли право гражданства. Впрочемъ дѣленіе сената на двѣ декуріи могло произойти только во второмъ вѣкѣ по Р. Х., когда Томи,

¹ Orelli N 833.

² Dii Manibus Orell. Inscript. NN 4352, 4381, 4422, 4438, 4464, 4504, 4560, 4569, 4593.

³ Orell. NN 4526, 4550, 4556, 4566, 4736, 4769, 4811, 4850.

какъ МНТРОПОΛΙΣ ΠΟΝΤΟΥ, сталъ играть значительную роль и когда онъ, въ слѣдствіе раздачи поселившимся въ немъ чужестранцамъ правъ гражданства, могъ представить огромное число туземныхъ гражданъ. Въ древней декуріи сенаторовъ, гдѣ греческій элементъ легко могъ быть преобладающимъ, насъ не должно поражать совершенно римское имя М. Ульпія Лонгина: цвѣтушимъ своимъ состояніемъ, начиная съ перваго столѣтія, Томи былъ обязанъ большою частью римскому вліянію, а потому раздача правъ томійскаго гражданства поселившимся въ Томи Римлянамъ началась съ самыхъ раннихъ поръ. Вообще римскій и греческій элементы должны были различно сталкиваться въ Томи и производить взаимное вліяніе даже на языкъ. Такое общее вліяніе замѣчаемъ мы даже въ немногихъ словахъ надписи: римское выраженіе «*descuria*», употребленное въ ней какъ терминъ подлѣ греческаго названія сенаторовъ «*buleutae*», которое находится у римскихъ писателей¹ при описаніи другихъ колоній, ясно указываетъ на взаимное дѣйствіе обоихъ языковъ. Что касается послѣдней строки, она непонятна въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ. Предполагать здѣсь какое-нибудь имя едва ли возможно. Въмѣсто обыкновенныхъ словъ *de suo*², *de re publica sua*³, или греческихъ *ἐκ τῆς ιδίωυ*, охотнѣе всего я допускаю, съ немного произвольною перемѣною, рѣже встрѣчающееся выраженіе *impredio suo*. Во всякомъ случаѣ М. Ульпій Лонгинъ долженъ былъ поставить на свой счетъ надгробный памятникъ, воздвигнутый имъ себѣ еще при жизни.

№ 3.

На полуостровѣ найдена была также четырехугольная доска блага мрамора, шести футовъ въ вышину и двухъ футовъ въ поперечникъ, съ слѣдующей надписью:

TELAVIOLONC.N
OMARCIOTVRB....
LEGA/GPR.PR
TITIVS CRISPVS
CORNICVL
EIVS

T. Flavio Longino
Q Marcio Turb(oni)
Leg. Aug. Propraetoribus
Titius Crispus
Cornicul
ejus.

Неизвестный намъ Тицій (или, лучше, Титъ) Криспъ Корникулей поставилъ этотъ памятникъ, какъ значится въ немъ, въ честь двухъ

¹ *Buleutae* встрѣчаются въ Клавдіополѣ (Plin. Epist. X. 48.), въ городахъ Видиниѣ и Понтѣ (ibid. X. 113, 115), въ Александріи (Spart. Sever. 17).

² Orell. Inscript. NN 4410, 4740, 4796.

³ Orell. N 4699.

мужей, которымъ, какъ императорскимъ намѣстникамъ, ввѣрено было управленіе тамошними провинціями: въ отношеніи къ нимъ онъ могъ быть обязанъ особенно о благодарностью. Одинъ изъ нихъ, Кв. Марцій Турбонъ, уже извѣстенъ намъ; но о Титѣ Флавінѣ Лонгинѣ мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. О Турбонѣ, имя котораго встрѣчается еще на одной надписи, дошедшей къ намъ изъ Сармизегеусы¹, знаемъ мы, что онъ при Траянѣ съ успѣхомъ смирилъ возстаніе Евреевъ², что онъ еще при жизни Траяна былъ въ дружбѣ съ Адрианомъ³, и что послѣдній, немедленно по возшествіи своемъ на царство, послалъ его намѣстникомъ въ Мавританію вмѣсто возмущавшагося Лузія Квинта⁴. Впрочемъ. въ званіи этомъ Турбонъ оставался недолго — едва ли одинъ годъ — потому что уже въ 118 г. по Р. Х. мы видимъ его вмѣстѣ съ Адрианомъ въ Дакии, которую вскорѣ потомъ императоръ, спѣшившій въ Римъ, ввѣрилъ его управленію⁵. Въ столицѣ, по случаю казни четырехъ мужей, бывшихъ прежде консулами, которые хотѣли покуситься на жизнь императора⁶, возникли въ это время беспорядки. Адрианъ думалъ успокоить взволнованные умы лучше всего личнымъ появленіемъ между недовольными, увѣреніемъ, что кровавый приговоръ приведенъ въ исполненіе безъ его вѣдома, раздачею подарковъ въ народъ и различными милостивыми учрежденіями⁷. Адрианъ вполне достигъ желаемой цѣли; но возстановленное спокойствіе казалось ему до тѣхъ поръ непрочнымъ, пока прежній его опекунъ Аттианъ, котораго онъ не за долго еще предъ тѣмъ почтилъ принятіемъ въ сенатъ⁸, и Симилисъ будутъ облечены, какъ *praefecti praetorio*, значительною властью. Мѣста ихъ должны были занять люди, владѣющіе полнымъ довѣріемъ императора; Адрианъ смѣнилъ ихъ Марціемъ Турбономъ и Септіціемъ Кларомъ⁹. Турбонъ вступилъ на мѣсто Аттиана въ 119 г. по Р. Х.¹⁰ и какъ рѣдкими заслугами, такъ и безпримѣрнымъ усердіемъ, совершенно оправдалъ возложенное на

¹ Orell. N 831.

² Euseb. H. eccl. IV. 2.

³ Spart. Hadr. 4.

⁴ ibid. 5.

⁵ ibid. 7.

⁶ Nigrinus, Celsus, Palma, Lusus Quintus, Dio LXVIII. 14

⁷ Spart. Hadr. 7.

⁸ Spart. 8.

⁹ Spart. 9. Dio LXVIII. 18. Xiphil. 19. Zonaras XI. 24 Cedrenus p. 43. ed Bonn.

¹⁰ Zumpt Annal. p. 131.

него доверіе императора¹. Потому-то легко предположить, что онъ долго оставался въ должности praefecti praetorio; а въ такомъ случаѣ памятники, воздвигнутые ему въ Сармизегеусъ и въ Томи, будутъ относиться къ управленію его въ 118 или 119 гг. по Р. Х. Правда, въ сармизегеусской надписи онъ названъ уже praefectus praetorio; но титуломъ этимъ можно было его почтить, такъ какъ онъ былъ призванъ въ Римъ на эту важную должность непосредственно послѣ своего намѣстничества въ Дакии. Надпись же могла быть поставлена только послѣ отъѣзда его изъ Дакии. Въ Томи напротивъ онъ является какъ legatus pro praetore, и почти одновременно съ неизвѣстнымъ намъ Т. Флавіемъ Лонгиномъ. Последний былъ, вѣроятно, дѣйствительнымъ намѣстникомъ въ Moesia inferior, въ то время когда Дакией правилъ Турбонъ, который, по случаю веденной имъ тамъ войны, могъ находиться въ частыхъ сношеніяхъ съ Мизіей. — Поселившійся въ Томи Корникулей былъ, конечно, обязанъ этимъ мужамъ особенною благодарностью и потому воздаетъ имъ обоимъ честь на одномъ и томъ же памятникѣ.

№ 4.

Въ церковной оградѣ села Анадолькѣи, лежащаго на половину мили къ западу отъ Кюстенджи, найдена была колонна бѣлаго мрамора, 6½ футовъ вышиною и 2¼ футовъ въ діаметръ, на которой начертана слѣдующая надпись:

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ
 ΤΟΝ ΥΙΟΝ ΤΟΥ ΑΥΤΟ
 ΚΡΑΤΟΡΟΣ ΜΑΥΡΗ
 ΛΙΟΝ ΟΥΗΡΟΝ ΚΑΙΣΑ
 ΡΑΟΟΙΚΟΣΤΩΝΕΝΤΟ
 ΜΕΙΝΑΥΚΛΗΡΩΝΑΝΑ
 ΣΤΗΣΑΝΤΟΣΤΟΝΑΝ
 ΔΡΙΑΝΤΑΕΚΤΩΝΙΔΙΩΝ
 ΤΙΤΟΥ ΤΙΤΟΥ
 ΝΕΩΤΕΡΟΥ

Ἀγαθὴ τύχη
 Τὸν υἱὸν τοῦ αὐτο-
 κράτορος Μ. Αὐρή-
 λιον Οὐῆρον καίσα-
 ρα ὁ οἶκος τῶν ἐν Τί-
 μει ναυκλήρων ἀνα-
 στήσαντος τὸν ἀν-
 δριάντα ἐκ τῶν ἰδίων
 Τίτου Τίτου
 νεωτέρου.

«Во славу и счастье!»

«Императорскаго сына и соправителя, М. Аврелія Севера, прославляетъ сословіе судохозяевъ въ Томи; въ знакъ чего поставилъ «статую на собственный счетъ Титъ, сынъ Тита младшаго.»

Надпись эта, относящаяся къ Каракаллъ, принадлежитъ концу второго или началу третьяго столѣтія по Р. Х., т. е. времени правленія

¹ Dio LXVIII. 18.

Септимія Севера, который въ 198 г. по Р. X. возвысилъ старшаго сына своего Бассіана, подъ именемъ М. Аврѣлія Антонина, на степень правителя, облекши его сперва трибунскою властью¹. Последний, вмѣсто имени Антонина, называется здѣсь, какъ это часто встрѣчается, по имени отца, Северомъ; имя его выражается тутъ въ формѣ ΟΥΝΡΟΣ, которая попадаетъ на надписяхъ², а равно и на монетахъ³. Памятникъ этотъ сооруженъ однимъ поселившимся въ Томи οἶκος, т. е. обществомъ, сословіемъ, что въ латинскомъ языкѣ выражается словами familia⁴, coetus⁵, concilium⁶, collegium⁷, domus⁸. Но что такое ναύκληροι? Судя по составу слова изъ ναῦς и κλήρος, мы должны прежде всего полагать, что оно означаетъ начальниковъ судовъ, судохозяевъ. Эти судохозяева перевозили на своихъ судахъ изъ одного мѣста въ другое людей и вещи⁹, соединялись въ общества или компаніи и употреблялись правительствомъ для перевозки припасовъ и товаровъ. Кромѣ того, ναύκληρος означаетъ еще откупщика домовъ¹⁰ и въ этомъ значеніи относится къ тѣмъ лицамъ, которые брали у казны на откупъ дома съ цѣлью отдавать ихъ въ наймы. Во всѣхъ греческихъ государствахъ чужестранцамъ запрещено было владѣть домами¹¹; даже лицамъ, пожалованнымъ правомъ проксеніи (προξενία), покупка недвижимаго имущества дозволялась какъ особенная привилегія, какъ исключеніе изъ общаго правила. Въ слѣдствіе этого въ городахъ, посѣщаемыхъ иноземцами, появились граждане (ναύκληροι), которые отдавали въ наемъ иностранцамъ дома, взятые на откупъ у казны, и тѣмъ доставляли имъ возможность оставаться въ городахъ на долгое время. Такіе государственные откупщики могли находиться и въ Томи, гдѣ стеченіе чужеземцевъ, во времена римскаго владычества, конечно, было очень значительно; но въ надписи нашей римское имя

¹ Z u m p t. Annal. p. 137.

² В о е с к h. C. I. II N 2047.

³ М і е n n. Suppl. II. p. 117. N 358, p. 233 N 166, p. 304. seq. 621, 622, 624, 634.

⁴ O r e l l i. N 1711 familia monetaria, N 3226 familia monetaria; Cic. Grat. I. 10. familia phiosophorum, или Divin II. 1. Peripatheticorum familia; Suet. Aug. 42 familia gladiatorum.

⁵ Cod. Inst. XI. Tit. I (II). 6: coetus novarchorum.

⁶ ibid. Tit. V (VI). 6.

⁷ O r e l l i N 4108: collegium naviculariorum.

⁸ O r e l l i N 4134.

⁹ Photio: 'Ο τῆς νεῶς κύριος καὶ ὁ ἐπιπέλων ἀντὶ τῆ ἐπὶ τῶ τὰ ναῦλα λαβεῖν.

¹⁰ Lex rhet. Bekk. An. p. 282, 10: ναύκληρος σημαίνει μὲν καὶ τὸν τῆς νεῶς κύριον, σημαίνει δὲ τὸν ἐπιπέλοντα αὐτῆ ἐφ' ᾧ τὰ ναῦλα λαμβάνειν, σημαίνει δὲ καὶ τὸν τὰ ἐνοίκια τῆς οἰκίας ἐκλέγοντα. Hesychius: ναύκληρος: ὁ τῆς συνοικίας συνεστῶς. Pollux X. 20.

¹¹ В о е с к h Staatshaushalt. I. 328.

Тита, который, какъ глава компаніи, поставилъ Каракаллъ статую, скрѣе указываетъ на римскихъ судохозяевъ, которые грузили суда свои товарами, назначавшимися для государства и преимущественно брались за перевозку хлѣба изъ плодородной Мизіи. Выгоды ихъ зависѣли именно отъ повелителей Рима; а потому весьма естественно, что они старались снискать расположеніе императоровъ открытою признательностію къ нимъ и публичными воздаваніями чести.

№ 5.

Въ Варнѣ, при постройкѣ одного дома въ Армянскомъ кварталѣ, открытъ былъ четырехугольный камень съ латинско-греческою надписью, изъ которой журналъ L'Ordine ¹ сообщаетъ только слѣдующій латинскій текстъ:

**IMP. CAESARE. T. AELIO. HADRIANO. ANTONII
P. P. CIVITAS. ODESSITANORVM. AQVAM. NOVO
XIT. CVRANTE. T. VITRASIO. POLLIONE. LEG.**

и читаетъ его такимъ образомъ: «Imperatore Caesare Tito ² Aelio Adriano Antonino, Patre Patriae, Civitas Odessitanorum aquam novo eduxit ³, curante Tito Vitrasio Pollione, Legato.» — Греческаго текста я не могъ достать не смотря на всѣ мои старанія; впрочемъ и латинскій самъ по себѣ очень важенъ, частью по тому, что водопроводъ, упоминаемый въ немъ, дѣлаетъ несомнѣннымъ положеніе древняго Одессоса на мѣстѣ нынѣшней Варны; частью же потому, что посредствомъ его мы можемъ увеличить новымъ именемъ ограниченное число легатовъ въ Moesia inferior. Въ этомъ званіи являлся во время Адриана Титъ Витразій Полліонъ, по всей вѣроятности тотъ самый, для котораго Адрианъ издалъ рескриптъ, относящійся къ Витразію, тогдашнему legatus Lugdunensis ⁴, тотъ самый, имя котораго встрѣчается еще въ одной надписи изъ Немауза ⁵, тотъ самый наконецъ, которому Senatusconsultum Vitrasianum, обезпечивающій отпущеніе рабовъ на волю по довѣренности (manumissio fideicommissaria), обязанъ своимъ названіемъ ⁶.

¹ 1851. N 104.

² Должно быть: Publico.

³ Я читаю: induxit вместо novo eduxit.

⁴ Digest. XXVII, 1, 15 § 17.

⁵ Reines. cl. VIII. n. 52. p. 532.

⁶ Burchardi Staats- und Rechtsgeschichte d. Römer. p. 251.

№ 6.

По благосклонности г-на Палаузова, мнѣ сообщена еще слѣдующая греческая надпись, открытая имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Варнѣ. Надпись эта начертана на кускѣ мрамора, содержащемъ полъ-аршина въ квадратъ, и раздѣляется на двѣ части. Первая строка помѣщена надъ рельефнымъ изображеніемъ челоуѣка на конѣ, а послѣднія три находятся ниже его. Грубый и дурно сохранившійся барельефъ представляетъ всадника съ развѣвающимся плащомъ и въ исподнемъ платьѣ. Надпись, судя по формѣ буквъ, должна относиться къ третьему вѣку по Р. Х. и едва ли могла быть начертана прежде.

ΗΡΩΙ ΜΑΝΙΜΑΤΩΙ
ΕΣΤΙΑΙΟΣΝΗΚΙΟΥΥΠΕΡ
ΤΩΝ ΥΙΩΝ ΝΕΙΚΙΥΚΑΙΙΑΤΑ
ΘΕΙΝΩΡΟΣ ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ.

*Ἡρωί¹ Μανιμάτῳ
Ἐστιαῖος Νεικίου ὑπὲρ
τῶν υἱῶν Νεικίου καὶ Ἀγα-
θεῖνρος χαριστήριον.*

«Усопшему Манимату Гестіей, сынѣ Никія, за своихъ дѣтей Никія и Агаѳннора въ знакъ благодарности.»

Имена, встрѣчающіяся въ этой надписи, нисколько неизвѣстны намъ, и потому нѣтъ никакой возможности войти въ подробное разсмотрѣніе означенныхъ тамъ частныхъ отношеній. Изъ словъ надписи мы не узнаемъ, къ какому мѣсту она относится; но, судя по тому, что она была найдена въ Варнѣ, я почитаю себя въ полномъ правѣ приписать ее древнему Одессосу.

П. Беккеръ.

Одесса 12-го іюля 1853 года.

¹ Hermann Lehrbuch d. Griech. Antiquit. II. p. 67, 69 Not 18, 20.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДРЕВНЕЙ ДАКІИ.

Въ пополненіе того, что сказано въ предыдущей статьѣ о римской провинціи Мизіи, помѣщаемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о Дакіи, провинція сосѣдственной съ нею. Подъ этимъ именемъ Римляне разумѣли страну между рѣкой Тисой (Theiss) на западѣ и Прутомъ на востокѣ, ограничиваемую съ сѣвера Карпатами, а съ юга Дунаемъ. Вся Молдавія и Валахія входили въ составъ этой страны. Римскою провинціей она стала со времени Траяна, которому удалось побѣдить хабраго царя Даковъ Декебала. Домиціанъ нѣсколько разъ велъ войны съ этимъ царемъ, но безъ успѣха, и подъ конецъ царствованія платилъ даже ему дань. Такой позоръ заставилъ Траяна, вскорѣ по вступленіи на престолъ, начать новую войну, и на этотъ разъ счастье благоприятствовало римскимъ орднамъ. Траянъ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная и одержалъ надъ Декебаломъ нѣсколько побѣдъ, изъ которыхъ послѣдняя и самая рѣшительная была при Сармизегеусѣ, столицѣ Декебаловой, 103 г. по Р. X. Миръ, дарованный Декебалу, былъ имъ вскорѣ нарушенъ, и это подало поводъ къ вторичной войнѣ, положившей конецъ Декебалу царству. Траянъ построилъ на Дунаѣ каменный мостъ¹ и вступилъ въ Дакію съ большимъ войскомъ. Сармизегеуса была взята. Вилламы, волъ Дакіи покорена, и Декебалъ принужденъ приблизиться къ самоубійству. Голова его была привезена въ Римъ, а царство обращено въ римскую провинцію, въ 106 г. по Р. X. За собственнымъ царствованіемъ Траяна слѣдовало мирное царствованіе Адріана, страстнаго путешественника и хорошаго архитектора, но плохого воина. Армения, Месопотамія и Ассирія, завоеванныя Траяномъ, при Адріанѣ были оставлены римскимъ легионами. Онъ думалъ сдѣлать то же и съ Дакіей, и былъ остановленъ лишь множествомъ римскихъ гражданъ, переселенныхъ туда по распоряженію Траяна. Дакія оставалась римскою провинціей до Авреліана (270 — 275 по Р. X.), который вывелъ изъ нея войско, а жителей переселилъ на правый берегъ Дуная, гдѣ была учреждена новая провинція Дакія между верхнею и нижнею Мизіей.

Такимъ образомъ собственная Дакія находилась подъ римскими владѣтельствомъ болѣе полутора столѣтій. Главнымъ городомъ провинціи осталась *Sarmizegethusa*, сдѣлавшаяся римскою колоніею на италійскомъ правѣ, *Colonia Ulpia Trajana Augusta*. Она лежала при теперешней деревнѣ Градище (Varhely), 5000 шаговъ отъ желѣзныхъ воротъ, гдѣ есть остатки стѣнъ, храмовъ, амфитеатра, водопровода, а найдено много латинскихъ надписей. Другіе замѣчательные города были: *Tibiscum* римская муниципія близъ Темешвара, *Tierna* (*Aispra*, *Statio Tsernensis*, *Colonia Zernavianum*) близъ Оршовой на рѣкѣ Черной, *Apula* (*Apulum*, *Colonia Nova Apulum*), муниципія при Карсбургѣ (Бѣлградѣ), гдѣ еще есть развалины водопровода и строеній. Римляне провели по Дакіи три дороги, означенныя на Пестингеровой картѣ. Двѣ изъ нихъ проходили по теперешнимъ австрійскимъ владѣніямъ, одна по Малой Валахіи. Последняя начиналась близъ теперешняго мѣстечка Чернецъ на Дунаѣ, гдѣ по всему вѣроятію былъ Траяновъ каменный мостъ, потомъ направлялась къ Ольгѣ, слѣдовала ея теченію и оканчивалась у Карсбурга. Города, лежавшіе на востокъ отъ этой дороги, до сихъ поръ еще не вполне опредѣлены географически, но ихъ было много, судя по длинному списку у Птолемея. Римскія развалины встрѣчаются между Турвой и Гюргевымъ, близъ Галаца, близъ Кошмина на Прутѣ и въ другихъ мѣстахъ.

¹ На 20 столбахъ, отстоявшихъ одинъ отъ другаго на 170 футовъ; столбы эти имѣли будто бы въ вышину 150 футовъ; они были соединены арками. Діонъ Кассій 68, 13. — О древностяхъ Дакіи самыя полныя свѣдѣнія находятся въ сочиненіи: *Dacien von Neigebauer. Kronstadt. 1851. 8°.*

ФИЛЕБЪ,

ДІАЛОГЪ ПЛАТОНА.

Диалогъ Платоновъ, известный подъ названіемъ Филеба, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и важнѣйшимъ произведеніямъ древности, какъ по своему предмету, такъ и по способу его изслѣдованія и изложенія. Филебъ не изъ числа тѣхъ діалоговъ Платона, которые служатъ, можно сказать, приготовленіемъ къ другимъ полнѣйшимъ его сочиненіямъ; онъ обнимаетъ въ себя цѣлую философическую задачу и представляетъ полное и окончательное ея рѣшеніе. Уже самый предметъ, который здѣсь изслѣдывается, даетъ ему немаловажное значеніе. Въ Филебѣ¹, какъ видно изъ самаго его начала, предлагается на разрѣшеніе вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное благо человѣческое? — А что можетъ быть для человѣка ближе и важнѣе этого вопроса, отъ правильнаго или неправильнаго рѣшенія коего зависитъ то или другое направленіе его жизни и нравственности? Оттого и самый діалогъ этотъ называется нравственнымъ (*ἠθικός*).

¹ Диалогъ этотъ, подобно другимъ сочиненіямъ Платона, имѣетъ двойное названіе (*Φίληβος ἢ περὶ ἡδονῆς*); первое вѣло отъ лица, къ которому діалогъ имѣетъ особенное отношеніе; другое — изъ его содержанія (*πραγματικός*). Прагматическія названія даны діалогамъ Платоновымъ, также какъ и Цицероновымъ, позднѣйшими грамматиками, которые хотѣли посредствомъ ихъ выразить сущность каждаго діалога. Что послѣднихъ названій нельзя относить къ самимъ авторамъ діалоговъ, это видно изъ того, что они, ссылаясь на свои сочиненія, приводятъ всегда названія, заимствованныя отъ лицъ, — и нигдѣ не упоминаютъ о прагматическихъ; то же самое подтверждается тѣмъ въ особенности, что прагматическія названія почти никогда не выражаютъ сущности діалоговъ. Такъ въ Филебѣ хотя въ продолженіе всего діалога много говорится объ удовольствіи и различныя выдаютъ его, но не смотря на то изслѣдованіе объ этомъ предметѣ составляетъ только одну часть главной задачи всего сочиненія. Cf. Wolf. Prolegg. ad Sympos. p. XXXV. Morgenstern de Plat. republ. p. 29.

Важности предмета вполне соответствует глубокое и подробное его изслѣдованіе. Творенія Платоновы вообще носятъ характеръ необыкновеннаго ума, вѣрнаго наблюденія и тонкой аналитики въ изслѣдованіи и изъясненіи предмета. Филебъ въ этомъ отношеніи не только не уступаетъ прочимъ діалогамъ, но, можно сказать, еще превосходить многіе изъ нихъ основательностію, строгою послѣдовательностію и полнотою изложенія.

Наконецъ, что касается до самаго построенія, діалогъ этотъ, по изяществу формы и художественной своей отдѣлкѣ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду прочихъ твореній Платоновыхъ. Правда, что даже при достаточномъ знакомствѣ съ діалектикою Платона и формами его изложенія, читая Филеба, съ перваго взгляда не замѣтите ни строгого единства, ни надлежащей послѣдовательности мыслей, ни соответственности различныхъ частей его, — чѣмъ существенно должно отличаться каждое художественное произведеніе; напротивъ, находя въ немъ съ начала до конца множество отдѣльных, по видимому не связующихся между собою предметовъ, встрѣчая вдругъ нѣсколько вопросовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ и какъ бы оставленныхъ потомъ безъ окончательнаго рѣшенія, поражааясь неожиданностію переходовъ, неопредѣленностію и неясностію самыхъ началъ, которыя полагаются въ основаніе различныхъ изслѣдованій, и другими подобными явленіями, все это скорѣе отнесете къ недостаткамъ діалога, нежели къ совершенству его. Еще древніе обратили вниманіе на такую неровность, и писали объ отрывистыхъ переходахъ въ Филебѣ¹. А изъ новѣйшихъ нѣкоторые, или сомнѣвались въ цѣлости и неповрежденности многихъ статей этого діалога², или не вполне признавали высокое его достоинство³. Не смотря на то, если глубже вникнуть въ сущность діалога, разобрать внимательнѣе части его, сравнить ихъ между собою и съ главною ихъ идеею, то нельзя не видѣть, что предметы, излагаемые въ немъ, какъ бы они ни были по видимому разнородны, несвязны и даже противоположны, все проникнуто одною мыслию, все имѣютъ существенное свое значеніе и мѣсто, и какъ радіусы одного и того же круга съ разныхъ сторонъ направлены къ одному центру.

¹ Cl. Galenus *περὶ τῶν ἐν Φιλίβῳ μεταβάσεων*, см. *περὶ τῶν ἰδίων βιβλίων* с. 14. Fabr. Bibl. Gr. III. 10.

² God. Stallbaum. Prolegg. LXXXI sqq.

³ F. Schleiermacher's Einleit. S. 138: die Rede wird bisweilen inhaltslos und steif hin und hergeworfen, um etwas mehr, als die gewöhnlichen Beantwortungsformeln hinein zu bringen. So dass man sagen möchte, es sei eine gewisse Unlust über diese Reden von der Lust ausgebreitet, et ce'. Ast's Platons Leben und Schriften. p. 293 sq.

Чтобы справедливо судить о достоинствѣ этого діалога, и о художественной формѣ его построения, надобно сперва сколько возможно болѣе познакомиться съ его содержаніемъ, въ надлежащей связи и послѣдовательности ¹.

Филебъ, подобно Кратилу и нѣкоторымъ другимъ діалогамъ Платоновымъ, начинается безъ всякихъ приготовленій, прямо съ того вопроса, который служитъ предметомъ спора и изслѣдованія въ продолженіе всего разговора. Предполагается, что Сократъ и Филебъ, окруженные толпою молодыхъ людей, спорили между собою о томъ, въ чемъ состоитъ высшее благо человеческое. Филебъ ², полагая оное въ удовольствіи и нѣгѣ, и будучи, какъ видно, слишкомъ имъ преданъ, вскорѣ утомился состязаніемъ и, во избѣжаніе дальнѣйшихъ трудовъ и напряженія умственного, предоставилъ продолжать этотъ споръ съ Сократомъ одному изъ своихъ послѣдователей, Протарху, сыну Камілеву, ученику Горгія ³. Сократъ, вступая въ состязаніе съ лицомъ новымъ и желая ближе познакомиться его съ сущностью спора, вкратцѣ повторяетъ мнѣніе Филеба и свое собственное. Филебъ, какъ уже сказано, удовольствіе, радость и наслажденіе жизнью считалъ выше всѣхъ благъ человеческихъ; Сократъ напротивъ отдавалъ преимущество уму и познанію. Другими словами, первый всего благополучія своего искалъ въ чувственной жизни, а другой несравненно болѣе находилъ достоинства въ нравственной природѣ человѣка и его дѣятельности умственной, хотя при этомъ не утверждалъ, что умъ и познаніе составляютъ высшее и полное благо человеческое.

Когда Протархъ принялъ мнѣніе Филебово, то Сократъ, приступая къ изслѣдованію предыдущаго спорнаго вопроса, предлагаетъ сперва такой планъ разсужденія: чтобы опредѣлить, въ чемъ состоитъ высшее благо и истинное счастье человеческое (*in abstracto*), надобно намъ имѣть въ виду такое состояніе и расположеніе души, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ себя совершенно благополучнымъ (*in concreto*). Это состояніе, по мнѣнію Филеба, бываетъ въ радости и удовольствіи, а по моему— скорѣе можно бы искать его въ познаніи и благоразуміи. Но можетъ

¹ Здѣсь представляется довольно подробное изложеніе діалога съ тою цѣлю, чтобы показать важность предметовъ, въ немъ заключающихся, глубину мыслей и тонкость изслѣдованія, не только въ цѣломъ составѣ этого превосходнаго творенія, но и въ отдѣльныхъ частяхъ его.

² Неизвѣстно, кто-такой былъ Филебъ. Что касается до названія *Φίληβος*, то въ немъ, по видимому, есть указаніе на мягкую и измѣненную природу этого человѣка, который, будучи совершенно преданъ удовольствію, въ немъ одномъ находилъ свое счастье и самое высшее благо человеческое. Stallb. u. m. Prolegg. p. XXXIX. not.

³ Philob. p. 19, 58. Cf. Stallb. Prolegg. p. XXXIX. not. 2.

быть, что это благополучное состояніе чловѣка, а следовательно и самое благо его, не заключается ни въ удовольствіи, ни въ умѣ и познаніи, но въ чемъ нибудь третьемъ, отличномъ отъ того и другаго; въ такомъ случаѣ изслѣдованіе наше должно быть уже направлено къ тому, чтобы показать, что по крайней мѣрѣ ближе къ истинному благу, удовольствіе, или умъ и познаніе.

Когда Протархъ и другіе тутъ бывшіе одобрили такой планъ, не смотря на то, что Филебъ при этомъ напередъ объявилъ, что онъ во всякомъ случаѣ остается при своемъ мнѣніи, почитая за грѣхъ отказать когда-нибудь отъ своей богини удовольствія, тождественной, по его понятію, съ Афродитою, — Сократъ, начиная изслѣдованіе съ понятія и сущности «удовольствія», находитъ, что оно по своему названію и значенію родовому и общему есть что-то одно, но по своимъ видамъ весьма многообразно, различно и даже противоположно: такъ удовольствіе чловѣка мудраго не имѣетъ ничего общаго съ удовольствіемъ безумца; точно также какъ напримѣръ цвѣтъ по общему и родовому понятію есть одинъ, а между тѣмъ въ бѣломъ цвѣтѣ не только видимъ разность съ чернымъ, но и совершенную противоположность. Если же есть такое различіе и даже противоположность въ удовольствіяхъ, то нельзя утверждать вообще, что удовольствіе есть благо, такъ какъ оно по своей противоположности можетъ быть также и зломъ. Протархъ на это говоритъ, что удовольствіе, какъ удовольствіе, должно быть всегда себѣ равно и одинаково, а различіе это относится только къ предметамъ удовольствія, но не къ самому удовольствію. Чтобы устранить такое одностороннее мнѣніе Протарха и заставить его допустить различіе въ удовольствіи, Сократъ открываетъ существованіе такого же различія въ другихъ родовыхъ понятіяхъ, и признаетъ его также въ познаніи, которому онъ отдавалъ преимущество предъ удовольствіемъ, по отношенію къ высшему благу. Протархъ, будучи доволенъ такимъ равенствомъ, соглашается признать различіе въ удовольствіи. Такимъ образомъ выходитъ, что какъ удовольствіе, такъ и познаніе, въ сущности своей представляютъ нѣчто одно, но вмѣств и разнообразно-многое.

Это даетъ поводъ къ изслѣдованію страннаго по видимому положенія, по которому многое есть одно, и одно въ то же время есть многое (*ἓν τὰ πολλὰ καὶ τὸ ἓν πολλὰ*). Положеніе о единствѣ и множествѣ одного и того же предмета, какъ видно, въ то время было общезвѣстнымъ и часто повторялось, въ особенности софистами, которые, пользуясь его неопредѣленностію, нередко прибѣгали къ нему для того, чтобы

спорный какой-нибудь вопросъ запутать еще болѣе, затруднить прямой ходъ умозаключеній, поколебать и уничтожить всякое основаніе истины. Такъ напримѣръ, по этому началу, они одному и тому же предмету приписывали вдругъ нѣсколько свойствъ совершенно противоположныхъ, называя его великимъ и малымъ, тяжелымъ и легкимъ и т. п. или, раздѣляя цѣлое на части, забавлялись надъ тѣмъ, кто, принявши его прежде за одно, долженъ потомъ согласиться, что оно есть безконечно-многое. Оставляя такія дѣтскія понятія и смѣшныя примѣненія этого положенія софистамъ и эристикамъ, Сократъ обращаетъ здѣсь вниманіе на единство невещественное, постигаемое мыслію и созерцаемое умомъ, на единство идеи, или на тотъ невидимый и неизмѣняемый образъ (типъ), по которому отпечатлены всѣ индивидуальныя существа одного рода ¹. Это единство и отношеніе его ко множеству дѣйствительно представляетъ много трудностей и сомнѣній. Тутъ прежде всего, по его словамъ, надобно убѣдиться, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ такія невидимыя и неизмѣняемыя единицы, или монады (идеи), внѣ нашего ума и независимо отъ нашихъ представленій; потомъ, какимъ образомъ каждая изъ нихъ, не смотря на постоянныя измѣненія видимыхъ предметовъ, представляющихся намъ подъ ихъ формами, остается всегда одна и та же; наконецъ, какъ соединяются и въ какомъ отношеніи находятся эти невидимыя монады или идеи съ видимыми вещами, въ которыхъ онѣ проявляются, — раздѣляется ли общая многимъ предметамъ идея по всему ихъ множеству, представляя въ такомъ случаѣ сама нѣкоторую множественность, или она всецѣло заключается въ каждомъ предметѣ порознь и, какъ бы выходя всякой разъ сама изъ себя, повторяется въ каждомъ недвѣломъ, безъ всякаго измѣненія существа своего, что наименѣ представляется возможнымъ ².

¹ Phileb. p. 15. "Όταν τις ένα άνθρωπον ἐπιχειρῆ τίθεσθαι καὶ βούν ένα, καὶ τὸ καλὸν ἐν καὶ τὰγαθὸν ἐν.

² Phileb. p. 15. πρῶτον μὲν εἴ τις αὖτε τοιαύτας εἶναι μονάδας ὑπολαμβάνειν ἀληθῶς οὐδὲν εἶτα πᾶς αὐτάς, μίαν ἐκάστην, οὐδὲν δὲ τὴν αὐτὴν καὶ μήτε γένεσθαι, μήτε ἀλλοτρὸν προσδεχομένην, ὅμως εἶναι βεβαίωτατα μίαν αὐτήν. μετὰ δὲ τοῦτο ἐν τοῖς γιγνομένοις αὐτῶν καὶ ἀκείροις εἴτε διασκαβόμενῃ καὶ κολλᾷ γεγονυῖαν ἑστέον, εἴτε ἄλλην αὐτὴν ἀπ' αὐτῆς χωρὶς, ἢ δὴ πάντων ἀδυνατότατον φησίνε' ἄν, ταυτὸν καὶ ἐν ἄλλῃ ἐν ἐνὶ τε καὶ πολλοῖς γίγνεσθαι. Здѣсь Платонъ мимоходомъ только касается вопросовъ о существованіи идей и отношеніи ихъ къ видимой природѣ вещей, чтобы показать, въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ ἐν καὶ κολλᾷ, и отличить свое ученіе объ этомъ положеніи отъ софистическаго. Подробнѣе объ этомъ важномъ предметѣ налагается въ Парменидѣ.

Какъ бы то ни было, но все, что ни подлежитъ вашему мышлению, представляется вамъ подъ условіемъ такого единства и множества; такъ что отъ правильнаго или неправильнаго понятія о немъ зависятъ легкость и ясность или трудность и разныя недоумѣнія въ познаніи самыхъ предметовъ, представляющихся всегда подъ этимъ условіемъ. Это востоянное условіе и вмѣстѣ тождество единства и множества въ представленіи предметовъ, подлежащихъ мышлению, есть всегдашнее, безсмертное и никогда не старѣющееся свойство и основное начало, или законъ, самаго мышления. Между тѣмъ, когда это начало мышления не доведено еще до яснаго сознанія, то оно, по своей общности и неопредѣленности, скорѣе ведетъ къ безчисленнымъ сомнѣніямъ, спорамъ и противорѣчіямъ, нежели къ истинному познанію и правильному изслѣдованію сущности вещей. Молодые люди, при первомъ развитіи въ нихъ этого начала, образовавшись, какъ будто бы они нашли въ немъ все сокровище мудрости, съ нетерпѣніемъ и съ жаромъ принимаются судить о всякомъ предметѣ, не обращая вниманія ни на трудности его, ни на свои силы, осаждаютъ его съ той и другой стороны, то разлагаютъ и раздробляютъ на мелкія части, то опять собираютъ и составляютъ въ одно цѣлое, — и все это оканчивается тѣмъ, что они, возбудивши множество сомнѣній, ставятъ въ безвыходное положеніе прежде всего самихъ себя, а потомъ и всякаго другаго, кто къ нимъ попадется. — Послѣ шуточной угрозы за такое порицаніе молодыхъ людей, которыхъ много находилось при этомъ спорѣ¹, Протархъ проситъ Сократа показать имъ, въ чемъ состоитъ истинный способъ изслѣдованія и познанія вещей. Сократъ сперва замѣчаетъ, что объясненіе этого способа не трудно, но не такъ легко примѣненіе его къ самому дѣлу. Потомъ излагаетъ общія начала этого способа, который, по его мнѣнію, всегда надобно имѣть въ виду при изслѣдованіи и изясненіи каждаго предмета, и въ которомъ мы ясно видимъ изображеніе употребительныхъ у насъ методовъ, аналитическаго и синтетическаго.

Начало этого способа, или закона, мышления, какъ и все, что превышаетъ человеческое разумѣніе, Сократъ относитъ къ богамъ, называя его даромъ небеснымъ, который сообщенъ людямъ какимъ-нибудь Промееемъ вмѣстѣ съ свѣтозарнымъ огнемъ. Старинные люди, какъ изясняетъ потомъ Сократъ, бывшіе лучше насъ и находившіеся ближе къ богамъ, оставили намъ по преданію такого рода ученіе: все существующее въ природѣ, представляя собою единство] и множество,

¹ Philob. p. 16. al.

заключаетъ въ составъ своемъ опредѣленное и неопредѣленное. По силѣ такого свойства и образованія вещей, въ каждомъ предметѣ надобно сперва искать единства, или главной и общей для всѣхъ его частей идеи; далѣе опредѣлять, сколько въ ней заключается частныхъ и видовыхъ понятій; потомъ, каждое изъ этихъ частныхъ понятій снова дѣлать на высшія видовыя понятія и представленія, и продолжать это дѣленіе до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до элементовъ недѣлимыхъ, которые, по самой природѣ неопредѣленнаго, заключающагося въ вещахъ вмѣстѣ съ опредѣленнымъ, неспособны бывають къ дальнѣйшему разложенію и опредѣленію. Опредѣляя такимъ образомъ все, что есть въ предметѣ опредѣленнаго, и не пускаясь въ бесплодное изслѣдованіе того, что въ немъ находится неопредѣленнаго, мы не только узнаемъ, что онъ имѣетъ единство и неопредѣленное до безконечности множество, но и можемъ различить въ немъ известное количество, качество и отношеніе частей, входящихъ въ составъ его. Этимъ только способомъ достигаемъ мы яснаго и опредѣленнаго понятія о вещахъ; напротивъ знать въ каждой вещи только ея единство и множество, значить вовсе не понимать ее. Это яснѣе открывается изъ примѣровъ. Такъ, всякому известно, что языкъ человѣческій есть нѣчто единое, но вмѣстѣ и безконечно-различное; но если мы кромѣ этого свойства, общаго ему со всѣми прочими вещами, ничего еще объ немъ не знаемъ, то, можно сказать, мы вовсе не понимаемъ сущности его. Чтобъ имѣть раздѣльное и ясное понятіе о немъ, какого требуютъ грамматика, надобно изслѣдовать, сколько въ немъ звуковъ различнаго рода, какъ подраздѣляется каждый родъ, и какія свойства всѣхъ этихъ подраздѣленій и т. п. Въ музыкѣ также недостаточно знать только то, что голосъ одинъ, или что онъ заключаетъ въ себѣ три главныхъ звука, или тона, высокій, низкій и средній (*ὀμότονος* или *μονότονος*), напротивъ надобно, по правиламъ науки, узнать интерваллы звуковъ по ихъ количеству и качеству, найти предѣлы и отношенія интервалловъ и показать, какія изъ нихъ составляются системы или гармоніи, и по какимъ законамъ. Какъ отъ единства или понятія родового и общаго въ изслѣдованіи не вдругъ должно переходить къ безконечному множеству и неопредѣленности недѣлимыхъ представленій, въ немъ заключающихся, но сперва надобно опредѣлить известныя понятія видовыя и частныя, занимающія средину между единствомъ предмета и безконечнымъ множествомъ и неопредѣленностью; точно такимъ образомъ и отъ множества или неопредѣленности, представляющихся нашимъ чувствамъ, нельзя прямо переходить къ единству или къ понятію родовому и общему, но также не-

обходимо сперва найти нѣсколько видовъ среднихъ и частныхъ, которые содержатся въ одномъ общемъ для всѣхъ ихъ родѣ. Это также можно объяснить примѣромъ, заимствованнымъ отъ звуковъ голоса или языка человеческого (буквъ). Такимъ образомъ тотъ, кто изобрѣлъ буквы и составилъ грамматику, — богъ ли то былъ, или какой-нибудь божественный мужъ — въ безконечномъ разнообразіи и неопредѣленности звуковъ голоса или языка человеческого замѣтивши общее для всѣхъ единство, чтобы подвести ихъ подъ это единство и образовать изъ нихъ одну систему, сперва отдѣлилъ звуки гласные, полугласные и безгласные, или нѣмые¹; далѣе, эти три разряда снова подвергъ изслѣдованію и раздѣленію, стараясь въ каждомъ изъ нихъ опредѣлить количество и свойство звуковъ, имъ принадлежащихъ; сдѣлавши такое раздѣленіе звуковъ и показавши ихъ различіе, онъ находитъ потомъ взаимное сходство, даетъ всѣмъ имъ общее названіе «буквъ» (*στοιχεῖον*), и наконецъ, для познанія ихъ какъ въ отдѣльности, такъ и въ связи, — безъ чего не можетъ быть яснаго понятія ни объ одной буквѣ — подводитъ ихъ подъ одну общую науку, известную подъ именемъ грамматики (*γραμματικὴ τέχνη*).

Филебъ и Протархъ, выслушавъ такое объясненіе, соглашаются въ томъ, что все сказано правильно и хорошо, но спрашиваютъ у Сократа, какую оно имѣетъ связь съ главнымъ ихъ предметомъ, и какаа цѣль всего предыдущаго разсужденія? Сократъ отвѣчаетъ, что они уже стоятъ у самой этой цѣли, о которой спрашиваютъ и которой ищутъ. Именно, главный вопросъ состоялъ въ томъ, что составляетъ высшее благо человеческое: удовольствіе или познаніе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ пользу того или другаго, безъ сомнѣнія необходимо сперва имѣть раздѣльное и ясное понятіе какъ объ удовольствіи, такъ и о познаніи; а для этого недостаточно ограничиться только тѣмъ, что каждое изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, есть нѣчто единое, а вмѣстѣ и безконечно разнообразное; напротивъ, согласно съ предыдущимъ разсужденіемъ, надобно какъ можно точнѣе изслѣдовать свойство какъ удовольствія, такъ и познанія, разобрать различные роды и виды, на которые они раздѣляются, и показать сравнительное ихъ достоинство и значеніе.

Протархъ хотя вполне одобряетъ такой способъ изслѣдованія, но по новости и трудности не рѣшается примѣнять его въ настоящемъ случаѣ къ объясненію и рѣшенію упомянутаго спора. Но какъ вопросъ объ истинномъ благѣ человеческомъ былъ для него и другихъ

¹ Φωνῆς μὲν οὐ, φθόγγου δὲ μετέχοντά τινας.

туть находившихся слишкомъ важень, то они, не желая оставить его безъ окончательнаго рѣшенія, стали просить Сократа, чтобы онъ самъ, подавши поводъ къ теперешнему ихъ собесѣдованію и завязавши этотъ важный споръ, принялъ на себя трудъ изслѣдовать и рѣшить его, тѣмъ ли способомъ, о которомъ сей-часъ говорилъ, или другимъ, какимъ ему угодно.

Сократъ, приступая снова къ изслѣдованію помянутаго вопроса, въ самомъ дѣлѣ даетъ ему другой оборотъ. Такъ какъ въ немъ пробуждается теперь мысль, что совершеннаго блага нельзя искать ни въ удовольствіи, ни въ познаніи, но въ чемъ-то третьемъ, отдѣльномъ отъ первыхъ двухъ и высшемъ, то онъ; не считая уже нужнымъ въ настоящемъ случаѣ анализировать удовольствіе и познаніе, изъясняетъ и доказываетъ теперь новую мысль свою опредѣленіемъ существенныхъ свойствъ высочайшаго блага и примѣненіемъ ихъ къ понятіямъ удовольствія и познанія.

Благо, по мнѣнію Сократа, должно быть совершенно, вполне удовлетворительно и для всѣхъ одинаково вождельно¹. И такъ, если или удовольствіе или познаніе есть благо, то каждое изъ нихъ, взятое само по себѣ, должно быть совершенно и удовлетворительно для всѣхъ и cadaго, не нуждаясь ни въ чемъ постороннемъ. Въ такомъ случаѣ человекъ, преданный удовольствію, — если принять его за высшее благо, — не долженъ чувствовать никакой нужды ни въ познаніи, ни въ представленіи, ни въ памяти и т. п., такъ какъ удовольствіе, будучи благомъ абсолютнымъ, должно быть совершенно и заключать въ себѣ все. Но человекъ безъ познанія не можетъ и понимать, наслаждается ли онъ удовольствіемъ или нѣтъ, безъ памяти онъ не въ состояніи возобновить въ себѣ представленія о прошедшихъ наслажденіяхъ, безъ воображенія не способенъ утѣшаться будущими удовольствіями; словомъ, такое существо безъ соображенія и смысла скорѣе будетъ походить на полипа или морскую раковину, нежели на человека; а жизнь такого рода конечно ни для кого не можетъ быть вождельна. Подобнымъ образомъ, если мы станемъ разсматривать жизнь такого человека, который, обладая всякаго рода познаніями, прекрасною памятью, воображеніемъ и т. п., не можетъ чувствовать никакого удовольствія, то и эту жизнь найдемъ для себя не болѣе удовлетворительною и вождельною. Отсюда слѣдуетъ, что ни удовольствіе, ни познаніе, взятыя порознь, не могутъ составить истиннаго блага человека, потому что ни то ни другое, само по себѣ, не можетъ быть

¹ *Télion, ikanón, kábin áirétón.*

для насъ ни удовлетворительно, ни совершенно, ни вообще возделано. Эти отличительныя свойства блага украшаютъ жизнь человѣческую только тогда, когда то и другое начало, чувственное (*ψῆχη*) и разумное (*φρόνησις*), сокупаются въ ней въ одно нераздельное цѣло. А потому въ этой сокупиной или соединенной жизни человека надобно искать намъ и высшаго своего блага.

Но что сообщаетъ сокупиной жизни это свойство, и въ чѣмъ заключается причина, во которой такая жизнь дѣлается истиннымъ благомъ для человека? Не находится ли эта причина въ одномъ изъ упомянутыхъ элементовъ сокупиной жизни, въ удовольствіи, или въ умѣ и познаніи? Конечно и въ этомъ случаѣ ни то, ни другое не будетъ нашимъ благомъ, которое, какъ мы видѣли, принадлежитъ только сокупиной жизни, но тогда то или другое изъ нихъ будетъ ближе и сроднѣе съ самымъ высшимъ и истиннымъ благомъ человѣческимъ, какъ причина съ своимъ произведеніемъ.—Что касается до меня, говорить Сократъ, то я готовъ больше прежняго спорить, что причина или то условіе и начало, отъ котораго смѣшенная жизнь человека получаетъ свойство блага и истиннаго счастья, сроднѣе съ умомъ, нежели съ удовольствіемъ. По этому удовольствіе не только не можетъ быть самымъ высшимъ и первымъ благомъ человѣческимъ, но не занимаетъ и втораго за нимъ мѣста; кажется даже, что оно должно стоять ниже третьей степени; а потому не лучше ли оставить дальнѣйшее о немъ разысканіе, чтобы въ противномъ случаѣ не посрамить кумира въ глазахъ самихъ его обожателей? Но какъ Протархъ и его послѣдователи непремѣнно хотѣли слышать окончательное и полное рѣшеніе начатаго спора, то Сократъ долженъ былъ подробнѣе изслѣдовать теперь другой вопросъ, поставленный въ непосредственной связи съ первоначальнымъ и главнымъ въ самомъ началѣ разговора, именно, что ближе подходитъ къ истинному благу, и что сроднѣе съ нимъ, удовольствіе или умъ и познаніе?

Для рѣшенія этого вопроса, Сократъ сперва раздѣляетъ все существующее въ мірѣ на четыре главныхъ рода или начала: 1) на неопредѣленное, или неограниченное, 2) опредѣленное, или ограниченное, 3) смѣшенное изъ того и другаго и сокупленное во одно, и 4) причину такого соединенія или смѣшенія¹. Послѣ того изслѣдываетъ каждое изъ этихъ началъ и опредѣляетъ главнѣйшія свойства ихъ, съ тѣмъ, чтобы показать, къ какому изъ нихъ должны относиться какъ

¹ Τὸ μὲν ἀσπερον τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρας — τὸ δὲ τρίτον, ἐξ ἀμφοῖν τούτων ἐν τῇ εὐμυξίᾳ, — τῆς δὲ εὐμυξίως τούτων πρὸς ἀλλήλα τὴν αἰτίαν τίθεται πρὸς τρίτον ἑκάστους τέταρτον. Phil. p. 23.

удовольствіе и умъ или познаніе, такъ и жизнь смѣшанная изъ того и другаго.—Изслѣдованіе начинается выводомъ и объясненіемъ начала неопредѣленнаго и опредѣленнаго. Явленія этихъ началъ раскрываются сперва въ отдѣльныхъ представленіяхъ и видахъ частныхъ, изъ которыхъ потомъ, по одному изъ преждеизложенныхъ методовъ, составляется общее или родовое понятіе того и другаго начала. На основаніи такого изслѣдованія, къ неопредѣленному относится все то, что подвержено безпрестанному измѣненію по своему внѣшнему виду и по существу внутреннему, что бываетъ то больше, то меньше, то сильнѣе, то слабѣе, и въ этомъ непрерывномъ движеніи и измѣненіи своихъ степеней и формъ не имѣетъ ничего твердаго, положительнаго и единообразнаго; напротивъ все, что имѣетъ извѣстную мѣру, число, порядокъ и правильность, принадлежитъ началу опредѣленнаго. Два эти начала не могутъ образовать вещей, существуя порознь, а только въ соединеніи одно съ другимъ и во взаимной связи своей; такую связь опредѣленнаго съ неопредѣленнымъ, какъ необходимое условіе существованія каждой вещи, Сократъ принимаетъ за третье основное начало, въ которомъ хаотическіе сами по себѣ элементы неопредѣленнаго, будучи ограничены, сосредоточены и упорядочены силою опредѣленія, составляютъ одно соразмѣрное цѣлое, заключающее въ себѣ разнообразіе и единство, — источникъ красоты и силы въ мірѣ физическомъ и нравственномъ. Такъ въ тѣлѣ человеческомъ отъ надлежащаго, правильнаго и соразмѣрнаго соединенія или смѣшенія первоначальныхъ двухъ элементовъ, происходитъ здоровье, въ звукахъ голоса и въ тонахъ—согласіе и музыкальность въ временахъ года—умѣренность климата и благораствореніе; равнымъ образомъ въ душѣ нашей отъ ограниченія необузданной и неопредѣленной силы чувственности законами разума и отъ соразмѣрной связи и отношенія той и другой природы, происходитъ внутренняя гармонія или стройный и правильный образъ мыслей и дѣйствій. Смѣшеніе, какъ и всякое дѣйствіе, необходимо предполагаетъ причину, его производящую; по этому къ тремъ предыдущимъ началамъ Сократъ присоединяетъ четвертое, начало причины, которая характеризуется какъ сила образующая, господствующая и руководящая при смѣшеніи различныхъ элементовъ въ одно существо.

Изъ этой характеристики четырехъ основныхъ началъ вещей само собою открывается, что совокупная жизнь или общеніе удовольствія и познанія, должна принадлежать къ третьему роду, или къ началу смѣшенія и соразмѣрной связи. Но къ которому изъ упомянутыхъ началъ относятся элементы, входящіе въ составъ этой смѣшанной жизни? Удо-

вольствіе, такъ какъ оно допускаетъ разныя степени и бываетъ то больше, то меньше, по этому самому должно относиться къ неограниченному или неопредѣленному. Изъ этого можно бы само-собою вывести, что умъ, какъ другой элементъ смѣшанной жизни, надобно принять за опредѣленное. Но какъ при изслѣдованіи втораго вопроса, о сравнительномъ достоинствѣ удовольствія и ума, рѣшеніе его, по предыдущему плану, должно зависѣть отъ того, чтобы опредѣлить, которое изъ двухъ началъ совокупной жизни надобно принять за причину, руководствующую ея смѣшеніемъ, то въ слѣдующемъ выводѣ Сократъ доказываетъ, что умъ есть причина соразмѣрно-составленной жизни и правильности въ ея смѣшеніи и образованіи. Умъ, заключающій въ себѣ свойство опредѣленности (*πέρας ἔχων*), дѣйствуя сознательно и свободно, какъ начало господствующее и руководящее въ челоувкѣ, по природѣ своей имѣетъ обязанностію управлять и располагать всеми движеніями и дѣйствіями, которыя составляютъ сложность его чувственно-разумной жизни. Въ этомъ отношеніи умъ есть конечно не только нѣчто опредѣленное, но и начало, дѣйствующее и производящее, или причина.

Что умъ есть начало дѣйствующее и располагающее, а слѣдовательно и причина всякаго явленія и бытія, Сократъ, для большей ясности и вразумительности, показываетъ это, въ обширномъ размѣрѣ, въ устройствѣ и управленіи цѣлаго міра, откуда, по наведенію, дѣлаетъ заключеніе о подобномъ дѣйствіи и руководствѣ ума въ существѣ челоувческомъ. Это излагается здѣсь въ такой послѣдовательности: Нѣтъ сомнѣнія, что міръ управляется не случаемъ или какою-нибудь неразумною силою, но умомъ и высочайшею мудростію. Объ этомъ говорятъ намъ и мудрецы, называя умъ царемъ неба и земли¹, и каждый легко можетъ удостовѣриться изъ одного воззрѣнія на природу съ ея величіемъ и красотою, на солнце, луну и звѣзды съ ихъ чуднымъ обращеніемъ, на неизмѣняемый порядокъ временъ года и т. п. Существо челоувка есть часть цѣлаго существа міра, организованное и устроенное, въ маломъ видѣ, изъ тѣхъ же элементовъ и по тѣмъ же законамъ, какъ и его цѣлое, въ которомъ эти основанія и законы, находясь во всей полнотѣ и совершенствѣ, составляютъ неистощимый источникъ жизни, питаніе и сохраненіе, какъ для всего состава міра, такъ и для каждаго отдѣльнаго существа, въ немъ заключающагося. Матеріальные въ насъ элементы, огонь, вода, воздухъ и земля, равно какъ и все тѣло, изъ нихъ образующееся, получаютъ свое нача-

¹ *Noûs ἐστὶ βασιλεὺς οὐρανοῦ τε καὶ γῆς.*

до, жизнь и силу отъ міроваго тѣла, съ которымъ находятся въ непосредственной связи и зависимости. Какъ тѣло человеческое, такъ и соединенная съ нимъ душа происходитъ и образуется изъ души міра, который по этому и самъ долженъ быть одушевленнымъ. Существованіе въ насъ четырехъ началъ: неопредѣленнаго, опредѣленнаго, смѣшенія ихъ между собою и причины этого смѣшенія — откуда происходитъ и опредѣляется жизнь нашей души и направленіе всей ея дѣятельности, проявляющейся въ насъ подъ видомъ ума и разнообразной мудрости, — обуславливается существованіемъ этихъ самыхъ началъ во вселенной, гдѣ они находятся во всей ихъ полнотѣ и совершенствѣ, и гдѣ стройное теченіе свѣтилъ небесныхъ, правильное послѣдованіе временъ года, величіе, красота и сила всѣхъ вещей, въ связи ихъ и порознь, зависятъ конечно отъ того, что неопредѣленное, по законамъ опредѣленнаго, слагается всякой разъ въ одно правильное, соразмѣрное и прекрасное цѣлое, подъ влияніемъ и руководствомъ разумной причины, или верховнаго ума, заключающагося въ душѣ міра, такъ какъ умъ не можетъ быть безъ души. Но какъ въ мірѣ верховный умъ есть главная причина всякаго бытія, явленія и дѣйствія, такъ и въ человѣкѣ умъ, эту искру ума божественнаго, надобно признать за причину, руководствующую и располагающую движеніями и дѣйствіями смѣшанной или совокупной его жизни. — Отсюда видно, что умъ человеческій, сродный съ божественнымъ умомъ, принимаемымъ за верховную причину, должно отнести также къ этому четвертому началу¹.

Показавши такимъ образомъ, что изъ элементовъ, входящихъ въ составъ совокупной и полной жизни человѣка, удовольствіе относится къ неопредѣленному, а умъ, заключая въ себѣ свойство опредѣленности, принадлежитъ вмѣстѣ къ роду причины, Сократъ подробнѣе и глубже изслѣдываетъ явленія и свойства сперва удовольствія, потомъ ума и познанія; то и другое разлагаетъ на ихъ различные роды и виды, которые потомъ снова анализируетъ и изясняетъ тѣмъ самымъ способомъ, который для этой вѣроятно цѣли предварительно съ такою подробностію и основательностію изложенъ былъ выше. Въ концѣ изслѣдованія выводятся заключенія, относящіяся къ рѣшенію разсматриваемаго здѣсь вопроса о сравнительномъ достоинствѣ удовольствія и ума или познанія.

Изслѣдованіе объ удовольствіи начинается опредѣленіемъ происхожденія и мѣста его явленій и дѣйствій. Разсуждая объ удовольствіи,

¹ Νοῦς ἐστὶ γενούσης (γένους Becker) τοῦ πάντων αἰτίου λεχθέντος τῶν τετάρων, ἐν ἧν ἡμῖν ἐν τούτῳ. Phileb. p. 30.

Сократъ, для большей полноты и ясности, говорить вмѣстѣ и о противоположномъ ему чувствѣ скорби или печали.

Такъ какъ удовольствіе и скорбь ощущаются обыкновенно живыми существами и возможны только подѣ условіемъ жизни, которая относится къ третьему или къ смѣшанному роду, то и происхожденія и сферы дѣйствій того и другаго чувства надобно искать въ этомъ смѣшанномъ родѣ. По свойству правильнаго смѣшенія необходимо, чтобы элементы, входящіе въ составъ его, находились въ совершенномъ равновѣсіи и соразмѣрности,—что служитъ основаніемъ единства, силы и крѣпости всякаго смѣшенія. Въ организмѣ живыхъ существъ, когда по какимъ-нибудь причинамъ разрушается такое равновѣсіе и согласіе частей, то происходитъ обыкновенно непріятное и болѣзненное чувство скорби; а когда это согласіе опять восстанавливается, то это восстановление производитъ въ насъ ощущеніе удовольствія и радости. Такъ напр. голодъ и жажда возбуждаютъ въ насъ скорбныя и непріятныя чувства, потому что они происходятъ изъ разъединенія и разрушенія нашего организма; напротивъ насыщеніе пищею и питьемъ, удовлетворяя требованіямъ природы, восстанавливая силы и равновѣсіе въ нашемъ тѣлѣ, дѣлаются источникомъ удовольствія и наслажденія. Точно также чрезмѣрное сжатіе или разширеніе влажныхъ частей въ нашемъ тѣлѣ, отъ необыкновеннаго холода или жара, дѣйствуетъ на насъ весьма непріятно; напротивъ того согрѣваніе и прохлада, противоположныя тому и другому непріятному состоянію, приводя эти части опять въ надлежащее ихъ положеніе, производятъ чрезъ то ощущенія пріятныя. Вообще всякое поврежденіе и разрушеніе единства и согласія въ организмѣ животномъ производитъ чувство скорби и печали, а восстановленіе въ немъ прежняго единства и равновѣсія частей сопровождается всякій разъ удовольствіемъ и радостію.— Это есть первый родъ удовольствій, тѣлесныхъ.

Второй родъ удовольствій и скорбей составляютъ тѣ, которыя рождаются въ насъ посредствомъ представленій, понятій и другихъ способностей души. Часто случается, что мы радуемся или скорбимъ только душою, когда напр. мы утѣшаемся надеждою и ожиданіемъ будущаго благополучія, или заранѣе сѣтуемъ и скорбимъ, страшась какого нибудь приближающагося бѣдствія. Этотъ родъ удовольствій хотя нѣкоторымъ образомъ зависитъ отъ перваго и находится съ нимъ въ связи, но онъ имѣетъ также и существенное свое отличіе, и для насъ здѣсь потому въ особенности важнѣе, что въ немъ свойство удовольствія и скорби является въ болѣе чистомъ и существенномъ своемъ видѣ. А потому изъ этого рода удовольствій и печалей душевныхъ

яснѣе можно видѣть, какое достоинство имѣеть удовольствіе вообще, и въ какомъ отношеніи оно находится къ высшему благу человѣческому. — Такая важность удовольствія и скорби, имѣющихъ основаніе въ нашей душѣ, побуждаетъ Сократа и его собесѣдниковъ подробно узнать о нихъ.

Но прежде разсужденія объ удовольствіи и скорби этого рода, Сократъ, для полноты и ясности изслѣдованія, дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о томъ третьемъ состояніи, въ которомъ нѣтъ ни удовольствія, ни скорби. Такое состояніе предполагаетъ отсутствіе какъ разстройства и разрушенія въ организмѣ, такъ и возстановленія въ немъ прежняго равновѣсія и единства, — такъ какъ скорбь и удовольствіе, согласно съ предыдущимъ, должны происходить изъ этого разрушенія организма и его возстановленія. Но жизнь, свободная отъ всякаго разстройства и разрушенія тѣлеснаго, принадлежитъ только существамъ чисто-духовнымъ и божественнымъ, которымъ по этому однимъ можетъ быть свойственно и это вѣчное спокойствіе и ни чѣмъ не возмущаемая тишина. — Впрочемъ какъ этотъ предметъ не имѣетъ необходимой связи съ главнымъ, то Сократъ, отлагая дальнѣйшее о немъ изслѣдованіе до болѣе благопріятнаго случая, обращается къ начатому имъ разсужденію объ удовольствіяхъ души, предпославши нѣсколько объясненій о тѣхъ ея способностяхъ, на которыхъ эти удовольствія основываются, — въ слѣдующемъ изображеніи: Все, что ни дѣйствуетъ на наше тѣло, обыкновенно или остается и, такъ сказать, исчезаетъ въ немъ одномъ, не достигая до души и не производя въ ней никакого ощущенія ¹, или напротивъ, поражая тѣло, проникаетъ въ то же время до самой души и производитъ ей свойственное и общее съ тѣломъ впечатлѣніе ², что мы называемъ ощущеніемъ ³. Способность воспринимать и сохранять эти ощущенія въ нашей душѣ называется памятью ⁴. Отъ памяти надобно различать воспоминаніе ⁵; оно бываетъ тогда, когда душа наша, безъ содѣйствія тѣла, воспроизводитъ въ себѣ прежнія ощущенія и возстановляетъ снова представленія о впечатлѣніяхъ, которыя нѣкогда въ ней были, но впоследствии вытѣснились или помрачались отъ прилива новыхъ и болѣе сильныхъ впечатлѣній. — Это изображеніе упомянутыхъ способностей и дѣйствій души представлено

¹ *ἀναίσθητα.*

² *συσμὸν ἴδιν τε καὶ κοινόν.*

³ *αἰσθησις.*

⁴ Память (*μνήμη*) принимается здѣсь, какъ видно, въ общемъ смыслѣ.

⁵ *ἀνδρομνησις.*

здѣсь съ тою цѣлью, чтобы яснѣе видѣть и судить о происхожденіи и свойствѣ удовольствій души или такъ называемыхъ пожеланій.

Пожеланія происходятъ въ насъ отъ ощущенія нѣкоторой пустоты или недостатка, который мы желаемъ восполнить, — какъ это бываетъ напр. въ голодѣ, жадѣ и т. п. Алчущій и жаждущій ощущаетъ въ себѣ пустоту и желаетъ наполнить ее или насытить себя пищею и питьемъ; по этому тотъ и другой желаетъ того, что противоположно настоящему его состоянію пустоты. Но того, къ чему онъ стремится и чего желаетъ, т. е. насыщенія или напоенія, нельзя ему чувствовать и постигать тѣломъ, въ которомъ въ то время бываетъ пустота; по этому къ насыщенію стремится его душа, въ слѣдствіе пробуждающагося у ней въ памяти представленія о насыщеніи и соединенномъ съ нимъ удовольствіи, которое она испытывала прежде. И такъ всякое пожеланіе рождается не въ тѣлѣ, но въ душѣ; а потому нельзя собственно сказать, что тѣло наше чувствуетъ голодъ, жажду и т. п., такъ какъ все это относится къ пожеланіямъ, которыя могутъ происходить только въ душѣ.

Изслѣдованіе о предыдущихъ двухъ родахъ удовольствій приводитъ къ изображенію удовольствія и скорби смѣшанныхъ. Смѣшанныя удовольствія составляютъ нѣкоторую совокупность пріятнаго съ непріятнымъ. Они бываютъ тогда, когда напр. алчущій и жаждущій, отъ недостатка и опустѣнія въ своемъ тѣлѣ, испытываетъ чувство непріятное, но въ то же время, питаясь въ душѣ своей надеждою будущаго насыщенія и удовлетворенія ощущаемой потребности, растворяетъ скорбное свое чувство нѣкоторымъ удовольствіемъ. Но если кто нибудь, находясь въ непріятномъ состояніи голода и жажды, не имѣетъ при томъ и надежды на удовлетвореніе физическихъ своихъ потребностей, въ такомъ случаѣ онъ подвергается сугубой и мучительнѣйшей скорби.

Изъ удовольствій, основывающихся на представленіяхъ и надеждахъ, которыя могутъ быть справедливы или ложны, производится новое раздѣленіе удовольствій, на истинныя и ложныя. Это новое раздѣленіе выводится и объясняется такимъ образомъ:

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, мыслящій что-нибудь, будетъ ли то справедливо или ложно, во всякомъ случаѣ мыслить, и чувствующій что-нибудь, дѣйствительно чувствуетъ. Такимъ образомъ радующійся чему нибудь, дѣйствительно радуется. Но не всякая радость есть истинная и существенная, такъ какъ не всякое ощущеніе, не всякое мнѣніе или представленіе бываетъ истинно и вѣрно. Радость и печаль, подобно прочимъ ощущеніямъ и дѣйствіямъ нашей души, бываютъ различнаго рода, смотря по тому, откуда происходятъ онѣ, на

чемъ основываются и какъ представляются. — Впереди уже было сказано, что удовольствіе и скорбь допускаютъ разныя степени, и бываютъ то больше, то меньше, то сильнѣе, то слабѣе. Но кромѣ этого различія въ степени и силѣ, они могутъ быть также различны по своимъ внутреннимъ свойствамъ. Такъ есть удовольствія дурныя и вредныя, когда съ ними соединяется что-нибудь дурное и вредное; точно такимъ же образомъ они могутъ быть истинными или ложными, судя по тому, истинный или ложный источникъ радости и печали, и справедливо или несправедливо представленіе о нихъ. — Когда Протархъ на это сказалъ, что истина или ложь въ такомъ случаѣ относится только къ представленіямъ и понятіямъ о предметахъ удовольствія, а не къ самымъ удовольствіямъ, то Сократъ, продолжая развивать мысль свою о существованіи ложныхъ удовольствій, прежде всего обращаетъ вниманіе на тѣ удовольствія, которыя только и состоятъ въ однихъ представленіяхъ; такъ всѣ выше упомянутыя удовольствія души основываются на однихъ воспоминаніяхъ, представленіяхъ и умственныхъ образахъ, безъ всякаго при томъ участія и услажденія со стороны тѣла. Такія удовольствія слѣдовательно имѣютъ тождество съ представленіями и, подобно имъ, могутъ быть какъ истинными, такъ и ложными. Эта мысль о существованіи ложныхъ удовольствій, основывающихся на ложныхъ представленіяхъ, раскрывается у Платона, съ свойственною ему тонкостію и живостію, въ слѣдующемъ изображеніи:

Основаніемъ образующихся въ насъ представленій служить память, воспринимающая впечатлѣнія и происходящія отъ нихъ ощущенія въ нашей душѣ. Но часто случается, что впечатлѣнія и производимыя ими ощущенія бываютъ невѣрны, какъ напр. когда мы видимъ какой-нибудь предметъ издали, неясно и неточно. Какъ бы то ни было, но эти ощущенія и представленія о предметахъ мы переводимъ обыкновенно на звуки, и въ томъ случаѣ, когда есть при насъ кто-нибудь другой, сообщаемъ ему опыя въ словахъ, соединяя съ ними опредѣленные понятія, а когда человекъ бываетъ одинъ, то этотъ же самый процессъ совершается въ немъ самомъ, при чемъ не рѣдко случается, что представленія и понятія, такимъ образомъ происходящія, остаются въ насъ на долгое время. Память, воспринимая эти понятія, подъ формами извѣстныхъ словъ или реченій (*λόγοι*), запечатлѣваетъ и записываетъ ихъ, такъ сказать, на скрижаляхъ нашей души, которую, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ книгою¹. Въ такомъ случаѣ, если впечатлѣнія и первоначальныя представленія предметовъ были, истинныя, то и

¹ *δοκεῖ μοι τότε ἡμῖν ἡ ψυχὴ βιβλίον τινα περιουμέναι.* p. 38.

понятія о нихъ , начертанныя въ нашей душѣ памятью, должны быть истинными, а если самыя впечатлѣнія и первыя представленія чувственныхъ были ложны, то и понятія о нихъ, сохраняющіяся въ насъ, по необходимости будутъ ложными. На основаніи такихъ представленій и понятій о предметахъ , которыя могутъ быть истинными и ложными , душа наша, съ помощію воспоминанія и воображенія, какъ бы нѣкоего живописца ¹, воспроизводитъ и возобновляетъ въ себѣ образы представлявшихся ей нѣкогда предметовъ , оживляетъ ихъ по своей волѣ , и утѣшается или сѣтуетъ , созерцая ихъ сама въ себѣ , безъ всякаго при этомъ участія и побужденія со стороны внѣшнихъ чувствъ. Образы эти и соединенныя съ ними удовольствіе или печаль бывають истинными, если основываются на такихъ представленіяхъ, кои первоначально были истинны и вѣрны, напротивъ они должны быть безъ сомнѣнія ложными, если въ основаніи ихъ лежатъ впечатлѣнія ложныя. — Такіе мысленные образы, созиданіемъ и созерцаніемъ конхъ нерѣдко услаждается душа наша, могутъ относиться къ предметамъ удовольствія и печали, не только настоящимъ или прошедшимъ , но и будущимъ. Выше было замѣчено, что , прежде нежели тѣло наше испытываетъ дѣйствіе удовольствія или скорби, то и другое мы ощущаемъ иногда предварительно въ душѣ. Предощущенія эти суть не что иное, какъ представленія и понятія, составляемая нами о будущемъ удовольствіи или скорби, которыя мы обыкновенно называемъ ожиданіемъ и надеждами, и изъ которыхъ воображеніе наше также нерѣдко создаетъ и живописуетъ въ душѣ нашей различныя образы ожидающихъ ее удовольствій, или неудовольствій, и заранѣе заставляетъ радоваться ими или скорбѣть. Относительно истины или ложности этихъ образовъ и свойства удовольствій отъ нихъ происходящихъ , надобно полагать такъ, что человекъ добрый и благочестивый услаждается надеждами и образами предстоящихъ удовольствій и благъ истинныхъ, а злой и нечестивый находитъ удовольствіе въ представленіи благъ ложныхъ и мечтахъ суетныхъ, гоняясь за одними призраками. — И такъ, есть удовольствія и печали какъ истинныя, такъ и ложныя; послѣднія изъ нихъ, конхъ предаются люди злые и порочныя, суть не что иное, какъ грубое, жалкое и смѣшное подражаніе первымъ; въ ложныхъ удоволь-

Какъ память (*μνήμη*) въ смыслѣ способности воспринимать и какъ бы записывать въ душѣ нашей впечатлѣнія, сравнивается здѣсь у Платона съ писцомъ и называется *γραμμатῆς* или *γραμματιστής*, такъ точно воспоминаніе 'и соединенное съ нимъ воображеніе представляются въ этомъ мѣстѣ подъ видомъ живописца (*ζῶγραρος*). p. 39 sq. Cf. Theaet. p. 191 sq.

ствіяхъ человекъ радуется тому, чего нѣтъ и не было, и даже вовсе быть не можетъ. То же бываетъ и въ ложной печали.

Когда Сократъ изъ предыдущаго разсужденія, по видимому, готовъ былъ вывести такое заключеніе, что дурныя удовольствія, равно какъ дурныя понятія и представленія, суть то же, что ложныя, то Протархъ, не соглашаясь вполне на такое тождество ложныхъ удовольствій съ дурными, подалъ поводъ къ дальнѣйшему изслѣдованію о существованіи удовольствій ложныхъ, независимо отъ дурныхъ нашихъ наклонностей и цѣлей. Это новое и глубокое изслѣдованіе о другихъ источникахъ и причинахъ происхожденія въ насъ ложныхъ понятій и соединенныхъ съ ними ощущеній удовольствія или печали, Сократъ продолжаетъ такъ: Впередѣ было сказано, что нерѣдко тѣло наше находится совершенно въ другомъ состояніи, нежели душа; такъ въ пожеланіяхъ, когда тѣло, испытывая пустоту или какое нибудь лишеніе, подвергается неприятому дѣйствию печали, въ душѣ нашей рождается въ то же время нѣкоторое чувство удовольствія при мысли о состояніи противоположномъ, въ которомъ открывается надежда восполнить ощущаемый въ тѣлѣ недостатокъ. Въ этомъ случаѣ удовольствіе и скорбь являются вмѣстѣ, и дѣйствія ихъ бываютъ рядомъ одно подлѣ другаго; притомъ надобно еще вспомнить, что какъ то, такъ и другое чувство, по природѣ своей относится къ роду неопредѣленному. Какимъ же образомъ можно узнать и въ точности опредѣлить, какое чувство и на сколько дѣйствуетъ въ насъ сильнѣе или слабѣе? Не имѣя известной мѣры для опредѣленія удовольствія и скорби, можно сказать вообще, мы не въ состояніи совершенно правильно судить, какъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится удовольствіе къ скорби, такъ и о томъ, какъ относится одно удовольствіе къ другому, или одна скорбь къ другой. Наконецъ о силѣ и дѣйствии на насъ удовольствія и скорби трудно имѣть истинное понятіе и потому, что то и другое чувство бываютъ, не только между собою, но и по отношенію къ намъ, то ближе, то дальше. Но какъ предметы, подлежащіе нашему зрѣнію, судя по тому, вблизи или издали мы ихъ видимъ, представляются обыкновенно то больше, то меньше настоящаго, такъ и удовольствіе или скорбь, смотря по степени ихъ близости или отдаленія, кажутся намъ то больше, то меньше, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ.

Изъ всего этого видно, что удовольствіе и скорбь весьма часто представляются намъ не въ настоящемъ и существенномъ своемъ видѣ, а въ обманчивомъ и ложномъ.

Къ числу ложныхъ удовольствій относится и то, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, бываетъ въ состояніи нечувствительности, когда человекъ не испытываетъ въ себѣ никакихъ движеній и не чувствуетъ ни радости, ни скорби. Есть правда философы, которые вовсе не допускаютъ такого состоянія, утверждая, что все въ міръ подвержено непрерывнымъ измѣненіямъ, и все находится въ постоянномъ движеніи и круговращеніи¹; а какъ это движеніе и переменны въ нашемъ организмѣ сопровождаются обыкновенно то пріятнымъ чувствомъ, то непріятнымъ, то мы по этому должны постоянно ощущать въ себѣ дѣйствіе радости или печали. Но не входя въ подробное изслѣдованіе этого мнѣнія, нельзя по крайней мѣрѣ не согласиться съ тѣмъ, что не всегда и не всѣ переменны, въ нашемъ тѣлѣ происходящія, бываютъ для насъ замѣтны и ощутительны; такъ напр. никто не чувствуетъ, какъ онъ растетъ. Хотя по этому и можно допустить такое состояніе человека, въ которомъ онъ не чувствуетъ въ себѣ повидимому никакихъ движеній и переменъ, и не волнуется ни дѣйствіемъ радости, ни печали; но почитать его пріятнымъ и искать въ немъ удовольствія—нѣтъ никакого основанія. Это состояніе, среднее между радостью и печалью и совершенно отличное отъ той и другой, находятъ для себя пріятнымъ преимущественно тѣ, которые все удовольствіе полагаютъ въ томъ, чтобы жить безъ печали². Но такое мнѣніе въ сущности своей отрицаетъ самое бытіе удовольствія, полагая его только въ отсутствіи скорби,—что совершенно ложно. Чтобы было удовольствіе, мало одного отрицанія печали, напротивъ надобно, чтобы существовало положительное и пріятное чувство радости. Хотя такимъ образомъ нельзя вполне согласиться съ предыдущимъ мнѣніемъ объ удовольствіи и все существо его полагать въ одномъ отрицаніи печали, однакожь имъ надобно воспользоваться, какъ бы указаніемъ на то, что удовольствіе дѣйствительно не заключаетъ въ себѣ того высшаго и общаго для всѣхъ блага человеческого, котораго въ немъ напрасно нѣкоторые ищутъ, такъ какъ истиннаго блага нѣтъ ни въ какомъ родѣ удовольствій.

Чтобы имѣть надлежащее понятіе о свойствѣ удовольствія, равно какъ и всякаго другаго предмета, надобно взглянуть на него преимущественно въ высшей степени его дѣйствія и силы (*maximum*). Силь-

¹ Здѣсь разумѣются послѣдователи Гераклита, которые постоянное движеніе (*εἶναι*) и круговращеніе предметовъ (*ἀνω καὶ κάτω*) принимали за начало бытія и явленія всѣхъ вещей; почему и называются иронически у Платона *οἱ ῥινοῦτες*, Theaet. p. 181., особенно въ противоположность *τοῖς στασιβάταις*, подъ которыми у него разумѣются элейты.

² Такого мнѣнія о свойствѣ удовольствія держались въ то время Аджисевыи и его послѣдователи.

нѣйшее удовольствіе бываетъ при сильнѣйшемъ поврежденіи и разстройствѣ нашего организма; по этому его ощущаютъ въ особенности страдающіе, больные или люди испорченной нравственности. Въ этомъ случаѣ чѣмъ болѣе бываетъ побужденія къ чемунибудь, тѣмъ болѣе наслажденія при удовлетвореніи своихъ потребностей и пожеланій. Такъ человекъ въ горячкѣ, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ жажду, тѣмъ болѣе получаетъ наслажденія при ея утоленіи. Отсюда само собою открывается, что въ сильнѣйшихъ удовольствіяхъ не можетъ быть настоящаго блага человеческого, такъ какъ они всегда сопровождаются разрушеніемъ въ тѣлѣ или разстройствомъ силъ нравственныхъ.

Наибольшій разрядъ удовольствій составляютъ смѣшанныя удовольствія, которыя имѣютъ свое происхожденіе и дѣйствіе то въ одномъ тѣлѣ, то въ одной душѣ, то въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Но въ смѣшанныхъ удовольствіяхъ нельзя искать совершеннаго блага уже и потому, что они, какъ видно изъ самаго названія ихъ, необходимо заключаютъ въ себѣ нѣкоторую примѣсь скорби.

Что касается до смѣшанныхъ удовольствій, происходящихъ въ одномъ тѣлѣ, то эта смѣсь пріятнаго съ непріятнымъ бываетъ напр. тогда, когда кто-нибудь, озябнувъ, нагрѣвается, или находясь въ сильномъ жару, прохладается, и такимъ образомъ освобождаясь отъ непріятнаго своего состоянія и достигая другаго ему противоположнаго, въ одно и то же время испытываетъ то, что можно назвать смѣщеніемъ сладкаго съ горькимъ. Въ случаѣ продолжительности этого состоянія, по причинѣ упорнаго сопротивленія того или другаго непріязненнаго дѣйствія на тѣло, легко возбуждается безпокойство и досада, доходящія потомъ до величайшаго огорченія и бѣшенства.

Такимъ образомъ въ смѣшеніи удовольствія съ скорбью, то и другое чувство можетъ находиться или въ одинаковой степени, или одно изъ нихъ превосходитъ другое; въ послѣднемъ случаѣ, смотря по тому, пріятное или непріятное ощущеніе получаетъ перевѣсъ, смѣшеніе это принимаетъ свойство то удовольствія, то боли и огорченія. Такъ зудъ въ чесоткѣ, по преобладающему въ немъ непріятному чувству отъ воспаленія внутри тѣла, составляетъ боль; но когда легкое потираніе и прикосновеніе къ тѣлу производитъ одно щекотанье и только слегка безпокоитъ, то это состояніе представляется пріятнымъ и доводитъ нѣкоторыхъ до того, что они предаются неистовымъ крикамъ и чуть не умираютъ отъ восхищенія, — что признается нѣкоторыми за высочайшее наслажденіе. Но въ этомъ случаѣ удовольствіе и скорбь такъ близки и такъ сродны между собою, что одно предполагаетъ другое, и при малѣйшей перемѣнѣ одно чувство легко

переходить въ другое, ему противоположное. Изъ всего этого видно, что удовольствія, столь близкія съ скорбью, не только не содержатъ въ себѣ блага истиннаго и неизмѣняемаго, во и не заслуживаютъ собственно названія удовольствій.

По отношенію къ удовольствіямъ и неудовольствіямъ, бывающимъ въ то же время въ тѣлѣ и въ душѣ, уже прежде замѣчено, что, такъ какъ первое находится тогда въ состояніи противоположномъ со второю, то человекъ по необходимости долженъ испытывать въ этомъ случаѣ вдругъ двойное и совершенно различное ощущеніе, пріятное и непріятное.

Такое же смѣшанное ощущеніе можетъ имѣть мѣсто и въ одной душѣ, когда она въ одно время подвергается дѣйствию печали и радости. Это бываетъ въ гнѣвъ, въ страхъ, въ плачъ, въ ревности, зависти и т. п. Во всѣхъ таковыхъ движеніяхъ души, чувство скорби, лежащее въ ихъ основаніи, смѣшивается съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, которое и бываетъ причиною того, что человекъ такъ легко и охотно предается вліянію этихъ сильныхъ и тревожныхъ волненій души.

На этомъ же смѣшеніи двухъ различныхъ ощущеній основывается и то удовольствіе, которое находимъ мы въ представленіяхъ и картинахъ драматическихъ, какъ въ трагедіи, гдѣ часто плачутъ отъ радости, такъ и въ комедіи, гдѣ среди смѣха проглядываетъ не рѣдко чувство грусти и горечи. Такъ какъ въ комедіи это смѣшеніе ощущеній не совсѣмъ очевидно, то здѣсь не бесполезно будетъ показать и объяснить его, чтобы изъ этого примѣра получить надлежащее понятіе и о прочихъ смѣшанныхъ удовольствіяхъ подобнаго рода.

Хотя зависть и недоброжелательство къ другимъ (*φθόνος*) есть очевидно чувство непріятное, но вмѣстѣ съ ними пробуждается въ насъ тайное удовольствіе, выражающееся нерѣдко смѣхомъ, при видѣ чего нибудь дурнаго въ нашихъ ближнихъ. Дурное, составляющее предметъ смѣшнаго въ комедіи, есть ничто иное, какъ глупость, обнаруживающаяся въ несообразномъ и ложномъ понятіи о себѣ и въ незнаніи своихъ силъ и способностей. Оно бываетъ или по отношенію къ богатству и средствамъ матеріальнымъ, когда кто считаетъ себя богаче и ведетъ себя выше своего состоянія, или къ преимуществамъ тѣла, когда кто старается показаться красивѣе и больше ростомъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, или по отношенію къ нравственнымъ силамъ души, когда кто воображаетъ себѣ, что онъ несравненно умнѣе и лучше другихъ, — что случается видѣть всего чаще. Глупцы могутъ быть или между людьми

бѣдными и слабыми, которые не имѣютъ возможности мстить за то, что надъ ними смѣются, или между богатыми и сильными, которые въ состояніи сдѣлать все, чтобы отплатить за насмѣшки надъ собою. Первые бываютъ просто смѣшны; послѣдніе дѣлаются часто неприязненными, опасными и вредными для другихъ. По этому дурныя и вредныя дѣйствія глупцовъ сильныхъ и злобныхъ вызываютъ не смѣхъ, а ненависть. Напротивъ шутить и забавляться надъ недостатками и странностями ближнихъ, которые безвредны для другихъ, есть дѣйствіе чисто комическое. Но оно рождается въ насъ изъ какого-то врожденнаго желанія видѣть въ другихъ дурное и находить въ томъ какое-то утѣшеніе, по побужденію зависти.

Такимъ образомъ удовольствіе, получаемое нами въ комедіи, такъ же какъ и въ трагедіи, заключаетъ въ себѣ смѣсь чувства пріятнаго съ непріятнымъ. Это надобно разумѣть не только о тѣхъ комическихъ или трагическихъ дѣйствіяхъ, кои представляются на сценѣ, но и о тѣхъ, которыя весьма часто встрѣчаются въ самой жизни. — Подобное смѣшеніе удовольствія съ чувствомъ скорби легко можно найти и показать въ дѣйствіяхъ гнѣва, страха, любви и ненависти и въ прочихъ сильныхъ движеніяхъ и страстяхъ, раждающихся въ нашей душѣ.

Кромѣ смѣшанныхъ удовольствій, которыя, какъ мы видѣли, не заслуживаютъ вполне названія удовольствій, есть удовольствія чистыя, не заключающія въ себѣ никакой примѣси печали, которыя по этому одни только и могутъ называться настоящими удовольствіями. Это суть тѣ удовольствія, которыя получаемъ мы отъ воззрѣнія на прекрасныя цвѣта, правильныя фигуры, также удовольствія, которыя доставляютъ намъ разныя благовонія, пріятные звуки и вообще все то, что присутствіемъ своимъ возбуждаетъ въ насъ чистое и живое удовольствіе, но не производитъ чувства скорби своимъ отсутствіемъ. Подъ прекрасными фигурами надобно разумѣть не изображенія человѣческія или животныхъ или какія нибудь другія очертанія и картины, но все то, что имѣетъ видъ правильности и соразмѣрности, какъ напр. кругъ, треугольникъ, квадратъ и т. п., потому что такія фигуры не по отношенію къ чему нибудь другому, но по собственной своей природѣ суть прекрасны и по своему совершенному виду производятъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Подобнымъ образомъ изъ числа звуковъ сюда относятся только самые чистые и простые, которые служатъ основаніемъ для всѣхъ прочихъ; то же самое должно разумѣть и о цвѣтахъ. Что касается до благовоній, то они хотя не доставляютъ та-

кихъ простыхъ и совершенныхъ наслажденій, какія мы получаемъ отъ упомянутыхъ прежде предметовъ зрѣнія и слуха, но по отсутствію въ нихъ всякой примѣси скорби, ихъ слѣдуетъ отнести къ тому же роду удовольствій чистыхъ. Сюда же принадлежать удовольствія, получаемыя нами отъ наукъ и познаній, такъ какъ и въ нихъ жажда къ пріобрѣтенію познаній или забвеніе и утрата пріобрѣтенныхъ не сопровождаются никакою физическою и необходимою скорбью.

Эти чистыя удовольствія отличаются отъ всѣхъ прочихъ, которыя вообще можно назвать нечистыми, уже и тѣмъ, что они, будучи всегда одинаковы, представляютъ нѣчто правильное и опредѣленное, между тѣмъ какъ послѣднія испытываютъ различныя перемѣны и бываютъ то больше, то меньше, то сильнѣе, то слабѣе, а потому и относятся, какъ прежде было сказано, къ роду неопредѣленному. Между различными родами удовольствій истинныя и существенныя не тѣ, которыя больше и сильнѣе прочихъ, но тѣ, которыя чище и проще. Вообще, тѣмъ что чище, тѣмъ оно подлиннѣе, истиннѣе и совершеннѣе, хотя бы объемъ его былъ не такъ великъ; такъ небольшое что-нибудь чисто-бѣлое, конечно и бѣлѣе и совершеннѣе большаго чего-нибудь смѣшаннаго бѣлаго. Подобнымъ образомъ и чистое удовольствіе, чуждое всякой печали, важнѣе и совершеннѣе большаго удовольствія смѣшаннаго.

Но хотя между удовольствіями есть нѣкоторыя истинныя и совершенныя, однако же, вообще говоря, ни одно изъ нихъ, ни самое чистое и совершенное, не можетъ быть высочайшимъ благомъ; потому что удовольствіе не есть существо (*οὐσία*), безусловное и неизмѣняемое, а только явленіе или бытіе (*γένεσις*), относительное и непостоянное. Различіе между первымъ и вторымъ состоитъ въ томъ, что существо самобытное существуетъ само по себѣ и само для себя, а явленіе имѣетъ начало и цѣль своего происхожденія въ чемъ-нибудь другомъ, самобытно существующемъ¹. Первое по природѣ своей есть высшее, независимое и совершенное, второе есть нѣчто нисшее, ограниченное и несовершенное². Но если удовольствіе, какъ явленіе, не есть что-нибудь постоянное, самобытное и совершенное, то оно не

¹ Τὸ μὲν αὐτὸ κατ' αὐτὸ, τὸ δὲ ἐπίμενον ἄλλου. — ὅτι τὸ μὲν ἕνεκά τοῦ τῶν ὄντων ἔστι δὲ, τὸ δὲ οὐ χάριν ἐκάστοτε τὸ τινὸς ἕνεκα γιγνόμενον ἀεὶ γίγνεται р. 53. Гл. Здѣсь τὸ ἕνεκά τοῦ означаетъ условливающее начало, τὸ οὐ χάριν — условное.

² Τὸ γὰρ μὴν οὐ ἕνεκα τὸ ἕνεκά τοῦ γιγνόμενον ἀεὶ γίγνεται ἄν, ἐν τῇ τοῦ ἀγαθοῦ μοίρᾳ ἐκαστὸ ἔστι, τὸ δὲ τινὸς ἕνεκα γιγνόμενον εἰς ἄλλην μοίραν θετίον.

можетъ быть и высшимъ благомъ человѣческимъ¹, которое необходимо должно заключать въ себѣ всѣ условія независимаго и совершеннаго.

Итакъ нельзя не согласиться съ теми, которые полагаютъ, что въ удовольствіи нѣтъ ничего существеннаго, положительнаго и постояннаго. Предающіеся непрерывнымъ удовольствіямъ, свою безразсудностію доказываютъ только то, что они безъ голода, жажды и другаго рода пустоты тѣлесной или нравственной жить не могутъ; такіе люди ищутъ всего своего благополучія въ непрерывномъ процессѣ разстройства и возстановленія организма тѣлеснаго, въ исчезаніи и появленіи предметовъ своихъ пожеланій, а не въ той спокойной жизни, которая, не будучи подвержена вліянію сильныхъ приливовъ радости и печали, представляетъ полную свободу дѣйствіямъ ума и мышленія.

Наконецъ надѣбно еще замѣтить, что если въ удовольствіи заключается истинное добро и высшее благо человѣческое, то добрымъ человѣкомъ надѣбно признавать уже того только, кто наслаждается удовольствіемъ, а не такого, кто отличается истинными добродѣтелями; а также, кто пораженъ скорбію и находится въ состояніи печали, тотъ необходимо долженъ быть человѣкомъ дурнымъ, хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ былъ самымъ благонамѣреннымъ и добрымъ, — что весьма нелѣпо.

Изслѣдовавши свойство удовольствія и его различныя виды, Сократъ переходитъ къ подобному изслѣдованію природы ума и основывающихся на немъ познаній, чтобы такимъ же образомъ, какъ въ удовольствіяхъ, развѣтвивши ихъ на разныя отрасли, и отдѣливши чистыя и совершенныя познанія отъ нечистыхъ (смѣшанныхъ) и несовершенныхъ, изъ природы первыхъ въ особенности яснѣе видѣть и рѣшить предыдущій вопросъ, удовольствіе ли или познаніе составляетъ истинное благо? или которое изъ двухъ по крайней мѣрѣ ближе подходитъ къ этому благу?

Занятія, требующія ума и познанія, раздѣляются сперва на два рода: во-первыхъ на ремесленныя и художественныя (*δημιουργικά*) и во-вторыхъ на науки, относящіяся къ воспитанію и образованію человѣка и къ развитію въ немъ силъ физическихъ и нравственныхъ (*τὰ πρὸς παιδείαν καὶ τροφήν*). Далѣе, познанія или свѣдѣнія по какому-нибудь мастерству и искусству, практическія и опытыя (*χειρὸς τέχνην*),

¹ 'Αρ' οὐδ' ἡδονὴ γὰρ εἰς πᾶρ γίνεσθαι ἔστιν, εἰς ἄλλην ἢ τὴν τοῦ ἀγαθοῦ μοίραν αὐτὴν τιθέντες ὁρθῶς εἰσομεν; p. 54.

разсматриваются по отношенію къ наукъ , и смотря по степени приближенія ихъ къ ней, и по мѣрѣ приложенія и употребленія въ нихъ основаній и способовъ , опредѣляемыхъ правилами науки, раздѣляются на болѣе чистыя и вѣрныя, и на такія, которыя не столь чисты, правильны и опредѣленны. Науки, на которыхъ основываются и которыми преимущественно управляются занятія по части мастерства и искусствъ, суть арифметика, геометрія и статика, которыя по этому и называются основными и нормальными (*нормоникал*). Знанія и искусства, которыя приобретаются посредствомъ одного навыка и упражненія и основываются не столько на твердыхъ и опредѣленныхъ началахъ, сколько на нѣкоторыхъ соображеніяхъ и догадкахъ , не имѣютъ той ясности, точности и правильности, какую видимъ въ тѣхъ отрасляхъ познаній и искусствъ, въ которыхъ чаще встрѣчается приложеніе известныхъ правилъ и употребленіе пособій и средствъ, опредѣляемыхъ наукою. Такъ въ музыкѣ, которая зависитъ не столько отъ опредѣленной мѣры звуковъ и известныхъ началъ науки, сколько отъ слуха и настроенія души, отъ навыка и употребленія, трудно найти что-нибудь ясное, вѣрное и положительное. То же надобно сказать и о медицинѣ, земледѣліи, искусствѣ управлять кораблемъ, предводительствовать войскомъ и т. п. Напротивъ въ архитектурѣ и по части строительной, гдѣ обыкновенно весьма часто прибѣгаютъ къ помощи отвѣса, циркуля и другихъ орудій, служащихъ къ точнѣйшему опредѣленію правильности и соразмѣрности, несравненно болѣе находимъ отчетливости, основательности и вѣрности. Самыя же вѣрныя и опредѣленныя познанія по этимъ искусствамъ безъ сомнѣнія заключаются въ тѣхъ наукахъ, которыя служатъ основаніемъ всѣхъ таковыхъ занятій и которыя, какъ уже было сказано, заключаются въ арифметику геометрію и статику. Впрочемъ познанія , относящіяся къ этимъ наукамъ , суть также двоякаго рода: одни изъ нихъ общенародныя и простыя; другія — высшія и философскія. Первыя относятся къ опредѣленію самыхъ предметовъ, подлежащихъ исчисленію, измѣренію или взвѣшиванію, хотя бы они были разнородны; другія занимаются величинами или единицами однородными, показываютъ ихъ свойства и отношенія. Последний родъ познаній, по своей точности и вѣрности , конечно несравненно выше, чище и совершеннѣе перваго. Вообще свѣдѣнія по разнымъ предметамъ занятій и познанія , чѣмъ болѣе основываются на твердыхъ и несомнѣнныхъ началахъ , чѣмъ ближе подходятъ къ характеру науки, и чѣмъ свободнѣе отъ разнородной примѣси постороннихъ элементовъ , тѣмъ они точнѣе и чище , — а съ тѣмъ вмѣстѣ истиннѣе и совершеннѣе. Въ этомъ отношеніи самое высшее и первое мѣсто безспор-

но должна занимать та наука, которая служитъ основаніемъ и источникомъ познанія для всѣхъ прочихъ. Эта наука есть діалектика (Философія), которая, будучи разсматриваема не по отношенію къ вѣншнему употребленію и пользѣ, — въ чемъ Горгіи отдаетъ преимущество искусству убѣжденія (краснорѣчію)¹, — но по внутреннему и существенному своему достоинству, безъ сомнѣнія есть самая истинная, важнѣйшая и совершеннѣйшая; потому что она помощію разума, созерцая самое существо вещей, самобытное и неизмѣняемое, одна достигаетъ познаній истинныхъ, несомнѣнныхъ и вѣчныхъ². Прочія познанія и науки занимаютъ большею частію изслѣдованіемъ и объясненіемъ того, что было, есть или будетъ, и въ своемъ изображеніи основываются всего чаще на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ; такъ естествоиспытатели стараются объяснить, какимъ образомъ произошли вещи этого видимаго міра, изъ чего состоитъ сложность ихъ и по какимъ законамъ происходятъ различныя явленія, въ нихъ усматриваемыя. Однимъ словомъ, они въ своихъ наукахъ разсматриваютъ явленія и свойства вещей преходящихъ и измѣняемыхъ, по наблюденіямъ и предположеніямъ, изъ нихъ же заимствованнымъ. Но если ни самый предметъ, ни начала, по которымъ онъ разсматривается, по существу своему, не имѣютъ ничего твердаго и постояннаго, то и познанія, отсюда проистекающія, не могутъ получить характера твердой и несомнѣнной истины.

Подлинное, чистое, истинное и совершенное свойственно только тому, что въ существѣ своемъ неизмѣняемо, всегда одинаково и всякаго смѣшенія чуждо, или по крайней мѣрѣ тому, что съ этимъ неизмѣняемымъ, подлиннымъ и чистымъ имѣетъ ближайшее сродство; все прочее ниже, и менѣе имѣетъ достоинства. Въ существѣ, человеческомъ такое сродство съ неизмѣняемымъ и вѣчнымъ имѣетъ умъ, который, будучи свободенъ отъ всѣхъ ограниченій чувственности, одинъ способенъ возвышаться къ созерцанію истиннаго, самобытнаго, неизмѣняемаго и вѣчнаго. По этому умъ и познанія, на немъ основывающіяся, суть самое высшее, чистое и совершенное въ человѣкѣ.

Разобравши такимъ образомъ свойство ума и познанія, втораго элемента совокушной жизни, Сократъ приступаетъ къ изображенію при-

¹ *Ἦτοι καὶ εἶναι κολὸν διαφέρει καὶ ὁ τρυφῶν.* р. 58. Здѣсь Платонъ косвенно похваляетъ Горгіа, который краснорѣчіе свое почиталъ источникомъ высшихъ благъ человѣческихъ и отдавалъ ему преимущество предъ всѣми прочими искусствами. — Cf. Gorg. р. 451 sqq. Изъ этого мѣста между основанія можно заключить, что Платонъ Горгіи написалъ прежде Филеба. Stailb. Adnot. ad Phil. l. l.

² *Πρὶ τὸ εἶναι καὶ τὸ εὐθεὸν καὶ τὸ κατὰ ταῦτόν ἐστὶ κεφάλαιον* р. 58.

роды смѣшенія, образующагося въ двухъ элементовъ, и къ объясненію его условій и законовъ. Въ предыдущемъ изслѣдованіи достаточно было сказано, что ни удовольствіе, ни умъ, взятые порознь, не заключаютъ въ себя всѣхъ свойствъ и условій высшаго блага и совершеннаго счастья человѣческаго, но что его надобно искать только въ соединеніи или смѣшеніи того и другаго. Теперь спрашивается, каково же должно быть это смѣшеніе? всѣ ли роды удовольствій и познаній могутъ входить въ составъ его, или нѣтъ? и если не всѣ, то какіе именно и въ какомъ отношеніи должны находиться между собою, чтобы смѣшанная изъ нихъ жизнь имѣла свойство истиннаго блага человѣческаго? Изъ разсужденія объ этомъ предметъ открывается, что познанія, науки и вообще дѣйствія умственные всѣ безъ исключенія должны входить въ составъ такой смѣшанной жизни. Хотя признается различіе между познаніями высшими (философическими и идеальными) и низшими (физическими и эмпирическими), и хотя первыя считаются несравненно важнѣе другихъ, не смотря на то и эти послѣднія признаются не только полезными, но и необходимыми для человека въ кругу его внѣшней жизни и дѣятельности.

Что же касается до удовольствій и наслажденій, то они не всѣ могутъ имѣть мѣсто въ смѣшеніи, потребномъ для образованія жизни совершенной и благополучной, а только самыя чистыя, постоянныя и истинныя, которыя, слѣдовательно, по этому самому имѣютъ близкую связь и нѣкоторое сродство съ главнымъ элементомъ совокупной жизни, съ умомъ и познаніемъ; напротивъ удовольствій непостоянныя, неумѣренныя и нечистыя, которыя смущаютъ духъ, помрачаютъ умъ, заглушаютъ и подавляютъ познаніе истины, не могутъ имѣть мѣста въ образованіи стройнаго состава жизни, въ которомъ одномъ вполнѣ заключается истинное благо человѣческое. Но чтобы составъ этотъ, равно какъ и всякой другой, дѣйствительно образовался и былъ совершеннымъ, надобно, чтобы въ самомъ смѣшеніи его была истина, безъ которой ничего не можетъ быть существеннымъ и совершеннымъ¹.

И такъ полная и совершенная жизнь есть соединеніе всѣхъ видовъ знанія съ чистыми удовольствіями. Но спрашивается, этимъ совершенствомъ своимъ чему она болѣе обязана, познанію ли или удовольствію, или который изъ этихъ двухъ элементовъ совокупной жизни имѣетъ въ себѣ болѣе значенія и такихъ условій, отъ которыхъ устроенная такимъ образомъ жизнь получаетъ характеръ благой и совершенной жизни?

¹ ὡς πῆ μίξομεν ἀλήθειαν, οὐκ ἂν ποτε τοῦτ' ἀληθῶς γίγνοιτο, οὐδ' ἂν γενόμενον εἶη. p. 69.

Совершенная жизнь есть смѣшанная. При всякомъ смѣшеніи легко усмотрѣть причину, которою условливается его превосходство или недостатокъ. Это зависитъ отъ того, есть ли въ немъ мѣра и соразмѣрность, или нѣтъ. Но такъ какъ мѣра и соразмѣрность по необходимости производятъ красоту, то, значить, совершенство заключаетъ въ себѣ въ то же время понятіе красоты. А кромѣ того, въ смѣшеніи совершенной жизни, мы видѣли, должна участвовать истина. И такъ, если мы не въ состояніи уловить подъ одною формою свойство того смѣшенія, которое составляетъ высшее благо, то возьмемъ его по крайней мѣрѣ съ трехъ сторонъ, со стороны красоты, соразмѣрности и истины. Рассматривая эти три качества какъ одно, признаемъ въ немъ, какъ существъ блага, причину¹, по которой смѣшеніе бываетъ совершенное (благое). Послеъ того легко будетъ обсудить, что изъ двухъ, удовольствіе или разумнѣе, ближе, по существу своему, къ условію совершенства, и слѣдовательно, что изъ двухъ лучше и почтеннѣе какъ для людей, такъ и для боговъ.

Такимъ образомъ Сократъ переходитъ къ рѣшенію вопроса объ относительномъ достоинствѣ удовольствія и познанія. Вопросъ этотъ рѣшается посредствомъ сравненія или сближенія какъ удовольствія, такъ ума и познанія съ тремя, показанными выше, основными понятіями и нераздѣльными свойствами идеи блага, т. е. съ понятіемъ истины, соразмѣрности и красоты. Что касается до истины, то умъ находится съ нею въ такомъ сродствѣ, что онъ имѣетъ или тождество или ближайшее сходство съ самою истиною; напротивъ удовольствіе такъ мало согласуется съ истиною, что оно, ослѣпляя не рѣдко людей, ему предавшихся, и побуждая стремиться къ достиженію наибольшихъ наслажденій, доводитъ ихъ до несправедливостей разнаго рода, вѣроломства и клятвопреступленій, какъ это часто бываетъ напр. въ дѣлахъ любовныхъ; далѣе по отношенію къ мѣрѣ и соразмѣрности, умъ и познанія, безъ сомнѣнія, стройнѣе, правднѣе и опредѣленное всего, что ни существуетъ въ мірѣ, между тѣмъ какъ нѣтъ ничего неумѣреннѣе, необузданнѣе и нестройнѣе удовольствій; наконецъ, если обратимъ вниманіе на красоту, то это свойство несравненно болѣе принадлежитъ уму, нежели удовольствію. Никто никогда не видалъ, чтобы умъ былъ безобразенъ и гнусенъ, напротивъ удовольствія, чѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе бываютъ непристойными и смѣшными, такъ что пре-

¹ Въ предыдущемъ разсужденіи за причину всего существующаго признакъ былъ умъ божественный и какъ искра его, умъ человѣческій въ кругу своихъ прозведеній. А здѣсь подъ причиною разумѣется условіе совершенства.

дающіеся имъ сами стыдятся смотрѣть на нихъ и какъ можно стараются прикрывать оныя мракомъ ночи¹. Отсюда открывается, что умъ, будучи во всѣхъ отношеніяхъ ближе и сроднѣе съ идеею блага, нежели удовольствіе, долженъ имѣть въ сравненіи съ послѣднимъ болѣе достоинства и преимущества.

Но чтобы очевиднѣе представить, какое именно мѣсто занимаютъ умъ и удовольствіе по отношенію къ высочайшему благу, а вмѣстѣ чтобы развить яснѣе и показать проявленіе идеи блага какъ въ полномъ существѣ чловѣка, такъ и въ каждой изъ двухъ природъ его порознь, Платоновъ Сократъ представляетъ слѣдующую постепенность благъ:

1) Выше всего полагается идея мѣры, соразмѣрнаго и благовременнаго и всего того, что имѣетъ бытіе неизмѣняемое и вѣчное. *Πρῶτον μὲν περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καίριον, καὶ πάντα ὁπόσα τοιαῦτα χρὴ νομίζειν τὴν αἰδίων ἡρῆσθαι φύσιν.* p. 65.

2) На второмъ мѣствѣ ставится все то, что, слагаясь и образуясь по предыдущей идее соразмѣрности, является само какъ существо соразмѣрное, полное, прекрасное и совершенное. *Δεύτερον μὲν περὶ τὸ εὐμέτρον καὶ καλὸν καὶ τέλειον καὶ ἰκανὸν καὶ πάντα ὁπόσα τῆς γενεᾶς ταύτης αὐτῆς ἐστίν.*

3) Третье мѣсто занимаетъ умъ, и благоразуміе, какъ источникъ и причина опредѣленныхъ дѣйствій и произведеній человѣческихъ. *Τὸ τοίνυν τρίτον, ὡς ἡ ἐμὴ μάντεια, νοῦν καὶ φρόνησιν τιθεῖς οὐκ ἂν μέγα τι τῆς ἀληθείας παρεξέλλοις.*

4) За тѣмъ на четвертомъ мѣствѣ ставятся самыя дѣйствія, созданія и вообще явленія умственные, какъ то: науки, искусства, познанія и вѣрныя представленія. *Ἄρ' οὖν οὐ τέτταρα, ἀ τῆς ψυχῆς ἔθεμεν αὐτῆς, ἐπιστήμας τε καὶ τέχνας καὶ δόξας ὀρθὰς λεχθεῖσας, ταῦτα εἶναι τὰ πρὸς τοῖς τρισὶ τέτταρα; ἄπερ τοῦ ἀγαθοῦ γέ ἐστι μᾶλλον ἢ τῆς ἡδονῆς συγγενῆ.*

5) Пятое мѣсто дается чистымъ удовольствіямъ души, свободнымъ отъ всякой примѣси печали. *Πέμπτας τοίνυν, ὡς ἡδονὰς ἔθεμεν ἀλύπους ὀρεσάμενοι, καθαρὰς ἐπονομάσαντες τῆς ψυχῆς αὐτῆς ἐπιστήμας, ταῖς δὲ αἰσθηθεῖσιν ἐπομένας.*

6) Шестая степень, на которой по видимому слѣдовало бы поставить нисшія удовольствія чувственные, оставляется безъ дальнѣйшаго объясненія. Здѣсь останавливается Сократъ въ изображеніи явленій идеи блага, основываясь на мистическомъ ученіи Орфея, которое онъ впро-

¹ Cf. Ap. Paul. ad Rom. XIII. 12, 13.

явно имѣлъ въ виду при изложеніи этой лѣствицы благъ. *"Ἐκτι δὲ γενεᾶ, φησὶν Ὁρφεύς, κατακαύσεται κόσμον ἀοιδῆς.*

По трудности и важности этого мѣста не бесполезно остановиться на немъ и присоединить нѣсколько замѣчаній въ объясненіе представленныхъ здѣсь степеней и проявленій въ нихъ идеи блага. — Много было различныхъ мнѣній и толкованій о томъ, какъ надобно разумѣть предыдущія понятія, составляющія пять или шесть различныхъ степеней блага и какъ ихъ соединить между собою. Вврѣившимъ изъ таковыхъ мнѣній, кажется, должно быть слѣдующее:

Подъ мѣрою и соразмѣрностію, на первомъ планѣ, по мысли философа, надобно разумѣть самую идею блага, которая, будучи по существу своему неизмѣнна и вѣчна, служитъ всегда образцемъ и закономъ для всѣхъ впечатлѣвающихся по ней благъ, существующихъ въ мѣрѣ и въ природѣ человѣческой. — Здѣсь конечно самъ собою представляется вопросъ, почему Платонъ, лишь только изобразивши существо блага подъ тройственнымъ свойствомъ соразмѣрности, красоты и истины, теперь это самое существо, или идею блага, обозначаетъ однимъ понятіемъ мѣры или соразмѣрности. Это объясняется изъ того, что три предыдущія понятія, какъ существенныя свойства блага, нераздѣльно соединены между собою, такъ что одно необходимо предполагаетъ въ то же время существованіе другаго и третьяго. По этому Платонъ, взявши одно изъ упомянутыхъ свойствъ идеи блага, легко могъ употребить его для обозначенія всего существа блага. Въ этомъ случаѣ Платонъ избираетъ преимущественно понятіе соразмѣрности, какъ наиболее свойственное и сообразное съ существомъ блага, — изъ которой притомъ сами собою вытекаютъ понятія красоты и истины, какъ необходимое ея условіе и слѣдствіе.

Соразмѣрное, прекрасное и совершенное, занимая слѣдующую за тѣмъ степень и представляя самое близкое сходство и повидимому тождество съ первою степенью мѣры и соразмѣрности, тѣмъ отъ нея отличается, что первой приписывается бытіе вѣчное и неизмѣняемое, между тѣмъ какъ ко второй относятся только явленія и существа измѣняемая¹. Итакъ, если первую степень занимаетъ идея блага, то ко второй будутъ относиться всѣ творенія, образующіяся по идеѣ блага и представляющія въ составѣ своемъ соразмѣрное, прекрасное и со-

¹ Это видно изъ присоединенныхъ въ объясненіе второй степени словъ: *καὶ πάντα ἄλλα τῆς γενεᾶς ταύτης ἀδύνατα*, въ которыхъ понятіе *γενεᾶς*, употребляющееся всегда въ значеніи явленія и бытія измѣняемаго, стоитъ въ совершенной противоположности съ понятіемъ бытія вѣчнаго, *ἀδύνατος φύσις*, которое служитъ отличительнымъ свойствомъ первой степени.

вершенное цѣлое, каковымъ, по отношенію къ вопросу, изслѣдываемо-му въ Филебѣ, слѣдуетъ быть жизни челоука, въ которой должно заключаться полное его счастье и высшее на землѣ благо.

Подъ умомъ и благоразуміемъ, или мудростію, на третьемъ мѣствѣ, надобно разумѣть не божественный умъ и высочайшую мудрость, но разумъ челоуцескій, который, какъ элементъ совокупнаго существа челоука, опредѣленный и высшій, по справедливости занимаетъ первое и ближайшее мѣсто послѣ своего цѣлага; вмѣствѣ съ этимъ умъ, какъ начало опредѣляющее, источникъ и причина всякаго мышленія и познанія, естественно долженъ стоять прежде своихъ произведеній, которыя суть науки и художества, занимающія непосредственно за нимъ слѣдующую, четвертую степень. — Какое отношеніе находится между первою и второю степенью, такое же можно видѣть между третьею и четвертою. Какъ вторая степень заключаетъ въ себѣ всякій соразмѣрный и правильный составъ предметовъ, образующихся въ мѣрѣ по идеѣ блага, изображенной на первомъ планѣ подѣ формою соразмѣрности, такъ четвертая степень обнимаетъ собою все произведенія искусствъ, наукъ и разнородныхъ познаній, которыя умъ челоука, какъ причина образующая, созидаетъ и располагаетъ по своимъ началамъ.

За познаніемъ, науками и художествами, на пятомъ мѣствѣ, поставлены чистыя удовольствія, по ихъ непосредственной связи съ явленіями и дѣйствіями души. Эти чистыя удовольствія, чуждыя всякой печали, можно назвать духовными; они происходятъ въ насъ въ слѣдствіе вѣрныхъ представленій и познаній о предметахъ, подлежащихъ воззрѣнію внѣшнему и внутреннему.

Здѣсь оканчивается лѣствица собственныхъ благъ; потому что чувственными наслажденіями и удовольствіями, нераздѣльными съ чувствомъ печали, которыя, по видимому, должны за тѣмъ слѣдовать, представляютъ такую неопредѣленную смѣсь хорошаго съ дурнымъ, истиннаго съ ложнымъ, что ихъ вовсе нельзя сравнивать съ предыдущими степенями чистыхъ и существенныхъ благъ¹⁾.

Эта постепенность благъ представляетъ окончательное и ясное рѣшеніе предложенной въ Филебѣ задачи: опредѣлить, въ чемъ состоитъ высшее благо челоука, въ удовольствіи или умѣ его, или въ соединеніи того и другаго вмѣствѣ, а также и показать сравнительное достоинство каждаго изъ нихъ. Какъ изъ всего діалога, такъ въ особенности изъ этого окончательнаго вывода и опредѣленія постепенности благъ ясно открывается, что высшее благо и полное счастье челоука

¹ Cf. Fr. A. Trendelenburg, De Platonis Philebi consilio. Berol. 1837.

заключается не въ удовольствіи или въ благоразуміи порознь, но въ соразмѣрномъ соединеніи того и другаго въ его чувственно-разумной жизни. Что же касается до удовольствія, которое Филебъ почиталъ высшимъ и единственнымъ благомъ, то оно не только не можетъ быть этимъ высшимъ и первымъ благомъ, но не занимаетъ и втораго послѣ него мѣста. Это ближайшее мѣсто принадлежитъ уму, который по существу своему несравненно болѣе имѣетъ сродства съ идеею высочайшаго и первоначальнаго блага; а удовольствіе до такой степени ниже ума и познанія, что оно въ самомъ чистомъ своемъ видѣ занимаетъ только пятое и послѣднее мѣсто въ показанной лѣстницѣ благъ, «но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть первымъ, хотя бы всѣ волы и лошади и прочія животныя доказывали намъ это тѣмъ, что они по естественному своему побужденію стремятся къ наслажденію; вѣруя въ нихъ, какъ гадатели въ птицъ, весьма многіе дѣйствительно признаютъ удовольствіе за самое высшее благополучіе въ жизни, и въ чувственныхъ наклонностяхъ животныхъ находятъ доказательство болѣе убѣдительное, нежели то, которое изрекаетъ всякой разъ во вдохновенныхъ вѣщаніяхъ «философская муза»¹. Такое рѣшеніе Сократа принято съ полнымъ одобреніемъ съ обѣихъ сторонъ и отъ всѣхъ тѣхъ, кои присутствовали при этомъ спорѣ.

Послѣ того Сократъ поспѣшилъ удалиться изъ среды собранія. Между тѣмъ Протархъ сталъ кричать ему въ слѣдъ, что споръ остался еще не совсемъ оконченнымъ; но какъ Сократъ не обратилъ на это вниманія, то Протархъ обѣщался напомнить ему о томъ въ другое время².

¹ *Ὀδοῦν κέλκτον κατὰ τὴν κρίσιν, ἣν νῦν ὁ λόγος ἀπεφῆναιτο, γίγνοι' ἂν ἢ τῆς ἡδονῆς δύναμις;— Πρώτον δὲ γε οὐδ, κἀν οἱ πάντες βοῶσι τε καὶ τᾶλλα ἐβόησαντα θηρία φῶσι τῷ τὸ χαίρειν διέκειν. οἷς πιστεύοντες, ὄσπερ μάντις δρῶντιν, οἱ πολλοὶ κρίνουσι τὰς ἡδονὰς εἰς τὸ δῆν ἡμῖν εὐκратίστας εἶναι, καὶ τοὺς θηρίων ἔρωτας οἴονταί κυρίους εἶναι μάρτυρας μᾶλλον ἢ τοὺς τῶν ἐν Μούσῃ φιλοσόφῳ μεμαρτυμένων ἐκάστους λόγων. p. 67.*

² Изъ послѣднихъ словъ Протарховыхъ нѣкоторые заключаютъ, что діалогъ, или лучше сказать, предметъ, разсматриваемый въ этомъ діалогѣ, не совершенно оконченъ. Но принять такое мнѣніе нѣтъ никакихъ основаній: ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ. Что задача, предложенная въ началѣ діалога, въ продолженіи оного разобрана со всѣхъ сторонъ и рѣшена окончательно, въ этомъ можно удостовѣриться какъ изъ хода самаго изслѣдованія и связи доказательствъ, такъ и изъ послѣдняго вывода, представленнаго въ концѣ діалога, гдѣ въ видѣ заключенія, весьма ясно высказывается и повторяется какъ самая задача всего діалога, такъ и полное ея рѣшеніе въ главныхъ и общихъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ равностороннихъ и глубокихъ изслѣдованій цѣлаго діалога. — Далѣе если бы необходимо было какое-нибудь продолженіе и дополненіе къ Филебу, то по всей

Такимъ образомъ разговоръ прекращается также внезапно и безъ окончательнаго по видимому рѣшенія, какъ и начать былъ безъ всякихъ предварительныхъ къ тому приготовлений.

Изъ представленнаго здѣсь изложенія не трудно составить себѣ понятіе о важности предмета, рассматриваемаго въ Филебѣ, о глубинѣ и разносторонности его изслѣдованія, о тонкости наблюдений и силъ доказательствъ и о прочихъ достоинствахъ, коими вообще ознаменованы творенія Платоновы. Но чтобы яснѣе видѣть стройное, соразмѣрное и изящное построеніе этого діалога, чѣмъ онъ преимущественно отличается отъ всѣхъ прочихъ, для этого надобно здѣсь обозначить главныя части его, опредѣлить ихъ значеніе и свойство, отыскать между ними взаимную связь, показать общее ихъ отношеніе къ одной главной идее, лежащей въ основаніи всего этого художественнаго созданія.

При внимательномъ чтеніи Платонова Филеба, не трудно замѣтить, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, изъ коихъ въ каждой рѣшается какая-нибудь особенная задача; такъ что діалогъ самъ собою раздѣляется на нѣсколько различныхъ частей, не имѣющихъ, по видимому, связи ни между собою, ни съ предметомъ главнымъ.

Такъ въ первой части діалога, по изложеніи предложеннаго на разсужденіе вопроса, изслѣдованіе обращается къ объясненію того, что во всѣхъ понятіяхъ видовыхъ и частныхъ должно быть одно главное и всѣмъ имъ общее, къ которому они относятся, какъ части къ своему цѣлому.

Во второй части изчисляются главные признаки высочайшаго блага, раскрываются и объясняются существенныя ихъ условія и свойства.

Въ слѣдующей части излагается опять новый предметъ; все, что ни существуетъ въ мірѣ, раздѣляется на четыре главныхъ рода или начала: на неопредѣленное, опредѣленное, смѣшанное изъ того и другаго, и причину, производящую это смѣшеніе. По объясненіи отличительныхъ признаковъ и свойствъ каждаго изъ этихъ четырехъ родовъ, удовольствіе причисляется къ неопредѣленному, умъ человеческій, заключающій въ себѣ начало опредѣленное, относится въ то же

вѣроятности оно было бы сдѣлано въ послѣдующихъ сочиненіяхъ философа; но мы ничего подобнаго и нигдѣ у Платона не находимъ. — Наконецъ, если по такимъ неопредѣленнымъ указаніямъ и другимъ вѣншимъ признакамъ заключать о недоконченности Филеба, то на подобныхъ же основаніяхъ надобно признать его и безъ начала, — такъ же какъ и нѣкоторые другіе діалоги Платона.

время къ роду причины, а совокупная жизнь ума и удовольствія — къ смѣшанному роду¹.

Въ четвертой части дѣлается изслѣдованіе о происхожденіи, свойствѣ и различныхъ родахъ сперва удовольствія, потомъ познанія, — съ тою тонкостію, подробностію и основательностію, какую мы видѣли при изложеніи этой части. Здѣсь же показывается и изъясняется то существенное различіе, которое находится между существомъ или бытіемъ неизмѣняемымъ (*εἶναι — οὐδία*) и явленіемъ (*γίνεσθαι — γένεσις*); первое самостоятельно, независимо, непреложно и вѣчно, второе условливается существованіемъ перваго, а съ тѣмъ вмѣстѣ есть нѣчто описательное, непостоянное и несущественное. Прилагая эти начала или формы бытія и явленія вещей къ удовольствію и познанію, Сократъ находитъ, что удовольствіе есть только явленіе (*γένεσις*), подверженное измѣненію и уничтоженію; напротивъ познаніе, въ высшей сферѣ разумнѣя и созерцанія умственнаго (въ діалектикѣ), можетъ возвыситься до истиннаго, неизмѣняемаго и самобытно-существующаго (*οὐδία*).

Въ пятой части говорится о способѣ смѣшенія познанія съ удовольствіемъ, согласно съ идеею блага. Для этого сперва разбираются и опредѣляются тѣ элементы или составныя части познанія и удовольствія, которыя должны входить въ смѣшеніе совокупной жизни чловѣка. А потомъ, чтобы опредѣленіе этихъ частей и расположеніе ихъ сообразно съ идеею блага, было удобнѣе, основательнѣе и вѣрнѣе, самая эта идея также разлагается на основныя свои начала, которыя суть истина, соразмѣрность и красота, и которыя, по этому, должны быть необходимыми условіемъ при соединеніи удовольствій и познанія въ одну стройную жизнь, равно какъ и при всякомъ смѣшеніи, правильномъ и совершенномъ.

Въ слѣдующей части, изъ сравненія какъ удовольствія, такъ и познанія съ каждымъ изъ упомянутыхъ началъ или элементовъ блага — истинною, соразмѣрностію и красотою — доказывается, что познаніе гораздо ближе и сроднѣе съ существомъ блага, нежели удовольствіе.

¹ Эпизодъ, въ которомъ говорится о естественной и непосредственной связи чловѣческаго существа съ существомъ цѣлаго міра, изъ котораго чловѣкъ, какъ составная и однородная часть его, получаетъ и тѣло и душу и жизнь съ ея питаніемъ и сохраненіемъ, — этотъ эпизодъ можно бы по видимому принять также за особый отдѣлъ. Но судя по цѣли этого разсужденія и по сдѣланному изъ него главному выводу о томъ, что умъ въ чловѣкѣ, подобно верховному уму во вселенной, долженъ принадлежать къ роду причинъ, — эпизодъ этотъ служить только продолженіемъ и объясненіемъ предыдущей части.

Послѣ всего изображается постепенность благъ и сравнительное ихъ достоинство, гдѣ, для большей ясности и опредѣленности, показывается то отношеніе, въ которомъ какъ все созданіе міра, такъ въ частности существо чловѣка, взятая въ полномъ составѣ и въ главныхъ своихъ частяхъ, должны находиться къ идеѣ блага.

Вотъ главныя части, изъ которыхъ состоитъ цѣлое твореніе Платонова діалога, известнаго подѣ названіемъ Филеба. Какъ ни различны, по видимому, эти части, какъ ни мало съ перваго взгляда представляется между ними естественной связи и взаимнаго отношенія, но при болѣе глубокомъ и основательномъ изслѣдованіи ясно открывается, что всѣ онѣ проникнуты одною мыслию, всѣ имѣютъ необходимое свое значеніе и мѣсто, и всѣ направлены къ одной главной и общей имъ цѣли.

Именно, прежде всего излагается разсужденіе о составленіи опредѣленныхъ и ясныхъ понятій посредствомъ ихъ анализа, которое и предпосылается всему діалогу съ тою цѣлю, чтобы въ самомъ началѣ его отстранить всякій эристическій и неосновательный споръ, происходящій часто отъ неясности представлений и смѣшенія двухъ различныхъ между собою понятій, каковы здѣсь удовольствіе и благо, несправедливо принимаемая Филебомъ за одно и то же, — а вмѣстѣ чтобы показать и самый способъ надлежащаго анализа и синтеза понятій, который потомъ долженъ имѣть свое приложеніе во всемъ послѣдующемъ діалогѣ, и въ особенности въ четвертой его части, при разборѣ и изслѣдованіи понятій удовольствія и познанія.

Показавши въ предыдущемъ разсужденіи, что удовольствіе не тождественно съ благомъ, — существо котораго требуется опредѣлять въ настоящемъ діалогѣ, — Сократъ переходитъ въ слѣдующей части къ изображенію главныхъ отличительныхъ признаковъ истиннаго блага, чтобы такимъ образомъ предварительно охарактеризовать и объяснить ту идею, отъ опредѣленія которой должно зависеть рѣшеніе предложеннаго здѣсь спорнаго вопроса о сущности блага и о томъ, удовольствіе или познаніе составляетъ это благо или по крайней мѣрѣ ближе къ нему подходитъ. По изложеннымъ въ этомъ мѣстѣ признакамъ истиннаго блага, оно должно быть вполне удовлетворительно, совершенно и для всѣхъ одинаково вождельно. Но судя по этимъ признакамъ, ни удовольствіе, ни познаніе, взятая порознь, не составляютъ истиннаго блага, а могутъ быть таковымъ только тогда, когда оба находятся вмѣстѣ. Отсюда сама собою открывается необходимость смѣшенія этихъ двухъ элементовъ существа чловѣческаго въ одну полную и совершенную жизнь, — по общему закону смѣшенія, господствующему

во всей природѣ, и положенному въ основаніе всего прекраснаго и совершеннаго въ мірѣ физическомъ и нравственномъ. Въ слѣдъ за тѣмъ объясняется самый этотъ законъ смѣшенія, по которому все существующее въ мірѣ состоитъ, какъ уже было сказано, изъ неопредѣленнаго, опредѣленнаго, изъ смѣшенія того и другаго, и причины, предполагаемой необходимо при каждомъ смѣшеніи. Ни неопредѣленное, ни опредѣленное не можетъ быть совершенно само по себѣ, а только во взаимномъ и соразмѣрномъ соединеніи, опредѣляемомъ разумною причиною.

Для составленія правильнаго смѣшенія необходимо сперва имѣть раздѣльное и ясное понятіе о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ оно должно состоять, а потомъ и о самомъ способѣ и дѣйствіи составленія различныхъ элементовъ въ одно цѣлое, опредѣляемомъ производящею его причиною. А какъ эти элементы, которые должны входить въ составъ совокупной жизни человека, суть удовольствіе и познаніе, — то въ слѣдующей части дѣлается сперва подробное изслѣдованіе о происхожденіи, свойствахъ и различныхъ видахъ какъ удовольствія, такъ и познанія, и вмѣстѣ опредѣляется существенное различіе между тѣмъ и другимъ, а потомъ указывается то начало, подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ коего изъ предыдущихъ элементовъ долженъ образоваться правильный и соразмѣрный составъ совокупной жизни человека, въ которой одной заключается истинное его счастье и совершенное благо. Такимъ образомъ рѣшается первый и главный вопросъ о существѣ блага человеческого, состоящаго, какъ видно изъ этого рѣшенія, не въ удовольствіи или познаніи порознь, но въ союзѣ того и другаго. Послѣ этого оставалось рѣшить второй вопросъ, о сравнительномъ достоинствѣ удовольствія и познанія, по отношенію того и другаго къ идеѣ блага, — и это рѣшается въ шестой и послѣдней части діалога, гдѣ изъ сравненія познанія и удовольствія съ основными и существенными свойствами блага, само собою открывается преимущество перваго надъ послѣднимъ, что еще яснѣе представляется въ изображенной на концѣ діалога постепенной лѣстницѣ благъ и отношенія ихъ къ идеѣ абсолютнаго блага.

Изъ этого разбора Платонова Филеба, въ цѣломъ составѣ и въ частяхъ его, видно, что этотъ діалогъ, кромѣ того, что принадлежитъ къ глубокомысленнѣйшимъ и важнѣйшимъ произведеніямъ древней философіи, есть вмѣстѣ одно изъ художественнѣйшихъ созданій греческаго искусства, представляющее собою образецъ такого изящества, къ которому только можетъ быть способна философія. Можно сказать,

что въ немъ нѣтъ ничего, что бы кто-нибудь назвалъ излишнимъ, ненужнымъ, несообразнымъ или несвязнымъ. Не говоря уже о правильности и соразмѣрности главныхъ частей между собою и съ своимъ цѣлымъ, каждая отдѣльная мысль, каждое слово имѣетъ настоящее свое значеніе и мѣсто. По стройности и внутренней связи, — которою определяется внѣшнее изображеніе, — это созданіе, чтобы употребить слово самого Платона, есть какъ бы нѣкій безплотный міръ (*κόσμος*), господствующій въ одушевленномъ тѣлѣ. Этотъ самый діалогъ можетъ служить наилучшимъ образцомъ и примѣромъ того стройнаго и соразмѣрнаго смѣшенія разнообразныхъ частей въ одно цѣлое, о которомъ въ немъ говорится, и которое представляется единственнымъ источникомъ и необходимымъ условіемъ красоты и изящества всего сотвореннаго ¹.

О времени сочиненія этого діалога, и о связи его съ прочими твореніями Платона, трудно сказать что-нибудь положительнo-вѣрное; потому что ни въ самомъ Филебѣ, ни въ другихъ діалогахъ нѣтъ никакихъ ясныхъ на это указаній. Этотъ недостатокъ открываетъ свободное поприще для различнаго рода догадокъ, основывающихся на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, которыя выводятся изъ сравненія нашего діалога съ другими. Шталльбаумъ полагаетъ, что Феэтеть ² и Софистъ ³ изданы прежде Филеба, равно какъ и діалогъ, извѣстный подъ именемъ Горгія ⁴, на который Платонъ, повидимому, указываетъ, какъ уже на извѣстный, въ концѣ Филеба. Этотъ ученый старается даже доказать, что Филебъ написанъ Платономъ послѣ его Республики и Тимея ⁵. Шлейермахеръ, соглашаясь съ первымъ мнѣніемъ о связи Филеба съ Феэтетомъ и Горгіемъ, отвергаетъ последнее ⁶. Другіе ученые даютъ другое мѣсто Филебу въ связи сочиненій Платоновыхъ ⁷. Астъ, подобно прочимъ, считаетъ почти невозможнымъ въ точности опредѣлить время изданія этого діалога ⁸.

¹ *Ἐμὸν μὲν γὰρ, καθάπερ εἰ κόσμος τις ἀσώματος ἀρξῶν καλῶς ἐμφύχου σώματος, οὗν λόγος ἀπειροβάσαι φαίνεται.* p. 64.

² *Θεαίτητος ἢ περὶ ἐπιστήμης.*

³ *Σοφιστής ἢ περὶ τοῦ ὄντος.*

⁴ *Stallb. Prolegg. p. XLII sqq.*

⁵ Шталльбаумъ нѣтъ одного мѣста въ Горгіи, p. 470. Д, догадывается, что этотъ діалогъ написанъ Платономъ нѣсколько послѣ 413 год. до Р. Х. Если принять эту догадку, то надо допустить, что Горгіи написанъ Платономъ, когда ему было не болѣе 17 лѣтъ отъ роду, — что, по многимъ причинамъ, представляется весьма сомнительнымъ. Cf. *Stallb. Prolegg. ad. Phileb. p. XL et not. 3.*

⁶ *Schleiermachers Einleitung. p. 136. f.*

⁷ Cf. *Herman's Geschichte und System der platonischen Philosophie I. 1839.*

⁸ *Ast, Platon's Leben und Schriften. p. 298. f.*

Въ самомъ дѣлѣ , изъ сравненія Филеба съ прочими твореніями Платона и изъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній, не безъ основанія можно вывести только то , что этотъ діалогъ написанъ философомъ послѣ его путешествія въ Италію , когда онъ познакомился съ ученіемъ Пифагорейцевъ. А вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ принадлежать къ числу позднѣйшихъ сочиненій Платона, написанныхъ имъ въ лѣта совершенно зрѣлыя. Всѣ эти сочиненія строго проникнуты его ученіемъ объ идеяхъ и отличаются твердымъ убѣжденіемъ философа въ своихъ началахъ, глубокимъ сознаніемъ истины, а вмѣстѣ спокойнымъ , яснымъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ предмета , — свойства , ясно открывающіяся и въ изложенномъ нами діалогѣ.

А. Меншиковъ.

ДИОГЕНЬ КИНИКЪ.¹

О Диогеновой юности известно только, что онъ былъ родомъ изъ Синопы, милетской колоніи на берегу Эвксинскаго Понта, нынѣшняго Чернаго-моря. Отецъ его Гикесій былъ мѣновщикъ и рано началъ приучать сына къ своему промыслу. Пафлагоняне, въ странѣ которыхъ лежала Синопа, слыли между Греками народомъ хитрымъ и пронырливымъ; милетская колонія, окруженная ими, не могла остаться свободно отъ ихъ нравственнаго вліянія. По крайней мѣрѣ, отецъ Диогена не стыдился не только быть мѣнялою, но даже чеканить фальшивую монету; сынъ былъ также посвященъ въ тайны сего искусства. По видимому, подобный промыслъ сперва не слишкомъ нравился юношѣ, но съ теченіемъ времени онъ привыкъ къ нему и даже умѣлъ успокоить свою совѣсть, истолковавъ самымъ лукавымъ образомъ одно изреченіе оракула. — Онъ былъ уже мастеромъ своего дѣла, когда, прѣѣхавъ въ Грецію, посѣтилъ Дельфы и явился въ священнѣйшій храмъ гелленскій, въ храмъ Аполлона. Въ предхрамїи этого святилища были изображены письменами шесть изреченій, какъ бы обращенныхъ къ людямъ Аполлономъ, богомъ высшей нравственности.

Вотъ что было написано:

«Еси.»

«Богу честь.»

«На монетѣ чекань свой штемпель.»

«Познай самого себя.»

«Ничего чрезъ мѣру.»

«Дай обѣщаніе и не уйдеши отъ пагубы.»

¹ Заимствуемъ эту статью изъ *Gesammelte Abhandlungen aus dem classischen Alterthume von C. W. Goettling*. I. Bd. S. 251 ff. Это одна изъ лекцій, читанныхъ въ Іенѣ для сбора денегъ въ пользу Университетскаго Археологическаго Музея. — Слово *киникъ*, употребляемое нами въ его греческой формѣ, болѣе извѣстно въ латинской формѣ *циникъ*.

Эти изреченія содержатъ зерно древнѣйшей до-сократовской греческой этики; древнѣе философы, Сократъ и Платонъ, цѣнятъ ихъ очень высоко; своеобразно выраженные и не совсѣмъ ясныя по замышленію, они тѣмъ не менѣе могли руководствовать мыслящаго человека на пути жизни.

Когда юный дѣлатель фальшивой монеты пришелъ въ храмъ и прочелъ означенныя изреченія, ему следовало бы остановить вниманіе на томъ изъ нихъ, которое отличается наибольшею ясностью: «Познай самого себя.» Но его легкомысліе, соединенное съ юморомъ, который былъ всегда его достоинствомъ, увхватило съ радостію за третіе двусмысленное изреченіе: «На монетѣ чекань свой штемпель.» Онъ увверилъ себя, что эти слова содержатъ очевидное одобреніе его преступному промыслу; божество само советывало чеканить на монетѣ собственный штемпель; вообще не было ничего дурнаго понимать слова оракула въ буквальномъ смыслѣ; къ тому же можно было спросить: для чего Аполлонъ выражается иносказательно, если онъ хочетъ быть понятнымъ? Успокоенный, по видимому, такимъ коварнымъ толкованіемъ, юноша возвратился въ Синопу и тамъ вмѣстѣ съ отцомъ продолжалъ ревностно употреблять въ дѣло «свой штемпель», пока правосудіе не приняло своихъ мѣръ. Отецъ умеръ въ тюрьмѣ; сынъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ; опала была произнесена надъ бѣглецомъ, направившимъ путь свой въ Аѣны.

Сознаніе двойной вины, состоявшей съ одной стороны въ позорномъ промыслѣ, съ другой въ лукавомъ истолкованіи добраго и чистаго изреченія, это сознаніе подвѣствовало на Діогена весьма благотѣльно въ продолженіе его долгаго пути и наконецъ возбудило въ немъ нетерпливое желаніе примириться съ собственною совѣстью. Онъ полагалъ, что лучшее примиреніе можетъ найти въ философіи; изреченія дельфійскаго бога наводили его на эту мысль¹.

Въ Аѣнахъ онъ могъ скорѣе всего найти желаемое въ школѣ Сократа; но послѣдній былъ въ то время уже осужденъ ослабленными Аѣнтянами. Изъ школы его развились двѣ другія, весьма различныя между собою: платоновская школа умозрительнаго генія, находившая сочувствіе въ людяхъ счастливыхъ, одушевленныхъ высокими стремленіями, школа академіи, лежавшей въ прекраснѣйшемъ западномъ предмѣстии Аѣнъ; съ другой стороны, Антистенева школа воздержанія и лишенія, школа бѣдныхъ и угнетенныхъ пролетаріевъ,

¹ Мусовій у Стобея, Flar. t. XI, p. 235, говоритъ самымъ яснымъ образомъ, что Діогенъ во время побѣга превратился изъ идиота въ философа.

пріютившаяся въ восточномъ гимнасіи Аѳинякъ , который лежалъ на лѣвомъ берегу Илисса. Киносаргъ, въ которомъ находился этотъ гимнасій , былъ также одно изъ предмѣстій Аѳинъ. Онъ принадлежалъ къ Диомейскому демосу и находился передъ вратами того же имени , на юговосточномъ склонѣ горы , носившей нѣкогда имя Анхесма и нынѣ правильно называемой Ликабеттомъ. Тамъ находилось обнесенное стѣною святилище Геркулеса , основанное , какъ гласило аттическое сказаніе , на мѣстѣ , которое Тесей назначилъ для жительства Геркулесу , послѣ того какъ несчастный герой въ припадкѣ безумія убилъ жену и дѣтей¹; имъ часто пользовались , какъ крѣпкимъ военнымъ пунктомъ²; при немъ находилась роща. Нынѣ близъ этого мѣста стоитъ дворецъ короля Оттона. Въ гимнасіи Киносарга упражнялись Аѳиняне , не принадлежавшіе къ сословію полноправныхъ гражданъ , т. е. происходившіе отъ отцовъ или матерей неполноправныхъ , а также прижитые родителями внѣ брака и наконецъ вольноотпущенники. Этимъ людямъ , по смыслу закона лишеннымъ полноты правъ аттического гражданина , хотя въ дѣйствительности , благодаря мягкости нравовъ , иногда пользовавшимся ими , было отрадно вступать въ урочище , съ которымъ было связано воспоминаніе о герояхъ низкаго происхожденія , храбромъ , доблестномъ , вѣнчанномъ славою. Въ аллеѣ , примыкавшей къ гимнасію , встрѣчали иногда и Сократа , хотя онъ принадлежалъ къ кореннымъ гражданамъ; онъ приходилъ туда бесѣдовать съ молодыми людьми и привлекать ихъ къ своему ученію. Еще Фемистоклъ водилъ въ восточный гимнасій для физическихъ упражненій и полноправныхъ юношей. Но нѣтъ свидѣтельствъ , чтобы неполноправные граждане имѣли , во всякое время , свободный доступъ въ академію , или гимнасій Ликей , который находился подлѣ Киносарга. Аятысѣенъ , хотя и родился въ Аѳинахъ , но не принадлежалъ къ сословію полноправныхъ. Сократъ , его учитель , говорилъ , что благороднѣе его нѣтъ ни одного истаго Аѳинянина; по другому извѣстію , онъ спросилъ у человека , ставившаго Аятысѣену въ порокъ происхожденіе отъ Фракіянки : «думаешь ли ты , что полноправная чета могла произвести такого рѣдкаго человека?» Получивъ философское образованіе отъ Сократа , основалъ онъ школу , которая состояла преимущественно изъ посѣтителей Киносарга и оттого получила насмѣшливо-двусмысленное и отчасти позорное прозваніе кинической. — Что касается до изслѣдо-

¹ Эвр. Неге. v. 1330.

² Впервые , кажется , во время сраженія Писистрата съ Лакедемонянами; въ этой битвѣ палъ Аяхиодій , погребенный въ Алопехе (Геродотъ , V, 63).

ванія природы, то Антисеенъ едва коснулся этого предмета; о божествѣ онъ говорилъ, какъ объ единомъ, въ противность общему мнѣнію; главное его вниманіе было обращено на практическую философію; особенно глубоко интересовался онъ ученіемъ о добродѣтели; діалектикою пользовался только какъ оружіемъ противу ученій, несогласныхъ съ его теоріею. — Если мы взглянемъ ближе въ ту эпоху, то увидимъ, что въ прославленныхъ демократическихъ Аѣинахъ, которымъ уже сильно угрожало тогда македонское владычество, большинство жителей находилось не въ самомъ блестящемъ положеніи. Полноправныхъ аттическихъ гражданъ было отъ 20 до 30 тысячъ¹; они призывались, болышею частію по жребію, для занятія общественныхъ должностей, на которыхъ лица мѣнялись ежегодно, чѣмъ должно было удовлетворяться притязаніе на равенство въ правахъ; они же исключительно пользовались правомъ утверждать законы подачею голосовъ. Въ лучшее время безъ сомнѣнія столько же было метековъ, т. е. иностранцевъ, отчасти очень богатыхъ, которые поселились въ Аѣинахъ, но, будучи происхожденія не аттическаго, не имѣли права ни на подачу голоса, ни на занятіе общественныхъ должностей. За ними следовали рабы, многочисленнѣйшіе въ двѣнадцать разъ, люди невольные и безправные. И такъ одна седьмая доля населенія господствовала надъ шестью седьмыми. Вотъ что называлось демократическимъ равенствомъ въ Аѣинахъ. Между полноправными гражданами были и богатые люди, какъ равно и между метеками; но вообще владычествующее сословіе было бѣдно², а подавляющее большинство рабовъ не имѣло вовсе ничего. Главнымъ желаніемъ Антисеена было образовать этихъ бѣдныхъ и утѣшеннымъ людей. Онъ хотѣлъ, чтобы они полюбили свою бѣдность, не только хладнокровно отказывали себѣ во многомъ, но даже смотрѣли бы на богатство, какъ на причину нравственной порчи. Какъ бы то ни было, его ученіе нашло себѣ уступчивую почву въ образѣ жизни и душевномъ настроеніи большинства Аѣинянъ, ибо это большинство довольствовалось круглый годъ самою скудною пищею, состоявшею изъ хлѣба, оливокъ, салатовъ и луку; только по праздникамъ на столахъ появлялось мясо; но государственное устройство вполне вознаграждало первое сословіе государства за всѣ подобныя лишенія политическимъ колновластіемъ. Антисееновы ученики, не принадлежавшіе къ означенному сословію, были отчасти лишены такого вознагражденія,

¹ При Демосенѣ было 20 т., при Псамметихѣ (Ол. 83, 4) только 14 т. См. Schol. Aristoph. Vesp. 718. изъ Филохора.

² Диодоръ (XVIII, 18) насчитываетъ во время Антилатра 12,000 совершенно-бѣдныхъ и 9,000 такихъ гражданъ, которые имѣли не болѣе какъ по 2,000 драхмъ.

и должны были найти его въ филосоіи, что было, разумеется, много труднѣе.

Собственнымъ примѣромъ, прекраснымъ и могущественнымъ, Антисеенъ доказывалъ сладость сократовскаго воздержанія. Сократствовать, *σοκρατεῖν*, по выраженію Аристофана, училъ онъ; веда образъ жизни, выражаемый этимъ словомъ, добродѣтельный человекъ можетъ, по его словамъ, сдѣлаться подобнымъ божеству, вседовольному, не нуждающемуся ни въ чемъ. Кто самъ не являлъ желанія отречься отъ потребностей, того онъ не принималъ въ тѣсный кругъ своихъ учениковъ. Разъ его спросили, отчего его послѣдователи такъ немногочисленны: «я прогоняю ихъ дубиною», отвѣчалъ онъ. Это значило: у меня строгій надзоръ за учениками; я требую отъ нихъ чистоты и воздержанія, и если они не хранятъ ихъ, я прогоняю ихъ палкою. — Онъ сравнивалъ себя также съ врачомъ, исцѣляющимъ больного горькими лѣкарствами, и полагалъ, что лучший плодъ его филосоіи есть способность къ одиночеству и бесѣдѣ съ самимъ собою. Онъ носилъ посохъ, вообще не употреблявшійся въ Аѳонахъ, и старое верхнее платье (трибонъ или трибоніонъ), какъ символы довольства собственною судьбою и простой страннической жизни; въ этомъ онъ подражалъ аѳонскимъ нищимъ и Сократу, который обыкновенно не носилъ сандалій и нижняго платья. Но онъ присоединялъ къ названнымъ вещамъ еще кожаную походную суму, дабы совершенно походитъ на гомеровскаго няцаго. Это была котомка, въ которую укладывались скудные пожитки и пища филосоа; въ то же время она была символомъ его странническаго домоводства, домоводства, которое у Сократа существовало въ размѣрахъ гораздо большихъ, какъ ни было бѣдно. Потому-то и Діогенъ въ послѣдствіи неоднократно указывалъ на богатство Сократа въ противоположность своему нищенству. Антисеенъ училъ, что кромѣ разума и фантазіи, дарованныхъ намъ Богомъ и неотдѣлимыхъ отъ насъ, мы ничего не можемъ почестъ своею собственностью; онъ говорилъ: только то разумно, что есть и было и слѣдовательно постоянно; счастливымъ дѣлаетъ только добродѣтель, которой можно и должно учиться; одинъ добродѣтельный есть по истинѣ благородный человекъ. Жаль, что истинно-благородный, но терпѣвшій отъ болѣзней Антисеенъ не могъ представлять своего ученія иначе, какъ въ мрачныхъ формахъ; такое настроеніе возбуждено было въ немъ, главнымъ образомъ, смертію Сократа. Выраженіе его: «лучше быть безумнымъ, чѣмъ веселымъ» не могло привлечь къ нему многочисленныхъ друзей.

Въ то же время и въ томъ же Киносаргѣ, въ которомъ Антисеенъ провозглашалъ свое ученіе, образовалось общество людей, со-

всѣмъ другаго рода; они старались избавиться отъ тягостей того времени иными средствами. Это было «Общество шестидесяти», развеселявшее себя острыми выдумками и видѣвшее въ нихъ средство заставить и другихъ позабыть всю горечь настоящаго. «Остроты шестидесяти» расходились по всей Греціи и даже достигали македонскаго двора. Царь Филиппъ, любитель остроумія и охотникъ посмѣяться, прислалъ обществу талантъ съ просьбою увѣдомлять его о дѣйствіяхъ членовъ.

Когда въ Аѳинахъ явился Діогенъ, сокрушенный сердцемъ, жаждущій покаанія, его легко привлекло къ себѣ суровое ученіе Антисѣена. Но въ то время философъ находился въ самомъ мизантропическомъ расположеніи духа; смерть любимаго учителя, Сократа, сдѣлала его угрюмѣйшимъ изъ смертныхъ; онъ не хотѣлъ слышать о новыхъ ученикахъ, и когда назойливый дѣлатель фальшивой монеты подошелъ къ нему во второй разъ съ просьбою о принятіи его въ ученики, Антисѣенъ замахнулся своею знаменитою дубиною. Но Діогенъ не уклонился отъ удара и сказалъ: «Ты не найдешь дерева, довольно крѣпкаго, чтобы прогнать меня, пока я не насыщусь твоимъ ученіемъ». Эти слова согнали тучи съ чела философа. Діогенъ получилъ позволеніе остаться при немъ и сталъ его вѣрнѣйшимъ ученикомъ. Онъ отказался отъ состоянія, которымъ былъ обязанъ своему постыдному промыслу, и безпрестанно придумывалъ себѣ новыя лишенія, обнаруживая въ этомъ дѣлѣ изумительную изобрѣтательность. Первое время у него еще былъ рабъ Манесъ; но когда Діогенъ сталъ навязывать ему свои правила касательно неимѣнія потребностей и мало по малу отъ теоріи началъ переходить къ практикѣ, рабъ бѣжалъ; новому ученику Антисѣена совѣтовали отыскивать его, но онъ отвѣтилъ: «Было бы смѣшно, если бы Діогенъ нуждался въ Манесѣ, тогда какъ Манесъ не нуждается въ Діогенѣ.» Нѣкоторое время у него еще было постоянное жилище, но юный философъ скоро отказался и отъ него, чтобы не быть связану ничѣмъ; послѣ онъ проводилъ ночи въ открытыхъ портикахъ, называя въ насмѣшку своимъ жилищемъ Пареонъ, храмъ «богини-дѣвы»; иногда ночевалъ на дворѣ храма матери боговъ, которая въ Аѳинахъ была тождественна съ Деметрою; тамъ ему служила ночлегомъ большая бочка, лежавшая въ храмѣ богини (въ т. н. метроонѣ). Преданіе, сдѣлавшее изъ этой бочки постоянное подвижное жилище философа, который будто бы перекатывалъ ее за собою съ мѣста на мѣсто, это преданіе образовалось въ позднѣйшее время; припоминали, что во дни осады Аѳинъ, бывшей въ пелопоннесскую войну, многіе изъ осажденныхъ жили въ большихъ сосудахъ, и предполагая

то же о Діогенѣ, соединили въ своемъ представленіи Діогена и его бочку, какъ устрицу и раковину. Въ дѣйствительности же такой странщій ночлегъ избирался имъ не постоянно, о чемъ онъ прямо говорилъ въ своихъ письмахъ, и бочка, лежавшая въ метроонѣ, попала туда не случайно и не была положена самимъ философомъ, но, по словамъ Діогена Лаэртскаго, сохранялась тамъ съ особенною цѣлью. По всей вѣроятности, она должна была быть символомъ мионической связи между Деметрою и богомъ вина. Во всякомъ случаѣ, она только изрѣдка давала ночной пріютъ Діогену. — Что касается до головы и ногъ, то онъ совершенно обнажалъ ихъ; онъ также отбросилъ нижнее платье (хитонъ), какъ совершенно излишнее, и въ холодную пору надѣвалъ только плащъ на подбойкѣ¹; это былъ знаменитый двойной трибонъ, *διπλοῖς, διπλοῦν ἕμα*, какъ его называли въ эпиграммахъ; онъ былъ въ послѣдствіи непременною принадлежностью каждаго, кто только принадлежалъ къ Діогеновой школѣ. Этого мало; онъ отыскивалъ самыя крайнія средства для того, чтобы закалить свое тѣло, пріучить его къ той безчувственности, для которой, по видимому, былъ назначенъ отъ природы его крѣпкій организмъ. Лѣтомъ онъ зарывался въ горячій песокъ; зимою обнималъ бронзовые и мраморныя столбы, прижимая ихъ къ своей груди, доколь могъ выносить ихъ холодъ. Мало по малу онъ дошелъ до того, что не имѣлъ нужды въ огнѣ, отказываясь въ благотворныхъ дѣйствіяхъ той стихіи, съ помощью которой Промееей, по греческому мнѣю, возмогъ освободить человечество отъ боговъ; но философъ по своему пользовался въ практической жизни этимъ мнѣемъ, по которому Зевсъ отнимаетъ у людей пламя; онъ говорилъ: сами боги не желаютъ, чтобы люди пользовались огнемъ. Въ слѣдствіе этого онъ пробовалъ питаться растеніями, даже одними листьями, ѣлъ сырое мясо, преимущественно морскихъ рыбъ, — пищу не совсѣмъ удобоваримую, но онъ говорилъ: мы находимъ же, что устрица невареная и даже живая пріятно щекочетъ небо; почему же не употреблять въ такомъ видѣ и другихъ морскихъ тварей? Известно также, что увидѣвъ мальчика, черпавшаго воду изъ источника полюю горстью и клавшаго овощи въ выдолбленный хлѣбъ, онъ бросилъ деревянную чашку и блюда, которыя носилъ дотолъ въ антисееновской котомкѣ. У него не было часа, назначеннаго для обѣда; гдѣ ему случалось добыть что нибудь для утоленія своего голода, часто мучительнаго, тамъ онъ и поѣдалъ свою пищу, хотя бы это случалось на площади, къ немалому смущенію аттическихъ щеголей и людей хоро-

¹ Смирять одѣвался одинакикъ образомъ во всякое время года.

шаго тона. «А почему же мнѣ не вѣсть на площади, говорилъ онъ, когда я голодалъ на площади? Голодъ на улицѣ вамъ кажется приличнымъ, а средство противъ него неприличнымъ». Почти невѣроятно, сколь малымъ онъ могъ быть доволенъ; но вѣдь вся жизнь его была оправданіемъ правилу, которое можно назвать сократовскимъ и антисеновскимъ вмѣстѣ: «богамъ прилично не имѣть нужды ни въ чемъ; людямъ, желающимъ уподобиться богамъ, прилично имѣть нужду въ немногемъ». Далѣе онъ говорилъ: «бѣдность есть самоучка-помощница философіи», и еще: «богатые, по большей части, подобны плодовинымъ деревьямъ и винограднымъ лозамъ, которыя растутъ на крутыхъ неприступныхъ скалахъ, и которыхъ плоды и ягоды въ пользу не людямъ, а воронамъ; такъ и ихъ богатство въ пользу только паразитамъ да льстецамъ да куртизанкамъ». Въ своихъ «Диатрибахъ» онъ говорилъ: «для людей, пользующихся благосостояніемъ, жизнь вождельнна, и смерть мрачна, но страждущіе ожидаютъ своей кончины съ радостью», и въ другомъ мѣстѣ: «аристократы суть тѣ, которые презираютъ богатство, почести, удовольствія и жизнь, и возвышаются надъ тѣмъ, что составляетъ противоположность имъ: надъ бѣдностью, низкимъ положеніемъ, страданіями и смертью.» Къ угнетеніямъ плоти онъ присоединялъ и нравственныя истязанія, напр. не скрывалъ того, что нѣкогда занимался позорнымъ ремесломъ; напротивъ, онъ открыто сознавался въ этомъ, какъ въ грубомъ пороку, даже упоминалъ о томъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, и сказалъ человѣку, укорявшему его въ этомъ грѣхѣ юности: «да, въ свое время и я былъ такой же плутъ, какъ ты; только, кажется, ты не намѣренъ сдѣлаться тѣмъ, что я теперь». Подобными же средствами пытался онъ освободиться отъ честолюбія. Съ непостижимымъ злорадствомъ къ самому себѣ принималъ онъ всякой отказъ въ своей просьбѣ; съ радостью хватался за все, что могло нанести ему нравственное пораженіе, отъ котораго ему потомъ пришлось бы оправляться, и чѣмъ больше было свидѣтелей такого пораженія, тѣмъ дѣйствительнѣе казалось оно ему. Такъ однажды у него достало духа просить Афинянь о томъ, чтобы они поставили ему статую за его заслуги, которыя, по его собственному признанію, состояли вовсе не въ такихъ дѣлахъ, за какія дотомъ бывала наградою статуя. Разумѣется, онъ добивался не ее — онъ былъ слишкомъ далекъ отъ подобнаго тщеславія — ему былъ нуженъ только тотъ публичный отказъ, который онъ принялъ съ радостью, потому что онъ былъ выраженъ самымъ насмѣшливымъ образомъ; ему нужно было подвергнуться еще новой насмѣлкѣ со стороны гражданъ, еще пбвому доказательству ихъ презрѣнія, послѣ многихъ другихъ; а между тѣмъ онъ могъ также

посмѣяться про себя надъ Аѳинянами, которые думали, что его можетъ огорчить отказъ въ статусъ.

Впрочемъ ему должно отдать справедливость въ томъ, что его тѣлесный и нравственный аскетизмъ никогда не выражался гнуснымъ перашествомъ: онъ постоянно употреблялъ мази; Аѳендоръ рассказывалъ, что его кожа была всегда достаточно умащена и даже отсвѣчивала; известны также его выговоры банщикамъ, когда онъ находилъ ихъ не довольно опрятными. Такъ онъ спросилъ у одного изъ нихъ, когда тотъ ввелъ его въ грязную баню: «Ну, а гдѣ же потомъ отмываютъ тѣхъ, которые здѣсь моются?» Юморъ былъ его всегдашнею принадлежностью, и какъ бы онъ ни былъ грустенъ, у него всегда было наготовѣ острое словцо, которымъ онъ развѣселялъ себя и другихъ. Онъ сыпалъ на обѣ стороны такъ называемыя «хрип», поговорки, иногда юмористическія, по большей части глубокомысленныя, перешедшія въ стоическую школу изъ кинической; эту непринужденную рѣчь (*παρρησία*) почиталъ онъ лучшимъ благомъ своей жизни.

Благодаря тому же юмору, угловатый и потому отталкивающій образъ киника пріобрѣтаетъ нѣкоторую любезность. «Счастіе, по его словамъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть веселымъ и ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ обстоятельствахъ не предаваться тоскѣ.» Такъ рассказываютъ, что однажды на одномъ изъ большихъ аѳинскихъ праздниковъ, на которомъ всѣ пировали, всѣ были довольны и разговорчивы, нашъ философъ сидѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ; была ли тому причиною скудность пищи или еще что нибудь другое; можетъ быть онъ думалъ, что когда нибудь у него не станетъ силъ для такой вѣчной діеты, — мы не знаемъ.... Вдругъ мышь подкралась къ ногамъ задумавшагося Діогена и начала подбирать крошки, упавшія отъ его хлѣба: «Э! сказалъ онъ, если Діогенъ можетъ даже кормить лизоблюдовъ, то его бѣды еще не слишкомъ велики». Юморъ былъ врожденнымъ качествомъ философа, что можно видѣть по выраженію профиля его лица; онъ его развилъ въ обществѣ веселыхъ людей, которые собирались въ Кynosаргъ, и къ которымъ онъ всегда охотно приставалъ, благодаря своему шутивому нраву; но можетъ быть, еще больше развилъ онъ въ себѣ это качество тѣмъ глубокимъ состраданіемъ къ недостаткамъ человѣческой природы, которое въ духѣ могучемъ, способномъ къ сильнымъ ощущеніямъ, должно было необходимо вызывать иронию. А отъ этой ироніи, бывшей, по той же причинѣ, неотъемлемою собственностью Сократа, произошелъ, какъ отродіе, нѣсколько суровое, — киническій юморъ. Благодаря ему, Діогенъ ожи-

былъ кинисмъ, который, безъ сомнѣнiя, не могъ долго существовать, сохраняя увылый характеръ, сообщенный ему Антисѣеномъ; Дiогенъ далъ кинису собственное, жизненное начало.

Первое время своего пребыванiя въ Афинахъ Дiогенъ былъ занятъ, исключительно собою, именно утверждениемъ себя въ аскетисмъ; ему некогда было думать объ учрежденiи собственной школы, съ цѣлью распространять идеи, свои и своего учителя Антисѣепа. Никакъ нельзя думать, чтобы онъ еще при жизни послѣдняго намѣревался завести школу въ томъ же мѣстѣ, гдѣ училъ самъ Антисѣенъ. Правда до насъ дошло извѣстiе, что Онесикритъ эгинскiй съ двумя сыновьями были его послѣдователями еще въ Афинахъ; но этимъ никакъ нельзя доказать, что Дiогенъ открылъ тогда школу. Что касается до извѣстiя, будто бы Фокiонъ былъ его ученикомъ, то оно оказывается совершенно ложнымъ, ибо Фокiонъ былъ приверженцемъ академiи; къ такому мнѣнiю могла подать поводъ развѣ только его наружность. Есть даже свидѣтельство, что когда учитель Дiогена былъ боленъ при смерти, онъ пришелъ къ нему съ кивжаломъ и совѣтовалъ Антисѣену однимъ ударомъ прекратить свои страданiя. Но тотъ отвѣчалъ: «я хочу избавиться не отъ жизни, а отъ недуга». Упомянутый совѣтъ еще нисколько не находится въ соответствiи съ знаменитою въ послѣдствiи апатiею Дiогена, не трусившаго ни передъ какими страданiями, какъ это можно ясно видѣть изъ отвѣта, который онъ далъ въ другое позднѣйшее время человеку, явившемуся къ нему съ подобнымъ же предложенiемъ¹. Напротивъ, его философское сознание, вмѣстѣ съ приверженностью къ Антисѣену, обнаруживались въ Афинахъ только отрицательно, въ антипатiи къ другимъ школамъ, болѣе же всего къ школѣ Платона, котораго онъ укорялъ въ тщетной умозрительности. Такъ рассказываютъ, что разъ, когда Платонъ желалъ объяснить сущность своихъ идей и взялъ для примѣра два слова собственного изобрѣтенiя, которыя можно перевести по-русски подобными же неологизмами: «стольность» и «чашность», въ смыслѣ отвлеченныхъ понятiй стола и чаши, — Дiогенъ, сходявшiйся во мнѣнiи объ этомъ съ Протагоромъ, внутренне посмѣялся надъ Платономъ и сказалъ съ огорченiемъ, вѣроятно комическимъ: «столь-то и чашу я вижу; но, вѣрно, во всю жизнь не приведется мнѣ увидѣть стольности и чашности!» Это, по всей вѣроятности, было въ раннемъ началѣ его философскаго подвижничества, и Платонъ былъ правъ, отвѣтивъ ему такими словами: «Если ты видишь чашу и столъ, значить у тебя есть глаза; если же ты не сознаешь стольности и чашности, значить, у тебя нѣтъ разума».

¹ Влiатъ X, II.

Въ другой разъ онъ говорилъ Платону, что онъ вѣроятно забылъ о законахъ въ своей «Республикѣ», такъ какъ онъ потомъ дочелъ же нужнымъ писать о законахъ отдѣльно. Однажды, когда онъ просилъ у знаменитаго философа трехъ смоквъ изъ его сада, а тотъ прислалъ ему ихъ цѣлую мѣрку, Диогенъ сказалъ: «Вотъ онъ всегда таковъ; вмѣсто простаго отвѣта, котораго отъ него желаютъ, онъ вѣчно наговаривать кучу вещей, о которыхъ его не спрашиваютъ». Еще известнѣе исторія о квази-Платоновомъ опредѣленіи чловѣка. Рассказываютъ, будто бы Платонъ выразился такимъ образомъ: «Чловѣкъ есть двуногая тварь безъ перьевъ». Тогда Диогенъ явился въ его аудиторію съ опципанымъ пѣтухомъ и указалъ на него слушателямъ, говоря: «Глядите, вотъ Платоновъ чловѣкъ». Философъ увидѣвъ со стыдомъ, какъ было неловко его опредѣленіе и постыжился исполнить его такимъ образомъ: «Чловѣкъ есть двуногая тварь безъ перьевъ и съ гладкими ногтями». По видимому никто не рѣшался или не сумѣлъ возражать далѣе, потому что скептикъ Секстъ Эмпирикъ приводитъ послѣднее выраженіе, какъ дѣйствительно платоновское, но присоединяетъ къ нему еще слѣдующія слова: «способная къ гражданской жизни», такъ что эта пресловутая фраза, неоднократно исправленная, имѣетъ наконецъ у него такой видъ: «Чловѣкъ есть двуногая тварь, безъ перьевъ, съ гладкими ногтями, способная къ гражданской жизни». Разумѣется, въ Платоновыхъ сочиненіяхъ нѣтъ и слѣда подобнаго нелѣпаго опредѣленія; одинъ собиратель, не отличающійся смысломъ, ставитъ его въ концѣ подложныхъ сочиненій, приписываемыхъ Платону; здѣсь оно имѣетъ еще другой, новый видъ: «Чловѣкъ есть двуногая тварь, безъ перьевъ, съ плоскими ногтями, пользующаяся даромъ разума и науки». Но если вспомнимъ, что смѣшная фраза, записанная Секстомъ Эмпирикомъ, можетъ быть очень легко и только съ малыми измѣненіями переложена въ ямбическій триметръ¹, то весьма естественно будетъ предположить, что вся эта исторія есть выдумка какого-нибудь аттическаго комика. Какъ Платоновъ учитель Сократъ за свое ученіе былъ выведенъ на сцену и безжалостно осмѣянъ Аристофаномъ, такъ въ послѣдствіи подобнымъ же ударамъ подвергся и самъ Платонъ, не только отъ Аристофана, но и отъ Теопомпа и Аристофонта, и потому объясненіе наше ни въ какомъ случаѣ не представляетъ большой несообразности. Намъ кажется, что комика можно узнать даже по слову: *πλατυώνυχος*, въ звукъ котораго есть намекъ

¹ Ζῷον δίπουν ἀνθρακός ἔστιν, ἀτερόν,
πλατυώνυχον, καὶ δακτύλον πολιτικῆς.

на имя Платона. Какъ бы то ни было, этотъ анекдотъ есть все-таки одно изъ доказательствъ Диогеновой антипатіи къ основателю академіи, ибо, въ противномъ случаѣ, по какому праву комикъ заставилъ бы его опровергать Платонову философію? — Впрочемъ онъ возставалъ не только противъ этой школы, но и противъ Эввида и Мегариковъ и нѣкоторыхъ другихъ. По видимому, онъ употреблялъ для опроверженія всѣхъ ихъ одинаковые приемы; такъ напр. элеатскимъ философамъ, не признававшимъ движенія, онъ не противопоставилъ другаго возраженія, кромѣ того, что началъ ходить передъ ними мѣрнымъ шагомъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова. Касательно его мнѣнія объ Аристотелѣ, до насъ дошли его слова, въ которыхъ онъ противопоставляетъ свою свободу зависимости перипатетика отъ двора царя Филиппа: «Аристотель обѣдаетъ, когда царю Филиппу вздумается; Диогенъ ѣстъ, когда Диогенъ заблагорасудитъ.» Аристотель также посмѣивался надъ хриями книжка.

Къ сказанному выше относительно Диогенова пребыванія въ Афинахъ мы можемъ присовокупить только слѣдующее извѣстіе стоика Діонисія. Диогенъ участвовалъ въ херонейской битвѣ, былъ взятъ въ плѣнъ Македонянами и приведенъ къ самому Филиппу. Царь спросилъ его: для чего ты поднимаешь противъ меня оружіе?—Для того, отвѣчалъ смѣло философъ, чтобы быть свидѣтелемъ твоей ненасытности. Царь былъ такъ пораженъ этимъ книжескимъ прямодуціемъ, что отпустилъ Диогена невредимымъ. Если справедливо извѣстіе, которое впрочемъ мы не признаемъ за справедливое, будто бы Диогенъ умеръ въ одинъ день съ Александромъ Великимъ, на девяностомъ году жизни, то свидѣтельствомъ объ участіи его въ битвѣ, роковой для его родины, опровергалось бы само собою, потому что въ такомъ случаѣ въ эпоху херонейскаго дѣла философъ долженъ былъ имѣть болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду; но съ этимъ нельзя согласиться и по другимъ причинамъ¹. Равно и прямодушіе философа передъ побѣдоноснымъ царемъ, хотя само по себѣ и совпадаетъ со всѣмъ, что мы знаемъ о нравственномъ характерѣ его, но оно лишено юмора и остроты тѣхъ приправъ, безъ которыхъ не могла обойтись рѣчь Диогена, особенно же передъ государемъ, поднимавшимъ и цѣдившимъ афинскую шутку. Впрочемъ самый фактъ участія философа въ знаменитой битвѣ не можетъ быть заподозранъ, ибо стоикъ Діонисій, ученикъ Геракліда Понтійскаго и землякъ Геракліда и Диогена, жилъ до времена, весьма близкія къ последнему и потому не могъ безвакантно распространять о немъ ложныя извѣ-

¹ Diog. L. VII. 37.

стія. Что же касается до свиданія съ нимъ Филиппа, то Діонисій могъ выдумать этотъ анекдотъ, для того, чтобы выставить киника передъ Филиппомъ въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ онъ выступилъ впоследствии передъ его сыномъ Александромъ.

Вскорѣ послѣ херонейской битвы Діогенъ покинулъ Аѳины, вѣроятно побужденный къ тому тогдашнимъ политическимъ движеніемъ въ городѣ; онъ попался въ руки морскихъ разбойниковъ, — сохранилось даже имя ихъ предводителя: Скирпаль, — они отвезли его въ Критъ и продали тамъ одному богатому Коринѳянину, по имени Ксеніаду. При этой продажѣ, о которой говорили въ особенныхъ сочиненіяхъ Гермиппъ и Эвбулидъ, были нѣкоторыя замѣчательныя обстоятельства, проливающія свѣтъ на характеръ Діогена. Былъ обычай при продажѣ рабовъ громкимъ голосомъ повѣщать публику о ихъ знаніяхъ. Когда Діогена спросили о его ремеслѣ, онъ отвѣчалъ: «я умѣю господствовать надъ людьми». Въ это время проходилъ мимо Ксеніадъ въ роскошномъ платьѣ. «Продай-ка меня этому человѣку, сказалъ Діогенъ пирату; кажется, ему нуженъ господинъ». Ксеніадъ дѣйствительно купилъ его, отвезъ съ собою въ Коринѳъ и поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей. Діогенъ сохранилъ званіе раба до самой своей смерти, послѣдовавшей на девяностомъ году жизни; онъ ни разу не выразилъ желанія измѣнить свое положеніе, почитая себя обязаннымъ равнодушно переносить все, что посылала ему судьба, и даже самое рабство, этотъ бичъ древняго міра; къ тому же господинъ его былъ человѣкъ кроткій и умный, а рабъ обладалъ неизсякаемымъ юморомъ. Когда друзья желали его выкупить, онъ побранилъ ихъ за то, что они хотятъ попусту тратить деньги. «Съ тѣхъ поръ, какъ Антисеенъ освободилъ меня, сказалъ онъ, я пересталъ быть рабомъ.» Дѣятельность его въ Коринѳѣ была разнородная. Впервыхъ, со всѣмъ жаромъ и съ полнымъ умѣнемъ онъ занялся образованіемъ юныхъ сыновей своего господина. «Воспитателя, говорилъ онъ, я сравню съ гончаромъ; мягкой глинѣ его нѣжная и вмѣстѣ твердая рука можетъ дать прекрасную форму; но какъ скоро глина обожжена, это становится невозможнымъ». Онъ заботился о тѣлесномъ развитіи дѣтей, занималъ ихъ гимнастикой, чтобы укрѣпить ихъ силы, не желая однакожь сдѣлать изъ нихъ атлетовъ; приучалъ ихъ ко всякой домашней работѣ, давалъ имъ самую умѣренную пищу и пилъ одною водою; они прохаживались съ нимъ по улицамъ безъ нижняго платья и обуви, какъ маленькіе киники, завернувшись въ философскіе плащики, съ скромнымъ видомъ, погруженные въ себя. Но рядомъ съ этимъ онъ велъ и умственное образованіе ихъ, сообщая имъ основныя идеи своей практической

философѣн. Такимъ образомъ между работъ и молодыми господами, между учителемъ и учениками, завязалась духовная связь, продолжавшаяся до смерти философа. Все это какъ нельзя лучше доказываетъ его даровитость. Ксеніадъ любилъ говорить, что вмѣстѣ съ Діогеномъ въ его домъ поселился добрый геній. Но киникъ не думалъ ограничивать своей дѣятельности однимъ домомъ. Онъ ежедневно ходилъ въ Краніонъ, прекрасное коринтское предмѣстье, имѣвшее видъ парка, въ которомъ высокія деревья и тѣнистые гроты смѣнялись светлыми лужайками, и котораго лучшимъ украшеніемъ былъ знаменитый неизсякаемый источникъ Пирене. Тамъ былъ гимнасій, и философъ имѣлъ случай передавать свое ученіе юношамъ, собиравшимся въ немъ. Въ Краніонѣ происходила пресловутая краткая бесѣда философа съ Александромъ Великимъ въ то время, когда всѣ Греки, собравшіеся на Исѣмъ, признали молодаго царя вождемъ въ войнѣ противъ варваровъ, въ той войнѣ, которой онъ былъ обязанъ господствомъ надъ всѣмъ древнимъ міромъ. Какъ скоро оба лица, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ одномъ городѣ, нельзя было сомнѣваться, что ученикъ Аристотеля не пройдетъ въ Краніонъ безъ вниманія мимо прославленнаго киника, а послѣдній будетъ разговаривать съ царемъ, какъ со всѣми, безцеремонно и смѣло. Вообще, вѣроятно, было много интереснаго въ этой встрѣчѣ юнаго героя съ посѣдѣлымъ философомъ-нищимъ, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ Діонисій Младшій, лишившись власти, въ учительствѣ и подъ часъ въ нищенствѣ искалъ забвенія своего прежняго счастья. Но подробности упомянутаго свиданія требуютъ строгой критики. Одинъ рельефъ виллы Альбани въ Римѣ изображаетъ царя, разговаривающаго съ Діогеномъ, котораго ноги помѣщены въ бочкѣ; а для указанія на то, что фигура, стоящая въ старой поврежденной бочкѣ, есть никто другой, какъ знаменитый киникъ, тутъ же находится собака, оскалаившая зубы. Въ позднѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ говорится даже, что царь въ порывѣ взумленія воскликнулъ: «О бочка, исполненная духа!» Но когда же бочка была Діогеновымъ жилищемъ въ Коринѣ? Здѣсь философъ имѣлъ постоянное помѣщеніе въ домѣ своего господина, и было бы слишкомъ чудно съ его стороны, если бы онъ завелъ въ Краніонъ бочку, для того, чтобы изъ нея, какъ изъ собачьей конуры, разговаривать съ людьми; онъ былъ всегда далекъ отъ такого пошлаго хвастовства. Есть еще другой рассказъ о бесѣдѣ Александра съ Діогеномъ. Говорили, что царь разбудилъ спавшаго философа Гомеровымъ стихомъ, въ которомъ дѣло идетъ объ Агамемнонѣ:

Ночи во еяѣ проводить подобаетъ ли мужу свѣта?

Книжки, въ просонкахъ, протирая глаза, отвѣчалъ стихомъ слѣдующимъ за этимъ:

Кому вѣрено столько наряда и столько заботы.

Онъ перевелъ такимъ образомъ обязанность бдѣннѣ съ себя на царя. Такъ какъ книжкѣ не оставалъ своего покойнаго положенія, то Александръ будто бы спросилъ его: «Развѣ ты не боишься меня?» Философъ отвѣчалъ: «Ты что нибудь доброе или злое?» Александръ сказалъ: «Доброе.» — «Такъ чего же бояться добраго?» — Но что за глупая мысль утверждать, будто Александръ, ученикъ Аристотеля, хотѣлъ напугать философа, какъ малаго ребенка?

Есть еще и третій анекдотъ подобнаго же рода, а именно, будто Александръ сказалъ философу: «Требуй отъ меня, чего желаешь», а тотъ отвѣчалъ: «Ну, такъ покажься не заслоняй мнѣ солнца.» — Такой отвѣтъ очень шелъ бы къ какому нибудь лазарони, но не къ Диогену. Старикъ, завалившій себя противъ вліяній холода и жара, едва ли находилъ большое наслажденіе въ томъ, чтобы грѣться на солнышкѣ, а въ приведенныхъ словахъ есть жалоба на прерванное наслажденіе. Впрочемъ имъ можно приписать другой, болѣе глубокий смыслъ и истолковать ихъ такимъ образомъ: «Видь великаго бога Геліуса для меня пріятнѣе, чѣмъ твой.» Наоборотъ слова, сказанныя царемъ послѣ разговора съ книжкомъ, заключаютъ въ себѣ глубокую правду. Рассказываютъ, что онъ выразился такъ: «Если бы я не былъ Александромъ, я желалъ бы быть Диогеномъ.» Александръ, обладавшій всѣмъ, и Диогенъ, не имѣвшій ничего, но и не нуждавшійся ни въ чемъ, это были двѣ крайности, достойныя другъ друга; они могли признавать достоинства одинъ другаго и быть другъ для друга живымъ урокомъ, хотя нечего думать, чтобы книжкѣ могъ сдѣлать изъ молодого государя своего ученика. Впрочемъ у него было не мало послѣдователей въ Коринѣ. Въ числѣ ихъ были: Мониимъ, рабъ одного коринѣскаго мѣняльш; послушавши ученія Диогенова, онъ выбросилъ за окно всѣ деньги своего господина, какія только могъ захватить въ свои руки; за нимъ слѣдуютъ Менаандръ, Гегесей, Филискъ. Особенно заслуживаетъ упоминанія Кратесъ Фивавскій. Воодушевленный словомъ и примѣромъ философа, онъ подѣлилъ свое значительное имущество между согражданами и обрекъ себя на добровольную Диогеновскую бѣдность. Въ него была влюблена одна прекрасная дѣвушка, Гиппархія по имени, готовая съ радостію раздѣлить его нищету. Но Кратесъ не хотѣлъ связывать себя ни чѣмъ, и такъ какъ она не отставала отъ него, то онъ сложилъ свою котомку и посохъ у ея ногъ и сказалъ: «Гляди на своего жениха и на его имущество; ты вступаешь въ союзъ, который

сулить тебѣ суровую долю.» Она не измѣнила своего настрѣнія и съ той минуты никогда не покидала его. — Уже изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что Діогенъ владѣлъ изумительнымъ даромъ убѣжденія. Но и такой кругъ дѣятельности не удовлетворялъ его; онъ старался распространять свое ученіе на всѣхъ мѣсть своей земли. Иногда онъ прибѣгалъ и къ писму, какъ единственному средству сохранить въ чистотѣ свое ученіе для потомства; но вообще онъ занимался сочиненіями неохотно, почитая своимъ дѣломъ только устную рѣчь и собственный примѣръ. Когда Гегесій просилъ у него его сочлененій, онъ отвѣчалъ: «отравно желать рисованныхъ плодовъ, когда есть живые». До насъ не дошли его творенія, но, вѣроятно, форма ихъ была такая же какъ и его устного ученія; безъ сомнѣнія, они отличались не научнымъ изложеніемъ, а юморомъ и остроуміемъ. Онъ почиталъ хрию убѣдительною формою рѣчи, съ тѣхъ поръ какъ краткія изреченія въ Дельфахъ произвели на него такое сильное дѣйствіе. Онъ продолжалъ свою разнообразную дѣятельность до самой глубокой старости, оставаясь по конецъ дней вѣрнымъ самому себѣ. Онъ былъ уже близокъ къ гробу, когда ему совѣтовали пощадить себя и покинуть суровый образъ жизни; онъ сказалъ: «я почти добѣжалъ до цѣли, и вдругъ мнѣ остановиться?» Не хочется повторять двухъ пошлыхъ преданій касательно его смерти: во-первыхъ, будто бы онъ скончался отъ холеры, случившейся въ слѣдствіе того, что онъ оглодалъ сырую бычачью погу; во-вторыхъ, будто бы онъ до тѣхъ поръ удерживалъ дыханіе, пока не задохся. Другое значеніе имѣетъ расказъ, что Діогенъ, приближаясь къ концу, просилъ своихъ друзей бросить его по смерти въ рѣку Илиссъ, дабы и тогда онъ могъ быть полезенъ своимъ братьямъ. Есть мнѣніе, что подъ братьями онъ разумѣлъ рыбъ, которымъ хотѣлъ завѣщать свой трущъ. Но какъ же можно было дать рыбамъ такое названіе? Скорѣе можно думать, что въ текстѣ Діогена Лаертскаго вмѣсто имени рѣки, которая впадаетъ въ море въ нѣсколькихъ миляхъ на западъ отъ Коринѳа, слѣдуетъ поставить какое нибудь другое слово и подъ братьями кинника разумѣть ни болѣе ни менѣе какъ собакъ. Если это справедливо, то старый юмористъ не измѣнилъ себѣ и у двери гроба. — Однажды утромъ нашли девяностолѣтняго старика лежащимъ въ Краніонѣ; онъ былъ закутанъ въ свой изношенный плащъ и казался спящимъ или размышляющимъ; подошли ближе и увидѣли, что онъ умеръ тихо и спокойно. Долгое неослабное подвижничество въ жизни облегчало ему послѣдній тяжкій шагъ, ведущій донѣ изъ жизни; онъ оправдалъ собственнымъ примѣромъ свою поговорку, что лучшее дѣй-

ствие человеческой свободы состоитъ въ томъ , чтобы охотно умереть. — Весь Коринѣвъ былъ на его послѣднихъ проводахъ.

Въ заключеніе постараемся представить въ связи ученіе его о нравственности , государствъ и семействъ. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что ему было недоступно всякое высшее умозрѣніе; онъ былъ совершенно односторонній, чисто-практическій философъ; бралъ предметомъ своего мудрствованія только человека, не помышлялъ много о природѣ и божествѣ. Онъ выразился однажды очень оригинально объ ограниченности своихъ знаній. Ему сказали: «Ты, невжда, хочешь быть философомъ?» — онъ отвѣчалъ: «Если даже я только любезничаю съ мудростью, то уже любомудрствую.» Онъ отвергалъ вполне народную религію своей родины, какъ публичную, такъ и мистеріи; но его понятія о божествѣ остались неизвѣстными для насъ. «Все полно божествомъ», говорилъ онъ; въ этихъ словахъ какъ будто слышится смутный и довольно грубый пантеизмъ. Ему приписывается еще другой натурфилософскій афоризмъ: «Все существуетъ во всемъ черезъ все». Намъ извѣстно только примененіе этой мысли къ насущному хлѣбу; по его понятію , хлѣбъ заключается и въ мясѣ и въ капустѣ , ибо каждое тѣло принимаетъ въ себя своими тончайшими порами тончайшія истеченія другихъ тѣлъ , такъ что въ каждомъ кускѣ мы вкушаемъ по немногу всего: въ черствомъ хлѣбѣ атомы вкуснѣйшихъ пастетовъ, въ чистой водѣ частицы хорошихъ винъ; нужно только умѣть отыскать ихъ своимъ вкусомъ; къ тому же и дѣйствіе всѣхъ кушаньевъ одинакое , а именно насыщеніе; что же касается до желудка , который онъ называлъ Харибдою, то Харибда охотно принимаетъ все , что только миновало опасный гортанный проходъ, лишь бы не забывали начинать ее почаше. Если вышеприведенный афоризмъ былъ одною изъ основныхъ мыслей его ученія, и если онъ радомъ съ вѣчнымъ добромъ, заключающимся въ божествѣ, которое наполняетъ все, ставилъ зло, то, по его ученію, часть этого зла должна присутствовать во всемъ; въ каждомъ гениѣ долженъ быть грань глупости или сумасбродства, въ каждой истинѣ частица лжи, въ каждомъ заблужденіи доля правды. Въ самомъ человекѣ онъ принималъ безусловно связь добра и зла и въ этомъ отношеніи сравнивалъ его душу съ спѣлымъ гранатнымъ яблокомъ, въ которомъ безчисленное множество зеренъ и очень часто свѣжихъ; но нѣтъ спѣлаго граната, въ которомъ не нашлось бы хотя одного гнилаго зерна; и наоборотъ въ самомъ гниломъ плодѣ можно отыскать нѣсколько свѣжихъ зеренъ. Вся его этика заключалась въ томъ, чтобы укрѣпить въ человекѣ добро и по возможности истощить и выморить зло, вслѣдствіе чего онъ постоянно держалъ свое тѣло въ осадномъ

положеніи. Изгнать окончательно зло изъ чловѣка невозможно, какъ невозможно отучить себя отъ пищи и питья, какъ бы они ни были скудны: голодъ и жажда посмѣваются надъ нашею этикою. Но онъ почиталъ нужнымъ для укрѣпленія души въ добръ неослабное упражненіе тѣла и души въ разныхъ лишеніяхъ. Постояннымъ упражненіемъ тяжелѣйшее обращается въ легкое. Начинать слѣдуетъ съ пищи. Лакомый столъ вредитъ тѣлу и душѣ и противенъ бѣдности, къ которой провидѣніе предназначаетъ добродѣтельныхъ. Лучшая пища та, которая ближе; чѣмъ изысканнѣе съестное вещество, тѣмъ вреднѣе для чловѣка. Этотъ киническій образъ жизни, въ сравненіи съ которымъ умѣренность нынѣшнихъ обществъ воздержанія есть не болѣе, какъ дѣтская забава, былъ причиною того, что Діогена покидали многіе ученики даже изъ числа тѣхъ, которыхъ привлекала могучая и своеобразная личность философа; испорченные желудки говорили имъ убедительнѣе, чѣмъ онъ.

Его ученіе о государствѣ и семействѣ было еще проще и бѣднѣе нежели его этика. Онъ презиралъ преданія, говоря, что онъ теперъ законный монетчикъ и перечеканиваетъ всѣ людскіе уставы своимъ штемпелемъ. Онъ же первый изъ Грековъ называлъ себя космополитомъ; патриотизмъ былъ чуждъ ему, наравнѣ съ любостажаніемъ. Изъ Синопы онъ былъ изгнанъ или, лучше сказать, бѣжалъ; въ Аѣнахъ не былъ гражданиномъ; въ Коринѣхъ былъ рабомъ. Гдѣ же тутъ быть въ немъ патриотизму? — Онъ ненавидѣлъ публичныхъ витій, называя ихъ тщедушными льстецами и хомопьями народа; особенно нападалъ онъ на Демосѣена: «это демагогъ», говорилъ онъ, и указывалъ на него среднимъ пальцемъ, что почиталось злою насмѣшкою. Онъ изгонялъ изъ своего идеальнаго государства металлическую монету, предлагая замѣнить ее костями животныхъ. Бракъ также не былъ имъ признаваемъ; женщинъ онъ считалъ способными къ такимъ же правамъ, какъ и мужчинъ, обязывая ихъ раздѣлять и добродѣтели послѣднихъ. Но самое неудобноисполнимое изъ всѣхъ требованій Діогена заключалось въ добровольномъ отказѣ отъ собственности, при чемъ онъ вообще не задавалъ себя вопроса, что стало бы съ обществомъ, въ которомъ всѣ члены рѣшились бы нищенствовать по его примѣру. Мудрецъ по жизни, а не по мышленію, онъ принесъ въ жертву тому лишенію, которое проповѣдывалъ, и отраднѣйшую для чловѣка вѣру въ безсмертіе души.

Но что же проливало свѣтъ на это бѣдное, поблеклое и мрачное существованіе, что вносило согревающее дыханіе въ эту холодную пу-

стыню жизни, лишённую всего, что для насъ необходимо, какъ воздухъ необходимъ для дыханія? Одна лишь радость своей могучей воли, той дѣятельной силѣ души, которую Діогенъ могъ, по истинѣ, назвать своею, съ которою онъ жестоко и неумолимо разбилъ всѣ желанія своей юности и въ награду удовольствовался однимъ сознаниемъ победы надъ собою. Эта самая радость не давала умереть его юмору; она даже условливала его возрастаніе съ каждымъ годомъ, и этотъ юморъ, съ другой стороны, дѣлаетъ его любезнымъ и намъ.

Никто, конечно, не возьмётъ себя въ образецъ такого односторонняго, безотраднaго стремленія. Жизнь взыскиваетъ на человѣкѣ гораздо больше, чѣмъ сколько давалъ ей Діогенъ, и Платонъ былъ совершенно правъ, называя его «сумасшедшимъ Сократомъ». Но мы не можемъ не удивляться этой громадной нравственной энергій, которая, даже сосредоточенная на такомъ тѣсномъ попріицѣ, достаточно сильна для того, чтобы обнаружить присутствіе въ человѣческой душѣ божественной искры.... Самому Діогену, правда, эта искра не сіяла, хотя онъ и зажигалъ свой фонарь днемъ.

ДРЕВНЯЯ СИНОПА.

Родина Диогена получила для нас новое значение послѣ недавняго блистательнаго подвига русскаго черноморскаго флота. Вѣроятно читателямъ будетъ пріятно узнать, какія судьбы имѣлъ этотъ городъ въ классической древности.

Синопа была самый значительный, богатый и процвѣтающій городъ между приморскими городами Понта Эвксинскаго. Ея превосходный рейдъ, плодоносіе ближайшихъ окрестностей, вообще счастливая мѣстность, *εὐφύια τοῦ τόπου*, о которой говоритъ Страбонъ, не могли укрыться отъ Грековъ, такъ ловко умѣвшихъ выбирать мѣста выгодныя для торговли и поселеній. Граждане Милета основали здѣсь одну изъ своихъ восьмидесяти колоній, и эта колонія скоро приобрѣла господство на Черномъ-морѣ. Всѣ древніе писатели говорятъ о Синопѣ, какъ о городѣ первокласномъ. Страбонъ называетъ ее самымъ замѣчательнымъ изъ городовъ всего края; Діодоръ, Помпоній Мела, Валерій Флаккъ, даютъ ей эпитеты: славная, великая, богатая, благородная, и еще у византійскаго писателя Франтцеса упоминается «пресловутый городъ Синопскій»².

¹ См. Sengobusch Sinopicarum quaestionum specimen. Berol. 1846. 8°.

² Страб., XII, 545, Діодор. XIV, 31, Мела I, 19, Валерій Флаккъ V, 108, Франтцесъ I, 32. IV, 19.

О мѣстности Синопы обстоятельнѣе другихъ говоритъ Страбонъ, который самъ былъ родомъ изъ Понта и вѣроятно не разъ бывалъ въ Синопѣ. «Это городъ (говоритъ онъ), превосходно устроенный и природою и искусствомъ; онъ лежитъ на перешейкѣ небольшого полуострова; по обѣ стороны перешейка находятся гавани и пристани и удивительныя заведенія рыбной промышленности. Вокругъ полуострова берегъ очень скалистъ; въ немъ много пещеръ, какъ бы пробуравленныхъ въ камнѣ и называющихся на мѣстномъ нарѣчїи *χοιμίδες*¹; эти пещеры наполняются водою, когда море бываетъ высоко. Вслѣдствіе этого и еще вслѣдствіе игловатаго свойства поверхности прибрежныхъ скалъ, по которымъ вовсе нельзя ходить безъ обуви, берегъ Синопскаго полуострова не легко доступенъ. Но дагѣ вверху и выше города почва весьма удобная; окрестности города, особенно ближайшія къ нему, покрыты садами. Самъ городъ отстроенъ прекрасно, украшенъ гимнасіемъ, агорою (форумомъ) и стоями.»

Главная причина процвѣтанія Синопы заключалась въ ея обширной торговлѣ. Море доставляло ея рыболовамъ множество молодой рыбы превосходнаго качества, такъ называемыхъ пеламедовъ. Ихъ ловили въ трехъ мѣстахъ по этому берегу Чернаго-моря: первый ловъ былъ въ Трапезунтѣ, второй въ Синопѣ, третій въ Византіи. Черноморская рыба предпочиталась всякой другой по ея качеству; употребленіе ея было очень велико въ древней Греціи, гдѣ соленая рыба составляла ежедневную принадлежность стола. Не менѣе важна была торговля лѣсомъ, строевымъ и особенно корабельнымъ. Кто не знаетъ понтійской сосны, дочери благороднаго лѣса, прославленной Гораціемъ? Лучшіе корабли строились вездѣ изъ понтійскаго лѣса, а главнымъ мѣстомъ его отправленія была Синопа. Ореховое дерево и особенный видъ ясени, называвшійся сѣндамномъ, вывозились отсюда, какъ любимый матеріалъ для богатой домашней утвари: кроватей, столовъ и пр. Теофрастъ особенно хвалитъ синопскій горный сѣндамнъ; онъ говоритъ о его красивомъ, свѣтломъ цвѣтѣ, о его крѣпости и плотности, и прибавляетъ, что изъ него дѣлаются самыя драгоценныя вещи. Близкая къ Синопѣ страна Халибовъ и Халдеевъ изобиловала желѣзомъ; его доставляли въ Синопу и здѣсь закалывали съ особеннымъ искусствомъ; синопская сталь, *στῆμονα Σινωπικόν*, особенно славилась въ древности. Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть о синопской землѣ, *Σινωπική γῆ* или просто *Σινωπίς*, считавшейся въ древности за лучшую красную краску. Таковы были главные предметы синопской тор-

¹ Это слово собственно значить—штулка у колеса и вообще полый цилиндръ.

говли съ собственною Греціею и другими южными странами. На северъ, и именно въ предѣлы нынѣшней южной Россіи, особенно въ Ольбію и Боспорское царство, шли, кромѣ того, произведенія плодородныхъ полей и многочисленныхъ садовъ синопскихъ. Маслина занимала здѣсь первое мѣсто.

Вообще Синопа была центромъ греческой торговли съ Малою Азіею и северомъ; отъ нея шли торговые пути въ Пафлагонію, Галатію, Каппадокію. Жители ея были хорошіе магросы, и флотъ синопскій былъ одинъ изъ значительныхъ въ древности ¹.

Какъ всѣ богатые и замѣчательные города, Синопа приписывала себѣ глубокую древность. Ея мифическое олицетвореніе, героиня Синопа считалась по однимъ дочерью Асопа и Метопы, по другимъ Арея и Эгины или Парнаассы ². Фебъ Аполлонъ похитилъ ее и увлекъ въ Пафлагонію на южный берегъ Понта Эвксинскаго. Здѣсь она дала свое имя городу Синопѣ и родила сына, Сира, мифическаго представителя племени Сировъ, или Левкосировъ (бѣлыхъ Сировъ), жившихъ въ Каппадокіи, на востокъ отъ Синопы. Интересно, что эта генеалогія приводитъ Синопу въ связь съ горою Парнасомъ и рѣкою Асопомъ. Первая лежала въ Фокидѣ, въ собственной Греціи; именованъ второй назывались четыре рѣки, изъ которыхъ одна самая большая въ Беотіи, другая въ Пелопоннесѣ, третья близъ Термопиль, а четвертая на островѣ Паросѣ. Сказаніе вѣроятно разумѣетъ большую беотійскую рѣку и основано на мѣтвѣнн о беотійскомъ происхожденіи первыхъ колонистовъ города Синопы. Другіе мифы, болѣе распространенные, относятъ основаніе города къ войнѣ Геркулеса съ Амазонками или къ походу Аргонавтовъ. Герой Автоликъ, имѣвшій въ Синопѣ храмъ и оракулъ и считавшійся мифическимъ основателемъ города, былъ по этимъ мифамъ то спутникомъ Іасона въ походѣ за золотымъ руномъ, то однимъ изъ Тессалійцевъ, отправившихся вмѣстѣ съ Геркулесомъ противъ воинственныхъ дѣвъ ³. Имя Автолика значить «самъ волкъ» и относится къ разряду собственныхъ именъ, происходящихъ отъ этого именитаго въ мифологіи лютаго звѣря, весьма многочисленныхъ во всей этой странѣ. Его мифологическое значеніе очень интересно; отцемъ его называютъ то Деимаху, то Эрихтонію, то бога Гермеса ⁴; онъ имѣлъ спо-

¹ Мѣста писателей, говорящихъ о торговлѣ Синопы, можно найти въ приведенномъ выше сочиненіи Зенгебуша.

² Синопа дочь Асопа, Аполлон. Род. II, 973; дочь Асопа и Метопы Диог. IV, 72; дочь Арея и Эгины или Парнаассы. Сход. Аполлон. Род. II, 946. Арей или Марсъ на Востокѣ былъ богъ огня, близкій къ Молоху и Баалу.

³ Такъ говорятъ согласные въ этомъ Аппіанъ XII, 83 и Плут. Лук. 23.

⁴ Аполлон. Род. II, 955 слл.

способность принимать разные образы и изменять видъ и цвѣтъ предметовъ, превращать напримѣръ бѣлое въ черное и на оборотъ. Главная мнѣологическая черта его состоитъ въ томъ, что онъ хитрый хищникъ. Онъ былъ знаменитъ между людьми притворствомъ и клятвами, какъ сказано въ Одиссеевѣ, XIX, 394. Онъ далъ Одиссею его мрачное имя, значащее «гнѣвный». Посѣщая его, Одиссей получилъ отъ вепря ту рану, по которой онъ былъ потомъ узнавъ кормилицей. Вепрь и волкъ, хитрое хищничество, обманчивыя метаморфозы — вотъ представленія, окружающія національнаго героя Синопы и опредѣляющія его характеръ. Надобно полагать, что этотъ кругъ представленій получилъ силу подъ вліяніемъ мѣстныхъ религій сввернаго берега Малой Азіи. На это указываетъ въ особенности множество волчьихъ рѣкъ, эти Ликосы, Ликаты, Ликасты, текущія по этому берегу. Аполлонъ, похитившій Синопу, по всему вѣроятію также былъ Ликейскій Аполлонъ, т. е. волчій. Главнымъ божествомъ Синопы былъ подземный Зезсъ, или Сераписъ. Храмъ его находился внѣ стѣны города и пользовался особеннымъ почтеніемъ. Тацитъ въ 4 книгѣ своихъ «Исторій» (глав. 83 и 84) подробно рассказываетъ о перенесеніи идола этого бога изъ Синопы въ Александрію при первомъ Птолемеевѣ. Нельзя отрицать, что въ этомъ повѣствованіи, которое Тацитъ передаетъ не какъ достоверную истину, а какъ господствующее мнѣніе, есть много невѣроятнаго; но во всякомъ случаѣ оно не могло бы возникнуть, если бы въ Синопѣ не существовало древняго поклоненія божеству, весьма похожему на позднѣйшаго египетскаго Сераписа. По словамъ Тацита иные признавали Сераписа за Эскулапа, но по большей части видѣли въ немъ Плутона — подземное божество¹. Интересныя свѣденія о внѣшнемъ видѣ и окруженіи Сераписа мы находимъ въ Сатурналіяхъ Макробія². На главѣ его стоялъ модій, или калаѣ (мѣра хлѣба); съ правой стороны находилось трехголовое обвитое змѣею животное съ головами льва, собаки и волка, спутникъ страшный и безобразный. Въ параллель къ этому ступнику Сераписа можно привести имена синопскихъ героевъ, послѣдовавшихъ за Аргонавтами. Аполлоній Родосскій и вслѣдъ за нимъ Валерій Флаккъ³ сообщаютъ намъ слѣдующія имена сыновей «почтеннаго Деимахъ»: Деилеонтъ, Автоликъ, и Флогій, т. е. левъ, волкъ и пламя. Синопскій Сераписъ во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ тому же кругу религіозныхъ представленій, какъ и Автоликъ, главный ге-

¹ Значеніе подземнаго божества подтверждается и тѣмъ, что какъ въ Синопѣ, такъ и въ египетскихъ городахъ, для храма Сераписова назначалось мѣсто внѣ города. Тац. Истор. IV, 83, Макроб. I, 7.

² I, 20. стр. 1, 7.

³ Аполлон. Род. II, 955 с.л., Валерій Флаккъ V, 114.

рой Синопы. Гадитъ упоминаетъ, что въ Синопѣ съ Сераписомъ была соединена богиня Прозерпина. Дельфійскій Аполлонъ, спрошенный по-слами Птолемеевыми, повелѣлъ имъ вывезти изъ Синопы Сераписа, котораго онъ назвалъ отцемъ своимъ, и оставить въ Синопѣ Прозерпину, которую онъ призналъ за свою сестру. Изъ этого видно, что синопская Прозерпина была близка къ Артемидѣ или Діанѣ, той дѣвственной и воинственной богинѣ, которой поклонялись во всей восточной части Малой Азіи. Нимфа Синопа также дорожитъ дѣвственностью. Преслѣдуемая Зевсомъ, она обѣщаетъ ему удовлетворить его желаніе, если онъ исполнитъ одну ея просьбу. Получивъ согласіе, она объявляетъ ему, что просьба эта состоитъ въ сохраненіи ея дѣвственности. Такимъ же образомъ, говоритъ Аполоній Родосскій, Синопа обманула и Аполлона и послѣ него рѣку Галисъ¹. Логографъ Гекатей и Скимнъ Хіосскій называютъ Синопу прямо Амазонкой². Известно, что первымъ отечествомъ этого племени воинственныхъ дѣвъ считается у древнихъ страна около Фермодонта, лежащая недалеко на востокъ отъ города Синопы.

Такимъ образомъ въ религіи Синопы мы находимъ два элемента, принадлежащіе Малой Азіи, во-первыхъ поклоненіе хищному и лютomu подземному богу, и во вторыхъ поклоненіе воинственной дѣвственницѣ. Нѣтъ основанія полагать, что эти религіозныя представленія были принесены туда греческими колонистами. Вѣроятно они древнѣе ихъ.

До-греческіе обитатели Синопы мало известны намъ. Скимнъ Хіосскій³ называетъ Сировъ и разумѣетъ подъ этимъ именемъ племя Левкосировъ, упоминаемое въ Каппадокіи многими древними писателями. Преемниками Сировъ были по Скимну три героя, уже упомянутые нами: Автоликъ, Деилеонтъ и Флогій. Скимнъ называетъ ихъ выходцами изъ Тессалии⁴. За тѣмъ прибылъ въ Синопу милетскій колонистъ Амбронъ, котораго убили, по свидѣтельству Скимна, Киммерійцы. Геродотъ также говоритъ, что Киммерійцы заняли то мѣсто, гдѣ послѣ была Синопа.

Господство Киммерійцевъ есть, кажется, первый вѣрный фактъ въ исторіи Синопы. Племя это загадочное и еще не вполне изслѣдованное исторіею. Имя Киммерійцевъ встрѣчается въ Одиссѣе — они живутъ по ту сторону Океана въ глубокомъ мракѣ, не зная благо-

¹ Аполлон, Род. 946—954. Валер. Флаккъ V, 109, слл.

² Гекатей у Схол. Аполл. Род. II, 948, см. Müller's Fragm. historicor. graecor. vol. 1: Hesiod's fragm. 352. Скимн. Хіосск. Фрагм. ст. 205.

³ Фрагм. ст. 206, слл.

⁴ Съ Скимномъ согласенъ и Плутархъ Лукулл. гл. 23.

дательныхъ лучей бога Геліуса. Но нельзя полагать, чтобы они вполнѣ принадлежали баснословнымъ сказаніямъ. Геродотъ свидѣтельствуетъ, что въ его время многія мѣста въ Скиѣи носили имя этого племени. Онъ упоминаетъ о киммерійскихъ степяхъ, о киммерійскихъ гаваняхъ, о странѣ Киммеріи, о Босфорѣ Киммерійскомъ. Въ теперешнемъ имени Крыма повидимому кроется остатокъ того же племеннаго прозвища. По Геродоту Киммерійцы жили на Таврическомъ полуостровѣ и на пространствѣ между нимъ и рѣкою Тирасомъ (Днѣстромъ), прежде появленія въ этихъ мѣстахъ Скиѣовъ. Вслѣдствіе большихъ переселеній народовъ въ средней Азіи Скиѣы вытѣснили Киммерійцевъ изъ этихъ странъ. Тогда, повѣствуетъ Геродотъ, цари киммерійскіе рѣшились умереть въ своей странѣ. Та часть народа, которая раздѣляла это намѣреніе, вступила съ царями въ произвольный бой, въ которомъ погибло все, что было храбраго между Киммерійцами. Во время Геродота, еще показывали гробницы этихъ мужественныхъ людей на берегу рѣки Тираса. Остальная часть народа обратилась предъ Скиѣами въ бѣгство, и направила путь свой въ Малую Азію. Геродотъ говоритъ, что Скиѣы преслѣдовали ихъ, но ошиблись въ направленіи преслѣдованія. Между тѣмъ какъ Киммерійцы шли восточнымъ берегомъ Чернаго-моря, вдоль по западному склону Кавказскихъ горъ, Скиѣы взяли болѣе восточный путь по западному берегу Каспійскаго-моря. Такимъ образомъ Киммерійцы прибыли въ Малую Азію, между тѣмъ какъ Скиѣы вторгнулись въ Мидію. Въ этомъ повѣствованіи совершенно достоверно то, что нападеніе Скиѣовъ на Мидію и Киммерійцевъ на Малую Азію были одновременны. Но относительно подробностей есть много основаній сомнѣваться. Нибуръ указываетъ въ особенности на невозможность того пути, который Геродотъ приписываетъ Киммерійцамъ, и дѣлаетъ предположеніе, подкрѣпляемое другими историческими данными, что путь Киммерійцевъ лежалъ не по восточному, а по западному берегу Понта Эвксинскаго, именно черезъ Фракію¹. Какъ бы то ни было, достоверно, что Киммерійцы опустошили Малую Азію при царѣ мидійскомъ Ардисѣ, царствовавшемъ отъ 640 до 625 г. до Р. Х., и что они были изгнаны оттуда Аліаттомъ, внукомъ Ардиса, вступившимъ на престолъ въ 617 году. Равнымъ образомъ не можетъ быть заподозрено и то извѣстіе, что Синопа была главнымъ пунктомъ, на которомъ Киммерійцы укрѣпились. Колонистъ милетскій Амбронъ, упоминаемый Скимномъ, былъ умерщвленъ при этомъ случаѣ.

¹ Герод. VI, 12. Niebuhr Kleine Schriften Bd. I, S. 366.

Послѣ Киммерійцевъ, продолжаетъ Скимы (ст. 212), положили вторично основаніе греческихъ поселеній въ Синопѣ сначала Коосъ, а потомъ Критинъ — милетскіе изгнанники¹. Съ тѣхъ поръ колонія не подвергалась болѣе опустошенію и скоро начала процвѣтать. Ея необыкновенно выгодное положеніе дало ей возможность захватить въ свои руки большую часть торговли на Черномъ-морѣ. По видимому еще во времена весьма древнія Синопа успѣла основать подвластные себѣ поселенія на нѣкоторыхъ пунктахъ южнаго берега Чернаго-моря, важныхъ въ торговомъ отношеніи. Первое мѣсто между этими поселеніями занималъ Трапезунтъ; кромѣ того упоминаются: Керасунтъ, Котиора, Гармена, Киторъ. Весь берегъ отъ Гераклеи до Трапезунта находился подъ властію Синопы и могъ называться синопскимъ побережьемъ, *ἡ Σινωπίτις*.

Важность этого мѣста для понтійской торговли была такъ велика, что когда Аѳиняне стали думать о господствѣ на греческихъ моряхъ, они тотчасъ же обратили вниманіе на Синопу. Это случилось во время Перикла. Синопа была тогда управляема однимъ тиранномъ, по имени Тимесмеонтомъ; противъ него Периклъ оставилъ 13 кораблей подъ предводительствомъ Ламаха. Тимесмеонтъ былъ выгнанъ изъ Синопы, и Аѳиняне, по предложенію Перикла, послали туда 600 своихъ колонистовъ, которымъ были предоставлены земли, принадлежавшія Тимесмеонту. Эти колонисты должны были упрочить связь Синопы съ Аѳинами и обезпечить для послѣднихъ вліяніе на этотъ важный торговый пунктъ².

Вскорѣ послѣ Перикла мы получаемъ извѣстіе о состояніи Синопы отъ Ксенофонта, по поводу прохожденія чрезъ это мѣсто извѣстнаго отряда 10,000 Грековъ³. Мы узнаемъ изъ его словъ, что Синопа былъ городъ богатый, что у нея было значительное число судовъ, что колонія Синопы: Трапезунтъ, Керасунтъ, Котиора, повиновались своей метрополіи, платили ей подать и состояли подъ надзоромъ епископовъ, или чиновниковъ, посылавшихся изъ Синопы. Трапезунтъ былъ первый синопскій городъ, лежавшій на пути отряда; онъ находился, говоритъ Ксенофонтъ, въ области Колховъ; греческое войско пробыло въ немъ около 30 дней, считало тутъ себя уже почти въ Греціи и принесло благодарственную жертву Зевсу спасителю и Геркулесу;

¹ По Стефану Визант., подъ словомъ *Σινωπίη*, основателемъ города былъ Критинъ съ острова Кооса. Отсюда произошелъ, можетъ быть, по недоразумѣнію Скимыновъ Коосъ. Слнч. Евстація къ Діомъ ст. 775 изд. Гудсона, и *Pauly Real-Encyclopädie*, подъ словомъ *Sinope*.

² Плут. Перикла. 20.

³ Анабас. IV, 8. V, 1 — 16.

за жертвами слѣдовали, по греческому обычаю, состязанія и игры. Изъ Трапезунта прибыли они послѣ 30-тидневнаго пути въ Керасунтъ, также колонію Синопы, въ области Колховъ; здѣсь остались они 10 дней. Третьимъ городомъ на этомъ пути была Котиора; она лежала недалеко отъ Керасунта, была также основана гражданами Синопы, но принадлежала уже не къ странѣ Колховъ, а къ области Тибареновъ. Греки прибыли сюда послѣ двухдневнаго похода и оставались здѣсь 45 дней. Жители Котиоры отказались—было давать имъ припасы и отвести въ городъ квартиры для больныхъ. Войско принуждено было прибѣгнуть къ силѣ, и только синопскіе посланники уладили дѣло. Ксенофонтъ рассказываетъ о переговорахъ и совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Котиорѣ относительно дальнѣйшаго слѣдованія отряда. Колебались, какой путь предпочесть, сушею или моремъ; была также мысль остаться въ Понтѣ и основать новый городъ. Послѣдняго, кажется, особенно испугались богатые граждане Синопы и Гераклея. Городъ, независимый отъ Синопы, и притомъ городъ съ воинственнымъ народонаселеніемъ — это была такая мысль, съ которою жители Синопы никакъ не могли сдружиться; опасенія, чтобы она не перешла въ дѣйствительность, были вѣроятно главнымъ побужденіемъ при тѣхъ большихъ пожертвованіяхъ, которыя были сдѣланы жителями Синопы въ пользу возвращавшагося отряда 10,000: Синопа и Гераклея выставили столько судовъ, сколько было нужно всему войску для переезда моремъ.

Эти два города даже обѣщали выдать каждому воину, рѣшающемуся на немедленное отплытіе, по золотой монетѣ города Кизика, заключающей въ себѣ 28 афинскихъ драхмъ золота. Такъ мало желательно для нихъ было новое сосѣдство. Обѣщаніе денегъ не было исполнено, но корабли выставлены въ достаточномъ числѣ, и когда греческое войско на своемъ плаваніи изъ Котиоры, вдоль по берегу Пафлагоніи зашло въ синопскую гавань Гармену, то жители Синопы послали Грекамъ дары, 3,000 медимновъ ячной крупы и 1,500 ведеръ вина. Въ Гарменѣ войско пребыло 5 дней и отправилось отсюда далѣе на западъ въ Гераклею, гдѣ, какъ извѣстно, оно раздѣлилось на нѣсколько малыхъ отрядовъ.

Къ одному почти времени съ Ксенофонтовой экспедиціей, именно къ царствованію Артаксеркса же Мнемона, относятся покушенія противъ Синопы извѣстнаго Датама, жизнеописаніе котораго оставлено Корнелиемъ Непотомъ. Этотъ Датамъ былъ сынъ Камиссара, управлявшаго сосѣднею Каппадокіи частью Киликіи. Сначала онъ служилъ въ числѣ телохранителей царя Артаксеркса, потомъ получалъ

отъ него разныя военныя порученія, воевалъ съ панагонскимъ династомъ Θіемъ (Θίος) и катаонійскимъ династомъ Аспіемъ ("Αβκίς), послѣ того отложился отъ великаго царя, занявъ Каппадокію и Панагонію, велъ войну противъ Артаксеркса полководца Автоградата, и потомъ былъ убитъ по волю Артаксеркса понтійскимъ сатрапомъ Мнерадатомъ¹. Къ какому времени его дѣятельности относятся его покушенія на Синопу, съ точностію опредѣлить нельзя. Корнелій Непотъ не упоминаетъ о нихъ; единственный нашъ источникъ составляетъ здѣсь свидѣтельство Полиэна въ его сочиненіи «О стратегемахъ» (т. е. военныхъ хитростяхъ), въ которомъ нигдѣ не обозначено время; можно только догадываться, что эти покушенія предшествовали отложенію Датама отъ Артаксеркса. Полиэнъ² рассказываетъ, что Датамъ, имѣя виды на Синопу, городъ, обладавшій флотомъ, и не находя средствъ дѣйствовать противъ него прямо, принялъ личину дружеской любви и предложилъ жителямъ Синопы дѣйствовать сообща противъ Сеста, съ которымъ Синопа въ то время враждовала. Зенгебушъ³ догадывается, что причиною этой вражды былъ споръ за пошлину, которую жители Сеста, пользуясь своимъ положеніемъ въ Дарданельскомъ-проливѣ, взимали съ проходящихъ судовъ, подобно тому какъ Византія собирала пошлину въ Константинопольскомъ-проливѣ. Очень вѣроятно, что торговые города Понта, въ томъ числѣ и Синопа, принимали съ неудовольствіемъ всякое возвышеніе пошлины, и что вражда Синопы и Сеста, имѣвшая мѣсто во время Датама, основывалась на подобномъ поводѣ⁴. Но какъ бы то ни было, Датамъ увѣрилъ Синопцевъ, что намѣренъ воевать противъ Сеста, и просилъ у нихъ помощи, въ особенности для устройства военныхъ машинъ, какъ-то тарановъ и такъ называемыхъ «черепахъ». Синопцы повѣрили его обещаніямъ и послали къ нему всѣхъ нужныхъ мастеровъ и архитекторовъ, сколько ихъ было въ городѣ, такъ что онъ получилъ средства соорудить флотъ и военные снаряды. Но Датамъ поступилъ вѣроломно, и вмѣсто того, чтобы идти противъ Сеста, осадилъ Синопу. По словамъ Полиэна городъ былъ освобожденъ отъ угрожавшей ему опасности лишь повелѣніемъ Артаксеркса снять осаду⁵.

¹ Корнел. Непот. Жизнь Датама.

² Стратег. VII, 21, 2 и 5.

³ Quaest. Sinop. specimen pag. 37.

⁴ Мы знаемъ, что Родосъ велъ войну съ Византіей за неправильное взиманіе сбора въ Боспорѣ Фракійскомъ, Полиб. III, 2, IV, 38, 46 sqq. См. Hüllmann Handlungsgeschichte der Griechen (Bonn, 1839) S. 255.

⁵ Изъ этого извѣстія именно и слѣдуетъ, что покушеніе Датама противъ Синопы, о которомъ говоритъ Полиэнъ, должно быть отнесено къ первому времени дѣятельности Датама, когда еще онъ не отложился отъ Артаксеркса.

Высшей степени благосостоянія Синопа по видимому достигла около времени Филиппа и Александра Македонскихъ. Объ умственной жизни города выгодно свидетельствуютъ такія имена, какъ философъ Діогенъ, основатель книжеческой школы, комикъ Демалъ, занимающій въ новой аттической комедіи одно изъ первыхъ мѣстъ на ряду съ Менандромъ, комики Діонисій и Діодоръ, принадлежавшіе, какъ кажется, средней аттической комедіи. Синопа имѣла даже свое особенное изданіе Гомера, упоминаемое въ числѣ семи изданій, которыя назывались въ древности «изданіями городовъ». Художественное образованіе города видно изъ того, что около этого же времени онъ заказалъ статую своего героя Автолика извѣстному тогда аттическому художнику Соэвнису. Мы знаемъ также, что жители Синопы принимали участіе въ греческихъ національныхъ играхъ; въ Анеологіи есть одна эпитафия въ честь Синопа, получившаго вѣнокъ въ всомійскомъ согласіи. Павсаній говоритъ о священной теоріи (посольствѣ), отправлявшейся будто бы изъ страны Гипербореевъ чрезъ Синопу въ Делосъ и Лемны.

Вскорѣ по смерти Александра Македонскаго Синопа подпала подъ власть какого-то князька Скидроэмія, къ которому, какъ повѣствуетъ Тацитъ, отправлялъ посольство первый Птолемей за статуею бога Сераписа. Но власть Скидроэмія была непродолжительна, ибо о династии его не упоминается, а напротивъ того Синопа признается въ продолженіи III-го вѣка до Р. X. городомъ самостоятельнымъ или, какъ говорили Греки, *автономнымъ*.

Въ концѣ III-го вѣка Синопа пришлось испытать притязанія на обладаніе ею со стороны сосѣдняго понтійскаго царства. Еще во время персидскаго владычества сѣверо-восточная часть Малой Азіи повиновалась наследственнымъ князькамъ, производившимъ себя изъ рода Ахеменидовъ и находившимся въ весьма слабой зависимости отъ великаго царя. Завоеванія Александра Македонскаго не коснулись этого уголка, и онъ оставался подъ управленіемъ той же династии. При преемникахъ Александра Македонскаго понтійскіе князья присвоили себѣ царскій титулъ и, пользуясь обстоятельствами, стали помышлять о распространеніи своего царства. Митридатъ III, сынъ и преемникъ перваго понтійскаго царя Митридата II-го, покорилъ часть Каппадокіи и Панагоніи, а Митридатъ IV-й пытался овладѣть и Синопой. Полибій довольно подробно рассказываетъ объ этомъ дѣлѣ. Изъ словъ его видно, что Синопа находилась тогда въ тѣсныхъ связяхъ съ Родосомъ и получала отъ него весьма значительное пособіе.

Выше было упомянуто, что Афиняне, во время своего морского могущества, старались утвердить за собою Синопу. Въ эпоху преемниковъ Александра Афины совершенно потеряли значеніе морской державы, и мѣсто ихъ въ этомъ отношеніи занялъ Родосъ. Македонскіе генералы, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ частей Александровой монархіи, находились между собою въ постоянныхъ распряхъ, которыя заставляли восточную торговлю принять новый путь. Александрія, основанная Александромъ Великимъ близъ устья Нила, скоро сдѣлалась важнымъ торговымъ городомъ; восточные караваны направлялись теперь къ Александріи и оставили свой прежній путь на Тиръ, городъ, который лежалъ въ развалинахъ послѣ разрушенія его Александромъ Македонскимъ. Но александрійскіе купцы не могли сами развозить по тогдашнему міру доставляемыя имъ съ востока произведенія Аравіи и Индіи. Постоянныя войны Египта съ другими государствами подвергали ихъ всегдашней опасности потерять свои товары въ непріятельскихъ странахъ. Точно въ такомъ же положеніи находились жители Сиріи, Малой Азіи и собственной Греціи. Только островъ Родосъ составлялъ исключеніе. По смерти Александра Великаго онъ выгналъ находившійся на немъ македонскій гарнизонъ, и съ тѣхъ поръ старался сохранить нейтральность между воевавшими сторонами. Ни съ кѣмъ онъ не заключалъ союза, но со всеми старался поддерживать дружественныя сношенія. Онъ былъ такъ малъ, что не возбуждалъ ни въ комъ зависти, и притомъ положеніе среди моря дѣлало нападеніе на него затруднительнымъ. Обладатели большихъ государствъ дорожили его дружбою, потому что получали чрезъ его посредство произведенія непріятельскихъ странъ. По этому-то въ эпоху діадочовъ вся торговля между Европой и Азіей сосредоточивалась на этомъ островѣ. Родосцы были превосходные моряки; ихъ правдивость и предприимчивость, благоразумное устройство ихъ государства и превосходные морскіе и торговые законы пріобрѣли имъ славу между купцами всѣхъ земель; постояннымъ и счастливымъ преслѣдованіемъ морскихъ разбойниковъ они сдѣлались истинными защитниками купеческаго мореплаванія въ восточныхъ водахъ; многіе иностранные купцы и капиталисты селились въ ихъ городѣ, чтобы пользоваться вѣрнымъ доходомъ съ своего состоянія. Особенно высоко поднялось родосское государство въ мнѣніи современниковъ, послѣ того какъ имъ удалось съ успѣхомъ выдержать знаменитую осаду Димитрія Полиоркета. Какимъ дружелюбнымъ расположеніемъ со всѣхъ сторонъ умѣло пользоваться это умное общество торговыхъ людей, видно изъ расказовъ о пособіяхъ, сдѣланныхъ Родосу послѣ землетрясенія, постигнувшаго его въ 227-мъ году до

Р. Х. Геронъ Сиракуссій , Птоломей Эвергетъ , Антигонъ Македонскій и жена его Хрисенда, Селевкъ-Калникъ, цари Пруссій и Митридатъ прислали Родосу самые щедрые дары; а города, говоритъ Полибій , участвовавшіе не менѣе царей въ этихъ вспомошествованіяхъ , едва ли кто будетъ въ состояніи исчислить.

Этихъ немногихъ словъ о значеніи и характерѣ Родоса ¹ въ это время будетъ достаточно, чтобы представилось въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельное участіе, которое принялъ Родосъ въ войнахъ Синопы съ понтийскими царями. Нѣтъ сомнѣнія , что расцвѣтъ участвовалъ въ этомъ образѣ дѣйствія: Родосъ дорожилъ Синопю , какъ важнымъ торговымъ пунктомъ , подобно тому какъ ею дорожили Аѳяны прежде Родоса. Но нельзя не замѣтить , что въ отношеніяхъ Родоса къ Синопѣ не только замѣтно менѣе властолюбія , но и видна готовность сдѣлать значительныя усилія и пожертвованія для поддержки города , дружбою котораго Родосъ дорожилъ. Почтенная коммерческая честность и постоянство , видны въ этомъ неослабывающемъ участіи къ судьбамъ Синопы , въ участіи , которое не престаётъ помогать ей , то матеріальными средствами , то дипломатическимъ заступничествомъ. Когда Митридатъ IV началъ войну съ Синопю , граждане Родоса опредѣлили 140,000 драхмъ на пособіе угнетенному городу. Они послали въ Синопю 10,000 сосудовъ съ виномъ , 300 талантовъ выдѣланной шерсти , 100 талантовъ приготовленной тетивы , полное вооруженіе на 1,000 человекъ , 3,000 золотыхъ монетъ , 4 каменобросательныя машины. На этотъ разъ Синопя была счастлива; городъ достаточно укрѣпили въ слабыхъ мѣстахъ , и нападенія Митридата не имѣли успѣха ². Но съ преемникомъ Митридата IV , Фарнакомъ I-мъ , Синопя не смогла бороться. Онъ сдѣлалъ на нее неожиданное нападеніе , Родосъ не успѣлъ подать помощи , и Синопя была покорена Фарнакомъ въ 184 году до Р. Х. Впрочемъ и тутъ Родосъ не покинулъ Синопю. Ливій повѣствуетъ , что вслѣдъ за этимъ несчастіемъ Родосцы послали въ Римъ посольство , чтобы просить римскій сенатъ о вѣзпательствѣ въ это дѣло; Полибій сообщаетъ то же извѣстіе ³. Римскій сенатъ опредѣлилъ послать легатовъ для разсмотрѣнія синоп-

¹ Превосходно говорить объ этомъ Дройзенъ *Geschichte des Hellenismus* I, 473 слл. О землетрясеніи тамъ же II, 574 слл. Ср. такъ же Hüllmann *Handelsgeschichte der Griechen* стр. 253 слл.

² Полиб. IV, 54. По поводу мѣръ , принятыхъ въ Синопѣ противъ угрожающей осады , Полибій описываетъ мѣстность города. Описаніе его совершенно согласно съ Страбоновымъ , приведеннымъ выше.

³ Лив. XI, 2. Полиб. XXIV, 10.

скаго дѣла на мѣсть. Но какія послѣдствія имѣло это разсмотрѣніе, мы не знаемъ.

Съ этихъ поръ прекращается самостоятельность Синопы, и она становится однимъ изъ главныхъ городовъ Понтийскаго царства. Какъ памятники ея независимой жизни, остаются для насъ имена нѣсколькихъ писателей, происходившихъ изъ Синопы и прославившихся въ греческой литературѣ; они показываютъ, что Синопа жила одною жизнью съ Греціей, въ особенности съ Аѣнами. Теперь она вступаетъ въ совершенно новое сочетаніе. Узы, соединявшія ее съ собственною Греціею, ослабѣваютъ, и она уже вся начинаетъ принадлежать Востоку. Впрочемъ и въ этомъ своемъ новомъ положеніи она не могла не приобрести почетнаго мѣста. Наряду съ Амисомъ она была главнымъ городомъ Понтийскаго царства, а Митридатъ Великій, который родился и былъ воспитанъ въ Синопѣ, признавалъ ее, по свидѣтельству Діодора¹, первою своею столицею: здѣсь находился царскій дворецъ его и та царская гробница, въ которой онъ былъ похороненъ по распоряженію Помпея².

Римляне покорили Синопу подъ предводительствомъ Лукулла³. Синопа долго сопротивлялась. Гарнизонъ ея состоялъ изъ Киликійцевъ. Передъ сдачею они сожгли городъ, а равно все находившіяся въ его обонхъ рейдахъ большіе суда, многихъ жителей убили, а сами на малыхъ судахъ спаслись бѣгствомъ. Лукуллъ взялъ городъ, умертвилъ до 8,000 сдавшихся, но даровалъ городу свободу, побужденный, какъ рассказываютъ Аппіанъ и Плутархъ, сновидѣніемъ. Въ день взятія города ему привидѣлось, что, Автоликъ, національный герой Синопы, зоветъ его къ себѣ⁴. Этому сновидѣнію Синопа была обязана своимъ освобожденіемъ. Надобно полагать, что она приняла его съ большою благодарностью и дорожила вновь полученною свободою. Еще въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. она вела лѣтосчисленіе отъ года победы Лукулловой⁵.

¹ Діод. XIV, 31.

² Цицеронъ pro lege Manilia c. 8, нечисляя подвига Лукулла, говоритъ: Sinopen atque Amisum, quibus in oppidis erant domicilia regis, omnibus rebus ornatas atque refertas, ceterasque urbes Ponti et Cappadociae permultas uno aditu adventuque esse captas etc. О гробницѣ Митридата Аппіанъ XII, 113; Плут. Помп. 42.

³ Объ этомъ дѣлѣ говорятъ Плутархъ въ жизнеописаніи Лукулла, гл. 23 и Аппіанъ XII (Митрид.), 83.

⁴ Такъ рассказываетъ Аппіанъ, XII, 83. Но Плутарху сновидѣніе состояло въ томъ, что Лукуллъ слышалъ голосъ: «иди впередъ, Лукуллъ, Автоликъ идетъ къ тебѣ навстрѣчу.» Плут. Лук. 23.

⁵ См. Eckhel Doctrina nummorum veterum Vol. II p. 394.

Но Римъ не могъ долго оставить такого важнаго города вполне самостоятельнымъ. Подобно Аеннамъ и Родосу, онъ также обратилъ на него свое вниманіе и поступилъ согласно своему обыкновенному образу дѣйствія — выслалъ въ Синопу колонію. Это случилось при Юліи Цезарь¹. Синопа съ тѣхъ поръ получаетъ оффиціальное имя *colonia Julia Caesarea Felix Sinope*. На монетахъ ея изображается голова великаго диктатора, какъ основателя города, и оффиціальною эрою становится годъ выведенія колоніи, 709-й отъ основанія Рима. Надобно однакожь полагать, что эра отъ освобожденія города Лукулломъ оставалась, не смотря на то, въ общемъ употребленіи; по крайней мѣрѣ только этимъ, кажется, можно объяснить тотъ фактъ, что, начиная со времени императора Александра Севера, она исключительно господствуетъ на синопскихъ монетахъ, между тѣмъ какъ въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій отъ Цезаря до Геты и Диадумениана на синопскихъ монетахъ встречается лишь вторая эра отъ основанія колоніи, т. е. оффиціальная².

Во время римской имперіи Синопа повидимому процвѣтала; Плиній Младшій³ упоминаетъ объ огромномъ водопроводѣ, 16 римскихъ миль въ длину, сооруженномъ въ его время гражданами Синопы. Но въ послѣднія времена имперіи колонія Синопы, Трапезунтъ, получила перевѣсъ надъ своею метрополіею. Положеніе Трапезунта имѣетъ большія выгоды. Онъ былъ бы, можно сказать, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ земнаго шара, если бы у него была безопасная гавань. Мало на свѣтѣ мѣстъ болѣе богатыхъ живописною красотою мѣстоположенія и роскошною растительностью, а физическое образованіе страны представляетъ со всѣхъ сторонъ превосходныя естественныя границы для защиты. Но пока Трапезунтъ находился подъ вліяніемъ Синопы, онъ не могъ достигнуть значительной степени благосостоянія.

Возвышеніемъ своимъ онъ обязанъ римской имперіи, и этому возвышенію много способствовали усилившіяся сношенія между Персіею и европейскими провинціями Рима. Императоръ Адрианъ почувилъ по возможности естественный недостатокъ города, устроивъ гавань. Все это вмѣстѣ дало Трапезунту возможность сдѣлаться однимъ изъ первыхъ рынковъ для произведеній Востока.

Въ византійское время этотъ городъ былъ столицею провинціи Халдея и управлялся герцогами, почти независившими отъ константино-

¹ Страб., въ прил. мѣстѣ. Плин. *Histor. Nat.* VI, 2. Плиній Младшій *Epist.* X, 91. 92.

² Обо всемъ этомъ см. *Essai sur l'Hist. de Sinope*, 391—394.

³ Письма кн. X.

польских императоровъ. Пораженіе Романа IV сельджукскими Турками при Манзикертъ въ 1071 году еще болѣе ослабило связи, соединявшія Малую Азію съ Византією, а когда Константинополь въ 1204 году попалъ въ руки Латинцевъ, то Малая Азія была совершенно предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ. Къ этому времени относится основаніе самостоятельнаго греческаго государства, столицею котораго сдѣлался Трапезунтъ¹. Алексѣй Комнинъ, первый императоръ этой новой римской имперіи, скоро овладѣлъ соседними Трапезунту городами, въ томъ числѣ Керасунтомъ, а братъ его Давидъ покорилъ весь берегъ отъ Синопы до Гераклеи. Но этотъ успѣхъ былъ непродолжителенъ. Султанъ Азеддинъ осадилъ Синопу, между тѣмъ какъ никейскій императоръ Теодоръ Ласкарисъ покорилъ одинъ за другимъ города: Гераклею, Амастрисъ и Тіось. Синопа была самый богатый и самый укрепленный городъ въ области Давида. Дорожа имъ, онъ послѣдилъ къ нему со всеми своими силами, но неудачное сраженіе положило здѣсь конецъ его жизни. Синопа сдалась Азеддину.

Въ 1253 году монахъ Рюбрюкисъ, посланникъ святаго Людовика ко двору Каракорумскому, упоминаетъ о Синопѣ. Она принадлежала тогда Туркамъ, но сами Турки, властители ея, были вассалами Татаръ. Въ это время многія обстоятельства соединились, чтобы возвысить торговую важность прибрежныхъ городовъ Чернаго-моря. Вторженіе въ Сирію Ховаресміевъ и Монголовъ, небезопасность караванныхъ дорогъ во всей области мамлукскихъ султановъ, наконецъ папская булла, запрещающая христіанамъ торговать съ магометчанами, заставили восточную торговлю снова принять тотъ путь, которому она слѣдовала во время войнъ Римлянъ съ Парянами и византійскихъ императоровъ съ Сассанидами и первыми изъ каліфовъ. Понтійскіе Греки, а еще болѣе Италіянцы, и между ними особенно Генуэзцы, воспользовались этимъ новымъ положеніемъ дѣлъ. Черное море сдѣлалось сре-

¹ Объ этомъ времени см. сочиненіе назвѣстаго флеландца Финлея: *History of Greece from its conquest by the crusaders to its conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond*, Edinb. and London, 1851 или въ нѣмецкомъ переводѣ: *Die Geschichte Griechenlands von seiner Eroberung durch die Kreuzfahrer bis zur Besitznahme durch die Türken, und des Kaiserthums Trapezunt*. Von George Finlay. Aus dem Englischen übersetzt von Reiching. Tübing. 1853. Финлей давно уже поселился въ Греціи и посвящалъ всѣ свои силы изученію ея исторіи во времена, которыя еще недостаточно изслѣдованы. Кромѣ приведеннаго сочиненія онъ издалъ слѣдующія: *Greece under the Romans, a historical view of the condition of the Greek nation from the time of its conquest by the Roman empire in the East*. Edinb. and London, 1844, и *Byzantine history from 716 to 1057*. Edinb. and London, 1853. О трудахъ его говоритъ между прочимъ г. Куникъ въ II-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ Императорской Академіи: Наука по I и II отдѣленіямъ, стр. 437.

доточіемъ всемірної торговли. О Синопѣ упоминается въ это время, какъ о мѣстѣ знаменитомъ своими корсарамъ. Ихъ нападенія были обыкновенно направлены на флоты итальянскихъ республикъ, но когда имъ не удавалось найти довольно добычи на морѣ, они обращали свое оружіе противъ христіанъ. Такъ напримѣръ въ 1314 году одна шайка этихъ грабителей сдѣлала высадку вблизи Трапезунта, ограбила его предмѣстья и сожгла значительную часть города, при чемъ много превосходныхъ зданій погнбло.

Синопа оставалась подъ управленіемъ своихъ эмировъ до времени оттоманскаго султана Магомета II. Последний эмиръ синопскій, Измаиль, былъ въ союзѣ съ Давидомъ, послѣднимъ императоромъ Трапезунтскимъ. Третьимъ союзникомъ ихъ былъ туркоманскій султанъ Узумъ - Гассанъ. Магометъ II уже обладалъ Константинополемъ и окончилъ покореніе Мореи, когда рѣшился разгромить этихъ союзниковъ. Онъ собралъ огромное войско и вступилъ въ Азію. Первою цѣлью его было отвлечь Измаила отъ союза. Синопа, по турецки Синапъ, была въ то время хорошо укреплена и могла выдержать долговременную осаду. Обладаніе ею было необходимо для безопасности лѣваго фланга оттоманскаго войска. Магометъ рѣшился на хитрость. Онъ вызвалъ Измаила въ свой станъ, какъ бы для заключенія союза, и потомъ далъ ему ввроломный совѣтъ уступить Синопу оттоманскому войску, которое одно въ состояніи съ успѣхомъ защищать этотъ пунктъ, столь важный для правовѣрныхъ. Измаиль принужденъ былъ согласиться и получалъ Филиппополь въ замѣнъ уступленной Синопы. Такимъ образомъ Синопъ было суждено въ другой разъ перейти посредствомъ предательства въ руки сильнаго властителя. Подобно Фарнаку Понтійскому, Магометъ II отказался отъ славы взять Синопу съ честнаго боя.

Магометъ II нашелъ въ Синопѣ большія сокровища. Казначейство было богато деньгами. Валы перешейка, соединяющаго Синопу съ материкомъ, и два форта, защищавшіе двѣ ея гавани, были снабжены 400 орудьями. Гарнизонъ состоялъ изъ 2,000 мушкетеровъ и 1,000 солдатъ, вооруженныхъ, по обычаю того времени, копьемъ, лукомъ, мечемъ и желѣзною дубиной. Нѣсколько галеръ и большихъ кораблей лежали въ гавани, и одинъ изъ нихъ считался самымъ большимъ судномъ на восточныхъ моряхъ. Магазины были наполнены жизненными и военными припасами. Овладевъ Синопой, оттоманскій султанъ сталъ получать съ однихъ мѣдныхъ рудниковъ до 50,000 золотыхъ доходу; самъ городъ и его область давали 200,000 золотыхъ. Таковы были средства Синопы, когда она подпала оттоманскому владычеству. Ея было су-

ждено низко упасть подъ управленіемъ Порты. Финлей, авторъ исторіи Византіи въ послѣдніе два вѣка ея существованія, говоритъ слѣдующее о теперешнемъ Синопѣ: «Укрѣпленія перешейка находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что многія башни погнулись и готовы обрушиться. Въ городѣ едва есть 5,000 жителей. Естественное превосходство его положенія, чудная гавань, съ домами, покрытыми твѣью деревъ, наполняютъ душу путешественника удивленіемъ тому, что человѣческія учрежденія могутъ до такой степени сдѣлать бесполезными дары природы, какъ случилось съ этимъ знаменитымъ мѣстомъ.» — Отъ древняго города остались лишь развалины амфитеатра, да разбросанные кое-гдѣ базы и надгробные камни. Нѣсколько надписей, найденныхъ тамъ, изданы Бёкомъ въ его *Corpus Inscriptionum Graecarum*.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о синопскихъ монетахъ¹. Во время автономіи чаще всего встрѣчается типъ Персея съ его принадлежностями: Персей въ окриленномъ шлемѣ, Персей, поражающій Медузу, згида съ головою Медусы, Персеевъ серпообразный мечъ. Этотъ типъ есть общее достояніе Синопы и всѣхъ понтийскихъ городовъ. Онъ прославляетъ героя, находившагося въ тѣсной связи съ религіозными представленіями восточной части Малой Азіи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о мнѣологическомъ значеніи этого героя. Достаточно указать на то, что онъ имѣетъ своимъ оружіемъ серпъ, принадлежащій мрачному Кроносу, что онъ убиваетъ Акрисія дискомъ — символомъ солнца, светила, принадлежащаго Баалу-Кроносу, — что онъ имѣетъ способность превращать людей въ камень. Кругъ этихъ представленій родственъ съ кругомъ Сераписа, который также есть и солнце, и мрачный подземный богъ².

На ряду съ Персеемъ является на монетахъ Синопы его покровительница, Паллада. Далѣе — голова богини въ высокомъ вѣнцѣ, вѣроятно той Прозерпины или Діаны, которая, по Тациту, была спутницею синопскаго Сераписа. Другіе обычные типы суть: бодающійся быкъ; орелъ съ распростертыми крыльями; орелъ, сидящій на молніи; рогъ изобилія между шапками Диоскуровъ; изображеніе Купидона съ крыльями; Викторія, шествующая съ пальмовой вѣтвью; колчанъ и лукъ; колчанъ.

На монетахъ Синопы, какъ римской колоніи, господствуютъ изображенія Сераписа: или голова его, или полная фигура, иногда съ трех-

¹ О нумизматикѣ Синопы см. въ сочиненіяхъ Эжелля и Міонне.

² См. Мауробія Сатурн. I, 20 Тацита Истор. IV, 83.

головымъ животнымъ, сидящимъ подлѣ него, или Сераписъ, лежащій на священной постели; кромѣ того встрѣчаются Діоскуры, стоящія со своими конями, и богиня Немесида.

Объ эрахъ Синопы уже говорено выше. Ихъ было двѣ: одна отъ освобожденія Синопы Лукулломъ, другая отъ выведенія въ Синопу римской колоніи Юліемъ Цезаремъ. Эта последняя господствуетъ на монетахъ двухъ первыхъ вѣковъ римской имперіи. Первая появляется со времени Александра Севера.

Изъ сохранившихся до нашего времени синопскихъ монетъ самая поздняя относится къ царствованію императора Галліена.

П. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ДВА ПИСЬМА СТЕПАНОВСКАГО КЪ ВЛАРАМБЕРГУ О МѢСТОПОЛОЖЕНІИ ДРЕВНЯГО ГОРОДА ТАНАИСА *.

I.

Саратовъ, 1-го Февраля 1824 года.

Въ быстрый провздъ мой, въ прошломъ Октябрѣ (1823), вдоль береговъ Дона мнѣ хотѣлось осмотрѣть мимоходомъ устья сей рѣки, и отыскать настоящее мѣстоположеніе древняго города *Танаиса*¹, досель еще неопредѣленное. Полагали вообще, что сіе Греческое селеніе находилось на лѣвомъ, то есть Азіятскомъ берегу рѣки, неподалеку отъ нынѣшняго Азова: въ мнѣніи семъ утверждались вѣроятно на

* Были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1824 г. NN° 4 и 23.

¹ Миллісійскіе Греки, проникнувъ въ *Понтъ - Евксинскій*, положили основаніе многимъ торговымъ городамъ на *Воспорѣ Киммерійскомъ*. Утвердившись въ сихъ мѣстахъ, они овладѣли потомъ устьями *Танаиса*, нынѣшняго *Дона*, гдѣ и построили городъ, названный по имени рѣки *Танаисомъ*. Время основанія сего города неавѣстно; но авѣстно то, что въ послѣдствіи онъ сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для торговли Грековъ съ обитавшими вокругъ варварскими народами. Греки, проходя туда моремъ чрезъ *Воспоръ* и *море Меотійское*, привозили вина, ткани и другіе товары, которые выгнѣивали *кочующимъ Скивамъ* на невольниковъ, мѣха, соленую рыбу и прочее. Изъ сказанія Стравонова должно заключать, что сей городъ нѣкоторымъ образомъ имѣлъ независимое отъ Воспорскаго государства правленіе: сей писатель говоритъ, въ XI книгѣ своего Землеописанія, что Азіятскіе Меоты обыкновенно являлись частію отъ *обладателей торговаго города на Танаисѣ*, частію же отъ *владѣльцевъ Воспорскихъ*. Съ другой стороны онъ же пишетъ, что многіе Цари Воспорскіе, особенно же *Фарнакъ, Асандръ* и *Полемонъ*, господствовали надъ всею странюю даже до *Танаиса*, и что *Полемонъ* (начавшій царствовать на *Воспорѣ* за 14 лѣтъ до Р. Ж.) опустошилъ, *Ἐξελκόρθηβαν*, городъ *Танаисъ*, бывъ ожесточенъ его мятежнымъ непокорствомъ (Strab. L. VII et XI.) Но *Полемонъ* вѣроятно не совсѣмъ разорилъ оный, какъ вообще заключаютъ изъ словъ Стравона; ибо сей самый писатель говоритъ въ иномъ мѣстѣ о *Танаисѣ*, какъ о знатнѣйшемъ въ то время торговомъ городѣ сихъ странъ послѣ *Пантикапей* (См. Raoul-Bechette *Antiq. Greg. du Vosphore Cim.* § VII, pag. 92). Плиніѣ однакожь упоминаеть о немъ, какъ будто бы уже не

основаніи сказаній Плинія и Стравона ¹, которые упоминають о Танаисѣ при описаніи Азіи; хотя впрочемъ сей же послѣдній географъ говорить о немъ и въ статьѣ о Европѣ, но съ меньшими подробностями.

Птолемей, упоминая о Танаисѣ также въ двухъ мѣстахъ ², то есть при описаніи Европы и Азіи, полагаетъ оный близъ Азіятскаго устья, но не къ сторонѣ Азіи, а между обонми рукавами рѣки, *μεταβὴ τῶν στόματων*, следовательно на островѣ, образуемомъ сими рукавами при впаденіи Дона въ Азовское море. Но съ трудомъ можно повѣрить, чтобы древніе Греки поселились въ мѣстахъ болотистыхъ и весьма часто наводняемыхъ, тогда какъ вокругъ могли они выбрать любое возвышеніе и построить городъ свой на такомъ мѣстѣ, гдѣ вмѣстѣ гораздо удобнѣе было укрѣпиться противу нападеній окружавшихъ ихъ варварскихъ народовъ, и откуда могли они свободно обозрѣвать всю окрестность на дальнее разстояніе. Известно, что всѣ древніе города, основанные Греками на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, были построены на возвышеніяхъ: существующія еще развалины сихъ городовъ въ томъ свидѣтельствуютъ.

Англискій путешественникъ Кларкъ тщетно искалъ слѣдовъ Греческихъ поселеній по всему лѣвому берегу Дона: и сіе заставило его заключить, что древній *Танаисъ* вѣроятно находился на Европейской сторонѣ сей рѣки ³. И подлинно я думаю, что остатки сего города существуютъ донынѣ на означенной сторонѣ, въ 10 верстахъ отъ моря, близъ Донскаго села *Недвиговки*. Тутъ, на возвышенномъ и крутомъ берегу рѣки, нашелъ я слѣды *акрополи*, или цитадели, весьма сходной съ *Ольвійскою*, но немного поменьше; укрѣпленіе сіе окружено глубокимъ ровомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на валу, кучами земли и камней, показывающими основанія башенъ. Повсюду разбросаны обломки древнихъ, глиняныхъ, остроконечныхъ сосудовъ съ ручками, называвшихся *амфорами* ⁴, и обыкновенно находимыхъ вездѣ,

существовалъ въ его время (Plin. *Hist. Nat.* L. VI, c. 7). Слѣдствіемъ являются слѣдствія, сообщаемыя намъ древними писателями о *Танаисѣ*. Въ послѣдующія времена Венеціане ишли на *Дону* торговое селеніе, названное ими *Танюю*, и построенное на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Греческій городъ. Оттуда вели они знатный торгъ съ Индією и Персією посредствомъ *Каспійскаго моря* и *Астрахани*. Можно видѣть многія любопытныя подробности о сѣмъ селеніи въ путешествіи Венеціанца Иосафата Барбаро (См. *Viaggi fatti da Venetia alla Tana, in Persia, etc. Vinegia, Aldus, 1545*), посѣщавшаго оное неоднократно около половины XV столѣтія. Прим. Соч.

¹ Plin. et Strab. *ibid.*

² Ptolem. *Geogr.* L. III, c. 5, et L. V, c. 9.

³ Clarke, *Voyages en Russie, en Tartarie, etc.* Trad. Gravé. C. II, ch. XIV, pag. 95-97.

⁴ Изображенія таковыхъ сосудовъ можно видѣть во *Второмъ Палласовомъ путешествіи* и въ недавновзданномъ сочиненіи г-на Бларамберга: *Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus; par M. de Blaramberg. Paris, 1822.*

гдѣ Греки имѣли свои поселенія; а за рвомъ, вся окрестность, на далекое разстояніе, покрыта амами, кучами земли и зола (слѣды бывшаго жилья), равно множествомъ большихъ и малыхъ кургановъ, подобно какъ и окрестности *Ольви* и *Пантिकाпеи*. Съ вершины, гдѣ видно сіе укрѣпленіе, взоръ объемлетъ большое пространство какъ со стороны степи, такъ и къ рѣкѣ и къ морю; а подѣ горою, у самой подошвы оной, протекаетъ *Донецъ*, одинъ изъ судоходныхъ рукавовъ *Дона*, нынѣ нѣсколько омельвшій, но недавно еще служившій къ плаванію *Донскимъ* лодкамъ. По всемъ сямъ чертамъ не возможно не признать развалины сихъ остатками древняго *Греческаго* города, и сей городъ не можетъ быть иной, какъ *Танаисъ*.

Въ Ростовѣ, сосѣдственномъ уздномуъ городѣ *Екатеринославской* губерніи, увѣряли меня, что недавно найдены были золотыя *греческія* деньги какъ въ описанныхъ мною развалинахъ, такъ и въ другихъ, находящихся на той же сторонѣ рѣки, немного повыше. (Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть сего послѣдняго мѣста.) По разсказамъ, деньги сіи изображали лица, съ надписью: *Βασιλέως Εὐπάτορος*; известныя монеты воспорскаго *царя Евпатора*, современника *Антониновъ*. Онѣ были проданы крестьянами на рынкѣ *Ростовскомъ*.

По просьбѣ моей нынѣ доставлены мнѣ изъ *Ростова* ¹ двѣ другія монеты, найденныя вновь, какъ меня увѣряютъ, близъ тѣхъ же развалинъ въ *Недвиговкѣ*. Первая изъ состава, называемаго *електрумъ* (смѣсь золота съ серебромъ), представляетъ съ одной стороны лице и имя *царя Савромата III* (*Σαυρομάτου Βασιλέως*), обладавшаго *Воспоромъ* послѣ *Евпатора*, съ другой же лице императора *Коммода*, съ остриемъ копья передъ нимъ и литерами *НОΥ*, означающими 478 г. *Понтійскаго* лѣтосчисленія, или 182 по *Р. Х.* Эпоха сія вѣроятно заслужитъ вниманіе нумизматистовъ: ибо, мнѣ кажется, что на известныхъ доселѣ медаляхъ *Савромата III* 478-й годъ еще не появлялся; но она ничего новаго не общаетъ исторіи, потому что у насъ есть монеты *царя* сего, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ годовъ. Вторая монета, мѣдная, представляетъ лице и имя того же *Савромата*, а на оборотѣ сидящую женщину, или, лучше сказать, по мнѣнію знаменитаго нашего *Археолога* г. *Келера* ², богиню *Астарту*; передъ нею, въ маломъ видѣ, голову *Императора Септимія-Севера* въ лавровомъ вѣнцѣ, и литеру *В*.

Если всѣ описанныя монеты дѣйствительно найдены въ развалинахъ близъ *Недвиговки*, то сямъ ясно подтверждается мнѣніе, что *Танаисъ*

¹ Посредствомъ почтеннаго *Ос. Ос. Гонзалеца*, коего стараніямъ обязана я сею находкою.

Remarques sur les Antiq. Grec. du Bosp. Cim. § XCI.

не былъ совершенно разоренъ царемъ Полемономъ, сыномъ Зиновымъ; или, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ возобновленъ и обитаемъ Воспорскими Греками даже до временъ Антониновъ: эпоха, въ которую, по видимому, какъ и вы сами полагаете ¹, разрушены варварами многіе города, по сѣверному берегу Евксинскаго Понта стоявшіе, какъ то *Ольвія*, *Истрость* ², и другіе. Сіе заключеніе можетъ быть важно для Исторіи, и по соображеніи съ другими открытіями, объяснить нѣкоторыя мѣста опой, доселѣ мракомъ неизвѣстности покрытыя.

Я имѣлъ намѣреніе войти въ подробнѣйшія и обстоятельнѣйшія изысканія по предмету мѣстоположенія города, коего видѣлъ столь явные слѣды; но время и здоровье не позволяютъ мнѣ теперь симъ заняться. Я долженъ по неволѣ оставить объясненія сіи до другаго времени, или лучше, до времени свиданія нашего. Довольствуюсь нынѣ сообщеніемъ вамъ одного краткаго извѣстія о моемъ открытіи: если подтвердится оно дальнѣйшими изслѣдованіями, въ кои намѣренъ я войти при обратномъ пути моемъ, то вѣроятно будетъ довольно важно для древней Географіи и Исторіи сей части Сквѣскихъ степей.

II.

Таганрогъ, 8 Апрѣля 1824.

Въ письмѣ, которое я имѣлъ честь писать къ вамъ въ прошломъ Февралѣ о мѣстоположеніи древняго города *Танаиса*, я обязался, при обратномъ проздѣвъ чрезъ землю Донскихъ Козаковъ, войти въ новыя изслѣдованія касательно упомянутаго города. Сіи изслѣдованія казались тѣмъ необходимымъ, что по собраннѣмъ мною въ Ростовѣ извѣстіямъ находимы были древнія монеты не въ одной *Недвиговкѣ*, но и въ другихъ *древнихъ окопахъ* по правому берегу нижняго Дона, о чемъ упомянуто и въ первомъ письмѣ моемъ ³.

Судя по тѣмъ извѣстіямъ, можно было имѣть нѣкоторое сомнѣніе, точно ли видѣнныя мною близъ Недвиговки развалины принадлежать древнему Танаису? Ибо, если и въ другихъ мѣстахъ по берегамъ Донскимъ находимы были древнія Воспорскія монеты, и существуютъ слѣды укрѣпленій и жилищъ, подобныя Недвиговскимъ; то ничто не можетъ опровергнуть заключенія, по коему бы тѣ слѣды приписаны были Танаису, а Недвиговскія развалины какому нибудь иному неизвѣстному Греческому селенію.

¹ Blaramberg, *Choix de medailles antiques d'Asiopolis*, pag. 30.

² Julii Capit. *Maximinus et Balbinus*, cap. 16.—Tillemont *Hist. des Emp.* C. III, p. 267.

³ См. Вѣст. Евр. 1824 Февраля № 4, стр. 256. (Выше стр. 389).

Но какъ по свидѣтельству Стравона¹ и другихъ древнихъ писателей, Танаисъ былъ, послѣ *Пантикапей*, знатнѣйшимъ торговымъ мѣстомъ всей окружности; то и развалины его должны быть значительнѣе всѣхъ прочихъ, какія бы могли быть найдены въ окрестной странѣ. Основываясь на семъ неоспоримомъ заключеніи, я нетерпѣливо желалъ удостовѣриться, посредствомъ мѣстнаго изслѣдованія, должно ли прежнее мое мнѣніе о мѣстоположеніи Танаиса подтвердиться, или опровергнуться.

Прибывши на сихъ дняхъ въ *Ростовъ*, я началъ изслѣдованія мои съ *Гниловской станицы*. Сіе Донское селеніе лежитъ въ 6 верстахъ отъ Ростова, внизъ по Дону, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется на два рукава, *Донъ* и *Донецъ*, называемый *Мертвымъ* для отличія отъ *Сѣвернаго Донца*. Мнѣ подтвердили прежнее извѣстіе, что тутъ видны остатки укрѣпленій, въ конхъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ найденъ былъ *кувшинъ съ древнею золотою монетою*.

Я дѣйствительно нашелъ въ Гниловской станицѣ, при самомъ раздѣленіи Дона, слѣды землянаго вала, но очевидно не древняго. Быть можетъ, должно отнести оный ко временамъ нашествій Русскихъ войскъ на *Азовъ*, въ царствованіе Петра Великаго.

Немного пониже, на западномъ краю селенія, указали мнѣ другое небольшое укрѣпленіе, окруженное довольно глубокимъ ровомъ и высокимъ валомъ. Разбросанные въ семъ мѣстѣ куски глиняныхъ сосудовъ, подобные тѣмъ, кои описаны въ первомъ письмѣ моемъ, удостовѣрили меня, что сіе укрѣпленіе служило нѣкогда обиталищемъ древнимъ Грекамъ. Но ни по обширности сихъ развалинъ, ни по положенію, ни по другимъ признакамъ не лзя полагать, чтобы тутъ существовалъ когда либо населенный и торговый городъ. Въ окружности видно мало, да и то очень небольшихъ кургановъ; и по сему одному обстоятельству не лзя уже предполагать, чтобы Танаисъ находился въ семъ мѣстѣ.

Отсюда, слѣдуя внизъ по берегу *Донца*, прибылъ я къ устью ручья *Сухаго Чалтура*, впадающаго въ Донецъ въ 7 верстахъ отъ Гниловской станицы и въ 14 отъ Недвиговки. Тутъ нашелъ я еще одно укрѣпленіе, очевидно древнее, возвышающееся надъ *Донцомъ* и обнесенное весьма глубокимъ ровомъ, который нынѣ заросъ густымъ кустарникомъ. Укрѣпленіе сіе имѣетъ круглый видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны еще, поверхъ земли, остатки каменной стѣны, которая въ окружности имѣла не болѣе 220 шаговъ, или 70 сажень. На близъ

¹ Strab. lib. VII, pag. 310.

лежащей вспаханной землѣ разбросаны обломки древнихъ глиняныхъ сосудовъ. По всему видно, что укрѣпленіе сіе было не иное чѣмъ, какъ родъ большой круглой башни, построенной вѣроятно жителями древняго Танаиса. Отсюда до Недвиговскихъ развалинъ, то есть, какъ выше сказано, на разстояніи 14 верстъ, невидно болѣе никакихъ слѣдовъ древнихъ жилищъ, равно и отъ Недвиговки далѣе къ Азовскому морю: такъ увѣрили меня по крайней мѣрѣ всѣ старожилы сихъ мѣстъ.

И такъ построеніе укрѣпленій близъ *Гниловской* и *Сухая Чалтура*, по всемъ видимымъ признакамъ и по найденнымъ въ нихъ, какъ увѣряютъ, древнимъ греческимъ монетамъ, почти безошибочно можно приписать древнимъ Грекамъ; но за всемъ тѣмъ невозможно принять остатки укрѣпленій сихъ за слѣды торговаго греческаго города, на Танаисѣ бывшаго, преимущественно предъ Недвиговскими развалинами: слѣдовательно новыя разысканія мои не только не опровергають прежняго заключенія, что городъ Танаисъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ видны теперь развалины близъ Недвиговки, но еще и совершенно подтверждаютъ оное.

Свидѣтельство Венеціанскаго путешественника Іоасафата Барбаро, посѣщавшаго устья Дона около половины XV столѣтія, послужить намъ новымъ доказательствомъ. Находясь 1437 года въ *Тань*, Венеціанской колоніи на Дону, Барбаро пишетъ: «*Onde per esser La Tana fra monticelli di terreno, a fosse assai, per spatio di dieci miglia intorno, ove già fu La Tana antica, etc*»¹. Сія слова показываютъ, что городъ Венеціанскій былъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, *гдѣ никогда стоялъ древній* Греческій; а Недвиговскія развалины, бывъ до нынѣ окружены *рами* и *курганами*, удостовѣряютъ какъ въ справедливости свидѣтельства Іоасафата Барбаро, такъ и въ истинѣ заключенія моего на счетъ мѣстоположенія Танаиса. На устьяхъ Дона нѣтъ другаго мѣста сходственнаго съ описаніемъ Венеціанца.

Прибавлю къ сему нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ послужить къ вѣщему подтвержденію вышеприведеннаго и при подробнѣйшихъ изысканіяхъ подать поводъ къ новымъ любопытнымъ открытіямъ относительно древней топографіи устій Дона.

Вышеупомянутый Венеціанскій путешественникъ Іоасафатъ Барбаро рассказываетъ², что во время пребыванія его въ Танѣ разнесся тамъ слухъ, будто въ одномъ изъ значительнѣйшихъ кургановъ тамошней окрестности зарыто было большое сокровище; почему Барбаро и предъ-

¹ *Viaggi fatti di Venetia alla Tana, etc.* Vinegia. Aldus, 1545, fol. 8, b.

² *Ibid.* fol. 4 et seqq.

принять, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, раскопать тотъ курганъ и овладѣть сокровищемъ. Но фортуна не вознаградила трудовъ ихъ. Отправляясь изъ Таны для совершенія своего намѣренія, Венеціане переправились черезъ Донъ¹. Следовательно, если отыскать означенный курганъ, который еще долженъ быть замѣтенъ и отличителенъ отъ другихъ какъ по величинѣ и формѣ, описанной очень подробно путешественникомъ, такъ и по сдѣланнымъ въ ономъ большомъ подкопамъ, то очевидно окажется, что городъ Танаисъ долженъ быть отыскиваемъ на противоположномъ берегу Дона.

Будучи отъ Гниловской станицы къ Чалтуру, видѣлъ я очень ясно высокіе курганы, называемые *Пятью Братьями*. Они лежатъ на низкомъ и болотистомъ островѣ между Донцомъ и Дономъ, ближе къ берегу сего послѣдняго, и неподалеку отъ *Щучей* или *Елисаветинской станицы*. Если отъ Гниловской, переправясь черезъ Донецъ, следовать къ означенной Щучей станицѣ и къ Азову, то должно провзжать очень близко отъ сихъ кургановъ. О нихъ упоминается въ путешествіи Англичанина Кларка². Мнѣ весьма жаль было, что время, и особенно разлитіе рѣки, не позволили мнѣ осмотрѣть ближе сіи любопытныя насыпи; но судя по формѣ оныхъ и числу, я удостоверился, что онѣ не могутъ быть тѣ самыя, въ коихъ Иосафатъ Барбаро искалъ сокровища. Къ тому же изъ сказанія сего путешественника можно видѣть, что разрытый имъ курганъ отстоялъ отъ Танаиса далѣе нежели означенные *Пять Братьевъ* отъ Недвиговки.

Въ Гниловской станицѣ мнѣ говорили еще о двухъ курганахъ, называемыхъ *Двумя Братьями* и славящихся донинѣ во всей окрестности величиною и возвышенностію мѣста, на коемъ они насыпаны. Курганы сіи находятся на лѣвомъ берегу Дона, по дорогѣ, ведущей изъ *Старою Черкаска въ Азовъ*, верстахъ въ 20 отъ перваго города. Если при осмотрѣ сихъ кургановъ окажутся они сходными съ описаніемъ, которое находимъ въ путешествіи Иосафата Барбаро, то уже не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, что древній городъ Танаисъ находился на правомъ берегу Дона, а не на лѣвомъ, какъ доселѣ полагали; изслѣдованія же мои по всему правому берегу должны будутъ удостовѣрить, что тотъ городъ, какъ выше показано, существовалъ близъ Недвиговки, гдѣ доселѣ видны печальные остатки онаго.

Скажу еще, что въ подкрѣпленіе всего вышеписаннаго можно бы было извлечь изъ любопытной книги Иосафата Барбаро многія другія

¹ Ibid. fol. 5.

² Clarke, *Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie*; trad. franç. Tom. II, ch. 14, pag. 92.

доказательства, основанная на повѣствованіи его о переходѣ Татарскихъ ордъ черезъ Донъ ¹, о нападеніяхъ Черкесъ ², и проч. Но изслѣдованія, въ кои должно бы было войти при семь случаевъ, заставили бы меня выдти изъ предѣловъ обыкновеннаго письма. Удовольствуюсь нынѣ, сообщивъ вамъ извѣстіе объ одномъ предметѣ, который также, можетъ быть, относится къ Танаису.

Въ *Танаиской крѣпости*, передъ стариннымъ домомъ адмиралтейства, на крутомъ берегу, возвышающемся надъ прежнимъ портомъ Петра Великаго, видѣлъ я на сихъ дняхъ шесть обломанныхъ бюмраморныхъ статуй, представляющихъ трехъ мужчинъ въ мантіяхъ и трехъ женщинъ въ древней Греческой одеждѣ. Четыре изъ сихъ статуй принадлежать къ лучшимъ временамъ Греческаго искусства: отдѣлка одежды самая превосходная. По положенію рукъ можно заключить, что изваянія сіи украшали надгробные памятники. Удивляюсь, что ни одинъ путешественникъ (сколько по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно) не упоминаетъ о сихъ любопытныхъ остаткахъ древности, хотя по всему видно, что онѣ давно уже находятся на мѣстѣ, нынѣ занимаемомъ ими; удивляюсь и сожалею, видя ихъ валяющихся въ забвеніи! Сколько ни развѣдывалъ я, никто не могъ сказать мнѣ, откуда привезены статуи. Если не изъ Греціи, или Малой Азіи, или же береговъ *Воспора Киммерійскаго*, то не льзя ли заключить, что онѣ были найдены на берегахъ Дона? Сколько бы возвысилась ихъ драгоценность, когда бы сіе заключеніе оправдалось, и когда бы мы имѣли въ нихъ доказательство, что и у Танаисскихъ Грековъ, не смотря на отдаленность и *варварство* страны, цвѣли художества просвѣщенной Греціи!

Въ заключеніе обращаясь еще къ остаткамъ древнихъ Греческихъ укрѣпленій, видѣнныхъ мною близъ *Гниловской станицы* и на *Суходѣ Чалтурѣ*, я полагаю, что *Танаисскіе* Греки имѣли тутъ укрѣпленные посты, или *ведеты* (*σχοπαι*), подобные тѣмъ, кои, по сказанію Страбона ³, были построены *Клазоминскими* Греками по восточному берегу Азовскаго моря. Ведеты сіи служили вѣроятно для содержанія въ страхъ *Скивоовъ*; или для складки товаровъ и произведенія на разныхъ пунктахъ удобнѣйшаго торгова съ окрестными народами; или же (что кажется всего правдоподобнѣе) для защиты судоходства и богатыхъ рыбныхъ промысловъ по разнымъ устьямъ рѣки. Очень вѣроятно, что Танаисскіе Греки, желая обезпечить сіи промыслы отъ внезапныхъ нападеній *Скивоовъ*, содержали вооруженные посты по возвы-

¹ *Viaggi alla Tana, etc. fol. 7 et seqq.*

² *Ibid. fol. 11.*

³ *Strab. Lib. XI, pag. 494.*

шенностямъ, окружающимъ устья Дона. При подробнѣйшихъ изысканіяхъ найдутся, можетъ быть, слѣды подобныхъ ведетовъ и въ другихъ мѣстахъ вдоль различныхъ рукавовъ рѣки.

Птолемей ¹ называетъ нѣсколько мѣстъ вверхъ по Дону и по северовосточному берегу Азовскаго моря, кои, судя по именамъ, вѣроятно были построены Греками; сіе подтверждается свидѣтельствомъ Стравона ² и Плинія ³. Кларкъ упоминаетъ о древностяхъ, въ *Цымлянскои станицѣ* найденныхъ ⁴, и я самъ видѣлъ, близъ *Аксаля*, нѣсколько разбросанныхъ обломковъ древнихъ глиняныхъ сосудовъ, о коихъ уже неоднократно было говорено, и кои обыкновенно означаютъ жилища Грековъ. Но, повторю, что я слишкомъ бы распространялъ письмо сіе, и далеко бы отступилъ отъ моего предмета, вошедши въ подробное о семъ разсужденіе. Къ тому же, въ подкрѣпленіе нужны бы были мѣстныя разысканія, кои вѣрнѣе всѣхъ ученыхъ догадокъ, но коихъ я не имѣлъ времени сдѣлать. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что найдутся путешественники, которые когда нибудь воспользуются сдѣланными мною наблюденіями и обогатятъ свѣдѣнія наши о сей любопытной странѣ новыми открытіями ⁵.

¹ Ptol. Geogr. Lib. III. cap. 5; Lib. V, cap. 9.

² Strab. Lib. XI. pag. 493 et 494.

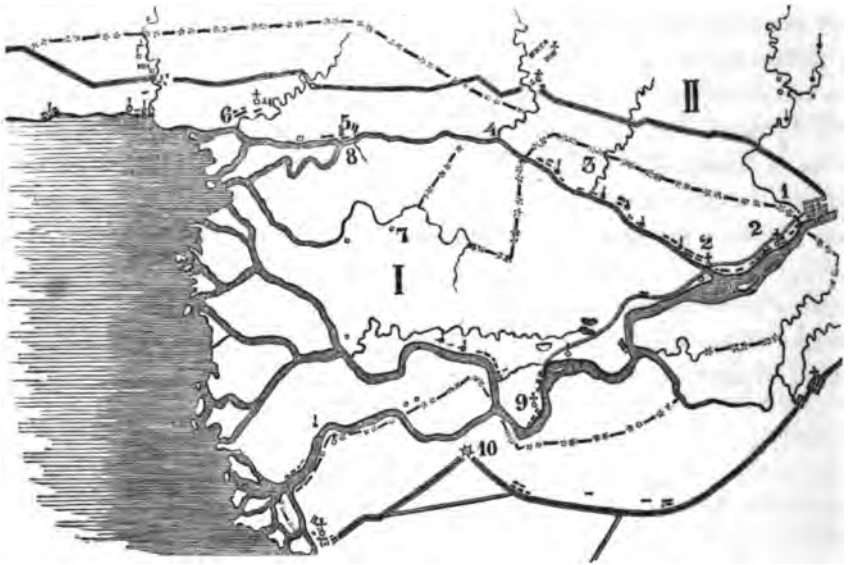
³ Plin. Hist. Nat. Lip. VI, cap. 7.

⁴ Clarke, Voyages en Russie, etc. trad. fr. Tom. II, chap. 13, pag. 19 et 20.

⁵ Въ Іюні сего года, послѣ сильнаго дождя, найдена въ Ростовѣ, на самомъ берегу Дона, золотая монета Восторскаго Царя *Евнатора*. Она представляетъ съ одной стороны лице царя, съ надписью *ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΥΠΑΤΩΡΟΣ*; съ другой два лица Императоровъ Марка Аврелія и Луція Вера, и годъ *ΘΝΥ*, 459, Понтійскаго лѣтосчисленія, или 163 по Р. Х. Монета сія находится теперь въ моихъ рукахъ чрезъ посредство почтеннаго О. О. Гошалеца.

Монеты Греческія и глиняные сосуды Греческой работы могли быть въ употребленіи и у Сминовъ, по берегамъ Танаиса, или Дона, кочевавшихъ и производившихъ торги съ Греками; слѣдовательно не должно полагать, чтобы вездѣ тамъ были Греческія селенія, гдѣ отыскиваются подобныя монеты и обломки сосудовъ. Только тамъ можно предполагать существованіе таковыхъ селеній, гдѣ мѣстоположеніе оныхъ опредѣлено древними писателями, или видимыми доселѣ явными слѣдами древнихъ жилищъ и укрѣпленій, подобно какъ въ *Недвиговкѣ*, на *Чалтурѣ* и близъ *Гниловской станицы*.

ПЛАНЪ УСТІЙ ДОНА.

ОБЪАСНЕНІЕ.

I. Земля Войска Донскаго. II. Екатеринославская губернія

1. Урядный городъ Ростовъ Екатеринославской губерніи. 2. Гниловская станція Черкасскаго Округа Земли Войска Донскаго. 3. Ручей Сухой Чалтырь. 4. Ручей Мокрый Чалтырь. 5. Слобода Недвиговка, прежде сего полковника Мартыкова, нынѣ приписанная къ юрту Гниловской станціи. 6. Слобода Сивилка, разныхъ владѣльцевъ, Миусскаго Округа Земли Войска Донскаго. 7. Курганъ на ерикѣ, называемомъ Лагутиникъ. 8. Городище на ерикѣ, называемомъ Люткиъ. 9. Елисаветовская станція, Щучье тожъ, Черкасскаго Округа Земли Войска Донскаго. 10. Заштатный городъ Азовъ Екатеринославской губерніи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

НА МѢСТѢ

ДРЕВНЯГО ТАНАИСА

И ВЪ ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

=

Желаніе, выраженное въ напечатанныхъ передъ симъ письмахъ достопочтеннаго основателя археологическихъ разысканій на югъ Россіи, наконецъ исполнилось. Въ настоящемъ году по Высочайшему повелѣнію были произведены археологическіе поиски въ земляхъ донской слободы Недвиговки и ея окрестностяхъ. Его Сіятельству Господину Министру Удѣловъ, подѣ въдвѣніемъ котораго состоитъ нынѣ вся археологическая часть въ Россіи, было угодно поручить эти разысканія мнѣ и г. архитектору А. А. Авдѣеву¹.

Разысканія наши продолжались отъ 8 іюля до 6-го ноября, и обнимали пространство отъ развѣтвленія Дона на два рукава, нѣсколькими верстами ниже города Ростова, до впаденія обоихъ рукавовъ въ Азовское море. Высота изслѣдованнаго треугольника, по направленію отъ запада къ востоку, имѣетъ въ длину около 25 верстъ; основаніе его, по морскому берегу, отъ сѣвера къ югу, около 18 верстъ. Предметомъ разысканій были остатки древнихъ поселеній (такъ называемыя городища), курганы, и продолговатыя могильныя насыпи. Городище, на которое указалъ Стемпковскій, дало наиболѣе важныхъ археологическихъ находокъ. —

Первое, что поражаетъ всякаго путешественника при вѣздѣ въ Землю Войска Донскаго, это — обиліе кургановъ. Ихъ весьма много по

¹ Автору писемъ изъ Рима и Неаполя, напечатанныхъ въ III книгѣ «Прондесевъ».

всей Земль, но особенно часты они около устьей Дона. Они составляют такой оригинальный и бросающийся въ глаза памятникъ прошедшаго, что нельзя начать говорить объ археологическихъ разысканіяхъ, произведенныхъ въ Земль Войска, не сказавъ нѣсколько словъ вообще о курганахъ.

Въ настоящее время наука исторіи, благодаря неожиданнымъ археологическимъ открытіямъ, обогатилась свѣдѣніями с такихъ народовъ и эпохъ, которыхъ память, казалось, погибла невозвратно. Мы имѣемъ недавній примѣръ чудесъ науки въ разборѣ надписей, написанныхъ неизвѣстными шрифтами на неизвѣстныхъ языкахъ. Что мудренаго, если та же волшебная сила ума человеческого заставитъ заговорить нѣмыми насыпи объ исторіи странъ, бывшихъ главнымъ театромъ переселеній народовъ? Позволительно думать, что изслѣдованіе нашихъ кургановъ поведетъ со временемъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ. — Первою заботой должно быть конечно нанесеніе кургановъ на карту. Можно полагать, что одна уже географическая группировка кургановъ въ состояніи повести къ нѣкоторымъ заключеніямъ, напр. къ опредѣленію путей, по которымъ происходили движенія, и равно и тѣхъ этнографическихъ центровъ, около которыхъ наиболѣе сосредоточивалось сначала кочеваніе, потомъ населеніе страны. Находки, число которыхъ, при несмѣтномъ множествѣ кургановъ, непременно должно быть значительно, если только разрытіе было бы предпринято въ обширныхъ размѣрахъ, находки дали бы возможность распределить курганы на нѣсколько группъ, смотря по степени и характеру цивилизаціи, въ нихъ выражающейся; между тѣмъ какъ черепа, находимые въ курганахъ, могли бы послужить источникомъ къ опредѣленію расы погребенныхъ людей. Очень можетъ быть, что въ слѣдствіе такихъ разысканій этнографическая исторія этихъ странъ сдѣлается для насъ столько же или даже болѣе достовѣрно извѣстною, какъ если бы мы имѣли о ней положительныя извѣстія писателей. Но этотъ трудъ такъ обширенъ и сложенъ, что и мысль о немъ не могла бы прийти въ голову, если бы наше время, какъ мы уже сказали, не представляло примѣровъ самыхъ неожиданныхъ историческихъ открытій, на основаніи памятниковъ, которые, казалось, не могли подать о себѣ никакого голоса. Пріятно впрочемъ упомянуть, что нѣкоторые мѣстные жители принимаютъ живое участіе въ вопросѣ о курганахъ Земли Войска Донскаго: такъ напр. мы видѣли у г. полковника Пудовова въ Новочеркаскѣ богатые матеріалы для карты кургановъ и городищъ всего края, при собираніи которыхъ онъ усердно пользуется своею службою по межевой части; г. полковникъ Мартыновъ, бывший владѣлецъ сло-

боды Недвиговки, одинъ изъ ветерановъ Войска, употребляетъ также свой досугъ на собраніе свѣдѣній объ археологическихъ находкахъ и по временамъ приобретаетъ самыя древности; между поколѣніемъ младшимъ, намъ также случалось встрѣчать людей, интересующихся этимъ дѣломъ; и даже въ простомъ народѣ видимо распространяется понятіе, что древнія вещи стоить болѣе своей металлической или вообще матеріальной цѣнности. Можно надѣяться, что при такомъ положеніи дѣла, свѣдѣнія, случайно получаемыя о курганахъ, и древности, въ нихъ находимыя, не будутъ болѣе пропадать для науки. Господа помѣщики и чиновники, въ рукахъ которыхъ находятся или къ которымъ будутъ случайно поступать подобныя данныя и предметы, оказали бы большую заслугу исторіи своего края, если бы рѣшились, для блага науки, сообщать о томъ людямъ, специально занимающимся изслѣдованіями этого рода, или по крайней мѣрѣ если бы печатали точныя извѣстія въ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, какъ ближайшемъ органѣ.

Судя по даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать о раскопаннхъ доселѣ курганахъ, всѣ курганы Земли Войска Донскаго могутъ быть раздѣлены на два разряда — курганы *могильныя* и курганы *воислужебныя*¹. Въ первыхъ находятся всегда скелеты людей и животныхъ; во вторыхъ костей не бываетъ, но очень часто выкапываются статуи, извѣстныя подъ именемъ *бабъ*, находимыя впрочемъ и въ курганахъ перваго рода.

Гробницы, кроющіяся въ курганахъ, бываютъ разнообразны. Ниже мы помѣщаемъ статью, въ которой исчислены виды гробницъ, попадающихъ въ окрестностяхъ Керчи. Что касается до Земли Войска Донскаго, то здѣсь преобладаютъ гробницы земляныя, т. е. вырванныя просто въ землю. Онѣ бываютъ углублены въ материкъ отъ $\frac{1}{2}$ аршина до 3 аршинъ, и очень рѣдко помѣщаются на материкѣ или выше его въ самой насыпи, — последнее въ гробницахъ позднѣйшихъ, устроенныхъ послѣ того, какъ курганъ былъ насыпанъ. Въ большей части донскихъ кургановъ бываетъ находимо по одной гробницѣ; въ нѣкоторыхъ главную гробницу окружаютъ боковыя, двѣ, три и болѣе. Главная гробница находится почти всегда приблизительно подъ вершиной кургана; боковыя гробницы по большей части попадаютъ подъ такъ называемыми *присылками* кургана. Тѣ курганы, которые были мною самимъ изслѣдованы, имѣли обыкновенно форму неправильно коническую; свѣрхний обрывъ ихъ былъ круче, южный отложе нежели остальные. Съ этой послѣдней

¹ Упомяну съ удовольствіемъ, что относительно кургановъ южной части Енисейской губерніи такое же раздѣленіе принимается ии. Костровъ въ Москвитинѣ, 1851, май.

стороны, а иногда и съ восточной и довольно рѣдко съ западной стороны, бываютъ въ иныхъ курганахъ присыпаны малыя возвышенія, которыя самымъ наружнымъ видомъ свидѣтельствуютъ о своемъ позднѣйшемъ происхожденіи. Въ Керчи, гдѣ раскопка кургановъ производится издавна, вошло въ употребленіе техническое слово *присыль* для обозначенія такихъ малыхъ возвышеній, примыкающихъ къ кургану съ боковъ его. Подъ этими-то присыпями обыкновенно попадаются боковыя гробницы. Величина кургановъ Земли Войска Донскаго бываетъ весьма различная. Есть курганы не выше 1 арш. и не болѣе 4 арш. въ діаметръ, но есть и въ 5 сажень вышины и до 20 сажень въ діаметръ и даже болѣе. Наиболее часто встрѣчаются курганы около 1 саж. вышиною и около 6 сажень въ поперечникъ.

Опытность, еще впрочемъ весьма небольшая, пріобрѣтенная мною въ продолженіе раскопокъ этого лѣта и осени, привела меня къ тому убѣжденію, что главное требованіе при раскопкѣ кургановъ состоитъ въ томъ, чтобы управляющій раскопкою могъ дать себѣ отчетъ въ способъ насыпки кургана. Надобно найти, какъ говорятъ керченскіе рабочіе, *начинъ* кургана, отыскать слой материковой земли, выброшенной при рытіи гробницы, и опредѣлить себѣ, за одинъ ли разъ былъ насыпанъ весь курганъ, или его нынѣшняя форма произошла вслѣдствіе многократныхъ присыпокъ; въ последнемъ случаѣ необходимо добиться толку, сколько такихъ присыпокъ вошло въ составъ кургана. Только когда все это уяснено, можно съ увѣренностію полагать, что найдены слѣды ко всѣмъ гробницамъ, находящимся въ курганѣ, и дальнѣйшее снесеніе земляной массы становится ненужнымъ. Но никакъ не слѣдуетъ безъ особенно-важныхъ постороннихъ побужденій пріостанавливать раскопку кургана, когда способъ его насыпки еще не вполне разъяснился, ибо гораздо рачіональнѣе продолжать трудъ начатый (т. е. отчасти уже сдѣланный), хотя и невѣрный, нежели приступать къ труду столь же невѣрному и еще не начатому. Кромѣ того только при такомъ способѣ раскопки можно съ увѣренностію сказать, что такой-то курганъ совершенно изслѣдованъ и не представляетъ никакой надежды къ дальнѣйшимъ находкамъ.

Что касается до самаго способа раскопки, то малыя курганы, съ одною вершиною и безъ присыпей, кажется, выгоднѣе изслѣдовать посредствомъ ямъ, копаемыхъ по срединѣ кургана. Въ большей части случаевъ одна такая яма, приблизительно въ 4 сажени площади, приведетъ къ гробницѣ и объяснитъ насыпку кургана: если же представится сомнѣніе, то надобно будетъ расширить яму въ одну изъ сторонъ (сдвѣгать, какъ говорятъ въ Керчи, *пріемку*) по направленію къ

сомнительному мѣсту. Напротивъ курганы ббльшей величины и въ особенности курганы съ большими присыпями полезнѣе раскапывать продольными разрѣзами, направляемыми по хребту присыпи отъ ея подошвы къ центру кургана. Такихъ разрѣзовъ необходимо должно быть столько же, сколько есть присыпей, и разрѣзы непременно должны доходить до материка. Для ускоренія полезно производить эти разрѣзы, какъ говорятъ рабочіе, *на перевалъ*, т. е. засыпать мѣста, вскрытыя до материка, землею, выкапываемою при продолженіи работы. Такое распоряженіе не только облегчаетъ рабочимъ, но и достигаетъ еще той выгоды, что поверхность кургана, остающаяся нетронутою, не забрасывается землею, и если окажется необходимость сдѣлать пріемку, то не будетъ нужно терять трудъ на раскидку земли, выброшенной при прежнихъ работахъ. Наконецъ при такомъ способѣ копанія сохраняется по возможности прежняя форма кургана, и избѣгается совершенное искаженіе красиваго памятника почтенной древности. Я не могу ничего сказать о способѣ раскопки концентрическими кругами, который нѣкоторыми считается за наилучшій. Очень можетъ быть, что при курганахъ весьма значительнаго объема и притомъ небольшой вышины можно было бы употребить его съ успѣхомъ; но мнѣ не представлялось къ тому повода. Наконецъ нельзя не упомянуть объ оставленномъ теперь способѣ раскопки посредствомъ минъ. Этотъ способъ значительно сокращаетъ издержки и даетъ возможность раскопать въ данное время гораздо болѣе кургановъ. Его стоило бы ввести въ употребленіе для кургановъ значительной вышины.

Когда поверхность первоначальнаго материка вскрыта, то забота состоитъ въ томъ, чтобы не пропустить гробницы, въ немъ устроенныхъ. Если стѣны гробницы обложены камнемъ, то ошибки быть не можетъ; но почти во всѣхъ курганахъ Земли Войска Донскаго попадаются, какъ уже сказано, простыя земляныя гробницы. Онѣ обыкновенно вырыты въ материкъ, имѣютъ около 3 арш. въ длину и 2 въ ширину; скелеть съ вещами, находившимися на трупѣ, лежитъ или просто на днѣ гробницы, или на подстилкѣ, по большей части изъ тростника; около $\frac{1}{2}$ арш. выше дна гробницы часто попадаются или деревянныя доски, или каменныя плиты, перекрывавшія гробницу; остальная часть гробницы отъ перекрышки внизъ до поверхности материка бываетъ просто засыпана землею. Въ большей части случаевъ эта земля мягче окружающей ее материковой, но иногда она бываетъ тщательно убита и перемѣшана съ мелкимъ щебнемъ; въ такомъ случаѣ она превосходитъ твердостью самый материкъ. Всегда цвѣтъ ея нѣсколько отличается отъ цвѣта материка: это различіе цвѣта

составляетъ главное показаніе, по которому отыскиваются земляныя гробницы. Дѣло это, по видимому простое, требуетъ немовѣрной опытности глаза, и потому едва ли можно съ успѣхомъ раскапывать курганы, заключающіе въ себя земляныя гробницы, не имѣя надсмотрщикомъ челоуѣка, издавна занимающагося работою на курганахъ. Железный пруть около $2\frac{1}{2}$ арш. длины, съ небольшимъ буравомъ на концѣ, оказываетъ большую пользу при отысканіи *обрѣзовъ* земляныхъ гробницъ¹. Такой *щупъ* свободно идетъ въ рушепую землю, но останавливается на материкѣ. Земляныя гробницы, засыпанныя мягкою землею, легко могутъ быть открываемы такимъ образомъ. Но въ обрѣзахъ, наполненныхъ убитою землею, употребленіе щупа обманчиво: опытный глазъ всегда вѣрнѣе инструмента.

Пока еще не дошли до того мѣста, гдѣ ожидаютъ найти скелетъ, работаютъ обыкновенными заступами; кирки употребляютъ, если земля очень тверда, и если, по указанію направленія обрѣза, надобно подбивать стѣну ямы. Но когда достигнуть самой гробницы, то эти инструменты кладутся въ сторону, и начинается работа довольно тупыми и длинными прямыми ножами, такого устройства, что вещи, находящіяся на скелетѣ, не могутъ пострадать отъ нихъ. Естественно прежде всего постараться узнать направленіе, въ которомъ лежитъ скелетъ. Для этого упомянутымъ ножемъ изслѣдуются два продольные конца гробницы и отыскивается мѣсто черепа. Тогда вскрытіе гробницы начинаютъ съ противоположной стороны, т. е. съ ногъ; ибо такимъ образомъ бываетъ легче слѣдовать за направленіемъ костей, не нарушивъ порядка, въ которомъ онѣ лежатъ. Въ ногахъ очень часто попадаютъ сосуды, но на самыхъ костяхъ нижнихъ оконечностей рѣдко бываютъ вещи. Снимая землю, покрывающую скелетъ, постепенно доходятъ до таза, и тутъ уже можно бываетъ иногда заключить, какой скелетъ находится въ гробницѣ, мужской или женскій, что другими словами значить, хорошія ли находки будутъ въ гробницѣ или плохія, ибо въ большей части случаевъ вещи, сколько нибудь цѣнныя, попадаютъ только въ женскихъ гробницахъ. По сторонамъ тазовой кости обыкновенно показываются пальцы рукъ; тутъ вниманіе раскапывающаго усиливается, потому что на пальцахъ обыкновенно бываютъ кольца или перстни. Далѣе, на предплечіяхъ женскихъ скелетовъ бываютъ запястья, на шеѣ монисты, въ ушахъ серьги. Золотыхъ вѣнчиковъ, такъ часто встрѣчающихся въ керченскихъ гробницахъ, мы ни разу не находили въ кур-

¹ Слово «обрѣзъ» есть также техническій терминъ языка керченскихъ рабочихъ; имъ означается спускъ, идущій внизъ отъ поверхности материка и составляющій стѣнку земляной гробницы.

ганахъ Земли Войска Донскаго; металлическія украшенія платья, пугови, золотыя нашивки попадались рѣдко. — Въ мужскихъ гробницахъ ничего подобнаго не встрѣчается: мы находили лишь оружіе, желѣзное, совершенно перержавѣвшее, и мѣдное, лучше сохранившееся, какъ то: желѣзные мечи въ ножнахъ изъ лубка, желѣзные наконечники копій, желѣзные наконечники стрѣлъ, мѣдные наконечники стрѣлъ, и тѣ и другіе трехгранные, бронзовыя чешуйки отъ панцыря; одинъ разъ найденъ былъ наконечникъ стрѣлы изъ кремня; а изъ одной гробницы можно было достать нѣсколько кусочковъ чрезвычайно тонкой дровки, показавшихъ, какой видъ имѣла въ древности та часть дровки, которая налагалась на тетиву.

При вскрытіи гробницъ чрезвычайно важно оставлять кости на своихъ мѣстахъ. Когда весь скелетъ вскрытъ, и вещи, на немъ найденныя, покажутъ, что гробница не была расхищена, и не смотря на то кости найдены будутъ въ безпорядкѣ, то это можетъ повести къ интереснымъ заключеніямъ. Такъ напримѣръ мы нашли одинъ мужской скелетъ въ сидячемъ положеніи съ нѣкоторыми вещами и сосудами при немъ; могила была нетронутая. Въ другой гробницѣ, также повидимому нетронутой и крайне тѣсной — она имѣла въ длину не болѣе 2 арш. — мы нашли два костяка, которые были какъ бы втиснуты въ гробницу, и на которыхъ не было никакихъ вещей, ни даже какой нибудь пугови; эта гробница была боковая; такъ какъ стѣнки ея были совершенно явственны, то трудно было воздержаться отъ догадки, что мы имѣли передъ собою скелеты рабовъ, закланныхъ по извѣстному обычаю при похоронахъ господина. Еще въ другой гробницѣ рядомъ съ мужскимъ костякомъ, совершенно правильно лежавшимъ, былъ найденъ скорченный костякъ женщины съ множествомъ разныхъ вещей — доказательство того, что и эта часть гробницы не была тронута; черепъ женщины лежалъ на сторону, пальцы рукъ были найдены ниже костей нижнихъ оконечностей; вообще положеніе костяка было таково, что могло произойти лишь при смерти въ страшныхъ конвульсіяхъ среди самой гробницы: очевидно, эта женщина была принуждена послѣдовать въ царство смерти за своимъ мужемъ.

Подобныя подробности, въ точности обозначенныя въ журналѣ работъ, могутъ послужить основаніемъ для соображеній, какъ о національности, такъ и о нравахъ племенъ, насыпавшихъ курганы. Особенно важно замѣчать положеніе костяка относительно странъ свѣта. При раскопкахъ, произведенныхъ лично мною, вещи, сколько нибудь порядочныя, попадались въ гробницахъ, гдѣ покойникъ былъ обращенъ лицомъ на западъ (т. е. гдѣ голова лежала въ восточной, а ноги въ западной ча-

сти гробницы); тѣ же гробницы, въ которыхъ костякъ лежалъ въ противоположномъ направленіи, были чрезвычайно бѣдны вещами и принадлежали вѣроятно совершенно другому племени. Я не скрываю отъ себя, что это наблюдение можетъ быть опровергнуто дальнѣйшими раскопками, тѣмъ болѣе что въ Керчи не было замѣчено ничего подобнаго. Но очень можетъ быть, что оно будетъ имѣть силу относительно окрестностей древняго Танаиса, и въ такомъ случаѣ оно служило бы къ распределенію кургановъ между двумя племенами. Во всякомъ случаѣ направленіе скелета есть предметъ, заслуживающій всякаго вниманія.

Когда гробница вскрыта, и вся земля, наполнявшая ее, выкинута, когда описано положеніе костяка, и выбраны вещи, на немъ находившіяся, тогда кости могутъ быть сдвинуты съ мѣста для изслѣдованія дна гробницы. Въ заключеніе всего просѣваютъ черезъ сито землю, окружавшую скелетъ, особенно ежели земля суха и рассыпается. Просѣваніемъ земли оканчивается вскрытіе гробницы. Съ найденными вещами я бы совѣтывалъ всегда уносить и черепъ, если удастся вынуть его въ цѣлости, что, правда, въ курганахъ, нами раскопанныхъ, случалось очень рѣдко. Два три черепа конечно ничего не значатъ, если между ними не попадется черепъ совершенно особеннаго построенія, принадлежавшій напримѣръ какому нибудь Макроцефалу, какъ одинъ изъ череповъ, нами найденныхъ. Но большое собраніе череповъ, найденныхъ въ курганахъ, было бы драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ для этнографическихъ разысканій.

Другой разрядъ кургановъ, совершенно отличный отъ могильныхъ, составляютъ курганы, которые можно назвать *богослужебными*. Сложены они по большей части правильнѣе нежели могильные курганы; въ основаніи своемъ они бывають, по большей части, окружены каменною стѣпою. Внутри ихъ вещей не попадаетъ, за то на вершинѣ очень часто находятъ *бабы*, эти богослужебные памятники идолопоклонства, господствовавшего въ древности въ этихъ странахъ. Бабы стояли на курганахъ въ числѣ двухъ, трехъ и болѣе, даже до двадцати. Въ настоящее время многія снесены съ кургановъ, многія еще стоятъ на вершинахъ, другія совершенно вросли въ землю и невидимы. Въ нѣкоторыхъ курганахъ находили бабъ на довольно значительной глубинѣ.

Мы не намѣрены здѣсь входить въ подробности вопроса о бабахъ, который требовалъ бы и особеннаго приготовленія, и обширнаго изложенія. Не можемъ однакожь не замѣтить, какъ было бы любопытно, и обильно важными выводами, по возможности полное собраніе рисунковъ, даже съ однѣхъ тѣхъ бабъ, которыя до сихъ поръ были сняты

съ кургановъ. Изъ бѣлаго несистематическаго обзора бабъ, которыя мнѣ удалось видѣть¹, я могу вывести только одно несомнѣнное заключеніе, что онѣ представляютъ важныя различія какъ по стилю, такъ и по атрибутамъ и символамъ. Можно утвердительно сказать, что всѣ онѣ не могутъ принадлежать одному народу, тѣмъ менѣе одному времени. Различіе, замѣчаемое между ними, такъ явственно, что ихъ легко было бы распределить на нѣсколько классовъ, рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго. Нѣмецкій путешественникъ Гакстгаузенъ въ продолженіе своего кратковременнаго пребыванія на югѣ Россіи собралъ довольно много интересныхъ данныхъ и рисунковъ по этому предмету. Будемъ надѣяться, что русскіе ученые предупредятъ въ этомъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ другихъ иностранцевъ. Уже одно описаніе доселъ открытыхъ бабъ, съ приложеніемъ нужныхъ рисунковъ, должно повести къ важнымъ результатамъ; но эти результаты конечно окажутся совершенно незначительными въ сравненіи съ тѣми, которыхъ можно ожидать отъ раскопки кургановъ, заключающихъ въ себѣ бабы. На основаніи этихъ новооткрытыхъ памятниковъ можно было бы дѣлать историческіе выводы съ ббльшею достовѣрностью, нежели на основаніи доселъ вырытыхъ, потому что мѣста ихъ находки были бы извѣстны. Различія въ стилѣ и атрибутахъ могли бы быть сличены съ различіемъ мѣстъ, гдѣ бабы были поставлены. Позволю себѣ прибавить, что экспедиція для отысканія бабъ могла бы обойтись довольно дешево, потому что не потребовала бы большихъ раскопокъ; главный трудъ состоялъ бы въ невозможно-полномъ обзорѣннн всѣхъ кургановъ.

Многіе принимаютъ еще третій разрядъ кургановъ, такъ называемые курганы сторожевые или маячныя. Нѣтъ сомнѣнія, что вообще наши курганы служили издавна, какъ служатъ и теперь, для отысканія пути черезъ степи. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ, на примѣръ, Книга Большаго Чертежа. Равномѣрно не подлежагъ сомнѣнію и то, что съ кургановъ сторожили непріятели. Но мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы курганы когда нибудь насыпались для одной изъ этихъ двухъ цѣлей, и именно вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Курганы находятся обыкновенно гру-

¹ Московское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ въ своей залѣ двѣ бабы; въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей заслуживаетъ одна баба особеннаго вниманія по своей оригинальности; въ Новочеркасскѣ въ городскомъ саду размѣщена цѣлая коллекція бабъ, изъ числа которыхъ многія стоятъ изученія; наконецъ Бахмутскій трактъ, въ особенности около города Бахмута и на югъ отъ него, весь уставленъ сотнями бабъ, тянующихся по обѣимъ сторонамъ большой дороги.

пами; около одного большого кургана бывают расположены два, три и больше кургановъ меньшихъ; мнѣ не удавалось замѣчать исключенія изъ этого общаго правила. Если оно оправдывается дѣйствительно на всѣхъ курганахъ, то имъ совершенно устранится предположеніе о курганахъ маячныхъ и сторожевыхъ: ибо кто сталъ бы насыпать въ сколько кургановъ для такой цѣли, которая достигается насыпкою одного кургана? Малые курганы были бы совершенно бесполезны около кургана сторожеваго или маячнаго. Я долженъ однакоже признаться, что для меня остается еще не вполне объясненною правильность рядовъ, въ которыхъ расположены курганы, обстоятельство, подававшее въ особенности поводъ къ предположенію маячныхъ и сторожевыхъ кургановъ¹; хотя я считаю нужнымъ замѣтить, что во-первыхъ относительная близость кургановъ одного ряда не говоритъ въ пользу этого предположенія, и во-вторыхъ нѣкоторые изъ кургановъ, расположенныхъ правильными рядами, заключаютъ въ себѣ гробницы, какъ показали намъ курганы въ окрестностяхъ Гниловской-станции.

Вотъ замѣчанія, которыя я хотѣлъ сдѣлать на основаніи кратковременнаго знакомства съ этими чрезвычайно интересными памятниками, такъ живописно разнообразящими пустынную нашихъ южныхъ степей. — Перехожу теперь къ повѣствованію о нашихъ собственныхъ поискахъ и находкахъ.

Большая дорога изъ Ростова-на-Дону, — обязаннаго своимъ торговымъ значеніемъ нашему времени и возрастающаго нынѣ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ, — въ Таганрогъ, городъ Петра Великаго, остающійся, доселѣ не смотря на соперничество, первымъ городомъ Азовскаго-моря, пролегаетъ сначала вдоль по правому берегу праваго рукава Дона, носящаго имя Мертваго-Донца, потомъ по северному берегу Азовскаго-моря. Первая станція на этомъ пути находится въ армянскомъ селеніи Чалтырь, Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, гдѣ направо отдѣляется идущій на сѣверъ большой бахмутскій трактъ; вторая—въ Морскомъ-Чулукѣ, слободѣ Миусскаго Округа Земли Войска Донскаго. Первая лежитъ при ручьѣ Мокрый Чалтырь (цифра 4 на помѣщенномъ выше планѣ), впадающемъ въ Мертвый-Донецъ; вторая при Морскомъ-Чулукѣ, вливающимся уже въ Азовское-море. На серединѣ разстоянія между этими дву-

¹ См. Сѣв. Пчел. 1852 г. № 136. (Замѣчанія противъ кн. Кострова). Остроумное объясненіе расположенія кургановъ рядами не кажется мнѣ убѣдительнымъ, а отрицаніе религіознаго значенія бабъ вовсе невѣроятно.

мя станціями, около одной версты на лѣво отъ большой дороги, лежитъ, надъ самымъ Мертвымъ-Донцемъ, слобода Недвиговка, принадлежавшая прежде полковнику Мартынову, а теперь отошедшая въ югъ сосѣдней Гниловской-станіцы (на планѣ 5). Мертвый-Донецъ течетъ здѣсь почти прямо съ востока на западъ; правый берегъ его, какъ у всѣхъ большихъ русскихъ рѣкъ, возвышенъ и обращенъ склономъ на югъ. Это положеніе и обиліе ключей дѣлаетъ его чрезвычайно удобнымъ для садоводства и разведенія виноградниковъ. Онъ весь давно превратился бы въ сплошной садъ — въ рукахъ жителей, болѣе привычныхъ къ осыдлой жизни и болѣе дѣятельныхъ; но и теперь онъ довольно оживленъ разбросанными по немъ хуторами. Это безспорно одинъ изъ самыхъ благодатныхъ уголковъ обширной русской земли. Живописность мѣстоположенія увеличиваетъ его привлекательность. Съ той высоты, по которой пролегаетъ большая дорога, вы можете любоваться широтою горизонта и этою синею далью, такъ мало знакомою жителямъ нашей равнины. Глазъ вашъ обзрѣваетъ всю дельту, лежащую между двумя крайними рукавами Дона, и усматриваетъ на дальнемъ планѣ городъ Азовъ съ сосѣдними ему селеніями лѣваго берега. Нѣсколько верстъ далѣе — и открывается море; вы видите тѣсь мачтъ, ожидающихъ попутнаго вѣтра для входа въ донскія гирла, а на правомъ берегу моря бѣлится Таганрогъ. Очарованіе путешественника, провѣзжающаго здѣсь лѣтомъ, было бы полное, если бы его не тревожили стаи комаровъ, поднимающихся съ камышей донской дельты.

Слобода Недвиговка лежитъ верстахъ въ пяти отъ устья Мертваго-Донца. Версты три ниже ея, почти на самомъ взморьѣ, по берегамъ впадающей въ Мертвой-Донецъ рѣчки Донской-Чулукъ, начинаются поселки слободы Синявки (на планѣ 6). Между этими двумя слободами, почти въ равномъ разстояніи отъ той и другой, находится то городище, которое обратило на себя вниманіе Стемпковскаго и было главнымъ предметомъ нашихъ разысканій и мѣстомъ важнѣйшихъ, сдѣланныхъ нами, находокъ.

Успѣхъ археологическихъ поисковъ совершенно зависитъ отъ числа рукъ и опытности рабочихъ, и потому я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой прозаической сторонѣ нашей экспедиціи.

Слобода Недвиговка отстоитъ отъ Новочеркаскъ около 60 верстъ; по этому нельзя было приступить въ Новочеркаскъ къ найму землекоповъ. Мы получили отсюда оффиціальное сообщеніе гг. ростовскому городничему и таганрогскому градоначальнику о цѣли нашего прибытія, съ просьбою содѣйствовать въ пріисканіи людей. Въмѣстѣ съ тѣмъ намъ

было дано открытое предписание такого же содержания ко всему властямъ въ Земль Войска. Въ самой слободѣ Недвиговкѣ, по собраннымъ свидѣніямъ, не было надежды найти рабочихъ: около 700 дунъ крепостныхъ полковника Мартынова два года тому назадъ выселены отсюда, и вся земля, за исключеніемъ сада и виноградника, приписана къ ближайшей Гниловской-станци, но до сихъ поръ не болѣе десятка казачьихъ семействъ успѣли выселиться; а на окружныхъ хуторахъ всѣ люди были заняты жатвой. Между тѣмъ въ Ростовѣ, сообщали намъ, работаетъ постоянно до 4,000 человекъ, приходящихъ изъ Великой и Малой Россіи. Эти свидѣнія оправдались на дѣлѣ, и намъ дѣйствительно удалось вызвать достаточное число землекоповъ изъ Ростова. Не могу при этомъ не упомянуть, что успѣхомъ въ присканіи рабочихъ мы обязаны ревностному содѣйствию атамана Гниловской-станции г. хорунжаго Суржина, который въ продолженіи недѣли почти постоянно жилъ въ Ростовѣ и ежедневно присылалъ къ намъ небольшія партіи поденщиковъ. Ему предстояло побѣдить неохоту отправляться слишкомъ за 25 верстъ, въ незнакомую мѣстность, гдѣ трудно найти продовольствіе и надобно много страдать отъ комара, который, замѣчу мимоходомъ, такъ свирѣпствуетъ въ Недвиговкѣ, что, не бывши тамъ, нельзя имѣть понятія о невыносимомъ дѣйствіи этого насѣкомаго на людей и на скотъ. Между тѣмъ какъ другіе отказывались прискать намъ рабочихъ для отправленія въ Недвиговку ниже 1р. 50 к. сер., атаманъ Суржинъ въ продолженіе одной недѣли набралъ 65 человекъ рабочихъ, изъ которыхъ первые 27 человекъ получали по 75 к., а остальные по 65 к. въ день на своихъ харчахъ. Потомъ число рабочихъ увеличилось до 100 человекъ, а плата постепенно понижалась, по мѣрѣ приближенія осени. Она доходила наконецъ до 35 коп. и вообще была бы еще ниже, если бы можно было устроить въ Недвиговкѣ продажу съѣстныхъ припасовъ по правильнымъ цѣнамъ. Другое неудобство состояло въ томъ, что наши рабочіе были сбродъ людей всякаго рода, по болѣе части возвращавшихся съ работъ въ другихъ мѣстахъ. Мы не могли имѣть ни постоянныхъ, ни опытныхъ въ своемъ дѣлѣ рабочихъ. Это значительно замедляло успѣхъ раскопокъ.

Въ Недвиговку прибыли мы 8-го іюля позднимъ вечеромъ. Насъ поразило неожиданное зрѣлище костровъ камыша, разведенныхъ передъ каждымъ домомъ для отгона комаровъ. Эти костры зажигаются здѣсь передъ заходомъ солнца и горятъ всю ночь; только вблизи ихъ рѣдѣютъ рой кровожадныхъ насѣкомыхъ. Когда мы пріѣхали, уже смерклося, и потому мы не могли удовлетворить своему нетерпѣнію

видѣть собственными глазами мѣстность Недвиговки. Отъ священника, который тотчасъ же пришелъ посѣтить насъ, и дворовыхъ людей г. Мартынова мы старались отобрать сколько было можно свѣдѣній о городищѣ, о курганахъ и о вещахъ, которыя были находимы въ Недвиговкѣ. Эти распросы тѣмъ болѣе интересовали насъ, что полковникъ Мартыновъ увѣрялъ, будто бы въ Недвиговкѣ мы найдемъ только два кургана. Но мы тотчасъ же узнали, что это показаніе было далеко отъ истины, и что Стемпковский былъ правъ, когда насчитывалъ кургановъ недвиговскихъ цѣлое множество. Раннимъ утромъ личное обозрѣніе обрадовало насъ еще болѣе: во всѣ стороны около городища тянулись группы кургановъ, большихъ и малыхъ, и надъ ними возвышались два огромные кургана, о которыхъ вѣроятно говорилъ полковникъ Мартыновъ. У всѣхъ почти кургановъ были впадины на вершинѣ; изъ осмотровыхъ нами кургановъ только на двухъ не было такого углубленія. Кромѣ того, объ одномъ курганѣ (т. е. *раскопанная яма*, лежащая тотчасъ на западъ отъ городища) мы получили свѣдѣніе, что онъ былъ раскопанъ по распоряженію начальства въ 1824-мъ году; многіе изъ другихъ были раскапываемы крестьянами г. Мартынова и донскими казаками, но о предметахъ, которые въ нихъ были найдены, никто не сообщилъ намъ ничего.

Болѣе свѣдѣній собрали мы о городищѣ — предполагаемомъ акрополѣ древняго Гананса. Оно расположено на возвышенномъ берегу Мертваго-Донца, надъ самымъ спускомъ къ рѣкѣ и имѣетъ видъ не совсѣмъ правильнаго четырехугольника, приближающагося къ формѣ квадрата. Въ каждой изъ сторонъ этого четырехугольника около 100 сажень, и потому площадь городища заключаетъ въ себѣ около 10,000 \square сажень. Оно окружено валами, по южной сторонѣ которыхъ съ востока, сѣвера и запада тянутся рвы, между тѣмъ какъ южный склонъ вала переходитъ въ спускающуюся къ рѣкѣ покатость берега. На углахъ окопа были весьма замѣтныя возвышенія, поднимавшіяся надъ уровнемъ вала; такія же возвышенія находились въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ вдоль по протяженію валовъ. Живущій въ соседствѣ помѣщикъ г. Мержановъ увѣрялъ насъ, что на этихъ валахъ еще на его памяти были явственно видны основанія башней, и дѣйствительно произведенныя нами раскопки показали, что подъ упомянутыми возвышеніями скрывались остатки башней. На южномъ, тянущемся вдоль рѣки, валѣ городища, почти въ самой его срединѣ, было видно углубленіе, которое могло служить для въѣзда; раскопки показали потомъ, что здѣсь были ворота. Рѣка Мертвый-Донецъ дѣлаетъ вблизи городища небольшой изгибъ и оставляетъ на сторонѣ городища мысъ,

который могъ служить мѣстомъ для пристани; здѣсь-то въ прежніе годы бывали находимы монеты, которыя вымывала вода во время сильныхъ низовыхъ вѣтровъ. Монеты и теперь еще изрѣдка попадаютъ на этомъ мѣстѣ; мнѣ удалось впрочемъ пріобрѣсти всего только шесть мѣдныхъ монетъ, здѣсь найденныхъ, которыя всѣ были боспорскаго царства. На этомъ же мысѣ, между южнымъ валомъ городища и рѣкою, насыпанъ огромный курганъ, состоящій весь изъ золы и черепковъ битой посуды, въ родѣ римскаго Monte Testaccio. Поверхность внутренней площади городища была изрыта ямами, глубиною отъ одного до двухъ аршинъ, изъ которыхъ мѣстные жители издавна уже добываютъ камень. Въ этихъ-то ямахъ были найдены надписи, сообщенныя г. Мартыновымъ и уже извѣстныя въ ученой литературѣ¹. Упомянутый выше помѣщикъ Мержановъ свидѣтельствуетъ, что площадь городища была на его памяти покрыта мостовой, сложенною грубо изъ простаго нетесанаго камня. Если память не обманываетъ его, то во всякомъ случаѣ эта мостовая не можетъ быть приписана Грекамъ. Вообще наружный видъ городища показываетъ, что это мѣсто было употребляемо для жилища и нѣсколько разъ укрѣпляемо разными народами. Въ томъ же убѣждаютъ предметы позднѣйшей работы и варварскаго искусства, которые были здѣсь находимы вмѣстѣ съ остатками греческаго поселенія. Чтобы дать общее понятіе о видѣ, который имѣетъ его внутренняя площадь, можно сказать, что оно очень похоже видомъ на мѣстность Корсуна.

На предварительный осмотръ мѣста предстоявшихъ намъ разысканій употреблено нами время отъ 9-го до 12-го іюля. Къ раскопкамъ приступлено 13-го іюля; въ этотъ день недвижимое городище огласилось пѣніемъ молебствія, раздававшимся вѣроятно въ первый разъ на этомъ древнемъ мѣстѣ языческаго города. Мы рѣшились начать работу съ одного кургана, изъ ближайшихъ къ городищу, и положили свести его до основанія. Курганъ былъ средней величины, о двухъ вершинахъ, съ впадинами на каждой изъ нихъ, къ югу покатыя, со стороны сѣвера крутой, вышины отъ теперешней поверхности около 4 аршинъ, длины 13 сажень, ширины 8 сажень. На разрытіе употреблено четыре дня; по четыремъ угламъ кургана найдены слѣды четырехъ могилъ, по видимому уже разрытыхъ. Отъ костяковъ нашли только

¹ Двѣ изъ нихъ сохраняются нынѣ въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Мѣсто нахождения остальныхъ двухъ неизвѣстно; онѣ были представлены г. полковникомъ Мартыновымъ бывшему наказному атаману Кутейникову. Обращаемся къ наследникамъ и знакомымъ покойнаго атамана съ покорнѣйшею просьбою сообщить намъ, чтоъ случилось съ этими драгоценными камнями, если это кому нибудь изъ нихъ извѣстно.

челюсти, окруженныя множествомъ черепковъ простыхъ амфоръ и нѣсколькими осколками античнаго стекла, вѣроятно отъ лакриматоріевъ; между черепками попадались рыбыя кости; на зубахъ не замѣчено слѣдовъ окисленія отъ мѣдной монеты, влагавшейся обыкновенно въ уста покойнику.

17-го іюля предприняты работы на городищѣ. Какъ ни мала его площадь для помѣщенія цѣлаго города, но для раскопокъ она представляла затрудненія по своей обширности. Копать всплошь было на первый разъ невозможно, и мы рѣшились ограничиться проведеніемъ канавъ, направленныхъ по мѣстамъ, въ пользу которыхъ было наиболѣе показаній. Канавы эти, или траншеи, были доводимы до материка, лежавшаго, какъ оказалось, по большей части около 3 аршинъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до 7 аршинъ ниже теперешней поверхности. Первый разрывъ сдѣланъ черезъ южный валъ городища, на томъ мѣстѣ, которое обращено къ предполагаемой древней пристани, и гдѣ, если только на городищѣ былъ акрополь, должны были находиться ведущія къ нему пропелеи. Разрывъ сдѣланъ на 5 аршинъ въ глубину; на самой глубинѣ найдена водосточная труба, сверху и низу обложенная плитнякомъ, съ боковыми ствѣнками изъ необтесаннаго камня, довольно грубой работы; во время разрытія на разныхъ глубинахъ выкопаны двѣ мѣдныя монеты, обѣ боспорскаго царства. Кромѣ того вырыты: обломокъ античнаго стекляннаго перстня, нѣсколько осколковъ стеклянной античной чашки и наконецъ, какъ вознагражденіе за труды этой недѣли, три фрагмента одной греческой надписи, времени боспорскаго царя Рескупорида III, сына Савроматова; надпись была изсѣчена на мѣстномъ твердомъ кампѣ.

Вотъ ея текстъ ¹:

1	ΓΑΘΝΙΤΥΧΗ
	ΑΣΙΛΕΙΡΗΣΚΟΥΠΟ
	ΕΠΙΜΕΓΑΛΟΥ ΒΑ
	ΥΣΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥΚΑΙ
5	ΙΝΟΣΦΑΝΝΕΙΣΤΙ
	ΕΠΙΤΩΝ ΣΠΟΡΓΙΑΝΩΝΚΑΙ
	ΠΡΕΣΒΕΥΤΗΒΑΣΙΛΕΥΣΡΗ
	ΣΚΟΥΠΟΡΙΔ ΚΑΙΧΟΦΡΑ
	ΣΜΟΥΦΟΡΓΑΒ ΟΥ ΚΑΙΒ
10	ΣΙΛΕΙΑΝΣΘΕΩΝ

¹ По недостатку шрифта буквы Θ и Ο означены литерами приближательной формы. Въ подлинникѣ эти буквы имѣютъ форму четырехугольняковъ, поставленныхъ однимъ угломъ къ верху и другимъ къ низу, наперекрестъ строки.

ΛΗΝΑΡΧΗΣ. ΧΡ
ΦΘΑΡΕΝΤΑΤΟ
ΚΟΔΩΜΗΘΗΕΙ
ΠΙΜΕΛΗ

15

ΠΟΛ

Эту надпись слѣдуетъ читать и дополнить такимъ образомъ:

'Α]γαθῆ τύχη.

*Επὶ β]ασιλεῖ 'Ρησκούπό-
ριδ]ει ἰφ̄ μεγάλου βα-
σιλέ]ως Σαυρομάτου καὶ*

5 *Ζήνω]νος Φάννεως τῶ
ἐπὶ τῶν 'Ασπουργιανῶν καὶ
πρεσβευτῆ βασιλέως 'Ρη-
σκούπόριδ[ος] καὶ Χοφρά-*

10 *σιλείδης Θεο[εἰκου ἐλ-
ληνάρχης. χρόνῳ κατα-
φθάρεντα τὸ[. ἀνφ-
κοδομήσῃ ἐ]κ Σεμελίων
διὰ ἐ]πιμελή[των....*

15 *....'Α]πολλ[ωνίου.*

т. е. Съ благимъ счастьемъ!

При царь Рескупоридъ, сынъ великаго царя Савромата, и Зенонъ сынъ Фанниса, начальникъ Аспургиевъ и намѣстникъ царя Рескупорида, и при Хофрасмъ сынъ Форгабака и Басилидъ сынъ Θεоника гелленархъ. Временемъ поврежденн..... выстроен.. отъ основанія подъ надзоромъ..... сына Аполлоніева ¹.

Что такое выстроено вновь отъ основанія, поврежденное временемъ, этого изъ сохранившихся фрагментовъ не видно. Можно предполагать и стѣну и башню: τὸ τεῖχος и τὸν πύργον, потому что и то и другое слово могло найти мѣсто въ текстѣ надписи, исполненномъ ошибокъ противъ языка. Въ первомъ случаѣ ошибка состояла бы въ соединеніи причастія, мужескаго рода и винительнаго падежа, съ существительнымъ средняго рода и именительнаго падежа, во второмъ — въ постановкѣ подлежащаго не въ именительномъ, а въ винительномъ падежѣ. И та и другая ошибка равно грубы; которая нибудъ изъ двухъ

¹ Въ греческомъ чтеніи веадъ, а гдѣ было можно, и въ русскомъ переводѣ сохранены ошибки подлинника противъ синтаксиса. Дополненія, которыя могутъ показаться смѣлыми, оправдываются слѣченіемъ съ надписью, приводимой ниже и означенною № 6.

по необходимости должна быть предположена въ текстѣ, но которая именно, на это нѣтъ возможности отвѣчать. По этому вопросу, около какого сооруженія шла проводимая нами канава, оставался нерѣшеннымъ.

Фрагменты эти были найдены 18-го іюля. Въ слѣдующій же рабочий день, 21-го іюля, не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста этой находки, была отрыта надпись, сохранившаяся въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Текстъ ея будетъ приведенъ ниже, вмѣстѣ съ другими надписями, найденными впоследствии. Теперь я только скажу, что въ ней упоминается о возстановленіи городскихъ воротъ, оставленныхъ отъ времени безъ поддержки, нѣкимъ Меніемъ сыномъ Харитона при боспорскомъ царѣ Котисѣ III, въ началѣ III вѣка по Р. Х. Эта надпись, гораздо болѣе ясная нежели первая, послужила подтвержденіемъ догадки, что на мѣстѣ, гдѣ мы начали копать, были ворота, которыя вели въ древній городъ. Удостоверившись въ этомъ, мы могли продолжать раскопку городища съ болѣею надеждою на успѣхъ.

При выборѣ мѣста для слѣдующихъ разрѣзовъ мы руководствовались слѣдующими показаніями. Естественно было предполагать, что лучшая часть города была та, которая была обращена къ рѣкѣ и морю и первая представлялась взору подъѣзжающихъ съ моря. На этомъ основаніи мы приступили къ проведенію канавъ преимущественно въ западной и югозападной части городища. Кромѣ того нѣкоторыя мѣста обращали на себя вниманіе или сравнительною высотой своею или низменностью; такія мѣста были также предположены къ изслѣдованію. Наконецъ приняты были къ свѣдѣнію извѣстія мѣстныхъ жителей, впрочемъ весьма сбивчивыя, о прежнихъ находкахъ. На основаніи всѣхъ этихъ показаній назначены были линіи для проведенія канавъ, которыми городище, можно сказать, изрѣзано во всѣхъ направленіяхъ.

Было бы утомительно и бесполезно исчислять здѣсь всѣ эти каналы и обозначать ихъ направленіе, тѣмъ болѣе, что подробный планъ городища съ означеніемъ всѣхъ разрѣзовъ представленъ нами Господину Министру Удѣловъ, и слѣдовательно подробности эти спасены отъ забвенія. Въ этой статьѣ будетъ уместнѣе ограничиться изложеніемъ результатовъ нашихъ разысканій на недвиговскомъ городищѣ¹.

Самое общее заключеніе, которое выводится изъ этихъ разысканій, состоитъ въ томъ, что на мѣстѣ недвиговскаго городища, по крайней

¹ Собственно ученые изслѣдованія, къ которымъ подають поводъ сдѣланные мною пощски, будутъ предметомъ разсужденія, которое выйдеть отдѣльною книгою, на латинскомъ языкѣ. Тамъ будутъ приложены и рисунки найденныхъ вещей.

мѣръ въ III вѣкѣ по Р. Х., было греческое поселеніе, носившее имя Танаиса. Въ горахъ мусора, наполняющихъ площадь городища и валы, его окружающіе, мы открыли основанія шести башней, въ одномъ мѣстѣ остатки древней мостовой изъ большихъ плитъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ нижнія части стѣны, окружавшей городъ, а одна изъ найденныхъ надписей даже опредѣлила мѣсто главной городской площади, или, какъ называли Греки, *агоры* (форума). Имя Танаиса было и прежде прочтено на надписяхъ, найденныхъ въ недвиговскомъ городищѣ, но все-таки оставалась неустраненною возможность предположенія, что эти надписи были какъ нибудь случайно завезены туда, ибо древняя эпиграфика представляетъ тому довольно примѣровъ. Нынѣ эта гипотеза теряетъ всякое основаніе, вслѣдствіе числа найденныхъ нами надписей, и въ особенности вслѣдствіе соответствія содержанія надписей съ мѣстомъ находки. Такъ, въ томъ углубленіи южнаго вала, гдѣ можно было искать воротъ, открыта, какъ уже упомянуто, надпись, говорящая о возстановленіи воротъ греческаго города; подъ развалинами башней отысканы обломки надписей, сохранившихъ память о возобновленіи башней древняго Танаиса; наконецъ въ той внутренней части города, которая уже по отсутствію на нѣкоторомъ пространствѣ стѣнъ и погребовъ и двумъ колодцамъ, тамъ найденнымъ, могла быть признана за площадь, найдена надпись, свидѣтельствующая о сооруженіи городского форума Танаиса однимъ изъ его именитыхъ гражданъ. Такое соответствіе между содержаніемъ надписей и мѣстомъ ихъ находки дѣлаетъ несомнѣннымъ, что онѣ оставались нетронутыми со временъ окончательнаго разрушенія Танаиса въ неизвѣстную намъ эпоху до разысканій, произведенныхъ нынѣ. Очевидно, что онѣ вырыты нами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣкогда поставили ихъ древніе соорудители. Имя Танаиса, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ надписей, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что во время написанія ихъ, т. е. въ III вѣкѣ по Р. Х., поселеніе, остатки котораго сохранились въ недвиговскомъ городищѣ, именовалось Танаисомъ.

Древніе писатели сообщаютъ мало свѣдѣній объ этой самой сѣверной изъ греческихъ колоній. Плиній (VI, 7) повѣствуетъ, что окрестности ея были заняты сначала Карійцами, потомъ Клазоменійцами и Мелонами, наконецъ Пантикапейцами. Страбонъ (XI, 493. VII, 310) приписываетъ основаніе ея Грекамъ, которые владѣли Киммерійскимъ-Боспоромъ; по его словамъ это было самое значительное послѣ Пантикапей мѣсто торга съ варварами; азіатскіе и европейскіе кочевники привозили сюда рабовъ, кожи и другія произведенія кочевыхъ народовъ; изъ Боспора же доставлялись предметы для одѣянія, вино и дру-

гя произведенія образованныхъ странъ. Изъ одного мѣста Страбона (XI, 495) можно заключить, что Танаисъ, хотя и колонія боспорскихъ Грековъ, пользовался однако независимостію. Страбонъ говоритъ, что изъ азіатскихъ Меотовъ, жившихъ по восточному берегу Азовскаго-моря, одни повиновались жителямъ Танаиса, другіе Боспорцамъ, изъ чего надобно вывести заключеніе, что Танаисъ не находился тогда въ зависимости отъ боспорскаго царства. Впрочемъ Страбонъ прибавляетъ, что многіе изъ боспорскихъ полководцевъ овладѣвали всѣмъ восточнымъ берегомъ Азовскаго-моря до самаго Танаиса, и что это особенно относится къ царямъ Фарнаку, Асандру и Полемону. Противъ послѣдняго Танаисъ сдѣлалъ возстаніе и въ наказаніе за то былъ совершенно опустошенъ. По этому-то Плиній, писатель второй половины перваго вѣка по Р. Х., говоритъ о Танаисѣ, какъ о городѣ, уже болѣе не существующемъ: *oppidum in Tanais ostio quoque fuit.*

На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ древности можно было бы полагать, что Танаисъ не возражался послѣ удара, нанесеннаго ему Полемономъ, но памятники, найденные въ недвиговскомъ городищѣ, знакомятъ насъ со второю эпохою существованія этого города, съ тою эпохою, о которой умалчиваютъ древніе писатели, и которая осталась бы неразъясненною, если бы не былъ нынѣ открытъ новый источникъ свѣдѣній о танаитской исторіи. Недвиговскія находки пополняютъ извѣстія древнихъ писателей и показываютъ, что Танаисъ, разрушенный Полемономъ, былъ опять возстановленъ и достигъ нѣ котораго благосостоянія около III вѣка по Р. Х.

Но возродившійся городъ былъ гораздо бѣднѣе того перваго Танаиса, о богатствѣ котораго говоритъ Страбонъ. Слѣды строеній, оказавшіяся при раскопкахъ, ясно показываютъ скудость средствъ, которыми располагалъ новый городъ. Въ канавахъ, проведенныхъ по городищу, весьма рѣдко попадались тесаные камни, и еще рѣже куски мрамора. Архитектурныя части найдены лишь на одной базѣ изъ простаго камня, отдѣлки весьма грубой, и на одномъ мраморномъ фрагментѣ загадочнаго назначенія¹, изъ которыхъ первая препровождена въ новочеркасскую гимназію, а второй доставленъ въ С.-Петербургъ. Нельзя сомнѣваться, что послѣ самаго страшнаго разрушенія осталось бы гораздо болѣе архитектурныхъ памятниковъ, если бы этотъ возобновленный городъ заключалъ въ себѣ частныя жилища и общественныя зданія, какія бывали въ собственно-греческихъ городахъ хорошаго вре-

¹ Онь состоитъ изъ плиты съ каринными частями и головою грифа, какъ орнаментомъ.

мени. Впрочемъ одна уже кладка стѣнъ, изъ необтесанныхъ камней и чрезвычайно небрежная, въполнѣ убѣждаетъ, что тотъ Танаисъ, развалины котораго мы имѣемъ въ недвиговскомъ городищѣ, не только не есть греческій городъ хорошаго времени, но и вообще, не есть чисто-греческій городъ. Греки никогда, ни даже въ византійское время, не строили такъ дурно: доказательствомъ могутъ служить остатки башней, построенныхъ Юстиніаномъ въ Алуштѣ на южномъ берегу Крыма.

Изъ античныхъ изваяній найденъ нами одинъ только фрагментъ хорошей работы. Это женская головка изъ простаго камня, принадлежащая къ горельефу, какъ видно изъ несимметричности ея формъ, рассчитанныхъ на точку зрѣнія со стороны. Исполненіе ея, далеко не тщательное, показываетъ ловкій и свободный рѣзецъ. Кроме того найденъ мраморный рельефъ, изображающій всадника въ панцирѣ и развѣвающейся хламидѣ, съ копьемъ; внизу надпись: **ΤΡΥΦΩΝ ΑΝΔΡΟΜΕΝΟΥ ΑΝΕΘΗΚΑ**. Это — произведеніе искусства упавшаго, безъ сомнѣнія III вѣка по Р. Х.; впрочемъ оно нѣсколько лучше позднѣйшихъ керченскихъ рельефовъ. Рельефъ былъ вѣроятно вставленъ въ городскую стѣну, какъ можно заключить по мѣсту находки (на скло- нѣ южнаго вала, близъ ю.-з. угла городища).

Этимъ ограничиваются собственно скульптурныя находки. По части предметовъ изъ бронзы поиски были счастливые. Нашъ Танаисъ, городъ небогатый, къ тому же возродившійся во времена почти варварскія (III столѣтіе по Р. Х.), поддержалъ однакоже честь своего греческаго имени и подарилъ намъ хорошими бронзовыми вещами. Въ глубинѣ одного изъ погребовъ его, въ ю.-з. части городища, у самаго спуска съ южнаго вала, найденъ бронзовый канделябръ, 1½ аршина въ вышину, состоящій изъ каннелированнаго стержня на трехъ львиныхъ лапкахъ; онъ сохранился совершенно удовлетворительно, кроме верхней тарелки, которая утратилась. Въ ю.-в. части городища, ближе къ центру его, также въ одномъ погребѣ, была отрыта бронзовая лампочка, изящнѣйшей формы; очертанія, опредѣленные и рѣшительныя, и въ то же время совершенно спокойныя, напоминаютъ характеръ лучшихъ произведеній греческой тектоники; ручка оканчивается тигровою головкой, которая отличается чрезвычайною живостью. Липія цѣлой вещицы такъ изящны и согласны, что на нее пельзя полюбоваться. Въ ней нѣтъ ничего изысканнаго, ничего сбивчиваго; отъ нея вѣетъ чистымъ греческимъ духомъ. Другая бронзовая лампочка, найденная неподалеку, менѣе изящна; рисунокъ ея не оживленъ и даже грубоватъ, но она прекрасно сохранилась; величиной она меньше первой. Очень замѣчательны еще фрагменты бронзовой утвари, состоящей изъ четырехугольной

подставки на львиныхъ лапкахъ, круглаго на ней корпуса и верхней круглой тарелки, украшенной идущимъ снизу вдоль по краю вѣнчикомъ-привѣсокъ на подобіе пальметъ. Наконецъ можно упомянуть, не въ артистическомъ, а въ антикварномъ отношеніи, о фрагментахъ бронзовой утвари, служившей повидимому корзиною (т. е. верхнею круглою чашею) треножника.

Трудно положительно опредѣлить время этихъ бронзовыхъ вещей. Лампочка съ тигровою головкой можетъ происходить изъ самаго лучшаго времени греческаго искусства; канделябръ и подставка должны быть также отнесены къ періоду процвѣтанія искусствъ въ Греціи и Римѣ; но извѣстно, что этотъ періодъ продолжался отъ Перикла до Адриана, т. е. не менѣе половины тысячелѣтія. Во всякомъ случаѣ обв помянутыя вещи должны быть по крайней мѣрѣ однимъ столѣтіемъ старше, нежели надписи, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ. Надобно прибавить, что кромѣ своего собственнаго художественнаго достоинства, эти вещи получаютъ особенную цѣну вслѣдствіе того, что при раскопкахъ, производимыхъ въ нашемъ отечествѣ, досель не было найдено ни бронзовыхъ канделябровъ, ни бронзовыхъ лампъ, или вообще какой нибудь утвари этого рода.

Изъ мелкихъ вещей, относящихся къ одеждѣ и уборамъ, стобать нѣкотораго вниманія: трубочка изъ разноцвѣтнаго стекла, фрагментъ кольца изъ бѣлаго стекла, другой фрагментъ кольца изъ разноцвѣтнаго стекла, двѣ монистины изъ разноцвѣтнаго стекла, монистина рубчатая изъ голубой массы, круглыя плоскія украшенія изъ лаписъ-лазули и стеклянной массы, бронзовое кольцо, двѣ бронзовыя застежки (броши) и фрагментъ третьей.

Между стеклянными вещами назовемъ фрагменты большаго блюда хорошей формы изъ разноцвѣтнаго стекла, фрагменты чаши изъ бѣлаго стекла, фрагменты трехъ стеклянныхъ ручекъ, фрагментъ шейки сосуда изъ весьма красиваго разноцвѣтнаго стекла.

Изъ числа терракоттъ отобрано нами слѣдующее, какъ нѣсколько цѣнное: женская головка грубой работы, восемь лампочекъ, фрагментъ блюда, четыре фрагмента съ рельефнымъ и одинъ съ рисованнымъ украшеніемъ, наконецъ одинъ фрагментъ базы и три интересныя фрагмента черепичной покрывки.

Малочисленность художественныхъ произведеній, найденныхъ въ недвиговскомъ городищѣ, вполне выкупается количествомъ и достоинствомъ открытыхъ тамъ надписей. Хотя раскопано не болѣе $\frac{1}{10}$ части площади городища и валовъ, его окружающихъ, тѣмъ не менѣе однако

же извлечено изъ земли восемь надписей историческаго и религіознаго содержанія и значительнаго объема. Особенную цѣну даетъ этимъ надписямъ означеніе на шести изъ нихъ времени ихъ постановки, и эта цѣнность еще увеличивается вслѣдствіе того, что шесть надписей, на которыхъ означено время, относятся къ четыремъ царствованіямъ, непосредственно слѣдовавшимъ одно за другимъ, именно къ царствованіямъ боспорскихъ царей Савромата III, Рескупорида III, Котиса III и Ипионіея.

Еще прежде нашихъ разысканій было открыто въ недвиговскомъ городищѣ четыре надписи, такъ что теперь общее число танаитскихъ надписей восходитъ до *двѣнадцати*, и историческая наука имѣетъ двѣнадцать свидѣтельствъ для той своей главы, которая, безъ недвиговскаго городища, не имѣла бы ни одного источника. Считаемъ нужнымъ, для полноты дѣла, привести здѣсь всѣ эти двѣнадцать надписей, хотя четыре, найденныя прежде раскопокъ этого года, уже были изданы. Мы расположимъ историческія надписи въ хронологическомъ порядкѣ и вслѣдъ за ними дадимъ мѣсто религіознымъ надписямъ.

№ 1-й¹.

*A[γ]αθῆ τύχη
Βασιλεύοντος βα-
σιλέως Τιβερίου
Ἰουλίου Εὐπάτο-
ρος φιλοκαίσαρος
καὶ φιλορω[μ]αίου
εὐσεβοῦς, θεῶ Ἀπόλ-
λωνι εὐ[ξ]ήμενος Ἀν-
τίμαχος Χαρίτω[νος]*

Съ благимъ счастьемъ!

Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Эвпатора, друга цезаря и друга народа римскаго, благочестиваго, — богу Аполлону, по объѣту, Антимахъ сынъ Харитона.

На задней сторонѣ камня поперекъ, втрое бѣльшими буквами:

ΒΑΣΙΛΕΙ
ΤΗΝΕΙΚΙ
ΧΑΝΩΝ
ΟΕΠΙΤΟΥ
ΕΝΤΩ

Высота (по передней сторонѣ) 5, ширина 8 вершковъ. Найденъ на мѣстѣ въѣзда въ городъ людьми господина Мартынова, который представилъ точ-

Сообщаемъ здѣсь только греческое чтеніе и русскій переводъ этихъ надписей, а снимки будутъ помѣщены въ общаанкомъ выше отдѣльномъ сочиненіи о древности Тананса. Относительно чтенія замѣтимъ, что въ немъ сохранены ореографическія и другія ошибки подлинниковъ, и что онъ по возможности передачи и въ переводѣ. Последнее относится преимущественно къ синтаксическимъ неправоумностямъ.

ный списокъ съ него Наказному Атаману Кутейникову при письмѣ отъ 20-го апрѣля 1836-го года. Самый камень взятъ отъ полковника Мартынова черезъ нарочнаго помянутымъ Наказнымъ Атаманомъ въ сентябрѣ того же года¹; нынѣ неизвѣстно гдѣ находится. Изданъ г. Грефе въ *Epistola critica ad God. Hermannum de inscriptionibus aliquot graecis* (Petrop. 1841) со списка, сдѣланнаго полковникомъ Мартыновымъ и сообщеннаго г. Кёппену. У Бёка N 2132 в с, у Ашика N 33 и 34. Исправлено въ стр. 1 *Ἰουλιανῆ* вм. *αταδη*, въ стр. 6 *μ* вм. *IP*, въ стр. 8 *ε* вм. *Σ* мартиновскаго списка.

Надпись задней стороны есть болѣе древняя. Правой части ея недостаетъ. Когда этотъ древнѣйшій камень былъ уже расколотъ, на сохранившейся лѣвой его половинѣ была сзади начертана новая надпись, удѣлѣвшая вполнѣ кромѣ окончанія. Она изсѣчена на оборотѣ древней надписи (на задней остававшейся неисписанною поверхности камня) такъ, что лѣвая сторона древняго камня сдѣлалась верхнею стороною въ новой надписи. Г. Грефе относилъ древнѣйшую надпись къ времени боспорскаго царя Клавдія Миеридата, основываясь на слѣдахъ буквы *Μ*, видимыхъ послѣ слова *ΒΑΣΙΛΕΙ* въ концѣ первой строки, но самъ впрочемъ замѣтилъ, что буква *Μ* можетъ происходить и отъ слова *μεγάλη*. По этому, времени надписи, которое было означено въ утраченномъ окончаніи пятой строки, опредѣлить нельзя. Достовернѣе дополненіе второй строки: *τὴν εἰκόνα ἀνέστηθεν Ἐπιτυχεῶνων*, ибо въ такомъ случаѣ черта, означенная вслѣдъ за буквою *Κ*, будетъ принадлежать буквѣ *Ν*, а *ο* маленькое должно быть предположено или опущеннымъ или стершимся. Длина древняго камня также не можетъ быть опредѣлена; но достоверно, что большая половина камня утрачена: въ этомъ убѣждаетъ какъ дополненіе второй строки, такъ и послѣдняя строка, въ которой вѣроятно находилось кромѣ числа года и имя мѣсяца¹.

Позднѣйшая надпись, изсѣченная на первоначально задней сторонѣ камня, сдѣлавшейся послѣ того переднею стороною, относится къ царствованію Эвпатора, имя котораго встрѣчается на боспорскихъ монетахъ съ означеніемъ 451—467 годовъ понтійской эры, т. е. 155 — 171 по Р. Х., и который былъ слѣдовательно современникомъ римскихъ императоровъ Антонина Пія и Марка Аврелія. Онъ происходилъ не изъ парской династїи и потому не означалъ на надписяхъ имени своего отца. По обычаю боспорскихъ царей онъ принялъ имена Тиберія Юлія и титулъ: *другъ цезаря, другъ народа римскаго и благочестивый*.

№ 2-й.

Ἰουλιανῆ τύχη
Βασιλευόντος βασιλέως

Съ благимъ счастьемъ!
Въ царствованіе царя Тиберія Юлія

¹ Изъ записокъ г. Мартынова.

- Τιβεριου Ιουλιου Σαυρο-*
μάτου υιοῦ μεγάλου
 5 *βασιλέως Ῥοιμητάλκου Δι-*
δυμόξαρθος Χοδαίνου
ἄρχων Ταναείτων καὶ Ῥόδων
Φαζινάμου ἑλληναρχης
χρόνου καταφθαρέντια τὴν
 10 *πύργον ἀνοικοδομήσαντες*
ἀπεκατέστησαν τῷ ἐμπορίῳ
διὰ ἐπιμελήτων Συνεκδήμου Ἀ-
ριστοδίμου καὶ Μάη Εὐδύρω-
νος καὶ Θαυμάστου Ῥόδω-
 15 *νος καὶ Χρυσοῦ Ψυχαρίω-*
νος καὶ Πολυμάρκου Μενε-
στράτου καὶ Ἀρδαγάκου
Τρύφωνος καὶ Σιαύλκου Ἰραμ-
βούστου καὶ Ὀχθαρζάνου
 20 *πατειρβιδος (sic) Ἰραμβούστ[ου*
ἐ]ν τῷ ἐπυ καὶ μ[ηνοῦ
Πα]νήμου

Савромата сына великаго царя Реме-
 талка, Дидимоксарѣъ сынъ Ходена,
 архонтъ Танаптовъ, и Родонъ сынъ
 Фазиннама, гелленархъ, временемъ по-
 врежденную башню возстановивши,
 устроили въ пользу торжища забо-
 тами Синекдема сына Аристодемова,
 и Мая сына Эвдемонова и Фав-
 маста сына Родонова, и Хриса сы-
 на Психарионова, и Поликарпа сы-
 на Мешестратова, и Ардагака сына
 Трифонова и Сивлака сына Ирамбу-
 стова и Охварзана Ирамбу-
 стова въ 485 году и мѣсяца Панема.

Цѣльная каменная плита, имѣющая въ вышину 17, въ ширину 13 вер-
 шковъ; рѣзецъ хорошій. Найдена 29-го октября 1853 года въ сѣверной ча-
 сти городища (въ квадратъ I 9 а—с на планѣ, представленномъ Господину
 Министру Удѣловъ). Сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Пе-
 тербургѣ. Издается нынѣ въ первый разъ.

Надпись эта составляетъ памятникъ царствованія Савромата III, послѣ-
 довавшаго на боспорскомъ престолѣ за Эвнаторомъ. Савроматъ III былъ
 сынъ Реметалка, царствовавшаго передъ Аппаторомъ и современника рим-
 скихъ императоровъ Марка Аврелія, Коммода, Пертинакса, Дидія Юліана
 и Септимія Севера. Монеты свидѣтельствуютъ, что онъ царствовалъ съ 470
 по 507 г. понтійской эры, т. е. съ 174 по 211 г. по Р. X. Самая же надпись,
 какъ значится на ней, относится къ 485 г. понтійской эры или 189 г. по Р.
 X., т. е. ко времени императора Коммода. Ея назначеніе — сохранить па-
 мять о возстановленіи средней башни сѣвернаго вала архонтомъ Танаптовъ
 Дидимоксарѣомъ и гелленархомъ Родономъ. О значеніи этихъ титуловъ
 см. ниже стр. 432.

№ 3-й.

Βαβιλεῦντος βασιλέ-
ως Σαυρομάτου υἱοῦ

Въ царствованіе царя Савромата
 сына великаго царя Реметалка и при

μεγάλου βασιλέως
 'Ροιμητάλκου καὶ πρεσ-
 5 βείσαντος 'Ιουλίου
 Μενεστράτου ἀρχικοι-
 τονείτω "Ελληνες καὶ Τα-
 ναίται χρόνω καταφθα-
 ρέντα τὸν πύργον ἀνοι-
 10 κοδομήσαντες ἀπεκατέ-
 στησαν τῷ ἐμπορίῳ διὰ
 ἐπιμελείας 'Ρόδωνος Φα-
 σινόμου πρὶν ἑλληνάρ-
 χου καὶ 'Ρόδωνος Χαρίτω-
 15 νος καὶ "Αττα 'Ηρακλείδου
 καὶ Εὖσιος Δάδα τοῦ Ζή[ν]ων[ος]
 καὶ Μύρωνος Οὐάρα καὶ
 Παννύχου Παννύχου
 ἐν τῷ θ' α.
 20 Δώου α.

намѣстникъ Юліи Менестратъ, стар-
 шемъ спальникъ, Геллены и Тана-
 вты временемъ поврежденную баш-
 ню возстановивши устроили для тор-
 жища заботами Родона сына Фаси-
 намова, бывшаго гелленарха, и Ро-
 дона сына Харитопова и Атты сы-
 на Гераклидова и Эвіа Дады сына
 Зенонова и Мирона сына Варова и
 Панниха сына Паннихова
 въ 489 году
 мѣсяца лоя 1-го числа.

Цѣльная каменная плита, имѣющая въ вышину 1 аршинъ 6½ вершковъ, въ ширину 16½ вершковъ. Найдена въ недвиговскомъ городищѣ въ 1836-мъ году; неизвѣстно въ точности въ какомъ мѣстѣ. Отдана полковникомъ Мартыновымъ въ булеварный садъ города Новочеркаска, откуда стараніемъ Н. Н. Мурзакевича перевезена въ Одессу въ Музей Общества Исторіи и Древностей, гдѣ нынѣ сохраняется. Со списка, сообщеннаго г. Кёппену, издана г. Грефе I. I. У Бёка № 2132 d, у Ашика № 36. Списокъ этотъ сдѣланъ лицомъ, несвѣдущимъ въ греческомъ языкѣ. Въ бытность мою въ Одессѣ я имѣлъ случай сличить его съ подлиннымъ камнемъ и нашелъ нѣкоторыя невѣрности; на ниня г. Грефе предположительно уже указывалъ. Въ стр. 1 еще явственно видна послѣдняя буква **Σ**; въ стр. 3 также буква **Σ**. Въ стр. 8 въ словѣ χρόνω подлинникъ представляетъ **Ν**, а не **Η** какъ въ списокѣ. Въ стр. 9 въ буквѣ **Π** дѣйствительно есть три вертикальныя черты. Въ стр. 13-й я прочелъ **ΣΙΝΑΜΟΥ**; въ стр. 16 **ΖΗΜΩΝ**.

Надпись относится ко времени того же Савромата III и только четырьмя годами моложе предшествующей. Родонъ сынъ Фазинама, который называетъ себя въ предшествующей надписи гелленархомъ, здѣсь титулуется: бывшій гелленархъ. Такъ какъ мѣсто находки въ точности неизвѣстно, то остается не опредѣленнымъ, какая башня возстановлена Гелленами и Танавтами въ 489 г. понтійской и 193 г. нашей эры.

№ 4-в.

- χειλούς, πολ[ε]μήσας
 δὲ καὶ Σιραχούς, καὶ Σκύ-
 δας, καὶ τῆς Ταυρικῆν ὑ-
 πόσπονδον λα[β]ῶν [ἐ]λευ-
 5 θε[ρ]ον ἀπέδει[ξε]ν ἐ[ν] Πόν-
 το Βειθυρία τοῖς πλέου-
 σι τὸ πέλαγος ἐ[πὶ] στρα-
 τηγᾶ[ν] πολειτῶν [...Ζή-
 νωνος Δ]άδα Ε[ὔ]ιο[ς]
- 10 : Γουλ. Δ..όνου καὶ Γουλ[ίου
 'Ρ]όδω[νο]ς τῶν πρὶν ἐπὶ τῆς
 βασιλε[ια]ς Ζήνων β τοῦ [Δ]ά-
 δα ἐκπε[μ]φθεῖς ὑπὸ τοῦ
 βασιλέως εἰς τὸ ἐμπόριον.
- 15 καθιέρωσα Διῖ, Ἄρη καὶ
 Ἄφροδίτη ἐπὶ Βορᾶ
 Σποκάβου ἄρχοντ. Τα-
 νάεως καὶ ἐ[λλ]ηναρχ.
 Ῥόδωνος Χαρίτω[νο]ς
- 20 ἐν τῷ φυ Δύ[σ]τρου α.

тысячу, воевавший и съ Сираками и съ Скинами и Тавриду покоривший, свободнымъ содѣлалъ въ Понть, Вионіи для плавающихъ море, при военачальникахъ гражданахъ Дадъ Эви и Юліи и Юліи Родона, бывшихъ сановникахъ дворца, я Зенонъ сынъ Дада, внукъ Дада, посланный намѣстникомъ царя въ торжище, посвятилъ Зевсу, Аресу и Афродитѣ, при Боръ сынъ Слокаба, архонтъ Тананса, и Родонъ сынъ Харитона гелленархъ въ 490 году дистра 1-го тисла.

Семь кусковъ камня, отъ котораго недостаетъ всей верхней части и трехъ кусковъ изъ середины. Найденъ въ 1833-мъ году; неизвѣстно въ точности въ какомъ мѣстѣ, только далеко отъ вѣзда въ городъ, ибо въ письмѣ полковника Мартынова къ Наказному Атаману Кутейникову отъ 20-го апрѣля 1836-го года сказано о камнѣ, помѣщенномъ выше подъ № 1, по отношенію къ нашему камню слѣдующее: «камень этотъ найденъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ и какъ предполагать можно на мѣстѣ вѣзда въ городъ»¹. Изъ сего слѣдуетъ, что нашъ камень долженъ быть найденъ далеко отъ вѣзда въ городъ («совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ»); но гдѣ, мнѣ не могли показать съ точностью обыватели слободы Недвиговки. О найденныхъ обломкахъ полковникъ Мартыновъ доносилъ Наказному Атаману Кутейникову въ письмѣ отъ 7 января 1834 года, и въ январѣ 1836-го года камень былъ взятъ отъ полковника по распоряженію помянутаго Наказнаго Атамана. Изданъ г. Грефе I. I. со списка представленнаго полковникомъ Мартыновымъ и сообщеннаго г. Кёппену. У Бёка № 2132. У Ашика № 37.

Начиная съ 15 строки и до 20-й правая часть камня шириною въ 3 или 4 буквы занята символическимъ знакомъ, нѣсколько разъ повторяющимся на надписяхъ Тананса. Изображеніе его будетъ находиться на снимкѣ съ кам-

¹ Изъ записокъ г. Мартынова.

ня, который имѣеть быть изданъ въ обществномъ выше сочиненіи о древностихъ Танаиса.

Бѣкъ догадывается, что начало надписи гласило такъ: *ἐπεὶ δὴ βασιλεὺς Σαυρομάτης κτλ.*, т. е. такъ какъ царь Савромать и т. д. Этотъ царь есть тотъ же самый, котораго имя встрѣчалось на предыдущихъ двухъ камняхъ. Онъ царствовалъ, какъ уже было замѣчено, до 211 г. по Р. Х. Изъ нашей надписи, относящейся къ 194 г. по Р. Х., видимъ, что онъ съ помощію упоминаемыхъ въ ней полководцевъ велъ блистательныя войны во время первой половины своего царствованія, покорилъ Тавриду, побѣдилъ Скивовъ и Сираховъ—племя, упоминаемое у Страбона (XI стр. 492) и Тацита (Ann. XII, 16) подъ именемъ Сираковъ, у Птолемея подъ именемъ Сиракеновъ, — сдѣлалъ свободнымъ (вѣроятно отъ морскихъ разбойниковъ) плаваніе по Черному-мюрю, и что въ память этихъ важныхъ успѣховъ посланный намѣстникомъ въ Танаисъ Зенонъ посвятилъ нѣчто—жертвенникъ или храмъ—Зевсу, Аресу и Афродитѣ. Изъ этой же надписи узнаемъ, что бывший въ 193 г. намѣстникъ Юлій Менестратъ былъ смѣненъ между тѣмъ Зенономъ. Родонъ сынъ Харитоновъ, бывший въ 193 году однимъ изъ эпинелетовъ при возстановленіи башни, въ этомъ 194-мъ году является въ санѣ гелленарха.

Исправленія текста и раздѣленіе спорныхъ словъ сдѣланы по Бѣку. Грефе читалъ нѣкоторыя мѣста иначе, но менѣе правдоподобно.

№ 5-й.

Ἀγαθῆ τύχη

Съ благимъ счастьемъ!

Ἐπὶ βασιλεῖ Ῥησκουπόριδι υἱῷ *При царѣ Рескупоридѣ сынѣ ве-*
μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου καὶ *ликаго царя Савромата и при Зе-*
Ζήνων Φάννεως πρεσβευτῆ βα- *нонѣ сынѣ Фанниса, намѣстникѣ*
5 *σιλέως Ῥησκουπόριδος καὶ Хо-* *(легатѣ) царя Рескупорида, и при*
φάρνου Σανδαρζίου Βάβος Βαιο- *Хофарнѣ сынѣ Сацдарзія, Бабѣ*
ράσκου, Νιβλοβωρος Δοσυμοῦξάρ- *сынѣ Беораспа, Ни.л.оборѣ сынѣ*
θου, Χοράδος Σανδαρζίου ἄρχον- *Досимоксарѣа, Хоросаѣ, сынѣ*
10 *τες Ταναεῖτων, Χοφραζμος Φοργα-* *Сацдарзія, архонты Танаитовъ,*
βάκου, Βασιλείδης Θεονείκου ἐλ- *Хофразмѣ сынѣ Форгабака (sic),*
ληνάρχης, ἔξαρτίσας τὴν ἀγορὰν *я Басилидѣ, сынѣ Теоника, гел-*
ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων, ἀπεκα- *ленархѣ, соорудивъ агору́ на соб-*
τέστησα τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπύ- *ственный счетъ, устроилъ въ поль-*
15 *ροῖς διὰ ἐπιμελήτων, Ζήνωνα Φάν-* *зу города и торговцевъ, заботами*
νηως, Φαρνόξαρδος Ταυρέου, *Зенона сына Фаннисова, Фарно-*
Σαλδάρανος Ἀπολλωνίου καὶ *ксарѣа сына Тавреева, Салдарана*
ἀρχιτεκτόνων Διοφάντου Νε- *сына Аполлоніева, и архитекто-*
οπόλου καὶ Αὐρηλίου Ἀντωνεί- *ровъ Діофанта сына Неополова;*
νου, Ναύακος Μευάκου *и Аврелія Антоніа, Навака сы-*
20 *ἐν τῷ ζιφ* *на Мевакова въ 517 году.*

ты гипсомъ. Три куска, оставшіеся за тѣмъ не помещенными, расположены отдѣльно. Реставрированная такимъ образомъ надпись находится нынѣ въ Эрмитажѣ. Число строкъ неизвѣстно, ибо въ надписи есть перерывъ между четырнадцатою строчкою и двумя заключительными. По этому первоначальная высота камня не можетъ быть опредѣлена; въ ширину онъ имѣлъ 14 вершковъ. Въ серединѣ между двумя столбцами первыхъ девяти строчекъ изображенъ знакъ подобный тому, о которомъ мы говорили при надписи № 4.

Надѣемся, что ученые не найдутъ произвольными дополненія, сдѣланныя въ этой чрезвычайно пострадавшей надписи. Всѣ они строго подтверждаются сличеніемъ съ другими надписями Танаиса, въ особенности съ № 7. Но объ этомъ нельзя судить, не выдавши надписи, пока еще не изданъ точный снимокъ съ нея.

Надпись относится къ царствованію сына Рескупорида III-го, Савромата III-го. Рѣзецъ на ней хорошій. Она по видимому одновременна съ слѣдующею. Издана здѣсь въ первый разъ.

№ 7-й.

Текстъ этой надписи былъ сообщенъ выше на стр. 411. Она найдена 18-го іюля 1853 года, сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ и издана здѣсь также въ первый разъ.

№ 8-й.

Ἀγαθῆ τύχη

*Βασιλεύοντος βασιλέως
Τιβεριῦντος Ἰουλίου Κόττιου
τοῦ μεγάλου βασιλέως Ῥησ-
κουπόριδος φιλοκαίσαρος καὶ
φιλορωμαίου εὐσεβοῦς*

*Μήνιος Χαρίτωνος πρὶν προβο-
δικὸς ὁ καὶ ἐλληνάρχης ἡμῆληνην
τὴν πόλιν ταύτην ἀπὸ χρόνω
10 ἐξαρτίσας ἐκ τῶν ἰδίων ἀνα-
λωμάτων ἀπεκατέστησα τῇ
πόλει καὶ τοῖς ἐμποροῖς
ἐν τῷ ...φ ἔτει καὶ μη-
νὶ Δε....ω.*

Съ благимъ счастіемъ!

Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Коттиса сына великаго царя Рескупорида, друга цезаря и друга народа римскаго, я Меній сынъ Харитона, бывший приходчикъ и гелленархъ оставленный долгое время безъ поддержки эти ворота, соорудивъ на свой счетъ, устроилъ въ пользу города и торговцевъ. Въ 5.... году и мѣсяца де....

Каменная плита, разбитая на два куска, отъ которыхъ недостаетъ лишь весьма небольшой части въ нижней части надписи, въ мѣстѣ соединенія кусковъ. Она найдена 21-го іюля 1853 года въ средней части южнаго вала городища, гдѣ былъ вѣздъ въ городъ. Вырѣзана она весьма не тщательно; въ вышину имѣетъ 12 вершковъ, въ ширину 11. Сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Издается здѣсь въ первый разъ.

Боспорскій царь Котисъ III былъ современникъ Александра Севера и царствовалъ, какъ видно по монетамъ, отъ 524 до 530 года понтійской эры, т. е. отъ 228 до 234 года по Р. Х. Изъ нашей надписи открывается, что онъ сынъ Рескупорида III. Это доселѣ было неизвѣстно.

Въ стр. 8 вмѣсто описки *μηληνην* слѣдуетъ читать *ἡμελημένην*.

№ 9-й.

<p><i>Ἀγαθῆ τύχη</i> <i>Βασιλεύοντος βασιλέως</i> <i>Τιβ. Ἰουλίου Ἰννίου Φιλων[αί-Юлія</i> <i>σάρως καὶ φιλον[ωμάτου εὐσεβοῦς</i> <i>5 καὶ πρεσβευτ[οῦ....</i> <i>νος τοῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας Δημή-</i> <i>τριος Ἀπολλ[ωνίου Τα]ναεΐτης ἡμε-</i> <i>λημένον..... ἀνοικοδόμη-</i> <i>σα ἐκ [τῶν ἰδίων ἀν]αλωμάτων</i> <i>10 καὶ ἀπ[οκατέστησ]α τῆ πόλει</i> <i>καὶ το[ῖς ἐμπόροις δι]ὰ ἀρχιτέκτο-</i> <i>νος Ἀ[ύρηλιου Ἀντων]είνου</i> <i>ἐν τῷ γλφ [Παν]ήμου ᾧ.</i></p>	<p>Съ благимъ счастьемъ! Въ царствованіе царя Тиберія Юлія Иннинея, друга цезаря и друга народа римскаго, благоче- стиваго, и при памѣстникъ..... я Деметрій сынъ Аполлонія, Та- нантъ, оставленную безъ попече- нія башню возстановилъ на свой собственный счетъ и устроилъ въ пользу города и торговцевъ чрезъ архитектора Аврелія Антонина въ 533-мъ году панема 1-го числа.</p>
---	--

Мраморная плита, разбитая на мелкіе куски, изъ которыхъ отыскано пятнадцать; для всѣхъ кусковъ можно было опредѣлить мѣсто, и сообразно съ этимъ они залиты гипсомъ. Бывшая высота камня 17 вершковъ, ширина 11 вершковъ. Куски были находимы въ разные дни отъ 10-го по 18-е августа 1853 года въ ю. з. углу городища, гдѣ была угловая башня. Надпись, реставрированная нашими трудами, нынѣ сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ; здѣсь издается въ первый разъ.

Надпись эта относится къ царствованію Иннинея, который слѣдовалъ за Котисомъ III и, какъ начальникъ новой династіи, подобно Эвпатору не означалъ на надписяхъ имени своего отца. Онъ также принялъ обычныя имена Тиберія Юлія и титулъ боспорскихъ царей: *другъ цезаря, другъ народа римскаго, благочестивый*. Царствовалъ онъ, какъ показываютъ монеты, между 531 и 535 годами понтійской эры, т. е. 235 — 239 г. по Р. Х. Наша надпись поставлена въ 533-мъ году понтійскаго лѣтосчисленія, т. е. въ 239 г. по Р. Х., когда въ Римѣ властвовалъ императоръ Максиминъ.

Между словами *Ἀγαθῆ τύχη* изображенъ символическій знакъ. Во 2 стр. замѣчательно написаніе слова *βασιλεύοντος* (sic!). Стр. 6 дополнена по надписи царя Тирана, изданной г. Ашикомъ подъ № 40; стр. 12 по надписи слѣдующей за симъ подъ № 10.

№ 10-й.

	<i>Ἀγαθῆ</i>	<i>τύχη</i>
	<i>Βασιλείοντος</i>	<i>βασιλέως Τιβε-</i>
	<i>ρίου Ἰουλίου</i>	<i>Ἰνινθιμαίου φι-</i>
	<i>λοκαίσαρος καὶ</i>	<i>φιλορωμαίου εὐ-</i>
5	<i>σεβοῦς</i>	<i>χρόνω ἡμε-</i>
	<i>ληθεΐσαν</i>	<i>τήν κρή</i>
	<i>νην ἀνοικοδομήθη ἐκ θεμε-</i>	
	<i>λιων καὶ γέγονε πύργος ἐπὶ πρε[σ]</i>	
	<i>βευτῆ Χόφρασμον Φοργαβάκου</i>	
10	<i>καὶ ἑλλητάρχη Ψυχαρίωνα Φιδάνου</i>	
	<i>καὶ διαδόχῳ Ἑρακλείδην Ἄττα καὶ δι-</i>	
	<i>ὰ ἐπιμελήτων Πάπα Χρίστου καὶ Ἀντι-</i>	
	<i>μαχον Κίμβρου καὶ Ἐρωτος Μάστιοι, Σαμ-</i>	
	<i>βατιῶν Ἀσριανοῦ, Μενέστρατον Φαδινά-</i>	
15	<i>μου, Φιδάνου Κίμβρου, Ἀφθαίματος</i>	
	<i>Ἀφάχου, Κοσσοῦς Ἑρακλείδου, Μίριακος</i>	
	<i>Ἠδύκωνος, διὰ ἀρχιτέκτονος Λύρη-</i>	
	<i>λίου Ἀντωνείνου. ἐν τῷ γλφ Γορπιαῖω ᾶ.</i>	

Съ благимъ счастьемъ!

Въ царствованіе царя Гиберія Юлія Ининомея, друга цезаря и друга народа римскаго, благочестиваго, отъ времени оставленный безъ попеченія колодезь сооруженъ вновь и устроена башня при намѣстникѣ Хофрасмѣ сынѣ Форгабака и гелленархѣ Психаріонѣ сынѣ Фидана и при кандидатѣ его Гераклидѣ сынѣ Атта, и подѣ присмотромъ Папа сына Хрестова, и Антимаха сына Кимброва, и Эрта сына сына Мастова, Самбатіонѣ сынѣ Асріановѣ, Менестрата сына Фадианова, Фидана сына Кимброва, Афѳемака сына Апсахова, Косса сына Гераклидова, Мирипѣ сынѣ Гедиконовѣ, чрезъ архитектора Аврелія Антонина въ 533 году горпіа 1-го числа.

Цѣльная каменная плита, найденная неизвѣстно когда, только послѣ 1836 года, въ недвиговскомъ городищѣ, на мѣстѣ, котораго нельзя теперѣ съ точностью опредѣлять вслѣдствіе сбивчивости въ показаніяхъ обывателей. Полковникъ Мартыновъ передалъ ее для храненія въ булеварный садъ города Новочеркаска, гдѣ ее видѣлъ и списалъ лѣтомъ 1850 года г. Кёппенъ, просившій въ то же время начальство о помѣщеніи ея подѣ кровлею. Заботами и ходатайствомъ Н. Н. Мурзакевича она перевезена въ Одессу, гдѣ нынѣ хранится въ Музеѣ Общества Исторіи и Древностей. Г. Кёппенъ сообщилъ свой списокъ г. Грефе, который издалъ надпись въ Бюллетенѣ

С.-Петербургской Академіи Наукъ VIII, № 11 (см. нивѣ *Mélanges* гр.-ром. Т. I. р. 97). Въ бытность мою въ Одессѣ я слычалъ списокъ изданный г. Грефе съ подлиннымъ камнемъ и замѣтилъ слѣдующія невѣрности перваго: стр. 5 на камнѣ читается: *σεβοῦς* стр. 6 *ληθεῖσαν* стр. 7 *την ἀνοικοδομηθεη* стр. 8 *ἐπὶ πρε* стр. 9 *Φορυαβάκου* стр. 10 *Ψυχαρῶν* стр. 12 *ἐπιμελητῶν* стр. 13 *Κίμβρον.* стр. 14 *Ἰβριανοῦ* стр. 16 *Ἀφάχου. Μύριπκος* стр. 17 *ἀρχιτέκτονος.* Подъ послѣдней строкой видна буква α, не означенная въ спискѣ, изданномъ г. Грефе. Вышина камня 1 арш. 8 вершковъ, ширина 16½ вершковъ. Въ промежуткѣ между первыми пятью строками изображенъ символическій знакъ, такой же какъ на предыдущемъ камнѣ, но отличающійся отъ изображенныхъ на надписяхъ №№ 4 и 6. Г. Грефе полагалъ, что въ промежуткѣ шестой строки находилось какое нибудь слово (онъ предлагалъ: *ιδόντος*); но видѣвъ камень, я могу свидѣтельствовать, что тамъ никакого слова не было. Вообще г. Грефе въ исправленіяхъ своихъ слишкомъ много заботился о возстановленіи правильности, которой въ этихъ надписяхъ нельзя искать, какъ показали камни, найденные нами. Греческій языкъ былъ въ совершенномъ упадкѣ и значеніе грамматическихъ формъ утрачено. — Въ раздѣленіи словъ я также долженъ былъ нѣдѣ отступить отъ г. Грефе.

Надпись эта относится къ царствованію Иппонима и къ тому же году какъ предыдущая, только къ другому мѣсяцу. Панемъ, по македонскому календарю, былъ девятый, горпій одиннадцатый мѣсяць года.

Таковы десять надписей историческаго содержанія, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ. Остальныя двѣ надписи имѣютъ религіозное содержаніе; онѣ были поставлены членами религіозныхъ обществъ, называвшихся въ древности *οἰάсами* и *синадами*. Къ сожалѣнію онѣ сохранились крайне неудовлетворительно. Одна изъ нихъ, повидимому наиболѣе древняя изъ всѣхъ двѣнадцати недвиговскихъ надписей, находится на задней сторонѣ камня № 5. При обдѣлкѣ плиты для начертанія новой надписи, а можетъ быть и прежде того, отъ нея отбиты двѣ ея стороны, такъ что отъ древней надписи утратилось начало и вся лѣвая сторона. Сверхъ того вставка въ стѣну второй надписи причинила первой весьма значительное поврежденіе. Слѣдствиемъ всего этого было такое состояніе древней надписи, что на ней можно разобрать лишь нѣсколько словъ, которыя здѣсь и приводятся.

№ 11-й.

*σύννοδος η περὶ
ς καὶ πατέρα συ-
βίου καὶ Φιλάγαθος "Αρδαρον
καὶ παρὰ Φιλάγαθον.....εἰδην....
5 ἀρχὴν Φανν.....ου καὶ νι-*

- ίου καὶ
καὶ λοιποὶ Διαβῶται
- Τάρχωνος
- 10 Ἀντισθένους
Δάδα
οπλίου..... Αντίμαχος... .. ίου
..... κράτη....
Χρηστίωνος..... Μήνιος....
- 15 Ἐρωτος..... Ἄστ....
ἀππου..... Θεαγγελος (sic)
ἀκλείδου..... Πολυείδος... .. κου
Θυ..... Ποντικῶ...
σίωνος..... Μενεστρατ....
- 20 Μενεστράτου

Кромѣ собственныхъ именъ можно разобрать только въ первой строкѣ окончаніе слова *σύνοδος* и слѣдующія за тѣмъ *ἢ περί*, т. е. «синодъ, относящійся къ...» да въ стр. 7 *καὶ λοιποὶ Διαβῶται*, т. е. «и остальные члены еіаса». Вѣроятно собственные имена, занимавшія 13 послѣднихъ строкъ, были распределены въ четырехъ колоннахъ, изъ которыхъ первая и третья содержали имена членовъ товарищества, а вторая и четвертая имена ихъ отцовъ. Три колонны помѣщались на сохранившейся части камня, а первая на той части, которая утрачена.

№ 12-н.

- Βασιλείοντος βασιλέως Τιβερίου Ιουλί-
ου Εὐπάτορος φιλοκαίσαρος καὶ φιλορω-
μαίου εὐσεβοῦς θεῶ ἐπηκόω εὐχῆ*
- 5 *ἧστου πατέρα συνο-
Ἰαταμάζα συναγω-
ωδιάκου Φιλάγαθου
ου παρὰ Φιλάγαθου Φο-
νος νεανίσκα ἀρχὴν Μακρῶ-
ἀρχὴν Φαδίναμον καλλιστ..*
- 10 *αι Μύρμηξ Φαδινάμου καὶ
ἀκου καὶ λοιποὶ Διαβῶ-
ου Μακάριος Νέρωνος
ου Ἀλέξανδρος Σογοι-
ου Ζήγοδης Ἀχαιμεν....*
- 15 *.....Ζακος Αρ.....*

Въ царствованіи] царя Гиберія Юлія [Эвпатора , друга] цезаря и друга народа [римскаго, благочестиваго], богу всемолющему молитвамъ припошениі.....

.....

..... и прочіе оіасоты.....

.....

Два куска мраморной плиты, въ вышину 13 вершковъ, въ ширину 10 $\frac{1}{2}$ вершковъ. Недостаетъ лѣвой половины и нижней части. Найдены 26-го октября 1853 года въ сѣверной части городища (въ квадратъ I 9 а—с плана, представленнаго Господину Министру Удѣловъ). Надпись сохраняется нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ и издается здѣсь въ первый разъ. Ширина камня опредѣляется достовѣрною 3-ей строкой; на основаніи опредѣленной такимъ образомъ широты камня дополнены 1-я и 2-я строки; относительно 2-й строки слѣдуетъ замѣтить, что въ ней могутъ быть допущены только имена такихъ царей, которые не называли въ надписяхъ своего отца, а это извѣстно о двухъ — Эвпаторѣ и Инионимѣ; остается стало быть выбрать изъ этихъ двухъ именъ то имя, длина котораго подходитъ къ остающемуся для него мѣсту, а этому условію отвѣчаетъ лишь имя Эвпатора. Такимъ образомъ въ недостающей части первой строки мы предполагаемъ 13 буквъ, во второй—14, въ третьей 12; между тѣмъ какъ съ именемъ Инионимея было бы въ недостающей части второй строки 16 буквъ, что рѣшительно невозможно. Въ цѣлыхъ же строкахъ вмѣстѣ съ уцѣлѣвшею ихъ частію число буквъ по нашему предположенію будетъ такое: въ первой 33, во второй 32, въ третьей 26—числа еще болѣе удовлетворительныя, если принять во вниманіе, что въ цѣлой третьей строкѣ нѣтъ ни одной ϵ , два раза встрѣчается ω и одинъ разъ μ , т. е. буквы, занимающія двойное мѣсто сравнительно съ другими.

О содержаніи надписи можно только сказать, что оно должно быть весьма близко къ содержанію предыдущей надписи. Въ выраженіи «богу всемолющему молитвамъ» нельзя кажется не замѣтить вліянія еврейскихъ понятій, и то же еще въ большей степени слѣдуетъ сказать по поводу встрѣчающагося въ 5-й строкѣ слова *синагога*. Евреи, какъ извѣстно, издавна искали убѣжища въ этихъ странахъ. Не безъ историческихъ основаній являются здѣсь черезъ нѣсколько вѣковъ исповѣдующіе еврейскую вѣру Хазары. Крымскіе Караймы свидѣтельствуютъ о томъ же, по отношенію, можетъ быть, къ времени весьма древнему. Наконецъ можно упомянуть надписи у Бѣка 2114 бб. (А шикъ № 28 и 29).—Стр. 4 показала, какъ слѣдуетъ раздѣлять стр. 1 предыдущей надписи; стр. 5 раздѣлена на основаніи стр. 39 и 43 знаменитой анапской надписи, сохраняющейся въ Кембриджѣ (Бѣкъ № 2130. А шикъ № 23). Буква ω изображается на этой надписи въ особенной формѣ, встрѣчающейся на милетской надписи 195 г. по Р. X. (Franzii Elem.

ерігт. р. 296) и на другихъ азіатскихъ надписяхъ того же времени. Эвпаторъ царствовалъ отъ 155 — 171 г. по Р. Х.; такимъ образомъ и указаніе палеографіи совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, которое назначаетъ для нашей надписи предлагаемое нами дополненіе.

Первое, что представляется въ этихъ надписяхъ какъ интересный предметъ для разысканій, — это собственные имена. Изслѣдованіе ихъ можетъ повести къ опредѣленію національности туземцевъ Танаиса, этого города полугреческаго и полуварварскаго. Но специальность дѣла побуждаетъ оставить здѣсь въ сторонѣ эти разысканія, слишкомъ утомительныя для читателя неспеціалиста. Отлагая сообщеніе того, что намъ удастся найти, до отдѣльнаго сочиненія о древностяхъ Танаиса, ограничимся здѣсь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Если взять все двѣнадцать надписей, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ, то мы получимъ изъ нихъ 80 собственныхъ именъ. Въ этомъ числѣ мы находимъ 38 греческихъ, 4 римскихъ и 38 варварскихъ именъ, т. е. греческихъ и варварскихъ именъ ровно половину на половину. Интересно сличить это отношеніе съ тѣмъ, которое представляютъ собственные имена лицъ, употреблявшіяся въ самомъ Боспорскомъ Царствѣ. Въ керченскихъ надписяхъ на 100 греческихъ именъ приходится лишь 50 варварскихъ, изъ чего само собою оказывается, что на берегахъ Киммерійскаго-Боспора греческій элементъ былъ вдвое сильнѣе нежели въ Танаисѣ. Сравненіе варварскихъ боспорскихъ именъ съ танаитскими варварскими же равно любопытно. Не смотря на зависимость Танаиса отъ Боспора и частыя сношенія съ Пантикаееей, мы находимъ въ числѣ 38 варварскихъ именъ, встрѣчающихся на танаитскихъ надписяхъ, и въ числѣ 51 варварскаго имени боспорскихъ памятниковъ, лишь 5 именъ общихъ тѣмъ и другимъ, между тѣмъ какъ 33 имени принадлежатъ исключительно Танаису и 46 исключительно Боспору. Притомъ собственные имена, исключительно принадлежащія этимъ двумъ странамъ, представляютъ совершенно различный лингвистическій характеръ, что свидѣтельствуетъ о различіи національностей. Стало бытъ Боспоръ и окрестности Танаиса были заселены двумя разными племенами.

Весьма также замѣчательно, что между 38 танаитскими собственными именами, принадлежащими очевидно греческому языку, есть 13 именъ, которыхъ мы не находимъ въ употребленіи у Грековъ, а это показываетъ, что въ Танаисѣ не только половина народонаселенія состояла изъ варваровъ, но что и Греки, жившіе тамъ, значительно удалились отъ своихъ отечественныхъ обычаевъ и ввели между собою къ употребленію новыя собственные имена, въ остальныхъ греческихъ

городахъ не употреблявшіяся. Языкъ надписей служить также доказательствомъ порчи, которой подверглась здѣсь греческая національность. Различіе между падежами именительнымъ, родительнымъ, дательнымъ, винительнымъ, повидимому вовсе не существовало для писавшихъ танаитскія надписи; они смѣшивали страдательный залогъ съ дѣйствительнымъ, при существительномъ средняго рода ставили причастіе мужескаго рода и т. д. Смыслъ къ грамматическимъ формамъ греческаго языка былъ совершенно потерянъ, а равно утрачено было и древнее греческое произношеніе. Изъ орфографическихъ ошибокъ видно, что нѣкоторыя буквы произносились совершенно такъ, какъ ихъ теперь произносятъ новые Греки: *η* за *ι*, *υ* за *ι*, *αι* за *ε*, *ει* за *ι*¹.

О внутреннемъ устройствѣ города мы узнаемъ изъ надписей, что онъ находился въ зависимости отъ Боспорскаго Царства и управлялся намѣстниками царей боспорскихъ, носившими имя *пресбевтовъ*, т. е. легатовъ. Намѣстникъ былъ всегда одинъ и былъ первымъ лицомъ въ городѣ; имя его ставится въ надписи тотчасъ послѣ имени боспорскаго царя. Собственно же городскими чиновниками были *архонты*, называющіе себя въ надписяхъ архонтами Танаитовъ. Въ 517 году поутѣйской эры ихъ было четверо, и весьма вѣроятно, что это число было постоянное (III viri). Одинъ изъ архонтовъ занималъ первое мѣсто между своими товарищами; имя такого архонта-эпонима находится на тѣхъ надписяхъ, гдѣ упоминается одинъ архонтъ. Но архонтамъ повинновались только туземцы, коренные Танаиты, а собственные Греки, — видно, заботливо отличавшіе себя отъ Танаитовъ, какъ отъ полуварваровъ, — выбирали въ начальники себѣ особеннаго сановника, носившаго имя *гелленарха*. Гелленархъ былъ каждый разъ вѣроятно одинъ, но на случай его выхода или смерти избирался кандидатъ, который въ такомъ случаѣ занималъ его мѣсто, и назывался *диадохъ*. Въ гелленархи избирали, какъ надобно полагать, богатыхъ купцовъ; почти вся постройка, упоминаемая въ надписяхъ, сдѣланы гелленархами на свой собственный счетъ. Высокое положеніе, которымъ пользовался этотъ санъ, видно

¹ Наши Танаиты пишутъ *Σεμελίαν* вм. *Σεμελίον* (№ 6 стр. 12) *ιος* вм. *ιός* (№ 7 стр. 3 и № 8 стр. 4), *Βαβιλαίως* вм. *Βαβιλίως* (№ 8 стр. 4). Сюда же можно отнести *Ἄρη* вм. *Ἄρηι* (№ 4 стр. 15), *Πόντος* вм. *Πόντω* (№ 4 стр. 6). Они никогда почти не подписываютъ *iota subscriptum* (исключеніе только № 5 стр. 1 и 15 и № 7 стр. 1), ставятъ иногда *υ* вмѣсто *μ* передъ *π* (*ἐμπροσὶν* № 2 стр. 11). Къ этимологическимъ неправильностямъ можно отнести родительный на *ω* вм. *ου* (*ἀρχιχοιτοναίω* № 3 стр. 7, *φιλορωμαίω* № 8 стр. 6, *χρόνω* № 8 стр. 9) и неправильныя приращенія въ глаголахъ (*ἀνοικωομένω* № 2 стр. 10 и № 9 стр. 8 и *ἀκονα-δίωτημι* № 2 стр. 11, № 3 стр. 10, № 5 стр. 12, № 8 стр. 11). Снятаксическихъ ошибокъ такъ много, что ихъ не стоить вычислять.

изъ того, что Хоэрасмъ, сынъ Форгабака, упоминаемый какъ гелленархъ въ 517-мъ году, въ 533-мъ году является уже намѣстникомъ царя Инниемей. Кромъ этихъ саповниковъ упоминается прихотчикъ (*просодикъс*) и эпимелеты, надзиравшіе за общественными постройками. Архитекторами были Греки и Римляне; ихъ упоминается два, Аврелій Антоніанъ и Діофантъ; но и одинъ туземецъ, Навакъ, сынъ Мевака, участвовалъ въ отдѣлкѣ государственной площади.

Кромъ этихъ данныхъ, относящихся къ исторіи самаго Танаиса, или лучше, создающихъ эту исторію, надписи, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ, доставили одно чрезвычайно важное свидѣніе, пополняющее исторію Боспорскаго Царства. Это свидѣніе относится къ боспорскому царю Котису III-му, который оказывается по одной изъ недвиговскихъ надписей сыномъ боспорскаго царя Рескупорида III-го. Монеты этихъ двухъ царей съ одними и тѣми же годами подавали поводъ къ заключенію, что Котисъ III-й и Рескупоридъ III-й царствовали одновременно, одинъ въ европейской, другой въ азіатской части Боспорскаго Царства, и принадлежали къ двумъ враждебнымъ династіямъ. Нынѣ эта гипотеза совершенно устраняется положительнымъ извѣстіемъ, что Котисъ III-й былъ сынъ Рескупорида III-го, и потому для объясненія монетъ съ одинаковыми годами надобно будетъ прибѣгнуть къ предположенію, что у боспорскихъ царей былъ обычай давать еще при жизни сыновьямъ титулъ царя и право чеканить монету. Очень вѣроятно, что этотъ обычай заимствованъ ими у римскихъ императоровъ. Не задолго до Котиса, въ послѣдніе годы Септимія Севера, Римъ имѣлъ даже трехъ Августовъ: Септимія Севера и двухъ сыновей его, Каракаллу и Гету.

Монеты, найденныя въ недвиговскомъ городищѣ, подають также возможность сдѣлать интересный историческій выводъ. Онѣ попадались при разрытіи городища въ небольшомъ числѣ. Всего ихъ найдено 58 мѣдныхъ и 2 серебряныя. Неизданныхъ экземпляровъ между ними нѣтъ, но есть рѣдкіе, какъ напримѣръ боспорская монета съ изображеніемъ городскихъ воротъ и плѣнника, боспорская же монета съ изображеніемъ царя, попирающаго ногою плѣнника и другія. За исключеніемъ двухъ римскихъ и одной восточной монеты, всѣ онѣ принадлежать Боспорскому Царству и чеканены въ первые три вѣка по Р. Хр. Между ними нѣтъ не только ни одной греческой, но даже ни одной пантикапейской автономной монеты изъ временъ до Р. Хр. А изъ этого слѣдуетъ, во первыхъ, что возобновленный Танаисъ состоялъ въ совершенной зависимости отъ Бос-

порскаго Царства и со стороны Европы только съ нимъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ, и во вторыхъ, что недвиговское городище можетъ быть признано лишь за мѣсто возобновленнаго Танаиса, ибо какъ ни велико было разрушеніе, произведенное Полемономъ, все таки не вѣроятно, чтобы въ разръзахъ, доведенныхъ до матерка, не оказалось ни одной монеты, современной древнему Танаису, если бы и послѣдній лежалъ на мѣствъ изслѣдованнаго нынѣ возобновленнаго Танаиса. Надписи наши, на которыхъ обозначены годы, относятся также къ поздняйшему времени возобновленнаго города (третьему вѣку по Р. Хр.).

Во многихъ погребкахъ этого города, а по мѣстамъ и въ верхнихъ слояхъ мусора, были находимы въ большомъ количествѣ черепки простыхъ глиняныхъ сосудовъ съ двумя ручками, называвшихся въ древности *амфорами*. Нѣсколько такихъ сосудовъ сохранились или совершенно, или почти совершенно цѣлыми; между ними три амфоры отличаются весьма значительною величиною, одна замѣчательна по своей миниатюрности и восемь амфоръ тѣмъ, что на нихъ видны мѣтки, сдѣланныя красною краскою и представляющія отчасти греческія цѣдры, отчасти монограммы, значеніе которыхъ неясно. Всѣ эти 12 амфоръ доставлены въ Петербургъ.

Изъ черепковъ амфоръ, совершенно разбитыхъ, составлена коллекція такихъ ручекъ, на которыхъ были хорошо сохранившіяся греческія клейма. Въ этой коллекціи есть 66 разныхъ штемпелей, по большей части еще не встрѣчавшихся на ручкахъ амфоръ. Изъ числа этихъ 66 штемпелей принадлежатъ острову Родосу, 21 неизвѣстнымъ греческимъ городамъ, 13 составляютъ дублеты. Въ числѣ родосскихъ штемпелей есть такіе, которые совершенно тождественны съ штемпелями ручекъ, находимыхъ на островѣ Сицилія и въ развалинахъ египетской Александріи. Это показываетъ, какъ была распространена торговля Родоса. А преобладаніе родосскаго клейма на ручкахъ сосудовъ, находимыхъ въ недвиговскомъ городищѣ, открываетъ историческій фактъ, что по крайней мѣрѣ въ послѣднее время существованія Танаиса, Боспорское Царство, откуда Танаисъ долженъ былъ получать эту посуду, находилось въ особенно живыхъ сношеніяхъ съ островомъ Родосомъ, составлявшимъ въ послѣдніе вѣка древней исторіи одинъ изъ центральныхъ пунктовъ всемірной торговли.

¹ Снимки будутъ приложены къ отдѣльному сочиненію о древностяхъ Танаиса, много разъ обѣщанному.

Вотъ надписи, находящіяся на нашихъ ручкахъ:

I. Родосскія клейма:

а) круглый штемпель съ цвѣткомъ граната въ серединѣ и надписью:

ἐπὶ Αἰμοσίλα Δαλίου
Αινέα
Δαμοκράτους
Δανοκράτους
Ζήνων
ἐπὶ Θέστορος Βαδρομίου
Ἰπποκράτους
ἐπὶ ἱερέως Ξεναρέτου
ἐπὶ ἱερέως Ξενοφάνους
ἐπὶ Ξενοφάνους Ἰακινθίου
Μηνοδάρου
ἐπὶ Πολίτα Ἀγριανίου
Τιμορόδου Δαλίου
ἐπὶ Τισαμενες (sic) Δαλίου
Χρησίμου

б) четырехугольный штемпель съ изображеніемъ головы Геліоса:

ἐπὶ Ἀγλουβρότου
ἐπὶ Δορκυλίδα
ἐπὶ Θεοφάνους
ἐπὶ Σωστράτου

в) четырехугольный штемпель безъ изображеній:

ἐπὶ Ἀρατοφάνους Ἀγριανίου
ἐπὶ Ἀρατοφάνους Δαλίου
ἐπὶ Ἀρατοφάνους Ἰακινθίου
Ἀρτεμίδωρος Ἀγριανίου
Μαρσία Ἀρταμιτίου
Μαρσία Ἰακινθίου
ἐπὶ Μυτίωνος
ἐπὶ Νικασαγόρα Ἰακινθίου
ἐπὶ Ξενοφάνους Καρνείου
ἐπὶ Παυσανία Δαλίου
ἐπὶ Τιμασαγόρα Ἰακινθίου
Τιμορόδου Δαλίου
ἐπὶ Τισαγόρα Πανάμου

II. Штемпели неопредѣленныхъ мѣсть:

а) съ изображеніями и надписью:

Ἀμύντα вѣнокъ
 Ἀντιμάχου посохъ Меркурія
 Ἀβτυνομοῦντος Παμφίλου сидящая женщина
 Ῥόδωνος мечъ
 Σωκράτους вѣнокъ и фасціи
 Χάρητος Σμινθίου оарсъ

б) безъ изображеній:

Ἀγαθόκληυς
 Ἀραταίου
 Ἀριστίωνος
 ἐπὶ Ἀρτι.. Ἀρισβτα....
 ἐπὶ Ἀρχοκράτους
 Δωροθέου
 ἐπὶ Εὐκλεуς
 ἐπὶ Ἰέρωνος
 Κότους
 Κρέοντος
 Μιθραδάτου Ἀβτυνομ....
 Νικάνορος
 Σενάρητος
 Οἰνασίμου
 ἐπὶ Πολίτου.

Всѣ поименованные предметы, найденные въ недвиговскомъ городищѣ, удостовѣряють въ томъ, что это городище включаетъ въ себѣ остатки Танаиса, возобновленнаго по разрушеніи его боспорскимъ царемъ Полемономъ I-мъ, и достигшаго въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. нѣкотораго благосостоянія. Причину возрожденія Танаиса именно въ эту эпоху слѣдуетъ, кажется, отнести къ измѣненію, которое должно было произойти въ торговлѣ Европы съ Азіей вследствие внутренняго разложенія парейвскаго государства и несчастныхъ войнъ его съ Римомъ въ послѣднія времена владычества Арсакидовъ. Паденіе этой династїи относится къ 226-му году, разореніе Селевкинъ и Ктесифона Римлянами къ 165-му, разбойническій походъ Каракаллы къ 214-му году по Р. Х. Враждебныя отношенія дѣлали невозможною торговлю по этой границѣ Римской Имперїи; неустройство парейвскаго государ-

ства, оказавшеся въ быстромъ успѣхѣ основателя династіи Сассанидовъ, равнымъ образомъ должно было затруднять ее. Слѣдствіемъ этого было вѣроятно то же самое, что по одинаковымъ причинамъ произошло въ XIII и XIV-мъ вѣкахъ, — торговля Азіи съ Европою взяла отчасти другое, болѣе сѣверное направленіе черезъ страны, лежащія на востокъ и сѣверъ отъ Чернаго-моря. Въствъ съ этимъ приморскіе города Понта Эвксинскаго и Меотиды должны были оживиться, и мы дѣйствительно имѣемъ извѣстія о могуществѣ Боспорскаго Царства при Савроматѣ III (см. выше надпись № 4) и о процвѣтаніи въ это время важнѣйшихъ городовъ Чернаго-моря, Херсонеса Таврическаго, Трапезунта, Сипоны, къ которымъ нынѣ, благодаря разысканіямъ 1853-года, присоединяется Танаисъ, лежавшій на Меотидѣ. Усиленіе торговли на Черномъ-морѣ въ продолженіе III-го вѣка подготовило совершившееся въ IV-мъ вѣкѣ возвышеніе Византіи, по волѣ Константина Великаго, на степень втораго города вселенной, мѣра, которая была бы невозможна, если бы и тогда, какъ при Александрѣ Македонскомъ, пути всемірной торговли склонялись болѣе къ Александріи. Но возвышеніе, которымъ обязана была Византія усиленію торговли на Черномъ-морѣ, сосредоточило всю торговую дѣятельность въ новооснованномъ Константинополѣ и уменьшило значеніе остальныхъ сосѣдственныхъ съ нимъ городовъ; они были подавлены второю столицею Имперіи, и по этому IV-й вѣкъ сдѣлался временемъ упадка всѣхъ черноморскихъ городовъ, за исключеніемъ Византіи. Напротивъ того въ III-мъ вѣкѣ Византія не только не имѣла такого перевѣса, до даже была приведена въ совершенное ничтожество разрушеніемъ, которое произвелъ Септимій Северъ въ 196-мъ году по Р. Х. въ наказаніе за вѣрность Византіи противнику его Песценцію Нигеру. Городскія стѣны были срыты, привилегіи уничтожены, и городъ, которому суждено было сдѣлаться въ непродолжительномъ времени новымъ Римомъ, обращенъ въ простую деревню. Это событіе, пагубное для имперіи, должно было содѣйствовать процвѣтанію остальныхъ черноморскихъ городовъ, ибо освободило ихъ отъ сильнаго соперника.

Какъ долго существовалъ Танаисъ, когда и кѣмъ былъ онъ окончательно разрушенъ, остается неизвѣстнымъ. Последняя извѣстная монета Боспорскаго Царства, относится къ 336-му году по Р. Х. и боспорскому царю Рескупориду VIII. Въ это время Боспорское Царство было весьма стѣснено усиленіемъ Херсонеса Таврическаго, и вѣроятно не могло подавать помощи Танаису, который также былъ тѣснимъ движеніями, сначала Геруловъ, потомъ Алановъ. Наконецъ при

императоръ Валентъ появились Гунны. Въ недвиговскомъ городищѣ найдена одна монета этого императора¹. Это даетъ нѣкоторую вѣроятность предположенію, что Танаисъ продолжалъ существовать до вторженія Гунновъ, случившагося въ 375-мъ году по Р. Х. и въ 11-мъ году царствованія Валента на Востокъ. Къ этому году по меньшей мѣрѣ необходимо отнести окончательное разрушеніе Танаиса. По мнѣнію Стемповскаго, впрочемъ не подтвержденному, Танаисъ былъ окончательно разоренъ еще во время Антониновъ (см. выше стр. 390).

Развалины города показываютъ, что это разрушеніе было самое страшное, какое только можно себѣ представить: въ городѣ не осталось почти камня на камень; отъ весьма немногихъ стѣнъ сохранились нижніе ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основанія, и самые погреба засыпаны развалинами обрушившихся строеній. Разрушеніе должно было быть внезапное, потому что въ нѣкоторыхъ погребѣхъ замѣчены остатки зерноваго хлѣба; въ разрушеніи участвовалъ огонь, котораго слѣды видны почти вездѣ во внутренней части города и на внутренней сторовѣ городскихъ стѣнъ и башней; одна изъ отрытыхъ башней обгорѣла даже со всѣхъ сторонъ. О степени разрушенія можно получить понятіе на примѣръ изъ того обстоятельства, что куски одной и той же надписи, разбившейся при паденіи, были находимы на разстояніи трехъ сажень; что отъ надписи № 6 удалось найти обломковъ менѣе нежели на половину, и однакожъ она склеена пама изъ 32 кусковъ.

Состояніе развалинъ удостовѣряетъ, что на мѣстѣ разрушеннаго греческаго города нѣсколько разъ пытались строиться позднѣйшіе жители этихъ странъ. Новыя поселенія возникали вмѣстѣ съ новыми вѣсками, проходившими надъ этимъ мѣстомъ. Почва городища возвышалась отъ нараставшихъ слоевъ мусора и въ настоящее время достигла мѣстами до 7-ми аршинъ высоты надъ древнимъ материкомъ. Но кромѣ пристроекъ и надстроекъ, поколѣнія, смѣнявшія здѣсь другъ друга, мало оставили по себѣ памятниковъ. Хотя и послѣ совершались въ этихъ мѣстахъ великія событія, и историческая жизнь проявлялась дѣлательно, но недвиговское городище очевидно уже не было главнымъ мѣстомъ дѣйствія и потому сказало намъ не много объ этой эпохѣ. Для времени отъ IV-го вѣка по Р. Х. и далѣе мы должны довольствоваться

¹ Это одна изъ двухъ римскихъ монетъ, упомянутыхъ выше стр. 433. Лицъ ст. Голова Валента въ діадемѣ вправо. Об. VOT въ одной строкѣ и цифра V въ другой; все въ вѣнчѣ. Велич. 4. — Вторая есть мѣдная монета Траяна съ SC. на оборотѣ; велич. 7.

ся известіями писателей; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя обойтись безъ того, чтобы не расширить круга разысканій. Мы выдемъ на время изъ тѣсныхъ предѣловъ недвиговскаго городища, чтобы потомъ возвратиться къ нему можетъ быть съ новыми вопросами.

Начиная съ XIII-го вѣка процвѣтала въ этихъ мѣстахъ италянская колонія Тана, обязанная своимъ значеніемъ участію въ тогдашней всемірной торговлѣ, т. е. въ торговлѣ между Европой и Азіей, двумя важнѣйшими частями Стараго Свѣта. Это значеніе Таны дѣлаетъ необходимымъ маленький эпизодъ о великихъ торговыхъ путяхъ старой вселенной, который, надѣмся, послужитъ и къ объясненію значенія древняго Танавса въ исторіи всемірной торговли. Этотъ эпизодъ мы начнемъ съ македонскаго времени¹.

Всѣмъ извѣстно, что торговлю Европы съ отдаленнымъ Востокомъ, торговлю стародавнюю, оживили геніальныя предпріятія Александра Македонскаго. Связать Азію, колыбель роскоши, съ матерью мужества и духовной силы, Европой, подчинить изнемогавшую восточную образованность высшимъ началамъ болѣе подвижнаго гелленисма — такова была главная мысль, или по крайней мѣрѣ такова была историческая логика, лежавшая въ основѣ предпріятій, замысленныхъ и отчасти исполненныхъ великимъ ученикомъ величайшаго мыслителя и политика древности. Геніальный выборъ указалъ самое удобное средоточіе сношеній, для которыхъ юный полководецъ открывалъ новую эру. Вслѣдствіе основанія Александріи великая торговля Запада съ Востокомъ получила самое выгодное и наикратчайшее направленіе, то направленіе, которое она и нынѣ наиболѣе стремится за собою упрочить. Сынъ Лага, бывший преемникомъ Александра въ обладаніи Египтомъ, много заботился сдѣлать Египетъ средоточіемъ выгодной торговли Греціи съ Востокомъ. Онъ поднялъ Египетъ на степень всемірно-историческаго величія и покоривъ часть Сиріи и Ливана, приобрѣлъ всѣ средства къ поддержанію его на этой степени. Его сынъ и наследникъ Птолемей Филадельфъ продолжалъ итти по пути, проложенному отцемъ. Торговля съ Индіей была тогда въ рукахъ Арабовъ, которые привозили драгоцѣнные товары Индіи въ гавани Счастливой Аравіи; сами Египтяне не пытались проникать на востокъ далѣе этихъ гаваней. Отсюда товары привозились въ Александрію черезъ три египетскіе порта, Арсиною, Беренику и Миосгормъ. Первая лежала въ самомъ

¹ Hüllmann *Handelsgeschichte der Griechen*. Bonn 1839. *Der. Geschichte des byzantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge*. Frankf. a. d. O. 1808.

сѣверномъ заливѣ Чермнаго-моря и была соединена съ Ниломъ посредствомъ канала. Береника и Мюсгормъ находились на западномъ берегу Чермнаго-моря, дожиѣ Арсинои; изъ нихъ товары шли сухимъ путемъ въ Коптось, главное торжище верхняго Египта, и сплавлялись далѣе по Нилу до Александріи. Послѣднія двѣ гавани предпочитались Арсиноѣ, не смотря на каналъ ея, потому что сѣверная часть Чермнаго-моря была опасна для мореплавателей по причинѣ морскихъ разбоевъ и многочисленныхъ отмелей и подводныхъ камней. Таковы были перепутья между Александріей и Счастливою Аравіей. Съ Александріей далѣе соперничала Петра, знаменитый сѣверный городъ Арабіи, по которому прилежащая часть арабійскаго полуострова получила наименование Петрейской Арабіи. Въ Петру доставлялись товары отчасти изъ гавани Левке-Коме на арабійскомъ (восточномъ) берегу Чермнаго-моря, отчасти черезъ гавани Персидскаго-залива и Месопотаміи и были отправляемы на западъ черезъ гавань Газу. Посредничество Петры предпочитали Греки, въ особенности Родосцы, когда увеличеніе пошлинь дѣлало невыгодномъ полученіе товаровъ черезъ Александрію. Но разстояніе между Петрой и Александріей такъ незначительно, что оба эти пункта въ сущности могутъ быть разсматриваемы какъ одинъ.

Другой преемникъ Александра Селевкъ Никаторъ (побѣдитель) также наслѣдовалъ умѣнье соединять съ политикою торговые виды. Обладая странами отъ истоковъ Эвфрата и Тигра до самаго Инда, онъ не хотѣлъ преклониться передъ усиливавшеюся Александріей и создалъ подражаніе ей — Селевкію въ Месопотаміи. Выборъ мѣста былъ удаченъ; торговый путь черезъ Месопотамію весьма важенъ и, что еще болѣе, онъ столько же предпочтителенъ передъ другими, какъ александрійскій. Это видно уже изъ того, что Англичане съ недавняго времени пытаются возстановить и эту линію. Въ древности Армяне сильно участвовали въ торговлѣ на этомъ пути. Произведенія ихъ страны легко доставлялись въ Селевкію внизъ по Эвфрату и Тигру; здѣсь они брали товары Индіи и доставляли на сѣверъ двумя путями: черезъ Команы, торжище Понта, и черезъ Арменію, на сѣверъ которой, отъ Каспійскаго моря до Дона, жили Аорсы, развозившіе ихъ далѣе по торжищамъ Сѣвера¹.

Черезъ полвѣка спустя послѣ основанія Селевкии, въ половинѣ III-го столѣтія до Р. Х., возникла на дальнемъ востокѣ новая сила, ослабившая царство Селевкидовъ и лишившая Селевкію ея центрального торговаго значенія въ западной Азіи. Феодотъ, намѣстникъ Бак-

¹ Страб. XI, 492. 506. (752. 772. 773).

тріи, воспользовавшись отдаленностью своей провинціи, отложился от царства и распространилъ свою власть надъ большою частью западной Индіи до самыхъ устій Инда. Новое бактрійское государство, соединивъ рѣчные системы Окса (Аму) и Инда, установило сообщеніе между ними, — и этимъ не преминула воспользоваться всемірная торговля. Такимъ образомъ упрочился третій путь сношеній Европы съ Востокомъ, изъ Кабула по Аму-Дарьѣ въ Каспійское-море, куда Аму въ то время впадала, и далѣе по Куру и Фазису до черноморскихъ гаваней; другая вѣтвь того же пути шла изъ Бактріи, черезъ землю Парянь, Экбатану, Тигръ и Эвратъ въ Герасполь въ Сиріи, и къ морю. Этотъ путь примыкалъ къ другому весьма древнему, углублявшемуся внутрь центральной Азіи и доходившему до Тибета (земля Серовъ), откуда привозился шелкъ. Больше сѣвернаго пути всемірная торговля въ македонское время не употребляла. Сѣверная часть Каспійскаго-моря, Волга и Донъ оставались пока въ сторонѣ и торговали съ Греціей и южными странами лишь туземными произведеніями. Надобно полагать, что это продолжалось до первыхъ временъ римской имперіи. Страбонъ, жившій въ началѣ 1-го вѣка по Р. Х., упоминаетъ, что изъ Танаиса, кромѣ рабовъ, доставлялись въ Грецію кожи и другія произведенія народовъ кочевыхъ; онъ не говоритъ ничего о шелкѣ и продуктахъ Индіи, которые стало быть шли тогда болѣе южными путями. Страны, лежащія на сѣверъ отъ устій Дона, были ему почти вовсе неизвѣстны. Какъ причину, онъ приводитъ грубость и могущество кочевыхъ варваровъ, владѣвшихъ донскимъ краемъ¹. По всему видно, что устья Дона въ его время мало были посѣщаемы образованными народами. Съ южною Азіей однако же торговали обитавшіе около нихъ Аорсы черезъ посредство Армянъ и Мидянъ. Страбонъ упоминаетъ, что Аорсы были богаты и ходили все въ золото.

Въ этомъ положеніи оставались дѣла до того времени, когда парянскія войны Римлянъ и внутренніе безпорядки парянскаго государства принудили торговлю предпочесть путь длиннѣйшій черезъ страны, лежащія на сѣверъ отъ Кавказа, кратчайшимъ путемъ черезъ Бактріану и Селевкію. Мы уже упомянули, что слѣдствіемъ этого было возвышеніе черноморскихъ портовъ и замѣтное процвѣтаніе этого края въ III вѣкѣ по Р. Х. Возобновленіе Танаиса въ эту эпоху показываетъ, что Азовское-море дѣятельно участвовало въ торговлѣ на этомъ пути. Въ послѣднее время римской имперіи Европа¹ пользовалась почти исключи-

¹ XI, 498 (754).

тельно двумя путями для великой торговли — через Суэцкія перешекъ и чрезъ Черное и Азовское моря. Естественное преимущество перваго изъ этихъ путей для сношеній съ Индіею осталось въ своей силѣ, но центральная Азія вѣроятно сбывала свои продукты путемъ сѣвернымъ. Тому должно было способствовать распространеніе предѣловъ китайскаго государства до истоковъ Окса и Таксарта (Аму и Сыръ) во второмъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія¹. Торговля не могла не воспользоваться чрезвычайнымъ удобствомъ длиннаго пути, на всемъ почти своемъ протяженіи не выходящаго изъ границъ одного государства. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что шелкъ, продуктъ чрезвычайно цѣннѣйшій въ древности, доставлялся исключительно послѣднимъ путемъ. Надобно замѣтить, что этотъ путь еще болѣе долженъ былъ выиграть, когда Византія сдѣлалась столицею имперіи и мѣстомъ пребыванія роскошнѣйшаго и чрезвычайно богатаго двора. Для товаровъ, назначавшихся собственно для Византіи, путь черезъ Черное-море могъ быть выгоднѣе, даже если они шли и изъ Индіи².

Но Византія недолго пользовалась этими выгодами. Большое вліяніе на судьбу всемірной торговли имѣло паденіе китайскаго могущества и раздѣленіе Китая на два царства во второй половинѣ IV вѣка, а съ другой стороны разведеніе шелка въ Европу начиная съ VI-го столѣтія по Р. Х. Вслѣдствіе того сѣверный путь потерялъ свое удобство и часть своей важности, а грозное движеніе кочевыхъ народовъ на востокъ Европы принудило Византію совершенно его оставить. Прошло не долго — и торговля подверглась опасности и на другихъ путяхъ. Начавшіяся войны съ Арабами затруднили торговлю Византіи чрезъ Египетъ и Сирію. Къ тому же система государственнхъ монополій убивала внутреннюю торговлю въ Восточной Имперіи, столько необходимую и важную въ большихъ государствахъ, а дурное управленіе совершенно подкормило благосостояніе этихъ странъ, такъ благословенныхъ природою. Все это вмѣстѣ пагубно дѣйствовало на всемірную торговлю, и передавало сношенія, которыя еще оставались возможными, въ руки націй болѣе предприимчивыхъ и пользовавшихся

¹ Klaproth *Tableaux historiques de l'Asie* p. 58. *Op. Asia Polyglotta* p. 375. Известно, что Маркъ Аврелій отправлялъ пословъ въ Китай. Kitter *Erdkunde* VII, S. 556 f. Проставшемъ съ Сергеемъ (I, 11). Инградъ объ одномъ македонскомъ купцѣ, торговавшемъ въ Геотересно замѣтить, что теперешнее имя Таксарта—Сыръ—очевидно заключается въ Плиніевомъ *Silis: flumen Iaxartes, quod Scythae Siliis vocant* (*Nat. Hist.* VI, 18).

² По этому-то Юстиніанъ обращалъ такое вниманіе на Крымъ. Онъ построилъ стѣны въ Херсонесѣ, Алуштѣ, Горзубитѣ; въ особенности старался онъ укрѣпить Восторгъ, опять занятый Греками по удаленіи Гунновъ. *Stritter Memoriarum* I, p. 543.

лучшимъ правленіемъ, нежели Византія. Хотя нельзя сказать, чтобы византійская торговля съ Востокомъ совершенно прекратилась, но несомнѣнно она начала ослабѣвать. По мѣрѣ того какъ греческіе корабли удалялись съ морей Эгейскаго и Средиземнаго, ихъ мѣсто занимали флоты молодыхъ италіанскихъ республикъ, особенно Венеціи и Генуи, сдѣлавшихся преемницами въ этомъ отношеніи древняго Родоса. Начиная съ IX-го вѣка есть слѣды не только торговыхъ договоровъ Венеціи съ Константинополемъ, но и сношеній ея съ Сиріей и Египтомъ. Возродившаяся, хотя еще не довольно живая всемірная торговля опять вступила въ свои естественные пути черезъ Египетъ и Месопотамію; Александрія въ Египтѣ и Басра, основанная халифомъ Омаромъ въ Месопотаміи, сдѣлались главными пунктами. Могушество халифовъ, обширность ихъ владѣній и успѣхи арабской цивилизаціи должны были много содѣйствовать торговлѣ черезъ Египетъ и Сирію.

Остальные пути низошли въ это время на степень частныхъ торговыхъ путей между отдѣльными странами. Арабы торговали съ теперешнею Европейскою Россіею черезъ Бухарію, Каспійское-море, Волгу и Донъ, и Русскіе на встрѣчу имъ доходили до южныхъ береговъ Каспійскаго-моря, гдѣ въ X вѣкѣ упоминается Русскій-островъ у ширванскаго берега. Множество кладовъ куфическихъ монетъ VII — XI вѣка, преимущественно династій аббасидскихъ халифовъ и саманидскихъ эмировъ, свидѣтельствуетъ о томъ вмѣстѣ съ извѣстіями восточныхъ писателей¹. Торговля между сѣверовосточною Европою и среднею Азіею сосредоточивалась въ городѣ Булгарѣ, въ землѣ волжскихъ Булгаръ, близъ нынѣшней Казани, въ хазарской столицѣ Итилѣ, при устьяхъ Волги, гдѣ были цѣлыя слободы Русскихъ купцевъ, и въ хазарской крѣпости Саркелѣ или Бѣлой Вѣжѣ на Дону. Чрезвычайно большое количество саманидскихъ монетъ, находящихся въ Россіи, показываетъ, что въ Азіи средоточіемъ для этой торговли были города саманидскихъ владѣній, знаменитый Балхъ — «мать городовъ», древняя Бактра, и рядомъ съ нимъ Бухара, Самаркандъ, Шашъ (сохранившій можетъ быть имя древнихъ Саковъ) и др. Паденіе династіи Саманидовъ относится къ началу XI-го вѣка (395 гиджры, 1004 — 5 по Р. X.). Пока эта династія была въ силѣ, Бухара,

¹ Frâhn Ibn Fozlans Bericht etc. S. Petersb. 1823. О монетахъ русскія сочиненія гг. Григорьева о куфическихъ монетахъ, находящихся въ Россіи въ 1-мъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1844) стр. 115 — 166; Савельева Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Ч. 1. Топографія кладовъ съ восточными монетами и надѣлками. Спб. 1846; Тжвенгаузена о Саманидскихъ Монетахъ въ VI-мъ томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества (1853) стр. 1 — 237.

древняя Бактріана, могла отчасти пользоваться пресъченіемъ торговыхъ путей изъ Азіи въ Европу черезъ Византійскую Имперію. Бухарскія торжища должны были сами собою оживиться, когда въ другихъ пунктѣхъ дѣла съ Европой пошли медленнѣе, а успокоившееся на время движеніе народовъ на сѣверъ морей Каспійскаго и Чернаго, одновременное съ усиленіемъ хазарской державы, уменьшило опасность торговли съ этими странами. Этимъ объясняется живость сношеній, занесшихъ въ Россію сотни тысячъ саманидскихъ монетъ. Но во всякомъ случаѣ торговля разныхъ частей нынѣшней Россіи съ Бухарою не возвышалась на степень всемірной. Сѣверный торговый путь имѣлъ въ это время почти такое же частное значеніе, какъ во время Страбона. — Вскорѣ однакожъ многія обстоятельства соединились, чтобы дать ему важность и для всемірной торговли того времени.

Въ статьѣ о древней Синопѣ (выше стр. 383) вкратцѣ упомянуто о причинахъ, сдѣлавшихъ естественные пути черезъ Египетъ и Месопотамію мало доступными европейской торговлѣ въ XII и XIII вѣкахъ. Остановимся теперь съ болѣшимъ вниманіемъ на этихъ причинахъ, потому что отъ нихъ зависѣло значеніе италянскон колоніи Таны. Начнемъ съ Востока. Здѣсь прежде всего представляется внутреннее ослабѣваніе халифата. Свѣтская власть, которую мало по малу теряли халифы Аббасиды, переходила въ руки мамлюковъ, буйныхъ полчищъ, составлявшихся изъ Турокъ и Татаръ, которыхъ Арабы покупали и обращали въ солдатъ. Уже въ началѣ X вѣка въ Багдадѣ гораздо болѣе значилъ начальникъ мамлюковъ нежели преемникъ Магомета; лучшіе города Месопотаміи были опустошены внутренними распрями, борьбою Шитовъ съ Суннитами, покушеніями секты Карматовъ; провинціи почти совсѣмъ отложились; въ западныхъ буйствовали мамлуки. Въ половинѣ XI вѣка халифъ принужденъ былъ призвать на помощь сельджукскаго Турка Тогрульбега, который получилъ санъ эмира-аль-омра и подъ этимъ именемъ полную власть надъ халифатомъ и халифомъ. Но и могущество Сельджуковъ было непродолжительно, ибо ихъ царство по смерти великаго Джеламеддина въ 1092 году распалось на нѣсколько частей, и онѣ подверглись многимъ страданіямъ отъ сектъ (между которыми опаснѣйшею была секта Ассасиновъ, получившихъ имя отъ *хашшиса*, которымъ они опьяняли себя), отъ разныхъ возстаній, внутреннихъ распрей и войнъ съ сосѣдями. Во все это время Сирія и Месопотамія не могли представлять необходимыхъ удобствъ для торговли. Но еще болѣшія бѣдствія постигли эти страны нѣсколько послѣ. Алуштекинъ, невольникъ одного сельджукскаго придворнаго, умѣлъ приобрести такое значеніе, что получилъ

отъ Желаледдина, вмѣстѣ съ придворнымъ саюмъ, доходы съ провинціи Ховаресміи (пынѣшняя Хива). Сынъ его Могаммедъ Котбеддинъ оставался вѣренъ сельджукскому султанату, но вуюкъ Атзиць (1127—1156) сдѣлался независимымъ и принялъ титулъ шаха. Одинъ изъ потомковъ послѣдняго, Могаммедъ III. Котбеддинъ, такъ далеко распространилъ власть свою, что Багдадъ былъ совсѣмъ окруженъ его владѣніями, и халифъ, стѣсненный и униженный, рѣшился искать спасенія въ помощи языческихъ Монголовъ подъ предводительствомъ Чингисхана (1219). Всѣмъ извѣстны плачевныя слѣдствія появленія этихъ дикихъ ордъ, страшное опустошеніе всего царства Ховаресміевъ, и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ разрушеніе Багдада и окончательное паденіе халифата (1258). Бѣдствія, которыми страдала Месопотамія въ XI и XII вѣкахъ, окончились въ XIII вѣкѣ совершеннымъ ея разореніемъ.

Въ Египтъ дѣла шли сначала лучше. Династія Фатимидовъ отличалась благоразумными мѣрами относительно государственнаго хозяйства; въ X вѣкѣ она возстановила для Египта время первыхъ Птолемеевъ и подобно имъ упрочила благосостояніе Египта обладаніемъ Палестины и Сиріи. Испанскіе мусульмане, Сицилія и Италія находились тогда въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Но уже съ начала XI вѣка замѣтно приближеніе упадка. Безумный халифъ Гакемъ былъ первымъ виновникомъ того; потомъ начались возстанія и смуты, и повторилось явленіе, оказавшееся въ Багдадѣ однимъ вѣкомъ прежде,—власть халифовъ перешла въ руки мамлукскихъ визирей. Во второй половинѣ XI вѣка Египетъ находился уже въ самомъ жалкомъ состояніи, и можно даже сказать — въ совершенной нищетѣ.

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ закрывались естественные пути всемірной торговли со стороны Азіи, Европа приготовляла мѣры, окончательно отвратившія отъ нихъ торговлю. Поводомъ къ этимъ мѣрамъ была великая борьба христіанства съ исламомъ, которую вела на Востокъ сначала Византія, потомъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, вся Европа. Еще византійскіе императоры старались нанести вредъ мусульманамъ запрещеніемъ вывозить къ нимъ предметы, полезные въ дѣлѣ войны, не только оружіе, но и желѣзо, дерево и т. п. Въ IX и X столѣтіяхъ Венеція присоединялась по временамъ къ этой мѣрѣ¹. Но когда великое предпріятіе крестовыхъ походовъ начинало рушиться и требовались новые способы, чтобы стѣснить мусульманъ, тогда римская церковь рѣшилась сама прибѣгнуть къ запрещенію торговли

¹ Andrea Danduli Chronicon s. a. 818 et 972 (Muratori XII, p. 167 et 210).

военною контрабандою съ мусульманскимъ Востокомъ, и въ продолженіе многого времени поддерживала эту мѣру съ большою строгостью всѣми своими огромными средствами. Отцы третьяго Laterанскаго собора (1179 г.) распространили старинное запрещеніе греческихъ императоровъ на весь католическій міръ. Эта мѣра, хотя относилась по видимому только къ военной контрабандѣ, но имѣла чрезвычайно большія послѣдствія, такъ какъ предметы, подходившіе подъ этотъ разрядъ, составляли главную часть сбыта со стороны Европы въ обмѣнъ за произведенія южной Азіи. Европа производила еще мало фабрикатовъ, которые не подходили подъ запрещеніе и могли бы удовлетворить требованіямъ Азіи.

Итакъ торговля, уже затрудненная со стороны Азіи, должна была почти совершенно прекратиться вслѣдствіе этой мѣры, принятой со стороны Европы. Мы дѣйствительно видимъ, что съ конца XII вѣка естественные торговые пути черезъ Египетъ и Месопотамію со всѣмъ выходятъ изъ употребленія.

Тогда-то италянскія республики, у которыхъ въ рукахъ была тогдашняя торговля, обратили все свое вниманіе на Черное-море. Обстоятельства вели къ тому, чтобы свѣрный торговый путь, бывшій въ употребленіи въ послѣднія времена римской исторіи, былъ опять возстановленъ, и притомъ съ видами еще болѣе благоприятными для него. Въ римское время онъ не былъ единственнымъ торговымъ путемъ, потому что тогда еще былъ открытъ путь черезъ Египетъ. Теперь же онъ одинъ соединялъ условія свободной и открытой торговли съ Востокомъ. Венеціане первые замѣтили это и основали въ свѣрномъ углѣ Азовскаго-моря, на устьяхъ Дона, факторію, которой дали полуантичное имя Таны. Но весь успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ того, кто будетъ имѣть ключъ къ Черному-мory, Константинополю. Венеціане употребили всѣ возможные усилія, чтобы приобрести вліяніе въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, безъ котораго все ихъ предпріятіе необходимо должно было рушиться. Счастіе на этотъ разъ было къ нимъ благосклонно: имъ удалось ловко приготовить и удачно совершить великое событіе, которое передало Византію въ руки латинскихъ крестовосцевъ. Въ вознагражденіе за оказанное содѣйствіе они получили нѣсколько важныхъ острововъ и побережій и большія права и льготы въ столицѣ. Теперь, находясь въ обладаніи ключемъ Чернаго-моря, они могли съ успѣхомъ возстановить для всемірной торговли древній свѣрный путь черезъ Черное и Азовское моря на Бухару въ Индію и Китай. Азіятскіе товары восходили изъ Каспійскаго-моря по Волгѣ до волока между Волгою и Дономъ, спускались по Дону и прибывали въ Тану,

которая сдѣлалась главнымъ складочнымъ мѣстомъ тогдашней всемирной торговли. Вотъ почему Тана вскорѣ составила причину такихъ жаркихъ раздоровъ между Венеціей и Генуей.

Бросимъ теперь взглядъ на состояніе страны, гдѣ была основана Тана, и на обстоятельства, которыя содѣйствовали со стороны Азіи успѣшности сношеній по свверному пути.

Придонскія страны были долгое время театромъ народныхъ движеній. Гунны перешли черезъ Донъ при Валентѣ; выше мы отнесли предположительно къ этому времени конечное разрушеніе древняго Таманса. Во время Юстиніана страна, лежащая на востокъ отъ Меотиды, называлась у Грековъ Эвлизіей и была занята Утургурами, однимъ изъ племенъ гунскихъ; на западъ отъ Дона жило другое гунское племя — Кутургуры¹, которые по Никифору и Теофану тождественны съ Булгарами и перешли на правый берегъ Дона будто бы не прежде половины VII вѣка². Движеніе Аваровъ, въ 565 г. переступившихъ Донъ, не оставило по себѣ слѣдовъ, и лишь появленіе Хазарь измѣнило видъ страны: во второй половинѣ VII вѣка Хазары отбросили одну часть Болгарь къ свверной Волгѣ, другую къ Дунаю и даже до Фракіи. Они заняли устья Дона и въ VIII вѣкѣ приобрѣли вліяніе даже на Византію и одерживали побѣды надъ Арабами въ Персіи. Въ 834 г. Грекъ Петрона построилъ имъ на Дону кирпичную крепость Саркель для защиты отъ Печенѣговъ, которые уже начинали тѣснить ихъ съ востока³. Народы быстро смѣняли другъ друга въ этихъ степныхъ пространствахъ. Въ половинѣ X вѣка Печенѣги уже господствовали отъ Дуная до Дона, а по лѣвому кочевали Узы и Команы, которыхъ Русскіе звали Половцами. Хазары впрочемъ еще оставались въ Саркель и Крыму. Последний получилъ по нимъ имя Казаріи или Газаріи, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ Италіянамъ во все время ихъ пребыванія тамъ. Русскій князь Святославъ взял Саркель у Хазарь и ходилъ ратью по Дону до Крыма и Кавказа, гдѣ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ. При Владимірѣ Святомъ на Таманскомъ полуостровѣ образовалось русское княжество Тмутороканское, сопредѣльное съ одной стороны Хазарамъ, съ другой кавказскимъ Ясамъ и Касогамъ. Русскія лѣтописи даютъ ему имя Тмутороканъ, Константинъ Порфирородный — Таматарха; арабскіе писатели упоминають о двухъ го-

¹ Procop. B. Goth. IV, 4.

² Stritter M. P. II, 504.

³ Stritter M. P. in Chazaricis; III, p. 543 sqq. О мѣстѣ, гдѣ лежалъ Саркель, мы будемъ говорить ниже.

родахъ: Матерха и Русіи¹. Между тѣмъ Половцы, слѣдуя общему направленію народовъ, приходившихъ изъ Азіи, мало по малу подвигались на западъ и вытѣсняли Печенѣговъ. Въ половинѣ XI вѣка первыя толпы ихъ появились въ предѣлахъ переславскихъ. Русскіе воевали съ ними по временамъ счастливо; въ началѣ XII вѣка при Владимірѣ Мономахѣ они одержали надъ ними нѣсколько важныхъ побѣдъ даже въ центральномъ мѣстѣ ихъ кочевья, на Дону; но Тмутороканское княжество уже не упоминается болѣе въ нашихъ лѣтописяхъ XII-го вѣка, а въ концѣ столѣтія Половцы одерживаютъ верхъ и въ Приднѣпровьѣ. Къ XIII вѣку наконецъ относится появленіе монгольскихъ орабъ, и Половцы исчезаютъ.

Какъ ни полны наши лѣтописи жалобами на грабежи половецкіе, однако же торговля по видимому не очень много страдала отъ нихъ. Свидѣтельствомъ могутъ служить куфическія монеты, находимыя въ Россіи и идущія до XI вѣка, слѣдовательно запесенныя въ тѣ времена, когда Половцы занимали уже на востокъ отъ Дона страны, по которымъ лежалъ торговый путь въ Бухару. Кромѣ того самыя наши лѣтописи сохранили память о караванахъ, проходившихъ черезъ половецкую землю (1184)², а знаменитый Еврей-путешественникъ Бениаминъ Тудельскій нашелъ русскихъ купцевъ и въ Константинополѣ и въ Александріи³; это по крайней мѣрѣ показываетъ, что въ его время, въ XII вѣкѣ, Половцы не составляли преграды и на пути изъ Россіи въ Грецію по Днѣпру. У нихъ была также нѣкотораго рода осѣдлость, хотя не въ такой степени, какъ у Хазарь. Наши лѣтописи упоминаютъ грады половецкіе⁴. Половцы стало быть не были рѣшительнымъ препятстві-

¹ Бдризки, писавшіи въ началѣ XII вѣка: отъ Сольтадія (Судакъ) до Ютера 20 миль, отъ Ютера до Русіи 20 миль, отъ Русіи до Матерхи 27 миль. Русіи лежить при большой рѣкѣ, текущей съ горы Кукайя. Frâhn Ibn Fozlan, стр. 30.

² Ипат. 129. Г. Соловьева Исторія Россіи Т. III стр. 49. Г. Бѣллева о Сѣверномъ берегу Чернаго моря и прилежащихъ къ нему устьяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ (въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. III, стр. 34).

³ Не имѣя подъ руками этого важнаго путешественника, мы принуждены сослаться на Исторію Россіи г. Соловьева Т. III, стр. 48.

⁴ Ипат. лѣт. стр. 2: «и придоша къ Донови и поидоша (во вторникѣ) ко граду Шарукавию (городъ хана Шаруана)... и завтра (въ среду) поидоша къ Сугрову и пришедше зажгоша и, а въ четвергъ поидоша съ Дономъ. Пошли они къ рѣкѣ Салиницѣ, которая по Словоу о Полкѣ Игоревѣ впаде въ Донъ выше устья Донца. Намъ кажется совершенно правдоподобнымъ мнѣніе г. Бѣллева (Геогр. Свѣдѣнія въ древней Руси стр. 76), что этихъ половецкихъ городовъ слѣдуетъ искать въ Острожскомъ или Вогучарскомъ уѣздахъ. Упомянутый походъ былъ въ 1111 г. Черезъ пять лѣтъ Ярополкъ Владиміровичъ ваялъ тѣ же города и еще новый го-

емъ для торговли; тѣмъ менѣе они могли противодѣйствовать торговлѣ изъ укрѣпленнаго мѣста: извѣстно, какъ безсильны они были противъ городовъ (напр. противъ Канева). Почти то же надобно сказать о монгольскомъ владычествѣ: оно было пагубно для странъ, ему подпавшихъ; но есть причины полагать, что для всемірной торговли была даже полезна безпримѣрная въ исторіи обширность Чингисова царства. Для насъ особенную важность имѣетъ по счастью то, что вѣтъ всякаго сомнѣнія. Завоеванія Чингисхана повторили, только въ болѣе большихъ размѣрахъ, явленіе, которое Азія уже видѣла во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда предѣлы Китая доходили до рѣкъ Аму и Сыра и великое государство Востока (Tsin, имя династїи, отсюда Sina) почти сходилось съ великою имперїей Запада (Ta-Tsin, какъ звали Китайцы Римскую Имперїю). И какъ въ то время состояніе Азіи благопрїятствовало сношенїямъ по сѣверному торговому пути, такъ, и еще въ болѣе болѣе степени, послѣдствїя Чингисовыхъ завоеванїй должны были ихъ усилить. Въ концѣ XIII вѣка монгольское царство заключало въ себѣ всѣ страны отъ Малой Азіи до Индіи и южнаго Китая включительно. Какъ ни мало совершенны были его государственныя учрежденїя, но одно уже государственное единство такихъ обширныхъ и богатыхъ странъ должно было содѣйствовать усиленїю сношенїй. Бухара стала одною изъ главныхъ областей новообразовавшагося государства. Она находилась по необходимости въ постоянныхъ сношенїяхъ съ Каракорумомъ и Пекиномъ, какъ двумя важнѣйшими городами царства, и не смотря на огромное разстояніе была тѣсно связана съ Китаемъ. Съ Индіей Бухара также не могла обойтись безъ сношенїй. Царство Газнавидовъ, знаменитое своимъ великимъ султаномъ Магометомъ и его потомкомъ Фирдуси, не за долго передъ тѣмъ соединяло ее съ западною

родъ Балнѣ. Ипат. лѣт. стр. 7. — Байеръ упоминаетъ, что по свидѣтельству Стрыйковскаго Половцы владѣли въ 1103 г. городами Слутеномъ, отстоявшимъ на три дни пути отъ днѣпровскихъ пороговъ, Рукожомъ на Дону, Суборовомъ и Азовомъ. См. Байера въ Samml. russ. Gesch. Bd. II. S. 76 и въ русскомъ переводѣ Тауберта: Описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова (СПб. 1768) стр. 54. Текстъ Стрыйковскаго, особенно въ собственныхъ именахъ, еще не очищенъ критически, и потому о половецкихъ городахъ Стрыйковскаго нельзя говорить съ увѣренностію. Въ повѣщаемъ варшавскомъ изданїи этого лѣтописца (1846. 2 voll.) находятся слѣдующія имена: Schuten и Azoph подъ 1103 и Rukanie и Suworow подъ 1108 г. Такъ какъ Стрыйковскій рассказываетъ подъ 1108 г. о походѣ 1111 г. Ипатьевской лѣтописи, то послѣдніе два города по всему вѣроятїю будутъ ничто иное какъ градъ Шаруканъ и Сугровъ. Schuten лежалъ въ Полтавской губерніи близъ Лубна и насъ не касается. Остаются такимъ образомъ четыре половецкіе города на Дону: городъ хана Шарукана (Ипат. и Стрыйк.), Сугровъ (Ипат. и Стрыйк.), Балнѣ (Ипат.) и Азовъ (Стрыйк.). Ледевелъ на картѣ Европы 1144 г. помѣщаетъ Шаруканъ и Сугровъ въ землѣ Войска Донскаго между Устьмедвѣднскою и Качалинскою станицами.

Индіей. Это царство сильно потомъ пострадало отъ Горждовъ, но сношенія, разъ завязавшіяся между народами, не легко прекращаются, и бухарская торговля должна была тотчасъ же воспользоваться покореніемъ Газны Монголами. Къ этому присоединилось, что и Европа, вслѣдствіе приведенныхъ выше обстоятельствъ, старалась вступить въ связь съ Востокомъ именно черезъ Бухарію. Такимъ образомъ и со стороны Европы и со стороны Азіи встрѣтились многія условія, благопріятствовавшія сношеніямъ по сѣверному пути. По этому-то начиная съ XII-го вѣка такъ часто стали проникать въ глубь Азіи европейскіе путешественники и послы. Пляно-Карпини путешествовалъ въ 1246, Андрей Люціумель въ 1247, Рейсбрукъ (Рюбрюкисъ или какъ порусски зовутъ его Рубруквисъ) въ 1252, Николай Поло съ 1260 — 1269, Марко Поло его сынъ до 1295, Олдерикъ въ 1318, Мандевилъ съ 1322¹. Изъ ихъ записокъ мы видимъ, что въ это время были въ особенномъ употребленіи два пути въ среднюю Азію—черезъ Тану и сѣверныя страны и черезъ Трапезунтъ и Арменію. Цѣлю путешествій былъ Китай. Въ 1335 году одинъ Италіанецъ изъ Флоренціи Франческо Бальдуччи Пеголетти составилъ даже нечто въ родъ торговой географіи своего времени, гдѣ между прочимъ даетъ *avisamento del viaggio del Gattajo per lo cammino della Tana ad andare e tornare con mercanzia*, т. е. путеводитель для торговли съ Китаемъ по пути на Тану, чтобъ отправляться и возвращаться съ товарами. Италіанскія и испанскія географическія карты XIV столѣтія свидѣтельствуютъ, какъ знакомы были Европейцамъ берега Чернаго и Каспійскаго морей и даже внутреннія страны центральной Азіи.

Послѣ этого эпизода можно будетъ возвратиться къ исторіи устьевъ Дона. Но прежде нежели начнемъ говорить о находившейся здѣсь италіанской колоніи, необходимо устранить одно извѣстіе. Карамзинъ принималъ, и гг. Арцыбышевъ, Устряловъ и Соловьевъ повторили, что при устьѣ Дона существовалъ въ началѣ XIII вѣка богатый городъ Орна, въ которомъ жило множество христіанъ, какъ то: Хазарь, Русскихъ, Алаповъ и другихъ; также и Сарацинъ, которые имъ владѣли, пока онъ не былъ разрушенъ Монголами. Это показаніе основано на свидѣтельствѣ Пляно-Карпини, который дѣйствительно говорить это объ одномъ городѣ, называющемся въ разныхъ его спискахъ

¹ Forster Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden. Frauef. a. d. Od. 1784
D'Alvarez въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie. T. IV
p. 399—433. См. также Ab. Rémusat Mémoire sur les relations politiques de princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols въ VI и VII томахъ Мемуаровъ Академіи Наукисей (Франц. Института).

Отнас, Отнас, Отна и Отраг, и прибавляетъ, что Татары, не могли взять его иначе, перекопали рѣку, текшую черезъ городъ, и затопили его со всѣмъ, что въ немъ ни было. Но изъ его рассказа можно заключить, что самъ онъ по всему вѣроятію не былъ въ этомъ городѣ, и потому опредѣленіе мѣста Карпиніевой Орны сопряжено съ трудностями. Знаменитый нашъ академикъ Френъ высказалъ мимоходомъ намъ вѣреніе доказать, что Орна ПIANO-Карпини не что иное какъ искаженное имя весьма известнаго города Ургенджъ. Онъ не успѣлъ исполнить своего предположенія, но вѣрное замѣчаніе, даже и мимоходомъ брѣшенное, не теряетъ отъ того своей вѣрности, и хотя мнѣніе Френа встрѣтило рѣшительное противорѣчіе со стороны новѣйшаго издателя ПIANO-Карпини г. д'Авезака, тѣмъ не менѣе намъ кажется, что весьма многое говорить въ его пользу. Прибавимъ, что Карамзинскаго мнѣнія придерживается и Гаммеръ, и что мы знаемъ только одного ученаго, именно г. Бруна въ Одессѣ, который сталъ на сторону Френа¹.

Вопросъ объ Орнѣ имѣетъ для насъ спеціальную важность, и потому мы рассмотримъ его обстоятельно. Такъ какъ онъ очень запутанъ, то мы разберемъ его методически и отдадимъ читателямъ отчетъ въ самыхъ приемахъ герменевтики и критики, которые сдѣлали для насъ вѣроятнымъ мнѣніе Френа.

Вотъ вопросы, которые мы задаемъ себѣ: что сказалъ и могъ сказать объ Орнѣ ПIANO-Карпини, и что говорятъ и могли сказать о ней другіе свидѣтели?

Въ изслѣдованіи о значеніи какого бы то ни было свидѣтельства прежде всего важна связь, въ которой данное свидѣтельство высказано. По этому мы должны начать съ вопроса, по поводу чего Карпини говорить объ Орнѣ? Мы находимъ у него два мѣста объ этомъ городѣ: одно въ главѣ, гдѣ рассказываетъ исторія Монгольскаго Царства, и другое въ главѣ, гдѣ Карпини повѣствуетъ о своемъ путешествіи². Начнемъ съ послѣдняго, потому что Карпини очевидно заслуживаетъ наиболѣе вниманія и довѣрія тамъ, гдѣ говорить о своемъ собственномъ путешествіи.—Путь его лежалъ по степи, простирающейся между Днѣпромъ и Янкомъ. Это была страна Комановъ, т. е. Половецъ. За Янкомъ жили Кангиты, Канкли арабскихъ писателей, Кан-

¹ Frähn Ibn Fozlans und anderer Berichte, Beilage 1, § 4, стр. 162. D'Авекас I. с. р. 3. Hammer Geschichte der Goldenen Horde стр. 580. Брунъ въ Запискахъ Одесскаго Общества Т. III, стр. 462.

² Это послѣднее мѣсто опущено въ изданіи г. Ямкова. Мы беремъ его изъ изданія г. д'Авезака.

гары Константина Порфиророднаго; какъ видно изъ сличенія расказа Карпини съ извѣстiями другихъ писателей, они жили на сѣверѣ отъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Вышедши изъ ихъ страны, путешественники вступили въ страну Бисерминовъ, т. е. какъ видно изъ сличенія расказа Карпини съ расказомъ Бенедикта, его спутника, — въ Туркестанъ. Этотъ народъ былъ некогда могущественъ, и государь его носилъ имя Высокаго Султана (*altus soldanus*); но во время Карпини Бисермины повиновались Татарамъ. Страна представляла много слѣдовъ прежней богатой городской жизни. Множество городовъ было разрушено, и только немногiе продолжали существовать. На одной большой рѣкѣ, которой имя осталось неизвѣстнымъ путешественнику, лежали три города, посящiе въ рукописяхъ Карпини слѣдующiя наименованiя: первый *Jankinc, Janekin, Jakunt, Sakint*, второй — *Barchin, Karachin, Karkun* или *Barthra*, третiй—*Ognas, Ognas, Oгna* или *Oгrag*. Карпини оставляетъ насъ въ неизвѣстности, были ли они сами во всѣхъ этихъ городахъ; его спутникъ Полякъ Бенедиктъ въ расказѣ, который записалъ съ его словъ, упоминаетъ одинъ только первый изъ этихъ трехъ городовъ, но изъ его словъ видно, что они были въ немъ. И Карпини и Бенедиктъ согласны наконецъ въ томъ, что изъ земли Бисерминовъ, или Туркестана, они вступили въ Каракитай. — Вотъ связь повѣствованiя, въ которомъ упоминается Орпа. Мы заключаемъ, что Карпини полагалъ Орпу въ Туркестанъ, и притомъ на одной рѣкѣ съ остальными двумя городами, имъ упоминаемыми, т. е., какъ оказывается изъ изслѣдованiя д'Авезака объ этихъ двухъ городахъ¹, — на Сырь-Дарвь. Такъ думалъ несомнѣнно Карпини, когда писалъ повѣсть своего путешествiя. Вѣрное ли имѣлъ онъ мнѣнiе о городахъ Туркестана, и могъ ли онъ имѣть вѣрное мнѣнiе о нихъ, это зависитъ отъ того, какiе изъ этихъ городовъ онъ видѣлъ своими глазами и какiе нѣтъ. На этотъ послѣднiй вопросъ Карпини не даетъ намъ средствъ отвѣчать положительно; только относительно Янкинта мы узнаемъ со словъ нашего соплеменника отца Бенедикта, что путешественники въ немъ были. Но Орпа и третiй городъ остаются подъ сомнѣнiемъ. Относительно Орпы даже вѣроятнѣе, что она оставалась у путешественниковъ въ сторонѣ, потому что о Бенедиктъ упоминаетъ объ Орпѣ, какъ о городѣ, лежащемъ южнѣе ихъ пути, когда они ѣхали по Команiи. Правда, по его мнѣнiю онъ находится въ Хазарiи, но объ этомъ рѣчь впереди. Здѣсь пока для насъ важенъ выводъ, что Карпини по всему вѣроятiю говорить объ Орпѣ не какъ очевидецъ, и потому могъ ошибаться отно-

¹ D'Avézac I. I. стр. 512 слл.

сительно ея мѣстоположенія. Но съ другой стороны въ высшей степени правдоподобно, что его ошибка могла простираться только на то, въ какомъ мѣстѣ земли Бисерминовъ лежала Орна, а не на положеніе Орны вообще въ землѣ Бисерминовъ, т. е. въ Туркестанѣ.

Возьмемъ теперь другое мѣсто Карпини, находящееся въ главѣ объ исторіи Монголовъ. Здѣсь говорится, что по смерти Чингисхана Оккодай, сынъ его, отправилъ Батыя противъ Высокаго Султана и противъ земли Бисерминовъ¹. Батый завоевалъ эту землю и взялъ въ ней три города, тѣ же самыя, которые Карпини уже намъ назвалъ въ мѣстѣ, сейчасъ нами разсмотрѣнномъ. Покоривъ эти города, полчища Батыя вступили въ землю Турковъ язычниковъ и оттуда въ Россію. Расказъ этотъ совершенно точенъ и ясенъ, и мы спрашиваемъ, можетъ ли быть сомнѣніе, что въ этомъ мѣстѣ высказывается то же самое мнѣніе о положеніи этихъ городовъ въ Туркестанѣ, которое высказано въ томъ мѣстѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили? Связь изложенія дѣлаетъ невозможнымъ всякое другое объясненіе. Но разберемъ подробно слова, относящіяся собственно къ Орнѣ. «*Et iverunt contra civitatem quae vocatur Ornas; ista civitas erat nimium populosa; erant enim ibi christiani plures, Gazari videlicet et Rutheni et Alani et alii, nec non et Sarraceni; Sarracenorum autem erat dominium civitatis. Haec autem civitas erat divitiis plena: est enim posita super fluvium quendam qui currit per Janckint et terram Biserminorum, qui intrat in mare: unde est quasi portus, et forum maximum habebant de illa civitate alii Sarraceni. Et cum non possent eos aliter devincere, praeciderunt fluvium qui currebat per civitatem et illam cum rebus et hominibus submerserunt.*» Или по русски: «И пошли (т. е. Татары) противъ города, называемаго Орнасъ; этотъ городъ былъ чрезвычайно многолюденъ; ибо тамъ было много христіанъ, именно Хазаръ, Русскихъ, Алановъ и другихъ, а также и Саррацины; владѣли же городомъ Саррацины. Городъ этотъ былъ наполненъ богатствами, потому что онъ лежитъ на одной рѣкѣ, текущей черезъ Ян-кинтъ и землю Бисерминовъ и впадающей въ море: вслѣдствіе чего онъ какъ бы портъ, и другіе Саррацины покупали весьма многое изъ этого города. И не будучи въ силахъ побѣдить ихъ иначе, они пере-

¹ Большинство кодексовъ: *contra Altisoldanum et contra terram Biserminorum*. Кодексъ Петръ: *contra terram Biserminorum*. Кодексъ Кольбера: *contra terram Altisoldani et contra terram Biserminorum*. Очевидно, что слѣдуетъ предпочесть чтеніе большинства кодексовъ, ибо дѣло идетъ объ одной землѣ, а не о двухъ: это видно изъ самченія съ приведеннымъ выше мѣстомъ расказа о путешествіи; *Altisoldanus* былъ государь земли Бисерминовъ. Рукопись Кольбера не заслуживаетъ той чести, которую оказалъ ей д'Авезакъ, принявъ ея чтеніе въ свой текстъ.

вопали рѣку, которая текла черезъ городъ, и потопили его съ богатствами и людьми.» Таково чтеніе, основанное на лучшемъ спискѣ, именно на спискѣ Петò. Въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ, есть важные варианты другихъ списковъ. Въ извлеченіи Викентія Бовè вмѣсто этихъ словъ читается: *super quendam magnum fluvium*, т. е. «на одной большой рѣкѣ»; въ рукописяхъ Кольбера, Лумли, Дюшои и въ лондонской: *super fluvium qui vocatur Don*, т. е. «на рѣкѣ, которая называется Донъ». Это послѣднее чтеніе и дало поводъ утверждать, что ПIANO-КАРПИНИ помѣщалъ городъ Орну на устьяхъ Дона. Но посмотримъ безпристрастно, можетъ ли это чтеніе быть признано за подлинное. Здѣсь первый вопросъ о достоинствѣ рукописей. Благодаря труду д'Авезака, мы можемъ съ полною увѣренностью утверждать, что рукопись Петò, находящаяся нынѣ въ библиотекѣ лейденскаго университета, составляетъ единственный авторитетъ для установленія текста сочиненія ПIANO-КАРПИНИ въ томъ видѣ, какъ оно было окончательно исправлено самимъ авторомъ. Эту рукопись самъ г. д'Авезакъ принялъ за основаніе въ своемъ превосходномъ изданіи ПIANO-КАРПИНИ, и въ настоящемъ случаѣ мы тѣмъ болѣе обязаны придерживаться ея чтенія, что она заставляетъ путешественника говорить о положеніи Орны то же самое, что, какъ мы видѣли, сказано имъ въ другомъ мѣстѣ, и освобождаетъ его отъ противорѣчія съ самимъ собою, въ которое его вводятъ другія рукописи. Викентій Бовè есть также хорошій авторитетъ; онъ могъ пользоваться хорошими рукописями, потому что жилъ гораздо ближе къ времени ПIANO-КАРПИНИ, нежели мы¹. У него читаемъ: *на одной большой рѣкѣ*, и имѣемъ право заключить, что въ его рукописяхъ не было имени Дона, которое, какъ общеизвестное, онъ бы не могъ пропустить. Итакъ, авторитеты рукописей не благоприятны чтенію, упоминающему Донъ. Обыкновенный законъ дипломатической критики, предписывающій предпочитать, *ceteris paribus*, труднѣйшее чтеніе легчайшему, говорить также болѣе въ пользу чтенія рукописи Петò, нежели остальныхъ списковъ, ибо имена *Janckint* и *terra Viserminogum* были менѣ привычны всякому европейскому переписчику, нежели имя Донъ. Послѣднее не могло затруднить никого, и если бы ПIANO-КАРПИНИ дѣйствительно написалъ то, что стоитъ въ рукописяхъ Кольбера, Лумли и пр., то было бы непонятно, откуда переписчикъ манускрипта Петò взялъ свое чтеніе, и почему Викентій Бове въ своемъ извлеченіи пропустилъ имя Дона. Можно сказать, пожалуй, что они хотѣли при-

¹ Первое изданіе его знаменитаго *Speculum historiale* вышло въ 1173 г. въ Нюрнбергѣ. Онъ первый обнаружилъ путешествіе ПIANO-КАРПИНИ, хотя и не вполне.

вести въ согласіе это мѣсто съ другимъ мѣстомъ своего автора, т. е. съ тѣмъ, которое мы разсмотрѣли выше. Но такую заботливость не лучше ли предположить въ самомъ Плато-Карпини? За всѣ труды и старанія и за обиліе свѣдѣній, сообщенныхъ имъ Европѣ, онъ заслуживаетъ, чтобы его считали по меньшей мѣрѣ способнымъ къ такой простой и естественной заботливости. Онъ могъ полагать, что Иерусалимъ лежитъ на югъ отъ земли Бисерминовъ, могъ смѣшать Каспійское море съ Чернымъ-моремъ—онъ самъ не видалъ ни того ни другаго,—но чтобы предполагать, что онъ смѣшалъ землю Бисерминовъ съ землею Донскою, т. е. двѣ земли, черезъ которыя онъ самъ провѣзжалъ, для этого надобно имѣть болѣе сильныя доказательства, нежели чтеніе нѣсколькихъ рукописей и при томъ чтеніе, не подтверждаемое двумя главными авторитетами въ ряду рукописей.

Но можетъ быть другіе писатели, достойные вѣры, говорятъ положительно, что Орна находилась на устьяхъ Дона? Посмотримъ сначала въ русскихъ лѣтописяхъ. Стыдно жаловаться, но до сихъ поръ мы не имѣемъ еще алфавитныхъ указателей къ нашимъ лѣтописямъ, и если отъ меня укрылось какое нибудь мѣсто, гдѣ упоминается Орначь (очевидно, это имя соответствуетъ въ нашихъ лѣтописяхъ Карпиніевой Отпа Отпас Отпас), то вина въ пропускъ пусть не падаетъ на гостя въ русской исторіи. Мнѣ извѣстны только два мѣста, сюда относящіяся, одно подъ 1346 г., другое при описаніи завоеваній Тамерлана. Въ первомъ мѣстѣ Никоновская лѣтопись говоритъ: «бысть моръ силенъ зымо надъ восточною стороною на Орначи и на Азсторокани и на Саран и на Бездежи и на прочихъ градахъ страннехъ, и на христіанехъ, и на Арменехъ и на Фразехъ, и на Черкасѣхъ, и на Татарехъ, и на Обазехъ (III, стр. 183).» А изъ Троицкой лѣтописи это же извѣстіе у Карамзина читается такъ: «и бысть моръ великъ на люди: на Бесермены, и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы и на Черкасы (И. Г. Р. IV, пр. 357)». Сличивъ эти двѣ редакціи, можно придти къ заключенію, что городъ Орначь Никоновскаго списка соответствуетъ Бесерменамъ Троицкаго списка, названнымъ также на первомъ мѣстѣ. Если положительнаго вывода изъ словъ лѣтописи нельзя сдѣлать; то правдоподобный выводъ говорить въ пользу того, что Орначь—городъ земли Бесерменовъ, какъ свидѣтельствуемъ и Плато-Карпини.—Другое мѣсто нашихъ лѣтописей еще благоприятнѣе. Исчисляя земли и царства, «еже поплѣнилъ Темиръ Аксакъ», Никоновскій списокъ называетъ Арначь т. е. Орначь, не обозначая прямо его мѣста, но приводя его посреди слѣдующаго списка городовъ и земель: Чегадай, Горусани, Гулустаи, Китай, Синий Орда, Ширазы,

Аспаганы, Арначи, Гиненъ, Шизъ, Шибранъ, Шамахи и т. д. (IV, стр. 259). — Ширазъ, Испагань, Гилянъ, Ширванъ, Шамаха — вотъ города, называемые непосредственно передъ Орначемъ и послѣ него. Какимъ образомъ Орначъ зашелъ бы въ такое общество, если бы лежалъ на устьяхъ Дона?—Можно кажется сказать, что объясненіе относящихся сюда мѣстъ русскихъ лѣтописей будетъ легче и естественнѣе, если принять, что Орначъ находился въ средней Азии. Не рѣшая дѣла, эти мѣста говорятъ однакожь скорѣе въ пользу, нежели противъ мнѣнія, основаннаго на строгой критикѣ извѣстій Пано-Карпини.

За тѣмъ остаются только два свидетельства, приводимыя въ доказательство противнаго: Бенедиктъ спутникъ Карпини и монахъ Альберикъ, жившій въ XIII вѣкѣ во Франціи и составившій лѣтопись отъ сотворенія міра до 1241 года¹.

Первый въ рассказъ, записанномъ съ его словъ, говорить, что путешествуя по землѣ Половецкой, онъ и Карпини имѣли вправѣ сначала Готѣвъ и Алановъ, потомъ Хазаръ, въ землѣ которыхъ есть богатый городъ Орна (civitas Ornam), взятый Татарами посредствомъ затопленія. О Донѣ онъ впрочемъ не упоминаетъ. Монахъ Альберикъ, описывая нашествіе Татаръ въ 1221 г. на Команію и Россію, говорить, что они разрушили большой городъ Тенексъ, или Орнацію (варианты: Tognax, Oguntia, Cornax), въ который приходили купцы изъ отдаленныхъ странъ. Оба эти извѣстія ясны, и очевидно относятся къ одному городу. Они показываютъ, что авторы предполагали существованіе Орны въ землѣ Хазарской. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что этому же мнѣнію слѣдовали исправители словъ Карпини, вставившіе въ его текстъ упоминаніе рѣки Дона. Такимъ образомъ мы въ правѣ заключать о существованіи мнѣнія, помѣщавшаго Орну около устій Дона, — тамъ, гдѣ была Тана. Но спрашивается, заслуживаетъ ли это мнѣніе довѣрія?

Прежде всего надобно имѣть въ виду, что это мнѣніе находится въ прямомъ противорѣчій съ Пано-Карпини, и что о. Бенедиктъ, помѣщая Орну въ землѣ Хазарской, разумѣетъ тотъ же самый городъ, который Пано-Карпини помѣщаетъ въ землѣ Бисерминовъ. Это видно изъ его словъ, что Орна взята Татарами посредствомъ затопленія. Мы имѣемъ слѣдовательно передъ собою дилемму: или Орна лежала въ Туркестанѣ, и тогда правъ Пано-Карпини, или Орна лежала въ Хазаріи на Донѣ и тождественна съ Таной, и тогда Пано-

¹ Она издава Лейбницемъ въ *Accessiones historicae* T. I и Менкеномъ въ *Scriptores regum Germanic. T. II.*

Карпини не правъ, а правы Бенедиктъ, спутникъ его, и Альберикъ лѣтописецъ. Надобно принять одно изъ двухъ, или то, или другое, ибо имѣемъ дѣло съ положеніями, исключаящими другъ друга. Какія же соображенія должны руководить насъ при этомъ выборѣ? Очевидно прежде всего надобно взвѣсить авторитеты свидѣтелей. Съ одной стороны передъ нами Плато-Карпини, первое лице въ посольствѣ, съ другой—спутникъ его, видѣвшій и слышавшій то же самое, что Плато-Карпини, но, какъ лице второстепенное, не имѣющій въ свою пользу равно выгодныхъ предположеній относительно способностей. Далѣе передъ нами съ одной стороны человекъ, самъ составившій изложеніе результатовъ своего путешествія, и составившій его тщательно, нѣсколько разъ исправлявшій свое сочиненіе, какъ видно изъ приписки къ послѣдней редакціи въ рукописи Петѣ; съ другой стороны передъ нами гораздо болѣе краткое описаніе того же путешествія, записанное со словъ спутника третьимъ лицомъ. Оцѣнивъ безпристрастно ту и другую сторону, можно ли колебаться, которая изъ нихъ заслуживаетъ ббльшаго авторитета? Что касается до Альберика, то онъ передаетъ чужія повѣствованія и какъ неочевидецъ ни коимъ образомъ не можетъ равняться съ Плато-Карпини. Наконецъ исправители текста Карпини не извѣстны даже и по имени и потому не могутъ объявлять никакого притязанія на авторитетъ.

И такъ оцѣнка свидѣтелей склоняетъ насъ въ пользу извѣстія Плато-Карпини, что Орна лежала въ Туркестанѣ. Но принимая это извѣстіе, мы должны объяснить, какимъ образомъ могло возникнуть противоположное извѣстіе, переданное Бенедиктомъ, Альберикомъ и переписчиками Карпини. По счастью и на этотъ вопросъ есть отвѣтъ совершенно правдоподобный. Самъ Карпини, передавая вѣрно то, что самъ видѣлъ, имѣлъ весьма ошибочныя понятія о земляхъ, оставшихся въ сторонѣ отъ его пути. Подобно древнѣйшимъ географамъ, онъ считалъ Черное, Азовское, Каспійское и Аральское моря за одно море и могъ полагать, что рѣка, текущая въ землѣ Бисерминовъ, впадаетъ въ Азовское-море, хотя не могъ считать ее за Донъ, ибо она была отдѣлена отъ Дона Волгою и Яикомъ, рѣками, черезъ которыя лежалъ его путь. Идя по землѣ Кангитовъ, онъ предполагалъ у себя вправѣ Меотиду, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ вправѣ у него было Аральское-море. Эту же ошибку долженъ былъ раздѣлять съ нимъ его спутникъ Бенедиктъ. Выше мы нашли ввроятнымъ, что наши путешественники не были въ Орнѣ. Теперь предположимъ, что странствуя въ землѣ Бисерминовъ черезъ какія нибудь 25 лѣтъ послѣ нашествія Мошголовъ, они слышали о разореніи

Монголами трехъ главнѣйшихъ городовъ этой земли. Въ одномъ изъ нихъ, въ Янкинтѣ, они были сами; другіе два, какъ имъ сказывали, лежали южнѣ Янкинта, Орна—при рѣкѣ, не далеко отъ ея впаденія въ море. По ихъ мнѣнію это море не что иное какъ Меотиды; следовательно Орна лежала близъ Меотиды. Но Карпини былъ остороженъ; онъ предоставилъ сдѣлать такое заключеніе читателю, а самъ, говоря о землѣ Бисерминовъ, какъ бы съ намѣреніемъ не назвалъ моря по имени, а о рѣкѣ прямо сказалъ, что ея имя осталось ему неизвестнымъ. Отецъ Бенедиктъ былъ менѣе осмотрителенъ. Какъ Полакъ, онъ долженъ былъ знать Азовское-море довольно коротко. Ему было извѣстно, что въ него впадаетъ одна большая рѣка — Донъ. Но онъ принялъ отъ Карпини старинную ученую ошибку относительно обширности Азовскаго-моря, и соглашая ея съ своими свѣдѣніями объ Азовскомъ-морѣ и Донѣ, пришелъ къ мнѣнію, что рѣка, на которой стояла Орна, не можетъ быть никакая другая кромѣ Дона. Однажды принявъ это мнѣніе, онъ долженъ былъ сдѣлать еще одинъ шагъ и перенести Орну изъ земли Бисерминовъ, гдѣ ее помѣщаетъ Карпини, въ землю Хазаръ, жившихъ на Азовскомъ-морѣ. Альберикъ кромѣ того зналъ, что на устьяхъ Дона есть городъ Тана (онъ могъ называться и Тена, потому что Донъ на восточныхъ языкахъ называется Тенъ), и что въ этомъ городѣ идетъ большая торговля; это повело его къ тому, что онъ прибавилъ свой Тенексъ къ именамъ Орпадіа. Орунція и т. д. Такимъ образомъ происхожденіе ошибки объясняется само собою. Но предположимъ на часъ, что Орна въ самомъ дѣлѣ лежала на Дону. Въ такомъ случаѣ, отъ кого долженъ былъ узнать о ней Карпини? Не ужели отъ Бисерминовъ, а не отъ Половцевъ? А если онъ узналъ о ней въ странѣ Половцевъ, то какая случайность могла заставить его говорить объ Орнѣ два раза (въ небольшомъ сочиненіи!) при странѣ Бисерминовъ? И какимъ образомъ онъ могъ бы сказать, что не знаетъ имени рѣки, при которой лежитъ Орна? Всѣ эти трудности исчезаютъ, если предположить, что Орна находилась въ странѣ Бисерминовъ.

Послѣдній критерій — вѣроятность самаго свидѣтельства. Противъ принимаемаго нами извѣстія Илано-Карпини можно привести два возраженія:

1. Вѣроятно ли, чтобы въ бассейнѣ Аральскаго-моря находился городъ, въ которомъ, по Карпини, жило много Русскихъ, Хазаръ, Алановъ и другихъ христіанъ?—Конечно это не очень вѣроятно, но совершенно невѣроятнаго и тутъ нѣтъ ничего. Если въ Италѣ были цѣлыя слободы русскихъ купцевъ, если на Каспійскомъ-морѣ были Русскій

островъ, если русскіе кушцы доходили до Константинополя и Александріи, а по одному извѣстію даже до Багдада ¹, то почему же имъ нельзя было проникнуть и въ Ховаресмію, откуда принесено въ Россію такое множество саманидскихъ монетъ? Хазарамъ и Аланамъ было еще ближе до земли Бисерминовъ. Мы знаемъ изъ китайскихъ источниковъ, что Аланы (Janthasai, Alanna) торговали съ восточной Татаріей еще во времена династїи Ганъ (163 до Р. X. — 196 по Р. X.). Въ V вѣкѣ по Р. X. они посылали дань китайскому богдыхану ². Почему не вѣрять, что они посвѣщали Туркестанъ въ XIII вѣкѣ?

2. Если Орна былъ такой богатый городъ и лежалъ въ странѣ Бисерминовъ, то восточные писатели должны упоминать о немъ. На это возраженіе даетъ намъ возможность отвѣтить замѣчаніе, мимоходомъ высказанное покойнымъ академикомъ Френомъ, что Орпа и Орпачъ вѣроятно тождественны съ Ургенджемъ восточныхъ писателей. О послѣднемъ мы имѣемъ извѣстіе Мирхонда, что Монголы взяли его посредствомъ отведенія воды изъ каналовъ, его окружавшихъ ³. Это извѣстіе почти совпадаетъ съ тѣмъ, что ПIANO-КАРПИНИ говоритъ о взятїи Орпы. Имя Ургенджъ, въ италіянскомъ и испанскомъ произношенїи Organci, чрезвычайно близко къ имени Орпачъ ⁴ и даже не могло получить другой формы въ славянскомъ говорѣ, а ПIANO-КАРПИНИ, какъ по всему видно, собиралъ свѣдѣнія черезъ посредство своего спутника Поляка Бенедикта. Остается одно несоответствіе: по ПIANO-КАРПИНИ Орпа лежала на одной рѣкѣ съ Янкинтомъ, т. е. на Сырь-Дарьѣ, а Ургенджъ лежалъ на Аму-Дарьѣ. Но это несоответствіе легко можетъ быть приписано ошибкѣ путешественниковъ, которые, какъ мы видѣли, по всему вѣроятїю сами не были въ Орпѣ. Они слышали, что Ургенджъ лежитъ въ странѣ Бисерминовъ при большой рѣкѣ, не далеко отъ ея впаденія въ море, и легко могли подумать, что эта рѣка та же самая какъ извѣстная имъ большая рѣка, текущая мимо Янкннта.

¹ Извѣстіе Хордадъ-Бегъ, жившаго во второй половинѣ IX вѣка, приведенное г. Срезневскимъ въ Вѣстникѣ Географ. Общ. за 1854 г., Кн. I, отд. II, стр. 49.

² См. Ritter Asien V, 626.

³ Pétis de La croix Histoire du grand Genghiscan. P. 1711 p. 318. D'Ohsson Hist. des Mongols t. 1, p. 270.

⁴ Вальдуччи Пеголетти называетъ Ургенджъ — Organci, и говоритъ, что это былъ важный торговый пунктъ. Онъ уже зналъ его настоящее положеніе — на Джиху-хъ (Аму). Каталаяская карта 1375 помѣщаетъ его подъ тѣмъ же именемъ на востокъ Каспійскаго моря. У восточныхъ географовъ онъ означается именами Хорканджъ, начиная отъ Абу-Ригана (1030 г.) до Абульведы (1331). См. Ледевелъ Géographie du moyen age. Bruxelles 1849. Атласъ. Въ позднѣйшія времена Русскіе звали его Юргентъ (Гербершт. и послѣд.).

Такимъ образомъ возраженія противъ принимаемаго нами извѣстія ПIANO-Карпини теряютъ свою силу; но вотъ обстоятельства не отражаемыя, которыя дѣлаютъ противное мнѣніе совершенно невѣроятнымъ:

1. Карпини говоритъ, что въ Орнѣ жило много христіанъ, но что Саррацины, т. е. мусульманы, владѣли ею. Это совершенно идетъ къ землѣ Бисерминовъ, которые, какъ свидѣтельствуегь Карпини, хотя и говорили по комански, т. е. по половецки (одно изъ турецкихъ нарѣчій), но исповѣдывали исламъ. Если же Орна лежала въ землѣ придонской, то извѣстіе о мусульманствѣ ея обладателей находимось въ противорѣчій съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно объ обитателяхъ этой страны, и въ частности съ тѣмъ, что говоритъ самъ Бенедиктъ о Хазарахъ¹. Въ рассказѣ Карпини Хазары отличаются отъ обладавшихъ Орною Саррациновъ, и говорится, что въ ней было много Хазаръ, — странный способъ выразаться, если бы Орна была хазарскій городъ.

2. Мы знаемъ, что въ концѣ XII вѣка Венеція имѣла въ Танѣ своего консула, и заключаемъ, что число Венеціанъ, жившихъ въ Танѣ въ это время, было довольно значительно; съ другой стороны мы знаемъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій о національности ПIANO-Карпини, что онъ былъ Италіецъ. А если то и другое достоверно, то неужели ПIANO-Карпини не упомянулъ бы о своихъ соотечественникахъ, говоря объ Орнѣ-Танѣ? и не ужели онъ сталъ бы обозначать этотъ городъ его восточнымъ именемъ, и притомъ въ сочиненіи, которое написано для Европы, а не употребилъ бы общезвѣстнаго въ Европѣ имени Тана, прибавивъ пожалуй, что восточные народы зовутъ Тану Орной?

3. Если Орна есть восточное имя города, называвшагося у Европейцевъ Танюю, то что же такое имя Азакъ, читаемое на джучидскихъ монетахъ XIV вѣка и на картахъ Ибнъ-Самда (1274) и Абульфеды (1331)² и встрѣчающееся въ его русской формѣ уже у Стрыйковскаго? и почему въ такомъ случаѣ ни на одной изъ арабскихъ картъ, которыхъ довольно много издано Лелевелемъ, не встрѣчается ни разу на устьяхъ Дона это предполагаемое восточное имя Таны?

4. Наконецъ самое сильное возраженіе противъ тождества Орны и Таны представляетъ мѣстность донскихъ устій. Если бы даже и оказалось, что Карпини менѣе правъ нежели о. Бенедиктъ и летописецъ

¹ с. 4. Postea Casaros, qui sunt christiani; in hac terra sita est Ornarum civitas opulenta.

² См. эти карты въ атласѣ Лелевеля.

Альберикъ, и что Орна, о которой говоритъ Карпини, лежала на Дону, то во всякомъ случаѣ мѣстность дѣлаетъ невозможнымъ, чтобы эта предполагаемая Карпиніева Орна была тождественна съ Таной. Г. Брунъ, профессоръ одесскаго лица, уже обратилъ вниманіе на этотъ важный аргументъ въ пользу мнѣнія Френа. Онъ воспользовался географическими данными, чтобы доказать, что городъ, затопленный Монголами, не могъ находиться ни на южномъ берегу Дона, ни на северномъ берегу втораго главнаго рукава Дона, или т. н. Мертваго Донца: ибо и тотъ и другой берегъ такъ высокъ, что его нельзя затопить перекопаніемъ рѣки. Но не бывши на мѣстѣ, онъ не могъ рѣшить этого вопроса окончательно. Онъ самъ замѣчаетъ, что остается возможность искать мѣсто Орны въ плавняхъ между двумя рукавами, и эту возможность онъ не устраняетъ приводимыми ими возраженіями¹. Мы можемъ прибавить къ сказанному имъ слѣдующее рѣшительное возраженіе противъ попытокъ искать на донской дельтѣ ту Орну, о взятіи которой Монголами говоритъ Карпини. Во-первыхъ обиліе воды въ Донѣ такъ велико, что только безумцу пришла бы въ голову мысль запрудить Донъ близъ его устій; во-вторыхъ наводненія на донской дельтѣ, какъ и вездѣ при устьяхъ рѣкъ, бываютъ отъ низовыхъ вѣтровъ съ моря, отъ которыхъ Монголы защитили бы городъ Орну, — предполагая даже, что имъ удалось бы перекопать Донъ, т. е. предполагая возможнымъ невозможное.

Итакъ не можетъ быть рѣчи о богатомъ городѣ Орнѣ, лежавшемъ на устьяхъ Дона и затопленномъ Монголами. Здѣсь были только слѣдующіе города: Танансъ въ древности и Тана, или какъ говорятъ Татары, Азакъ, въ средніе вѣки и въ новое время. Имя Азакъ перешло потомъ въ русскомъ говорѣ въ Азовъ, городъ, упоминаемый еще Стрыйковскимъ и благополучно, хотя и крайне бѣдно, существующій досель.

Венеціи должно приписать честь освоенія Таны². Когда это случилось, я не могу теперь сказать положительно. Самое раннее извѣстіе о Та-

¹ Г. Брунъ говоритъ, что на дельтѣ дѣйствительно есть слѣды прежнихъ жилищъ, но принимаетъ ихъ за остатки находившейся тамъ небольшой турецкой крѣпости Лютинъ. Противъ этого надобно замѣтить, что кромѣ мѣста турецкой крѣпости, сохраняющей досель свое имя (на нашемъ планѣ № 8), на дельтѣ есть значительные остатки поселенія близъ Елисаветовской-станицы (на нашемъ планѣ № 9), которые можно было бы принять за слѣды Орны, если бы не противорѣчло тому сказанное нами въ текстѣ.

² Для исторіи Таны кромѣ источниковъ намъ доступныхъ мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

Описаніе случаевъ относящихся до Азова (Байѣра), перев. Тауберта. СПб. 1768 изъ *Sammlung russ. Gesch.* Bd. II. Это второе изданіе. Третье изд. перевода СПб. 1782.

нѣ, которое до сихъ поръ я могъ найти, относится къ концу XII вѣка¹. Оно находится у Навигіеро въ его *Storia Veneziana* (Muratori XXIII, p. 980) и приведено Гюльманомъ (*Geschichte des Byzantinischen Handels* стр. 44). Въ немъ упоминается о договорѣ, заключенномъ между Венеціей и Трапезунтскимъ Царствомъ, по которому Венеція получила право имѣть въ Трапезунтѣ и Арменіи своихъ баліевъ, а въ Тапѣ консула. Навигіеро извѣщаетъ объ этомъ подъ 1192 годомъ. Изъ его словъ можно заключить, что въ это время Тана находилась въ зависимости отъ Трапезунта, который стало быть какимъ нибудь образомъ приобрѣлъ этотъ пунктъ отъ Половцевъ. Слѣдствіемъ годъ договора (1192) съ годомъ латеранскаго собора (1179), нельзя не усмотрѣть цѣль, съ которою Венеціане старались утвердиться въ Арменіи и на Дону, гдѣ торговля не была запрещена папскою буллою.

Это было еще прежде занятія Константинополя латинскими крестоносцами. Объ огромной важности этого послѣдняго событія для успѣховъ венеціанской торговли, уже сказано выше. Слѣдствіемъ его было совершенное господство Венеціи на левантскихъ водахъ, еще болѣе упроченное въ скоромъ времени приобретениемъ острова Кандіи (1205). Не можетъ быть сомнѣнія, что Тана зависѣла тогда исключительно отъ Венеціи. Но скоро въ этихъ странахъ появились Монголы. Какое измѣненіе произвели они въ положеніи венеціанской факторіи, мы не знаемъ, хотя имѣемъ положительныя извѣстія, что торговля продолжалась, и что Генуэзцы и Пизане соперничали съ Венеціанцами въ торговлѣ съ Азіей по сѣверному пути. Миноритъ Плато-Карпини, одинъ изъ шести монаховъ, отправленныхъ вслѣдствіе положенія ліонскаго собора 1245 г. папою Иннокентіемъ IV къ монгольскимъ ханамъ, говоритъ о Генуэзцахъ, Венеціанцахъ и Пизанцахъ, посвящавшихъ Татарію черезъ Россію и Константинополь². Вѣроятно около этого времени Пизане основали въ окрестностяхъ нынѣшняго Таганрога колонію, получившую

Н. Мурзакевича *Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму*. Одесса, 1837.

Formaleoni *Storia del commercio etc. nel Mare Nero*. Ven. 1788.

Derrington *Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe depuis les croisades*. Paris 1830, 2 vols.

Hammer *Geschichte des Osmanischen Reichs u. Geschichte der Goldenen Horde*.

Много важныхъ сочиненій не было у насъ подъ руками, напр. Magini *Storia del commercio Veneto*, и новѣйшее сочиненіе: Serristori *Memoria sulle colonie del Mare Nero nei secoli di mezzo*. Pisa 1832.

¹ Общественно принимаютъ, что итальянскія республики имѣли на Черномъ-морѣ консульствъ не рѣдкѣ конца XIII вѣка. См. Derrington II, стр. 38.

² Въ мадаля д'Авезака стр. 772. Въ изданіи г. Дамкова французское издательство стр. 216

названіе Порты-Пизанскаго¹. Генуэзцы были еще дѣятельнѣе въ соперничествѣ съ Венеціанами. Они начали съ ними войну (1256), и чтобы отнять у нихъ ключъ ко всей торговлѣ этимъ путемъ, сдѣйствовали въ Константинополѣ реакціи, призвавшей на престолъ опать Грековъ. Съ тѣхъ поръ начинается преобладаніе Генуи на Черномъ-морѣ. Заключенными въ 1260 и 1261 г. договорами императоръ Михаиль Палеологъ дозволилъ Генуэзцамъ плаваніе по Черному-морю, запретивъ оное Венеціанамъ и другимъ народамъ, кромѣ Пизанъ, «вѣрныхъ имперіи». Онъ обязался имѣть навсегда Генуэзцевъ друзьями, а Венеціанъ врагами, освободилъ первыхъ отъ платы всякаго рода пошлины въ предѣлахъ имперіи и предоставилъ имъ нѣсколько земли подъ поселеніе въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ съ правомъ юрисдикціи черезъ ихъ собственныхъ консуловъ². Генуэзцы завели у самой столицы поселенія въ Первѣ и Галатѣ и укрупнившись въ нихъ, сдѣлались властителями прохода въ Черное-море. Отъ Хана Оранъ-Тимура, которому данъ былъ во владѣніе Крымъ Менгу-Тимуромъ, они получали (1261) позволеніе поселиться на южномъ берегу этого полуострова, гдѣ въ древности была греческая колонія Феодосія, и положили основаніе Кафъ³. Въ 1266-мъ году генуэзскіе купцы достигали Дагестана и плавали съ грузами по Каспійскому-морю⁴. Предпримчивость и отважность ихъ были чрезвычайны. Ихъ даже не устрашали, къ великому удивленію Грековъ, знаменитыя зимнія бури на Черномъ-морѣ. Такіе успѣхи, какъ и надобно ожидать, возбудили сильную зависть Венеціи. Почти совершенно лишенная торговли на Черномъ-морѣ, она пыталась опять возстановить путь черезъ Египетъ и заключила договоры съ тамошними султанами. Нѣкоторыхъ изъ ея гражданъ занимала даже великая мысль покорить Египетъ, низвергнувъ султановъ. Но Европа осталась равнодушною къ этому плану, а безъ обладанія Египтомъ нельзя было надѣяться на успѣхъ торговли черезъ эту страну. Когда взятіе

¹ Портъ Пизанскій означенъ на мѣстѣ нынѣшняго Тагарога на современныхъ картахъ, см. карты Каталаскую 1375 г. и Оттомана Фредуція 1497 г., помѣщенныхъ у Делеваля.

² Договоръ 1261 г. (13 марта) вполне напечатанъ въ *Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français*, Paris 1657 fol. Подлинникъ хранится въ парижскомъ архивѣ.

³ На штегъ Kiptschak стр. 254. Состояніе Таврическаго-полуострова было тогда блестятельное. Городъ Крымъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Азіи. Египетскій султанъ Вибарсъ употребилъ много денегъ на устройство въ этомъ городѣ мечетей и каравансараявъ. Торговля съ Живою обогащала жителей. Училища сдѣлали Крымъ знаменитымъ на Востокѣ. Народонаселеніе полуострова доходило до милліона.

⁴ Мурзакевичъ стр. 18.

Итолеманды египетскимъ султаномъ (1291) положило конецъ власти греческихъ вѣнцевъ въ Сиріи, Венеція принуждена была обратить все усилія на возстановленіе своего вліянія въ Черномъ-морѣ и Константинополѣ. Въ 1294 г. шестьдесятъ галеръ вышли изъ Венеціи и направили плаваніе къ Архипелагу. Онѣ раздѣлились невыгоднымъ образомъ и разошлись съ генуэзскимъ флотомъ. Десять галеръ достались въ руки Генуэзцевъ. Между тѣмъ Генуя вооружала громадившій флотъ, который долженъ былъ превзойти все до того видѣнное и, прибавимъ, можетъ стать на ряду въ величайшими флотами нашего времени. Сто шестьдесятъ галеръ отправились въ море, и на каждой было, какъ говорятъ, по 220 матросовъ и солдатъ. Венеціанскій флотъ скрылся за укрытіями. Но Генуя была истощена огромнымъ вооруженіемъ и не нашлась въ силѣ содержать свою армаду долже одного лѣта. Въ 1296 и 1297 годѣхъ венеціанскія эскадры разорили Перу и Кабу. Тогда Генуя сдѣлала послѣднее усиліе и снарядила флотъ въ 75 галеръ; у Венеціи было 95. Тѣмъ не менѣе генуэзскій адмиралъ Ламба Доріа атаковалъ силы Венеціи въ самомъ Адриатическомъ-морѣ и одержалъ близъ Далмаціи при Курцолѣ рѣшительную побѣду. Лишь внутреннія несогласія въ генуэзской республикѣ замедлили заключеніе міра, крайне невыгоднаго для Венеціи и позволили ей оправиться. Однакожь въ 1299 году Венеція все таки принуждена была отказаться отъ военнаго господства на Черномъ-морѣ. По миру этого года она обязалась въ теченіе тридцати лѣтъ не посылать въ Черное-море вооруженныхъ галеръ¹. Паденіе гордой республики было полное; духъ ея гражданъ измѣнился; бѣдность и нищета вкрались въ прежнюю обитель богатства. Къ этому времени относится, какъ извѣстно, измѣненіе въ олигархическомъ смыслѣ венеціанскаго образа правленія. Генуя представляла между тѣмъ совсѣмъ другое зрѣлище. Въ ней происходили политическія измѣненія противоположнаго характера; ея могущество возрастало, торговля распространялась; успехъ ея предпріятій показываетъ, что дѣйствія республики находили опору въ большинствѣ ея гражданъ. На Черномъ-морѣ Генуя господствовала. Тана, какъ надобно полагать; въ это время зависла отъ Генуи. Въ 1313 г. генуэзское правительство издало правила для торговли на Черномъ-морѣ, въ числѣ которыхъ есть запрещеніе зимовать въ Тамъ и сгружать тамъ товары²; какою цѣль имѣла эта мѣра, предостав-

¹ Leo Geschichte von Italien III, 47—52. Dagu Histoire de Venise 1 стр. 424—432 Мурзакевичъ стр. 20—22. Foliotta Hist. Gen. въ Theat. Ital. p. 405. Договоръ 1299 мая 25. Дарю перекрѣшиваетъ хронологію.

² Мурзакевичъ стр. 23. Къ этому же времени относится путешествіе новгородца Одерика, отправившагося изъ Европы въ 1317 году. Г. д'Авезакъ, говоритъ, что онъ посѣтилъ Тану на пути изъ Трапезуа въ Индію: см. Recueil, publié par

ляемъ рѣшить болѣе знакомымъ интересы тогдашней торговли. Известно также, что Генуя вела борьбу и съ турецкими корсарами, которые гнѣздились особенно въ Сивопъ. Въ 1340 г. одинъ генуэзскій купецъ одержалъ важную побѣду надъ Ялабомъ, эмиромъ сивопскимъ, отбилъ захваченные имъ корабли, и честно роздалъ своимъ и Венеціанамъ имущество имъ принадлежавшее¹. Изъ этого известія мы впрочемъ видимъ, что Венеціане опять торговали въ это время въ Черномъ-морѣ. Тридцати-лѣтній срокъ тогда давно истекъ, и они уже не были связаны договоромъ 1299 г. Вниманіе ихъ опять преимущественно обратилось на устья Дона. Еще въ 1333 г. они получили отъ хана Узбека позволеніе поселиться въ Танъ, ознаменованное грамотою, сохранившеюся до нашего времени въ латинскомъ переводѣ.

Надобно полагать, что въ это время уже былъ основанъ на устьяхъ Дона татарскій городъ Азакъ, котораго имя встрѣчается на картахъ Ибнъ-Саида 1274 и Абульфеда 1331 г. и на джучидскихъ монетахъ начиная съ 1338 года²; хотя въ латинскомъ переводѣ Узбековой грамоты, какъ и естественно, онъ носитъ имя Таны. Онъ вѣроятно находился подъ ближайшею властію Котлогъ-бека (Кадлубека польскихъ писателей), обладавшаго Крымомъ въ качествѣ вассала Узбекова. Къ этому вассалу своему и главнымъ лицамъ Азака обращается Узбекъ въ грамотѣ о заключеніи договора съ венеціанскимъ консуломъ. Онъ даетъ Венеціанамъ позволеніе поселиться въ Танъ и назначаетъ имъ мѣсто позади гошпитальной церкви. Пошлина съ товаровъ опредѣлена въ 3%, съ цѣны. Драгоценныя камни, жемчугъ, золото и серебро освобождены отъ пошлины. Товары непроданные могутъ быть вывезены обратно безъ платы пошлины. Спорныя дѣла Венеціанъ съ жителями Азака рѣшаются по соглашенію венеціанскаго консула съ татарскимъ старшиною. Относительно якорнаго права остаются въ силѣ прежніе обычай³.

Этотъ договоръ замѣчательнъ, какъ первый, заключенный Татарами съ христіанскимъ государствомъ. Онъ сохранился въ латинскомъ переводѣ, и потому въ немъ не встрѣчается имя Азакъ, замѣненное итальянскимъ именемъ: *Tana*. Тѣмъ не менѣе однакожь очевидно, что дѣло идетъ не о независимой итальянской колоніи, а о татарскомъ городѣ, въ которомъ Венеціане получаютъ позволеніе поселиться съ обя-

la société de Géographie T. IV. p. 417. Но Форстеръ, обыкновенно точный въ своихъ пересказахъ, говоритъ, что путь Одерина лежалъ изъ Трапезуита черезъ Арменію: *Geschichte der Entdeckungen* стр. 184.

¹ Мурзакевичъ стр. 26.

² Френъ Монеты Улуса Джучіева, перев. Волкова стр. 42 и атласъ Лелевеля.

³ Подлинную грамоту Узбека въ латинскомъ переводѣ издавъ Hammer *Geschichte des Osmanischen Reichs* II, 665 (1-го изд.); ср. Kiptschak стр. 298, Marini IV. L. II, c. 4.

занностью платить пошлину съ привозимыхъ товаровъ. Кроме того очевидно, что прежде Венеціанъ тамъ уже жили другіе Европейцы, ибо упоминается церковь; не можетъ быть сомнѣнія, что это были Генуэзцы. Обычай относительно якорнаго права, на которомъ сълагается договоръ, также свидѣтельствуютъ о существовавшей уже тамъ торговлѣ.

Къ этому-то времени относится сочиненіе Пеголетти, упоминаемое выше: *Di dividamenti di paesi e di misure, di mercatantie ed altre cose bisognevoli di sapere a mercatanti di diversi parte del mondo*. Пеголетти былъ агентъ одной компаніи флорентинскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Левантомъ, и въ этомъ качествѣ долго жилъ въ разныхъ европейскихъ конторахъ на Востоку, и между прочимъ въ Тань¹. Онъ подробно описываетъ торговый путь изъ Таны въ Китай (см. выше стр. 456) и свидѣтельствуетъ, что Венеціане посылали въ его время ежегодно три флота галеръ республики для торговыхъ цѣлей, одинъ въ Тану, другой въ Сирію, третій во Фландрію. Это послѣднее извѣстіе помянуть извѣстный авторъ большаго сочиненія о венеціанской торговлѣ Марини, который нашелъ въ публичныхъ актахъ, что въ XIV вѣкѣ республика ежегодно отправляла семь экспедицій, изъ которыхъ одна (6 — 8 галеръ) имѣла цѣлю Тану и одна Трансузунтъ. Мы знаемъ также, что въ Танѣ Венеція держала въ XIV вѣкѣ своего балія, который называется иногда консуломъ; при немъ были два благородныхъ совѣтника, кашелланъ, четыре слуги отъ республики, четыре лошади, драгоманъ и два трубача. Онъ получалъ содержанія 250 зеккиновъ въ мѣсяць². Обширность европейской торговли въ этихъ странахъ видна между прочимъ изъ того, какія подробныя свѣдѣнія о берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей имѣли составители географическихъ картъ XIV столѣтія³.

Вскорѣ одна частная ссора, въ которой Генуэзецъ убилъ азкаскаго Татарина, нанесшаго ему оскорбленіе, положила начало серьезной вражды между Татарами и Итальянцами. Джанибекъ, сынъ и преемникъ Узбека, выгналъ Итальянцевъ изъ Таны. Дома ихъ были разграблены Татарами. Торговля въ Танѣ прекратилась. Общая беда соединила тогда Геную и Венецію. Забывъ на время вражду свою, оба республики обещали другъ другу взаимную помощь⁴ и рѣшились торговать въ Кафѣ, гдѣ долженъ былъ находиться венеціанскій балій на раду съ

¹ Д'Авезакъ I. I. p. 422.

² Деппингъ цитуетъ Марини I. I. IV, p. 87 г. VI, p. 259 и всю 3-ю главу 2 книги V тома.

³ Карты эти издааны отчасти въ приведенномъ выше сочиненіи Дедеведя, отчасти при сочиненіи Омера-де-Гель: *Les Steppes etc.* въ атласѣ.

⁴ Договоръ между Венеціей и Генуей у Марини, T. VI, l. 1. (цит. Деппинга).

генуэскимъ консуломъ; но Джанибекъ осадилъ и Кафу. Тогда жители сего послѣдняго города оказали отъважное мужество. Они нанесли Татарамъ такое сильное пораженіе, что Джанибекъ принужденъ былъ отправить послѣвъ въ Геную съ просьбою о мирѣ и обязался вознаграждать Кафу за всѣ убытки и исправить поврежденныя мѣста въ городѣ¹. Вероятно въ то же время Генуэзцы получили опять доступъ и къ Танъ. Это было въ 1344 году. Черезъ два года Венеціане также заключили съ Джанибекомъ договоръ, по которому имъ дано въ Танъ отдаленное отъ Генуэзцевъ мѣсто для торговли съ платою пяти процентовъ пошлины съ продаваемыхъ товаровъ. Мѣсто это назначено отъ баней Саффадіа (del bagno de Saffadia) на востокъ, въ длину на 100 шаговъ и въ ширину на 70 шаговъ до берега реки. Кроме того съ вѣса платитъ по прежнему, а равно съ повозокъ и кораблей; съ сырыхъ кожъ, покупаемыхъ Венеціанами, большая пошлина пятьдесятъ аспровъ (т. е. византійскихъ динаріевъ) и малая пошлина сорокъ аспровъ за сотню кожъ. Золото и серебро, и золото крученое, остаются по прежнему безъ пошлины; непроданные товары также ничего не платятъ².

Къ этому же году (1346) относится распространеніе венеціанской торговли и къ другимъ важнѣйшимъ пунктамъ Леванта. Неожиданно счастливое окончаніе смирскаго крестоваго похода дало Венеціанамъ возможность заключить выгодный торговый договоръ съ Турками, по которому всѣ порты Малой Азіи, Сиріи и Египта были открыты кораблямъ республики. Папа позволялъ производить здѣсь торговлю въ продолженіе пяти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно посылалось не болѣе десяти кораблей³.

Надобно полагать, что этотъ успѣхъ возбудилъ зависть Генуи. Чтобы отыскать Венеціи за такое расширеніе торговли въ Левантъ, она возымѣла намереніе выгнать Венеціанъ мокрайшей мѣрѣ съ Чернаго моря. Слѣдующій случай случился поводомъ къ исполненію этого враждебнаго намеренія. Джанибекъ, считая себя униженнымъ Италіянцами, жаждалъ мщенія. Въ 1349 г. онъ напалъ въ Танъ на Генуэзцевъ, Венеціанъ и Пизанъ, а у послѣднихъ отнялъ еще портъ, принадлежавшій имъ на Азовскомъ морѣ близъ Таганрога. Кафу не немедленно объявила ему войну, обложила Тану и принудила Татаръ согласиться на сепаратный миръ съ Генуей. Этому-то миру было суждено сдѣлаться столь обильнымъ послѣдствіемъ для исторіи италіянской торговли

¹ На шег Kirtschak 307, Мурзакевичъ I. I. 27. Depping II, 100.

² Договоръ этотъ (15-го февраля 1346) напечатанъ вполне у Гаммера стр. 517. Италіянскіе писатели относятъ его къ 1347 году; тоже и Деппингъ II, стр. 101.

³ Дагъ I, 533 Черноморская торговля занесла въ Европу ту страшную чуму, которая свирѣпствовала въ 1347 и 1348 годахъ и описана Вонкаціемъ.

на Черномъ-морѣ. Однимъ изъ условій его было, чтобы никто кромѣ Генуэзцевъ не жилъ въ Танѣ, и если какіе либо индѣйскіе товары будутъ привезены въ Тану на имя какого нибудь иностраннаго купца, то они должны сгружаться въ Каю¹. Генуэзцы очевидно стремились на Черномъ-морѣ къ исключительному торговому господству. Вскорѣ имъ удалось заключить съ византійскимъ императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ договоръ (1352), которымъ запрещалось греческимъ кораблямъ входить въ Азовское-море и въ портъ Таны безъ сопровожденія генуэзскихъ судовъ. Венеція не могла смотреть равнодушно на такія притязанія. Она видѣла, что дѣло идетъ о совершенномъ уничтоженіи ея могущества. Во время заключенія договора съ Іоанномъ Кантакузеномъ, она находилась уже въ войнѣ съ Генуей. Борьба была на жизнь или смерть. Ненависть двухъ республикъ дошла до того, что онѣ не могли существовать рядомъ. Известно, съ какими усиліями была ведена эта война съ обѣихъ сторонъ, и какихъ жертвовацій она стоила и Генуѣ и Венеціи. Первая даже рѣшилась подчиниться миланскому архіепископу Іоанну Висконти, лишь бы одолѣть свою морскую соперницу. Венеція не выдержала столь упорной борьбы и въ концѣ войны, начавшейся для нея счастливо, потеряла свои флоты. Миръ былъ заключенъ въ 1355 году, знаменитомъ въ венеціанской исторіи по казни восьмидесятилѣтняго дожа Марине Фальери, который составилъ было заговоръ для низверженія олигархія и истребленія членовъ большаго совѣта (патриціевъ). По миру этого несчастнаго года Венеція отказалась на три года отъ плаванія въ Тану и другія гавани Чернаго-моря за исключеніемъ Каю, гдѣ Генуэзцы позволили Венеціанамъ учредить контору².

И такъ Генуэзцы наконецъ успѣли лишить Венецію всякаго значенія на Черномъ морѣ и захватить въ свои руки великую черноморскую торговлю. Ихъ бывшее знамя съ краснымъ крестомъ сдѣлалось господствующимъ на Эвксинскомъ Понтѣ и уже не опасалось венеціанскаго униженнаго льва. Когда трехлѣтній срокъ истекъ, Венеціане опять явились на устьяхъ Дона; но едва ли уже могли надвигаться на успѣшное соперничество съ генуэзскою Каю. Ханъ Бирдибекъ, сынъ и убійца Джаябека, далъ имъ позволеніе 1358³ поселиться въ Танѣ на старыхъ мѣстахъ по берегу рѣки на востокъ отъ баней Саафадін и торговать съ платою пяти процентовъ

¹ Мурзакевичъ стр. 30.

² Dagi I, 537 — 573. Мурзакевичъ стр. 32. Lee l. l. p. 83 говорятъ, что Генуя также отказалась на три года отъ торговли въ Танѣ.

³ Hammer Geschichte der goldenen Horde стр. 255 и 315. Самый договоръ стр. 519.

и другихъ обычныхъ пошлинъ на основаніи договора съ Джанибекомъ. Азакомъ управлялъ тогда Тоглубекъ, ханскій бей, котораго Итальянцы звали Телобеемъ (въ русскихъ летописяхъ Тевлубей). Бирдибекъ, въ грамотѣ, обращаетъ свои слова къ властителямъ Монголовъ и Кумановъ и къ ста десяти баронамъ царства (такъ сказано въ упоминаемомъ итальянскомъ переводѣ грамоты).

При Узбекъ и Джанибекъ Золотая Кипчакская Орда находилась на верху своей силы; вслѣдъ за Джанибекомъ начинается паденіе. Внутренніе раздоры облегчили завоеваніе Кипчака Тохтамышемъ, который совершалъ это дѣло отъ имени Тамерлана, уже покорившаго Азію. Генуэзцы и Венеціане не преминули вступить въ сношенія съ новымъ властителемъ. Въ 1380 г. былъ заключенъ между Венеціей и намѣстникомъ Тохтамыша Рамазаномъ въ Сольгатахъ (Эски-Крымъ) договоръ, по которому венеціанскіе товары были обязаны платить три процента¹. Генуэзцы тоже заключили въ 1387 г. договоръ съ Котлогубогою, тогдашнимъ бекомъ сольгатскимъ, уполномоченнымъ Тохтамышемъ². Эти договоры вѣроятно относятся къ крымскимъ портамъ; но мы знаемъ, что и въ Танъ торговля продолжалась. Въ 1387 г. митрополитъ Пименъ на пути въ Константинополь нашелъ на Дону отъ Серкина (Саркела) до Азова три татарскіе улуса, а въ Азовѣ жили «Фразове и Нѣмцы»³, т. е. Итальянцы и другіе Европейцы.

Между тѣмъ Тохтамышъ началъ вражду съ Тамерланомъ. Это сдѣлалось поводомъ къ походамъ послѣдняго на Кипчакъ. Ихъ было собственно два, если не считать кратковременнаго похода (1387) отъ Кура до Дербента: одинъ (1389 — 1392) отъ Аму черезъ Тоболь, Яикъ до Волги, и другой (1395) отъ Кура черезъ Терекъ къ Волгѣ, оттуда къ Днѣпру и отъ Днѣпра къ Дону и на Азовъ. Послѣдній рѣшилъ участь Таны.

Летописецъ Андрей де Редузисъ де Кверо сообщаетъ намъ, что во время Тамерланова нашествія въ Танъ были купцы венеціанскіе, генуэзскіе, каталонскіе, бискайскіе и другихъ націй⁴. Каждая нація послала отъ себя къ Тамерлану по одному оратору, при чемъ представителемъ итальянской націи былъ Петръ Міани изъ Венеціи. Но посольство не помогло. Коварно обманувъ жителей Таны, Татары потомъ внезапно ворвались въ городъ и совершенно разорили его. Тамерланъ велѣлъ мусульманскихъ жителей Азака отпустить свободными, а городъ сжечь.

¹ Нам мер Kiptschak 337, гдѣ цитируется *Marin Storia civile e politica del commercio Veneto VI*, p. 73 и 74.

² Нам мер Kiptschak 337.

³ Никоновск. лѣт. IV. стр. 162. Кар. V. пр. 133.

⁴ *Chronicon Tarvisinum ap. Muratori XIX* p. 802. Кар. V. пр. 132.

Повѣствуя объ этомъ событіи, Андрей де Кверо сообщаетъ намъ одно извѣстіе, на которомъ мы должны остановиться, потому что оно важно для опредѣленія мѣста, гдѣ лежала Тана. Онъ говоритъ, что тавское посольство, отправляясь на встрѣчу Тамерлана, должно было переправляться черезъ Донъ; по этому, чтобы опредѣлить мѣсто Таны, надобно только знать, откуда шелъ Тамерланъ. На основаніи словъ нашего летописца, что Тамерланъ пришелъ къ Танѣ по покореніи Турція, *debellata Turchia*, можно было бы полагать, что походъ противъ Таны послѣдовалъ непосредственно за походомъ противъ Баласа (1400) или по крайней мѣрѣ за походомъ противъ Персія и Грузія (1392 — 94). Въ такомъ случаѣ Тамерланъ шелъ бы съ юга. Но восточные источники, повѣствующие о походахъ Тамерлана подробно, показываютъ, что онъ напалъ на Тану послѣ опустошенія сѣвернаго Кипчака и шелъ къ ней по направленію отъ Днѣпра. Путь его слѣдовательно лежалъ съ запада къ правому берегу Дона, и если тавскіе посланники, чтобы прибыть къ нему на этотъ берегъ, должны были переправляться черезъ рѣку, то очевидно Тана лежала на противоположномъ, т. е. на лѣвомъ берегу Дона или по крайней мѣрѣ одного изъ его рукавовъ. Разоривъ Тану, онъ двинулся далѣе на югъ противъ Черкесовъ.

Тана была разорена Тамерланомъ въ 1395 году. Но въ то время выгоды торговли въ этихъ мѣстахъ были такъ велики, что черезъ несколько лѣтъ послѣ нашествія Тамерланова Венеціане опять являются въ Танѣ. Въ 1421-мъ году одинъ французскій путешественникъ де-Ланноа нашелъ въ Каѣ четыре венеціанскія галеры, прибывшія изъ Таны¹. Татарское населеніе въ Азакъ также продолжало существовать: это слѣдуетъ изъ извѣстія, что Тамерланъ отпустилъ свободными тамошнихъ мусульманъ, и подтверждается золото-ордынскими монетами Азака изъ времени Шадибека (1401 — 1407)². Но Золотая Орда была уже гораздо слабѣе прежняго, и венеціанскіе купцы должны были воспользоваться этимъ. Сейчасъ мы увидимъ, что они приобрѣли въ это время самостоятельность, которой прежде и они, и Генуэзцы не имѣли въ Танѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія Азакъ упоминается по поводу борьбы Кучукъ-Магомета (т. е. малаго) съ Улу-Магометомъ (т. е. ве-

¹ См. извлеченіе изъ Ланноа въ Запискахъ Одесскаго Общ. Ист. Т. III, стр. 443 и прим. г. Вруна стр. 461 — 465.

² Френъ, Монеты хановъ улуса Джучіева. Спб. 1832 стр. 42. Шилльбергеръ, бывший на Волгѣ тотчасъ послѣ Тамерланова нашествія, упоминаетъ объ Азакъ на Дону (Тана), но прибавляетъ, что христіане зовутъ его *Алешена* (?); по словамъ его отсюда идетъ рыба и воскъ въ Венецію и Геную. Кар. V. стр. 215.

дикимъ). Кучукъ Магометъ, вмѣстѣ съ Неврузумъ, сыномъ Эдигеевичемъ, двинулся къ Дону. Объ этомъ нашествіи мы имѣемъ соврѣменный расказъ Венеціанца Иосафата Барбаро, который жилъ въ Танѣ 16 лѣтъ, съ 1436 года. и оставилъ описаніе своего путешествія¹. Кучукъ-Магомету, рассказываетъ онъ, предшествовали въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ его всадники. Они появлялись сначала по одиночкѣ или по не многу человекъ; ихъ призывали къ венеціанскому консулу и принимали дружелюбно. Число прибывавшихъ всадниковъ возрастало по мѣрѣ приближенія Кучукъ - Магомета, такъ что иногда въ одинъ день прибывало ихъ до ста человекъ. Самъ ханъ остановился лагеремъ на выстрѣлъ лука отъ Таны, въ одной старой мечети. Венеціанскій консулъ тотчасъ послалъ ему, его матери и его полководцу Неврузу по девяти даровъ, т. е. хлѣбъ, вино, медъ, пиво и другіе предметы числомъ до девяти, по татарскому обычаю. Съ этими дарами прибылъ къ Кучукъ - Магомету по назначенію консула Иосафатъ Барбаро, и былъ имъ принятъ дружественно. Барбаро описываетъ образъ кочевья Татаръ, ихъ многочисленность, богатство скотомъ, и разные обычаи. Въ его расказѣ видно удивленіе, которое произвели въ Италіянцевъ эти кочевники. Когда Кучукъ-Магометъ откочевалъ отъ Таны, за нимъ потянулся его народъ съ своими стадами. Это продолжалось до шести дней и въ теченіе этого времени все пространство степи, какое только можно было окинуть глазомъ, было усыяно людьми и животными, безпрестанно двигавшимися взадъ и впередъ. «Мы цѣлый день стояли на городскихъ стѣнахъ, потому что ворота были заперты, говоритъ Барбаро: смотрели до усталости и бывали къ вечеру совсѣмъ утомлены». Сорочъ миль выше Таны на Дону, въ мѣстѣ, именуемомъ Бозагацъ, у Барбаро была тона и заводъ, гдѣ въ теченіе зимы было насолено множество рыбы и икры. Татарскіе отряды, проходя мимо, забрали всю рыбу, какъ соленую, такъ и свѣжую, и даже такую, какую Италіянцы не ѣли, и пожрали ее всю, не исключая и самыхъ головъ, а также истребили соль, которой было заготовлено большое количество, размокали суда и даже разрушили три соляныя мельницы, дабы вынуть изъ нихъ желѣзо. Другой Италіянецъ употребилъ хитрость, чтобъ спасти свой товаръ. Онъ велѣлъ зарыть въ землю 30 бочекъ икры и потомъ сжечь на этомъ мѣстѣ по болве дровъ, дабы скрыть яму. Но Татары отыскали и эти бочки и похитили все, что въ нихъ находилось.

¹ Это Путешествіе въ Тану помѣщено въ I томѣ Вибліотеки иностраннѣхъ писателей о Россіи въ переводѣ г. Семенова и подлинникѣ.

Черезъ два дня по отбытіи хана Барбаро былъ извѣщенъ, что за ствную ожидаетъ его какой-то Татаринъ и желаетъ говорить съ нимъ. Оказалось, что одинъ родственникъ хана, по имени Эдельмугъ, почему-то крайне возжелалъ сдѣлаться кунакомъ Барбаро. Консулъ позволилъ пропустить его въ городъ, ворота котораго оставались еще запертыми, и Барбаро въ продолженіе двухъ дней угощалъ его какъ можно лучше, — болѣе всего виномъ, котораго пришлось очень по вкусу Татарину. По приглашенію этого кунака своего Барбаро совершилъ поездку, замѣчательную для насъ тѣмъ, что подробности рассказа о ней могутъ служить къ рѣшенію вопроса о географическомъ положеніи Таны. Барбаро отправился съ Эдельмугомъ въ орду.

Выше мы привели извѣстіе Андрея де Кверо касательно перехода черезъ Донъ пословъ, шедшихъ изъ Таны къ Тамерлану, на правый берегъ Дона, гдѣ Тамерланъ долженъ былъ находиться судя по направленію его пути. Изъ этого извѣстія мы вывели заключеніе, что итальянская Тана должна была лежать на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ Дона. Барбаро прямо не говоритъ, гдѣ лежала Тана, но косвенно болѣе всѣхъ утверждаетъ въ томъ мнѣніи, что Тана находилась на мѣстѣ нынѣшняго Азова (на нашемъ планѣ 10). Онъ описываетъ свой путь изъ Таны въ орду слѣдующимъ образомъ. Изъ города они спустились къ рѣкѣ, которая тогда была покрыта льдомъ. Это было въ три часа по полудни. Татарину было трудно вѣхать по льду на его некованой лошади, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ пьянъ. Онъ безпрестанно падалъ и потому на переѣздъ они употребили не менѣе 20 минутъ. Перевѣхавъ рѣку, они направились къ другому рукаву, черезъ который переправились также съ большимъ трудомъ и усиліями. Прибывъ на противоположный берегъ, они пристали къ толпѣ Татаръ, которая расположилась въ томъ мѣстѣ, и провели съ ними ночь. Дѣло это было зимою, когда дни не велики: отъ 3 часовъ до ночи они едва имѣли два часа и изъ этого времени потеряли не мало; по милости пьянаго Татарина и его некованаго коня. Очевидно, что разстояніе между Дономъ и этимъ рукавомъ было весьма незначительное. На слѣдующее утро они пустились далѣе, и перебравшись еще черезъ одинъ рукавъ рѣки, выѣхали на равнину, по которой танулись Татары, и которая была усыяна ими какъ муравьями. Послѣ двухдневной ѣзды верхомъ, они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ находился самъ ханъ. Барбаро не говоритъ, сколько времени они ѣхали отъ мѣста ночевки до втораго рукава: изъ словъ его видно только то, что они ѣхали менѣе дня.

Таково довѣствованіе Барбаро. Знающіе мѣстность донскихъ устій согласятся, что оно будетъ совершенно согласно съ нею, если Тана

находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Азовъ, или немного ближе къ морю. Первая переправа была, какъ говоритъ Барбаро, не черезъ рукавъ, а черезъ рѣку, которую онъ называетъ *il fiume Tanais*. Это будетъ лѣвый рукавъ, текущій подъ Азовомъ и удержавшій за собою имя Дона. Перѣхавъ черезъ него у Азова, и вѣдучи на сѣверъ, Барбаро долженъ былъ черезъ какіе нибудь полчаса времени прибыть къ Каланчѣ; это — второй рукавъ, имя упоминаемый. На другой день онъ вѣхалъ по дельтѣ, такъ что ерикъ Лагуткинъ (на нашемъ планѣ 7) остался у него влѣвъ, и въ тотъ же день перебрался черезъ второй рукавъ — Мертвый-Донецъ. Послѣ того онъ вѣхалъ уже равниною праваго берега. Переправу черезъ Каланчу надобно полагать нѣсколько ниже Елисаветовской-станицы (9), переправу черезъ Мертвый-Донецъ — между Гниловскою-станицей (2) и Мокрымъ-Чалтыремъ (4). Такимъ образомъ мѣстность вполнѣ соответствуетъ расказу Барбаро, если принять, что Тана находилась на мѣстѣ Азова, съ чѣмъ согласно показаніе Андрея Кверо.

О торговлѣ нашъ Барбаро говоритъ менѣе, чѣмъ сколько можно было бы отъ него ожидать. Онъ самъ и многіе другіе Италіянцы занимались рыбнымъ промысломъ. Скотомъ торговали съ ордою. Тамъ можно было купить сколько угодно лошадей и быковъ. Интересно извѣстіе, что тайскіе купцы гоняли татарскихъ быковъ черезъ Польшу, Трансильванію и Германію въ Италію, гдѣ ими снабжались италіянскія бойни. Охота приносила большія выгоды, по чрезвычайному множеству дичи, особенно драхвы и куропатокъ¹. О хлѣбной торговлѣ съ Татарами Барбаро не упоминаетъ, хотя говоритъ, что хлѣбъ родится въ степяхъ необыкновенно обильно, пшеница не рѣдко самъ-пятьдесятъ, а просо самъ-сто. Но Татары мало сѣяли хлѣба. Въ Танѣ была площадь съ лавками, изъ числа которыхъ упоминается лавка продавца стрѣлъ. По одному поводу говорится о татарскомъ купцѣ, привезшемъ въ Тану *semenzina*, чтд г. Семеновъ переводитъ: цитварное сѣмя. Эдельмугъ подарилъ Барбаро восемь русскихъ плевниковъ, часть добычи, приобрѣтенной имъ въ Россіи. Мы также узнаемъ, что въ Танѣ жилъ ханскій повѣренный, *commerciere*, для сбора пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Тану.

Изъ расказа Барбаро видно, что у Венеціанъ былъ въ Танѣ отдѣльный городъ со стѣнами, башнями и площадью; ворота запирались

¹ Во время Барбаро жилъ въ Танѣ одинъ французскій монахъ, по имени Терниъ. Онъ доывалъ птицъ сѣтями и продажею ихъ выручалъ такъ много денегъ, что могъ купить черкесскаго мальчика, котораго назвалъ *Regnis*, т. е. куропатка, и сдѣлалъ монахомъ, Барбаро гл. 4.

и отпирались по распоряженію венеціанскаго консула¹. Обь окрестностях Таны Барбаро говоритъ такъ: «Тана окружена холмами насыпной земли и многими рвами, на пространствѣ десяти миль во кругъ, гдѣ находится мѣсто и древней Таны. По этому около нея на помянутыхъ холмахъ и рвахъ не посещаемыхъ людьми водятся очень много дичи².» Въ этихъ насыпныхъ холмахъ и рвахъ, monticelli di terreno e fosse, нельзя не узнать кургановъ и городищъ съ ихъ рвами. Отъ Азова до недвиговскаго городища по прямой линіи дѣйствительно около 10 италіанскихъ миль (14 верстъ).

Барбаро подробно рассказываетъ объ одномъ предпріятіи, которое имѣло цѣлю раскопку кургана, называвшагося Контеббе и находившагося въ 60 миляхъ отъ Таны на берегу Дона. Барбаро самъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ: танскіе купцы надвѣялись выкопать золото, положенное, какъ говорили, однимъ аланскимъ царемъ. Этотъ рассказъ такъ интересенъ, что мы приводимъ его вполнѣ:

«Въ бытность мессера Пьетро Ландо консуломъ въ Танѣ, прибылъ туда изъ Каира нѣкій человекъ, по имени Гульбединъ, и сказывалъ, что будучи еще въ Каирѣ, слышалъ онъ отъ одной татарской женщины о большомъ сокровищѣ, зарытомъ Аланами въ курганѣ, именуемомъ Контеббе, и даже получилъ отъ нея наставленіе, какимъ образомъ отыскать этотъ курганъ. По прибытіи своемъ въ Тану, Гульбединъ принялся разрывать курганъ и, бросаясь съ одного мѣста на другое, продолжалъ безуспѣшно эту работу года два до кончины своей, изъ чего заключили, что у него недоставало умѣнья для отысканія означеннаго клада.

«Въ 1437 году, въ бытность мою въ Танѣ, семеро насъ купцевъ собрались наканунѣ дня св. Екатерины въ домъ венеціанскаго гражданина Бартоломео Рессо, а именно: Франческо Корнаро, братъ Якова Корнаро (состоящаго при банкѣ), Катеринъ Контарини, торговавшій въ послѣдствіи въ Константинополѣ, Джіовани Барбариги, сынъ Андреа Кандійскаго, Джіовани да Валле, умершій послѣ хозяйномъ фусты³ въ Гардскомъ озерѣ (прежде же сего въ 1428-мъ году ѣздилъ онъ съ нѣкоторыми Ве-

¹ Вотъ мѣста: с. 3. noi stavamo su le mura, conciosia che tenevamo serrate le porte. с. 5. demandai licenza al Consolo et ottenuta che l'ebbi, andai alla porta et tolsillo (Эдельмуга) dentro con tre de'suoi: imperoche ancora si tenevano chiuse le porte. с. 7. alla Tana, supra la porta della quale era un torre assai bella. с. 9. Stando lo un giorno in piazza. У танскаго консула былъ оф-ціальный спутникъ, называвшійся bastoniere, т. е. тростеносецъ с. 2.

² Onde (per esser la Tana fra monticelli di terreno et fosse assai, per spatio di dieci miglia intorno, dove gia fu la Tana antica) maggior numero del consuete (т. е. птицъ) si venne ascendere fra detti monticelli et valli non frequentati. — Въ тщательномъ переводѣ г. Семенова здѣсь недосмотрѣно: у него выходитъ, что «Тана окружена рвомъ, нигдѣшнимъ до 10 миль въ окружности. Это чистая невозможность, и Барбаро вовсе этого не говоритъ.

³ Фуста — малое судно. Прим. г. Семен.

нецианами въ городъ Дербентъ, на Каспійскомъ-морѣ, гдѣ построилъ Фусту съ согласіемъ тамошняго государя, и грабилъ съ нею суда, идущія изъ Стравы¹, — дѣло удивительное, но я не стану о немъ теперь говорить), Моисей Бонъ, сынъ Александра изъ Джюдеки, Бартоломео Росо и я. И такъ, собравшись, какъ я уже выше сказала, въ домъ Бартоломео Росо въ Тань въ ночь съ. Ввѣтерини¹ и разсуждая о помянутомъ кладѣ (трое изъ насъ уже прежде были въ тѣхъ мѣстахъ), мы положили раскопать эту гору и заключили между собою письменное условіе (коего подлинникъ написанъ былъ рукою Катерина Контарини, а копія и досель еще хранится у меня). Для приведенія въ дѣйствіе предпріятія нашего, мы наняли 120 рабчичь людей, изъ которыхъ каждый получилъ жалованья по три дуната и болѣе въ мѣсяцъ. Черезъ восемь дней спустя послѣ сего, всѣмъ имъ семеро, съ 120 нашими спутниками, запасшись одеждою, жизненными припасами и орудіями, которые положили на санн (zenà), употребляющіяся въ Россіи, отправились изъ Тани по льду по рѣкѣ и на другой день прибыли къ мѣсту нашего назначенія, находящемуся на берегу рѣки, приблизительно въ 60 миляхъ отъ Тани. Этотъ курганъ, выѣтъ около 50 шаговъ въ вышину, и вершина его образуетъ площадку, посреди которой находится другой небольшой холмъ съ кругловатою маковкою, въ видѣ баретта, такъ что около подошвы послѣдняго идетъ кольцеобразно дорожка, по которой могутъ идти рядомъ два человѣка. Этотъ второй холмъ имѣлъ въ вышину 13 шаговъ; основаніе его было кругло и какъ будто сдѣлано по циркулю, а поперечникъ составлялъ 8 шаговъ.

«Повски свои начали мы съ подошвы большаго кургана, служащаго основаніемъ меньшему, надѣясь такимъ образомъ прорыть просторный ходъ до самой вершины сего послѣдняго и вдоль всей горы. Сначала представилась намъ земля столь твердая и оледенѣлая, что нельзя было разбить ее ни заступами, ни топорами; но потомъ, углубившись, достигли мы мягкаго слоя — и этотъ день работали довольно успѣшно; прибывъ же на слѣдующее утро, нашли, что земля снова замерзла и сдѣлалась еще тверже прежняго, отъ чего и принуждены были, отложивъ предпріятіе свое до времени, возвратиться назадъ въ Тану.

«Въ исходѣ марта мѣсяца опять отправились мы къ кургану на баркахъ и судахъ, съ 150 работниками, и принявшись немедленно за дѣло, въ теченіе 22 дней прорыли разрѣзъ въ 60 шаговъ длины, 8 ширины и 10 вышины. Теперь приступаю я къ описанію чудесъ, почти невѣроятныхъ. Найдя всѣ признаки, о которыхъ намъ говорили, и убѣдившись изъ сего еще болѣе въ истинѣ слышаннаго нами, мы, въ полной надеждѣ отыскать обѣщанное сокровище, удвоили старанія свои, такъ что сами хозяева трудились усердіемъ рабочихъ и таскали собственными руками посылки, которыя я мастеръ былъ дѣлать. Вотъ чѣмъ были мы удивлены. Сначала нашли мы слой чернозема, происходящій вѣроятно отъ растущей по кургану травы; потомъ слой угля, дѣло возможное, ибо нѣвогатаго лѣсу по близости находилось великое множество; потомъ слой золы, въ четверть толщиною: это можно приписать сожженію камы-

¹ Стрва — Астерабадъ. Прим. з. Семен.

на, неподалеку от кургана растущаго; далѣ слой просяной шелухи также на цѣлую четверть, что пожалуй объясняетъ большиимъ употребленіемъ въ сей странѣ просянаго хлѣба, коего шелуху кидали на курганъ (любопытству ю впрочемъ знать, сколько употреблено было проса для наполненія одною шелухою пространства во всю поверхность холма и въ цѣлую четверть толщиною); и наконецъ слой рыбьей чешуи, также въ четверть. Такъ какъ и въ объясненіе этого можетъ быть сказать, что въ этой рѣкѣ водилось всегда множество рыбы, и что чешую ея выбрасывали на это мѣсто, то я предоставляю самимъ читателямъ мнѣ рѣшить, сколько это возможно или правдоподобно, и только говорю какъ было. Я полагаю, что тотъ, кто велѣлъ воздвигнуть этотъ памятникъ, называвшійся Индиабу, и наполнилъ его, вѣроятно по тогдашнему обычаю, всѣми упомянутыми вещами, конечно заблаговременно подумалъ о томъ, чтобы запасти различные слои, изъ которыхъ онъ составленъ.

«Прорывъ вышеупомянутый разрѣзъ и не находя обѣщаннаго сокровища, мы рѣшились сдѣлать во внутренности кургана¹ два прохода въ 4 шага ширины и вышины, и проводя ихъ, dormireсь до слоя бѣлаго и столь твердаго, что легко могла вырубить въ немъ ступени, по которымъ удобнѣе бы было таскать носилки. Углубившись на 5 шаговъ внизъ, нашли мы наконецъ нѣсколько каменныхъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые наполнены были пещомъ, угольемъ и рыбьими костями, а другіе совершенно пусты, а также 5 или 6 четоковъ, величиною съ померанецъ, изъ жженой глиняной глинѣ, весьма похожихъ на тѣ, которыя приготавливаются въ Мархіи для неводоу. Сверхъ сего нашли мы еще въ курганѣ половинку ручки маленькаго серебрянаго сосуда, оканчивающуюся головою змѣи. Съ наступленіемъ страстной недѣли подулъ такой сильный восточный вѣтеръ, что въ порывахъ своихъ подымалъ земляныя глыбы, дернъ и каменья, и кидая ихъ въ лице рабочимъ, многихъ переранилъ до крови. Это заставило насъ въ понедѣльникъ Пасхи отказаться отъ предпріятія нашего и отправиться въ обратный путь. Мѣсто, надъ которымъ мы трудились, прежде извѣстно было подъ именемъ Гульбеиновыхъ ямъ; послѣ же насъ сдѣланныя нами углубленія получили названіе Франкскихъ ямъ, которое и доселѣ имъ сохранилось; ибо въ теченіе нѣсколькихъ дней мы совершили трудъ, на который по первому взгляду потребно не менѣе тысячи человекъ. Болѣе о упомянутомъ сокровищѣ, если оно когда либо тутъ находилось, мы ничего не слышали; но, по рассказамъ, кладъ сей былъ тутъ зарытъ аланскимъ государемъ Индиабу, который, услышавъ о приближеніи татарскаго императора, повелѣлъ приготовить себѣ по обычаю надгробный памятникъ и, закопавъ въ немъ тайно сокровища свои, набросалъ на нихъ всѣ вышеописанныя мною вещи въ видѣ кургана.»

О соседнихъ народахъ Барбаро сообщаетъ слѣдующее. На восточномъ берегу Азовскаго-моря внутри страны въ разстояніи трехъ дней пути отъ Таны есть земля, называемая Кремухъ, управляемая государемъ Бибердеемъ, сыномъ Кертибея (первое имя значитъ — Богомъ

¹ Изъ всего расказа видно, что это были мины; онѣ начинались на 10 шагахъ глубины и шли внизъ, имѣя 4 шага въ вышину и столько же въ ширину.

данный, второе — истинный властитель). Во владѣніяхъ его много лѣсу и рѣкъ; жители занимаются грабежемъ каравановъ, имѣютъ прекрасныхъ лошадей и лицемъ весьма сходны съ Италіянцами; они могутъ выставить до 2,000 всадниковъ¹. За ними обитаютъ разные народы въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другаго: Кипчики, Татакози, Собан, Кеверген (Кабарда) и Асъ или Аланы (гл. 10). Последнимъ Барбаро даетъ большое значеніе въ томъ мѣствѣ (гл. 1), гдѣ, показывая границы Татарской равнины, называетъ на югъ ея вдоль Чернаго и Азовскаго моря только три страны: Аланію, Куманію и Хазарію. Аланія, говоритъ онъ, заимствовала свое имя отъ Алановъ, которые сами зовутъ себя Асъ. Они христіане и были изгнаны или истреблены Татарами. Страна ихъ идетъ по горамъ, берегамъ и равнинамъ. Въ ней много искусственныхъ земляныхъ насыпей, безъ сомнѣнія могильныхъ памятниковъ. На вершинѣ каждой таковой насыпи есть большой просверленный насквозь камень, въ отверстіе котораго вставляютъ крестъ, также каменный, изъ одного куска (гл. 1). Въ томъ мѣствѣ, которое вполне перепечатано выше, говорится о курганѣ, устроенномъ аланскимъ царемъ Индіабу во время нашествія одного татарскаго хана. Этотъ курганъ находился въ 60 миляхъ отъ Таны на востокъ и показываетъ распространеніе Алановъ на сѣверо-востокъ. Западные границы Аланіи, какъ ее представлялъ себѣ Барбаро, доходили до устья Днѣстра, гдѣ былъ городъ Монкастро. На Таврическомъ-полуостровѣ въ сѣверной его части Барбаро помещаетъ Куманію, а въ углу полуострова, гдѣ въ его время находилась Каа, прежде была Хазарія. За Кааю лежитъ Готеія, а за нею Аланія. Между тою и другою живутъ Готеаланы, происшедшіе изъ смѣшенія Готеювъ съ Аланами. Всѣ они, какъ равно и Черкесы, исповѣдуютъ греческую вѣру.

О тогдашнихъ Черкесахъ интересныя свѣдѣнія находятся въ особомъ небольшомъ сочиненіи Генуэзца Интеріано, писанномъ въ 1502 г.² Они сами себя зовутъ Адига; обитаютъ отъ Дона до Фазиса и Абхазіи; имѣютъ главнымъ мѣстомъ Кромукъ, — очевидно

¹ Это очевидно Черкесы. Еще въ началѣ 18 столѣтія они жили гораздо далѣе на сѣверъ, нежели нынѣ. Извѣстный путешественникъ Ламотре отличаетъ отъ горныхъ Черкесовъ, Черкесовъ равнины. У послѣднихъ былъ городъ Calbata, лежавшій на пути отъ Астрахани къ восточному берегу Азовскаго-моря. На всемъ этомъ пути попадалось у жителей много рѣзныхъ камней и древнихъ монетъ. См. La Motraie Voyages etc. A la Haye, 1727. 2. voll.

² Della vita de Zuchi, chiamati Circassi. Изд. у Ramusia въ 2 томѣ, въ Библиотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи Т. I. стр. 122 — 126; и въ Путешествіи на Кавказъ Клапрота гл. 27.

тождественный съ Кремухомъ, Иосаата Барбаро. Въ нравахъ ихъ было тогда чрезвычайно много удержавшагося досель, но сохранилось и ничто античное; шлемы ихъ, говоритъ Интеріано, точно такіе, какъ на антикаліяхъ. Жили они безъ городовъ и укрѣпленій; но въ ихъ странѣ были башни и стѣны, построенныя прежними жителями. Надъ гробницами они также насыпали курганы, и хоронили въ гробахъ особеннаго устройства: брали самое толстое бревно и отпиливали сколько нужно по росту покойника, потомъ бревно раскалывали на две и выдолбляли столько мѣста внутри бревна, сколько нужно, чтобы уложить трущъ и нѣсколько вещей. Италианцы и Греки звали этотъ народъ Зихами, и Цихами, — имя, встрѣчающееся еще въ древности на этихъ самыхъ мѣстахъ¹. Пахимерь упоминаетъ ихъ вмѣстѣ съ Аланами, Готами и Русскими въ числѣ народовъ, покоренныхъ Монголами².

«На востокъ отъ рѣки Таваяса (Дона), продолжаетъ Барбаро, течетъ рѣка Эрдиль (Волга), на которой стоитъ городъ Читраканъ. Теперь онъ почти совершенно разоренъ, но прежде славился обширностью и богатствомъ. До разрушенія его Тамерланомъ, приности и шелкъ, идущіе нынѣ черезъ Сирію, доставлялись въ Тану черезъ Читраканъ, а оттуда въ Европу. Одна Венеція посылала въ Тану шесть или семь большихъ галеръ, ибо ни Венеціане, ни какая либо другая заморская нація не производили тогда торга съ Сиріей (гл. 12)».

Это важное извѣстіе Барбаро даетъ поводъ дополнить начатыя выше замѣтки объ исторіи всемірной торговли. Въ XIV вѣкѣ, о которомъ говоритъ Барбаро, левантская торговля еще болѣе нежели прежде терпѣла отъ нанскихъ запрещеній вестн дѣла съ мусульманами. Въ 1307 г. папа Климентъ V распространялъ запрещеніе на всѣ предметы торговли и грозилъ отлученіемъ отъ церкви и взысканіемъ въ пользу апостолическаго престола цѣны вывезенныхъ товаровъ, въ случаѣ если бы кто дерзнулъ продолжать торговлю не смотря на запрещеніе. Венеціанскіе купцы не прекратили однакоже торговли съ мусульманами, но когда приходилъ часъ смерти, они обыкновенно искали отпущенія грѣховъ посредствомъ передачи всего имущества въ рас-

¹ Оно вѣроятно грузинскаго происхожденія; Грузины и теперь зовутъ Черныя Джирами. Имя Чересь встрѣчается въ первый разъ у византійскихъ писателей (*Тгаркас*); но очень можетъ быть, что Кереты, которыхъ упоминаетъ уже Гелландикъ (см. Стеф. Виз. в. V. *Харитат*), суть ничто иное, какъ Чересы. Артемидоръ, около 100 до Р. X., давалъ имъ въ жилище берегъ на югъ отъ Новороссійска на 150 верстахъ, т. е. почти до теперешнихъ предѣловъ Абхазіи (см. Страб. XI, стр. 496).

² Stritter *Memoriae populorum* etc. III, p. 1063.

³ То же подтверждаетъ и Контарини гл. VII (Б. Ив. Пис. Т. I).

пораженіе папы. Менѣ нежели въ 15 лѣтъ вискій престоль, говоря летописцы, находился въ обладаніи правомъ на весь почти капиталъ торговаго города. Это возбудило сильныя споры между правительствомъ Венеціи и явиньонскимъ престоломъ. Вольнодумцы того времени позволяли себѣ утверждать, что не можетъ быть грѣха въ торговлѣ предметами не составляющими военныхъ припасовъ; но преемникъ Климента Іоаннъ XXII осудилъ это мнѣніе и объявилъ еретиками тѣхъ, которые его высказываютъ. Слѣдующій за Іоанномъ папа нѣсколько ограничилъ притязанія: Бенедиктъ XII требовалъ, чтобы люди, желающіе торговать съ магометанами и имѣть спокойную совѣсть, брали позволеніе отъ римскаго престола. Позволенія эти выдавались за деньги и приносили апостолической камерѣ до 9,000 червонцевъ въ годъ. Еще снисходительнѣе былъ Климентъ VI: какъ мы видѣли, онъ дозволилъ Венеціи торговать съ Египтомъ въ продолженіе пяти лѣтъ (1346). Но лишь въ началѣ XV вѣка совсемъ вышелъ изъ употребленія обычай покупать у папы позволеніе сдѣлать грѣхъ, состоящій въ торговлѣ съ магометанами¹. Этимъ можно отчасти объяснить, почему въ XIV вѣкѣ индійскіе товары шли исключительно сѣвернымъ путемъ, и почему Европа не посылала тогда кораблей въ Сирію. Въ XV вѣкѣ, какъ говоритъ Барбаро, дѣла перемѣнились. Мы догадываемся, что опустошенія, произведенныя Тамерланомъ, и вообще упадокъ государствъ, основанныхъ Монголами, нанесли ударъ торговлѣ черезъ Кыпчакъ и Бухару; папская булла потеряла между тѣмъ свою силу, — и пряности Индіи пошли опять въ Европу черезъ Сирію. Вскорѣ найденъ былъ еще новый путь — вокругъ Мыса Доброй Надежды, совершенно измѣнившій направленіе всемірной торговли, и наконецъ открытіе Америки открыло для нея вмѣстѣ съ новымъ путемъ и новое поприще. Бухара, Кыпчакъ и связанная съ ихъ судьбою Тана потеряли привлекательность для европейскихъ негоціантовъ и стали принадлежать одной Азіи.

Этимъ оканчивается нашъ опытъ исторіи италіанской Таны, опытъ, неизмѣющій притязанія на ученую удовлетворительность, ибо его полноту опредѣлили средства, находившіяся у насъ подъ руками. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о разрядѣ источниковъ, имѣющемъ большую важность, но на который мы до сихъ поръ указывали только мимоходомъ. Это географическія карты 13, 14 и 15 столѣтій, европейскія и арабскія, могущія служить преимущественно къ опредѣленію мѣстоположенія Таны и Азака, и, прибавимъ, къ подтвержденію выводовъ, сдѣланныхъ нами изъ летописныхъ свидѣтельствъ.

¹ Dugu III, 30. suiv.

Вотъ переченьъ главнѣйшихъ известныхъ намъ картъ съ означеніемъ издателей:

1. Карта XIII вѣка изъ бібліотеки св. Марка въ Венеціи; изд. у г. Мурзакевича при Исторіи генуэзскихъ поселеній въ Крыму и въ сочиненіи: *Les steppes etc. par M. Nommaire de Hell pl. 1. n. 3.* На этой картѣ мѣста городовъ означены однѣми надписями ихъ именъ. Слова *Latana* помѣщены на лѣвомъ берегу Дона; при устьѣ обозначенъ островъ, надписанный такъ: *ÿdemagramisi* (вѣроятно *tagronisi*); около Таганрога — *Porto rixan*, даже на западъ заливъ съ надписью *Shabardi*; на мѣствъ Ейска — *Lotar*, что слѣдуетъ читать *Lo Tar*.

2. Карта Генуэзца Петра Висконти 1318 г. изъ вѣнской бібліотеки. *H. de H. pl. 1. n. 8.* Тѣ же имена, что на предыдущей картѣ, только нѣтъ имени острова, составляющаго донскую дельту¹.

3. Карта Венеціанина Марина Сануто 1320 г. изъ парижскаго кодекса XIV в. изд. Лелевелемъ I. I. Тана помѣщена на правомъ берегу, но по всему вѣроятію это дѣло гравѣра: сличите положеніе Кафы на той же картѣ².

4. Карта Каталанская 1373 или 1375 изъ бібліотеки французскаго короля Карла V, нынѣ въ Луврѣ, изд. въ *Notices et extraits de la bibliothèque de Roi, T. XIV, у Лелевеля и Гелля pl. 1, n. 9.* Здѣсь города означены башнями, на которыхъ развѣваются знамена. Тана на лѣвомъ берегу Дона, подъ знаменемъ ордынскимъ (на Кафѣ какъ и на Перѣ развѣвается генуэзское серебряное знамя съ краснымъ крестомъ). На правомъ берегу Дона у устья есть надпись *made missi*³, относящаяся вѣроятно къ дельтѣ (ср. карту бібліотеки св. Марка, выше п. 1). *Porto rixani* на мѣствъ Таганрога. Теченіе Дона относительно Волги означено совершенно вѣрно; берега Каспійскаго-моря съ большими подробностями. Эта карта относится къ времени наибольшаго процвѣтанія генуэзской торговли на Черномъ-морѣ, она составлена въ Каталоніи, которая также посылала въ Тану своихъ купцовъ отъ начала XIV вѣка⁴ до Тамерланова нашествія (см. выше стр. 469). Отъ послѣдняго событія торговля должна была пострадать. По этому осталось мало картъ Чернаго-моря, которыя бы относились къ

¹ По крайней мѣрѣ г. Гелль не означилъ его. Онъ иногда опускаетъ имена, находящіяся на картахъ издаваемыхъ имъ. Но Потоцкий также говоритъ, что этого имени нѣтъ на картахъ Висконти.

² У Гелля есть эта карта, но безъ имени Таны и Кафы (pl. 1. n. 6.).

³ Такъ въ изданіи Лелевеля; у Гелля нѣтъ этой надписи, ни здѣсь, ни на картѣ св. Марка.

⁴ См. Лелевель. I. I. II, p. 37.

первой половинѣ XV столѣтія. Но тѣмъ болѣе картъ мы имѣемъ изъ второй половины этого вѣка.

5. Карта музея Борджіа въ Веллетри изъ половины XV вѣка, описанная Геереномъ въ *Comm. Gott. XVI, 250 — 284*, изд. Н. de Н. pl. 2, n. 2. Тана означена башней на лѣвомъ берегу Дона.

6. Карта Мавра, камальдольскаго монаха изъ монастыря св. Михаила на о. Мурано близъ Венеціи, 1459 г., изд. Лелевелемъ. Тана помѣщена на лѣвомъ берегу. У Н. de Н. pl. 2 n. 3. имени Таны нѣтъ.

7. Карта Анконитанца Граціоза Беннинказа, составленная въ Венеціи въ 1467 году. Н. de Н. pl. 2, n. 4. Имя *La Tana* написано на правомъ берегу Дона.

8. Карта графа Оттомана Фредуціа Анконскаго 1497 г., изд. графомъ Яномъ (Осиповичемъ) Потоцкимъ въ *Mémoire sur un nouveau Periple du Pont Euxin (Vienna 1796; русскій переводъ Г. И. Спасскаго въ его Археолого-Нумизматическомъ Сборникѣ, М. 1850)* и у Лелевеля, изъ вольфенбюттельской библіотеки. Городъ Тана нарисованъ на правомъ берегу; онъ такъ великъ и такъ далеко отъ моря, что составитель карты очевидно не имѣлъ въ виду обозначить своимъ рисункомъ точное мѣсто Таны: по всему вѣроятію онъ выбралъ для него мѣсто на правомъ берегу, желая избѣжать, чтобы изображеніе не стало вверхъ ногами. Портъ Пизанскій означенъ на мѣствъ Таганрога; между нимъ и Таной надпись *stagioni*, относящаяся къ дельтѣ (см. выше карты 1 и 3).

9. Космографія Гильома Ле-Тестю 1555 г., посвященная адмиралу Колиньи, Н. de Н. pl. 2 n. 10. Имя *Tanna* написано на правомъ берегу. Но это очевидно турецкій Азакъ, а о немъ достоверно, что онъ лежалъ на лѣвомъ берегу Дона. Это показываетъ, что мѣсто, гдѣ надписывалось имя городовъ, бралось произвольно. Важнѣе изображеніе городовъ въ видѣ башней, но и оно не всегда имѣетъ силу, какъ мы видимъ изъ карты Фредуціа.

Упомянемъ еще двѣ карты, которыя остаются до сихъ поръ неизданными:

10. Карта Венеціанъ Франческо и Доминико Пиццигано 1367 г., находящаяся въ пармской библіотекѣ. На Танѣ флагъ съ венеціанскимъ лѣвомъ, см. *Lelewel Géographie du moyen age II, p. 53*. Такъ какъ карта эта современна каталанской, гдѣ надъ Таной мусульманское знамя съ тамгой и пошумьсацемъ, то изъ сравненія ихъ выводится заключеніе, что въ Азакъ, городъ татарскомъ, была часть, принадлежавшая Венеціанамъ. Это согласно съ известіями литературныхъ памятниковъ.

11. Карта Баптиста Генуэзца 1514 г., упоминаемая Потоцкимъ. Така названа Анна ⁴.

Изъ арабскихъ картъ сюда относятся:

1. Карта Ибн-Саиба изъ Магреба 1274 г., изд. у Делевеля. Имя Азакъ надписано у устья Дона на правомъ берегу.

2. Карта Абульфеда 1331 г., изд. у Делевеля. Имя Азакъ надписано на левомъ берегу; городъ же изображенъ на дельтѣ.

Изъ этого перечня видно, что свидѣтельство картъ говорить болѣе въ пользу, нежели противъ положенія Таны на мѣстѣ нынѣшняго Азова. Прибавимъ, что когда Азовъ процвѣталъ, его зданія простирались и за рѣчкой по правому ея берегу, хотя крѣпость была на левомъ берегу ². Этимъ объясняется, что Абульфеда даетъ Азаку мѣсто на дельтѣ. Прибавимъ, что тождество Таны съ Азовомъ слѣдуетъ еще изъ показанія вице-адмирала Крейца, что въ его время въ Азовѣ видны были надъ воротами и церквами генуэзскія надписи ⁵.

⁴ Въ атласѣ Делевеля и еще болѣе у Гелля карты изданы въ уменьшенномъ видѣ, и при томъ почти всѣ не съ подлинниковъ. Для картографіи Чернаго-моря остается еще много сдѣлать. Большое малаліе, уже въсколько десятковъ лѣтъ приготовляемое Жомаромъ, составляетъ предметъ ожиданій для всякаго интересующагося этимъ дѣломъ, но и оно едва ли удовлетворитъ потребностямъ спеціальной разработки географіи Чернаго-моря. Было бы задачей достойною мѣста, занимаемаго въ отечественномъ ученomъ мѣрѣ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, — предпринять изданіе главнѣйшихъ относящихся сюда картографическихъ памятниковъ въ вѣрныхъ facsimile. Карта Пиццигани, находящаяся въ Пармѣ, по слухамъ уже выгравирована Жомаромъ. За тѣмъ было бы весьма важно полное изданіе слѣдующихъ трехъ памятниковъ:

1. Карта Средиземнаго-моря, de mari mediterraneo, Марина Сануто, составленная на пяти листахъ, изъ которыхъ одинъ занятъ Чернымъ-моремъ. Она только отчасти описана Зурлою въ его Dissertazioni (voll. 2. Venet. 1818) и хранится по его словамъ въ rinomatissima collezione dell' abate Canonici въ Венеціи. Это первоклассный памятникъ, гораздо болѣе обширный нежели та общая карта de mari et terra, которая упомянута въ текстѣ подъ № 3.

2. Металлическая карта музея Борджіа въ Веллетри. Она была срисована и выгравирована ея владѣльцемъ, кардиналомъ Стефаномъ Борджіа, отъ котораго одинъ экземпляръ получилъ Гееренъ. Это единственный извѣстный экземпляръ, теперь находящійся вѣроятно у наследниковъ Геерена.

3. Карта монаха Мавра, хранящаяся въ библиотекѣ монастыря св. Михаила на о. Мурано близъ Венеціи. Она издама Зурлою въ Dissertazioni въ уменьшенномъ видѣ и отсюда еще въ болѣе уменьшенномъ видѣ Делевелемъ. Оригиналъ имѣетъ почти 6 пар. футовъ въ квадратъ.

Можно было бы кромѣ того повѣрить копию Потоцкаго съ карты Оттомана Фредуція, принадлежащей вольфенбюттельской библиотекѣ.

² Байеръ стр. 71.

³ У Байера стр. 59. Замѣтимъ адѣсь кстати, что Chabardi итальянскихъ картъ есть по всему вѣроятію Миссъ. Калміусъ назывался fiume Rosso, Берджіанскъ—Parasopo. Весьма интересно мѣсто называемое Cassar de Rossi на картѣ Венецианскъ и

Барбаро еще былъ живъ, когда Кафа и Тана подпали оттоманско-му владычеству. Совершенная слабость татарскихъ ханствъ заставила крымскихъ хановъ для самосохраненія признать себя зависимыми отъ Порты. Съ тѣхъ поръ сѣверный берегъ Чернаго и Азовскаго морей поступаетъ подъ власть Турокъ. Кафа и Тана погибли въ 1475 г.¹ О послѣдствіяхъ занятія Таны Османами вице-адмиралъ русской службы Корнелій Крейцъ, составившій географическое описаніе рѣки Дона (оно вышло на голландскомъ языкѣ въ Амстердамъ, безъ числа года), говоритъ, какъ кажется съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, что съ тѣхъ поръ Азовъ лишился своей торговой важности и сдѣлался такимъ мѣстечкомъ, «въ которомъ только масло коровье, сыръ, соленую рыбу и невольниковъ продавали²». Но такъ какъ это былъ важный военный пунктъ, то султанъ Магометъ II велѣлъ укрѣпить его³. Впрочемъ Павелъ Ювій еще называлъ Азовъ *novile emporium*. Нѣкоторые изъ Италіянцевъ продолжали тамъ жить, и имя Таны оставалось въ употребленіи. Такъ русскій посолъ Дмитрій Герасимовъ, бывшій въ Римѣ въ 1526 году, говорилъ, что русскія владѣнія граничатъ на югъ съ перекопскими

Casal de Rossi на картѣ Валтиса Генуэзца. Это очевидно поселеніе Русскихъ. И такъ въ 1467 году Русскіе жили на Азовскомъ-морѣ близъ Азова! Азовскіе казаки, по Карамзину, въ первый разъ упоминаются подъ 1499 г. Они ходили подъ Ковельскъ и владѣли с. Олешню. Кар. VI, пр. 495.

¹ *Наймгер Geschichts des osman. Reichs I*, 525 (2-е изд.) Предвидя это, Венеціане отправляли къ татарскому хану Кучукъ Магомету посла Тревизиано съ цѣлю возбудить его противъ Турокъ (1474). Но недоразумѣнію Тревизиано былъ задержанъ въ Москвѣ. Потомъ, когда получено объясненіе отъ дожа и сената, олъ былъ отпущенъ, но посольство его не имѣло послѣдствій. *Наймгер Kiptschak* стр. 405. Конецъ Золотой Орды положила битва Ибака, хана Тюменскаго, съ Кучукъ-Магометомъ и смерть послѣдняго въ 1480 году. Эта битва произошла въ окрестностяхъ Азова. Сл. Кар. VI, стр. 99 (изд. Эйнерл.) пр. 240.

² Байера Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова. Спб. 1782. стр. 71. Выписываемъ изъ Байера полное заглавіе книги, составляющей большую рѣдкость: *Nieuw Pas Kaart Boek behelsende de groote Rivier Don of Tanais na de selfs waargragtige Gelegenheid, Strecking en Cours, van de Stadt Woronetz, tot dar by in Zee valdt, met zyn invloeiende Stromen, Eylanden, Steden, Dorpen, Kloosters etc. Dar benewens een sehr curieuse Paskaart van de Azofsche Zee of Palus Maeotis, en Pontus Euxinus of Swarte Zee met alle haar Diepten, Droogtens, aangelogen Rivieren, Havens, Steden etc. Zynde dar by gevoegt een Afbeelding der Doorgraving om den Don door de Ilaffa te leyden in de Wolga of As'raacansche Rivier, alles sehr naukeurig en door eygene Ondervinding opgenomen, gepeylt, afgemeeten, en opgedragen aan zyn Doorlugtige Hoogheyd Alixius Poteides Erf-Prince der Keyser Rycken, Konig Rycken, Vorsteudommen, Heerschappen zyns Heer Vaders Zyn Grootmagtigste Czaarsche Maiesteyt, door Cornelius Cruys Vice-Admiral von Hooghgemelte Zyner Maiesteyts Zeemagten. Tot Amsterdam by Hendrik Donker. Безъ года, въ 6, листъ.*

³ Извѣстіе казаника Матеія изъ Мѣхова въ *Descriptio Sarmatarum* (1521) гл. XI: *castrum Asow in ripa Tanais in castellavit*. Мѣсто это приведено г. Кеннепомъ въ Крым-

Татарами и *Танамтажи*⁴, а Иеронимъ де Марини, писавшій въ 1665 г., даже свидѣтельствуеъ, что благородныя генуэзскія фамиліи существовали въ Танъ до его времени⁵. Вицеадмиралъ Крейцъ подтверждаетъ это и называетъ по имени фамилію де Спинола⁶.

Въ XVI в. Турки обращали вниманіе на эти страны. Такъ Селимъ I оставилъ правила свободной торговли въ Азовъ и Кафъ для русскихъ купцовъ⁴. Но они часто нарушались. Удальцы, разноплеменные по происхожденію, но въ большинствѣ своемъ повидимому Русскіе, занявшіе опустыльные улусы Золотой орды и взявшіе городъ Ахась, наименованный ими Черкаскомъ, были ужасомъ путешественниковъ и купцовъ на дорогѣ въ Азовъ. Въ половинѣ XVI вѣка эти отважные наездники, обладатели всѣхъ низовьевъ «тихаго Дона»—Донскіе Казаки—признавали уже себя подданными московскаго государя и не щадили Турковъ. «Козаки съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пяти не дадутъ», писалъ нашъ посланникъ Петръ Тургеневъ въ 1551 г. къ царю Іоанну IV⁵. Солиманъ, величайшій изъ османскихъ султановъ, не успѣлъ обратитъ своихъ силъ на Кипчакъ. Преемникъ его Селимъ II задумалъ исполнитъ то, на что до тѣхъ поръ объявляли притязаніе лишь крымскіе ханы — возстановитъ мусульманское вліяніе въ древнемъ Кипчакъ и отнять у Россіи Астрахань. Это покушеніе Селима ознаменовано замѣчательнымъ предпріятіемъ соединитъ Донъ и Волгу посредствомъ канала. Мысль къ тому, достойная великихъ дѣлъ Солиманова царствованія, шла не отъ Селима, султана малодушнаго, который отъ самихъ Турковъ былъ честимъ лишь прозвищемъ Пьяницы; ее подалъ дефтердарій Казимбекъ, управлявшій кафскимъ санджакомъ, и поддерживалъ въ диванѣ великій визирь Магоммедъ Соколи. Въ исполненіе ея въ началѣ лѣта 1569 года значительныя силы, состоявшія изъ янычаръ, спаговъ и Татаръ, отправились, отчасти су-

скомъ Сборникѣ стр. 262 пр. 382. При построеніи укрѣпленій азовскій паша приуждалъ работать русскихъ купцовъ. Кар. VI, 145. Вскорѣ затѣмъ Азовскіе Татары убили русскаго посла Андрея Семеновича Кутузова. Кар. VI, пр. 459. Украденія впрочемъ были не велики: иначе ли казаки не могли бы два раза ваятъ Азовъ, ли вице-адмиралъ Крейцъ сказать, что Азовъ до ваятїа казакани оставался въ томъ видѣ, какъ былъ при Генуэзцахъ.

⁴ Pauli Iovii Elogia virorum bellica virtute insignium (Bas. 1535) въ жизни Василія Московскаго. Это мѣсто сообщено мнѣ А. Н. Костылевымъ. Въ Запискѣ Павла Ювіа de legatione Basilii (В. Ин. Пис. Т. I) я не нашелъ этого извѣстія.

⁵ Theat. Ital. стр. 1435. Приведено у Байера стр. 56.

⁶ У Байера стр. 59.

⁴ Кар. VII, стр. 45.

⁵ Кар. VIII, пр. 254.

хиямъ путемъ изъ Крыма, отчасти водою черезъ Азовъ къ переволокъ между Дономъ и Волгой. При нихъ находилось отъ 2 до 3 тысячъ рабочихъ для копанія капаля и ввроятно въ качествѣ инженера одинъ Фрязинъ «Костянтинъ Князецъ изъ Родуса». Каторгъ, т. е. галеръ (*та матеріа*), было около ста. Предположено было открыть водяное сообщеніе между Дономъ и Волгою и потомъ идти на Астрахань. Казаки, испуганные громадностью предпріятія, скрылись въ степяхъ и не тревожили похода. Но онъ не удался вслѣдствіе физическихъ причинъ, двусмысленнаго расположенія крымскаго хана и готовности астраханскаго воеводы князя Петра Серебрянаго отразить осаждающихъ. Между тѣмъ въ Азовъ произошелъ взрывъ пороховой башни, при чемъ взлетѣло на воздухъ 1000 солдатъ, и приставъ съ военными судами обратилась въ пепель; полагали, что это сдѣлано Русскими. Въ 1570 г. дворянинъ Новосильцевъ ѣздилъ въ Стамбулъ увѣрить султана въ расположенія Іоанна IV; другое русское посольство отправилось туда съ этою же цѣлію въ 1571 году. Селимъ, не желая увеличивать числа враговъ своихъ во время войны съ Венеціей, Испаніей и Папою, отвѣчалъ дружелюбно, но тѣмъ не менѣе не отказывался отъ Астрахани и Казани и велѣлъ укрѣпить Азовъ болѣе прежняго, и поставить туда гарнизонъ изъ анычаръ, дабы обезопасить этотъ пунктъ отъ набѣговъ казаковъ¹.

Понятно, что казаки были недовольны этимъ, но кто бы ожидалъ чтобы эта горсть храбрецовъ могла не только дѣлать частныя набѣги, но и мѣряться съ турецкими силами и имѣть такой успѣхъ, какой дѣйствительно имѣли донскіе казаки? Въ то время какъ западная Европа торжествовала первую великую побѣду христіанъ надъ Турками, и донъ Хуанъ Австрійскій, герой Лепанта, отвлекалъ все вниманіе Селима, когда и крымскій ханъ былъ занятъ походомъ на Москву, окончившимся знаменитою побѣдою князя Воротынскаго у Молодей на Лопаснѣ и Рожавѣ, наши казаки воспользовались удобною минутой и не смотря на турецкій гарнизонъ взяли Азовъ (1572)². Мы не знаемъ подробностей этого дѣла; знаемъ только, что казаки не долго

¹ Hammer Gesch. d. Osman. Reichs II, стр. 316, 378. Байеръ Краткое описаніе стр. 75. Крама. IX, пр. 243—252. Цифры разнятся у этихъ трехъ историковъ; наиболѣе вѣроятны тѣ, которые прещелъ Карамзинъ на основаніи показаній Мальцева. Гаммеръ заимствовалъ свои изъ восточныхъ источниковъ, но тѣмъ не менѣе онъ кажется неточны: напр. 5000 анычаръ и 3000 рабочихъ отправляются у него на 15 галерахъ; по Мальцеву было 500 анычаръ и 2500 рабочихъ. Критика Карамзина заслуживаетъ предпочтенія и въ повѣствованіи о ходѣ войны и участіи въ ней Серебрянаго. Гаммеръ вообще слишкомъ поспѣшилъ въ выборѣ набѣгѣй.

² Кар. IX, пр. 407. сл. пр. 348.

владыи Азовомъ, и что Турки скоро опять укрѣпились въ немъ¹. Они приняли разныя мѣры противъ казачьихъ наводовъ. Но ни цѣпи, которыя запирали Донъ у Азова, ни сердистаны или каланчи, построенныя Турками, не послужили преградой казачьему молодечеству. Донцы все таки пробирались въ море, и не только въ Азовское, но и въ Черное. Турецкое правительство еще въ 1585 г. обращалось къ Федору Ивановичу съ просьбою унять казаковъ и ихъ атамана Кишкина, грозу азовскихъ мусульманъ². По окончаніи смутнаго времени *промыслы казаковъ надъ царствами неурныхъ* сдѣлались особенно часты и удачны³. Не проходило году, чтобы Донцы не нанесли чувствительнаго удара мусульманамъ. Они не довольствовались походами надъ Крымцами и Ногаями, опустошеніемъ Керчи, Кафы, Балаклавы, Багчесарая, Козлова; они причаливали къ Трапезонту, Ризь, Коніи, Синопу, одинъ разъ даже взяли этотъ послѣдній городъ (1624), показывались у Константинопольскаго-пролива почти въ виду Константинополя (1621), грабили на Черномъ-морѣ турецкія суда, освобождала христіанскихъ плѣнниковъ, и наконецъ совершили величайшій подвигъ, — воспользовались присоединеніемъ Запорожцевъ и смутами въ Крыму, и въ 1637 году вторично взяли Азовъ⁴. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ трехъ или четырехъ тысячъ янычаръ. Три города, на которые раздѣлялся тогда Азовъ, Ташкаль, Тапракаль и Азовъ, были соединены каменными стѣнами, съ 11 башнями и обведены ровомъ глубиною въ 22, шириною на днѣ въ 4 сажени; по стѣнамъ и башнямъ находилось 200 большихъ и малыхъ пушекъ. Какія средства имѣли казаки, мы въ точности не знаемъ. Вицеадмиралъ Крейцъ опредѣляетъ число Запорожцевъ въ 4, число Донцевъ въ 3 тысячи человекъ и говоритъ, что они имѣли при себѣ только четыре фалконета, которыми нельзя было ничего сдѣлать противъ укрѣпленій. Но это показаніе, по крайней мѣрѣ во второй его половинѣ, не можетъ быть справедливо: изъ челобитной атамана Катаржнаго, сказанной въ Москвѣ 3 января 1647 г., видно, что на Дону было въ это время до 90 пушекъ; казаки должны были взять по крайней мѣрѣ часть ихъ для осады, хотя и не-

¹ См. Байера въ привед. мѣстѣ.

² Кар, X, пр. 112.

³ Подвиги Донцевъ въ это время описаны, на основаніи Донскихъ и Крымскихъ Дѣлъ, въ статьѣ В. М. Пудавова: «Монастырское урочище на Дону, помѣщеніемъ въ Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ, 1853 г., NN° 2 — 6.

⁴ О взятіи Азова см. *Нам шег Gesch. d. Kais. Reichs III* стр. 166 (2 изд.) Байеръ (по вицеадмиралу Крейцу) стр. 74—83. Послѣдній упоминаетъ и о взятіи Синопа, ссылаясь на рукописный хронографъ, но относитъ это событіе къ 1616 году.

известно, сколько они действительно брали съ собою. Число казаковъ, участвовавшихъ въ осаду, въ актахъ не показано. Г. Пудавовъ опредѣляетъ его по числу паевъ, брошенныхъ о завоеванномъ въ Азовъ имуществъ; ихъ было до 4400; но опять остается вопросъ, были ли это паче однихъ донскихъ козаковъ или донскихъ и запорожскихъ вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, Азовъ былъ взятъ послѣ осады, продолжавшейся съ 21 апрѣля по 18 іюля, и казаки донесли царю Михаилу Ѳедоровичу: «Милостию Божіею, помощію пречистой Богородицы, а твоимъ государскимъ счастьемъ, твоя высокая рука возвысилась: Азовъ городъ мы взяли, ни одного человека азовскаго на степь и на море не упустили; всѣхъ безъ остатка порубили».

Приведемъ еще ту отписку ихъ, въ которой они оправдываются въ этомъ дѣлѣ, совершенномъ безъ царскаго позволенія:

«Азовъ городъ взяли мы, Государь, безъ твоего указа, и въ томъ воля Божія и твоя Великаго Государя! Пошли мы подъ Азовъ съ великія скорби, помня свое крещеніе и Святыхъ Божіихъ церкви и свою истинную, православную вѣру; ибо изъ того города, отъ бусурманской вѣры, агарянскаго исчадія, злоищренныхъ волковъ, чинилось поруганіе великое твоей, Государь, отчизнѣ украиннымъ городамъ, паче иначе же весямъ, и разореніе Божіимъ церквамъ и разлитіе цвѣтной крови, и взятіе въ полонъ православныхъ христіанъ, отцевъ, и матерей, и братій и сестеръ нашихъ. Они, азовскіе люди, искони поругались нашей христіанской вѣрѣ: продавали за море на каторги отцевъ, и братій, и сестеръ нашихъ, и корабли русскимъ полономъ въ турецкую землю грузили. Да и намъ, Государь, шкату великую стѣ поганые Азовцы дѣлали: въ нашихъ юртахъ, и на рѣкахъ, и въ камышахъ, и на переходахъ хватили насъ, и за море, тожь, нашу братью, на каторги продавали и великія скорби и неволи чинили.— Мало что сами, но крымскихъ и ногайскихъ людей азовскіе люди подъ наши казачьи юрты подводили. Видѣвъ въ російской землѣ разореніе отъ нихъ бусурмановъ Святыхъ церквамъ и погубленіе нашей христіанской вѣры, и помня свой смертный часъ, чтобы за вѣру православную и за тебя, Великаго Государя, Царя Михаила Ѳедоровича, я за единокровныхъ братій своихъ, хотя помереть, а ихъ поганыхъ бусурмановъ подъ мечъ подклонить, Азовъ взять и утвердить въ немъ, по прежнему, нашу вѣру христіанскую, пошли мы, Государь, подъ тотъ городъ всѣ, утвердившись сердцами своими въ единомыслие и поболѣвъ душами своими.»

Подвигъ взятія Азова былъ совершенъ подъ начальствомъ атамана Михаила Татаринова. Имущество мусульманъ было подвѣнено по стани-

памъ, по Греки пощажены и сохранили свои дома. Двъ тысячи Руских невольниковъ получили свободу; казаки озаботились ихъ пропитаніемъ и отправленіемъ въ Русь. Азовъ сдѣланъ вольнымъ христіанскимъ городомъ и съ слѣдующей весны стали приходить туда торговые люди, наъ Россіи, Турціи, Персіи. Въ него перевели Главное Войско (Правительство Донцевъ), бывшее въ предшествовавшіи тому 17 лѣтъ въ Монастырскомъ-Нижнемъ-городѣ (въ 5 верстахъ ниже Стараго Черкаска).

Азовъ оставался въ рукахъ казаковъ до 1643 г. Они съ успѣхомъ отбивали Татаръ, выходили на своихъ судахъ въ Азовское и Черное моря и не мало безпокоили турецкіе берега. Въ 1638 у нихъ была съ Турками (подъ предводительствомъ Пяли-Паши) морская битва на Черномъ-морѣ, въ которой обѣ стороны сражались храбро и понесли значительный уронъ. Наконецъ Турки собрались съ силами, чтобъ вырвать Азовъ изъ рукъ казаковъ. Въ 1642 г. 20,000 янычаръ, столько же спаговъ, 50,000 крымскихъ Татаръ, 10,000 Черкесовъ, кромѣ большаго числа Молдаванъ и Волоховъ, отправились къ Азову сухимъ путемъ, а 45 галеръ съ многими мелкими судами моремъ⁴. Вице-адмиралъ Крейцъ говоритъ, что въ Азовѣ находилось тогда только 1400 человекъ мужчинъ и 800 женщинъ⁵, которыя столько же храбро защищали крѣпость, какъ и ихъ мужья. Въ актахъ сказано, что въ Азовѣ сидѣло, подъ управою атамана Осипа Петрова, 6000 казаковъ. Крѣпость была окружена тремя стѣнами. Всѣ усилія взять Азовъ съ боя остались неуспѣшными. Турки пытались склонить казаковъ и деньгами, предлагали имъ 12,000 червонцевъ и по выступленіи изъ города еще 30,000, но получили въ отвѣтъ, что казаки имѣютъ довольно оружія и храбрости для честной обороны. Ихъ вылазки и подкобы наносили много вреда непріятелю; воодушевленіе ихъ было необычайное: плѣнныхъ ни обѣщаніями, ни пыткой нельзя было къ тому привести, чтобы они объявили что нибудь о состояніи гарнизона, Турки не находили провіанта въ окрестностяхъ Азова, между тѣмъ какъ къ казакамъ подходили по ночамъ вспоможенія. Въ такомъ положеніи дѣлъ не подѣйствовало и лаковическое предписаніе Султана: «Паша, возьми Азовъ или отдай свою голову». Генеральный приступъ худо удался, и въ концѣ сентября 1642 г. паши принуждены были

⁴ Такъ по Крейцу. Гаммеръ (III стр. 223 2 над.) изъ турецкихъ источниковъ говоритъ о нѣсколькихъ тысячахъ янычаръ и спаговъ и 38 галерахъ. По показанію казаковъ войска было 240,000; по отпискѣ московскихъ переводчиковъ, находившихся въ Царыградѣ (Дыкова и Букалова) — 150,000.

⁵ У Гаммера по ошибкѣ 14,000 мужчинъ и 800 женщинъ (III, стр. 223).

оставить осаду и развести войско по зимнимъ квартирамъ. По словамъ Крейца, изъ главной арміи побито было 20,000 человекъ Турковъ и 7000 Татаръ, а Шіали Паша потерялъ изъ наилучшихъ съ ономъ прибывшихъ янычаръ 3000 человекъ. Казаки показывали число непріятельскихъ убитыхъ въ 70,000 человекъ разныхъ народовъ. И все это сдѣлали казаки, не получая ни откуда подкрѣпленія, одними собственными средствами. Въ докладѣ ихъ Государю сказано, что болѣе 3000 изъ нихъ пало, а остальные были почти все переранены — «безъ глазъ и безъ рукъ и безъ ногъ стало много». Но все таки они *отсидѣлись* отъ нашествія войска, по меньшей мѣрѣ въ 10 разъ многочисленнѣйшаго, заставивъ и друговъ и недруговъ удивляться своему *акрѣпкостоятельству*.

Послѣдующія событія общеизвѣстны. Созванный Царемъ Великій Соборъ высказался нерѣшительно въ вопросѣ о войнѣ съ Турціей. По этому казакамъ велѣно: «покинуть Азовъ и жить по старымъ мѣстамъ.» Въ Іюль 1643 г. они выбрали свои ложитки изъ города и подорвавъ всѣ башни зажгли городъ. Казаки покинули его «пустъ и все разорено, пристанища никакого не оставили».

Азовъ былъ занятъ Турками и тотчасъ же укрѣпленъ, сколько позволяли средства. Сердарій Магометъ прославилъ себя восстановленіемъ города. Защита его была поручена 26,000 гарнизона и значительному артиллерійскому парку⁴.

Цари Алексѣй Михайловичъ и Федоръ Алексѣевичъ въ сношеніяхъ съ Портой объявляли притязаніе на Азовъ (1672 и 1677). Опять взялъ его Петръ Великій въ 1696 г. и при раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 г. сдѣлалъ главнымъ городомъ одной изъ шести губерній. Это показываетъ, какое значеніе давалъ ему Преобразователь. Губернія Азовская была весьма обширна; Воронежъ принадлежалъ къ ней. Но по прутскому миру Азовъ былъ снова отданъ Туркамъ (1711). Въ 1736 снова взятъ, въ 1739 разоренъ и въ третій разъ отданъ Туркамъ. Окончательно присоединенъ къ Россіи въ 1769, возобновленъ и приписанъ къ Воронежской Губерніи. Въ 1775 г. восстановлена Азовская Губернія, но въ предѣлахъ, гораздо меньшихъ (она раздѣлялась на двѣ провинціи Азовскую и Бахмутскую). Наконецъ въ 1786 учреждена Екатеринославская Губернія, и Азовъ сдѣлался городомъ заштатнымъ.

Осада и взятіе Азова въ 1695 и 1696 годахъ составляютъ для этихъ мѣстъ эпоху, не только въ историческомъ, но и въ топографиче-

⁴ Нашеет I. I. стр. 224.

скомъ отношеніи. Еще теперь много насыпей въ окрестностяхъ Азова остаются памятникомъ Петровыхъ усилій найти выходъ въ древнее Русское-море. Двѣ каменныя одна противъ другой были построены на двухъ берегахъ Дона нѣсколько выше отдѣленія отъ него рукава, получившаго ввроятно вслѣдствіе того прозваніе Каланчи. На мысъ острова, образуемаго Дономъ и Каланчой, были устроены шанцы. Шанцы бблшняго размѣра были сооружены на томъ же островѣ противъ самаго города Азова. Наконецъ вся нагорная окрестность города изрыта для циркумвалацій, апрошей и т. д.

По поводу взятія Азова упоминается небольшая турецкая крѣпостца Лютикъ, которой развалины еще видны на дельтѣ, почти насупротивъ Недвиговки (на нашемъ планѣ 7). Она сдалась въ одинъ день съ Азовомъ.

Тотчасъ послѣ взятія Азова сдѣланы были на близъ лежащемъ острову Царскіе шанцы, а на другомъ острову Гордонскіе шанцы. Каланча луговой стороны названа Сергіевскою, другая противъ нея Никоновскою. Прямо противъ города положено основаніе Петровской крѣпости. Для порта послѣ нѣкотораго колебанія между Міусомъ и Павловскомъ (Бердянскомъ) избранъ Таганрогъ.

—

Мы довели исторію устій Дона до послѣднихъ временъ. Кругъ предметовъ, подвергавшихся нашему разсмотрѣнію, все болѣе и болѣе расширялся, и отводилъ насъ отъ недвиговскаго городища. То историческіе вопросы, то патріотическія воспоминанія привлекали наше вниманіе, и мы могли казаться несправедливыми и забывчивыми относительно этого маленькаго и тѣснаго уголка, которому однакоже были обязаны столькими памятниками. Но эта мѣстность потеряла свое прежнее значеніе во время процвѣтанія Таны и Азова, которые лежали на лѣвомъ берегу лѣваго рукава въ разстояніи отъ нея около 15 верстъ, или 10 италіянскихъ миль, какъ говоритъ Барбаро. На ней были поселенія и въ эти времена, но поселенія второстепенной важности, о которыхъ не упоминаетъ исторія. Здѣсь опять недвиговское городище становится единственнымъ источникомъ.

Изъ предметовъ, найденныхъ на немъ, одинъ рельефъ изъ простаго камня, весьма грубой работы, изображающій въ геральдической манерѣ собаку надъ головою быка, долженъ быть по всему ввроятію отнесенъ къ времени италіянской колоніи Таны. Татары оставили по себѣ одну куенческую монету съ именемъ Кошекъ Хана, котораго г. профессоръ мо-

сковскаго университета П. Я. Петровъ, опредѣлявшій эту монету, признаеть тождественнымъ съ Кибаккомъ, ханомъ улуса Джучіева, царствовавшимъ отъ 1411 до 1414 г. по Р. Х. Еще вырыты круглыя азійскія стремена изъ желѣза съ удилами того же металла; они были найдены около костяка лошади, стремена по обвѣмъ сторонамъ реберъ, удила у головы, слѣдовательно какъ они были, когда лошадь была убита, вѣроятно въ какой нибудь свѣч. Вотъ все что мы нашли относящагося къ времени послѣ-греческому.

Прежде нашихъ разысканій были находимы на недвиговскомъ городищѣ разныя вещи какъ греческія, такъ и позднѣйшія. О надписяхъ мы уже говорили выше, упоминали и о монетахъ. Теперь прибавимъ, что греческія монеты, попадавшіяся на городищѣ и вблизи городища на берегу Мертваго-Донца, были собираемы владѣльцемъ Недвиговки г. полковникомъ Мартыновымъ. Часть ихъ онъ пожертвовалъ въ Новочеркаскую Гимназію, гдѣ онъ погубилъ во время пожара; остальные сохраняются доселѣ у г. Мартынова, и въ бытность мою въ Новочеркасскъ я воспользовался позволеніемъ его рассмотреть ихъ. Число ихъ незначительно, не болѣе сорока; неизданныхъ экземпляровъ между ними нѣтъ; большинство составляютъ монеты Боспорскаго Царства, и кромѣ того есть нѣсколько римскихъ; пантикапейскихъ автономныхъ я не нашелъ въ числѣ монетъ, отмѣченныхъ найденными въ Недвиговкѣ ¹.

Въ запискахъ своихъ о древностяхъ земли Войска Донскаго ², уже не разъ упомянутыхъ нами, г. Мартыновъ извѣщаетъ, что въ Недвиговкѣ были найдены кромѣ того слѣдующіе предметы:

1. Рельефное изображеніе всадника «въ воинскомъ костюмѣ съ малою пикою и на ней какъ бы флюгеръ, а на головѣ металлическій и лавровый вѣнокъ, одѣтъ мантиєю и тогою и какъ могу припомнить съ нѣкоторыми буквами». Очевидно, этотъ рельефъ былъ весьма похожъ на найденный нами и описанный выше стр. 416, только онъ былъ больше нашего, ибо г. Мартыновъ означаетъ его длину и ширину въ полтора аршина. «Лѣтъ двадцать тому назадъ, пишетъ онъ въ 1848 году, (слѣдовательно около 1828 года) онъ былъ отданъ мною г. помѣщику Миусскаго Округа. Лукьянову». Этотъ помѣщикъ г. Лукьяновъ имѣлъ довольно значительное собраніе разныхъ рѣдкостей, сохранявшееся въ

¹ Кромѣ недвиговскихъ монетъ г. Мартыновъ имѣеть нѣсколько интересныхъ монетъ съ острова Фидонисъ (древняя Левка) близъ устьи Дуная.

² Эти Записки доставлены г. Мартыновымъ въ Одесское Общество Исторіи и Древностей, набравшее его въ число своихъ дѣйствительныхъ Членовъ. Черновая тетрадь была сообщена мнѣ.

его помѣствъ Есауловкѣ (на бахмутскомъ тракѣ). Онъ уже давно скончался, и собраніе его разошлось по рукамъ. Я посѣтилъ сына его, нынѣшняго владѣльца Есауловки, Андрея Львовича Лукьянова, который показалъ полную готовность содѣйствовать нашимъ разысканіямъ, но въ его домѣ не нашлось уже ничего примѣчательнаго, и при всемъ своемъ желаніи онъ не могъ указать слѣдовъ упоминаемаго г. Мартыновымъ рельефа. Такъ могутъ скрываться и иногда гибнуть памятники древности!

2. Амфоры. Г. Мартыновъ упоминаетъ, что «при жизни еще дѣда его и отца открыто было на педвиговскомъ городищѣ въ маломъ возвышеніи у рва и вала въ родѣ жилаго помѣщенія изъ камня съ аркою надъ входомъ, въ которомъ помѣщеніи найдены двѣ амфоры, наполненныя чешуею карповъ, именуемыхъ на Дону *сазанами*, величиною бѣльшаго размѣра, нежели теперь на этой рыбѣ имѣются, изъ коихъ чешуя у всѣхъ почти въ притѣльной ихъ окопечности имѣлись просверленные дырочки удобныя для пронятія значительной толщины пятакою или дротомъ и служившія, по мнѣнію дѣда его и отца, къ составленію изъ нихъ брони или латы, чему ими и произведенъ былъ опытъ, и нашивка оказалась непроницаемою и теперешнему холодному оружію». Амфоры и другіе сосуды изъ жженой глины продолжали открывать и при самомъ г. Мартыновѣ. Одинъ изъ нихъ, особенно достопримѣчательный, переданъ имъ въ новочеркасскій садъ, гдѣ онъ нынѣ сохраняется въ оранжереѣ. Онъ интересенъ по величинѣ; въ вышину имѣетъ 2 аршина 7 вершковъ, въ горлѣ діаметръ его $11\frac{1}{2}$ вершковъ, въ самой широкой части тулова діаметръ 1 аршинъ 9 вершковъ. Ручекъ у этого сосуда нѣтъ; форма его не безобразная, но не даетъ права признать его за греческое произведеніе, тѣмъ болѣе что такіе сосуды употребляются до сихъ поръ на Кавказѣ для храненія жидкостей. Другой сосудъ, также переданный г. Мартыновымъ въ новочеркасскій бульварный садъ, есть обыкновенная амфора, какихъ множество найдено нами; въ вышину она имѣетъ 9 вершковъ; діаметръ въ мѣствѣ наибольшаго расширенія тулова 4 вершка.

3. «Одна золотая монета величиною въ полтинникъ и толщиною въ рубль, на которой мулла донской Татарской-станицы прочелъ на одной сторонѣ *великій ханъ*, а на другой: *престолъ города Азакъ*». Гдѣ эта монета теперь находится, г. Мартыновъ не знаетъ; но помнитъ, что видѣлъ ее во время своей молодости. Основываясь на ней, онъ полагаетъ, что Азакъ лежалъ въ Недвиговкѣ; но находка одной монеты недостаточна для доказательства этого.

4. Серебряный крестъ съ изображеніемъ креста на передней сторонѣ и надписью спереди и сзади молитвы: Да воскреснетъ Богъ и проч. Онъ былъ найденъ въ іюнѣ 1847 года въ маломъ углубленіи земли вмѣстѣ съ скелетомъ; слѣдовъ гроба не было.

Мы пересказали результаты поисковъ на недвиговомъ городищѣ, произведенныхъ нами и прежнихъ. Обратимся теперь къ ближайшимъ окрестностямъ его.

Мѣста, непосредственно прилегающія къ городищу съ запада, съ севера и востока, представляютъ поясъ, на которомъ нѣтъ кургановъ, а замѣчаются большія и малыя возвышенія и углубленія, какъ бы отъ строеній. Въ западной части этого пояса, близъ спуска къ рѣкѣ, были найдены, нѣсколько мѣтъ тому назадъ, куски камня съ надписью⁴; мы начинали копать на этомъ мѣстѣ, но, не находя ничего, оставили работу. Возвышеніе, которое, какъ уже упомянуто выше (стр. 409), было раскопано въ 1824-мъ году по распоряженію начальства, лежитъ также въ предѣлахъ помянутого пояса, прямо на западъ отъ городища. Мы не могли найти свѣдѣній о результатахъ раскопки; но память о ней осталась въ мѣстномъ названіи — *раскопанная яма*. По всему вѣроятію это не былъ курганъ, т. е. не могила.

Безкурганый поясъ имѣетъ въ ширину до ста саженей. Вдоль по его внѣшней сторонѣ можно примѣтить почти непрерывные слѣды вала, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранившаго довольно значительную высоту. Валъ этотъ идетъ вокругъ городища съ трехъ сторонъ и имѣетъ фигуру ломанной линіи, приближающейся къ дугѣ круга. Это была внѣшняя ограда. Повидимому она не долго находилась въ употребленіи. Надписи и раскопки показываютъ, что въ III вѣкѣ по Р. Х. главные средства защиты, башни и стѣны, были устроены на внутренней оградѣ; съ этимъ согласно и состояніе почвы, ибо только четверугольникъ, обнесенный этою внутреннею оградой, загроможденъ мусоромъ и битымъ камнемъ, а на пространство между внутренней и внѣшнею оградами камень попадаетъ изрѣдка, и вообще сравнительно мало слѣдовъ строеній; наконецъ поверхность этого пространства гораздо ниже поверхности городища.

Сосредоточивши наше вниманіе на городищѣ, въ пользу котораго было гораздо болѣе показаній, мы мало могли заняться безкурганымъ пространствомъ, опоясывающимъ его. Поиски наши ограничились проведеніемъ немногихъ пробныхъ канавъ черезъ возвышенныя мѣ-

⁴ Показаніе купца Патачка, управляющаго имѣніемъ г. Мартынова.

ста. По одному изъ такихъ возвышеній пролегла дорога изъ слободы Недвиговки въ слободу Снявку; провзжающіе замѣчали въ этомъ мѣстѣ гулъ какъ бы отъ пустоты, что собственно и обратило наше вниманіе на это возвышеніе. Оказалось, что оно состояло изъ золы; въ немъ нашлось также нѣсколько череповъ, рассыпавшихся подъ заступомъ. Въ другихъ канавахъ была насыпная песчано-глинистая земля, перемѣшанная съ черепками, но безъ всякаго слѣда зданій. Мы сочли согласнымъ съ нашими инструкціями оставить это пространство на первый разъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

О южной сторонѣ городища, мысъ, къ нему примыкающемъ, и курганъ, находящемся на этомъ мысѣ, было уже сказано выше (стр. 410). Этотъ курганъ стоитъ совершенно отдѣльно и имѣетъ въ поперечникъ, при основаніи, до 30 саженой. На вершинѣ его есть нѣсколько строеній, принадлежащихъ крестьянину г. Мартынова Рыбалченкову; послѣдній нѣсколько лѣтъ тому назадъ копалъ тамъ землю для погребца; мы получили отъ него одну бронзовую брошь, вырытую въ курганѣ (она препровождена въ С.-Петербургъ), и свидѣніе, что курганъ состоитъ изъ золы, перемѣшанной съ черепками; не такъ давно въ немъ были расщелины, которыя шли вглубь въ его внутренность; одинъ разъ собака пропадала тамъ нѣсколько дней и вышла совершенно одуренная; но теперь эти расщелины засыпались. Мы начали раскапывать этотъ курганъ большимъ разрывомъ, котораго дно было аршина на два выше подошвы кургана; разрывъ былъ направленъ къ центру кургана съ ю.-з. стороны. Эти работы подтвердили показанія Рыбалченкова; на всемъ протяженіи разрыва мы находили только золу и черепки, послѣдніе по большей части слюми. Клейменныхъ ручекъ отъ амфоръ не попадалось; между черепками были отрыты двѣ поврежденныя глиняныя лампы и горлышко сосуда изъ разряда употреблявшихся для разливки вина изъ кратеровъ въ чаши (*οἶνοχοαί*). Работы продолжались отъ 21-го іюля до 12-го августа и были остановлены по причинѣ сильнаго западнаго вѣтра, заносившаго разрывъ золою, которую выбрасывали наши землекопы. Такъ какъ находки были незначительныя, то работы не были возобновлены послѣ этого пресѣченія ихъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что попадавшіеся въ этомъ курганѣ черепки носили повидному другой и какъ будто болѣе древній характеръ, нежели встрѣчавшіеся въ разрывахъ на городищѣ. Можетъ быть, этотъ загадочный курганъ состоитъ изъ пепла, свезеннаго во время упоминаемаго надписями возобновленія города, и въ такомъ случаѣ была бы надежда найти въ немъ интересные осколки въ родѣ тѣхъ, которые недавно посчастливилось открыть г. Баркеру и послѣ

него г. Ланглау въ совершенно подобномъ холмѣ золы близъ древняго Тарса въ Киликіи. Во всякомъ случаѣ этотъ курганъ золы и черепковъ, недвиговскій Monte Testaccio, заслуживаетъ, чтобы его подвергли когда нибудь дальнѣйшему изслѣдованію.

Согласно инструкціи, мы должны были главнѣйшимъ образомъ обратить вниманіе на курганы, лежащіе на земляхъ Недвиговки. Имъ были посвящены первые дни нашего пребыванія въ Недвиговкѣ и первыя работы. О курганѣ, съ котораго мы начали, говорено выше (стр. 410), равнымъ образомъ уже упомянуто, что почти на всѣхъ курганахъ были замѣчены впадины (стр. 409). Представлялся вопросъ, произошли ли эти впадины отъ раскопки кургановъ, или онѣ образовались вслѣдствіе того, что перекрышка склеповъ обрушилась. Раскопка перваго кургана говорила въ пользу перваго предположенія. Она была неободрительна: если бы это предположеніе подтвердилось и на другихъ курганахъ, то не было надежды найти нетронутыми гробницы находящіяся въ центрѣ кургановъ, т. е. главныя, а въ главныхъ гробницахъ преимущественно должны были скрываться цѣнныя вещи. Но въ такомъ случаѣ можно было бы ожидать археологической добычи отъ боковыхъ гробницъ, предполагая, что онѣ будутъ отыскиваться. Такимъ образомъ являлся второй вопросъ, отъ рѣшенія котораго также зависѣла надежда на успѣхъ нашихъ поисковъ въ курганахъ: богаты ли недвиговскіе курганы боковыми гробницами? Вслѣдъ за окончаніемъ работъ на первомъ курганѣ, который, какъ сказано, снесенъ до основанія, мы выбрали два кургана для изслѣдованія ихъ склоновъ и исканія боковыхъ гробницъ. Эти курганы лежали рядомъ на востокъ отъ городища и имѣли незначительную вышину; они принадлежали къ группѣ кургановъ, обращающей на себя вниманіе особенностью своего расположенія. Еще въ бытность нашу въ Черкасскѣ, г. полковникъ Мартыновъ говорилъ намъ о замѣчательной мѣстности на востокъ отъ городища, гдѣ есть два параллельные ряда кургановъ, которые оставляютъ между собою какъ бы улицу, прямо ведущую къ городу съ востока и параллельную рѣкѣ. При осмотрѣ этой мѣстности воображеніе уже рисовало намъ, что это нѣчто въ родѣ помпейской *улицы гробницъ*, и надобно сказать, многое говорило въ этомъ случаѣ за воображеніе: ибо что другое можно было видѣть въ этой прямой улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой находились одинъ подлѣ другаго курганы? Правда, что на всѣхъ курганахъ, ограничивающихъ эту улицу, были впадины, но можно было надѣяться, что именно здѣсь, на этой предполагаемой улицѣ гробницъ, должны оказаться въ множествѣ боковыя гробницы. Все возбуждало любопытство въ пользу этого мѣста.

Здѣсь-то были начаты работы по окончаніи раскопки кургана о двухъ вершинахъ. Выбранные нами три кургана были ближайшіе къ городу и лежали на правой сторонѣ улицы, если идти изъ города; было назначено провести канавы по тремъ склонамъ каждаго изъ этихъ кургановъ, именно по склонамъ западному, восточному и сѣверному, изъ которыхъ послѣдній былъ обращенъ къ предполагавшейся улицѣ гробницъ. Работа была окончена въ началѣ августа, и — боковыхъ гробницъ не оказалось. Такимъ образомъ и второй вопросъ разрѣшился этимъ первымъ опытомъ неблагоприятно для нашихъ надеждъ.

Послѣ этихъ опытовъ, которые имѣли для насъ значеніе легкой рекогносцировки предстоявшаго намъ поля разысканій, и были равно неблагоприятны для рѣшенія обоихъ вопросовъ, съ которыми мы ихъ предприняли, естественно было, при началѣ серьезныхъ работъ на курганахъ, возвратиться къ тому, съ чего мы начали, т. е. искать, не смотря на впадины, центральныхъ гробницъ, возлагая надежду на обрушившіеся потолки или своды въ склепахъ. Между тѣмъ надобно было удвоить осмотрительность, — принять возможные мѣры противъ этихъ очарованныхъ холмовъ, которые казалось хотѣли обмануть ожиданія. Ни я, ни г. архитекторъ Авдѣевъ не присутствовали до того при раскопкахъ кургановъ; по этому, сначала я, и потомъ онъ, мы воспользовались позволеніемъ, предварительно испрошеннымъ у Господина Министра Удѣловъ, — посѣтить Крымъ. Моя поездка принесла еще и ту пользу, что я привезъ съ собою изъ Керчи надсмотрщика, опытнаго въ искусствѣ копать курганы¹.

Осмотрѣвъ керченскіе, еодосійскіе и таманскіе курганы, я могу сравнить съ ними курганы, лежащіе около устій Дона. Они не имѣютъ сходства ни съ керченскими, ни съ еодосійскими: расположены не по склонамъ горъ, далеко не такъ часты и имѣютъ форму не столь остроконечно-коническую, но и въ томъ и въ другомъ отношеніи они довольно близко подходятъ къ курганамъ Таманскаго-полуострова, съ которыми имѣютъ еще то общаго, что, какъ подтвердили дальнѣйшія наши раскопки, они не богаты боковыми гробницами, и заключаютъ въ себѣ за весьма малыми исключеніями, однѣ только земляныя гробницы. Вообще можно ска-

¹ Извѣстенъ, даже въ ученой литературѣ, урядникъ Дмитрій, который въ Керчи пользуется славой чародѣя по части отысканія гробницъ. Онъ былъ нуженъ для работъ, производившихся съ большою дѣятельностью въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ-полуостровѣ. Мнѣ рекомендовали керчь-енкольскаго мѣщанина Сурикова, которымъ я остался совершенно доволенъ. Малоросы и Казаки, работавшіе у насъ, получили почтеніе къ «Русскому», какъ они его звали, великому мастеру захватывать обрѣзы и открывать гробницы.

зять, что довскіе курганы столько же обманчивы какъ тамаискіе. Последніе доставили до сихъ поръ очень мало хорошихъ вещей, хотя нельзя не надѣяться, что достохвальное постоянство, съ которымъ предположено ихъ изслѣдовать, вырветъ когда нибудь и изъ ихъ таинственнаго недра блестящую добычу. Но что касается до недвиговскихъ кургановъ, то едва ли можно питать даже и такого рода надежду. Мы не оставили неизслѣдованнымъ почти ни одного изъ кургановъ ближайшихъ къ городищу и чѣмъ нибудь обращавшихъ на себя вниманіе. Если не считать за курганъ того холма золы и черепковъ, который лежитъ на югъ отъ городища, то нами раскопано всего 24 кургана, изъ которыхъ 21 находились въ районѣ одной версты отъ городища, и 3 на разстояніи около двухъ верствъ; изъ того числа 2 кургана были огромной величины, 13 имѣли среднюю величину и 9 малую. При такомъ разнообразіи никакъ нельзя полагать, чтобы случай наводилъ насъ именно на плохіе курганы; напротивъ того все приводитъ къ заключенію, что по результатамъ нашихъ раскопокъ можно судить вообще о свойствахъ недвиговскихъ кургановъ.

Мы уже рассказали о раскопкѣ четырехъ кургановъ, бывшихъ предметомъ нашей предварительной рекогносцировки; поэтому теперь остается говорить о 20 курганахъ.

Въ десяти изъ этихъ послѣднихъ не было найдено никакихъ предметовъ, кромѣ черепковъ; въ нѣкоторыхъ даже не было костей; и что удивительно, къ числу этихъ десяти кургановъ, ничего не доставившихъ, принадлежатъ и упомянутые выше два кургана безъ впадинъ (одинъ лежащій близъ слободы Синявки, другой близъ большаго Чулецкаго кургана, означеннаго въ нашей вѣдомости подъ № 21-мъ); очевидно, впадины на этихъ курганахъ сгладились отъ времени и въ особенности отъ того, что поверхность кургановъ пахалась. Въ пяти изъ этихъ десяти кургановъ гробницы были земляныя, а въ пяти обложены нетесанымъ камнемъ.

Остальные десять кургановъ заключали въ себя также расхищенные гробницы, но такъ какъ они все таки представляютъ болѣе интереса, то мы скажемъ о раскопкѣ cadaго изъ нихъ въ отдѣльности, означая ихъ порядковыми нумерами, какіе они имѣютъ въ вѣдомости, представленной нами въ Министерство Удѣловъ.

Курганъ 5-й, средней величины, со впадиною. Копали продольнымъ разрывомъ съ двухъ сторонъ по материкъ; съ сѣверной стороны къ разрыву сдѣлана пріемка. Гробница, высѣченная въ материкъ и обложенная тесанымъ камнемъ, 5 аршинъ въ длину, 3 въ ширину и 2 въ

глубину, и перекрывая дубовыми перекладинами, от которых сохранились остатки, заключала въ себя только нецѣпные черепки и кости безъ порядка. Это лучшая по устройству изъ найденныхъ нами гробницъ. Тѣмъ не менѣе ее слѣдуетъ, по видимому, отнести къ времени довольно позднему. Къ тому ведетъ отсутствіе черепковъ расписныхъ сосудовъ (такъ называемыхъ *этрусскихъ вазъ*) и еще болѣе характеръ черепковъ, которые были въ ней найдены, далекій отъ легкости и изящества посуды хорошихъ временъ Греціи. Въ доказательство этого мы сохранили лучшей изъ фрагментовъ, — фрагментъ блюда съ черною поливкою; онъ препровожденъ въ С.-Петербургъ и значится подъ № 158-мъ по описи вещей, представленныхъ нами.

Курганъ 7-й, средней величины со впадиной. Копали продольнымъ разрезомъ черезъ центръ по матеріку; съ сѣверной стороны сдѣлана приямка. Въ последней отрыта земляная гробница, расхищенная, безъ костей; но въ верхнихъ слояхъ насыпной земли найденъ бронзовый перстень съ рѣзнымъ камнемъ (№ 69 по описи), а на днѣ гробницы простая амфора, замѣчательная тѣмъ, что на обѣихъ ея ручкахъ были клейма съ изображеніемъ родоскаго цвѣтка (№ 183 по описи)¹. Въ главномъ разрезѣ также отрыта земляная гробница, наполненная камнями и черепками, безъ костей; въ верхнихъ слояхъ земли, покрывавшей ее, попался фрагментъ большой бѣлой пасты съ изображеніемъ вакханки, довольно хорошимъ (№ 70 по описи).

Курганъ 8-й, средней величины, со впадиною. Копали продольнымъ разрезомъ и нашли подъ впадиною гробницу, выстѣпную въ каменномъ матерікѣ и обложенную цетесанымъ камнемъ. Въ ней оказались куски истлѣвшаго дерева и кости безъ порядка. Около гробницы въ верхнихъ слояхъ насыпи найдены: золотая неизящнаго стиля украшенія, употреблявшіяся для нашивки на платье, числомъ 5 (№ 65 по описи), миниатюрная бронзовая чашечка, бронзовая ячейка и бронзовая цвпочка, послѣднія три вещи вмѣстѣ (по описи № 24, 25, 26).

Курганъ 12-й, малый, со впадиною. Раскопанъ ямой по серединѣ кургана. Въ середовой земляной гробницѣ не найдено ничего. Съ боку насыпи оказалась позднѣйшая могила и въ ней три мѣдныхъ кольца, пряжка и костяная трубочка; всѣ три предмета по видимому татарскаго времени.

¹ Эта замѣчательная амфора не позволяетъ намъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ г. Беккера, высказаннымъ недавно въ его весьма важной и обширной новыи данными статьѣ о клеймахъ амфоръ, помѣщенной въ бюллетенѣ Академіи Наукъ.

Курганъ 13-й, средней величины, со впадиною. Раскопавъ ямой въ серединѣ кургана. Земляная гробница оказалась расхищеною и не заключала въ себѣ ничего; въ насыпи найденъ бронзовый оконечникъ стрѣлы или копьца, судя по виду назначенный не для военного употребленія, а для женскаго туалета; известно, что женщины носили такіа копьца въ волосахъ (по описи № 71).

Курганъ 14-й, средней величины, со впадиной. Копали ямой въ серединѣ кургана. Гробница была земляная; въ ней не осталось ничего, ни даже костей. Въ верхнихъ слояхъ насыпи попались три золотыя пезизацныя розетки (№ 66 по описи), бронзовая пряжка (№ 68 по описи), фрагментъ бронзовой рамки съ греческимъ орнаментомъ изъ листьевъ (№ 27 по описи) и фрагментъ чаши изъ бѣлаго стекла (№ 133 по описи).

Курганъ 17-й, средней величины, со впадиною. Копали ямой въ серединѣ кургана. Въ слояхъ насыпи нашли двѣ золотыя нашивки (№ 67 по описи). Въ земляной гробницѣ не найдено ничего.

Курганъ 18-й, средней величины, со впадиною. Копали ямой въ серединѣ кургана. Въ насыпи найденъ камень изъ перстня безъ изображеній. Въ земляной гробницѣ не найдено ничего.

Курганъ 19-й, большой, со впадиною на вершинѣ и большими присыпями. Это ближайшій къ городищу изъ двухъ большихъ недвиговскихъ кургановъ, упомянутыхъ выше на стран. 409. Мы искали въ немъ боковыхъ гробницъ и съ этою цѣлю сдѣлали четыре разреза на присыпяхъ, но боковыхъ могилъ не оказалось.

Курганъ 21-й, самый большой изъ недвиговскихъ, съ огромною впадиной на вершинѣ и большими присыпями съ запада, юга и востока. По его близости къ ручью Донскому-Чулеку мы дали ему имя Чулецкаго. Надвѣясь найти въ немъ если не сохранившуюся въ цѣлости гробницу, то по крайней мѣрѣ склепъ, интересный въ архитектурномъ отношеніи¹, мы рѣшились копать этотъ курганъ, хотя онъ требовалъ большаго числа рабочихъ и много времени. Работы начаты съ 11 сентября и продолжались до 21 октября. Для сокращенія работъ выбрана присыпь восточная, которая менѣе другихъ; на ней начать разрезъ, направленный съ подошвы къ вершинѣ кургана по ма-

¹ Англійскій путешественникъ Кларкъ упоминаетъ, что въ его время былъ разрытъ одинъ курганъ близъ Таганрога насупротивъ Азова. Вещи найденныя были расхищены, но оцѣдлъ тщательно сложенный изъ камня склепъ со сводомъ (Clarke Travels etc. London 1813, T. 1, p. 338). Такой склепъ можно ожидать найти и въ Чулецкомъ курганѣ; очень можетъ быть, что Кларкъ о немъ именно и говоритъ.

терику. Ему была дапа у подошвы ширица въ 3 сажени; по мѣрѣ приближенія къ центру онъ по немногу былъ суживаемъ, такъ что достигнувъ центра, онъ имѣлъ бы только 2 сажени въ ширину. Въ длину онъ былъ проведенъ всего на 13 сажений, при чемъ 36 квадратныхъ сажений площади очищено до материка. Работа производилась на перевалѣ. Оказались горизонтальные слои земли, какъ бы узженной, между толстыми пластами гораздо болѣе рыхлой земли. Это произошло, безъ всякаго сомнѣнія, отъ особеннаго способа насыпки кургана; землю на него возили очевидно по дорогѣ улиткообразно выходящей отъ подошвы до вершины; довольно значительная ширина узженныхъ полосъ показываетъ, что для того употреблялись большія телеги, запряженные волами. Были также замѣтны слѣды идущей въ глубину прежней раскопки. Такъ какъ ширина разреза позволяла употреблять только отъ 8 до 12 человекъ рабочихъ, то во второй половинѣ октября было ясно, что нельзя надѣяться достигнуть склепа прежде наступленія морозовъ; боковыхъ же могилъ ожидать было нельзя, какъ показывала насыпка кургана. Поэтому работы оставлены, какъ сказано выше, 21 октября.

Въ этомъ заключаются всѣ результаты поисковъ на недвиговскихъ курганахъ.

Итакъ, въ продолженіе четырехъ-мѣсячныхъ раскопокъ на одной не тронутой гробницы и ни одного верешка, который бы указывалъ на времена до Р. X.; изъ 27 кургановъ только въ одномъ (№ 7-мъ) древняя боковая гробница; также только въ одномъ (№ 5-мъ) гробница, обложенная тесанымъ камнемъ, и ни въ одномъ курганѣ—склепа! Изъ такого итога раскопки недвиговскихъ кургановъ, сами собою выводятся два заключенія: *во-первыхъ* вообще остается мало надежды напасть въ недвиговскихъ курганахъ на гробницу, уцѣлѣвшую отъ расхитителей; *во-вторыхъ* всѣ гробницы, въ которыхъ что нибудь найдено, относятся къ позднѣйшей эпохѣ, когда расписанные сосуды уже не были въ употребленіи, и всѣ гробницы вообще, какъ видно изъ ихъ устройства, сравнительно бѣдны; по этому *въ третьихъ*, если бы и удалось въслѣдствіи найти нетронутую гробницу въ одномъ изъ недвиговскихъ кургановъ, нами не раскопанныхъ, то по всему вѣроятію она не будетъ въ состояніи выдержать сравненія съ хорошими керченскими и ессодсійскими гробницами.—Читатель видитъ, что эти заключенія какъ только можно неблагоприятны; оба вопроса, которые занимали насъ при началѣ работъ,—вопросъ о происхожденіи впадинъ на недвиговскихъ курганахъ и вопросъ о боковыхъ гробницахъ, —

разрѣшились невыгоднымъ для насъ образомъ, и кромѣ того недвиговскіе курганы отвѣчали стольже невыгоднымъ образомъ и на вопросъ о ихъ времени. Но съ другой стороны въ то же время, какъ получались эти обезнадѣживавшіе отвѣты, размышленіе о результатахъ нашихъ поисковъ возбуждало само собою новый вопросъ, который сильно раздражалъ любопытство и порождалъ новыя надежды. Можно даже сказать, что онъ заставлялъ тѣмъ болѣе надѣяться на успѣхъ дальнѣйшихъ поисковъ, чѣмъ неудачнѣе были предшествовавшіе. Это было простое соображеніе, что около такого города, какой мы имѣли передъ собою въ недвиговскомъ городищѣ, непременно должно находиться въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе гробницъ, чѣмъ сколько есть кургановъ. Мы раскопали около 25 гробницъ; но вокругъ насъ, говорили мы себѣ, должны быть десятки тысячъ гробницъ; будемъ же продолжать разысканія въ надеждѣ открыть настоящее кладвище древняго Танаиса, и оно съ избыткомъ вознаградитъ насъ за потерянныя труды на курганахъ; но для этого оставимъ курганы и поищемъ счастья на другихъ мѣстахъ. Съ этою цѣлю надобно бы начать проведеніе пробныхъ канавъ по всемъ направленіямъ около городища; но наше вниманіе предварительно остановили на себѣ низменныя продолговатыя насыпи, находящіяся съ двухъ сторонъ городища, съ восточной въ меньшемъ числѣ, съ западной въ большемъ. Онѣ не имѣютъ вида кургановъ; нѣкоторыя простираются въ длину на 30 сажень и болѣе, при ширинѣ около 10 сажень; по мѣстамъ и на нихъ были впадины отъ раскопокъ. Мы не могли приступить къ исканію могилъ по ровнымъ мѣстамъ, не изслѣдовавъ предварительно этого разряда возвышеній. Пробный разрѣзъ на одномъ изъ нихъ, находящемся съ восточной стороны отъ городища, былъ сдѣланъ въ половинѣ сентября; онъ показалъ, что эта возвышенность состоитъ изъ насыпной земли, и произошла не отъ разрушенныхъ зданій, и что слѣдовательно въ ней можно искать могилъ. Это подавало большія надежды, тѣмъ болѣе, что число подобныхъ насыпей весьма значительно. Вся западная часть пространства, окружающаго внѣшній валъ городища, испещрена ими, какъ бы въ замѣнъ кургановъ, которыхъ на ней почти нѣтъ; на восточной сторонѣ преобладаютъ курганы, но и она представляетъ довольно много насыпей. Вообще ихъ такъ много, что по своему числу и протяженію онѣ могли дать достаточное мѣсто для погребенія жителей всего города.

Время позволило изслѣдовать небольшую часть пространствъ, занятыхъ насыпями. Въ восточныхъ насыпяхъ раскопки были сдѣланы на площади 46 □ сажень, въ западныхъ на площади 77 □ сажень.

Въ первыхъ открыто *двадцать*, во вторыхъ *двадцать десять* гробницъ. Всѣ онѣ были земляныя; расхищенными оказалась 21 гробница; остальные двадцать были нетронуты. Это были первыя и единственныя нетронутыя гробницы, найденныя нами въ Недвиговкѣ. Изъ нихъ шесть заключали въ себѣ предметы, которые можно отнести къ татарскому времени. Въ остальныхъ 14 вырыты слѣдующія вещи: одна золотая и двѣ серебряныя пластинки, изъ которыхъ одна, серебряная, съ изображеніемъ львиной головы, три бронзовыхъ маленькихъ зеркальца, два круглой, одно четырехугольной формы, одна золотая и нѣсколько бронзовыхъ сережекъ, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ пражекъ, крючковъ и застежекъ, бронзовая булавка, два бронзовыхъ колечка, два фрагмента бронзоваго перстня съ изображеніемъ на одномъ пчелы, на другомъ насекомаго, желѣзное колечко, желѣзные наконечники стрѣлъ съ фрагментами принадлежащихъ къ нимъ древковъ, окрашенныхъ красною краскою, фрагменты двухъ желѣзныхъ складныхъ ножей; далѣе множество бусъ, монетъ и привѣсокъ разнаго ¹ цвѣта, стеклянныхъ, сердоликовыхъ и гагатovýchъ, и одинъ клочекъ одежды. Гробницы продолговатыхъ насыпей были углублены въ материкъ по большей части не болѣе одного аршина; многія изъ нихъ были перекрыты деревянными перекладинами, нѣкыя каменными плитами; въ нѣкоторыхъ были замѣтны остатки гробовъ. Покойники лежали по большей части головой къ востоку, т. е. лицомъ на западъ; но попадались лежащіе въ направленіи всѣхъ частей свѣта. Череповъ сохранено четыре, изъ которыхъ одинъ особенно замѣчательнъ: верхняя часть его вытянута въ видѣ шлема; носъ оринный; пространство между носомъ и верхними зубами болѣе обыкновеннаго. Этотъ черепъ очевидно относится къ немвогимъ найденнымъ доселѣ черепамъ Макрокефаловъ ².

Весьма замѣчательно и вмѣстѣ весьма огорчительно, что гробницы, углубленныя въ материкъ на 2, 3 и 3½ аршина и по большей части перекрытыя большими камнями, оказались всѣ до одной расхищенными. Очевидно, что въ нихъ были погребены люди болѣе достаточные, и что онѣ должны были заключать въ себѣ вещи болѣе цѣнныя, нежели гробницы, найденныя нетронутыми. И на нихъ-то именно были направлены повски предупредившихъ насъ расхитителей! Трудно объяснить себѣ это явленіе. Въ курганахъ всякій можетъ напасть на

¹ Бѣлаго, краснаго, чернаго, зеленаго, золотоцвѣтныхъ, разноцвѣтныхъ.

² Редакція „Вѣстника Естественныхъ Наукъ“ имѣетъ въ виду надать въ скоромъ времени рисунокъ этого черепа съ нашими замѣчаніями о загадочномъ племени Макрокефаловъ.

главную гробницу; либо естественно искать ее въ центрѣ кургана; но по какому указанію отыскивали богатыя гробницы тамъ, гдѣ нѣтъ коническихъ возвышеній надъ отдѣльными гробницами, и гдѣ все оиѣ, богатыя и бѣдныя, покрыты одною общею насыпью? Для этого необходимо было въ точности знать, гдѣ похороненъ богатый человекъ. Другой отвѣтъ кажется трудно найти, и потому трудно удержаться отъ предположенія, что расхищеніе могилъ началось въ этихъ мѣстахъ съ самой древности. При керченскихъ раскопкахъ, какъ сообщалъ мнѣ г. Бѣгичевъ, были также замѣчаемы обстоятельства, приводящія къ этому предположенію.

Сдѣлаемъ теперь общее заключеніе о разыскавіяхъ въ Недвиговкѣ.

Главную добычу, дѣшную городищемъ, составляетъ значительное количество надписей и нѣсколько бронзовыхъ вещей прекрасной работы. Недвиговскія надписи, какъ мы видѣли, создаютъ исторію города, которая досель была вовсе неизвѣстна и однакоже представляетъ многообразный интересъ. Знакомство съ судьбами Танаиса важно для русской науки по географическому положенію его въ вышней Русской землѣ; для всеобщей исторіи,—потому что Танаисъ принималъ участіе въ древней всемірной торговлѣ, и еще потому, что его памятники могутъ повести къ рѣшенію вопроса о національности соседственныхъ народовъ, этого знаменитаго вопроса о Меотахъ, Сарматахъ, Скифахъ, составляющаго истинную пытку историковъ. Такое свойство надписей, находящихся въ недвиговскомъ городищѣ, а также изящество бронзовыхъ вещей, которыми оно подарено намъ (правда въ небольшомъ числѣ), и всеобщая рѣдкость античной бронзы краснорѣчиво говорятъ въ пользу продолженія разысканій на мѣстѣ такихъ находокъ. Но способъ, которымъ мы разрывали городище, — проведеніе разрывовъ или траншей, — не можетъ быть выгоденъ при дальнѣйшихъ поискахъ. Мы изслѣдовали недвиговское городище во всѣхъ его частяхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Общее понятіе о его древнемъ видѣ, о состояніи развалинъ и свойствъ памятниковъ, скрывающихся между ними, отчасти даже главные черты его древней топографіи — уже извлечены изъ этихъ изслѣдованій. Но раскопка посредствомъ разрывовъ, по самому свойству своему, есть способъ болѣе пробный нежели окончательный. Намъ были даны средства произвести эти пробныя работы въ самомъ обширномъ размѣрѣ, и мы съ своей стороны заботились о томъ, чтобы придать имъ сколько возможно правильности. Мы старались не пропустить ни одного мѣста, въ пользу котораго были показанія. По этому можно сказать, что способъ пробнаго изслѣ-

дованія посредствомъ разрывовъ истощенъ нами. Теперь онъ не имѣлъ бы болѣе цѣли, и потому, когда вновь будутъ предприняты разысканія на недвиговскомъ городищѣ, то, сколько я понимаю дѣло, непременно надобно будетъ копать сплошь, какъ копаютъ въ Римѣ или въ Помпеяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что можно засыпать пройденныя мѣста.

Курганы недвиговскіе не заслужили хорошей репутаціи.

а) Всѣ раскопанныя курганы, со впадинами и безъ видимыхъ впадинъ, оказались расхищенными.

б) Ни въ одномъ не найдено гробницы богато устроенной, ни склепа, ни катакомбы.

в) Вещи, попадавшіяся въ нихъ, оброненныя или незамѣченныя прежними гробокопателями, не представляютъ изящества лучшихъ временъ греческаго искусства; между ними не было черепковъ такъ называемыхъ этрусскихъ вазъ, служащихъ вѣрнѣйшимъ критеріемъ древности гробницъ.

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ближайшихъ къ городищу кургановъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые употребляются нынѣ вмѣсто кладбища, раскопаны нами. По этому едва ли можно надѣяться, чтобы дальнѣйшая раскопка недвиговскихъ кургановъ привела къ какимъ нибудь результатамъ. Можно продолжать работу развѣ только на большомъ Чулецкомъ курганѣ (съ цѣлію открыть склепъ), и еще кромѣ того раскопать группу кургановъ, лежащую близъ большой дороги по направленію къ Чалтырской-станціи. Этой группы мы не касались; она замѣчательна между прочимъ тѣмъ, что между ея курганами есть кольцеобразный валъ, въ родѣ маленькаго городища.

Продолговатыя насыпи очевидно заключаютъ въ себѣ гробницы людей болѣе скромнаго состоянія, нежели тѣ, надъ которыми насыпались курганы. Онѣ относятся къ одному времени съ курганами и также не дали намъ ни одной вещи, которую было бы можно отнести къ эпохѣ, предшествовавшей нашей эрѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не заслуживали дальнѣйшаго изслѣдованія. Продолжая раскопку городища, было бы не худо удѣлять и имъ небольшую часть рабочихъ.

Но важнѣйшую задачу будущихъ разысканій должно составить открытіе гробницъ изъ эпохи, предшествовавшей разрушенію Танаиса боспорскимъ царемъ Полемономъ (около времени Р. Х.), т. е. изъ эпохи богатаго и процвѣтающаго Танаиса, когда онъ былъ по сло-

вамъ Страбона первымъ торжищемъ этихъ странъ послѣ Пантикапен. Къ этой цѣли, которой намъ не удалось достигнуть, можетъ вести лишь одно средство — проведеніе пробныхъ канавъ въ разныхъ направленіяхъ около городища. Это средство было увѣичано успѣхомъ несметное множество разъ; недалеко какъ въ прошломъ году съ его помощію графъ А. С. Уваровъ нашелъ близъ древняго Херсонеса въ окрестностяхъ Севастополя тѣ катакомбы, о которыхъ онъ говоритъ въ помѣщаемой ниже статьѣ. Въ Недвиговкѣ заслуживаетъ заслѣдованія пробными канавами не только возвышенность, на которой расположено городище, но и склонъ берега къ рѣкѣ: этотъ склонъ по своей каменистой почвѣ былъ очень удобенъ для устройства катакомбъ, хотя нельзя не замѣтить, что на немъ не видно ни малѣйшаго наружнаго слѣда подобныхъ сооружений.

Но по какой же причинѣ, можетъ спросить читатель, мы сами не употребили, какъ слѣдуетъ, этого средства, въ пользу котораго я считаю нужнымъ говорить такъ рѣшительно? Мы провели пробныя канавы действительно лишь по двумъ или тремъ возвышеніямъ, примыкающимъ къ городищу, а это почти значитъ, что мы вовсе не пользовались этимъ средствомъ. — Вотъ объясненіе тому, какъ это случилось.

Само собою разумется, что желаніе найти остатки допелемоновскаго Танаиса не могло не занимать меня, и не занимать сильно. Ни на недвиговскомъ городищѣ, ни въ гробницахъ, раскопанныхъ около него, не было открыто ни одной вещицы, которую по необходимости было бы должно отнести къ эпохѣ допелемоновской. Въ гробницахъ, находящихся въ курганахъ и насыпяхъ, еще можно обляпять себя отсутствіе вещей такого рода тѣмъ, что не всѣ гробницы раскопаны. Но на городищѣ были проведены канавы во всѣхъ направленіяхъ, и онѣ доходили до материка; тамъ стало-быть вскрыты всѣ наносныя слои отъ позднѣйшаго до древнѣйшаго, и поэтому непременно должны были оказаться остатки допелемоновскаго города, если онъ занималъ мѣсто городища. Почему ни одной надписи изъ числа восьми, ни одной монеты изъ числа шестидесяти не попалось намъ съ указаніемъ на время, предшествовавшее Полемоу? Почему между такимъ множествомъ осколковъ амфоръ и другихъ сосудовъ, глиняныхъ и стеклянныхъ, не было ни одного верещка расписной вазы изъ разряда такъ называемыхъ этрусскихъ? Эти соображенія естественно наводили на вопросъ, ужь здѣсь ли, на недвиговскомъ городищѣ, несомнѣнномъ мѣстѣ Танаиса III-го вѣка по Р. Х., лежалъ тотъ Танаисъ, который былъ разрушенъ Полемономъ, и отъ котораго не было находимо ни од-

ного малѣйшаго слѣда въ окрестностяхъ Недвиговки? Въ самомъ дѣлѣ убѣжденіе, что древній Танаисъ лежалъ на мѣстѣ недвиговскаго городища, основывается единственно на тамошнихъ находкахъ. Но, какъ видимъ, находки убѣждаютъ лишь въ томъ, что здѣсь лежалъ Танаисъ, возобновленный послѣ полемоновскаго разрушенія; отнюсительно же дополемоновскаго Танаиса скорѣе наводять на мысль, что его слѣдуетъ предполагать въ другомъ мѣстѣ. На основаніи находокъ нѣтъ никакого основанія искать того древнѣйшаго Танаиса на недвиговскомъ городищѣ, и даже скорѣе есть основаніе не искать его тамъ.

До ра пространенія въ учебномъ мѣрѣ свѣдѣній, сообщенныхъ Степановскимъ о недвиговскомъ городищѣ, и въ особенности до изданія тѣхъ четырехъ недвиговскихъ надписей, которыя были найдены прежде нашихъ разысканій, общее мнѣніе было, что Танаисъ лежалъ на дельтѣ Дона близъ лѣваго рукава. Это мнѣніе опиралось на свидѣтельство Птолемея; оно было оставлено лишь на основаніи предположенія, что его опровергаютъ недвиговскія находки. Но теперь, когда въ Недвиговкѣ произведены болѣе обширныя разысканія, становится необходимымъ возвратиться опять къ древнимъ писателямъ. Надобно только поставить нѣсколько иначе вопросъ о мѣстности Танаиса, т. е. раздвоить его, отдѣливъ отъ вопроса о мѣстности возобновленнаго Танаиса, вопросъ о мѣстности Танаиса разрушеннаго Полемономъ. На первый отвѣчало недвиговское городище въ свою пользу и отвѣчало непрерываемо. На второй пусть попробуютъ отвѣчать древніе писатели, именно Страбонъ и Птолемей, тѣ два географа, которые одни служатъ здѣсь свидѣтелями.

Вотъ мѣста, въ которыхъ Страбонъ говоритъ о мѣстоположеніи древняго Танаиса:

VII, 5: «Рѣка Танаисъ впадаетъ въ Меотійское-озеро двумя рукавами, которыхъ устья отстоятъ одно отъ другаго около 60 стадій (т. е. $10\frac{1}{2}$ верстѣ); есть тамъ и городъ одноименный съ рѣкою, самое важное послѣ Паптикапей мѣсто торговли съ варварами.»

XI, 2, 3: «При рѣкѣ (т. е. Донѣ) и Меотійскомъ-озерѣ лежитъ одноименный городъ Танаисъ, основанный Греками, владѣющими Боспоромъ....»

«Въ разстояніи 100 стадій (т. е. $17\frac{1}{2}$ верстѣ), отъ этого торжища по направленію къ морю есть островъ Алопекія, обитаемый разнымъ сбродомъ людей; есть и другіе островки около устья.»

Изъ этихъ словъ Страбона мы узнаемъ , что городъ Танаисъ лежалъ при самомъ впаденіи одного изъ рукавовъ рѣки Танаиса въ море.

Рукавовъ этихъ было два , говоритъ Страбонъ. Очевидно онъ имѣлъ въ виду Мертвый-Донецъ и собственный Донъ , т. е. два крайніе рукава, ограничивающіе дельту. Следовательно, чтобы сдѣлать выводъ изъ Страбоновыхъ словъ , надобно опредѣлить , на сколько впаденіе этихъ двухъ рукавовъ въ море подвинулось впередъ въ продолженіе 18 столѣтій , отдѣляющихъ насъ отъ времени Страбона¹. Сличая его показанія съ теперешнимъ состояніемъ земли , мы находимъ средство приблизительно найти мѣру увеличенія дельты Дона. Теперь разстояніе между двумя крайними устьями никакъ не менѣе 18-ти верстъ , тогда какъ при Страбонѣ оно равнялось 10½ верстамъ. Поэтому , чтобы пайти на теперешней сушѣ дельты линію морскаго берега времени Страбона , надобно прѣискать такое мѣсто дельты , въ которомъ правый рукавъ отстоятъ отъ лѣваго на 60 стадій , т. е. на 10½ верстъ. При этомъ надобно еще имѣть въ виду , не перемѣнили ли эти два рукава свое русло; ибо если перемѣнили , то это сдѣлаетъ вопросъ сложнымъ и чрезвычайно затруднитъ его. Физическое образованіе страны , по счастью , успокоиваетъ изслѣдователя въ этомъ отношеніи , ибо именно въ томъ мѣстѣ , гдѣ разстояніе между Мертвымъ-Донцемъ (правымъ рукавомъ) и собственнымъ Дономъ (лѣвымъ рукавомъ) равняется по прямой линіи приблизительно 10½ верстамъ , оба берега , и правый и лѣвый , значительно высоки , вслѣдствіе чего дѣлается невозможнымъ измѣненіе русла. По этому можно съ достовѣрностью заключать , что во время Страбона это разстояніе было въ томъ же самомъ мѣстѣ , въ какомъ оно есть и теперь , а именно между мѣстомъ , гдѣ лежитъ педвиговское городище (на правомъ берегу Мертваго-Донца) , и мѣстомъ пывшяго города Азова (на лѣвомъ берегу лѣваго рукава) . На этомъ основаніи можно искать Танаисъ , упоминаемый Страбономъ , или въ педвиговскомъ городищѣ , или по лѣвому берегу въ окрестностяхъ города Азова , или наконецъ на самой дельтѣ и притомъ опять или противъ педвиговскаго городища , или противъ города Азова. Осмотръ мѣстности показываетъ , что изъ числа этихъ четырехъ возможныхъ пунктовъ два должны быть исключены. Въ окрестностяхъ города Азова нѣтъ слѣдовъ древняго поселе-

¹ Какъ быстро подвигается впередъ образованіе дельты видно изъ показанія г. Мартынова (въ его запискахъ) , что со времени населенія его слободы Педвиговки въ 1796 г. морской берегъ отдался на 6 верстъ.

нія, какъ уже замѣтилъ Кларкъ (см. выше стр. 388)¹. Малочисленность кургановъ приводитъ также къ заключенію, что древній Танаисъ не лежалъ здѣсь. Еще очевиднѣе необходимость устранить изъ числа помянутыхъ четырехъ пунктовъ мѣсто, лежащее на лѣвомъ берегу праваго рукава (Мертваго Донца) пасупротивъ недвиговскаго городища; тутъ никогда не могло быть значительнаго поселенія, потому что весь этотъ берегъ представляетъ почву болотистую, поросшую камышами. На всемъ его протяженіи въ одномъ только мѣстѣ видны слѣды малаго укрѣпленія, именно близъ впаденія въ Мертвый Донецъ небольшого ерика, называемаго Лютикъ; но укрѣпленіе это носить на себѣ очевидные признаки позднѣйшаго происхожденія, а имя ерика свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ въ немъ остатки турецкой крѣпостцы Лютикъ (см. выше стр. 490). Оно лежитъ на углу, образуемомъ лѣвыми берегами Лютика и Мертваго Донца, и обращено съвѣрною своею стороною къ Мертвому Донцу, восточною къ Лютику, южною и западною къ камышамъ дельты. Южная и восточная сторона его почти совершенно прямы; первая имѣетъ въ длину 18 сажень, вторая 20. Сѣверная сторона загибается внутрь къ западу, сообразно съ теченіемъ Донца, и имѣетъ въ длину 20 сажень; наконецъ въ западной сторонѣ 17 сажень. Вокругъ этого городка идутъ стѣны, которыя было бы очень легко открыть, если бы это представляло интересъ. Рва вокругъ нѣтъ. Вся возвышенность поднимается надъ уровнемъ окрестности приблизительно на одну сажень. Внутри городка видны слѣды стѣнъ, кладеныхъ на извести. Черепковъ мало, и они очевидно не греческіе². Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это развалина турецкой крѣпостцы, упоминаемой подъ самымъ этимъ именемъ при исторіи взятія Азова въ 1696-мъ году.

Такимъ образомъ остаются два пункта, гдѣ можно искать Страбона Танаиса: одинъ на правомъ берегу Мертваго Донца на мѣстѣ недвиговскаго городища, другой на правомъ берегу лѣваго рукава пасупротивъ города Азова, въ окрестностяхъ теперешней Елисаветовской-станицы.

¹ Утверждаютъ, что тамъ были находимы монеты, но о тѣхъ монетахъ, римскихъ и венеціанскихъ, которыя мнѣ были показаны въ Новочеркасскѣ г. полковникомъ Поповымъ, какъ найденныя въ Азовѣ, я могу съ достовѣрностью утверждать, что онѣ не тамъ были найдены, ибо г. есаулъ Греко с р і а н о в ъ въ Азовѣ, доставившій ихъ г. Попову, сообщилъ мнѣ, что онѣ были приобретены въ Европейской Турціи. Другихъ памятниковъ древности, найденныхъ въ городѣ Азовѣ, мнѣ не случилось видѣть.

² Среднику городка на Лютикѣ занимаетъ теперь пчельникъ, принадлежащій купцу Б о д м р е в у.

Кромѣ Страбона мы находимъ извѣстіе о мѣстѣ Танаиса еще у Птолемея, писателя, жившаго въ половинѣ II вѣка по Р. Х. Онъ опредѣляетъ мѣсто древняго города градусами. Рѣка Танаисъ течетъ по его мнѣнію съ сѣвера на югъ, и впадаетъ въ Азовское-море двумя устьями, изъ которыхъ одно называется у него восточнымъ, другое западнымъ. Первое полагаетъ онъ подъ 67° долготы и $54^{\circ} 30'$ широты; второе подъ $66^{\circ} 20'$ долготы и $54^{\circ} 10'$ широты. Городъ Танаисъ лежалъ по его словамъ между этими двумя устьями, следовательно на дельтѣ, и притомъ подъ теми же самыми градусами и минутами, какъ восточное устье. Переводя эти показанія на наши теперешнія болѣе правильныя карты, мы по необходимости должны признать западное устье Птолемея за теперешнее сѣверное, а восточное устье его за теперешнее южное¹ и вслѣдствіе того получимъ для Птолемея Танаиса мѣсто теперешней Елисаветовской-станции (на нашемъ планѣ 9), лежащей во первыхъ на дельтѣ, и во вторыхъ при южномъ (т. е. по Птолемею восточномъ) рукавѣ. Это выводъ, не подлежащій сомнѣнію.

Такимъ образомъ изъ двухъ пунктовъ, въ пользу которыхъ говорятъ показанія Страбона, одинъ пунктъ имѣетъ за себя свидѣтельство Птолемея. Этотъ писатель жилъ правда послѣ разрушенія Танаиса Птолемомъ, но его извѣстія могутъ быть заимствованы изъ другаго болѣе древняго писателя, говорившаго о доптолемоновскомъ Танаисѣ. Птолемеявы показанія никомъ образомъ нельзя привести въ согласіе съ мѣстностью возстановленнаго Танаиса, нинѣ достоверно извѣстною намъ. По этому необходимо предположить, или что они совершенно ошибочны, или что они относятся къ древнему доптолемоновскому Танаису.—Пока послѣднее остается возможнымъ, мы не имѣемъ права предполагать первое.

Таковы были соображенія, побуждавшія къ изслѣдованію донской дельты и преимущественно окрестностей Елисаветовской - станции (Щучье тожъ), къ изслѣдованію, которое и было причиною того, что у насъ не осталось времени для проведенія въ болѣебольшемъ числѣ пробныхъ канавъ въ окрестностяхъ недвиговскаго городища:

На всемъ пространствѣ донской дельты только три пункта представляли старинныя слѣды человѣческой жизни и дѣятельности. Объ одномъ изъ нихъ, турецкой крѣпостцѣ Лютикѣ, мы сей часъ говорили. Другіе два—курганъ на Лагутникѣ и окрестности Елисаветовской-ста-

¹ Объясненіе г. Брука (въ Зап. Од. Общ. I. I.) мы считаемъ ватапутымъ и никакъ не можемъ съ нимъ согласиться въ этомъ случаѣ.

пицы. Г. Мартыновъ, старожилъ края и знатокъ мѣстности, указывалъ еще одинъ пунктъ, именно Калиновъ островъ. Въ его запискахъ такъ говорится объ этомъ островѣ: «На одномъ рукавѣ Дона или гирлѣ, именуемомъ Лагутникъ, существовалъ большой островъ; въ памятныя даже времена прѣстарѣлыхъ окрестныхъ жителей на немъ были видны остатки каменныхъ строеній; они, какъ преданіе существовало, были при цѣлости своей разобраны на постройку Азова. Этотъ островъ теперь до ничтожества умалился и заключаетъ въ себѣ не болѣе двухъ десятинъ пространства; древняя его величина отъ донскаго стремленія по Лагутнику съ восточной стороны совершенно уничтожилась и дала мѣсто руслу Лагутника, а южная. присыпалась пескомъ, дала островку новую мѣстность, покрытую кустами калины, отчего онъ и именуется Калиновымъ.» Судя по этому описанію, Калиновъ островъ долженъ находиться при устьѣ Лагутника, которое соединяется съ Терновымъ и, какъ видно на планѣ, есть третье гирло, считая съ сѣвера. Но на этомъ гирлѣ, по свидѣтельству жителей нѣтъ ничего кромѣ камышей. Четвертое на правѣ гирло называется Подгорная Кутерма, пятое Кутеремка Бѣлокаменная. Последнее имя можетъ быть указывать на тѣ развалины, о которыхъ говорить г. Мартыновъ. Его следовало бы изслѣдовать, но занятія наши не дозволили намъ того. Шестое и седьмое гирла на нашемъ планѣ суть гирла Новой и Старой Кутермы; осьмое Старая Егурча; малый каналъ на югъ отъ него—Егуречка. Далѣе по порядку—Мокрая Каланча, сухая Каланча, гирло Меринное, Малячье, Лебяжье, Бирючье, (между ними малый каналъ, на планѣ неозначенный, г. Песчаное), Кривое и наконецъ Кагальническое, самое последнее на югъ, при казенномъ селеніи Кагальникъ. Чрезвычайно трудно найти и опознаться въ этомъ лабиринтѣ; кромѣ того посвященіе этихъ мѣстъ представляетъ большія затрудненія по причинѣ ветровъ. Чтобы подробно осмотрѣть все гирла, надобно было употребить не менѣе десяти дней, запастись не только провіантомъ, но и конвоемъ. Для насъ было невозможно оставить раскопки на такое долгое время безъ присмотра. Мы были принуждены ограничиться распросами, но въ этихъ распросахъ не имѣли успѣха, несмотря на содѣйствіе начальника рыбныхъ ловлей на устьяхъ Дона, полковника А. С. Д о н е ц к а г о. Большинство показаній назначало Калинову острову мѣсто не при гирлѣ Лагутника, какъ говоритъ г. Мартыновъ, а между старою Егурчею и Мокрою Каланчею, но все утверждали, что въ настоящее время на этомъ островѣ, нѣтъ никакихъ камней, и никто не могъ припомнить, чтобы отсюда брались когда нибудь камни для азовскихъ построекъ. Такимъ образомъ Калиновъ островъ г. Марты-

пова укрылся отъ нашихъ разысканій. Соображаясь съ Страбономъ, можно только высказать предположеніе, что онъ можетъ соответствовать древнему острову Алопекіи, «обиталищу разнаго сброда людей».

Для объясненія плана дельты скажемъ еще, что Лагутникъ не есть рукавъ Дона, а протокъ, получающій свою воду изъ моря и потому называемый ерикомъ¹. Изъ собственныхъ рукавовъ, кромѣ двухъ главныхъ, о которыхъ мы много разъ говорили, первое мѣсто занимаетъ Каланча, отдѣляющаяся отъ Дона на право между Елисаветовскою-станицею (9 на планѣ) и Азовомъ (10). По правому ея берегу нашъ планъ показываетъ поселки, изъ которыхъ мы упоминаемъ, какъ самое замѣчательное, Обуховское-селеніе. Первый большой рукавъ, отдѣляющійся отъ Каланчи на право, есть Кутерма; при его отдѣленіи, на правомъ берегу, лежитъ селеніе Рогожкино, означенное на планѣ. Кутерма отдѣляется на право и течетъ на сѣверозападъ. Немного ниже ея отдѣленія, Каланча еще разъ развѣтвляется—на Егурчу, составляющую нынѣ самое глубокое гирло, и собственную Каланчу; первая беретъ направленіе вправо почти прямо на западъ, вторая течетъ на лѣво на югозападъ. Каждый изъ этихъ главныхъ рукавовъ, т. е. Кутерма, Егурча, Каланча, подвергся въ нынѣшнее время дальнѣйшему развѣтвленію.

На ерикъ Лагутникъ нашъ планъ означаетъ два поселка. Ближайшій къ морю есть хуторъ Мартыновъ, принадлежавшій г. Мартынову; тотъ, который лежитъ нѣсколько выше, есть хуторъ казака Елисаветовской-станицы Ерхина. Близъ послѣдняго на нашемъ планѣ стоитъ цифра 7, знакъ кургана, о которомъ мы должны теперь сказать нѣсколько словъ. Онъ лежитъ на востокъ отъ хутора Ерхина, на лѣвомъ, т. е. южномъ берегу Лагутника. Обширность его неимоверная и объясняется наносомъ земли, осаживающейсѣ около него ежегодно во время разлитія Дона. Высота не соответствуетъ обширности. Въ діаметрѣ съ с. на ю. онъ имѣетъ болѣе 50, въ діаметрѣ съ в. на з. болѣе 70 сажень, между тѣмъ какъ вышина его не болѣе 4 или 5 сажень. Сѣверный склонъ круче, нежели южный. Теперешній наиболѣе высокій пунктъ находится почти въ центрѣ кургана; но прежняя вершина была сѣвернѣе; на ея мѣстѣ теперь видна обширная впадина, показывающая, что и этотъ курганъ былъ раскопанъ. Между впадиной и сѣвернымъ склономъ помѣщается теперь строеніе, принадлежащее казаку Ерхину. Вся поверхность кургана пжрыта глубокимъ слоемъ чернозема; ни камней, ни черепковъ не видно.—Такое состояніе кур-

¹ Ериками называются въ этомъ краю всѣ протоки такого рода.

гана дѣлало раскопку его неумѣстною; чтобы удостовѣриться въ свойствахъ почвы, были сдѣланы двѣ малыя ямы въ аршинъ глубиною.

Оставивъ въ покое этотъ удивительный курганъ, стоящій уединенно посреди моря камышей, мы обратились къ окрестностямъ Елисаветовской-станицы.

Здѣсь на с. в. отъ станицы, за Казачьимъ-ерикомъ, выкопаннымъ казаками для соединенія Дона съ Каланчею, действительно найдено городище, и притомъ еще болѣе обширное нежели педвиговское. Въ исторіи разысканій на устьяхъ Дона оно составляетъ открытіе, намъ принадлежащее. На нашемъ планѣ читатели найдутъ его означеннымъ на с. с. в. отъ станицы. Хуторъ, лежащій на в. отъ него, принадлежитъ казаку Чернову. Оно имѣетъ видъ полукруга, обращеннаго дугою къ югу, и съ полукруглой стороны своей обнесено двойнымъ валомъ. Съверною же прямолинейною стороною оно примыкаетъ къ камышамъ, окружающимъ ерикъ Дугинъ, гдѣ въ древности безъ сомнѣнія былъ лиманъ, который могъ служить гаванью для судовъ. Въ среднѣмъ вала, тянущагося вдоль камышей, замѣтенъ перерывъ, служившій повидному для вѣзда въ городъ; на сѣверъ отъ этого мѣста вдается въ камыши полуостровъ, который, можетъ быть, служилъ пристанью. Вся поверхность валовъ и самаго городища покрыта камнями и черепками, между которыми попадаются ручки амфоръ съ греческими клеймами. Старожилы увѣряютъ, что при раскопкѣ одной части городища въ 1824-мъ году было найдено нѣсколько греческихъ монетъ, изъ которыхъ одна, именно бронзовая монета Савромата II-го, сохраняется понынѣ у протоіерея станицы почтеннаго старца Дякова. Это удостовѣряетъ, что здѣсь действительно было греческое поселеніе, и придаетъ вѣру показаніямъ Птолемея.

Для изслѣдованія городища Елисаветовской-станицы были вырыты на немъ въ пяти мѣстахъ пробныя ямы, именно на предполагаемой пристани, на вѣздѣ съ пристани въ городище, на с. з. углу внутренняго вала, и на двухъ возвышеніяхъ, находящихся въ серединѣ городища. Но въ нихъ, можетъ быть случайно, не найдено никакихъ вещей, кромѣ одной чашечки хорошей формы съ черною поливкой и вообще попадалось мало остатковъ древнихъ построекъ. Время, а еще болѣе руки рабочихъ были намъ дороги; между тѣмъ обширность городища требовала, даже для проведенія пробныхъ капавъ, довольно большого числа рукъ. Потому я не рѣшился рисковать и прекратилъ работы на городищѣ, едва начатыя. Это тѣмъ болѣе казалось мнѣ необходимымъ, что вокругъ городища находились въ большомъ числѣ памятники, составлявшіе предметъ разысканій, во всякомъ случаѣ болѣе

надежный, и къ тому же въ особенности указанный моею инструкціею.

Курганы Елисаветовской - станицы были чрезвычайно приманчивы. Они многочисленнѣе и расположены чаще, нежели курганы окрестностей Недвиговки; и что особенно возбуждало надежду, многіе изъ здѣшнихъ кургановъ не имѣли *впадинъ*. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны по своей вышинѣ.

Преимущественно передъ другими обращаетъ на себя вниманіе группа такъ называемыхъ *Пяти Братовъ*, Она господствуетъ надъ всею окрестностью и видима за 15 верстъ. Это пять колоссальнѣйшихъ кургановъ, расположенныхъ на ю. в. отъ городища по берегу Дона почти въ одной линіи. Громадныя присыпи примыкають къ нѣкоторымъ изъ нихъ, въ томъ родѣ какъ на знаменитомъ керченскомъ Царскомъ-курганѣ (Ашикъ Воспорское царство Ч. II, рис. 1 и 2). Стемповскій видѣлъ эти курганы издали, но не могъ осмотрѣть по причинѣ разливія Дона. Тоже Кларкъ. По ошибкѣ простибельной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и при томъ туристу, Кларкъ принялъ ихъ за жертвенники Александра Македонскаго, между тѣмъ какъ послѣднихъ надобно искать не на нашемъ, а на совершенно другомъ Танаисѣ, именно на Яксартѣ, нынѣшней Сыръ-Дарьѣ. У мѣстныхъ жителей, сколько мнѣ удалось узнать, преданій о нихъ нѣтъ; не знаютъ даже, кто и когда ихъ раскапывалъ. Огромныя впадины заставляютъ полагать, что они все расхищены.

Блаже къ городищу, нежели Пять-Братовъ, таятся поясъ кургановъ, раздѣляющійся на двѣ группы, изъ которыхъ одна находится на в. и ю. в. отъ городища, а другая на з. отъ него. Еще далѣе за западной группой лежитъ нѣсколько кургановъ, употребляемыхъ теперь вмѣсто кладбища; эти послѣдніе почти примыкають къ Обуховскому-селенію, составляющему с. з. продолженіе Елисаветовской-станіцы.

По недвиговскимъ опытамъ разуврившись въ курганахъ со впадинами, мы съ радостію смотрѣли на коническіе, вполне сохранившіе свою форму курганы; довольно часто встрѣчающіеся въ обихъ изъ поименованныхъ главныхъ группъ. На нихъ исключительно палъ нашъ выборъ при производствѣ раскопокъ. Земля, довольно сырая и рыхлая, ускорила работу. Мы копали двѣ недѣли, начиная съ 15-го до 30-го сентября.

Результаты можно почестъ, если угодно, счастливые недвиговскихъ, но немногимъ. Противъ нашего чаянія, отсутствіе впадинъ оказалось обманчивымъ, ибо мы находили часто слѣды минъ: сырая земля дельтской дельты, ежегодно въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ остающейся

подъ водою, благопріяствовала этому способу раскопки. Мы разрыли 23 кургана, которые всѣ были безъ впадинъ. Изъ нихъ только три оказались совершенно нетронутыми; три были расхищены въ одной своей части; остальные семнадцать заключали въ себѣ кости, лежавшія безъ порядка, или были совершенно пусты. Выписываю изъ журнала работъ свѣдѣнія о тѣхъ изъ кургановъ, которые представляютъ какой нибудь интересъ. Какъ при недвиговскихъ курганахъ, такъ и здѣсь курганы означены нумерами, которые они имѣютъ въ вѣдомости, представленной Господину Министру Удѣловъ. Время не позволило составить карту елисаветовскихъ кургановъ; ее замѣняетъ топографическое описаніе, находящееся въ Министерствѣ Удѣловъ. Замѣтимъ еще, что между елисаветовскими курганами есть такіе, которые едва возвышаются надъ землею, и во всемъ сходны съ такъ называемыми татарскими курганами керченскихъ окрестностей и Таманскаго полуострова. Въ вѣдомости они называются у насъ самыми малыи. Замѣчаемъ это, чтобы оговориться о значеніи употребляемаго нами ниже термина «самый малый».

Курганъ 1-й, малый, безъ впадины; въ срединѣ западной группы. Копали ямою въ срединѣ кургана. Гробница, какъ и вездѣ здѣсь, земляная, оказалась не тронутою. Она была углублена на 1 аршинъ въ материкъ, ниже вершины кургана на 3 аршина. Покойникъ былъ погребенъ въ сидлечемъ положеніи, лицомъ на с. з. Въ головахъ найдена простая глиняная амфора, вынутая въ цѣлости; съ правой стороны рядомъ съ туловищемъ стояли двѣ глиняныя чашки, одна краснаго, другая чернаго цвѣта, въ первой лежала вѣица, состоящая изъ двухъ костяныхъ пластинокъ и перержавившей желѣзной волоси между ними, вѣроятно — сложенный ножъ; во второй ничего не лежало. Ниже реберъ лежало нѣсколько круглыхъ, довольно крупныхъ просверленныхъ привсокъ, очевидно въ родѣ тѣхъ, которыя Барбаро въ приведенномъ выше мѣстѣ (стр. 476) называетъ чешками и признаетъ за привски неводовъ; мѣсто, гдѣ онъ здѣсь найденъ, даетъ поводъ заключить, что это скорѣе привски мужскаго пояса. За двумя чашками, съ правой же стороны отъ туловища, найдено желѣзное оружіе, которое было дано въ руку покойнику и срослось съ костью; отъ окисленія оно потеряло свою форму; видно однакожъ, что это былъ мечъ. Ноги были протянуты; около нихъ сосудовъ не оказалось, но далѣе впередъ повалились лошадиныя кости. По бокамъ гробницы находились въ большомъ количествѣ куски дерева съ желѣзными гвоздями (отъ гроба или отъ щита?).

Курганъ 2-й, самый малый, безъ впадины, лежащій на ю. отъ пре-

дыщаго. Копали ямою въ серединѣ кургана. Найдена земляная гробница цетронутая, углубленная въ материкъ на $\frac{1}{2}$ аршина, отъ вершины кургана на $1\frac{1}{2}$ аршина. Женщина, похороненная въ ней, лежала лицомъ на ю. з. Въ ногахъ была найдена амфора простой красной глины, въ головахъ—раздавленная тяжестью земли ваза изъ простой глины, чернаго цвѣта. На одномъ изъ пальцевъ лѣвой руки,—на какомъ, мы не успѣли разсмотреть, прежде нежели пальцы рассыпались,—было бронзовое спиральное кольцо; на предплечныхъ костяхъ обѣихъ рукъ бронзовыя спиральныя запястья; въ ушахъ по серьгѣ, также бронзовой спиральной. Правая рука держала бронзовое круглое зеркало. Вся эти вещи были разъдены ржавщиною и распадалась отъ прикосновенія. Около шеи и въ особенности вблизи обѣихъ серегъ найдено множество стекляннхъ цвѣтныхъ подвѣсокъ, разной формы и величины; возлѣ рукъ съ обѣихъ сторонъ лежали маленькія неразвернувшіяся раковинки, въ $\frac{1}{2}$ вершка длиною. Въ насыпи кургана выше гробницы найдено бронзовое запанье.

Курганъ 3-й, средней величины, безъ впадины, лежащій тотчасъ подлѣ кургана 1-го на з. отъ него. Копали ямою въ серединѣ кургана. Земляная гробница, заключавшая въ себѣ прахъ двухъ женщинъ, оказалась расхищенною. Она лежала на $3\frac{1}{2}$ аршина ниже вершины кургана и была углублена въ материкъ на $\frac{1}{2}$ аршина; въ длину она имѣла двѣ сажени; направленіе ея было съ в. на з. Почти все кости были выброшены расхитителемъ. Около тѣхъ немногихъ, которыя остались въ гробницѣ, лежалъ сверху и низу слой чернаго цвѣта, происшедшій повиданому отъ истлѣвшаго платья или отъ постели, которою была выстлана вся могила. По поманутому слою было легко отличить направленіе ствѣнокъ гробницы: онѣ шли книзу подлѣ тупымъ угломъ. Отъ трупа, лежавшаго въ в. части гробницы, уцѣлѣли на мѣстѣ бедренныя кости; вблизи ихъ найдена большая куча извести и около нея множество стекляннхъ бисердинокъ; въ ногахъ этого трупа — осколки отъ трехъ амфоръ, раздавленныхъ землею. Отъ трупа, лежавшаго въ з. части гробницы, костей не найдено. Въ самомъ западномъ краю гробницы лежало серебряное кольцо отъ горлышка небольшой серебряной вазы, и къ ней же принадлежавшая серебряная ручка, обѣ вещицы массивныя и красивой формы; шесть малыхъ украшеній изъ золота, нѣсколько монистинъ и одно стеклянное украшеніе на подобіе пуговицной головки.—Гробокопатель, упредившій насъ, шелъ мимою съ с. з.

Кург. 10-й, средней величины, безъ впадины, лежащій въ серединѣ восточной группы. Копали ямой въ серединѣ кургана; съ с. сдѣлана къ ней пріемка. Нашли двѣ земляныя гробницы, одну совершенно разо-

решную (взрываютю жеискую, заключающую въ себя вещи), другую мужскую нетронутую. Въ последней найдено множество бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ и оружіе, потерявшее отъ ржавчины свою форму. Костякъ лежалъ лицомъ на з. — Къ расхищенной гробницѣ замѣчены слѣды мины.

Кург. 15-й, малый, безъ впадины, на западномъ концѣ восточной группы. Копали ямой въ серединѣ кургана. Въ образѣ земляной гробницы земля была тверже окружающаго ее материка. Костей на днѣ ея не оказалось, но вырыты три похоронные ржавчиною желѣзные кипжала и остатки панцыря, состоявшаго изъ мѣдныхъ чешуекъ и имѣвшаго, какъ можно заключить по тому, что уцѣлело, не менее двухъ аршинъ въ длину. Чешуйки панцыря почти все перержавѣли и рассыпались отъ прикосновенія. Мы принуждены были оставить ихъ на время, какъ наши, чтобы залить гипсомъ, котораго у насъ вблизи не случилось, но любопытные потревожили ихъ ночью. Намъ удалось сберечь только два мѣста, пощаженные ночными посетителями. Панцырь этотъ былъ впрочемъ совершенно подобенъ тому, части котораго сохраняются въ Эрмитажѣ въ нижнемъ этажѣ въ керченской залѣ.

Кург. 16-й, средней величины, безъ впадины, самый западный изъ кургановъ восточной группы. Копали ямой въ серединѣ кургана. На глубинѣ $4\frac{1}{2}$ аршинъ нашли земляную гробницу, шедшую внизъ тремя уступами. На второмъ уступѣ лежали лошадиныя кости, на третьемъ — человѣческія, безъ порядка. Вещей никакихъ не было. Замѣчны явные слѣды мины.

Кург. 17-й, средней величины, безъ впадины, лежащій въ западной группѣ, черезъ одинъ курганъ на з. отъ кургана 3-го. Копали ямой въ серединѣ кургана. На глубинѣ 11 четвертей аршина оказался материкъ, и въ немъ на глубинѣ $\frac{1}{3}$ аршина большая земляная гробница, въ которой лежали два покойника, мужчина и женщина, обращенные лицомъ на западъ, и въ ихъ ногахъ костякъ лошади, около котораго найдена одна круглая привѣска. Съ правой стороны костяка мужчины лежало много бронзовыхъ стрѣлъ, привѣски отъ пояса и какое то желѣзное оружіе, находившееся у него подлѣ головы съ правой стороны и потерявшее отъ ржавчины форму. На костяхъ женщины два золотыхъ и два электровыхъ гладкихъ перстня очень простой работы, десять золотыхъ дутыхъ пуговокъ простой работы, десять малыхъ золотыхъ спиральныхъ украшеній (около головы и въ черепѣ, см. ниже), серебряныя съ золотою филиграновою оправою серьги хорошей работы, два серебряныя совершенно окислившіяся запястья и бронзовое кург-

лое зеркало, распавшееся отъ прикосновенія. Монистъ не было. Черепъ женщины лежалъ на бокъ; онъ былъ раздавленъ и наполненъ землею, въ которую врѣзались многія изъ золотыхъ вещицъ. Это подало поводъ къ расказамъ, что мы нашли голову, паполненную золотомъ; молва пришла по ожиданіямъ людей, убѣжденных, что мы ищемъ *по описанію* скрытаго золота, и распространилась быстро; на слѣдующій день съѣхалось на мѣсто работъ много любопытныхъ. Впрочемъ *золотая голова* принадлежала костяку, въ самомъ дѣлѣ интересному. Кости женщины лежали совершенно неправильно, хотя гробница была не тронута. Мы уже говорили выше (стр. 403) о заключеніи, которое изъ этого можно вывести.

Курганъ 19-й, средней величины, безъ впадины, въ группѣ, лежащей близъ Обуховскаго-селенія. Копали ямой по серединѣ кургана. Гробница была земляная, какъ и вездѣ въ Щучьемъ. Въ ней найдены лошадиныя кости. Человѣческихъ не было. Но попались два наконечника стрѣлъ, одинъ мѣдный, другой изъ кремня, что замѣчательно и указываетъ на глубокую древность.

Эта выписка изъ журнала работъ показываетъ, что результаты елисаветовскихъ раскопокъ были не блестящіе. За исключеніемъ упомянутыхъ выше серебряныхъ серегъ въ золотой оправѣ, елисаветовскіе курганы не дали намъ ни одной красивой вещи. Опять не нашли мы ни одного предмета, оказывающаго греческое искусство времени до Р. Х.; опять ни одного верешка расписныхъ сосудовъ. Характера вещей еще менѣе изящный и менѣе греческій, нежели въ Недвиговкѣ. Изъ некоторыхъ изъ нихъ, особенно кремennyй пакопечникъ стрѣлы, череносъ въ самую отдаленную древность, можно даже сказать во времени незапамятныхъ, если принять въ соображеніе, что знакомство и сообщество съ Греками должно было въ этихъ мѣстахъ весьма рано вывести изъ употребленія оружіе этого рода, составляющее принадлежность гробницъ такъ называемой *каменной эпохи* скандинавскаго свера. Покойникъ, погребенный въ сидячемъ положеніи, также указываетъ на обычай, весьма знакомый разрывающимъ могилы свверной части Европы и доселѣ сохранившійся у насъ въ западной Сибири при погребеніи шамановъ¹. Вообще свойство елисаветовскихъ находокъ такого рода, что эпоху кургановъ трудно опредѣлить: иные могутъ восходить весьма далеко въ древность; другіе могутъ относиться къ времени довольно позднему, даже можетъ быть къ времени Алановъ, которымъ Иосафатъ

¹ Отъ шаманскаго обычая упомянутая елисаветовская гробница отличается тѣмъ, что она углублена въ материкъ. Шаманы хоронятся иначе. Ихъ сажаютъ на поверхности материка и обилачиваютъ камнями.

Барбаро приписывает курганы Коштеббе и вообще все курганы Новой Россіи. Одно только то, кажется, достоверно, что елисаветовскіе курганы не были дѣломъ Грековъ и даже показываютъ цивилизацію, мало зависѣвшую отъ греческаго вліянія. Особенно замѣчательно, что ни на одной изъ многихъ амфоръ, вырытыхъ въ елисаветовскихъ курганахъ, не было греческаго клейма, столь обычнаго въ Недвиговкѣ: — обстоятельство весьма загадочное, ибо какъ согласить древность поселенія, о которой свидѣтельствуетъ кремennyй наконечникъ стрѣлы, и близость его къ достоверному Танаису III-го вѣка по Р. Х. (т. е. къ Недвиговкѣ) съ этимъ совершеннымъ отсутствіемъ греческой посуды и притомъ не на елисаветовскомъ городищѣ, гдѣ поднято нѣсколько клейменныхъ ручекъ, а именно въ елисаветовскихъ курганахъ? Можно было бы отнести тотъ кремennyй наконечникъ къ времени переселенія народовъ, когда слѣды греческой образованности должны были въ этихъ странахъ совершенно исчезнуть, но тому противится характеръ многихъ другихъ вещей, заглазьевъ, зеркалъ, спиральныхъ колецъ и серегъ, не имѣющихъ обыкновенія показываться въ могилахъ племенъ, дѣйствовавшихъ въ средніе вѣки. Эти вещи, взятая каждая порознь, не имѣютъ правда того, что называется характеромъ, но совокупность ихъ носитъ особенный характеръ, отличный отъ характера вещей, находимыхъ въ могилахъ народовъ, вовсе не испытавшихъ греческаго вліянія. Нельзя не думать съ удовольствіемъ надежды, близкой къ исполненію, о томъ времени, когда постепенно расширяющееся изслѣдованіе нашихъ кургановъ дастъ возможность раздѣлить ихъ на большія группы, которыя примутъ наконецъ отъ науки имя разныхъ эпохъ и можетъ-быть даже имя народовъ. Тогда вещи, не имѣющія въ отдаленности никакой цѣны, получатъ неизмѣримую цѣнность, какъ памятники цивилизацій, отличавшихся другъ отъ друга и уже не безыменныхъ. Но теперь еще пока эти вещи смотрятъ на насъ, какъ древній сонякъ, и ожидаютъ своего Эдипа.

Для вопроса о мѣстности древняго доволемоновскаго Танаиса наши елисаветовскія раскопки не принесли рѣшительныхъ данныхъ. Сомнѣніе остается прежнее, и авторитетъ Птолемея не подтвердился и не потерялъ силы. Дѣло только еще болѣе осложнилось, и рѣшеніе его сдѣлалось еще болѣе интереснымъ. Мы нашли городище, давшее нѣсколько предметовъ греческаго происхожденія, одну монету (священн. Дикова), двѣ клейменныя ручки (нами поднятыя), одну чашку хорошей формы (вырытую при нашихъ раскопкахъ). Рядомъ съ городищемъ мы нашли курганы, очевидно принадлежащіе не греческому племени, но показывающіе однакожь цивилизацію, испытавшую греческое вліяніе.

О городищахъ нельзя категорично сказать ничего; возможность найти тамъ слѣды искомаго допалеолитскаго Тананса еще остается, и дальнѣйшія раскопки могутъ подтвердить свидѣтельство Птолемея. Но мы раскопали всѣ значительныя курганы, не имѣвшіе впадинъ и не употребляемые вмѣсто кладбища; остались нераскопанными лишь курганы, отнесенные выше къ разряду самыхъ малыхъ. По этому раскопка кургановъ дѣлаетъ вѣроятнымъ заключеніе, что елисаветовскіе курганы не принадлежатъ допалеолитскому Танансу, такъ сильно насъ занимающему. Гдѣ же наконецъ эти древнѣйшія гробницы, которыхъ мы не нашли ни въ недвиговскихъ курганахъ и насыпяхъ, ни въ елисаветовскихъ курганахъ?

Отвѣтъ возможенъ одинъ, и эта точность отвѣта есть плодъ нашихъ поисковъ. Очевидно, тѣхъ древнѣйшихъ гробницъ слѣдуетъ искать на гладкихъ мѣстахъ, и единственное средство къ тому—проведеніе пробныхъ канавъ вѣкругъ обонхъ городищъ, недвиговскаго и елисаветовскаго. Это средство, должнымъ образомъ употребленное, неминуемо приведетъ и къ ршенію вопроса, остающагося нерѣшеннымъ: гдѣ лежалъ древнѣйшій Танансъ, разоренный Помеомомъ, въ Недвиговкѣ ли, или, какъ можно заключать на основаніи свидѣтельства Птолемея, въ Елисаветовкѣ?

Такимъ образомъ наши работы въ Елисаветовкѣ приводятъ къ требованію того же способа изслѣдованія посредствомъ пробныхъ канавъ, на который указывали и результаты раскопокъ, произведенныхъ въ Недвиговкѣ.

Сплошное разрытіе недвиговскаго городища и проведеніе пробныхъ канавъ по его окрестностямъ, а равно по елисаветовскому городищу съ его окрестностями — вотъ въ чемъ, по моему разумнію, должны заключаться главныя работы, остающіяся для будущаго.

Лѣвый берегъ Дона, какъ принадлежащій Екатеринославской губерніи, не подлежалъ нашимъ разысканіямъ. На правомъ берегу Мертваго Дона, два пункта, именно городище Сухаго-Чалтыря и городище Гниловской - станицы, были уже указаны Степниковскимъ. Мы присоединимъ къ этимъ двумъ пунктамъ поселокъ г. Грекова, гдѣ были вырыты около тридцати лѣтъ тому назадъ два камня съ греческими надписями. Этотъ поселокъ отстоитъ версты три отъ Гниловской станицы, по дорогѣ къ Недвиговкѣ. Онъ лежитъ на берегу Дона. Владѣлецъ его, съ которымъ я успѣлъ познакомиться въ Новочеркасскѣ, далъ мнѣ позволеніе сдѣлать нужные поиски и приказаніе дворовымъ людямъ мнѣ содѣйствовать. Я нашелъ въ саду г. Грекова

много тесаного камня и ямы, которыя были вырыты прежними помѣщиками, искавшими кладовъ. Тесаный камень употребленъ на обкладку става, т. е. сажалки. Мы тщательно осмотрѣли наружную сторону всѣхъ этихъ камней, даже поднимали нѣкоторые изъ нихъ, но камней съ надписью не оказалось. Одинъ изъ дворовыхъ людей показывалъ, что онъ очень хорошо помнитъ эти камни и мѣсто, гдѣ стоялъ одинъ изъ нихъ,—именно на с. в. углу сажалки; въ молодости этотъ дворовый человекъ стрѣлялъ въ него, какъ въ цѣль. Но онъ не могъ припомнить, на что эти камни были употреблены. Осмотръ каменныхъ пороговъ всѣхъ строеній хутора также не привелъ насъ ни къ чему. Я не рѣшился копать здѣсь, при отсутствіи видимыхъ признаковъ древняго поселенія.

Городище и курганы Гниловской-станицы требовали большаго вниманія. Имъ было удѣлено въ продолженіе двухъ недѣль около 30 рабочихъ. Извѣстія объ этихъ работахъ заключаютъ описаніе нашихъ разысканій на устьяхъ Дона.

Гниловская-станция лежитъ на правомъ берегу Дона надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ эта рѣка развѣтвляется на два рукава, образующіе дельту. Станица расположена вдоль по высокому правому берегу Дона и Мертваго-Донца и съ своими поселками тянется почти на 7 версты; съ востока она почти соприкасается съ городомъ Ростовомъ, а отъ взморья отстоитъ около 30 версты. У западнаго конца собственной станицы есть старинный высокій окопъ, поверхность котораго, особенно спускъ, обращенный къ рѣкѣ (на югъ), покрыты множествомъ черепковъ глянценой посуды; но между нами при осмотрѣ мѣстности въ продолженіе цѣлаго дня мнѣ не удалось найти ручекъ съ греческими клеймами. Имѣя въ виду это обстоятельство, а также и самый видъ окопа, удобнаго для дѣйствованія лишь огнестрѣльнымъ оружіемъ, я полагаю, что его слѣдуетъ отнести ко временамъ довольно позднимъ. На западѣ у подошвы этого городища впадаетъ въ Донъ глубокая балка, верховье которой находится версты на три отъ берега. На востокъ отъ этой балки почва на нѣкоторомъ протяженіи постепенно возвышается, и потомъ опять понижается по направленію къ руслу рѣчки Темерникъ, впадающей въ Донъ между Гниловскою-станцею и городомъ Ростовомъ. По гребню этой возвышенности, разделяющей ложбину Гниловской-балки отъ ложбины Темерника, тянется рядъ кургановъ, которые мы подвергли изслѣдованію.

Курганы со впадинами, которыхъ здѣсь было много, оставлены безъ изслѣдованія; изъ кургановъ безъ впадинъ раскопаны въ этой цѣпи три кургана.

Кург. 1-й, ближайшій къ Донцу, средней величины. Разрытъ тремя углубленіями. Найдены три земляныя гробницы. Въ первой изъ нихъ скелеть лежалъ на правомъ боку; въ головахъ была глиняная горнушка и три кремня. Вторая гробница, съ боковымъ отверстіемъ въ материкъ, заслоненнымъ тремя каменными плитами, заключала въ себя два костяка, въ согнутомъ положеніи, головами въ разныя стороны; при нихъ ничего не найдено. Въ третьей гробницѣ открытъ скелеть человека и подлѣ него скелеть лошади; въ головахъ глиняный горшокъ съ узоромъ, грубой работы; въ рукахъ была какаѣ-то оловянная утварь, обратившаяся въ бѣлый порошокъ; такой же бѣлый порошокъ былъ виденъ въ разныхъ мѣстахъ около скелета лошади, гдѣ олово безъ сомнѣнія украшало сбрую. Подлѣ лежали два куска красной краски.

Кург. 2-й, на сѣверъ отъ третьяго, средней величины. Разрытъ углубленіемъ по срединѣ кургана. Найдена земляная гробница, заключающая въ себя полуистлѣвшій деревянный гробъ съ костякомъ, обращеннымъ лицомъ на востокъ. Въ лѣвой рукѣ находился весьма длинный желѣзный мечъ, распавшійся на двѣ части, но въ остальномъ довольно хорошо сохранившійся; у праваго плеча маленькая мѣдная пуговичка. Въ ногахъ покойника костякъ лошади и на немъ желѣзные удила и два стремени изъ того же металла.

Кург. 3-й, еще далѣе на сѣверъ, средней величины. Разрытъ углубленіемъ въ срединѣ; по направленію обрѣза сдѣлана приѣмка. Работа остановилась сначала по необыкновенной твердости земли, наполняющей обрѣзъ. За прекращеніемъ потомъ работъ въ Гниловской-станциѣ раскопка этого кургана осталась неконченною.

На сѣверовостокъ отъ этой грады кургановъ, прямо на сѣверъ отъ главной церкви Гниловской-станции, съ небольшимъ въ верстѣ отъ нея, лежитъ группа кургановъ, окружающихъ одинъ весьма большой курганъ, замѣчательный по своей формѣ. Этотъ большой курганъ называется въ народѣ Долгимъ-курганомъ. Онъ имѣетъ въ вышину около 6 сажень; на вершанѣ его находится глубокая впадина, какъ видно не очень давняго происхожденія. Съ восточной стороны къ кургану примыкаетъ длинная присыпь, имѣющая видъ галлерей, направленной къ кургану; на восточной оконечности присыпи возвышается другой меньшій курганъ, также со впадиною. Мы начинали углублять центральную впадину главнаго кургана и раскапывать меньшій курганъ, а равно и продолговатую насыпь, соединяющую послѣдній меньшій курганъ съ главнымъ. Меньшій курганъ раскапывали продольными разрѣзами отъ подошвы къ центру съ сѣверной и южной стороны.

На гребнѣ насыпи были вырыты два пробныя углубленія, изъ которыхъ въ одномъ, западномъ, въ сѣверной его части оказался рядъ камней съ кусками истлѣвшаго дерева по его внутренней, южной, сторонѣ. Но этотъ рядъ камней не продолжался далѣе въ глубь и не привелъ ни къ чему. Въ продольныхъ разрѣзахъ меньшаго кургана боковыхъ гробницъ также не оказалось; продолжать ихъ до средней гробницы, надъ которою была впадина, намъ показалось ненужнымъ. Работы остались неконченными за престѣніемъ раскопокъ въ Гнилловской-станциѣ.

На западъ отъ Долгаго-кургана лежалъ курганъ, наиболее привлекавшій вниманіе по отсутствію впадины на вершинѣ и по тремъ большимъ присыпямъ. Онъ раскопанъ нами окончательно. Проведены четыре разрѣза отъ подошвы къ центру по матеріку съ з., ю.-з., ю.-в. и в. стороны кургана. Въ з. присыпи найдена земляная гробница, заключавшая въ себѣ кости младенца, лежавшія въ порядкѣ; лице было обращено къ югу. На костяхъ находилось пѣсколюбо раковиннокъ съ дырочками, просверленными для нашивки на платье; въ ногахъ глиняная чашка, весьма грубой варварской работы, служившая вѣроятно для куреній. Въ юго-западной и въ юго-восточной присыпяхъ открыты могилы, повидимому рабовъ. Могилы эти были короче, нежели сколько нужно для помѣщенія человѣческаго тѣла. Покойники были зарыты въ нихъ согнутые, такъ сказать втиснутые въ нихъ. Кости найдены въ извѣстности, за исключеніемъ черепа одного костяка. Въ одной изъ этихъ могилъ было два костяка, въ другой одинъ, и этотъ послѣдній лежалъ на боку. Въ серединѣ кургана прорыта яма. Она также довела до узкой могилы, подобной остальнымъ могиламъ этого кургана. Костякъ лежалъ въ ней также на боку. Вещей ни при одномъ изъ четырехъ покойниковъ не было; не оказалось даже ни одной пуговички или пряжки. Какъ объяснить это отсутствіе вещей? и что можетъ значить отсутствіе черепа въ могилахъ очевидно ветрунутой? Есть поводъ предполагать, что это были могилы рабовъ, окружавшія гробницу господина. Правда мы не нашли этой главной гробницы, хотя раскопали весь курганъ; но мы встрѣтили нору лисицы, многими извѣстными углубляющуюся внутрь кургана, и въ этой лисей норѣ — человѣческія кости. Быть-можетъ лисица разорила главную гробницу, избравъ ее мѣстомъ для своего жилища, и потаскала изъ нея немногія вещи, которыя въ ней были. Меня увѣряли, что лисицы имѣютъ такой обычай и уже оказывались соперницами гробокопателей.

Работы въ Гнилловской - станциѣ продолжались отъ 2-го по 17-е

октября. Они были прекращены по совершенной бедности вещами твоих кургановъ, которые были окончательно раскопаны.

Оканчивая описаніе разысканій, произведенныхъ на устьяхъ Дона въ 1853-мъ году, нельзя не сказать живоельно общихъ словъ объ археологической важности Дона.

Нашъ «тѣкій», «святой» Донъ не можетъ соперничать не только съ знаменитыми мѣстами покомденія археологическихъ памятниковъ, какіе представляютъ Италия, Греція, Египетъ, передняя Азія, но и съ многими пунктами въ нашемъ отечествѣ. Олібія и Херсонесъ, Керчь и Тамань изъ мѣстъ исследованныхъ или подлежащихъ изысканію имѣютъ надъ нимъ несомненное преимущество. Онъ уступитъ археологическій почетъ и некоторымъ пунктамъ, еще ожидающимъ серьезнаго изысканія, каковы многія мѣста восточнаго берега Чернаго - моря, и въ особенности то древнее царство Солнца, многославная Колхида, загадочная страна чаръ, бывшая первою цѣною мнѣнческихъ плавателей, оспариваемая у Кавказа Египетомъ и Индіей, вѣнчанная горами, не перемѣнявшими обитателей по крайней мѣрѣ въ теченія двухъ тысячъ лѣтъ (племя Симвовъ), и по какому-то мало понятному случаю остававшаяся досель почти въ забвеніи.

Но уступая въ археологической важности этимъ мѣстамъ, нашъ Донъ темъ не менѣ заслуживаетъ, чтобы археологія, въ особенности отечественная, обращалась къ нему съ участіемъ. На его устьяхъ лежалъ древній Танаисъ, извѣстный первое послѣ Пантикапей торжище Грековъ съ сѣверомъ; его свободное отъ пороговъ теченіе было издревле великимъ путемъ торговли; наконецъ вся его система была главнымъ театромъ движенія племенъ. Кромѣ устій, многіе пункты на Дону представляютъ большой интересъ. Таковы Аксайскія-станица, теперешнее великое перепутье, соединяющее Кавказъ съ сѣверомъ, его городище¹ и курганы², и въ особенности его такъ называемая Кобяковская - балка, въ которой еще въ недавнее время были находимы золотыя и серебряныя монеты Боспорскаго-царства; даѣе

¹ У нижней оконечности станицы; очень высокое; вѣтвейныхъ ручекъ я на немъ не нашелъ, хотя тщательно осматривалъ его въ продолженіе цѣлаго утра. Говорятъ, на немъ были находимы корчаги, т. е. амфоры. Облошковъ глиняныхъ сосудовъ, о которыхъ говоритъ Стемпковскій (выше стр. 595), и теперъ много.

² Между ними такъ называемая Гиреева могила у вершины балки Кобяковки. Эта балка была раскопана въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ для добычянн каменн при построеніи колоссальной аксайской дамбы, но генералъ Де в и т т ъ, начальствующій надъ этими инженерными работами, сообщилъ мнѣ, что при этомъ не было найдено рѣшительно никакихъ древностей. Немного выше Аксая на дѣ-

Цымлянская-станция, гдѣ есть городище, обнесенное валомъ и рвомъ, гдѣ по свидѣтельству Кларка¹ были найдены тѣ два мраморные столба, которые онъ видѣлъ въ Черкасскѣ въ домѣ Генерала Ормова, и гдѣ по словамъ г. Мартынова (въ рукописныхъ запискахъ) открыта часть гранитной колонны, находившаяся въ домѣ его дѣда, но теперь утраченная; Переволока къ Волгѣ, по которой должны были зайти въ окрестности Царицына Греки, оставившіе намъ известную надпись, тамъ найденную, — Переволока, несомненное мѣсто хазарскаго Саркела²; наконецъ, если угодно, эти «столбы каменные бѣлые, — дивно же и красно стоятъ рядомъ, яко стози малы, бѣлы же и свѣтлы зымо» — о которыхъ говорятъ митрополитъ Пимень, и которые стояли надъ Тихой-Сосной при слияніи ея съ Дономъ. Системы Маныча, сѣвернаго Донца и Міуса представляютъ также много пунктовъ археологически-замѣчательныхъ. Наконецъ съ Дона требуютъ отъ науки ея свѣта толпы Савроматовъ, женамъ повиновавшихся, Меотовъ разноименныхъ, Алановъ, оставившихъ имя свое горамъ и курганамъ, ииоическихъ Аорсовъ и болѣе историческихъ Россовъ съ ихъ сверстниками Хазарами. Поле чрезвычайно обширное и необъятное для одного изслѣдователя... Но совокупныя силы науки также необъятны.

П. Леонтьевъ.

вомъ берегу Дона, на той же большой Кавказской дорогѣ при Александровской-станціи, курганъ, лежащій на горѣ, есть можетъ быть тотъ самый, который расказывалъ Барбаро. Я не осматривалъ этого кургана. Еще выше при Манычской-станціи курганъ Кляжой, въ которомъ была вымыта водою та бронзовая статуя съ греческою надписью на полѣхъ и четырьмя печатями, которая имѣетъ находку въ Эрмитажѣ. Статушка эта чрезвычайно интересна, ибо представляетъ свѣдѣніе языческихъ идей съ еврейскими, можетъ быть гностическими. Надпись очевидно значитъ: глава Господа надъ водами. Весь берегъ Дона отъ Маныча до Богавеской-станціи богатъ курганами и отчасти слѣдами жилищъ. При послѣдней станціи лежитъ большой курганъ, называемый Малибашъ.

¹ Стр. 272 и 273 англ. изд. 1840 года.

² Мѣсто Саркела опредѣляется лучше всего по извѣстію Пименя. Въ недѣлю плутую о Самарянинѣ они миновали Медвѣдицу, въ поведѣльмихъ горы каменныя красныя, во вторникъ Серкилю (неградъ же убо, но точію городище), въ среду—Великую-лукку. По счету дней плаванія ихъ видно, что они дѣлали въ день около 60 верстъ; такъ напр. во второй день своего рѣчнаго плаванія они миновали Мечу, а въ шестой день присѣли до устья Ворожега рѣки. Поэтому надобно искать Саркела ниже Григорьевской и нѣсколько выше Качалинской станціи. Г. Мартыновъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о недавно еще находившихся близъ Трехъ-острованской-станціи развалинахъ каменныхъ помѣщеній и приближаетъ съ этимъ фактомъ имя Бѣлевская, которое эта станція носитъ въ простонародіи, остроумно заключаая, что здѣсь надобно искать Саркела (бѣлой Вѣжы). Но Трехъ-острованская-станція лежитъ ниже большой луки Дона.—Аламы, долѣе всѣхъ другихъ народовъ обладавшіе устьями Дона, жили на Дону, но бѣдныя, небогатыя, но многолюдный городъ Аскала, отстоявшій 6 миль отъ моря. Легче всего находить его въ Асайской-станціи. (G. du M. Age III, 199).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАЗЫСКАНІЯХЪ БЛИЗЪ СИМФЕРОПОЛЯ И СЕВАСТОПОЛЯ.

По переходѣ бахчисарайской дороги у самаго предмѣстья Симферополя, на лѣвой сторонѣ Салгира, на горѣ, лежатъ развалины укрѣпленія, прозванныя Татарами Керменчакъ. Со стороны Салгира гора обрываста и твердо укрѣплена самою природою, но съ сѣверо-западной стороны она пологая и незамѣтнымъ склономъ спускается до узкаго ущелья. Три стѣны, концы слѣды доселѣ еще видны, укрѣпляли эту сторону Керменчака. Это почти неприступное мѣсто служило главною крѣпостью, такъ сказать ключемъ цѣлой оборонительной линіи, защищавшей крымскую нагорную часть со стороны стѣн отъ всякаго неожиданнаго нападенія непріятеля чрезъ Перекопскій-перешеекъ.

Б л а р а м б е р г ъ первый предположилъ, что развалины Керменчака принадлежали крѣпости, выстроенной скиескимъ царемъ Скилуромъ. Находки, сдѣланныя въ 1827 году, подтвердили справедливость его мнѣнія. Два обломка обронныхъ (рельефныхъ) изваяній представляли изображенія, носящія на себѣ скиескій отпечатокъ. Надпись съ именемъ Скилура, прозваннаго великимъ царемъ (*ΜΕΓΑΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ*), опредѣлила съ точностію, кому именно надо отнести эти обронныя изображенія съ скиескими шапками и анаксиридами.

Но кромѣ этихъ находокъ другіе памятники показали неоспоримо, что здѣсь было греческое поселеніе. Кирпичъ съ надписью *ΑΥΤΟΝΟΜΟΣ* заявилъ существованіе такихъ чиновниковъ, которые

встрѣчаются только въ городахъ , а надписи, въ коиъ упоминаются божества, Зевсъ Атабирійскій и Аѳина Линдійская, доказали, какому именно греческому племени можно приписать основаніе этого города.

Зевсъ извѣстенъ былъ на островъ Родосъ подъ прозваніемъ Атабирійскаго (*ΑΤΑΒΥΡΙΟΣ*), по случаю храма, воздвигнутаго ему на самой высокой горѣ всего острова, на горѣ Атабирь. Аѳина же была почитаема на томъ же островѣ подъ именемъ Линдійской богини , по случаю храма города Линдоса. Храмъ этотъ , какъ гласитъ преданіе , выстроенъ былъ Данаидами , послѣ бѣгства ихъ изъ Египта, и прославился въ послѣдствіи по всей Греціи и Архипелагу богатыми приношеніями, въ немъ находившимися. Отсюда видно , какииъ образомъ Б л а р а м б е р г у удалось по найденнымъ памятникамъ опредѣлить положительно, что на мѣстѣ теперешаго Керменчика было пребываніе скинскаго царя Скалуря , и что въ послѣдствіи основанъ здѣсь городъ выходцами острова Родоса. Существованіе этого города продолжалось во вѣдѣнныя времена до III-го столѣтія, потому что тутъ найдены были монеты императора Макрина (217—218 по Р. Х.).

Соображая всѣ эти данныя, Б л а р а м б е р г ъ дошелъ до убѣжденія , что эта крѣпость была именно та , которую Страбонъ называетъ Неаполисомъ. Года четыре тому назадъ найдены были двѣ амфорныя ручки съ именемъ *ΝΕΟΠΟΛΙΟΥΣ* на срединѣ клейма. Вотъ послѣднія положительныя свѣдѣнія , которыя были доселѣ извѣстны о развалинахъ Керменчика.

Въ прошедшее лѣто мы приступили къ изслѣдованію всей этой мѣстности. Канавы, проведенныя въ разныхъ направленіяхъ, довели до открытія слѣдовъ жилищъ. Но стѣны найдены сильно поврежденными жителями Симферополя , выкапывающими камень для постройки домовъ. Въ самой скалѣ , на которой лежатъ эти развалины, выдолблены круглыя ямы. Трудно опредѣлить ихъ назначеніе. Въ ииыхъ находили уголь , въ другихъ жженую крупу , въ третьихъ лежали кости. Ямы эти покрываютъ почти всю гору и выдолблены одна возлѣ другой.

Въ началѣ прошлаго лѣта Татары нечаянно нашли надгробный памятникъ, весьма любопытный по представляемому на немъ всаднику въ скинскомъ одѣяніи. Возлѣ этого мѣста мы открыли мраморный обломокъ греческой надписи самаго любопытнаго содержанія. Изъ сохранившихся словъ видно , что гражданинъ Посидей , сынъ Посидея , побѣдилъ Сатарховъ, морскихъ разбойниковъ сѣвернаго берега Таврическаго-полуострова (имя его уже извѣстно по двумъ надписямъ Б л а р а м б е р г а), и посвящаетъ что-то Ахиллесу, владѣтелю острова. Про-

званіе владѣтеля острова доселѣ никогда не встрѣчалось въ надписяхъ; обыкновенно его называютъ Понтархомъ. Подъ именемъ острова подразумевали вѣроятно: или Березань или Фидониси.

Эта надпись можетъ навести на совершенно новыя свѣдѣнія для греческой мѣнологіи. Она явнымъ образомъ доказываетъ, что служила подножіемъ для изваянія, представляющаго божество, въ ней упомянутое. Судя по правописанію и формѣ буквъ *Σ* и *Ε* можно отнести всѣ три надписи къ послѣднему столѣтію до Р. Х.

Послѣ попытки, сдѣланной въ развалинахъ Керменчика, работы перенесены въ окрестности Севастополя, гдѣ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ мы изслѣдовали развалины Корсуни, того самаго города, который завоеванъ былъ Равноапостольнымъ Великимъ Княземъ Владимиромъ, и въ которомъ онъ принялъ крещеніе.

Въ Херсонѣ, или Корсуни, открываются въ особенности два предмета для изслѣдованій: внѣ города — гробницы, а внутри города — древнія зданія.

Разысканія наши были обращены на оба эти источника, дабы узнать, какой изъ нихъ богаче окажется памятниками важными для науки. Наши работы необходимо раздѣлить на изслѣдованіе херсонитскихъ гробницъ и на изслѣдованіе городскихъ зданій.

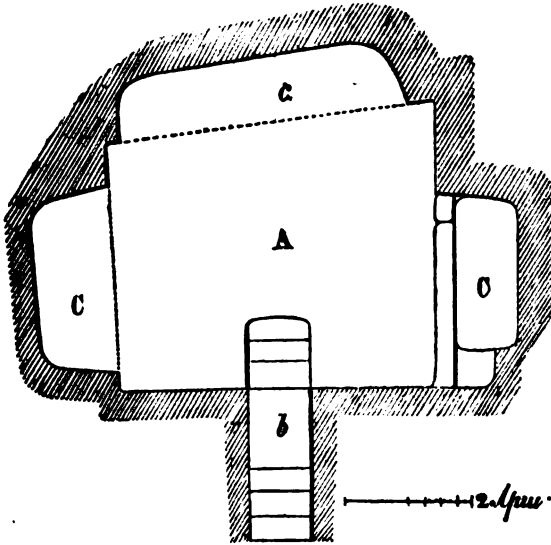
Обычай, существовавшіе въ Херсонѣ для погребенія, известны намъ изъ нѣкоторыхъ отрывковъ, встрѣчаемыхъ въ надписяхъ, изъ темныхъ намековъ, находящихся въ житіи корсунскихъ мучениковъ или въ писателяхъ византійскихъ; но эти источники такъ скудны, что невозможно себѣ составить полнаго понятія о способѣ тамошняго погребенія. Необходимо, чтобы пополнить это понятіе, сравнить погребальныя обычаи Херсонитовъ съ погребальными обычаями остальныхъ Грековъ.

Провѣривъ потомъ эти свѣдѣнія изслѣдованіями, можно отыскать мѣста, гдѣ лежали гробницы Херсонитовъ и открыть такимъ образомъ богатое хранилище любопытныхъ памятниковъ.

Изъ многихъ писателей известно, что Херсониты погребали умершихъ внѣ городскихъ стѣнъ. Особая городскія ворота, чрезъ которыя выносили усопшихъ, прозывались можетъ-быть какъ въ Аѳинахъ, мѣгильными воротами, *Ἦρίαι πύλαι*. Наконецъ изъ житія святаго Евгенія видно, что херсонитскія гробницы выставлялись въ смѣль, что родные навѣщали ихъ часто и иногда цѣлые дни проводили воздѣ тѣла оплакиваемаго родственника, и что не иначе могли войти въ гробницу какъ: «бывшу каменіи отъ гроба отвалену».

Изъ словъ этого житія можно заключить, что гробницы дѣлались въ родъ комнатъ или римскихъ колумбарій, а входъ въ нихъ заставлялся плитою.

Разысканія прошлаго лѣта вполне подтвердили справедливость этихъ свѣдѣній. Херсониты дѣйствительно выдолбливали въ стѣнѣ че-

тырехъ-угольную комнату (А). На одной сторонѣ находился входъ (b), а на трехъ остальныхъ приготовлены были мѣста въ родъ полокъ (с, с, с). Эти полки высѣклись въ самой скалѣ и на нихъ ставились тѣла усопшихъ. Многочисленные и богатые семейства покупали себѣ склепы съ двумя ярусами полокъ. Эти склепы иногда до такой степени были обширны, что по серединѣ оставался

столбъ для поддержанія свода. Когда не оставалось болѣе мѣста на полкахъ, то усопшихъ клали на полъ, сначала по обѣимъ сторонамъ входа, а потомъ и вдоль противоположной стороны. Всѣ остовы лежали въ одномъ порядкѣ съ лѣва на право, если стать лицомъ къ полкѣ. Такъ какъ узкій входъ высѣкался всегда высоко, то внутри для удобнаго входа приставлялся камень въ одну, двѣ и даже три ступени.

Можно теперь утвердительно сказать, что семейные склепы продавались, потому что найдено много начатыхъ; иные до половины отдѣланы, другіе обозначены и только лѣстница, ведущая ко входу, выдолблена. Люди одинокіе, не имѣющіе семейства, или по положенію своему можетъ-быть отвергнутые семействомъ своимъ, погребались въ отдѣльныхъ гробницахъ, выдолбленныхъ въ поверхности скалы и прикрываемыхъ одною или двумя плитами.

При каждомъ остовѣ въ семейныхъ склепахъ или въ отдѣльныхъ гробницахъ лежали монеты и разная посуда и вещи. По монетамъ можно съ точностію опредѣлять время погребенія, а по предметамъ съ

перваго взгляда видно, былъ ли покойникъ идолопоклонникъ или христіанинъ. При умершихъ христіанахъ не ставили сосудовъ и слезницъ, при нихъ встрѣчаются только монеты, а иногда также металлическіе кресты, или вещи, обозначенныя крестами. Такъ на примѣръ мы нашли пряжку изъ басебнаго серебра, съ большимъ выпуклымъ крестомъ. Херсониты, принявшіе христіанство, все таки погребались въ своихъ семейныхъ склепахъ, хотя предки ихъ и были идолопоклонниками; оттого часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же склепѣ остовы идолопоклонниковъ и христіанъ, но эти послѣдніе ставились на отдѣльныхъ полкахъ, или даже иногда полка задвѣливалась кирпичами, и такимъ образомъ устранивалась какъ бы особая гробница.

Идолопоклонники погребались вообще, какъ видно изъ находокъ, слѣдующимъ порядкомъ. Тѣло лежало на доскѣ или даже въ деревянномъ гробу, сдѣланномъ въ родѣ ящика. У головы ставились стеклянныя слезницы, а у ногъ разные большіе глиняные сосуды, иногда самой изящной работы. Изъ нихъ надо упомянуть здѣсь о слѣдующихъ: красивая тарелка (*κατέλλα*) изъ мелкозернистой глины, употреблявшаяся, по словамъ Аѳеней, на пиршествахъ у зажиточныхъ Грековъ; сосудъ съ одною ручкою извѣстный подъ названіемъ *prochus*; чаша, или канеаръ на подножкѣ безъ ручекъ, употреблявшійся какъ теперешніе стаканы. На груди, кромѣ монетъ, лежали пряжки бронзовыя или серебряныя и застежки (*fibula*) для придерживанія хламиды. Одна изъ красивѣйшихъ застежекъ, которыя мы нашли, была сдѣлана изъ плетеной серебряной проволоки и по найденнымъ съ нею монетамъ принадлежитъ къ III или IV столѣтію по Р. Х.

На лѣвой сторонѣ усопшаго клали ножъ или оружіе, а у праваго бока—лампы для масла (*λύχνος*). Форма и рисунокъ этихъ лампъ самыя разнообразныя. Онѣ находятся въ большомъ количествѣ, потому что кромѣ ихъ у Грековъ не было другаго способа освѣщенія. Лампа съ масломъ, говоритъ Аѳеней въ XV книгѣ, при развитіи роскоши замѣнила лучины, употреблявшіяся у Грековъ въ древнѣйшія времена. На однихъ лампахъ, кромѣ имени гончара, представлено изображеніе божества или животнаго. Такъ на примѣръ на одной лампѣ изъ бѣлой глины представлена Аѳина въ шлемѣ. На оборотѣ дна на срединѣ двойнаго круга изображены буквы *E* и *I*, а между ними оирсъ или жезлъ. На другой лампѣ съ тѣмъ же самымъ изображеніемъ, на оборотѣ находятся слѣды какого то гончарнаго знака или имени, похожіе на букву *I* или на законечникъ стрѣлы. Эти двѣ лампы найдены въ двухъ различныхъ склепахъ четвертаго столѣтія. Кромѣ Аѳины на лампахъ

встрѣчаются также изображенія: Зевса, фавнов или сатировъ и Горгоны. Изъ животныхъ мы видимъ птицу, клюющую рыбу, пѣтуха, барана, зайца и вола.

Женскіе остоны отличаются весьма легко, по ожерельямъ изъ разноцвѣтныхъ бусъ, привѣскамъ, бронзовымъ зарукавьямъ, золотымъ или серебрянымъ серьгамъ и кольцамъ.

Сравнивая херсонитскія гробницы съ могилами греческими, мы увидимъ, что у жителей Херсонеса сохранились многіе изъ обрядовъ, употреблявшихся на родинѣ ихъ при погребеніяхъ. Доска или гробъ, которыя встрѣчаются почти во всѣхъ гробницахъ Херсонитовъ, встрѣчаются также и въ самой Греціи или въ греческихъ поселеніяхъ на берегахъ Чернаго-моря. Доска, на которой носили тѣло, замѣняла у нихъ ту особую постель, которую Греки называли *κλίση*, и на которой лежалъ покойникъ. На этомъ одрѣ, или *κλίση*, клали тѣло тотчасъ по смерти; и на немъ же носили его въ могилу. Аристофанъ, Эврипидъ и Платонъ ясно говорятъ о гробахъ, называя ихъ *σφοῖ*, *πύελοι*, *ληνοί* и *δροῖται*, но не упоминаютъ, изъ чего они дѣлались. Фукидидъ напротивъ говоритъ прямо о деревянныхъ гробахъ (*λαρνακας κυλαρίσβιναι*). Слѣдовательно хотя они были употребляемы христианами и въ V столѣтіи по Р. Х., но начало деревянныхъ саркофаговъ или гробовъ принадлежитъ глубочайшей древности.

Вокругъ одра ставились глиняные сосуды, которые называли общимъ именемъ лекиевовъ (*λήκυθοι*), не обращая вниманія на форму ихъ. Это обыкновеніе произошло отъ того, что у умершихъ по преимуществу ставились настоящіе лекиевы, т. е. сосуды для благоуханій. Во время похоронъ эти сосуды носимы были передъ тѣломъ, и въ томъ же вѣроятіи порядкѣ ставились въ могилѣ. Такъ какъ гробницы, открытыя въ прошлое лѣто, все относятся къ девяти первымъ столѣтіямъ по Р. Х., когда введеніе христіанства уже уничтожило много изъ прежнихъ обрядовъ то нельзя утвердительно узнать, погребали ли Херсониты знаменитыхъ своихъ гражданъ съ золотыми вѣнками, какъ это дѣлалось во всей Греціи, въ Пантикапей и въ Ольвіи.— Дальнѣйшія разысканія самыхъ древнихъ гробницъ Херсона разрѣшатъ навѣрно этотъ вопросъ.

Любопытно замѣтить, что во многихъ склепахъ найдены хорошо сохранившіяся кожаныя подошвы, принадлежавшія можетъ-быть тѣмъ сандаліямъ особаго устройства, которыя надѣвались на умершаго при погребеніи его. Въ другихъ гробницахъ попадались настоящіе кожаные башмаки, называемые Греками *ἐμβάδες*, и видно иногда, что къ нимъ

придѣлана была деревянная подошва (*καίττιμα*). Теофрастъ замѣчаетъ, что въ Греціи считали неблаговоспитанными тѣхъ мужчинъ, которые носили башмаки съ деревянными подошвами, прикрѣпленными гвоздями (*ἄλοις*).

Чтобы опредѣлить время, къ которому принадлежитъ гробница или склепъ, надо разсмотрѣть находимыя въ нихъ монеты. Въ монеты большаго частію мѣдныя, и иногда на одномъ и томъ же островѣ ихъ находится до десяти и болѣе. Самая древнѣйшая изъ монетъ, открытыхъ въ этихъ гробницахъ, принадлежитъ къ первому столѣтію по Р. Х., а самая новѣйшая къ X-му столѣтію, къ царствованію императоровъ Романа II и Константина. Сравнивая теперь между собою монеты, найденныя въ гробницахъ и принадлежація разнымъ столѣтіямъ, мы видимъ, что искусства и ремесла процвѣтали въ Херсони и сохранились до V или VI столѣтія отъ всякаго паденія и измѣненія. Говоря о найденныхъ древностяхъ, необходимо упомянуть еще о трехъ памятникахъ, нигдѣ еще не встрѣчавшихся въ предѣлахъ Россіи и весьма любопытныхъ по назначенію своему и по отдѣлкѣ. Это во 1-хъ, бронзовая круглая курильница, привѣшиваемая тремя цѣпочками къ одной большой цѣпи. Она найдена въ семейномъ склепѣ IV столѣтія, на полкѣ возлѣ острова. Въ ней лежали угли и зола отъ ладана или какого нибудь другаго благоуханія. Во 2-хъ, бронзовый идолъ величиною въ вершокъ, найденный въ семейномъ склепѣ IV столѣтія. На задней части придѣлана петля для привѣшиванія. Онъ лежалъ въ нишѣ, выдолбленной въ средней стѣнѣ, противъ самаго входа, вершка два выше полки. По грубой отдѣлкѣ этого идола нельзя опредѣлить, какое именно божество онъ представляетъ, но по найденнымъ въ склепѣ монетамъ необходимо приписать его греческой мѣтологіи. Рѣдко встрѣчаются примѣры идоловъ, находимыхъ въ гробницахъ: обыкновенно старались погребать умершихъ вдале отъ всякаго храма или изображенія божества. Наконецъ третій памятникъ, достойный особаго замѣчанія, состоитъ изъ обломка бронзоваго кольца съ рѣзнымъ краснымъ сердоликомъ въ гвоздѣ. На камнѣ изображенъ полумѣсяцъ, а надъ нимъ звѣзда. Хотя полумѣсяцы встрѣчаются и на монетахъ Миерадата Великаго и многихъ другихъ правителей, но все таки надо замѣтить, что этотъ атрибутъ по преимуществу принадлежитъ памятникамъ воспорскимъ, и несомнѣнно можно приписать этому кольцу то же самое происхожденіе. Мы знаемъ изъ исторіи Херсонеса, что до самаго IV столѣтія существовали сношенія, или миролюбивыя или непріязненныя, между Пантикапеею и Херсонесомъ; самая находка въ этой гробницѣ монетъ Миерадата II-го 42—46 по Р. Х.) царя боспорскаго подтверждаетъ это мнѣніе.

Прежде чѣмъ окончимъ описаніе херсонитскихъ гробницъ, необходимо приложить тутъ описаніе могилы одинокой, выдолбленной на поверхности скалы, но содержавшей предметы любопытные для науки. Могила эта сдѣлана на подобіе ниши, такимъ образомъ, что положивъ въ нее тѣло, заложили эту сторону плитою и залили цементомъ. Остовъ и деревянный саркофагъ почти совершенно истлѣли. У головы на лѣвой сторонѣ стоялъ стеклянный сосудъ, называемый по формѣ своей оепосою. На шеѣ разныя привѣски, въ томъ числѣ двѣ деревянные, одна въ видѣ трехъ птицъ, другая въ видѣ рыбы, кувшинъ и боченка. Мѣдные кольца прикрѣпляли ихъ къ ожерелью. Остальные привѣски, сдѣланныя изъ голубаго египетскаго стекла, представляютъ человѣческую фигуру съ Пріапомъ, двухъ Пріаповъ, два кувшинчика, льва лежащаго на подушкѣ и бусу на бронзовомъ колечкѣ. На груди лежала мѣдная монета съ изображеніемъ Артемиды, принадлежащая херсонитской республикѣ времени существованія права эвевѣрии, т. е. къ промежутку отъ начала I-го столѣтія до начала IV-го. По чеканкѣ и по видимому остатку римскаго вліянія на типъ этой монеты ее можно несомнѣнно отнести къ первому столѣтію, и такимъ образомъ положительно опредѣлить время, къ которому принадлежитъ эта могила. Кромѣ того на груди найдена золотая привѣска съ вставленнымъ аметистомъ, сорокъ бусъ стеклянныхъ и сердоликовыхъ и большая желѣзная иголка. У лѣваго бока, вѣроятно на рукѣ, лежалъ серебряный дискъ; на правой рукѣ шаръ изъ дымчататаго топаза, а у ногъ: обломокъ узорчатой лампы съ Пріапомъ между буквами T и Y, красная лампа съ виноградною лозою вокругъ свѣтильника, канаръ изъ красной глины и обломокъ свинцоваго сосуда. По найденнымъ тутъ привѣскамъ и иголкѣ видно, что эта могила женская. Дискъ и шаръ служили у древнихъ для игры и весьма рѣдко встрѣчаются въ гробницахъ.—Въ другомъ склепѣ, принадлежащемъ христіанскому семейству, потолокъ и стѣны были расписаны аль-фреско. На срединѣ потолка изобразили монограмму Христа въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ римскихъ катакомбахъ. Изъ вещей мы нашли въ немъ слезницу изъ сивеватаго стекла и двѣ серебряныя пряжки. Такъ какъ въ немъ не находилось монетъ, то нельзя положительно опредѣлить время, къ которому принадлежитъ эта живопись.

Опредѣливъ навѣрно мѣсто, гдѣ лежатъ херсонитскія гробницы, мы перешли къ изслѣдованію зданій въ самомъ городѣ.

Главнѣйшія зданія Корсуня были церкви. Оттого разысканія въ особенности нацѣвлены были на слѣды древнихъ храмовъ и на опре-

дѣленіе, къ какому времени они относятся. Съ освобожденіемъ христіанъ отъ преслѣдованія родилось христіанское зодчество. Они начали создавать собственную архитектуру, примѣняя древнюю къ потребностямъ своей вѣры. Въ Италіи римскія базилики переименованы въ церкви. Четырехъ-угольная и продолговатая ихъ форма служила образцомъ для построенія христіанскихъ церквей. Самъ Константинъ Великій, по перенесеніи престола въ Византію, въ новой своей столицѣ въстроилъ, по образцу древнихъ базиликъ, храмъ въ честь Премудрости Божіей. Съ этою формою церквей древніе христіане соединяли мистическую идею. Продолговатые эти храмы на подобіе корабля, сказано въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, обозначаютъ плаваніе къ небесному пристанищу.

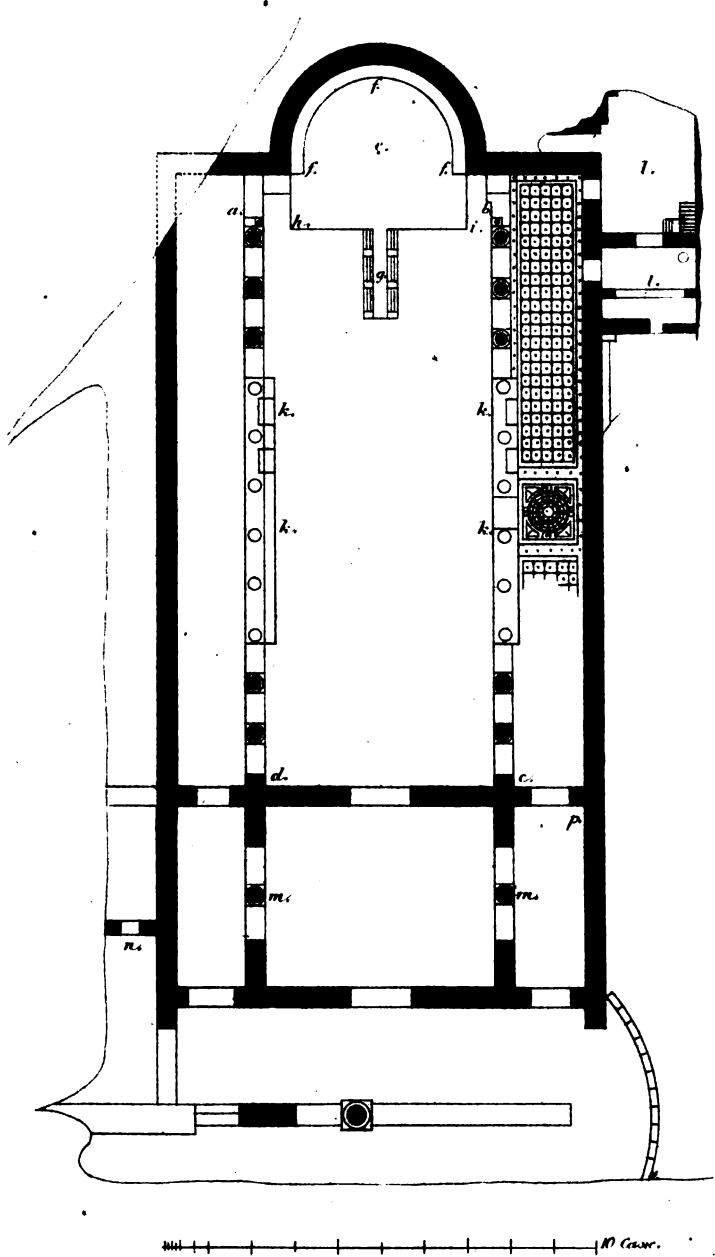
Планы христіанскихъ храмовъ царьградскихъ служили образцами при постройкѣ храмовъ въ прочихъ городахъ Имперіи, такъ что вида церкви, выстроенныя по одному и тому же плану, можно почти навѣрно заключить, что онѣ одновременны. Оттого при христіанскихъ постройкахъ для опредѣленія времени, которому онѣ принадлежатъ, необходимо обратить особенное вниманіе на форму плана.

Церковь, разрытая въ прошлое лѣто, лежитъ на сѣверѣ города, такъ близко къ берегу морскому, что обрушившаяся часть ея увлекла за собою цѣлый уголъ этого строенія. Выстроенная по плану древнихъ базиликъ (см. приложенный здѣсь рисунокъ), церковь имѣетъ въ длину до внутренняго притвора 16 сажень $2\frac{1}{4}$ аршина и въ ширину 10 сажень $1\frac{1}{2}$ аршина. Два ряда въ одиннадцать колоннъ каждый (a. d. b. c.) идугъ во всю длину храма и раздѣляютъ его на три продольныя части: на среднюю часть, или собственно храмъ, и на боковыя галереи. На колоннахъ написаны имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на устройство ихъ. Видно, что жертвовали обыкновенно на нѣсколько колоннъ по пяти согъ динарій. Таковыхъ надписей восемь; одна только изъ нихъ составляетъ исключеніе, относясь по видимому къ устройству одной только колонны. Она кончается буквами X T, которыя, можетъ быть, означаютъ триста халковъ. Правописаніе этихъ надписей, напримеръ *φιλοτιμηβάμενος* вмѣсто *φιλοτιμηόμενος*, *κείονας* вмѣсто *κίονας*, показываетъ упадокъ греческаго языка. Слѣдующія имена еще болѣе подтверждаютъ въ этомъ мнѣніи, погому что всѣ почти носятъ отпечатокъ римскаго вліанія: Валеріанъ, сынъ Валерія; Маркіанъ, сынъ Гайя. Наконецъ последнее доказательство, что колонны сія и надписи принадлежатъ къ IV-му столѣтію, есть слово динарій (*ΔΗΝΑΡΙΟΣ*), употреблявшееся повсемѣстно при Константинѣ Великомъ.

Вся база колонъ сдѣланы по одному рисунку; въ капителяхъ же замѣчается большое разнообразіе, но такъ искусно подобранное, что при общемъ взглядѣ на храмъ разнообразіе это навѣрно не кидалось въ глаза. Нѣкоторые капители по правильности рисунковъ и вѣрности ордена принадлежать къ эпохѣ, въ которую процвѣтало еще чисто греческое искусство. Напротивъ того другія капители явно принадлежатъ византійской архитектурѣ. Онѣ сдѣланы въ видѣ опрокинутыхъ трапецій съ крестами или съ монограммою Христа. Но подъ византійскою трапеціею сохранились еще остатки прежней греческой архитектуры. Алтарная часть оканчивалась полукруглымъ выступомъ (*apsis*, *abside*). Каменная скамья (*t*) позднѣйшаго устройства служила горнымъ мѣстомъ. Стѣпы сохранились здѣсь лучше и выше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ храма. Алтарный помостъ сдѣланъ былъ изъ бѣло-мраморныхъ плитъ и кончался красивою солеею въ одну ступень (*hi*). Четыреугольная плита (*e*) обозначаетъ мѣсто престола. Подъ плитою была маленькая яма, выдолбленная въ скаль; въ ней нашли 22 мѣдныя монеты, изъ которыхъ 19-ть принадлежать къ царствованію Романа I-го (920—944), 2 пелсны и 1 восточная.

Предъ солеею возвышался мраморный амвонъ, обнесенный шестью столбами съ мраморными между ними плитами (*g*). По срединѣ плиты византійскій крестъ. Совершенно подобныя плиты составляли иконостасъ; только колонны, находившіяся между ними, бѣльшаго размѣра, чѣмъ колонны амвона. На срединѣ царскія двери; по бокамъ ихъ иконостасъ совершенно былъ закрытъ вышеописанными плитами до вышины двухъ аршинъ, а далѣе промежутки между колоннами закрывались занавѣсками. Подобныя иконостасы доселѣ еще видны въ нѣкоторыхъ церквахъ Греціи и до царствованія императора Юстиніана были употребляемы во всемъ восточномъ мірѣ. Южныя и сѣверныя двери устроены по бокамъ алтаря (*h. f. i. f.*), кромѣ того на южной сторонѣ былъ устроенъ клиросъ,

Средняя часть церкви, или собственно храмъ (*nef*), вымощенъ изъ бѣлаго мрамора. У среднихъ колоннъ по обѣимъ сторонамъ нефа базы и самыя колоны задѣланы кирпичами почти до трехъ аршинъ вышины. — Тутъ устроены гробницы (*к. к. к.*); остовы, въ нихъ лежавшіе, не носили никакихъ признаковъ для опредѣленія времени и почти совершенно истлѣли. Подобныя склепы часто устраивались въ церквахъ и большею частію подъ церковнымъ помостомъ. Многочисленные примѣры доселѣ существуютъ въ Греціи, гдѣ посятъ они названіе *кмитирій*.

Боковыя галереи вмѣсто мраморнаго помоста украшены были мозаиками. Въ мѣстахъ, гдѣ она портилась, ее замѣняли неправильными кусками бѣлаго мрамора, вѣроятно по неумѣнію возобновить прежнюю. Рисунокъ этихъ мозаикъ очень красивъ; можно предположить, что онѣ принадлежали древнѣйшему зданію. Въ южной галереѣ сохранилась мозаика въ 7 сажень длины; черныя кресты съ краснымъ полемъ между ихъ вѣтвями украшаютъ середину бѣлаго восьмиугольника. — За этимъ рисункомъ слѣдуетъ богатый разноцвѣтный узоръ на серединѣ квадрата въ 5 арш. 6 вершк. Подобныя же остатки половой мозаики находятся въ пристройкахъ (д. 1.) къ южной сторонѣ.

Мозаики по всей церкви большею частію сдѣланы изъ какого-то состава. Онѣ тверже стекла и сохраняютъ весь блескъ красокъ.

Въ сѣверной галереѣ мы не успѣли совершенно открыть мозаичный полъ, по причинѣ холода и выпавшаго снѣга.

Храмъ и обѣ галереи соединяются съ внутреннимъ притворомъ посредствомъ трехъ дверей. Притворъ имѣетъ въ длину 4 сажени 8 вершковъ и раздѣляется на три части, отдѣленные между собою колонною (m. m.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохранились остатки половой мозаики. Хотя рисунокъ ея очень красивъ, но работа немного грубѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Черныя круга пересѣкаются по желтому полю; промежутки между ними, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пересѣкаются, выложены бѣлою мозаикою. Кругомъ всего притвора шла бахрама изъ мозаики, сохраняющая тѣ же краски и тотъ же узоръ, какъ и самая мозаика. У южной стѣны (p) найдена мраморная плита съ оброннымъ изображеніемъ. На ней предстаменъ лежащій мужчина; у ногъ его сидитъ женщина. Въ правой рукѣ онъ держитъ вѣнокъ; у постели стоитъ сидалище самой древней формы. Вообще этотъ барельефъ похожъ на древніе надгробныя памятники; если бы онъ не былъ испещренъ крестами, то нельзя бы было думать, что онъ принадлежитъ къ византійскому періоду. На нижней части его высѣчена надпись; буквы неравной величины сдѣланы дурно и некрасиво. Самая надпись писана съ ошибками, какъ писали при совершенномъ упадкѣ греческаго языка, и раздѣлена тремя большими крестами. Она гласитъ: «Господи! помоги всему этому дому. Аминь.» Этотъ барельефъ вѣроятно служилъ приношеніемъ какого-нибудь херсонитскаго семейства.

На сѣверной сторонѣ притвора начищается какая то пристройка (n), еще не изслѣдованная.

Три двери ведутъ изъ внутренняго притвора къ внѣшнему. У сѣверной двери найденъ карнизъ изъ дикаго камня съ трехстрочною

надписью. Карнизъ этотъ былъ вдавленъ лицевою стороною въ стѣну, такъ что нельзя было видѣть надпись. Последняя разрываетъ намъ много недоумѣній. Изъ сохранившихся трехъ строкъ видно, что она гласитъ объ одномъ гражданинѣ, прославленномъ за издержавныя имъ въ то время, когда онъ занималъ должность агораномъ, три тысячи динарiевъ на храмъ Афродиты. Вотъ ея списокъ, въ которомъ сомнительно только чтенiе перваго собственнаго имени:

ΜΟΚΙΑΡΗΣ ΜΥΡΩΝΟΣ ΦΥΣΕΙΔΕ ΤΕΙΜΟΘΕΟΥ ΦΙΛΟΤΕΙΜΗ
 ΣΑΜΗΝΤΑ ΕΚ ΤΗΣ ΕΞ ΟΔΟΥ ΤΗΣ ΑΓΟΡΑΝΟΜΙΑΣ ΔΑΝΑΡΙΑ ΤΡΙΧΕΙΛΙΑ
 ΕΙΣ ΤΟΝ ΝΑΟΝ ΤΗΣ ΑΦΡΟΔΙΤΗΣ

Нашедши эту надпись, легко объяснить, откуда взялось въ византийскомъ храмѣ столько памятниковъ, по чистотѣ своего искусства явно принадлежавшихъ древнѣйшему зданiю. Христіанская церковь выстроена изъ остатковъ языческаго капища. Почти все херсонитскія церкви перестроены такимъ точно образомъ. Хотя эта надпись принадлежитъ къ языческому храму, предшествовавшему христіанской церкви, но любопытно замѣтить, что ошибочное ея правоиспанiе показываетъ, что самая надпись или возобновлена или снiзноа сдѣлана во II или III столѣтiи. Эта привязанность Херсонитовъ къ идолопоклонству подтверждается ихъ исторiею. Они убили въ первыхъ 20 годахъ IV столѣтiа четырехъ своихъ епископовъ: св. Василiа, Евгенiа, Елиидiа и Агаеодора. По этому можно допустить, что усердствуя идолопоклонству, Херсониты до IV столѣтiа строили или возобновляли капища боговъ. Видно теперь изъ этой надписи, что первобытный храмъ былъ посвященъ Афродитѣ, но любопытно было бы знать, въ честь какого праздника или святаго Херсониты освятили потомъ церковь. Лѣтописи византийскія ни слова не говорятъ о христіанскихъ церквахъ. Единственныя свидѣнiя, какія мы имѣемъ, находятся въ разныхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, или въ рукописныхъ сказанiяхъ о перенесенiи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуми. Но вообще эти свидѣнiя темны и весьма скудны; всего упоминается только о четырехъ церквахъ. Одна церковь выстроена между 320 и 323 годами епископомъ Евсерiемъ I. Величина описанной нами церкви показываетъ, что это не можетъ быть она. Другая церковь св. Василiа, въ которой крестился Великій Князь Владимiръ, стояла на самой срединѣ города, а открытая церковь выстроена на краю города на сѣверѣ у самаго берега морскаго. Третья церковь выстроена была св. Владимiромъ, и четвертая, св. Апостоловъ, упоминается въ житiи св. Климента. По однимъ

этимъ свидѣніямъ трудно опредѣлить названіе открытой церкви; но можно приблизительно указать на время ея построенія.

Форма базилики, данная этому храму, показываетъ, что постройка ея должна быть отнесена къ царствованію Константина Великаго. При разрытіяхъ въ разныхъ мѣстахъ найдены мѣдныя монеты принадлежащія всѣмъ императорамъ, царствовавшимъ послѣ Константина. Такъ на примѣръ были монеты: Валентиніана I (364—375), Граціана (375—383), Θεодосія Великаго (384—395), Эліи Флакцилы, супруги Θεодосія; Аркадія (395—408), Θεодосія младшаго (408—450), Василія (867—886) и Романа (919—944). По свидѣтельству этихъ памятниковъ подтверждается существованіе этой церкви прежде этихъ временъ, т. е. при Константинѣ Великомъ.

Кромѣ монетъ открыто много кусковъ стеклянной мозаики, украсившей сводъ всего храма или часть его. На сохранившихся стѣнахъ видны слѣды живописи, которую повидному нѣсколько разъ поправляли. Колонны почернѣли отъ огня, уничтожившаго этотъ храмъ въ X-мъ столѣтіи, т. е. вѣроятно во время одной изъ осадъ Корсуня. Сдѣланныя разысканія не опредѣлили еще значенія разныхъ пристроекъ, найденныхъ у самыхъ стѣнъ церкви. Предъ притворомъ начинается преддверіе или вѣншній притворъ, не открытый еще окончательно и по видному простирающійся гораздо далѣе. Хотя изслѣдованіе этого храма не совершенно еще окончено, но тѣмъ не менѣе оно весьма важно, ибо показало намъ планъ византійской церкви со всеми ея архитектурными частями.

Гр. А. Уваровъ.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

О

КЕРЧЕНСКИХЪ ГРОБНИЦАХЪ.

(ИЗЪ ПИСМА ЧЛЕННИКА КЕРЧЕНСКАГО МУЗЕЯ А. СТ. ЛИННИЧА КЪ ИЗДАТЕЛЮ).

....Раскопы въ Керчи производились этимъ лѣтомъ и осенью, какъ вы знаете, на западной оконечности горы Митридата, на подошвахъ и скатахъ тѣхъ первыхъ четырехъ скалистыхъ возвышеній, которыя тянутся отъ горы Митридата къ западу, и въ группѣ насыпей, идущей параллельно сѣверной части Татарской-слободки.

Склепъ не разоренный открытъ только одинъ¹. Онъ былъ построенъ изъ пиленаго керченскаго известняка, имѣлъ коробовой (т. е. полукруглый цилиндрической) сводъ, и не былъ ни оштукатуренъ, ни выкрашенъ. Все внутреннее пространство его было занято двумя гробами, плотно приставленными другъ къ другу. Этимъ можно наглядно опредѣлять его ширину, длину и высоту, ибо двѣ послѣднія были равны между собою. Какъ размѣры его лишены художественной пропорциональности, такъ и самое исполненіе постройки стоитъ на весьма низкой степени искусства. Возлѣ вѣншей стороны плиты, закрывавшей собою входъ, который находился въ восточной стѣнѣ склепа, лежалъ истлѣвшій остовъ лошади. Въ самомъ склепѣ покоились,

¹ Между первымъ скалистымъ возвышеніемъ и дорогою, идущею параллельно сѣверной части Татарской-слободки. Счетъ возвышеній начинается отъ рва, окружающаго гору Митридатъ.

какъ сказано выше, въ деревянныхъ гробахъ, два совершенно истлѣвшихъ костяка: одинъ, по правую сторону, — мужчины, другой, по лѣвую, — женщины, оба головами ко входу¹. На первомъ, изъ нихъ надѣтъ былъ массивный золотой вѣнокъ (похожій на ленту въ два пальца ширины), украшенный золотыми листиками, подобными дѣйствительно листьямъ зора, какъ ихъ обыкновенно называютъ². Подъ головой его была подушка изъ душистыхъ травъ и кореньевъ. Къ вещамъ, положеннымъ вмѣстѣ съ мущиною, относятся: а) двѣ золотыхъ фибулы; б) нѣсколько золотыхъ пряжекъ; в) нѣсколько пластинокъ изъ листового золота, разной формы и величины, украшавшихъ вѣроятно поясъ; на двухъ изъ нихъ очень педурно оттиснуты изображенія геніевъ съ опущенными факелами; д) узда съ желѣзными удилами и серебряными пряжками; ремни ея украшены были серебряными и золотыми пластинками разной формы и величины; въ некоторыхъ изъ нихъ вставлены были сердолики; е) небольшая деревянная палочка съ серебрянымъ кольцомъ на концѣ, можетъ быть рукоять плети, и ф) широкій мечъ, къ сожалѣнію очень окиспій; рукоять его украшена была серебромъ, а на концѣ большимъ чернымъ камнемъ, гладко обточеннымъ; ножны были обдѣланы тоже въ серебро. Къ вещамъ, положеннымъ съ женщиною, можно отнести: а) серьги, свѣтлыя изъ мелкихъ золотыхъ проволокъ, съ вставленными по срединѣ ихъ небольшими гранатами; б) перстень съ двумя такими же камнями и такой же работы; в) зерна ожерелья: одни мозаичныя съ дурнымъ изображеніемъ человѣческой головы прямо, другія золотыя съ небольшими привѣсками; д) золотыя пряжки отъ пояса, съ разными золотыми же украшениями къ нему; е) пуговицы изъ листового золота, украшавшія платье погребенной; ф) обломки деревяннаго частака съ обѣихъ сторонъ гребня и г) обломокъ корзиночки, сметенной изъ мелкихъ прутиковъ. — Кроме того, по найденнымъ остаткамъ маленькаго деревяннаго гроба видно, что здѣсь погребенъ былъ ребенокъ. Къ вещамъ, принадлежавшимъ ему, можно отнести: а) маленькую золотую серьгу съ подвѣской и б) нѣ-

¹ Г. Ашики въ сочиненіи своемъ Воспорское Царство Ч. II. стр. 5. пишетъ, что въ подобныхъ гробницахъ усопшіе обыкновенно обращены ногами ко входу. То же подтверждаетъ онъ на стр. 44, гдѣ сказано: «спокойникъ лежалъ лицомъ къ дверямъ гробницы», и на стр. 50: «Остовы лежали на подстилкѣ изъ лавровыхъ листьевъ лицомъ къ дверямъ гробницы».

² Во всѣхъ вѣнкахъ листики эти имѣютъ обыкновенно направленіе отъ ушей ко лбу; здѣсь же наоборотъ они направляются отъ лба къ затылку.

сколько бусинъ изъ стеклянной массы сѣвратаго цвѣта. Чтобы сказать, сколько мѣвъ помнится, обо всемъ, что было найдено въ этомъ склепѣ, надобно еще упомянуть одинъ стеклянный флаконъ съ шарообразною нижнею частию и узкимъ цилиндрическимъ горломъ и мѣдную монету царствованія Рескупорида V (по Кёне; по Спасскому и Сабатье VII) съ годомъ *ΝΗΦ* (т. е. 262 нашей эры), найденную гдѣ-то въ погахъ. Основываясь на обилии золотыхъ и серебряныхъ вещей, найденныхъ въ этомъ склепѣ, можно заключить, что въ немъ погребено было знатное семейство, особливо если принять въ соображеніе время, къ которому онъ относится, именно вторую половину третьаго вѣка — время бѣдное благородными металлами.

Кромѣ этого, вполне сохранившагося склепа отытъ еще одинъ¹; котораго уцѣлѣла лишь одна часть. Сѣверная стѣна его, въ которой, вѣроятно, былъ входъ, и противоположная ей южная были разобраны; по судя по толщинѣ остальныхъ двухъ стѣнъ, разстоянію между ними и уцѣлѣвшимъ тремъ своднымъ камнямъ, я полагаю, что этотъ склепъ и формою и величиною походилъ на тотъ, который вы здѣсь видите, и который былъ описанъ прошлаго года г. Бенкеромъ въ Сборникѣ нашемъ на стр. 364-й I-го отдѣла III-го тома. Склепъ этотъ внутри былъ оштукатуренъ. Верхнія части его окрашены бѣлою краской, на которой видны мѣстами красноватыя пятна, образовавшіяся какъ будто отъ брызгъ, а нижняя — темно-красною; узкая черная касмка разделяетъ два цвѣта. Подъ карнизомъ западной стѣны была надпись краснаго цвѣта. Такъ какъ штукатурка въ некоторыхъ мѣстахъ отбита, то начала ея разобрать нельзя, держаю ее такъ какъ она есть:

ΘΕΣΙΜΟΙ ΠΑΤΕΙ ΠΡΙΝΚΙΟΣ

Продолженія нѣтъ, потому что слѣдующіе камни были разобраны и не найдены.

Основываясь на различной архитектурѣ склеповъ, на разности въ украшеніяхъ, встрѣчающихся на внутреннихъ стѣнахъ ихъ, наконецъ на тѣхъ вещахъ, которыя въ нихъ находятся, можно заключить, что обычай строить склепы, начавшись въ Пантикапее въ очень древнее время², сохранился въ ней до самаго конца ея существованія. Самыми древними склепами почитаются найденные въ курганахъ: Витль-о-ба (неправильно названномъ Коль-о-ба), Царскомъ и Золотомъ. Неразрѣ-

¹ Между первымъ и вторымъ скалистыми возвышеніями.

² Вещи, найденныя въ склепѣ, который въ книгахъ называютъ Коль-обскимъ, относятся обыкновенно къ первымъ царямъ династіи Спартокидовъ.

ный склепъ, открытый въ нынѣшнемъ году и описанный выше, есть, какъ мнѣ кажется, единственный, относящійся къ столь поздней эпохѣ.

ВИДЛНЫХЪ КАТАКОМЪ открыто шесть. Такія катакомбы находятся и близъ древней Фанагоріи и, какъ пишетъ г. Карейша, въ Херсонѣ Таврическомъ¹; гг. Дюбуа² и Беккеръ³ думаютъ, что они принадлежатъ христіанамъ. Въ одной изъ подобныхъ катакомбъ⁴, очевидно разоренной, найдено между раскиданными костями нѣсколько вазъ, можетъ быть туземнаго произведенія. Глина, изъ которой сдѣланы эти вазы, и груба и дурно выдѣлана. Форма ихъ, хотя и похожа на античную, но не пропорціональна: наибольшее расширеніе ихъ очень низко, отчего горло кажется длиннымъ, ручки тоже черезъ чуръ велики. Рисунки на нихъ, сдѣланные разноцвѣтными акварельными красками, какъ ни дурны по исполненію, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, потому что рѣзкимъ образомъ отдѣляются отъ рисунковъ на другихъ античныхъ вазахъ, находимыхъ здѣсь. Тамъ на одной изъ нашихъ вазъ изображена стоящая фигура о двухъ большихъ опущенныхъ крыльяхъ, лицомъ обращенная къ зрителю. На другой, гдѣ рисунокъ уцѣлѣлъ немного лучше, можно разобрать двухъ воиновъ, нападающихъ другъ на друга, тоже обращенныхъ лицами къ зрителю. Лица эти вовсе не подходятъ подъ греческіе типы; одежду ихъ всего лучше можно сравнить съ нашими русскими сарафанами, съ тою разницею, что она гораздо короче, именно едва доходитъ до коленъ, и что рукава у ней узкіе. Возлѣ воина, находящагося по правую сторону отъ зрителя, виденъ овальный щитъ съ выемкой наверху; можетъ быть онъ держитъ его въ лѣвой рукѣ. На оборотной сторонѣ этой вазы нарисованы черною краскою двѣ маститыя фигуры, въ широкихъ мантияхъ, обращенныя другъ къ другу. Изображеніе колонны (символической?), видимое между ними, не позволяетъ думать, чтобы вазы эти принадлежали христіанамъ, и еще менѣе, чтобы онѣ положены были въ гробницы ихъ. Вазы съ подобными рисунками, даже хорошо сохранившимися, попадаются не въ первый разъ.

Такъ какъ одна изъ подобныхъ катакомбъ найдена не разоренною, то я считаю нужнымъ сдѣлать ея описаніе.

¹ Лѣтомъ 1853 г. графъ А. С. Уваровъ открылъ цѣлый рядъ катакомбъ около развалинъ Херсонеса, о чемъ см. предыдущую статью. *Прим. Издат.*

² Voyage autour du Caucase t. V p. 185.

³ Прошлен 1853 г. Отд. I. стр. 363.

⁴ Катакомба эта, равно какъ и другія, открыта была близъ Татарской-слободки противъ 4-го скалистаго кургана. Она имѣла около 1 кв. сажени площади и 1 ф. вышины.

Небольшое отверстие въ северной стѣнѣ, заваленное плитою, служило ей входомъ. Вдоль южной стѣны, противоположной входу, находилась лежанка, на которой покоился совершенно истлѣвшій костякъ головою на З. Судя по найденнымъ тутъ полуистлѣвшимъ остаткамъ досокъ, можно думать, что покойникъ погребенъ былъ въ деревянномъ гробѣ. На немъ найдено двѣ мѣдныхъ пряжки, а въ головахъ его небольшой стеклянный стаканъ, похожій на нынѣшніе, и два стеклянныхъ сосуда (каждый вышиною около $\frac{1}{2}$ ар.), съ шарообразною нижнею частію и расширяющимся къ верху горломъ. На полу катакомбы покоились лицомъ ко входу еще два костяка, тоже въ деревянныхъ гробахъ. Между ними стояла глиняная труба, похожая на горло большой амфоры, а въ головахъ ихъ, прислоненное къ лежанкѣ стеклянное круглое блюдо (патера?) около $\frac{1}{2}$ ар. въ діаметръ¹ и большая чашка съ кувшиномъ, оба изъ глины. На одномъ изъ костяковъ (лежавшемъ по лѣвую сторону входа) найдены три большія бусины, изъ массы блѣдно-вататаго цвѣта, застежка и кольцо мѣдныя; на другомъ, не было ничего кромѣ двухъ пряжекъ на поясъ. Въ небольшой нишѣ, вырубленной въ западной стѣнѣ, стояли три стеклянные сосуда, два подобные описаннымъ выше и одинъ около $\frac{1}{2}$ ар. вышины; послѣдній былъ до половины наполненъ какою-то жидкостью съ красноватымъ на днѣ отстоемъ.

чашка съ кувшиномъ

КАМЕННЫЯ ГРОБНИЦЫ попадались различныя:

а) Однѣ изъ нихъ складены изъ мелкихъ плитъ пленаго известняка и наименовали собою склепы, отличались отъ нихъ тѣмъ, что были безъ сводовъ и не имѣли особыхъ отверстій для входа. Такихъ гробницъ, не разоренныхъ, не попадалось въ этомъ году.

б) Въ другихъ гробницахъ стѣны, крышу и дно составляли тесаныя, иногда цѣльныя плиты. Вотъ описаніе одной изъ нихъ². Она имѣла въ длину 3, въ ширину $1\frac{1}{2}$ и въ глубину 1 аршинъ. Бока ея состояли каждый изъ двухъ плитъ известкового бѣлаго камня, поставленныхъ на ребро; концы изъ одной, а крыша изъ трехъ такихъ же плитъ. Истлѣвшій костякъ, погребенный въ деревянномъ гробу, коего слѣды едва замѣтны, лежалъ головою на Ю. В. Исследование, по обыкновению, началось съ ногъ. Возлѣ ступни лѣвой ноги его найденъ четырехугольный стеклянный сосудъ обѣ одной ручкѣ, возлѣ

¹ Точь въ точь такіа деревянныя блюда употребляются адышскими Татарами.

² Гробница эта найдена была на Ю. В. подогости втораго скалистаго возвышенія.

ступни правой—стаканъ изъ синяго стекла, возлѣ лѣваго колѣна— круглое бронзовое зеркало безъ украшеній и возлѣ правой сторопы головы маленькая слезница позднѣйшей формы. Кромѣ того отъ ногъ до головы попадались золотые листики, украшавшіе платье погребенной и продолговатыя стеклянныя бусы, а при просѣяніи земли найдены обломки маленькой серебряной ложечки и золотой перстень, съ гранатомъ, на которомъ вырѣзана Минерва.

с) Кромѣ того, найдена гробница, которой одинъ только бока обложены были огромными цѣльными плитами¹. Гробница эта была расхищена, но искавшіе золота пренебрегли бывшею въ ней вазой, весьма замѣчательною по рѣдкости рисунка. На ней изображена обнаженная крылатая женская фигура верхомъ на лошади, преслѣдующая женщину, которая видимо старается удраться отъ нея, держа правую руку свою распростертую хламиду. Другая ваза съ подобнымъ изображеніемъ найдена въ земляной гробницѣ, подробно описанной ниже.

Объ эпохѣ этихъ каменныхъ гробницъ я не рѣшаюсь сказать ничего положительнаго. Неразоренная гробница, описанная подъ буквою Ъ, и по размѣрамъ, и по положенію костяковъ, и по вещамъ, совершенно сходна съ земляными гробницами, между которыми она находилась. Ее надобно следовательно признать за одновременную съ ними, но, вообще говоря, всего вѣроятнѣе, что каменные гробницы, точно такъ же, какъ склепы, не составляютъ исключительной принадлежности какого нибудь періода времени, и что употребленіе ихъ обуславливалось частію богатствомъ, оставшимся послѣ погребеннаго, частію личнымъ расположеніемъ къ нему погребавшихъ его.

ЗЕМЛЯНЫХЪ ГРОБНИЦЪ попадалось очень много. Ихъ можно раздѣлить на два главныхъ рода: I. гробницы, находящіяся на поверхности материка, и II. гробницы, выкопанныя въ материкъ.

I. Гробницы, находящіяся на поверхности материка, подраздѣляются снова на: а) покрытыя плитами и б) не покрытыя ими.

а) Въ первыхъ, не смотря на ихъ многочисленность, не найдено ни одной цѣнной въ матеріальномъ отношеніи вещи. Мѣдная монета, положенная на губу покойника, окисная пряжка на поясъ, да простой глиняный кувшинъ у ногъ—вотъ все, что обыкновенно попадалось въ нихъ. Очевидно, что онѣ принадлежатъ бѣдному классу паптикапейскаго народонаселенія. Конечно и между ними должны быть отбѣнки, отличающіе болѣе древнія отъ менѣ древнихъ, но такъ какъ вещи,

¹ Гробница эта находилась шагахъ въ 300 къ западу отъ земляныхъ катакомбъ.

находимыя въ нихъ, самой простой работы, а монеты испорчены окисью, то оттѣнки эти очень блѣдны и совершенно ускользали отъ моего наблюденія.

б) Не таковы гробницы не покрытыя плитами, которыя попадались очень рѣдко и, можетъ быть, суть самыя древнія изъ найденныхъ въ нынѣшнемъ году. Привожу описаніе одной изъ нихъ ¹. Совершенно истлѣвшій костякъ лежалъ на материкѣ головою на ю. По обонимъ плечамъ его найдены обломки серебряныхъ окисшихъ аграфовъ, на груди электрова пуговица съ украшеніемъ филигранной работы, у пальцевъ правой руки серебряный перстень, возлѣ лѣвой — два глиняные лекноа, украшенные арабесками и черными клѣточками, маленькая обѣ одной ручкѣ вазочка съ подобными же украшеніями, но безъ арабесокъ, одинъ простой глиняный горшочекъ и въ ногахъ глиняный кувшинъ, тоже простой, обѣ одной ручкѣ. — Въ другой подобной гробницѣ ², гдѣ и слѣдовъ костяка не осталось, найдена раздавленная землею въ мелкія части прекрасная ваза обѣ одной ручкѣ, покрытая черною глазурью и украшенная канелюрами. Ваза эта была реставрирована еще въ древности, ибо на окраинахъ горла ея найдены три золотыя пластинки, которыя, вѣроятно, прикрывали собою сдвинныя выщербины. Возлѣ вазы найденъ еще продолговатый стаканъ изъ тонкаго стекла съ короткимъ подножіемъ.

II. Гробницы, выкопанныя въ материкѣ.

Гробницы эти были слѣдующихъ родовъ: а) не покрытыя плитами, не широкія и не глубоко выкопанныя въ материкѣ, б) покрытыя плитами, широкія, выкопанныя глубоко, и с) крытыя плитами, но не глубоко выкопанныя въ материкѣ.

а) Не глубокихъ гробницъ, не широкихъ и не крытыхъ плитами сколько мнѣ помнится, возлѣ Татарской-слободки открыто пять. Онѣ имѣли около двухъ четвертей въ глубину и трехъ въ ширину. Костяки, погребенные въ нихъ безъ гробовъ (ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ послѣднихъ), лежали головами на в. Въ двухъ гробницахъ, кромѣ черепковъ отъ вазочекъ, украшенныхъ пальметками, разбросанныхъ по всей гробницѣ, и пантикапейской монеты на зубахъ костяковъ, ничего не было. Въ третьей, кромѣ этого, возлѣ лѣвой руки костяка найденъ халцедонъ, на которомъ прекрасно вырѣзанъ стоящій олень. Въ четвер-

¹ Она была открыта на глубинѣ 1½ ар. въ небольшомъ курганѣ, находящемся къ ю. отъ 2-го скалистаго возвышенія, неподалеку отъ идущей здѣсь дороги.

² Гробница эта открыта была на обвержкѣ скатъ 1-го скалистаго возвышенія на глубинѣ около 1½ ар.

той найдена цѣльная вазочка, украшенная пальметкой, обломокъ серебрянаго аграфа и большая ваза о двухъ ручкахъ съ рисункомъ, изображающимъ верхомъ на лошади крылатую женскую фигуру, настагающую женщину, которая, держа правую рукою распростертую ламиду, какъ бы хочетъ укрыться подъ нею. (Точно такая же ваза найдена въ каменной гробницѣ, описанной выше.) Наконецъ цѣлая гробница была еще богаче. Въ ней собраны черепки, которые, будучи склеены, составили вазочку столь же прекрасную по формѣ, сколько по рисунку. Вазочка эта сходна съ изображенной у Inghirami въ сочиненіи Monumenti Etruschi ser. V. tav. XXXIV, съ тою разницею, что рисунокъ на первой несравненно чище и отчетливѣе; кромѣ того на немъ надъ головою Минервы нѣтъ совы (мѣсто это покрыто чернымъ лакомъ), на щитѣ ея дельфинъ и другое какое-то простое украшеніе, которое разобрать трудно, и по желтому фону никакой надписи. Фигуру, кажется мужскую, выходящую на задней сторонѣ вазы, очень поврежденную, описать не могу. Высота этой вазы одною третью меньше изображенной на рисункѣ Inghirami. Кромѣ того есть разница и въ формѣ ихъ: тогда какъ у этой послѣдней наибольшее расширеніе составляетъ $\frac{1}{3}$ всей высоты вазы, на первой оно едва равняется половинѣ, да и вообще можно сказать, что форма ея несравненно изящнѣе.

Основываясь на этихъ находкахъ, мнѣ кажется, можно заключить, что земляныя гробницы эти относятся къ лучшимъ и слѣдовательно болѣе древнимъ временамъ Греціи; я думаю, что онѣ слѣдуютъ за земляными гробницами, находящимися на материкѣ (описанными въ § I подѣ буквою b), и что онѣ древнѣе тѣхъ, которыхъ описаніе тотчасъ слѣдуетъ.

b) Гробницы, глубоко выкопанныя въ материкъ (иногда на 2 ар.), широкія (большую частію въ $1\frac{1}{4}$ ар.) и крытыя плитами такъ плотно, что земля не могла проникать въ ихъ середину. Такія гробницы попадались очень часто¹. Костяки, погребенные въ деревянныхъ гробахъ, на южныхъ сторонахъ возвышеній лежали, головами на ю.-в., а на сѣверныхъ на с.-в. Прилагаю описаніе одной изъ нихъ. Такъ какъ гробница эта имѣла всѣ тѣ отличительные признаки, о которыхъ я сей часъ говорилъ, то перейду прямо къ сдѣланнымъ въ ней находкамъ². Возлѣ ногъ костяка найденъ четырехугольный стеклян-

¹ Ихъ находили почти вездѣ: на Митридатѣ, на скатахъ перваго и втораго скалестыхъ возвышеній, близъ Татарской-слободки и Еврейскаго кладбища.

² Гробница эта найдена была на юго-восточномъ скатѣ 2-го скалестаго возвышенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ неразоренной каменной гробницы, описанной выше.

ный сосудъ съ ручкой, возлѣ лѣвой руки его браслетъ изъ толстой серебряной проволоки и три перстня: одинъ тоненькій золотой съ бѣлымъ камешкомъ, на которомъ рельефно изображена подковка, другой окиспій, съ сердоликомъ, на которомъ вырѣзана Минерва, и третій желвзный, совершенно перегорѣвшій отъ окися; далѣе, на груди и около шеи — зерна ожерелья, числомъ около ста, одни изъ стекла, другія изъ лигнита; въ числѣ послѣднихъ одна амулетка въ видѣ съкиры; — и наконецъ возлѣ головы обломки окисшихъ серебряныхъ серегъ.

Гробницы эти не столь древни какъ тѣ, которыя не глубоко выкопаны въ материкъ и не покрыты плитами, какъ я уже замѣтилъ это выше. Доказательствомъ тому служить, что въ первыхъ гробницахъ, иногда довольно богатыхъ, никогда не попадалось никакихъ вазъ не только съ рисунками, но даже съ какимъ нибудь простымъ украшеніемъ. Ихъ мѣсто заступали или грубой работы глиняные кувшины, или всего чаще — стеклянные сосуды; въ слезницахъ, находимыхъ въ нихъ, нижняя конусообразная часть имѣла почти половину высоты всей слезницы, тогда какъ, чѣмъ древнѣе слезница, тѣмъ эта часть составляетъ меньшую долю: одну третью, четвертую и даже пятую; наконецъ различная степень сохраненія гробницъ и костяковъ при одинаковыхъ условіяхъ грунта, служить еще однимъ даннымъ, хотя конечно, весьма слабымъ, говорящимъ въ пользу древности гробницъ не глубоко выкопанныхъ въ материкъ и не крытыхъ плитами, сравнительно съ гробницами глубоко выкопанными въ материкъ.

Наконецъ с) земляныя гробницы, не глубоко выкопанныя въ материкъ и крытыя плитами. Кромѣ того, что покрыты плитами, онѣ отличаются отъ гробницъ не глубоко выкопанныхъ и не крытыхъ плитами еще и тѣмъ, что просторнѣе ихъ. Двѣались же онѣ просторнѣе, можетъ быть потому, что должны были заключать въ себѣ погребенныхъ въ деревянныхъ гробахъ. Привожу описаніе подобной гробницы¹. Совершенно истлѣвшій костякъ лежалъ въ ней головою на в. Найдено: возлѣ ногъ черепки стекляннаго сосуда, разбитаго, вѣроятно, обвалившеюся плитою, мѣдная лещедка отъ замка и четыре шляпки отъ гвоздей, прикрѣпленныхъ лещедку къ туалетному ящику (такіе ящики иногда вѣдлись въ женскія гробницы); возлѣ пальцевъ лѣвой руки золотая серьга съ вставленнымъ гранатомъ, подобная найденной въ неразореномъ склепѣ, описанномъ выше; на груди нѣсколько мошинъ

¹ Она была открыта на одной мѣстности съ неразоренымъ склепомъ.

и възлѣ головы двѣ маленькія серыги изъ тонкой золотой проволоки, безъ всякихъ украшеній. Кромѣ того отъ ногъ до головы попадались золотыя листики разной формы. Вероятно, что гробъ, въ которомъ лежала погребенная, такъ же какъ бывший, можетъ быть, тутъ туалетный ящикъ, совершенно истлѣли, чему весьма много способствовало положеніе могилы въ небольшой лощинѣ. Что гробъ однакожь былъ въ ней, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, потому что въ подобныхъ гробницахъ, отрытыхъ съ нею на одной и той же мѣстности, вездѣ были замѣтны слѣды гробовъ. Суда по тому, что въ одной изъ нихъ найдена монета Рескупорида VII, ихъ можно отнести къ позднему времени.

ЖЖЕННЫЯ ГРОБНИЦЫ.

а) Однѣ изъ нихъ служили не только могилою скороненному въ нихъ праху, но и мѣстомъ костра, на которомъ сожженъ былъ трупъ. Узнать гробницы послѣдняго рода не трудно: въ нихъ обыкновенно много угольевъ и кругомъ земля горючая. Найденныя въ нынѣшнемъ году заключали въ себѣ свернувшіеся отъ огня золотыя листики вѣнца, свѣтки стекляннoй посуды и амулетки изъ зеленой египетской массы, побѣлѣвшія отъ дѣйствія огня: одна изъ нихъ кромѣ того была усыана глиняными пластинками разной величины съ прекраснымъ рельефнымъ изображеніемъ головы Медусы en face. Такія гробницы не покрывались плитами. Вероятно когда трупъ сгоралъ и костеръ потушалъ его засыпали землею; тѣмъ дѣло и кончалось.

б) Впрочемъ были и такія гробницы, которыя заключали въ себѣ лишь собранныя съ костра жженныя кости. Доказательствомъ этому служить найденная въ нынѣшнемъ году гробница, въ которой жженныя кости, безъ угольевъ, разсыпанныя по землѣ, были покрыты свеху черепицами.

Наконецъ с) кости собирались въ урны, которыя накрывались крышей, плотно примазанною къ нимъ алебастромъ. Въ одной изъ такихъ урнъ найдены: золотой перстень съ выпавшимъ камнемъ, утратившимся, вероятно, во время сожиганія покойника на кострѣ; черепки разбитой стекляннoй слезницы; золотая трубочка съ круглою привѣской. Другая урна обложена была двумя парами статуэтокъ Венеры; каждая пара этихъ статуэтокъ, очевидно, вышла изъ одной и той же формы. Въ самой же урнѣ, кромѣ большой бусины изъ зеленой египетской массы, ничего не было.

ЧЕРЕПИЧНЫХЪ ГРОБНИЦЪ открыто очень не много, да и тѣ не были обильны находками. Только въ одной изъ нихъ ¹ найдено въ ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка глиняное изображеніе морской раковины, на пьедесталѣ, заслуживающее вниманія, и то не по художественному исполненію, а по оригинальности изображенія. По серединѣ раковины представлена обнаженная Венера, а по бокамъ ея двѣ другія фигуры: одна по правую сторону — бородатаго Пріапа, другая по лѣвую — съ лирой, вѣроятно Амура. Фигуры эти сдѣланы рельефно, очень дурно раскрашены красками и представлены en face.

Оканчивая этимъ описаніе гробницъ, открытыхъ въ нынѣшнемъ году, приведу одно обстоятельство, которое, полагаю, должно обратить на себя вниманіе.

Между первымъ скалистымъ возвышеніемъ и дорогою, идущую параллельно свверной части Татарской-слободки, въ боковой части одного небольшого кургана найдены три гробницы. Верхняя изъ нихъ была черепичная съ жженными костями (она описана выше); полуаршинномъ ниже ея была земляная не крытая плитами (она заключала въ себѣ костякъ, лежащій на материкѣ головою на ю.-в.); наконецъ нижняя была не глубоко выкопана въ материкѣ и покрыта плитами — костякъ лежалъ въ ней головою на в. Гробницы эти не лежали одна надъ другою, но только одна часть черепичной гробницы покрывала собою одну часть второй, именно ту часть, гдѣ была голова костяка, между тѣмъ какъ ноги послѣдняго, не найденныя нами, должны были бы находиться надъ головою костяка, лежавшаго въ третьей гробницѣ. Изъ этого можно заключить, что вторая гробница была потревожена, когда рыли третью. Фактъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ рѣшаетъ временное первенство гробницы одного рода передъ гробницами двухъ другихъ родовъ. Два, три подобныхъ факта — и вопросъ о древности разныхъ родовъ гробницъ могъ бы быть рѣшенъ. Къ сожалѣнію такихъ фактовъ замѣчено еще мало.

Я позволю себѣ однакоже высказать нѣсколько предположеній объ эпохахъ керченскихъ гробницъ, представляя ихъ, какъ простымъ предположеніемъ, на судъ ученыхъ и времени.

Склепы, каменные гробницы, и земляныя, находящіяся на поверхности материка и крытыя плитами, не принадлежать исключительно какому нибудь періоду времени. Остальныя могутъ быть распределены относительно времени въ слѣдующемъ порядкѣ:

¹ Гробница эта была открыта на южномъ скатѣ 2-го скалистаго возвышенія.

1. земляныя гробницы, находящіяся на поверхности материка и не крытыя плитами;

2. жженыя гробницы, если онѣ только были во всеобщемъ употребленіи въ известную эпоху;

3. гробницы не глубоко выкопанныя въ землѣ и не крытыя плитами;

4. черепичныя;

5. земляныя, глубоко выкопанныя въ материкѣ и крытыя плитами;

6. гробницы не глубоко выкопанныя въ материкѣ и крытыя плитами.

Въ заключеніе считаю нужнымъ оговориться. Всѣ гробницы, найденныя въ нынѣшнемъ году, подходятъ подъ одно изъ этихъ раздѣленій; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ гробницы, которыя находятся близъ Керчи, нашли въ нихъ свое мѣсто. Для полнаго опредѣленія всѣхъ ихъ слишкомъ мало моихъ четырехъ-мѣсячныхъ наблюденій....

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОПЫТКАХЪ ПЕРЕВОДИТЬ ГОМЕРА НА ПРОСТОНАРОДНЫЙ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ недавнее время возникъ у насъ вопросъ о лучшемъ и вѣрнѣйшемъ способѣ переводить Гомера на русскій языкъ. Первымъ поводомъ къ спору послужилъ Гнѣдичевъ переводъ Иліады. Находили, что Гнѣдичъ совершенно измѣнилъ колоритъ гомерическихъ пѣсень, что старыми славянскими оборотами и реченіями онъ придалъ имъ какую-то торжественность. Жуковскій своимъ переводомъ Одиссеи, казалось бы, долженъ былъ удовлетворить требованіямъ критиковъ, упрекавшихъ Гнѣдича въ недостатокъ простоты: языкъ этого перевода есть чистый и изящный языкъ современной литературы нашей; если въ немъ иногда и попадались нѣкоторые архаизмы (къ сожалѣнію, не совсѣмъ удачные), то такъ рѣдко, что они почти исчезаютъ въ цѣломъ переводѣ. Оказалось, что и въ переводѣ Жуковскаго недостатокъ простоты. Возникла мысль, что Гомера слѣдуетъ переводить на простонародный русскій языкъ, на языкъ сказокъ и пѣсень. Прочь всякая торжественность, всякая высокопарность! (такъ восклицали нововводители). Въ гомерическихъ пѣсняхъ высказывался народъ въ своемъ младенчествѣ; слово такого народа просто, безхитростно, наивно, и по русски оно должно быть передаваемо такимъ же младенческимъ и наивнымъ словомъ; для вѣрнѣйшей передачи Гомера всего лучше можетъ послужить Кирша Даниловъ. Публика слушала эти разсужденія,

можетъ быть, не совсѣмъ безъ одобренія. Въ ежедневномъ говорѣ людей чего не высказывается, чего нельзя высказать, какъ нѣчто весьма понятное, весьма разумное и заслуживающее одобренія? Но вотъ, вмѣсто разсужденій, являются опыты, вмѣсто словъ — дѣло, и каждый тотчасъ же чувствуетъ его несостоятельность. Вотъ по чему надобно желать, чтобы всякая теорія или ссылалась на сдѣланное дѣло, или завершалась дѣломъ: пока она остается на однихъ словахъ, вѣрность или невѣрность ея понятна только немногимъ, и не прежде какъ перешедши въ дѣло, она изобличаетъ себя для всѣхъ.

Не имѣя въ виду разбирать сдѣланныя у насъ попытки переводить Гомера простонароднымъ языкомъ, мы ограничимся одними общими замѣчаніями о ложности воззрѣнія, изъ котораго они произстали.

Само собою разумвется, что переводъ долженъ прежде всего быть вѣренъ подлиннику: безъ этого условія онъ теряетъ всякое значеніе. Какъ бы плохъ ни былъ переводъ, трудно предположить, чтобы въ немъ не сохранялось по крайней мѣрѣ общее содержаніе подлинника; въ переводъ истинно взяточномъ передаются, по возможности, всѣ частности и особенности, весь характеръ и тонъ произведенія.

Но подобныя общія положенія не ведутъ ни къ чему. Отъ частаго употребленія они такъ выдыхаются, что мы и слушаемъ, и высказываемъ ихъ совершенно безъ всякой мысли, какъ передаемъ и принимаемъ истертую монету, не распознавая на ней никакого клейма. А потому, чтобы не говорить понапрасну, лучше всего прибѣгнуть къ анализу, и пуститься въ подробности. Вмѣсто цѣлаго произведенія, возьмемъ простыя реченія языка. Какъ понятіе, слово имѣетъ двоякую сторону: общую, родовую, и частную, видовую; наконецъ, оно имѣетъ даже индивидуальное, чисто-особенное значеніе. Общую сторону реченій схватить легко; но ихъ видовыя отличія доступны только для человека, вполне владѣющаго языкомъ. Передавая общее значеніе слова, вы еще не касаетесь его частнаго значенія; но передавая данное значеніе другимъ значеніемъ, ставя *b* вмѣсто *a*, и *c* вмѣсто *b*, вы дѣлаете хуже, чѣмъ еслибъ ничего не дѣлали, вы вводите другихъ въ заблужденіе, вы не переводите, а сочиняете.

Вотъ напримѣръ нѣсколько реченій: *дѣва*, *дѣвица*, *дѣвка*, *дѣвушка*. Эти четыре реченія, съ общей своей стороны и по этимологіи, суть почти одно слово; но каждое изъ нихъ имѣетъ въ употребленіи свою особенность, отличающую его отъ другихъ. Если нужно высказать только общее значеніе, выражаемое этими четырьмя словами, то вы можете употребить изъ нихъ любое, и мы не будемъ въ претензіи

на иностранца, плохо знающаго по русски, который не кстати употребить одно изъ нихъ для того, чтобъ передать намъ какъ нибудь свою мысль. Но если вамъ предстоитъ сказать именно то, что выражается каждымъ реченіемъ въ особенности, то вы скажете совсѣмъ не то, что хотите сказать, употребивъ одно слово вмѣсто другаго.

Что мы видимъ при сравненіи отдѣльныхъ словъ одного и того же языка, то оказывается и при сравненіи словъ двухъ различныхъ языковъ. Попробуйте передать въ какой-либо данной связи словъ, напримеръ, французское реченіе *дама* русскимъ *баба*: вы сами разсмѣетесь вашему переводу, и однако оба эти слова совпадаютъ въ одномъ общемъ значеніи. Въ случаѣ затрудненія поставьте лучше въ вашемъ переводѣ такое слово, которое именно выражаетъ это общее значеніе; вы еще не испортите переводимаго мѣста, если употребите, напримеръ, реченіе *женщина*, вмѣсто болѣе спеціальнаго французскаго *dame*; но вы совершенно исказите смыслъ, употребивъ другое спеціальное реченіе. Вы копируете картину: ограничьтесь же простыми очерками, или употребите тѣ самыя краски, какія представляетъ подлинникъ. Если нельзя перевести ворону сорокой, или осину березой, то также нельзя при переводѣ съ одного языка на другой употребить совершенно чуждое подлиннику спеціальное реченіе. Вѣдь вы не назовете фрака зипуномъ; такъ равно и при переводѣ съ иностраннаго языка не можете, не впадая въ нелѣпость, передать слово *фракъ* словомъ *зипунъ*. Въ сущности все равно, что назвать вещь не ея именемъ, или что употребить одно опредѣленное слово вмѣсто другаго также опредѣленнаго. Вы не знаете, какъ спеціально называется это дерево? назовите его просто деревомъ: вы скажете мало, но за то не впадете въ ошибку, въ какую впали бы, еслибъ осину назвали березой.

Положимъ, что намъ предстоитъ передать съ одного языка на другой цѣлое поэтическое произведеніе. О чемъ прежде всего должны мы заботиться? Конечно о томъ, чтобы это произведеніе въ реченіяхъ и формахъ чуждаго языка оставалось тѣмъ же самымъ, чѣмъ было въ реченіяхъ и формахъ роднаго языка. Отдѣльные промахи, неизбежные во всякомъ обширномъ трудѣ, еще не испортятъ дѣла, если ихъ не слишкомъ много, и они всегда могутъ быть исправлены. Но что выйдетъ изъ нашего перевода, если мы, удержавъ содержаніе поэмы, дадимъ совсѣмъ иной характеръ, иной цвѣтъ ея формъ? Не измѣнимъ ли мы ея духа, который опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ содержанія и формы? Не лучше ли ужъ вовсе отказаться отъ

намъренія переводить? Измѣняя форму, искажая духъ произведенія, за чѣмъ еще будемъ мы сохранять его содержаніе? Будемъ-те же искажать и самое содержаніе, будемъ передѣлывать, пародировать все произведеніе, выворачивать его на изнанку. Энеида, переначенная на малороссійскомъ нарѣчьи Котляревскимъ, есть забавная шутка, имѣющая смыслъ, не лишенная, можетъ быть, своего рода достоинства; но *переводъ* Энеиды или Илиады, искажающій совершенно и характеръ и духъ произведенія, есть дѣло безсмысленное.

Вы хотите переводить Гомера на русскій языкъ. Въ добрый часъ!.. Но вы разсуждаете такъ: гомерическія пѣсни суть пѣсни народныя, простыя, а потому и по русски слѣдуетъ передавать ихъ языкомъ народнымъ и простымъ. Начавъ разсуждать, не хватайтесь же тотчасъ за дѣло, а продолжайте разсуждать до конца, — и посмотрите, что выйдетъ. — Простота! Но что такое простота? Есть много простыхъ вещей, какъ есть много напимѣръ бѣлыхъ вещей: и свѣтъ бѣлъ, и полотно бѣло, и бумага бѣла, и мало ли что еще бѣло! Но благодаря бѣлизнѣ вы не будете же смѣшивать совершенно разнородныхъ вещей. Народность! но развѣ древне-греческая народность и нынѣ благополучно проживающая русская народность — одно и то же? Петръ есть человекъ, и Иванъ есть человекъ: слѣдуетъ ли, что Петръ и Иванъ одинъ и тотъ же человекъ? Греческая народность сама по себѣ, а русская народность — сама по себѣ, и смѣшать ихъ еще нелѣпѣе, чѣмъ смѣшать Петра съ Иваномъ.

Разсуждая такимъ образомъ, вы усомнитесь въ своемъ начинаніи, и не будете перелагать греческую народность на русскую. Ужъ лучше покажите намъ Гомера въ какомъ нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалого русскаго ямщика; пусть ужъ лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ не ясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киршу Данилова. Пусть ужъ лучше онъ вовсе намъ не показывается, да лишь не показывается въ такомъ видѣ.

Но подойдемъ еще ближе къ дѣлу. Въ живомъ языкѣ, при всемъ единствѣ его, есть множество разнообразныхъ элементовъ. При малѣйшемъ ослабленіи единства, начатки разнообразія задвигнутся, заходятъ, завяжутся въ новые узлы, и того гляди, что изъ одного языка выйдутъ многіе языки, которые могутъ такъ разойтись, что и память теряютъ о прежнемъ единствѣ. Но пока народъ имѣетъ одну общую литературу, единство языка его какъ бы застраховано, — и чѣмъ

полнѣе, богаче, могущественнѣе развивается его литература, чѣмъ болѣе выражается въ ней его жизнь и производительность, тѣмъ до-
роже становится единство языка, тѣмъ менѣе грозитъ ему опасность
исчезнуть въ новыхъ языкахъ. Литературный языкъ, принявшій въ се-
бя всѣ стихіи жизни народа, образованный всеми впечатлѣніями его
духовной производительности, есть самое лучшее выраженіе народности.
Если рядомъ съ литературнымъ языкомъ остаются еще различныя не
вошедшія въ него реченія и обороты, еще другіе языки, то они по
отношенію къ нему получаютъ особый характеръ, какого бы не
могли имѣть, еслибъ въ народѣ не образовался языкъ литературный.
Сюда во первыхъ принадлежатъ мѣстныя нарвчія, во вторыхъ осо-
бенности выраженія нѣкоторыхъ сословій, нѣкоторыхъ классовъ обще-
ства, по чему либо остающихся чуждыми образованію и его языку.
Слова и складъ рѣчи, принадлежащія исключительно какой либо мѣст-
ности или общественному разряду, получаютъ спеціальное значеніе,
именно значеніе той среды, въ которой употребляются. При суще-
ствованіи литературнаго языка, формы рѣчи, почему либо еще не во-
шедшія въ него, не могутъ быть употребляемы для выраженія обща-
го понятія или для перевода съ чужаго языка, не могутъ, потому
что за ними какъ тѣнь слѣдитъ ихъ мѣстное значеніе; они означаютъ
столько же какое-либо общее понятіе, сколько ту или другую мѣст-
ность, тотъ или другой кругъ людей, то или другое общественное
положеніе.

Выше сказали мы, что реченія языка, служащія для означенія поня-
тій, имѣютъ еще свою индивидуальность. Не худо замѣтить этотъ пунктъ.
Въ самомъ дѣлѣ, за логическою стороною словъ часто забывается сло-
во, какъ нѣчто индивидуальное, какъ историческій фактъ. Будучи озна-
ченіемъ понятія, оно есть въ то же время нѣчто само по себѣ. Мало
знать его логическое значеніе, слѣдуетъ обращать вниманіе также на его
положеніе, его судьбу, его употребленіе. Мы сказали *положеніе*, и ска-
зали не для фигуры: слова, подобно людямъ, или лучше вмѣстѣ съ
людьми, могутъ нередко имѣть свое особенное общественное положеніе.
Только литературный языкъ представляетъ среду, свободную отъ такихъ
особенностей: въ немъ, какъ и вообще въ образованіи, общественныя
различія исчезаютъ. По своей природѣ, иная форма рѣчи могла бы го-
диться для литературнаго употребленія, но пока на ней остается отпе-
чатокъ какого либо исключительнаго употребленія, вы не рѣшитесь вста-
вить его въ вашу рѣчь для выраженія вашей собственной мысли или
для перевода съ чужеземнаго языка. Вотъ напримѣръ слова *жистъ*, *бо-
лмсть*: какъ выраженія извѣстныхъ понятій, они ничѣмъ не хуже словъ

жизнь, *болель*; этимологическій составъ ихъ правиленъ; онъ образованъ совершенно сходственно съ реченіями *честъ*, *вѣсть* и т. п.; но судьба исключила ихъ изъ литературнаго употребленія въ пользу другихъ формъ, и слово *жизнь* можетъ быть употреблено въ литературѣ не просто для выраженія общаго понятія, имъ означаемого, но съ цѣлью означитъ извѣстное общественное положеніе, извѣстный классъ именно русскаго общества, съ цѣлію вывести на сцену русскаго простолюдина. Слово *жизнь*, сопоставленное съ словомъ *жизнь*, имѣетъ особый отгвнокъ, и такой отгвнокъ будетъ всегдашней преградой для употребленія этого слова въ смыслъ болѣе общемъ или для перевода съ иностраннаго языка. Заставьте Француза, напримѣръ хоть при переводѣ романа Жоржа Санда, сказать такую фразу: *жизнь моя постылая, золовушка моя побѣдная*, и выйдетъ предикая нелѣпость. Мы съ умысломъ привели примѣръ, въ которомъ, какъ въ увеличительное стекло, нелѣпость представляется въ самомъ разительномъ видѣ.

Но, могутъ замѣтить, литературный языкъ не долженъ же вовсе чуждаться языка народнаго. Совершенно справедливо, и, скажемъ болѣе, литературный языкъ долженъ, по преимуществу, быть языкомъ народнымъ, иначе онъ будетъ мертвымъ языкомъ. Между книжною рѣчью и живымъ словомъ народа не должно быть никакой преграды. Литература должна питаться всеми притоками рѣчи своего народа. Всякая форма народной рѣчи можетъ быть принята въ нее, но съ толкомъ, съ художественнымъ тактомъ, и главное не безъ нужды. Литературѣ принадлежитъ въ языкѣ все, за исключеніемъ лишь того, что разъ навсегда исключено изъ нея. Откуда же такое исключеніе? Въ силу чего какое либо слово должно считаться исключеннымъ изъ литературнаго употребленія? Въ силу другаго слова, по значенію съ нимъ совершенно тождественнаго. Того нельзя принять, мѣсто чего уже занято. Слова *суеводъ*, *заводъ*, *дмище* и т. п. могутъ быть употреблены гдѣ угодно, если означаютъ опредѣленные понятія, и, употребленные съ значеніемъ дѣла, они украсятъ вапу рѣчь своею выразительностію, служа къ точнѣйшему, ближайшему, живѣйшему означенію предмета. Но напрасно будетъ толкаться въ литературу форма *серчатъ*: мѣсто ея занято словомъ *сердиться*, какъ слово *жизнь* предупреждено формою *жизнь*. Во всякомъ случаѣ *осерчатъ* можетъ быть еще прилично какимъ нибудь Діомиду Тидеевичу или Сергѣевичу, а ужъ никакъ не воеводу ахейскому, знаменитому Тидиду, воспитому Гомеромъ. Правда, есть различныя формы одного и того же реченія, одинаково допущенныя въ образованный языкъ; но всегда съ каждою изъ такихъ формъ соединяется какое

либо особое значеніе. Такъ, напримѣръ, слова *розный* и *разный*; будучи двумя различными формами одного и того же слова, приняли въ употребленіи различныя значенія и занимаютъ каждое свое мѣсто, не вытѣсняя другъ друга.

Послѣ этой оговорки, обратимся прямо къ главному возраженію, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Выше указали мы нелѣпость, какая бы могла произойти, еслибъ мы при переводѣ съ иностраннаго языка стали употреблять формы рѣчи, исключительно простонародныя, или исключительно свойственныя какому нибудь сословію или общественному положенію въ нашемъ быту. Чтобы подобная нелѣпость бросилась рѣче въ глаза, мы предположимъ, что переводимъ съ французскаго языка какое нибудь чисто литературное произведеніе. Намъ возражать, что мы сбились съ дороги, что дѣло идетъ не о переводѣ литературныхъ произведеній, но о произведеніи по преимуществу народномъ, какъ гомерическій эпосъ. Пѣсни Гомера возникли не въ искусственной литературѣ, но на вольномъ просторѣ народной жизни; именно совершенною безыскусственностію отличаются эти пѣсни, онѣ чужды всякихъ предустановленныхъ правилъ, и переводить ихъ на княжннй языкъ значило бы придавать имъ несвойственный характеръ: только языкъ природный, также безыскусственный и не знающій книжныхъ правилъ, можетъ служить для этой цѣли. Переводя поэтическое произведеніе на нашъ языкъ, мы должны преимущественно стараться о томъ, чтобы оно производило на читателя такое же впечатленіе въ переводѣ, какое производитъ въ подлинникѣ; требуется, чтобы напримѣръ *Иліада* представлялась Русскому приблизительно съ такимъ же характеромъ, какъ она должна была представляться древнему Греку. Древній Грекъ слышалъ въ ней простое, безыскусственное слово, — слово чисто народное; слѣдовательно и намъ, на языкѣ русскомъ, должно слышаться въ нихъ народное слово.

Но уже выше было замѣчено, что одна народность не можетъ замѣнить другую, и мы никакъ не избѣгнемъ нелѣпости, если вздумаемъ въ русскомъ переводѣ подражать народному эффекту, какой будто бы производили гомерическія пѣсни на древняго Грека. Съ цѣлю показать, что можетъ произойти изъ подобнаго стремленія, возьмемъ прежде всего слѣдующій примѣръ. Въ комедіяхъ Аристофана, писанныхъ на аттическомъ нарѣчій, Спартанцы, являясь на сцену, говорятъ своимъ мѣстнымъ нарѣчьемъ; безъ сомнѣнія, это должно было производить особый эффектъ на аѳинской сценѣ; но что бы вышло, если бы мы, передавая Аристофана, вздумали произвести соответственный эф-

фектъ на русскую публику, употребивъ для этой цѣли какое нибудь мѣстное русское нарѣчіе, напримѣръ костромское, или еще разительнѣе, малороссійское? Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ переводчиковъ Аристофана, дѣйствительно, прибѣгъ къ подобному средству, и перевелъ рѣчь Спартанцевъ однимъ изъ областныхъ нарѣчій Германіи. Не нужно доказывать, какъ должна быть неудачна эта попытка.

И однако, скажемъ мы, попытка подражать въ переводѣ эффекту мѣстныхъ нарѣчій, далеко не такъ нелпа, какъ мысль передавать Гомера простонароднымъ русскимъ языкомъ. Тамъ по крайней мѣрѣ есть какое нибудь основаніе, находящееся въ самомъ подлинникѣ; на аѳинскую публику, дѣйствительно, долженъ былъ производить особое впечатлѣніе языкъ Спартанцевъ на сценѣ, и хотя Малороссы вовсе не Спартанцы, а мы не Аѳиняне, однако попытка наша передать эффектъ спартанскаго нарѣчія эффектомъ малороссійскаго, при всей нелпости результата, вытекала бы изъ основанія вѣрнаго; мы испортили бы эффектъ подлинника, передавъ этотъ эффектъ дурно; во второмъ же случаѣ мы навязали бы подлиннику то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, мы показали бы, что вовсе не поняли подлинника, и старались бы передать эффектъ, нами самими выдуманный, нами наганный на подлинникъ.

Совершенно справедливо, что гомерическія пѣсни возникли не въ литературѣ, но они возникли въ такое время, когда не было ни какой литературы; правда, что въ этихъ пѣсняхъ выразилась греческая народность, но народность въ такую эпоху своего существованія, когда она не являлась противоположностію какому нибудь другому элементу, народность въ своемъ общемъ смыслѣ. Пѣсни эти, конечно, не были литературнымъ произведеніемъ, но онѣ не были также произведеніемъ нелитературнымъ; различіе литературнаго и нелитературнаго ихъ не касается. Не говоря уже о томъ, что по своему внутреннему характеру, онѣ въ своей народности представляютъ явленіе всеобщее и всемірное, и принадлежать цѣлому человечеству, такъ что каждый особый народъ можетъ видѣть въ нихъ какъ бы свое достояніе, какъ бы моментъ жизни человечества, всѣмъ равно принадлежащій, не говоря уже объ этомъ качествѣ гомерическаго эпоса, мы обратимъ вниманіе лишь на то, что никогда не могъ онъ въ подлинникѣ производить впечатлѣніе исключительно-народнаго и еще менѣе простонароднаго слова. *Исключительно* народное есть отъявленная противоположность общечеловѣческому, и простонародное возможно только по отношенію къ системѣ высшаго образованія. У насъ есть простонародный языкъ, потому что есть языкъ литературный. Во времена же го-

мерическія не могло быть такихъ исключеній и различій. Эпосъ есть источникъ всей древней греческой поэзіи и литературы; къ нему древніе Геллены возводили все свое образованіе; съ него, въ лучшее время ихъ образованія, начиналось воспитаніе юношей; въ немъ сходились всѣ вѣтви греческой народности, часто во всемъ прочемъ такъ разнохарактерныя и такъ враждебныя между собою. Самыя нарвчія, на которыя распадался гелленскій языкъ, соприисутствовали слитно въ гомерическомъ словѣ: за нимъ осталось значеніе языка эпического, который возвышался надъ всеми племенными нарвчіями.

Что такое рѣчь простонародная? Смѣшивать простонародность съ народностью — большая ошибка. Простонародность есть отсвѣдъ, *geschied* народности; она возникаетъ съ осложненіемъ общественнаго быта, и есть какъ бы обратная сторона образованія и развитія. Кто же рѣшится сказать, чтобъ въ гомерическія времена существовала въ обществѣ простонародность, и находила себѣ выраженіе въ языкѣ? Если же въ самомъ гомерическомъ бытѣ не могло быть элемента простонародности, если ничто тамъ въ отношеніи другъ къ другу не могло казаться простонароднымъ, то почему же весь этотъ бытъ съ своимъ языкомъ будетъ казаться такимъ для посторонняго наблюдателя? Долженъ ли предметъ казаться кому нибудь такимъ, какимъ онъ не есть самъ въ себѣ?

Еще нѣсколько словъ о простонародномъ языкѣ. По мѣрѣ развитія образованія, внутренней инстинктъ, законъ народнаго слова переселяется въ языкъ литературный. Силы народа идутъ на тѣ созданія, къ когорымъ призываетъ его исторія; народность выражается въ исторической дѣятельности, въ проявленіяхъ существенныхъ и важныхъ для цѣлаго міра; для человечества. Великія цѣли знанія, искусства и жизни, овладевая дѣятельностью народа, овладеваютъ мало по малу, по мѣрѣ своей зрѣлости, тайною его слова. Народность восходитъ на степень цивилизаціи и все, упорно косившее за чертою образованія, превращается въ такъ-называемую простонародность. Напрасно приписываютъ простонародной рѣчи, въ этомъ смыслѣ, признакъ живости, которая будто бы, при всей грубости этой рѣчи, составляетъ ея отличие отъ книжнаго слова; напротивъ, простонародная безграмотная рѣчь внутренне мертва; она плетется и вяжется безъ творческой силы, безъ производительнаго инстинкта и даже безъ смысла. Все то въ народѣ, что отказалось войти въ его цивилизацію, тѣмъ самымъ лишилось силы и очарованія жизни.

Отъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ некоторымъ частностямъ. Недавно случилось мнѣ, не подалеку отъ Москвы, въ деревнѣ, слышать слово, которое получило полное право гражданства въ мѣстной молвѣ многихъ околodковъ. Известно, что изъ московскаго Воспитательнаго Дома раздаются поступающія въ него безродныя дѣтя на воспитаніе по деревнямъ. Какъ же думаете вы зовутся тамъ эти дѣтя? Вамъ прежде всего придутъ на умъ слова: воспитанникъ, питомецъ. Нѣтъ, — *шпитомокъ* и *шпитомецъ*! Чувствуете ли вы всю нелѣпость этихъ незаконныхъ реченій, чувствуете ли, что они возникли *invitâ Minervâ*, при заглохшемъ инстинктѣ языка? Какъ бы хорошо было употребить ихъ, при случаѣ, въ Иліадѣ!

Навѣрное случалось вамъ слышать между мастеровыми выраженіе *возжматься*, напримѣръ въ такой фразѣ: *мы цѣлой день провозжмались за работой*? Я слыхалъ это слово не только отъ мастеровыхъ, но и отъ людей, носящихъ фракъ, хорошо говорящихъ по французски. Очевидно, что въ основѣ этого дикаго выраженія находится глаголъ *возиться*. *Провозжматься* здѣсь не можетъ означать ничего инаго какъ *провозиться*. Какимъ же сущиеніемъ представленій зашли сюда *возжм*? Очевидно, что имъ тутъ нечего дѣлать, и что живая производительность языка не могла бы породить такой неорганической формы.

Сознайтесь, что вамъ самимъ случалось иногда употреблять выраженіе: *расчесать* въ смыслѣ *разбить*, напримѣръ въ фразахъ, подобныхъ слѣдующей: *непріятели расчесали*. Очевидно, что *расчесать* въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ известнымъ значеніемъ глагола *чесать*, и дѣйствительно это ничто иное какъ искаженіе слова *тесать* (польск. *siązać*), и нелѣпое *расчесали* значить *растесали*.

Употребляя слово *простонародное* въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется, мы однако не хотимъ давать ему тотъ самый смыслъ, на который оно указываетъ своимъ составомъ, не хотимъ искать *простонародное* слово, какъ слово отставшее отъ жизни, въ томъ классѣ, какой преимущественно называется простымъ народомъ. Крестьянинъ, оставался въ завѣщанныхъ формахъ какъ жизни, такъ и языка, является въ выраженіи обычныхъ ему понятій съ типомъ народности въ положительномъ значеніи, и въ рѣчи его, часто блестящей самородками чистаго золота, есть чему поучиться. Но тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ обычной сферы, при малѣйшей перемѣнѣ въ понятіяхъ, или когда зашевелится личная мысль, гений языка оставляетъ его.

Впрочемъ мы отдалились отъ нашего предмета. Послѣвшимъ возвратиться къ нему, или лучше, окончить наши замѣчанія объ немъ.

Всего сказаннаго, кажется, слишкомъ достаточно для обличенія всей нелѣпости переводить Гомера на простонародный русскій языкъ. Но теперь могутъ спросить насъ, какъ же слѣдуетъ переводить *Иліаду* и *Одиссею*, какому способу должно отдать преимущество?

На это можно очень просто отвѣчать, въ подражаніе извѣстному изреченію, что всякой способъ хорошъ кромѣ дурнаго.

Правда, Гнѣдичевъ переводъ *Иліады* часто слишкомъ тяжелъ и не совсемъ удовлетворителенъ; но этому переводу нельзя отказать во многихъ существенныхъ достоинствахъ, и если колорить подлинника въ немъ болѣе или менѣе измѣненъ, то не испорченъ. Мы не совсемъ согласны съ теми, которые ставятъ Гнѣдичу въ главную вину славянскую примѣсь въ языкъ его перевода *Иліады*. Искусно употребленные славянизмы не могли бы повредить дѣлу, и иногда, даже нерѣдко, они производятъ у Гнѣдича весьма счастливый эффектъ. Гомерическія пѣсни должны были во многомъ имѣть для Грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій. Эпическій языкъ, въ самой простотѣ своей, былъ у Грековъ запечатлѣнъ значеніемъ священнаго, какъ у насъ славянскій, хотя конечно не въ одинаковой степени и силѣ, и очень отличался не только отъ обыкновенной житейской рѣчи, но даже и отъ литературнаго языка, какъ онъ установился въ позднѣйшее время. Намъ даже кажется, что русскій переводчикъ Гомера поступилъ бы весьма нерасчетливо, если бы не воспользовался богатою сокровищницей славянскаго языка и не черпалъ изъ него характеристическихъ красотъ.

Еще болѣе можетъ послужить для этой цѣли изученіе старинныхъ, собственно русскихъ, свѣтскихъ памятниковъ нашей письменности, грамотъ, автописей, юридическихъ актовъ. Намъ кажется, что этотъ источникъ народнаго слова гораздо важнѣе и плодотворнѣе нежели пѣсни, въ которыхъ весьма часто оказывается простонародный элементъ, или по крайней мѣрѣ элементъ исключительной народности, не годящейся для выраженія общаго содержанія, или для передачи произведеній иной народности. Но переводчикъ-художникъ, желающій открытъ себѣ всѣ источники живаго слова для воссозданія гомерическаго эпоса на русскомъ языкѣ, будеть, и съ большою пользою, прислушиваться

ся къ народной рѣчи, и изучать все, въ чемъ выразился геній языка. Истинно живое слово, гдѣ бы ни было услышано, въ какомъ бы окруженіи ни являлось, будетъ тотчасъ же усвоено художникомъ, — и хотя бы ни разу еще не было оно употреблено въ литературной рѣчи, мѣсто ему въ ней готово.

Дѣйствительно, для перевода гомерическаго эпоса нужно свѣжее, оживленное и сильное слово. Но это не значитъ, что ему слѣдуетъ быть простонароднымъ. Требованіе это состоитъ въ томъ, чтобы за дѣло взялся истинный художникъ, способный въ одно и то же время проникнуть въ духъ подлинника и творчески воспроизвести его на своемъ языкѣ.

М. Катковъ.

РИМСКІЯ ПАНТОМИМЫ.

Пантомимы представляют собою весьма замѣчательное явленіе въ исторіи римской орхестики; онѣ служили высшею степенью, до которой достигло это искусство въ древности. Въ вѣкъ Лукіана, какъ видно изъ одного мѣста трактата его объ орхестикѣ¹, существовало много сочиненій объ этомъ искусствѣ, въ которыхъ вычислялись и опредѣлялись различные виды греческой пляски. Очень можетъ быть, что въ этихъ книгахъ была, между прочимъ, рѣчь и о пантомимахъ. Гораздо важнѣе для насъ утрата сочиненія Киликійца Пилада, знаменитаго пантомима времени Августа, которое исключительно посвящено было римскимъ пантомимамъ и называлось: *περὶ ὀρχήσεως ἰταλικῆς* (объ итальянской орхестикѣ). Изъ сочиненій, оставшихся отъ древности, въ которыхъ мы можемъ найти свѣдѣнія о пантомимахъ, первое мѣсто занимаетъ уже названный нами трактатъ Лукіана *περὶ ὀρχήσεως* (о пляскѣ): онъ служитъ единственнымъ, и потому главнымъ, источникомъ для ознакомленія съ исторіею избраннаго нами предмета². Не смотря на общность заглавія, которое Лукіанъ далъ своему сочи-

¹ Luc. *περὶ ὀρχ.* § 33 (edit Reitzii, Amstelod. 1743): οὐ γὰρ με λίληθεν ἔτι πολλοὶ προ ἡμῶν περὶ ὀρχήσεως συγγεγραφότες τὴν κλειστὴν διατριβὴν τῆς γραφῆς ἐποιήσαντο, πάντα τῆς ὀρχήσεως τὰ εἶδη ἐκείοντες καὶ ὀνόματα αὐτῶν καταλέγοντες etc....

² Изъ новѣйшихъ сочненій о римскихъ пантомимахъ можно указать только на два: De l'Auſu de la saltation theatrale, ou recherches sur l'origine, les progrès etc. de la pantomime chez les anciens, Paris 1790, « G. G. u. s. a. r die Pantomimen der Römer » Rheinisch. Mus. 1833. Zweiten Jahrganges erstes Heft, стр. 30 и слѣд.

неію, оцъ имѣлъ въ немъ преимущественно въ виду римскія пантомимы ¹.

Трактатъ Лукіана представляетъ въ началѣ разговоръ между Ликиномъ (онъ выводится и въ нѣкоторыхъ другихъ Лукіановыхъ діалоггахъ), который, следуя примѣру большей части своихъ современниковъ, въ восхищеніи отъ пантомимъ, и стоикомъ Кратономъ, преслѣдующимъ ихъ всею строгостію условной своей морали. Для того, чтобы уничтожить въ Кратонѣ невыгодное мнѣніе о своемъ любимомъ искусствѣ, Ликинъ въ краткомъ очеркѣ излагаетъ ему исторію орхестики и старается доказать, что она, какъ древнее, національное учрежденіе Грековъ и Римлянъ, освященное временемъ и самою религіею, достойна полного уваженія. Такимъ образомъ діалогъ, который мы находимъ въ началѣ Лукіанова трактата, превращается (съ 7-го §) въ монологъ, и только въ самомъ концѣ его убѣжденный Ликиномъ Кратонъ отказывается отъ своего мнѣнія и даже проситъ своего противника достать ему мѣсто въ театрѣ при первомъ представленіи какой нибудь пантомимы.

Если вѣрить восторженнымъ словамъ Ликина, то окажется, что начало орхестики одновременно съ существованіемъ міра. Первая идея орхестики, говоритъ онъ, должна была родиться отъ созерцанія стройнаго движенія звѣздъ и другихъ свѣтилъ небесныхъ; за тѣмъ Ликинъ переходитъ къ изображенію древней пляски Куретовъ и Корабантовъ, приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ Гомера, изъ которыхъ видно, что греческіе герои не пренебрегали этимъ искусствомъ, упоминаетъ о воинственномъ характерѣ орхестики Лакедемонянъ и т. д. Но мы не будемъ слѣдить за рассказомъ Ликина и воспользуемся только тѣми мѣстами его монолога, которые сообщаютъ намъ свѣдѣнія о пантомимахъ. Эти пьесы, на которыя должно смотрѣть какъ на начало современнаго намъ балета, были чисто рамскимъ явленіемъ и нивели, какъ мы увидимъ, очень мало общаго съ греческою орхестикою.

Оставляя въ сторонѣ подробности Лукіанова трактата объ исторической послѣдовательности развитія этого искусства, замѣтимъ только, что начало орхестики, въ древнемъ значеніи этого слова, какъ искусства выражать мысль, чувство и страсть, вмѣсто голоса, движеніями

¹ И не имѣю въ виду, говоритъ Лукіанъ (§ 34), исторически прослѣдить начало каждой пляски (*πᾶσαν ὀρχήν ὑπεγαλοῦσιν*). Главная задача моего сочиненія, продолжаетъ онъ (*ibid.*), состоитъ въ томъ, чтобы водать должную хвалу орхестикѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, и показать, сколько въ ней заключается пріятнаго и полезнаго.

тва и жестаи , должно быть отнесено къ очень ранней эпохѣ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ. Орхестика съ самаго начала должна была оставить необходимую принадлежность древняго сценическаго искусства. Такъ наприимѣръ уже во время Эсхила знаменитъ былъ своею мимикою Телесній , который (Athen. I. p. 21) отлично умѣлъ выражать жестаи содержаніе пьесы и особенно отличался въ «Семи противъ Эпифъ». Вообще мимика была доведена на греческой сценѣ до высокаго совершенства, чему не мало способствовало множество религиозныхъ и другихъ праздниковъ , которые большею частію сопровождались въ древней Греціи мимическими танцами.

Но , не смотря на замѣчательное развитіе мимики въ Греціи и на страсть Римлянъ подражать всему чужому, они нисколько не заимствовали отъ Грековъ свои пантомимы. Лукіанъ (§ 34) смотритъ на пантомимы какъ на чисто римское изобрѣтеніе и не находитъ ничего общаго между этими пьесами и мимическимъ искусствомъ Грековъ. Дѣйствительно мимика составляла въ Греціи не болѣе, какъ принадлежность драмы, конечно, очень важную и существенную. Только въ Римѣ мимика выдвинулась на первый планъ и составила собою главное въ пьесѣ, т. е. образовала изъ себя особый родъ театральныхъ представленій, въ которыхъ не было мѣста ни словамъ, ни тексту, въ которыхъ жестъ долженъ былъ замѣнить собою все это и, подобно словамъ, выразить содержаніе пьесы, мысль автора и всевозможные отбѣнки человѣческихъ страстей и ощущеній.

Такія представленія появились на римской сценѣ при Августѣ¹.— Въ его царствованіе жили въ Римѣ знаменитые въ древности артисты Пиладъ и Батиллъ, которыхъ считаютъ основателями римской пантомимы². Въ это же время образовалось и слово пантомимъ (*παντομιμος*, *pantomimus*) для обозначенія какъ особаго рода театральныхъ представленій, такъ и участвовавшихъ въ нихъ актеровъ. Въ памятникахъ древнеклассической литературы, возникшихъ въ періодъ времени до Августа, мы не встречаемъ этого слова, двойное значеніе котораго замѣняется въ нихъ выраженіями: *ὄρχησις*, *ὄρχησις*, *saltator*, *saltatio*, для обозначенія сродныхъ съ пантомимами по характеру пред-

¹ Такъ видно изъ словъ Лукіана (§ 34), которые мы для краткости приводимъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ: *οὐ κάλας ἀρχαίτην (ἢ τὴν ὄρχησις), ἀλλὰ κατὰ τὸν Σεβαστὸν μάλισα.*

² Мы удерживаемъ въ словѣ пантомима женскую ея форму, подъ которою оно усвоилось нашему языку, хотя въ греческомъ и латинскомъ языкахъ оно рода мужскаго.

ставлений¹. Слово *παντομίμος*, въ этимологическомъ своемъ составѣ, очевидно сложилось изъ прилагательнаго *πᾶς* (*пᾶν*) и глагола *μιμείβασαι* (подражать). Такое названіе усвоили себѣ пантомимы, какъ пьесы, въ которыхъ по преимуществу все было основано на подражаніи. «Итальянцы, говоритъ Лукіанъ (§ 67), очень удачно называютъ танцоровъ пантомимами отъ подражанія ихъ тому, что около нихъ дѣлается (*ἀπὸ τοῦ δραμένου οὐδόν*)»². Орхестика, продолжаетъ онъ (*ibid.*), имѣетъ целью изобразить и представить разные характеры и страсти, выводя на сцену влюбленныхъ, гнѣвныхъ, безумныхъ, опечаленныхъ — и все это въ извѣстныхъ границахъ (т. е. не превосходящихъ психологической вѣроятности, а для этого то и требуется, по смыслу словъ Лукіана, изученіе природы и всего окружающаго).

Нисколько не отвергая справедливости показанія Лукіана, подтверждаемаго многими другими несомнѣнными свидѣтельствами древности, касательно того, что пантомимы появились въ Римъ въ царствованіе Августа, мы должны однако замѣтить, что мимика существовала на римской сценѣ задолго до эпохи кесарей. Иначе оставалось бы непонятнымъ, какимъ образомъ пантомимы разомъ могли достигнуть той высокой степени совершенства, на которой мы находимъ ихъ въ вѣкъ Августа. Дѣйствительно уже со времени Ливія Андроника мимика составляла существенную принадлежность пьесъ, вошедшихъ въ составъ римскаго репертуара. Извѣстно, что до этого времени одинъ и тотъ же актеръ долженъ былъ на сценѣ пѣть и въ то же время выражать жестами содержаніе кантики (речитатива или куплета). Такая сложная игра очень затрудняла актеровъ, и потому мимика была отдѣлена отъ пѣнія. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Титъ Ливій VII, 2), слова котораго мы уже имѣли случай привести въ другомъ мѣстѣ³: «Послѣ того какъ отъ частыхъ повтореній и вызововъ Ливій Андроникъ охрипъ, онъ испросилъ себѣ позволеніе поставить на сценѣ передъ флейщикомъ мальчика для пѣнія (*puerum ad cavendum*), послѣ чего онъ могъ сопровождать это пѣніе болѣе оживленными движеніи-

¹ Приведенныя слова и въ послѣдствіи очень часто употреблялись, какъ синонимичныя съ словами *παντομίμος*, *pantomimus*.

² Точно такъ объясняетъ это слово и Кассиодоръ v. l. IV. 51: „*Pantomimus, cui a multifaria imitatione nomen est.*“

³ См. Проп. Кн. II, отд. I, стр. 149. — Приведенное мѣсто Т. Ливія прекрасно объясняется словами Лукіана *περὶ ὄρχ.* § 30: „*πῆλαι μὲν γὰρ οἱ αὐτοὶ καὶ ῥθρον καὶ ὠρχοῦντο εἰς ἐπειδὴ κινουμένων τὸ ἄσθμα τὴν φθὴν ἐκτάραττον, ἀμεινον ἔδοξαν ἄλλους αὐτοῖς ὑπάδειν....*“

лям, потому что уже не имѣлъ необходимости присоединять къ нимъ голоса» (т. е. онъ освобожденъ былъ послѣ этого отъ необходимости пѣсть и пѣть въ одно и то же время). «Съ этихъ поръ, въ заключеніе говоритъ Титъ Ливій, начали пѣть (особенные актеры) подъ мимику гистрионовъ, для голоса которыхъ оставленъ былъ только одинъ діалогъ (inde ad manum cantari histrionibus coeptum, diverbiaque tantum ipsorum voci relicta). Такимъ образомъ уже со времени Ливія Андроника музыкальная часть роли отдѣлена была отъ мимической, что, конечно, должно было содѣйствовать успѣхамъ мимики на римской сценѣ. Эти три составныя части спектакля, о которыхъ говоритъ Титъ Ливій, мимическая жестикація, пѣніе и аккомпаниментъ, составили, какъ мы увидимъ, существенную принадлежность пантомимъ. Но, во всякомъ случаѣ, эта отдѣленная мимическая часть калтики можетъ быть названа развѣ только первообразомъ пантомимы, и многое еще оставалось сдѣлать, чтобы возвести эту кантику на степень самостоятельныхъ пьесъ въ родъ тѣхъ, существованіе которыхъ на римской сценѣ упрочили Батилла и Пилладъ. Танцовальное искусство очень принялось въ Римѣ и мало по малу, какъ принадлежность воспитанія, перешло въ частный бытъ Римлянъ. Но оно впрочемъ никогда не пользовалось почетомъ въ Римѣ въ періодъ республики, и даже снисходительный Гораций смотрѣлъ на него, какъ на одинъ изъ грустныхъ признаковъ порчи римскихъ нравовъ. (См. Od. I. III, c. VI, v. 24). Безъ сомнѣнія, это обстоятельство было также одною изъ главныхъ причинъ тому, что это искусство, въ продолженіе республики, не сдѣлало большихъ успѣховъ въ Римѣ¹.

Главная характеристическая особенность пантомимъ состояла, по мнѣнію Г р и з а р а (стр. 37), въ томъ, что въ представленіи ихъ участвовали *одинъ только актеръ*, исполнявшій въ последовательномъ порядкѣ всѣ роли, которыя входили въ составъ пьесы. Въ доказательство своихъ словъ Г р и з а р ъ приводитъ слѣдующій случай, разсказанный Лукіаномъ (*περὶ ὄρχ.* § 63). Циникъ Деметрій, говоритъ Лукіанъ, современникъ Нерона, не принадлежалъ къ почитателямъ пантомимъ и увѣрялъ, что онъ нравятся публикѣ не за искусство ак-

¹ Такъ видно и изъ словъ Лукіана (§ 34), который говоритъ, что старинная пляска Римлянъ была не болѣе какъ корнемъ и первымъ основаніемъ той оркестрики, которая процвѣла въ Римѣ во время Августа: „αὶ μὲν γὰρ πρότερον ἐκεῖναί ὄρχησις τῶν δίδυμοι καὶ θεμέλιος τῆς (νῦν) ὀρχήσεως ἦσαν. Точно также Макробій Saturn. II, 7 называетъ прежнюю пляску Римлянъ грубою въ сравненіи съ искусствомъ Пиллада: „Hic (Pylades) ferebatur mutasse rudis illius saltationis ritum, quae apud majores viguit, et venustam induxisse novitatem....“

теровъ, но потому, что сопровождаются хорошею музыкою, отличаются богатыми костюмами и красивыми масками, и что самые танцы въ пантомимахъ очень незначительное и едва ли не излишнее прибавленіе ко всему этому. Одинъ изъ лучшихъ пантомимовъ того времени, слыша такое сужденіе, рѣшился вступить за честь своего искусства и пригласилъ Деметріа на представленіе одной пантомимы съ условіемъ, что она будетъ разыграна безъ аккомпанимента музыки и безъ всякой сценической обстановки. Философъ принялъ этотъ вызовъ, и тогда актеръ разыгралъ передъ нимъ пантомиму, имѣвшую содержаніемъ интригу Аферодиты (Веверы) и Марса, со всеми подробностями, и до того живо, что очарованный Деметрій совершенно отказался отъ своего мнѣнія. «Я слышу, любезный другъ, что ты дѣлаешь, я не только вижу, сказалъ онъ громко актеру, потому что ты точно говоришь твоими руками.»

Ясно, что представленіе пантомимы, о которомъ идетъ рѣчь, было *исключительное*, а не обыкновенное. Актеръ очевидно хотѣлъ доказать своему критику, что мимика составляетъ главное въ пантомимѣ и можетъ сама собою, безъ помощи другихъ средствъ, которыми пользуется сцена, заинтересовать зрителя и уяснить ему содержаніе пьесы. Въ то же время, безъ сомнѣнія для того, чтобы показать Деметрію всю многосторонность своего таланта, пантомимъ исполнилъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, всѣ роли, входившія въ составъ избранной имъ пьесы.

Такъ же мало подтверждаетъ мнѣніе Гр из а р а и другое много, приводимое имъ изъ Лукіана (§ 67), гдѣ говорится, что «одинъ и тотъ же пантомимъ *въ одинъ и тотъ же день* (*τῆς αὐτῆς ἡμέρας*) является въ роляхъ то безумнаго Аэманта, то болзливой Ино; и *въ другой разъ* (*ἄλλοτε*) тотъ же актеръ—Атрей и вслѣдъ за тѣмъ Оіестъ, а потомъ Эгистъ, или Эропа,— и все это, заключаетъ Лукіанъ, одинъ и тотъ же человекъ¹⁾»

Въ приведенныхъ словахъ выраженіе *въ одинъ и тотъ же день* еще не значитъ *въ одной и той же пьесѣ*, какъ старается доказать Гр из а р ь. Въ одинъ и тотъ же день на римской сценѣ легко мог-

¹ Въ дополненіе къ этому свидѣтельству Лукіана, Гр из а а р ь (стр. 37) приводитъ еще одно много изъ Кассиодора l. IV, 51, гдѣ между прочимъ говорится: „Idem corpus Pecaben designat et Venerem, feminam praesentat et marem, regem facit et militem, sonem reddit et juvenem: ut in uno credas multos esse tam varia imitatione discretos.“ Въ этихъ словахъ мы также не видимъ ничего, что бы говорило въ пользу разбираемаго нами мнѣнія.

ли быть представлены нѣсколько пантомимъ, что кажется очень вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, если мы обратимъ вниманіе на продолжительность древнихъ спектаклей¹. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно только, что пантомимы не ограничивались, подобно нашимъ актерамъ, какимъ нибудь извѣстнымъ и определеннымъ *амплуа*, но исполняли всѣ возможныя роли, какъ мужскія, такъ и женскія.

Въ цѣломъ діалогъ Лукіана только одно мѣсто несомнѣнно подтверждаетъ разбираемое нами мнѣніе. Въ одномъ изъ отдѣловъ своего сочиненія (§ 66) онъ рассказываетъ, что какой то человекъ, увидя пять масокъ, приготовленныхъ для пантомимы, потому что изъ столькихъ частей, прибавляетъ Лукіанъ, состояла пьеса, и видя только одного актера, любопытствовалъ узнать, гдѣ остальные четыре, для которыхъ припасены маски, и послѣ того какъ онъ услышалъ, что одинъ и тотъ же актеръ будетъ исполнять всѣ роли въ этихъ маскахъ, то сказалъ: «любезный другъ, я не зналъ, что у тебя въ одномъ телѣ столько душъ». По нашему мнѣнію, даже и это показаніе нѣсколько не исключаетъ возможности присутствія на сценѣ, кромѣ главнаго актера, многихъ другихъ лицъ, какъ напримѣръ у насъ въ такъ называемыхъ водевиляхъ съ переодеваньемъ. Во всякомъ случаѣ, мы должны принять, что пантомимы, въ которыхъ одинъ и тотъ же актеръ исполняетъ всѣ роли, не исключительно господствовали на римской сценѣ, но разыгрывались на ней только иногда для того, чтобы дать актеру возможность выказать разнообразіе и всю гибкость своего таланта. Невозможно допустить, чтобы такіа пантомимы были въ исключительномъ употребленіи у Римлянъ. Пантомимы по преимуществу принадлежали къ тѣмъ пьесамъ римскаго репертуара, въ которыхъ все рассчитано было на эффектъ и на великолѣпную сценическую обстановку²; здѣсь все должно было дѣйствовать на чувства и въ особенности на зрѣніе. Если бы, въ продолженіе всей пьесы, на сцену выходилъ только одинъ актеръ и исполнялъ всѣ роли, то зрители нѣсколько не поражались бы блескомъ представленія. Однимъ словомъ, трудно себя представить, чтобы при такомъ условіи пантомимы могли сдѣлаться любимыми народными пьесами, и даже, какъ мы увидимъ, возбуждать въ зрителяхъ безграничный энтузіазмъ. Припомнимъ себѣ, что даже

¹ Въ словахъ Лукіана выраженіе *αλλοτε* также несомнѣнно говоритъ въ пользу нашего мнѣнія.

² О блескѣ этой обстановки пантомимъ ясно говорятъ цитирующій Дементрій, слова котораго мы привели выше.

трагедія сама по себѣ, безъ пышной обстановки, не производила въ Римѣ эффекта.

Для окончательнаго оправданія нашего мнѣнія, приведемъ изъ Лукіана расказъ, изъ котораго видно, что въ представленіяхъ пантомимъ участвовалъ не одинъ актеръ, а нѣсколько. Одинъ пантомимъ, расказываетъ Лукіанъ (§ 83), представившій безумнаго Аякса, до того забылся, что вцѣпалъ флейту у одного музыканта, ударивъ ею изъ всей силы по головѣ Улисса, гордаго своего победою, и если бы шлемъ не отразилъ удара, то несчастный Улиссъ навѣрное бы остался на мѣстѣ. У Апулея (въ его *Metam.* X, p. 232 ed. Oudendorp.), также описывается представленіе пантомимы «Судъ Париса», въ которой на сценѣ было пять дѣйствующихъ лицъ, т. е. Парисъ, Меркурій и три богини.

Характеристическую особенность, отличавшую пантомимы въ ряду другихъ пьесъ римскаго репертуара, гораздо правильнѣе искать въ тѣхъ средствахъ, которыя предоставлены были актерамъ, участвовавшимъ въ этихъ пьесахъ. Эти средства римскихъ пантомимовъ, которыя служили имъ для выраженія всѣхъ отгѣнковъ роли, были очень ограниченны и исключительно почти состояли изъ движеній рукъ и прочихъ частей тѣла. Замѣтимъ еще, что лицо актера не принимало никакого участія въ этой мимикѣ: этимъ древняя пантомима существенно отличается отъ нашей. Игра страстей и различныя движенія души, выражаемая лицомъ, не могли составлять принадлежности римской пантомимы уже потому, что древніе актеры выходили на сцену въ маскахъ — разумѣется приспособленныхъ къ различнымъ ролямъ. Къ тому же огромные размѣры римскихъ театровъ дѣлали такого рода мимику недоступною для большинства зрителей.

Невозможность передать вполне всѣ отгѣнки роли одними только жестами и движеніями тѣла привела пантомимовъ къ необходимости выражать многообразіе душевныхъ движеній условными знаками (*signa composita*, какъ ихъ называетъ Cassiod. l. IV. 51), которые хорошо были извѣстны зрителямъ.

Не смотря на свои ограниченныя сценическія средства, римскіе пантомимы, какъ видно изъ многихъ свидѣтельствъ древности, перѣдко доводили свою игру до высокой степени выразительности. Мы уже видѣли, какъ поразилъ своею игрою циника Деметрія одинъ современный Перону пантомимъ. Въ другой разъ, говоритъ Лукіанъ (§ 64), тотъ же самый актеръ (имени его Лукіанъ не называетъ) игралъ въ присутствіи одного иностраннаго принца (изъ Понта), ко-

торый по своимъ дѣламъ находился некоторое время въ Римѣ при дворѣ Нерона. Пантомимъ игралъ до того вразумительно и съ такимъ искусствомъ выполнялъ свою роль, что иностранецъ совершенно понималъ содержаніе пьесы. Когда онъ, продолжая Лукіанъ, намѣренъ былъ оставить Римъ и собирался въ дорогу, Неронъ спросилъ его при прощаньи, что онъ желаетъ получить въ подарокъ. «Я почелъ бы себя совершенно счастливымъ», отвѣчалъ иностранецъ, «если бы ты подарилъ мнѣ твоего плясуна». «На что онъ тебѣ?» спросилъ Неронъ. «У меня сосѣди варвары», отвѣчалъ принцъ, «которые говорятъ на различныхъ, непонятныхъ азыкахъ, такъ что мнѣ очень трудно найти толмача, котораго я могъ бы употреблять въ сношеніяхъ моихъ съ ними. Потому (продолжалъ онъ) если я буду имѣть при себѣ этого пантомима, то, въ случаѣ пужды, мнѣ не трудно будетъ объяснить имъ мою волю его жестами». — Выразительность игры римскихъ пантомимовъ доказывается между прочимъ и такими выраженіями, встрѣчающимися у позднѣвшихъ писателей, каковы: *loquacissima manus, linguae digiti, silentium clamoribus* и пр. «У этого человека столько азыковъ, сколько частей тѣла! Удивительно искусство, которое заставляетъ говорить члены тѣла въ то время, какъ уста молчать!» говорится о какомъ то пантомимѣ въ одной изъ эпиграммъ латинской апоэлогіи ¹.

Отъ пантомимовъ требовалось, чтобы они употребляли жесты, совершенно соответствовавшіе содержанію пьесы, или тому чувству, которое они хотѣли выразить. Иногда противъ этого необходимаго условія хорошей игры погрѣшали, какъ видно, даже известные актеры. Такъ рассказываютъ, что однажды Гиласъ, ученикъ Пилада, жестукировалъ одну кантику, копчавшуюся словами: *Τὸν μέγαν Ἀγαμέμνονα* (великаго Агамемнона). Для того, чтобы выразить величіе Агамемнона, онъ подплся на цыпочки, какъ будто величіе заключается въ ростъ. Пиладъ, бывшій въ числѣ зрителей, не удержался отъ критическаго замѣчанія и закричалъ Гиласу съ своего мѣста: *ὁὐ μακρ' ἔ, οὐ μέγαν ποιεῖς* (ты представляешь длиннаго, а не великаго). Тогда публика потребовала, чтобы Пиладъ самъ представилъ Агамемнона. Пиладъ уступилъ этому требованію, и когда дошелъ до того мѣста кантики, которое подверглось его замѣчанію, то представлялъ Агамемнона углубленнымъ въ размышленіе, полагая, что ничто не придаетъ столько величія правителю, какъ его дума и забота объ общей пользѣ. (Macrob. Saturn. II, 7). Тотъ же самый

¹ Tot linguae, quot membra viro! mirabilis ars est, Quae facit articulos ore silente loqui, Anthol. lat. I, p. 622. См. Гругар р. 40.

Гилась представляла однажды Эдипа, но въ его походы и въ при-
емахъ было столько самоуверенности, какъ будто онъ вовсе не былъ
слѣпымъ. Писадъ опять не удержался отъ замѣчанія и сказалъ ему:
ὄυ βλέπεις (ты смотришь. Мастоb. *ibid.*).

Другой недостатокъ, который порицается въ нѣкоторыхъ панто-
мимахъ древности, состоялъ въ томъ, что они, отъ излишняго стрем-
ленія къ эффекту, нередко переходили границы истиннаго и не со-
блюдали надлежащей мѣры при изображеніи различныхъ движеній и
порывовъ души. Лукіанъ (§ 82) называетъ этотъ недостатокъ *μακο-
ζηλία*; онъ состоялъ въ томъ, что въ игрѣ нѣкоторыхъ панто-
мимовъ величественное превращалось въ ужасное, нѣжное въ извѣ-
женное, и мужественное въ грубое и дикое (см. Гризара стр. 48).
Мы уже видали, какъ одинъ пантомимъ, представлявшій неистоваго
Аякса, забылся до того, что началъ самъ неистовствовать на сценѣ.
У одного изъ дѣйствующихъ лицъ онъ разорвалъ одежду, у флейщика
вырвалъ его инструментъ и такъ сильно ударилъ имъ по головѣ акте-
ра, представлявшаго Улисса, что только шлемъ спасъ его отъ немн-
нуемой смерти, ослабивъ силу удара. Весь театръ, продолжаетъ Лу-
кіанъ, пришелъ въ движеніе. Многие изъ зрителей въ восторгѣ
вскочили съ своихъ мѣстъ и подняли страшный шумъ; имъ казалось,
что еще никогда роль сумасшедшаго не была разыграна на сценѣ такъ
естественно. Безъ сомнѣнія, бѣдные актеры, которымъ такъ досталось
отъ бѣшенаго Аякса, не раздѣляли этого восторга публики. Между
тѣмъ бѣшенный Аякъ не унимался; со сцены онъ перешелъ къ зри-
телямъ и помѣстился между двумя консулами, которые не знали, что
дѣлать отъ страха (Лис. § 83).— Впрочемъ публика не рѣдко громко
и нецеремонно высказывала свое неодобреніе актерамъ, если игра ихъ
не соответствовала пьесѣ. Вообще представленія пантомимъ, какъ
видно, были очень шумны и часто давали народу поводъ къ шуткамъ.
Остроты такъ и сыпались на несчастныхъ актеровъ, которые чѣмъ
нибудь не понравились зрителямъ. Лукіанъ (76 §) приводитъ нѣсколь-
ко анекдотовъ, которые хорошо характеризуютъ антиохійскую театраль-
ную публику, безъ сомнѣнія очень похожую въ этомъ отношеніи на
римскую. Когда въ Антиохіи одинъ очень небольшого роста панто-
мимъ вышелъ однажды на сцену въ роли Гектора, то нѣкоторые зри-
тели закричали: да это Астіанаксъ! гдѣ же Гекторъ? Въ другой разъ,
когда актеръ, отличавшійся исполинскимъ ростомъ, готовился, въ роли
Капанея, лѣзть на еивскія стѣны, то кто-то закричалъ ему: перешагни
просто черезъ стѣну; тебѣ не нужно лѣстницъ и т. д.

Пантомимы никогда не заимствовали своего содержания изъ частного быта, и этимъ онѣ резко отличаются отъ мимовъ и отъ другихъ видовъ римской комедіи. Постояннымъ и неисчерпаемымъ источникомъ который въ изобиліи доставлялъ содержаніе для пантомимъ, была миеологія. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣли много общаго съ трагедіею. Пантомимы обыкновенно представляли различные эпизоды изъ трагедій, а иногда, при помощи только жестовъ, передавали содержаніе всей трагедіи, разумется, съ необходимыми выпусками и съ соблюденіемъ другихъ сценическихъ условій, которыхъ требовала орхестика. Леда, Данаа, Европа, Ганимедъ, Адонисъ, Атисъ, Марсъ, Венера, Геркулесъ, Эдипъ, Вакханки и множество другихъ миеологическихъ личностей и образовъ, со всѣми баснями, связанными съ ихъ именами, — вотъ что въ изобиліи доставляло сюжеты для пантомимъ. Большую часть своего трактата (37 — 61 §) Лукіанъ наполняетъ перечнемъ тѣхъ миеовъ, подробное знаніе которыхъ, по его мнѣнію, необходимо для пантомимовъ.

Нѣкоторые свидѣтельства древности, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Гривзаръ (стр. 55), не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для каждой пантомимы составлялось особенное либретто, или текстъ, которымъ должны были руководствоваться актеры. Въ основаніе этого текста брали обыкновенно какую нибудь трагедію. Впрочемъ такой пантомимный текстъ существенно различался отъ трагедіи. Весь діалогъ и хоры трагедіи были изъ него выключены и замѣнены монологами. Отъ свойства самой пантомимы (т. е. отъ ея содержанія) зависѣло большее или меньшее число этихъ монологовъ, которые въ порядкѣ слѣдовали одинъ за другимъ и обозначали главные моменты въ исторіи тѣхъ миеологическихъ личностей, которыя выводились на сцену. Такъ напримѣръ исторія Леды заключала въ себѣ, по всей вѣроятности, не болѣе одного акта, между тѣмъ какъ пантомима, въ которой представлялась интрига Марса и Венеры, нѣсколько, и потому, безъ сомнѣнія, была обозначена нѣсколькими монологами. Эти монологи, составлявшіе либретто пантомимъ, назывались у Римлянъ *каптиками* (*cantica*, по гречески: *τὰ ἀόμιμα* или *ᾄσματα*). Подъ звуки этихъ каптикъ актеръ жестикулировалъ свою роль и при помощи мимики выражалъ ея содержаніе (что называлось у Римлянъ *canticum saltare*). Самая пантомима состояла изъ послѣдовательнаго ряда какъ бы живыхъ картинъ въ собственномъ смыслѣ этого выраженія, т. е. не неподвижныхъ, а такихъ, въ которыхъ позы и жесты актеровъ непрерывно измѣнялись вмѣстѣ съ ходомъ пьесы и мысли автора.

Пантомимное либретто обыкновенно писалось на греческомъ языкѣ, который очень былъ распространенъ въ Римѣ. Лукіанъ (64 §) въ одномъ мѣстѣ своего діалога, которое мы уже привели, ясно говорить о такомъ либретто, рассказывая, что иностранный принцъ, находившійся при представленіи одной пантомимы, не понималъ греческаго языка, понималъ однако содержаніе пьесы изъ самой жестикуляціи актера. Мы выписали, кромѣ того, заключительныя слова одной кантики *κτὸν μέυαν 'Αυαμέμνονα*, которая приводитъ Макробій (II, 7). Эта-то греческія кантики обыкновенно пѣлись на сценѣ въ пантомимахъ и сопровождали мимику актеровъ¹. Кантики исполнялись цѣлымъ хоромъ пѣвцовъ подѣ звуки всѣхъ, извѣстныхъ въ древности, музыкальныхъ инструментовъ и подѣ тактъ хорага (который назывался также *ἡγούμενος* или *ἑταρχος τοῦ χοροῦ*, *magister chori*), стоявшаго обыкновенно въ серединѣ хористовъ. Этотъ аккомпаниментъ, которымъ хотѣли придать блескъ пантомимнымъ пьесамъ, имѣлъ въ то же время цѣлю сообщать болѣе увѣренности движеніямъ актеровъ и не допустить ихъ сбиться съ такта. Само собою разумѣется, что жестикуляція пантомимовъ должна была вполне согласоваться съ ритмомъ кантики. Приведемъ при этомъ случай довольно забавный анекдотъ, рассказанный Федромъ въ одной изъ басенъ (l. V, f. VI., ed. Bugmann.). Батиллъ, говоритъ Федръ, привыкъ, чтобы ему аккомпанировалъ на сценѣ флейщикъ Принцепсъ. Этотъ Принцепсъ однажды сломалъ себѣ ногу и долгое время не показывался въ театрѣ. Публика замѣтила его отсутствіе, и, по словамъ баснописца:

*Desiderari coepit, cujus flatibus
Solebat excitari saltantis vigor.*

(т. е. начали (зрители) желать того, отъ игры котораго возбуждалась въ танцорѣ бодрость). Когда наконецъ Принцепсъ, послѣ болѣзни, снова появился въ театрѣ и занялъ свое обычное мѣсто на сценѣ, то слова: «*Roma incolumis salvo Principere*», которыми публика привѣтствовала Кесаря, принялъ на свой счетъ и къ большому смѣху зрителей, началъ благодарить ихъ за оказанную ему честь.

Вмѣстѣ съ выходомъ пантомима на сцену хоръ пачиналъ пѣть родъ прелюдіи, раздавался громъ рукоплесканій, и любимый актеръ привѣтствовалъ публику (*adorabat populum* или *venerabatur manu*). Такъ въ одной древней эпиграммѣ, приводимой Гриззаромъ (стр. 61), говорится (lib. IV, p. 131 in Pith. epigr.):

¹ Потому и Лукіанъ (63 §) вѣрно опредѣляетъ характеръ пантомимъ словами: *κινήματα τὰ ῥόμουα δειξάν ὑπιβυλίται* (т. е. *ἢ ὄρχηβις*).

Ingressus scenam populum saltator adorat,
Sollerti spondens prodere verba manu.

(Пантомимъ, выйдя на сцену, привѣтствуетъ народъ, ручаясь заговорить искусною рукою). Мы уже выше замѣтили, какой огромный успѣхъ имѣли пантомимы съ самаго появленія своего въ Римѣ: по своей пышной обстановкѣ и по искусству актеровъ, онѣ разомъ заняли первое мѣсто на римской сценѣ. Но не эти достоинства пантомимъ сдѣлали ихъ любимыми пьесами римской публики, а скорѣе чисто чувственный, развратный ихъ характеръ. Ликинъ старается выставить, какъ мы видѣли, только хорошую сторону пантомимъ, и потому характеристика ихъ является намъ въ трактатѣ Лукіана одностороннею и въ ложномъ свѣтѣ. Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о безстыдствѣ и безнравственности пантомимъ, нужно обратиться за показаніями къ Ювеналу, Светонію, Сенецкѣ, Тациту, Макробію и нѣкоторымъ другимъ писателямъ древности, разсѣянныя замѣтки которыхъ очень прилежно собралъ Г р и з а р ь въ названномъ уже нами сочиненіи.

Дѣйствительно, весь эффектъ пантомимъ, какъ мы уже замѣтили, былъ расчитанъ на грязный и соблазнительный ихъ характеръ: въ пантомимахъ все возбуждало въ зрителяхъ животную чувственность. Нѣкоторые писатели древности приписывали даже развратъ, господствовавшій въ Римѣ въ періодъ имперіи, введенію пантомимъ; справедливѣе будетъ замѣтить, что пантомимы служили только свидѣтельствомъ тому, до какой степени достигъ въ это время развратъ, для развитія котораго было много и другихъ причинъ. Для пантомимъ большою частію избирались сюжеты, имѣвшіе отношеніе къ чувственной любви. До какой степени дѣйствовали подобныя представленія на зрителей и въ особенности на зрительницъ, изображаетъ намъ живыми красками Ювеналъ (IV, sat. 63 v. и XI, sat. 162 v. sqq.) Для возбужденія этой чувственности актеры прибѣгали къ самымъ грубымъ средствамъ и къ самымъ безстыднымъ жестамъ (*gestus obsceni, motus impudici*). Въ послѣдствіи соблазнительный характеръ пантомимъ еще болѣе увеличился отъ того, что на сценѣ появились женщины (*pantomimae*). Онѣ долгое время не участвовали въ представленіи пантомимъ, а потому и женскія роли сначала исполнялись мужчинами. Извѣстно напримѣръ, что Батиллъ особенно правился римской публикѣ въ роли Леды. Конечно, съ самаго начала періода имперіи въ Римѣ было множество *pantomimae*, но въ это время онѣ почти не показывались публично на сценѣ, а держались римскою знатью для потѣхи и для домашнихъ спектаклей. Только съ III-го и въ особенности съ IV-го вѣка танцовщицы стали принимать постоянное участіе

въ публичныхъ представлѣнїяхъ пантомимъ не только въ Римѣ но и въ другихъ городахъ Италїи и Греціи, и преимущественно въ Византіи. Въ особенности двѣушки изъ Кадикса (*Gaditanae puellae*) отличались на римской сценѣ своимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ безстыдствомъ. Марціалъ, родомъ Испанецъ, любилъ при случаѣ упоминать о своихъ соотечественницахъ и объ ихъ роскошной и неприличной пляскѣ (наприм. V, 78, v. 26 sq.). Соблазнительные костюмы, въ которыхъ выходили на сцену танцовщицы, а иногда даже и совершенное отсутствіе костюмовъ, неприличные позы, все это въ высшей степени раздражало чувственность зрителей. Проконій говоритъ (*Avixvota* с. 8), что онъ могъ бы наполнить цѣлую книгу описанїями тѣхъ безстыдствъ, которыми обезславляла себя на византійской сценѣ Теодора, бывшая потомъ женою Юстиніана. Въ пантомимахъ не рѣдко являлись на римской сценѣ даже простыя гетеры¹, такъ что гетера и танцовщица значило въ Римѣ почти одно и то же. Самая Теодора и подруга ея Хрисомалло сначала были гетерами и потомъ вступили на сцену.

Теперь намъ понятны причины пристрастія римской публики къ пантомимамъ, понятно, почему съ самаго появленїя ихъ на римской сценѣ до позднѣйшаго времени Римляне, безъ различїя пола и положенїя въ обществѣ, показывали къ нимъ страсть, доходившую до крайности. Для Римлянъ недостаточно было публичныхъ представлѣній пантомимъ въ театрахъ; вездѣ въ частныхъ домахъ устраивались домашніе спектакли². Куда ни взглянешь, говоритъ Амміанъ (XIV, 20), вездѣ можно видѣть множество женщинъ, которыя до изнеможенїя трутъ полъ, кружатся и повторяютъ безчисленные жесты, выдуманые въ театрѣ. Любовь римской публики къ пантомимамъ перешла и на актеровъ, которые участвовали въ ихъ представлѣнїяхъ, и нерѣдко доходила до смѣшнаго. Лишь только любимый пантомимъ выходилъ на улицу, около него собиралась толпа, и онъ шелъ какъ триумфаторъ, окруженный огромною и блестящею свитою. Еще при Тиберїи запрещено было оказывать пантомимамъ подобныя почести³, но, какъ видно, это запрещенїе не долго наблюдалось, потому что уже Сенека (*Epist.* 47) очень ѣдко называетъ аристократическую римскую моло-

¹ Объ этомъ ясно говоритъ Тертуліанъ *de spectaculis* с. 17: «Ipsa etiam prestibula, publicae libidinis hostiae, in scena proferuntur.... etc....»

² Sen. *Quaest. nat.* VII, 32: «Privatim urbe tota sonat pulpitum.»

³ При Тиберїи закономъ постановлено было «ne egredientes (pantomimos) in publicum equites Romani eligerent.» Tacit. *Ann.* I, 77.

дежъ своего времени *maiora pantomorum* (лакеями пантомимовъ). Актеры допускались въ лучшія общества, и самыя значительныя лица, напримѣръ сенаторы, считали для себя за особенную честь и удовольствіе вести съ ними знакомство (Tacit. *ibid.*). Пантомимы были въ особенности любимцами римскихъ дамъ. Въ числѣ этихъ дамъ называютъ даже Домицію, жену Домиціана (Dio Cass. LXVII), и супругу Антоніина философа (Jul. Capit. in Ant. c. 23). Плиній (Epist. VII, 24) говоритъ объ одной 80-ти лѣтней старухѣ Квадратиллѣ, которая держала у себя пантомимовъ для собственнаго удовольствія и для домашнихъ спектаклей. Когда случалось, что какой нибудь изъ ея любимыхъ пантомимовъ участвовалъ въ публичномъ представленіи, то друзья старухи отправлялись въ театръ, чтобы аплодировать ея фавориту. По окончаніи спектакля они спѣшили къ Квадратиллѣ, чтобы передать ей разные жесты ея любимца, которыми онъ произвелъ особенный эффектъ на сценѣ.

Не смотря на весь свой цинизмъ, пантомимы постоянно пользовались въ Римѣ особеннымъ покровительствомъ со стороны правительства. По крайней мѣрѣ оно очень рѣдко прибѣгало къ строгимъ и сильнымъ мѣрамъ для того, чтобы обуздать невѣроятное въ наше время безстыдство какъ самыхъ пьесъ, такъ и участвовавшихъ въ нихъ актеровъ. Августъ, какъ извѣстно (Suet. Aug. 43), былъ большимъ покровителемъ всѣхъ публичныхъ зрѣищъ и въ особенности театральныхъ (за исключеніемъ Ателланъ). Покровительство, которое Августъ оказывалъ пантомимамъ еще болѣе увеличивалось отъ уваженія его къ Меценату, любимцемъ котораго былъ Батиллъ (Tacit. Ann. I, 54). Но и Августъ, такъ много заботившійся объ исправленіи римскихъ нравовъ долженъ былъ употреблять иногда строгія мѣры относительно актеровъ, позволявшихъ себѣ много вольностей. Такъ однажды, въ слѣдствіе жалобы претора, онъ приказалъ высѣчь пантомима Гиласа въ самомъ дворцѣ, а Пилада выслать изъ Італіи за то, что онъ оскорбилъ одного римскаго вельможу (Suet. Oct. 45). Впрочемъ Августъ вскорѣ почелъ за лучшее воротить этого актера, любимца публики, и долженъ былъ выслушать отъ него замѣчаніе, что присутствіе его въ Римѣ полезно для государства. Тиберій вообще не любилъ актеровъ (Tacit. Ann. IV, 14). При немъ сенатъ даже хотѣлъ возобновить для актеровъ тѣлесныя наказанія, но это рѣшеніе не было принято на томъ основаніи, что Августъ, вѣроятно, въ последнее время своего царствованія, отменилъ эти наказанія для гистріоновъ («Augustus immunes verberum histriones quondam responderat». Tacit. Ann. I, 77). Все дѣло ограничилось тѣмъ, что Тиберій запретилъ сенаторамъ посѣщать до-

мы пантомимовъ (Tacit. *ibid*). Но за то Калигула не скрывалъ своей привязанности къ Мнестеру, которому онъ публично оказывалъ самые неприличные знаки вниманія и собственноручно (*manu sua*) тутъ же въ театрѣ наказывалъ всякаго зрителя, который осмѣливался произвести малѣйшій шумъ въ то время, какъ Мнестеръ жестикулировалъ на сценѣ (Suet. Calig. 55). Еще болѣе странныя вещи Светоній рассказываетъ о Калигулѣ въ 54-й главѣ. Иногда, говоритъ Светоній, онъ плясалъ среди ночи, и однажды, во вторую стражу, приказалъ привести къ себѣ во дворецъ трехъ бывшихъ консуловъ. Въ большомъ страхѣ явились они и были поставлены на сценѣ въ ожиданіи смерти (*multa et extrema metuentes*). Вдругъ, при звукахъ флейтъ и тимпановъ, Калигула, одѣтый въ короткое верхнее платье (*palla*) и въ длинную тунику, выскочилъ на сцену и, проплясавъ кантику, исчезъ. Страсть Нерона къ актерству известна и развивалась въ немъ постепенно. Сперва Неронъ довольствовался только тѣмъ, что былъ постояннымъ посетителемъ пантомимамъ, потомъ сталъ самъ выходить на сцену, сначала только въ кругу своихъ друзей и приближенныхъ, а потомъ и публично (Suet. Ner. 21). Римская знать послѣдовала его примѣру. Вообще при Неронѣ страсть Римлянъ къ пантомимамъ не знала предѣловъ. Народъ раздѣлился на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая стояла за своего любимца и готова была на самыя крайнія мѣры, чтобы поддержать его. Въ театрѣ римскомъ этого времени происходили такія же сцены, какъ и въ циркѣ¹. Самъ Неронъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ театральныхъ распряхъ: Светоній (Ner. 26) рассказываетъ, что онъ, когда въ подобныхъ случаяхъ дѣло доходило до драки, бросалъ въ публику со сцены камнями и обломками скамеекъ. (Tacit. Ann. XIV, 14). Однажды во время *ludi juvenales*, особаго праздника, выдуманнаго Нерономъ для увеличенія числа театральныхъ представленій, одна 80-лѣтняя магрона, Элія Кателла, должна была выступить на сцену какъ танцовщица, а множество другихъ старухъ, которыя, по преклошности своихъ лѣтъ, не могли принять участія въ танцахъ, должны были пѣть въ хоръ (Dio Cass. LXI, 19). Очень понятно, что благородный Титъ не подражалъ примѣру своихъ предшественниковъ и, по словамъ Светонія (Tit. c. 7), даже не хотѣлъ смотрѣть въ публичныхъ собраніяхъ на игру пантомимовъ. За то при Домиціанѣ, какъ видно изъ Ювенала (VII, 88. sqq.), пантомимы опять были въ большомъ почетѣ и даже имѣли огромное вліяніе на государственное управленіе. Строгий Траянъ всѣми мѣрами старался ограничить страсть Римлянъ къ пантомимамъ, и Плиній въ своемъ панеги-

¹ См. статью Даница о римскомъ циркѣ въ III т. Промиссезъ.

рикъ (с. 46) очень его за это хвалить. Можно однако сомнѣваться въ томъ, будто, какъ увѣрлетъ Плиній, въ царствованіе Траяна пелюбовь императора къ пантомимамъ раздвѣлялъ и народъ. Нѣтъ недостатка въ показаніяхъ, что вскорѣ послѣ Траяна, и притомъ въ царствованіе лучшихъ римскихъ императоровъ, напримѣръ при Антонинѣ философѣ, пантомимы были въ большомъ ходу у Римлянъ. Юлій Капитолинскій въ жизни Антонина (23 с.) говоритъ, что онъ назначилъ особые дни для представленія пантомимъ. Даже позднѣйшіе христіанскіе императоры снисходительно смотрѣли на пантомимы, отвратительный цинизмъ которыхъ увеличивался съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Известно, что въ царствованіе Юстиніана представленія пантомимъ, въ которыхъ въ это время отличалась Теодора, дошли до крайняго предѣла безстыдства. Единственное ограниченіе, которое позволялъ себѣ Юстиніанъ въ отношеніи къ пантомимамъ состояло въ запрещеніи воздвигать имъ статуи на площадяхъ подлѣ статуй кесарей.

Страсть къ пантомимамъ не ограничилась только Римомъ; отсюда онъ проникли въ остальную Италію и въ римскія провинціи, гдѣ также, къ большому удовольствію народа, разыгрывались по большимъ городамъ, напримѣръ въ Неаполѣ и даже въ Помпеяхъ, какъ видно изъ многихъ надписей, собранныхъ у Орелли. Впослѣдствіи особенною роскошью и блескомъ отличались представленія пантомимъ въ Византіи.

Намъ остается еще теперь прибавить нѣсколько замѣчаній о самыхъ пантомимахъ, имена которыхъ дошли до насъ отъ древности. Мы уже замѣтили, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не передалъ намъ связной исторіи пантомимъ, и потому мы должны довольствоваться отрывочными ихъ замѣтками, въ которыхъ нерѣдко упоминаются имена актеровъ, особенно отличившихся на римской сценѣ въ этихъ пьесахъ¹. Не упоминая о всѣхъ пантомимахъ, мы назовемъ здѣсь только главнѣйшихъ изъ нихъ. Рядъ римскихъ пантомимовъ, какъ уже выше замѣчено, открываютъ собою, при Августѣ, Пиладѣ и Батиллѣ, которыхъ считаютъ основателями пантомимной оркестрики. Пиладъ, родомъ изъ Киликіи, отличался въ представленіи трагическихъ сюжетовъ, за то комическіе ему не удавались (Senec. declam. epit. III. graef). Сознавая свое достоинство, Пиладъ очень гордился своимъ искусствомъ и нецеремонно обращался съ публикою. Такъ Макробій (Saturn. II, 7) рассказываетъ, что когда однажды онъ вышелъ на сцену въ роли «бъ-

¹ Гризгаръ, въ сочиненіи своемъ: Ueber die Pantom der Röm. стр. 73 и слѣд., старательно соорилъ эти отрывочныя замѣтки, разбѣяныя у древнихъ писателей, которыми и теперь можно до нѣкоторой степени возстановить биографію известнѣйшихъ римскихъ пантомимовъ. De l'Art du Pantomime представляетъ также, въ названномъ нами сочиненіи на стр. 71 и слѣд., довольно длинный списокъ актеровъ, въ которомъ впрочемъ онъ смѣшалъ настоящихъ пантомимовъ съ простыми гимнотиками.

шеннаго Геркулеса (Hercules furens), то нѣкоторымъ зрителямъ походка его показалась очень странною. Разсерженный Пиладъ сорвалъ съ себя маску и закричалъ смѣвающимся: *μωροί, μαινόμενον ἰσχυόμεαι* (глупцы, я представляю безумнаго). Пиладъ съ Батилломъ много сдѣлали для распространенія въ Римѣ пантомимъ и образовали много учениковъ, которые поддержали новое искусство ¹. Лучшимъ и знаменитѣйшимъ изъ учениковъ Пилада былъ Гиласъ, о которомъ мы уже говорили выше. Мы видѣли, какъ Пиладъ, въ качествѣ наставника Гиласа, позволялъ себѣ публично дѣлать ему замѣчанія на счетъ его игры, которая не вездѣ была удачна. Это однако не мѣшало Гиласу пользоваться славою отличнаго пантомима. Пиладъ не ограничивался только Римомъ, но, какъ видно изъ нѣкоторыхъ древнихъ надписей, выходилъ на сцену и въ другихъ городахъ Италіи, напримѣръ въ Помпеяхъ (Ogelli Inscrip. n. 2530). Остальныя подробности его жизни намъ мало извѣстны. Мы уже выше привели свидѣтельство Светонія (Octav. 45) о томъ, что Августъ однажды выслалъ Пилада изъ города за оскорбленіе, нанесенное имъ одному римскому вельможѣ. Впрочемъ Діонъ Кассій (LIV, 17) рассказываетъ иначе объ этомъ изгнаніи и какъ на главную причину его смотритъ на вражду между Пиладомъ и Батилломъ, любимцемъ Мецената. Но, въ угоду народу, Пиладъ вскоре былъ возвращенъ въ Римъ и съ этого времени большею частию жилъ, кажется, въ этомъ городѣ. Послѣ его смерти общество римскихъ пантомимовъ соорудило ему памятникъ, на которомъ было между прочимъ начертано: *Pyladi pantomimo honorato a splendidissimis civitatibus Italiae grex Romanus ob merita ejus tit. memoriae posuit* (Gruter. 1024, 5). Батиллъ, современникъ и соперникъ Пилада, былъ родомъ изъ Александріи. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Мецената, на что указываютъ и двусмысленныя слова Тацита въ Ann. I, 54: «Maecenas effusus in morem Bathylli.» Пиладъ, какъ мы видѣли, отличался въ представленіи трагическихъ сюжетовъ; за то Батиллъ съ неподражаемымъ искусствомъ передавалъ на сценѣ нѣжное, страстное и изящное. Особенно, когда онъ являлся въ роли Леды, то восторгъ римскихъ дамъ не зналъ границъ. Римская публика ставила Батилла, какъ артиста, очень высоко и цѣнила его не меньше Пилада (Pers. Sat V, v. 222). На Аппіевой дорогѣ найдено нѣсколько монументовъ, воздвигнутыхъ въ честь Батилла ². О Мнестерѣ, современникъ и любимецъ Калигулы, мы

¹ Seneca Quaest. nat. VII, 32: «Stat per successores Pyladis et Bathylli domus: harum partium multi discipuli sunt multique doctores. Privatum urbe tota sonat pulpitem»

² Изображеніе одного изъ нихъ приложено къ книгѣ г. М. К.: Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Москва 1849 (къ стр. 218).

уже упоминали. Изъ слѣдующихъ пантомимовъ особенно замѣчательнъ Парисъ. Было впрочемъ два артиста этого имени. Старшій изъ нихъ, современникъ Нерона, былъ сначала рабомъ Нероновой тетки Домиціи, отъ которой онъ откупился на волю за довольно значительную сумму денегъ. Но когда, со временемъ, Парисъ попалъ въ милость къ Нерону, и тотъ объявилъ его челоуькомъ свободнаго происхожденія (*ingenuus*), то онъ потребовалъ у Домиціи заплаченныя имъ деньги и получалъ ихъ обратно (*Tacit. Ann. XIII, 27*). Парисъ нѣсколько времени былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Нерону лицъ, и, подобно Петронию, участникомъ во всѣхъ его буйствахъ (*Tacit. ibid. c. 20*), такъ что даже ложный доносъ его на Агриппину остался безъ наказанія (*Tacit. ibid. c. 22*). Однако потомъ эти дружескія отношенія измѣнились, и Неронъ велѣлъ казнить Париса за то, какъ говоритъ Светоній (*Nero 54*), что видѣлъ въ немъ опаснаго для себя соперника въ пантомимномъ искусствѣ (*quasi gravem adversarium*). Другой Парисъ жилъ при Домиціанѣ и былъ большимъ любимцемъ римской публики. Марціалъ называетъ его въ одной эпиграммѣ (*XI, II*) «утѣхою города и украшеніемъ римскаго театра». Въ сатирахъ Ювенала мы находимъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ объ этомъ пантомимѣ, изъ которыхъ видно, до какой степени онъ былъ любимъ римскою публикою, и какимъ значеніемъ пользовался у правительства. Въ VI-й сатирѣ (ст. 51) Ювеналъ рассказываетъ про какую то римскую даму, которая рѣшилась оставить свою родину, дѣтей и мужа для того, чтобы бѣжать съ однимъ актеромъ. Ювеналъ прибавляетъ:

Utque magis stupeas, ludos Paridemque reliquit!

(и, что еще болѣе удивительно, она оставила театральныя зрѣлища и Париса). Изъ нѣкоторыхъ стиховъ VII-й сатиры Ювенала (стр. 86 и 87) Гризартъ заключаетъ, что Парисъ былъ благодѣтелемъ бѣдныхъ поэтовъ своего времени. Въ означенномъ мѣствѣ сатиръ Ювенала идетъ рѣчь объ известномъ поэтѣ и импровизаторѣ Стаціи, котораго стихи, говоритъ сатирикъ, до того нравятся народу, что публичное чтеніе ихъ—настоящій праздникъ для Римлянъ. «Но послѣ того, продолжаетъ Ювеналъ, какъ онъ (Стаціи) надломилъ скамьи (въ своей аудиторіи отъ множества слушателей), ему придется голодать, если только онъ не продастъ Парису нетронутую Агаву¹». Изъ слѣдующихъ за

¹ Подъ нетронутую, т. е. не представленною еще на сценѣ Агавою, безъ сомнѣній, здѣсь нужно разумѣть трагедію, которую Парисъ кушалъ у Стаціи для пантомимнаго лябретто, или, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы выдать ее за свое произведеніе (какъ думаетъ Гладскѣ въ *Vita. luv. p. 127*).

тѣмъ стиховъ Ювенала видно, какимъ огромнымъ вліяніемъ на дѣла пользовался Парисъ при дворѣ Домиціана. «Огъ (Парисъ), продолжаетъ Ювеналь, многимъ щедро раздаетъ военныя почетныя должности и на шесть мѣсяцевъ надѣваетъ на пальцы поэтовъ золотыя кольца. Чего не въ состояніи дать вельможи, то дастъ актеръ. Ты хлопочешь около Камерниновъ, Бореевъ и въ большихъ пріемныхъ залахъ аристократовъ? Пелопея въ наше время дѣлаетъ префектами, Филомела трибунами ¹.» За эти слова, въ которыхъ задѣтъ Парисъ, Ювеналь, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ Египетъ. Парисъ былъ любимцемъ многихъ римскихъ дамъ и въ особенности, супруги Домиціана, Домиціи, которую Светоній (Domit. 3) называетъ: «Paridis amore pereditam.» Наконецъ эта связь сдѣлалась извѣстною Домиціану. Онъ удалилъ Домицію отъ двора, а Париса, въ припадкѣ ревности, закололъ на улицѣ кинжаломъ. Онъ велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ и приказалъ убить одного изъ учениковъ Париса за то только, что тотъ былъ на него похожъ (Suet. Dom. X). Марціалъ почтилъ память Париса слѣдующими стихами, изъ которыхъ мы узнаемъ между прочимъ, что онъ былъ похороненъ на Фламининской дорогѣ (Mart. l. XI, 11):

Quisquis Flaminiam teris viator,
Noli nobile praeterire marmor.
Urbis deliciae salesque Nili,
Ars et gratia, lusus et voluptas,
Romani dolor et decus theatri
Atque omnes Veneres Copidinesque
Hoc sunt condita, quo Paris, sepulcro ².

До насъ дошло еще нѣсколько именъ римскихъ пантомимовъ, но о жизни ихъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Въ заключеніе замѣтимъ, что къ самому позднему періоду римской имперіи относятся Камараллъ (Camarallus) и Фабатонъ (Phabaton). Сидоній Аполлинарій, писатель пятого вѣка, упоминаетъ о нихъ (сагг. XXIII, v. 267), какъ объ очень извѣстныхъ пантомимахъ.

Н. Благовѣщенскій.

¹ Подъ выраженіемъ «полугодичное или шестимѣсячное золото» (semestre agrum) разумѣется здѣсь военное трибуство, соединенное, со времени Цезаря и Октавіана, со всѣми правами и прерогативами, которыми пользовались римскіе всадники. Къ числу отличій сословія римскихъ всадниковъ принадлежало, между прочимъ, и золотое кольцо. Безъ сомнѣнія, въ видахъ предоставить военное трибуство, и вмѣстѣ съ нимъ и всадническія права, бѣльшему числу лицъ изъ огромной массы искателей этой должности, срокъ ея былъ, во время Домиціана, ограниченъ полугодомъ. Пелопея и Филомела, очевидно, заглавія трагедій, которыми поэты старались втерѣться въ милость къ Парису.

² Изъ третьяго стиха этой эпиграммы, въ которой Марціалъ называетъ Париса «sales Nili», можно заключить, что онъ былъ родомъ изъ Египта.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕЛЛИНГѢ.

Считаемъ долгомъ заключить эту книгу благодарственными словами воспоминанія о великомъ мужѣ, котораго издатель «Пропилеевъ» удостоился имѣть своимъ наставникомъ, и которому было суждено отойти въ вѣчность въ этомъ году. Величайшій, по общему признанію, мыслитель нашего столѣтія, Шеллингъ не нуждается въ слабости нашего свидѣтельства. Но долгъ признательности, память о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ въ его аудиторіи, побуждаетъ къ сердечному произнесенію по крайней мѣрѣ его имени, отнынѣ уже принадлежащаго исторіи. Намъ удалось видѣть этого могучаго старца, выступившаго на время изъ величественнаго уединенія, въ которое онъ разсудилъ удалиться въ послѣдніе полѣтка своей жизни; мы видѣли своими глазами его юношескую бодрость и свѣтлую трезвость его лица; слышали его изящную вдохновенную рѣчь, потрясавшую слушателя до сокровенной глубины духа; испытали силу мысли, безпримѣрно зрѣлой и ясной, побѣдоносно торжествующей надъ предубѣжденіями, которыя встрѣчали его съ неимовѣрно настойчивымъ и ослабленнымъ недоувѣріемъ. Будущему предлежитъ оцѣнить по достоинству плоды этой полувѣковой умственной жизни, углубленной въ себя и не искавшей признанія. Въ Сборникѣ, ограничивающемся классическою древностію, было бы неумѣстно входить въ рассужденіе о духѣ и значенія послѣдней философіи Шеллинга, о ея связи съ его прежними сочиненіями и отношеніи къ философіи, постѣпившей превратитъ въ неподвижную систему формулъ то, что самъ первый виновникъ имѣлъ въ виду вести далѣе. Но мы обязаны упомянуть здѣсь, что классическая древность была постояннымъ любимымъ занятіемъ Шеллинга и приклекала его вниманіе даже своими спеціальными вопросами. Кромѣ небольшихъ статей въ мюнхенскомъ Kunstblatt, о томъ свидѣтельствуеетъ его сочиненіе: Ueber die Gottheiten zu Samothrake и то участіе, которое онъ принималъ въ обсу-

жденія знаменитаго памятника арханческаго греческаго искусства— фронтонныхъ статуй эгинскаго храма Паллады, украшающихъ нынѣ мюнхенскую галлотеку. Шеллингъ издалъ сочиненіе объ этомъ памятникѣ даровитаго художника Вагнера и украсилъ его своими обширными замѣчаніями. Его глубокомысленная рѣчь Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zur Natur заключаетъ въ себѣ много живительныхъ возрѣній на существо и исторію древняго художества. Посмертныя сочиненія, имѣющія въ скоромъ времени выдти въ свѣтъ, еще болѣе покажутъ, что онъ предпринималъ не разъ спеціальныя ученые изсаждованія въ мірѣ греческой и римской древности.

Шеллингъ скончался послѣ тяжкой болѣзни 20-го августа н. ст. сего года въ Рагацѣ, въ Швейцаріи, смертію мирною, на 79-мъ году жизни.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ ИЗЪ РИМА И НЕАПОЛЯ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ III-ей КНИГѢ ПРОЦИЛЕЕВЪ.

(ПО ПОВОДУ КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ ВЪ № 10-мъ
БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ 1853 ГОДА).

Статья, помѣщенная въ 10-мъ № Библиотеки для Чтенія въ Отдѣленіи Литературной Лѣтописи о III-мъ томѣ Процилеевъ, должна была обратить на себя вниманіе многихъ, если не существенною важною того, что въ ней говорится о самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ своимъ совершенно особеннымъ, по выраженію Современника, незаотнчивымъ опособомъ выразаться. Такъ какъ эта критика относится преимущественно къ моимъ Письмамъ изъ Рима и Неаполя, то я счелъ себя обязаннымъ, для отвращенія недоразумѣній, помѣстить здѣсь настоящія замѣчанія. Цѣлю ихъ будетъ уяснить для читателей нашъ образъ воззрѣнія, а отнюдь не писать антикритику. Мы не хотимъ вступаться за себя имѣть автору критики за его неумѣстныя оскорбленія, что было бы впрочемъ очень легко, но мы готовы до нельзя отстаивать истину, нами высказанную съ полнымъ и зрѣлымъ убѣжденіемъ и столько же твердо опирающуюся на законы изящнаго, какъ и на общемъ согласіи извѣстнѣйшихъ критиковъ искусства. Мы постараемся основательными доводами и цитатами извѣстныхъ авторовъ уничтожить превратныя взгляды нашего журнальнаго судьи, а всѣ его возгласы, какъ остающіеся ни при чемъ, предоставимъ милостивому суду читателей.

Мы поставлены въ непріятную необходимость выписать главныя мѣста приговора Библиотеки о нашихъ Письмахъ.

«Самое любопытное здѣсь то, что господину Авдѣеву архитектура храма святаго Петра не нравится. Господинъ Авдѣевъ раскритиковалъ невѣроятное (!) произведеніе Микель-Анжела и Бернини. Геній господина Авдѣева выстроилъ бы храмъ въ тысячу разъ прекраснѣе. Въ твореніи этихъ великихъ мастеровъ онъ открылъ жалкое и неудачное стремленіе къ противоестественности и ложнымъ эффектамъ, между тѣмъ какъ архитектура такое искусство, которое болѣе всѣхъ другихъ должно быть основано на законахъ правдивости и здраваго смысла. Жаль, очень жаль, что «Процилеевъ» не изъ-

даются на французскомъ языкѣ: такого *вздору* не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ Академіи Надписей, и господинъ Леонтьевъ навѣрное не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно *пороть дичь* безнаказанно, господинъ Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе по крайней мѣрѣ этой *наглой неслышности*. Обвиненіе въ жалкомъ и неудачномъ стремленіи къ противоположности, въ ложныхъ эффектахъ, въ неправдивости, въ отсутствіи здраваго смысла, основано на допущеніи нѣкоторыхъ негоризонтальныхъ линий и непрямыхъ угловъ. По законамъ той же архитектуры, которую господинъ Авдѣевъ привезъ съ собою въ Римъ, все должно быть совершенно прямо и горизонтально: иначе, по его верховному суду, оно неправдиво и не согласно съ здравымъ смысломъ. Господинъ Авдѣевъ не знаетъ, но господинъ Леонтьевъ, эллинистъ и издатель «Прописелевъ», зналъ навѣрное, что въ знаменитыхъ афинскихъ Прописеляхъ и въ самомъ Паренонѣ, образцахъ такъ называемой прямолинейной архитектуры, нѣтъ ни одного совершенно прямого угла и ни одной строго прямой линіи ¹.

Прежде всего мы должны объяснить, что изъ всѣхъ нашихъ замѣчаній именно можетъ-быть сужденіе о храмѣ св. Петра наименѣе оригинально, и преимущественно основано на взглядѣ, общепринятомъ въ архитектурѣ и извѣстномъ не только всякому туристу, но и всякому образованному чловѣку нашего времени. Въ самыхъ Письмахъ на стр. 210 приведено отъ слова до слова сужденіе архитектора Л а т а р у л ь и, издателя памятникомъ новаго Рима, написанное, — какъ должны были замѣтить читатели, болѣзъ внимательные нежели рецензентъ Библіотеки для Чтенія, — на языкѣ Академіи Надписей.

Если этого весьма замѣчательнаго сужденія Л а т а р у л ь и недостаточно, мы приведемъ другихъ писателей. Вотъ напримѣръ нѣкоторыя выраженія знаменитаго нѣмецкаго ученаго Бунзена изъ общезвѣстнаго сочиненія: *Beschreibung der Stadt Rom*. На страницѣ 175 III-го тома читаемъ: «Въ среднемъ нефѣ находятся четыре арки, опирающіяся на большихъ столбахъ и образующія переходы въ боковые нефы. Каждый столбъ украшенъ двумя коринѣскими пиластрами, антабле-

¹ Перепечатывая отрывъ Библіотеки для Чтенія, Издатель Прописелевъ повиновался необходимости, огорчительной и прискорбной. И уваженіе къ своему изданію, и уваженіе къ чести русской литературы заставили бы его воздержаться отъ дальнѣйшей огласки случая, дающаго невыгодное понятіе объ одномъ изъ извѣстныхъ нашихъ журналовъ и можетъ-быть бросающаго тѣнь на современные нравы нашей литературы. Но читатели замѣтятъ, что г. Авдѣеву невозможно было обойтись безъ приведенія этой странной рецензій въ подлинникѣ. Не отвѣчать же на нее было нельзя, потому что Библіотека для Чтенія не отказалась отъ своихъ словъ, а этотъ журналъ еще имѣетъ публикацію. Если бы „Прописелевъ“ надавался на языкѣ Академіи Надписей, то ни господинъ Леонтьевъ, ни господинъ Авдѣевъ конечно не потратили бы ян одной строки на опроверженіе замѣчаній подобаго достоинства.

ментъ которыхъ кажется излишне тяжелымъ и чрезъ это оставляетъ впечатлѣніе неуклюжести». На стр. 176: «Украшенія столбовъ, находящихся подъ арками и въ боковыхъ нефѣхъ, отличаются безвкусіемъ.» На стр. 179: «Большой балдахинъ надъ главнымъ престоломъ, сдѣланный при Урбанѣ VIII по рисунку Бернини, есть колоссальное, многоцѣнное, но вмѣстѣ съ тѣмъ безвкусное произведеніе.» Далѣе на тойже страницѣ: «Не только балдахинъ этотъ не производитъ своимъ стилемъ пріятнаго дѣйствія на зрителя, онъ еще ослабляетъ общее впечатлѣніе величины храма, закрывая отъ глазъ при входѣ заднюю часть храма, чрезъ что мѣшаетъ видѣть его длину.» И на стр. 180: «Большой куполь, возвышающійся надъ главнымъ престоломъ, предпочтительная часть всего строенія, отличается предъ всѣмъ остальнымъ изяществомъ вкуса во внутреннихъ украшеніяхъ.» Мы также отличили на стр. 215 мозаичныя украшенія главнаго и другихъ куполовъ, какъ самыя удачныя изъ всѣхъ внутреннихъ украшеній. Знающіе храмъ св. Петра должны согласиться со всѣмъ этимъ.

Но есть одинъ пунктъ въ нашихъ сужденіяхъ объ этомъ аданіи, который требуетъ поясненія и быть-можетъ дѣйствительно показался страннымъ и произвольнымъ не одной Библіотекѣ для Чтенія. Мы говоримъ объ оптическомъ эффектѣ, производимомъ внутренностію храма. Наше сужденіе объ этомъ пунктѣ совершенно расходится съ мнѣніемъ, которое къ сожалѣнію раздѣляютъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ. Мы считаемъ нужнымъ еще разъ высказать свое убѣжденіе, подтверждаемое и самымъ дѣломъ, и авторитетомъ многихъ писателей. Что внутренность храма св. Петра кажется глазу меньше, нежели какова она въ дѣйствительности, это отнюдь не есть достоинство, происходящее, какъ полагаютъ, отъ пропорціональности внутреннихъ украшеній, а напротивъ величайшая ошибка, вслѣдствіе которой зданіе утратило для зрителя и то исключительное свое превосходство, которое состоитъ въ безпримѣрной громадности. Мы весьма желали бы, чтобы эта очевидная истина сдѣлалась наконецъ вразумительнѣе, и намъ было бы крайне радостно, если бы эти замѣтки могли содѣйствовать тому. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ приведемъ мѣсто изъ Исторіи искусства Да же п к у р я. Въ томъ I на стр. 116, упоминая объ измѣненіи плана, происшедшемъ отъ продолженія средняго нефа, сдѣланнаго архитекторомъ Карломъ Мадерно, онъ говоритъ слѣдующее: «Послѣдствіемъ этого было, что недостатокъ согласія частей въ цѣломъ и между собою уничтожилъ одно изъ средствъ, производящихъ впечатлѣніе грандіозности. Отсюда произошелъ оптический обманъ, дѣлающій, что большой предметъ кажется меньшимъ, нежели онъ есть въ дѣйствительности. Дѣйствіе это совершенно противоположно тому, которое должно производить искусство, и весьма замѣчательно, что ошибка художника служитъ и понынѣ источникомъ ошибокъ, въ которыхъ впадаетъ большая часть говорящихъ о храмѣ св. Петра.

Находи, что онъ кажется меньше чѣмъ есть въ действительности, они думаютъ произнести похвалу, тогда какъ слѣдуетъ заключать совсѣмъ противоположное.»

Объясненіе этой главной ошибки, равно какъ и другихъ несообразностей, представляетъ намъ исторія храма. Нашъ критикъ правда называетъ церковь св. Петра «невѣроятнымъ» произведеніемъ Микель Анджело и Бернини. Но въ самомъ дѣлѣ въ ея построеніи участвовалъ цѣлый рядъ другихъ архитекторовъ, которые налагали по очереди на это произведеніе печать или своей даровитости, или дурнаго вкуса. Даже если бы непременно требовалось выбрать изъ ихъ числа двухъ главныхъ, то должно было бы назвать, согласуясь Бунзеномъ, слѣдующихъ двухъ мастеровъ: Микель-Анджело и Карла Мадерно. Но дабы успокоить тѣхъ, кого можетъ-быть смущала несобдуманная рѣшительность тона, принятаго нашимъ критикомъ, остановимся именно на тѣхъ двухъ соорудителяхъ «невѣроятнаго» храма, которыхъ онъ называетъ. Впрочемъ мы обращаемся отнюдь не къ нему, а къ людямъ болѣе серьезнымъ, къ тѣмъ, кого позволительно имѣть въ виду художнику, говорящему объ искусствѣ.

Статья наша была писана въ Римѣ, именно въ той оферѣ, гдѣ великія произведенія искусства времени возрожденія окружали насъ со всѣхъ сторонъ, и гдѣ сравнительное ихъ изученіе само собою приносило приговоръ надъ ихъ творцами. Въ той же статьѣ (смотрите страницы 237 и 238) мы преклонили колѣна предъ гениемъ Браманте, Перруцци и другихъ великихъ творцовъ того времени. Наши сужденія вылились подъ свѣжими впечатлѣніями, и мы смѣемъ хранить увѣренность, что они не встрѣтятъ серьезнаго противорѣчія въ людяхъ, одаренныхъ способностію читать на самыхъ архитектурныхъ произведеніяхъ. Но и тѣ, которые знакомы съ искусствомъ болѣе по книжному изученію, не могли быть удивлены нашимъ сужденіемъ о Микель-Анджело и Бернини, какъ архитекторахъ. Сомнѣвающимся мы попросимъ развернуть вмѣстѣ съ нами первую попавшуюся намъ исторію архитектуры. Напримѣръ у Гопа во Французскомъ переводѣ Барона на стр. 479 читаемъ: «У Микель Анджело былъ могущественный гений, но у него не было строгаго вкуса; увлекаемый потребностію новизны, онъ часто терялъ чувство приличнаго, въ своемъ порывѣ преслѣдовать грандіозное онъ попадалъ иногда на гигантское, на фантастическое, на вычурное и выходящее изъ всякихъ предѣловъ мѣры. Даже въ скульптурѣ, гдѣ у него передъ глазами были наисовершеннѣйшіе памятники древности, онъ впалъ въ неестественное и сдѣлался манернымъ: удивительно ли, что въ архитектурѣ, гдѣ его образцами были только зданія древняго Рима, его произволъ пошелъ еще далѣе? Изысканность его коснулась даже тѣхъ основныхъ частей, которыя должны всегда оставаться въ простотѣ и не допускають дробленія. Его пьедесталы высоты неумѣстной, пиластры слишкомъ подраждѣлены, чреватѣрно

выступают и сгруппированы между собою всевозможными способами; антаблементы раскреповываются по колоннамъ; однимъ словомъ мы у него находимъ всѣ недостатки вѣка Діоклетіанова. На храмѣ св. Петра онъ замѣнилъ тяжелымъ вытянутымъ куполомъ великолѣпный, полусферическій куполъ Браманта; онъ испортилъ Саггаловы портики (аркады двора) въ Фарнезскомъ дворцѣ надстройкою верхняго этажа съ высокими и тощими пилястрами, скупченными въ группы, а его Пиевы-ворота (Porta-Pia) есть самое противное (detestable) произведеніе, какое лишь можно себѣ представить. Не только онъ не приблизился болѣе своихъ предшественниковъ къ настоящему античному стилю; онъ отошелъ отъ него далѣе чѣмъ Браманте и Саггалло и подалъ поводъ ко всѣмъ архитектурнымъ сумасбродствамъ, которыми Римъ вскорѣ наводнился.»

Мы были болѣе скромны и почтительны къ титану новаго искусства. Не въ Микель-Анджело и Бернини, какъ намъ приписываетъ Библіотека для Чтенія, а исключительно въ Бернини находили мы «жалкое и неудачное стремленіе къ противуестественности и ложнымъ эффектамъ». Не понимаемъ, гдѣ отыскался такой человекъ, кого удивило это сужденіе, когда даже отъ римскихъ чичерони можно слышать объ «ослиныхъ ушахъ» Бернини на Пантеонѣ. Но дѣлать нечего, приведемъ и здѣсь цитаты изъ писателей «иностранныхъ».

На страницѣ 478 той же книги Гопа въ примѣчаніи по поводу преддверія ко храму св. Петра читаемъ: «Бернини, человекъ самаго дурнаго вкуса, какой только можно найти между людьми, составившими себѣ имя въ искусствѣ, успѣлъ набросать тутъ нѣсколько своихъ ребяческихъ идей. Противуестественному стилю и мишурному блеску, годному для какого нибудь временнаго театра, онъ нашелъ мѣсто въ главнѣйшемъ христіанскомъ храмѣ; въ одной изъ оконечностей преддверія онъ осмѣлился помѣстить театральную декорацию, представляющую обращеніе царя Константина при видѣ знаменія креста, а въ средней церкви транспарантное изображеніе Святаго Духа, окруженное лучами славы изъ волооченой мѣдной работы.»

Послѣ Гопа развернемъ еще разъ Латарульи. Въ историческихъ и критическихъ замѣткахъ ко второму тому «Зданій новаго Рима» на страницѣ 269 узнаемъ мнѣніе автора объ Микель-Анджело. Дѣло идетъ о томъ знаменитомъ карнизѣ на Фарнезскомъ дворцѣ, о которомъ мы не забыли упомянуть на страницахъ 239 и 240 нашихъ Писемъ, приведа, въ краткомъ разсказѣ, цѣлую исторію этого карниза. Разсуждая о томъ, кому должно приписать все достоинство этого произведенія, Латарульи говоритъ слѣдующее: «Я совершенно согласенъ, что первоначальная мысль принадлежала Микель-Анджело, но я не хочу вѣрить, чтобы такое классическое изу-

ченіе деталей могло ему быть приписано. Пускай покажутъ въ самомъ дѣлѣ лишь одно созданіе этого рода между всѣми произведеніями Микель-Анджело, одно только, которое бы не было запечатлено испорченнымъ вкусомъ, хотя одинъ обломъ карниза, который оправдалъ бы предположеніе, что Микель-Анджело могъ быть творцомъ фарнезскаго карниза. Нѣтъ, мнѣ кажется рѣшительно невозможнымъ, чтобы архитекторъ, начертавшій детали воротъ Пиевыхъ (Porta Pia), боковые фасады храма св. Петра, фасадъ Капитолійскаго дворца, и второй ¹ этажъ двора во дворцѣ фарнезскомъ ², могъ въ этомъ только случаѣ быть невѣрнымъ своимъ привычкамъ и странностямъ, могъ возвыситься надъ своимъ прошедшимъ и своими правилами, и сослаться антаблементъ не только неукоризненный, но при томъ еще превосходнаго стиля.»

Эти мѣста всякій можетъ прочесть если угодно на языкѣ Академіи Надписей. Посмотримъ, что говорятъ нѣмецкіе ученые, которые въ своихъ приговорахъ вообще гораздо умѣреннѣе. У Куглера въ его Ручной книгѣ исторіи искусства на страницѣ 671 читаемъ: «Дѣятельность Микель-Анджело внесла въ италіанскую архитектуру новый духъ. Въ противоположность прежнимъ художникамъ, умѣвшимъ только примѣнять античныя формы къ своимъ потребностямъ, въ противоположность своимъ современникамъ, которые по крайней мѣрѣ соблюдали эти формы съ добросовѣстною точностію, Микель-Анджело начинаетъ измѣнять ихъ по своему произволу и прихоти, увлекаемый страстью къ живописному эффекту, которая впрочемъ обнаруживается въ немъ безъ особенныхъ признаковъ внутренней потребности. Этимъ онъ открываетъ путь вычурности послѣдующаго времени. Примѣръ его долженъ былъ дѣйствовать тѣмъ гибельнѣе, что многосторонній его дарованіи и могущественная личность доставили ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ тогдашнемъ искусствѣ.» Что касается до Бернини, то заслуги его Куглеръ на страницѣ 676 обрисовываетъ весьма немногими словами, и именно по поводу работъ, относящихся къ храму св. Петра: «Другія прибавки сдѣланы Лоренцо Бернини. Этотъ художникъ началъ свое дѣло постройкою на оконечности фасада колоколенъ, который были разобраны, прежде нежели ихъ достроили. Вслѣдъ за тѣмъ заложилъ онъ (въ 1667 году) колоссальныя колоннады, объемлющія площадь передъ храмомъ, сооруженіе не лишенное величавости, но исполненное сухо. Онъ же устроилъ во внутренности храма огромный, имѣющій около 90 футовъ въ вышину бронзовый балдахинъ надъ склепомъ св. Апостоловъ, произведеніе декоратіонное, рассчитанное на эффектъ и поражающее эффектатіей. Другія архите-

¹ По усвоенному у насъ значенію слова „этажъ“ дѣльсь подъ вторымъ этажемъ должно разумѣть третій, такъ какъ первымъ этажемъ мы называемъ rez-de-chaussée.

² Смотри Письма изъ Рима и Неаполя, Прошлагого томъ III стр. 240.

ктурныя произведенія Бернини показываютъ тотъ же декорационный стиль; такова на примѣръ такъ называемая scala Regia въ Ватиканѣ (съ боку храма св. Петра); таковы многія церкви и дворцы въ Римѣ, между которыми дворецъ Барберини есть самый значительный.»

И такъ Го п ъ упрекаетъ Бернини въ противуестественности, аффектаціи, за то что онъ ставитъ въ предверіи церкви театральныя кулисы; Куглеръ говоритъ то же, прибавляя, что произведенія Бернини вообще обличаютъ декорационный стиль, другими словами стиль театральныя кулисы. Мы спрашиваемъ, естественно ли въ искусствѣ самобытномъ, не заимствующемъ предметовъ изъ міра внѣшняго, въ искусствѣ положительномъ, произведенія котораго не представляютъ кажущагося призрака, а составляютъ самую дѣйствительность, и которое слѣдственно болѣе другихъ должно удалиться отъ эффектовъ подобныхъ оптическому обману (т. е. именно основываться на законахъ правдивости), естественно ли въ такомъ искусствѣ допустить до такой степени преобладаніе внѣшняго представленія, чтобы строить зданія подобно кулисамъ, когда самыя кулисы суть только оптическое представленіе архитектурныхъ зданій? Въ зданіяхъ, о которыхъ мы говорили въ нашихъ Письмахъ, стремленія эти не достигаютъ своей цѣли, а потому неудачны, слѣдовательно жалки и лишены здраваго смысла.

Приведенныя нами выписки кажется достаточно показываютъ, что мы имѣемъ единомышленниковъ между людьми съ неоспоримымъ авторитетомъ. Но что сказать намъ о заключительномъ замѣчаніи Библіотеки для Чтенія касательно негоризонтальныхъ линій и непрямыхъ угловъ, которые она отстаиваетъ, и при этомъ еще даетъ читателю почувствовать даже свою ученость? Конецъ вѣнчаетъ дѣло, и говоритъ пословица. Эта послѣдняя выходка такъ забавна, что должна рассмѣшить не только русскаго, но даже самаго глубокомысленнаго нѣмецкаго эллениста. И тутъ мы вынуждены пояснить, въ чемъ дѣло, хотя дѣла здѣсь вовсе нѣтъ, или оно крайне неподходящее.

Въ декабрьской книжкѣ *Revue des deux Mondes* 1847 года была помѣщена статья младшаго Бюрнума объ измѣреніяхъ Паренона, сдѣланныхъ архитекторомъ Французской Академіи Шикаромъ. Этотъ архитекторъ, вслѣдствіе необыкновенной точности, съ которою производилъ свои изслѣдованія, открылъ весьма слабыя, непримѣтныя для глаза выпуклости въ линіяхъ антаблемента и стилобата (поюста служащаго основаніемъ портикамъ) на знам. нитомъ Паренонѣ. Но что общаго между этою едва измѣримою выпуклостію линій, которая можетъ пріятно дѣйствовать на глазъ именно на томъ условіи, что ускользаетъ отъ глаза, и между Бернининскими наклоненными на одну сторону архитравами, которые сносны только для того, кто смотритъ на нихъ съ боку и издали! Могъ ли рецензентъ навѣисѣ шоблщичить не говорю уже незнаніе дѣла, но не-

VIII

способность быть даже читателем «Прошлевыя и Révue des deux Mondes?»

Архитектору все таки нельзя не поразоваться за свое искусство. Чтобы взяться построить что нибудь, надобно быть по крайней мѣрѣ простымъ плотникомъ или каменщикомъ. А въ литературѣ видно и карточный домикъ идетъ иногда за стросень, и, что еще обиднѣе, безъ шуму его даже не одунешь.

А. АВДАНЪ.